

Τῆς καλλίστης

ΠΡΕΚΡΑΣΝΕΪΣΗ
ΣΒΟΡΝΙΚ ΠΑΜΪΑΤΙ
ΕΛΕΝΥ ΔΟΥΣΕΧΚΙΝΟΥ

Τῆ καλλιόστῃ

ΠΡΕΚΡΑΣΗΕΙШΕИ

СБОРНИК ПАМЯТИ
ЕЛЕНУ ДУШЕЧКИНОИ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2022

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
П 71

Составители:

А.К. Байбури, Е.А. Белоусова, С.К. Кульюс, С.Г. Маслинская, Н.Г. Охотин, А.В. Пигин

Ответственный редактор

Е.А. Белоусова

Рецензенты:

А.А. Долинин, С.Ю. Неклюдов

Фотопортрет на фронтисписе:

М.С. Неклюдова

Дизайн обложки:

Людмила Милько, Александр Белоусов-младший

П71 **Прекраснейшей: сборник памяти Елены Душечкиной.** — СПб. : Нестор-История, 2022. — 808 с., ил.

ISBN 978-5-4469-2068-6

В сборник памяти доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Елены Владимировны Душечкиной (1941–2020) входят научные статьи и воспоминания филологов, историков, антропологов — ее коллег, друзей и учеников из разных стран мира. Темы статей, представленных в настоящем сборнике, отражают широкий круг проблем, затронутых Е. В. Душечкиной в ее собственных статьях и книгах — от поэтики и текстологии древнерусской литературы до современных календарных ритуалов. В мемуарном разделе собраны материалы о жизни и творчестве ученого. Книга представляет интерес для исследователей, преподавателей, студентов факультетов гуманитарных и социальных наук, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами русской культуры и словесности.

For the Fairest: A Collection in Memory of Elena Dushechkina. — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2022. — 808 p., ill.

DOI 10.31754/4469-2068-6

This collection in memory of the Professor of St. Petersburg University Elena Vladimirovna Dushechkina (1941–2020) contains scholarly articles and memoirs written by literary scholars, historians, anthropologists — her colleagues, friends and students from around the world. The topics of the articles presented in this collection reflect a wide range of issues raised by Professor Dushechkina in her own articles and books — from the poetics and textual criticism of Medieval Russian literature to modern calendar rituals. The memoir section contains materials about the life and work of the scholar. The book is of interest to researchers, university faculty, and students in the fields of humanities and social sciences, as well as to a wide range of readers interested in the problems of Russian literature and culture.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-4469-2068-6

9 785446 192068 6 >

© Коллектив авторов, 2022

© Издательство «Нестор-История», 2022

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В сборник памяти выдающегося специалиста по русской литературе и культуре, доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Елены Владимировны Душечкиной (1941–2020) входят научные статьи и воспоминания ее коллег, друзей и учеников — филологов, историков, антропологов из тринадцати стран мира (Австрия, Германия, Израиль, Канада, Китай, Латвия, Польша, Россия, США, Украина, Франция, Швеция, Эстония). Многие статьи, представленные в настоящем сборнике, отражают широкий круг тем, затронутых Е. В. Душечкиной в ее собственных статьях и книгах на протяжении пяти десятилетий ее обширной научной деятельности¹ — от поэтики и текстологии древнерусской литературы до семантики образов в советской литературе для детей, от комментариев к текстам Лескова и Салтыкова-Щедрина до анализа современных календарных ритуалов.

Статьи сборника сгруппированы в шесть научных разделов:

- Древнерусская литература (ред. А. В. Пигин)
- Из истории русской словесности XIX века (ред. Н. Г. Охотин)
- XX век: история, литература, кино (ред. С. К. Кульюс)
- Детская литература (ред. С. Г. Маслинская)
- Антропология, фольклористика, история повседневности (ред. А. К. Байбурин)
- Из семейной истории (ред. Е. А. Белоусова)

Последний, седьмой раздел сборника — «О Елене Душечкиной» (ред. Е. А. Белоусова) состоит из мемуарных и художественных текстов. В нем собраны материалы о жизни и творческом пути Е. В. Душечкиной — о ее школьных годах, об учебе в Тартуском университете, научном становлении под руководством Ю. М. Лотмана и Д. С. Лихачева, педагогической и научной деятельности в Таллинне² и Петербурге. Завершает раздел публикация домашних шуточных поэм, написанных

¹ Библиографию научных работ Е. В. Душечкиной см. в недавно вышедшей книге: *Душечкина Е. В.* «Строгая утеха созерцанья...». Статьи о русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 788–806.

² В настоящем издании слова «Таллинн» и «таллиннский» по умолчанию пишутся с двумя «н», за исключением тех случаев, когда эти слова встречаются в цитатах или в выходных данных изданий, напечатанных до 1989 г. в соответствии с правилами орфографии, принятыми в то время на территории СССР.

Е. В. Душечкиной в начале 1990-х годов. Мы хотели вспомнить Е. В. Душечкину не только как серьезного ученого, но и как веселого, остроумного и обаятельного человека, обладавшего множеством талантов, прекрасным чувством юмора и самоиронии.

Пользуемся случаем выразить признательность всем тем, кто прислал свои тексты для опубликования в сборнике, а также тем, кто помогал нам в его подготовке. Мы благодарны Александру Белоусову, Татьяне Велицкой, Ирине Рейфман, Габриэлю Суперфину, Георгию Левинтону, Сергею Неклюдову, Хенрику Барану за всестороннюю помощь и ценные замечания; Сергею Белоусову и Александру Белоусову-младшему, Ольге Титовой, Элеоноре Фридман, Анн Мальц, Александру Кокееву, Ладе Комаровской, Елене Корочкиной, Коэле Малкиной, Виктору Гофайзену, Вадиму Лурье и Дарье Захаровой за помощь в работе с текстами и фотографиями. Благодарим Присциллу Хант и Льва Лиона за помощь с переводом аннотаций на английский язык. Мы также благодарны Светлане Кульюс, Юрию Сидякову, Вадиму Лурье и Игорю Сухих за фотографии, предоставленные для публикации, Марии Неклюдовой за фотопортрет на фронтисписе, Людмиле Милько, Александру Белоусову-младшему, Вадиму Лурье, Дану Миккину за помощь с дизайном обложки.

Мы чрезвычайно благодарны всем, кто финансово поддержал издание этого сборника: нашим авторам, которые смогли принять участие в его финансировании, а также Алексею Бахтину, Александру Долинину, Дэвиду Бетеа, Лазарю Флейшману, Юлии Трубихиной, Сету Грэму, Ларисе Фиалковой, Наталье Веселовой, Любове Гринштейн, Евгении Штейнгольд, Ольге Язловицкой, Григорию Утгофу, Екатерине и Борису Пителям, Рику Тойвола, Ольге Бухиной, Евгению Малкину, Татьяне Сигаловой, Олегу Лекманову, Сергею Зенкину, Ольге Христофоровой, Лилии Хафизовой, Юлии Фридман, Сергею Королеву, Ирине Днепровой, Мае Халтуриной, Марии и Сергею Неклюдовым, Наталье Мовниной, Александру Кокееву, Татьяне Цивьян, Михаилу Дымарскому, Дарье А., Юрию Е., Наталье С.

Без деятельного участия всего нашего интеллектуального сообщества эта книга не могла бы состояться.

Раздел 1
ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Милена Рождественская

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК «БЕСЕДЫ ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ» ИЗ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В 2007 году в ходе археографической экспедиции сотрудников ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН в Архангельскую область на Зимний берег Белого моря в крестьянском доме семьи сказителей Крюковых была найдена рукопись, которую владельцы разрешили скопировать¹. По словам участников экспедиции, в настоящее время рукопись находится в частном владении в Архангельске. Как установили члены экспедиции, рукопись представляет собой сборник в 4-ку, написанный полууставом и скорописью на 179 листах и созданный, скорее всего, в начале XVIII в. Сборник содержит фрагменты из Катехизиса, Требника, Кормчей, тексты о крещении, разного рода нравоучительные сочинения, в частности «Слово о различных добродѣтелях д(у)шеполѣзно» (нач.: «О ч(еловѣ)че убогии, почто себѣ не внимаеши по печения о своем сп(а)сени помысли возлюбленнѣ»)².

Сотрудницы ИРЛИ РАН А. И. Васкул, Н. Г. Комелина и А. Б. Бильдюг обратили мое внимание на содержащийся в сборнике текст хорошо известной в древнерусской книжности переводной апокрифической «Беседы трех святителей» — весьма распространенного в древнерусских рукописях вопросо-ответного эротапокритического сочинения, сохранившегося, кроме славянской, в греческой, латинской, армянской, грузинской версиях³.

¹ В экспедиции 2007 г. принимали участие сотрудники ИРЛИ РАН А. Балакин, А. Васкул, Н. Комелина, Е. Селезнева. Благодарю А. И. Васкул и Н. Г. Комелину за сведения об этой находке.

² Полное постатейное описание рукописи см. в: *Бильдюг А. Б., Ефимова Н. А.* Круг чтения зимнезолотических поморов. Каталог рукописей из собраний Библиотеки академии наук, Пушкинского Дома и частной коллекции // *Фольклор Белого моря в современных записях: Исследования и тексты* (в печати). Сердечно благодарю А. Б. Бильдюг за возможность познакомиться с черновым вариантом описания рукописи до публикации указанной статьи, а также за фотокопию списка «Беседы трех святителей».

³ Научная литература, посвященная славянской рукописной традиции «Беседы», весьма велика. Из основных работ последних лет назовем труды болгарской исследовательницы Анисавы Милтеновой: *Милтенова А.* 1) «Беседа на тримата светители» в южнославянската ръкописна традиция. Бележки върху класификацията на преписите // *Възрожденският текст. Прочити на литературата и културата на Българското възраждане*. В чест на 70-годишнината на проф. Дочо Леков. София, 1998. С. 336–344; 2) Библейският текст и въпросо-ответните текстове от катехитичен тип (върху материал от така наречената «Беседа на тримата светители») // *В памет на Петър Динеков. Традиция. Приемственост. Новаторство*. София, 2001. С. 74–86. И фундаментальное исследование того же автора: *Милтенова А.* *Egotarokriseis*. Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София: Дамян Яков, 2004. Из российских исследований следует назвать кандидатскую диссертацию М. Г. Бабалык (*Бабалык М. Г.* Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности

О новонайденном в Архангельской области списке «Беседы трех святителей» и пойдет далее речь.

Болгарская исследовательница Анисава Милтенова писала о 9 южнославянских и древнеславянских редакциях «Беседы». Исследовавшая древнерусскую рукописную традицию «Беседы» М. Г. Бабалык выделила 10 ее отдельных редакций и их вариантов⁴. По ее мнению, «на раннем этапе эволюции текста “Беседы” на Руси первостепенная роль в распространении ее списков принадлежала Троице-Сергиеву монастырю»⁵. В поздних списках «Беседы», состоящей из вопросов и ответов катехизисного характера и из загадок-разгадок фольклорного типа, последние встречаются чаще, чем в списках более ранних. В этом отношении новонайденный археографами Пушкинского Дома список не уникален. В некоторых случаях, как, например, в сборниках второй половины XV в. известного книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина, встречается не полный текст «Беседы трех святителей», а выписки из нее⁶.

В заглавии нашего списка первая буква написана киноварью: «**Б**есѣда т(р)ехъ с(вятите)лей Василия Великаго, Григория Б(о)гослова и Иоанна Златаустаго с толкованиемъ от Патерика Римскаго»⁷. Сам текст традиционно начинается с вопроса: «Григори рече: Кто первые Б(о)га нарече на земли? **В** рече: Сотона первыи аггель свержень с н(е)беси прежде здания Адамля».

Перед нами, скорее всего, вариант Троицкой редакции «со ссылкой на Римский Патерик» по классификации М. Г. Бабалык. Список занимает по пагинации сканированной копии лл. 1–10 об., причем текст на лл. 9 об. — 10 на фотографии размыт и практически не читается. Кроме того, л. 6 представляет собой отдельный вложенный лист из той же рукописи, написанный тем же почерком и содержащий фрагмент текста, как предположила составитель чернового описания А. Б. Бильдюг, из апокрифического «Откровения Мефодия Патарского»: «...Александръ нечистоту и(хъ) и почудися ядыху бо вся животная...».

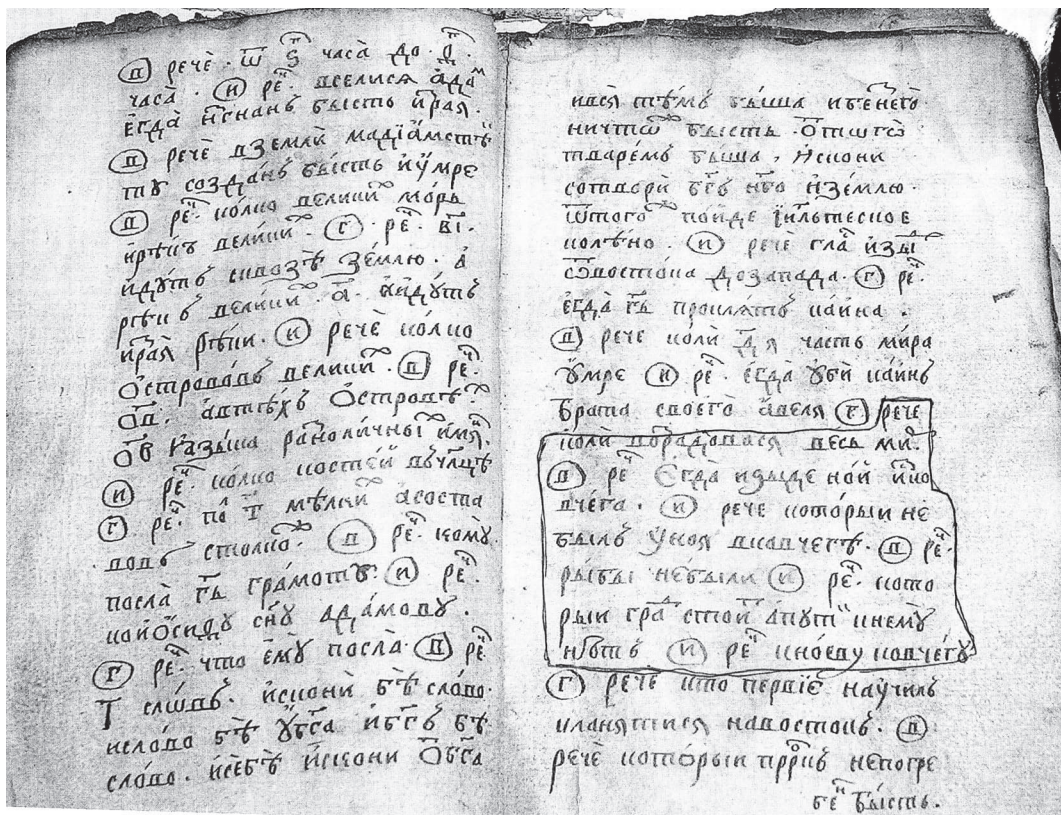
XV–XX веков. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2011) и ее же монографию, в которой дан подробный обзор исследований «Беседы» в отечественной науке (*Бабалык М. Г.* Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: исследование и тексты. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012), а также и ряд статей автора о «Бесед» в последнее двадцатилетие были осуществлены В. В. Мильковым и Л. Н. Смольниковой по спискам разных собраний из государственных хранилищ Москвы и Петербурга (см.: *Мильков В. В., Смольникова Л. Н.* Апокрифическая «Беседа трех святителей» в Древней Руси и ее идейно-мировоззренческое содержание // *Общественная мысль: исследования и публикации.* М., 1993. Вып. 3. С. 149–164), а также М. Г. Бабалык и М. В. Рождественской по разным спискам государственных рукописных собраний Москвы, Петербурга, Петрозаводска и других городов.

⁴ См. работы М. Г. Бабалык, указанные в примеч. 3.

⁵ *Бабалык М. Г.* Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности XV–XX веков. С. 5.

⁶ Из «Беседы трех святителей» // БЛДР. СПб., 2004. Т. 3: XI–XII века. С. 350–399 (Подг. текста, перевод и прим. М. В. Рождественской).

⁷ При цитировании текста «Беседы» из Архангельского сборника, как и в прилагаемой публикации, буквы, пропущенные в словах под титлами, заключены в круглые скобки, юс малый заменяется буквой «я», i — буквой «и», «омега» заменяется буквой «о», заглавные буквы имен Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, обведенные в рукописи кружком, выделяются жирным шрифтом. Буквенные обозначения чисел заменяются на арабские цифры.

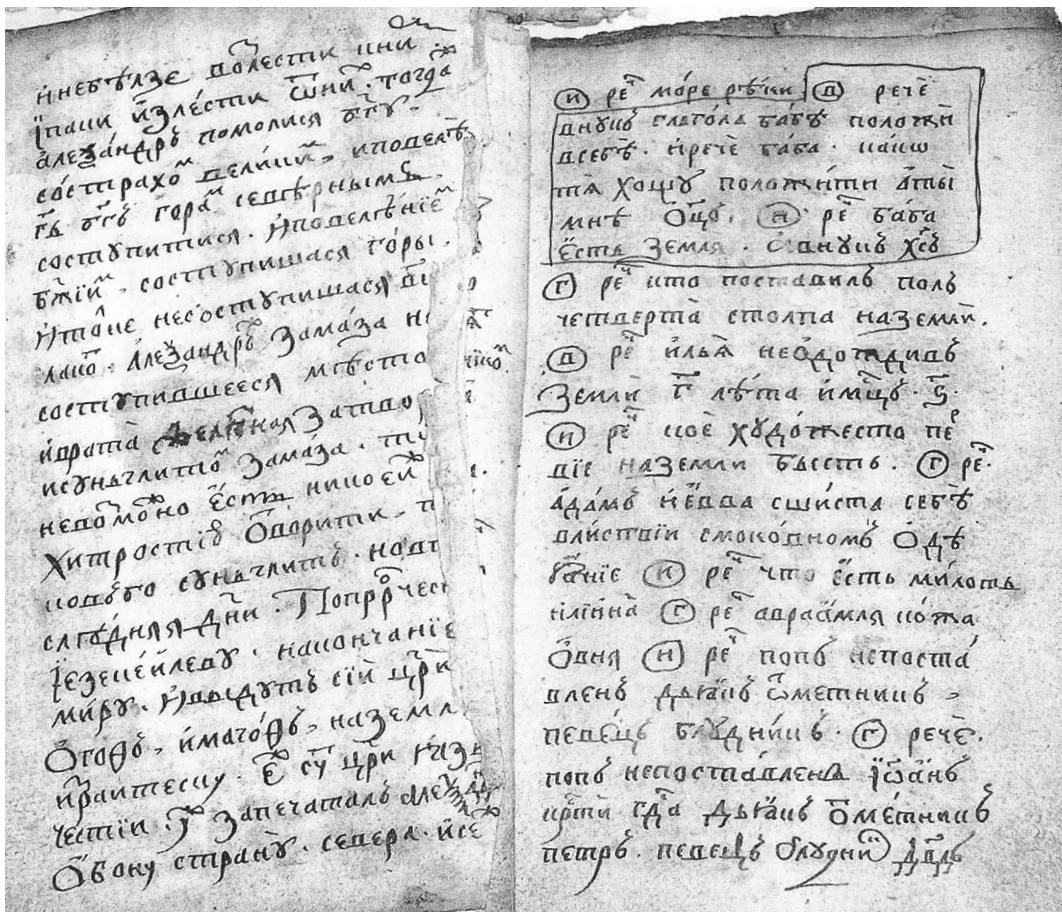
Лист 4. Загадки, связанные с темой Ноева ковчега

Несмотря на то, что содержание «Беседы трех святителей» в данном списке весьма традиционно, нас заинтересовали в нем две известные загадки-притчи — о Ноевом ковчеге⁸ и одна из так называемых «эротических» загадок о бабе и внуке⁹. Здесь они встречаются дважды в различных вариантах, а в одном случае помещены друг за другом. Так, на л. 4 читаем загадку о Ное и ковчеге: «Г рече: коли возрадовася весь мир? В рече: егда изыде Ной из ковчега. И рече: который не былъ у Ноя в ковчегѣ? В рече: рыбы не были. И рече: который градъ стоїт, а пути к нему нѣтъ? И рече: к Ноеву ковчегу».

В этом фрагменте объединены в единое целое две разные загадки с именем Ноя. Одна — о счастливом избавлении от Потопа и о радости всего мира, далее следует

⁸ Об этой загадке более подробно см. в нашей статье: *Рождественская М. В.* Новгородская грамота № 10 — апокрифическая загадка? // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 310–320. Здесь же приводятся примеры этой загадки по другим спискам из разных рукописных собраний по изданиям И. Я. Порфирьева и А. Н. Пыпина. В сборниках Ефросина тема Ноя и ковчега, но без загадки о них, содержится только в рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099.

⁹ См.: *Пигин А. В., Бабалык М. Г.* «Эротические загадки» в «Беседе трех святителей» // Живая старина. 2009. № 2. С. 2–4.

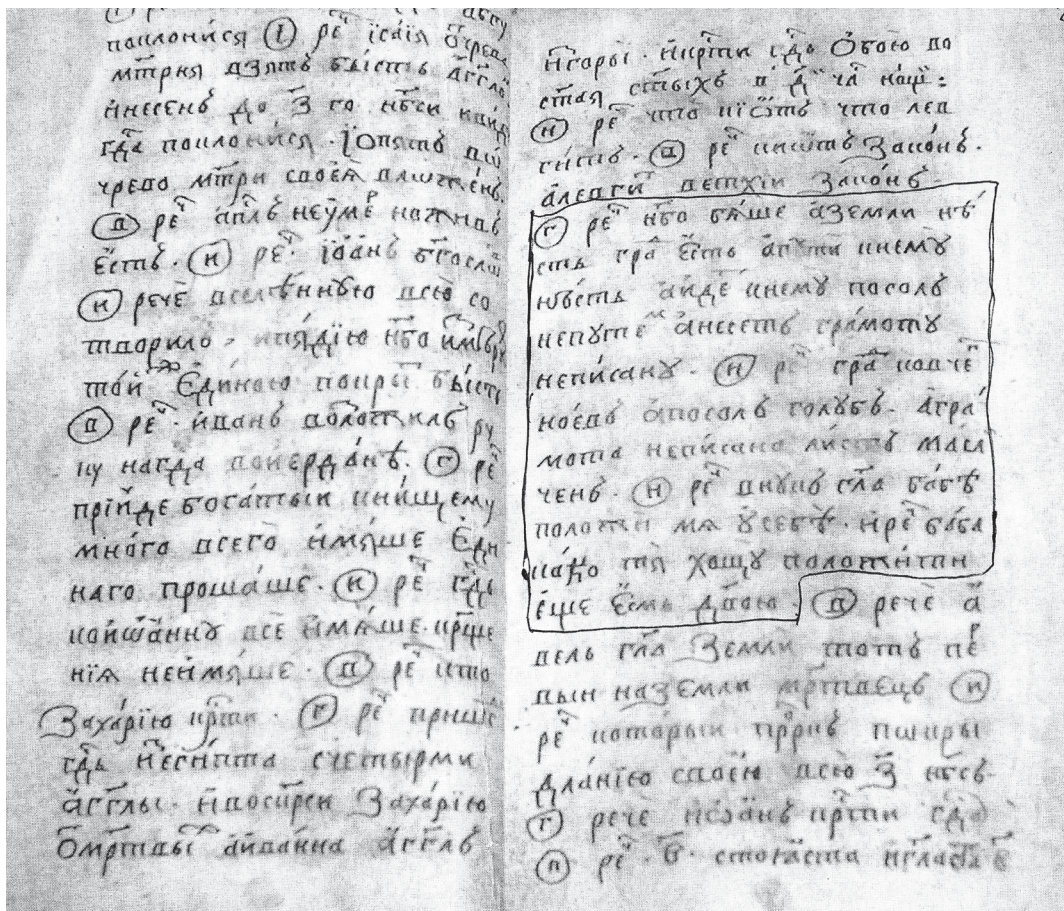

Лист 7. Загадка о внуке и бабе

вопрос о рыбах, не взятых Ноем в ковчег, и сюжетная загадка о граде, некоем после, который несет неписаную грамоту — масличную ветвь. Во многих других списках «Беседы» разного времени эти вопросы разнесены по разным местам и не связаны в единый блок. Кроме того, загадка о Ноевом ковчеге встречается в рукописях и отдельно от текста «Беседы трех святителей».

На л. 7 читаем еще одну, также известную по другим спискам загадку о внуке и бабе: «**В** рече: внукъ глагола бабѣ: положи в себѣ. **И** рече баба: како ты хочѣ положи, а ты мнѣ отецъ. **И** рече: баба естѣ земля, а внукъ Х(ристо)сь».

На л. 8 эти две вопросо-ответные загадки, как уже упоминалось, следуют одна за другой, причем первая дана в более развернутом виде и с более подробной отгадкой: «**Г** рече: н(е)бо бѣше, а земли нѣсть, градъ естѣ, а пути к нему нѣсть, а идет к нему посоль не путемъ, а несеть грамоту неписану. **И** рече: градъ — ковчег Ноевъ, а посоль — голубъ, а грамота неписана — листь масличень. **И** рече: внукъ гл(аго)ла бабѣ: положи мя у себѣ. **И** рече баба: како ты хочѣ положи, еще есмь д(ѣ)вою».

Лист 8. Загадка о Ноевом ковчеге, голубе, масличной ветви и Загадка о внуке и бабе

Трудно сказать, чем объясняется такое соседство двух разных загадок в нашем списке. Скорее всего, это воля переписчика, который воспользовался исходными списками с разной последовательностью вопросов и ответов и постарался включить их в свой текст. Об этом свидетельствуют повторы одних и тех же или тематически близких друг другу вопросов. Загадке о внуке и бабе на л. 7 предшествует ответ на вопрос о реках, заданный в конце л. 5 об., потому что вложенный между листами 5 и 7 лист 6, как было указано, представляет собой другое сочинение. Однако он не нарушает логики вопроса о реках на л. 5 об. и ответа на него на л. 7. После же загадки о внуке и бабе на л. 7 читаем вопрос: «Г рече: кто поставил польчетверта столпа на земли? В рече: Илья не одождивь земли 3 лѣта и месяц б». Загадка о Ноевом ковчеге и голубе на л. 4 никак не связана с загадкой о внуке и бабе, помещенной на л. 7, и повторяет многие варианты, сохранившиеся в других сборниках разного времени.

Древнейшая фиксация загадки о Ноевом ковчеге и голубе в рукописях была в свое время указана Я. С. Лурье в сборнике XV в. (РГБ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой

Лавры, №256)¹⁰. Однако находка в 1951 г. новгородской берестяной грамоты № 10 с текстом этой загадки в археологическом слое XIV в. позволила позднее П. Г. Гайдукову уточнить ее датировку первой четвертью XIV в.¹¹

Перед текстом загадки на л. 4 читаем вопрос Василия Великого о том, когда умерла четвертая часть мира. Отвечает Иоанн Златоуст: «егда уби Каинъ брата своего Авеля». После загадки о Ное следует вопрос Григория Богослова: «кто первые научил кланяться на востокъ? В рече: который пророкъ не погребен бысть? // (л. 4 об.). И рече: Моисеи на горѣ Синаистѣи внесе его аггель в рай». Далее на л. 4 об. следует известная загадка о деревянном ключе и водяном замке. Что касается объединенных загадок-отгадок о Ноевом ковчеге и о бабе и внуке на л. 8, то им предшествует в сборнике загадка о киоте и левите, которая также часто встречается в тексте «Беседы», а следующий вопрос, задаваемый от имени Василия Великого, — вопрос об Авеле как о первом мертвце на земле.

То, что в списке данного сборника ряд вопросов и ответов повторяется несколько раз, неудивительно. Такое наблюдается и в других списках «Беседы трех святителей» разного времени.

Итак, новонайденный фольклорно-археографической экспедицией на Зимний берег Белого моря список «Беседы трех святителей», как можно судить по предварительному знакомству с ним, представляет собой, с одной стороны, традиционный набор вопросов-ответов и загадок-разгадок, а с другой — он насыщен их «фольклоризованными» вариантами и загадками-притчами на библейские темы, о которых писала М. Г. Бабалык при изучении рукописной традиции памятника.

Дальнейшие исследования этой традиции, сверка полного текста новонайденного списка «Беседы» с другими списками памятника позволят определить его место внутри читательского репертуара крестьян Русского Севера.

Ниже публикуем текст данного списка¹².

л.1. Бесѣда тр(е)х с(вятите)лей Василиа Великаго, Григория Б(ог)ослова и Иоанна Златаустаго с толкованиемъ от Патерика Римскаго.

Григори рече: Кто первые Б(о)га нарече на земли? В рече: Сотона первьи, аггель свержень с н(е)беси прежде здания Адамля, за гордость наречеса Сотона диаволь. В рече: Что есть высота н(е)б(е)сная и широта земная и глубина морская? И рече: Тро(и)ца, О(те)ць и С(ы)нъ и С(вя)тыи Д(у)хъ. Свѣтъ есть, другии свѣтъ огонь есть. И рече: Петръ приникъ и виде ризы едины лежаща // (л. 1 об.) и сударь, еж(е) бѣ не с ризами, но особъ свить на едином мѣсте. Г рече: сударь бѣ два плата сложены на блодѣ, а ризы его вер(х)нѣ н(е)бо в преисподнѣи безднѣ стоитъ яко риза стихарь 7 н(е)бесъ, а поясъ — желѣзное столпие около моря великаго, на немъж(е) земля плаваетъ. А патрахиль входъ исходъ, а под поясомъ земля, толстота ея яко от востока и до запада. Повелѣ Г(оспо)дѣ согнати

¹⁰ Лурье Я. С. Беседа трех святителей // СККДР. Л., 1988. Вып. 2 (2-я половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А–К. С. 89–93.

¹¹ Рождественская М. В. Новгородская грамота № 10 — апокрифическая загадка?

¹² Публикуется по сканированной копии на основе фотографий, предоставленных мне А. Б. Бильдюг. Пагинация списка моя (М. Р.).

пѣну морскую и сотворити землю на трех китѣхъ великихъ, и тридесять малыхъ китов залягутъ тридесять морскихъ оконечь, а д(у)ша в них 3-я часть райския воны. // (л. 2) Идутъ рыбы на ту воню, и тѣ рыбы в сѣти увязнуть. Глубина же того моря великаго с трою того толщина ту земля толста. Дно же подъ тѣмъ моремъ великимъ равно и желѣзному столпию. Того же моря дно стоит на 7 столпѣхъ, ту же есть адово жилище. Ту же и Антихристъ связанъ. Уамить аггелъ утверждаетъ его, то же столпие стоит возвышено яко то море. Столпие стоит на огнѣ неугасимомъ. Под тѣмъ же огнемъ есть денница, иже преже с(о)лнца сотворена, и ту есть люди крилатии, яко паучина мыслию. А смерти имъ нѣсть, таже иного ничего, но все тои воздухъ Б(о)жии держит, // (л. 2 об.) то ти есть бездна яко риза. **И** рече: гдѣ первие Б(о)гъ был, еже не бѣ свѣта? **В** рече: суть комари 3 на н(е)б(е)сѣхъ, в тѣхъ комарѣхъ агнецъ чемъ то есть сударь, а свѣту нѣсть конца. **Г** рече: протолкуи ми Тр(ои)цу. **И** рече: О(те)щъ и С(ы)нь и с(вя)тыи Д(у)хъ. **В** рече: от чего суть агг(е)ли сотворены? **Г** рече: от Д(у)ха Г(оспод)ня и от свѣта Г(оспод)ня. **И** рече: от чего с(о)лнце сотворено бысть? **В** рече: от рясны ризы Г(о)с(по)дня. **Г** рече: от чего луна сотворена? **И** рече: от аера и воздуха и от престола Г(о)с(по)дня. **В** рече: колко вѣтров? **И** рече: 12. **Г** рече: что суть 4 рози на земли? **В** рече: востокъ, западъ, югъ, сѣвер. **Г** рече: протолкуй ми о свѣтѣ. // (л. 3). **В** рече: на востоцѣ Лука¹³ ч(е)л(овѣ)ческимъ образомъ, на западѣ Маркъ лвовымъ образомъ, на севѣре Иванъ орлинымъ образомъ, а на юзе Матфѣи телчимъ образомъ, всѣ суть крилатии. **В** рече: от чего Адамъ созданъ? **И** рече: посла Б(о)гъ агг(е)ла, и взя А-я на востоцѣ, а Д-я на западѣ, а М на юзѣ, а Ъ¹⁴ на севѣре — тои есть Адамъ. **Г** рече: от коликихъ частей? **В** рече: от 8 частей: 1-е — от земля тѣло, 2 — от моря кровь, 3 — от с(о)лнца очи, 4 — от камени кости, 5 — от облака мысли, 6 — от огня тѣплота, 7 — от вѣтра дыхание, <8>¹⁵ — от свѣта свѣтъ. Д(у)хъ бо сам Г(оспод)ь вдохну в него. **И** рече: колко Адамъ пребысть в раю? // (л. 3 об.) **В** рече: от 6-го часа до 9-го часа. **И** рече: вселися Адамъ, егда изгнанъ бысть из рая? **В** рече: в земли Мадиамстѣ, ту созданъ бысть и умре. **В** рече: колко великихъ морь и рѣкъ великихъ? **Г** рече: 12 идутъ сквозѣ землю, а рѣкъ великихъ 1000, а идутъ из рая рѣки. **И** рече: колко острововъ великихъ? **В** рече: 72, а в тѣхъ островѣхъ 72 языка разноличныхъ имян. **И** рече: колко костей въ ч(еловѣ)цѣ? **Г** рече: пол 300 мѣлкихъ, а составовъ столко же. **В** рече: кому посла Г(оспод)ь грамоту? **И** рече: ко Иосифу, сыну Адамову. **Г** рече: что ему посла? **В** рече: 300 словъ, искони бѣ слово, и слово бѣ у Б(о)га, и Б(о)гъ бѣ слово, и се бѣ искони от Б(о)га, // (л. 4) и вся тѣмъ быша, и без него ничтоже бысть, от того тваремъ быша. Искони сотвори Б(о)гъ н(е)бо и землю, от того же поиде И(зра)ильтеское колѣно. **И** рече: глас изыде от востока до запада? **Г** рече: егда Г(оспод)ь проклятъ Каина. **В** рече: коли 4-я часть мира умре? **И** рече: егда уби Каинъ брата своего Авеля. **Г** рече: коли возрадовася весь мир? **В** рече: Егда изыде Нои ис ковчега. **И** рече: которыи не быль у Ноя в ковчегѣ? **В** рече: рыбы не были. **И** рече: которыи град стоит, а пути к нему нѣтъ? **И** (sic!) рече: к Ноеву ковчегу. **Г** рече: кто первие научиль кланятися на востокъ?¹⁶ **В** рече: которыи прор(о)къ не погребенъ бысть? // (л. 4 об.) **И** рече: Моисеи на горѣ Синаистѣи, внесе его агг(е)лъ в рай. **В** рече: древянь ключъ, а водянь замокъ, заѣць убѣгъ, а ловецъ утопе. **Г** рече: Мо(и)сеи удари жезломъ в море и проиде, а фараонъ утопе. **И** рече: от чего просвира и гуменцо сотворено есть? **В** рече: егда Моисеи провѣде люди своя сквозѣ Чермное море и тогда почаша опресноки петчи от с(о)лнца на главѣ Г(о)с(по)д(е)

¹³ Исправлено, в рукописи — «луна».

¹⁴ Исправлено по другим спискам «Беседы», в публикуемом списке — «О» под титлом. Писец явно не понял смысл этой отгадки (ангел принес от разных частей света буквы, из которых составлено имя Адама). Буквы «А», «Д», «М», «О» написаны в рукописи под титлом, т. е. писец воспринял их как числа. Букву «Ъ» в протографе он ошибочно прочитал как «О» под титлом.

¹⁵ Восстановлено по смыслу, в рукописи пропущено.

¹⁶ В рукописи ответ пропущен. В других списках памятника дается ответ — «Моисей».

ви на службу. **И** рече: кая 2 супостата борются? **Г** рече: см(е)рть и живот. **В** рече: д(е)нь и ночь. **Г** рече: кто солгавъ сп(а)сеся, а кто истину рекъ, погибе? **И** рече: Петръ солгавъ сп(а)сеся, а Июда истинну рекъ, погибе. // (л. 5) **В** рече: кто дважды см(е)рти вкуси? **Г** рече: Лазарь. **И** рече: кто 3-жды см(е)рти днемъ вкуси? **В** рече: емуже повелѣ Г(оспод)ь одръ взяти, тои зауши Г(оспо)да на на (sic!) предании, повелѣ Г(оспод)ь снѣдати лютому звѣрю 3-жды дьнемъ. **Г** рече: кто обличи Петра? **В** рече: калаи (?) просящия у вратъ и рече: ты еси уч(е)н(и)къ его. **В** рече: кто отвали камень от двери гробу? **Г** рече: 2 агг(е)ла, единому имя Калуиль, а другому имя Азаиль. **И** рече: от чего сотворено миро? **В** рече: егда искупа Саломея Г(оспод)а, тогда купелию тою помаза брата своего Симона, // (л. 5 об.) лежащаго в недузѣ 9 лѣт. **Г** рече: гдѣ видѣ Саломея купѣль Г(о)с(по)дно? **И** рече: в горѣ заступися камень и опять ступися, и до н(ы)нѣшняго д(ь)ни поет агг(е)ль, сходя с н(е)б(е)сь, и свѣща ту горить, и християне ею вѣдят. **В** рече: како имена разбоиникомъ? **И** рече: правому имя (sic!), а шуюму имя Гевста, а другои иже сказуется сила. Гевста сказуется изгнание. **Г** рече: кто не рожен, кто не умер? **И** рече: Адамъ не роженъ, Илья не умеръ. **В** рече: кто состарѣвся опять во чрево м(а)т(е)ри своея? **И** рече: Адамъ в землю поиде, от земля созданъ бысть. **Г** рече: кая м(а)ти дѣти своя с(о)сет? ¹⁷ // (л. 7) **И** рече: море рѣки. **В** рече: внукъ глагола бабѣ: положи в себѣ. **И** рече баба: како тя хошу положити, а ты мнѣ о(те)ць? **И** рече: баба есть земля, а внукъ Х(ристо)сь. **Г** рече: кто поставилъ польчетверта столпа на земли? **В** рече: Илья не одождивъ земли 3 лѣта и месяцъ 6. **И** рече: кое художество первие на земли бысть? **Г** рече: Адамъ и Евва сшиста себѣ в листовии смоковномъ одѣяние. **И** рече: что есть милоть Илиина? **Г** рече: Авраамля кожа овня. **И** рече: попь не поставленъ, дьякъ отметникъ, певецъ блудникъ? **Г** рече: попь не поставленъ — Иоанъ кр(ес)ти Г(оспо)да, дьякъ отметникъ — Петръ, певецъ блудникъ — Д(а)в(и)дъ // (л. 7 об.) **Г** рече: кто Б(о)га не видѣ, а Б(о)гу поклонися? **И** рече: Исаия от чрева м(а)т(е)рня взятъ бысть агг(е)лом и несенъ до 7-го н(е)беси и видѣ Г(о)с(по)да, поклонися и опять во чрево м(а)т(е)ри своея вложенъ. **В** рече: ап(о)с(то)ль не умер, но живъ есть? **И** рече: Иоанъ Б(о)гослов. **И** рече: вселѣнную всю сотворилъ и пядию н(е)бо измѣрилъ, тои же единою покрытъ бысть. **В** рече: Иванъ возложилъ руку на Г(о)с(по)да во Иерданѣ. **Г** рече: прииде богатый к нищему, много всего имяше, одинаго прошаше? **И** рече: Г(о)с(по)дь ко Иоанну — все имяше, кр(ѣ)щения не имяше. **В** рече: кто Захарию кр(ѣ)сти? **Г** рече: пришедъ Г(о)с(по)дь из Египта с четырьми агг(е)лы и воскр(ѣ)си Захарию от м(е)ртвых, а Иванны агг(е)ль // (л. 8) из горы, и кр(ѣ)сти Г(о)с(по)дь обою во С(вя)тая С(вя)тыхъ в 4 час ночи. **И** рече: что киоть, что левгитъ? **В** рече: киоть — законъ, а левгитъ — ветхий законъ. **Г** рече: н(е)бо баше, а земли нѣсть, градъ есть, а пути к нему нѣсть, а идет к нему посоль не путем, а несеть грамоту написану. **И** рече: градъ — ковчег Ноевъ, а посоль — голубъ, а грамота написана — листь масличень. **И** рече: внукъ гла(гола) бабѣ: положи мя у себѣ. **И** рече баба: како тя хошу положити, еще есмь д(ѣ)вою. **В** рече: Авель гла(гола) земли, тотъ первый на земли м(е)ртвецъ. **И** рече: который пророкъ покры дланию своею всю 7 н(е)б(е)сь? **Г** рече: Иоанъ кр(ѣ)сти Г(оспо)да. **В** рече: 2 стояста и гла(го)ласта 2, // (л. 8 об.), а 5 обличаше, а 12 дивляхуся. **В** рече: <.....>¹⁸ Х(ристо)с бесѣдуетъ со женою самарянынею. 2 стояста: стоит н(е)бо и земля. А 2 гла(гол)аста: Х(ристо)с со женою бесѣдуетъ. А 5 обличаше: пять бо мужии имѣла еси, н(ы)нѣ нѣсть ни единъ. А 12 дивляхуся: 12 гла(гол)аста ап(о)с(то)ли. Х(ристо)с со женою бесѣдуетъ. **И** рече: рабъ попищить,

¹⁷ Далее в рукописи следует лист 6, который вложен в текст «Беседы» из другой части сборника и содержит фрагмент из апокрифического «Откровения Мефодия Патарского»; текст на л. 6 написан тем же почерком, что и «Беседа».

¹⁸ В рукописи до конца строки стоит ряд точек. Возможно, писец отметил таким образом текст, который не смог прочитать в копируемом списке.

зоветь ихъже и народиль. **Г** рече: воста, трубит агт(е)ль, и востанут м(е)ртвии. **В** рече: с(ы)ну, пии от своихъ студенецъ и источникъ. **И** рече: не сотвори блуда с чюжею женою, да твоя со иным не сотворит. **В** рече: гробъ хождаше, а в немъ м(е)ртвецъ пояше. **Г** рече: // (л. 9) Иона во чревѣ китовѣ. **В** рече: видѣхъ змя летяща при пути, и угрызе коня за пятау, и сяде конь на заднюю ногу, жди си от Б(ог)а избавления. **И** рече: конь — правая вѣра хр(и)стианская, а путь — мир, а змя — антихристь, а пята — послѣдняя д(ь)ни вѣка сего, в няже приидет антихристь ц(а)рствовать и разорить вѣру Хр(и)стову, дондеже приидеть Г(оспод)ь избавити люди своя. **В** рече: видѣхъ жену сѣдѣшу при мори, змя летяща при пути. Егда хотяще жена та ражати отроча, змя пожираше. **И** рече: жену мнить // (л. 9 об.) церковь, а змя дияволь <...> // (л. 10) <...>¹⁹ // (л. 10 об.) **В** рече: пьяного ч(е)л(овѣ)ка Г(оспо)дь бежитъ, а хмелного ждет Д(у)хъ С(вя)тыи. Упияися речет, пьяному не видѣти свѣта сего, а сребролюбцу оного.

¹⁹ К сожалению, фотография этого разворота (л. 9 об. — 10) сделана очень некачественно. За исключением первых слов на л. 9 об., текст прочитать невозможно.

Лидия Соколова

ПРОЗАИЧЕСКОЕ «СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОЙЩЕ»
И ПОЭТИЧЕСКАЯ «ЗАДОНЩИНА»:
ИСТОРИЯ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Взаимоотношения памятников Куликовского цикла — сложная и до сих пор не решенная проблема. Особенно трудная задача — выяснить взаимоотношение «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины». Проблема усугубляется тем, что известные нам тексты не являются авторскими, а представляют собой позднейшие редакции. В «Сказании» и «Задонщине» отдельные фрагменты текстуально близки друг другу, и в некоторых случаях неясно, в каком из произведений общий фрагмент первичен.

Специальные текстологические работы этому вопросу посвятили Л. А. Дмитриев, проанализировавший вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» по всем редакциям и вариантам памятника¹, и Н. С. Демкова, исследовавшая вставки из «Задонщины» в Распространенной редакции «Сказания»². Оба исследователя считали «Задонщину» одним из источников «Сказания». По их мнению, к «Задонщине» обращались как автор «Сказания», так и последующие редакторы этого произведения. Мнения о первичности «Задонщины» по отношению к «Сказанию» до сих пор придерживаются по традиции все исследователи Куликовского цикла³. По всей вероятности, эта точка зрения сложилась и надолго стала непререкаемой, во-первых, из-за представления о том, что эмоциональность «Задонщины» свидетельствует о ее создании вскоре после Куликовской битвы, еще в XIV в., а во-вторых, из-за наличия в «Сказании» вставок из «Задонщины».

Однако сопоставительный анализ «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» привел меня к противоположному выводу относительно взаимоотношения этих произведений, а именно: «Сказание» создано ранее «Задонщины».

Прежде всего, рассмотрев вслед за Л. А. Дмитриевым 11 вставок из «Задонщины», которые он возводит к авторскому тексту «Сказания», я пришла к выводу, что

¹ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 385–439.

² Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 440–476.

³ Так, С. Н. Травников и Л. А. Ольшевская пишут: «Среди источников “Сказания” находится и “Задонщина”» (Травников С. Н., Ольшевская Л. А. История древнерусской литературы: Учебник для академического бакалавриата. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Юрайт, 2016. С. 167–169).

они внесены не автором, а последующим редактором⁴. Позднейшие вставки в авторский текст «Сказания» выдают себя тем, что, вклиниваясь в авторский текст, лишают его последовательности и логичности. Следовательно, вставки из «Задонщины» в «Сказание» не могут служить доказательством более раннего возникновения «Задонщины», а значит, нужно заново рассматривать вопрос о взаимоотношении памятников.

К выводу о том, что «Сказание» создано ранее «Задонщины», приводят прежде всего наблюдения над общими сюжетными эпизодами двух памятников⁵.

I. Автор *поэтического* произведения — «Задонщины» — лишь намекает на факты, хорошо известные читателям по подробному изложению их в *повествовательном* произведении — «Сказании о Мамаевом побоище». Так, в «Сказании» подробно описывается история засадного полка, решившего исход сражения. В Пространной редакции «Задонщины» этот эпизод открывает вторую, «победную» часть произведения. Он начинается фразой: «Того день святая Богородица исѣкоша христьяне поганьи полкы на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ». А далее следует фраза, которая должна *напомнить* читателю о появлении засадного полка: «И нукнув князь Владимирь, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше. Гремят мечи булатныя о шеломы хыновские»⁶. Без текста «Сказания» невозможно понять, что речь здесь идет о выезде на поле боя засадного полка в решающий момент сражения. Трудно согласиться с противоположным мнением, будто «этот довольно расплывчатый намек древнего рассказа о Куликовской битве (т. е. «Задонщины». — Л. С.) расшифровывается благодаря источнику более позднему — “Сказанию о Мамаевом побоище”»⁷. Вывод о первичности текста «Сказания» будет в данном случае еще более убедительным, если учесть, что эпизод с засадным полком, отсутствующий в летописных произведениях Куликовского цикла, был навеян автору «Сказания» «Сербской Александрией». То, что автор «Сказания» использовал текст «Сербской Александрии», убедительно показал А. Е. Петров⁸.

II. Второй аргумент в пользу первичности «Сказания» по отношению к «Задонщине» связан с сюжетным эпизодом, повествующим о прибытии к Дмитрию Ивановичу Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. В «Задонщине» автор воздаст должное братьям фразой: «Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полковидцы, под трубами и под шеломы возлелияны в Литовьской земли»⁹. А далее

⁴ Соколова Л. В. Содержал ли авторский текст «Сказания о Мамаевом побоище» вставки из «Задонщины»? (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 101–121.

⁵ Подробнее см. об этом: Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 663–668.

⁶ Цит. по списку ГИМ, собр. Музейское, № 2060 (далее — И-1). См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л.: Наука, 1966. С. 544.

⁷ Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 19. Это же мнение высказал другой исследователь, см.: Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 67.

⁸ Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54–64.

⁹ Цит. по списку И-1. См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 542.

приводит диалог Ольгердовичей, решающих выступить «за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича».

В «Сказании» этот эпизод изложен гораздо подробнее и с известным знанием обстановки, окружавшей Ольгердовичей в Литве. Более того, эпизод присоединения Ольгердовичей к войску Дмитрия Ивановича тесно связан в «Сказании» с другими эпизодами, где они появляются, выстроена посвященная им сюжетная линия. Здесь наблюдается тенденция к особому прославлению Ольгердовичей: их присоединению к войску Дмитрия Ивановича придается невероятно большое значение, именно они советуют великому князю переправиться через Дон, после битвы Дмитрий Иванович провожает их восвояси. Это повышенное внимание к Ольгердовичам находит объяснение в особой трактовке событий автором «Сказания», в возвеличении роли Владимира Андреевича, шуринами которого были Ольгердовичи. Автор же поэтической «Задонщины», основываясь на тексте «Сказания» и предполагая знакомство с ним читателей, лишь упомянул об участии Ольгердовичей в походе Дмитрия Ивановича на Мамаю. Безусловный приоритет «Сказания» в данном эпизоде был очевиден А. А. Шахматову¹⁰, но он при этом возводил оба памятника к предполагаемому им «Слову о Мамаевом побоище».

III. Третий аргумент в пользу первичности «Сказания» по отношению к «Задонщине» связан с эпизодом, посвященным Пересвету и Ослябе, где упоминается также имя Иакова. В «Сказании о Мамаевом побоище» Пересвет, предчувствуя перед поединком свою гибель, произносит слова прощания: «Отци и братиа, простите мя грешнаго! Брате Андрей Ослябя, моли Бога за мя. Чаду моему Иакову мир и благословение». Как видим, Пересвет через Ослябю посылает благословение своему сыну Иакову, по всей вероятности, не участвовавшему в битве (упоминание его имени как участника «сторожи», посылаемой в поле для разведки, — явно позднейшая вставка в первоначальный текст). В «Задонщине», напротив, Ослябя обращается к Пересвету, и речь его гораздо менее обусловлена ситуацией. Смысл ее заключается в том, что Ослябя предсказывает гибель скачущему по полю (!) Пересвету: «Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоем раны великия, уже, брате, лѣтѣти главе твоеи на траву ковыль а (в значении соединительного союза «и»). — Л. С.) чаду твоему Иакову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове, на речке Напряде...»¹¹. Переписчики «Задонщины» путались в родственной связи Иакова: в одном списке он назван сыном Пересвета, в другом — Осляби; не ясна из «Задонщины» и его судьба («лежати» — или «не лежати» ему убитым на поле Куликове). Автор «Задонщины» заимствовал из «Сказания» имена Пересвета и Осляби, но не упомянул как явный анахронизм эпизод поединка Пересвета с татарским богатырем, а также о связи Пересвета и Осляби с Троицким монастырем и Сергием Радонежским. Следы того, что имена их заимствованы из «Сказания», в «Задонщине»

¹⁰ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 // Отчет о двенадцатом присуждении Императорской Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 178–179.

¹¹ Цит. по списку РГБ, собр. Ундольского, № 632. См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 538.

остались: Пересвет и Ослябя названы чернецами, как в «Сказании», но при этом на Пересвете «злаченный доспех», а не схи́ма, врученная Сергием Радонежским, что, видимо, тоже показалось автору «Задонщины» странным. Нетрудно заметить, что из всей сюжетной линии, связанной в «Сказании» с Пересветом и Ослябей, автор «Задонщины» лишь упомянул об их участии в битве.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что «Сказание» было создано до «Задонщины». В таком случае текстуально близкие чтения двух памятников нельзя объяснить заимствованием из «Задонщины» уже в авторский текст «Сказания», как полагали исследователи.

Какова же была конкретная картина взаимовлияния «Сказания» и «Задонщины»? Рассмотрим это на примере текстуально близких фрагментов повествования.

1. Сообщение о пире у Микулы Васильевича.

Фраза о пире у Микулы Васильевича читается только в Пространной редакции «Задонщины» (в Краткой ее нет). Упоминание о пире присутствует также в «Сказании»: в двух вариантах Основной редакции (Ундольского и Забелинском), в Распространенной и в Киприановской редакциях.

В «Задонщине» с фразы о пире текст начинается: «Князь великий Дмитрией Ивановичь с своим братом с княземъ Владимиром Андрѣвичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. “Вѣдомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю”»¹².

В «Сказании» фраза о пире читается в середине текста, после получения великим князем известий о приходе Мамаи и о намерении присоединиться к нему Ольгерда Литовского и Олега Рязанского: «Князь же великий Дмитрией Ивановичь говорит у Микулы у Васильевича на пиру з братом с своим, съ княземъ Володимиром Андрѣвичемъ, со всеми рускими князми и воеводами, здумаша, яко и сторожу уготовати тверду в поли».

О. В. Творогов отмечал вторичность фразы о пире в «Задонщине»¹³, а Н. С. Демкова указывала на признаки ее вторичности в «Сказании»¹⁴. Действительно, фраза о пире выглядит неорганично и в том, и в другом памятнике. В каком же из произведений она появилась впервые?

Исходя из представления о первичности «Задонщины», предполагались следующие варианты заимствования: из «Задонщины» — в авторский текст «Сказания» или в одну из последующих редакций «Сказания», либо: из «Сказания» (авторского текста или последующей редакции) — в «Задонщину» поздней редакции.

¹² Цит. по списку РГБ, собр. Ундольского, №632. См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 535.

¹³ Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 526–527.

¹⁴ См.: Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 455–457. Фраза о пире, по словам Н. С. Демковой, «ощущается как нечто чужеродное» в «Сказании»: «неясно, о чем “говорит” великий князь (имеющийся в “Задонщине” текст его речи здесь утерян), фраза отрывочна и содержит едва ли не единственное в “Сказании” употребление в повествовании глагола в настоящем времени» (Там же. С. 457).

По моему мнению, фраза о пире первоначально появилась в «Задонщине», но не в авторском тексте, — она внесена составителем Пространной редакции. Ему, видимо, было непонятно начало пролога в «Задонщине»: кто и к кому обращается со словами «Поидем, брате, в полунощную страну жребия Афетова...», и он решил пояснить это. По аналогии с былинным зачином, где действие нередко начинается на пиру у князя¹⁵, составитель Пространной редакции внес в начало «Задонщины» фразу о пире у Микулы Васильевича, во время которого не названный по имени персонаж (имеется в виду Дмитрий Иванович), обращаясь к брату, произносит: «Вѣдомо намъ, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Рускую землю...». Продолжением этой речи осмыслялась составителем Пространной редакции первая фраза пролога авторского текста, также содержащая обращение «брате»¹⁶: «Поидем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная...». Но в результате фраза о пире оказалась отделена от непосредственного рассказа о приходе на Русь Мамаи прологом, в котором автор «Задонщины», обращаясь к читателям («братиям»), объявляет цель своего произведения — противопоставить печальное прошлое Русской земли настоящему, в котором появился повод для радости и похвалы русским князьям и воинам.

Фраза о пире у Микулы Васильевича показалась интересной одному из редакторов «Сказания» — составителю протографа, общего для варианта Ундольского Основной редакции и Распространенной редакции. Она была внесена в протограф этих редакций близко к тексту «Задонщины» перед фразой о посылке «сторожи» в поле для разведки. По замыслу редактора, Дмитрий Иванович именно на пиру у Микулы Васильевича решает послать «сторожу» в поле.

Неуместность пира в сложившейся обстановке ощущали последующие редакторы «Сказания», поэтому эпизод редактировался и во II виде Распространенной редакции, и в Киприановской редакции, и в Забелинском варианте Основной редакции. В Забелинском варианте, например, рассказывается о прибытии к Дмитрию Ивановичу с тревожными известиями одного из стражей, посланных в поле на разведку, который начал свою речь на пиру такими укоряющими словами: «Ныне не подобает тебе, государю Руския земли, веселитесь и сладких медов испивати, но есть, княже, время всем молитися Богу и мыслити о всем, како снабдити земля Руская тихо и безмятежно. Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими...». При этом составитель Забелинского варианта счел нужным пояснить, что, устраивая пир, великий князь еще «не ведаше прихода царева на собя, ни совокупления Олга резанскаго и Олгерда литовскаго ко царю»¹⁷.

¹⁵ Завязка действия происходит на пиру не только в былинах; мотив пира распространен в литературе, но здесь не место углубляться в эту тему.

¹⁶ По мнению О. В. Творогова, написание «брате» вместо «братие» в прологе «Задонщины» неоправданно, поскольку это обращение к слушателям, к которым автор обратится и дальше: «Снидемся, братия и друзи». См.: Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине». С. 526.

¹⁷ Сказание о Мамаевом побоище по Забелинскому списку // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 169–170.

Итак, фраза о пире была вставлена в Пространную редакцию «Задонщины», а из нее заимствована во вторичную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище».

2. Еще одно текстуально близкое чтение «Сказания» и «Задонщины» — **воспоминание о битве на Калке и расчет лет от битвы на Калке до Мамаева побоища.**

В «Задонщине» воспоминание о битве на Калке читается в прологе и составляет неотъемлемую его часть. В «Сказании о Мамаевом побоище» воспоминание о битве на Калке читается в плаче великой княгини Евдокии. В. П. Адрианова-Перетц¹⁸ и Л. А. Дмитриев¹⁹ полагали, что вставка из «Задонщины» была внесена уже в авторский текст «Сказания». Однако можно заметить, что вставка разрывает первоначальный, авторский текст «Сказания». Приведу текст плача княгини, в котором второй абзац является, по моему мнению, позднейшей вставкой.

«Господи Боже мой, Вышний Творецъ, призри на мое смирение, сподоби мя, Господи, еще видѣти моего государя, славнаго въ человецѣх великого князя Дмитриа Ивановичя. Дай же ему, Господи, помощь от своеа крѣпкыя руки побѣдити противныа ему поганыа половци!

[И не сътвори, Господи, якоже преже сего за мало лѣтъ велика брань была русским князем на Калках с погаными половци съ агаряны. И нынѣ избави, Господи, от такиа бѣды и спаси ихъ и помилуй! Не дай же, Господи, погыннути оставшему христианству, да славится имя твое святое в Русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыа (в др. списке Калкинѣска. — Л. С.) бѣды и великого побоища татарскаго и нынѣ еще Русскаа земля уныла и не имать уже надежи ни на кого, токмо на тебя, всемилостиваго Бога, можеши бо живити и мертвити.]

Аз бо, грѣшная, имѣю нынѣ двѣ отрасли, еще млада суще, князя Василиа и князя Юриа: егда поразить ихъ ясное солнце съ юга или вѣтръ повѣеть противу запада, — обоего не могутъ еще трѣпѣти. Азь же тогда, грѣшнаа, что сътворю? Нѣ възврати имъ, Господи, отца ихъ, великого князя, поздорову, тѣ и земля ихъ спасется, а они въ вѣкы царствуютъ»²⁰.

В авторском тексте великая княгиня после просьбы к Богу помочь великому князю победить врагов, сохранить его живым (1-й абзац), далее поясняла свою просьбу: ведь она, грешная, имеет двух сыновей, они еще слишком малы и беззащитны, сама она не сможет им помочь; если же Господь исполнит ее просьбу, возвратит отца детям, то и земля их спасется, а они «въ вѣкы царствуютъ» (3-й абзац). В эту естественную в устах великой княгини просьбу позднейший редактор «Сказания» вставил текст, созданный им на основе пролога «Задонщины», где вспоминалась битва на Калке. В уста княгини он вложил просьбу к Господу помиловать Русскую землю, отвести беду, случившуюся на Калке, и не дать погибнуть «оставшемуся христианству».

В Печатном варианте Основной редакции, в Летописной и Распространенной редакциях «Сказания» во вставке о битве на Калке читается фраза с расчетом лет от битвы на Калке до Мамаева побоища. Она также заимствована из пролога

¹⁸ Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примечания // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 207–208.

¹⁹ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 401.

²⁰ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 33.

«Задонщины»²¹, где является позднейшей вставкой²². По всей вероятности, эта фраза была заимствована в «Сказание» одновременно с воспоминанием о битве на Калке. В вариантах «О» и Михайловского Основной редакции расчет лет от одной битвы до другой, странный в плаче княгини, был опущен, а в вариантах Ундольского и Забелинском Основной редакции заменен сообщением о количестве погибших в сражении на Калке.

3. Рассмотрим третий случай текстуально близких чтений в «Сказании» и «Задонщине» — **фрагмент «стояние на костях»**, рассказывающий о событиях, происходивших после завершения Куликовской битвы.

Эпизод «стояние на костях» состоит в «Задонщине» из описания поля боя после битвы, расчета убитых князей и воевод по княжествам и двух речей Дмитрия Ивановича, одна из которых обращена к погибшим воинам, а вторая — к князю Владимиру Андреевичу с призывом возвращаться в свою Залесскую землю.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь
съ своим братом с князем Владимиром Андрѣевичем
и с своими²³ воеводами на костѣхъ
на полѣ Куликовѣ на речке Напрядѣ.
Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети²⁴:
лѣжат трупи крестьяньские, [акы сѣнныи стоги²⁵,]
а Дон река три дни кровию текла.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Считаетеся, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людей нет». Тогда говорит стоя Михаилу Александровичь московский боярин князю Дмитрѣю Ивановичю: «Государь князь великий Дмитрѣи Ивановичь, нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князеи бѣлозѣрских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховскихъ, 30 панов литовскихъ,

²¹ В конце пролога «Задонщины» читается фраза с расчетом лет от битвы на Калке до Мамаева побоища: «А от Калатьские рати до Мамаева побоища 170 лѣт» (список Ундольского, л. 172 об.). В списках Историческом-1 и Синодальном число лет иное — 160.

²² Внесенная фраза разрывает связное повествование о Дмитрии Ивановиче и Владимире Андреевиче, вторая часть которого поясняет первую и присоединяется к ней союзом «ибо» («Се бо...»). Приведу этот фрагмент в своей реконструкции по списку Ундольского с ритмической разбивкой на строки.

Аз же помяну Софония резанца
и восхвалю пѣснями гусленными, буиными словесы
сего великаго князя Дмитрея Ивановича
и брата его князя Владимира Андреевича.

А от Калатьские рати до Мамаева побоища 170 лѣт.

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичь
и братъ его князь Владимиръ Андрѣевичь,
помолися Богу и пречистей его матери,
истезавше ум свои крепостью,
и поостриша сердца свои мужеством,
и наполнися ратного духа,
уставиша собѣ храбрый полъкы в Руской землѣ. (У, л. 172 об.—173).

²³ Так в списке И-1, в У вторичное чтение: «и со остальными своими...».

²⁴ Так в И-1, в У далее: «иже».

²⁵ Так в И-1, в У вместо слов, заключенных в скобки, читаем: «у Дуная великого на брѣзе».

20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 8 бояръ суздаских (*так!*), 40 бояръ муромских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр жогаиских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамая полтредьста тысящ и три тысечи. Слава тебѣ, Господи Боже нашъ, помиловаль насъ».

И рече князь великии Дмитрии Ивановичь:
 «Братия бояра, и князи, и дѣти боярские,
 то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром,
 на полѣ Куликове на речке Напрядѣ.
 Положили²⁶ есте головы своя за святягя церкви,
 за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую.
 Простите мя, братия, и благословите
 в сем вѣце и в будущемъ».

 «И поидем, брате,
 князь Владимир Андрѣевичь,
 во свою Залескую землю,
 к славному граду Москве,
 и сядем, брате, на своем княжение.
 А чести есми, брате, добыли и славного имени.
 Богу нашему слава». (У, л. 192–193 об.).

Описание поля боя и две речи Дмитрия Ивановича, ритмически организованные, не вызывают сомнения в том, что они созданы автором «Задонщины». Что же касается «расчета убитых», то Р. О. Якобсон считал его «очевидным заимствованием из “Сказания”, своеобразным вторым окончанием»²⁷. Л. А. Дмитриев, соглашаясь с Р. О. Якобсоном в том, что расчет убитых выглядит инородным в поэтической «Задонщине», тем не менее полагал, что этот «деловой» по стилю фрагмент не является механической вставкой из «Сказания», он входил в авторский текст «Задонщины»²⁸. Л. А. Дмитриев сослался, прежде всего, на характерную черту поэтики «Задонщины», установленную Д. С. Лихачевым, — ее стилистическую неоднородность. Смешение двух стилей — «высокого поэтического и делопроизводственно-прозаического» — пронизывает, по словам Д. С. Лихачева, весь текст памятника²⁹.

Однако вряд ли *авторская* «Задонщина» — *похвальное слово* Дмитрию Ивановичу и другим русским князьям — могла заканчиваться подсчетом убитых. «Задонщина» — героическая поэма, а не воинское повествование, где подсчет убитых по княжествам был бы понятен и оправдан. Следует иметь в виду и то, что основная идея «Задонщины» — идея реванша, возмездия, и в связи с этим гиперболический подсчет убитых русских воинов тоже представляется неуместным в авторском тексте. Судя по всему, подсчет убитых воевод — это позднейшая «делопроизводственная»

²⁶ Так в И-1, в У «И положили».

²⁷ Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Edited by R. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963. P. 16.

²⁸ Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. С. 423–427.

²⁹ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» // Русская литература. 1964. № 3. С. 87.

вставка составителя Пространной редакции «Задонщины», который вносил и другие дополнения такого рода в первоначальный текст.

Л. А. Дмитриев считал, что фрагмент «стояние на костях» был заимствован из авторского текста «Задонщины» в авторский же текст «Сказания о Мамаевом побоище». Ему возразила Н. С. Демкова. Она привела убедительный довод в пользу того, что фрагмент «Задонщины» «стояние на костях» был заимствован в «Сказание о Мамаевом побоище» не автором, а одним из позднейших редакторов. Анализируя текст Распространенной редакции «Сказания», исследовательница пришла к выводу, что заимствование из «Задонщины» в «Сказание» происходило дважды: в собственно авторском тексте, когда на материале «Задонщины» автором «Сказания» была создана сцена объезда великим князем поля боя, и второй раз, когда к этой сцене был добавлен фрагмент «Задонщины» как самостоятельный эпизод повествования (вид поля боя, расчет убитых, две речи Дмитрия Ивановича). Утверждая это, исследовательница указала на повторяемость поступков и речей великого князя в рассказе «Сказания» о том, что происходило на Куликовом поле после битвы³⁰.

Это наблюдение Н. С. Демковой не оставляет сомнений в том, что фрагмент «Задонщины» «стояние на костях» был полностью заимствован в «Сказание». Но трудно согласиться с тем, что к «Задонщине» автор «Сказания» обращался дважды: в собственно авторском тексте, создав на материале «Задонщины» сцену объезда великим князем поля боя, и второй раз, внося текст «Задонщины» уже как самостоятельный эпизод повествования. По моему мнению, автор «Задонщины» создал свое произведение, основываясь на тексте «Сказания», в том числе на основе «Сказания» он составил описание поля боя и речь Дмитрия Ивановича, обращенную к погибшим воинам. От себя автор «Задонщины» добавил обращение великого князя к Владимиру Андреевичу с призывом возвращаться в Москву. Составитель Пространной редакции «Задонщины» внес в авторский текст подсчет убитых князей и воевод. И затем весь фрагмент «стояние на костях» был заимствован из Пространной редакции «Задонщины» в «Сказание» одним из редакторов этого памятника на раннем этапе его литературной истории.

Итак, сопоставление текстуально близких чтений двух памятников подтверждает мнение о первичности «Сказания» по отношению к «Задонщине». Сравнительный текстологический анализ позволяет также отбросить гипотезу о том, что «Сказание» дважды подвергалось влиянию «Задонщины»: в первый раз при написании текста, а затем при его редактировании. Анализ текстуально близких чтений «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины» показал, что на самом деле имело место сложное взаимовлияние памятников: первоначально «Задонщина» была составлена на основе «Сказания», а позже редакторы «Сказания» привнесли в его текст несколько заимствований из «Задонщины», как в общий протограф нескольких редакций, так и в отдельные редакции и варианты.

³⁰ Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». С. 457–461.

Александр Пигин

НОВГОРОД VS МОСКВА В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО АГИОГРАФА XVI В.*

Взаимоотношения Новгорода и Москвы, природа новгородской демократии и последствия падения Новгорода в XV в. — вопросы, которые уже с XVIII в. и до наших дней находятся в центре внимания историков, философов и писателей. Один из подходов в их решении основан на представлении о Новгороде как оплоте демократического строя в Древней Руси, как о невоплотившейся альтернативе русской истории, которая сделала свой выбор в пользу московского самодержавного пути. Этот «новгородский миф» разрабатывался в литературных произведениях XVIII–XIX вв. (Я. Б. Княжнин, А. Н. Радищев, К. Ф. Рылеев, А. К. Толстой и др.), нашел отражение в историософских концепциях П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена и других мыслителей.

В древнерусской письменности апология Новгорода — как некий прообраз этого мифа — также получила воплощение, причем не только в произведениях на социально-политические и исторические темы.

Определенный интерес для изучения заявленной в заглавии статьи темы представляет Житие Александра Ошевенского — святого XV в., уроженца Белозерья, постриженника Кирилло-Белозерского монастыря и основателя Никольского-Успенского Александро-Ошевенского близ Каргополя монастыря. Составленное в 1567 г. иеромонахом Ошевенского монастыря Феодосием Житие сохранилось в большом числе списков и в нескольких редакциях. Памятник соответствует агиографическому преподобническому канону XV–XVI вв., включает посмертные чудеса, сопровождается в рукописях похвальным словом святому и церковной службой¹.

Многие писавшие о Житии исследователи отмечали его богатую фактографическую основу. Еще В. О. Ключевский назвал Житие «превосходным по содержанию»². Интерес Феодосия к «реальной жизни» отмечал Л. А. Дмитриев³. Ценные

* Статья написана в рамках государственного задания по плановой теме Карельского научного центра РАН (№ 121070800089-0).

¹ Посвященная Житию научная литература весьма обширна, основные работы указаны в: *Дмитриев Л. А. Феодосий // СкиКДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. С. 462–464; Булашин Д. М., Творогов О. В. Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 2, части 1–2) // СкиКДР. СПб., 2012. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. С. 405–407.*

² *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 298.*

³ *Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л., 1973. Т. 27. С. 186–188.*

наблюдения принадлежат искусствоведу Э. С. Смирновой, утверждавшей, что «среди литературных памятников XVI в. вряд ли можно найти произведение, столь же богатое сведениями о различных сторонах жизни Севера, как Житие Александра (Ошевенского. — *А. П.*)»⁴. В частности, по ее наблюдениям, не подкрепленным, впрочем, соответствующим анализом, в Житии можно найти «ряд сведений, рисующих связи края с Новгородом и Москвой»⁵.

Присутствие новгородских реалий в тексте Жития объясняется тем, что каргопольская земля, на которой был основан Ошевенский монастырь, принадлежала в XV в. новгородским боярам и находилась в церковном управлении новгородских владык. Персонажи Жития дважды посещают Великий Новгород: Никифор Ошевень (отец св. Александра) в конце 1440-х гг. приходит к боярину Ивану Григорьевичу просить грамоту на земли под Ошевенскую слободу; и сам Александр Ошевенский, уже в 1460-е гг., — к архиепископу Ионе за благословением на строительство монастыря и к боярыне Анастасии, вдове Ивана Григорьевича, и ее сыну Георгию за разрешением построить монастырь на их земле, напротив Ошевенской слободы.

Визит Александра Ошевенского к архиепископу Ионе (занимал новгородскую кафедру в 1458–1470 гг.) описан достаточно традиционно для агиографии. В специально отведенной под этот рассказ небольшой главе сообщается, что Иона расспросил Александра о его «пострижении и о пребывании» (с. 243)⁶, о земле под монастырское строение, испытал его в знании Божественного Писания. Убедившись, что Александр «раб Божий бѣ» (с. 243), он произвел его в священники и игумены и дал ему настольную игуменскую грамоту и антиминос на освящение монастырской церкви.

Особый интерес представляют рассказы о посещении Никифором и Александром новгородских бояр.

Основатели и последующие настоятели некоторых севернорусских монастырей были вынуждены просить в дар или покупать землю для обители у землевладельцев и получали от них «данные» грамоты. Целый ряд таких источников сохранился до наших дней⁷. Взаимоотношения основателей монастырей с землевладельцами описаны или кратко упомянуты и в памятниках севернорусской агиографии. Помимо Жития Александра Ошевенского, в этом ряду могут быть названы Жития Зосимы и Савватия Соловецких, Лазаря Муромского, Саввы Вишерского и другие.

⁴ Смирнова Э. С. Житийная икона Александра Ошевенского из Кеми // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 328.

⁵ Там же.

⁶ Здесь и далее, за исключением случаев, отмеченных особо, Житие цитируется по изданию: Пигин А. В. Пространная редакция Жития Александра Ошевенского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3. С. 206–309. В статье опубликован список первоначальной (Пространной) редакции XVI в. ГИМ, собр. Барсова, № 783 (конец XVI в.). В скобках после цитаты указывается страница в этом издании.

⁷ См., например: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под редакцией С. Н. Валка. М.; Л., 1949. № 102, 107, 109, 114, 119; Мусин А. Е. К проблеме подлинности данной грамоты посадника Ивана Фомина прп. Лазарю Муромскому // Новгород и Новгородская земля: история и археология (материалы научной конференции). Новгород, 25–27 января 2000 г. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 315–324.

Иван Григорьевич — новгородский посадник, происходивший из клана «Прусских» бояр; упоминается в списке Двинских волостей. Во время мора он построил обыденную церковь в Зверином монастыре, на месте которой позже выстроили церковь Симеона Богоприимца. Иван Григорьевич владел обширными территориями в Обонежье, в верховьях рек Онеги, Мехреньги и Емцы⁸. После его смерти 7 октября 1467 г. эти земли унаследовала его вдова боярыня Анастасия. Как и большинство представителей боярства Неревского конца, она политически ориентировалась на пролитовскую группировку. В 1484 г. по приказу Ивана III она была арестована, а её земли были конфискованы⁹. Георгий (Юрий) — сын Анастасии и Ивана Григорьевича, в 1475 г. в числе новгородских бояр встречал Ивана III во время его приезда в Новгород. Вероятно, он был репрессирован вместе с матерью в 1484 г.¹⁰

Рассказ о взаимоотношениях Никифора Ошевня и Александра Ошевенского с новгородскими боярами содержит ряд интересных подробностей. В Житии представлено содержание грамот (одной Ивана Григорьевича и четырех Анастасии), причем с дословными цитатами из них. На основе этих цитат М. Н. Тихомиров отметил в свое время, что эти грамоты «по своему формуляру ни в чем не отличалась от тех грамот, которые выдавали великие князья и цари»¹¹.

Для нас же важен тот факт, что образы новгородских бояр, особенно Анастасии, представлены в Житии в идеализирующем ключе. Выслушав просьбу святого о земле для монастыря, Анастасия произносит молитву, в которой благодарит Всевышнего за то, что ее «отчина» будет наконец освещена «зарею» Божества и в ее державе будет устроена обитель. Она готова даже отдать святому больше земли, чем он просит: «Возми, еже просиль еси. Дамъ ти, колико ти угодно будет. Аще хочещи, и всю волостьку дамъ ти» (с. 244). Устами Александра Ошевенского автор именует боярыню «мужем мужественным» и «философом мудрым» (с. 244).

Этот эпизод Жития неволью — по контрасту — вызывает ассоциацию с Житием Зосимы и Савватия Соловецких, с хорошо известным рассказом о визите Зосимы Соловецкого к Марфе Борецкой. После присоединения Новгорода к Москве и Анастасия, и Марфа подверглись репрессиям, однако их образы в двух житиях представлены по-разному: Анастасия изображается как благочестивая христианка, с радостью дарующая свои земли св. Александру для монастыря — Марфа же изгоняет Зосиму «от дому своего» и лишь через некоторое время раскаивается в своем поступке¹².

⁸ О Иване Григорьевиче см.: *Янин В. Л.* 1) Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 127–130; 2) Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 196, 258, 264; 3) Новгородские посадники. М., 2003. С. 377; *Грязнов А. Л.* Северная граница Белозерского княжества по актам XV–XVI веков // Историческая география. М., 2019. Т. 4. С. 208–209.

⁹ См.: *Островская М.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913. С. 12–17; *Аграрная история Северо-Запада России XVI века.* Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 39; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 446.

¹⁰ См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 377, 387.

¹¹ *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 54.

¹² См.: *Дмитриева Р. П.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 251–252.

Встреча Никифора Ошевня с Иваном Григорьевичем описана менее детально. Никифор «приходит ко оному болярину Ивану, и биеть челомъ, и просит грамоту слободскую. Иванъ же, видѣвъ его человѣка доброзрачна и рѣчива, и дасть ему грамоту на тья мѣста слобода копити, жилцовъ называти и дворов ставити»¹³. Этим сообщением завершается рассказ о переселении Никифора из Белозерского края¹⁴ в Каргопольскую землю. Переезд не был добровольным, он объясняется тем, что в Белозерье, находившемся в XV в. в сфере влияния Москвы¹⁵, Никифор подвергался притеснениям со стороны местных правителей («земных властелей»). В Житии этот переезд трактуется как изгнание, бегство от «насилия». В Каргополье же, т. е. на новгородской земле в канун присоединения Новгорода к Москве, Никифор смог устроить новую жизнь, создать слободу, стать «самовластным» хозяином. «Нынѣ благодаримъ Бога, — рассказывает он своему сыну после переселения, — яко самовластни есмы. А насилия уже не творить никтоже намъ, яко уже забыхъ всѣх скорбей прежних» (с. 240). В одной из редакций Жития принадлежность каргопольской земли Новгороду дополнительно отмечена редактором в этом эпизоде: Никифор переселяется «от отечества своего... в сѣверную убо страну, в новгородскую же область, на рѣку зовомую Онѣгу»¹⁶.

В рассказе о переселении Никифора автор Жития, таким образом, допустил противопоставление Каргополья («самовластия») Белоозеру («насилию властелей»), что в более широком политическом контексте может восприниматься как противопоставление Новгорода Москве. Не случайно этот эпизод уже в XVI в. подвергся редактированию: книжники постарались скрыть истинные причины переезда родителей Александра и представить его как результат их добровольного решения¹⁸.

Справедливости ради нужно отметить, что непосредственно связи Белоозера с Москвой в тексте Жития никак не обозначены. Однако в Житии имеются эпизоды, в которых «московская тема» представлена более отчетливо. Один из них изложен

¹³ Здесь Житие цитируем по списку Пространной редакции, в котором данный эпизод излагается более подробно: РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304/1), № 694, л. 221–221 об. (перв. пол. XVII в.).

¹⁴ До переезда Никифор жил в веси Вещеозерской близ озера Воже в Белозерье (здесь и родился Александр Ошевенский). Принадлежность этой территории во второй четверти XV в. Белозерскому княжеству подтверждается текстом Жития: святой родился «въ страны сѣверныя» «от области же убо славна града Бѣлоозера», «при великом князѣ Белозерскомъ Андрѣе Дмитреевиче» (с. 222, 224). См. также: *Грязнов А. Л.* Северная граница Белозерского княжества... С. 208.

¹⁵ *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 43 и другие. В 1440-е — 1450-е гг., когда происходят описанные в этой части Жития события, Белозерский край являлся уделом князя Михаила Андреевича, внука Дмитрия Донского.

¹⁶ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 903, л. 6 об. Рукопись была создана в Великом Новгороде в 1657 г.

¹⁷ В действительности самостоятельность Никифора ограничивалась пожалованием Ивана Григорьевича, который выдал ему грамоту на строительство Ошевенской слободы, но не терял своих владельческих прав, к тому же верховными правами на эти земли, скорее всего, обладал Господин Великий Новгород (благодарю А. Л. Грязнова за консультации по вопросам исторической основы Жития). Тем более трактовка положения Никифора как «самовластного» хозяина свидетельствует об идеализации Феодосием новгородских порядков.

¹⁸ См.: *Пигин А. В.* «Насилие земных властелей»: об одном утраченном фрагменте в Житии Александра Ошевенского // Шестые Лихачевские чтения. Международная научная конференция «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие». Тезисы докладов. СПб., 2021. С. 93–96.

в главах «О нѣкоемъ бояринѣ Иванѣ Михайловиче Юриева» и «О явлении Николы Чюдотворца и преподобнаго Александра Ивану боярину» (с. 277–281). Если в рассказе о переезде Никифора автор обращался к событиям прошлого, середины XV в., то в этих главах он описал один факт из истории Ошевенского монастыря начала 50-х гг. XVI в. Здесь повествуется о конфликте монахов Ошевенского монастыря с московским боярином Иваном Михайловичем Юрьевым, двоюродным братом жены Ивана Грозного Анастасии Романовны¹⁹. «Град Каргополь» был дан ему царем «во обдержание» (с. 278) — в наместническое правление. Он же «богатством и славою превзыде многих велможь, <...> превознесся гордостью. <...> наѣхавъ на град в велицѣй гордости и во мнозѣ величании» (с. 278). В Житии опять поднимается тема насилия правителей: «Якоже преже того силнии князи быша на градѣ томъ, и многа зла и насилия сотвориша християном, тако же и сей тщашеся горша сихъ сотворити» (с. 278). Боярин стал требовать от монахов некую «пошлину», вопреки государевой грамоте, запрещавшей светским властям дополнительные поборы с монастыря. Один из монахов смело ответил боярину отказом выполнить это требование, чем вызвал его гнев и обещание разорить монастырь. Дальнейшее повествование разворачивается по закону посмертного чуда: Александр Ошевенский и Николай Угодник являются боярину в видении и запрещают ему творить насилие над монастырем.

Предпочтения автора Жития проявляются и в менее значимых эпизодах. Так, игумен Ошевенского монастыря Маркел (1531–1533 гг.), которого автор характеризует как человека, повинного в монастырской расправе и гибели ранних монастырских записок об Александре Ошевенском, был выходцем из Москвы («жилецъ московской») (с. 266)). Пришедший ему на смену игумен Вассиан (1533–1535 гг.) «прииде... во обитель из Новгородския державы» (с. 267), при нем была построена новая Никольская церковь и прекращены раздоры. Новгородцем являлся и купец Симеон Алексеев, на деньги которого была сооружена новая Успенская церковь, приобретенны для монастыря иконы и книги.

Таким образом, проновгородские настроения автора очевидны: он идеализирует новгородских бояр, новгородское прошлое Каргополя, не забывает отметить новгородское происхождение благодетелей монастыря. С Новгородом в его сознании связаны церковное благочестие, щедрость бояр-землевладельцев, «самовластие» (т. е. собственная свободная воля)²⁰. Белозерский край, находившийся, как было сказано, под управлением Москвы, представлен, с одной стороны, как родина св. Александра и место его пострижения, с другой — как земля, которую родители святого

¹⁹ Иван Михайлович Юрьев Меньшой — сын боярина Михаила Юрьевича Захарьина; родился между 1525 и 1529 гг., боярство получил в 1547 г., умер в июне 1552 г. Во время свадьбы Ивана IV в 1547 г. нес свечу «к месту и к церкви». В 1550 г. в числе детей боярских по Коломне попал в тысячу «длутчих слуг». Описанный в Житии конфликт произошел при игумене Александро-Ошевенского монастыря Кассиане, который управлял обителью в 1551–1561 гг. (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 995). Поскольку боярин И. М. Юрьев умер в июне 1552 г., конфликт может быть отнесен к 1551–1552 гг.

²⁰ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1996. Вып. 23. С. 31.

вынуждены покинуть из-за притеснений земных правителей. Собственно московские реалии проступают в описании современных автору событий XVI в., они тоже ассоциируются в первую очередь с насилием и произволом власти.

Конечно, сделанные наблюдения не дают оснований считать Феодосия убежденным сторонником утраченного новгородского «самовластия» и противником современных московских порядков. Его исторические и политические взгляды не выражены в тексте как стройная четкая система и прямо не манифестированы, они проявляются в большей степени имплицитно, угадываются в самом выборе описанных реалий, и лишь иногда в их оценках. Однако его симпатии и антипатии проступают все же отчетливо. Более того, их разделяло, несомненно, и его монастырское окружение, поскольку Житие — это в конечном счете коллективный труд, сведения о святом и об истории монастыря Феодосий собирал по крупицам от многих лиц (от «древних инокъ и сродникъ святаго от рода его» (с. 299)).

Житие Александра Ошевенского является, таким образом, ценным историческим источником не только в описании различных сторон реальной жизни, что отмечали исследователи, но и в возможности хотя бы в малой степени понять умонастроения насельников севернорусской монашеской обители XVI в., их отношение к прошлому и настоящему своей земли.

Наталья Савельева

ПОСЛАНИЯ «ГРЕШНОГО АГАФНИКА» И ПУБЛИЦИСТИКА РЕВНИТЕЛЕЙ ДРЕВЛЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ: К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ

Время правления царя Алексея Михайловича еще проникнуто средневековым этикетом, определяющим все стороны жизни человека, но именно попытки вписаться в этикетные формулы и предписания приводили иногда к появлению новаций — предвестников грядущих перемен в культурном коде Московской Руси. Это убедительно показала Е. В. Душечкина в одной из первых своих работ на материале придворной церемониальной жизни, отраженной в литературном творчестве государя¹.

Человеком, оказавшим огромное влияние на становление личности молодого царя, стал протопоп кремлевского Благовещенского собора, духовный отец Алексея Михайловича Стефан Внифатьев (сентябрь 1645 — начало 1656)². Его наставления определили религиозность царя, стремление к церковному благочинию и устройению, любовь Алексея Михайловича к знанию и книжному чтению. Достоверно сохранившиеся сведения о царском духовнике немногочисленны, относятся именно к московскому периоду его жизни и касаются прежде всего той важной роли, которую он играл в движении ревнителей благочестия, возглавляя его и определяя московские деяния боголюбцев³. Уже Н. Ф. Каптеревым были сделаны замечания

¹ Душечкина Е. В. 1) Статейный список 1652 года как литературный памятник // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1975. Вып. 369. Труды по славянской филологии. XXVI. Литературоведение. С. 3–18; 2) Алексей Михайлович как писатель // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 184–188; переизд.: Алексей Михайлович Романов: pro et contra, антология. СПб., 2015. С. 659–679.

² Историографическая традиция написания фамилии царского духовника не отличается единообразием, что демонстрируют и названия работ, упоминаемых в данной статье. Мы называем фамилию именно в том варианте, который записан самим Стефаном Внифатьевым, в том числе и во вновь найденных источниках, см.: *Белякин Ю. С.* Неизвестный автограф Стефана Внифатьева // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума). М., 2020. С. 68–77; см. также: *От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества. Каталог выставки / Науч. ред. и сост. Е. М. Юхименко.* М., 2021. Кат. 5. С. 55–56.

³ *Каптерев Н. Ф.* 1) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. С. 102–160; 2) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 31–105; *Ромодановская Е. К.* Стефан Внифатьев // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П-С. С. 500–503; *Макарий (Веретенников), архим.* Внифатьев Стефан // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 323–325; *Румянцева В. С.* 1) Кружок Стефана Внифатьева // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 178–189; 2) Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37–52.

о поддержке молодым царем Стефана Внифантьева и его сподвижников в вопросах церковного благочиния, особенно в полемике с патриархом Иосифом о единогласном пении в церковной службе. Именно Стефаном Внифантьевым, согласно мнению большинства исследователей⁴, фактически осуществлялся надзор за деятельностью московского Печатного двора в последние годы патриаршества Иосифа, пребывавшего уже в почтенном возрасте. Последние разыскания показывают, что в этот период здесь при патронаже царского духовника и приближенных к нему светских лиц из придворного клана не только осуществлялись издания и переиздания текстов, восходящих к юго-западнорусской рукописной и печатной традиции, но и публиковались специально подготовленные к печати статьи, отражающие позицию ревнителей благочестия. В частности, два таких текста «О целовании икон» и «О церковном благочинии и единогласии» были напечатаны в качестве предисловий к московскому изданию Октоиха 1649 г.⁵

Незаурядность личности царского духовника, его начитанность и книжность, его активное участие в придворной духовной и культурной жизни и его непосредственные связи с нижегородскими и московскими участниками движения ревнителей благочестия послужили основанием для гипотезы об атрибуции Стефану Внифантьеву посланий, подписанных «грешным Агафоником» и выражающих идеи и чаяния ревнителей благочестия. Это мнение было высказано Н. Ф. Каптеревым и впоследствии получило довольно широкую поддержку исследователей⁶. Таким образом, в научной традиции сложилось суждение об использовании царским духовником писательского псевдонима — несомненной редкости и новации в литературной культуре Древней Руси. Именно это обстоятельство до сих пор диктует сомнения в безусловности такой атрибуции, заставляет искать новые аргументы и контраргументы и не позволяет считать вопрос об авторстве Стефана Внифантьева решенным. В частности, отказ от данной гипотезы в новейшей монографии А. С. Лаврова и А. В. Морохина⁷ дает повод вновь обратиться к этой теме.

На сегодняшний день известно три послания, подписанных «грешным Агафоником»:

⁴ Наиболее полный обзор источников и историографии по этому вопросу см.: Румянцева В. С. Народное антицерковное движение. С. 42–52; несогласие с этим мнением, высказанное в новейшей работе (см.: Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб., 2021. С. 108–117), основано на устаревших сведениях о московском книгопечатании и не содержит достаточной аргументации, см. рецензию: Савельева Н. В. История и литературное наследие ревнителей благочестия: Новый взгляд // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3. С. 186–187.

⁵ Подробнее об этих текстах см.: Савельева Н. В. Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // Русская литература. 2021. № 4. С. 65–77.

⁶ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. С. 90–92; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37, 60; Ромодановская Е. К. 1) Агафоник // СКиКДР. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1: А–З. С. 48–49; 2) Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 58–64; Турилов А. А. Агафоник // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 246.

⁷ Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия. С. 102–107; здесь же библиография по теме.

1. Послание с изложением основных грамматических правил, адресованное «кир Иакову». Подпись корреспондента помещена в конце текста и записана сложной литореей с грамматической составляющей, связанной с содержанием послания. Н. К. Никольский опубликовал текст по единственному известному списку (РНБ, Соловецкое собр., № 875/985, л. 193–202 об.) и аргументированно датировал его временем не ранее 2 июля 1645 г. Исследователь атрибутировал послание московскому версификатору подьячему Агафону Тимофееву, принимая во внимание редкость этого имени в древнерусском обиходе и учитывая ученость и начитанность корреспондента, а также его связи с кругом справщиков московского Печатного двора⁸.

2. Послание «грешного Агафоника» архиепископу Суздальскому и Тарусскому Серапиону о единогласном пении. Текст издан А. В. Преображенским по рукописи начала XVIII в. ГИМ, Синодальное собр., № 811, л. 267–283 об., он же указал еще один список послания XVII в. — РГБ, ф. 173. III (собр. МДА врем.), № 100, л. 321–341 об., отметив, что разница между ними незначительна⁹. Текст следует датировать 40-ми годами XVII в. (очевидно, не ранее 1645 г.), принимая во внимание время архиепископства Серапиона Суздальского (1634–1653) и учитывая события, связанные с историей единогласия¹⁰. О том, кто может быть автором послания, высказывалось несколько различных мнений; в частности, Н. К. Никольский, усматривая стилистическую общность в посланиях «кир Иакову» и архиепископу Серапиону, предлагал атрибутировать подьячему Агафону Тимофееву оба текста. Но наиболее признанным на сегодняшний день считается мнение о том, что автор послания — Стефан Внифантьев, подписавшийся псевдонимом¹¹.

3. Послание Новгородскому митрополиту (будущему патриарху) Никону о поклоне на восток при чтении псалмов. Единственный список этого послания сохранился в рукописи нач. 50-х гг. XVII в. (РГБ, ф. 218 (собр. ОР), № 180, л. 168–193 об.). Сборник был введен в научный оборот Е. К. Ромодановской, которая предположила, что текст представляет собой черновой автограф Агафоника — Стефана Внифантьева¹². Текст мог быть написан не ранее 11 марта 1649 г., когда Никон был

⁸ Никольский Н. К. Послание Агафоника к кир Иакову по грамматическим вопросам (половины XVII века) // Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 390–400. Эта атрибуция поддержана публикаторами виршевого послания Агафона Тимофеева боярину Борису Ивановичу, см.: Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и комм. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 228–229, 438–439 (серия «Сокровища древнерусской литературы»); здесь же биографические сведения об авторе.

⁹ Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в.: Исторические сведения и письменные памятники. СПб., 1904 (ПДПИ, вып. 155). С. 53–63. О копиях с рукописи Син. 811 см.: Савельева Н. В. О литературном наследии «ревнителей древнего благочестия» // Русская литература. 2022. № 1. С. 163.

¹⁰ Ошибочная датировка послания 1634–1637 годами, предложенная А. В. Преображенским, была исправлена В. В. Зеньковским, мнение которого поддержано А. С. Лавровым (см. историю вопроса: *Lavrov A. L'héritage littéraire des «zélateurs de piété» moscovites: mythe ou réalité?* // *Revue des études slaves*. 2008. Т. 79. Fasc. 1–2. P. 76).

¹¹ Наиболее полный обзор мнений об атрибуции послания см.: *Ibid.* P. 80–82.

¹² Ромодановская Е. К. 1) Агафоник. С. 49; 2) Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели. С. 62–63. Это мнение не подтверждается реально дошедшими до нас автографами царского

возведён в сан митрополита Новгородского и Великолуцкого Иерусалимским патриархом Паисием, находившимся в Москве.

Эти три послания имеют тематические, стилистические, жанровые и источниковые отличия и дают достаточно веские основания атрибутировать их двум разным авторам¹³.

Послание «кир Иакову» представляет собой ответ на полученный вопрос об основах грамматики, носит личный характер и касается узкой специфической темы. Корреспондент причисляет себя к «чину поучимых» и называет адресата «духовный мой отче»; не обнаруживается никаких специальных познаний корреспондента в ведении богослужения и уставной практике. Это позволяет утверждать, что послание, скорее всего, написано мирянином и обращено к его духовнику. Послание известно в одном списке и не имеет никаких оснований для суждения о его публицистическом характере, предпосылок к его редактированию или дальнейшему использованию в литературных трудах. Подпись корреспондента помещена в самом конце текста, имя «Агафоник» записано литореей. Судя по приведенной Н. К. Никольским выписке из Хронографа, сделанной тем же автором и подписанной той же литореей¹⁴, эта подпись представляет собой своеобразный авторский знак корреспондента. Гипотеза Н. К. Никольского о признании автором послания подьячего Агафона Тимофеева вполне допустима, если учесть редкость имени, московское проживание и несомненное наличие некоторой образованности, книжного знания и литературного опыта московского служащего. В то же время следует признать, что каких-либо неопровержимых аргументов, позволяющих считать эту атрибуцию безусловной, до сих пор не названо.

Совсем иной характер имеют два других послания «грешного Агафоника» — Суздальскому архиепископу Серапиону и Новгородскому митрополиту Никону. Они несомненно написаны одним корреспондентом, хотя и с разницей во времени. Об этом свидетельствуют как общие черты в образе автора, каким он предстает в посланиях, так и определенные жанровые и стилистические приметы текстов. Оба они, хотя и облечены в форму личного послания, относятся к жанру эпистолярной публицистики, что подтверждает не только тема каждого послания, но и дальнейшая рукописная и литературная традиция этих текстов.

Список послания «грешного Агафоника» архиепископу Серапиону в рукописи XVII в. РГБ, собр. МДА 100 не имеет названия, но его самоглавие в списке ГИМ. Синод. 811 («Списание от божественных книг о единогласии церковнем») ясно показывает, что оно воспринималось переписчиками как публицистический текст. В сочинении, облеченном в эпистолярную форму и направленном

духовника, в том числе вновь найденными его записями на книгах; см. примеч. 2; см. также: *Лавров А. С., Морхин А. В.* Ревнители благочестия. С. 107.

¹³ Отметим, что комментаторы виршей Агафона Тимофеева, которым были известны только послания «кир Иакову» и архиепископу Серапиону Суздальскому, признавали возможность принадлежности их разным корреспондентам, см.: *Виршевая поэзия*. С. 439.

¹⁴ *Никольский Н. К.* Послание Агафоника к кир Иакову. С. 391.

конкретному адресату, приведены законодательные и нравственно-богословские доводы в защиту единогласного пения; доказательной базой служат поучения отцов церкви, правила церковного Устава, толкования Иоанна Златоуста на деяния и послания апостолов. Послание Серапиону Суздальскому лежит в начале цепочки текстов, посвященных полемике о единогласном пении, наиболее ярко отразившей противоречия между царем и патриархом Иосифом в вопросах церковного благочиния и завершившейся в 1651 г. законодательным утверждением общего для всей России церковного единогласия. Текст послания повлиял на другие памятники публицистики, посвященные этому вопросу: дословные цитаты из послания вошли в состав выборки «О церковном благочинном пении и о единогласии вкратце от Устава, лист 1, и 2, и 3», напечатанной в московском Октоихе 1649 г., а через посредство этой выборки оказался в составе компиляции о единогласном пении, получившей в исследовательской традиции наименование «Слово о единогласном пении» Шестака Мартемьянова. Все эти сочинения роднит общность выказанных идей, а также общность источников, среди которых не только поучения и толкования византийских авторов, но и материалы Стоглава и поучение патриарха Гермогена¹⁵.

Точно такой же характер памятника публицистики, облеченного в форму личного послания, имеет обращение «грешного Агафоника» к митрополиту Никону. Несмотря на внешнее впечатление о традиционности и богословском направлении темы послания — сакрализация востока как места первоизданного Рая (Быт. 2:8) является одним из основных понятий христианства, — его задача состоит в ином, более служебном назначении. Послание посвящено осуждению практики обращения псаломщиков и чтецов к прихожанам (лицом на запад) при чтении отдельных рядовых кафизм на утрене и на вечерне и несоответствия этого обряда практике пения кафизм и прочих псалмов, которые произносятся из центра храма, с обращением к алтарю, т. е. на восток. Требование следовать единообразию в церковном обращении к одной из главнейших книг Писания обосновывается прежде всего апостольским преданием и служением. Таким образом, послание непосредственно связано с идеями ревнителей благочестия; как и в других сочинениях боголюбцев, речь в нем идет о следовании традиции, о сохранении чистоты и непреложности апостольского правила в служебной практике. Судя по многочисленной правке текста специальными киншварными значками, подобными правке и в других текстах сборника, это не автограф послания, как предполагала Е. К. Ромодановская, а его копия, черновая, подготовленная и размеченная для создания белой копии текста, о чем, в частности, свидетельствуют пропущенные части листов для вставок и указания

¹⁵ Замечания о взаимоотношении текстов и новые сведения о списках сочинений о единогласном пении и их источниках см.: *Савельева Н. В.* 1) Споры о единогласном пении... С. 76–77; 2) О литературном наследии «ревнителей древнего благочестия». С. 163–165. Попытка пересмотреть последовательность создания послания «грешного Агафоника» архиепископу Серапиону и компиляции Шестака Мартемьянова без учета опубликованной в Октоихе выборки не имеет достаточной аргументации и не может считаться удачной (см.: *Лавров А. С., Морхин А. В.* Ревнители благочестия... С. 42–45).

писцу на источники, из которых должны быть выбраны тексты для аргументации, обозначенные в послании.

Так же, как и послание архиепископу Серапиону, обращение к митрополиту Никону послужило основой для другого памятника, до сих пор не обращавшего на себя внимания исследователей. Этот текст имеет название «О псалмѣх из Псалтыри, которые во святых Божиих церквах в молениих глаголются на восток, и к святым образом Спаса Христа Бога нашего, и Пречистыя Богородицы, и всех святых», он сохранился в двух списках конца XVII в. (РНБ, Q.I. 1101, л. 37–43 об. и ГИМ, собр. Уварова, № 152–4^о, л. 98–103 об.) в окружении других памятников публицистики ревнителей благочестия. Это сочинение представляет собой выборку из послания «грешного Агафоника» митрополиту Никону, лишенную всех признаков эпистолярного жанра, эмоциональных реплик и всех примет личностного начала; отдельные авторские реплики-связки между цитатами, которые сохранились в выборке, обезличены и имеют чисто декларативный характер. Компиляция состоит из дословно совпадающих с посланием фрагментов уставного характера и представляет собой свод основных доводов о недопустимости пения псалмов, обратившись лицом на запад, и необходимости придерживаться единого правила для пения псалмов в служебной практике¹⁶. Достоверное назначение этой выборки не известно, но следует отметить, что по стилистике, принципам изложения материала и своему рекомендательному характеру она очень близка двум другим компиляциям, созданным на основе более пространных текстов боголюбцев, — статьям «О целовании икон» и «О церковном благочинном пѣнии и о единогласии...», напечатанным в московском Октоихе 1649 г.

Общие черты, отличные от характеристики автора послания «кир Иакову», можно отметить в сложившемся на основании этих двух посланий образе корреспондента. Их автор одинаково демонстрирует практическое знание церковной службы и устава, что свидетельствует о его священническом сане. Оба текста содержат эмоциональные обращения к адресатам, которые одинаково называются «святым владыкой». Характер этих обращений, хотя и отвечает требованиям эпистолярного этикета, позволяет предполагать достаточно близкие, доверительные отношения корреспондента и его адресатов. Духовное лицо, каким предстает автор посланий, живет в Москве и имеет достаточно высокий статус; он обращается к стоящему выше себя владыке не с просьбой и молением, но «с дерзновением» и «с учением», за которые этикетно просит о прощении:

«Вѣдая твое, святителю Божий, ко мне, нищему, милостивное нрава челоуѣколюбнаго, дерзнух извѣстити и в память ти привести, да не молчанием слова сицевое бесчиние во святых Божиих церквах прикрывемо будет» (Послание к архиепископу Серапиону. РГБ, МДА 100, л. 341 об.).

¹⁶ Подробнее об этом тексте и его источнике см.: Савельева Н. В. О литературном наследии «ревнителей древнего благочестия». С. 169–170.

«Прости мя, святителю Божий, просяща и моляща святительству твоему воспоминаючи, не учительский ми сан на ся привлекающе, ниже в разумѣ грубости моя и невѣдения гордостию возноситься, не буди то, но да истины извѣщение тебѣ, святителю Божию, яко ми мнится, от Божественных же писаний, а не от моего любомнѣния явлено будет» (Послание к митрополиту Никону. РГБ, ОР 180, л. 169 об.–170).

В послании к митрополиту Никону высокий статус корреспондента конкетизируется: автор обращается в верховных кругах духовной и светской власти, он ссылается на «самовидение» греческого патриаршего служения в Москве и на личное общение с греческими священниками и патриархом Паисием:

«А восточнии людие вси Псалтырь чтут на восток лицом и ко образу Спаса Христа Бога нашего, якоже мнози достовѣрнии свидѣтели кажут. Паче же видѣх сам своими очима, и о сем послѣжде повѣдано будет...». «Что же, святыи владыко, имамы рещи и противу Паисии патриарха Иеросалимскаго, яко сей, егда божественныя службы совершаше, и вечерню, и заутреню, и сему мы самослышателие и самовидителие есмы, и у него в церкви Псалтырь на утрени и на вечерни священники говорили лицом на восток и ко образу Спаса Христа. И всем нам тако повелѣвал. И посему у нас творится противно святыи восточней иерусалимской церкви, и вся греческия земли церкви, и константинопольския, и александрийския, и антиохийския, и святогорских, и Малыя Росии, и болгарских, и сербских, якоже от достовѣрнейших свидѣтелей слышахом и извѣстихомся, иже сами тамо пожишиа и своими очима видѣша, нежели слышашиа ушима. Паче же со многими епископы греческими бесѣдовахом мы и братия наша...» (РГБ, ОР 180, л. 172, 179–179 об.).¹⁷

Явно выраженная здесь прогреческая позиция корреспондента согласуется с позицией, отраженной в памятниках публицистики ревнителей благочестия: апелляция к опыту других православных церквей, и прежде всего греческой, закономерно присутствует в тех случаях, когда речь идет о конкретных церковных практиках, например, в «Спорных речах о единогласном пении» или в «Изложении о целовании икон»¹⁸.

Таким образом, в отличие от послания «кир Иакову» по грамматическим вопросам, обращения «грешного Агафоника» к архиепископу Серапиону и митрополиту Никону — это памятники публицистики, они затрагивают реальные проблемы, которые обсуждались в кругах ревнителей благочестия и которые в конце концов были вынесены на обсуждение церковным собором 1651 г., утвердившим позицию боголюбцев в этих вопросах¹⁹.

¹⁷ Именно этот пассаж из послания митрополиту Никону, неверно истолкованный, послужил единственным основанием для отказа от атрибуции текста Стефану Внифантьеву в новейшей монографии, авторы которой сочли, что речь идет о путешествиях и паломничествах самого корреспондента, сведения о которых отсутствуют в биографии царского духовника (*Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия. С. 107). Выделенные в цитате строки ясно показывают, что автор ссылается на свидетельства паломников, побывавших в странах христианского Востока, и на свое собственное «самовидение» службы греческого патриарха Паисия в Москве.

¹⁸ См.: *Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия. С. 210; *Савельева Н. В.* О литературном наследии «ревнителей древлего благочестия». С. 174.

¹⁹ В сохранившейся записке царя Алексея Михайловича с темами для обсуждения на соборе 1651 г. значатся в первых трех пунктах: единогласие, наречное пение, поклонение на восток в богослужении при чтении

До сих пор речь шла о жанрово-стилистических особенностях посланий и их соответствии позиции ревнителей древнего благочестия и реальным московским делам этого сообщества. Совокупность всех упомянутых фактов говорит о том, что личность автора этих посланий очень близка фигуре царского духовника. Распоряжение о публикации в Москве сочинений боголюбцев, находящихся в оппозиции к патриарху Иосифу, мог отдать только человек, разделявший позицию ревнителей благочестия и при этом имевший достаточно высокий статус и покровительство в придворных кругах. И таким человеком был именно Стефан Внифантьев, грекофил, образованный и начитанный священник, имевший влияние на царя, разделявший взгляды светских кругов (Федор Ртищев), способствовавших формированию в это время особенно тесных московских контактов с учеными мужами из Киевской митрополии.

Высказанные доводы представляются достаточно убедительными для того, чтобы считать автором двух посланий Стефана Внифантьева, однако они все-таки нуждаются в подтверждении какой-то текстологической аргументацией, имеющей обычно весомое значение в вопросах атрибуции. До сих пор таких аргументов не приводилось, но эту лакуну, по-видимому, можно восполнить.

В отличие от двух сходных подписей корреспондента «кир Иакова», подписи в посланиях архиепископу Серапиону и митрополиту Никону различаются тем, что помещены в разных контекстах. В первом случае имя корреспондента называется в этикетном молении о прощении за дерзновение: «Прочее, государю святой, святителю отче Божий, молит тя художие мое, грѣшнаго Агафонника ...» (РГБ, МДА 100, л. 341); во втором — имя вставлено в *credo* автора, подтверждающего словами Иоанна Златоуста свое убеждение в непреложности церковных традиций: «Христианин бо той есть, иже повинуется Божественному писанию и согласует. А иже с сими не согласует и противу сим борет, сей далече есть от правила сего²⁰. Слыши, святой владыко, пред Богом мя, грешнаго Агафоника, себѣ извѣщавающа, яко христианин есмь и быти хочу, всею душею моею Божественному писанию повинуюся и сему согласую и слушаю, а противу сим боритися не хочу» (РГБ, ОР 180, л. 196–196 об.). Так что единообразия и, соответственно, ключа к распознаванию автора подпись «грешнаго Агафоника» не имеет.

Но такой ключ, который может подтвердить атрибуцию посланий Стефану Внифантьеву и, возможно, позволит прояснить выбор им литературного псевдонима Агафон (Агафоник), можно найти в первых строках этих текстов. Оба послания начинаются почти дословно совпадающими (с погрешностями списков) двухчастными прескриптами, которые различаются только вставкой соответствующего имени.

псалмов и молитв, см.: *Белокуров С. А.* Деяние Московского церковного собора 1649 года (Вопрос о единогласии в 1649–1651 гг.) // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 4. С. 48–49.

²⁰ На полях рукописи отсылка к киевскому изданию: «На Деяния нрав. 33, лист 309», см.: *Иоанн Златоуст.* Беседы на деяния Святых Апостол. Киев, 1624. С. 309.

Послание Суздальскому архиепископу Серапиону	Послание Новгородскому митрополиту Никону
Благочестивѣйшему пастырю Христова стада душ словесных овец и по догматѣхъ благочестивыя наша христианския вѣры крѣпкому, паче же реку, истинному побарателю, седьмостолпнымъ законоуоставлениемъ утверженному, богоносныхъ и святыхъ отецъ иже на седми вселенскихъ соборѣхъ бывшихъ правила, паче же и сего святыхъ славныхъ и всехвалныхъ апостол, великому господину преосвященному Серапиону, архиепископу Суздальскому и Торускому, радоватися. Аввы Дорофея, святой мой владыко, глас восприим, еже рече: «Прости мя, святой владыко, за продерзнутое» Зане зѣло ужасаюся душею, аще и хуждший, и сквернѣйший есмь и всѣхъ окаяннѣйший. И велий мя страх обдержит, аще и не хотящу ми, но убо аки некая нужда понуждает мя святителству твоему извѣстити... (РГБ, МДА 100, л. 321–321 об.)	Благочестивѣйшему пастырю Христова стада душ словесных овец и по догматѣхъ благочестивыя наша христианския вѣры крѣпкому побарателю²¹, седьмостолпнымъ законоуоставлениемъ²² утверженному, богоносныхъ и святыхъ отецъ иже на седми вселенскихъ соборѣхъ бывшихъ правила, паче же во истинное благочестия и сего благолюбомудрие же и утвержение, и извѣщение святыхъ славныхъ и всехвалныхъ апостол, великому господину преосвященному Никону, митрополиту Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ радоватися. Аввы Дорофея, святой мой владыко, глас восприим, еже рече: «Прости и моли о мнѣ». Тако и ты, святой мой владыко, прости и моли о мнѣ за продерзнутое неразумия моего, аще что не угодно ти явится отъ воспоминания моего в слуха твоя. Зане зѣло убо ужасаюся душею, святой мой владыко, аще и хуждший, и сквернѣйший есмь и всѣхъ человекъ окаяннѣйший. Но велий мя страх обдержит, аще и не хотящу ми, но убо аки некая нужда понуждает мя рещи боголюбию твоему и святителству твоему извѣстно сотворити... (РГБ, ОР 180, л. 168–168 об.).

Первая часть прескрипта содержит этикетную похвалу и приветствие адресата, вторая объясняет нужду корреспондента, который, несмотря на предписанное учением смирение, дерзнул обратиться со своим писанием. В обоих текстах вторая часть прескрипта начинается с цитаты из поучения аввы Дорофея о смирномудрии и необходимости прежде всего просить прощения во всякой ситуации²³.

Такое выражение авторского смирения, подкрепленное словами аввы Дорофея, — элемент стиля Агафоника, в нем просматривается литературная манера, определенное клише корреспондента, которое могло использоваться и в других его посланиях. А потому кажется уместным вспомнить здесь слова из ответного письма Ивана Неронова от 27 февраля 1654 г. на не дошедшее до нас послание к нему Стефана Внифантьева: сетуя на увещания корреспондента быть смиренным и примириться с патриархом Никоном, Иван Неронов пересказывает текст послания Стефана Внифантьева: «Авву же Дорофея воспоминаул еси, смирномудрию учаща нас,

²¹ Изначальное чтение: «люборачителю» отмечено знаком правки, нужное чтение записано на поле той же рукой киноварью.

²² Вписано поверх первоначально вычеркнутого чтения: «утвержением».

²³ Ср.: «Рече некто от старец: Прежде всего требую смирномудрия, готови суще противу всякому словеси, егоже слышим, глаголати: “Прости”...» (Сл. 2); ср. также: «...поклонися со смирением, глаголя ему “Прости мя и моли за мя”...» (Сл. 18); см.: *Ефрем Сирий. Поучения. Авва Дорофей. Поучения*. М.: Печатный двор. 1.1.1652. Л. 29 об., 140 2-го сч.

и еже “Прости, согреших”, глаголати при всем...»²⁴. Представляется, что эта параллель не случайна и может служить дополнительным аргументом к отождествлению автора двух посланий «грешного Агафоника» с царским духовником Стефаном Внифантьевым — центральной фигурой в московской истории деяний ревнителей благочестия и, по-видимому, в литературно-публицистическом выражении чаяний боголюбцев.

Если принять эту атрибуцию, то следует признать, что использование Стефаном Внифантьевым литературного псевдонима, с одной стороны, несомненная новация в литературной культуре XVII века, с другой — мера, к которой вынужден был прибегнуть автор, следуя нормам придворного этикета. Служители московских кремлевских храмов имели особый статус и положение по сравнению с другим приходским клиром, даже формально это предопределялось практикой назначения их на служение не патриархом, а непосредственно царем. Образовательный ценз дворцового духовенства был значительно выше, чем у клириков других храмов²⁵. Особое место среди кремлевских клириков занимали служители Благовещенского собора, из числа которых царем выбирался духовный отец. Без действий духовника не происходило ни одно значимое событие в жизни государя. Он участвовал во всех обрядах, связанных с женитьбой государя и рождением детей, он принимал самое непосредственное участие в церемонии венчания на царство. Фактически он становился самым близким государю человеком и в той или иной степени был вовлечен во все дела государственной и церковной жизни. При этом не последнюю роль играли в отношениях с государем личные качества духовного отца, которые диктовали и отношение к нему в придворных кругах и в кругах высшей церковной иерархии²⁶.

Мог ли человек, принимающий самое непосредственное участие во всех земных делах царя и окормлявший его духовно, открыто заявлять о своей позиции в противостоянии царя и патриарха Иосифа, противостоянии, которое было инициировано, судя по всему, им самим? Откровенно публицистический характер посланий, если бы они были подписаны, мог бы расцениваться как прямое свидетельство этого конфликта, как прямое выступление оппозиционера, выражающего волю царя. Письма царского духовника, даже адресованные служителям, стоявшим выше него в церковной иерархии, не могли не восприниматься как рекомендательные послания, излагающие волю самого государя. Именно поэтому, вероятно, они не могли быть открыто подписаны личным именем Стефана Внифантьева. Потребность в его публицистических заявлениях следовало утаить, вписать в рамки некоей литературной игры, элементом которой и мог быть псевдоним, выполнявший этикетную функцию, хотя и был, скорее всего, «секретом Полишинеля».

²⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 75.

²⁵ *Извеков Н. Д.* Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке: Церковно-историко-археологическое исследование. М., 1906. С. 83–84, 87 (Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. 2).

²⁶ Там же. С. 97–98.

Среди протопопов кремлевского Благовещенского собора, имевших статус государева духовника в XVI–XVII вв., были выдающиеся личности, образованные, начитанные и владеющие литературным даром. К ним относится и духовник Ивана Грозного Андрей (в монашестве Афанасий; 1550–1562, с 1564 года митрополит Московский и всея Руси), который составил по заказу царя Житие прп. Даниила Переяславского, описал последние дни жизни, кончину и погребение митрополита Макария, трудился над составлением Степенной книги и, возможно, Лицевого свода²⁷. Агиографический свод о почитаемых новгородских святых создал по просьбе царицы Евдокии Лукияновны духовник царя Михаила Феодоровича протопоп Максим (1618–1633, с 1638 года архиепископ Рязанский и Муромский)²⁸. И, наконец, выдающейся личностью был духовник царя Алексея Михайловича в последние годы его жизни протопоп Андрей Савинович Постников (25 марта 1666 — март 1671) — книгописец и переводчик духовных сборников с польских оригиналов, фигура абсолютно контрастная Стефану Внифантьеву и отчетливо представляющая перемены в московской жизни, в московской барочной культуре²⁹. Несмотря на незаурядность этих личностей и созданные ими памятники литературы, никто из них не выступал с такими яркими публицистическими обращениями и не обладал таким полемическим настроением, какой можно видеть в борьбе Стефана Внифантьева за сохранение церковного благочестия и в согласующихся с его деяниями посланиях «грешного Агафоника». Исключением здесь может считаться благовещенский священник Сильвестр — выдающийся книжник, полемист, автор посланий, Жития княгини Ольги, автор или составитель «Домостроя», владелец келейной библиотеки. Существует мнение, что он мог быть вторым духовником Ивана Грозного в 1649–1650 гг., но это мнение неоднозначное, сведения о личности и позиции Сильвестра при дворе Ивана Грозного весьма противоречивы³⁰. Таким образом, существование определенного табу на публицистические высказывания царского духовника, которые могли повлиять на ситуацию во взаимоотношениях светской и духовной власти, вполне допустимо.

Принимая гипотезу о том, что «грешный Агафоник» — псевдоним корреспондента посланий архиепископу Серапиону и митрополиту Никону, можно вписать его использование в систему литературной игры, заданной прескриптом к этим посланиям. Наименование Агафон (*ἀγαθός* — благой, добрый) или Агафоник (*ἀγαθός, νίκη* — благопобедный, благопобедитель), если признавать его номинативом

²⁷ Покровский Н. Н. Афанасий (в миру Андрей) // СКИКДР. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А-К. С. 73–79; СПб., 2012. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. С. 20–29.

²⁸ Каган М. Д. Максим (во иночестве Моисей) // СКИКДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И-О. С. 323–326.

²⁹ Извеков Н. Д. Духовник царя Алексея Михайловича протопоп Андрей Савинович Постников // Христианское чтение. 1902. Т. 213, ч. 1. С. 126–139; Белоброва О. А. Андрей Савинов Постников // СКИКДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А-З. С. 86.

³⁰ Буланин Д. М., Колесов В. В. Сильвестр (во иноках Спиридон) // СКИКДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л-Я. С. 323–333; СПб., 2012. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. С. 353–357.

в греческом варианте, а не уменьшительной формой от первого, вряд ли следует считать загадкой, которую можно раскрыть этимологизацией личного имени: эта расшифровка не очевидна и не несет информации, соответствующей образу корреспондента. Но если признать, что автор «скрывается» за именем реального человека, то среди немногочисленных святых с таким именем, называемых русским месяцесловом³¹, находится преподобный пустынный, агиотип³² которого согласуется с литературным образом автора, этикетно представленном в прескрипте. Это преподобный Агафон Скитский, египетский пустынножитель, подвизавшийся в V в. Согласно сохранившимся источникам, он отличался необыкновенным смирением и незлобием; свидетельства мудрости и добродетели святого приводятся в «Апофтегмата патрум»³³. На деяния и изречения святого Агафона неоднократно ссылаются и авва Дорофей, одно из таких изречений, в котором учитывается опыт святого Агафона Скитского, приводится и послание «грешного Агафоника» митрополиту Никону: «А гордость всякому злу вина, якоже глаголет святыи авва Дорофей» (л. 171 об.)³⁴.

В заключение добавим еще один штрих к образу Стефана Внифантьева как просвещенного наставника, обладающего познаниями книжной премудрости и литературным даром. Одна из замечательных новейших находок, связанных с личностью Стефана Внифантьева, — его келейная книга — Евангелие учительное. М.: Печатный двор, 12.06.1652 — с собственноручной записью царского духовника:

«Книга / Христова / Евангелие / протопопы / Стефана / Внифантьева / келейное. / И кто станет / сию книгу / держати у себя, / и тому поучатися закону / Господню день и ночь / по сеи книги, / а за нас по [ней] Бога молить / и родители наши помянуть / незабвенно спасения ради своего / и братию нашу ползавати / всѣх послушающих. / Аще кто святых книги / чтет, з Богомъ беседует, / и слушающихи» (л. 1–42)³⁵.

³¹ В русском месяцеслове называются несколько святых, носивших это имя: 22 авг. ст. ст. — никоимидийский мученик Агафоник, принявший смерть за Христа при императоре Максимиане (284–305); 20 февр. — преп. Агафон, папа римский (678–681); 2 марта — преп. Агафон Скитский; 28 авг. — преп. Агафон Печерский, поминаемый вместе с другими преподобными, почивающими в Киево-Печерском монастыре, в Феодосиевых (дальних) пещерах. Возможно, именно редкость имени святого позволила автору использовать его в качестве псевдонима — уподобления образу одного из них.

³² О термине см.: Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534; здесь же наиболее полная библиография по теории, поэтике и стилистике именованного в литературном обиходе, в том числе в древнерусской письменности. См. также: Мароши В. В. К проблеме синкрисиса имени автора в древнерусской литературе // Культура и текст. Барнаул, 2013. №2. С. 104–117.

³³ Грацианский М. В. Агафон Скитский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 245; см. также: Veder W. R. The Scete Patericon: Introduction, Maps and Indices. Amsterdam, 2012. [Т. 1]. P. 251, 344, 381–382, 409 and oth. by index (Pegasus Oost-Europese Studies. Vol. 12).

³⁴ На полях рукописи глосса: «лист 36 и 37», проставленная копиистом по московскому изданию, см.: Ефрем Сирий. Поучения. Авва Дорофей. Поучения. М.: Печатный двор, 1.1.1652. Л. 36–37 2-го сч. На этих листах находится 2-е поучение аввы Дорофея «О смирennemудрии», в котором излагаются изречения скитских отцов, и, в частности, рассказ о кончине аввы Агафона (читается также в Прологе под 2 марта).

³⁵ См.: Белянкин Ю. С. Неизвестный автограф Стефана Внифантьева. С. 70–71; текст записи цитируется по более точному ее прочтению Е. М. Юхименко, см.: От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества. С. 55–56.

В этой записи не только «в духе московского кружка боголюбцев подчеркивается значение книжного учения и проповеди»³⁶, но и содержатся текстовые параллели к обоим посланиям «грешного Агафоника».

С одной стороны, в них неоднократно подчеркивается тема пользования ближних и пользы духовной, которая служит истолкованием слов Иоанна Златоуста:

«Зриши ли христианства основание, якоже бо художника дѣло есть, еже назидати, тако и христианина, еже всѣми *искренняго ползовати*» (РГБ, МДА 100, л. 325)³⁷;

– «Видиши ли, святыи владыко, како Павел апостол, и Златоустый Иоанн к ползѣ вся творити повелѣвают и к созиданию ближняго исправлению. Кая же полза получити предстоящим в церкви людем во время божественнаго пѣнія, егда в гласа два или три, и множае вдруг говорят — никакo ничесого, точию шум всеу и без ползы, и пагуба с великим грѣхом» (РГБ, МДА 100, л. 326);

– «Что убо нам, святыи владыко, которая полза и приобрѣтение, еже обращаяся / лицом от Спасова образа и от востока, паче же рещи по пророку, от самого Бога, на запад глаголати псалмы» (РГБ, ОР 180, л. 176 об.).

С другой стороны, тема прямого обращения христианина к Богу, беседы с Богом для получения спасения душе, также присутствует в публицистике ревнителей благочестия и, в частности, в послании Агафоника, в том месте, где он приводит архиепископу Серапиону Суздальскому доводы от правил Стоглавого собора:

– «Всяк правоверный со вниманием сердечным и со страхом Божиим моляся, такоу с Богом беседует» (РГБ, МДА 100, л. 331 об.–332)³⁸.

Таким образом, вопрос об атрибуции посланий «грешного Агафоника» напрямую связан с придворной жизнью середины XVII века, с московскими событиями, отраженными в публицистике ревнителей древнего благочестия. Насколько убедительны и достоверны доводы, приведенные в подтверждение создания Стефаном Внифантьевым двух памятников эпистолярной публицистики, адресованных церковным иерархам и провозглашающим идеи боголюбцев, возможно, покажет дальнейшее изучение наследия ревнителей благочестия — литературного явления, стоявшего у истоков публицистики раннего старообрядчества.

³⁶ От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества. С. 56.

³⁷ *Иоани Златоуст*. Беседы на 14 посланий Святого Апостола Павла. Киев, 1623. Стб. 1002.

³⁸ Любопытно, что запись Стефана Внифантьева на келейной книге дословно воспроизводит слова «Повести временных лет» о почитании книжном, вложенные в уста Ярослава Мудрого (под 1037 г.), по Ипатьевскому списку: «Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости <...> прилежно, то обрящеши великую ползу души своей. Иже бо часто кто четь книги, то бесѣдуетъ с Богомъ или святыми мужьми. Почитая пророчькия бесѣды, еуангелская учения и апостолская, и житяя святыхъ отецъ <...>, восприемлетъ душа ползу велику» (см.: Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова) // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 194). Случайно ли это совпадение, принадлежит ли текст словам летописца или не найденному пока источнику, отражающему достаточно общую мысль о пользе книжного чтения, с достоверностью сказать невозможно.

Элиза Малэк (*Eliza Malek*)

ОСОБАЯ РЕДАКЦИЯ «СКАЗАНИЯ О ВЕРЕ ХРИСТИАНСКОЙ И ЖИДОВСКОЙ»

Популярный в литературах и фольклоре многих народов сюжет о споре между жидовином и христианином¹ известен также восточным славянам. В рукописях конца XVII — XVIII в. встречаем как прозаические версии сюжета², так и его драматические обработки³.

Установленное Н. С. Тихонравовым⁴ существование двух редакций прозаического Сказания о вере: Краткой (представленной 7 списками конца XVII — XVIII в.) и Пространной (известной мне в 7 списках конца XVII — XIX в.) — в принципе подтверждается и нашими наблюдениями. Но в ходе археографических разысканий в сборнике БАН, 45.5.30, датируемом началом XVIII в., удалось выявить еще одну, не замеченную исследователями Особую редакцию этого памятника. Однако прежде чем перейти к ее характеристике, необходимо вкратце рассказать о известных ранее редакциях.

Краткая редакция Сказания о вере

Заглавия всех семи известных в настоящее время списков Краткой редакции Сказания о вере содержат жанровое определение «слово»: «Слово от древних списано о верах христианской и жидовской и еже есть вопрос первых времен о верах христианских и о жидовских» (РГБ, ф. 299, № 378), «Слово от древних списаний и о вере христианской и о жидовской, еже есть вопрос первых времен» (БАН, 13.6.8). Важно отметить, что в них акцентируется древность текста («от древних списано»,

¹ Ср.: Н607.1. Discussion between priest (theologian) and Jew (bricklayer); ТМ Н607.1. Discussion between priest and Jew carried on by symbols // *Rotunda D. P. Motif-index of Italian novella in prose*. Bloomington, 1942; *Иванов С. В.* «Прение жестами» в европейской литературе и фольклоре // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XX (1)*. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб., 2016. С. 320–354.

² *Malek E.* Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2000. С. 326–332.

³ Имеется в виду «Интермедіум жид из русином». Текст опубликован: *Гудзий М.* Українські інтермедії XVII–XVIII ст. Київ, 1960. URL: <http://izbornyk.org.ua/ukrinter/int13.htm> (дата обращения 8.12.2020).

⁴ Ср.: *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1861. Т. 3, отд. 2. С. 66–78.

«от древних списаний») и древность спора («еже есть вопрос первых времен»). «Слово о вере христианской и жидовской» четко делится на четыре части: экспозицию, завязку, прения (жестами и на словах) и концовку.

Содержание Краткой редакции таково: некий христианский князь спорит с иудейскими вельможами о том, чья вера лучше. Вельможи предлагают решить спор путем прения двух философов и обещают креститься в случае победы христианского философа. Его поражение, в свою очередь, должно означать переход христиан в иудейство. Князь соглашается на предложение вельмож и определение предмета спора, который должен охватывать проблемы «от создания мира и доньне», и тут же начинает поиски философа. Срок спора приближается, а между тем князю не удается найти подходящего человека. И тогда к нему является скоморох, говоря, что он хочет «говорити и прятися с жидовским философом». Иудеи, услышав, что князь посылает к ним скомороха, выбирают послом ученого книжника Тараску⁵, имеющего большую бороду и плешь на голове. Первый тур состязания — это спор жестами, в ходе которого Тараска показал один перст скомороху, а тот, думая, что жидовский философ хочет ему выколоть глаз, поднимает два перста, объявляя таким образом, что он готов выколоть Тараске оба глаза (толкование жеста Тараски отсутствует). Второй — испытание Тараской евангельской добродетели скомороха, который, получив затрещину от жидовина, находит способ ответить ему тем же. Третий — загадка о курице и о яйце (тоже сопряженная с физическим насилием: скоморох в ответ ударяет жидовина по плещи), четвертый — исчисление праздников. Скоморох предлагает вырывать из бороды по одному волосу на каждый праздник. Начав счет с Рождества, христианин доходит до праздника 14.000 избивенных младенцев. Тарас, потерявший почти всю бороду, признает себя побежденным. Князь христианский радуется и одаривает скомороха многими дарами и наделяет полномочиями: «И одарив его дары и постави его в своей области в нарочитом месте властию и судиею» / «постави властелина во своей области».

Пространная редакция Сказания о вере

Пространная редакция прения о вере озаглавлена в списках конца XVII в. «Сказание от древних книг, писаных о вере христианстей и жидовстей, иже есть вопрос первых времен» (ГИМ, Музейское собр., № 3860) или «Притча вельми полезна, како спиралися жидове с крестьяны, которая вера правее» (РГБ, ф. 310, № 643). Текст этой редакции тоже открывается информацией о споре некоего христианского князя с жидовскими вельможами о том, чья вера лучше. Поскольку им не удастся найти доказательств превосходства одной религии над другой, жидовские вельможи предлагают провести прение с участием философов на тему «от создания мира и доднесь совершения», с тем условием, что побежденная сторона примет веру победителей.

⁵ По мнению Н. А. Петровского, имя Тарас / Тараска — производное от греч. *ταράσσω* — приводить в смятение, тревожить. См.: *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. М., 1966. С. 263.

Князь христианский целый месяц безуспешно ищет ученого мужа, который мог бы доказать превосходство христианской религии. К опечаленному князю является скоморох и, узнав, что князю не удалось найти философа, предлагает ему свои услуги. Князь сомневается в его возможностях, говоря: «Скоморох еси и книг не учился, ни писания ведаешь, лише скоморошить твое дело и у христиан манить денег горазд». Но скоморох убеждает его, что «и христиан надобе оманывать умеючи <...>. И тому, господине, мы учимся памяти, а по книгам також помню немного, и преспираю их скоро, а вас размещу» (ГИМ, Музейское собр., №3860, л. 15 об.–16). Князю понравилась речь скомороха, и он, одев его «во многоценное платье, дарагия ризы», приводит его на место спора. Жидовские вельможи обрадовались, «что не мудреца послал, но глупца и посмешника послал к ним», сами же выбирают для диспута «философа именем Тараска жидовина, мужа мудра и хитра, горазда книгам и велеречива» (там же, л. 16–16 об.) с великой бородой и плешью. Скоморох, как добавляет повествователь, был крив. Само прение распадается на четыре тура: прение жемами (причем их количество, сравнительно с Краткой редакцией, вырастает до шести), проверку евангельской добродетели скомороха, загадку о курице и яйце и исчисление праздников⁶, которые превращаются в явное глумление над жидовином (скоморох ударяет его ладонью по плещи, а потом вырывает из бороды по одному волосу за каждый христианский праздник). Заканчивается состязание полным посрамлением жидовского философа и его бегством с места диспута.

Особая редакция

Особая редакция Сказания о вере помещена в сборнике БАН, 45.5.30, датированном началом XVIII в., в котором читается также единственный известный в настоящее время список Распространенной редакции «Повести утешной о купце, который заложился с другим о добродетели жены своей»⁷ и Особая редакция «Фацеций польских». Возможно, что все названные произведения были отредактированы одним и тем же лицом, но для этого следовало бы провести комплексное исследование сборника.

Смысловые изменения Сказания в этом списке прослеживаются уже в заголовочном комплексе. Произведение получает новое пространное заглавие — «Сказание о князех, о христианском и о жидовском, и о их философах, како у них было прение о своих верах и како оные философы между собою говорили», в котором сильнее подчеркивается роль философов в споре христиан с жидами. Более того, антагонисты как бы уравниваются по своему статусу: христианскому князю противопоставляются не жидовские вельможи, но князь жидовский⁸, причем оба князя получают

⁶ Далее этот вариант прения о вере будем называть «Сказанием о вере христианской и жидовской».

⁷ Ср.: Malek E. Повесть утешная о купце Беньяша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью). Łódź, 2013. С. 48–49, 74–87.

⁸ Хотя на л. 142 по недосмотру редактора (или переписчика) Тараска объясняет ход прения не князю Бирилею, а жидовскому вельможе. Эта ошибка указывает на вторичность Особой редакции по отношению к Распространенной редакции.

имена: христианский именуется Афанасием (от греч. *ἀθανασία* — бессмертие)⁹, жидовский — Бирилеем¹⁰. Можно подумать, что автор данной редакции (сознательно или подсознательно) следует христианской традиции имянаречения, которая предполагает, что «словесный облик имени станет формообразующим началом личности, определит суть и судьбу именованного»¹¹, а также вписывается в литературную культуру переходного периода, в которой, согласно наблюдениям Е. К. Ромодановской, появляются вымышленные — псевдоисторические имена¹². Возвышен также статус скомороха, который в заглавии именуется философом. Эта модификация неслучайна, ниже увидим, что автор Особой редакции опускает те фрагменты Пространной редакции «Сказания о вере христианской и жидовской», в которых князь сомневается в умственных способностях скомороха, он принимает предложение скомороха вступить в диспут с жидовским философом без малейшего колебания.

Расширена и фактически заново написана экспозиция Сказания. В ней говорится о том, что жидовский князь Бирилей всеми правдами и неправдами пытается обратить в свою веру христиан из соседнего княжества. Он ведет себя как турецкий султан, обращающий поработанных славян в мусульманство. Бирилей «многия ему (т. е. князю Афанасию — Э. М.) пакости деяше, иных же христиан силно взимая и в свою веру бусурманя» (л. 141 об.). Князь христианский Афанасий, «слыша сие и недоумевашеся, что сотворити».

В Пространной редакции «Сказания о вере христианской и жидовской» после произнесения противостоящими сторонами спора бездоказательных пока тезисов о превосходстве жидовской и христианской религий князь христианский задал жидовским вельможам вопрос: «И како нам испытать возможно, которая убо лучше?»¹³, а они предложили решить спор прением двух философов. В Особой редакции князь Афанасий только молится «Богу о избавлении христиан от богомерзкаго князя жидовскаго», а Бог, выслушав его молитву, «помилова создание руки своя, христиан, вложи мысль в сердце жидовскому князю, еже и сотворися». О том, какую, собственно, мысль вложил милосердный Бог «в сердце жидовскому князю», в списке БАН не говорится, поэтому не совсем ясно, почему князь Афанасий ищет философа. Поскольку в настоящее время мы не располагаем другими списками этой редакции, трудно сказать, чем объяснить эту логическую лакуну: ошибкой писца, опустившего этот пассаж, или недостатком архетипа.

Далее очень кратко говорится о неудачных попытках князя найти философа и его печали, вызванной невозможностью отыскать достойного соперника жидовскому

⁹ Ср.: *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен... С. 61.

¹⁰ Этимологию этого имени не удалось установить. Отметим, однако, что фамилия Бирилей встречается сегодня у жителей Республики Тыва и в Хакасии, а в Иркутской области течет река Бирилей.

¹¹ *Ратникова И.* Христианская модель ономастической харизмы в русском языке и культуре XX века // *Studia Rossica Posnaniensia*. Познань, 2001. Т. 29. С. 142.

¹² См.: *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 35–52.

¹³ Текст Пространной редакции «Сказания о вере христианской и жидовской» цитируется по списку ГИМ, Музейское собр., № 3860 (далее: Муз. 3860).

философу. Повествование о приходе ко князю скомороха тоже предельно лаконично: «И прииде к нему некий скоморох, и рече князю: “Я хошу говорить з жидовинном-философом о вере христианской и о жидовской”». Опущен пространный диалог князя со скоморохом, который убеждал его в своих возможностях, нет ни малейшего указания на сомнения князя в его грамотности, не говорится об одевании его в драгоценное платье и, наконец, нет описания реакции жидовских вельмож на выбор «глумца и посмешника» вместо философа. Повествователь сразу переходит к «презентации» философов:

И снидошася на срок. Князь же христианский повеле привести скомороха, он же прииде, а велможа жидовский¹⁴ приведе жидовина-философа, именем Тараса, мужа мудра и гораздна книгам, и велеречива. Бяше же бо той жидовин плешив, а брада велика (л. 142).

Не менее значительны изменения в составе «немых» и словесных загадок. Правда, прение скомороха с жидовским философом в этой редакции открывается традиционными для Пространной редакции «Сказания о вере христианской и жидовской» «немыми» вопросами «Кто сотвори небо?» и «Кто сотвори Адама?». Но этим сходство с ним кончается. В списке БАН нет третьего вопроса («Бог един на небесех») из этого мини-цикла, нет и целого блока вопросов о бесах (Чего ради беси столь черны стали? Чего ради беси вси с крюками? Кого тако беси тянут крюками?), зато появляются десять вопросов, не известных Пространной редакции «Сказания о вере». Есть среди них загадки о происхождении человека, загадки космологического характера и т. п., т. е. такие, какие можно отнести к категории ученых диспутов.

Тридцать лет тому назад, изучая компилятивную «Повесть о португальском посольстве», я обратила внимание на совпадение первых вопросов португальского мудреца с вопросами жидовина Тараски из «Сказания о вере христианской и жидовской» по списку БАН, 45.5.30¹⁵. Но эти совпадения глубже и многостороннее, чем тогда казалось. Повторное сличение текстов «Повести о португальском посольстве» и Особой редакции Сказания показало, что их авторы могли опираться на один и тот же (пока не выявленный) источник. Об этом свидетельствуют, во-первых, общий для них пропуск «бесовского блока» вопросов и, во-вторых, тождество первых двенадцати вопросов, задаваемых португальским мудрецом бранденбургскому послу, и вопросов, задаваемых жидовским философом скомороху. Они следуют друг за другом точно в такой же последовательности, как в «Сказании о князех, о христианском и о жидовском» из списка БАН, и почти не отличаются лексически. Сравним:

¹⁴ Здесь явная непоследовательность. Заменяя «жидовских вельмож» князем Бирилеем в начале текста, редактор как бы забыл о своей «находке» и сохранил в своем тексте чтение Пространной редакции «Сказания о вере христианской и жидовской». Так, кстати, он поступит и в другом месте, когда Тарасий будет объяснять жесты «немовой беседы». Сперва узнаем, что он объясняет их вельможе, а потом читаем: «Князь же жидовский подивися вопросу и ответу их».

¹⁵ Ср.: Малэк Э. 1) О происхождении и источниках «Повести бывшего посольства в Португальской земле» // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria, Łódź, 1988. Т. 22. С. 7–16; 2) Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008. С. 25–35.

Сказание о князех, о христианском и о жидовском	Повесть о португальском посольстве
1. Кто сотвори небо?	1. Кто сотвори небо <i>и свет?</i>
2. Кто, де, сотворил Адама?	2. Кто сотвори Адама?
3. Кто, де, дал сан человеку?	3. Кто даде сан человеку?
4. Кто сотвори множество народу?	4. Кто сотвори множество народа?
5. Коих больше на земли: чистых человек и достойных Богу или <i>противных?</i>	5. Кого больше на земли: чистых ли человек и достойных Богу, — или <i>недостойных?</i>
6. Мужеска ли полу болши или женска?	6. Мужеска ли полу вяцши или женска?
7. Коего древа болши: стоячего или лежащего?	7. Коего древа болши: стоящего ли или лежащего?
8. Воды ли болше или земли?	8. Воды ли болши или земли?
9. Велика ли земля пред водами?	9. Велика ли земля пред водами?
10. Высоко ли от нас и далеко ли отстоит небо?	10. Высоко ли от нас и далеко ли небо?
11. Колико есть разстояние от востока и до запада?	11. Колико есть расстояние от востока до запада?
12. Колика есть глубина морская величеством?	12. Коли есть глубина морская величеством?

Следующей отличительной чертой Особой редакции является другое оформление прений. В Пространной редакции «Сказания о вере христианской и жидовской» после каждого немого вопроса жидовина Тараски и такого же ответа скомороха следует оценка ответа скомороха жидовским философом, в Особой редакции дается сводная оценка всех ответов скомороха после окончания прения жестами. В качестве иллюстрации этих расхождений приведем текст первого вопроса по двум древнейшим спискам Пространной редакции «Сказания» в сопоставлении с текстом Особой редакции.

Муз. 3860	РГБ, ф. 310, № 643	БАН, 45.5.30
И Тараско жидовин <i>руку</i> высоко возвел, и поведе рукою по земли, и помысли: « <i>Кто сотвори небо и землю?</i> ». Скоморох же помысли: «То хочет-де меня ударить». И махнул рукою по земли, и помысли: «Ты-де меня ударишь в голову, а яз тебя по боку». <i>И Тараско помысли: «То, что он махнул по земли и сказал, кто сотвори небо и землю, и он то мне отгонул гораздо»</i> (л. 16 об.–17).	Тараско же указа <i>перстом</i> на небо и помысли в себе: «Бог един на небесех». Скомрах же помысли: «То-де он меня хочет бросить на небеса». И указа ему перстом на землю: «Аз-де тебя ушибу о землю». <i>Жидовин же помысли: «То-де я оному заганул, что Бог един на небесех, и он-де мне указал, той же будет судить и на земле, и он-де то мне отганул».</i>	И как сошлись скоморох з жидовином, и той жидовин философ показа скомороху <i>перст</i> един кверху, а заганул ему, <i>кто сотвори небо</i> . Скоморох же чает, <i>что хочет ево ограбить и на кол посадить</i> , и показа ему так же един перст к высоте, и обрати его к земли, а заганул ему: «То аз не точию по твоему сотворю, но и к самой земли приклоню и с нею смешу, и ударю о землю».

В списках Муз. 3860 и РГБ Тараско (жидовин), как нетрудно заметить, сразу мысленно интерпретирует жесты скомороха, в то время как в Особой редакции жидовин объяснил ход прений только тогда, когда кончилась «немовная философская их беседа», говоря «по жидовскому языку»:

«Премудр-де сей христианский философ. Я-де показанием перста в высоту вопрошал его: „Кто сотвори небо и свет?“, он же убо в высоту показа и к земли обрати, яко той же-де и землю сотвори. А еже аз перстом показа прямо ему и вопросих его, кто сотвори Адама, он же и два перста показа ми и отвеща, яко той же-де и Евву сотвори. А еже обоима рукама аз браду поглаждая и вопросих его, кто даде сан человеку, он же трением власов главы своєю отвеща ми, яко той же даде и главнии власы» (л. 143 об.–144).

И таким образом жидовский философ истолковал все ответы скомороха. «Князь же жидовский, — как добавляет рассказчик, — подивися вопросу и ответу их».

Подобным же образом объясняется ход прений и в «Повести о португальском посольстве», что еще более удостоверяет наше предположение о наличии общего для них источника. Бранденбургский мудрец говорит:

«Показанием перста в высоту вопросих его: „Кто сотвори небо и свет?“ Он убо, в высоту показа и к земли обрати, премудро отвеща ми, яко — „Той же и землю сотвори“. А еже аз перстом показа прямо ему, — вопросих его: „Кто сотвори Адама?“ Он же два перста показа ми, отвеща, яко: „Той же и Еву сотвори“. А еже обоими руками браду поглаждая, вопросих его: „Кто даде сан человеку?“ Он же трением власов главы своєю отвеща ми: „Той же даде и главнии власы“.

Слышав же сия, король похвали его о мудрости и отпусти его»¹⁶.

Отметим, что часть загадок, на которые должен ответить жидовину скоморох в Особой редакции Сказания, известна и по другим памятникам древнерусской письменности. Так, например, во всех редакциях «Повести о Басарге» Несмеян задает отроку вопрос: «много ли от востока до запада» (в Особой редакции: «Колико есть разстояние от востока и до запада?»), т. е. вопрос о пространственном устройстве вселенной, а в так называемой «басурманской редакции» появляется загадка: «Стоячего ли древа боле или лежачего?» (в Особой редакции: «Коего древа болши: стоячего или лежащаго») ¹⁷.

Следующий сегмент Особой редакции — поединок на жесты и слова, связанный с проверкой следования скоморохом евангельским заповедям, и загадка об яйце и курице, — законченный предложением Тараса перейти к словесным прениям на тему, в чьей религии больше праздников, текстуально близок спискам Пространной редакции.

Заканчивается Особая редакция Сказания победой скомороха, который оказался настолько «разумен и смыслен», что посрамил жидовского философа и заодно всех жидов. Его поступок по достоинству оценивается христианским князем, который «даде скомороху велия дары, и нача его чтити велми, и властелина его постави во всей области своєю и над велможамы судию». Такой констатацией завершаются и списки Пространной редакции. Но автор Особой редакции дополняет рассказ о победе скомороха над жидовином словами: «И от того времени князь христианский никогда же не виде никакого изгнания от князя жидовского и от жидов», которые естественно перекликаются со словами зачина.

¹⁶ Цит. по: Повесть о португальском посольстве // БЛДР. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. С. 430.

¹⁷ Ср.: Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969. С. 82, 94, 201, 211.

Наши наблюдения над текстом Особой редакции «Сказания о вере христианской и жидовской» показывают порождающий потенциал сюжета о споре жидовина с христианином о вере, а также иллюстрируют новые возможности интерпретации образа скомороха. В данной редакции скоморох приравнивается по своему статусу к жидовскому философу, а его успех основан не только на смеховой интерпретации вопросов Тараса, но и на сформулированных словесно умных ответах на вопросы о мироздании. В отличие от Пространной редакции Сказания о вере, облагорожен также внешний вид скомороха. В Особой редакции нет и намека на то, что он без одного глаза (кривой), а князь христианский не сомневается в его уме и не одевает его в богатые одежды, видимо, считая его облик достаточно благородным. Жидовский же философ Тарас после первого тура состязания тоже признает его высокие умственные способности, сообщая князю: «Премудр-де сей христианский философ». «Князь же жидовский подивися вопросу и ответу их».

Приложение

л. 141 об.

Сказание о князех, о христианском и о жидовском, и о их философах, како у них было прение о своих верах и како оные философы между собою говорили

Во дни злочестиваго и безбожнаго князя жидовскаго Бирилея бысть князь христианский, именем Афанасий, и живяше близ того жидовскаго князя. Той же жидовский князь Бирилей хотяще того христианскаго князя со всеми людми его привести во свою жидовскую веру и область, и многия ему пакости деяше, иных же христиан силно взимая и в свою веру бусурманя. И глаголаше, яко «наша жидовская вера лучше христианская», и тако всегда, не престаая, пакости творяще христианом. Князь же христианский слышася и недоумевашеся, что сотворити, но токмо моляшеся Богу о избавлении христиан от богомерзкаго князя жидовскаго. Господь же Бог услыша молитву его и помилова создание руки своея, христиан, вложи мысль в сердце жидовскому князю, еже и сотворися.

В некое время *посла жидовский князь // (л. 142) во своей вере философа¹⁸, и не обретоша никого же, и печален бысть. И прииде к нему некий скоморох, и рече князю: «Я хошу говорить з жидовином-философом о вере христианской и о жидовской».

И снидошася на срок. Князь же христианский повеле привести скомороха, он же прииде, а велможа жидовский приведе жидовина-философа, именем Тараса, мужа мудра и гораздна книгам, и велеречива. Бяше же бо той жидовин плешив, а брада велика.

И как сошлись скоморох з жидовином, и той жидовин философ показа скомороху перст един кверху, а загнул ему: «Кто сотвори небо?». Скоморох же чае, что хошет ево ограбить и на кол посадить, и показа ему так же один перст к высоте, и обрати его к земли, а загнул ему: «То аз не точию по твоему сотворю, но и к самой земли приклоню и с нею смешу, и ударю о землю».

¹⁸ Искажение, в Пространной редакции: «нача князь христианской во своей вере искати философа».

Жидовин же философ единым перстом показа прямо ему, а загнул ему то: «Кто-де сотвори Адама?» Скоморох же чаёт, что хочет ему глас выколоть, и показал ему и два перста, а загнул: «Я-де тебе и оба глаза выколую».

Жидовин же философ обоими руками браду // (л. 142 об.) свою поглаждая, а загнул ему: «Кто-де дал сан человеку?» Скоморох же чаёт, что хочет у него браду драть и обоими руками власы на главе своей многожды потре и поглади, а загнул ему то: «Аз не точию едину браду твою, но и главныя власы все выдеру».

Жидовин же философ двократно и трикратно пожимая и потирая персты рук своих, а загнул скомороху то: «Кто сотвори множество народу?» Скоморох же чаёт, что хочет он его бити и персты у рук ломати, и нача такожде пожимати у рук и у ног персты, и потирая, а загнул ему то: «Аз не точию у рук, но и у ног твоих персты все переломая».

Жидовин же философ прием воду и десницею поливая на лице свое, а загнул ему: «Коих болше на земли: чистых ли человек и достойных Богу или противных?» Скоморох же чаёт, что хочет его в воде потопити, и такожде прием воду, и взял в десницу свою мало земли и с водою смесив, и поливая на лице свое, а загнул ему то: «Аз надеюся и всего тебя в грязь потопити».

Жидовин же философ десную руку показа, таже и левую, а загнул ему то: «Му// (л. 143) жеска ли полу болши или женска?» Скоморох же чаёт, что хочет его бити, и показа ему едину левую руку двократно и трикратно, а загнул ему то: «Аз единою точию рукой преодолею тя».

Жидовин же философ прием жезл и подержа его мало стоячего, таже положи на землю и паки взял его, а загнул скомороху то: «Коего древа болши: стоячего ли или лежащего?» Скоморох же чаёт, что его хочет жезлом бити и паки в ответе быти. И тако же жезл прием, и подержа, и бросил на землю, и не прикоснулся ему, а загнул ему то: «Аз не тако учиню, но единою ударю и не будешь жив».

Философ же жидовски взял сосуд воды и около некия малыя земли круговидно обнес и постави, посем малую землю около воднаго сосуда обнесе и землю на свое место положи, а загнул скомороху то: «Воды ли болше или земли?» Скоморох же чаёт, что о смерти его спрашивает от воды или от земли, и взял тою же воду, обнесе около малыя земли и постави, малую же землю всыпав в сосуд, а загнул философу // (л. 143 об.) то: «Аз, немного говоря, возму тебя да и в воду брошу»¹⁹.

Жидовин же философ малую землю окружая малыми и великими круги своя рука, а загнул скомороху: «Велика ли земля пред водами?» Скоморох же чаёт, много ли ему земли на положение тела надобно, и единым токмо перстом уткну в землю, а загнул философу то: «Аз тя во едином ткнении перста вмещу».

Князь же христианский зело удивися вымышленному ответу скоморохову. И тако скончается немовная философская их беседа.

Жидовин же философ рече велможе²⁰ своему по жидовскому языку: «Премудр-де сей христианский философ. Я-де показанием перста в высоту вопрошал его: „Кто

¹⁹ Испр., в ркп. прошу.

²⁰ Здесь, по-видимому, ошибка. Ниже говорится, что «Князь же жидовский подивися вопросу и ответу их», следовательно ответ Тараса адресован не вельможе, но князю.

сотвори небо и свет?», он же убо в высоту показа и к земли обрати, яко — „Той же-де и землю сотвори”. А еже аз перстом показа прямо ему и вопросих его: „Кто сотвори Адама?”, он же и два перста п[ок]аза ми и отвеща, яко: „Той же-де и Евву сотвори”. А еже обоима рукама аз браду поглаждая и вопросих // (л. 144) его: „Кто даде сан человеку?”, он же трением власов главы своєю отвеща ми, яко: „Той же даде и главнии власы”. Аз пожиманием рук своих вопрошах его: „Кто сотвори множество народа?”, он же руками и ногами пожимаяся, отвеща ми, яко: „Со множеством народа и безсловесная вся сотвори Бог”, руками же объявляя множество народа, ногами ж безсловесная вся. Аз поливанием воды на лице свое вопрошах его: „Которых болши на земли, чистых ли человек и Богу достойных, или нечистых и противных?”, а он землю поливах лице свое и отвеща ми, яко: „Множество скверных и недостойных Богу”. Аз десную руку показях, потом же и левую, вопрошах его: „Мужеска ли полу на земли болши или женска?”, он же показа ми точию едину левую руку и отвеща, яко: „Болши есть женска полу”. Аз же жезл стоячий положих и паки взят, и вопрошах его: „Киих древес болши на земли, стоящих или лежащих?”, оный же повержением жезла на землю отвеща ми, яко: „Лежащих древес болши есть”. Аз убо водою в сосуде круг земли обнес и малою // (л. 144 об.) землю круг воды обведе, и вопросих его: „Воды ли болши или земли?”, а он водою круг земли обнес и землю в воду положил, и отвеща ми, яко: „Вода всю землю окружает, но обаче земли болше, понеже воды внутрь себе имеют горы и холмы великия”. А еже землю в воду вложи, аз убо землю перстом окружах, он же отвещах ми: „Пространство ея подобно сему единому ткнению перста”».

Князь же жидовский подивися вопросу и ответу их.

Жидовин же философ рече скомороху: «Имаши ли язык, яко да глаголеши ми, о них же имам аз вопрошати тя?» Скоморох же язык жидовский от уст своих мало показа и ничтоже глагола. Жидовин же философ рече: «Что не глаголеши, говори со мною!»

И вопрошах его: «Высоко ли от нас и далеко ли отстоит небо?» Скоморох же отвеща: «Жидовский философ! Дивлюся аз твоим глаголом, яко бы не ведая, вопрошаеши мя. Небо недалеко от нас и велми есть блиско. Еда убо гром тамо гремит, // (л. 145) а живущии мы на земли велми явно и чудно его гремение слышим».

Жидовин же философ рече скомороху: «Колико есть разстояние от востока и до запада?» Скоморох же рече: «Не вем, что вопрошаеши, философ. Не веси ли, яко точию едином днем солнце переходит от востока до запада и ничтоже имам дальняго разстояния?»

Жидовин же философ рече: «Колика есть глубина морская величеством?» Скоморох же рече: «От множества рыб уверимся, понеже море велику²¹ глубину имать, рыбы бо едином часом поверх вод и во глубине бывают сна ради²², и видими все, но понеже они не спят на верху воды, но отходят во глубину морскую.

Посем жидовский философ ударил скомороха по уху и рече ему: «Послушай, философ христианский! Написано в ваших книгах во святом Еуангелии: „Аще кто

²¹ *Испр., в ркп.* невелику.

²² *Испр., в ркп.* роди.

кого ударит по ланите, то обрати ему и другую»». И рече скоморох жидовину-философу: «Послушай, философ! В том же святом Еуангелии пишет: „Аще что творят вам человецы и вы им творите такожде”». И удари скоморох жидовина-/(л. 145 об.) философа противу по уху.

И рече жидовин-философ скомороху: «Скажи, философ христианский, курица ли от яйца или яйцо от курицы?» Скоморох же з жидовина снял шапку и ударил его по плещи ладонью, и рече ему: «Жидовине-философе, отгадывай, от чего госнуло, от руки ль или от плещи?»

И посем велми стало срамно жидовскому философу, и рече жидовин-философ скомороху: «Оставим мы то все и сочтем праздники в году. В которой вере болши праздников, та вера и лучше». И рече скоморох: «Добре рекл еси, философ». И рече жидовину: «Дай же мне, жидовине-философе, напредь в моей вере счести праздники в году и вели мне у себя рвать волосы из бороды да класти по волосу пред собою и пред тобою да памятно будет. Сколко в которой день праздников, столко и волосов выдерну, а ты, жидовине-философе, посем же станешь считать в своей жидовской вере праздники и ты такожде у меня рви по волосу из бороды и клади пред собою и предо мною».

И рече жидовин: «Добре рекл еси. // (л. 146) Буди по глаголу твоему тако, яко же хочещи». И рече скоморох жидовину: «Слушай, философ-жидовине! В нашей вере христианской из начала всем праздников²³ Рожество Господа нашего Иисуса Христа, иже вы, жидове, распяли его на кресте зависти ради, и в третий день он воскрес, и в четыредесятый день возшел на небо и седе одесную Бога и Отца. — И вырвал у жидовина из бороды волос. — А на другой день у нас праздник Собор Пресвятыя Богородицы — вырвал и другой. — А на третий день у нас праздник святого перво-мученика и архидиакона Стефана, иже вы жидове исповедания ради веры Христовы камением его убиша. — И вырвал у него и третий. — А на четвертой день у нас праздник святых мученик дву тму, иже в Никомидии созженных. — И изымал жидовина обема рукама за бороду, и вырвал у него мало не всю. — А в пятый день у нас праздник святых младенцов четыренадесяти тысящ, иже в Вифлиеме за Христа избенных от Ирода цара. — И вырва у жидовина остаток бороды и с мясом, и рече ему: «Считай, жидо-/(л. 147)вине-философе, будет ли столко волосов, сколко младенцов избенных. Ведаю я, что столко не будет, давай чем добавлять да и весь год коими считать».

Жидовин же философ не терпе стояти и побеже с собора посрамлен, и все жидове разбегошася посрамлени. Князь же христианский рад бысть и даде скомороху велия дары, и нача его чтити велми, и властелина его постави во всей области своей и над велможамы судию. Бяше бо скоморох разумен и смыслен, и прославися во всей области слава его. И от того времени князь христианский никогда же не виде никакого изгнания от князя жидовского и от жидов.

БАН, 45.5.30, л. 141 об.—146.

²³ *Испр., в ркп. праздников праздников.*

Ирина Лобакова

ЦАРСТВОВАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО В ОЦЕНКЕ ПЕРЕПИСЧИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПИЛЯЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

В исследованиях литературы Нового времени проблема «автор-текст-читатель» была поставлена еще в XX в. и решалась в двух основных направлениях: широко понимаемого диалога¹ или поиска в тексте соответствий субъективным переживаниям, мыслям, личному опыту читающего. Еще А. А. Потебня заметил: «Человек не может выйти из круга своей личной мысли»², что, главным образом, и объясняет возможность появления множества интерпретаций произведения, широту подхода к аспектам его изучения и споров о точности прочтения авторского замысла. М. Л. Гаспаров, не разделяя взгляда на отношения автора и читателя как диалог, писал: «Книги отвечают нам не на те вопросы, которые задавал себе писатель, а на те, которые в состоянии задать себе мы, а это часто очень разные вещи»³. Безусловно, в средневековой культуре данная проблема тоже существовала. Так, в догматических спорах оппоненты использовали общий источник цитирования, при этом нередко одни и те же цитаты, находясь в уверенности, что располагают основаниями для обвинения друг друга в ереси. Объяснение появления новых редакций литературных памятников, как правило, связано с тем, что с течением времени становилось иным понимание смысла произведения, возникало желание соотнести круг проблем своего времени с тем, что был затронут в произведении прошлого, «приблизив» памятник к своей эпохе и ее стилю.

Летописные своды и многочисленные летописцы XVII в. также переписывались и редактировались с учетом позиции их составителей, при этом данная рукописная традиция не прерывалась с наступлением XVIII в. Личные размышления переписчика об эпохе Ивана Грозного сохранились в рукописи первой половины XVIII в.⁴

¹ См., например: *Бахтин М. М.* Эстетика словесного искусства. М., 1979; *Тюна В. И.* Мастерство читателя // Вестник Кемеровского университета. 2017, №4. С. 219–224.

² *Потебня А. А.* Мысль и язык. Киев, 1993. С. 160.

³ *Гаспаров М. Л.* Филология как нравственность // Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 99.

⁴ Четко читается филигрань в виде герба в щите, поделенном на 6 (?) плохо распознаваемых мелких фрагментов. Щит увенчан рыцарским шлемом (?) с перьями, на левом верхнем углу сидит маленький орел. С боков щит поддерживают два зверя, мало похожие на львов, больше напоминающие поджарых гончих. Аналогов обнаружить не удалось ни в одном из известных альбомов филиграней (включая альбомы А. Churchill, R. Gaudrialet, H. Voorn). Однако в записи на л. 718 об. приведены рассуждения о трех великих правителях, потерявших отцов в раннем детстве и воспитанных матерями. Кроме князя Святослава Игоревича и Ивана Грозного, в их числе назван Петр I, что позволяет отнести создание свода к 1-й пол. XVIII в., тем более что основной почерк и стиль также соответствуют этому времени.

из собрания РНБ. Этот манускрипт (собр. М.П. Погодина. № 1417)⁵ в половину александрийского листа, на 722 листах⁶, основной текст которого переписан двумя основными почерками. Большая часть этой исторической компиляции написана крупной кругловатой скорописью черными чернилами⁷. На каждом листе рукописи хронологические записи заключены в чернильную рамку, иногда на полях встречаются написанные тем же почерком, но более мелко, пропущенные слова или фрагменты текста. В тексте события следуют под датами, характерными для летописной традиции (от сотворения мира), а на полях приводится их перевод на летосчисление Нового времени (от Рождества Христова).

Переписчик основной части компиляции оставил свои пометы и рассуждения различного объема на протяжении всей рукописи⁸. Так, на л. 19 об. читаем на полях комментарий к известию о междоусобице сыновей Александра Невского: «Сколь же долго оба брата великие князи Дмитрей Александровичь и Андрей Александровичь друг на друга воевали, а новгородцы то тому, то другому повиноватца принуждены были». Копируя Сказание о Мамаевом побоище, переписчик включает в текст свое «предувѣщание» о приметах: «Здѣ читая о примѣтах, да не помыслиши, любезный читателю, оныя военныя примѣты быти вражбийства нѣкая или волшебства инно волшебство. Волшебство бо и вражбийство есть от диавола: злобѣ всегда ходатайственно. Примѣта же — от искусства человеку бывает в таковыхъ случаяхъ прилучившуся многажды же, и от самага Бога в ползу или в наказание хотящее быти человекомъ предобъявляются различна предзнаменования не токмо на земли, но и на воздухъ...» (л. 138 об.).

Однако основная часть рассуждений посвящена корпусу сведений о царствовании Ивана Грозного. Среди источников сведений о событиях того времени составителем был использован широкий круг памятников, зафиксировавших разные взгляды на правление царя, часто — прямо противоположные: 2-я редакция Летописного свода 1652 г., Новгородская III летопись, Степенная книга, послания князя А. М. Курбского и послания Ивана Грозного, послание царя Ивана IV Эрику Шведскому, Казанская история, Житие митрополита Филиппа, Хронограф в редакции 1617 г., Соловецкий летописец.

⁵ Все цитаты приводятся по этой рукописи, номера листов указаны в скобках в тексте статьи.

⁶ Рукопись начинается с известия 1261 г., в верхнем поле листа сохранилась пагинация переписчика — 386 (т. е. первоначальный объем манускрипта — 1108 листов). На л. I скрепа почерком XVIII в. «Ic(!) knig Grigogia Porova». Ниже имеется владельческая запись XIX в. Ф. Беляева.

⁷ В рукописи вторым почерком (гражданским) коричневыми чернилами написаны переработка Казанской истории (л. 511–554 об.); Послание Ивана Грозного Эрику Шведскому (л. 602–609 об.); известия о Ливонской войне и Сказание о приходе Стефана Батория на Псков (л. 648–701).

⁸ Вопрос, был ли переписчик составителем данного свода или только его списателем, требует специального исследования: наш материал не может дать оснований для бесспорных выводов. Однако существенным, на наш взгляд, является последовательное поновление лексики как в основном тексте свода, так и в комментариях к нему. Стилистических различий между ними не наблюдается, что позволяет предположить, что редактором исторического свода был переписчик. Хотя компиляция была создана в первой половине XVIII в., не обнаруживается следов влияния на ее создателя исторических сочинений того времени, равно как и она не оказала влияния на отношение к эпохе Ивана Грозного таких известных историков, как В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, взгляды которых на правление этого государя резко отличаются друг от друга и не совпадают с наблюдениями и выводами нашего переписчика.

Записи, в которых очевидны попытки переписчика выразить свое отношение к событиям царствования Ивана Грозного, связаны с известиями о казнях, об опрличнине, о посланиях князя Андрея Михайловича Курбского Ивану Грозному, Тимофея Тетерина и Марка Сарыгозина боярину Михаилу Яковлевичу Морозову, о деятельности и судьбе митрополита Филиппа, о разгроме Новгорода в 1570 г.

Первый такой фрагмент текста, в котором подбор лексических средств позволил переписчику проявить отношение к событиям, читается под 1552 г.: «Государь-царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ всея Русии велѣл на Москвѣ казнити на площадѣ торговых людей и гостей многое множество (выделено мною. — И. Л.)⁹, идѣже нынѣ стоят храмы на Рву на костях казненных и убиенных и на крови поставлены» (л. 562 об.). Отметим, что указанная в своде дата вызывает серьезные сомнения: по сведениям других исторических источников, массовая казнь торговых людей состоялась в 1571 г. (в частности, это событие стало основой сюжета легендарной повести о Харитоне Белоулине)¹⁰.

Писец дополнил летописное сообщение о введении на Руси опрличнины своими рассуждениями¹¹. «Лѣта 7071 великий государь царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ всея Русии самодержецъ ввел опрличину (sic!), а имянно: онъ поручилъ правление государства для виду бывшему хану Казанскому, нареченному во святом крещении Симеону. При томъ удержалъ онъ за собою нѣкоторые города и мѣста, кои бы зависели безпрепятственно от повелѣния его. Сии города назывались опрличиною, яко от прочаго государства отдѣленные. Александрова слобода, гдѣ царь охотнѣе прочихъ мѣсть пребывалъ, было главное мѣсто опрличины. Опрличниками же назывались люди тѣх мѣсть, [коих можно почестъ за царскую гвардию]¹². И сначала намѣрение с симъ утверждениемъ было не худо, ибо государь хотелъ себя тѣмъ облегчить от тяжести правления и жизнь свою привести в безопасность. Но опрличники часъ от часу болше начали своеволствовать, и какъ имъ подозрѣние царя на всѣхъ знатныхъ было извѣстно, то они старались болше оное увеличивать, нежели уменьшать, и на нѣкоторыхъ ложно доносили, дабы можно было имъ длить по себѣ имѣния осужденныхъ» (л. 574). Как видим, добавленные переписчиком слова о том, что власть над Русью была передана Симеону Бекбулатовичу «для виду», внесли в нейтральный текст авторское объяснение поведения царя: государь лицедействовал¹³. Вписанное внизу листа сравнение опрличного

⁹ Здесь и далее в цитируемом тексте курсивом мною выделены те фрагменты, на которые хотелось обратить особое внимание.

¹⁰ Об истории изучения произведения см.: Каган М. Д. Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине // СКиКДР. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: II-С. С. 223–225.

¹¹ Так как в известных летописных памятниках о введении опрличины сообщается очень кратко и подобных рассуждений не обнаруживается, есть основания полагать, что текст составлен самим переписчиком (редактором) компиляции.

¹² Помещенный в квадратные скобки фрагмент вписан тем же почерком, но более мелко под рамкой по нижнему полю листа.

¹³ Игра в поведении царя, которую осознал переписчик, проявлялась и в его посланиях. Лицедейство как художественный прием в литературном творчестве Ивана Грозного неоднократно было отмечено Д. С. Лихачевым. См., например: Лихачев Д. С. Сочинение царя Ивана Васильевича Грозного // Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 265–288.

войска с царской гвардией свидетельствует о желании писца «приблизить» к представлениям своего времени ставшее уже архаизмом понятие источника. Не вызывает сомнений у нашего писателя, что подозрительность государя к именитому боярству была общеизвестна, а стремление разжечь ярость в царе ложными доносами объясняется им низменной жадностью опричников. Под рамкой с этим текстом он оставил еще один свой комментарий: *«Не можно всего одобрить, что дѣлалось тогда».*

На следующем листе (574 об.) послание А. М. Курбского к царю предваряется небольшим предисловием: *«Князь Андрей Михайлович Курпской бѣжалъ в Литву изъ Юрьева Ливонскаго, а из Литвы к государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси к Москвѣ писалъ листъ с великимъ поношением, изъясляющъ его, государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича, многие содѣянные ему и другимъ великие обиды и притѣснения...».* Тема обличений царя в казнях «без вины» заслуженных воевод и ближних бояр, которая была основной в послании князя, оказалась поддержана в послании Тимофея Ивановича Тетерина и Марка Сарыгозина (ученика старца Артемия Троицкого) боярину М. Я. Морозову. Отвечая на обвинения воеводы в «изменном» бегстве в Литву, авторы послания отвергают возможность служить «гонителю» и предрекают боярину, честно служившему царю долгие годы, скорую гибель по «злему навету» и беды его семье¹⁴. Завершив переписку посланий А. М. Курбского царю, Т. Тетерина и М. Сарыгозина М. Я. Морозову, писец оставил свое замечание под рамкой на нижнем поле листа 576 об.: *«Сии два писма ясно доказываютъ, что государь царь Иванъ Васильевичъ по опришнины и в протчемъ дѣлался запалчивъ и непосредственно грозенъ, болше же посягателен на большихъ бояръ и на чинъ иноческій, что покажетъ Великаго Новаграда погубление престаиною опалою в лѣто 7078. На оба сии писма ево, царя Ивана Васильевича, возражение было в лѣто 7072»*¹⁵. Для переписчика, таким образом, видимые перемены нрава царя произошли после того, как он решился на введение опричнины, разделившей царство («по опришнины»)¹⁶, а самым страшным деянием опричников во главе с царем стало «погубление» Великого Новгорода в 1570 г.¹⁷

¹⁴ Отметим, что они не ошиблись: боярин М. Я. Морозов был казнен летом 1573 г. вместе с женой Евдокией (урожд. княжной Бельской) и двумя сыновьями — Иваном и Федором.

¹⁵ В тексте рукописи ответное послание царя Ивана читается на л. 582 об. — 601.

¹⁶ Как правило, в исторических сочинениях «перемена» в Иване Грозном объяснялась смертью царицы Анастасии (начиная со слов самого царя в его втором послании к А. М. Курбскому, где государь поставил в вину боярам смерть царицы, и до известий в Хронографе в ред. 1617 г.). Отношение современников к царице Анастасии Романовне было более сложным. См.: *Сапожникова О. С.* «Царицу Анастасию, вами уподобляемую Евдоксе»: Об одном уподоблении в кругу Ивана Грозного // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии. К 90-летию Н. Н. Покровского. Сб. научн. трудов. Новосибирск, 2020. С. 144–162. В Истории о великом князе Московском и посланиях А. М. Курбского превращение Ивана Васильевича в тирана произошло после падения Избранной рады. В Житии митрополита Филиппа всех редакций «пременение нрава» царя объясняется его страхом, который стал причиной ненависти к окружающим. Подробнее см.: *Лобакова И. А.* Страх — жестокость — насилие — страх: Объяснения поступков Ивана Грозного в литературе XVI–XVII вв. // Неканоническая эстетика. Вся ненависть мира в литературе и искусстве (в печати).

¹⁷ Внимание переписчика (редактора) к судьбе Великого Новгорода на протяжении всего свода позволяет предположить возможность его новгородского происхождения.

Упоминания митрополита Филиппа в составе летописного свода охватывают значительный временной период. В компиляции подборка о его деятельности открывается сообщением за 1545 г.; с опорой на известия Соловецкого летописца в компиляции рассказывается об украшении Филиппом во время его игуменства обители и большом строительстве на Соловках: «Повелѣниемъ игумена Соловецкаго Филиппа Кулычева¹⁸ написанъ образъ пресвятыя Богородицы в молении Зосима и Саватий Соловецкие чудотворцы, со множествомъ иконъ которой нынѣ стоит в церкви преподобныхъ. Потомъ и другихъ множество святыхъ иконъ его повелѣниемъ написаны» (л. 455). В таком же нейтральном тоне приведены сведения о строительстве игуменом Успенского и Преображенского храмов в монастыре. Более подробен рассказ о его призвании в Москву в 1566 г.: «Лѣта 7074 в Великий постъ преподобный Филипъ, игумен Соловецкий, повелѣниемъ государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси взятъ из Соловецкаго монастыря к Москвѣ на митрополию. В Соловкахъ игуменомъ был 24 года» (л. 610). Далее фраза «Взят же бысть сицевымъ образомъ» предваряет достаточно подробный рассказ о поездке будущего митрополита в Москву, встрече его на пути новгородцами, достижении столицы и торжественном приеме его царем, источником которого можно с уверенностью назвать 2-й вид Хронографической редакции Жития митрополита Филиппа¹⁹. Затем в своде приводится ряд сообщений о событиях в Новгороде. Краткое сообщение под 1568 г. становится первым из тех, где отмечены перемены в отношении царя к первосвятителю, которые затем приведут к гибели митрополита: «В сентябрѣ месяце былъ обыскъ на Соловкахъ про Филиппа митрополита. Обыскивал владыка Пафнутий Суздальский да князь Василей Пчемнинъ (sic!)» (л. 612). Эта краткая запись нейтральна по тону, однако тревожна по смыслу, а по сообщенным сведениям не вполне точна. Отметим, что с обыском на Соловки был послан князь Василий Иванович Темкин-Ростовский, который в июле 1567 г. вернулся из ливонского плена и стал активным деятелем опричнины. «Дело» митрополита Филиппа было для него, вероятно, проверкой на лояльность государю, которую в то время ему удалось успешно пройти²⁰. В тексте оказалось не названо имя третьего участника — Феодосия, игумена Новинского Спасо-Преображенского монастыря, расположенного в Москве на Таганке. Проведенный розыск с частично удавшимися попытками силой вырвать у некоторых иноков монастыря ложные «речи» на бывшего игумена стал поводом для изгнания Филиппа с митрополичьего престола и его ссылки. Переписчик и здесь проявил свое отношение к произошедшему: «А генваря въ 9-й день *святый* Филипъ митрополитъ Московский и всея Руси в Москвѣ из соборной церкви *ругателно изгнанъ* и поточень во градъ Тверь в монастырь нарицаемый Отрочъ» (л. 612).

Под 1569 г. после сообщения, что царь «уби брата своего двоюроднаго князя Владимира Андреевича» (л. 613), читается краткое известие: «Гнѣвъ *государевъ былъ*

¹⁸ Это ошибочное прочтение фамилии Колычевых характерно для компиляции.

¹⁹ Тексты всех известных к настоящему времени редакций Жития митрополита Филиппа опубликованы. См.: Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 149–282.

²⁰ Был казнен в 1572 г. вместе с единственным сыном Иваном.

на Соловецкой монастырь про Филипа митрополита и въ опалѣ взяты из Соловковъ иноки: Зосима и с нимъ товарищевъ 10 человекъ» (л. 613). Известно, что из обители в Москву были увезены, а потом разосланы по другим монастырям ученик Филиппа игумен Паисий²¹ и с ним 10 иноков. На этом же листе читаем: «Государь царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ прислалъ в Соловецкой монастырь изъ Александровы слободы кириловскихъ крылошанъ: Варлаама — игуменомъ, Меркурия — строителемъ. Варлаам же бысть игуменомъ 10 летъ и за старость свою игуменство отказал в трапезѣ на соборѣ». Представляется, смысл данного сообщения не вполне нейтрален: традиционно игуменом северной обители становился один из наиболее уважаемых соловецких насельников²². Поэтому известие о назначении двух крылошан из Кирилло-Белозерского монастыря, которые пели на службах в центре «опричного царства» — Александровой слободе, — наполняется особым смыслом.

В сообщении о насильственной смерти митрополита Филиппа в 1570 г. введены оценочные слова: «Лѣта 7078 декабря въ 23 день во Твери во Отрочи монастырѣ удуленъ бысть *неправедно* возглавием *святый* Филиппъ митрополит Московский Малютою Скуратовым *повелѣниемъ* государя царя и великаго князя *Иоанна Васильевича* всея Русии, ѣдучи плѣнити великаго Новаграда. Тамо и погребенъ бысть *неславно*» (л. 614). Неправедно удуленный митрополит подчеркнуто назван святым, а приказ об убийстве святителя, как отмечено, был отдан самим царем.

Далее в рукописи следует полный текст Хронографической редакции Жития митрополита Филиппа 2-го вида, который дополняет мысль о праведности одного героя и жестокосердии другого. Его включение в текст рукописи нарушает хронологический принцип изложения событий в компиляции, возвращая читателей к 1507 году: «Сей бысть родомъ москвитинь, славныхъ боляръ прозваниемъ Кулычевых, в лѣто 7015 во время великаго князя Василия Иоанновича во градѣ Москвѣ от препосита нѣкоего именем Стефана Кулычева родися и наречен бысть Феодор» (л. 614). Сюжет в этой редакции памятника определяется противостоянием митрополита с государем. В Краткой редакции (источнике Хронографической) конфликт осложнен наличием других персонажей, противостоящих — по разным причинам — Филиппу в его попытках сохранить единство разделенного царства и его людей (архиепископы Пимен Новгородский и Филофей Рязанский, царский духовник Евстафий, опричники Малюта Скуратов, Василий Грязной, Алексей Басманов, безымянный чтец «анагност»). В Хронографической редакции, которая читается в Летописном своде 1652 г., положенной в основу переписчиком исторического свода, все они лишь поименованы²³. Отметим, что, в отличие от композиции, свойственной всем трем

²¹ Имя почитаемого начальника Соловецкой обители Зосимы, как представляется, заменило имя реального игумена того времени Паисия, ученика Филиппа.

²² О традиции избрания игумена собором монахов Соловецкого монастыря см.: Сапожникова О. С. О ранних редакциях Жития митрополита Филиппа: Вопросы датировки и места создания // Очерки феодальной России. М.; СПб. Вып. 21. С. 153–159.

²³ Более подробный анализ изменений в Хронографической редакции см.: Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа в составе летописно-хронографических сводов XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 657–667.

видам Хронографической редакции (ее текст был «разрезан» на фрагменты, отделенные друг от друга известиями о других событиях в соответствии с хронологическим принципом), в исторической компиляции текст произведения переписан как единое целое. Он практически не подвергался стилистической правке переписчика. Однако в конце им была добавлена фраза: «От егоже святыхъ мощей многая и различная исцѣления всякими недуги одержимыми бываху» (л. 621 об.), которая свидетельствует о том, что переписчик был знаком с Пространными редакциями Жития, содержащими сказание о посмертных чудесах святого (во всех видах Хронографической редакции этих сказаний нет).

Рассказ о разгроме Новгорода в 1570 г., который во многом совпадает с тем, что читается в Новгородской III летописи (возможно, в их основе был общий источник), помещен после Жития митрополита Филиппа. Причем составителем свода подчеркивается, что гнев царя Ивана прежде всего был направлен на архиепископа Новгородского Пимена и всех служителей церкви. Для переписчика важно известие, что появление царя и его приближенных приходится на один из великих (двенадцатых) праздников: «Месяца генваря в 7 день, на самый праздник Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа приѣхал в Великий Новѣград государь царь и великий князь» (л. 622). Не приняв благословения от новгородского иерарха, государь повелел заключить «за приставы» и архиепископа, и священников, и иноков новгородских монастырей, после чего начались массовые грабежи, пытки и казни новгородцев. Затем царь приказал грабить имущество окрестных сел и монастырей, жечь хлеб и резать скот, обрекая новгородцев на голодную смерть. «Казнь» Великого Новгорода продолжалась более месяца: 14 февраля, приказав явиться «изо всякой улицы по человеку», каждый из которых «отчаявшеся живота своего», ожидал скорую казнь, государь «возрѣв кротким и милостивым оком» (л. 624 об.) и объявил о прощении города. Впрочем, и после явленной «милости» часть тех, кто не смог выплатить выкуп, он отправил в Москву на правож, а часть после мучений казнил (в том числе игумена Антониева монастыря Галасия с братией). Завершается рассказ о разгроме Новгорода горестным рассуждением: «В то время Божиимъ поущением грѣх ради наших бысть мятеж, и нестроение по всей Руской земли, и раздѣление царству, и крамола, и смерть, и людей преселение, и имѣнию от'ятие, и пожары великие по градом, и морь силенъ, и глад людемъ, и нашествие иноплемеником, и яко многие грады и села опустѣша» (л. 625 об.). Отметим, что в летописях рассказ о «казнях Божиих», как правило, предварял известия о междоусобицах, нашествии Батыя или «поганых», а в рассматриваемой исторической компиляции появился в корпусе сведений о царствовании Ивана Грозного.

Под 1583 г. читается сообщение о том, что царь не забыл своей расправы с Новгородом: «Государь царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ послалъ в Соловецкой монастырь в поминовение по новгородских опалныхъ 1000 рублевъ денегъ» (л. 713). Общая сумма на поминовение казненных, на первый взгляд, значительна (по царикам Марфе Собакиной и Анне Васильчиковой в некоторые обители было передано по 45 рублей), но в сообщении после слова «опалныхъ» поставлен редакторский

знак, а внизу под рамкой указана цифра 753²⁴, что позволяет осознать, что на помин каждого выделено по 1 рублю с третью.

В летописной компиляции своеобразием отличаются сам сюжет и его лексическое оформление о смерти сына Ивана Грозного — Ивана Ивановича: «У царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси от жестокаго его сердца над сыном его болшимъ, царевичемъ Иоанномъ Иоанновичемъ учинилася несчастливая притчина, яко царь Иванъ Васильевичъ зъло разгнѣвался на него и жезломъ своимъ острымъ съ яростию нападе. Онъ же, хотяше ему поклонитися по обычаю, но царь упреди жезломъ: в самое его горло прободе. Гдѣ царевичъ паде на землю, к томъже припала ему смертелная язва, от которыя ноябрь въ 19 д<ень> преставися в Москвѣ сей благовѣрный и христоробивый царевичъ и великий князь Иоаннъ Иоанновичъ в день неделный въ 14 (sic! — И. Л.) часъ ночи и погребенъ бысть того ж месяца въ 22 день в среду въ Архангельскомъ соборѣ в предѣлѣ къ югу» (л. 630). Над последним словом поставлен редакторский значок, и по нижнему полю листа под рамкой читаем: «Оттого-то и зашло поношение: “Лутче быть понамарем, нежели царским чадом”». Причиной гибели сына и наследника царя стали его «ярость» и «жестокость сердца», обрушившиеся на самых близких. Далее в компиляции сообщается, что у царевича были две жены, что является фактической ошибкой переписчика. У сына Ивана Грозного их было три, две из которых оказались сосланы в монастыри и пострижены при жизни царевича: Евдокия Богдановна Сабурова (была женою около года, пострижена с именем Александра)²⁵ и Федосья Михайловна Солово (около четырех лет, в инокинях Прасковья (по другим источникам — Пелагея)). Его третья жена — Елена Ивановна Шереметева, потерявшая ребенка, ушла в монастырь после смерти мужа (приняла постриг с именем Леонида)²⁶. Интересно, что переписчик свода привел и другую версию смерти Ивана Ивановича, связавшую гибель царевича с разгромом Великого Новгорода: «Индѣ повѣствуется, что сей царевичъ еще во время строгаго наказания новгородцовъ получил себѣ язву, которая была смерти его причиною» (л. 630).

Рассказ о смерти царя Ивана Грозного в 1584 г. свидетельствует о предпринятой переписчиком попытке отметить значительные деяния государя: «Марта въ 19 день за полтора часа до вечера в Москвѣ преставися благовѣрный государь царь и великий князь Иоаннъ Васильевичъ, всея Руси самодержецъ грозный. Царствовалъ 50,

²⁴ В написании переписчик сделал ошибку, перепутав буквенные обозначения местами — НГЧ вместо ЧНГ. Вероятно, писцу в первой половине XVIII в. было привычнее пользоваться гражданской цифирью.

²⁵ Официальная причина пострижения Евдокии Сабуровой, инициатором которого был ее свекор, — бесплодие, что не может не озадачить (брак был слишком недолог, чтобы судить о том, что у царевны не может быть детей). Вероятнее всего, царя Ивана Грозного раздражала принадлежность снохи к роду Сабуровых, из которого была взята первая жена Василия III Соломония, почти через 20 лет брака насильно постриженная им в монахини ради женитьбы на Елене Глинской, будущей матери царя Ивана Грозного.

²⁶ Отметим, что в историческом своде сведения о семейных отношениях не отличаются точностью. Так, сообщается, что у царя Ивана Грозного было 5 жен (не названной оказалась Анна Васильчикова), а Анна Колтовская поименована Дарьей (своим монашеским именем); вместо трех дочерей царя, умерших в младенчестве, — Анны, Марии и Евдокии — названы лишь две: «Анна и Иллария» (имя Мария под титулом оказалось неверно прочитано).

а жилъ 54 лѣта. Оставивъ царство, прия иноческй образъ [от митрополита Дионисия]²⁷ и нареченъ бысть Иона, и погребенъ в Архангельскомъ соборѣ в предѣлѣ к югу. Сей государь *кромѣ вышеписанныхъ в жизни ево дѣлъ, бысть бодрой, остроумной и храброй государь. Бысть же чрезвычайно крутого нраву, которой первая его супруга великая государыня царица Настасья Романовна умѣла своимъ разумомъ и приятности удерживать. Послѣди ея преставления обычай его совсѣмъ переменился, а особливо, что многие бояре желая дочерей своихъ или сродницъ видѣть за государемъ в супружествѣ, разными смутами такъ духъ его обезпокоили, что *наподобие внезапной бури востала в немъ безмѣрная запалчивость. Новгородцовъ же казнили несласанно свирѣпыми наказаниемъ. И сына своего царевича Иоанна Иоанновича зашибъ в крутомъ гнѣвѣ, что после краткой болѣзни было смерти его виновно. И по такимъ строгостямъ назван онъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Его повелѣниемъ началось в Москвѣ печатание книжное. При концѣ жизни его взято Ермакомъ Тимофѣвичемъ царство Сибирское. Онъ бысть первый царь и самодержецъ всеруссийскй*» (л. 716 — 716 об.). Перед этимъ рассказомъ внизу рамки на нижнемъ поле листа под редакторскимъ значкомъ содержится запись о знаменнии, которое предшествовало смерти царя: «Тоя же зимы явился знамение на небеси межъ <храмомъ> Благовѣщення и <колокольной> Ивана Великаго: крестъ да звезда с хвостомъ. Ближнии же возвѣстиша о томъ царю. Государь же изыде на Красное крыльцо и посмотривъ на знамение, рече предстоящимъ: “Сие знамение есть к смерти моей”» (л. 716). В историческихъ источникахъ указываются две даты смерти царя — 18 и 19 марта; появление кометы отмечено рядомъ летописцевъ; о реакции царя на увиденное небесное знамение между Благовещенскимъ храмомъ и колокольной сообщается в Латухинской Степенной книге. В приведенномъ фрагменте обнаруживается характерная для переписчика стилистическая правка, проявившаяся в появлении канцеляризмовъ («вышеписанныхъ в жизни ево дѣлъ», «особливо», «чрезвычайно», «строгости») новой лексики («бодрой», «остроумной», «приятности», «видѣть за государемъ в супружествѣ», «безмѣрная запалчивость», «зашибъ» и т. д.). Переписчикъ попытался далее объективно оценить итоги правления Ивана Грозного, перечисливъ и разрушительные действия царя, и его успешные деяния, опираясь в этой части на Хронографъ в редакции 1617 г. (л. 717).*

Однако онъ не смогъ остановиться на перечислении «славныхъ» побед государя. Завершая в своемъ историческомъ своде корпусъ сведений о правлении Ивана Грозного, переписчикъ, вновь нарушая хронологию, вернулся к 1566 г. — времени введения опричнины: «*Все же сии поущениемъ Божиимъ содѣяся, за умножение греховъ нашихъ, яко царь Иванъ Васильевичъ в прошедшее 7074 лѣто, егда супротивникъ обрѣтется и наполнися гнѣва и ярости. Тогда нача подвластныхъ своихъ, сущихъ рабъ, злѣ и немилостивно гонити и кровь ихъ проливати, и царство свое, порученное ему отъ Бога, раздѣли на двѣ части. Часть едину себѣ отдѣли, другую же часть — царю Симиону*

²⁷ Здесь в квадратных скобках приведены слова, написанные на левом поле листа за рамкой более мелким почерком.

Казанскому поручи. Сам же отиде во един малых градовъ, Старицу зовомый, и тамо жителствуя, прозва свою часть людей опришнина, а другую часть — царя Симеона — именована земщина. *А заповѣда своей части оную часть насилovati и смерти предавати, и дома их грабити*²⁸. И воевод, данных ему от Бога, без вины убивати повелѣ; не усрамися же и святительскаго чина: овых убивая, овых заточению предавая. И такъ многа лѣта во дни живота своего провозжая, уже и на конецъ старости пришед, нрава же своего никакже не примени» (л. 717 об.). В сознании переписчика и царство, и воеводы равно были даны царю от Бога; однако ни разделенное царство, одна часть которого беспощадно уничтожала другую, ни полководцы, без причин казнимые государем, не были им сохранены. Святители разделили общую судьбу своей паствы: их сан не был защитой от гнева царя. Царство, долгие годы жившее в страхе, было оставлено наследнику Федору Ивановичу обезлюдевшим, разоренным, лишенным лучших воевод, с правящей элитой, утратившей прочность родственных и личных связей.

Таким образом, в исторической компиляции XVIII в. эпоха Ивана Грозного показана в сложной выборке различных известий, которые стали предметом личностных размышлений и оценок: переписчик не просто следовал за различными источниками, но добавлял свои рассуждения. В своем своде он порой нарушал хронологию, возвращаясь к одному явлению по нескольку раз (опричнина, жизнь митрополита Филиппа, новгородская тема, итоги правления Ивана Грозного), пытаясь наиболее точно постичь смысл давних событий. В результате переписчик «обрел собственный голос»: его позиция определила не только отбор известий, но и развитие сюжета в исторической компиляции.

В свое время Е. В. Душечкина, анализируя функции чужой речи в летописи, отмечала, что речь в тексте может быть «средством развития сюжета при нестандартной ситуации»²⁹. Представляется, что позиция переписчика свода, проявившаяся в отборе материала и его комментариях, которые позволили ему выстроить собственный сюжет правления царя, дает основание говорить об одном из проявлений подобной нестандартной ситуации в изложении обстоятельств царствования Ивана Грозного в историческом своде 1-й половины XVIII в.

²⁸ В исследованиях современных историков на основе документальных свидетельств доказано, что это разделение не было неизменным: перемещая представителей одного рода или фамилий, связанных между собой отношениями родства (свойства), царь разрывал родственные связи, превращая близких людей в орудие казни друг друга. См.: Павлов А. П. Эволюция государева двора в 60-х — начале 80-х гг. XVI в. // Правящая элита Русского государства XI — начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006.

²⁹ Душечкина Е. В. Художественная функция чужой речи в русском летописании // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1973. Вып. 21. С. 104.

Раздел 2
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
XIX ВЕКА

Татьяна Китанина

ПУШКИН И ВИСЕЛИЦЫ: «И Я БЫ МОГ...»¹

Всем давно и хорошо знакомы пушкинские рисунки, изображающие виселицу с пятью повешенными, возле которых на том же листе дважды начата, по всей вероятности, стихотворная строчка «И я бы мог [как шут ви<сеть>]» и «И я бы мог» (ПД 836. Л. 37). Эти строчки с рисунками были впервые описаны В. Е. Якушкиным², затем С. А. Венгеров, воспроизведя в собрании сочинений этот лист тетради, посвятил им отдельную заметку³, после чего запись и ее интерпретации не раз становились объектом исследований. Датировала ее первой Т. Г. Цявловская⁴, а позднее датировку подтвердила и несколько уточнила Р. В. Иезуитова⁵. После них мнение о том, что запись сделана в Михайловском в ноябре 1826 г. при работе над запиской «О народном воспитании»⁶ и под свежим впечатлением от рассказов о казни декабристов, слышанных в Москве в сентябре-октябре 1826 г., не подвергалось сомнению⁷. В связи с этим вспоминали письмо Пушкина к Вяземскому от 14 августа 1826 г. («...повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна»⁸) — получалось, что

¹ Много лет назад Елена Владимировна обратила внимание на мою первую студенческую статью о двойниках и призраках — и очень ободрила меня. Почему-то мне кажется, что и этот сюжет о висельниках мог бы вызвать у нее некоторый интерес.

² Якушкин В. Е. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 6. С. 550.

³ Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг.: Изд. Брокгауза–Ефрона, 1907–1915. Т. 2. С. 527, 529–530.

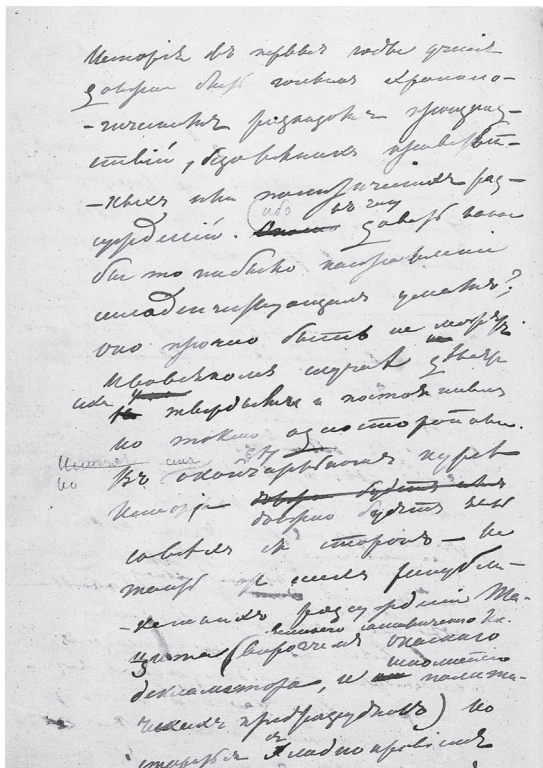
⁴ Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 202.

⁵ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 141.

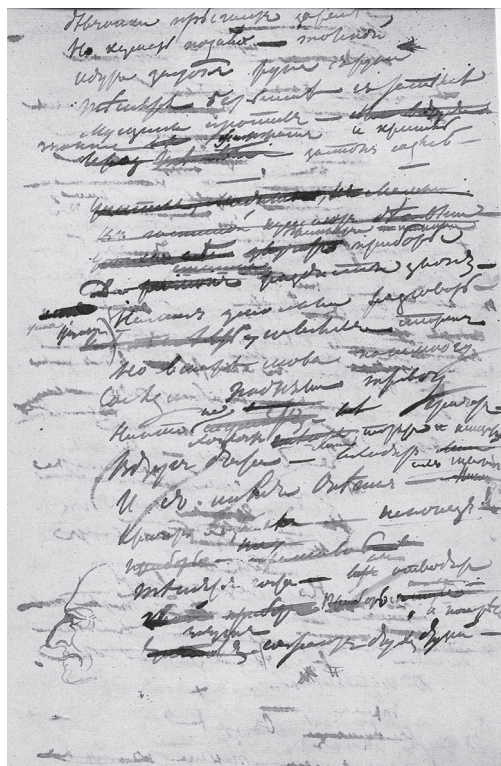
⁶ Как известно, эта записка писалась по приказу Николая I, желавшего установить, какие пороки воспитания привели к появлению бунтовщиков. Пушкин, работая над запиской, преследовал, в частности, цель смягчить участь Н. И. Тургенева, находившегося в тот момент за границей, но приговоренного заочно к смертной казни.

⁷ Чуть сместить дату, отнеся запись непосредственно к пребыванию в Москве и представив ее непосредственной реакцией на рассказы о казни, попытался Г. А. Невелев (*Невелев Г. А. Истина сильнее царя*. М., 1985. С. 69), однако, как справедливо указала Р. В. Иезуитова, в таком случае она бы предшествовала записке «О народном воспитании», а не была бы записана сразу вслед за ней (*Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836*. С. 141).

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13. С. 291. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римской) и страницы (арабской цифрой).

Илл. 1. Фрагмент «Записки о народном воспитании», ПД 836. Л. 44.

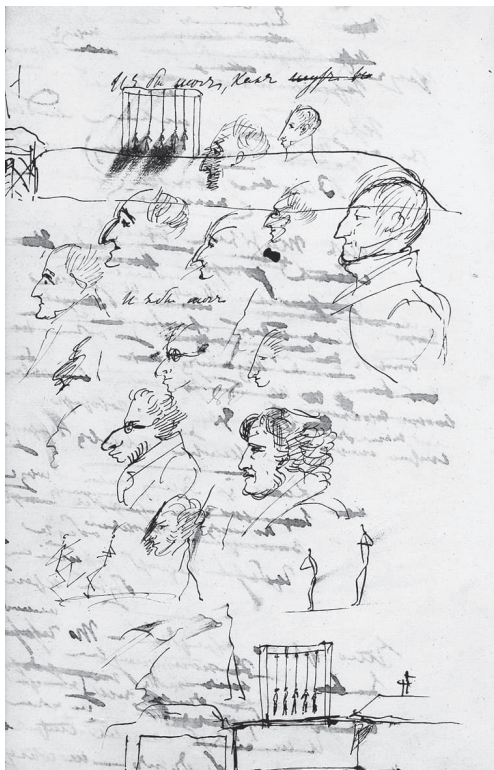
Илл. 2. Фрагмент черновика «Евгения Онегина», ПД 836. Л. 40 об.

Пушкин только на словах утверждал отказ от мыслей о повешенных, а на деле продолжал о них неотступно думать.

Между тем, если посмотреть подряд страницы тетради, заполнявшиеся в Михайловском в ноябре 1826 г., то становится совершенно очевидно, что интересующие нас записи не могли появиться в этот период: все михайловские автографы этой осени выполнены светлыми сильно разведенными чернилами и очень толстым пером, в то время как рисунки с виселицей и записи «И я бы мог» сделаны тонким пером и темными свежими чернилами, которые больше ни разу в этот период не встречаются.

Так выглядят страницы рукописи записки «О народном воспитании», непосредственно следующих за ней черновиков «Евгения Онегина» и интересующей нас страницы, где проступают записи «Онегина» с обратной стороны листа (илл. 1–3).

Почему два крупных текстолога не обратили внимания на разительное отличие пера и чернил, утверждая, что записи на л. 37 появились непосредственно во время работы над запиской, остается загадкой, но сопоставление этих страниц не оставляет сомнений в том, что они не могли заполняться в одно и то же время. В таком случае возникает вопрос, когда могли появиться эти рисунки и каков их контекст, если это не непосредственная реакция на рассказы о казни и не размышления во время написания записки.

Илл. 3. Рисунки и записи «И я бы мог...», ПД 836. Л. 37.

Разумеется, датировка, основанная лишь на палеографических признаках, всегда страдает некоторой субъективностью — мы крайне редко можем с уверенностью утверждать, что две записи, разнесенные в пространстве тетради, выполнены теми же чернилами и тем же пером. Тем не менее, визуальное сходство с рядом автографов, находящихся в той же тетради, позволяет сделать осторожное предположение, что рисунки и начало стихотворной строчки могли появиться следующим летом — тоже в Михайловском, но в 1827 г.

К этому времени биографический контекст Пушкина несколько меняется. С одной стороны, первый шок от казни, заставлявший отстраниться от нее словами «повешенные повешены», должен был пройти. Жизнь берет свое — и Пушкин, изголодавшийся по вольной столичной жизни, погружается в нее с головой. С другой же стороны, именно в 1827 г. у Пушкина появляются некоторые основания думать о виселице как о не столь уж невозможной перспективе.

В 1826 г., только что милостиво принятый и торжественно прощенный Николаем I, он не имел никаких оснований для мысли: «И я бы мог». Даже если бы, как он сказал царю, он, оказавшись в Петербурге, был бы на Сенатской, то явно не принадлежал бы к числу организаторов восстания и мог бы разделить судьбу сосланных, но не повешенных.

Но в 1827 г. Пушкина допрашивают по делу о запрещенных стихах из «Андрея Шенья», по которому штабс-капитан А. И. Алексеев, хранивший у себя эти стихи, приговорен к смертной казни. Дело идет еще с сентября 1826 г., первоначальный смертный приговор вынесен 29 сентября, что также отмечалось исследователями как аргумент в пользу того, что рисунки сделаны той же осенью⁹. Однако Пушкин, выехавший в Михайловское 2 ноября, по всей видимости, ничего об этом приговоре не знал. Во всяком случае, даже А. Я. Булгаков, гораздо лучше Пушкина осведомленный о деле и лично посещавший отца Алексея, 30 сентября, 1 и 6 октября сообщает в письмах брату об обстоятельствах дела, но ни словом не упоминает о приговоре, явно не зная, что таковой уже существует¹⁰, и далее вплоть до ноября ни

⁹ См., напр.: Березкина С. В. Дело об элегии Пушкина «Андрей Шенья» // Русская литература. 2010. № 1. С. 31.

¹⁰ Русский архив. 1901. Т. 39, № 7. С. 402, 403, 406.

разу об Алексееве не пишет. Вообще именно о смертном приговоре Алексееву нам известно только из документов дела — в переписке современников об этом не говорится. Вяземский в письме А. И. Тургеневу от 29 сентября 1826 г. (то есть непосредственно в день вынесения приговора) довольно спокойно отмечает: «Отрывки из <...> Элегии “Шень”, не пропущенные цензурою, кем-то были подогреты и пушены по свету под именем 14-го декабря. Несколько молодых офицеров сделались жертвою этого подлога, сидели в заточении и разосланы по полкам»¹¹. Понятно, что в письме допущена ошибка — в этот момент никто из подсудимых еще не был «разослан по полкам», — но спокойный тон письма говорит, скорее всего, в пользу того, что осенью 1826 г. смертный приговор по этому делу в ближнем пушкинском кругу не обсуждался¹².

Распоряжение привлечь к следствию Пушкина было дано Великим князем Михаилом Павловичем 4 ноября, но, продвигаясь по инстанциям, коснулось поэта лишь в 1827 г. — 19 января он дал первые официальные показания по этому делу¹³, хотя и тут трудно сказать, насколько он был к этому времени осведомлен об участии Алексеева¹⁴. Следующие показания давались им 27 января, 29 июня и 24 ноября¹⁵ 1827 г., однако уже 18 марта 1827 г. Аудиториатский департамент Главного штаба передал на высочайшую конфирмацию доклад, в котором назначено «подсудимого штабс-капитана Алексеева выдержать шесть месяцев в крепости, а потом выписать из гвардии тем же чином в армейские полки, на кавказской линии расположенные»¹⁶. 25 марта Николай I утвердил этот приговор. Дело Алексеева завершилось благополучно, но дело Пушкина еще продолжалось.

¹¹ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6. С. 42.

¹² Чтение документов по делу Алексеева, впрочем, вообще создает впечатление, что смертная казнь в данном случае была чистой формальностью — ее требовали указы петровского времени, по которым формально продолжала жить армия. Так же смертная казнь полагалась за дуэли, но в действительности дуэль наказывалась разжалованием, переводом из гвардии и т. д. — но никак не смертью. Однако военно-судебная инстанция не имела права интерпретировать дело и должна была выносить приговор строго в соответствии с указом. Кажется довольно характерной в этом плане сентенция Комиссии военного суда по делу Алексеева от января 1827 г., где, с одной стороны, говорится: «Комиссия, не переменяя ни в чем заключения прежней своей сентенции 29 числа сентября прошлаго 1826 года, основанной по разуму указов: 31-го декабря 1682 и 21 мая 1683 годов, свойственно признанным его Алексеева преступлениям, оставляет положительности приговора в той же самой настоящей онаго силе и передает все сие на благоусмотрение вышней власти» (то есть оставляет в силе вынесенный 29 сентября смертный приговор), — но, с другой стороны, предписывается «препровожденные в сию Комиссию вместе с означенным военносудным делом бумаги в особо запечатанном конверте, найденные в квартире подсудимого шт.-кап. Алексеева и вновь присутствующими ныне пересмотренные, как ничего в себе значительного не заключающая, кроме одних партикулярных переписок и собственных его Алексеева счетов, *отдать ему обратно тогда, когда, дело о нем будет совершенно окончено*» (выделено мной — Т.К.) (Цит. по: Щеголев П. Е. А. С. Пушкин — в политическом процессе 1826–1828 гг.: (Из архивных разысканий) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1909. Вып. 11. С. 35–37). Как кажется, последний пункт однозначно говорит о том, что в действительности казнить Алексеева никто не собирался.

¹³ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. / Подгот. к печ. и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 744–745.

¹⁴ Вероятнее всего, узнать какие-то подробности дела он мог только после его завершения, то есть весной 1827 г.

¹⁵ Рукою Пушкина. С. 745–748.

¹⁶ Щеголев П. Е. А. С. Пушкин — в политическом процессе 1826–1828 гг. С. 41.

На фоне этих событий (если предположить, что Пушкин все же узнал в какой-то момент о первоначальном приговоре Алексееву) мысль о собственной виселице могла прийти ему в голову. Тем более что, как Алексеев не назвал того, от кого получил стихи, так и Пушкин отказывался назвать тех, кто держал в руках полный текст элегии. Для Алексеева именно это заpiresательство послужило причиной столь жесткого приговора. Однако эта мысль весной 1827 г., после благополучного исхода дела Алексеева, посещает Пушкина не слишком серьезно и даже с некоторой долей кокетства — 16 мая 1827 г., уезжая из Москвы, он записывает в альбом Ек. Н. Ушаковой стихотворение «В отдалении от вас...», заканчивающееся строками: «Вы ж вздохнете ль обо мне, / Если буду я повешен?» (III, 56). Возможно, разговоры и шутки на эту тему возникали в пушкинском окружении в связи с дознанием о стихах, но едва ли речь могла заходить о реальной угрозе казни. Подобный тон упоминания о виселице в посвящении даме, видимо, понравился поэту — через неполных два года он повторит этот же прием в четверостишии, обращенном к Е. П. Полторацкой: «Когда помилует нас бог, / Когда не буду я повешен...» (III, 150).

Написав галантное стихотворение Ушаковой, Пушкин уезжает в Петербург, где 29 июня вновь дает показания по делу об элегии (уже с явным раздражением и дерзостью)¹⁷, пишет в годовщину казни декабристов стихотворение «Арион» («Нас было много на челне...»), а затем, уже в конце июля, отправляется вновь в Михайловское.

По всей видимости, именно там он вновь возвращается к работе в тетради ПД 836, где в этот момент свободной (или практически свободной, поскольку мы не знаем полного содержания вырванных листов) остается середина. Листы 18–37 заполнены записями, сделанными темными чернилами одного и того же оттенка и достаточно тонким пером (где-то чуть толще, где-то чуть тоньше — возможно, поэт чинил или менял перо, но в этот период его писчие принадлежности явно были в порядке). Большая часть этих записей расположена в прямом положении тетради от начала к концу, однако интересующую нас страницу Пушкин покрывал рисунками, перевернув тетрадь и отлистав от ее конца страницы, заполненные годом раньше, — на первой же свободной стороне листа (что лишний раз подтверждает, что работа над предыдущими страницами уже не предполагала продолжения). Такое расположение очень характерно для Пушкина и, по всей видимости, означает, что один из автографов, над которыми он работал в обычном положении тетради, вызвал у него мысль о повешенных друзьях и собственной возможности разделить их участь. В подобных случаях он обычно либо рисовал на полях того же автографа, либо переворачивал тетрадь и писал на свободных листах с другой стороны. Поскольку в данном случае, кроме рисунка, предполагался стихотворный текст, то сподручнее был второй вариант.

И здесь мы вступаем в область догадок и субъективных сопоставлений чернил и почерка: в принципе, все страницы этой части тетради визуальнo очень сходны

¹⁷ Рукою Пушкина. С. 747.

между собой, и перевернуть тетрадь и начать рисовать повешенных Пушкин мог в любой момент. Тем не менее, рискну предположить, что с большой вероятностью это могло произойти при работе над первым же текстом, написанным в этот период, — беловым автографом стихотворения «Какая ночь! Мороз трескучий...», занимающим лл. 18–19 (илл. 4). Это стихотворение не имеет точной датировки, традиционно оно датировалось более ранним временем — до отъезда в Михайловское¹⁸. Однако никаких аргументов такой датировки не приводилось, и, как кажется, нет причин отрывать этот автограф от последующих, написанных очень сходными чернилами и пером. Некоторое различие почерка легко объясняется тем, что это перебеленный текст, за которым следуют черновики. Отсутствие черновых автографов стихотворения «Какая ночь! Мороз трескучий...» также может говорить в пользу того, что оно было перебелено в Михайловском, а взятые туда для работы листы с черновиками остались там и не сохранились (как, по-видимому, произошло тремя годами позже со многими болдинскими автографами). Стихотворение, описывающее место недавней казни, обрывается в тот момент, когда герой-опричник оказывается под виселицей:

Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп (III, 61).

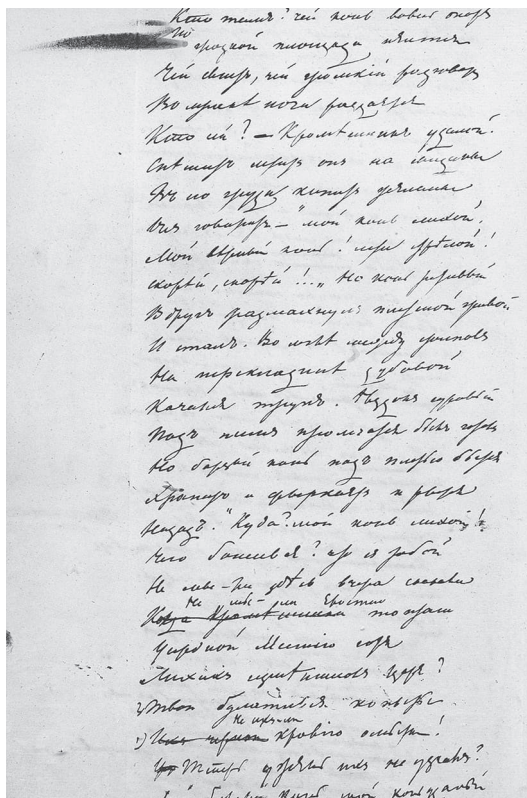
Конь, понукаемый нетерпеливым всадником, все же скачет между столбами — и на этом текст обрывается. Как кажется, именно в этот момент, написав: «Не мы ли яростно топтали, / Усердной местию горя, / Лихих изменников царя?» — и оказавшись под виселицей, Пушкин попадает во власть воспоминаний, и мысль о собственной миновавшей его казни перестает быть шуткой. Перевернув тетрадь, он дважды рисует виселицу с пятью повешенными и дважды пишет «И я бы мог» (илл. 3).

Где-то в эти же дни слова «И я бы мог в<исеть?>» появляются еще в одной рукописи. В тетради ПД 833, также бывшей у поэта в Михайловском, написав карандашом полусушительное стихотворение «<Кипренскому>» («Любимец моды легкокрылой...»), на смежной странице Пушкин пишет те же слова. Казалось бы, это стихотворение никак не должно наводить на мрачные мысли (если не считать строк «И я смеюсь над могилой, / Ушел на век от смертных уз», III, 63), — но, по-видимому, в тот же момент, тем же карандашом и в той же тетради Пушкин вписывает над ранее написанным чернилами стихотворением «Арион» найденное для него название. Еще один карандашный автограф того же времени находится в тетради ПД 836 (как и «Арион», он датирован автором и записан 31 июля 1827 г.) — это «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» («Земли достигнув наконец, / От бурь спасенный провиденьем...», III, 64) — еще один шутливый галантный текст о собственной гибели (как

¹⁸ *Иезуитова Р. В.* 1) К истории декабристских замыслов Пушкина 1826–1827 гг. // ПИМ. Т. 11. С. 102–103; 2) Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 836: (История заполнения). С. 143.

и «Если буду я повешен») — на этот раз о гибели не состоявшейся. Спасшийся пловец из «Акафиста...» — не он ли подсказал мысль об Арионе? А подсказав — не он ли напомнил о том, что «И я бы мог»? Карандашные записи в тетради ПД 833 не датируются — очевидно лишь, что они появились после 16 июля, когда был написан текст «Ариона», но в то лето и осень в Михайловском Пушкин не раз использует карандаш, так что, вероятно, и эти записи появились уже там. Как кажется, их объединяет некоторая общая логика. Какая из записей «И я бы мог» (карандашная или две чернильных) сделана раньше, сказать трудно, хотя по положению в тетради стихотворение «Какая ночь! Мороз трескучий...» предшествует «Акафисту...», так что можно предположить, что все же первая мысль о повешенных и о себе рядом с ними возникла именно под виселицей, под которой остановился на скаку конь «кромешника». После этого, взглянув в лицо смерти, Пушкин с некоторым облегчением пишет «Акафист...» — и, возможно (хотя, разумеется, весьма предположительно), продолжая работать карандашом, делает записи в тетради ПД 833 — подписывает пришедшее в голову название «Арион», «смеется над могилой» в стихотворении «<Кипренскому>» — и вновь его настигает мысль: «И я бы мог». Так или иначе, эти записи относятся к одному и тому же периоду, а не разнесены между собой полугодовым промежутком, как это было принято считать.

Через год, в октябре 1828 г., работая над «Полтавой» в тетради ПД 838 и переходя к замыслам мести Кочубея («в руках московских палачей»), он рисует на полях автографа две фигуры повешенных (л. 39 об.) — и тут же возникает прежняя ассоциация, дважды повторенный рисунок виселицы с пятью телами. Вновь виселица становится навязчивым образом — рисунки с одним и тремя казненными (казалось бы, мало сюжетно связанные с текстом, написанным на этих страницах) появляются на следующих листах (лл. 40 и 44 об.). Особенно любопытен в контексте нашего сюжета лист 44 об.: рядом с рисунком повешенных набрасываются строки о молодом казаке, готовом отвезти донос Петру, и среди них возникает «Ее отсутствием [страдал] / И краткой встречей был утешен» (вспоминается написанное за год до того «В отдалении от вас»: «Не хочу я быть утешен / Вы ж вздохнете ль обо мне / Если

Илл. 4. Фрагмент рукописи «Какая ночь! Мороз трескучий...», ПД 836. Л. 18 об.

буду я повешен?»). Но это мимолетное сходство не обратило бы на себя внимания, если бы тут же рядом, на той же странице не было еще одной строки: «В тени украинск<их> черешен» — через 4 месяца, все еще в период работы над «Полтавой», в четверостишии, адресованном Е. П. Полторацкой именно эта строка срифмуется с очередным шутливо-галантным изводом мысли «И я бы мог»:

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен (III, 150).

Настоящая статья представляет собой лишь беглые наброски непростого сюжета о взаимоотношениях Пушкина с тенью погибших на виселице декабристов и с призраком собственной казни. Вероятно, дальнейшее исследование автографов и творческой истории текстов, находящихся в непосредственной близости от них, позволит уточнить хронологию этого сюжета. Но, как кажется, передатировка первых рисунков и записей на эту тему позволила увидеть историю под несколько иным углом.

Павел Ключин, Елена Маркасова

ПО СЛЕДАМ МОСЬЕ L'ABBÉ

Елена Владимировна Душечкина умела видеть в литературных произведениях мелочи, которые оказывались важными для понимания текста в целом. Ее статья, посвященная строке из «Онегина» «Но мы, ребята без печали...», стала для нас примером исследования, показывающего необходимость продолжения работы даже в тех областях, которые кажутся исчерпанными¹.

Вопрос о наставнике Евгения Онегина относится к разряду школьных. «*Monsieur l'Abbe*» традиционно рассматривается как вымышленный персонаж, собирательный образ типичного для того времени гувернера-иностранца:

Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.
Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.

Приведем несколько цитат из классических комментариев к роману:

Monsieur l'Abbe — указание на то, что воспитателем Евгения было лицо духовного звания, один из тех иезуитов-аббатов, которые массой хлынули в дворянскую Россию после французской революции 1789–1793 гг.²

Русские дворяне, в большинстве своем православные, вполне оправданно стремясь дать детям модное поверхностное знание французской культуры, особенно не задумывались, нанимая учителями иезуитских священников. Эти бедные «*outchitels*» (фр.) часто попадали в переplet. <...> Предположение, что «*l'Abbé*» могло означать фамилию, опровергается записью в черновике (2369, л. 5): «мосье *l'abbé*»³.

¹ Душечкина Е. В. Из комментария к «Отрывкам из путешествия Онегина» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 170–177.

² Бродский Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина: пособ. для учителя. М., 1964. С. 39–40.

³ Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М., 1999. С. 44–45.

Исследователи едины в том, что воспитатель Евгения Онегина — типичный малообразованный («убогий») иностранец, взявший на себя смелость быть учителем, а потому вызывающий недоверие и осуждение. Знания, которые он может дать, поверхностны, поскольку есть достаточное количество примеров, показывающих, что эти «учителя» не имели никакого отношения ни к педагогике, ни к науке⁴. Однако стоит вчитаться в комментарии А. Е. Измайлова (1825 год), который парадоксальным образом видит в истории обучения Онегина характеристику русского дворянина, а не учителя-иностранца:

Каков же портрет воспитанного по моде русского дворянина? В каждом почти стихе разительная, характерная черта. Как кстати упомянуто здесь о *Madame, Monsieur!*.. А *убогий* — нельзя было удачнее прибрать эпитета важному наставнику французу, который учил *шутя всему резвого милого* малютку, даже в *Летнем саду*. — Но увы! *пришла пора* и *прогнали со двора Monsieur l'Abbé*. О неблагодарность! А не он ли выучил Евгения *всему*, т. е. *совершенно* изъясняться по-французски и... *писать!*⁵ (курсив А. Е. Измайлова).

Отметим, что А. Вольский тоже не дает *l'Abbé* никаких отрицательных оценок⁶. Успехи ученика — основание не согласиться с мнением В. В. Набокова: «**француз убогой**. Прилагательное, одновременно сочетающее в себе понятия — бедности, покорности, ничтожности, заурядности»⁷. В. А. Мильчина предлагает опираться на «Словарь языка Пушкина»: «Вот что говорится там в четвертом томе о слове “убогий”. Первое значение — крайне бедный, нищий, нищенский (в словах из “Медного всадника” “приют убогого чухонца” слово употреблено именно в этом смысле). Второе значение — немощный, увечный. И, наконец, третье — крайне посредственный, духовно ограниченный, узкий. Вот именно в этом смысле “убог” Monsieur l'Abbé»⁸.

Вчитывание в эпитет «убогий» значения «заурядный» основано на представлениях о тогдашних французах-учителях, а не на анализе текста, но экстраполяция общих наблюдений на историю конкретного героя сомнительна как метод. Эпитет «убогий» в значении «посредственный, духовно ограниченный» легко применим к Бопре из романа «Капитанская дочка»: это оправдано описаниями того, как Бопре проводит свободное время и чему он учит Петрушу. В «Евгении Онегине» нет информации, которая заставляет принять единственное из трех толкований из «Словаря языка Пушкина», поэтому аналогия между *l'Abbé* и Бопре неуместна: Петруша Гринев ничему не научился у Бопре, тогда как Евгений Онегин «по-французски совершенно мог изъясняться и писал».

⁴ Мильчина В. А. Почему у Пушкина месье Лабе «француз убогий»? (2017) // Яндекс.Кью [сайт]. URL: https://yandex.ru/q/question/pochemu_u_pushkina_mese_labe_frantsuz_42f7b974/?answer_id=474847 (дата обращения 23.01.2022).

⁵ Измайлов А. Е. «Евгений Онегин», глава I // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб, 1996. С. 259.

⁶ Вольский А. Объяснения и примечания к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1877. Главы I–VI. С. 9.

⁷ Набоков В. В. Комментарии... С. 44.

⁸ Мильчина В. А. Там же.

Итак, в отличие от современных научных комментариев к «мосье», комментарии, написанные в XIX веке, не содержат оскорбительных или уничижительных оценок *l'Abbé*.

Еще один повод считать, что не все просто с *l'Abbé*, — курсив, роль которого в романе чрезвычайно важна: в основном он используется для выделения иноязычных слов, варваризмов, при цитировании, для передачи прямой речи⁹.

Он сигнализирует о вкраплениях в повествование элементов «чужой» речи. <...> Иноязычные тексты (как в иностранной, так и в русской транскрипции) также выступают как отсылки к «чужой» речи. Иногда это собственная речь Пушкина как человека, но поскольку она находится за пределами любых возможностей поэтической речи его эпохи, в стихотворном тексте романа она оказывается на правах «чужой», что подчеркивается курсивом¹⁰.

По наблюдениям Я. Гина, функции курсива меняются на протяжении повествования:

...если в первой главе он отмечает только иноязычную стихию (*vale, vasiscdas, сплин* и т. п.), то в дальнейшем картина существенно изменяется. Уже во второй главе курсивом выделены в основном цитаты и прямая речь (например, *ничто, туманну даль, полурусского соседа*); единственный случай использования курсива в третьей главе — цитата из Данте. В следующих главах оба этих «принципа» взаимодействуют. Однако пятая глава выделяется исключительно последовательным проведением «принципа цитаты (чужой речи)»¹¹.

В «Евгении Онегине» «*Monsieur l'Abbe*» дается курсивом начиная с издания 1825 года. Попытка применить существующие описания функций курсива к упоминанию *Monsieur l'Abbé* не позволяет понять: тут курсив использован, потому что это иноязычное слово? Но в этом случае почему *monsieur Guillot* (VI глава) курсивом не выделен? Вероятно, курсив *l'Abbé* — отсылка к некоему контексту, понятному для «своих», цитата, которая погружает «авторский текст в созвучные ему внешние контексты» и связана с «домашней семантикой»¹², намек на невымысленность персонажа.

Если принять хронологию романа по Ю. М. Лотману, то Евгений Онегин родился в 1795 г., а его выход в свет относится примерно к 1811–1812 гг. Следовательно, «мосье» обучал его французскому языку некоторое время между 1801 и 1811 гг. Конечно, было бы бесполезно искать всех «аббатов», которые теоретически могли давать частные уроки или быть гувернерами в Петербурге в этот период. Так же бессмысленно было бы искать сходство *l'Abbé* с какими-либо учителями-французами, описанными в дневниках и мемуарах: ведь в романе нет никаких деталей, с опорой на которые можно вести поиск. Помогла случайная находка: упоминание Н. И. Греча о Г. Л. Лаббе де Лонде.

⁹ Гинзбург Л. Я. Об одном пушкинском курсиве // Гинзбург Л. Я. О старом и новом: Статьи и очерки. Л., 1982. С. 153.

¹⁰ Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 416.

¹¹ Гин Я. И. Из комментариев к «Евгению Онегину»: Агафон // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1993. Вып. 25. С. 136.

¹² Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина... С. 414.

Уже тогда запала во мне мысль о сочинении русской грамматики; я прочитал все сочинения об этом предмете. Особенно помог мне в том *умный и знающий учитель, француз* (курсив наш — П. К., Е. М.) Гаврила Леонтьевич Лаббе де Лонд (Labbé de Londes). И он был самоучка. Старший брат его был в Петербурге карточным фабрикантом, младший остался в Париже, учился в каком-то коллегииуме, когда вспыхнула революция. <...> Тогда не было строгих правил по паспортам, особенно для тринадцатилетнего мальчика. Брат принял его к себе, поместил на чердаке и заставил разрывать карты на фабрике. *Но мальчик продолжал учить украдкой, именно грамматику латинскую, прошел французскую, выучился очень хорошо русскому языку и пошел в учителя, беспрестанно совершенствуя и распространяя свои познания* (курсив наш — П. К., Е. М.). Он приходил иногда к нашему гувернеру Делигарду. <...> Я не брал у него уроков, но пользовался его поучительными беседами и узнал многое; он же указал мне превосходную грамматику Сильвестра Де Саси. В предисловии моем к моей пространной грамматике я упомянул о нем с искреннею благодарностью¹³.

Гавриил Леонтьевич Лаббе-Делонд значился в разных источниках под разными именами, поскольку вариативность передачи иностранных имен в тот период была очень высока. Приведем неполный список: L'Abbé de Londes, L'abbé de Londes Gabrielle, Абе, Аббе де Лонд, Л'аббе де Лонд Гавриил Леонтьевич, Лабе, Лябе-де-Лонд Габриель, Делонд, Л'аббе-де-Лонд, Лаббеделонд, Лабе Делонд, Лябе-де-Лонд, де Ланд, Ланд, Делонд Гаврил, аббат¹⁴ и др. Однако аббатом не был ни он, ни его братья.

Данные адрес-календарей и документы РГИА позволяют восстановить биографию Лаббе (1773–1830), кавалера ордена св. Владимира 4 ст., титулярного советника. При Александре I он имел славу лучшего преподавателя новейших языков в Санкт-Петербурге, был преподавателем французского языка в Институте благородных девиц, затем в Петербургской губернской гимназии, в Педагогическом институте, в Патриотическом институте, незадолго до смерти был принят в качестве преподавателя в Артиллерийское училище¹⁵.

Де Лонд поступил на службу «в воспитательное общество Благородных девиц учителем в верхних и средних классах» 4 сентября 1797 г.¹⁶, а 3 апреля 1800 г. получил чин коллежского регистратора (низший гражданский чин 14-го класса). 18 октября 1802 г. произведен в титулярные советники. 7 мая 1827 г. «состоящий не у дел» титулярный советник Лаббе-Делонд определен библиотекарем в Главный Цензурный Комитет. Это была последняя страница его биографии. В некрологе говорилось, что Лаббе «занял место недавно скончавшегося профессора Тилло в Артиллерийском

¹³ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.-Л., 1930. С. 243–244.

¹⁴ Мы признательны Н. Г. Пушкаревой, библиографу РНБ, за эту бесценную информацию.

¹⁵ См. подробно о нем: Азбучный указатель имен русских деятелей, для Русского биографического словаря. Ч. 1. М., 2003. С. 465–466 (репринт изд. 1887); *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. Пг., 1914. Т. 3. С. 364; *Бардовский А. Ф.* Патриотический институт. История, очерк за 100 лет, 1813–1913 гг. СПб., 1913.

¹⁶ РГИА. Ф.733, Оп.93, Д.17. Формулярный список о службе Адъюнкта Титулярного советника Лаббе де Лонда 1830 г.

училище»¹⁷, но ему не удалось приступить к службе, так как он пережил Тилло всего на два месяца. И. А. Тилло (1781–1830) считался одним из лучших преподавателей французского языка, в 1821–1830 гг. преподавал в Царскосельском лицее, после 1824 г. — в Высшем училище, Горном кадетском корпусе, Инженерном и Артиллерийском училищах¹⁸. Сам факт приглашения на должность, которую должен был получить Тилло, говорит о репутации Лаббе.

Приведенные ниже данные адрес-календарей подтверждаются и архивными материалами, и данными энциклопедий и исторических исследований.

1. 1797 по 1803, 1812. Делонд, Гаврил, аббат. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Преподаватель французского языка¹⁹.

2. 1806. Аббе де Лонд. Учитель уездного и приходского училища при Санкт-Петербургской гимназии²⁰.

3. 1811. Тит. сов. Григорий (sic! — *П.К., Е.М.*) Лаббе де Лонд. Санкт-Петербургский Педагогический институт. Преподаватель французского языка²¹.

4. 1812. Тит. сов. Гаврило Леонтьевич Лаббе Делонд. Санкт-Петербургский Педагогический институт. Магистр. Французский язык; Тит. сов. Лаббе Делонд Учитель французского языка. Санкт-Петербургская губернская гимназия²².

5. 1815. Лаббе де Лонд. Преподаватель французской словесности Императорского Воспитательного общества благородных девиц²³.

6. Аббе де Ланд. Санкт-Петербургская губернская гимназия. Годы не указаны. Между 1811–1820 гг.²⁴.

7. 1828. Тит. сов. Гавриил Леонтьевич Лаббе-Делонд. Библиотекарь. Канцелярия Главного цензурного комитета департамента народного просвещения. Ор. с. Владимира 4 ст. Кав.²⁵.

8. 1829–1830. Делонд. Адъюнкт кафедры французской словесности с 30 июля 1829 г. до своей смерти 14 ноября 1830 г.²⁶.

Чрезвычайно интересны документы, освещающие связи и знакомства *l'Abbé*. Лаббе-Делонд был принят на место де Ламолиньера в Педагогический институт после

¹⁷ Тилло И. А. [Некролог] // Северная Пчела. 1830. № 120. С. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк, 1764–1914. Пг., 1915. Т. 3. С. 427.

²⁰ Адрес-календарь ... на 1806. Ч. 1. С. 383.

²¹ Адрес-календарь ... на 1811. Ч. 1. С. 360.

²² Адрес-календарь ... на 1812. Ч. 1. С. 368–369.

²³ Адрес-календарь ... на 1815 г. Ч. 1. С. 708.

²⁴ Курганович А. В. Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. Ч. 1: Первые 25 лет существования Гимназии, 1805–1830 г., под именем С.-Петербургской губернской и Высшего училища. СПб., 1880. С. 128.

²⁵ Адрес-календарь ... на 1828 г. Ч. 1. С. 465.

²⁶ Смирнов А. И. Историческое обозрение первого двадцатипятилетия Главного педагогического института, 1828–1853 года, составленное ученым секретарем Андреем Смирновым, к двадцатипятилетнему юбилею института, 30-го сентября 1853 года. СПб., 1853. С. 39, 106; Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического института, 1828–1859 г., составленное в июне 1859 года. СПб., 1859. С. 34.

долгой переписки (26.01.1811–03.12.1812) между самим С.С. Уваровым (1786–1855) и министром народного просвещения А.К. Разумовским (1748–1822). Официальной причиной увольнения де Ламолиньера было незнание им русского языка. История явно носила скандальный характер: «Деламолиньер подал попечителю просьбу, в коей, изъясняя негодование свое на поступок Конференции, просит или утвердить его Профессором Французского языка и Словесности, или уволить из Института с каким-либо отличием»²⁷. Вопрос об увольнении пытались решить так, чтобы никого не обидеть, хотя это было проблематично, поскольку сам де Ламолиньер²⁸, автор учебника по французскому языку, имевший опыт преподавания в Педагогическом институте с декабря 1805 г., настаивал на разбирательстве. В феврале 1811 года А.К. Разумовский обратился к Конференции Педагогического института и к С.С. Уварову. В обоих письмах он предлагал уволить де Ламолиньера из института, т.к. «в оном не положено иметь профессора по сей части»²⁹, и принять вместо него «Лабе де Лонда», который «при основательном знании Французского языка может изъясняться также на Руском и тем облегчить для воспитанников изучение Французского языка»³⁰.

Лаббе учебников не писал, хотя и имел богатый опыт преподавания в разных местах, о чем говорится в его прошении на имя Л.Л. Карбонье (1770–1836):

Желая иметь честь служить под начальством Вашего Превосходительства в Главном Цензурном Комитете, покорнейше прошу Ваше Превосходительство об определении меня на имеющуюся в оном штатную вакансию библиотекаря. При сем долгом считаю представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства о моей прежней службе три подлинные Аттестата, из коих два выданы мне из Совета Воспитательного Общества Благородных Девиц, и именно один Марта 25 дня 1803 года за № 72, а другой Мая 6 дня 1816 года за № 120, третий же Аттестат от Г. Попечителя Санктпетербургскаго Учебнаго округа 30 Ноября 1812 года за № 652 <...>. Из сих аттестатов Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что я продолжал службу в разных учебных Заведениях около двенадцати лет. К сему не излишним считаю присовокупить, что сверх Казенных мест я занимался во многих частных преподаванием разных наук и Словесности Французской и Латинской, находясь в России безвыездно около тридцати шести лет, и присягнув ещё в 1806 году на вечное подданство России (курсив наш – П. К., Е. М.). О сей данной мною присяге прилагаю здесь подлинное свидетельство, полученное в оном же году»³¹.

После получения согласия за подписью Министра народного просвещения А.С. Шишкова Л.Л. Карбонье лично известил Лаббе-де-Лонда о новом

²⁷ РГИА. Ф. 733, Оп. 20, Д. 107. Л.6.

²⁸ К этому времени Ламолиньер закончил работу над «Французской грамматикой» в двух частях, о чем оповестил и П.В. Завадовского, и самого императора (Письмо Дюбуа де Ламолиньера Государю Императору от 15.12.1808. РГИА. Ф. 733, Оп. 118, Д. 136). РГИА. Ф.13. С.-Петербургский главный педагогический институт. Оп. 1. Главный педагогический институт за 1804–1859 гг. Д. 276. Об издании французской грамматики, созданной магистром Молиньером.

²⁹ РГИА. Ф. 733, Оп. 20, Д. 107. Л.7. 4 Февраля 1811 года.

³⁰ Там же.

³¹ РГИА. Ф. 777, Оп. 1, Д. 741. Л.1. 30 апреля 1827.

назначении³². После смерти Г. Л. Лаббе-де-Лонда его вдове было выдано полторы тысячи рублей: «Государь Император <...> высочайше повелевает, сочувствуя вдове Адьюнкта Главного Педагогического Института Лаббе де Лонда, выдать единовременно в пособие годовой оклад жалованья мужа ея, тысячу пятьсот рублей из Государственного Казначейства»³³.

Кроме Г. Л. Лаббе-де Лонда, в Санкт-Петербурге пытался преподавать французский язык его брат, Карл (Шарль) Лаббе-де-Лонде (1760 г.р.). Однако послужной список Карла был значительно скромнее, чем у Гавриила: он около 3 месяцев преподавал в Губернской Петербургской гимназии, а затем в Институте благородных девиц. Хотя сама Мария Федоровна сделала поручение о получении им чина коллежского регистратора³⁴, Карл Лаббе-Делонд чин не получил.

Возможно, смысл эпитета связан с историей семьи Лаббе-Делондов в России. Семья занималась производством игральных карт, что было прибыльным делом. Однако при Марии Федоровне в этой сфере произошли изменения: «В числе доходов Воспитательных Домов состоял предоставленный в их пользу сбор за клеймение карт, вольными фабрикантами выделяемых. Сей сбор, мало пользы приносивший, по представлению Императрицы сперва Указом 16 Декабря 1797 года удвоен и привоз иностранных карт запрещен; а потом, утвержденным 4 Марта 1798 года докладом Ея, и самая продажа карт в Государстве предоставлена исключительно Воспитательному дому»³⁵. Теперь полученные с реализации карт доходы служили источником финансирования благотворительной деятельности Марии Федоровны. Соответственно, доходы семьи Делондов упали. Не исключено, что именно поэтому Мария Федоровна, помогавшая сирым и убогим, сначала (осенью 1797 г.) устраивает преподавателем Гавриила, а потом печется и о его брате Карле.

Отметим также, что Пушкин не сразу остановился на варианте *Monsieur l'Abbé* — были варианты: *Мосье Швейцарец благородный*, *Мосье Швейцарец очень строгой*, *Мосье Швейцарец очень важный*. Более того, первоначально был *Швейцарец очень умный*, и «в таком контексте обучение “шутя” воспринималось как изложение основ педагогики Руссо»³⁶. Почему замена «швейцарца» на «француза» исключает возможность сохранять эту интерпретацию «шутя»? Ведь идея «обучать их всему играючи, и, сколько возможно, без принуждения» была общей у Руссо, Локка, Бецкого³⁷.

Почему после стольких попыток найти эпитет для «швейцарца» Пушкин останавливается на «французском аббате»? Дело в том, что наличие воспитателя-швейцарца

³² РГИА, Ф. 777, Оп. 1, Д. 741. Л.6.

³³ РГИА. Ф. 733, Оп. 93, Д. 17. Министерство Народного просвещения. Департамент Народного просвещения. Отделение 11. Стол 1. В Санкт-Петербурге. 7 марта 1831 г. №2094.

³⁴ РГИА. Ф. 733, Оп. 86, Д. 381. Л. 5.

³⁵ *Вилламов Г. И.* Хронологическое начертание деяний блаженной памяти государыни императрицы Марии Федоровны в пользу состоявших под высочайшим ея покровительством заведений. СПб., 1836. С. 13–14.

³⁶ *Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина... С. 549–550.

³⁷ *Златопольская А. А.* Образ гувернера и педагогическая теория Руссо в русской культуре // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 84.

либо ассоциативно связывало бы Евгения Онегина с образом Александра I (губернатор-швейцарец — это подражание образу жизни императора?), либо звучало бы как намек на лицейского учителя Пушкина Д. И. де Будри, который, кстати, был в хороших отношениях с Делондом и так же, как Делонд, пользовался поддержкой Марии Федоровны³⁸. Образ *мосье l'Abbe* позволял сохранить идею получения Онегиным элитарного образования, но не указывал на связи Онегиных с императорской семьей, а лишь намекал на знакомство с окружением Марии Федоровны.

Наша гипотеза объясняет, почему Онегин «под руководством аббата-католика, конечно, должен был бы при минимальном усердии основательно усвоить латынь»³⁹, но так и не сделал этого. Лаббе-Делонд и аббатом-католиком не был, и, судя по архивным документам, преподавал латынь неохотно, поэтому и ожидать успехов от его учеников было бы странно⁴⁰.

³⁸ Гёц Ш. Путь Давида (Марата) де Будри: от частного преподавателя до воспитателя Царскосельского Лицея // Французский ежегодник 2011. Франкоязычные губернеры в Европе XVII–XIX вв. М., 2011. С. 315–328.

³⁹ Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина... С. 555.

⁴⁰ *Корректирующее примечание.* Пользуемся случаем указать на ошибку в статье Маркасова Е., Ключин П. «Мосье L'Abbé», гражданин Российской империи (Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 4): на с. 1549 вместо слов «в третьем значении» следует читать «во всех значениях».

Элеонора Худошина

«ПИКОВАЯ ДАМА»: ОБ ОТСЫЛОЧНОМ ЗНАЧЕНИИ ФОРМУЛЫ «ЛЕТ ШЕСТЬДЕСЯТ НАЗАД...»

Исследователи «Пиковой дамы» (в дальнейшем ПД) редко обращают внимание на ближайший ее контекст — произведения, созданные Пушкиным в Болдино осенью 1833 года. Главный труд, который Пушкин должен был здесь завершить, ради которого им было предпринято нелегкое, по осеннему бездорожью, путешествие на восток, до Оренбурга и Уральска, — это «История пугачевского бунта» (в дальнейшем ИПБ) — труд для Пушкина новый, интересный и важный, требующий терпения и упорства, но и отдыха от него, и отвлечения в сторону поэзии. И за пять недель интенсивнейшей работы им, кроме ИПБ, были написаны: две поэмы («Медный всадник» и «Анджело»), две стихотворные сказки («О рыбаке и рыбке» и «О мертвой царевне»), ПД и несколько значительных стихотворений («Осень», переводы из Мицкевича и др.). Было бы крайне интересно проследить, как облако поэзии день за днем сопровождало работу поэта над ИПБ. Но мы ограничимся прозой.

Теперь вопрос: что сближает ПД с ИПБ, кроме одновременной работы над ними? Поскольку вопрос задан, на него тут же находится вполне очевидный ответ: время действия — то, которое в ПД обозначено формулой «лет шестьдесят назад» (ПД написана в 1833 году, напечатана в 1834-м, шестьдесят лет назад — это 1773–74-е гг. — время пугачевского бунта). О том, что это именно формула и что она не случайна, свидетельствует ее повтор: ею начинается рассказ Томского («Надобно знать, что бабушка моя, лет шестьдесят тому назад, ездила в Париж и была там в большой моде»), Германн ее повторяет («По этой самой лестнице <...> лет шестьдесят назад <...> прокрадывался молодой счастливец...»), и она дважды поддержана: сообщением, что Чекалинский — «человек лет шестьдесяти», и вполне комической сплетней, что Германн — побочный сын графини: в таком случае она должна была бы его родить лет в шестьдесят (Германну лет около тридцати, графине — восемьдесят семь).

Догадок, что означает повтор этой формулы, было много: одни видели здесь намек на некие матримониальные тайны, другие — на «философию истории», противопоставление «века нынешнего», «железного», веку минувшему («галантному», «екатерининскому» и проч.)¹. А мы будем здесь видеть, во-первых, прямую отсылку

¹ Новейшую библиографию по ПД см. в кн.: Шмид В. Проза как поэзия. СПб., 1988. С. 103–145; а также в ст.: Бочаров С. В семантическом фараоне текста // Знамя, №9, 2011. С. 159–166; Давыдов С. Туз в «Пиковой даме» // Новое литературное обозрение, №3, 1999. С. 120–121.

к ИПБ и к еще не написанной, но давно задуманной «Капитанской дочке»; во-вторых, к самому жанру исторического романа: эта формула была хорошо известна поклонникам, подражателям, критикам Вальтера Скотта в качестве обозначения самого «правильного» времени исторического романа. «Роман должен быть картиной эпохи, которой принадлежим мы сами, у границ которой мы стояли или о которой еще рассказывали нам наши родители, — цитирует А. Долинин, в связи с этой темой, Теодора Фонтане. — Весьма характерно, что Вальтер Скотт начинал не с “Айвенго” (год 1196), а с “Уэверли” (год 1745), да еще особо придумал ему второе заглавие — “Шестьдесят лет тому назад”. Почему же он сразу не обратился к более ранней истории своей страны? Потому что у него было очень верное ощущение: два поколения — вот граница, заходить за которую <...> в большинстве случаев нельзя рекомендовать» (курсив наш — Э.Х.)².

Два поколения назад, время бабушек и дедушек — это время и «Капитанской дочки», и одного из ее претекстов («Рассказ моей бабушки»), и рассказа Томского, так что если бы до этого говорили о пугачевщине, он мог бы начать свой рассказ словами: «А в это время в Париже...». У читателей таких ассоциаций не возникает, потому что нечего сравнивать: в ПД не говорят ни о политике, ни об истории, в ИПБ почти вообще отсутствует европейский фон (в связи с приездом Суворова упомянута война с Турцией да мелькают иногда имена ссыльных польских конфедератов). Но нас будет интересовать не тематизм, а некоторые последствия работы Пушкина над ИПБ: именно те, что в свое время позволили нам назвать ПД, по аналогии с «Tales of ratiocination» Э. По³, «аналитической повестью»⁴. О каких последствиях может идти речь?

Когда говорят о Пушкине-историке, имеют в виду чаще всего его «историзм», то есть понимание связи событий от прошлого к будущему и концептуальное обоснование этой связи. Но в работе над ИПБ он более всего имел дело с другим ее аспектом — тем, который роднит работу историка с работой криминалиста: оба, чтобы установить истину произошедшего, должны расследовать собранные ими *показания*. Именно этот ее аспект имел в виду Л.С. Клейн, когда настаивал, что археолог не историей занимается: «Как детектив, археолог реконструирует прошлые события. Но он не имеет глубокого интереса к причинам, по которым они возникали»⁵. С такой реконструкции, однако, история как наука как раз и начинается, и первое ее правило (как и криминалистики) — оперировать лишь достоверными фактами, почему Р. Дж. Коллингвуд и счел возможным говорить о методологии истории на примере полицейского расследования убийства Джона Доу⁶. Именно этот аспект имел в виду

² Долинин А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988. С. 233.

³ Название цикла рассказов о Ш. Огюсте Дюпене, затворнике-интеллектуале, любимым развлечением которого было разгадывание разного рода головоломок, в том числе детективных.

⁴ См.: Худошина Э.И. История и «Пиковая дама» // «Точка, распространяющаяся на все...»: К 90-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 2012. С.82–109.

⁵ См.: Лич, Стивен. В беседах с Л.С. Клейном // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сборник научных статей. Уссурийск, 2011. С. 36–44

⁶ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. и примеч. Ю.А. Асеева. М., 1980. С. 253 и след.

и А. В. Михайлов, когда, развивая концепцию «решительного поворота» европейской теоретической мысли XVIII–XIX вв., говорил о связанном с ним *открытии истории и факта* «как атома исторического свершения», а также самой возможности с помощью специального расследования установить его истинность. «Греческое слово “история” заключает в своих древних смысловых слоях “свидетельствование наблюдателя” о совершившемся»: расследование, узнавание, установление истины на суде⁷.

Что увидел Пушкин в процессе работы над ИПБ? То, о чем и прежде, разумеется, догадывался: что любой исторический источник, будучи, в лингвистической терминологии, «знанием по рассказам»⁸, недостоверен по определению и требует тщательной проверки, и что речь человеческая, как письменная, так и устная, может содержать в себе, независимо от намерений говорящего, истолкование того, о чем она говорит. Это легко увидеть, сравнивая основной текст ИПБ с его источниками — Пушкин их обильно цитирует в Примечаниях и Приложениях, иногда целиком, и некоторые из них, особенно в первой главе, выглядят куда «художественнее», чем их пересказ в основном тексте. Умеющий сочинять легко видит сочиненное, и Пушкин, с его мощнейшей поэтической рефлексией, легко обнаруживает в повествованиях о начальных временах яицкого казачества или о Пугачеве «романические вымыслы», и в таких случаях лишь сообщает, что событие *было*, а «баснословия» (то, что основано на устных преданиях, иногда очень любопытных, хотя и недостоверных) отправляет в Примечания.

Кто умеет сочинять, легко видит сочиненное, кто умеет загадки разгадывать, тот их и сочинить сумеет — это будет для него и отдыхом, и шуткой, и демонстрацией магии слова и его миражей. Такой шуткой, аналитической загадкой и прямым следствием работы над ИПБ является ПД. Будучи разгаданной, она становится своего рода моделью исторического или детективного расследования, с одной важной поправкой: в ней нет ни историка, ни сыщика — эта роль принадлежит читателю, и он на практике, так сказать, познает законы восприятия текста и его интерпретации. Причем есть в ПД одна особенность, которая вносит в эту задачу дополнительную сложность. Загадка, ребус, криптограмма, загадочная картинка — с ними тоже можно сравнить текст ПД — не обязана быть художественным произведением. ПД таковым является, а это значит, во-первых, что читатель имеет полное право *верить* художественной достоверности изображенного и не искать *в поэзии — правды*; во-вторых, что авторские подсказки в этом тексте могут работать в обе стороны, и это требует дополнительной проверки. При этом избежать ее читатель не имеет права, потому что ему уже в самом начале повести предложено выбрать, чем, кроме чуда, можно объяснить тайну трех карт: это всего лишь *сказка*, или *случай*, или *мошеничество (порошковые карты)*, а потом добавлен еще один вариант: «Это была шутка <...> клянусь вам! это была шутка!».

⁷ Михайлов А. В. Роман и стиль // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 452–453.

⁸ См.: Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 344–345.

Таким образом, ПД — это в сущности, две повести в одной: одна адресована читателю-поэту, который верит своему впечатлению, другая — читателю-аналитику, предпочитающему не только верить, но и проверять. Далее мы попытаемся объяснить, как устроен этот сложный текст, хотя бы в каком-то одном его аспекте, а для этого нам необходимо бросить самый беглый взгляд на историю изучения и истолкований ПД.

Изучение началось лишь в XX веке, а до этого считалось, что ПД — произведение хотя и совершенное в отношении стиля и вкуса, но легковесное, не более чем анекдот. Современники Пушкина были от ПД в восторге, но она никого не удивила, как раз наоборот: «светские» и фантастические повести были в моде, тема карт популярна уже в XVIII веке⁹ — все в ПД казалось знакомым и именно поэтому «понятным». Ее часто переделывали для театра (в основном в жанре оперетты и водевиля, при этом, конечно, особое значение для ее последующих интерпретаций имела опера П. И. Чайковского)¹⁰. Что касается критики, то сразу же после выхода ПД в свет она решила, что в этой повести *недостаток идеи*, и больше к ней не возвращалась¹¹.

Но в начале XX века, когда русская символистская, а затем философская критика стала писать, вслед за Достоевским, именно об *идеях* и о *мудрости* Пушкина, М. О. Гершензон нашел в ПД *великую мысль* о психологии страсти, о человеческом хотении, ведущем всякого, кто им захвачен, к неминуемой гибели. При этом искра, говорит он, взрывающая душу маньяка, может быть ничтожной (ведь анекдот, рассказанный Томским. всего лишь «комочек житейской грязи»), но душа его готова верить любой выдумке, и вся эта фантастика является следствием его веры, которая, однако, так сильна, что «сам космос склоняется перед такой непреклонной верой, слепой случай, как пес, лижет властную руку» — вот почему Германну все-таки выпадают нужные карты. Но «на этой безумной высоте <...> малейший неверный шаг, — движение Наполеона на Москву или, как здесь, ошибочно вынутая карта — и он летит в бездну, *увлекаемый порождениями собственного возмущенного духа*»¹².

В этой статье так органично совместились психология, мистика и романтическая теория страстей, что дальнейшее изучение ПД, ставшее особенно интенсивным к концу XX в., развивалось главным образом в этой парадигме. И изучалась она, разумеется, *как поэзия*, то есть такой текст, в структуре которого и его выразительности содержатся указания на неявные его смыслы. Постепенно было обнаружено, что в ПД они встречаются на каждом шагу, и ее текст почти сплошь состоит из таких указаний, отсылающих, в том числе, к литературе и другим сферам культуры. И эти указания послужили основаниями для философских, мифологических, мистических, оккультных, «фрейдистских», социальных и других истолкований ПД. Отсылка

⁹ См.: *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // *Временник Пушкинской комиссии.* М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 74–147.

¹⁰ *Денисенко С. В.* Трансформация текста «Пиковой дамы» // *Русская литература.* 1999. № 2. С. 205–214.

¹¹ <*Строев В. М.*> «Повести, изданные Александром Пушкиным» // *Северная пчела.* 1834. № 192, 27 августа. С. 767.

¹² *Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. Томск, 1997. С. 79.

и параллелей, однако, оказалось так много, что известный немецкий славист Вольф Шмид, подводя итоги изучению ПД *как поэзии*, пришел к выводу, что «аллюзивность касается тут не столько отдельных текстов и даже не столько определенных сюжетных моделей, сколько жанров и дискурсов»¹³. Нельзя с этим не согласиться, а это означает, что в ПД явлено не только *мышление стилями*¹⁴, но и *мышление дискурсами*, то есть, в данном случае, общими знаменателями как художественного, так и обыденного мышления.

И действительно, уже *бинаризм* «фараона», пронизывающий, по наблюдениям Шмида, весь текст ПД, — это одна из главных характеристик человеческого мышления как такового: бинарные оппозиции — где же их нет? Так же, как троек и семерок (в мифологических и календарных системах, в сказках, песнях и проч.), как туза — образа великой единицы. То же — с дискурсом *видений*: в ПД он составлен из общих мест страшных преданий, поверий, народных и литературных баллад и фантастических повестей. И то же — с дискурсом «*эротическим*», которому исследователи ПД придают большое значение. Между тем без любовного сюжета не обходится ни один род литературы, а там, где красавица, — там и влюбленный в нее герой, и «неправильный», в каком-либо смысле, муж, измены, преступления и роковые тайны, а если это сюжет фантастический, то молодая красавица может обернуться и ведьмой, и старухой, и тем и другим вместе. Всем этим легко объяснить многообразие в истолкованиях фантастического сюжета ПД: общие знаменатели, отсылая к бесконечному количеству значений, не отсылают ни к одному из них в качестве «более верного», и читатель имеет возможность и право понимать и истолковывать сюжет ПД так, как ему велят его философские или какие-то другие предпочтения.

И все было бы хорошо, если бы мы согласились видеть в ПД только «разновидность волшебной сказки»¹⁵, а также считали, что «мышление стилями» — это лишь более или менее искусное их воспроизведение. Этим искусством владели многие из его современников, но с Пушкиным дело сложнее: он обладал, по В. В. Виноградову, гениальной способностью «виртуозно пользоваться ... литературными стилями для своих собственных художественных целей»¹⁶, то есть он обладал рефлексивной способностью выходить за пределы стиля, жанра и самого создаваемого текста, меняя его значение — так, как это делает «алгебраический знак перед математическим выражением» (сказано о значении образа Белкина в цикле *его* повестей)¹⁷ или как синтаксический знак в конце предложения, обозначающий ту или иную интонацию. И это имеет непосредственное отношение к ПД, где стили (дискурсы) и воспроизведены, и использованы. Как именно?

¹³ См.: Шмид В. Проза как поэзия. С. 105.

¹⁴ См.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.

¹⁵ См. Листов В. С. «Шутка» с участием Чаплицкого в «Пиковой даме» А. С. Пушкина // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 2019. С. 81–82.

¹⁶ Виноградов В. В. Стиль Пушкина... С. 485.

¹⁷ Виноградов В. В. Стиль Пушкина... С. 538.

Если рассмотреть во всех подробностях, как возникает и развивается в ПД ее фантастический сюжет, то мы обнаружим, что важнейшую и даже роковую в нем роль играет тот самый *эротический дискурс*, к которому отсылает множество деталей. Это и рассказ о парижской славе графини («Народ бегал за нею, чтоб увидеть la Vénus moscovite»), и упоминание имени Ришелье¹⁸, и характеристика мужа, который боялся ее «как огня» и был у нее «род дворецкого» (то есть исполнял все ее приказания), и занятия 87-летней старухи своим туалетом (румяна, чепец с лентами *огненно* цвета), и ее портрет (красавица с орлиным носом и *розо*й в волосах), и само присутствие Германна в спальне графини, и убранство спальни (пастухи, пастушки, веера и прочие «дамские игрушки»), и потайная лестница, в нее ведущая, и образ молодого счастливец, о котором думает Германн, спускаясь по этой лестнице, и его первоначальный план стать любовником старухи, и вероятная попытка Нарумова его осуществить, и мольбы Германна, взывающего к чувствам графини — «супруги, любовницы, матери», и ее смущение при упоминании имени Чаплицкого, и «роман» Германна с юной воспитанницей графини, и условие «белой женщины», чтобы он на Лизавете Ивановне женился, и коварство «старой ведьмы», которую Германн «узнал» в пиковой даме.

Все это так убедительно, что читатель, подпадая под обаяние этого дискурса, лишен возможности осознать, что весь этот «эротизм» в самом начале повести создан рассказом Томского: тем, как именно он рассказал свой анекдот. Человек литературно ориентированный (ранга едва ли не С. А. Соболевского: он все читал, о книгах все знает, в его библиотеке все есть), он всего лишь хочет эффектно и с той шутиливой интонацией, которая украшает разговор в дружеской компании, изобразить парижское приключение графини, без какого бы то ни было умысла или намерения компрометировать графиню. Ничего не сказать о ее красоте он не мог: это всегда интересно, да и она не дает об этом забыть, — вот он и начинает с парижских ее успехов. Короткий нарратив требует внутреннего единства, и Томский, уже по инерции стиля, включает в него и то, о чем он мог слышать в домашних разговорах, и то, что казалось ему уместным и забавным: стандартные, но очаровательные подробности «галантного века» с отлепливанием мушек перед сном и отвязыванием фижм, «домашнее наказание» мужа и проч., так что и Германн, и другие слушатели (например, Нарумов), а заодно и читатели ПД еще до появления на сцене Сен-Жермена уже настроены на определенный лад. И далее, поскольку эротический дискурс уже «встроен» в сознание и слушателей, и читателей, на нем крепится весь «сюжет Германна».

При этом читатели могли бы обратить внимание на то, что Томский во всех своих разговорах литературен и что на эту удочку попадают его слушатели. Но нет: Томский пошутил, что у Германна профиль Наполеона, а душа Мефистофеля, Лизавета Ивановна этой характеристике поверила — и читатели следом за ней. Она — потому

¹⁸ Чтобы дискредитировать французскую королевскую семью, революционная пропаганда изображала маршала де Ришелье человеком крайне развращенным и опасным для женщин, о чем и должны были свидетельствовать его поддельные мемуары, напечатанные в 1791 году. Таковой его репутация и оставалась вплоть до 1869 года, когда были опубликованы подлинные его мемуары.

что, «благодаря новейшим романам», ей этот образ хорошо знаком, читатели — потому что им (по той же причине) кажется, что это — подсказка автора, отсылка к романтическому и наполеоновскому дискурсу и, следовательно, «ключ» к образу Германна.

Обратим внимание: Германн поначалу скептически отнесся к рассказу Томского («Сказка!»), но во второй главе вдруг оказывается, что этот анекдот «сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил из его головы». Почему? Во-первых, потому, что он был «подтвержден» историей Чаплицкого (самое трудное, сказал бы в таком случае честертоновский о. Браун, поверить в то, что нуль, помноженный на два, равняется нулю), во-вторых, потому, что его «неподвижная идея» (вероятно, честолюбивая мечта вернуть своему роду былой блеск и достоинство¹⁹, уже превратившаяся, может быть, в идею просчитанного выигрыша) пересеклась с эротическим дискурсом, и его «огненное», но прямолинейное воображение подсказало: ты можешь стать вторым Чаплицким! После чего уже и имя Сен-Жермена можно было понять как знак (меня окликнули!), и все последующие случайности счесть не случайными: к дому графини, казалось, его *кто-то ведет*, а склоненная головка барышни в окне этого дома наводит, вероятно, на мысль: если мне всего-то и нужно поговорить со старухой наедине и выманить у нее секрет, то не все ли равно, кто в этом доме мне назначит свиданье? — и при полном отсутствии эмпатии, собственном сумасшедшим, он начинает свой «роман» с Лизаветой Ивановной.

А дальше, когда вступают в игру его суеверия, все катится еще легче:

Не чувствуя раскаяния, он не мог, однако, совершенно заглушить голос совести, твердившей ему: ты убийца старухи! Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь, — и решился явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения.

«Ведьма», разумеется, реагирует так, как ей и положено, в соответствии с дискурсивными стандартами, а неподвижная идея Германна, его предрассудки, нечистая совесть и вина перед Лизаветой Ивановной порождают, вместе с эротическим дискурсом, и фантастические видения, и повеление «белой женщины» жениться на Лизе, и уверенность, что это *она*, старуха, его погубила и посмеялась над ним. Так же думает и поэтически настроенный читатель. И гадает, за что некие силы так страшно Германна наказали, в чем заключается его трагическая вина: невольное убийство или даже матереубийство, нарушение договора с демоническими силами, роковое соперничество с неузнанным братом? Или это не Германн наказан, а некие силы вступили в борьбу между собой?

А читатель-аналитик понимает, что фантастика ПД может быть объяснена, а значит, и отменена, а Пушкин продемонстрировал читателю, сколь неверным, хотя и убедительным, может быть «знание по рассказам». А для верности он в середине

¹⁹ Германн должен принадлежать к известному или даже знаменитому роду: при его относительной бедности он, скорее всего, офицер лейб-гвардии саперного батальона, шефом которого был в. кн. Николай Павлович, который и после восшествия на престол оставил за собой это шефство *в знак благодарности и за верность присяге* (во время событий 14 декабря 1825 г.).

повести поместил еще один пример того, как может лгать с виду безупречное и даже интимное, личное свидетельство: переписку Германна с Лизой (получилось что-то вроде фрактала). Об этом «романе в письмах» нам рассказал автор:

Лизавета Ивановна каждый день получала от него письма, то тем, то другим образом. Они уже не были переведены с немецкого. Германн их писал, вдохновенный страстию, и говорил языком, ему свойственным: в них выражались и непреклонность его желаний, и беспорядок необузданного воображения. Лизавета Ивановна уже не думала их отсылать: она упивалась ими; стала на них отвечать...

Попади эти письма в руки историка-архивиста, он бы не усомнился во взаимной любви адресатов и мог бы гадать, чем кончилось свидание, каковы были его последствия, почему оборвалась переписка и т. д., — предполагая все, что может подсказать «эротический дискурс», но только не то, что с ужасом узнала Лизавета Ивановна:

Итак, эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, все это было не любовь! Деньги, — вот чего алкала его душа! Не она могла утолить его желания и осчастливить его! Бедная воспитанница была не что иное, как слепая помощница разбойника, убийцы старой ее благодетельницы!.. Горько заплакала она в позднем, мучительном своем раскаянии.

Предполагаемый историк этим *документом* был бы обманут точно так же, как рассказ Томского обманывает и Германна, и читателей, вместе с ним.

И вот после того, как аналитик обнаруживает, что весь «главный», то есть фантастический сюжет ПД можно аннулировать, он спрашивает: есть ли в этом сюжете что-то вполне достоверное? Да, есть: Германну (на наших глазах, в присутствии множества свидетелей) все-таки выпали карты, которые он задумал. И это выводит нас к еще одному литературному дискурсу, *дискурсу случая* — без которого, если вдуматься, невозможно выстроить занимательный сюжет ни в драме (особенно в комедии), ни в романе, особенно историческом: какой закономерностью можно объяснить судьбу человека, выжившего в катастрофических обстоятельствах? Но именно такие люди и оказываются свидетелями на суде истории (раз уж им повезло выжить). Таковы герои сказок и герои Вальтера Скотта, таков главный герой «Капитанской дочки».

Заодно читатель обнаруживает, что о графине он, в сущности, ничего не знает, и неплохо бы ему получше присмотреться к тому, что в ее облике не совпадает с эротическим дискурсом. Этого не так уж много, но кое-что есть, и если к этому хорошо присмотреться, оно вернет нас к началу повести, к *происшествию* (а не *рассказу о нем*), которое случилось в Париже *лет шестьдесят тому назад* и о котором мы тоже ничего, кроме романических вымыслов, созданных нашим воображением, не знаем. А вот если мы, с помощью того же воображения, сумеем разглядеть в графине не красотку, которая ездила в Париж прожигать жизнь и миллионы своего мужа, а фрейлину и, может быть, доверенное лицо Екатерины, многое в тексте ПД озарится другим светом. Но это будет, как говорилось в старинных романах, уже другая история.

Сергей Фомичев

«ТВОЯ ОТ ТВОИХ!»

СКАЗОЧНИКИ КАЗАК ЛУГАНСКИЙ И АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Рукопись «Сказки о рыбаке и рыбке» была подарена Пушкиным В. И. Далю с замечательной надписью:

Твоя от твоих!
Сказочнику казаку Луганскому
от сказочника Александра Пушкина.

Дарственная надпись эта была сделана в не дошедшем до нас *беловом автографе*¹, посланном Далю, — возможно, сразу же после завершения работы над сказкой, до публикации ее в журнале «Библиотека для чтения» (1835. Т. X. № 5). Такой подарок уникален в пушкинской практике, и это позволяет предположить, что замысел сказки был подсказан Далем при общении в Оренбурге, во время сбора Пушкиным материалов для начатой «Истории Пугачева».

«Между тем известно, что в этой сказке воспроизведена фабула (АТ 555), почерпнутая у братьев Гримм. Таким образом, — считает М. К. Азадовский, — устанавливается ряд очень характерных и убедительных совпадений, позволяющих установить прямую зависимость сказки Пушкина от гриммовского текста. Из деталей в тексте Гриммов отсутствует: мотив корыта (первое требование у Гриммов — новый дом), по-разному именуются рыбки: у Пушкина — золотая рыбка, у Гриммов — камбала, причем у Пушкина упущено указание, что рыбка — заколдованный принц. Наконец, Пушкин значительно усилил мотив покорности мужа. В сказке Гриммов старик только покорный муж, не смеющий ослушаться приказов жены и пользующийся вместе с ней дарами чудесной рыбы; у Пушкина — старик совершенно отделяется от старухи, чем достигается большая художественная и психологическая глубина»².

¹ См.: Мельников П. И. Даль: критико-биографический очерк // Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского). СПб., 1897. Т. 1. С. XXXIV. «Твоя от Твоих Тебе приносяще» — зачин евхаристии (таинства причащения, когда под видом хлеба и вина христиане причащаются тела и крови Христа). «Твоя от Твоих» означает здесь, что все, что ни есть на этом свете, создано Богом. Пушкин же в данном случае использует высокое речение почти столь же кощунственно, как и в своем стихотворении «В. Л. Давыдову» (1821): ср.: «Есть эвхаристия другая...» и пр. (II, 78). Здесь и далее тексты Пушкина цитируются по изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959 (римскими цифрами обозначаются номера томов, арабскими — страницы).

² Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. I. М.; Л., 1936. С. 142.

Однако в данном заключении содержится принципиальная неточность: у Гриммов герои не были *стариком со старухой*. Стало быть, возможен и иной (дополнительный) источник сказки Пушкина, ибо злая старуха — распространенный фольклорный персонаж. Ср. набор пословиц у самого Даля: «Девушки хороши, красные пригожи, да отколь же злые жены берутся? Злая жена — поборница греху. Злая жена — злее зла. Всех злее злых злая жена. Злая жена — мирской мятеж. От злой жены не уйдешь. От злой жены одна смерть спасает да постриженье. Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою».³

Сюжет же АТ 555 был широко распространен в мировом фольклоре, где варьировались, наряду с чудесной рыбкой, и другие чудесные помощники⁴.

Можно догадаться, что в сказке братьев Гримм влюбленный супруг, хотя и опасаясь вновь и вновь беспокоить новыми просьбами камбалу, — выполнял просьбы Ильзебиллы, в качестве любовных подарков ей. Любопытно, что чудесными свершениями неизменно закрепляются супружеские отношения героев — даже после того, как жена стала римским папой: «И сказал он: “Женушка! Ну, теперь, чай, довольна? Теперь ты папа и уж ничем больше не можешь быть?” — “А вот еще подумаю”, — сказала жена. И затем они отравились спать»⁵.

Пушкин, воспроизводя традиционный сказочный сюжет, не просто оставил старика-рыбака простым мужиком — в отличие от жадной старухи, которая быстро усваивала господские замашки:

Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает <...>
Осердилась пуще прежнего старуха
По щеке ударила мужа,
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою,
Ступай к морю, говорят тебе честию;
Не пойдешь, поведут по неволе».
(III, 537–538)

Обретая волшебного помощника через посредство покорного мужа, старуха изуверски наслаждалась своей нарастающей властью, и над мужиком сгущался мрак рабства:

На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 683.

⁴ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. Здесь, в частности, зарегистрирован сербский вариант сюжета АТ 555 (Eschker 1992, № 78). Не делился ли Даль с Пушкиным своими сербскими впечатлениями? В черновом автографе сказки у Пушкина значится «18-я песня сербская».

⁵ Сказки, собранные братьями Гриммами. СПб, 1893. С. 63. Перевод (точный!) под ред. П. Н. Полевого.

Топорами чуть не изрубила;
 А народ-то над ним насмеялся:
 «Поделом тебе, старый невежа!
 Впредь тебе, невежа, наука:
 Не садися не в свои сани!»
 (III, 538–539)

Здесь можно увидеть иронию (как и в «Истории Пугачева») над царистскими народными иллюзиями. Ведь *не в свои сани* фактически садилась — пока вполне успешно — старуха. Но и на старуху бывает проруха.

Ср. с этим воспоминание Даля о пушкинской реакции на народные рассказы о Пугачеве: «Пушкин слушал все это — извините, если не умею иначе выразиться, — с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: “Как я давно не сидел на престоле!” В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал»⁶.

В черновике пушкинской сказки жена рыбака, как и у братьев Grimm, становилась римским папой (легенда о папессе долго волновала Пушкина), и здесь, в частности, упоминалась птица Строфилус:

На венце тонкая <?> спица
 На спице Строфилус птица
 (III, 1087–1088)

Стало быть, Пушкин, работая над сказкой о рыбаке и рыбке, ориентировался отчасти на Стих о Голубиной книге:

...Которая птица всем птицам мати?
 Страфиль птица всем птицам мати.
 Живет она на синём море...⁷

Но та же чудесная птица упоминалась и в былинне «Егорий Храбрый», позже переданной Далем Афанасьеву:

...И еще Егорий наезжаючи
 На те ворота кесарийские, иерусалимские. —
 На воротах сидит Острафил-птица...⁸

Дарственную запись Пушкина «Твоя от Твоих!» Даль по-своему отблагодарил «Сказкой о Георгии Храбром и волке». Она появилась сначала в журнале «Библиотека

⁶ Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 258.

⁷ Бессонов П. А. Калики переходные. Сб. стихов и исследование. М., 1861. Ч. I. С. 321.

⁸ Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. М., 1859. С. 38.

для чтения» (1836. Т. XIV. №2) — со многими искажениями, возмущившими автора⁹. В «Былях и небылицах» произведение было исправлено и снабжено авторским примечанием: «Сказка эта рассказана мне А. С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге и мы вместе поехали в Бердскую станицу, местопребывание Пугача во время осады Оренбурга»¹⁰.

Сказка Даля-Пушкина стала коренной переработкой сюжета «Волк-дурень» (АТ 122). В собрании Даля имелись и другие записи этого сюжета¹¹, две из которых были включены в посмертное издание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева (№ 55–56). Фабула второй из них — аналогична далевской, но вместо Георгия здесь выведен Христос. Впрочем, в примечании к этой сказке Афанасьев привел рассказ, услышанный им от «одного поселянина»:

Пасли два пастуха овечье стадо; захотелось одному водицы испить, и пошел он через лес к колодцу. Шел, шел и увидел большой ветвистый дуб, а под ним вся трава примята и выбита. “Дай посмотрю, что здесь делается” — сказал пастух и влез на самую верхушку дерева. Глядь, едет святой Георгий, а вслед за ним бежит многое множество волков. Остановился Георгий у самого дуба; начал рассылать волков в разные стороны и наказывать всякому, чем и где пропитаться. Всех разослал, собирается уж ехать; на ту пору тащится хромой волк и спрашивает: “А мне-то что ж?”. Егорий говорит: “А тебе вон на дубу сидит!” Волк день ждал, два ждал, чтобы пастух слез с дерева, так и не дождался, отошел подальше и схоронился за куст. Пастух огляделся, спустился с дуба — и бежать. А волк как выскочит из куста, схватил его и тут же съел¹².

«Основная тема, — указывает исследователь животного эпоса, — соперничество и борьба, где трикстеру¹³ противостоит обычно животное, гораздо более сильное, чем он сам. Типичная ситуация, в которой находятся животные, — голод. Спор, соперничество разыгрываются вокруг добычи, связаны с едой. <...> Странствия и встречи во время странствий — вот стержень сказки о животных, <...> ее “ударная сила” по-прежнему остается в комических сюжетных ситуациях»¹⁴.

В подобный сюжет введены Далем в «Сказке о Георгии Храбром и о волке» новые эпизоды о злключениях волка в его столкновениях с туром, жеребцом, бараном, кабаном и со служивыми — особенно же с закройщиком, кривым Тараской, смастерившим собачий тулуп, что окончательно осложнило дальнейшее существование хищника.

В сущности, животный мир здесь сближался с человеческим обществом, во главе которого стоял безвольный владыка, доверивший власть своим присным, которые истязали просителя, хотя он и добивался своего законного права на пропитание.

⁹ См.: Матвеевская Г. П., Зубова И. К. Владимир Иванович Даль. М., 2002. С. 60–61.

¹⁰ Даль В. И. Были и небылицы Казака Луганского. СПб., 1839. Кн. 4. С. 101. Далее текст цитируется по этому изданию.

¹¹ В частности, таковой был воспроизведен в рассказе Даля «Другая круговая беседа» (1856).

¹² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.; Л., 1984. Т. 1. С. 450.

¹³ От англ. *trixter* — обманщик, хитрец (в сказках — иногда неудачливый).

¹⁴ Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 66.

Таким образом, произведение это тяготеет, по сути дела, к сатирической народной книге. «Тесно связана со сказкой, — отмечает В. Я. Пропп, — но всё же совершенно иной жанр представляет собой народная книга. <...> Так, типичными народными книгами являются “Еруслан Лазаревич”, “Бова Королевич”, “Мелюзина”, “Петр Золотые ключи” и др. Они сказочного происхождения, восточного и западного. <...> Народные книги были у нас чрезвычайно популярны. Отождествление народной книги со сказкой — методологическая ошибка. Но такой же методологической ошибкой будет и изучение народной книги вне сказки. Это смежные, родственные и перекрещивающиеся жанры, обладающие, однако, каждый своей внутренней спецификой, исторической судьбой и формой обращения»¹⁵.

Интерес Пушкина к народной книге, в частности, отразился в его записной книжке ПД 840, где воспроизведен эпизод старофранцузской повести о Лисе Ренаре, одним из персонажей которой был и жадный волк:

Изенгрин, дядя Ренара,
Был, да будет вам это известно, большим грабителем,
И днем, и ночью он много разбойничал.
Этот волк означал —
Который похитил у Адама овец —
Всех тех, кто хорошо умеет грабить
И ворует днем и ночью...¹⁶

«Многое, — подчеркивает Е. А. Костюхин, — в природе комизма, в принципах характеристики животных персонажей, обитающих в человеческом мире, роднит сатирический эпос с народными сказками. И это естественно: ведь сюжеты сказок о животных легли в основу литературного эпоса и “принесли” с собою определенные художественные принципы. Более всего фольклорных сюжетов в “Романе о Лисе”, где Эзоповы басни соединяются с сюжетами собственно сказок, до сих пор имеющих хождение среди европейских народов, и сюжетами восточных апологов. Несомненна связь со сказкой византийского “Превосходного повествования про Осла, Волка и Лису”, где Осел лягает глупого Волка, доверившегося его копыту. Это известнейший сюжет о злоключениях волка (АТ 122), включающий десятки мотивов. <...> При всех сюжетных совпадениях сатирический животный эпос — не фольклорное, а литературное явление. Фольклорный материал не только коренным образом переработан и связан с гротеском нового типа, но и значительно переосмыслен. В литературном животном эпосе пародируются расхожие литературные стилистические формулы, штампы официальной речи. Такого типа пародирования народная сказка не знает»¹⁷.

Ср. в сказке Пушкина-Даля:

¹⁵ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 53–54. См. также: Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства. Л., 1934. С. 33.

¹⁶ Рукою Пушкина. М., 1997. С. 78.

¹⁷ Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. С. 207.

По этой мирской сходке видим мы, что Георгий Храбрый, на́больший всем зверям, скотине, птице, рыбе и всякому животному, успел уже постановить кой-какой распорядок, указал расправу, расписал и порядил заплечных мастеров, волостных голов, писарей, сотских и десятских — словом, сделал все, как быть следно и должно.

Серый, как истый мученик первобытных и первородных времен, когда не было еще настоящего устройства, ни порядка, хоть были уже разные чиновники, сотские, тысяцкие и волостные, — серый со смирением и кротостью коренных и первоначальных веков зализал кой-как рану свою и пошел опять к Георгию, с тем, однако же, чтобы съесть его и самого, коли-де и теперь не учинит суда и расправы и не разрешит скоромного стола.

«Еще и грамоты не знают, — подумал серый про себя, — и переписка не завелась, а какие крючки и проволочки по словесной расправе выкидывают!» (114–115).

В сказке Пушкина-Даля хищник, хотя и увечен, но никак не глуп. В бóльшей же степени здесь сатирически переосмыслен духовный стих о Егории Храбром.¹⁸

По народным представлениям, один из трех (наряду с Николой и Ильей) самых почитаемых святых угодников, Егорий прибыл на Русь в то время, когда «земля русская была словом заказана, заповедана, что по той земле ни пеш человек не прохаживал, ни на коне по ней никто не проезживал, едет к ней на своем коне ретивом св. Егорий Храбрый». Наезжает он на землю русскую, и здесь перед ним являються «леса темные, дремучие, горы высокие и холмы широкие, моря глубокие и реки широкие, звери лютые и рогатые, стадо змеиное, лютое». Несмотря на это, хочет Егорий Храбрый «ту-то проехать, ту-то проторить». Для этого «возговорил он слово вещее», и вдруг «по Божьему всевелению, по Егорьеву молению по всей земле светлорусской разрастаются леса темные, раскидаются леса дремучие, рассыпаются горы высокие, становятся холмы широкие, текут моря глубокие, бегут реки широкие: заселяются звери могучие, плодятся звери рогатые; они пьют-едят повеленное, от Егория Храброго заповеданное.

Наезжал Егорий на стадо звериное,
 На серых волков, на рыскующихх <...>
 Егорий святой проглаголивал:
 «Вы, волки, волки рыскучие!
 Разойдитесь, разбредитесь,
 По два, по три, по одному,
 По глухим степям, по темным по лесам;
 А ходите вы повременно,
 Пейте вы, ешьте повеленное,
 От свята Егория благословения!»
 По Божьему всё повелению,
 По Егорьеву молению,
 Разбегались звери по всей земли,

¹⁸ Отметим в этой связи также притчу «Исправность и расторопность» в «Солдатских досугах» Даля, где вспоминался народный угодник: «Георгий Храбрый, который, как ведомо вам, во всех сказках и притчах держит начальство над зверями, птицами и рыбами, — Георгий Храбрый созвал всю команду свою служить и разложил на каждого по работе». Все звери, кроме пчелы, однако, «хлопотали bestолку».

По всей земли светло-русской:
Они пьют, едят повеленное
От Егорья Храброго...¹⁹

Серому же в «Сказке о Георгии Храбром и о волке» для «питья-еды» забыл святой угодник что-либо определить, но герой простодушно убежден в своем естественном праве на пропитание. Он постоянно, после очередной расправы, является к святому угоднику с просьбой восстановить справедливость. Тщетно!

Георгий Победоносец считался небесным покровителем Руси и как символ Русского государства был изображен на древнем гербе. Однако, в отличие от утопического землестроителя (каким святой Георгий предстает в духовных стихах), он превращен в сказке Даля в безвольного владыку, который надоедливому волку ничем помочь не хочет. Недаром в народе издавна жила память о своем окончательном закабалении, выраженная в пословице «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» (т. е. день памяти святого Георгия). Именно поэтому сатирическая интерпретация народной сказки (и духовного стиха) у Даля вполне соответствовала исконному российскому сетованию, выраженному в пословице «До Бога высоко, до царя далеко»²⁰, которая обычно молвилась в ответ на своеволие местных властителей.

В народных сказках глупый волк непременно погибал. В интерпретации Даля он уцелел, но никакой власти, окончательно разуверившись в ней, признавать не желает.

Сказку о волке Пушкин рассказал Далю по дороге в Берды недаром — а в связи с работой над «Историей Пугачева». В итоговой записи «Замечаний о бунте» Пушкин напишет:

Весь черный народ был за Пугачева <...> Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели.

Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно.

Нет худа без добра: Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен... (IX, 376).

«Сказка о Георгии Храбром и о волке», наполненная мотивами многих далевских записей народных преданий, сохранила, по сути дела, подспудную пушкинскую мысль о причинах народного возмущения.

¹⁹ Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языка / Сост. Ф. Буслаев. М., 1861. Стб. 1618.

²⁰ Возможно, в такой интерпретации святого угодника отразилось народное присловье: «На Руси два Егорья: один холодный, другой голодный» (26 ноября и 23 апреля).

Павел Михед

ОБ УКРАИНОЯЗЫЧНОМ ПИСЬМЕ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Эта статья является продолжением исследований о контактах Гоголя с польскими деятелями литературы и культуры, ранее опубликованных автором в различных изданиях¹.

О письме или, точнее, записке, которую Гоголь примерно в конце 1837 — начале 1838 гг. (январь-февраль) написал Богдану Залесскому, давно знают не только исследователи творчества писателя, но и широкий круг читателей. Тем не менее, полностью приведем ее текст:

Дуже — дуже було жалко, що не застав пана земляка дома. Чував, що на пана шось напало — не то *соняшныця*, не то *завійныця* (хай їй прыснутся лысый дидько), та тепер, спасибо богови, кажут начей-то земли давав бы чернецького хлиба усякій болизни и злыдням. Та й нас бы не забував, пысульки в Рым слав. Добре б було, колы б и сам туды колы-небудь прымандрував. Дуже, дуже близькый земляк, а по серцю ще бlyжчый, чим по земли.

Мыкола Гоголь².

Послание, как видим, написано в игривом, комически-бурлескном стиле и свидетельствует, прежде всего, о нескрываемой симпатии к адресату, который, в восприятии Гоголя, не только «ближний земляк», но человек, даже больше близкий «по сердцу», «чем по земле». А объединяет их, по словам Гоголя, «казацкая земля», на которой Господь дает людям «монашеского хлеба» от всяких болезней и нищеты.

Неугасающий с годами интерес к содержанию и форме этого письма обусловлен тем, что это единственный украиноязычный текст писателя, хотя украинизмы, эпиграфы, словари-приложения в его украинских повестях убеждают, по крайней мере, в сочувственном отношении Гоголя к украинскому языку. Украинский вокабуляр свидетельствует не только о свободном владении языком, что вряд ли должно удивлять, если вспомнить, что отец Гоголя, Василий Афанасьевич, был среди первых авторов словаря украинского языка и составил слова на букву «К». Впрочем, как

¹ См.: Микола Гоголь і поляки (деякі аспекти дослідження) / Павло Михед // Слово і час. 2008. № 5. С. 3–11; Микола Гоголь і Велика польська еміграція (проблеми вивчення) // Слов'янські обрії: ХІХ Міжнародний з'їзд славістів (10.09. — 16.09.2008, Охрид, Республіка Македонія): доповіді. К., 2008. Вип. 2. С. 419–442.

² *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937–1952]. Т. 11. С. 88.

известно, в семье Гоголей общались на русском, однако отнюдь не на «петербургском», как говаривала Мария Ивановна. Ольга Васильевна, младшая сестра писателя, вспоминала об откровенном недоумении знаменитого актера Михаила Семеновича Щепкина, который вдруг обнаружил, что она не владеет украинским языком: «я не знала ни одного слова по-малороссийски говорить, когда заговорил со мной Щепкин»³. Михаил Максимович, напротив, отмечал, что Гоголь прекрасно знал язык, «он свое родное наречие знал основательно и владел им в совершенстве. В иное время, когда, бывало, заговорит он по-украински, представляя какое-нибудь оригинальное, типическое лицо, то заслушаешься его, как иногда заслушивались мы поющего Шевченко»⁴. В этом контексте несколько странно звучит реплика известного российского литературоведа Игоря Виноградова, который в фундаментальном труде «Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя» замечает: «Гоголь пишет шутивную записку к Богдану Залескому, используя при этом свои словари украинского языка»⁵. Обосновывая далее весьма прозрачный тезис об ограниченном знании Гоголем украинского языка, в комментариях к письму исследователь утверждает: «Творческая история ранних повестей Гоголя показывает, что многие специфические обороты и выражения готовились писателем заблаговременно»⁶. При таком подходе вопрос о языке Гоголя выглядит незначимым, собственно, своеобразным декором повествования, хотя еще И. Мандельштам в начале XX в. не сомневался, что Гоголь, работая над украинскими повестями, «мысленно переводил обороты, слова, буквально применяясь к русской речи». Более того, Мандельштам считал ненужным это аргументировать: «Не стану приводить в большом количестве фактов, свидетельствующих, что Гоголь пользовался малороссийским языком каждый раз, когда общерусский язык не в состоянии был передать той тонкости мысли, которая передавалась естественно языком малороссийским, — и наоборот»⁷.

Вообще пассаж И. Виноградова — это тот случай, о котором Ю. Барабаш справедливо сказал, что российское гоголеведение, «кое-как признавая наивность “малороссийской краски” в произведениях писателя, порой даже любясь ею как привлекательным экзотическим атрибутом, <...> игнорирует или просто не понимает ее глубинную украинскую природу»⁸.

Письмо Гоголя написано на украинском, поскольку на этом языке он свободно общался не только с Богданом Залеским, но вообще с окружением Адама Мицкевича в Париже, а в Риме с Иеронимом Кайсевицем и Петром Семененко — этническим украинцем. С ними, кстати, активно переписывался и Богдан Залеский.

³ Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. В 3 т. М., 2011. Т.1. С. 216.

⁴ Максимович М. Собрание сочинений. Т.1. Киев, 1876. С. 529.

⁵ Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1837–1841). М., 2017. Т. 3. С. 13.

⁶ Там же.

⁷ Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс, 1902. С. 208, 216–217.

⁸ Барабаш Ю. Гоголь у літературній свідомості українського зарубіжжя // Нові гоголезнавчі студії. Вип. 1 (12). Сімферополь, 2004. С. 17.

Что же собой представляло в те годы польское общество в Париже?

После поражения ноябрьского восстания 1830 года польская эмиграция, а это примерно двенадцать тысяч молодых образованных шляхтичей, пребывала в активном поиске путей освобождения народа. Одним из главных векторов их деятельности было религиозно-мистическое движение. Его активно пропагандировал Адам Мицкевич в «Книге польского народа и польского пилигримства», а поддерживал созданный по его инициативе орден «из-мертвых-встанцев», или воскресенцев. В политической сфере эмиграция возлагала большие надежды на помощь Франции, в которой традиционно видела воплощение идеи свободы. Среди прочего актуализировался и славянский фактор, впервые заявивший о себе во второй половине XVIII века, известной как время славянского возрождения. Поэтому понятно доминирование общеславянской проблематики в разговорах и дискуссиях, которые велись в окружении Адама Мицкевича в Париже, а в Риме в подобных обсуждениях участвовал и Гоголь, общаясь с воскресенцами Петром Семененко и Иеремией Кайсевичем. Гоголь был немало удивлен мощью духовного противостояния польской эмиграции российскому порабощению, о чем писал Семененко в письме к Богдану Янскому — главе ордена воскресенцев. Можно сделать вывод, что Гоголь разделял антироссийские взгляды поляков-эмигрантов, выражая критические суждения о России и среди соотечественников. Александр Иванов приводит высказывания Гоголя в письме к Ф. Чижову: «Русские в беде! Гоголь говорит, что русские лишены от природы *база* (выделено автором), на котором можно бы было безопасно ставить и строить. Это меня теперь очень занимает. Что вы тут скажете, когда это оправдывается беспрестанно»⁹.

Примечательно, что Гоголь именно с поляками проявлял свое знание украинского языка, не только рассказывая грубоватые анекдоты, как это случалось в российском обществе, но и в разговорах на серьезные темы. Изящество письма, даже несмотря на его лексику, свидетельствует, по крайней мере, о двух вещах: во-первых, о том, что автор письма непринужденно и свободно оперирует всеми нюансами и оттенками родного языка, а во-вторых, о том, что он предполагает у своего адресата, Богдана Залесского, не менее глубокое и тонкое языковое чутье. Попутно отметим значимую роль Украины в жизни Залесского, которого Адам Мицкевич обоснованно называл «украинским поэтом»¹⁰. Он прекрасно знал не только язык, но и украинскую историю, фольклор, обычаи и традиции повседневной жизни. Прошлое и настоящее Украины служило плодотворным источником его творчества.

В. Гришко приводит стихотворение, написанное Залесским на излете жизни, где польский поэт обращается ко Всевышнему: «Господи, Боже мой! Молю тебя: когда умру, дай мне Украину на небесах». В другом стихотворении Залесский сентиментально вспоминает: «Моя родная Украина пеленала меня, ее дитя, своими песнями».

⁹ Боткин М. Александр Андреевич Иванов: Его жизнь и переписка. 1806–1858 гг. СПб., 1880. С. 198.

¹⁰ Mickiewicz A. Literatura słowiańska wykładana w Kolegium Francuzkiem. Poznań, Nakł. J. Zupanskiego, 1865. V. 1. P. 5. Цит. по: Гришко В. Николай Гоголь та Микола Гоголь: Париж 1837. Розділ зі студій про Гоголів комплекс “двох душ” // Нові гоголезнавчі студії. Вип. 5 (16). Ніжин, 2007. С. 205.

Потому-то Гоголь имел полное право обратиться к поляку Залесскому: «Очень, очень близкий земляк, а по сердцу еще ближчий, чем по земле».

Впрочем, к этой истории присоединился еще один земляк, в этом случае — буквально по земле, а если и не по сердцу, то, как оказалось, близкий своими идеями. Речь идет о поляке Францишеке Духинском (1816–1893), известном ученом, историке и этнографе, чьи труды были чрезвычайно популярны в кругах польской эмиграции во второй половине XIX в., а несколько позже нашли отклик и в Польше. Духинский прожил в Киеве 12 лет (1834–1846), писал на украинском, и он же первым рассказал на Западе об арестах участников Кирилло-Мефодиевского общества. Статьи Духинский печатал во французских и польских изданиях, опосредованно маркируя свою идентичность для европейских читателей и соотечественников незатейливо — Киевлянин (по-польски “Duchński Kijowianin”, а по-французски — “Duchński de Kiew”). На надгробии Духинского эпитафия написана латиницей на украинском языке и звучит как благодарственное обещание: «**Nashi lude nezabudut’ doki zyty budut’ dushi twei, slowa tvoho bilsz ne tra niczoho**» «**Наши люди не забудут, / Пока жить будут, / Души твоей, слова твоего. / Более не нужно ничего**».

Имя Духинского приобрело известность в Европе после публикации его резонансных работ — франкоязычной «Московии и Польши» (Париж, 1856) и написанной на польском «Основы истории Польши и других славянских стран» (Париж, 1858–61). В них Духинский сформулировал оригинальный взгляд на генеалогию русских. Он считал русских потомками тюрков и угро-финнов и предлагал называть их туранцами, то есть употреблял термин, который спустя годы оживет на страницах трудов российских евразийцев — сначала П. Савицкого, а затем Н. Трубецкого. Тем самым польский этнограф и историк отказывал русскому народу в принадлежности к европейскому миру, причем как в антропологическом, так и культурно-историческом измерении¹¹.

В 1850–60-х гг. идеи Духинского вызвали большой интерес в среде французских интеллектуалов. Под их влиянием даже предлагалось внести изменения в учебные программы французской средней школы, которые должны были подчеркнуть разницу между русинами и русскими и акцентировать внимание на неславянском происхождении последних¹². Впрочем, в конце XIX в. теоретизирования Духинского теряют популярность, романтическая эпоха уходит в прошлое, а позитивизм вносит существенные коррективы и в славяноведение. Стоит отметить, что в Украине идеи Духинского резонировали дольше, хотя пространство их использования было существенно ограниченным. С оговорками относительно их научной достоверности выступили Н. Костомаров и М. Драгоманов, которым в конце XIX в. оппонировал А. Конисский — неутомимый популяризатор идей Духинского. Вероятно, поэтому, утратив научную ценность, эти идеи, тем не менее, продолжали функционировать

¹¹ Взгляды Ф. Духинского были подвергнуты резкой критике в российской печати. См.: *Пытин А. Н.* Тенденциозная этнография // *Вестник Европы.* 1887. № 1. С. 303–328.

¹² *Лисьяк-Рудницький І.* Францишек Духінський та його вплив на українську політичну думку // *Іван Лисьяк-Рудницький. Історичні есе: [В 2 т.].* Київ: Основи, 1994. Т. 1. С. 270.

в публицистическом дискурсе. К слову, такая интерпретация идей Духинского и сегодня встречается на страницах взыскующих сенсаций СМИ.

Подытоживая, отметим, что идеи Ф. Духинского и его деятельность способствовали установлению контактов и формированию украинско-польского культурно-исторического диалога. И уже этим заслуживают внимания.

Вовсе не случайно то, что именно Францишеку Духинскому¹³ поведал Богдан Залесский историю общения с Николаем Гоголем, посвятив воспоминаниям два письма. Залесский симпатизировал идеям Духинского, они инспирировали его возвращение в прошлое, в парижские салоны 1830-х, где в кругу Мицкевича бушевали дискуссии о сущности славянства вообще, а также о выразительности и уникальности идентификации того или иного народа через его фольклорное наследие. Известно, что и Залесский живо интересовался народными песнями, прекрасно ориентировался в специфике как польской, так и украинской культуры, а потому закономерно его обращение к народной песне.

Залесский планировал подготовить и издать «Славянские вечерницы» — антологию фольклорных песен славянских народов, для которой, в частности, перевел сербские народные песни. Вероятно, поэтому так запомнился ему упомянутый в письме к Духинскому эпизод более чем двадцатилетней давности и озвученные тогда Гоголем мысли, которые касались генеалогии русских, о чем Гоголь, по словам Залесского, написал реферат, где и высказал сомнение в принадлежности русских к славянству.

Приведем посвященный Гоголю фрагмент из первого письма Залесского Ф. Духинскому от 19.02.1859: «25 лет назад гостил в Париже известный в России писатель Гоголь. Общался он здесь с покойным, святой памяти Мицкевичем и со мной, соукраинцем, в тесном кругу. Дружба та была, к сожалению, непродолжительной, но тогда мы часто сходились по вечерам на литературно-политические беседы. Чаще всего говорили о русских, противных нам и ему. Проблема их финскости была постоянной за столом. Гоголь поддерживал ее со всей малороссийской вспыльчивостью. Он имел под рукой значительное собрание народных песен на разных славянских языках, и в части финскости москалей уложил и читал нам выбранные песни, сравнивая и сопоставляя между собой песни чешские, сербские, украинские и другие с московскими, и показывал, что ему бросалось в глаза различие духа, обычаев и нравственности москалей и других братьев славян. О каждом человеческом чувстве была отдельная песня: наша славянская, сладкоголосая и нежная, а рядом с ней московская: угрюмая, дикая, нередко варварская, одним словом — чисто финская. Это сообщение сердечно обрадовало Мицкевича и меня, можешь себе, уважаемый земляк, легко представить. Через много лет в Риме собирались попросить у Гоголя те параллели, но Гоголь уже перекинулся на защиту царя и православия, поэтому мы

¹³ И. Лисяк-Рудницкий приводит в своей работе цитату, в которой Ф. Духинский утверждает, что Гоголь и Шевченко «совсем не москали», они протестовали против московского господства и мечтали «о полной самостоятельности этой страны». И, комментируя, замечает, что это справедливо только по отношению к Шевченко. См.: *Лисяк-Рудницький І. Францішек Духінський та його вплив на українську політичну думку. С. 270.*

его оставили в покое. Что случилось с теми наблюдениями? Разве в посмертном собрании не найдётся что-то подобное. Оно бы послужило прекрасным подкреплением твоих находок. В любом случае, найдется, не найдется среди произведений Гоголя, подобные параллели нетрудно и сейчас собрать, жаль только незабываемых для многих характерных анекдотов про москалей, которые только Гоголь знал, и сам рассказывал с особенным своим остроумием»¹⁴.

Целый ряд здравых мыслей относительно этого эпизода и его культурно-исторического контекста, в том числе и о финскости россиян, высказал в свое время Василий Гришко. Обсуждаемая в кругу Мицкевича, эта тема была основана на критическом отношении поляков к русским, которую в определенной степени разделял и Гоголь. Ситуативно, если воспользоваться языком современной дипломатии. Важно отметить, что Гоголь был блестящим знатоком славянского фольклора, народной песни в частности. Он через убедительные сопоставления, как свидетельствует Залесский, показал отличие славянской песни — «сладкоголосой и кроткой» — от российской — «мрачной, дикой, нередко варварской». Это и давало возможность обоснованно говорить о неславянском происхождении русских. Примечательно, что еще во «Взгляде на образование Малороссии» (1834) Гоголь писал: «Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу выходцы из Польши, Литвы, России начали селиться в этой земле, настоящей отчизне славян, земле древних полян, северян, чистых славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими, но здесь сохранялись в прежней цельности со всеми языческими поверьями, детскими предрассудками, песнями, сказками, славянской мифологией, так простодушно у них смешавшейся с христианством»¹⁵. Этот тезис, как полагал В. Гришко, вероятно, подхватил Мицкевич и изложил свои соображения в следующей редакции: «Среди российских фольклорных песен (в польском оригинале *wielkorusyjskiemi*, то есть великорусских — *В. Г.*) находим и имеющие выразительный финский характер. Одна из них — что-то вроде загадки, которую девушка, брошенная возлюбленным, загадывает подружкам. Она говорит: “Моя любовь покинула меня, но я нашла выход из своего горя; и теперь я сплю на моей любви, укрываюсь моей любовью, одеваюсь в мою любовь, и свет есть от моей любви”. Для того, чтобы понять, что это значит, следует знать, как северные финны употребляют оленя: они едят его мясо, спят на его коже, делают из нее одежду и используют его жир для освещения. Поэтому финская девушка убила своего неверного любовника и сделала с его мертвым телом то же самое, что привыкла делать с оленями. Вот ответ на людоедскую загадку этой песни. Если мы сравним эту поэзию с красотой и нежностью, например, сербских песен, то увидим полную разницу между желтой финской и славянской расами. И эта раса, доминирующая на территориях, базовых для формирования московского государства, стала базовым элементом новой власти»¹⁶. В. Гришко

¹⁴ Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego, wydał Dyonizy Zaleski. Lwów, 1902. Т. III. С. 27.

¹⁵ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. VIII. С. 43.

¹⁶ Mickiewicz A. Literatura słowiańska wykładana w Kolegium Francuzkiem. V. I. P. 225. Цит. по: Гришко В. Николай Гоголь та Микола Гоголь: Париж 1837. С. 212.

высказывает предположение, что эту песню Мицкевич знал от Гоголя, который еще в начале 1830-х годов был знаком с И. В. Киреевским, а также с кругом людей, причастных к собиранию русских песен (Аксаковы, Языков, Шевырев), поэтому мог получить от них эту песню, которой воспользовался Мицкевич. В. Гришко, к слову, приводит целый ряд песен подобного содержания.

Второе письмо с мемуаром о Гоголе Залесский написал Духинскому через 20 лет — 11.12.1879. Залесский вспоминает: «С Гоголем познакомились в Париже весной 1833 или 1834 года. Жили мы в Sèvres. Приехав ко мне как к украинцу, <...> прожили с казаком заднепровским в доброй братской гармонии несколько недель. Позже встретились с ним еще раз в Риме, но его сманил уже Василий Жуковский. В путешествии моем в Иерусалим разошлись с ним, к сожалению, тогда в Ливане. В целом о Гоголе знаю много всяких деталей от племянника Галагана и от профессора Погодина. Детали интересные, но не поучительные и в целом печальные, так что лучше их не вспоминать»¹⁷. Это письмо грешит хронологическими погрешностями, что объяснимо, принимая во внимание более чем сорокалетний промежуток между событием и воспоминаниями о нем. Прошли десятки лет от тех событий и встреч, о которых в письмах вспоминает Залесский, что, конечно, вызывает сомнение в их достоверности. Есть много неясных вопросов с датировкой, начиная со времени написания письма-записки, которая отчасти остается в статусе гипотезы и основана на воспоминаниях А. Данилевского, записанных В. Шенроком.

Встречались ли Залесский и Гоголь в Риме, свидетельств, кроме этого письма, нет, хотя Гоголь находился в Риме в начале мая и такая встреча могла состояться. Об этом косвенно свидетельствуют упоминания россиян о пребывании в Риме близкой знакомой Гоголя А. Смирновой-Россет. Н. Языков писал Е. М. Хомяковой: «Я изредка вижу Гоголя с тех пор, как она здесь: он у нее каждый день до позднего вечера, кажется — егозит вокруг нее»¹⁸. В конце декабря прибыл Г. П. Галаган, которого познакомили с Гоголем. О племяннике П. Г. Галагана вспоминает и Залесский, то есть круг их знакомых довольно узок. Не состоялась встреча Гоголя с Залесским и на Ближнем Востоке, поскольку они побывали в Иерусалиме в разное время. Стоит при этом напомнить, что поездка к Гробу Господнему была обязательным ритуалом для членов ордена «из-мертвых-встанцев», к которому был причастен Залесский. Для Гоголя, по нашему мнению, эта поездка была частью его грандиозного плана явления в лике апостола¹⁹.

Гоголь уехал из Рима 2 мая, то есть в марте-апреле была возможна встреча писателя с земляком-поляком, которая, вероятнее всего, так и не состоялась. Перед отъездом в Иерусалим Залесский прожил в Риме три месяца весной 1843 года,

¹⁷ *Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego...* Lwów, 1904. Т. V. С. 250.

¹⁸ *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 16: Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя / Сост. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2010. С. 485.

¹⁹ См.: *Михед П.* Об апостольском проекте Гоголя (опыт реконструкции) // Гоголь как явление мировой литературы. По материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Гоголя, 31.10–2.11.2002. М., 2003. С. 42–55.

а его первое письмо из путешествия датировано 23 мая 1843 г. Впечатления двух художников от посещения Гроба Господня радикально различны. В начале сентября 1843 г. в письме к Петру Семенову Юзеф Залесский, сопровождавший Богдана, описал свои незабываемые впечатления от путешествия из Лиона в Иерусалим. О глубоком эмоциональном потрясении вспоминает и Богдан Залесский в письме к Я. Кожумьяну: «Блаженство было, Блаженство, такое блаженство, что обо всех земных нуждах забыл»²⁰. Иными были впечатления Гоголя. В письме к В. Жуковскому от 6.04.1848 года он писал: «Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за ней. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня, недостойного <...> Вот тебе все мои впечатления из Иерусалима»²¹. Такой опыт Гоголя, вполне вероятно, объясняется тем, что задуманный им сценарий возвращения из Иерусалима в качестве нового апостола был обесценен провалом «Выбранных мест из переписки с друзьями» в глазах российского читателя.

Приведем еще один красноречивый эпизод второй половины 1840-х годов, который имел громкий резонанс и связан с польской проблематикой и с отзвуками контактов Гоголя с поляками.

В конце 1845 года в Риме Гоголь стал первым слушателем баллады Евдокии Ростопчиной «Насильный брак». Увлеченный завуалированным смыслом произведения, Гоголь начал склонять Ростопчину напечатать балладу, убеждая, что цензура не поймет подтекста. В стихотворении представлен диалог, в котором рыцарь-барон упрекает свою жену, что она холодно с ним обращается, на что та отвечает, что он принудил ее к браку, сделал из нее служанку. И в доказательство вынужденного характера брака жалуется:

Он говорить мне запрещает
 На языке моем родном,
 Знаменоваться мне мешает
 Моим наследственным гербом;
 Не смею перед ним гордиться
 Старинным именем моим
 И предков храмом вековым,
 Как предки славные, молиться...²²

Заложенная поэтессой аллегория была весьма прозрачной и легко прочитывалась. На авансцене был диалог России и Польши, о нем и говорили Гоголь с Ростопчиной. Ко всему прочему, баллада была «мысленно Мицкевичу» посвящена,

²⁰ *Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego...* Т. 1. S. 259.

²¹ *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. XIV. С. 58.

²² Поэты 1840–1850-х годов / Вступ. ст. и общ. ред. Б. Я. Бухштаба; сост. и примеч. Э. М. Шнейдермана. Л., 1972. С. 101.

а эпиграф недвусмысленно призывал: «Lascia ch'io pianga mia cruda sorte, E che sospiri la libertà!» (Дай мне оплакать судьбу печальную и о свободе тяжело вздыхать! — *итал.*)²³, что имплицитно придавало контекстуальный масштаб незатейливому сюжету. 17 декабря 1846 г. стихотворение было напечатано в «Северной пчеле» (без эпиграфа и посвящения), но широкой огласки не получило. Тогда, как вспоминает Н. Берг, в одной из французских газет напечатали статью с «разъяснением» содержания, видимо, не без участия польских эмигрантов. И только после этого III Отделение взялось изымать газету у подписчиков, а стихотворение, ходившее в списках в столице империи, сделало Ростопчину известной читательской аудитории. Правда, ее «перестали принимать во дворце и, кажется, выслали в Москву. Могло быть и так, что графиня сама бежала из Петербурга от этого шума, сплетен, толков и пересудов...»²⁴. То есть, как оказалось, именно Гоголь спровоцировал это событие, о котором говорила читающая Россия. Бытуют разные версии объяснения этого поступка Гоголя, но бесспорно, что именно симпатии писателя к Польше и ее деятелям, с которыми он был близок, лежат в его основании.

А знакомство с Богданом Залесским и диалог, в результате которого появился единственный украиноязычный текст Гоголя и целый ряд вызванных им любопытных и примечательных сюжетов, стал, и сегодня это понятно, заметным событием в творческой биографии обоих писателей.

²³ Эпиграф был взят из оперы Г.Ф. Генделя «Ринальдо» (1711; либретто Д. Росси): с этими словами пленница Альмирена обращается к своему тюремщику, иерусалимскому царю Арганте. Ария Альмирены была широко известна в концертном и камерном исполнении.

²⁴ Берг Н.В. Графиня Ростопчина в Москве (Отрывок из воспоминаний) // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 662.

Екатерина Неклюдова

«ЗАПИСКИ ДОКТОРА» ГАРРИСОНА: ЗАГАДКА ПЕРВОГО МЕДИЦИНСКОГО БЕСТСЕЛЛЕРА XIX ВЕКА

В 30-е годы XIX века на страницах русских литературных журналов («Телескоп» и «Библиотека для чтения») начинают выходить «Записки доктора» — серия переводных рассказов, написанных от имени английского врача. Затем вся серия издается в книге под названием «Записки доктора. Сочинение Гаррисона»¹. Книга получает широкое распространение в России, упоминается в нескольких рецензиях, а ее английский оригинал фигурирует в каталоге библиотеки А. С. Пушкина². Последнее обстоятельство привлекло к «Запискам» интерес С. М. Громбаха, историка медицины и литературы: в своей работе «Пушкин и медицина его времени» он особо отмечает эту книгу, прибавляя, что она «представляет библиографическую загадку. Начать с того, что в авторитетных современных каталогах изданий первой половины XIX в. книги, по всем основным пунктам библиографического описания <...> соответствующей той, что включена Б. Л. Модзалевским в описание библиотеки Пушкина, нет»³.

Эта загадка увлекла и меня, и при ближайшем рассмотрении оказалось, что с этой книгой связана весьма увлекательная история, включающая в себя литературные игры и мистификации, розыгрыши и обман, а также зарождение медицинской тематики в европейской и русской литературе.

В России публикации «Записок доктора» начались с новеллы «Государственный человек»: она вышла в 1831 году в журнале «Телескоп», с указанием на источник — британский журнал «Blackwood's Magazine». Позже, уже в «Библиотеке для чтения», под этим текстом появилось имя «Гаррисон» (под этим же авторством в 1835 году была издана вся книга очерков). В том, что записки принадлежат перу врача, описывающего свою практику, не сомневался никто, в том числе и русские издатели, предварившие рассказ «Государственный человек» таким ироническим предисловием:

Дневник сей, печатавшийся в «Blackwood's magazine», одном из известнейших английских журналов, возбудил всеобщее внимание истинною представляемых в нем сцен. Многие английские фамилии подали даже официальные жалобы на сочинителя,

¹ Записки доктора. Сочинение Гаррисона. В 9 частях. СПб.: В типографии Н. Греча, 1835. 12° (Библиотека романов и исторических записок, издаваемая книгопродавцем Ф. Ротганом, Т. XVI–XXIV).

² Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 153. Книга была куплена Пушкиным в год выхода (Париж, 1835).

³ Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989. С. 96–97.

доказывая, что он разглашает домашние тайны, к коим доступ дала ему практика, и тем нарушает законы, предписываемые нравственностью, преступает совесть врача. Как бы то ни было, краски, употребляемые им, действительно имеют всю яркость истины⁴.

Рассказ посвящен некоему государственному деятелю, с которым доктора связывают не только профессиональные, но и дружеские отношения. Обладая хорошими задатками, герой тем не менее оказывается слишком сильно подвержен тщеславию, из-за которого быстро «выгорает», его блестящий ум затуманивается, и заканчивается новелла безумием и самоубийством «государственного человека».

Сам доктор, автор этих записок, настаивает на полной достоверности своих историй:

Мрачная тень, обливающая страницы моего дневника, не должна казаться удивительной. Он справедлив во всех своих частях. Это зеркало, в коем с строжайшей верностью повторяются сцены, сменявшиеся передо мной в продолжение моего врачебного поприща <...>. Я стану продолжать свои записки, несмотря на то, что время от времени должен буду оскорблять и томить нежную чувствительность своих читателей⁵.

В оригинале рассказы выходили в британском журнале «Blackwood's Magazine» начиная с 1830 года, под общим названием «Passages from the Diary of a Late Physician» («Записки покойного доктора»). Первая публикация предварялась комментарием об их абсолютной правдивости, а также о тех мерах предосторожности, которые предпринял автор, чтобы описываемые им индивиды не были опознаны читателем. «Жив ли рассказчик или мертв — не представляет особой важности, и никакой более информации читатель не получит»⁶, — говорится в предисловии.

В каждом случае мы имеем дело с очередной «историей болезни» — как правило, чем-то примечательной, будь то выдающийся пациент (как в случае с «Государственным человеком»), необъяснимый феномен («Собака-призрак», «The Spectral Dog») или вполне диккенсовская трагедия («Конторщик», «The Merchant's Clerk»⁷). Про свою собственную жизнь автор рассказывает мало, за исключением самой первой главы, в которой вкратце изложены приключения молодого доктора, ищущего себе место в городе.

После первых журнальных публикаций «Записки доктора» многократно переиздаются на разных языках, в том числе пиратским образом. В английской прессе они вызывают самую бурную реакцию как отечественных, так и зарубежных читателей — «для того времени они были очень новаторскими и привлекали внимание публики во всем, что касалось их героев и их историй болезни, равно как и провоцировали дискуссии по поводу авторства и правдивости»⁸.

⁴ «Государственный человек. Из записок медика». [Примечание редактора] // Телескоп. 1831. Ч. 5. № 20. С. 473.

⁵ Государственный человек. С. 473–474.

⁶ Passages from the Diary of a Late Physician // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1830. № 28 (170). P. 322.

⁷ Конторщик с женой борются с болезнями и бедностью; богатый отец жены своей жадностью губит их, а в итоге и себя. Доктор тут играет роль вестника и морального судьи.

⁸ *Oliphant M.* William Blackwood and His Sons: Their Magazine and Friends. Edinburgh and London, 1897. Vol. 2. P. 29.

Для врачей эти записки также не проходят незамеченными — так, старейший медицинский журнал «The Lancet» обвиняет автора в «разглашении священных тайн, вверенных нам пациентами, кои должны оставаться нерушимыми»⁹. В ответ на эти нападки автор, в весьма ехидном тоне, пишет обращение к Кристоферу Норту, главному редактору «Blackwood's Magazine», отмечая, что делает все, чтобы лишить текст каких-либо указаний на реальных героев рассказов, в то время как тот же «The Lancet», «как и прочие профессиональные журналы <...> почти всегда используют *реальные* инициалы и напрямую обращаются к самым болезненным и зачастую оскорбительным подробностям. На это мне бы возразили — как и было сделано, — что в таком случае эти тексты попадают на глаза лишь профессионалам. Как же так! Разве “Ланцет”, “Медицинская Газета” или “Журнал д-ра Риса” попадают в руки лишь к медикам?!»¹⁰. Со стороны может показаться, что ситуация рядовая, — в ответ на возмущение по поводу провокативного материала автор отправляет объяснительную записку главреду. Однако, если посмотреть на историю самого «Blackwood's Magazine», то все не так просто.

Первые годы жизни этого журнала окутаны разнообразными легендами, тайнами и розыгрышами. Кристофер Норт, главный редактор, к которому обращался «доктор», был фиктивным персонажем, подставным лицом. Истинными создателями и редакторами «Blackwood's Magazine» было трое молодых людей: Джон Локхард, Джон Уилсон и Джеймс Логг, которые с самого начала скрыли свои истинные имена и наводнили редколлегию вымышленными персонажами — редакторами, критиками, авторами, зачастую фабрикуя письма в редакцию и организовывая целые дискуссии. Трудно даже назвать эти личины псевдонимами, так как их было гораздо больше, чем реальных писателей. Им придумывали биографии, вырабатывали особый стиль письма, вставляя особые, свойственные только им, словечки. Иногда они использовали реальные имена, наделяя людей теми качествами, которыми они не обладали. Например, Локхард писал от имени своего дантиста блистательные эссе, письма в редакцию и в каком-то смысле подарил этому человеку «второе я». Но главное, чего они добивались, — это свободы говорить о чем хочешь и в каких угодно тонах. Они писали едкие и агрессивные рецензии на Кольриджа, Шелли, нападали на другие журналы¹¹. Российская «Библиотека для чтения» поначалу была организована по тому же принципу: Осип Сенковский, первый главный редактор журнала, зачастую придумывал корреспондентов, сочиняя письма от их имени; сам он писал под множеством псевдонимов (самый известный — Барон Брамбеус), ставя свое имя лишь под естественнонаучными статьями¹².

Так кем же был тот таинственный доктор, и как его звали? И вообще, существовал ли он на самом деле, или же его тоже придумала редколлегия «Blackwood's

⁹ Цит. по: Kennedy M. The Ghost in the Clinic: Gothic Medicine and Curious Fiction in Samuel Warren's *Diary of a Late Physician* // *Victorian Literature and Culture*. 2004. № 32. P. 328

¹⁰ Note to the Editor. Passages from the Diary of a Late Physician // *Blackwood's Magazine*. 1830. № 28, P. 608.

¹¹ Подробнее о первых годах “Blackwood's Magazine” см.: Murphy P. T. Impersonation and Authorship in Romantic Britain // *ELH*. 1992. Т. 59. № 3. P. 625–649.

¹² См.: Frazier M. *Romantic Encounters: Writers, Readers, and “The Library for Reading”*. Stanford, 2007. P. 47.

Magazine»? При ближайшем рассмотрении оказалось, что автором «Записок доктора» был Сэмюэл Уоррен (Samuel Warren, 1807–1877), английский писатель и адвокат, впрочем, получивший начальное медицинское образование¹³. Для читателя (а первые месяцы и для издателя) он сохранял инкогнито, подписываясь инициалами «А. В.» или же “A Physician” («Врач»). Как видно из его писем, сохранение анонимности, а еще больше — маски доктора, для него было не менее важно, чем сам факт публикации, и журналисты «раз за разом выдвигали кандидатуры тех или иных знаменитых врачей, к вящему удовольствию автора и издателя»¹⁴. О том, насколько сознательно выстраивались отношения между автором и читателями, свидетельствует письмо, в котором Уоррен полухвастливо-полуудивленно рассказывает вот о каком происшествии:

Один из самых выдающихся хирургов Лондона зашел ко мне субботним вечером <...> и случайно увидел, что на столе у меня в кабинете лежит рукопись «Записок». «Боже мой, — сказал он, — неужели *вы* автор этих потрясающих историй?» Это было так неожиданно, что я ему во всем признался. «Так меня пациенты тысячу раз спрашивали, кто их написал, и я всегда говорил, что это доктор Парис!!!»¹⁵.

Однако, помимо восхищения, такие игры вызывали и явное раздражение аудитории, справедливо считавшей, что ее водят за нос. Отголоском этого раздражения являются уже упомянутые гневные отповеди из «The Lancet», призывающие автора «Записок» воздержаться от разглашения медицинских тайн; другой критик говорит о некомпетентности «доктора» в различных ситуациях. Сам Уоррен в предисловии к уже отдельному, книжному изданию «Записок» не без ехидства сообщает, что «вряд ли следует пояснять, что все персоны, которым газетчики приписывали авторство сего дневника, абсолютно неверны, и что нет никакой связи с почтенными именами доктора Гуча, доктора Армстронга или доктора Бейли»¹⁶.

Итак, загадка авторства «Записок доктора» разрешена. Остается другой вопрос: откуда взялось имя «Гаррисон» и как оно связано с Уорреном? Тут потребовалось небольшое расследование, потому что в английском оригинале оно не фигурировало вообще, и сам доктор, герой «Записок», ни разу не был назван по имени (что, впрочем, вполне отвечало тогдашним канонам написания «истории болезни»). Выяснилось, что когда в 1833 году книга Уоррена вышла во французском переводе, на ней стояло имя “Harrison” — из чего можно заключить, что по крайней мере часть рассказов переводилась на русский не с английского, а с французского языка (это было в то время явлением нередким). На это, в частности, обратил внимание В. Г. Белинский в критическом обзоре переводов, вышедших в начале 1830-х годов в той же серии, что и «Записки доктора»:

Я думаю еще, что одно из необходимейших условий такого рода книги, как «Библиотека романов» Ротгана, должно состоять в том, чтобы все переводы были сделаны

¹³ Kennedy M. The Ghost in the Clinic. P. 328.

¹⁴ Oliphant M. William Blackwood. P. 32.

¹⁵ Oliphant M. William Blackwood. P. 33–34.

¹⁶ Kennedy M. The Ghost in the Clinic. P. 328–329.

с подлинников. Но у Ротгана все переведено с французского. Неужели он не мог найти в Петербурге переводчиков с английского?.. Странно!¹⁷

И если первые публикации «Записок доктора» на русском языке были подписаны «Blackwood's Magazine», то под последним очерком, напечатанным в «Библиотеке для чтения» в 1837 году, стояла подпись «Доктор Гаррисон». Таким образом, литературная игра, начатая Уорреном и редакторами «Blackwood's», получила такое неожиданное развитие, и его герой не только полностью заместил фигуру автора, но и получил собственное имя.

Имя «Гаррисон», как оказалось, было результатом поразительного совпадения, и его история вполне вписывается в канон литературных игр, в которых принимал участие сам Уоррен. Дело в том, что в 1829 году вышла книга “Tales of a Physician” («Рассказы врачей»); подобно «Запискам доктора» Уоррена, эта книга также состояла из цикла рассказов, написанных отставным врачом; и так же, как у Уоррена, каждая история была озаглавлена коротким описательным названием. Автором этих рассказов был Уильям Генри Гаррисон (W. H. Harrison, 1795?–1878), английский писатель, поэт и журналист, впоследствии сотрудничавший с Джоном Рёскиным¹⁸. Если посмотреть на оглавление книг Уоррена и Гаррисона, то очень легко принять их за произведения, написанные одним и тем же человеком. И разумеется, очень легко перепутать этих двух авторов, живших и публиковавшихся в Англии примерно в одно и то же время и писавших от имени старых докторов. Именно это и произошло с французским переводом: содержание и название были взяты у Уоррена, а имя — у Гаррисона. Эта ошибка перекочевала потом не только в первые русские переводы «Записок доктора», но и в последующие публикации и критические отзывы, а также и в некоторые каталоги библиотек¹⁹.

И сейчас, когда вопрос авторства «Записок доктора» установлен, зададимся вопросом: почему эти два писателя, судя по всему, независимо друг от друга, приняли решение придать своим повестям форму «историй болезни»? Помимо любви к литературным играм, подобный выбор объяснялся еще и тем, что в английской литературе первой половины XIX века отношение к медикам было не слишком уважительным, и считалось, что в качестве главных героев они недостаточно интересны для читателя. В статье, посвященной «Миддлмарч», роману Джордж Элиот, отмечается, что «для того, чтоб доктора восприняли всерьез, он не должен был ассоциироваться со своей профессией, и в особенности, со всякими лекарями и цирюльниками»²⁰. Иначе критики всерьез ополчались на писателей — это произошло, например,

¹⁷ *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 318.

¹⁸ *Cook E. T.* The Life of John Ruskin. New York, 1968

¹⁹ Во французских рецензиях на книгу Уоррена эта путаница особенно очевидна: например, в книге «English Novel in France» (Английский роман во Франции) «У. Г. Гаррисон» ошибочно назван автором перевода «Записок покойного доктора» на французский язык. В каталоге Российской государственной библиотеки «Гаррисон, Уильям Генри» также обозначен как автор «Записок доктора». В описании Библиотеки Пушкина Б. Л. Модзалевский также приписал авторство «Passages from the Diary of a late Physician» Гаррисону.

²⁰ *McCarthy P.* Lydgate, “The New, Young Surgeon” of *Middlemarch* // Studies in English Literature, 1500–1900. 1970. № 10.4. P. 807.

с Харриет Мартино, которая подверглась жестокой критике за то, что сделала доктора героем своего романа “Deerbrook” (вышел в 1839 году)²¹. Уоррен, опубликовавший свою повесть на восемь лет раньше, тоже мог бы столкнуться с подобными проблемами; именно поэтому он создал свое произведение в жанре дневниковых записок, таким образом переведя их в плоскость документальной литературы. Всеобщий резонанс отчасти объясняется понятным желанием публики узнать различные подробности частной жизни пациентов, равно как и заглянуть в повседневную жизнь доктора. Уоррен публиковал свои рассказы анонимно, и, помимо идеи мистификации, он руководствовался, конечно же, теми соображениями, о которых мы уже говорили: если квази-документальные заметки врача были вполне приемлемы, то доктор в роли главного героя — нет.

«Записки доктора» Сэмюэла Уоррена показали жизнь людей разных сословий и занятий с самой личной точки зрения: через руки доктора — рассказчика «Записок» — проходят политики, поэты и бедняки; и добрые, и злые люди. При этом рассказы выстроены в форме «истории болезни» (case history), жанра, который в XIX веке еще не был окончательно формализован и позволял медикам излагать их в свободной форме²². По замыслу Уоррена, читатель должен был совершенно увериться в полной правдоподобности записок доктора, и именно потому его рассказы приняли форму «клинической истории болезни. [Доктор] говорит о симптомах, подразумевая, что он осматривал пациента, ставил диагноз и проводил лечение»²³. Но и это Уоррену кажется недостаточным, и он вводит в повествование весьма деликатные и даже табуированные темы: например, в рассказе “Man About Town” в больших подробностях описывается, как сифилис разрушает тело больного, а в рассказе “Thunderstruck” девушка впадает в кататонию из-за очень сильного шока²⁴. Герой «Записок» не только наблюдатель (главная функция литературных докторов), но и доверенное лицо своих пациентов (как, например, в рассказе “Statesman”²⁵ — драматической истории взлета и падения одного британского политика), а также активно занимается посредничеством (как в рассказе “The Merchant’s Clerk”²⁶ — где доктор пытается помочь одной бедной семье, ведя переговоры с богатыми и жадными родственниками).

Если сопоставить тексты Уоррена с их русскими переводами, то мы видим множество любопытных изменений (впрочем, есть вероятность, что они были произведены еще во французском переводе). Например, «Государственный человек» в оригинале представляет из себя серию дневниковых записей, написанных в очень

²¹ См.: *Sanders V.* “No Ordinary Case of a Village Apothecary”: The Doctor as Hero in Harriet Martineau’s “Deerbrook” <1839> // *Notes and Queries.* 1983. №30. P. 293–294.

²² См., например: *Rubins H. B.* The Case History in the Historical Perspective: Time for an Overhaul? // *Journal of General Internal Medicine.* 1994. №9.4. P. 219–221.

²³ *Kennedy M.* The Ghost in the Clinic. P. 329.

²⁴ В русском переводе — «Страшная гроза» (Телескоп. 1833. Ч. 13. №3. С. 387–409; №4. С. 484–516).

²⁵ В русском переводе — «Государственный человек. Из записок медика» (Телескоп. 1831. Ч. 5. №20. С. 473–537).

²⁶ В русском переводе — «Конторщик» (Библиотека для чтения. 1836. Т. 19. Иностранная словесность. С. 1–80).

эмоциональном и личном ключе. В русском переводе текст превращен в повествование, и тон доктора приобретает более отстраненный характер; он смотрит на героя скорее как на пациента, чем друга, и зачастую прибегает к дидактическим отступлениям от своего рассказа, говоря о всевозможных ошибках, допущенных «государственным человеком». В оригинале, в последней дневниковой записи, доктор горестно восклицает «О Боже, какой кошмар! О, я несчастный! <...> Не верю глазам — быть может, все это сон? Может, завтра я проснусь и все это окажется неправдой?». Таким образом он сообщает нам о трагической гибели своего друга. По-русски же это звучит гораздо более сдержанно и морализаторски:

На другой день журналы сообщили мне ужасное известие о его самоубийстве. Я уверен, что, пришедши на минуту в чувство, он не мог без ужаса видеть печальные развалины своего ума и решился лучше убить, чем пережить себя. Несчастный!...

Пусть сии, описанные мной, подробности, послужат уроком и наставлением!²⁷

Интересно то, что эти изменения вносятся как будто бы в ответ на критику, которой Уоррен подвергался в Англии: по словам одной из рецензий, столь эмоциональные восклицания выглядели абсурдно в контексте записок доктора²⁸.

Сейчас сложно оценить читательский охват «Записок доктора» в России тридцатых годов XIX века. Однако мы можем судить о нем по нескольким косвенными уликам — таким, как, например, публикации всех глав в разных литературных журналах, выход отдельной книги в 1835 году, а также отзывы на «Записки» в многочисленных рецензиях. В книге, посвященной В. Ф. Одоевскому, П. Н. Сакулин отмечает, что писатель собирался написать серию рассказов от имени врача, но потом передумал и переделал их в «Записки гробовщика» (они вышли вскоре после публикации «Записок доктора», в 1838–1839 гг.)²⁹. По словам Сакулина, гробовщик оказался не так интересен, так как ремесло доктора дает нам гораздо больше возможностей для развития разных сюжетов и ситуаций. Важнее то, что после выхода в свет «Записок доктора» жанр медицинских записок обретает гораздо большую популярность в России, начиная с распространения и публикации врачебных заключений о смертельном ранении Пушкина до известных мемуаров А. Т. Тарасенкова, одного из лечащих врачей Гоголя³⁰. Врач из маргинальной литературной фигуры превращается во всеведущего персонажа, которому открывается не только парадная сторона жизни, но и ее изнанка, со всеми ее болезнями и страданиями. Уоррен своими «Записками» показывает, насколько интересна может быть позиция доктора и сколько разных потаенных историй и страстей мы можем узнать благодаря его уникальному ремеслу.

²⁷ Государственный человек. С. 536.

²⁸ The Works of Samuel Warren, D.C.L., F.R.S. [Review] // London Quarterly Review. 1856. №5. С. 469.

²⁹ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 2. С. 136–139.

³⁰ См. Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: с приложением новых материалов из нидерландских архивов. СПб., 1999; Тарасенков А. Последние дни жизни Н. В. Гоголя // Отечественные записки. 1856. №12. С. 427–497.

Любовь Киселева

ОПАСНОСТИ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ (РОМАН М. ЗАГОСКИНА «ИСКУСИТЕЛЬ»)

У М. Н. Загоскина (1789–1852) в русской литературе несколько странная репутация. С одной стороны, как автор первого русского исторического романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), которым единодушно восхищались все слои общества, да и потом написавший немало популярных сочинений (до сих пор переиздающихся), он как будто бы прочно вошел в канон если не первостепенных, то все же весьма почтенных классических писателей. С другой стороны, критика, начиная с романа «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) и чем дальше, тем больше, стала говорить о том, что Загоскин не оправдал надежд, исписался и твердит зады. Отзывы современников о его личности — как будто бы сплошь доброжелательные, но всегда чуть иронические и несколько покровительственные¹. Фактически перед нами серия занимательных анекдотов, как-то уж слишком напоминающих анекдоты о Крылове. Если мифологический «дедушка Крылов» — это лентяй и обжора, то Загоскин — эдакий пузанчик, вспльчивый, непоседливый, не в меру разговорчивый, не знающий светских приличий, самоучка, смешно говорящий по-французски. Образ его как автора также складывается соответственно: наивный, простодушный писатель «русского направления», от которого можно ожидать в лучшем случае живого языка и занимательной интриги. Конечно, фигура Крылова гораздо более мощная, и его автомиф далеко не всех ввел в заблуждение, с Загоскиным же и разбираться особенно не пытались, как-то не удосужившись сопоставить этот забавный биографический нарратив с его литературной продукцией. Правда, и в биографическом нарративе есть сбои — например, свидетельства о его глубокой религиозности и тайной благотворительности.

Загоскин совсем не был «стихийным» писателем, у него имелась своя литературная программа, которая ни в каких декларативных статьях выражена не была, но может быть реконструирована из его творчества. На наш взгляд, своеобразие его творческого пути состояло в том, что Загоскин в течение тридцатилетнего творчества сочетал интерес к новым течениям в литературе — русской и западной — с архаической литературной и идеологической позицией, которая для 1830–1840-х гг.

¹ См. подборку мемуаров о Загоскине в издании: *Загоскин М. Н.* Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М. Н. Загоскиным / Сост., вступит. ст. и примеч. Н. Г. Охотина. М., 1988. С. 502–580.

представляла собой анахронизм. Начав как защитник и адепт Шаховского, он так и остался в рамках программы архаизма², достаточно широко им понятой. Как у всех архаистов, особенно когда речь заходит о литературе, его позиция полемична и заострена против действительных или воображаемых противников.

В настоящей статье мы рассмотрим полемическую литературную программу Загоскина на примере его романа «Искуситель», вышедшего в 1838 г., особого восторга критики не встретившего³ и почти не исследованного. Об истории создания этого романа мы знаем тоже немного, но это в случае Загоскина скорее правило, чем исключение. О будущем «Искусителе» известно только по его письму к Вяземскому, в ответ на просьбу дать текст для послепушкинского «Современника». Загоскин живо откликнулся со словами, что пишет большой роман и может дать из него не самый удачный отрывок, который и был опубликован в седьмом томе журнала под названием «Граф Калиостро». Так что зимой 1837 г. текст «Искусителя» продвинулся достаточно далеко; цензурное разрешение на издание было получено в марте 1838 г.

Загоскин создает свой текст в форме воспоминаний некоего Александра Михайловича, который в свои 60 лет читает жене повествование о своем детстве и молодости. Романное время не слишком точно расчислено по календарю, но все же по некоторым сигналам⁴ можно вычислить, что рассказчик родился в середине 1780-х гг.,

² Недаром Ап. Григорьев, пожалуй, впервые указавший на приверженность Загоскина на протяжении всей творческой жизни именно «архаизму», назвал его «добродушнейшим и талантливейшим из шишковистов» (*Григорьев А. А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // Время. 1861. № 5. См. также: Григорьев А. А. Эстетика и критика / Вступ. статья, сост. и примеч. А. И. Журавлевой. М., 1980. С. 309*).

³ Подробную и почти восторженную рецензию опубликовал в «Северной пчеле» Ф. В. Булгарин, что в литературном контексте конца 1830-х гг. само по себе было симптоматично. Правда, вначале автор довольно недвусмысленно проговорился о цели статьи — доказать свое беспристрастие к Загоскину, роман которого «Юрий Милославский» обругал когда-то в «Северной пчеле». Теперь Булгарин нашел, что «Искуситель» удовлетворяет всем требованиям к современному роману: «простота в действии, верность картин, свежесть характеров и искусство в рассказе», а в изображении жизни и языка «простого народа» Загоскин превзошел Карамзина, Марлинского и Пушкина — «едва ли у нас есть что-либо лучшее в этом роде»: «Это национальная картинная галерея оригинальных портретов и народных сцен», одним словом, «наша святая Русь изображена во всей красе» (*Булгарин Ф. В. «Искуситель». Сочинение М. Загоскина // Северная пчела. 1838. 26 октября. С. 967*). Краткая, в полтора десятка строк, рецензия Белинского на «Искусителя» в «Московском наблюдателе» (1839, № 1) представляет собой яркий пример лукаво-иронической заметки, где преувеличенные похвалы: «Мы, как и все, прочли роман г. Загоскина с тем же живейшим наслаждением, с каким читали и прежние его романы, и как в прежних его романах, нашли ту же теплоту чувства, ту же живописность и увлекательность рассказа, тот же одушевленный, плавный, текучий слог и ту же горячую любовь ко всему русскому, и то же умение верно изображать русскую жизнь» — сочетаются с недвусмысленным намеком на повторяемость и неоригинальность и завершаются пренебрежительной оговоркой: «Жалеем, что ни время, ни место не позволили нам поговорить побольше о новом прекрасном произведении автора “Юрия Милославского”» (*Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С. 23*). В том же 1839 г. Белинский опубликовал открыто ироническую рецензию на роман Загоскина «Тоска по родине», а в 1841 г. в рецензии на второй том «Ста русских литераторов» поставил Загоскина на одну доску с Булгариным, оговорившись, что «...во всем нелитературном» не видит «ни малейшего сходства между г. Загоскиным и г. Булгариным, как между белым и черным, майским днем и октябрьской ночью» (*Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 76*).

⁴ Как сказано в тексте, опекун Александра Михайловича вступил в гвардию в 1770 г., следовательно, родился в начале 1750-х. Венчался в 32 года, к моменту начала романских событий имеет дочь 16-ти лет, т. е. она появилась на свет примерно в середине 1780-х, причем ее будущий муж на два года ее старше.

соответственно годы его детства и ранней юности приходится на 1790-е — самое начало 1800-х гг., основное время романых событий можно датировать 1802–1804 гг.⁵, а время рассказа, начатого в день 60-летия («Сегодня день моего рождения; мне минуло шестьдесят лет»), относится к середине 1830-х гг. (сказано, что герой счастливо прожил с женой 30 лет). Такая хронология позволяет включить в роман два актуальных литературных пласта: 1790-е — начало 1800-х гг. (т. е. время сентиментальных повестей и драм, готического романа, литературной славы Карамзина-писателя и драматургии Коцебу) и рубеж 1820-х — 1830-х гг., когда Карамзин — уже признанный классик, а популярны Байрон, французские писатели школы «неистойовой словесности», и восходит звезда Жорж Санд, которая быстро завоевывает умы русского читателя⁶; когда поднимается авторитет Белинского и уже вполне четко вырисовывается будущее противостояние западников и славянофилов.

Загоскин прямо называет влиятельные тексты, с которыми вступает в спор, — это «Фауст», «Страдания юного Вертера» Гёте, «Новая Элоиза» Руссо и «Жак» Жорж Санд. «Жак» (1834), на наш взгляд, самый актуальный для романа текст, который становится отправной полемической точкой для одного из центральных сюжетов — взаимоотношений героя и романтической женщины — Надины Днепровской. Сентиментальная и романтическая школа, т. е. Карамзин, ранний Гёте, Руссо, Коцебу, с одной стороны, и Байрон с Жорж Санд, с другой, представляют собой для Загоскина явления примерно одного порядка, его интересуют не столько различия между ними, сколько черты сходства.

«Искусителя» можно смело отнести к общественно-политическим романам, отчасти и к романам воспитания. Загоскин реагирует на самые животрепещущие вопросы современности: отношение к революции (причем рассуждения о Французской революции конца XVIII в. дают возможность актуализировать и революционные события 1830 г.), социалистические теории, женский вопрос, увлечение философией (Загоскин говорит опять-таки о философии XVIII в., но подразумевается и гораздо более актуальная философия Шеллинга и Гегеля — все это автор относит к опасным «умствованиям», которые смущают незрелые души). Многие страницы посвящены проблеме равенства, которое, с точки зрения Загоскина, является недостижимой и опасной утопией, противоречащей основам миропорядка. Всеобщее равенство он относит к числу искушений, которые своей привлекательностью вводят в заблуждение. Этим умозрительным теориям в «Искусителе» противостоят здравый смысл, опора на вековые традиции и светлое религиозное чувство. Однако, пожалуй, центральное место занимает вопрос о путях проникновения вредных идей в сознание и жизненные привычки, приводящих человека к разврату и нравственной катастрофе. К числу таких факторов, кроме традиционного еще для сатирической традиции XVIII в. неправильного воспитания, ориентированного на иностранные образцы,

⁵ В качестве актуального события упоминается консульство Наполеона.

⁶ См.: Кафанова О. Б. Феномен Жорж Санд в России XIX века // Кафанова О. Б., Соколова М. В. Жорж Санд в России: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1832–1900). М., 2005.

Загоскин относит художественную литературу, проповедующую культ и свободу чувства, любовь как всепоглощающую страсть, которая является сама в себе оправданием, и если нарушает общественные приличия и установления, то как раз такие ханжеские установления требуют устранения. Именно с этим связан полемизм «Искусителя». В первую очередь он направлен против идеи устройства жизни по законам литературы. С точки зрения Загоскина, на русской почве повинен в распространении этой концепции (роман как модель поведения!) Н. М. Карамзин, хотя не только он.

В числе актуальных для романа писательских имен называются Вольтер, А. Лафонтен, Бальзак, Э. Сю, Гюго и Дюма как драматурги, перечислен целый список авторов и сочинений готической литературы (о ней см. в главе «Ярмарка», о которой пишет В. Э. Вацуро в своем исследовании⁷), театральные хиты эпохи (например, знаменитая «Редкая вещь» Да Понте в переводе И. Дмитриевского), но подразумеваются и «Мельмот-скиталец» Метьюрина, и «Вампир» Байрона, и «Страшное гаданье» Бестужева-Марлинского (1831), «Бал» В. Ф. Одоевского (1834) и др. тексты. Другими словами, роман Загоскина густо наполнен литературным контекстом, который требует, конечно, специального исследования.

Далее мы рассмотрим сюжет об опасности чувствительной любви, на котором основана романная интрига и которому посвящена даже специальная глава — «Платоническая любовь». Ю. М. Лотман, анализируя программу Карамзина по построению новых отношений между мужчиной и женщиной, посвятил важное рассуждение о карамзинской идее чувствительной любви-дружбы как культурном феномене:

Дружба и любовь выражаются одними и теми же словами. И это не потому, как можно было бы думать, что дружба есть форма любви, ее эвфемистическое название для случаев, когда прямое наименование чувства было бы неудобно. Не дружба есть разновидность любви, а любовь — разновидность дружбы. Дружба — более обширное чувство, занимающее на шкале культурных ценностей времени порой более высокое место, чем любовь. Дружба связывает людей — мужчин и женщин — в союз, более обширный, чем любовный, и, заимствуя лексику у любви, очищает чувство от чувственности. <...> Чувствительная дружба — не любовь, хотя и тешит себя опасной игрой приближения к ее краю. И все же ценится она именно тем, что это не любовь, что можно годами быть в переписке с женщиной, вечерами просиживать у камина, слушая ее игру на клавиночках, читать с ней «Вертера», совершать чувствительные прогулки и не любить ее, не быть ее любовником и не ждать от нее чувственной любви. Можно как бы не замечать ее пола (разумеется, только «как бы») и, жертвуя временем, покоем, иногда деньгами, видеть в ней лишь нежного друга. В этом освобождении женщины от альтернативы: быть или женой, или любовницей — и предоставлении ей третьей возможности — быть другом (само слово не имеет формы женского рода!) был исторический смысл⁸.

Именно с такой программой спорит Загоскин, доказывая невозможность чувствительной дружбы, поскольку она неизбежно перейдет в чувственную любовь. У Загоскина такая дружба-любовь — одно из опаснейших искушений, которым

⁷ Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 343.

⁸ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 268.

романный герой подвергся под влиянием сатанинского барона Брокена и светских знакомых. Они возбуждают в целомудренном герое тщеславие и постепенно втягивают его в настоящую интригу, которая чуть не кончилась катастрофой.

Напомним кратко сюжет «Искусителя» в целом. Молодой человек, воспитанный в патриархальных усадебных нравах и влюбленный в свою совоспитанницу и дальнюю родственницу Машеньку, был подвергнут опекуном испытанию и в 18 лет отправлен на три года на службу в Москву, чтобы узнать жизнь и испытать свои чувства⁹. Сашенька поначалу живет уединенно, придерживается знакомства с благодетельным стариком Луцким, но на третий год втягивается в круг золотой молодежи и постепенно отходит от правил, в которых был воспитан. Среди этой молодежи был некий магистр Дерптского университета фон Нейгоф¹⁰, знакомый с графом Калиостро, и граф передал ему секрет вызывания духов. Александр Михайлович проявил настойчивое любопытство и выпытал секрет. Он отправился на старое немецкое кладбище в Марьину рощу и проделал необходимые операции, но от нетерпения нарушил запрет и вышел из круга, что и отдало его во власть нечистой силы. Здесь Загоскин отсылает к большой традиции готического романа, к «Фаусту», к «Страшному гаданию» Марлинского, где описаны процедуры вызывания нечистой силы. Тема неумеренного и опасного любопытства отсылает к «Влюбленному бесу» Казота, к «Мельмоту», а также и к «Фаусту» (где она решается на серьезном философском уровне). Перед героем неожиданно появляется некий иностранец — барон Брокен. Имя значимое, и отсылка более чем прозрачна. Напомним, что в «Фаусте» ведьмы титулуют Мефистофеля бароном, а Броккен или Блоксберг — это гора, на которой происходит шабаш Вальпургиевой ночи. Однако на всякий случай Загоскин на первой странице романа прямо говорит об искусителе как о сатане:

...этот злой дух, этот сатана, которого я сам вызвал из преисподней <...>, он точно был демон, но, разумеется, нашего века: не с хвостом и рогами, а одетый по последней моде, остроумный, насмешливый, точь-в-точь такой, какого навязал себе на шею черно-книжник Фауст <...> Я говорю без всяких риторических фигур и называю злым духом не человека, а того, которого имя не выговорит ни одна набожная старушка¹¹.

Брокен постоянно смущает Александра Михайловича двусмысленными речами, хвалебно отзывается о революции во Франции и наконец втягивает его в рискованные

⁹ Мудрый опекун говорит Александру на прощанье: «Если ты точно ее любишь, то три года не убавят ни на волос твоей любви, если же это одна детская привычка, то не лучше ли и для тебя и для нее, когда ты догадаешься об этом перед свадьбой, а не после свадьбы? В эти три года ты успеешь поверить собственные твои чувства, ты будешь встречать девиц и прекраснее и милее Машеньки... <...> если, несмотря на то что Машенька во все это время ни разу с тобою не увидится, ты будешь чувствовать к ней все то же самое, что чувствуешь теперь... о, тогда я с радостью благословлю вас, тогда и я уверюсь, что вы созданы друг для друга» (Искуситель, сочинение М. Загоскина. М., 1838. Ч. 1. С. 166–167).

¹⁰ Отчетливый анахронизм: Императорский Дерптский университет был открыт весной 1802 г., так что ко времени действия романа получить магистерскую степень было бы затруднительно. Для Загоскина упоминание университета играет символическую роль, и хронология тут не важна, для читателей конца 1830-х гг. это уже был отчетливый знак «немецкой мудрости».

¹¹ Искуситель, сочинение М. Загоскина. М., 1838. Ч. 1. С. 6.

отношения с замужней женщиной, Надиной Днепровской, которая влюбилась в него по воображению. Встретив в первый раз героя, она «вмиг узнала» в нем того, кто являлся ей во сне и стал предметом ее «мечтательной» любви¹². Ее уговорили выйти замуж за человека старше ее (нетрудно распознать отсылку к «Евгению Онегину»)¹³. Теперь, встретив своего героя, она томится и фактически сама объясняется ему в любви. Барон выдает мужу переписку героев и подстраивает дело таким образом, что они собираются бежать за границу от «преследований» старика-тирана. Но тут вовремя вмешивается истинный христианин Луцкий, при виде которого Брокен меняется в лице и бросается вон¹⁴. Луцкий успевает все уладить. Муж Днепровской хотел отдать ей свое имение и «сам решился покинуть свет, чтоб сделать ее свободною»¹⁵. Надина раскаялась и «бросилась в объятия к своему мужу»¹⁶, а Александр Михайлович вернулся в деревню и счастливо женился на своей Машеньке.

Даже краткий пересказ дает возможность судить о том, что в этой сюжетной линии «Искусителя» переплетены мотивы произведений, которые для непонятливых читателей еще и прямо называются в романе: «Ненависть к людям и раскаяние» Коцебу (мотив неверности жены), «Наталья, боярская дочь» (мотив бегства с возлюбленным) и «София» Карамзина (мотив неверности жены и жертвы мужа), «Новая Элоиза» (мотив тайной чувственной любви вне брака), а также «Жак» Жорж Санд (мотив самоустранения мужа во имя свободы жены, полюбившей другого). Литературная новинка в середине 1830-х, этот роман, наряду с другими произведениями Жорж Санд, стал «евангелием» и руководством к жизни поколения русских интеллигентов 1840–50-х гг.¹⁷

С точки зрения Загоскина, на художественной литературе лежит ответственность за разрушение морали. И тут достаточно сравнить фантастическую сюжетную линию «Искусителя» со «Страшным гаданьем»¹⁸, чтобы ясно увидеть различия авторских позиций. На первый взгляд, Загоскин просто переписывает и дополняет рассказ Марлинского, где имеется и вызывание духов, и сатана-искуситель, который побуждает платонических любовников бежать за границу, причем герой даже убивает

¹² Из письма Надины подруге: «...этот идеал красоты, созданный моею душою, существует, что он являлся мне во сне и неизъяснимо приятным голосом шептал “Надина, мы встретим друг друга!”» (Искуситель, сочинение М. Загоскина. М., 1838. Ч. 1. С. 240).

¹³ Переключки с сюжетом любви Татьяны в «Евгении Онегине» очевидны, но Загоскин дает иное развитие этой линии.

¹⁴ «Я окаменел от ужаса. Боже мой! Что сделалось с бароном?.. Страшно было смотреть на помертвевшее лицо его. Все, что порок имеет в себе отвратительного, все гнусные страсти, убивающие душу: гордость, злоба, ненависть, разврат, — все отражалось как в зеркале на этом безобразном, едва человеческом лице»; «барон заскрежетал зубами, закрыл рукою глаза и с воплем отчаяния бросился вон из комнаты. Во всем доме двери распахнулись сами собою, на дворе шарахнулись лошади, завыла цепная собака, и мимо окон дома что-то похожее на вихрь с визгом промчалось по улице» (Искуситель, сочинение М. Загоскина. М., 1838. Ч. 3. С. 219–220).

¹⁵ Искуситель, сочинение М. Загоскина. М., 1838. Ч. 3. С. 226.

¹⁶ Там же. С. 227.

¹⁷ Кафанова О. Б. Феномен Жорж Санд в России XIX века. С. 18.

¹⁸ Бестужев-Марлинский А. А. Страшное гаданье. Рассказ // Бестужев Марлинский А. А. Сочинения: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 311–342.

мужа возлюбленной. Правда, оказывается, что это страшное приключение совершилось во сне, и все кончается благополучно. Но у Марлинского совершенно отсутствует мотив воздействия литературы на сознание героев, у него их чувства описываются как безумная юношеская влюбленность, способная на безрассудства.

У Загоскина именно романы и драмы кружат головы и внушают героям страсти, не совместимые с нормальной жизнью и с человеческим счастьем. Уже в начале «Искусителя» автор четко высказывает свою позицию:

Мы обольщаемся красноречивым описанием всех сильных страстей: любовь, не подходящую до безумия, мы не хотим называть любовью, забывая о том, что всякое неистовое чувство унижает достоинство человека, и, какое бы название ни дали страсти, которая превращает вас или в дикого зверя, или в малодушное существо, не имеющее собственной воли, эта страсть всегда останется чувством противным Богу и нашей совести, потому что она, затмевая рассудок, сближает нас с животными и, так сказать, *оземляет* наше небесное начало¹⁹.

К неистовым страстям относится у Загоскина и неумеренная страсть к чтению. В ответ на утверждение Александра Михайловича, что он любит чтение «до безумия», Луцкий предостерегает его: «Я думаю, что мы не должны ничего любить до безумия, а всего менее книги. Конечно, они *самые лучшие друзья, но зато подчас и самые злейшие враги наши*, а сверх того, такие хитрые, что иногда не только без ума, да и с умом не вдруг разберешь, на кого напал, на друга или на своего злодея»²⁰ (выделено нами. — Л. К.). Сам Луцкий читает религиозные сочинения и составляет для себя рукописный сборник (тут мы видим прямую отсылку к литературной программе А. С. Шишкова, выдвигавшего еще в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» идею о важности обращения к средневековой словесности и, в частности, чтения агиографической литературы).

Загоскин последовательно описывает в «Искусителе» стадии развития сентиментальной платонической любви с переходом от чувствительной дружбы к страстной дружбе, когда стирается граница между дружбой и любовью и, наконец, к стадии, когда герои начинают пылать друг к другу страстной любовью, готовой перейти в чувственную страсть. Этим переходам способствует чтение:

Днепровская вела себя очень осторожно. Мы редко оставались наедине, а когда это случалось, то говорили о нашей дружбе, о счастье двух душ, которые понимают друг друга, читают вместе «Новую Элоизу», «Вертера», Августа Лафонтена. <...> мы трогались, плакали, раза три принимались перечитывать «Бедную Лизу», «Наталью, боярскую дочь» и «Остров Борнгольм», но что более всего нравилось Надине, что мы знали оба почти наизусть, так это небольшой драматический отрывок «Софья»²¹.

Любимый текст Надины — «Софию» Карамзина — Загоскин называет «литературным грехом» «великого писателя, едва начавшего свое блестящее поприще».

¹⁹ Искуситель, сочинение М. Загоскина. М., 1838. Ч. 1. С. 13.

²⁰ Там же. С. 206–207.

²¹ Там же. Ч. 3. С. 54.

Доказательством того, что Карамзин впоследствии отрекся от этого греха, Загоскин считает то, что писатель не поместил текст в собрания своих сочинений²². Однако «София», впервые опубликованная в «Московском журнале» (1791, ч. 2 и ч. 3, кн. 1, с. 13–31), была все же потом перепечатана в первой части «Моих безделок» (1794. С. 115–162). Этот «драматический отрывок», как назвал его Карамзин, представляет собой ремейк «Ненависти к людям» Коцебу.

В том же номере «Московского журнала», где печаталась «София», было начато печатание «Писем русского путешественника» и было опубликовано то письмо от 2 июля 1789 г., где говорится о спектакле по пьесе Коцебу, который русский путешественник видел в Берлине, и о том восторге, который он испытал:

Давно уже не был я так приятно растроган, как ныне в Театре. Представляли Драмму: *Ненависть к людям и раскаяние*, сочиненную господином Коцебу <...>. Автор осмелился вывести на сцену жену неверную, которая, забыв мужа и детей, ушла с любовником; но она мила, несчастлива — и я плакал как ребенок, не думая осуждать сочинителя. Сколько бывает в свете подобных историй!.. Коцебу знает сердце. <...> Вышедши из театра, обер я на крыльце последнюю сладкую слезу. <...> нынешний вечер причисляю я к щастливейшим вечерам моей жизни!²³.

После «Софии» в журнале был помещен не менее восторженный отзыв о московской постановке «Ненависти к людям». Читателям «Московского журнала» было легко установить связь между драмой Коцебу, столь восхитившей Карамзина, и его собственной пьесой.

Загоскин приводит в «Искусителе» достаточно подробный иронический пересказ «Софии»:

Софья, молодая и прекрасная женщина, точь-в-точь одна из героинь Бальзака или Евгения Сю, вышла замуж по собственной своей воле за г-на Доброва, шестидесятилетнего старика, такого же снисходительного и услужливого мужа, каков мосье Жак в романе известного Жорж Санда, или, лучше сказать, благочестивой г-жи Дюдеван. У этого Доброва бог весть почему живет какой-то француз Летъен, он соблазняет Софью. Софья решает сказать об этом своему мужу и просит у него позволения уехать с своим любовником в брянские леса. <...> великодушный муж соглашается, закладывает карету, и добродетельная супруга отправляется с мосье Летъен в брянские леса. Все это, как изволите видеть, очень натурально, но конец еще лучше. Жить вечно в лесу вовсе не забавно: француз начинает скучать и от нечего делать волочится за Парашею, горничной девушкой Софьи. Барыня замечает, ревнует, француз крадет у нее десять тысяч рублей и уговаривает Парашу бежать с ним в Москву. Софья их подслушивает, кидается на француза, режет его ножом, потом сходит с ума, бежит по лесу, разговаривает с *бурными ветрами* и кричит:

²² А. Григорьев справедливо полагает, что такое решение было вызвано тем, что «“Софья”, просто плохая вещь и потому конечно, великий писатель исключил ее из собрания своих сочинений», и подчеркивает: «Никому, конечно, в наше время, при чтении “Софьи” Карамзина, не придет в голову мысль о том, что это — произведение для нравственности вредное» (*Григорьев А. А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // Время. 1861. № 5; Григорьев А. А. Эстетика и критика. С. 310. Загоскин, однако, занимает принципиально иную позицию.*

²³ *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 40.*

«Моря, пролейтесь!» Подлинно сумасшедшая! Ну, какие моря в брянских лесах? К концу довольно длинного монолога, который напоминает сначала Шекспира «Царя Лира», а под конец его же «Макбет», Софья подбегает к реке, кричит: «Вода, вода!» — бросается с берега и тонет²⁴.

Как мы видим, жена изменяет мужу с гувернером-французом, уезжает с ним от мужа, но вместо раскаяния оступившейся жены и благостного примирения супругов у Коцебу, у Карамзина все кончается трагически — Софья убивает неверного любовника и кончает с собой, а добродетельный супруг умирает с горя, прощая жену. Самоубийством кончает жизнь и Жак у Жорж Санд, но маскирует его под несчастный случай, чтобы открыть перед своей вдовой возможность соединиться с возлюбленным. Если авторы XVIII в. не подвергали сомнению институт брака и только отказывались осуждать слабое женское сердце, то в романе «Жак» дана совершенно иная концепция брака: это оковы, которые не могут и не должны быть препятствием для любящих сердец, поскольку любовь — это свободное, стихийное и непредсказуемое чувство. Благородный любящий муж, желающий счастья своей жене, обязан устраниваться и дать ей свободу.

Надо ли говорить, что Загоскин не разделял новых представлений о любви и браке. Более того, он полагал, что чувствительные повести и драмы предшествующей эпохи служили подготовкой современному разврату, который, по его мнению, сеет французская «неистовая словесность». Загоскин писал в эпоху, когда имя Карамзина не могло быть подвергнуто насмешкам и глумлению, которое позволяли себе Шишков и Шаховской в 1800-е гг. Однако от критики ранней карамзинской литературной модели он отказаться не мог. Чувствительность, по мнению Загоскина, неизбежно ведет к развитию неумеренной, неистовой страсти-безумия и к нарушению законов божеских и человеческих. Увлечение сентиментальной и романтической литературой (что являлось для автора «Искусителя» почти синонимом) пагубно, поскольку совращает с пути добродетели. Характерно, что Надина Днепровская цитирует подруге «Остров Борнгольм»: «Ах, мой друг! Как хорошо написан “*Остров Борнгольм*”! Какой слог!.. Какая истина!.. Прочти эту повесть: она разогреет и твое холодное сердце... “Законы осуждают / Предмет моей любви; / Но кто, о сердце! может / Противиться тебе!” О, как это справедливо! Милый Карамзин!»²⁵.

Как и Шишков, Загоскин полагал, что хороший слог не обязательно служит похвалой, он может быть и опасен, если не соединен с твердой моралью. Здесь автор проводит отчетливую параллель между пагубным воздействием литературных сочинений, прельщающих своим слогом, и нравов светского общества, где порок является не в «безобразной наготы», «но прикрытый блестящим покровом всех светских приличий, остроумный и раздушенный, усыпанный цветами», который «незаметным образом» вкрадывается в душу человека. Напомним еще раз уже цитировавшиеся слова Луцкого, что книги — «самые лучшие друзья, но зато подчас и самые

²⁴ Искуситель, сочинение М. Загоскина. М., 1838. Ч. 3. С. 55–57. Этот пересказ с тонкими комментариями приведен в уже упомянутой статье Ап. Григорьева. См.: Григорьев А. А. Эстетика и критика. С. 308–310.

²⁵ Искуситель, сочинение М. Загоскина. М., 1838. Ч. 1. С. 244.

злейшие враги наши». Загоскин противопоставляет взгляд на литературу двух героев — Днепровской и ее мужа, причем их чувства в жизни и по отношению к словесности оказываются обратно пропорциональными. Экзальтированный восторг «чувствительных» героев²⁶ не приемлет трезвого взгляда тех, кто отказывается восхищаться «Софией» Карамзина и проливать слезы в театре:

Мой муж, которого я уговорила прочесть этот драматический отрывок, говорит, что в нем нет ничего драматического, что пошлый злодей Летьен походит на самого обыкновенного французского парикмахера, что Софья гадка, что муж ее вовсе не жалок, а очень и очень глуп. Боже мой! До какой степени может человек иссушить свое сердце! То, что извлекает невольные слезы, потрясает нашу душу, кажется ему и пошлым и смешным? Я уважаю Алексея Семеновича: он очень добрый человек и любит меня столько, сколько может любить, но, согласитесь, Александр Михайлович, такое отсутствие всякой чувствительности в человеке, с которым я должна провести всю жизнь мою, ужасно! На этих днях мы смотрели с ним драму «Ненависть к людям и раскаянье»: я обливалась слезами, в креслах все плакали, а мой Алексей Семенович...

– Неужели зевал?

– Хуже! Вздумал утешать меня и сказал почти вслух: «Да полно, друг мой, не плачь! Ведь это все выдумка!»²⁷.

Днепровская, которой кажется, что ее муж лишен чувствительности, на деле эгоистична и не способна думать о чувствах других, тогда как муж готов всем пожертвовать ради счастья жены. Экзальтация, внушенная сентиментальной и романтической литературой, отдает человека во власть злых сил²⁸ и извращает их чувство, только трезвый взгляд на жизнь и на литературу, с точки зрения автора, способен принести счастье.

Конечно, такая позиция Загоскина, основанная на здравом смысле и традиционной морали, не могла вызвать сочувствия тех читателей конца 1830-х гг., чьи симпатии были отданы авторам и текстам с гораздо более сложными моральными и эстетическими коллизиями. Загоскин, подобно карамзинистам и романтикам, отводит литературе большую роль в жизни общества, но, как архаист, идет наперекор ведущим литературным течениям и упорно продолжает свою линию и в романах и очерках 1840-х гг., что, к слову сказать, не лишало его сочувствия довольно значительной читательской аудитории. В эпоху Загоскина все более отчетливо формировалась аудитория поклонников беллетристики, и он занял в этой нише прочное и почетное место.

²⁶ Герой, еще до знакомства с Надиной, приходил в восторг от чувствительных драм и признавался, что «очень любил ездить в театр, а особливо когда давали “Отца семейства”, “Графа Вальтрона”, “Эмилию Галотти” и другие чувствительные драмы, в которых Плавильщиков приводил меня в ужас, а Померанцев заставлял плакать как ребенка» (Там же. С. 236–237).

²⁷ Там же. Ч. 3. С. 59.

²⁸ Про Днепровскую сказано: «...барон совершенно завладел ее рассудком! Она видела его глазами, мыслила его головою, и, конечно, не было сумасшедшего поступка, на который бы не решилась, если б барон сказал, что она должна это сделать» (Там же. С. 128).

Дмитрий Калугин

ПРОСТОЙ СЛОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК: ИСКУССТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ В БИОГРАФИЯХ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА¹

Биографические повествования различных жанров — будь то «историческая» биография, некролог, жизнеописание, мемуарный очерк или современная «научная» биография — схожи в том, что рассказ о жизни героя является выражением позиции, которая может быть обозначена как *идеологическая*, то есть обосновывающая либо необходимость поддержания существующего миропорядка, либо его изменение. Речь, таким образом, идет о производстве знания, которое осуществляется различными группами, стремящимися «создавать для данного общества интерпретацию мира»², знания, которое, как кажется читателю биографий, вырастает из самой жизни и является во всей своей непосредственности и очевидности.

Идеологизм нарративов такого типа может выражаться в эксплицитных высказываниях биографа, размышлениях о жанре, способах комментирования свидетельств и использовании фигур умолчания, но здесь меня будет интересовать лишь один аспект, а именно способы использования понятий, при помощи которых происходит концептуализация биографического субъекта, его оценивание и характеристика. В качестве примера я обращусь к двум текстам, опубликованным во второй половине XIX века, в которых ярко отражаются тенденции и полемический дух эпохи. Речь пойдет о «Биографии Михаила Николаевича Загоскина» (1853) С. Т. Аксакова и «Биографии Федора Ивановича Тютчева» (1874) И. С. Аксакова.

В биографических нарративах пара «простота — сложность» играет особую роль, выступая в качестве одной из наиболее распространенных характеристик. Мы привычным образом говорим: «вот человек простой», а это «человек сложный», понимая, что использование этих слов требует дополнительных разъяснений. Причина состоит в том, что в разных контекстах эти понятия могут обозначать диаметрально противоположные качества, особенно если учесть, что объектом характеристики выступают две различные сферы — «внутренний мир» (эмоции, переживания, душа) и внешние проявления человека (поведение). Простота, как и сложность, может быть внешней или внутренней и продуцировать различные оппозиции: внешняя простота vs внутренняя сложность, внутренняя простота vs внешняя сложность, внешняя простота

¹ Я хотел бы выразить благодарность за помощь в работе Борису Маслову, Наталье Мовниной и отдельное спасибо Екатерине Богач.

² Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 15.

vs внутренняя простота, внешняя сложность vs внутренняя сложность. И в той мере, в какой понятие простоты в этих оппозициях аккумулирует значения однородности, цельности, а понятие сложности, наоборот, — многообразие и многосоставность³, корреляция внутри этой пары становится по меньшей мере проблематичной.

В социально-историческом и культурном аспекте «простота» и «сложность» являются предметом идеологического конструирования. Здесь нет возможности проследить непростую историю этой связки, в которой сходятся разные моменты (в Средние века это, например, антитеза «простец vs ученый схоласт» и т. д.), так что дальше я сосредоточусь только на одном аспекте: противопоставленность «простоты — сложности», если говорить о XVIII–XIX веках, непосредственным образом связана с концепцией цивилизации, радикально перекодировавшей эти понятия⁴. Так, «простота» в значении прямоты, честности, искренности, будучи включенной в новое понимание человека (необходимость интеллектуальной дрессуры и развития интеллектуальных навыков), окажется наивностью, глупостью, неспособностью правильно интерпретировать окружающий мир. Именно в таком значении «простота» будет спроецирована на сословную систему, в результате чего возникнет соотношение: человек низшего сословия → простой человек → наивный невежда, глупец.

Сентименталистская чувствительность сделала простоту медиатором между сложным миром чувств и самопредставлениями человека, основная функция которых в достижении понимания и согласия. Таким образом, простота, включенная в различные поля и выступающая как социальная ценность, становится *сложной*⁵. Мне представляется, что эта установка, предполагающая нивелирование дистанции

³ Бабаева Е. В. Простой vs сложный: от истории прилагательных к истории оппозиции // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 336. По словам исследовательницы, будучи носителем различных, плохо сочетаемых друг с другом качеств, сложный человек «требует при взаимодействии с ним каких-либо усилий, превышающих средние» (Там же. С. 335). То есть сложный человек определяется преимущественно в коммуникативном плане, выступая, таким образом, в качестве элемента социальной игры. Ср., например, у Горького: «То, что называется сложностью в химии, — вполне закономерно, а то, что принимается за сложность в характере человека, часто бывает только его выдумкой, его игрой» (Горький М. Полное собрание сочинений: В 25 т. М., 1974. Т. 25. С. 62).

⁴ Обзоры разных концепций понятия «цивилизация» см.: Велижев М. Цивилизация, или Война миров. СПб., 2019.

⁵ Изменение аксиоматики «простоты» связано еще и с тем, что, будучи поливалентной, она связывается с концепциями и понятиями, артикулирующими схожие аспекты. Например, если главным моментом простоты выступает «естественность», «непосредственная связь с жизнью», то становится возможным соединение простоты и здравого смысла, где простота встраивается в семантическое поле «практичности», «здрового ума» и «здравомыслия». При этом простота присоединяется к тому значению здравого смысла, которое соотносится с французским «здравым» (*bon sens*), а не с латинским «общезначимым» (*sens commun*) смыслом, где разницу между первым и вторым можно определить как разницу между чисто практическими «простыми», «само собой разумеющимися», естественными представлениями о жизни и абстрактными, универсальными принципами, в соответствии с которыми каждая вещь обретает свои конститутивные качества. При установлении такого соответствия «здравый смысл», как и «простота», будет обозначать некую изначальную данность, естественность, нулевую степень существования, при том что эта простота, естественность и самоочевидность предсказуемым образом являются лишь одной из возможностей представить жизнь как таковую. О здравом смысле как культурной системе см.: Гириц К. Здравый смысл как культурная система // Неприкосновенный запас. 2007. № 4. С. 54–61.

и сглаживание антагонизма между различными стратами общества⁶, определила историю этого понятия и в XIX веке. Не впадая в долгое теоретизирование, я попробую проанализировать примеры употребления «простоты» в биографических текстах, где она, на мой взгляд, играет принципиальную роль в силу задач, которые ставили перед собой их авторы, — иллюстрировать свои политические концепции.

Рассказ С. Т. Аксакова о жизни Загоскина представляет собой биографию писателя середины XIX века в духе культурно-исторической школы, в которой подробная характеристика литературного творчества перемежается с рассказом о жизни героя и оценкой его личности. В конце очерка Аксаков дает общую характеристику Загоскину:

Загоскин был постоянно весел в обществе и семейном кругу. Эта веселость происходила от невозмутимой ясности *простой* его души, безупречной совести и неистощимого благодушия, невольно сообщалась другим и одушевляла всех: понятно, как он был любим в обществе, в кругу родных и в семье. <...> Имея ум *простой, здравый и практический*, он не любил ни в чем отвлеченности, и был всегда врагом всякой мечтательности и темных, метафизических, трудных для понимания, мыслей и выражений. <...> Из всего сказанного о Загоскине нетрудно заключить, что он был бесцеремонен, *прост* в обращении: многим казалось, что эта *простота* доходила до излишества. Бывая иногда, по своему положению в свете и по своей литературной славе, в кругу людей так называемого высшего общества, Загоскин не мог не грешить против его законов и принятых форм, потому что был одинаков во всех слоях общества; его одушевленная и громкая речь, не учитывая точность выражений, *простота* языка и приемов, часто противоречили невозмутимому спокойствию холодного этикета. <Его русская натура постоянно сквозила из-под камергерского мундира и на аристократическом бале, и во дворце.> Некоторые пожимали плечами, улыбались значительно и удалялись от него, а некоторые именно за то очень любили и уважали Загоскина (выделено мной. — Д. К.)⁷.

Фрагмент выстроен в соответствии с общими требованиями, предъявляемыми к характеристике, разворачивается от общего к частному, от души к разуму и качествам характера. Простая душа, о которой говорит С. Т. Аксаков, соответствует «простодушью», и показательно, что в Словаре Академии Российской эти два понятия сближаются друг с другом вплоть до полного совпадения⁸. Разум «простой,

⁶ Ко второй половине 1820-х и в 1830-е годы сентиментализм стал уже литературной периферией, за счет чего на первый план выступили социальные аспекты чувств (эмоций). Массовая биография будет разнообразно использовать этот ресурс, выступая в качестве одного из способов создания и поддержания общности.

⁷ Аксаков С. Биография М. Н. Загоскина. М., 1853. С. 55–57. Цитата из отдельного издания дополнена взятой в угловые скобки выпущенной фразой, присутствующей в журнальной публикации: Аксаков С. Биография Михаила Николаевича Загоскина. Москвитянин. 1853. Т. I. № 1. С. 72.

⁸ В Словаре Академии Российской прилагательное «простой» означает «безпритворный, безковарный, чистосердечный, нелукавый» (САР. 1793. Ч. IV. Ст. 1091), а «простодушный», соответственно, «простосердечный; отдаленный, чуждый коварств, лукавства» (САР. 1790. Ч. II. Ст. 833). Повторю свое предположение: когда эксплицируются подобные качества, речь идет о базовой концепции простоты как прямоты, однозначности, естественности в противовес сложности, неоднозначности, искусственности. Это касается и языка (у Аксакова «точность выражений, простота языка»), который начиная с XVIII века вписывается в дихотомию публичного (сложного) / частного (простого). Например, А. М. Кутузов, рассуждая о дружбе, пишет

здравый и практический» очевидным образом реализует установки здравого смысла как *bon sens* – умения ориентироваться в жизни и обстоятельствах, руководствуясь врожденными чувствами, вытекающими из интуитивного, а не умозрительного знания жизни. Все это замыкается на «русской натуре» и, таким образом, соотносится с характером, который рассматривается в национальной перспективе (= «национальный характер»). На фоне других писательских биографий, традиция которых в целом берет свое начало с новиковского словаря (1772), это одно из первых жизнеописаний такого рода.

Основное качество души – простота, неделимость, благодаря чему она противостоит сложности, понимаемой как множественность. Душа остается самодостаточной, не дробится и не растворяется в социальности, которая сложна, многомерна, где есть высшие сословия (камергерский мундир, аристократические балы, дворец) и низшие – народ («простой народ», «простой русский быт»). Возникает конфигурация, тематизирующая семантику простоты (простая душа, простота характера и способов его проявления, где отсутствует разрыв между сущностью и видимостью), за счет чего Загоскин оказывается «одинаков во всех слоях общества», нарушая таким образом принятые условности («бесцеремонность», отрицательное с обычной точки зрения качество, становится положительным в этом контексте).

Простота «институализируется», например, в кругу друзей, где возможны простые, естественные отношения, не требующие светского лицемерия и необходимости принаравливаться к внешним требованиям, или в семье, центром которой предстает ее глава. Общим местом в данном случае является тождество между устройством и организацией каждой отдельной семьи и «большой семьей» – обществом или государством⁹, в соответствии с чем нивелируется дихотомия публичного и частного и устанавливается единая область человеческих отношений. Поскольку Загоскин обладает способностью вызывать одушевление, а также благодаря силе и распространению печатного слова, он приобретает всенародную известность, становится, по словам Аксакова, «народным писателем», понятным и близким всем сословиям, то есть, опять же, устраняет сословные различия между людьми¹⁰.

Стоит отметить, что для построений славянофилов вообще характерно стремление увидеть единство вместо разделения. Например, читаем у Самарина: «Дворянство

Н. Н. Трубецкому: «Ежели мы, сердечный мой друг, будем обходиться на чинах, ежели между нами будет употребляться язык придворных, то что же воспоследует со всеми нашими обязательствами? То где же дружба обретается, где найдет убежище, будучи отсюду изгоняема? Язык дружбы, язык братский, язык христианский есть и язык истинный, прям, истинен, откровенен, не терпит никакая кривизны и увертки» (*Барсков Я. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 133–134*). В данном случае показательным, что язык, о котором пишет Кутузов, язык *простой*, то есть его понимание вписано в базовую оппозицию простоты/сложности.

⁹ Генеалогию этой метафоры см.: *Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 39–41*.

¹⁰ «У нас не было еще народного писателя, в точном и полном смысле этого слова; но более всех может назваться народным писателем — Загоскин. Кроме других сословий, его читали и читают все знающие грамоте, торговые, крестьяне; они рассказывают читанное ими, а иногда читают вслух многим другим безграмотным крестьянам» (*Аксаков С. Биография М. Н. Загоскина. С. 24*).

и чиновничество – это не два сословия, не две среды, а одно и то же, один общественный орган, одно юридическое лицо. Пожалуй, можно различать в нем две стороны, но они так неразрывно связаны, что на практике не отделяются одна от другой, даже в частном быту»¹¹. Жизни, вовлеченной в антагонизм общества и государства, противопоставляется, таким образом, «общая жизнь», связанная со стремлением к согласию, возникающему «из того общего начала, которое лежит в душе человека, из той любви, из того братского чувства, которое одно может создать истинное общество»¹². В биографии Загоскина социальные отношения мыслятся по образу и подобию семейных, за счет чего происходит снятие антагонизма между человеком и обществом, человеком и государством и устанавливается единство, цельность и, соответственно, *простота*.

Другой важный момент связан с тем, что семантика «простоты», маркированная в паре «простота — сложность» и не существующая вне ее, обретает конститутивные черты через напряжение, которое создается различными силами, стремящимися трансформировать ключевые понятия. Отзвуки подобных споров присутствуют у Аксакова в связи с рассуждениями о «темных, метафизических, трудных для понимания, мыслях и выражениях», которые уже приводились выше. Этот пассаж завершается обобщением:

В прежнее время, когда это направление было в ходу, он [Загоскин] врезывался иногда с русским толком и метким русским словом, в круг людей носившихся в туманах немецкой философии, и не только все окружающие, но и сами умствователи, внезапно упав с холодных и страшных высот изолированной мысли, предавались веселому смеху¹³.

Полемическое напряжение, связанное с пониманием «простоты — сложности», можно найти в текстах, артикулирующих противоположные установки. Так, например, П. В. Анненков в своей биографии Станкевича, описывая раннее увлечение своего героя, пишет:

Два существа сошлись лицом к лицу в жизни – чего же более? Вот уже и пара. Такое очевидное, и как говорят обыкновенно, здоровое представление жизни, к сожалению, сделалось чуть ли не общим, благодаря исключительным теориям простоты и естественности. Есть запутанность более почетная и нравственная, чем иная здоровая простота, поклонников которой мы ныне встречаем так много, даже в молодых людях. Естественность их требований, ясность их поводов, прямое направление их воли и душевное спокойствие их – все это только признаки их испорченности. Человек, сходящий с ума от призрака, конечно, достоин сожаления; но человек, никогда не знавший ничего, кроме ближайших, положительных целей, вряд ли не более заслуживает его¹⁴.

В приводившейся выше цитате, где речь показательным образом идет о семейных отношениях, которые в биографии Загоскина интерпретируются как выражение

¹¹ Самарин Ю. Ф. Сочинения: В 12 т. М., 1877–1911. Т. IV. С. 505.

¹² Аксаков К. С. О современном человеке // Русский архив. 1903. № 7. С. 320.

¹³ Аксаков С. Биография М. Н. Загоскина. С. 56.

¹⁴ Анненков П. В. Биография Николая Владимировича Станкевича. М., 1857. С. 82–83.

«патриархальной простоты», при помощи риторических амплификаций¹⁵ пара «простота — сложность» подключается к противопоставлению «практическое — умозрительное», «простое — метафизическое», «русское — немецкое», и все это вписывается в национальную перспективу, где Россия противопоставляется Европе. Именно таким образом вводится проблема, вокруг которой формулируются основные идеологические программы 1840-х – 1870-х годов, — проблема «цивилизации» и «особого пути» России. Если Загоскин изображается как *русский* писатель, безотносительно славянофильской геополитики, то в биографии Ф. И. Тютчева, написанной и изданной в 1874 году И. С. Аксаковым¹⁶, контекст соотношения-противостояния с Европой становится важнейшим. Именно этот аспект в конечном счете будет определяющим для биографического нарратива о великом поэте.

Если сопоставлять биографии Загоскина и Тютчева, то первый обладает цельностью (простота как тождество душевной жизни и поведения), тогда как второго характеризует расколотость, разрыв между формой и содержанием, сущностью и видимостью, внешним и внутренним¹⁷. Но если, например, в биографии Станкевича жизнь героя состоит в поисках примирения различных аспектов жизни, то у И. С. Аксакова этот разрыв дается во всей его неразрешимой мучительности и страдании. Отказываясь посвящать читателя в подробности личной жизни своего героя, биограф заключает: «...не в одной этой области томился он внутренним раздвоением и душевными муками. Ум сильный и твердый при слабодушии, при бессилии воли, доходившем до немощи; ум зоркой и трезвый – при чувствительности нервов самой тонкой, почти женской, – при раздражительности, воспламенимости, одним словом при творческом процессе души поэта, со всеми ее мгновенно вспыхивающими призраками и самообманом; ум деятельный, не знавший ни отдыха, ни истомы – при совершенной неспособности к действию, при усвоенных с детства привычках лени, при необоримом отвращении к внешнему труду, к какому бы то ни было принуждению; ум постоянно голодный, пытливый, серьезный, сосредоточенно проникавший во все вопросы истории, философии, знания; душа ненасытно жаждущая наслаждений, волнений, рассеяния»¹⁸.

¹⁵ О риторических стратегиях П. В. Анненкова в отношении понятий см.: *Калугин Д. Я.* Проза жизни: Русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб., 2015. С. 226–229.

¹⁶ *Основа А. Л.* «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М., 1987. С. 88–90.

¹⁷ Оппозиция внешнего и внутреннего, жизни обыденной и жизни духа ставит вопрос о достижении гармонии между тем и другим. В качестве примера приведу цитируемый Анненковым фрагмент из письма Станкевича Неверову, в котором описывается пребывание Белинского в Премухино у Бакунина (чье имя не названо по цензурным соображениям) и в котором Станкевич высказывает свои мысли о Белинском: «Полный благородных чувств, с здравым, свободным умом, добросовестный, он нуждается в одном только: на опыте, не по одним понятиям, увидеть жизнь в благороднейшем ее смысле; узнать нравственное счастье, возможность гармонии внутреннего мира с внешним, — гармонии, которая казалась для него недоступною до сих пор, но которой он теперь верит» (*Анненков П. В.* Биография Николая Владимировича Станкевича. С. 130–131). Ср. в биографии Тютчева: «...тоска у Тютчева происходила именно от присутствия этих идеалов в его душе — при разладе с ними всей окружающей его действительности и при собственной личной немощи возвыситься до гармонического примирения воли с мыслью и до освящения разума верою» (*Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 113).

¹⁸ *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. С. 47.

Если изображение Загоскина антипсихологично, то в случае с Тютчевым задача биографа состоит в том, чтобы свести воедино совершенно противоположные вещи. И с этой точки зрения в биографии Тютчева мы видим не отношение «простота внешняя vs простота внутренняя», а «внешняя простота vs внутренняя сложность». Не случайно И. С. Аксаков дает Тютчеву две характеристики, использующие в одном случае понятие «простота», в другом «сложность»:

Он никогда не становился ни в какую позу, не рисовался, был всегда сам собою, таков как есть, *прост*, независим, произволен.

Вообще это был духовный организм, трудно дающийся пониманию: тонкий, *сложный*, многострунный¹⁹ (выделено мной. — Д. К.).

Простота — это внешне опознаваемое качество, тождественное самодостаточности, относительно которой внешние формы (поза) становятся несущественными. Тем не менее, как уже указывалось, отношения простоты и сложности всегда проблематичны, между ними остается зазор, который, поскольку речь идет о поэте, может быть устранен в литературном творчестве. Иначе говоря, дихотомия между внешним и внутренним снимается только в тютчевской поэзии. «Поэтическое творение», пишет И. С. Аксаков, «сохраняя на себе теплый след рождения», продолжает трепетать «*внутренней* жизнью души поэта», откуда возникает «красота *наружной* формы», «тонкость оттенков и переливов в области нравственных ощущений, — вообще тонкость резьбы, узорчатость чеканки – при совершенной *простоте, естественности, свободе* и так сказать *непроизвольности* поэтической работы»²⁰ (выделено мной. — Д. К.). Понятие простоты присутствует параллельно и в противопоставлении внешнего и внутреннего, определяющем биографического субъекта, и в концепции эстетической ценности литературы.

И. С. Аксаков широко пользуется понятием простоты для характеристики литературной стилистики. Анализируя стихотворение «Когда в кругу убийственных забот», биограф заключает: «...какие незатейливые слова, но в этом-то и достоинство, в этом-то и прелесть: они просты, как сама правда»²¹. Характеризуя литературную ситуацию 1830-х — 1840-х годов, он пишет: «В художественном воспроизведении жизни водворяется требование простоты и правды...»²². О Пушкине и современных поэтах говорится: «Их эпитеты более описательного, чем определительного свойства; или слишком фигурны, вычурны и нарядны, или же являются каким-то внешним щегольством языка, радующим самого автора...»²³. Тема «простота в поэзии», или «поэтическая простота», заслуживает самостоятельного анализа, здесь же важно отметить ее корреляцию с «простотой Тютчева», который сам «прост, независим, произволен». Я уже высказывал предположение, что одним из способов создания

¹⁹ Там же. С. 41, 44.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Там же. С. 92.

²² Там же. С. 59.

²³ Там же. С. 93.

образа поэта в биографиях XVIII — первой половины XIX века является проекция качеств поэзии на его личность²⁴. Именно таким образом действует старый принцип неоклассической риторики: «Le style est l'homme même»²⁵.

Можно сказать, что в биографии Тютчева сходятся внешние и внутренние формы жизни, а также стилистика жизни и литературы. Именно на этом пересечении и вырастает образ Тютчева, где различные, плохо коррелирующие друг с другом элементы репрезентируют *сложность* и многомерность образа. Понятием, выполняющим медиативные функции между этими различными мирами, является *простота*, при помощи которой герой оценивается и характеризуется как поэт и человек. И все это проецируется на раскол, произведенный цивилизационным процессом, где чаемый синтез различных, противопоставленных друг другу начал имеет отложенный характер и является в биографии И. С. Аксакова проблематичным: «Бесконечное развитие человеческого духа может явить еще новые, неведомые его стороны; может возникнуть новое, высшее единство духа, обретется новая цельность, аналитический процесс мысли разрешится, быть может, в синтез»²⁶. Именно этот синтез, представляющий собой, по удачному выражению К. Леонтьева, «развитое своеобразие», определяет уникальность и неповторимость и личности Тютчева, и России в целом²⁷.

Важной частью риторической стратегии в отношении простоты является ее постоянное остранение, цель которого — найти семантическую и дискурсивную точку, где она становится бесцеремонной, как у Загоскина, то есть в конечном счете необыкновенной и диковинной²⁸. Быть простым — значит быть странным, не вписываться

²⁴ Калугин Д. Я. Проза жизни. С. 180–182.

²⁵ Тождество между словесным и социальным является важнейшим для концепции стиля в неоклассической риторике. В данном случае мы имеем дело с такой структурой субъекта, в основании которой находится определенная система соответствий, единство внутренних и внешних проявлений, определяющих, в свою очередь, единство стиля — литературного и поведенческого. Анализ этой формулы см. в: Зенкин С. Н. Работы по французской литературе. Екатеринбург, 1999. С. 253. Также см.: Мильчина В. А. О Бюффоне и его «стиле» // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 157–166.

²⁶ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. С. 80

²⁷ В качестве примера приведу рассуждения К. Н. Леонтьева в статье «Грамотность и народность» (1870): «...если не брать в расчет переходные оттенки, а одни резкие крайности, то вообще можно было разделить русское общество на две половины: одну народную, которая ничего кроме своего русского не знала, и другую космополитическую, которая своего русского почти вовсе не знала. Это зло (если только неравенство прав есть зло) при помощи наших нынешних преобразований принесло бесценные плоды, и мы теперь можем обратиться к нему с исторической благодарностью. Законное отделение “состояний” и бытовое различие слоев внесло в нашу слишком простую и несложную славяно-русскую жизнь ту сложность и то разнообразие, без которых невозможно *цивилизованное*, т. е. *развитое своеобразие*, без которых не мыслима полная и широкая жизнь, достойная великого народа» (Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М., 2000. С. 183).

²⁸ В очерке с показательным названием «Художник и простой человек. Из воспоминаний об А. Ф. Писемском» Анненков пишет: «Все было в нем откровенно и просто. Он производил на всех впечатление какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходят, бросив на нее взгляд, а такой, которая останавливает и заставляет много и долго думать о себе. Нельзя было подметить ничего вычитанного, затверженного на память, захваченного со стороны в его речах и мнениях. Все суждения принадлежали ему, природе его практического ума и не обнаруживали никакого родства с учениями и верованиями, наиболее распространенными между тогдашними образованными людьми. <...> Писемский оказался врагом большей части этих непререкаемых догматов цивилизации» (Анненков П. В. Литературные воспоминания.

в расхожие представления, открыть свое отличие через простое, необычное и сделать необычное обычным, ярким, выделенным на общем фоне — именно в этом, возможно, и состоит особый путь, который и приведет к появлению новой, подлинной цивилизации. Именно этот путь пытаются нащупать биографии середины XIX века, его ищет литература и литературная критика, литераторы и просто думающие люди в своих дневниках и письмах.

Простота в биографиях Загоскина и Тютчева разная. В первом случае она тождественна ясности — практичности — здравомыслию и в результате оказывается чужеродной окружению, реализующему конвенциональные формы поведения. Во втором — представляется самотождественностью, где творчество преобладает над социальной жизнью, намечая контуры будущего. Но в том и другом случае простота становится качеством, которое биограф должен отыскать или, по-другому, создать заново, чтобы заявить о своем герое как о подлинной личности, живущей настоящей, а не выдуманной, полной условностей и искусственной сложности жизнью. В этой утопической перспективе намечается общая жизнь — общество, пересозданное по образцу семьи, и/или Русь, соединившая в невысказанном единстве свое и чужое. И здесь простота (патриархальная простота, естественность) предстает в качестве воображаемого истока, которого в действительности никогда не существовало, или — слиянием противоположностей, никогда полностью не достижимым.

М., 1983. С. 485). В повести И. С. Тургенева «Андрей Колосов» герою дается такая характеристика: «В начале рассказа я вам сказывал, что мы все прозвали Андрея Колосова человеком необыкновенным. И если ясный, простой взгляд на жизнь, если отсутствие всякой фразы в молодом человеке может назваться вещью необыкновенной, Колосов заслужил данное ему имя. В известные лета быть естественным — значит быть необыкновенным...» (*Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1978. Т. 4. С. 33*). «Диковинка» у Анненкова соответствует «необыкновенности» у Тургенева. В обеих цитатах логика одинакова: простота вписывается в пару «типичное — уникальное», где типичное, стандартное является одним из аспектов семантики простоты, при этом аксиоматика простоты задается именно через включенность в эту оппозицию.

Анатолий Кошелев

«ДА, ГОСПОДИН ТИМОФЕЕВ — ПОЭТ ВАЖНЫЙ...»
(СЕНКОВСКИЙ О ПУШКИНЕ)

«**П**росматривая свою жизнь с ее начала, как я ее помню, я, естественно, задаю себе вопрос, интересно ли кому-нибудь то, что интересно мне. Я — историк литературы и много работал с мемуарной литературой. Мемуарная литература бывает двух родов и представляет два разных интереса. Некоторые мемуары рассказывают о людях, с которыми произошло что-то необычное, и сами эти люди чем-нибудь выделялись. Но интересны и другие мемуары — о людях, которые пережили то, что переживали все вокруг, ничем особенным не отличались и вспоминали, желая рассказать не о своем уме или о своей работе, а просто желая бесхитростно вспоминать, потому что вспоминать приятно»¹. Эта цитата из воспоминаний Ю. М. Лотмана, продиктованных им в конце жизни и опубликованных посмертно, примечательна с двух сторон.

Наблюдение об исторической ценности «бесхитростных воспоминаний» было близко Е. В. Душечкиной. Публикуя отрывки из записок своей матери (которые та написала в конце жизни), Елена Владимировна так оценила их: «Веселые девушки-хохотуньи, обожавшие театр и кино, купавшиеся и загоравшие до одури в Дону, <...> конечно же, были типичными ростовчанками. Гораздо позже одна из соучениц этих девушек, после окончания школы вступившая в комсомол, а потом и в партию, волею судеб оказавшись сокурсницей моего отца на биофаке Ленинградского университета, отзывалась об этой компании пренебрежительно — как о мещанках и политически индифферентных. Если не в оценке, то в характеристике этих девушек она права: они и были мещанками — самыми обычными, частными людьми, и, существуя в условиях, которые сейчас могут казаться экстремальными, они жили в свое удовольствие, с максимальной полнотой используя те естественные и непреходящие ценности и блага, которые предоставляет человеку жизнь — дружбу, природу, искусство, родной дом и родной город»².

Ниже речь пойдет об одной биографической статье, героиней которой, писатель, литературный критик и журналист Осип Иванович Сенковский, считал себя

¹ Лотман Ю. М. «Просматривая жизнь с ее начала...» // Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. С. 323.

² Душечкина Е. В. Будни и праздники молодой ростовчанки (1920-е — начало 1930-х гг.) // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб., 2000. С. 96.

(безусловно, с полным основанием) выдающимся человеком. Сближает же три упомянутых текста стремление авторов рассказать о себе в конце своего жизненного пути, — такое стремление уместно назвать их (и, пожалуй, каждого человека, достигшего пожилого возраста) естественной потребностью.

Посвящаю свою заметку памяти Елены Владимировны, рассказавшей некоторые поучительные истории из своей биографии, которые я запомню на всю жизнь.

*

Автором вынесенного в заглавие наблюдения был не Сенковский, а Виссарион Белинский. В полемической пьесе «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» так говорил один из персонажей: «Да, господин Тимофеев — поэт важный — пишет с большим чувством — лучше Пушкина»³. Сенковский никогда прямо не писал о превосходстве стихов малоизвестного поэта Алексея Васильевича Тимофеева (1812–1883), сотрудничавшего в 1830-е гг. в «Библиотеке для Чтения». Талант его он оценивал спокойнее, ср.: «...из всего числа поэтов, которых произвел Пушкин, г. Тимофеев едва ли не тот, чьи произведения соединяют в себе наиболее начал пушкинской поэзии»⁴. Тимофеев — не единственный, кто удостоился такого сравнения в журнале Сенковского: в их числе были и Нестор Кукольник, и Владимир Бенедиктов.

К. А. Полевой в своих воспоминаниях записал слова брата:

Назовите самого плохого стихотворца великим поэтом, сравните его с Пушкиным, с Байроном, — как вы думаете: поморщится он? Нимало!.. Разве из наружной скромности, но с улыбкою счастья, он возразит: «Нет, уж вы слишком... снисходительны, добры, слишком ободряете мое слабое дарование...» А в душе будет совершенно согласен с вами и не подумает сомневаться в вашей искренности. Но заметьте тому же плохому стихотворцу, что он не везде соблюдает правила версификации, не везде показывает истинное вдохновение; заметьте хвастливому компилятору, что он не совсем владеет языком (попросту: не знает грамоты русской), что он не везде верно представляет события, что книга его мало похожа на образцовые произведения, — он придет в неистовство и, не смея выцарапать вам глаз, сделается навсегда вашим врагом, будет обвинять вас публично в пристрастии, в ненависти к дарованиям, в невежестве, в дерзости, пожалуй, даже в неблагонамеренности⁵.

Лестное сопоставление Н. Полевой расценил в качестве одного из психологических принципов взаимоотношений автора и редактора литературного журнала. Выраженная же таким образом похвальба в статьях Сенковского была воспринята как нечто отличное от описанного Полевым обыкновения. Характерно «эпиграммическое *rondeau*» П. А. Катенина, написанное в 1836 г. и отправленное для публикации в пушкинский «Современник» (но не принятое редактором). В стихотворении

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I–XIII. М., 1953–1959. Т. III. С. 534.

⁴ Библиотека для Чтения. 1837. Т. XXI. Литературная летопись. С. 42.

⁵ Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 170–171.

обсуждалась хвалебная статья Сенковского о «драматической фантазии» Н. В. Кукольника «Торквато Тассо»⁶:

С чего Барон, нам издающий чтение,
Хвалил его? что тут? Своя семья?
Злой умысел? насмешка? заблужденье?
Вопрос мудрен, а просто разрешенье:
У всякого Барона есть своя
Фантазия⁷.

«Мудреный» вопрос о том, чем вызван восторг Сенковского, Катенин решил, процитировав известный эпитаф к сборнику Барона Брамбеуса «Фантастические путешествия» («У всякого Барона своя фантазия»).

Имеет смысл привести еще несколько характерных цитат из статей, написанных в 1858–1859 гг. Обостренный интерес к творчеству Сенковского в это время был обусловлен смертью их героя (4 марта 1858 г.), публикацией собрания его сочинений⁸ и «Листков»⁹ — двухтомного собрания фельетонов, которые Брамбеус в последние годы жизни писал для «Сына Отечества». Статьи эти, как нам кажется, не привлекали должного внимания исследователей.

С. С. Дудышкин писал, что Брамбеус в своих статьях не сумел угадать тенденции развития русской литературы: «Время Сенковского было время, богатое талантами. Это было за пять лет до смерти Пушкина. Это было тогда, когда “Горе от ума” делало шум, появившись в издании, которое долгое время оставалось единственным. Это было при появлении первых повестей Гоголя; потом это было время Лермонтова и Кольцова <...> Сенковский разошелся с Пушкиным, не признал Гоголя, старался прославить имена, чуждые русской мысли и чувству, не заметил исторического направления. Потом со всей литературой, возникшей после 1841 года, Сенковский решительно разошелся и, кажется, не хотел признавать ни одного литератора после гг. Кукольника, Бенедиктова и Тимофеева»¹⁰.

Дудышкин — один из немногих критиков, кто попытался оценить наследие Сенковского, используя историко-литературные категории. А. В. Дружинин (в 1856–1858 гг. — редактор «Библиотеки для Чтения») отказал своему предшественнику (поляку по происхождению) в способности чувствовать русскую поэзию: «Невозможно скрывать, да и не нужно скрывать того, что он никогда не имел особенной привязанности к русской словесности, как старой, так и современной. Холодность эта происходила не от высокомерия, не от насмешливого воззрения, не от какой-нибудь эгоистической причины: она была холодностью высокообразованного иностранца, не жившего внутри России, едва знакомого с силой и поэзией русской жизни <...> Не из расчета, не из прихоти, не из насмешки Сенковский-критик принимал

⁶ См.: Библиотека для Чтения. 1834. Т. I. Критика. С. 13–41.

⁷ Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 323.

⁸ См.: Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 1–9. СПб., 1858–1859.

⁹ См.: Листки Барона Брамбеуса. Ч. 1–2. СПб., 1858.

¹⁰ Отечественные записки. 1859. Т. CXXII. С. 452–453.

мишуру за золото, посредственных рифмотворцев за великих поэтов, нет! он платился за ложное свое положение, за успех первых шутливых рецензий, за тот успех, вследствие которого он против воли должен был войти в сферу ему чуждую, где было мало и его высокого образования, и его многосторонних сведений»¹¹.

Ксенофонт Полевой высказался еще определеннее: «Русская литература и русская ученость лишились в Сенковском того, *что мог бы совершить он, и чего не совершил*; но всякий, кто искренно любит и уважает дарования и желает успехов просвещению, может только жалеть о деятельности Сенковского...»¹².

Своей заметкой о Брамбеусе К. Полевой откликнулся на предложение собрать книгу воспоминаний о недавно умершем писателе, которая «будет служить к определению значения Сенковского в русской литературе»¹³. Идея не воплотилась по понятным причинам: почитатели таланта вряд ли могли предполагать, насколько резкий характер будут иметь отзывы знакомцев и коллег журналиста сразу после его кончины.

Рассмотрение этих выступлений не будет полным без упоминания еще одной почти забытой статьи, опубликованной в 1855 г. в «Справочном энциклопедическом словаре». Для верной ее оценки важно указать на несколько фактов.

За десять лет до конца, летом 1848 г., Сенковский тяжело переболел холерой и не мог отдаваться работе с должной интенсивностью. «Библиотека для Чтения» была передана А. В. Старчевскому — он оставался наиболее близким коллегой Брамбеуса в последние годы жизни последнего. Под его же редакцией выходил и «Справочный энциклопедический словарь».

Дружинин, познакомившийся с Сенковским в 1849 г., характеризовал его физическое состояние и настроение: «Не пренебрежение к делу, а недуг, изнуряющий и неисцелимый, вот разгадка его пассивной жизни в последние годы <...> Самая арена прежних успехов опротивела О.<сипу> И.<вановичу>, и это чувство не было чувством предосудительным: ветеран, изнуренный и измученный, не мог без тяжелого чувства смотреть на поле битв, прославивших его молодость. Сверх того, болезнь Сенковского по сущности своей всегда располагала его к ипохондрии и преувеличенно печальным помыслам»¹⁴.

Анонимная энциклопедическая статья появилась как раз в этот сложный период жизни постаревшего, измученного болезнью, оказавшегося не у дел Сенковского. Автором ее, надо думать, был упомянутый выше Старчевский, но создание статьи при жизни героя вряд ли возможно без его непосредственного участия.

О некоторых фактах биографии Сенковского автор мог узнать только от самого Осипа Ивановича. См., например: «В первой юности было у него задачею честолюбия — прочитать всё, что написано и напечатано на известных ему языках», — так в статье объясняются его энциклопедические познания в самых различных отраслях. Уместно

¹¹ Собрание сочинений А. В. Дружинина. Т. 1–7. СПб., 1865–1867. Т. 7. С. 770, 773. Впервые опубликовано: Библиотека для Чтения. 1858. Т. CXLVIII. Смес. С. 79–100.

¹² Северная пчела. 1858. № 91. 28 апреля.

¹³ Северная пчела. 1858. № 82. 15 апреля.

¹⁴ Собрание сочинений А. В. Дружинина. Т. 7. С. 783.

продолжить цитату — окончание фразы позволяет сложить представление о «преувеличенно печальных помыслах», преследовавших «ветерана» в конце 1840-х гг.: «Можно представить себе последствия для здоровья такой затеи при настойчивости и терпеливости характера его в предприятиях. По девятнадцатому году его лечили от чахотки, которая, к счастью, оказалась простым истощением сил, требовавшим только движения, путешествия, чтобы уступить место природной крепости сложения». Актуальные для Брамбеуса вопросы физического здоровья обсуждены в статье неоднократно.

А вот почему Сенковский (в конце 1820-х гг. ставший известным арабистом) обратился к литературным занятиям: «...при большой деятельности по службе на пользу своих слушателей и на пользу училищного круга он погрузился еще из дружбы в разорительную для здоровья и ума неблагоприятную работу — составление и печатание словаря новейшего арабского языка — но, к счастью, прекращение средств к дальнейшему изданию освободило его от тяжкого предприятия, которое поглотило бы лучшие годá его жизни. Тогда на радостях стал он испытывать перо свое на поприще русской словесности...». Случай помог Сенковскому открыть в себе таланты писателя, а потом и журналиста.

Основное внимание уделено главному детищу Сенковского — «Библиотеке для Чтения». Характеристика «Литературной летописи» (именно в этом разделе журнала главным образом публиковались скандальные рецензии о Тимофееве, Кукольнике и Бенедиктове) неоднозначна: «Литературная летопись служила для О.<сипа> И.<вановича> отдыхом, в минуты которого он делал чудеса, удивлявшие литераторов и публику. Как часто в эти минуты, когда он потешался над незрелыми произведениями неопытных сочинителей, высказывал он самые глубокие истины. Кроме важных трудов он не упускал из виду никакого известия, если это известие наводило его на какую-нибудь оригинальную мысль; и такого рода статьями наполнялись отдели смеси целых двадцать лет»¹⁵.

О каких «чудесах» идет речь? Почему в своих «потехах над незрелыми произведениями» критик склонен видеть какие-то глубокие истины?

Сравнение Пушкина и Тимофеева совсем не означает, что Сенковскому изменил вкус. Спорное сопоставление, цитированное в начале заметки, он допустил в рецензии на немецкий перевод фантазии Тимофеева «Елизавета Кульман», опубликованном в 1837 году. В том же году было издано и трехтомное собрание его «Опытов», которому в «Литературной летописи» была посвящена небольшая рецензия, опубликованная в том же томе «Библиотеки...».

Сенковский выписал характерную цитату из «милого, немножко шаловливого» посвящения *трем звездочкам*:

Хоть я поэт, но честных правил,
И если опыты писал,
То после много в них исправил
И еще больше замарал.

¹⁵ Справочный энциклопедический словарь. Т. I–XII. СПб., 1847–1855. Т. IX. Ч. 2. С. 372, 373, 376.

В этом отрывке — явная реминисценция из первой строфы «Евгения Онегина». А в заключении Сенковский обсудил намерение автора написать роман, еще раз намекнув на пушкинское произведение: «Оставьте это, Алексей Васильевич, до времени: не пишите романов прежде тридцати лет, потому что для хорошего романа надо пожить в свете, узнать людей на опыте, женщин после любви, рассмотреть вещи с обеих сторон»¹⁶.

Познакомившись с отзывом о трехтомнике Тимофеева, читатель уловит иронию первой фразы статьи о «Елизавете Кульман»: «Вот <...> русский поэт, для замещения, если возможно, Пушкина»¹⁷. Ведь быть «заместителем» Пушкина — совсем не то, что быть, к примеру, его «наследником».

¹⁶ Библиотека для Чтения. 1837. Т. XXI. Литературная летопись. С. 11–12.

¹⁷ Там же. С. 42.

ВОЗДВИГ ТЫ ПАМЯТНИК: ПАРАДОКСЫ АВТОРСТВА И СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА «БАЮШКИ-БАЮ»¹

Анализ одного стихотворения уже давно перешел скорее в разряд учебных жанров, в которых упражняются студенты младших курсов². Несмотря на это, в случае Некрасова использование этого подхода представляется во многом оправданным. Не случайно именно стихотворение Некрасова стало материалом для исследования Е. В. Душечкиной. По ее мнению, многие хрестоматийные произведения кажутся столь простыми и понятными, что никто не пытается их внимательно читать, несмотря на их внутреннюю сложность³. Поэтика и проблематика некрасовской лирики остается настолько плохо описанной, что говорить о ней приходится практически заново. В этой статье мы попытаемся обсудить таким образом позднее стихотворение «Баюшки-баю». Наш подход основан на неоднократно высказывавшемся тезисе, что доминантой лирики Некрасова оказывается субъектная структура — то, кто говорит. Как писал еще Б. М. Эйхенбаум, «<л>ирическое я сужается по сравнению с традиционным и становится специфически некрасовским, авторским»⁴. Мы исходим из того, что некрасовский лирический герой постоянно одержим внутренними противоречиями современного субъекта, в том числе фундаментальной проблемой смертности. Речь пойдет о произведении, где эти проблемы стоят особенно остро, в том числе в силу биографических обстоятельств — тяжелой болезни, которая приведет к смерти. Мы попытаемся показать, что у Некрасова проблема конечности индивидуального человеческого бытия неразрывно связана с вопросом о социальных функциях поэта и поэзии, остро звучавшим в 1860–1870-е гг.

¹ Эта работа выросла из обсуждений стихотворения Некрасова в рамках научного семинара «19v Litika», проходившего в рамках проекта 19v при The Jordan Center for the Advanced Study of Russia (NYU), и международного научного конгресса «Некрасов в XXI веке» (Ярославль; Карабиха, 1–2 июля, 2021 г.). Автор благодарит участвовавших в этих мероприятиях коллег за вопросы и замечания.

² Ср., например, определение: «архаический жанр почти имманентного анализа текста, неожиданно вторгающегося в классную комнату истории литературы» (*Лейбов Р.* «Перешагни, перескочи...» // Кириллица, или Небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова. URL: <https://www.ruthenia.ru/document/539842.html> (дата обращения 01.09.2021)).

³ См.: *Душечкина Е. В.* Стихотворение Н. А. Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом...» // Русская классическая литература: Анализ художественного текста. Таллинн, 1988. С. 58–74.

⁴ *Эйхенбаум Б. М.* Некрасов // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 57. Проблема лирического героя стала центральной в известной книге: *Корман Б. О.* Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж, 1964. Несмотря на множество ценных наблюдений, в целом исследование Кормана кажется сильно устаревшим.

Чтобы охарактеризовать субъектную структуру стихотворения, обратимся к явным аллюзиям, содержащимся в нем. Как уже отмечалось исследователями, стихотворение Некрасова отсылает к гораццианской традиции — по сути, перед нами своеобразная вариация на тему «*Exegi monumentum*»⁵. На это указывает прежде всего финал стихотворения:

Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой.
Баю-баю-баю-баю⁶.

Здесь мы видим типичную реализацию темы поэтического бессмертия: после смерти поэта его произведения сохраняются и оказываются столь же долговечны, как ключевые элементы географического пространства. Здесь же использовано также восходящее к Горацию перечисление рек, задающее это географическое пространство. К этому мотиву мы еще вернемся, теперь же обратимся к тому, каким образом Некрасов обращается с гораццианской традицией.

Русская поэзия, как известно, знает внушительное количество переложений и переводов знаменитой оды Горация. Для Некрасова, помимо известных уже в то время стихотворений Пушкина и Державина⁷, мог быть важен точный перевод оды, написанный Фетом⁸. Фет снабдил свой перевод следующим примечанием: «Гораций, посвящая, в 732 году, три первые книги од Меценату, заключает их, в виде эпилога, этой одой, в которой он <...> говорит о важности своей заслуги и своем бессмертии. Эта ода имела бесчисленных подражателей, начиная с Проперция и кончая Пушкиным»⁹. «Памятник» — это, конечно, не просто одно из множества стихотворений, посвященных теме поэта и поэзии. Произведение Горация задает принципиальную для европейской поэтической культуры тему связи между славой, бессмертием и (о чем Фет прямо не упоминает) величием государства: «...тема о величии поэзии только в великом государстве и может быть поставлена; великое же государство предполагает себя вечным и прошлые катастрофы считает не связывающими его»¹⁰.

В некрасовском творчестве гораццианская традиция причудливо трансформируется в соответствии с принципами, некогда описанными Тыняновым: «...Некрасов умело владеет классической традицией русского стиха <...> этот стиль у него ценен

⁵ См.: Головин В. В. Н. А. Некрасов: три опыта в одном жанре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2006. № 1 (4). С. 84.

⁶ Здесь и далее стихотворение цитируется по изданию: Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1982. Т. 3. С. 203–204.

⁷ «Памятник» Державина был буквально хрестоматийным текстом (см.: Частотность авторов и их текстов в русских хрестоматиях XIX века (1805–1912) / сост. А. В. Вдовин // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 312).

⁸ См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967. С. 259–260.

⁹ Фет А. А. Сочинения и письма: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 110.

¹⁰ Пумпянский Л. В. Об оде А. Пушкина «Памятник» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 201.

и особо значителен только на фоне остальных элементов его поэзии; сами же по себе эти формулы не носят на себе печати остроты и скорее воспринимаются как штамп»¹¹. Полемическое переосмысление традиции заявлено уже в самом начале стихотворения. В русской традиции, начиная с Ломоносова (и исключая более точного Фета), «Памятник» — это обращение поэта к музе. Возможность вести диалог с богиней явным образом указывает на связь поэзии и бессмертия. Некрасов прямо отказывается следовать этой модели: у него муза принципиально не готова говорить с поэтом и утешать его в страданиях:

Нет больше песен; мрак в очах.
Сказать: умрем, конец надежде
Я прибрела на костылях.

Здесь, конечно, нетрудно провести параллели с другими появлениями музы у Некрасова, однако, кажется, более важно другое. Если у Ломоносова, Державина и Пушкина муза — это фигура, исключенная из житейского, повседневного мира, то у Некрасова муза, напротив, тесно связана с «посюсторонней» реальностью. Некрасов «заземляет» образ музы, который оказывается настолько же материальным, как и собственно герой стихотворения¹². Из этого следует основная характеристика музы — ее смертность. Семантика этой инверсии вполне понятна: если у более ранних авторов диалог с музой свидетельствовал о поэтическом бессмертии, то у Некрасова и муза, и поэт оказываются одинаково подвластны смерти и уничтожению.

В стихотворении Некрасова диалог с музой заменяется диалогом с мертвой матерью. При этом значительная часть стихотворения переводится из первого лица (описание творчества поэтического «я») во второе (обращение к этому «я»). Эта «грамматика поэзии» (Р. О. Якобсон), как кажется, принципиально значима. К музе поэт обращался сам, от своего собственного лица описывая собственные достижения. Некрасовскому лирическому герою такая возможность закрыта: о его поэтических достижениях ему рассказывает мать. В ходе семинара «19v Lirika» А. А. Долинин отметил, что образ матери, призывающей к смерти, восходит к стихотворению М. Гартмана «Белое покрывало» в переводе М. И. Михайлова, которое Некрасов читал на вечере памяти Добролюбова. В отличие от стихотворения Гартмана, однако, в «Баюшки-баю» слова матери обращены к поэту, а не к политическому деятелю, что, как кажется, кардинально меняет дело. Соответственно оценка заслуг поэта оказывается даже на грамматическом уровне не связана с его личностью и голосом. Напротив, своеобразную «вечность» (или, по крайней мере, долгую память) поэту гарантирует чужой голос: поэтическое бессмертие становится делом коллективным.

В связи с проблемой смерти можно провести явные параллели между матерью лирического героя и «народом», который и оказывается источником бессмертия.

¹¹ Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 18–19.

¹² См.: Гиппиус В. В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 239–242.

Тема народа вводится, в частности, через специфическое географическое пространство. В одной из статей Е. В. Душечкиной рассматривается «империальная формула» в русской поэзии, состоящая именно в перечислении рек, задающих масштаб имперского пространства¹³. Встречается она и в русских «Памятниках», например, у Державина (Волга, Дон, Нева, Урал). У Некрасова эта формула, как видим, подвергается значимой трансформации: перечислены Волга и ее крупнейший притоки: «Услышишь песенку свою / Над Волгой, над Окой, над Камой». Как кажется, здесь перед нами пространство не «российское», а «русское», то есть связанное не с государством, а с народом¹⁴. Конечно, по берегам Волги и ее притоков жили и живут далеко не только русские, однако в географическом воображении образованных обитателей Российской империи к 1870-м гг. Волга была именно русской рекой¹⁵. Таков же статус Волги и в русской литературе — вспомним «Грозу» Островского, «Обрыв» Гончарова или «На Волге» самого Некрасова. Соответственно в стихотворении очерчиваются не границы грандиозного имперского пространства, а воображаемый центр, сердцевина пространства русского. Слава поэта, оказывается, теперь определяется не имперским величием, а народной памятью.

Таким образом, поэзия сохраняется во времени не за счет божественного вдохновения или государственного величия, а благодаря человеческой речи. В этой связи значимой представляется ориентация Некрасова на акустическое, а не визуальное существование поэзии: мать обещает поэту, что он услышит свою «песенку», а не увидит, например, памятник. Разумеется, это можно связать вообще с характерной для русской поэтической традиции установкой на запоминание и устное воспроизведение текста¹⁶. В то же время в стихотворении говорится не просто об устной речи, а о речи людей, обычно лишенных возможности обращаться к литературной поэзии. Это прежде всего «униженные и оскорбленные»: «народ» и соотносимая с ним мать поэта (как известно, мать лирического героя у Некрасова обычно показана как объект угнетения). Такой подход, как кажется, соотносится с типичным для многих близких Некрасову авторов отношением к функциям поэтического слова. Такие критики, как, например, Н. А. Добролюбов, включали в число ключевых функций литературы необходимость дать слово «народу», предоставить возможность высказаться людям, лишенным доступа к литературе. Как писал Добролюбов, заключая свою статью «Черты для характеристики русского простонародья», «говор народной жизни доходит до нас, и мы не должны пренебрегать никаким случаем прислушаться

¹³ Душечкина Е. В. «Имперская формула» в русской поэзии // *Studia Slavica*. 2015. Vol. 60. № 1. P. 167–182.

¹⁴ О сложном соотношении «имперского» и «русского» в литературе второй половины XIX в. см.: *Maierova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870*. Madison: University of Wisconsin Press, 2010.

¹⁵ См. также: *Лескинен М. В. Великоросс / Великорус. Из истории конструирования этничности*. Век XIX. М., 2016. С. 575.

¹⁶ См.: *Гронас М. Наизусть: о мнемоническом бытовании стиха (авториз. пер. с англ. А. Вдовина)* // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 2 (114). С. 223–248.

к этому говору»¹⁷. В стихотворении Некрасова эта позиция, с одной стороны, инвертируется, а с другой стороны, выражается прямо: не поэт передает слова народа, а народ в своей «песенке» повторяет его слова; в то же время достигается та же общая цель — в пространстве мечты речь образованного писателя и речь «народа» сливаются воедино.

Возможно, как кажется, говорить о разрушении в стихотворении традиционной схемы, согласно которой поэт — «сам свой высший суд»: право судить передоверяется другим субъектам. Связь между «поэтом» и «народом» у Некрасова в исследовательской литературе обычно трактуется в триумфальных тонах. Некрасов как бы преодолевает свой индивидуализм и добивается успеха, отдавая себя на суд народа или толпы. Так, Эйхенбаум писал: «Некрасов, как и Беранже, понимал, что в этот момент голос толпы, а не “избранных”, был голосом истории»¹⁸. Менее афористично выражается Гиппиус, причем слова его можно отчасти отнести и к интересующему нас стихотворению: «Некрасов в своей поэтической системе не знает — и не может знать — другого соответствия теме пушкинского “Памятника”, кроме темы народной памяти над реальной могилой человека-поэта; при этом будущая могила может быть и могилой одного из единомышленников, с которым поэт идейно связан: <...> Поэт не только “любезен” народу, он воспринят народом во всей сложности и противоречивости своей жизни и творчества, он будет судим народом и “прощен” им; поэзия его будет принята народом и усвоена им...»¹⁹.

Однако в самом стихотворении изменение отношения автора к поэзии описано вовсе не как блестящее достижение, а как результат неизбежной смерти: продолжение поэзии зависит не от ее создателя, а от других. В этой связи особо значимым кажется возникающее в начале стихотворения сравнение: «Влечет, как жертву на закланье, / Недуга черная рука». Исследователи неоднократно писали о том, какую огромную роль в поэзии Некрасова играет тема самопожертвования²⁰. Обычно эти мотивы связаны с принципиально значимым Другим, которому лирический герой себя противопоставляет. Гибнет, например, «пророк» из одноименного стихотворения, прямо уподобляемый Христу, тогда как для героя «Рыцаря на час» самопожертвование недостижимо. Однако если гибель во имя общественного или политического идеала герою Некрасова недоступна, то гибель во имя поэзии оказывается вполне возможна. Поэт должен умереть, словно принесенный в жертву, чтобы его поэзия продолжала существовать.

Никакого индивидуального поэтического бессмертия в стихотворении «Баюшки-баю» нет и быть не может: муза так же смертна, как и поэт. Долговечность поэзии требует как раз отказа от тесной привязки поэтического текста к личности его автора. В этой связи особо значима роль слова, которым мать лирического героя

¹⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 288.

¹⁸ Эйхенбаум Б. М. Некрасов. С. 40.

¹⁹ Гиппиус В. В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века. С. 245.

²⁰ См., напр.: Макеев М. Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998. С. 101–103.

обозначает его наследие. «Песенка» — это отсылка одновременно к оде («песни»), то есть к тому жанру, в котором написан «Памятник», к русской народной песне, с которой в лучшем случае суждено слиться голосу поэта, а также к колыбельной, которую поет мать лирическому герою. Если поэзия умирает вместе с поэтом, то «песенка» остается даже после смерти — эта ситуация буквально показана в стихотворении, где колыбельная матери звучит с того света. Поэтическое бессмертие, по Некрасову, возможно только ценой жизни автора и связано не с позицией одного субъекта, а с коллективным голосом, объединяющим и поэта, и его мать, и весь народ. В современной поэзии об этой неразрывной связи смерти и воскресения в поэтическом творчестве принято выражаться несколько иначе: «Автор умер / Автор пророс»²¹, — и тем не менее проблема, как кажется, остается.

Конечно, нашу интерпретацию можно упрекнуть в чрезмерной модернизации, едва ли не стремлении прочесть Некрасова сквозь призму Ролана Барта, писавшего о литературе (правда, нарративной): «...голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо»²². Однако в действительности отношения автора и поэзии проблематизировались и во времена Некрасова, а не только в критике и литературе второй половины XX в. В частности, на эту тему писал известный и влиятельный в кругу Некрасова П.-Ж. Прудон в философско-юридической работе «Литературные майораты», переведенной на русский язык в середине 1860-х гг.: «...литературная собственность не может быть выведена и из принципа мены, потому во-первых, что сочинение, служащее предметом мены, есть все-таки ничто иное, как продукт, вещь потребляемая, совершенно противоположная тому, что принято понимать под собственностью; во-вторых, что по совершении обмена вещь принадлежит уже не производителю, а тому, кто ее приобрел...»²³. Как и Прудон, Некрасов в своем стихотворении предлагает сделать поэзию «собственностью» не автора, а приобретателя, в руки которого она и переходит. Вопросы о том, насколько индивидуально или коллективно поэтическое произведение, ставились и историко-литературной наукой того времени. Так, в знаменитой статье А. Н. Веселовского «О методе и задачах истории литературы как науки» (1870) показано, что индивидуальное и коллективное творчество соотносится сложным образом: «Рядом с личной эпопеей Гомера стало несколько безличных эпопеей; теория личного творчества была подорвана <...> Рядом с искусственной лирикой раскрылось богатство народной песни, с которою плохо ладила теория красоты, как исключительной задачи искусства. <...> Немецкая эстетика игнорирует мистирию, а народной песне отвела лишь мелкое служебное место

²¹ Степанова М. Старый мир. Починка жизни. М., 2020. С. 25.

²² Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384.

²³ Прудон П. Ж. Литературные майораты. СПб., 1865. С. 31. Ср. характеристику работы Прудона как «известной» в «Записке об авторских правах драматических писателей» А. Н. Островского (*Островский А. Н. Полное собрание сочинений*: В 12 т. М., 1978. Т. 10. С. 71). О французских дискуссиях, в которые встраивается работа Прудона, см.: *Rideau F. Nineteenth Century Controversies Relating to the Protection of Artistic Property in France // Privilege and Property: Essays on the History of Copyright*. Cambridge, 2010. P. 241–254. См. также: *Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Исследования. Статьи*. СПб., 2009. С. 503–504.

в отделе лирики. Но это игнорирование ни к чему не ведет; эстетике все же придется перестроиться»²⁴.

Однако намного важнее здесь, как кажется, не обсуждение роли автора в русской печати, а общественная проблематика, характерная для дискуссий о народничестве и социализме конца 1860-х и 1870-х гг. Проблема автора и его читателей тесно связана с вопросами о соотношении интеллигенции и народа, о которых писали П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, П. Н. Ткачев, Н. В. Шелгунов и многие другие литераторы, несомненно актуальные для Некрасова. Все они обсуждали, как соотносятся элиты и «народ», как образованная личность может воздействовать на массы и выражать их интересы, возможно ли коллективное политическое действие и как оно возможно²⁵.

Таким образом, в стихотворении «Баюшки-баю» автобиографическое содержание (размышления тяжело больного поэта о своем творчестве) и актуальная политическая повестка оказываются тесно связаны. Поэзия у Некрасова может быть медиатором между личностью образованного человека и народной массой, давая им язык для взаимопонимания и — хотя бы в предсмертной мечте — коллективного действия, способного сделать родину «свободной, гордой и счастливой».

²⁴ Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 48.

²⁵ Речь об этом идет едва ли не во всех исследованиях, посвященных народничеству (см., напр.: *Валицкий А.* История русской мысли от Просвещения до марксизма. М., 2013. С. 257–261).

Евгения Строганова

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ М. Е. САЛТЫКОВА

В юридической практике XIX века понятие *духовное завещание* было связано с имущественными распоряжениями человека на случай смерти. При обращении к биографии писателей такого рода тексты имеют маргинальное значение. Написанные официальным юридическим языком, они с формальной точки зрения не принадлежат писателю. Однако содержательная сторона текста определяется самим завещателем и поэтому представляет важную информацию не только о материально-бытовой стороне его жизни, но и о нем самом, его приоритетах, отношении к близким людям¹. Завещание — последняя воля того, кто готовится навсегда покинуть этот мир, — дает завершающие штрихи к портрету писателя.

В XX веке понятие *духовное завещание* трансформировалось: утратив материальный смысл, оно переместилось в этико-идеологическую плоскость. Это определило парадоксальную ситуацию с духовным завещанием М. Е. Салтыкова. Современникам было известно в основных чертах его содержание, которое пересказывалось в прессе: «Покойный оставил нотариальное завещание, коим распределяет имущество между женою и детьми, и особое письмо сыну, в котором завещает ему любить мать, быть безусловно честным и приписывает следующее: “паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому”»². Этот текст «Русских ведомостей» перепечатывался в других газетах, иногда с дополнительными подробностями. Не противореча действительному положению вещей, «Екатеринбургская неделя» сообщала: «Свои авторские права М. Е. Салтыков завещал сыну с некоторыми ограничениями до его совершеннолетия. <...> Душеприказчиками назначены Боткин, Лихачев и Унковский»³. В газете «День» передавалось содержание письма к сыну, комически искажавшее его смысл: «...завещает ему быть честным

¹ Писательские завещания становились объектом внимания современников в случае конфликтных ситуаций или возникавших сомнений: обсуждалось завещание Н. А. Некрасова, не оставившего денежного капитала (*Жданов В.* Некрасов. М., 1971. С. 473–474); реакцию в прессе вызвала затянувшаяся история с утверждением завещания И. С. Тургенева (*Арзуманова М. А.* Завещание И. С. Тургенева // И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Орел, 1960. С. 264–286; *Ипатова С. А.* Посмертные отклики о Тургеневе в газете А. С. Суворина «Новое время» (Сентябрь 1883) // И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. Вып. 3. М.; СПб., 2012. С. 586–588) и т. д.

² Русские ведомости. 1889. 30 апреля. № 117. С. 1.

³ Екатеринбургская неделя. 1889. 14 мая. № 19. С. 403.

человеком и любить людей, особенно литераторов»⁴. Таким образом, факт существования нотариального документа и завещательные распоряжения Салтыкова не составляли тайны для современников. Но в июне 1889 г. в «Вестнике Европы» был опубликован фрагмент последнего литературного замысла писателя, известного как «Забытые слова», и в сознании потомков именно он приобрел статус его духовного завещания. Так назвал «Забытые слова» С. А. Макашин в своей биографической книге о Салтыкове, правда, вместе с тем он определял этот текст и как *идейное завещание*⁵. Но духовное завещание Салтыкова в том смысле, в котором это понятие существовало для самого писателя, еще не становилось объектом внимания.

В одном из автобиографических набросков Салтыков писал: «Я никогда не мог похвалиться ни хорошим здоровьем, ни физической силою, но с 1875 года не проходило почти ни одного дня, в который я мог бы сказать, что чувствую себя изрядно»⁶. В декабре 1874 г. умерла мать писателя. На похороны он опоздал, но поездка серьезно отразилась на его здоровье — с этого времени начались постоянные болезни и недомогания. Один из лечащих врачей и друг Салтыкова доктор Н. А. Белоголовый вспоминал: «... в конце февраля 1875 г. он слег и послал за мной; у него развился острый сочленовный ревматизм⁷, который провел резкую грань в жизни Салтыкова и превратил его из здорового человека в того мученика-больного, каким он оставался целых 14 лет, вплоть до своей смерти»⁸. Болезненное состояние Салтыкова усугублялось страхом оставить без средств семью — жену и двух малолетних детей⁹, его постоянно мучила мысль, что он не сумеет обеспечить их будущее. По словам Белоголового, «ему, при его живости и непрерывной недужности, приходилось серьезно задуматься о будущности своей и своих детей, тем более что в своем тяжелом пессимистическом настроении духа он привык преувеличивать недостаточность своих денежных средств...»¹⁰. Важно, однако, что для самого Салтыкова материальное положение семьи представлялось недостаточным, и на протяжении многих лет его не оставляла мысль о необходимости обеспечить благополучие родных¹¹.

⁴ День. 1889. 3 мая. № 329. С. 4.

⁵ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М., 1989. С. 12, 452. См. также: Павлова И. Б. Проблема русской национальной судьбы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический, духовный аспекты. Автореф. дисс... докт. филол. н. URL: <https://cheloveknauka.com/problema-russkoy-natsionalnoy-sudby-v-tvorchestve-m-e-saltykova-schedrina-hudozhestvennyu-obschestvenno-istoricheskii-duh> (дата обращения 11.08.2022).

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1975. Т. 17. С. 473. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте.

⁷ Суставной ревматизм.

⁸ Белоголовый Н. А. Из переписки с М. Е. Салтыковым // Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 260.

⁹ Салтыков поздно стал отцом: сын Константин родился 1 февраля 1872 г., дочь Елизавета — 9 января 1873 г.

¹⁰ Белоголовый Н. А. Указ. соч. С. 273.

¹¹ Тема смерти была одной из сквозных в творчестве писателя начиная с ранней повести «Запутанное дело» (1848). Во многих его произведениях понятие «смерть» имеет метафорическое значение и означает не только физическое, но и социальное умирание — смену общественных тенденций и их носителей. В романе «Господа Головлевы» (1875–1880) эта смена подчеркнута постепенным уничтожением головлевского

В эпистолярной Салтыкова тема собственной смерти впервые возникает в 1876 году. Зимой 1875 г. болезнь настолько обострилась, что близкие знакомые всерьез опасались за его жизнь. 27 апреля 1875 г. Некрасов писал П. В. Анненкову: «Нечего Вам говорить, как уничтожает меня мысль о возможности его смерти теперь, именно: у-ни-чтожает. С доброй лошадей и надорванная прибавляет бегу. Так было со мной в последние годы. Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь оно жестоко; Салтыков нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним, как могли»¹². Более года, с апреля 1875 по июнь 1876 г., Салтыков находился на лечении в Германии и Франции. 19/31 января 1876 г. он писал Е. И. Якушкину из Ниццы: «...целый год борюсь со смертью» (18–2, с. 250). В последующие годы, по мере осложнения болезни и ухудшения общего состояния, смертельные настроения Салтыкова усиливались, в письмах 1880 г. появляются реплики такого рода: «Хорошо бы — смерть» (А. Н. Энгельгардту: 19–1, с. 142; также: «Хоть бы смерть скорее...» — Белоголовому: 19–2, с. 103; П. В. Анненкову: 19–2, с. 142 и т. д.), другими словами, в письмах возникает мотив смерти как «избавительницы» — это понятие писатель использовал в сказке «Бедный волк» (1883), найдя таким образом слово для передачи мучительных состояний, которые испытывал в последние годы жизни. Мысли о смерти выразились и в том, что 20 июня 1880 г. он оформил у петербургского нотариуса К. Ф. Рериха свое первое завещание¹³, которое было аннулировано следующим, составленным в 1885 г. Содержание первого завещания неизвестно, как и имена тех, кого Салтыков назначал опекунами детей и кто засвидетельствовал его подписание. Но, вероятно, именно об этом завещании писала в своих мемуарах Е. И. Жуковская: «Первоначально он предполагал завещать все жене, а после ее смерти детям. Он ходил по кабинету Унковского, своего друга, обсуждая с ним все пункты завещания, и вдруг остановился, ударив себя по лбу: “А вдруг она за какого-нибудь солдатишку еще замуж пойдет!”...»¹⁴ Мемуаристка иронически и весьма произвольно излагает ситуацию, хотя сама она при подобном обсуждении, если оно имело место, не присутствовала, а Унковский, бережно относившийся к Салтыкову, вряд ли пересказывал свои беседы с ним.

Тема смерти не раз сопрягается в письмах Салтыкова с вопросом о похоронах. В письме к А. Н. Энгельгардту от 8 августа 1882 г. он вспоминает о том времени, когда зимой 1876 г. находился на лечении в Ницце: «...с меня, ввиду ожидаемой

семейства: роман строится буквально как «история умертвий». Особое значение для развития темы имеет рассказ «Похоронь» (1877) — о жизни и смерти скромного литератора Пимена Коршунова, где выразились раздумья Салтыкова о роли литературы в жизни общества и о значении деятельности честного литератора для его современников.

¹² Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 15. Кн. 2. Письма. СПб., 2000. С. 112. В этом же письме Некрасов поместил свое стихотворение, написанное в день отъезда Салтыкова на лечение: «О нашей родине унылой / В чужом краю не позабудь / И возвратись, собравшись с силой, / На оный путь — журнальный путь».

¹³ Рерих Константин Фёдорович (1837–1900), нотариус Санкт-Петербургского окружного суда; отец Н. К. Рериха.

¹⁴ Жуковская Е. И. Из воспоминания о М. Е. Салтыкове // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 222.

смерти, спрашивали 6 т. фр. за *дворянские* похороны. Будет, дескать, катафалк, приличный гроб и всякие другие *rompes funèbres*¹⁵. А в деревне ничего этого не требуется. Попу — 10 р., в церковь столько же, за домовину вроде того — и конец». Эту фразу он в свойственной ему манере венчает ироническим пуантом: «И то только потому, что благородный человек» (19–2, с. 127). Таким образом, возникает мотив скромных похорон, который актуализировался в связи с похоронами Тургенева и разного рода толками о нем в литературной среде. 16 сентября 1883 г. Салтыков пишет Белоголовому: «Я человек маленький и, конечно, не рассчитываю, по смерти, иметь похороны, сколько-нибудь подобные тургеневским. Но *средние* похороны, вероятно, будут. Однако и это мне претит. Непременно куплю себе где-нибудь к будущему лету угол, и когда почувствую потребность умирать, то удалюсь туда. Там умру и велю себя похоронить. Тихо, смиренно, благородно» (19–2, с. 230). Таким образом, мысли о том, чтобы после своей смерти обеспечить безбедную жизнь близким и быть похороненным без особой пышности, вынашивались Салтыковым на протяжении долгого времени.

После смерти писателя вдова передала некоторые его материалы М. М. Стасюлевичу, часть бумаг попала к сотруднику «Вестника Европы» К. К. Арсеньеву, работавшему над биографическим очерком, но они сгорели при пожаре его дачи¹⁶, поэтому о содержании целого ряда документов известно только в изложении и выписках Арсеньева. По его свидетельству, в октябре 1887 г. Салтыков составил письмо, адресованное В. И. Лихачеву «как к будущему попечителю» его детей, которое заканчивал словами: «Вообще, я умоляю обратить внимание на мою семью»¹⁷. Это письмо К. М. Салтыков упоминает в своих мемуарах об отце: «...просил его позаботиться о моей будущей службе, каковая просьба оказалась гласом вопиющего в пустыне»¹⁸. На основании имевшихся у него документов Арсеньев сообщает, что в последний год жизни Салтыков, видимо, на отдельные бумажки заносил предсмертные распоряжения, которые впоследствии переписал начисто, озаглавив «Предсмертные желания». Они касались «ограничения суммы расходов на его похороны», списка газет, в которых следовало опубликовать объявление о смерти, а также текста объявления, который сам он и написал. Оставил он также распоряжения о месте своего погребения, вскрытии тела и установке памятника на могиле: «Желаю быть погребенным на Волковом кладбище, если можно, около Тургенева; желаю, чтобы тело мое было непременно вскрыто; на памятнике поставить бюст Беренштама¹⁹, бронзовый». В заключение он просил продать его сочинения, «только чтобы немедленно же печатать; с капиталом за сочинения поступить как сказано

¹⁵ Буквально: торжественные похороны (*фр.*).

¹⁶ Макашин С. А. [Предисловие к публикации «Тексты Салтыкова в “Материалах” для его биографии К. К. Арсеньева»] // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 18–2. С. 314.

¹⁷ Цит. по: Арсеньев К. К. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова // Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений. СПб., 1891. Т. 1. С. СХІ.

¹⁸ Салтыков К. М. Интимный Щедрин // Щедринский сборник. Статьи. Публикации. Библиография. Тверь, 2001. С. 180–181.

¹⁹ Речь идет о бюсте, выполненном в 1881 г. скульптором Л. А. Бернштамом.

в завещании»²⁰. Исходя из последнего пункта, Арсеньев справедливо замечает, что «Предсмертные желания» могли быть написаны не ранее декабря 1888 и не позднее февраля 1889 г., когда писатель вел переговоры с издателями о продаже своих сочинений. В феврале переговоры были прерваны, так как в начале марта Салтыков обратился к Стасюлевичу. 12 марта он сообщал редактору «Русских ведомостей» В. М. Соболевскому: «Сам я не занимаюсь этим делом, а обратился к благосклонности М. М. Стасюлевича, который и взял его на себя» (20, с. 470). В апреле, за неделю до смерти писателя, в типографии Стасюлевича вышел первый том 9-томного собрания его сочинений «издания автора», то есть за счет автора, хотя, по словам Л. Ф. Пантелеева, «Михаилу Евграфовичу не понадобилось даже затрачивать своих денег, — все расходы покрывались из издания»²¹. Тема издания сочинений занимает особое место в завещании, поскольку литературная деятельность, для самого Салтыкова составлявшая жизненную потребность, давала капитал, который он мог оставить семье.

Завещание публикуется по копии с оригинала 1885 г., хранящейся в РГАЛИ²², в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, зачеркнутые фрагменты отмечены квадратными скобками.

Тексту завещания предшествует заголовок: «Выпись из второй части актовой книги актов, не относящихся до недопустимых имуществ СПетербургского нотариуса Владимира Иванова за 1885 год. Страница 7, №9».

Тысяча восемьсот восемьдесят пятого года, июня шестого, явился ко мне, Владимиру Ивановичу Иванову, С.-Петербургскому нотариусу, на квартиру мою Казанской части, по Невскому проспекту, № 28, известный мне лично и к совершению актов законную правоспособность [к] имеющий, действительный статский советник Михаил Евграфович Салтыков, жительствующий Литейной части, по Литейному проспекту, № 62²³, в сопровождении лично мне известных свидетелей: потомственного почетного гражданина Александра Александровича Закревского²⁴, тайного советника Николая Васильевича Кидошенкова²⁵ и коллежского секретаря Александра Ивановича Семенова, жительствующих: первый — Литейной части, по Литейному проспекту, № 45, второй — Адмиралтейской части, по Большой Морской улице, № 48, а третий — Литейной части, по Лиговке, № 29, с объявлением, что он, г. Салтыков, совершает на случай смерти своей нотариальное завещание в следующем:

1. Весь денежный капитал свой, заключающийся в процентных бумагах, хранящихся в Государственном банке, завещает он разделить по равной части между детьми его: сыном Константином и дочерью Елизаветою и женою его Елизаветою Аполлоновною

²⁰ Цит. по: *Арсеньев К. К.* Материалы. С. СХII.

²¹ *Пантелеев Л. Ф.* Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях. Т. 1. С. 327.

²² РГАЛИ. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–3.

²³ Сейчас это здание значится под № 60.

²⁴ Закревский Александр Александрович (1843–1900) (Петербургский некрополь: в 4 т. / Сост. В. Саитов. СПб., 1912. Т. 2. С. 181).

²⁵ Кидошенков Николай Васильевич (1826–1905), чиновник Министерства финансов; с 1868 г. — член Литературного фонда. Знакомый Салтыкова, его партнер по карточной игре.

Салтыковой, рожденной Болтиной²⁶. 2. Сыну своему Константину завещает он, Салтыков, портрет свой, писанный масляными красками художником Крамским²⁷, и полное право собственности на все его, завещателя, сочинения с тем однакож, чтобы до его совершеннолетия изданием тех сочинений распоряжались опекуны или попечители сына его и чтобы из вырученных от такового издания денег, также до совершеннолетия сына его Константина, половина чистой прибыли отдавалась дочери его, завещателя, Елизавете Михайловне Салтыковой. 3. Ему же, сыну своему Константину, завещает он, Салтыков, все свои недвижимые имущества в чем бы таковые ни заключались и где бы таковые ни оказались ему, завещателю, принадлежащими. 4. Все же движимое свое имущество, какое после него останется, а равно наличные деньги и всякого рода долговые денежные обязательства на частных лиц завещает он, Салтыков, жене своей Елизавете Аполлоновне Салтыковой. 5. Исполнителями последней воли завещателя, в настоящем завещании выраженной, он, Салтыков, просит быть и назначает тайного советника Сергея Петровича Боткина, действительного статского советника Владимира Ивановича Лихачева и присяжного поверенного Алексея Михайловича Унковского. 6. Их же, Сергея Петровича Боткина, Владимира Ивановича Лихачева и Алексея Михайловича Унковского, вместе с женою своею Елизаветою Аполлоновною, он, Салтыков, назначает опекунами и попечителями над вышеупомянутыми детьми его, завещателя, Константином и Елизаветою Михайловыми Салтыковыми. 7. Сергея Петровича Боткина он, Салтыков, просит в случае смерти жены его, завещателя, Елизаветы Аполлоновны Салтыковой, приютить в своей семье упомянутых выше детей его, Салтыкова, Константина и Елизавету Салтыковых, первого до совершеннолетия, а вторую — до совершеннолетия или до замужества ее, употребляя на воспитание и содержание деньги от процентов с завещанного им капитала. 8. На похороны свои он, Салтыков, завещает употребить из общего капитала не более одной тысячи рублей, как на совершение обряда погребения, так и на содержание памятника. Причем завещает просить обряд погребения его совершить самым скромным образом²⁸ и 9. Все совершенные им, Салтыковым, до его завещания, в том числе и завещание, совершенное им у С.-Петербургского нотариуса Рериха двадцатого июня тысяча восемьсот восьмидесятого года за № три тысячи сто шестьдесят первым он, завещатель, навсегда уничтожает. Проект сего акта читан завещателю в присутствии вышепоименованных свидетелей и по одобрении оно и удостоверении, что он по доброй воле желает этот акт совершить и понимает его смысл и значение, внесен в актовую книгу, из которой

²⁶ По словам С. А. Унковской, на которые, впрочем, нельзя полагаться в полной мере, Салтыков, «издавая свои сочинения, всегда мечтал составить капитал не менее как в 300 тысяч, чтобы обеспечить жену, сына и дочь, и это ему удалось. К концу жизни капитал его как раз равнялся этой цифре, который он разделил между тремя» (Щедринский сборник. Вып. 3. Тверь, 2009. С. 158).

²⁷ Речь идет о реплике, написанной И. Н. Крамским по просьбе Салтыкова в 1879 г. В похоронные дни портрет этот был выставлен в зале, где стоял гроб с телом Салтыкова (Русские ведомости. 1889. № 117. 30 апреля. С. 1); впоследствии находился у Е. А. Салтыковой (Жизнь и призвание доктора И. И. Манухина / Сост. и подгот. текста: А. В. Говядинов; предисл. Т. И. Ульянкиной. М., 2015. С. 60), а после ее смерти — у дочери — Е. М. да Пассано (см.: *Строгонова Е. Н.* Материалы о потомках М. Е. Салтыкова из архива С. А. Макашина // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 255–256). Ныне портрет, приобретенный в 1936 г. у Е. М. Эглит, хранится в Институте русской литературы АН (Пушкинский Дом) (благодарю за эту справку Ларису Георгиевну Агамаян).

²⁸ Обстановку похорон Салтыкова вряд ли можно назвать слишком скромной. Газета «Русские ведомости» писала: «Катафалк стоит вкось залы, а рядом золотой глазетовый гроб. Покойный покрыт серебряным покровом» (Русские ведомости. 1889. № 117. 30 апреля. С. 1). К тому же было множество венков. Как вспоминал К. Салтыков, «катафалк, на котором он лежал, утопал в венках. Их собралось более 140, причем около двадцати были серебряные» (*Салтыков К. М.* Интимный Щедрин. С. 182).

вновь прочитан тем же порядком. Выпись на шестидесятикопеечном гербовом листе следует выдать ему же, завещателю. К сему завещанию действительный статский советник Михаил Евграфович Салтыков руку приложил. При совершении сего завещания свидетелями были: потомственный почетный гражданин Александр Александрович Закревский, тайный советник Николай Васильевич Кидошенков и коллежский секретарь Александр Иванович Семенов. Нотариус Владимир Иванов. — Выпись эта, слово в слово сходная с подлинным актом, внесена в реестр 1885 года под № семьсот восьмидесятым и выдана завещателю, действительному статскому советнику Михаилу Евграфовичу Салтыкову шестого июня тысяча восемьсот восемьдесят пятого года. В сей выписи на первой странице исправлено «маю». Нотариус Владимир Иванов. Печать.

1889 года, Мая 19 дня. По указу его императорского величества, С.-Петербургский окружной суд, по седьмому отделению, выслушав дело об утверждении к исполнению духовного завещания действительного статского советника Михаила Евграфовича Салтыкова, определил: нотариальное духовное завещание умершего 28-го апреля 1889 года действительного статского советника Михаила Евграфовича Салтыкова, совершенное 6 июня 1885 года и представленное в выписи из 2 части актовой книги С.-Петербургского нотариуса Иванова за 1885 год, стр. 7, № 9-й, утвердить к исполнению, о чем сделать на означенной выписи надпись и публиковать в Сенатских объявлениях; при выдаче этой выписи взыскать: на публикацию 3 руб., канцелярской пошлины 3 руб. 60 коп., гербовой пошлины 20 коп. и наследственной пошлины 2429 руб. 30 коп. Означенные пошлины 2436 руб. 30 коп. внесены в отд. С.-Пб. губ.<ернского> казн.<ачейства> и записаны на приход в государственный доход в ст. «5059». Настоящее духовное завещание выдано душеприказчику по духовному завещанию умершего действительного статского советника Михаила Евграфовича Салтыкова, присяжному поверенному Алексею Михайловичу Унковскому 1889 года, мая 22 дня. Гербовый сбор оплачен. Товарищ Председателя А. Гизетти. И. д. секретаря Петров. Печать.

Верность этой копии оригиналу — оба документа были предъявлены вдовой писателя петербургскому нотариусу Т. Д. Андрееву — подтверждена им 29 апреля 1898 г. Копия понадобилась Е. А. Салтыковой для совершения сделки с издателем А. Ф. Марксом, которому она продала право на издание сочинений покойного мужа. В завещании вполне определенно была выражена воля Салтыкова, желавшего видеть в сыне если не своего преемника, то, по крайней мере, близкого к литературе человека, и именно ему поручавшего судьбу своего литературного наследия. Но 3 марта 1893 г. Салтыкова заключила договор с сыном о передаче завещанных ему прав собственности на издание, обязавшись выплатить ему в четыре срока до конца 1894 г. 20 тысяч рублей²⁹.

В издательстве Стасюлевича собрание сочинений Салтыкова выходило трижды: первое издание в девяти томах, начатое при жизни писателя (1889–1890), тиражом шесть с половиной тысяч экземпляров, разошлось до истечения года со дня его кончины³⁰; два следующих (1891–1893; 1894–1895) были выпущены в двенадцати томах, причем второе значилось как «издание наследников писателя». По словам издателя,

²⁹ РГАЛИ. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 1–1 об. (копия).

³⁰ *Кривенко С. Н.* Михаил Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность: Биогр. очерк. СПб., 1891. С. 56.

прежняя программа была изменена «вследствие распределения <...> того материала, который в издании автора был сжат в девяти томах, между двенадцатью томами, с той же целью, какую имел автор, а именно — наиболее равномерного распределения частей между отдельными томами»³¹. Второе и третье издания дополнены рассказом «Брусин», кроме того, в первый том из девятого был перенесен биографический очерк Арсеньева и фотографические материалы.

29 апреля 1898 г. вдова писателя заключила договор с Марксом, согласно которому она передавала в его собственность сочинения Салтыкова, с тем чтобы полное собрание сочинений было напечатано в приложении к журналу «Нива» в период с 1902 по 1905 г.³² Маркс выпустил 4-е и 5-е издания (1900–[1901]; 1905–1906), которые в общих чертах повторяли два предыдущих. Кроме того, в 1911 г. вышло еще одно издание, которое маркировалось как пятое, возможно, допечатка к более раннему.

Таким образом, желание Салтыкова, сделавшего сына наследником своих сочинений и стремившегося уже с молодых лет приобщить его к литературным занятиям, не исполнилось. Впоследствии К. Салтыков все же стал литератором: писал мемуарные очерки об отце, сотрудничал в газетах, а с конца 1920-х гг. работал редактором отдела западной литературы Госиздата и занимался переводами³³. В 1903 г.³⁴ вдова писателя купила в Петербурге небольшой пятиэтажный дом (по адресу: ул. Жуковского, 37), в котором сдавала квартиры внаем. Снимавший в 1907–1909 гг. комнату в ее собственной квартире доктор И. И. Манухин писал, что причиной несчастий сына Е. А. Салтыкова считала «большое наследство, которое он слишком рано (еще когда был в Александр[овском] лицее) получил. Оно досталось ему от отца после продажи полного собрания его сочинений издательству Маркса»³⁵. Но большие деньги К. Салтыков получил еще до продажи сочинений отца, и, разумеется, не отцовское литературное наследство было причиной его жизненных неудач.

³¹ Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова: [в 12 т.]. Изд. 3-е. СПб., 1894. Т. I. С. X.

³² РГАЛИ. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 174 (28 апреля 1898 — 14 декабря 1902).

³³ *Строганов М. В.* Салтыков Константин Михайлович // М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники. Энциклопедический словарь. СПб., 2021. С. 324–325.

³⁴ Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. [СПб., 1903]. С. 583.

³⁵ Жизнь и призвание доктора И. И. Манухина. С. 60.

Майя Кучерская

АНЕКДОТ — БЫЛЬ — ПОВЕСТЬ: К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛЕСКОВА

1.

В марте 1862 года в артельном журнале «Век»¹ был опубликован рассказ Н. С. Лескова «Погасшее дело»². Это первый полноценный опыт Лескова в беллетристике, до этого он писал публицистические заметки, репортажи, статьи, в том числе основательные «Очерки винокуренной промышленности» (1860). Похоже, Лесков и сам сознавал, что публикация «Погасшего дела» открывает новый этап его литературного пути; во всяком случае, он впервые подписал этот рассказ псевдонимом «М. Стебницкий», который с тех пор стал любимым, Лесков использовал его еще около 10 лет, вплоть до 1872 года.

В «Погасшем деле» рассказывается анекдот о том, как мужики одного дальнего села «Т-й губернии», борясь с засухой, по совету прохожего «грамотея» выкопали из могилы труп пьяницы-пономаря и выбросили его за церковную ограду. Словно в ответ на это магическое действие, дождь и в самом деле полил как из ведра и шел двое суток, в результате водные потоки унесли выкопанное мертвое тело в неведомом направлении. Мужики еще до эксгумации приходили к своему приходскому священнику отцу Алексею и просили его «изничтожить пономаря», то есть выкопать его из могилы, чтобы победить засуху. Отец Алексей, разумеется, в просьбе отказал и объяснил им, что это грех. Мужики его не послушали, а поняв, что труп унесло водой и что преступление их может раскрыться, пришли к батюшке каяться.

Отец Алексей, главный герой рассказа, отправился в губернский город хлопотать о том, чтобы дело о вскрытии могилы и исчезновении покойника замяли. Сначала он попытался поговорить с секретарем консистории, но так и не решился; а затем побывал у помещика, хозяина деревни, который и уладил дело, повелев только собрать с мужиков тысячу рублей, которую, по его словам, необходимо было отдать нужным людям за успешное разрешение казуса.

¹ Подробнее о журнале «Век» см.: Громов В. А. Лесков – сотрудник артельного журнала «Век» // Литературное наследство. Неизданный Лесков. М., 2000. Т. 101. Кн. 2. С. 125–152.

² *Стебницкий М.* Погасшее дело // Век. 1862. № 12. 25 марта. С. 139–143.

2.

Дебютный рассказ будущего классика прошел, кажется, незамеченным, во всяком случае, никакие отклики на него нам не известны. Тем не менее сам Лесков вернулся к этому тексту и через семь лет после первой публикации, в 1869-м году, в сборнике «Рассказы Стебницкого» опубликовал вторую редакцию рассказа «Погасшее дело», который переименовал в «Засуху». Первый вариант оказался значительно переработан. Сопоставление двух вариантов, в сущности, обнаруживает, как Лесков-журналист, Лесков-публицист превращался в Лескова-писателя, что именно менялось в его повествовательной манере, как смещались смысловые акценты в тексте. Этому и будет посвящена наша статья.

В первой редакции рассказ сопровождал подзаголовок «Из записок моего деда» и эпиграф «*Быль – не укор*», с уточнением «Русская пословица»: указание на записки и слово «быль» в эпиграфе, очевидно, призваны были подчеркнуть документальную основу излагаемых событий. Ссылаясь на «записки деда», Лесков, вероятно, имел в виду своего деда по матери, Петра Сергеевича Алферьева: в примечаниях к очерку 1882 года «Борьба за преобладание (1820–1840)» Лесков отмечал, что Петр Сергеевич действительно вел «ежедневные записи всего, по его мнению, замечательного», и среди записанного им встречались «любопытные рассказы»³. Петр Сергеевич Алферьев был управляющим села Горохово, которое принадлежало состоятельному помещику Михаилу Андреевичу Страхову, зятю П. С. Алферьева, женатому на младшей дочери Алферьевых, Наталье Петровне. Именно в Горохово на свет появился и сам писатель, Страхов стал его крестным отцом, а со временем и прототипом нескольких текстов⁴. Петр Сергеевич положил немало сил на сражения с мужицкой верой в порчу, сглаз и колдунов и действительно вполне мог записать и историю о выкопанном трупе как средстве от засухи⁵.

Во второй редакции рассказа подзаголовок о записках деда и пословица «*Быль — не укор*» исчезают. Остальные изменения подчинены той же логике: документальное начало элиминируется, беллетристическое усиливается, рассказ о «деле», излагающий конкретный криминальный случай, превращается в повествование, описывающее универсальные законы российского бытия.

Различия между первой и второй редакцией рассказа действительно достаточно очевидны: во второй повествование заметно беллетризуется, а общий объем нарративной массы увеличивается. В частности, вторая редакция рассказа обретает более четкую структуру: если «Погасшее дело» представляет собой сплошной текст, то

³ Лесков Н. С. Борьба за преобладание (1820–1840) // Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6. М., 1989. С. 423.

⁴ М. А. Страхов стал прототипом помещика в рассказе «Зверь», князя Сурского в романе «Обойденные» и чудаковатого князя Одоленского в повести «Смех и горе». См.: Кучерская М. А. Лесков. Изд. 2-е, испр. М.: 2021. С. 22.

⁵ См.: Лесков Н. С. Русские демономаны // Лесков Н. С. Русская рознь: Очерки и рассказы (1880–1881 гг.). СПб., 1881. С. 233–234.

«Засуха» разбита на пять отдельных главок. Прибавляется и несколько дополнительных сцен, в частности, финальная, и о ней еще пойдет речь; гораздо более детально прописываются второстепенные персонажи: «серый мужичонка в рваном кафтанишке» — «лицетворение обдерганного крестьянского мира»⁶; остающийся за кадром грозный секретарь консистории Афанасий Иванович, который «лише змея желтобрюхого»⁷; дворовые девушки; сыновья священника; наконец, и вальяжный барин, глубоко презирающий собственных крестьян и приходского священника.

Изменяется и имя главного героя: отец Алексей из «Погасшего дела» в «Засухе» превращается в отца Илиодора — изменение, которое также фиксирует сдвиг от документального повествования к художественному. Священник в первой редакции, вероятно, был списан с реального отца Алексея Львова из села Собакина, который венчал родителей Лескова, крестил их сына, будущего писателя, и потом не раз еще появлялся на страницах его сочинений⁸. Во второй редакции Алексей переименован в Илиодора, что в переводе с греческого означает «дар солнца»: семантика нового имени теперь начинает работать на появившийся во второй редакции символический пласт рассказа. Отец Илиодор оказывается первым в длинном ряду будущих лесковских праведников, также несущих миру свет: два дня он едет в своей неуклюжей тряской тележке в далекий губернский город, чтобы заступиться за мужиков; ласково утешает дворовых девушек, набранных в городской барский дом из того села, где он служит, а затем и двоих своих сыновей, которые учатся в том же городе в семинарии. В конце концов отец Илиодор спасает мужиков от каторги.

Остановимся на сценах общения отца Илиодора с сыновьями и помещиком, существенно расширенных во второй редакции, а также его снах, появившихся только в «Засухе». Эти новые сюжетные элементы связаны именно с отцом Илиодором и заметно углубляют смысл рассказа, превращая его из мрачноватого, но забавного анекдота в многослойный художественный текст.

3.

В «Погасшем деле» отец Алексей возвращается на квартиру, в которой живут его сыновья: «грамматик», то есть ученик второго класса семинарии, и «ритор», четвероклассник. В первой редакции о встрече с сыновьями сообщается следующее:

Домой он вернулся поздненько, погладил белокурую голову спящего сына «грамматика» и поговорил с старшим «ритором» об отце ректоре, о задачках, разрядах и тому подобных учёных вопросах, спросил виновного мужика, поил ли он коней, и затем лёг на белой деревянный диванчик с решетчатой спинкой, а о своём деле — ничего. (...) Каганец погасили, и в комнате все стихло, только за досчатую перегородкою два семинариста долго за полночь бубнили вслух: один из Корнелия Непота, другой Салостия (Погасшее дело. С. 141).

⁶ Лесков Н. С. Засуха. Полное собрание сочинений: В 30 томах. М., 1998. Т.1. С.109.

⁷ Лесков Н. С. Засуха. С. 110–111.

⁸ См.: Лесков Н. С. Русские демономаны. С. 229.

Лесков ссылается здесь на двух известных древнеримских историков, сочинения которых и зубрят мальчишки-семинаристы. Во второй редакции эта сцена подвергается заметным изменениям.

Домой он вернулся поздненько, погладил белокурую голову спящего сына, грамматика, и поговорил со старшим, ритором, об отце ректоре, о задачках, разрядах и тому подобных ученых вопросах... Каганец погасили, и в комнате всё стихло, только за досчатую перегородкою два семинариста долго за полночь бубнили вслух: один отчетливо, с сознанием своего собственного достоинства и достоинства произносимых слов, вырубал: "Homo improbus aliquando dolenter flagitiorum suorum recordabitur"⁹, а другой заливчато зубрил: "По-латини Homo, человек, сие звучит энергично, твердо, но грубо; а по-французски человек л'ом – это мягко, гибко и нежно".

Отец Илиодор всё это слушал, слушал и задремал, убаюкиваемый тихим, как бы перепелиным, воркотанием того же семинариста, заучивавшего на сон грядущий: *батю бато* – бить палкою; *батю бато* – бить палкою; *батю бато* – бить палкою (Засуха. С. 112).

Как видим, во второй редакции эпизод ночной зубрежки — развернут, здесь мальчишки не просто учат уроки, они заучивают разную, но равно неясную им абракадабру, никак не связанную ни с их нынешней семинарской, ни с будущей пастырской жизнью. Тем не менее доминанта этой нынешней и будущей жизни понятна: в ней царствует насилие и «бьют палкою».

На каком языке произносится «батю бато», кто это произносит и что это на самом деле значит? Вероятнее всего, это говорит младший мальчик, тот, что «заливчато зубрил» рассуждения о человеке.

Формы «батю бато» отсылают нас к латинскому глаголу *battuo* – бить, избивать. Семинарист мог заучивать основные формы этого глагола. Но если это так, делал он это в загадочном порядке и с искажениями: «батю» – это, возможно, форма прошедшего времени *bat(t)ui* и означает «я избил», *bat(t)uo* – настоящее время: «я избиваю». В таком порядке спряжения латинских глаголов не учат, давняя школьная традиция предписывает заучивать форму первого лица и инфинитив: *amo, amare*.

Можно, конечно, предположить, что Лесков к тому времени, когда писал рассказ, подзабыл гимназические уроки. Хотя как раз с латынью дела у него обстояли не так уж плохо – в начале гимназического учения Лесков получал «четверки»¹⁰, а в экзаменационной ведомости, составленной летом 1846 года, когда он, не переведенный в четвертый класс, покидал гимназию, по латинскому языку у него стояла «тройка», тогда как по алгебре – «единица», по немецкому и геометрии – «двойка»¹¹.

Если допустить, что латынь, пусть и на школьном уровне, Лесков все-таки знал (а уж в каком порядке учат латинские глаголы, он помнил несомненно),

⁹ Дурной человек будет когда-нибудь с прискорбием вспоминать свой бесчестный поступок (*лат.*).

¹⁰ Алексина Р. М. Новое о детских и юношеских годах Лескова: По материалам орловских архивов // Литературное наследство. Т. 101. Неизданный Лесков. Кн. 2. М., 2000. С. 291–292.

¹¹ См.: Государственный архив Орловской области. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 6 об.–37.

то форма «батью бато», то есть «избивал избиваю», использована им в рассказе совершенно сознательно. Смысл этого соединения прошедшего и настоящего времени вполне прозрачен: битье продолжается и в настоящем, и в прошедшем. Человека (*Номо*) в России били и бьют. Для усиления эффекта Лесков не только трижды устами гимназиста повторяет эту формулу, но и добавляет ей выразительности, переводя ее как «бить палкою», хотя в значении глагола *batuere* никакой палки нет, это значит просто «бить». Но Лескову палка необходима – с ней битье превращается в конкретное действие, к тому же она усиливает ощущение неравенства: это уже не просто драка, в которой участники колотят друг друга на равных, а избивание.

Однако не исключено, что семинарист учит французский язык¹². Хотя это, как и в случае с латынью, очень странный французский. «Бить палкой» на французском — «*battre avec un bâton*», никак не «батью бато».

«Батью» (*battu*) выглядит как форма причастия от французского глагола «бить» (*battre*), соединенное с существительным *bâton* [batõ], «палка», хотя также и «жезл», «посох», то есть атрибут пастора. Но и в этом случае перед нами абсурдное словосочетание, которое невозможно перевести даже как «избитая палка», в таком случае порядок слов был бы другой: не «*battu bâton*» как у Лескова, а «*bâton battu*». Добавим, что по-русски французское «*bâton*» транскрибировалось бы, скорее всего, как «батон». «Бато» же гораздо больше напоминает «*bateau*», что значит «лодка, корабль, судно». Мальчику все равно, «палка» или «корабль», но совсем не все равно Лескову, он играет в тонкую языковую игру, в которой важны, как будет показано ниже, оба значения слова — и «палка», и «корабль».

Все это не изменяет того обстоятельства, что «батью бато», соединяющее причастие и существительное, — все равно бессмыслица. Существенно, что и ложный перевод этого словосочетания, данный в рассказе, — «бить палкою» — звучит не слишком грамотно даже по-русски: так как переходный глагол «бить» требует дополнения, после «бить» необходимо назвать объект избивания. Не исключено, что это отсутствие дополнения тоже имеет значение, таким образом Лесков подсказывает, что в русских реалиях объектом насилия может оказаться каждый, и оставляет в этом месте, условно говоря, пустую строку, в которую можно вписать имя любого.

Как бы то ни было, латынь или французский заучивал несчастный семинарист, именно во второй редакции рассказа сквозь сцену ночной зубрежки со всей отчетливостью проступает ключевая для Лескова тема человеческого достоинства, постоянно, как хитроумно намекает автор, попираемого в России. Латынь и французский внезапно оказываются языками описания российского бытия. Слова, которые повторяют мальчики, описывают мир как поделенный на два полюса: грубый, где человека «бьют палкой», «энергично и твердо», и нежный, где слово «человек» звучит «мягко, гибко и нежно», то есть во Франции, но и во всей просвещенной Европе.

¹² За подсказку обратить внимание на французский язык благодарю Романа Лейбова, а за консультации по французскому языку Марию Божович и Марию Неклюдову.

4.

Образ Франции как средоточия европейских просветительских ценностей и шире — «европейский мотив» — также появляется только во второй редакции рассказа, в разговоре помещика «с розовыми ногтями» и отца Илиодора. В «Засухе» добавляется длинный пассаж о пастырстве, о печальном и забитом положении сельского священника в России, несопоставимом с жизнью пастырей в Европе. Недаром в этой сцене поучает и проповедует отнюдь не священник, а помещик.

– Да; ваше дело их учить, вразумлять, отклонять от всякого подобного вздора и суеверий.

– Точно, точно, точно, — повторял за ним, смиренно сжимая на груди руки, священник.

– То-то «точно»; но наши православные пастыри, верно, больше...

– Пастухи, — подсказал отец Илиодор.

– Что?

– Пастухи, говорю. Вы изволите говорить, что не пастыри-то, так я к этому: пастухи, говорю, сельская бедность... в полевом ничтожестве... пастухи...

Помещик любил великодушничать.

– Пастухи! — сказал он, обезоруженный смирением отца Илиодора. — Еще бы, загнали попа в село без гроша, без книги, да проповедника из него, Фенелона или Бурдалу требовать.

Отец Илиодор только рукою махнул.

– Ну то-то ведь вот и все так у нас: всякий о себе, а до другого дела нет, — этак нельзя. Ткнуть человека, да и действуй! Нет, ты дай мне силу, дай мне снасть, орудие, инструмент дай! Я вас не вино и, выручая мужиков, так сказать, и себя выручаю, а из-за чего? Из эгоизма!

Отец Илиодор только бил в такт головою.

– У немцев, у англичан, им... там... на все... есть инструмент! Пастор — это человек, это член общества, а у нас? Я вас спрашиваю, вы священник, ну, скажите сами, пожалуйста: разве может иметь влияние учитель, стоящий умственно ниже ученика своего?

– Не может, — отвечал отец Илиодор (Засуха. С. 114).

Помещик, конечно, недаром упоминает двух знаменитых французских священнослужителей XVII века: Фенелона и Бурдалу. Франсуа Фенелон — просветитель и воспитатель наследника престола, внука короля Людовика XIV, автор «Приключений Телемака», авантюрного и одновременно просветительского романа о том, как мудрый государь должен управлять своим народом и страной. Луи Бурдалу — один из самых знаменитых французских ораторов XVII столетия, прозванный «королем проповедников и проповедником королей». Тот же помещик говорит, что пастор у немцев и англичан — «это человек, это член общества». Там он пастырь, а в России, как остроумно замечает отец Илиодор, пастух. Однако не так прост оказывается и русский «пастух».

5.

В «Засухе» появляются еще два новых, ключевых для понимания замысла рассказа эпизода: два сна отца Илиодора. Засыпая под бубнеж сыновей, он видит во сне семь тучных и семь тощих коров и смущается, что «сон не по чину»: в Книге Бытия

подобный сон видит египетский фараон, а праведный Иосиф толкует его как предсказание грядущих семи лет изобилия и семи лет голода (Быт. 41:1–35). Погружая своего героя в сон, пронизанный библейской символикой, Лесков, возможно, намекает на его праведность и богоизбранность.

Второе видение посещает отца Илиодора, когда он едет в тележке домой, после того как старик-крестьянин признался ему, что мужики не просто вынули тело пономаря из могилы, но и сделали из содранного с трупа сала свечку и зажгли – тут-то и полил дождь. Отец Илиодор погружается в размышления.

Телеман-сорт, “корабль, погибающий в волнах”, припоминает отец Илиодор и сейчас же впадает в раздумье: что это, однако, такое телеман, телеман... телеман-сорт, где он слышал это французское слово?.. Ах, какая досада: ни за что не вспомнишь! Семинарист ли это учил, или это он сам знал прежде? Да, это он сам знал: вот оно что! – он видел печать, на которой был вырезан корабль на волнах и над ним надпись, которую он вычитал и перевел себе таким образом: телеман-сорт – это «корабль, погибающий в волнах».

Отец Илиодор заснул и, ныряя по кочкам, воображает самого себя кораблем, погибающим в волнах. И как отец Илиодор ни хочет спастись, как он ни старается выбиться – никак не выбьется: за ноги его сцапал и тянет тяжелый, как тяга земная, мучинко с разорванным воротом, а на макушке сидит давешний королевское еруслание и пихает ему в рот красную пробку.

– Вот это, – говорит королевское еруслание, – инструмент, чтобы ты, идучи ко дну, вслух отходной себе не читал (Засуха. С. 120).

Напомним, что появление корабля было подготовлено словом «бато», прозвучавшем в зубрежке семинариста, которое могло означать и палку (*bâton*), и лодку или корабль (*bateau*).

«Телеман-сорт», всплывающий в сознании отца Илиодора, — это, вероятно, искаженная французская фраза *tel est mon sort*, то есть «такова моя судьба». Это еще одна отсылка к французской просветительской культуре, в данном случае образцовой, поскольку «корабль, погибающий в волнах» – это, как видим, отнюдь не перевод вспомнившейся герою фразы, а, скорее всего, воспоминание о виденном им аллегорическом изображении тонущего корабля. Тонущий корабль — один из любимых аллегорических сюжетов, лежащий в основе множества европейских эмблем. Лесков совершает сознательную подмену, вступая с образованным читателем в сложную игру.

Тонущим кораблем ощущает себя отец Илиодор. Впрочем, подтекст этого образа еще безнадежнее: такова судьба не только героя Лескова, но и любого сельского священника в России¹³, его ожидают бедность, бесправие, темные мужики, которые никогда не двинутся дальше «королевского еруслания» — так в рассказе назвал своего барина старик-крестьянин, — вот удел любого батюшки из провинции

Эта контаминация (вполне в духе будущего «Аболона Полведерского») «Бовы Королевича» и «Еруслана Лазаревича», героев двух самых популярных в России

¹³ Ср. Душечкина Е. В. Н. С. Лесков о причинах «печального состояния русского духовенства» // Homo Universitatis: Сб. статей памяти А. Б. Муратова (1937–2005) / Под ред. А. А. Карпова. СПб., 2009. С. 77–79.

лубочных романов, – еще одно указание на предел народных знаний, почерпнутых преимущественно из тогдашних комиксов.

«Королевское еруслание» затыкает пробкой рот своему пастырю не только для того, чтобы тот «вслух отходную себе не читал», то есть раньше времени себя не хоронил, но и потому что не желает слушать его проповеди. Но возможно, в этой жутковатой сюрреалистической сцене скрывался и понятный только близкому кругу намеков автора на печальный конец реального священника Алексея Львова (давшего имя герою «Погасшего дела»): на закате жизни отец Алексей потерял рассудок¹⁴.

Итак, рассказ «Засуха», второй вариант дебютного рассказа «Погасшее дело», написанный семь лет спустя, стал демонстрацией значительно расширившегося спектра писательского инструментария Лескова, включающего психологизацию образов, выявление и прорисовку отдельных типажей, новые нарративные стратегии, в первую очередь, работу с языком, вышедшую на другой уровень. В «Засухе» язык, причем не только русский, но и латынь, и французский, становится материалом для своеобразной тайнописи, ложится в основу диалога с понимающим читателем и в итоге делает идею рассказа намного более объемной и сложной. Не в последнюю очередь именно благодаря языковой игре смысл истории углубился. Параллельно к 1869 году определился и круг любимых тем и вопросов Лескова, к которым он будет обращаться всегда: главная из них — проблема рабства в России, и духовного, и психологического, необходимость просвещения крестьян, а также судьбы духовенства.

Благодаря усложнению образного ряда, появлению символических образов и внутренних рифмовок линейное повествование сделалось многоплановым: анекдот, быль, очерк превратились в сложно устроенную повесть, открытую самым разным интерпретациям. Недаром и вполне эффектное заглавие «Погасшее дело», подчеркивающее частный характер происходящего, сменилось на гораздо более обобщенное «Засуха», допускающее и более широкую трактовку смысла сказанного: во второй редакции речь идет не только об отсутствии дождей, но и о засухе духовной, отсутствии живой воды просвещения и свободы в российской жизни. Сопоставление двух текстов позволило нам зафиксировать траекторию превращения Лескова-очеркиста и публициста в художника и мастера.

¹⁴ Лесков Н. С. Русские демономаны. С. 229.

Илона Мотеюнайте

ОБРАЗЫ МОНАХИНЬ У ЛЕСКОВА

Н. С.Лесков отдал немалую дань изображению служителей церкви. Он начал свое художественное творчество рассказом «Погасшее дело» (1862), в котором центральным образом стал священник. Деятели церкви посвящен роман-хроника «Соборяне» (1866–1872), рассказы «На краю света» (1875) и «Владычный суд» (1877), очерковый цикл «Мелочи архиерейской жизни» (1879), а также несколько очерков цикла «Заметки неизвестного» (1884). Облеченные церковным чином герои нередко появляются в сюжетах: так в «Запечатленном ангеле» (1872), «Привидении в Инженерном замке» (1882), «Звере» (1883), «Пугале» (1885), «Грабеже» (1887) и др. рассказах. Развитие темы в художественном творчестве выросло из обильной публицистики, посвященной вопросам веры и церкви¹. Особенность лесковского изображения священников — в художественной репрезентации их обыденного существования, с которым писатель был хорошо знаком. Лесков писал о бедности и неграмотности сословия, о важности просвещения и конфессиональной терпимости, о несоответствии положений церковного устава социальной реальности XIX в.

Интерес Лескова к этой теме был не только семейный (внук священника), но и вызывался социально-историческим контекстом. Когда в начале 1860-х он пришел в литературу, и в публицистике, и в беллетристике обозначился интерес к церковной жизни. Начавшееся изучение староверов (в чем писатель принял участие); сближение светской и церковной проблематики в работах А. М. Бухарева и публикациях «Домашней беседы»; появление частных изданий священнослужителей («Странник» и «Православное обозрение» открылись в 1860 г., «Духовный вестник» — в 1862)²; наконец, растущая популярность Ч. Диккенса и публикация романов Дж. Элиот и Э. Троллопа, спровоцировавшие внимание к английской литературе в целом, к англиканской церкви и клерикальному роману в частности³, — все это было фоном для художественных высказываний писателей о вере, религиозности и церкви.

¹ Лукашевич М. «Я не враг церкви, а её друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Николая Лескова. Варшава, 2019.

² Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008.

³ Гюсова И. Ф. Репрезентация образа священнослужителя в русской и английской литературе XIX в. Томск, 2018.

На этом тематическом поле пересеклись и многие актуальные проблемы эпохи, от чиновничьего произвола до женского вопроса. А. П. Кашкарева даже выстраивает типологию женских образов в «Некуда» по критерию их отношения к вере и безотносительно к их социальному статусу⁴. Отдельной темой у Лескова стали женщины в монастыре: это игуменья Агния и Феоктиста в «Некуда» (1864), Аксинья Пизонская и Платонида в «Котине Доильце и Платониде» (1867), Люба в «Павлине» (1874). И. Муллер де Морогус обратил на них внимание, заметив, что «ни одна из его пяти монахинь не вступила на путь служения по чисто духовному призванию, и только три из них являются положительными героинями <...> Эти три женщины стали монахинями из-за несчастной любви»⁵. Продолжая наблюдение ученого, хотелось бы остановиться подробнее на осмыслении Лесковым женского ухода в монастырь.

Достаточно развернутый образ женщины, посвятившей себя Церкви, встречается в первом же романе Лескова «Некуда»: это матушка Агния, тетка Лизы Бахаревой. Как мы знаем, этот роман возмутил общественность своей почти фотографичностью, читатели-современники легко узнали в героях своих знакомых. Однако установление прототипов персонажей в основном относится к образам нигилистов⁶; что касается доктора Розанова, в нем легко угадывается протагонист автора; а вот образы матушки Агнии и семейства Гловацких в этом отношении не вызвали особого интереса исследователей. Вероятно, в этом случае писатель моделировал определенный тип, опираясь на общие социально-психологические воззрения, а не на наблюдения над конкретными личностями; тем любопытнее их образы для выявления его самобытной художественной программы.

Четвертая глава первой книги «Некуда» называется «Мать Агния». Лесков дает героине удивительную биографию с несчастной любовной историей, отнесенной к середине 1820-х годов. Восемнадцатилетняя Анна Николаевна Бахарева впервые появилась в свете на «великолепном балу, данном дворянством покойному императору Александру Первому за полгода до его кончины» [2; 15–16]⁷. Очевидно, автору важно указать на события, последовавшие за ней. В библиотеке Лескова было запрещенное лейпцигское издание «Записок декабриста барона А. Е. Розена», которое он читал неоднократно и очень внимательно⁸. Однако оно датируется 1870 годом, поэтому во время написания «Некуда» писатель мог руководствоваться общими,

⁴ Кашкарева А. П. Типология женских образов в романе Н. С. Лескова «Некуда» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 18, №2 (151). С. 146–154. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.2.034.

⁵ Муллер де Морогус И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1998. Вып. 5. С. 450.

⁶ Кучерская М. Прозванный гений. М., 2021. С. 204–227.

⁷ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 тт. М., 1956–1958. Т. 2. С. 15–16. Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием в квадратных скобках номера тома и страниц.

⁸ Книги из библиотеки Лескова в Государственном музее И. С. Тургенева // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 151–152; Невелев Г. А. Андрей Евгеньевич Розен и его «Записки декабриста» // Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 47.

скорее всего, устными преданиями и, конечно, историей стихотворения Пушкина, которое ему могло быть известно по «Полярной звезде на 1856 год»⁹. Лесков не использует в тексте слово «декабристы», но приводит прощальное письмо князя А. Т. с искаженной пушкинской цитатой:

Судьба моя решена самым печальным образом. Не жди меня и обо мне не справляйся: это только может навлечь на тебя большие неприятности. Следовать за мной ты не можешь, да и это только увеличило бы твои страдания. Возвращаю тебе твои клятвы, прошу тебя забыть меня и быть счастливою сколько можешь и как можешь. Блаженства, которое я ощущал два года, зная, что ты любишь меня более всех людей на свете, достанет мне на весь остаток моей жизни, и в холодных норах ужасной страны моего изгнания я не забуду ни твоего чистого взора, ни твоего прощального поцелуя.

Твой до гроба князь А. Т.» [2; 16]

Литературное обрамление этой истории декларируется в тексте: героиня «в этом случае поступила так, как поступали многие героини писанных и неписанных романов ее века. Она томилась, рвалась, выплакала все глаза, отстояла колени, молясь теплой заступнице мира холодного, просила ее спасти его и дать ей силы совладать с страданием разлуки...» [там же]. Любовная история представлена романтическими цитатами с романтическим же финалом — уходом девушки в монастырь. Через тридцать лет после «Некуда», в «Юдоли» (1892), Лесков опять отметит некоторую неестественность этого явления, назвав его сословной «модой» и связав с литературой: «Если бы не дети, то очень могло статься, что тетушка пошла бы в монастырь, так как у нас в Орле это тогда было в моде между дворянством (с чего и написана Лиза у Тургенева)» [9; 281]. Однако такой необычайный сюжет требовал убедительной мотивировки.

Обратим внимание на титул в подписи прощального любовного письма. Зачем бы он в данном случае? Среди декабристов было всего 9 князей: С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, С. Г. Волконский, А. П. Барятинский, Д. А. Щепин-Ростовский, А. И. Одоевский, В. М. Голицын, Ф. П. Шаховской, А. П. Мещерский. Никто из них по разным биографическим обстоятельствам не может быть признан прототипом внетекстового героя «Некуда», однако указание на титул кажется не случайным. За исключением А. П. Мещерского, осужденного всего на полгода, все князья-декабристы подверглись очень суровому наказанию. Пятеро были осуждены по первому и второму разряду и приговорены к 20 годам каторги и поселению в Сибири. Вероятно, это и было важно Лескову: на пути к семейному счастью прекрасной светской женщины должно было встать непреодолимое препятствие. Наказание декабристов — это исторические обстоятельства, убедительно мотивирующие несчастную судьбу женщины высокого положения. Так в творчестве Лескова стал формироваться мотив ухода женщины в монастырь из-за несчастной любви. Но только женщины-дворянки.

⁹ *Рогова А. И.* Стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (текстологические проблемы) // Русская литература. 1991. № 4. С. 100–101.

Почти все героини из этого ряда — Феоктиста («Некуда»), Платонида («Котин-Доилец и Платонида») и Люба («Павлин») — отличаются красотой и притягательностью. Как будущая матушка Агния удостаивается внимания императора, так Люба становится звездой в своем порочном кругу, Платонида притягивает и свекра, и деверя, а Феоктистой любят даже Женни и Лиза. Указание на красоту помогает Лескову оттенить последующую женскую трагедию.

Жизнь Любы представлена наиболее подробно. Рассказ о ней начинается с характерной детали внешности: на лице шестилетней девочки рассказчик усматривает общую у нее с матерью и бабушкой «родовую печаль и роковое предназначение к несчастью» [5; 231]. Лесков последовательно ведет героиню к осуществлению этого предсказания судьбы. Финалом ее жизни становится «монастырек» под Киевом и смерть «далеко еще не в преклонных годах, ослепнув от слез» [5; 277. Курсив автора — *И. М.*]. Финальная характеристика героини такова: «Это милая чистая сердцем старица с выплаканными глазами, в орбиты которых у нее для благообразия были вставлены круглые перламутровые образки, была настоящий ангел милосердия; о доброте ее и всепрощающей христианской любви и теперь еще с умилением и слезами вспоминают не только сестры бедной обители и посещающие монастырек богомольцы, но даже евреи близлежащего торгового местечка» [там же]. Девочка с печатью трагической обреченности на лице становится уважаемой старицей после целого ряда фатальных поворотов судьбы, обусловленных трагическим стечением обстоятельств, складом ее натуры и молодостью. Осиротевшая в 8 лет, вынужденно сменившая социальный статус, став воспитанницей, а потом и женой слуги, она превратилась в игрушку-любовницу светского франта, в даму полусвета ему в угоду. Измена нелюбимому, но благородному мужу, в три раза ее старшему, привела к вынужденному браку с любимым и нелюбящим осужденным вором, спившимся до смерти. Беды сиротства, социального неравенства и любовного искушения Любы позволяют автору показать праведность Павлина, ее опекуна, наставника и мужа. Его благородство, любовь и твердость характера оттенены ее капризностью и податливостью юной страстной натуры, которые, однако, по мере развития событий вызывают все большее сочувствие автора и читателя. Не сосредоточиваясь на глубинах психологии, достойных пера Достоевского, Лесков показывает ловушки для неокрепших умов и эмоциональных натур, выдвигая на первый план чужую злую волю, укрепленную социальным неравенством. Мораль выражена в надписи на дубовом кресте, установленном на могиле старицы: «Схимонахиня Людмила, в мире грешная Любовь» [5; 277]. Хореический ритм здесь (семантический ореол которого — народные припевки¹⁰) грустно и иронично отсылает к стереотипному противопоставлению христианской любви как «высокодуховной» и земной как «грешной». Прямота такого противопоставления обыгрывается и семантикой имен: принятое в монашестве (заметим, редкое для монахинь) «Людмила» — милая людям, открыто

¹⁰ По выводам М. Л. Гаспарова, к середине XIX в. в развитие Х4 вторгается народно-бытовая тематика (Гаспаров М. Л. Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорея // Пушкинские чтения: Сб. статей / Сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 14).

и с симпатией к ним относящаяся, — оказывается противоположным данному при физическом рождении «Любовь».

Осмысление названного стереотипа продолжается и метаморфозой с глазами старицы Людмилы. Языковая метафора «выплакать глаза», использованная, кстати, и по отношению к Анне Бахаревой (см. выше), разворачивается в творчестве Лескова в символический мотив, поскольку повторяется еще в одном образе из интересующего нас ряда. В рассказе «Котин Доилец и Платонида» заглавная героиня, став старицей Иоилью, также ослепла от слез: «Она “выплакала очи” и была слепа — ходила наощупь с палочкой, а в глазных впадинах у нее были вставлены “образочки”» [1; 251]. Комментируя этот мотив, Муллер де Морогуес убедительно возводит его к «дару слез, *penthos*» и называет «русским мистическим вариантом мирского ригористического искупления <...> В этом у Лескова проявляется восточное христианство и протестантское влияние: протестантских авторов он читал наравне с отцами церкви»¹¹. Общехристианский смысл слезного раскаяния, безусловно, учитываемый Лесковым, осложняется у него очень своеобразной деталью. В обоих случаях используется слово «образки», «образочки», которое, судя по выборке НКРЯ, распространено в художественной литературе XIX и XX веков как обозначение монастырской продукции, популярной в среде богомольцев, состоящей преимущественно из низких социальных слоев.

Любу-Людмилу привозит в монастырь все тот же Павлин, письма которого рассказчик хранит «как превосходный образец простого, но глубокого философски-мистического умствования *необразованного*, но умного и могучего волею человека» [5; 276; курсив мой — *И. М.*]. Его поддержка бывшей жены превращается в духовное руководство, письма приобретают «характер посланий», а любовь становится «неземной»; пространный рассказ о мистицизме Павлина и предваряет образ глазниц-образков. В портретных характеристиках героев Лесков часто опирался на поговорку «глаза — зеркало души». Глаза Жени Гловацкой «так и смотрели в душу, так и западали в сердце» [1; 10], душа Марьи Михайловны Райнер смотрела «сквозь кроткие голубые глаза» [1; 270], как и «прямая и честная душа протопопа Савелия» тоже смотрит из его глаз [4; 6]. В этом контексте образки в глазных орбитах/впадинах производят жутковатое мистическое впечатление; у несчастных стариц человеческая душа заменена образками — символичным, но предметом. Как все мистическое, это вызывает ужас: деформация столь важного органа, как глаза, наглядно демонстрирует смерть при жизни.

Этот нюанс поддерживается крохотным эпизодом в рассказе «Котин Доилец...»: герой торопится похитить девочек, своих дальних родственниц, у слепой нищенки, поскольку боится, что они будут ослеплены для успешности выпрашивания подаяния. Подобное явление более или менее прямо описано в этнографической литературе¹² и вызывает однозначно негативные реакции. Лесков не мог их не учитывать

¹¹ Муллер де Морогуес *И.* Марфа и Мария. С. 450.

¹² Максимов *С. В.* Бродячая Русь Христа-ради. СПб., 1877. С. 206.

и, видимо, стремился к особенному сочувствию героиням. Их старчество подается как путь святого страдания, усиленный мистическими коннотациями, но и как деформированная человечность. Это отсылает к одному из существующих направлений народной (непросвещенной) религиозности, описанию которой писатель отдал щедрую дань.

Вынужденный уход в монастырь обусловлен и социальными факторами; в определенных ситуациях он может стать единственным выходом. «Не имея ни роду, ни племени, ни пристанища, где приклонить голову, вдова Пизонская приютилась в женском монастыре, в келейные» [1; 224]. Определение монастыря словом «приют» противопоставляет его дому. Тема Дома в «Котине Доильце...» введена шекспировским эпитафием «Изломанная утварь Разрушенного дома» (из «Тимона Афинского») и негативным описанием дома Семена Деева в начале; оно интригующе завершается указанием на два исключительных случая, о которых и пойдет речь. Действительно, рассказ начинается и заканчивается сюжетом вынужденного ухода женщины из дома: мать Котина изгнана из него, будучи «незаконно» беременной, Платонида — убежала из страха, предполагая (ошибочно), что убила свекра, посягнувшего на ее честь. Однако в рассказе есть и третий подобный эпизод: из дома Деева выгнали и самого Константина Пизонского. Но он сумел построить собственный дом, вырастив в нем двух сирот. Гендерные различия в данном случае оказались решающим фактором в судьбах. Даже «женские» навыки шитья, приобретенные, кстати, Котином в монастыре, а Любой из «Павлина» — в мастерской, первому помогают, а второй — нет.

По Лескову, женщина, в экстремальных жизненных обстоятельствах утратившая дом, почти обречена на монастырь как на приют, ему противостоящий. Социальная заданность подобной судьбы сквозит и в признании Феокисты: «...я ведь вот церковная, ну, понимаете, православная, то есть по нашему, по русскому закону крещена, ну только тятенька мой жили в нужде большой» [2; 33]. Она оказалась в монастыре не из-за бедности отца, однако в ее грустном рассказе о годе замужества, строгости и жадности свекрови и вдовстве сквозит и этот мотив: бедная одинокая женщина не выживает в мире из-за существующих социальных условий. Главу «Некуда» с описанием девичьего монастыря, которым руководит мать Агния, автор называет «Приют безмятежный» [2; 12]; в следующей же главе он характеризует его как «приют не умевших найти в жизни ничего, кроме горя и страдания» [2; 17]. Конструкция фразы и причастие «умевших» указывает на наличие у человека воли самостоятельно выстраивать судьбу и одновременно на ограниченность человеческих возможностей.

Трагический финал любовного сюжета Анны Бахаревой, в отличие от других рассмотренных героинь, не исчерпал рассказа о ней, а стал лишь предысторией¹³. Став матушкой Агнией, она впоследствии превращается в строгую и рачительную

¹³ Можно осторожно предположить, что такое развитие повествования связано с темой жен декабристов, но это требует дальнейшего исследования.

игуменью, которую уважают все в округе. Она тоже «выплакала глаза», но образки в глазницах у нее не появились. Лесков не знакомит читателя с ее деятельностью, зато представляет ее ум, крепость убеждений и разумность суждений. Она предлагает племяннице жизненную программу, в которой странно для игуменьи отсутствуют слова о Боге: «По-моему, жить надо как живется; меньше говорить, да больше делать, и еще больше думать; не быть эгоисткой, не выкраивать из всего только одно свое положение, не обращая внимания на обрезки, да, главное дело, не лгать. Людям ложь вредна, а себе еще вреднее. Станешь лгать себе, так всех обманешь и сама обманешься» [2; 17]. У Лескова все праведники предпочитают практическую помощь мистической созерцательности, в чем правомерно увидеть протестантское влияние. В данном же случае любопытно, что игнорируется не только внутренняя религиозная жизнь монахини (учитывая, что писателя чрезвычайно интересовали все виды религиозности, это особенно показательно), но и строгое исполнение устава. Игуменья беспокоится о физическом состоянии прибывших в монастырь девушек, советуя им отдых после дороги вместо посещения службы.

Лесков неоднократно отмечал важность церковного обихода. В частности, княгиня Протозанова из «Захудалого рода», очень близкая матушке Агнии по складу характера, став вдовой, начала наведение порядка в имении, по воле автора, с проверки исповедных книг. Впоследствии она следила за режимом посещения храмов крестьянами, подавая им пример неукоснительного соблюдения правил. Однако Варвара Никаноровна установила такой режим говения вверенных ей крепостных, который не мешал бы успешному ходу сельскохозяйственных работ; мать Агния поступает схоже: заботится о близких людях, соблюдая общий порядок жизненного хода, то есть широко смотрит на мир.

Такая широта взгляда дается образованием и происхождением¹⁴, чем мать Агния и отличается от других рассмотренных героинь. В рамках нашей темы причина ее жизнестойкости высвечивается сближением ее с княгиней Протозановой. Героини схожи двумя биографическими деталями: потерей любимого человека в юности (и пожизненной верностью ему) и блистательным светским прошлым. Таким образом, положение в обществе, по Лескову, оказывается немаловажной причиной выживаемости женщины, даже после любовного крушения и ухода в монастырь. Разумеется, это не единственный и совсем не самый важный фактор праведности человека, но он, кажется, учитывался Лесковым. Осмысление им образов монахинь показывает виртуозное совмещение религиозной и социальной проблематики.

¹⁴ Вспомним размышления Туберозова о боярыне Плодомасовой, выгодно отличающейся самостоятельным от обитателей Старгорода.

Елена Грачева, Алексей Востриков

RESERVATIO MENTALIS, ИЛИ И. М. ГРЕВС И И. А. ШЛЯПКИН В 1899 ГОДУ

Студенческие волнения 1899 г. описаны достаточно подробно, хотя и несколько односторонне¹. Обструкция ректору В. И. Сергеевичу, которую студенты собирались устроить на торжественном акте С.-Петербургского университета 8 февраля, последовавшее за ней студенческое шествие и разгон его конной полицией, сходка и фактическое прекращение занятий (с 10 февраля); введение в университет полиции (12 февраля); создание комиссии под руководством П. С. Ванновского для расследования произошедшего (20 февраля) и ее неопубликованный доклад с критикой правительственных мер — все это стало заметными событиями не только университетской, но общероссийской общественной жизни. Еще с середины февраля к универсамтам присоединились учащиеся других высших учебных заведений столицы, а затем и других городов — Москвы, Киева, Харькова, Одессы и др. Одними из первых поддержали университетскую забастовку слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов (далее ВЖК)². Противостояние студентов и властей продолжалось до конца учебного года, сопровождаясь новыми всплесками сходок и митингов, обструкций профессоров и бойкотов лекций и экзаменов, — и ответными арестами, высылками, исключениями, а затем и принятием правил об отдаче неугодных студентов в солдаты³. Осенью 1899 г. занятия в высших учебных заведениях страны начались без осложнений.

Не последнее место в ряду предпринятых администрацией мер заняло удаление либеральных преподавателей из университета и с Бестужевских курсов — прежде всего Н. И. Кареева⁴ и И. М. Гревса⁵. И Николай Иванович Кареев, и Иван

¹ См. напр.: *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971.

² На ВЖК дело дошло до введения временного правления в составе директора Н. П. Раева и деканов С. Ф. Платонова и Н. Я. Сонины. См.: *Стриевская С. И.* Участие бестужевки в революционном движении // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918: Сб. статей. 2-е изд. Л., 1973. С. 32–37.

³ «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» были высочайше утверждены 29 июля 1899 г.; опубликованы в сентябрьском номере Журнала министерства народного просвещения (ЖМНП). 1899. Т. 325. Сентябрь. Отдел «Правительственные распоряжения». С. 58–60.

⁴ Николай Иванович Кареев (1850–1931) — доктор всеобщей истории (1884); профессор СПб. университета, Александровского Лицея и ВЖК; председатель Исторического общества при СПб. университете.

⁵ Иван Михайлович Гревс (1860–1941) — в начале 1899 г. магистрант; приват-доцент СПб. университета, профессор ВЖК, преподаватель женской гимназии Л. С. Таганцевой.

Михайлович Гревс были известными учеными и популярными лекторами, пользовались заслуженным уважением как в преподавательской, так и в студенческой среде. Оба действительно придерживались достаточно левых либеральных взглядов (и были впоследствии активными деятелями кадетской партии) и при начале волнений были среди той части профессуры, которая наиболее активно выступала против применения полицейских мер. Однако радикальные формы студенческого протеста (стачки, прекращение занятий и проч.) они не поддерживали, более того, неоднократно отговаривали от них своих учеников. Формально в вину поставить им было нечего, разве что отказ читать лекции в пустой аудитории, но в этом они были не одиноки. Причина увольнения Кареева и Гревса (их «либеральные взгляды») была общеизвестна, но в официальных документах она не была названа; чиновники ссылались на распоряжение министра Н. П. Боголепова, который личного объяснения ни одного из изгнанных не удостоил⁶. Наказание было одноразовым актом и многими воспринято как боголеповское самодурство, относящееся только к преподаванию в университете и на ВЖК: Кареев сохранил кафедру в Александровском Лицее⁷ и пост председателя Исторического общества при С.-Петербургском университете, Гревс продолжил преподавание в гимназии Л. С. Таганцевой, а вскоре еще и в Тенишевском училище. Правда, защиту его магистерской диссертации в университете, назначенную на ноябрь 1899 г., пришлось отложить, но она успешно состоялась 21 мая 1900 г. На ВЖК же сложилась парадоксальная ситуация: отлученный от преподавания Гревс по-прежнему оставался членом Комитета Общества для доставления средств ВЖК⁸, т. е. непосредственно участвовал в управлении курсами. Забегая вперед, скажем, что изгнание неугодных профессоров оказалось недолгим. 2 марта 1901 г. Н. П. Боголепов скончался от ран, полученных во время покушения; назначенный на его

⁶ Н. И. Кареев достаточно подробно описал, как ему настойчиво предлагали подать прошение об увольнении, и только после его уверенного отказа он был уволен с 1 сентября 1899 г. высочайшим приказом по ведомству Министерства народного просвещения без указания причин. См.: *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 207–209; приказ опубликован: ЖМНП. 1899. Т. 326. Ноябрь. Раздел «Правительственные распоряжения». С. 7. И. М. Гревс получил от ректора университета уведомление об исключении из числа приват-доцентов по распоряжению министра. См.: *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб., 2004. С. 266.

⁷ Ср.: «Немедленно после свидания с товарищем министра <передавшим требование подать в отставку> я поехал в Лицей передать директору Ф. А. Фельдману о том, что со мною случилось. Почтенный военный генерал сказал мне, что Лицей это распоряжение совершенно не касается» (*Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. С. 208).

⁸ ВЖК существовали как частное учебное заведение; министерство утверждало курсы и программы обучения, назначало директора и утверждало кандидатуры преподавателей (которые числились служащими по министерству), а фактическим управлением и финансированием курсов занималось Общество для доставления средств ВЖК во главе с выборными председателем и Комитетом. И. М. Гревс был членом Комитета с 1892 года. 7 декабря 1899 г. Комитет Общества направил ему сочувственное письмо: «<...> с глубоким огорчением приняли мы тяжелое известие об оставлении Вами кафедры истории на Высших женских курсах. <...> Но, теряя Вас, надеемся, временно, как благотворно влиявшего на слушательниц профессора курсов — мы надеемся сохранить Вас в составе Комитета» (цит. по: *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем. С. 267). Гревс состоял в Комитете до января 1901 г.

место «либеральный» П. С. Ванновский ослабил административное давление. И. М. Гревс снова был принят на ВЖК (осенью 1901 г.) и в университет (осенью 1902 г.); Н. И. Кареев воспользовался такой возможностью в 1906 г.

Но вернемся в 1899 год. Научное сообщество отнеслось к отлучению коллег от университетских и курсовых кафедр довольно спокойно: личное сочувствие к пострадавшим, острое у друзей⁹, но в основном ущемлявшееся в рамках корпоративной вежливости, соединялось с восприятием их опалы как неизбежного зла, эксцесса административно-репрессивных мер, приведших, так или иначе, к нормализации университетской жизни¹⁰. При этом у каждого были свои отношения с Кареевым и Гревсом, свое мнение об их роли в студенческих волнениях и об их изгнании из вузов — и это по-разному проявлялось в последующем общении.

И. А. Шляпкин¹¹ пользовался уважением в университете и на ВЖК и как серьезный и разносторонний ученый, и как увлеченный собиратель и исследователь русской старины, и как прекрасный лектор, и как отзывчивый педагог, готовый прийти на помощь студентам и слушательницам в занятиях, а иногда и в личных проблемах. Шляпкин придерживался правых взглядов и категорически осуждал политические требования, выдвигаемые бастующими студентами; по-дружески близкий с С. Ф. Платоновым, он был частным образом в курсе предпринимаемых административных мер. Вместе с тем, университетские свободы и дух товарищеского единения (как студенческого, так и преподавательского) Шляпкин ценил выше законопослушания и чиновничества, что позволило впоследствии ученикам вспоминать о его «лукаво-загадочной анархо-монархической идеологии»¹².

В 1899 г. И. А. Шляпкин по поручению дирекции и Совета профессоров ВЖК должен был составить ежегодный отчет о деятельности курсов за 1898–1899 учебный год¹³. По традиции И. А. Шляпкин обратился к преподавателям, руководившим

⁹ Ср. в письме связанного с Гревсом давней дружбой А. С. Лаппо-Данилевского от 13 августа 1899 г.: «<...> я долго не мог подавить бешенство при мысли о случившемся, да и теперь не могу хладнокровно думать о твоём увольнении» (цит. по: *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем. С. 267).

¹⁰ Показательно отношение к Э. Д. Гримму, который, едва услышав об удалении Гревса, оставил приват-доцентуру в Казанском университете и приехал в столицу, чтобы как можно быстрее договориться о занятии образовавшейся вакансии: отдельные мнения о неэтичности его хлопот были поглощены общим вполне радужным приемом нового коллеги. См.: *Беляева О. М.* Э. Д. Гримм в Петербургском университете: Путь к профессорскому званию // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 202–205.

¹¹ Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) — магистр русской словесности (1891); в 1899 г. был приват-доцентом университета, профессором ВЖК и Александровского Лицея (и заведующим его Пушкинским музеем) и членом Литературного комитета при Дирекции СПб. Императорских театров. Подробнее о нем см.: Илья Александрович Шляпкин в зеркале своих корреспондентов. Письма А. А. Громова. 1904–1918 гг. [Ч. 1] / Вступ. статья, подготовка текста и комментарии А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 416–430.

¹² *Громов А. А.* В студенческие годы // Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 404–405.

¹³ С момента учреждения ВЖК в 1878 г. печатались ежегодные отчеты: С.-Петербургские высшие женские курсы за... год (далее: СПб. ВЖК... с указанием отчетного года). Это издание включало в себя целый ряд документов: отчет Комитета Общества для доставления средств (читался на собрании Общества), отчет

практическими занятиями слушательниц, с просьбой предоставить сведения для включения в отчет. Это была установившаяся практика, перенятая у университетских отчетов, к которой (и здесь и там) относились по-разному: одни преподаватели были подробны, другие обходились общей характеристикой проделанной работы, третьи (в том числе такие авторитетные, как, например, Н. И. Кареев и Ф. Ф. Зелинский) этими обязанностями манкировали. И. М. Гревс всегда составлял наиболее обстоятельные отчеты, включавшие не только общую тематику и методологические задачи семинария, но и перечисление наиболее активных слушательниц с темами и краткими характеристиками сделанных ими докладов, а также педагогические наблюдения руководителя и даже рекомендации по последующему расширению преподавания¹⁴. Однако в 1899 г. И. М. Гревс сведений о деятельности своего семинария не предоставил.

21 ноября 1899 г. на ВЖК состоялся праздник, совместивший ежегодный акт с освящением «нового здания» — флигеля с новым помещением библиотеки, аудиториями и актовым залом. На торжестве присутствовали официальные лица, в том числе министр народного просвещения Н. П. Боголепов, товарищ министра Н. А. Зверев, попечитель С.-Петербургского учебного округа Н. Я. Сонин¹⁵ и многочисленные гости¹⁶; И. М. Гревс как член Комитета Общества для доставления средств ВЖК был в зале. Отсутствие в зачитанной речи его имени, а также какие-то переданные ему слова И. А. Шляпкина заставили И. М. Гревса написать письмо, на которое Шляпкин счел долгом ответить. Публикуемые письма показывают, как отражались происходившие общественно-политические и административные изменения на личных взаимоотношениях преподавателей, как, сохраняя разность в убеждениях, они пытались сохранить корпоративное единство, апеллируя к общим учителям и интересам (итальянское словечко у Шляпкина!). Вместе с тем письма отражают неповторимое обаяние личностей двух замечательных профессоров¹⁷.

«о состоянии» ВЖК (т. е. о ходе учебных занятий; после 1905 г. — «Отчет Совета профессоров»; читался на курсовом акте), сметы, списки членов Общества и пр. Во избежание путаницы здесь и далее в тексте и в публикуемых письмах говорится об отчете «о состоянии» курсов, составление которого находилось в ведении дирекции и Совета профессоров.

¹⁴ Так, отчет И. М. Гревса о деятельности его семинария в 1897–1898 г. занимал 3,5 страницы — больше, чем все остальные отчеты по историко-филологическому отделению вместе взятые (СПб. ВЖК за 1897–1898 г. СПб., 1899. С. 64–67).

¹⁵ О Н. Я. Сонине см. ниже, прим. 23.

¹⁶ См.: СПб. ВЖК за 1898–1899 г. СПб., 1900. С. 9.

¹⁷ Письмо И. М. Гревса сохранилось в архиве И. А. Шляпкина в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом): РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 1131. Л. 3–4. Ответ И. А. Шляпкина сохранился в фонде И. М. Гревса в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. № 340. Л. 3–4. Там же сохранился черновик письма И. М. Гревса (Л. 1–2), отличие которого от итогового текста носит преимущественно стилистический характер; разночтения, показавшиеся нам значимыми, приведены в примечаниях. При публикации орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Подчеркивания в тексте принадлежат авторам.

Письмо И. М. Гревса И. А. Шляпкину. 22 ноября 1899 г.

Каменноостровский, 24.

22 ноября 1899.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Вы выражали, как я слышал, неудовольствие против меня за то, что я не ответил на Ваше письмо¹⁸. Не могу, конечно, не признать, что формально Вы совершенно правы, а я виноват, и я готов извиниться перед Вами в нарушении мною общепринятой корректности. Но раз вопрос таким образом поставился, я нахожу нужным исправить хоть теперь свою вину откровенным объяснением того, что побудило меня промолчать. Меня прежде всего привел в тягостное недоумение самый характер выраженного Вами в письме Вашего «сочувствия» постигнутому меня событию. Вы, по-видимому, объясняете происшедшее моими «убеждениями», которых сами, как тут же говорите, не разделяете. В данном случае я не понимаю, в чем заключается та разница между Вами и мною, которая могла заставить Министерство отсечь меня, как вредного члена, а других многих признать полезными и сохранить за ними профессорские места. Я всегда думал, что Вы, независимо от содержания Вашего личного мировоззрения, которое может сильно различаться с моим, — представитель одного со мною взгляда на обязанности профессора, взгляда, который я высказал в статье, посвященной памяти нашего общего учителя¹⁹. Я считал Вас несомненным сторонником системы гуманного, просвещенного, научно-серьезного и беспристрастного, свободного, но лояльного²⁰ воздействия на юношество посредством профессорского слова. А ведь в этом именно стоит и вопрос, а не в славянофильстве или западничестве, консерватизме или либерализме...²¹ В период, когда находишься под свежим ударом оскорбления, подобного тому, какое нанесено мне, очень дорого встречать нравственную поддержку в товарищах, которых уважаешь, хотя бы они были и не близкими друзьями. С глубокою благодарностью принял бы я поэтому от Вас приветствие и слово симпатии моей судьбе: но Вы подчеркнули не солидарность, а рознь в таком деле, в каком я не мог никак встретить в Вас разногласие. Это мне было тяжело: отписываться банальностями я не хотел, искренно говорить было трудно. Вот почему вышло так, что я Вам не ответил сразу.

Что касается деловой части Вашего письма, то самый факт непредставления мною отчета в назначенный Вами срок заключал, как мне казалось, ответ на поставленный Вами вопрос, т. е. показывал, что я считаю при настоящих

¹⁸ Это письмо И. А. Шляпкина к И. М. Гревсу, к сожалению, неизвестно.

¹⁹ Выдающийся византист и медиевист академик Василий Григорьевич Васильевский (1838–1899) умер 13 мая 1899 г. Имеется в виду статья: *Гревс И. М.* Василий Григорьевич Васильевский, как учитель науки: набросок воспоминаний и материалы к характеристике // ЖМНП. 1899. Т. 324. Август. Раздел «Современная летопись». С. 27–74; см. также: *Гревс И. М.* Памяти В. Г. Васильевского // СПб. ВЖК за 1898–1899 г. СПб., 1900. С. [9]–[12].

²⁰ Последние два слова в черновике отсутствуют.

²¹ Последнее предложение в черновике отсутствует.

обстоятельствах неудобным говорить о моих последних практических занятиях со слушательницами. Теперь я готов объяснить Вам, почему я так смотрел на дело. Так как я исторгнут²² из числа преподавателей Курсов и не мог бы, как член Совета, гарантировать своим участием в обсуждении общего отчета принятие, в частности, моих слов в том виде, какой я бы мог согласиться им придать, то я и не хотел предоставлять своего доклада на суд коллег, в котором сам не участвовал. Правда, раньше авторские тексты принимались без изменения; но при нынешних обстоятельствах я не мог быть уверен, что дело не изменится. Опасения мои могли быть, может быть, названы тогда необоснованными, но теперь, после акта, реальность их обозначилась довольно хорошо. Если автор общего отчета (т. е. Вы) и Совет нашли приличным и совместным с своим достоинством²³ уклониться от прямой обязанности помянуть словом хотя бы только официального внимания факт ухода покинувших Курсы товарищей (меня в том числе), почему же должен я думать, что тем же молчанием не были бы обойдены на акте и мои практические занятия (ведь пришлось бы, говоря о них, назвать мое имя?), — и что даже в печати Совет не нашел бы нужным также изменить как-нибудь мои слова.

Прошу Вас верить в искренность моего уважения к Вам и не искать в настоящих словах моих желания сделать Вам неприятное. Только услышав об адресованном Вами упреке мне, я нашел справедливым не скрывать больше горького чувства, которое вызвали во мне раньше форма и тон Вашего приветствия, теперь игнорирование в отчете Вами и Советом «невольны замолкших»²⁴ коллег. Простите, если я сказал что-нибудь неверное. Думаю, что Вы поймете, что, как скромно ни оцениваю я сам свою деятельность, в таком «уединении», как мое, не может не ощущаться обидою разногласие или равнодушие тех, с которыми важно было бы чувствовать себя солидарным.

Искренно готовый к услугам

Ив. Гревс.

Если Вы желали и теперь присоединить к своему отчету сведения о моих занятиях и согласны напечатать их в том виде, как я их представляю (т. е. в таком же приблизительно, как в последние годы), то мне самому было бы дорого их поместить: занятия эти продолжали раньше начатый цикл, и досадно не сказать о них ни слова²⁵. Если Вы мне ничего не ответите на данный пункт, я буду считать, что Вы находите исполнение моего предложения неудобным, в противном случае будьте добры назначить мне срок.

²² В черновике: извергнут.

²³ Последние четыре слова в черновике отсутствуют.

²⁴ В черновике: «невольны умерших». Вероятно, перебеливая ответ, И. М. Гревс уточнил выражение И. А. Шляпкина из его письма.

²⁵ Уточнение после двоеточия в черновике отсутствует.

Ответ И. А. Шляпкина И. М. Гревсу. 4 декабря 1899 г.

В. О. 12 линия, д. 27, кв. 7.

4/ХІІ 1899.

Многоуважаемый Иван Михайлович!

Я не отвечал сразу на Ваше письмо, так как нужно было справиться насчет Вашего отчета у членов Совета и у Директора. Я не могу без санкции Совета поместить имеющие быть Вами мне сообщенными (одним словом, *Participium futuri*) сведения о практических занятиях слушательниц в печатном отчете. Если Вам будет угодно сообщить их, то я не думаю, чтобы они были кем-либо из Совета обсуждаемы и сокращаемы, но поручиться, конечно, не могу²⁶.

Это официальная часть моего ответа. Теперь часть неофициальная. Не скрою, что письмо Ваше произвело на меня не особенно приятное впечатление: я совершенно просто выразил Вам свое сочувствие, а Вы прочли в нем что-то совершенно особое и как будто хотите уязвить ни в чем не повинного Нафанаила²⁷. Ведь если бы у меня была какая-нибудь *reservatio mentalis*²⁸, так ведь я мог бы просто официально адресоваться к Вам насчет отчета, и basta. Я не знал и не знаю причины Вашего увольнения и считал его вызванным именно направлением Ваших лекций, Вашего исторического мировоззрения. Но из Вашего письма приходится сделать другой вывод, вывод совсем неожиданный и довольно обидный и для себя, да и для всех оставшихся на курсах моих товарищей. Выходит, что Вы удалены как «сторонник системы гуманного, просветительного, научно серьезного, беспристрастного, свободного, но лояльного воздействия на юношество путем профессорского слова». Ergo, все неудаленные суть противники этой системы — люди обскурантные, жестокие, ненаучные, несерьезные, пристрастные, рабски мыслящие и даже не лояльные... Но я не расписываюсь в приеме такой аттестации, ибо понимаю, что человеку, горько оскорбленному, все кажется в мрачном свете, и лучшие чувства истолковываются им в дурную сторону.

Далее, в неупоминании Вашего имени и имен других оставивших курсы Вы видите как будто подтверждение враждебного к Вам отношения и с моей стороны, и со стороны коллег. Но ведь тогда и один из оставивших курсы мог тоже усмотреть враждебное к себе умолчание о назначении его на высший административный пост²⁹. Были две причины умолчания: одна — совершенно обычная: во избежание длиннот обыкновенно вовсе не перечитывается на отчете персонал служащих

²⁶ Сведения о занятиях семинария под руководством И. М. Гревса в отчете за 1898–1899 г. отсутствуют.

²⁷ Имеется в виду апостол Нафанаил, он же Варфоломей. Ср.: «Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства» (Иоан. 1:47).

²⁸ Задняя мысль, неискренность, двусмысленность (*лат.*).

²⁹ Имеется в виду математик Николай Яковлевич Сонин (1849–1915), академик (1893), профессор ВЖК (с 1894 г.); с 30 июля 1899 г. он занял должность попечителя С.-Петербургского учебного округа. Н. Я. Сонин был известен своими правыми взглядами и поддержкой полицейских мер по пресечению студенческих волнений (на это Шляпкин намекает ниже в письме). Заняв административный пост, он непосредственно участвовал в увольнении Н. И. Кареева и И. М. Гревса. См.: *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. С. 209.

и происшедшие в нем перемены. А тут пришлось сделать обзор 10-летия преобразованных курсов³⁰, и в результате все-таки обзор читался 40 м<инут> вм<есто> обычных 20. Вторая причина была желание избежать знаков одобрения или неодобрения на самом акте. Ведь Вы отлично знаете, как популярны на Курсах Вы и как непопулярен один ушедший. Спокойно прошедший акт имеет большое значение для прочности курсов, пока единственным рассадника высшего женского образования, официально признанного, а мы все обязаны беречь курсы. Конечно, для сторонников доктрины *tant pis tant mieux*³¹ вывод будет другой, но ведь я, помнится, слышал, как Вы успокаивали наших слушательниц весною, и знаю, что и для Вас существование курсов — вещь очень важная.

В печатном отчете все, конечно, появится в полном виде³².

Я пишу Вам все это потому, что привык уважать Вас и как человека, полного терпимости к чужим мнениям, и как одного из талантливейших наших всеобщих историков и блестящих лекторов. Если я сказал что-либо жесткое, простите меня и верьте, что я искренно жалею и о потере (надеюсь, временной!) такой крупной силы на наших курсах, и об отсутствии свободы мнений, и невольно вспоминаю покойного Ореста Федоровича³³.

И. Шляпкин.

³⁰ Составленный И. А. Шляпкиным отчет охватывал десятилетний период с 1889 г., когда был возобновлен временно приостановленный прием слушательниц на ВЖК вместе с принятием нового положения о курсах и изменения программ обучения.

³¹ Чем хуже, тем лучше (*франц.*).

³² Печатный текст отчета (как во всех предыдущих и последующих случаях) содержал полный список профессоров и преподавателей ВЖК, а также отдельный список выбывших в отчетный период, в котором были названы и имена Н. И. Кареева и И. М. Гревса; причина выбытия указана только у умершего М. Д. Львова. См.: СПб. ВЖК за 1898–1899 г. СПб., 1900. С. 47–48.

³³ Имеется в виду Орест Федорович Миллер (1833–1889), историк русской словесности, профессор СПб. университета и ВЖК. Апелляция Шляпкина к имени О. Ф. Миллера (как бы рифмующаяся с аналогичной апелляцией Гревса к имени В. Г. Васильевского) относится в первую очередь к деятельности Миллера по учреждению (в 1882 г.) и руководству университетским студенческим Научно-литературным обществом, в котором принимали участие Гревс и Шляпкин, а также братья С. Ф. Ольденбург, А. А. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов и еще целый ряд впоследствии известных ученых и общественных деятелей; секретарем общества в 1886 г. был избран А. И. Ульянов. В 1887 г. общество было закрыто.

Раздел 3

XX ВЕК: ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА, КИНО

Николай Николаев

ПОСЛЕ ФОРМАЛИЗМА: Р. О. ЯКОБСОН И М. М. БАХТИН

Этой теме уже неоднократно касались, но нас интересует в связи с этой темой нечто иное. Р. О. Якобсон сыграл исключительную роль в процессе усвоения трудов М. М. Бахтина на Западе и в России.

Р. О. Якобсон застал, собственно говоря, три этапа усвоения трудов М. М. Бахтина.

1. 1963–1965 гг. — издания «Проблем поэтики Достоевского» и «Творчества Франсуа Рабле», положившие начало невероятной известности М. М. Бахтина.

2. 1966–1973 гг. — публичное объявление о принадлежности М. М. Бахтину трудов, изданных под именами его друзей — В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева: сначала как слух, может быть, уже в 1966 г. в Кяэрику, летней школе по семиотике, устроенной Ю. М. Лотманом под Тарту в Эстонии; потом в 1970 г. на заседании, посвященном 75-летию М. М. Бахтина, в докладе Вяч. Вс. Иванова, напечатанном в 1973 г. в Трудах по знаковым системам, посвященных М. М. Бахтину.

3. 1973–1986 гг. — публикация ранних работ М. М. Бахтина: сначала в 1974 г. в «Контексте» в извлечениях, а в 1975 г. полностью была напечатана статья 1924 г. с критикой формальной школы; затем в 1977–1978 гг. отдельные главы, а в 1979 г. полный на тот момент текст «Автора и героя»; и наконец, в 1986 г., уже после кончины Р. О. Якобсона, самый ранний известный нам значительный текст М. М. Бахтина «К философии поступка».

Все эти публикации появлялись в обратном порядке относительно времени их написания, последовательно приближаясь к философскому ядру и началу всего творчества М. М. Бахтина.

Соответствующий этим трудам историко-литературный контекст восстановлен быть не мог и потому не восстанавливался. Были попытки культурологического анализа, например, книги о Рабле (статьи Г. С. Померанца и Л. М. Баткина). Но, по сути, при общем восторге никто не знал — и не знает до сих пор, — куда вписать эти работы 1920-х–1930-х гг. и как их понимать, хотя уже в 1968 г. Вяч. Вс. Иванов в одной из буддологических работ сравнил «Проблемы поэтики Достоевского» с философскими сочинениями Сартра, то есть показал предполагаемый или возможный философский контекст и книги о Достоевском, и книги о Рабле¹.

¹ *Иванов Вяч. Вс.* Об аналогиях между буддистской логикой и новейшей европейской наукой // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1968. Вып. 3. С. 145.

И вот именно на втором этапе усвоения трудов М. М. Бахтина исключительную роль сыграл Р. О. Якобсон как авторитетнейший филолог прошлого века.

Имя М. М. Бахтина ему было знакомо со времени появления в 1929 г. первого издания книги о Достоевском. Ведь эту книгу использовал в своих лекциях о Достоевском Н. С. Трубецкой. А изданная под именем В. Н. Волошинова книга «Марксизм и философия языка» (1929 г.; далее — МФЯ) сразу попала в кругозор Р. О. Якобсона, о чем он неоднократно писал тому же Н. С. Трубецкому. И не только писал, но и неоднократно ссылаясь на нее в своих работах 1940-х — 1960-х гг. И то, что Р. О. Якобсон отмечал в МФЯ как соответствующее его лингвистической и семиотической концепции, после соединения с именем М. М. Бахтина стало принципом анализа его трудов, который и был блестяще исполнен Вяч. Вс. Ивановым. И надо сказать, необычность этой трактовки несомненно соответствовала необычности творчества М. М. Бахтина. Более того, на тот момент это было наиболее вызывающим отходом от всех стереотипов². Потом последовало признание на Западе, а Р. О. Якобсон этот принцип анализа сам закрепил в кратком предисловии к французскому переводу МФЯ 1977 г.³

И все же при всей исторической важности этого подхода — в рамках структуралистской парадигмы — ничего не было более чуждого для понимания творчества М. М. Бахтина, чем этот семиотический и лингвистический подход, на неадекватность которого тогда же указал в своем блестящем памфлете М. Л. Гаспаров.

По мере появления во второй половине 1970-х гг. новых источников — лекций М. М. Бахтина по истории русской литературы в записи Р. М. Миркиной, лекций и выступлений М. М. Бахтина в записи Л. В. Пумпянского и ранней статьи М. М. Бахтина «Искусство и ответственность», напечатанной в 1919 г., находка которой была полной неожиданностью (об этой статье М. М. Бахтин никогда и никому ничего не говорил) — стало ясно, насколько различны творческие контексты Р. О. Якобсона и М. М. Бахтина: в одном случае — авангард и футуризм, в другом — символизм в варианте Вяч. Иванова. И это было присуще не только М. М. Бахтину, но и остальным главным представителям Невельской школы философии, зародившейся в Невеле в 1918 г., М. И. Кагану и Л. В. Пумпянскому, ближайшим соратникам и сподвижникам.

После появления ранних работ стал ясен и метод анализа, свойственный М. М. Бахтину, — феноменологическое описание (причем, скорее, в неокантианской огласовке), которому он следовал так или иначе на протяжении всего своего творчества. Стали ясны и два философских открытия, на наш взгляд, сопутствовавшие

² Через несколько десятилетий Вяч. Вс. Иванов так объяснял свою «раннюю попытку семиотического истолкования» Бахтина в статье 1973 г.: «В то время мы могли о нем (и на другие самые близкие нам темы) говорить только на эзотерическом языке семиотики, тогда нами понимавшейся предельно широко» (*Иванов Вяч. Вс.* Послесловие к работам о Бахтине // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2009. Т. 6: История науки: Недавнее прошлое (XX век). С. 224–225).

³ См. перевод предисловия 1977 г. и его обстоятельный анализ в статье В. Л. Махлина (*Махлин В. Л.* На следие и рецепция, или Р. Якобсон о М. Бахтине // Вопросы литературы. 2016. № 6. С. 94–108).

этому методу: замена субъект-объектного отношения новоевропейской философии понятиями «автор и герой» и открытие «нравственной реальности». Причем о последнем мы можем судить только предположительно и косвенно: больше к его разработке М. М. Бахтин не смог вернуться.

Нужно напомнить, хотя это и так хорошо известно, что феноменология — и именно гуссерлианская — сопровождала Р. О. Якобсона всю жизнь, еще со студенческой скамьи. И здесь тоже три периода: 1) в 1910-е гг. ученичество у Г. Г. Шпета, Шпета-гуссерлианца, до отъезда в 1920 г., совпавшее с Московским лингвистическим кружком и с ОПОЯЗом, т. е. началом русского формализма; здесь Гуссерль 2-го тома «Логических исследований»; 2) в 1920-е гг. резкая полемика с Г. О. Винокуром, последовавшим за Г. Г. Шпетом в создании на основе гуссерлианской феноменологии своего варианта философской герменевтики; Р. О. Якобсон все на тех же, как следует понимать, позициях «Логических исследований»; 3) с 1930-х гг. гуссерлианство в рамках Пражского лингвистического кружка; однако, по мнению некоторых современных исследователей, феноменологическая составляющая в трудах Р. О. Якобсона в послевоенный период ослабевает и почти исчезает, заменяясь иными конструктами. Но столь же решительно различаются по многообразию подходов довоенные и послевоенные его работы, например, по поэтике.

Таким образом, у М. М. Бахтина была другая феноменология, но и лингвистическая концепция была другой. М. М. Бахтин движется от натуралистической концепции языка (в статье 1924 г.) — через Г. Риккерта — к знаковой концепции в МФЯ. Но между ними, конечно, изданный под именем П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» (1928 г.; далее — ФМЛ), где отразились та и другая концепции, т. е. присутствует некоторый разлом. Примечательно, что в ФМЛ Ф. де Соссюр еще не упомянут, хотя и названы его ученики и издатели «Курса». А знаковая концепция уже присутствует и восходит — заимствована — к первому тому «Философии символических форм» Э. Кассирера. Это — другое отличие от Р. О. Якобсона. Между тем, сам Э. Кассирер уже в Штатах присоединился к концепции Р. О. Якобсона.

Что же касается марксизма этих книг, изданных под именами друзей, то надо помнить об изначальном отрицательном отношении Невельской школы философии к марксизму, как об этом свидетельствует доклад Л. В. Пумпянского о марксизме 1924 г. Однако приписка к докладу мнения М. М. Бахтина говорит о приемлемом в марксизме, что и позволяет частично перейти на социологический язык в области эстетики и литературы.

Нужно сказать, что Р. О. Якобсон был представителем в западной, так сказать, науке не только русского формализма. О постоянном упоминании МФЯ мы уже сказали. Из чешского курса 1935 г. «Формальная школа и современное русское литературоведение» следует, что напечатанная под именем В. Н. Волошинова статья 1926 г. «Слово в жизни и слово в поэзии» также была у него на памяти.

Но из того же курса 1935 г. следует, что и ФМЛ как критика формализма тоже был в поле зрения Р. О. Якобсона: в курсе 1935 г. только ФМЛ наряду с работой

Н. И. Ефимова⁴ назван обзором с критикой⁵. Примечательно, что обзор, а это действительно аналитический обзор, Н. И. Ефимова содержит пространные цитаты — без кавычек — из статьи «Слово в жизни и слово в поэзии». Таким образом, в какие-то моменты эти тексты М. М. Бахтина были у Р. О. Якобсона перед глазами и на памяти. Более того, можно с большой долей вероятности предположить, что этот курс 1935 г. в значительной степени полемичен по отношению именно к ФМЛ.

Но здесь надо отметить несколько особенностей ФМЛ:

1. ФМЛ тем или иным образом соотносится с «неформальной», т. е. немарксистской, критикой формальной школы: все предостережения и полемические вопросы отражены в ФМЛ; вот истинный контекст ФМЛ, а вовсе не марксизм.

2. Марксизм в ФМЛ условен и исходит из попытки совместить его с эстетической теорией М. М. Бахтина, как она представлена в статье 1924 г.

3. Текст ФМЛ, как и всех остальных работ, вышедших под именами друзей, надиктован М. М. Бахтиным; обычно это происходило летом; например, достаточно убрать сноски в МФЯ, чтобы понять, что его текст надиктован и только потом снабжен сносками.

Таким образом, с 1920-х по 1980-е гг. теоретические построения М. М. Бахтина в том или ином виде сопровождают творческую работу Р. О. Якобсона. И после того, как стало известно, что все эти тексты принадлежат М. М. Бахтину, для Р. О. Якобсона вдруг все соединилось в одно целое. Всегда открытый новому, редчайший тип ученого-организатора науки, — таких людей всегда единицы, — Р. О. Якобсон несомненно обсуждал открывшееся и ставшее ясным единство бахтинских текстов, например, с тем же талантливейшим Вяч. Вс. Ивановым, что и могло послужить для последнего толчком к написанию его знаменитой статьи. Более того, своими обращениями на протяжении десятилетий к этим текстам — сколь бы они ни были беглыми — Р. О. Якобсон фактически исподволь подготавливал, еще не зная этого, сформированную им самим структуралистскую парадигму к восприятию М. М. Бахтина.

Но сколь бы несовместимы, непроницаемы и альтернативны ни были теории Р. О. Якобсона (и русского формализма) и М. М. Бахтина, отказ от позиции Р. О. Якобсона, выраженной в 1977 г. в предисловии к французскому переводу МФЯ, оказался катастрофичным, поскольку в результате зародился антибахтинизм. Уже в 1970-е гг. стали раздаваться вопросы о действительной принадлежности М. М. Бахтину книг, изданных под именами его друзей. И особенно они участились после выхода биографии М. М. Бахтина М. Холквиста и К. Кларк. Потом этот скепсис перешел в Британию, в Бахтинский центр.

Параллельно западным движениям в России появились в конце перестройки активные сторонники В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева как истинных авторов книг М. М. Бахтина, выпущенных под именами друзей.

⁴ Ефимов Н. И. Формализм в русском литературоведении // Научные известия Смоленского гос. ун-та. 1929. Т. 5. Вып. 3. С. 31–107.

⁵ Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение / Перев. с чешского. М., 2011. С. 84.

Эти два течения должны были встретиться, и они встретились в начале 2000-х гг. И здесь особая роль принадлежит книге В. М. Алпатова «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (2005), где с конъюнктурными намерениями просто не упомянуты лингвистические разделы в статье 1924 г. и ФМЛ.

Порождением или следствием встречи этих двух течений было следующее: появились работы о В. Н. Волошинове и МФЯ, в которых имя М. М. Бахтина вообще не упоминается.

Но самым непоправимым на настоящий момент следствием стал отказ издателей Собрания сочинений М. М. Бахтина выпустить запланированный в 1990-е гг. при начале издания Собрания сочинений том работ М. М. Бахтина, изданных под именами друзей и учеников. Ведь сколько ни твердили об авторстве В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева их русские сторонники, но критического и комментированного издания их работ так и не выпустили. Помимо всего, такой том, если бы он появился среди томов Собрания сочинений М. М. Бахтина, показал бы последовательное развитие мысли М. М. Бахтина от его ранних работ к книге о Достоевском.

Эти крайние проявления антибахтинизма вызваны, с одной стороны, утратой целостного — в определенной мере — взгляда, присущего, например, Р. О. Яковсону, который никак не смог бы унизиться до антибахтинизма (полемика — да, но не антибахтинизм), а с другой стороны, неспособностью тех, кто теперь следует в кильватере традиции — формальная школа, структурализм и т. д., — охватить, осознать всю конструкцию (неудачное слово, но другого нет) бахтинской мысли, и вынужденных поэтому разрывать его мысли на части и фрагменты, что ни в коем случае не добавляет им ясности. Вот и появляются виртуальные авторы: Волошинов для статей и МФЯ, Медведев для ФМЛ.

Таким образом, теоретический путь М. М. Бахтина остается нераскрытым. Если раньше огромный свод неразрывно связанных идей М. М. Бахтина был недоступен из-за рвения советской цензуры, то теперь уже на наших глазах он вновь уходит в неизвестность стараниями другой цензуры, отказывающей ему в авторстве его книг, и неизвестно, дождется ли он своего воскрешения.

Остается вспомнить слова Ю. М. Лотмана о научной честности М. М. Бахтина, ясной для каждого, кто с ним общался.

Сергей Серебряный

ПОЛИНА ПОДЛЯШУК: НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕВОДЧИЦА ПИСЬМА ЛЬВА ТОЛСТОГО К М. К. ГАНДИ

В истории российско-индийских взаимоотношений есть эпизод, который довольно широко известен и который часто вспоминают и индийцы, и россияне (особенно во время дипломатических встреч), но который, как ни странно, пока ещё далеко не достаточно исследован. Речь идёт о переписке между Мохандасом Карамчандом Ганди (02.10.1869 — 30.01.1948) и Львом Николаевичем Толстым (09.09.1828 — 20.11.1910), которая длилась примерно год: с октября 1909 г. по сентябрь 1910 г. — последний год жизни Толстого.

«Корпус» переписки состоит из семи писем: четырёх — от Ганди к Толстому и трёх — от Толстого к Ганди. (О причинах асимметрии в количестве писем см. далее.) К этому основному «корпусу» примыкает ещё некоторое число писем между Ганди и сотрудниками Толстого (а также между сотрудниками Ганди и сотрудниками Толстого), написанных как в те же месяцы, так и позже.

На русском языке этот «корпус» был впервые (но не полностью) опубликован в 1939 г.¹ Три письма Толстого к Ганди были опубликованы в «юбилейном» девяностомном Полном собрании сочинений Толстого² (в общем хронологическом порядке) в 1955–1956 гг. (в тт. 80–81)³. В 1960 и 1971 гг. А. И. Шифман (1907–1992) в двух изданиях своей книги «Лев Толстой и Восток» дал краткое (и не во всех деталях верное) описание переписки Ганди и Толстого⁴. Полностью под одной обложкой эта переписка была у нас издана в 2013 г.⁵

Семь писем, которыми обменялись Ганди и Толстой, — это лишь небольшая часть огромных эпистолярных наследий и того, и другого. В 90-томнике Толстого

¹ Переписка Толстого с М. К. Ганди / Публ. А. [П.] Сергеевко // Литературное наследство. Том 37/38: Л. Н. Толстой. II. М., 1939. С. 339–352.

² *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинение [юбилейное, в 90 томах]. М., 1928–1958 (далее — ПСС с указанием тома и страниц).

³ Подобным же образом (среди прочих писем, в общем хронологическом порядке) письма Ганди к Толстому были опубликованы в стотомном Собрании сочинений Ганди: [*Gandhi M. K.*] The Collected Works of Mahatma Gandhi. Volumes 1–100. New Delhi: Government of India, Publications Division, 1956–1994 (далее — CWMG с указанием тома и страниц).

⁴ См.: *Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток. М., 1960. С. 249–264; *Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток. Изд. 2-е, переработ. и дополн. М., 1971. С. 160–173.

⁵ См.: Л. Н. Толстой и Индия. Переписка / Сост. Т. Н. Загородникова. М., 2013. С. 218–239.

письма выделены в отдельные тома: тт. 59–89 и частично т. 90. В стотомнике Ганди письма занимают бóльшую часть большинства томов.

С мая 1893 г. по июль 1914 г. (21 год!) Ганди жил и работал в Южной Африке. Сначала он занимался только юридической практикой (в 1888–1891 гг. он изучал право в Лондоне и стал дипломированным юристом). Но вскоре местная индийская община вовлекла его в правозащитную деятельность. Дело в том, что правившее в Южной Африке белое меньшинство стремилось ограничить неконтролируемый приток иммигрантов из Индии, принимая различные дискриминационные законы. Ганди возглавил борьбу против такого дискриминационного законодательства, за то, чтобы у индийцев в Южной Африке были, как в самой Индии, все права подданных Британской империи. Более десяти лет борьба эта велась путём переговоров с начальством (и в Южной Африке, и в Лондоне), обращений с петициями и т. д., но в 1907 г. индийцы под руководством Ганди перешли к «прямому действию» (*direct action*) методами «пассивного сопротивления» (*passive resistance*); такие термины и такие методы были уже хорошо известны в британском общественно-политическом обиходе. Именно «пассивное сопротивление» стало центральной темой переписки Ганди с Толстым⁶. Ганди ждал и получил от Толстого авторитетную поддержку своему «пассивному сопротивлению», а Толстой видел в этом «пассивном сопротивлении» развитие своей проповеди «непротивления злу насилием». Соотношение идей «позднего» Толстого, с одной стороны, и идей и практики «раннего» («южноафриканского») Ганди, с другой, — это особая сложная тема, которую здесь невозможно рассмотреть подробно.

В последние десятилетия своей жизни Толстой, став мировой знаменитостью, получал много писем из разных стран. И на многие письма (может быть, на большинство) он или отвечал сам, или поручал ответить своим помощникам. Толстой писал письма по крайней мере на четырёх языках. Не знаю, производил ли кто-нибудь точные подсчёты, но можно полагать, что бóльшую часть писем Толстой писал на русском. Нередко он писал на французском или на немецком, иногда на английском. Иногда он писал текст письма на русском, а потом просил кого-нибудь из родственников или сотрудников перевести этот текст на другой язык.

Что касается трёх его писем к Ганди, то у каждого из этих писем своя история.

Первое письмо к Толстому Ганди написал в Лондоне 1 октября 1909 г., накануне своего сорокалетия (см.: CWMG 9: 444–446). Все свои письма Толстому Ганди писал на английском. Толстой не нуждался в переводах.

Первое ответное письмо к Ганди Толстой написал уже 8 октября (по новому стилю) в Ясной Поляне (см.: ПСС 80: 110–112). Написал на русском, а английский

⁶ Ко времени этой переписки Ганди уже переименовал «пассивное сопротивление», придумав для своих методов борьбы санскритский неологизм «сатьяграха» (*satyāgraha* — буквально можно перевести как «упорствование в истине»). Но в своих письмах к Толстому Ганди использовал только английское выражение *passive resistance*, вероятно, чтобы не утруждать Толстого экзотическим индийским словом.

перевод сделал Эйлмер Мод⁷, гостивший в то время в Ясной Поляне (см.: ПСС 80: 111).

Ответ Толстого застал Ганди ещё в Лондоне, и он написал там своё второе письмо Толстому 10 ноября 1909 г., незадолго до отбытия обратно в Южную Африку, и просил писать ему в дальнейшем в Йоханнесбург (см.: CWMG 9: 528–529).

Толстой получил и прочитал это письмо, но не ответил на него, потому что письмо затерялось и было найдено в Ясной Поляне только в 1956 г.⁸

Не дождавшись ответа на своё второе письмо из Лондона, Ганди послал Толстому ещё одно письмо — 4 апреля 1910 г. из Йоханнесбурга (см.: CWMG 10: 210).

Толстой ответил из Ясной Поляны 8 мая (по новому стилю) кратким письмом (обещая позже написать подробнее). В ПСС в качестве оригинала опубликован текст на английском языке (ПСС 81: 247–248), а текст на русском языке приложен в качестве анонимного перевода (ПСС 81: 248). Из редакционного комментария трудно понять, как возник текст на английском языке: есть черновик (на английском), написанный рукой невестки Толстого, Ольги Константиновны⁹, правленный и дополненный Толстым¹⁰, и «беловик», переписанный рукой той же Ольги Константиновны. Возможно, Л. Н. надиктовал невестке письмо сразу по-английски, а потом правил и дополнял её запись.

Ганди ответил Толстому из Йоханнесбурга 15 августа 1910 г. (см.: CWMG 10: 306–307).

Толстой с конца августа гостил у своей дочери Татьяны Сухотиной¹¹ в родовом имении её мужа — Кочетах. Здесь, 19–20 сентября (по новому стилю) 1910 г. (за два месяца до смерти), Толстой написал (точнее — надиктовал Душану Маковицкому и потом выправил) своё третье, последнее, самое длинное и самое богатое по содержанию письмо к Ганди, отвечая, по сути дела, на все четыре его письма (см.: ПСС 82: 137–141).

Чтобы понять, что произошло с этим письмом в Йоханнесбурге, надо переместить наше повествование из России сначала в Лондон и затем в Южную Африку.

В сентябре 1931 г. Ганди, будучи в Лондоне, дал интервью местной газете «The Jewish Chronicle». Текст интервью, изданный в CWMG, начинается так:

I have a world of friends among the Jews. In South Africa I was surrounded by Jews, and I have had a Jewish shorthand writer and typist who was regarded more as a member of the family (CWMG 48: 105).

⁷ Aylmer Maude (1858–1938) — англичанин, живший и учившийся в России; друг Толстого, переведший (вместе со своей женой Луизой) ряд его произведений на английский язык. См.: Aylmer and Louise Maude. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Aylmer_and_Louise_Maude (дата обращения 11.08.2022).

⁸ См.: *Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 165.

⁹ Толстая (рожд. Дитерихс) Ольга Константиновна (1872–1951) — невестка Л. Н. Толстого, первая жена (с 1899 г., в 1907 г. разведены) его сына Андрея Львовича. URL: http://tolstoy-manuscript.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=79:f46&catid=3:c-family-guide&Itemid=10 (дата обращения 10.07.2022).

¹⁰ См. фотографию первой страницы этого черновика: *Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток. М., 1960. С. 261.

¹¹ Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864, Ясная Поляна — 1950, Рим). См. о ней: *Tatiana Sukhotina-Tolstaya*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Tatiana_Sukhotina-Tolstaya (дата обращения 10.07.2022).

Ганди имел в виду (хотя почему-то не назвал её по имени) свою многолетнюю преданную помощницу, которую в литературе о Ганди обычно называют Sonja Schlesin. Иногда её имя пишут и как Sonia или Sonya. Очевидно, что по-русски это «Соня», то есть уменьшительно-ласкательная форма имени «Софья». О Софье Шлезин (1888–1956), как и о других сотрудниках Ганди в Южной Африке, мы знаем меньше, чем хотелось бы, но всё-таки основные вехи её биографии известны¹². Её родители были литовские евреи, перебравшиеся сначала в Москву (где Софья родилась в 1888 г.), а потом (в 1892 г.) — в Южную Африку. Около восьми лет, вплоть до 1914 г., когда Ганди покинул Южную Африку, Софья работала в его адвокатской конторе в Йоханнесбурге и принимала самое активное участие в его общественной (правозащитной) деятельности¹³. После 1914 г. Ганди часто и щетно звал Софью в Индию. Она предпочла остаться с родителями и сестрой в Южной Африке и много лет преподавала латынь в средней школе. Эта, несомненно, выдающаяся женщина заслуживает большего внимания, чем ей было оказано до сих пор, но к теме этой моей заметки она, насколько я могу судить, не имеет непосредственного отношения.

Зато два других друга и сотрудника Ганди по Южной Африке имеют к данной теме отношение вполне прямое.

Генри Полак (H. S. L. Polak, полностью: Henry Solomon Leon Polak, 1882–1959) был одним из самых близких друзей Ганди в Южной Африке¹⁴. Родившись в Англии, в еврейской семье среднего достатка, Полак в 1903 г. (почти в том же возрасте, что и Ганди в 1893 г.) приехал в Южную Африку. С Ганди он познакомился в 1904 г. в Йоханнесбурге, в вегетарианском ресторане. Помимо вегетарианства, общим у них оказался и интерес к Толстому¹⁵. В течение десяти лет (до 1914 г.) Ганди и Полак тесно сотрудничали и дружили семьями. Но потом пути их разошлись. Полак, как и Софья Шлезин, не последовал за Ганди в Индию, а вернулся с семьёй на родину, в Англию, и оттуда, издавее, критиковал политическую деятельность Ганди в Индии — от кампании «несотрудничества» 1920–1921 гг. до движения «Quit India» 1942 г. Многолетняя переписка Ганди и Полака ещё ждёт своего исследователя.

Герман Калленбах (Hermann Haim Kallenbach, 1871–1945)¹⁶ был столь же (если не более) близким другом Ганди во второе десятилетие его жизни в Южной Африке.

¹² См.: *Chatterjee M. Gandhi and his Jewish Friends*. London etc., 1992, passim; *Paxton G. Sonja Schlesin: Gandhi's South African Secretary*. Glasgow, 2006. См. также: Sonja Schlesin. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sonja_Schlesin (дата обращения 10.07.2022).

¹³ В «Автобиографии» Ганди (часть 4, глава XII) можно прочитать его восторженное описание «Мисс Шлезин» (см.: CWMG 39: 226–227; ср. *Ганди М. К. Моя жизнь*. М., 1969. С. 256–257).

¹⁴ См.: *Chatterjee M. Gandhi and his Jewish Friends*, passim; [Allen, Margaret] Chapter 3. Henry Polak: The Cosmopolitan Life of a Jewish Theosophist, Friend of India and Anti-racist Campaigner // Haggis J., Midgley C., Allen M., Paisley F. *Cosmopolitan Lives on the Cusp of Empire*. Interfaith, Cross-Cultural and Transnational Networks, 1860–1950. Palgrave Macmillan, 2017.

¹⁵ В своей «Автобиографии» (часть 4, глава XXII) Ганди так написал о начале их знакомства: «I invited Polak to come and stay with me, and we began to live like blood-brothers» (CWMG 39: 246). Ср.: *Ганди М. К. Моя жизнь*. С. 276.

¹⁶ См.: *Chatterjee M. Gandhi and his Jewish Friends*, passim; *Lev Sh. Soulmates: The Story of Mahatma Gandhi and Hermann Kallenbach*. New Delhi, 2012. См. также: Hermann Kallenbach. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Hermann_Kallenbach (дата обращения 26.06.2022).

Родился Калленбах в Литве (то есть в тогдашней Российской империи), но вскоре после его рождения семья переехала в Германию (в соседнюю Восточную Пруссию). Школьное образование Калленбах получил в Тильзите и Мемеле (Клайпеде), затем изучал архитектуру в Штутгарте и Мюнхене, а в 1896 г. приехал в Йоханнесбург, где как раз был строительный бум. В Южной Африке Калленбах стал успешным архитектором, разбогател.

В 1903 или 1904 г. Калленбах познакомился с Ганди и под его влиянием вскоре радикально «опростился», стал вегетарианцем. В последующие годы, вплоть до отъезда из Южной Африки вместе с Ганди в июле 1914 г., Калленбах активно участвовал во всех начинаниях Ганди, а в 1913 г., после известного «марша протеста», даже отсидел некоторое время в тюрьме.

К 1908 г. Калленбах построил в Йоханнесбурге небольшой дом для себя и Ганди (под названием Kraal¹⁷). Дом состоял из двух частей с отдельными входами. Друзья жили там в 1908–1909 гг.¹⁸. Дом сохранился до сих пор и в 2011 г. стал музеем, известным как Satyagraha House или Gandhi House¹⁹. В 1910 г. Калленбах купил довольно большой участок земли примерно в 120 милях от Йоханнесбурга²⁰, и там они с Ганди организовали — воплотив в жизнь идеи Толстого — нечто вроде трудовой коммуны, обитатели которой обеспечивали себя сельхозтрудом и другими видами bread labour (среди прочего — изготовлением сандалий, чем занимался и сам Ганди). Коммуну (она же *ашрам*) назвали Tolstoy Farm²¹.

В своём последнем (четвёртом) письме Толстому (от 15 августа 1910 г., из Йоханнесбурга) Ганди посвятил целый абзац Калленбаху и Tolstoy Farm²².

Но, как и в предыдущих двух случаях, после 1914 г. пути друзей разошлись. Калленбах вернулся в Йоханнесбург и построил там ещё несколько выдающихся зданий²³.

¹⁷ На языке африкаанс kraal значит «хижина» или «загон для скота».

¹⁸ Ганди жил на втором этаже, Калленбах на первом. Там же были и комнаты для приёма гостей.

¹⁹ См.: Satyagraha House. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Satyagraha_House (дата обращения 26.06.2022).

²⁰ Дело было не только в деньгах. По тогдашним законам Трансвааля индийцы не имели права покупать землю.

²¹ См.: *Bhana, Surendra*. Tolstoy Farm, A Satyagrahi's Battle Ground // *Journal of Indian History*, 1979, Vol. 57, Issue 2/3. P. 431–440. См. также: Tolstoy Farm. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Tolstoy_Farm (дата обращения 26.06.2022). В 1930-х гг., приехав в Палестину, Калленбах с удивлением обнаружил, что киббуцы, организованные еврейскими поселенцами, очень напоминали его любимое детище — Tolstoy Farm. Такое сходство не случайно: многие из создателей киббуцев приезжали из России и привозили с собой в Палестину российские идеи. Подробнее см.: *Chatterjee M. Gandhi and his Jewish Friends*. P. 72–104 (Глава 4. «Ashrams and Kibbutzim»).

²² Небольшое письмо Калленбаха Толстому от 14 августа 1910 г. (из Tolstoy Farm!) см. в книге: Л. Н. Толстой и Индия. С. 238. Там же — ответ Калленбаху, написанный по просьбе Толстого В. Г. Чертковым.

²³ В Википедии есть статья (на 8 языках), версия которой на английском называется «History of the Jews in South Africa». Версия на языке африкаанс (одном из 11 официальных языков Южной Африки) называется проще: «Jode in Suid-Afrika» (то есть «Евреи в Южной Африке»). Эта версия открывается фотогалереей из семи портретов, очевидно, представляющих самых известных (самых выдающихся?) южноафриканских евреев. И один из них — Hermann Kallenbach. См.: Jode in Suid-Afrika. URL: https://af.wikipedia.org/wiki/Jode_in_Suid-Afrika (дата обращения 26.06.2022).

В 1930-х гг. он стал сионистом и безуспешно пытался убедить Ганди оказать поддержку сионистскому движению. Умер в Йоханнесбурге в 1945 г. В 1950 г. его останки были захоронены в Израиле, недалеко от Тивериадского озера (моря Галилейского).

В 2015 г. в Литве, в городе Русне, в котором он жил в детстве, был открыт двойной памятник — М. К. Ганди и Герману Калленбаху: две фигуры стоят рядом на одном пьедестале²⁴.

В 1910 г., в Йоханнесбурге, временной и заочной сотрудницей Ганди стала ещё одна российско-литовская еврейка, имени которой он, скорее всего, даже не узнал. До сих пор и исследователи не знали, как правильно написать её фамилию.

Как уже сказано, 19 и 20 сентября (по новому стилю) 1910 г. Лев Толстой надиктовал Душану Маковицкому, а потом отредактировал своё третье, самое длинное и самое важное письмо Ганди, вкратце изложив некоторые свои самые любимые идеи (в частности, о «пассивном сопротивлении»). 13/26 сентября Д. Маковицкий послал русский текст этого письма Ганди, сопроводив его добавлением от себя²⁵, в котором сообщалось, что В. Г. Чертков вскоре пришлёт и перевод на английский язык. Однако Ганди опубликовал это письмо Толстого в своей газете *Indian Opinion* в переводе, сделанном другим переводчиком, точнее — переводчицей, имя которой было обозначено как *Pauline Padlashuk*²⁶.

Публикатор переписки Ганди и Толстого в «Литературном наследстве» А. П. Сергеев после третьего (последнего) письма Толстого Ганди поместил такой комментарий:

Сделав перевод этого письма на английский язык, В. Г. Чертков переслал его на утверждение Толстому. Затем Чертков препроводил письмо, вместе с русским подлинником, в Англию А. Д. Зирнису,²⁷ для пересылки Ганди. А. Д. Зирнис, будучи в то время болен, сделал это лишь 1 ноября. Таким образом, Ганди получил письмо в Трансваале всего за несколько дней до смерти Толстого. Ответить ему он уже не успел. По-видимому, не вполне удовлетворившись переводом, Ганди поручил его

²⁴ См. например: *Kathy Munro*. A Monument to South African Friendship — Gandhi and Kallenbach // The Heritage Portal Newsletter. October 12, 2015. URL: <http://www.theheritageportal.co.za/article/monument-south-african-friendship-gandhi-and-kallenbach> (дата обращения 8.05.2021). См. также статьи в сборнике: *India and Lithuania: A Personal Bond*. New Delhi; Vilnius: Lithuanian Embassy in New Delhi, 2017.

²⁵ См.: Л. Н. Толстой и Индия. С. 235.

²⁶ К сожалению, номера газеты мне пока недоступны. Поэтому сошлюсь на CWMG. В редакционном комментарии к данному письму Толстого сказано: «An English translation by Pauline Padlashuk [sic!], Johannesburg, was published in *Indian Opinion*, 26–11–1910, under the title “Count Tolstoy and Passive Resistance: A Message to the Transvaal Indians”» (CWMG 10: 512, note 1). Позже этот перевод был перепечатан в юбилейном («золотом») номере «*Indian Opinion*» в 1914 г., а также в сборнике статей и речей Ганди в 1917 [?] г.: Appendix V. Tolstoy on Passive Resistance / [Translated from the original Russian by Pauline Padlashuk. — Johannesburg, November 15, 1910.] *Indian Opinion* // *Mahatma Gandhi: His Life, Writings and Speeches*. With Foreword by Mrs. Sarojini Naidu. Madras: Ganesh and Co., [1917]. P. 257–262 (есть разные версии этого сборника в интернете). В CWMG помещён перевод, очевидно, восходящий к переводу Черткова. История публикаций этого перевода нуждается в специальном исследовании.

²⁷ А. Д. Зирнис заведовал в Лондоне издательством, которое издавало произведения Толстого на английском языке. См.: Переписка Толстого с М. К. Ганди (1939). С. 339.

сделать заново Полине Падлашук (sic!) и напечатал в ближайшем номере своего журнала «Indian Opinion» — 26 ноября 1910 г. Через несколько лет, в 1914 г., Ганди вновь воспроизвёл письмо Толстого в этом журнале, в так называемом «золотом номере», выпущенном в ознаменование победы южноафриканских индусов в борьбе за свои гражданские права. Там же был помещён портрет Толстого, под которым значится, что великий русский писатель являлся одним из главных вдохновителей этой борьбы, длившейся с 1906 по 1914 г.²⁸

К этому комментарию можно сделать по крайней мере два критических замечания.

1. Может быть, дело совсем не в том, что М. К. Ганди не был удовлетворён переводом В. Г. Черткова. Из письма Ганди Черткову от 26 ноября 1910 г. скорее можно сделать вывод, что Ганди хотел издать перевод письма Толстого как можно скорее, а перевод Черткова задерживался, и поэтому Ганди поручил своим сотрудникам подготовить другой перевод. Вот письмо Ганди В. Г. Черткову из «Tolstoy Farm» от 26.11.1910 г.:

Dear Sir,

I have your letter of the 29th September last for which I thank you. I have also received your translation of Tolstoy's letter²⁹ to me on Passive Resistance. It is a most pathetic thing that your letter should have been received after his death.

You will see from a few copies of *Indian Opinion* I am sending you,³⁰ that I had the letter already translated by a friend here. Mr. Kallenbach got the translation made.

.....
I shall appreciate a few copies of the magazine in which Tolstoy's letter may be published.

I am,

Yours truly,

М. К. Gandhi (CWMG 91 [S-1]: 83–84)³¹

Это письмо, по-моему, надо понимать так, что Ганди поручил Калленбаху организовать перевод письма Толстого, отыскав надёжного переводчика. К тому времени, как мы узнаём из её мемуаров, Полина уже была знакома и с четой Полаков, и, может быть, с Калленбахом. И получила через них поручение перевести письмо Толстого (см. ниже отрывок из её мемуаров). А Ганди мог даже и не узнать имя переводчицы³².

2. А. П. Сергеевко не поясняет, откуда он получил имя переводчицы — и именно такое написание этого имени. Вряд ли он видел написание кириллицей. Вероятно, он имел возможность заглянуть в экземпляры газеты «Indian Opinion», которые Ганди

²⁸ Переписка Толстого с М. К. Ганди (1939), с. 352. Т. Н. Загородникова в своих комментариях к публикации писем Толстого вкратце воспроизводит этот комментарий (Л. Н. Толстой и Индия. С. 239).

²⁹ Имеется в виду третье, последнее письмо Толстого к Ганди.

³⁰ К сожалению, эти номера газеты «Indian Opinion» в Ясной Поляне не сохранились.

³¹ Ср. Л. Н. Толстой и Индия. С. 235–236 (русский перевод — С. 236). Т. Н. Загородникова опубликовала это письмо по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей государственного музея Л. Н. Толстого. Между двумя публикациями есть мелкие различия.

³² В Указателе имён к CWMG ничего похожего на имя «Pauline Padlashuk» или «Полина Подляшук» нет.

прислал в Ясную Поляну (см. выше письмо Ганди Черткову) и увидеть там имя переводчицы, написанное латиницей. Так или иначе, написание «Падлашук» явно ошибочно³³.

Теперь мы можем узнать немало о жизни и личности этой переводчицы, потому что она оставила воспоминания (на английском языке), которые две её внучатые племянницы издали в 2010 году³⁴. И можем попытаться восстановить подлинное написание её фамилии. Полина родилась в 1881 г., в городе, который мы привыкли называть Шауляй (в другом написании — Шяуляй; до 1917 г. этот город по-русски назывался Шавли или Шавель)³⁵, а умерла в 1971 г., в Йоханнесбурге. Первые двадцать лет своей жизни Полина прожила в Российской империи и, несомненно, хорошо знала русский язык. В своих воспоминаниях она написала, что в её родном Шауляе / Шавли русский язык был очень даже в ходу, потому что в городе квартировала большая воинская часть, и местные жители много общались с русскими солдатами. Потом она некоторое время училась в гимназии в городе Нежине³⁶, на Украине. В 1902 г., по настоянию родных, Полина отправилась в Южную Африку, с которой и оказалась связанной на всю оставшуюся жизнь.

В России её документы, несомненно, заполнялись на русском языке, кириллицей. Может быть, в литовских архивах (в Шауляе) и в украинских архивах (в Нежине) ещё можно будет найти какие-то документы, в которых имя и фамилия Полины написаны кириллицей. Но пока мы можем реконструировать кириллическое написание её фамилии, исходя из лингвистических соображений: Подляшук³⁷.

Слово «подляшук» можно считать продуктом того, что лингвисты называют языковой интерференцией. Приставка «под» — вероятно, русская или польская, а суффикс «-ук» — скорее украинский. Слово в целом связано с топонимом, названием местности: Подляшьє³⁸.

Есть разные интерпретации этимологии этого слова. Но наиболее правдоподобной кажется такая: корень здесь — «лях», то есть «поляк». Подляшьє — это

³³ Ошибочное окончание *-шук* подсказано, возможно, распространённой украинской фамилией *Полешук* (или *Полишук*). В редакционном комментарии к третьему письму Толстого в ПСС читаем: «Ганди опубликовал письмо Толстого, переведённое на английский язык [,] 26 ноября 1910 г., в журнале (sic!) “Indian Opinion...” [...]» (ПСС 82: 140). Имя переводчицы вообще убрано. Она превращена в non-person.

³⁴ *Podlashuk, P. Adventure of Life: Reminiscences of Pauline Podlashuk / Ed. by Judy Nasatyr and Effie Schultz. Johannesburg, 2010.*

³⁵ См.: Šiauliai. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/%C5%A0iauliai> (дата обращения 6.04.2022) (на 83 языках!).

³⁶ В Нежине в 1820-х гг. учился Н. В. Гоголь — и Полина даже ошибочно считала, что он там родился: «Nezhin was the largest town in the province of Chernigov. In fact it was a more advanced town than the capital. It was the birthplace of the famous Russian writer Nicolai Vasilyevitch Gogol. There was a fine big statue of him in the town park that bore his name. The main street was also named after him» (*Podlashuk P. Adventure of Life. P. 15*).

³⁷ Благодарю Анну Владимировну Дыбо за консультацию по этой теме.

³⁸ См.: Podlachia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Podlachia> (дата обращения 14.05.2022) (на 23 языках). В русской версии сказано: «Подляшьє... — историко-географическая область на белорусско-польском пограничье <...>. Жители области называются *подляшук*ами».

территория «под ляхами (поляками)», то есть находящаяся или под их властью, или просто рядом с ними (ср. слово Подмосковье). Соответственно, подляшук, человек из Подляшья, — это тот, кто жил (живёт) или под властью «ляхов», или просто рядом с ними. В наши дни территория исторической области под названием Подляшье поделена между Польшей и Беларусью. В Польше распространена фамилия Podlask, написание которой точно соответствует кириллическому написанию Подляшук³⁹.

В мемуарах Полины Подляшук есть глава под названием «Gandhi»⁴⁰. В этой главе два абзаца посвящены письму Толстого и работе над его переводом:

I met Mr Gandhi several times. I heard him speak privately and in public and was rather impressed by his work though I never took an active part in helping with it. I had already so many interests to keep me busy. However, a few years after I went to his first lecture on Hinduism and when I was working as a shorthand typist, Mr Polak asked me to translate a Russian letter from Count Leo Tolstoy to Mr Gandhi. With the help of a dictionary and reading the translation to friends to see if my English was correct, I completed the job. A few days later it was published in a Johannesburg newspaper, the *Daily Mail*. I did not know at the time that Mr Gandhi was corresponding with Lev Nikolayevich Tolstoy and that this was the last of the three famous letters that the great Russian author had written to him, urging him to go on with the passive resistance campaign.

I still have a copy in Russian of the original letter. I wanted to keep the letter but was not permitted to do this so I copied it out. I also have my English translation. Apart from *The Daily Mail* it was published in the golden number of *Indian Opinion* in 1911⁴¹. Not long ago I saw a small journal printed in Brussels in Russian, the *Unesco Kurrier*, in which the correspondence between these two great men was recounted. It mentioned that the last letter that had been written by Tolstoy on the 6th September 1910 — this was the date on the letter I translated — was in answer to Gandhi's last letter. Tolstoy had written the letter two months before he left his estate Yasnaya Poliana. When it reached Gandhi in South Africa, the great author was already lying on his deathbed in Astapovo, a little known station in central Russia⁴².

При взгляде из сегодняшнего дня кому-то может показаться странным или даже неправильным, что Калленбах и Полак привлекли для перевода с русского литовскую еврейку, пусть и учившуюся в Нежинской гимназии. Но в Йоханнесбурге в 1910 г., по-видимому, было трудно найти этнического русского, да ещё такого, который мог

³⁹ В России носители такой фамилии — нередко евреи. Так, в истории русской советской литературы был писатель Павел Исаакович Подляшук (1907–1987), родившийся, что характерно, в городе Бресте (ныне — в Беларуси), одном из городов Подляшья. См.: Путеводители по российским архивам. URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/8/podlyashuk-pavel-isaakovich> (дата обращения 8.06.2022). Характерно, что фамилия этого писателя в Википедии написана через **ш**: Подляшук. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Подляшук,_Павел_Исаакович (дата обращения 7.06.2022).

В указателе адресатов писем Л. Н. Толстого в ПСС тоже есть один адресат по фамилии Подляшук.

26 октября 1909 г. из Перми Толстому в Ясную Поляну написал письмо семнадцатилетний гимназист по имени Иосиф Подляшук — «на тему о борьбе с похотью», как сказано в примечании в ПСС. Толстой ответил 2-го ноября того же года: «Ничего не могу сказать вам иного, как то, что вы сами знаете...» (ПСС 80: 168–169).

⁴⁰ *Podlashuk P. Adventure of Life. P. 69–75.*

⁴¹ На самом деле этот номер был издан в 1914 г.

⁴² *Podlashuk P. Adventure of Life. P. 70–71.*

бы перевести с русского языка на английский письмо Толстого. Среди многих людей, с которыми общался Ганди в Южной Африке, пока что, насколько мне известно, не обнаружено ни одного этнического русского. История иммиграции из России в Южную Африку ещё плохо изучена, но, насколько я могу судить, до 1917 г. русских (особенно образованных русских) в Южной Африке было немного.

Позже (может быть, в 1930-х гг.) это же письмо Толстого перевёл на английский язык Эйлмер Мод⁴³, который в 1909 г. перевёл с русского на английский первое ответное письмо Толстого к Ганди.

Таким образом, существуют три перевода на английский язык этого очень важного текста Толстого: перевод, сделанный в России В.Г. Чертковым; перевод, сделанный в Южной Африке Полиной Подляшук; и перевод, сделанный в Англии Эйлмером Модом. Интересно было бы сравнить эти три перевода.

А Полина Подляшук заслужила нашу благодарную память хотя бы за то, что помогла Ганди быстро опубликовать письмо Толстого в английском переводе. И ещё она заслужила, чтобы её фамилию писали без искажений, а её воспоминания перевели на русский язык.

⁴³ См. книгу: *Tolstoy, Leo. Recollections and Essays / Translated with an Introduction by Aylmer Maud (sic!).* London; New York; Toronto, 1946 (1st ed. 1937). P. 435–439.

Арина Раннева

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ В РУССКОЙ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ 1910-х гг.¹

Жанр святочного рассказа, пользовавшийся популярностью у русских читателей на протяжении всего XIX века, на рубеже столетий окончательно сформировался и вошел в поле массовой литературы. Газеты и журналы, от главных до провинциальных, непременно публиковали специально приуроченные к святкам рассказы и посвящали праздничной теме целые номера. Следовали общей тенденции и специализированные киножурналы, возникшие вскоре после появления кинематографа. Специальные рождественские и новогодние выпуски кинопрессы были устроены по тому же принципу, что и праздничные номера популярных изданий. Выпуск открывался поздравительной статьей от редакции и включал святочные рассказы, сценки, фельетоны, стихотворения и очерки на праздничную тему. Если массовая пресса 1900-х годов часто использовала устоявшиеся шаблоны святочной литературы для высказывания по злободневным общественным вопросам², то киножурналы в форме святочного рассказа откликались на актуальные вопросы русской кинематографии. При сквозном просмотре декабрьских и январских номеров кино-прессы с 1907 по 1917 год было собрано восемнадцать текстов, которые по заголовку, подзаголовку или характерному набору мотивов можно отнести к рождественским или новогодним. Эти тексты представляют особый интерес из-за своей двоякой природы: с одной стороны, они связаны с традицией святочной литературы, с другой — отражают ключевые особенности дореволюционного кинематографа, от сюжетов, организации производства и кинопоказов до особенностей зрительского восприятия.

Преемственность кинематографа по отношению к литературной традиции лежит в основе рассказа «Страшное» (1912). В рассказе показан путь, который проделали святочные сюжеты, перейдя из литературы на экран кинематографа. По сюжету, ведьма — традиционная героиня святочных рассказов — под Рождество вылетает на свою «ежегодную работу» и направляется к старым знакомым. Сначала она навещает писателя, работающего над рассказом для праздничного номера, но писателю ведьмы оказываются больше не нужны — «таким товаром давно не торгую». Затем

¹ Автор статьи выражает глубокую благодарность Анне Олеговне Коваловой и Юрию Гавриловичу Цивьяну за большую помощь в работе над материалом.

² Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 293.

она направляется в редакцию журнала «Ребус», где остается не у дел на модном спиритическом сеансе. Неприкакаянная, она случайно попадает на киносъемку к Шарлю Пате³ и с радостью становится героиней рождественской ленты⁴.

Действительно, страшные и фантастические сюжеты к концу 1900-х годов уже не были так востребованы святочной литературой: фантастические мотивы стали предметом многочисленных пародий, в которых сверхъестественным явлениям чаще всего давались реалистические объяснения. Ранний кинематограф, напротив, охотно использовал отвергнутую писателями фантастику. Если читателя рассказы о ведьмах, чертях или сказочных феях уже не впечатляли, то на экране волшебные сюжеты, построенные на трюках и превращениях, воспринимались зрителем как настоящее чудо, а святочные мотивы нечистой силы и волшебства совпадали с популярными явлениями кинематографа 1900-х годов. Неслучайно ведьма попадает на съемки именно к Шарлю Пате — одному из главных поставщиков сказочных фильмов-феерий.

Святки и Рождество — не только источник ходовых волшебных киносюжетов, но и кульминация всего кинематографического сезона. К этому времени старались подобрать самые зрелищные новинки, составить интересную программу и всячески привлечь зрителя. Герой рассказа «К Рождеству» (1913) становится свидетелем съемок кино, во время которых актриса падает с лошади. В качестве утешения режиссер восторженно сообщает ей, что картина выйдет к Рождеству⁵, то есть в самое престижное время.

Сцены из предпраздничной жизни режиссеров, сценаристов, владельцев кинотеатров и прокатных контор составляют большую часть текстов в рождественских номерах киножурналов. Герой святочного рассказа «Без ножика зарезал» (1913) — неудачливый театровладелец — к Рождеству решает составить для зрителей замечательную программу. Не доверяя собственному вкусу, он полагается на электротехника Брехниченко, который в прошлом специализировался на травле блох. Но тот отбирает в рождественскую программу весьма специфические картины: драму из жизни шорников, научную картину о способах борьбы с домашними паразитами и комедию о дрессировке блох. Такой праздничный сеанс, очевидно, вызывает негодование публики⁶. Критика неуместных рождественских программ — частая тема статей в киножурналах, связанная с важным для начала 1910-х годов вопросом о детском кинематографе. Этой теме посвящена передовая статья в новогоднем номере «Вестника кинематографии» от 1 января 1913 года:

На рубеже новой жизни, после минувшего близкого “детскому сердцу” праздника Рождества Христова, вспомним, к случаю, об одной из таких сторон — “о кинематографической пище, о картинах для юношества”. Тяжело и жутко делается при этом

³ Шарль Пате (1863–1957) — французский кинопредприниматель, основатель фирмы Pathé.

⁴ *Ширинкин Г.* Страшное // Вестник кинематографии. 1912. № 55. 29 декабря. С. 10–12.

⁵ *Веде.* К Рождеству // Сине-Фоно. 1913. № 6. 21 декабря. С. 36–37.

⁶ *Мавич И.* Без ножика зарезал // Сине-Фоно. 1913. № 8. 5 января. С. 17; *Мавич И.* Без ножика зарезал (Окончание) // Сине-Фоно. 1913. № 9. 19 января. С. 16.

воспоминании. <...> Молодая жена... друг дома... измена... разыгравшиеся страсти... гибель семейного очага...

И все это одобрено для... детей!

Мудрено ли, что наш кинематограф “заблудился” и никак не может разобраться в вопросе, что в нем “детское” и что “недетское”. Заблудился и иной раз заходит в тесный омерзительный тупик, где приютилась самая бесстыдная порнография и алчно глядит на юную публику⁷.

По кинематографическим святочным рассказам можно составить представление об актуальных в 1910-е годы дискуссиях о будущем кинематографа, его целях и задачах. Например, в рождественской фантазии «Кляча» (1914) несчастный владелец кинотеатра — никем не понятый «идеолог кинематографа» — страдает от бедности. Во сне ему является его «второе я» и убеждает продолжать дело, «помогать другим жить»: «Толк-то есть и будет, лишь бы руки не опускать, да благодарить судьбу, что и на твою долю выпала честь двигать ту незаметную, сложную механику, которая должна служить во благо»⁸.

Еще одна постоянная тема в ранней кинопрессе — противостояние кинематографа и театра. В комическом рассказе «Кошмар антрепренера» (1913) антрепренер на праздновании Нового года пьет за процветание театра и гибель кинематографа, а наутро просыпается в будущем 1918 году, где усовершенствованный кинематограф со звуком и цветом полностью победил театр, а антрепренеры оказались больше не нужны⁹. Споры о противостоянии нового и старого искусства велись не только на страницах прессы, но и на специально организованных диспутах¹⁰. Среди первых дискуссий — обмен мнений между театральными режиссерами Н. Евреиновым и В. Мейерхольдом, состоявшийся в 1910 году. В этой полемике Мейерхольд принимает сторону противников кинематографа, признавая его значение для науки, но отказывая ему в звании искусства¹¹. Примечательно, что позднее режиссер не только меняет позицию по поводу кинематографа как искусства, но и сам начинает работать в кино.

Среди бытовых зарисовок из жизни кинематографистов встречаются тексты, посвященные процессу создания киносценария, который представляется то святочной чертовщиной, то рождественским чудом. В рассказе «В погоне за трюком» (1914) сценарист убивает свою возлюбленную в Рождественский сочельник. По его словам, только женщина может подарить ему сюжет для кино, но его возлюбленная была так чиста и целомудренна, что не могла дать ему ни одного «трюка». Выйдя из себя в день сдачи очередного сценария, он убивает девушку и начинает сценарий новой драмы «Убитая за любовь и за верность».

⁷ От редакции // Вестник кинематографии. 1912. № 26. 1 января. С. 9–10.

⁸ Никольский С. М. Кляча (Рождественская фантазия) // Сине-Фоно. 1914. № 7. 4 января. С. 23.

⁹ Браиловский М. Кошмар антрепренера (Новогодняя фантазия) // Сине-Фоно. 1913. № 8. 5 января. С. 15–16.

¹⁰ Тименчик Р., Цивьян Ю. Кино и театр. Диспуты 10-х годов // Киноведческие записки. 1996. № 30. С. 57–87.

¹¹ Тименчик Р., Цивьян Ю. Кино и театр. С. 57–61.

Рассказ обыгрывает основные ходы ранней мелодрамы, по правилам которой героиня должна или стать роковой обольстительницей, или пасть жертвой обольстителя¹². Чистая любовь и верность «музы» не укладываются в рамки традиционного киносюжета, и только трагический финал в виде убийства дает герою материал для киносценария. В финале он превращает тело убитой «в ком клейкой тягучей массы», из которой выделяет подобие кинематографической ленты. Святочный мотив наваждения, нечистой силы здесь точно совпадает с мотивом эстетизации смерти, ключевым для русского кинематографа 1910-х годов и наиболее полно раскрывшимся в картинах Евгения Бауэра¹³. Например, в поздней картине Бауэра «Умиравший лебедь» (1917) художник Глинский, мечтая воплотить красоту смерти в искусстве, пишет портрет балерины Гизеллы в образе умирающего лебедя. Он убивает девушку, чтобы увидеть смерть в ее лице, а затем всю ночь пишет портрет ее мертвой¹⁴.

В рождественском рассказе «Как хороши, как свежи были розы» (1917) создание киносценария, наоборот, явлено как святочное чудо. По сюжету, известная и одинокая писательница в Рождество получает письмо с просьбой написать киносценарий, но не может заставить себя творить. Праздник возвращает героиню к воспоминаниям о трагической истории ее молодости: на курорте она влюбилась и отдалась художнику, тот обещал жениться на ней, но уехал и не вернулся. Только в Рождественскую ночь героиня узнала, что исчезнувший возлюбленный — жених ее подруги. Воспоминания об утерянном счастье рождают вдохновение: «В светлый рождественский вечер в моем сердце зажигаются новые лучи — лучи тихой примиренности и радостной благодарности Судьбе... Вот оно мое — возрождение»¹⁵. Писательница берет чистый лист и начинает киносценарий под названием «Как хороши, как свежи были розы». Примечательно, что название будущей картины совпадает с названием биографического фильма о Тургеневе, выпущенного в 1913 году¹⁶.

Рассказ включает сразу два рождественских сюжета, со счастливым и с несчастным финалом. Первый — история писательницы, под Рождество переживающей творческое возрождение. Второй — ее будущий киносценарий, в котором в рождественскую ночь героиня узнает о предательстве возлюбленного. В конце рассказа писательница сообщает: «Я еще не знаю — в какие образы и формы облеку я скромную историю своей души, я не знаю — каким эффектным финалом скрашу я бедность ее содержания...»¹⁷. Неоднократно отмечалось, что трагические финалы с убийством или самоубийством героев в раннем русском кино встречаются гораздо чаще

¹² Зоркая Н. М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976. С. 201–209.

¹³ Евгений Францевич Бауэр (1865–1917) — один из главных режиссеров русского немого кино, мастер психологической драмы.

¹⁴ Баранцевич З. Умиравший лебедь (новелла) // Пегас. 1916. № 8. С. 21–36.

¹⁵ С. Н. Как хороши, как свежи были розы (Рождественский рассказ) // Прозэктор. 1917. № 19–20. С. 6–8.

¹⁶ Вишневский В. Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1945. С. 29.

¹⁷ С. Н. Как хороши, как свежи были розы (Рождественский рассказ). С. 8.

благополучных развязок¹⁸. Следовательно, по законам дореволюционного кинематографа, несчастная любовь на экране не может закончиться тихим одиночеством героини, она должна получить эффектный, а значит, трагический финал.

Избегание трагического финала — одна из разновидностей мотива святочного чуда в кинематографических рассказах. Новогодняя новелла «Лица» (1912) начинается как типичная ранняя кинодрама: под Новый год Лица оставляет Николая и уходит к другому. Год спустя, случайно увидев Лику на экране кинематографа, Николай находит ее через кинофирму, выпустившую фильм. Оказалось, что брошенная любовником девушка нуждалась в деньгах и начала сниматься для кинематографа. Николай прощает Лику, и в Новый год возлюбленные счастливо соединяются¹⁹. Лица не только играет в кино, но и сама проходит традиционный путь экранных героинь, соблазненных и брошенных своим обольстителем. В отличие от них, девушка идет не в театр или кабаре, а становится киноартисткой и, благодаря кинематографу, избегает традиционного несчастного финала.

И современники, и исследователи указывали на восприятие кинематографа как «иног мира», или «другой реальности», «обладающей особыми способами связи с действительностью, уникальными свойствами ее преображения»²⁰. Переживание кинематографического как настоящего, обусловленное достоверностью и документальностью киноизображения, в святочных рассказах превращается в праздничное чудо. Этюд «Сон Зинки» (1911) воспроизводит типичный сюжет о бедном ребенке, лишенном праздника и чудом его обретающем. По сюжету маленькая Зинка живет в притоне среди разврата и насилия. Под Рождество ей удается проникнуть в соседний кинематограф, где увиденная на экране праздничная картина дарит девочке надежду и силы: «О, теперь Зинка все знает и ничего не боится. К таким вот, как она, девочкам маленьким, бедным, прилетают ангелы. Прекрасные, светлые... <...> Берут на руки, машут белыми, как снег, крыльями и уносят... Туда, в самое небо, где навстречу улыбаются им и месяц, и звезды...»²¹. В финале рассказа Зинке снится, что за ней, как за героиней фильма, прилетает ангел. Но если в классических святочных рассказах, как «Девочка со спичками» Андерсена или «Мальчик у Христа на ёлке» Достоевского, бедные дети чудесным образом приобщаются к празднику Рождества, то в кинематографических рассказах источником чуда оказывается киноэкран.

Если экран — это граница между двумя мирами, то в праздник она волшебным образом становится проницаемой, у зрителя появляется возможность или стать героем фильма, или вступить в прямой контакт с киногероями. Этот мотив пародийно обыгрывается в рассказе «Приключение» (1914). Бедный актер Мельпоменов, выгнанный со съемок за пьянство, забирается на кухню богатого дома и крадет зажаренную

¹⁸ Цивьян Ю. Г. Введение: несколько предварительных замечаний по поводу русского кино // Великий Кино: Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. М., 2002. С. 8–9.

¹⁹ Б-ч О. Лица (Новогодняя новелла) // Вестник кинематографии. 1912. № 55. 29 декабря. С. 4–5.

²⁰ Зоркая Н. Первая русская кинозвезда // Вопросы киноискусства. 1968. № 11. С. 157.

²¹ Лихвинский. Сон Зинки (Этюд) // Вестник кинематографии. 1911. № 2. 8 января. С. 23.

куру. От наказания его спасает маленькая дочка хозяев: только что она посмотрела в кинематографе картину, в которой герой Мельпоменова умер от холода, и страшно расстроилась. Обрадованная, что любимый киногерой все-таки жив и зашел к ней в гости, девочка уговаривает родителей отогреть и накормить его²².

Святки в народной культуре считались временем, когда граница между реальным и потусторонним мирами стирается, в это время, по поверьям, можно столкнуться с нечистой силой или вступить в контакт с покойниками. Кинематограф, запечатлевающий изображения людей и сохраняющий их на пленке даже после смерти, для раннего зрителя также стал своего рода медиумом, вызывающим духи умерших. По сюжету рождественского фельетона «Семь свиданий», Анна семь дней каждый вечер приходит в кинотеатр «на свидания» к своему погибшему на войне возлюбленному. Дело в том, что в кинотеатре на праздничной неделе показывают прошлогоднюю документальную ленту о раздаче подарков солдатам, среди которых она узнает его. Для Анны возлюбленный на экране — живой: «Он не был для нее давно снятым фотографическим изображением, живущим по воле машины. <...> И она говорила с ним, как с родным и близким человеком, и он отвечал ей. Да, отвечал. Она это чувствовала. Он думал о ней и помнил ее»²³. Кинозал становится пограничным пространством и медиумом не только между кинематографической реальностью и действительностью, но и между мирами живых и мертвых. Рассказ был перепечатан в «Сине-Фоно» из журнала «Огонек», что указывает на бытование такого восприятия кинематографа и за пределами специализированной прессы. А. Измаилов в статье «О чем я думаю перед экраном» буквально заявлял о победе кинематографа над смертью: «Где же смерть, если уже сейчас человек может сохраниться для будущих веков в образе, движении и голосе? Не мешаем ли мы мертвым спать вечным сном, храня частицу их в стальных машинах? И не страшно ли думать, что если бы Эдисон пришел раньше на два десятка веков, мы могли бы без волшебства вызвать дух Цезаря, Савонаролы, Микеланджело и Грозного»²⁴.

Рождественский кинематограф воспроизводит ключевые святочные мотивы не только в сюжетах фильмов и кинорассказов, но и на уровне рецепции праздничных сеансов. Однако с развитием кинематографа восприятие его как чуда, волшебства постепенно утрачивается, вместе с тем подходит к концу дореволюционный этап его развития.

В последнем рождественском выпуске «Кине-журнала» в декабре 1917 года опубликован новогодний фельетон «Киноиспуг», свидетельствующий о конце дореволюционной кинематографической традиции. Принадлежность фельетона к календарному жанру весьма условна: формальная приуроченность к празднику, заданная в подзаголовке, никак не отражена в самом тексте. По сюжету, три кинопроизводителя собираются поставить картину, которая имела бы успех у публики в новых условиях. Старые проверенные ходы они пытаются адаптировать к изменившимся

²² Выгановский М. Приключение // Вестник кинематографии. 1914. № 1(81). 1 января. С. 17–19.

²³ Зозуля Е. Рождественский фельетон. Семь свиданий // Сине-Фоно. 1916. № 5–6. Декабрь. С. 70–72.

²⁴ Измаилов А. А. О чем я думаю перед экраном // Кинематограф (Пг.). 1915. № 2. С. 4.

обстоятельствам: привлечь зрителя эротикой и мистикой, но и «неприменно задеть современность». Героев типичной кинодрамы записывают в большевики, эсеры, кадеты, при этом стараясь угодить всем партиям. Но после долгих обсуждений все приходит к выводу, что при новой цензуре ничего снять невозможно: «Писать не о чем. Все запрещено! Нет легальных тем! Пропадай, кинематограф!»²⁵.

С наступлением новой эпохи разрушается не только старый кинематограф, но и жанр святочного рассказа. Некоторое время он сохраняется в эмигрантской литературе, а в советской традиции трансформируется, адаптируясь к празднованию Нового года, и остается в основном в рамках детской литературы. Кинематографический святочный рассказ, в свою очередь, совсем исчезает вместе с дореволюционными киножурналами.

²⁵ Ермилов В. Киноиспуг (Новогодний фельетон) // Кине-журнал. 1917. № 17–24. 30 декабря. С. 40–44.

Анна Ковалова

«ОШИБКА [СЕРДЦА]» КАК ЭЛЕМЕНТ ЭВОЛЮЦИИ РАННЕГО РУССКОГО КИНО

В классической работе о «литературном факте» Ю.Н. Тынянов отметил, что важнейшим двигателем литературной эволюции является «ошибка»: в устоявшейся системе жанров и форм возникает новый, на первый взгляд «неправильный» принцип, который впоследствии перестроит захваченное им литературное поле¹. Подобной «ошибкой» можно считать отказ А.С. Пушкина от характерного для романтической поэмы высокого героя в «Кавказском пленнике». Определенные Тыняновым законы литературной эволюции применимы и к кинематографу. В этой заметке будет показано, как они воздействовали на развитие жанра военной кинодрамы середины 1910-х гг. В центре обсуждения окажется картина с характерным названием — «Ошибка сердца» (1915). Фильм, к сожалению, не сохранился, однако о нем можно судить по сценарию, либретто и рецензиям — эти тексты и стали главными источниками статьи.

Жанр военной кинодрамы зародился в России с началом Первой мировой войны и в первоначальном виде сформировался уже к концу 1915 года. Подобная скорость, едва ли характерная для литературы, объясняется, по-видимому, двумя важнейшими причинами. Во-первых, внезапно родившийся в кругу древних искусств кинематограф менялся очень быстро. В дореволюционных текстах кино неоднократно сравнивали с ребенком, который растет не по дням, а по часам: «Пора отеческой защиты младенца Кино уже давно отошла, он вырос, как сказочный богатырь, за эти немногие годы и сам расправляется с лицемерами, загоняя их на чердаки пятикопеечных журналов»², — отмечал Н.Н. Асеев. Во-вторых, военная кинодрама формировалась под влиянием литературы, где соответствующие жанры уже давно сложились.

У ранних русских фильмов и журнальных рассказов на военную тему середины 1910-х гг. — множество сходных черт. Одна из них связана с образом сестры милосердия, который стал центральным и для литературных, и для кинематографических военных сюжетов соответствующего периода. Во многих случаях история сестры милосердия начинается с традиционной для раннего русского кино любовной интриги: героиня любит жениха или мужа и идет на войну, чтобы быть к нему ближе

¹ Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–269.

² Н. Авзеев [Н.Н. Асеев]. «Тени на стене» // Кине-журнал. 1916. №3–4. С. 81–82.

или разделить с ним его участь. Из либретто к фильму «Огнем и кровью» (1914, реж. М. Мартов): «И вот он уже в форме русского офицера говорит последнее прости своей жене. И она идет исполнять свой долг. Дети в надежных руках, а она сестра милосердия»³. Картина «Слава — нам, смерть — врагам» (1914, реж. Е. Бауэр): «Бедная Ирина, на заре счастья расстающаяся с возлюбленным женихом, умоляет мать отпустить ее на театр военных действий в качестве сестры милосердия. Она не в состоянии сидеть дома в томительном бездействии, когда там льются потоки крови, когда там так нужны лишние руки»⁴.

Во многих случаях этот подвиг вознаграждается особым образом — сестра милосердия действительно встречает на войне своего возлюбленного. В либретто это может обозначаться так: «Она не знала, где находился Георгий, и случай привел ее в полевой лазарет, куда она заехала погреться, только что побывав в окопах. Принесли тяжело раненого офицера. Нина заглянула в носилки и узнала Георгия. Ей нетрудно было остаться при муже»⁵ («Вернулось счастье», 1915, реж. А. Уральский); или: «В это же время Сарра тоскует по своему супругу и, подобно многим русским женщинам, поступает в сестры милосердия в передовой отряд “Красного Креста”. На поле брани совершенно случайно Сарра встречается со своим мужем, и судьбе было угодно, чтобы первую помощь раненому Давиду оказала Сарра»⁶ («Еврей-доброволец», 1915, реж. Я. Койнарский).

Мотив чудесной встречи сестры милосердия с возлюбленным получил широкое распространение и в литературе. Так, например, в популярном журнале «Нива» был опубликован рассказ Л. Авиловой «Тяжкие времена», героиня которого отправляется на войну вслед за мужем, о чем ей приходится сообщить маленькому сыну:

- А я, Костя... Я, может быть, поеду к папе на войну.
- Ты солдат? — насмешливо спросил Костя.
- Дурачок! Я поеду сестрой милосердия. Я буду там, как и здесь, ухаживать за ранеными, но я буду ближе к папе⁷.

Эта история завершается относительно благополучно: матери удастся отыскать на фронте мужа, и она привозит его — тяжело раненного — домой к сыну. В поэтических текстах «Нивы» мотив встречи сестры милосердия с возлюбленным может раскрываться иначе; он становится залогом не физического исцеления, а укрепления и перерождения любви:

<...> Я помню бал... Я помню блеск жемчужный
Хрустальных люстр... И были мы с тобой
В веселье том не близкою, не дружной,
Но чуждою, холодною четой. <...>

³ Новости кинематографического рынка // Живой экран. 1914. №3–4. С. 31–32.

⁴ Описания картин // Кинема. 1914. №16–17. С. 20.

⁵ Новые ленты // Сине-Фоно. 1916. №8. С. 91.

⁶ Новости кинематографического рынка // Живой экран. 1915. №11–12. С. 44]

⁷ Авилова Л. Тяжкие времена // Нива. 1915. №2. С. 23.

И вот сейчас с крестом на белом платье —
 Видение печали и добра —
 Ты над моей склоняешься кроватью,
 Святая милосердная сестра.

Исчезло все бывшее без возврата,
 Уж я не тот, и ты совсем не та —
 Нас сочетали прежних чувств утрата
 И новых чувств святая красота⁸. <...>

Образ возлюбленной — сестры милосердия — может раздваиваться, и тогда встреча на войне, традиционно счастливая, оборачивается трагедией. В поэтическом сборнике «Песни о русской сестре милосердия: 1914–1916» републиковано напечатанное в «Народном вестнике» стихотворение П. Блиновского, герой которого перед смертью путает ухаживающую за ним заботливую сестру с оставшейся дома женой Катей:

Сестра... Голубушка... Вы что-то побледнели?..
 Лекарство мне опять?.. Несносные бинты?..
 Оставьте!.. Я здоров.
 ...Чу... слышите вы?.. Пень!..
 Какой волшебный гимн!.. Какое облегченье!..
 Все хорошо... Ах, Катя, это ты!?
 Зачем ты здесь?... Тут кровь везде, мученье...

 Нет... нет... не бойся... здесь — цветы...

На первый взгляд кажется, что сюжет фильма «Ошибка сердца» с точностью воспроизводит рассматриваемую схему — в самом простом ее виде. В либретто картины читаем: «Вера давно искренно и глубоко любит Николая, а потому тот день, когда он предложил ей стать его женой, был счастливейшим днем ее жизни. Но радость помолвки была омрачена неожиданным сообщением Николая, что он призван на войну. Вера, не колеблясь ни на минуту, решает тоже служить родине в качестве сестры милосердия. В этом ей помогает давно безнадежно любящий ее доктор, друг их семьи. Сданы экзамены, и Вера счастлива — она сестра милосердия. Прочитывая списки ежедневно раненых и убитых, знакомый Вере студент видит в числе раненых имя жениха Веры, о чем осторожно сообщает девушке. В отчаянии она хочет немедленно ехать, чтобы ухаживать за своим Колей, и, как знать, может быть, вырвать из рук смерти. Лабунский и тут выручает Веру, устроив ей не только поездку, но и дав ей письмо к доктору госпиталя, где помещается Николай, с просьбой разрешить девушке ухаживать за больным. Доктор не скрывает от Веры, что жених ее ранен очень тяжело шrapнелью в голову,

⁸ Ландишевский Б. «Я звал тебя когда-то в умиление...» // Нива. 1914. №46. С. 877.

⁹ Блиновский П. Перед сестрой милосердия (последние слова умирающего офицера) // Песни о русской сестре милосердия: 1914–1916, собранные Евгением Вильчинским. СПб., 1917. С. 31.

в которой с трудом и то невозможно узнать за скрывающей повязкой красивую голову Николая»¹⁰.

Очевидно, что зритель этого фильма был так или иначе знаком с множеством текстов, воспроизводивших похожие сюжеты, и ждал вполне предсказуемого развития событий. Однако критик журнала «Проектор» предупреждал об обманчивости подобных ожиданий: «Вначале пьеса развивается как будто по обычному шаблону: жених призван на войну, невеста идет в сестры милосердия. Но в середине пьесы яркий художественный штрих нарушает монотонность начала, и до самого конца пьеса смотрится с удвоенным интересом»¹¹. Чтобы не портить читателям впечатление от просмотра картины, критик решил не уточнять, в чем заключался сюжетный сдвиг, перевернувший его впечатление от картины. Однако сценарий фильма легко заполняет этот пробел; с такой задачей справилось бы и либретто, но пора обратиться к сценарию, в котором события описываются более подробно.

Итак, Вера (имя героини, конечно, говорящее) в качестве сестры милосердия начинает ухаживать за раненым и отправляет письмо матери:

Дорогая мамочка!

Разыскала Колю. Ухаживаю за ним. Он ранен в голову. Чудак-доктор: успокаивает, что лицо не будет обезображено. От швов, конечно, останутся шрамы. Они-то мне и будут особенно дороги. Ты знаешь, мамочка, он получил Георгия!¹²

Снятие бинтов действительно до смерти пугает Веру — но вовсе не из-за шрамов.

Вера быстро, чуть не бегом, подошла к кровати. Вдруг в изумлении остановилась. В недоумении осмотрелась по сторонам.

Наклонилась над кроватью. Та же фигура, к которой она привыкла, ухаживая день и ночь. Но лицо... Лицо...

Вера стремительно выбежала из палаты.

Доктор кинулся ей навстречу:

— Что с Вами? Что случилось?

Вера судорожно и истерично зарыдала:

— Не он!.. Не он!.. Там лежит другой... чужой... незнакомый мне человек!¹³

Вероятно, именно об этой сцене критик «Проектора» писал как о «штрихе», после которого восприятие фильма резко меняется. Однажды запущенный механизм обмана зрительских ожиданий набирает обороты и становится ключевым сюжетным приемом. Мы ждем, что жених Веры, в отличие от спасенного ею однофамильца,

¹⁰ Новые ленты // Сине-Фоно. 1916. № 11–12. С. 112.

¹¹ Критическое обозрение // Проектор. 1915. № 5. С. 9.

¹² *Анталек* [А. А. Ханжонков, А. Н. Ханжонкова]. Ошибка сердца. Драматическая новелла // Пегас. 1916. № 1. С. 25.

¹³ *Анталек*. Ошибка сердца. С. 27.

погиб — однако выясняется обратное: он тоже был ранен, но остался жив и возвращается домой. Зритель предполагает, что свадьба станет Вере наградой за подвиг сестры милосердия и заботу о «чужом человеке», но и тут события развиваются вопреки привычной логике. Вера получает букет хризантем и прощальное письмо от спасенного ею раненого, и этот трогательный жест вызывает в ее женихе преступную ревность:

— И он еще смеет признаваться! Присылает цветы!.. Какая дерзость!.. И как ты, Вера, не почувствовала сразу обмана?

Вера взволнованно остановила его изливания:

— Опомнись, Коля! Ведь тебе же, тебе одному я отдавала все тревоги и страдания души...

— Могу ли я тебе верить теперь? Зачем этот цветок приколола? Тоже для меня?! Я не знал, Вера, что ты так легкомысленна!

Вера вдруг поняла. Он ее оскорбил. Незаслуженно. То, что было для нее подвигом любви к нему, он назвал легкомыслием. Она молчала. Тяжесть как будто придавила ее душу, ее мысль.

Молча подняла она брошенное на пол письмо, бережно расправила его и прижала к груди¹⁴.

Вера понимает, что любовь к жениху была «ошибкой сердца», и уходит от него. Удивленный таким поворотом событий зритель ждет, что она ответит на чувства другого героя войны — того, за которым она самоотверженно ухаживала. Однако этого не происходит. Тогда зрителя осеняет новая догадка: героиня соединится с доктором Лабунским, который горячо любил ее, поддерживал во всем, не смея мешать ее счастью с другим. Могло показаться, что этот персонаж, до сих пор игравший лишь служебную роль, окажется наконец в центре интриги. Исцеление от любовных разочарований союзом со старым и горячо любящим героиню другом — развязка, широко распространенная и в литературе, и в кинематографе. Но бедный Лабунский, очевидно, только для того и был выведен, чтобы обманывать ожидания: и свои, и зрительские. Вера и не думает ответить ему взаимностью.

Как в сказке, за руку и сердце главной героини борются трое; но Вера так или иначе отвергает всех. Здесь зритель может предположить, что сюжет фильма выстроен не по принципу военных фильмов, которые часто заканчивались на мажорной ноте, а по схеме классической русской кинодрамы, для которой были характерны трагические концы. Эта склонность русских фильмов к несчастливым концовкам обсуждалась в кинопрессе неоднократно. Так, например, анонимный автор ростовского журнала «Живой экран» отметил: «Присматриваясь к пестрой смене разнохарактерных кинематографических лент, я все больше убеждаюсь, что в большинстве своем они рисуют перед зрителями картины человеческого горя. Не о комических картинах говорю я, ибо эти ленты почти всегда имеют своим сюжетом “то, чего не было”. Но драмы, все эти так называемые “мировые шедевры”, все они без исключения

¹⁴ *Анталек*. Ошибка сердца. С. 29.

трактуют вопрос о неисчерпаемости, о многоликости человеческого горя, людского страдания. В огромном большинстве случаев все они имеют печальный конец»¹⁵.

Раз Вера оставила жениха и не сошлась ни с новым, ни со старым поклонником, она — думает зритель — может покончить с собой или же погибнуть как-то иначе, вероятнее всего, — героическим образом вернувшись на войну. О гибели сестер милосердия в новостной хронике сообщалось постоянно, увидеть ее можно было и на экране: в картине «В лучах германских прожекторов» (1915, реж. М. Налетный) или, немного позднее, в фильме «Сердце не простило, так простит могила» (1916, реж. С. Веселовский): «На передовых позициях работала Аня Краснова, исполняя свой долг. С ними, ранеными, осталась она в местечке, временно занятом немцами. Под градом шрапнель пошла она за водой, чтобы облегчить страдания умирающих и... погибла жертвой долга...»¹⁶.

Но и это — последнее — зрительское ожидание не оправдывает себя. Сценарий завершается камерной сценой — Вера пишет письмо бывшему жениху:

«Ты заставил меня пережить минуты ужасного озарения. Я увидела, что между нами глубокая бездна; моя душа — чужая твоей.

Никто не виноват. Для нас с тобой — счастье, что это открылось теперь, пока мы еще свободны.

Будем иметь мужество — не надо искать встреч, не надо объяснений. Вера».

Написав это письмо, Вера взглянула на часы.

Было уже утро.

Погасив лампу, Вера подошла к окну и отдернула штору. В комнату ворвались утренние лучи и залили лицо Веры. Спокойным, но глубоким взором, полным тихой грусти, смотрела девушка на встречу занявшемуся дню...¹⁷.

Несчастья не убивают сильную женщину, а напротив, делают ее более крепкой и независимой — подобные финалы к 1915 г. были редки, но уже встречались на русском экране. На авторов сценария «Ошибки сердца»¹⁸ могла повлиять, в частности, кинодрама А. С. Вознесенского «Женщина завтрашнего дня» (1914, реж. П. Чардынин). Однако подобные сюжеты были совершенно нехарактерны для военной драмы, в которой внешние события важнее внутренних, а персонажи четко делятся на положительных и отрицательных.

¹⁵ С. Голос из публики // Живой экран. 1914. № 13. С. 15–26. О «русских финалах» в дореволюционном кино см. также главу из программной статьи Ю. Г. Цивьяна: *Цивьян Ю. Г.* Введение: несколько предварительных замечаний по поводу русского кино // Великий кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России 1908–1919. М., 2002. С. 8–9.

¹⁶ Новые ленты // Сине-Фоно. 1917. № 7–8. С. 135.

¹⁷ *Анталек. Ошибка сердца*. С. 30–31.

¹⁸ В фильмографической справке В. Е. Вишневого есть указание на Н. В. Туркина: «ОШИБКА СЕРДЦА. <...> Сцен. и реж. Анталек [А. Ханжонкова и Н. Туркин]» (*Вишевский В. Е.* Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1945. С. 72). Однако его роль в работе над фильмом остается неясной: во всяком случае, к известному псевдониму «Анталек» (АНТонина и АЛЕКСандр Ханжонковы) Туркин прямого отношения не имеет. Или он работал над фильмом вместе с Ханжонковыми, или в фильмографическом описании допущена неточность.

Фильм «Ошибка сердца» был принят хорошо. Взыскательный критик В. Ф. Ахрамович писал: «Серия Анталек, к которой принадлежит эта картина, бесспорно лучшее в фирме. И толковый сценарий, и хороший подбор исполнителей, и более тщательная режиссура — все говорит за то, что фирма захотела щегольнуть своей работой»¹⁹. Интересен и еще один комментарий анонимного рецензента журнала «Прозэктор»: «Пьеса, если можно так выразиться, *литературнее* предыдущих постановок серии Анталек; в ней больше психологии, больше глубины»²⁰. Отмеченная здесь «литературность» связана, вероятно, не только с присущим фильму психологизмом, но и с его жанровой природой. Публикуя сценарий «Ошибки сердца» в журнале «Пегас», Ханжонковы справедливо назвали ее «драматической новеллой»: текст построен по всем законам классической новеллы, с «пуантированной концовкой» и яркой «сюжетной серединой»²¹. Русский экран знал новеллы и раньше, но до «Ошибки сердца» они находились вне поля военных кинодрам, которые строились обычно на простых и предсказуемых сюжетах.

Необходимо отметить, что положение вещей не изменилось и после выхода «Ошибки сердца» на экран. Военные кинодрамы 1916 года — такие фильмы, как «Подвиг рядового Н-ского полка девицы Лизаветы Башкировой», «Умер бедняга в больнице военной» (реж. А. Ивонин), — достаточно консервативны и ориентированы на ранние образцы жанра. В 1917 году — в первую очередь в связи с внешними политическими событиями — военные картины сходят с экранов. Значит ли это, что «Ошибку сердца» следует воспринимать как курьез, не сыгравший значительной роли в эволюции жанра? Если следовать теории литературной эволюции Тынянова, ответ на этот вопрос будет отрицательным. Согласно Тынянову, влияние «ошибок» на эволюционный процесс не ощущается сразу и проявляется лишь позднее — зато в полную силу: «...Каждое уродство, каждая “ошибка”, каждая “неправильность” нормативной поэтики есть — в потенции — новый конструктивный принцип (таково, в частности, использование языковых небрежностей и “ошибок” как средства семантического сдвига у футуристов). Развиваясь, конструктивный принцип ищет приложения. Нужны особые условия, в которых какой-либо конструктивный принцип мог быть приложен на деле, нужны легчайшие условия»²².

Были ли найдены соответствующие условия для «конструктивного принципа» «Ошибки сердца», нашел ли он приложение? Рискну предположить, что это произошло с началом Великой Отечественной войны, когда в центр кинопроцесса выдвинулся жанр «боевых киносборников» — агитационных альманахов, состоящих из новелл на военные темы. По следам сборников вышла короткометражная картина «Жена гвардейца» (1943, реж. П. Бархударян), сюжет которой во многом повторяет «Ошибку сердца». Татьяна едет в госпиталь к мужу, но уже на месте понимает, что

¹⁹ W [В. Ф. Ахрамович]. Московская хроника // Театральная газета. 1915. №49. С. 19.

²⁰ Критическое обозрение // Прозэктор. 1915. № 5. С. 9. (Курсив автора — А. К.).

²¹ Петровский М. А. Морфология новеллы // Ars Poetica. М., 1927. Вып. 1. С. 69–100).

²² Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 266.

по случайности попала к его тезке и однофамильцу. Ослепший от ран Петр Белкин принимает ее за свою жену и, счастливый, собирается с силами для необходимой ему операции. Как раз в это время к Татьяне с фронта должен приехать «настоящий» муж, но она остается с «чужим», чтобы поддержать его. «Поступайте так, как подсказывает вам ваше сердце», — советует Татьяне старый профессор. Для разговора о Второй мировой войне используется жанровый язык, открытый — но пока не развившийся — в эпоху Первой. Так на материале кинематографа подтверждается еще один эволюционный закон, открытый русскими формалистами: наследование в искусстве идет не по прямой линии, а через поколение²³. «Ошибки» дедов открывают внукам новые приемы и жанры.

²³ В классической книге Б. М. Эйхенбаума «Молодой Толстой» речь идет в том числе и о том, что Толстой теснее связан с литературой XVIII века, чем с предшествующей ему романтической традицией: «Даже Пушкина он, по собственным словам, серьезно оценил только в 1857 году, прочтя его “Цыган” в прозаическом переводе Мериме (очень характерно!). Все его чтение так или иначе связано с традицией прошлого века — с традицией дедов, а не отцов» (*Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой*. Пб.; Берлин, 1922. С. 36–37).

Михаил Лотман

СЛОВО, ПОБЕЖДАЮЩЕЕ СМЕРТЬ: ЛАСТОЧКИНО СЛОВО В МИФОПОЭТИКЕ МАНДЕЛЬШТАМА

В середине 1960-х годов при Тартуском университете действовало уникальное предприятие — малый филфак. Малый филфак был образован совместными усилиями кафедры русской литературы и студенческого научного общества. Со стороны кафедры это предприятие курировала Зара Григорьевна Минц, со стороны СНО — Елена Владимировна Душечкина. Студентами¹ малого филфака были школьники старших классов, а преподавателями — студенты Историко-филологического факультета Тартуского ГУ. Я думал, что малый филфак сохранился лишь в памяти его участников, число которых сокращается со все возрастающей скоростью, но в глубинах интернета нашелся дигитализированный номер университетской малотиражки со статьей «Малый филфак как он есть». Автор — Борис Тух, в то время студент третьего курса, впоследствии известный эстонский публицист. В статье читаем: «Естественно, что на каждом факультете существует деканат. В 1964 году деканом малого филфака была Елена Душечкина». Далее Тух перечисляет основных преподавателей из числа студентов: Е. Душечкина, А. Чернова, И. Чернов, А. Мальц, М. Коор, Т. Курк, А. Рогинский и Г. Суперфин, из сотрудников кафедры называет лишь З.Г. Минц, которая, по словам Туха, внесла «огромный вклад в успех работы малого филфака»². Я посещал занятия малого филфака в 1964–1966-х годах и хочу дополнить список. Из студентов должны быть названы еще Михаил Билинкис, знакомивший школьников с основами драматургии и современными постановками в театрах Москвы и Ленинграда, Светлан Семененко, который вел курс практической поэзии, сам Борис Тух с лекциями по советской литературе. Кроме того, отдельные занятия провели студенты других ВУЗов; запомнилась, в частности, лекция Николая Котрелева о Ходасевиче. Еще вспоминается лекция о Пушкине Ю. М. Лотмана и лекция о Леониде Андрееве В. И. Беззубова.

Елена Владимировна была ученицей моего отца и частым гостем нашей семьи, мы были хорошо знакомы. У нас дома она была просто Леной, но в подчеркнута академической атмосфере малого филфака всех преподавателей звали исключительно

¹ Такое наименование неожиданным образом напомнило об этимологии *studens* (лат.) — это не только учащийся вуза, но и любой усердствующий в учёбе.

² Тух Б., студент III-го курса, декан малого филфака. Малый филфак как он есть. TRÜ: Tartu Riiklik Ülikool. 1966. №27. 28 oktoober.

по имени-отчеству. Кроме общего руководства малым филфаком, Елена Владимировна читала курс древнерусской литературы. Запомнилось начало одной из ее лекций. На малом филфаке было принято, что в аудитории сидели не только школьники, но и студенты — коллеги лекторов. Перед лекцией по древнерусской было занятие по советской поэзии, на которой присутствовала и Елена Владимировна. Свою лекцию она начала примерно так. Мы только что услышали, что данный автор в таком-то году выпустил такой сборник стихов, а следующий — только через пять лет. Мы же будем сегодня говорить о произведении автора, ни годы жизни которого, ни какие бы то ни было биографические обстоятельства не известны, как не известно и точное время создания этого произведения; непонятно и то, с какой целью и для кого оно было написано. Речь шла о «Молении Даниила Заточника» (в студенческом аргументе — «Моление Даниила заочника»). Лекция произвела на меня глубокое впечатление, и позже я неоднократно возвращался к тексту «Моления/Слова Даниила Заточника», пытаюсь разобраться в его структуре. Особо не преуспел, но метонимическая связь между древнерусскими текстами и поэзией XX века в сознании сохранилась.

Слово является центром поэтической системы Мандельштама, само слово и связь его с ласточкой неоднократно становились предметом рассмотрения. Я не буду останавливаться на историографии вопроса и даже позволю себе не утруждаться правильно оформленными ссылками, поскольку соответствующие публикации К. Ф. Тарановского, О. Ронена, Г. А. Левинтона, М. Л. Гаспарова, С. А. Ошерова, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова и др. широко известны. Более того, корректные библиографические отсылки могут в данном случае вводить в заблуждение: многие опубликованные находки и утверждения уже бытовали в устном мандельштамоведении героического периода 60-х–70-х годов, и, кроме перечисленных имен, должны быть названы еще Ю. И. Левин, Г. Г. Суперфин, Р. Д. Тименчик, А. А. Морозов, и этот список далеко не полон³. Из сравнительно менее известных публикаций назову лишь статью Л. Г. Акопяна⁴, не только из-за ее относительной новизны, но и потому, что она, вводя в рассмотрение античные и средневековые естественнонаучные тексты (бестиарии, физиологи и шестодневь), значительно расширяет область подтекстов, связанных с мотивом слова-ласточки. Средневековые тексты существенным образом дополняют и развивают фольклорные и античные сюжеты и связанные с ними образы; анализ их позволяет выявить параллели в мифопоэтике Мандельштама, подчас нетривиальные.

³ Обсуждения тех лет велись в духе мандельштамовского идеала филологии, когда пять человек студентов, знакомых друг с другом, называют друг друга по имени и отчеству: как отметил Габриэль Гаврилович в ответ на реплику Романа Давидовича, касающуюся замечания Георгия Ахилловича по поводу одной маргиналии Владимира Николаевича... Кому какое наблюдение принадлежало, установить сейчас затруднительно, да и едва ли и нужно.

⁴ Акопян Л. Г. Мифопоэтические параллели к стихотворению О. Мандельштама «Когда психея-жизнь спускается к теням...» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. №4. Т. 22. С. 597–607.

Также за пределом настоящей статьи останутся рассмотренные мной в предыдущих публикациях общие вопросы поэтики Мандельштама, обоснование техники анализа и разъяснение таких принципов его поэтики, как цитатность, подтекстуальность, контекстуальность и семантическая зараженность контекста, принцип «знакомства слов» и «закон обратимости поэтической материи»⁵. Приведу лишь примеры трех последних.

Как отметила еще Л. Я. Гинзбург, эпитет у Мандельштама может относиться не к определяемому слову, а дистантно к какому-нибудь другому, а то и ко всему контексту; сказанное является частным случаем того, что я называю семантической зараженностью контекста. Простой (и поэтому не очень характерный) пример: ... *Язык бессмысленный, язык солено-сладкий. / И звуков стакнутых прелестные двойчатки — / Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг*. Тема двойственности проходит через весь отрывок; зараженность двойственностью позволяет связать между собой бессмысленность языка с вкусовыми ощущениями, дифтонгами и зияниями, а также с двустворчатостью раковины (NB! раковина вводится метонимически через жемчуг, а иррадиация солено-сладкого вкуса вызывает ассоциации с неназванными устрицами из неназванной двустворчатой раковины).

Согласно А. А. Ахматовой, теория знакомства слов сложилась у Мандельштама в первую половину 30-х годов, но уже начиная с «Камня» соответствующая практика проходит через все его творчество. Так, у Мандельштама «яблоко» знакомо с «золотом»: образ яблока почти всегда влечет за собой упоминание золота, причем не обязательно в качестве эпитета яблока (*Вот дароносица, как солнце золотое, / Повисла в воздухе — великодушный миг. / ...Взят в руки целый мир, как яблоко простое, или: Эра звенела, как шар золотой, / Полная, литая, никем не поддерживаемая, / На всякое прикосновение отвечала «да» и «нет». / Так ребенок отвечает: / «Я дам тебе яблоко» — или: «Я не дам тебе яблоко»*).

Закон обратимости поэтической материи: если смерть крылата, то к ней летят (*Пусть говорят: любовь крылата, — / Смерть окрыленное стократ. / Еще душа борьбой объята, / А наши губы к ней летят*). Наиболее наглядными и одновременно простыми случаями обратимости являются многочисленные противоречия, возникающие как внутри текста, так и при движении между его различными вариантами; было: *Полухлебом плоти не корми*, стало: *Полухлебом плоти накорми* — противоречия характеризуют поверхностную (пропозициональную) семантику текста, они не затрагивают семантические компоненты, образующие глубинную структуру смысла.

Во всех приведенных случаях дело идет о принципиальной системности поэтического мира Мандельштама, о мотивированности и глубинной связанности основных его образов. Поэтика Мандельштама характеризуется уникальной семантической структурой, подчиненной правилам собственного семантического синтаксиса

⁵ Соответствующие статьи собраны в сборнике: *Зоян С., Лотман М.* Исследования в области поэтики акмеизма. Таллинн, 2012.

и пренебрегающей внешними и, вследствие этого, поверхностными принципами противоречия или причинности⁶.

В генезисе образа ласточки у Мандельштама сплетаются различные начала и в самой конструкции образа задействованы различные коды, каждый из которых не специфичен для Мандельштама, но уникальной является их комбинация. Отметим сразу, что слово 'код' употребляется здесь и ниже в расширительном смысле: это не только способ кодирования, но и область референции и связанные с ней пласты значений; наименования кодов носят условный характер⁷.

Общезыковой код. Слово 'ласточка' является псевдодиминутивом; ассоциации с нежностью поддерживаются не только суффиксом, но и звуковой переключкой корней со словом 'ласка', т. е. 'ласточка' благодаря своей внутренней форме и звуковой оболочке как бы вдвойне ласкательная; в ряде фольклорных источников ласточка прямо и называется лаской (также ластовицей, ластвицей и др.). Это обстоятельство уже само по себе не могло не привлечь Мандельштама с его повышенной чувствительностью к звукам и внутренней форме языка (вполне им самим осознаваемой, ср. его яфетическую новеллу), а с другой стороны, страстью к ласкательным диминутивам. В стихах эту страсть он приглушает, зато отдается ей вволю в письмах к невесте, впоследствии жене, Надежде Хазиной/Мандельштам (НЯ). В этих письмах обращение к адресату содержится не только в начале, но подчас многократно повторяется в самом тексте. Соответствующие наименования связаны не с сексуальностью, а с кровным родством: НЯ либо сестра, либо ребенок, в большинстве случаев — дочь, причем всегда эти наименования даются в диминутивной форме: сестричка, родненькая, детка, деточка, дитятко, детуся, дочурка, доченька. Другая семантическая сфера номинаций — зоологическая: звереныш, в подавляющем большинстве случаев — птичья: воробушек, пташечка, пташенька, голубка, голубок-младшенький, но в первую очередь — ласточка. Номинации могут нанизываться: *дочка моя, сестра моя, ласточка <...>, желтенький мой птенчик* и т. п. Двойная номинация встречается и в стихах, но уже не в форме обращений: *Это ласточка и дочка / Отвязала мой челнок*. Как отметил еще К. Ф. Тарановский, здесь не анаколупф: ласточка и дочка — не два различных персонажа, а один, и имеется в виду НЯ. Но ласточка не обязательно НЯ, ср. *ласточка, подружка, Антигона*, а также *голубка-Эвридика и живая ласточка* в стихах, посвященных Арбениной.

К языковому коду примыкает **межъязыковой**. Межъязыковое кодирование (также: скрытое двуязычие, анаграммирование и др.) встречается во многих текстах Мандельштама, но всегда носит гипотетический характер. С ласточкой предположительно связаны два случая межъязыкового кодирования. *То вдруг прокинется безумной Антигоной* — редкая и странная в данном контексте глагольная форма

⁶ В терминологии И. И. Ревзина здесь можно говорить о категориальном (у нас — глубинном) и перифрастическом (у нас — поверхностном) смысле. См.: *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977. С. 36–40.

⁷ Обычно в таких случаях говорят не о коде, а о дискурсе. Я не хочу пользоваться здесь этим термином ввиду его аморфности.

‘прокинется’, обозначающая действие слова-ласточки, весьма вероятно, мотивирована именем Прокне/Прокна (С. А. Ошеров); такая техника межъязыкового кодирования для Мандельштама не типична, хотя и не уникальна, ср.: *Петра (пéтра) создание, / Медный всадник и гранит*, где ‘гранит’ отсылает не столько к облицовке набережной, но, в первую очередь, к скале Медного всадника. Вместе с тем, окказиональное значение слова ‘прокинуться’, связанное с сумасшествием, актуализируется образом безумной Антигоны. Более для Мандельштама характерное межъязыковое кодирование демонстрирует словосочетание ‘ласточка хилая’, — та же модель, что и в *Фета жирный (fett)*. Согласно В. Н. Топорову, ‘хилая’ является здесь анаграммой *χελιδόν*, что с фонетической точки зрения не очень убедительно, однако с учетом античных коннотаций образа ласточки и общего контекста его встречаемости эта гипотеза становится более правдоподобной. Если ее принять, то образ ласточки представляется единственным в наследии Мандельштама, связанным с двумя случаями межъязыкового (греческо-русского) кодирования.

В этой связи следует отметить нетривиальный контекст словоформы ‘зиянья’: *Я так боюсь рыданья Аонид, / Тумана, звона и зиянья*. Страх пустоты и провала — частый мотив у Мандельштама, но здесь, вероятно, имеется в виду и зияние в терминологическом смысле, отсылающем к хиатусу в имени ‘Аонид’. Ср. в воспоминаниях Надежды Павлович: «...полузакрыв глаза, спускается Мандельштам и бормочет: “Зиянье аонид... зиянье аонид...”». Сталкивается со мной: “Надежда Александровна, а что такое “аониды”?»⁸. Зияние могло восприниматься как пространство между гласными, провал, образованный недостатком согласного звука, ср. в «Заметках о поэзии» (1923): *Пониженное языковое сознание — отмирание чувства согласной*.

Сенсорный код. Следующий код связан с ощущениями, в первую очередь сенсорными, но не только. В «Путешествии в Армению» (1931–1932) содержится ряд важных свидетельств, касающихся чувств и ощущений.

Вчера был царь, а сегодня провалился в щель, скрючился в утробе, как младенец, согревается вилами и наслаждается чесоткой. <...> Я хочу, чтобы Аршак провел один добавочный день, полный слышания, вкуса и обоняния («Путешествие в Армению. Алагез», 1931–1932). Пленный царь Аршак лишен ощущений, не унижающих его достоинство; вместо них — холод, теснота и зуд. Теснота темницы-ямы связана с важным для Мандельштама клаустрофобическим мотивом: *И в яму, в бородавчатую темь / Скольжу к обледенелой водокачке / И, спотыкаясь, мертвый воздух ем....* Темнота ямы характеризуется тактильно, мертвый воздух — не пища, а признак удушья. Попадание в зияющие провалы⁹ лишает человека органов чувств и связанных с ними ощущений: *природа вся в разломах / зренья нет — ты зришь в последний раз / <...> довольно полнозвучья, — / Ты напрасно Моцарта любил: / Наступает глухота научья, / Здесь провал сильнее наших сил*¹⁰. Провалам в природе соответствуют

⁸ Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С. 492.

⁹ Хиатус (провал, пропасть, дыра) является также как геологическим, так и биологическим термином.

¹⁰ Здесь не место сколько-нибудь подробно останавливаться на образах насекомых у Мандельштама, имеющей к нашей теме лишь косвенное отношение. В «Ламарке» (1932) Мандельштам касается насекомых

провалы в сознании, которые, в свою очередь, коррелируют с риторическими фигурами: *Наша память, наш опыт с его провалами, тропы и метафоры наших чувственных ассоциаций достаются ей в обладание бесконтрольное и хищное* («Читая Палласа», 1931).

Забегая вперед, отметим, что с темой провала связаны образы ямы и могилы; в наиболее развернутом виде эта образность содержится в следующем отрывке из «Стихов о неизвестном солдате» (1937): *Будут люди холодные, хилые / Убивать, холодать, голодать / И в своей знаменитой могиле / Неизвестный положен солдат. // Научи меня, ласточка хилая, / Разучившаяся летать, / Как мне с этой воздушной могилой / Без руля и крыла совладать. // И за Лермонтова Михаила / Я отдам тебе строгий отчет, / Как сутулого учит могила / И воздушная яма влечет.* Могила (очевидно, земляная) неизвестного солдата ассоциирована с воздушной могилой, в которой находится или в которую влечется ‘я’ стихотворения. ‘Воздушная могила’ — метафора, но, когда она оборачивается воздушной ямой, то становится одновременно и стертой метафорой, и термином, обозначающим реальное явление в воздухоплавании. Эта же воздушная/земная/метафорическая/терминологическая могила учит сутулого, напоминая о популярной, особенно в те годы, поговорке о горбатом и могиле. В другом месте содержится прямое обращение к могиле: *могила, не смей учить горбатого* — с опять-таки знаменательной заменой глагола: не ‘править’, а ‘учить’, т. е. могиле приписывается если не речевая, то дидактическая способность. *Без руля и крыла* — явная отсылка к названному в следующем стихе Лермонтову, однако парус заменен на крыло и, в отличие от хоров светил, в своем плавании не нуждающихся в руле и ветрилах, ‘я’ не знает, как ему с воздушной могилой/ямой совладать. За наставлением он обращается не к могиле, а к ласточке, которая сама больше

в прямом смысле слова мимоходом (*Мы прошли разряды насекомых / С наливными рюмочками глаз*), но в его мифопоэтике они занимают далеко не последнее место. Есть веские основания полагать, что кузнечики, цикады и стрекозы у Мандельштама — не обязательно разные насекомые, а, по крайней мере в некоторых случаях, различные наименования одного и того же. И так не только у Мандельштама, ср. хотя бы хрестоматийное: *Попрыгунья (!) Стрекоза* (ср.: *Леонтьева А. Ю.* Символ кузнечика в русской поэзии // *Вестник Северо-Казанского государственного университета им. М. Козыбаева.* 2017. Вып. 1 (34). С. 148–155; *Успенский Ф. Б.* *Habent sua fata libellulae* // *Успенский Ф. Б.* Три догадки о стихах Осипа Мандельштама. М., 2008. С. 9–72). Кузнечики-цикады-стрекозы в интересующем нас контексте связаны с двумя мотивами.

Из них первый — это мотив рокового течения времени, сопровождаемый регулярным механическим звуком (ср.: *глагол времен! металла звон!*). Сюда относятся не только часы-кузнечик, но и маятник душ, сопровождающий стук рока, когда хор кузнечиков спит. В этой связи следует напомнить два диалектно-архаических наименования кузнечика: ‘стрекогутун’, обозначающее одновременно болтуна, причем не обязательно имеется в виду человек (ср. у Пушкина о сороке: *стрекогутунья-белобока*) и ‘кузнец’; привычное ‘кузнечик’ является диминутивной формой. ‘Кузнец’ в значении насекомого сейчас почти неупотребителен, но, вероятно, Мандельштам помнил о нем: *молоточками куют цикады* (уменьшительность транслируется от кузнечиков молоткам).

Второй мотив кажется противоположным, это — молчание кузнечиков. Но молчание это особенное — это тишина умолкшего хора, на фоне которого особенно пронзителен каждый звук (как у Йейтса: *speech after long silence*). Спят не кузнечики — спит их хор, ср.: *тишину переплывает / Полночных птиц незвучный хор.* Слово, забытое и само потерявшее память, находится среди кузнечиков (*Среди кузнечиков беспамятствует слово*). Если первый мотив связан со временем, его неумолимым течением, то второй — с выходом во вневременное семантическое пространство.

не умеет летать. Отсутствие крыла напоминает о срезанных крыльях ласточки. Наконец, весь отрывок пронизан связанными между собой темами речевой деятельности, телесной недостаточности, смерти и могилы.

Звезд в ковше медведицы семь. / Добрых чувств на земле пять. Четкой структурированности вселенной соответствует структурированность чувств, благодаря которой макрокосмос отражается в микрокосме. Однако с этим связаны две противоположные проблемы.

С одной стороны, это недостаточность пяти чувств, бытие богаче, и оно не ограничено человеческой способностью к его восприятию. Органы чувств — каналы получения информации, их может быть недостаточно. Отсюда — тема чувства, не предусмотренного стандартным списком «добрых чувств»: *я развивал в себе чувство рельефа местности* («Путешествие в Армению. Сухум», 1931–1932), *я в себе выработал шестое — «араратское» чувство: чувство притяжения горой* («Путешествие в Армению. Аштарак», 1931–1932). В «Путешествии в Армению» шестое — добавочное — чувство связано с ощущением рельефа (т. е. это как бы осязательность на макроуровне) или аттракцией. И в наиболее развернутом виде: *Шестого чувства крошечный придаток / Иль ящерицы теменной глазок, / <...> / Мерцающих ресничек говорок. / Недостижимое, как это близко — / Ни развязать нельзя, ни посмотреть, — / Как будто в руку вложена записка / И на нее немедленно ответ...* (1932–1934). Этот пример особенно существенен. Шестое чувство, как и «добрые чувства», связано с восприятием и передачей информации (записка, требующая ответа), однако крошечный придаток способен лишь ощутить близость недостижимого, но не в состоянии его осмыслить (развязать, посмотреть) и выразить словами; вместо членораздельной речи — *ресничек говорок* (метонимических связанных с глазом).

С другой стороны, раздельность и структурированность чувств является одновременно и ограничением; отсюда — желание преодолеть это ограничение в экстазе: *Упасть на древние плиты / И к страстному Богу воззвать, / И знать, что молитвой слиты / Все чувства в одну благодать!* («Убиты медью вечерней...», 1910). Кроме того, сильные чувства могут приводить к гибридизации органов: у Данте *страданье скрещивает органы чувств, создает гибриды, приводит к губастому глазу* («Разговор о Данте», 1933). Но губы могут не только видеть, но и слышать: *Губы прислушиваются к священному шелесту* (из черновиков Армянских стихов), — орган говорения является одновременно и органом слуха.

Особенно тесно связаны с вербальной сферой тактильные ощущения. Обозначение это — условно: с одной стороны, дело идет о тактильности в широком смысле, о чувстве поверхности; с другой стороны, тактильность связана с другими чувствами — зрением и слухом: пальцы — зрячие (*О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, / И выпуклую радость узнавания*), а *звук в персты прольется*. Таким образом, осязание, лишенное своего специфического органа, способно выполнять не только собственные функции, но и функции зрения и слуха, в случае зрения даже при слепоте. ‘Зрячие пальцы’ появляются и в прозе, причем это зрение также связано с узнаванием: *Слепой узнает милое лицо, едва прикоснувшись к нему зрячими перстами,*

и слезы радости, настоящей радости узнавания брызнут из глаз его после долгой разлуки («Слово и культура», 1921). Но осязание может выполнять функцию зрения и безотносительно к слепоте: *Я не мог в тумане осязать; слабых звезд я осязаю млечность*, ср. также мотив чувствительности пальцев.

Эпитет 'выпуклая', характеризующий радость узнавания, не случаен: узнается выпуклость, а по закону обратимости поэтической материи само узнавание является выпуклым; узнавание является также — и в первую очередь — узнаванием памятной выпуклости; в письме НЯ: *Дай лобик твой поцеловать — выпуклый детский лобик!* (ср.: от выпукло-девического лба). Выпуклость может быть характеристикой речи: *Одиссеева речь, выпуклая, как чечевица...; человек, который собрался говорить <...> prepares зеркала и выпуклые чечевичные стекла* («Разговор о Данте», 1933), *ясная лекция <...>, выпуклая, насыщенная исторической правдой* («Международная крестьянская конференция», 1923), а также поэтической техники: *Строжайшая иерархия эпитета, глагола и существительного на однообразной канве александрийского стихосложения вычерчивает линию господствующего образа, сообщает выпуклость чередованию парных стихов* («Заметки о Шенье», 1922). Выпуклость, спроецированная из трехмерного пространства в двумерное, трансформируется в дуги, а сенсорный код — в визуальный (ср. *ласточки круглых бровей*).

Пальцы — орган не только осязания, слуха и зрения, но — в случае необходимости — и говорения. *Глухонемые сучили руками быструю пряжу. Они разговаривали. <...> Они говорили на языке ласточек и попрошаек и, непрерывно замечывая крупными стежками воздух, шили из него рубашку* («Египетская марка», 1927). (О языке ласточек и попрошаек — ниже). Беззвучная, но видимая мануальная речь (*звук в персты прольется*, в то время как пальцы — зрячие) — это говорение на языке ласточек, при котором в качестве материального носителя информации выступает воздух. Здесь скрыт вычеркнутый из окончательного текста, но важный для Мандельштама мотив если не заполнения, то каким-то образом овеществления пустоты, ср. в черновике «Египетской марки»: *глухонемые шили рубашку из пустоты*; ср. также: *Миллионы убитых <...> Протоптали тропу в пустоте*.

Соматический код. Телесность является важной составляющей мандельштамовской семантики¹¹. Мандельштам внимательно, чтобы не сказать — болезненно, относился и к собственному телу, и к телесности вообще. Телесность связана с поэзией, причем только однажды в качестве условия творчества выступает здоровье («Пою, когда гортань сыра, душа — суха...», 1937), однако и в этом стихотворении подспудно проступают и противоположные темы: стесненная грудь, возможно, также отравленное (?) вино; кроме того, следует учитывать, что речь идет не о своем творчестве. Обычно же у Мандельштама творчество связано с ущербной телесностью. Ласточка также либо сама смертельно больна, либо является спутником болезни и смерти.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Топоров В. Н.* О «психо-физиологическом» компоненте поэзии Мандельштама // Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. Материалы научной конференции 27–29 декабря 1991 г. М., 1991. С. 7–27.

В стихотворении «Что поют часы-кузнечик...» (1918) содержится многоплановая картина болезни, бредового состояния, переходящего в предсмертную агонию. Горение красного шелка сменяется горением черного; сердце еще теплое, но ласточка-дочка уже отвязала челнок (ср.: *В сухой реке пустой челнок плывет...* — с дальнейшим упоминанием Стикса). Комната умирающего наполнена звуками: «пением» часов¹², шелестом, шуршанием, бормотанием, «точильными» звуками, издаваемыми мышами. Эти звуки произвольны, нечленораздельны и непонятны, загадочен образ слышащей и прощающей (и, вероятно, понимающей?) черемухи на дне морском. Напрашивающаяся параллель с зеленой веткой в царстве Персефоны является именно параллелью, но не объяснением, т. к. подводное и подземное царства связаны у Мандельштама с принципиально различной образностью¹³. Образность, связанная с болезнью, телесной недостаточностью и смертью, характеризует в равной мере как человека, так и ласточку.

Вербальная деятельность (сюда отнесем не только говорение, но и пение) ласточки всегда сопутствует болезни или телесной недостаточности: ласточка хилая, слепая, со срезанными крыльями и — по закону обратимости — сама смертоносная. Даже живая ласточка, падающая на горячие снега, символизирует не жизнь, а смерть (здесь типичный для Мандельштама скрытый за оксюморонами хиазм: горячка Бозио — горячий снег, живая ласточка — смерть метонимически подразумеваемой Бозио; холодный труп — горячий снег; ср. также насильственную жаркую могилу, которая одновременно является холодной стокгольмской постелью, или — *на морозе гореть*). Но ни телесная ущербность, ни болезнь, ни даже смерть не только не означают отсутствие речи или пения, но чуть ли не являются для них стимулом и условием. Хилая ласточка должна меня научить, и тогда я отдам строгий отчет. Смерть ласточки-Бозио метонимически связывается с вечно-звучащей арией: *Ты вернешься на зеленые луга*. Ласточки бровей прилетели из гроба, чтобы сказать. Слепая ласточка в царстве теней сама является Психеей и словом; в черновом варианте ласточка призывается стать вестью: *Нежной вестью, царской дочерью явись, / Ласточка, подружка, Антигона*.

Следует отметить, что сказанное выше о воздушной могиле и символическом царстве теней в еще большей мере справедливо и для земляной могилы: произнесенное в могиле является особенно значимым и весомым: *я лежу в земле, губами шевеля, / Но то, что я скажу, заучит каждый школьник...; Ты, могила, / Не смей учить горбатого — молчи! / Я говорю за всех с такою силой, / Чтоб не́бо стало небом, чтобы губы / Потрескались, как розовая глина*.

Животный код. В первую очередь, здесь следует различать членораздельную осмысленную речь и нечленораздельное звучание. Членораздельными могут быть

¹² Звуки, издаваемые часами-кузнечиком, названы пением; о связи кузнечиков с пением и словом см. прим. 10.

¹³ Кажется, лишь однажды подводная тема встречается у Мандельштама с подземной: *Как будто в гости водяная дева / К часовицику подземному пришла* («Какая роскошь в нищенском селеньи...», 1930), но здесь отсутствует связь с могилкой. Кроме того, черемуха, в отличие от зеленой ветки, персонализирована (ср.: *За веткой черемухи в черной рессорной карете*).

различные природные звуки, в то время как звуки, издаваемые человеком, бывают нечленораздельными и бессмысленными. Но и бессмысленность у Мандельштама бывает разная. С одной стороны, это шумы: шорохи, кудахтанье, нечленораздельное бормотание, шелест крови и др. — эти звуки хотя и могут быть знаками чего-то, но сами они смысла не несут. Сюда же можно отнести обесмысленные звуки деградированной и уже не человеческой речи (*по-звериному воет людье*). С другой стороны, это блаженное бессмысленное слово, потенциально содержащее не только полноту значений, но являющееся связующим звеном между тленностью мгновения и довременной полнотой бытия (ср. также «*Silentium*»): *Она и музыка и слово, / И потому всего живого / Ненарушаемая связь*). Согласно В. Н. Топорову, этот круг значений связан с памятью о пренатальном опыте (ср. также в «Путешествии в Армению», где царь Аршак *скрючился в утробе, как младенец*).

Особое место занимают птицы. Сравнение своей речи с птичьими голосами встречается не только в стихах, но и в письмах к НЯ: *Надик, мы как птицы кричим друг другу — не могу — не могу — без тебя! Вся моя жизнь без тебя остывает, я чуждой и ненужный сам себе* (22.02.1926); ср. в более раннем письме к тому же адресату: *Мы с тобою как дети — не ищем важных слов, а говорим, что придется* (5.12.1919). «Как птицы» и «как дети» — нет возможности подобрать адекватные слова для самых важных мыслей и чувств. Это же в стихах: *Нет стройных слов для жалоб и признаний*.

В щебете птиц содержится скрытая сила и гармония (*Моцарт в птичьей гамме*), и она может захватывать весь мир: *Мы в легионы боевые / Связали ласточек, и вот / <...> / вся стихия / Щебечет, движется, живет*. Звуки, издаваемые птицами, могут, подобно глоссолоалиям, быть говорением на иностранных языках: *Так птицы на своей латыни / Молились Богу в старину*. Представление о том, что птицы говорят или поют на непонятном языке, широко распространено; в восточнославянском фольклоре этими птицами чаще всего являются ласточки. Примечательны такие загадки про ласточку: *Шитовило-битовило, по-немецки говорило* или *Шило-мотовило пойд небесами ходило, по-турецки говорило, по-німецьки закидало*, — заумные звукосочетания как бы имитируют иностранную речь ласточки¹⁴.

Культурные коды. Их несколько, и они чаще других привлекали внимание исследователей. Первый из них — **античный**. Забытое слово, обернувшееся слепой ласточкой, окружено именами Психеи, Персефоны, Антигоны, Эвридики. Нельзя не заметить, что соответствующие мифы представлены лишь своим женским ракурсом: не упоминаются ни Амур, ни Аид, ни Эдип, ни Орфей (Орфей встречается в других контекстах, не связанных непосредственно с рассматриваемым семантическим комплексом); средний род слова нейтрализуется, хотя бы отчасти, его окказиональными подчеркнута женственными синонимами: душа (*душа ведь женщина*), Психея, ласточка, женские имена.

¹⁴ Журавлев А. Ф. Об одном мотиве восточнославянских загадок (к статье Д. К. Зеленина «Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии») // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979. С. 130–132.

Антигона — слепая ласточка — сама не была слепой, но была дважды связана с невозможностью видения. В первый раз, когда сопровождала в изгнании слепого, выколовшего свои глаза отца; она была как бы его глазами. Второй раз, когда, заключенная в подземную пещеру, она была обречена на смерть в темноте. В обоих случаях Антигоной движет долг и самоотверженная любовь, но не эротическая, а дочерняя и сестринская (ср. *доченька* и *сестричка* в письмах к НЯ). Здесь имеет место типичное для Мандельштама многоступенчатое перенесение, основанное преимущественно на метонимии: слепота неназываемого Эдипа передается дочери, а от Антигоны — Прокне-ласточке (о ней — ниже).

Психея — одновременно и душа, и слово. *Слово — Психея. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но незабытого тела* («Слово и культура», 1921). Забытое слово/душа медленно растет, как шатер или храм, — очевидная отсылка к Гераклиту: «Душе (психее) присущ самовозрастающий логос» (В115). Можно, однако, полагать, что Психея, спускающаяся к теням, не просто следует за Персефой, но и в определенной мере отождествляется с ней, являясь ее своего рода отражением или даже замещением. Во время умирания природы ласточка, как и Персефона (но не Психея), отправляется в царство смерти, чтобы, возродившись, возвратиться оттуда вестницей весны¹⁵. У Мандельштама, как обычно, сложнее — сюжет инвертирован: ласточка приносит зеленую ветку — знак весны — не в этот мир, возвращаясь из царства смерти, а в чертог теней. Важную трансформацию претерпевает и сама ласточка: чертог теней является ее основным локусом, в который она возвращается, что может быть намеком на хтоническое происхождение не только ласточки, но и слова. В полупрозрачном мире прозрачных теней прозрачна и слепая ласточка; зеленая ветка, наряду с черным льдом, является одной из двух непрозрачных вещей (о связи ласточкиной слепоты со смертью см. ниже).

Кроме мифологических параллелей и источников, должен быть отмечен и очевидный **литературный**. Марина Цветаева посвящает Психее два стихотворения, первое из них написано в 1918 году, т. е. до мандельштамовских «летейских стихов», и содержит близкий образ: *Я ласточка твоя — Психея!* Как и у Мандельштама, образ ласточки-Психеи связан с вземной реальностью и смертью: *Там, на земле, мне подавали грош / И жерновов навешали на шею*¹⁶.

Стихотворения «летейского цикла» посвящены Ольге Гильдебрандт-Арбениной; в другом стихотворении, посвященном ей же, ласточка ассоциирована не с Персефой, а с Эвридикой. Образ Эвридики в «Чуть мерцает призрачная сцена...» (1920)

¹⁵ Ср. в Орфическом гимне Персефоне: *Вешней порою на радость тебе дуновения с дуга, / Тело святое твое указуют зеленые всходы, / Осенью вновь похищаема ты для брачного ложа, / Ты одна — и жизнь, и смерть для людей многобедных / Персефона — всегда ты «несешь» и всегда «убиваешь».* (Античные гимны. М., 1988. С. 209 (Гимн ХХІХ, перевод О. В. Смыки)).

¹⁶ Подробнее о Психее у Цветаевой см.: *Войтехович Р.* Психея в творчестве М. Цветаевой: эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005 (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis).

характеризуется рядом метонимических подмен, в результате которых Эвридика одновременно и является, и не является собой. Сперва назван Глюк, но эта отсылка кажется слишком очевидной, и Манделштам это начало отбросил. Это — типичный манделштамовский прием: стихотворение с отброшенным ключом, — так назвал его М. Л. Гаспаров, говоря о другом стихотворении. Затем названа Эвридика, но это имя отсылает не к мифу и не к опере, а к смерти неназванной Анджелики Бозио: *Чтобы вечно ария звучала: / — Ты вернешься на зеленые луга, / И живая ласточка упала / На горячие снега!* Но дело этим не ограничивается. Кажется, что *Ты вернешься на зеленые луга* — это ария Орфея из «Орфея и Эвридики», или даже ария самой Эвридики, которую исполняла Бозио (в эту ловушку попались даже некоторые комментаторы). Но это вдвойне не так: такой арии у Глюка нет (по крайней мере, ее нет в использованном Мейерхольдом либретто Раньери де Кальцабиджи), а в репертуаре Бозио не было этой оперы. В греческой мифологии мотив возвращения на зеленые луга связывается не с Эвридикой, а с Персефоной, похищенной Аидом. Такой ход типичен для Манделштама: нужное имя прямо не называется, а намекается при помощи другого имени: *Не вифлеемским мирным плотником, а другим; Не Елена — другая — как долго она вышивала* (не только не Елена, но и не вышивала). Имя Эвридики всплывает в эссе «О природе слова» (1920–1922), написанном примерно в то же время. В нем говорится, что Анненский — царственный хищник, похитивший у европейцев голубку Эвридику для русских снегов и возложивший с нежностью, как подобает русскому поэту, звериную шкуру на все еще зябнущего Овидия¹⁷. В обоих случаях Эвридика названа голубкой; в обоих случаях птичья образность противопоставит звериной; в обоих случаях Россия является царством снега и холода, в стихотворении — смертельного.

Семантическая структура стихотворения «Чуть мерцает призрачная сцена...» близка к обнаруживаемой в летейских стихах, но области референции в них различны. В отличие от ландшафта летейских стихов, пространство смерти здесь вещно и космато, вместо прозрачности — тьма и чернота (черный табор карет, черная улица). Обратное соотношение демонстрирует и присутствие зеленого цвета — цвета жизни — в ахроматических мирах рассматриваемых текстов¹⁸. Если в летейских стихах зеленый цвет в виде ветки вносится в пространство смерти, то в «Чуть мерцает...» его присутствие дважды условно: он — лишь слово из арии, а сама ария представлена условной конструкцией. В обоих случаях царству жизни противопоставит царство смерти, но в летейских стихах жизнь — это земная жизнь, а область смерти — это царство теней. В «Чуть мерцает призрачная сцена...» область жизни — это театр и шире — мир искусства: *Из блаженного, невучего притина / К нам летит бессмертная весна*, в то время как мир смерти — это посясторонний мир,

¹⁷ Здесь не место на этом подробнее останавливаться, но образ Анненского — хищника и царственного похитителя — чрезвычайно интересен. Укажем лишь, что и в этом отрывке содержится очередное сближение Эвридики с Персефоной.

¹⁸ О соотношении хроматических и ахроматических цветов у Манделштама см.: Lotman M. Color and image in Mandelstam's Conversation about Dante // Boccaccio, Dante e Verdone. Firenze, 2016. P. 97–112.

конкретно — Россия. Мир смерти — это мир темноты: *кромешина ночи тьма* — и холода, летейской стужи (*у нас студеная зима*). Смертельный холод снега сочетается с его губительной жарой, а белизна — с чернотой: *от сугроба улица черна*. Человек бессилён в этой стуже, чтобы защититься от нее самому или защитить других, он использует звериные шкуры и меха: *розу кутают в меха*, но возможно, что мороз и сам наращивает шкуру: *все космато — люди и предметы*, ср. также: *жаркую шубу сибирских степей*. В статье «О природе слова» пушистая кожа вводится цитатой из «Цыган»: эллинизм — это *всякая одежда, возлагаемая на плечи любимой с тем же самым чувством священной дрожи: Как мерзла быстрая река / И зимни вихри бушевали, / Пушистой кожей прикрывали / Они святого старика*. Звериная шкура может спасти не только от (потустороннего) холода, но и от смерти в этом мире: *Нельзя зверю стыдиться пушиной своей шкуры. Ночь его опушила. Зима его одела. Литература — зверь. Скорняк — ночь и зима* («В не по чину барской шубе», 1923–1924). Или же о Франсуа Виллоне: *Виллон жил в Париже, как белка в колесе, не зная ни минуты покоя. Он любил в себе хищного, сухопарого зверька и дорожил своей потрепанной шкуркой: «Не правда ли, Гарнье, я хорошо сделал, что апеллировал, — пишет он своему прокурору, избавившись от виселицы, — не каждый зверь сумел бы так выкрутиться»* (1910; 1927). Ср. также в стихах из перевода «Тилия Уленшпигеля»: *Под шкурою двойною. / И смерти не боюсь силков: / Закован в панцирный покров*. Особый интерес представляет образ в меха обутой тени — очевидно, что дело не в термо-, а в звукоизоляции: тень и так беззвучна, меховая обувь делает ее как бы вдвойне неслышимой. Холод смертелен и имеет потустороннее происхождение. Этот образ проявляется иногда в самых неожиданных контекстах: *И холодком повеяло высоким / От выпукло-девического лба, / Чтобы раскрылись правнукам далеким / Архипелага нежные гроба*. Выпукло-девичий лоб — это о НЯ (ср. выше о выпуклости), а холодок веет из гроба; в образе нежных гробов также содержится скрытый хиазм: могильный (гробовой) холод и нежный девичий лоб.

В фольклоре разных народов, в том числе славянских, есть мифы о том, как девушка превращается в ласточку, причем эти мифы часто содержат объяснения раздвоенности ее хвоста: середина хвоста у ласточки вырвана — его могла откусить змея, но также мог вырвать или разрубить топором кто-нибудь из родственников (в эстонском фольклоре преследуемая свекровью невестка превратилась в ласточку и улетела, однако свекровь успела схватить ее за хвост и вырвать часть перьев). Телесность мандельштамской ласточки вдвойне ущербна: ласточка слепа, и у нее срезаны крылья, но главное в том, что каким-то образом — и, возможно, именно благодаря своей телесной ущербности, — она связана с забытым словом или даже является его персонификацией.

Миф о Филомеле и Прокне характеризовался путаницей уже в античности: кто из них ласточка, а кто соловей. Вероятно, первоначально в ласточку — в соответствии с основной греческой традицией — превратилась или же была превращена Филомела, Прокне же превратилась в соловья (ср. в «Библиотеке» Псевдо-Аполлодора),

однако уже в античности произошла подмена ролей: главным образом благодаря Овидию утвердилась мифологема, согласно которой в ласточку превратилась или была превращена Прокне, а в соловья — Филомела. В новое время преобладает версия Овидия, она же легла в основу басни Лафонтена, которая, в свою очередь, вызвала ряд переводов и подражаний, в том числе и в русской поэтической традиции¹⁹. В русле ее, очевидно, находился и Мандельштам, особенно если учитывать возможную анаграмму Прокне в ‘прокинется’. Ни Филомела, ни Прокне не были слепыми; ту, что стала ласточкой, лишили не глаз, а языка, чтобы она не могла рассказать о совершенном над ней насилии: ласточка, лишенная языка, трансформируется на основе метонимии в слепую ласточку, в образе которой соединяются свет и тьма, подобно тому, как слово — забытое и невысказанное — соединяет в себе звучание и безмолвие. Невозможность коммуникации, боязнь немoty и стремление к ней (*Да обретут мои уста / Первоначальную немоту*), болезненные поиски потерянного слова, забытое слово и др. — постоянные мотивы самого Мандельштама²⁰.

Из культурных кодов выделим отдельно «естественнонаучный» код. Речь пойдет не о современном естествознании, а об античных и средневековых представлениях, лежащих на границе науки и мифологии. Нас интересует сюжет, связывающий ласточку со слепотой. Л. Г. Акопян привел целый ряд примеров из античных и средневековых авторов, начиная с Аристотеля и Плиния и кончая провансальским бестиарием²¹. Схематически интересующий нас концептуальный комплекс выглядит следующим образом. Ласточка способна лечить слепоту своих птенцов, прикладывая к их глазам некое растение; лечение слепоты может быть эффективным, даже если у птенцов вырваны глаза. В некоторых источниках говорится, что таким же образом она лечит и собственную слепоту; в другом источнике сказано, что ласточка лечит таким образом и слепоту супруга; ср. в маргиналиях к Бестиарию Анне Валше (Anne Walshe), XV век²².

Поскольку приведенный комплекс очень устойчив, ограничимся лишь парой примеров. Прежде всего, соответствующий отрывок из «Шестоднева» св. Василия Великого, поскольку он является образцом для позднейших шестодневок и первоисточником многих средневековых естественнонаучных сведений.

¹⁹ Впрочем, Роберт Грейвс считает, что уже изначально ласточкой была Прокне (*Грейвс Р. Мифы Древней Греции*. М., 1992. С. 128).

²⁰ Эта тематика для Мандельштама настолько важна и интимна, что он не может позволить литературному убийце Горнфельду прикасаться к ней; ср.: *Нет на свете муж сильнее муки слова... и Человек, способный назвать свою книгу «Муки слова», рожден с каиновой печатью литературного убийцы на лбу* («Четвертая проза», 1930).

²¹ *Акопян Л. Г.* Мифопоэтические параллели к стихотворению О. Мандельштама. С. 601–603. Отметим, однако, что у Аристотеля речь идет не о том, что ласточка лечит слепоту птенцов, но о том, что вырванные у птенцов глаза каким-то образом восстанавливаются, а в «Естественной истории» Плиния Старшего речь идет не о слепоте, а о болезни глаз.

²² Kongelige Bibliotek, Copenhagen (KB GkS 1633 4°). Фотокопия страницы о ласточке (*Hirundo*). URL: <http://www5.kb.dk/permalink/2006/manus/221/eng/45+verso/> (проверено 7.11.2021). Ср. также: *Белова О. В.* Славянский бестиарий: словарь названий и символики. М., 2000. С. 156.

*А если кто им выколет глаза, ласточка от природы имеет какое-то врачебное искусство, и посредством оного возвращает здоровье глазам детей. За этим следует поучение: Научись из сего по причине нищеты не приниматься за худые дела и в самых тяжких злостраданиях не терять надежды и не сидеть в праздности и бездействии, но прибегать к Богу, Который, даруя столько ласточке, тем больше подаст тому, кто возопиет к Нему от всего сердца*²³.

Аналогичные сведения содержатся в славянском «Физиологе»: *О ластовици. Ластовица в пустыни гнѣздо имат на распутии. Егда же ослепнет едино от птенець ея, идет в пустыню и принесет былие [траву] и положит на очию его. И прозрит.* В средневековых текстах обычно добавляется аллегорическое толкование: грех — ослепляет, а покаяние избавляет от греха: *Тако и ты, человекче, егда съгрѣшиши, иди к молитвѣ и приими покоание и единосушныя ради Троица избавишися грѣха того*²⁴. Если в «Шестодневе» св. Василия Великого описывается, как ласточка вьет гнездо, то в славянском «Физиологе» указывается, что ласточка обитает в пустыне. В обоих случаях естественнонаучное вступление является иллюстрацией религиозной истины, но отсюда же следует и обратное: сама ласточка символизирует Христа, а иногда и отождествляется с ним. Так, в хранящемся в Копенгагенской королевской библиотеке Бестиарии Анне Валше²⁵ ласточка будит аскетов словами из Священного писания: «Проснись, спящий», но эти же слова относятся к воскресению из мертвых²⁶. Ср. также в «Докторе Живаго», где этот призыв, правда, ассоциирован не с ласточкой, а с соловьем: *Вдруг вдали, где застрял закат, зацелкал соловей. «Очнись! Очнись!» — звал и убеждал он, и это звучало почти как перед Пасхой: «Душе моя, душе моя! Восстани, что спиши!»*.

Для интерпретации мандельштамовской образности наибольший интерес представляет «Шестоднев или Миротворение» Георгия Писиды (VII век). Позволю себе автобиографическое отступление. На это сочинение я наткнулся в свое время почти случайно. Во второй половине 1970-х годов я работал над историей русского стихосложения и, естественно, не мог обойти основополагающие труды В. Н. Перетца. Но одно место заинтриговало меня как в связи с историей стиха, так и в связи с моими мандельштамовскими штудиями. Начиналось оно так: «“Шестоднев” Георгия Пизида был переведен в 1385 г. Дмитрием Зографом также не без следов намеренной ритмической разстановки слов; возьмем, например, эпизод о ласточке»²⁷. Не будем приводить этот фрагмент по Перетцу, поскольку его текст не полон (отсутствует

²³ *Святитель Василий Великий. Беседы на Шестоднев. Беседа 8. О птицах.* URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1427#part_17270 (дата обращения 7.11.2021).

²⁴ Физиолог. Подготовка текста, перевод и комментарии О. А. Белобровой. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4967> (дата обращения 7.11.2021).

²⁵ Kongelige Bibliotek, Copenhagen (KB GkS 1633 4°). Фотокопия страницы о ласточке (*Hirundo*). URL: <http://www5.kb.dk/permalink/2006/manus/221/eng/45+verso/> (дата обращения 7.11.2021).

²⁶ В синодальном переводе: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5, 14).

²⁷ *Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы.* С.-Петербург, 1902. Т. III. Из истории развития русской поэзии XVIII в. С. 4–5.

важный последний стих) и содержит некоторые опечатки и неточности, а обратимся к оригиналу (цифры справа от текста означают нумерацию стихов в источнике)²⁸:

Ѡ лѠстѠвци	
ѠкѠдѠ лѠстѠвица Ѡ безѠчнаго видѠнѠ трѠднѠвна гѠвлѠетсѠ сѠ ѠчнѠма. зѠлѠе Ѡдино прѠтѠкши кѠ зѠнѠца^а еѠе послѠчѠю лѠстѠвникѠ гѠетсѠ. еѠѠ дрѠвнѠи оѠчѠтѠи именовѠша тезѠнѠмѠнта бѠтѠи по своѠмѠу врачевѠнѠ. и лѠбѠтѠе оѠвѠ Ѡко гѠсли весѠло поѠетъ еѠѠ же зѠма прѠспѠѠѠ крѠлетсѠ и млѠчнѠ. и дрѠво обрѠтѠши хрѠмннѠ творѠт. и оѠмираѠѠ леѠащи вѠ дрѠвѠѠ. и пернатѠѠа и звлѠчитсѠ одеѠи. пакѠѠ в нѠю облѠчитсѠ вѠ новѠу Ѡко бѠѠ мѠртѠвецъ и зѠв погрѠвенѠа вѠшѠѠѠи веснѠ бо Ѡн вѠскрѠснѠе прѠносѠт и велѠи поѠетъ и гѠетъ по всѠ днѠи аѠѠе нѠѠкоѠѠ Ѡ вѠ пѠтѠцѠѠ слѠво чѠлѠѠе почитѠти вѠскрѠсѠнѠа нѠѠчислѠ. гѠнѠвѠ видѠѠ погрѠвенѠа лѠстѠвѠциѠ.	1320 1330

Сопоставим это с греческим оригиналом²⁹ и приведем сводный упрощенный пересказ.

Лишенная очей ласточка (ластовица) обладает неким безочным зрением (Ѡξ ἄομματου θεἰας — без глаз глядевшая), но через три дня является с глазами; для восстановления глаз она прикладывает к глазницам некое растение (зелие), которое по аналогии называется ластовником. Летом ласточка весело поет [замечательно, что лире оригинала соответствуют гусли перевода], зимой же скрывается и молчит, в дереве готовит себе помещение и умирает в нем. И скидывает пернатые одежды и облачается в новые, как мертвец, вышедший из могилы. Весна приносит ей воскресение; ласточка поет и глаголет (λαλεἶ — лопочет). Если человек узнает некое птичье слово (παρ' ὀρνέοις λόγος — птичий логос, т. е. не только слово, но и речение), то он научится воскресению, видя глаголящую из могилы ласточку (λάλον θεωρῶν ἐκ ταφῆς χελιδόνα — глядя на из могилы лопочущую ласточку).

²⁸ Шестоднев Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 года. Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1882. С. 38–39. Хотя Дмитрий Зограф и назвал язык своего перевода «русским», он является церковнославянским.

²⁹ По сравнению с переводом оригинал более лаконичен. Оригиналу цитируется по единственному доступному мне изданию 1596 года: *Ἐξαήμερον ἡ τοι, κοσμοουργία, Γεωργίου του Πισίδου διακόνου κ' χαρτοφύλακος της μεγάλης του Θεού Εκκλησίας του αυτού Ἰαμβίδα εις τον μάταλον βίον. Opus sex dierum seu mundi opificium, Georgii Pisidae diaconi et referendarii Constantinopolitanae ecclesia, poema. Eiusdem Senarii de vanitate vitae.* E Typographeo H. Commelini, 1596, стихи 1289–1306.

Последний стих представляется для нашей темы особенно важным. Как было показано, слово, сказанное из могилы, обладает для Мандельштама особой силой (*я лежу в земле, губами шевеля, / Но то, что я скажу, заучит каждый школьник*).

Название «зелия», т. е. лечебной травы, нуждается в комментарии. В славянском переводе оно значит как ‘ластовник’, что является калькой с греческого: ласточка — χελιδόν, растение — χελιδόνιον, по-русски — чистотел. Плиний Старший также указывает на чистотел как на растение, при помощи которого ласточки лечат зрение: «Ласточки показали, что для зрения наиболее полезен чистотел, которым они лечат воспаление глаз у своих детенышей» (Естественная история VIII, 41). Плинию следует Георгий Писидас³⁰, а уже в наши дни — Л. Г. Акопян³¹. Дело, однако, в том, что чистотел — не единственный и даже не основной кандидат на место растения, которым ласточки лечат глаза; в различных традициях народной медицины в этой роли чаще всего выступает ластовень лекарственный [*Vincetoxicum hirundinaria* (asclepiadaceae)], также ластовень ласточкин и змеиный корень³². Однозначно идентифицировав чистотел в качестве ласточкиного растения, Л. Г. Акопян делает еще более рискованное предположение, связав чистотел с зеленой веткой, приносимой слепой ласточкой в мир теней. Против этой гипотезы говорят два обстоятельства. Во всех известных мне источниках речь идет не о (древесной) ветке, а о цветке или траве, а Мандельштам не называл веткой траву или цветок.

В «1 января 1924» рассматриваемый семантический комплекс представлен в редуцированном виде: мотивы поиска потерянного слова, болезни, темноты и сбора лекарственных (?) трав, ночи не связаны с ласточкой-психеей и подавляемой эротикой:

³⁰ Научное название чистотела *Chelidonium* является латинской транслитерацией греческого термина, сохраненного благодаря авторитету Плиния. Одо из Мена (под псевдонимом Мацер Флоридус) в своем гексаметрическом трактате «О силах трав» объясняет это следующим замысловатым образом: *Esse chelidoniae species geminae referuntur / a medicis; species est maior prima vocata, / altera vero minor; oculis medicator utraque, / coecatis pullis hac lumina mater hirundo, / Plinius ut scribit, quamvis sint eruta, reddit; <...> indeque nomen habet chelidonia, namque chelidon / dicitur haec volucris Graecorum more vocari (Macer Floridus. De viribus herbarum, стихи 1690–1694; 1697–1698)*. В переводе Ю. Ф. Шульца: *Как сообщают врачи, у травы чистотела известны / Два её вида, и первый название носит большого, / Малым зовётся второй, и глазам они оба целебны, / Ею ослепшим птенцам, пусть у них и проколоты глазки, / Зрение ласточка-мать, Плиний пишет о том, возвращает. <...> И хелидонии имя отсюда у ней: ведь хелидон / Эта крылатая птичка обычно зовётся у греков. (Валафрид Страбон. Садик. Одо из Мена. О свойствах трав. Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья. М., 1992. С.100)*. Таким образом, *Chelidonia* называется согласно Плинию так из-за того, что ласточка (*hirundo*) по-гречески зовется *chelidon*.

³¹ Акопян Л. Г. Мифопоэтические параллели к стихотворению О. Мандельштама. С. 603.

³² По-английски — *white swallow-wort*, по-немецки — *Schwalbenwurz*, но по-фински — *käärmeenpistonyrtti* (змеиная трава, буквально: трава змеиного укула/укуса); в некоторых средневековых источниках средством, помогающим от змеиного укуса, являются как чистотел, так и ластовень. (На связи ласточки со змеей останавливаться не будем, отметим лишь, что если душа у Мандельштама ассоциирована с ласточкой, то сам он в своей телесности — со змеей; подробнее об этом см.: Топоров В. Н. О «психо-физиологическом» компоненте поэзии Мандельштама. С. 14).

Кроме чистотела и ластовника, с птичьим глазом ассоциирован еще целый ряд растений. Так, среди английских названий растений есть *bird's-eye primrose* (*Primula farinosa*), использовавшаяся в колдовстве и для лечения глаз; по-эстонски этот цветок называется ласточкин глаз (*pääsusilm*), но для лечения глаз он не использовался: высушенный вместе с купальницей (*Trollius europaeus*), он служил приворотным средством.

Какая боль — искать потерянное слово, / Больные веки поднимать / И с известью в крови для племени чужого / Ночные травы собирать. Болезнь здесь, в первую очередь, — патология кардиоваскулярной системы, но больные веки метонимически связаны с глазами³³.

Возвращаясь к «Шестодневу» Георгия Писиды, следует отметить, что славянский перевод ближе к тому, что мы находим у Мандельштама, чем оригинал. По-гречески ласточка не глаголет, *λαλεῖ* можно перевести как ‘лопочет’ или даже ‘щебечет’, тем не менее, *ὄρνεις λόγος* — птичий логос — явно указывает на осмысленное звучание. В этом «Шестодневу» (как в оригинале, так и в переводе) есть деталь, неизвестная мне в других средневековых «естественнонаучных» текстах: ласточка умирает в древе (а не под землей, не под водой, не за морем; в оригинале она ложится в сотворенном в древе помещении). Поскольку у Мандельштама этот мотив не прослеживается, не будем останавливаться на нем подробнее, отметим лишь, что здесь намечена связь ласточки с мировым деревом. В восточнославянской мифологии (вирий — одновременно и мировое дерево, и место заморской (т. е. потусторонней) зимовки птиц и змей (соположение птиц и пресмыкающихся содержится уже в Библии: Быт. 1, 20–21)³⁴.

По сравнению с более известными на Руси «Шестодневами» св. Василия Великого и Иоанна Экзарха Болгарского текст Георгия из Писидии обладает рядом структурных и содержательных особенностей. Он сложен стихами, и переводчик сохраняет разбивку на строки, но не ямбические 12-сложники оригинала. В содержании некоторых статей есть такие подробности, которых я не встречал в других источниках. Именно у Георгия Писиды и, особенно, в его славянском переводе находим наибольшее количество параллелей с семантикой ласточки у Мандельштама. Особо следует отметить, что, в отличие от других шестодневов и бестиариев, у Георгия Писиды отсутствуют аллегорический, религиозный и моралистический планы. Ласточка может служить для человека образцом, но не в аллегорическом, а в реальном смысле: для борьбы с реальной — не духовной — слепотой нужно знать ласточкино «зелье», для «научения воскресению» нужно знать еще птичье слово или речение.

Характерна трансформация связанного с ласточкой мифопоэтического комплекса в двух стихотворениях Г. Р. Державина, созданных после смерти его супруги Катирины Яковлевны (1794). Этими стихотворениями Державин ввел образ ласточки в русскую поэтическую традицию. Хотя ласточка у него и не способна *незримо видеть следы*, сама тема видения незримого, как инверсия образа безочного видения, весьма примечательна. Следуя традиции, Державин сохраняет двуплановость мифологемы, однако место религиозно-моралистического плана занимает у него поэтический: не ласточкино слово, а лира, воспев бессмертие, дарует воскресение автору. Это не пушкинское *душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья*

³³ Ср.: *У реки Оки вывернуто веко, / Оттого-то и на Москве ветерок. / У сестрицы Клязьмы загнула ресница* («Там, где купальни-бумагопрядильни...», 1932), где прямо не названное око ассоциировано по сходству звучанием и по смежности — значением.

³⁴ Белова О. В. Славянский бестиарий. С. 157.

убежит — Державин претендует на реальное восстание из мертвых. Все стихотворение строится в форме обращения к ласточке:

[Осенью] *прячешься в бездны подземны, / Хладея зимою, как лед. / Во мраке лежишь бездыханна, — / Но только лишь придет весна / <...> / Встаешь ты от смертного сна; / Встанешь, откроешь зеницы / И новый луч жизни ты пьешь; // Душа моя! гостя ты мира: / Не ты ли перната сия? — / Воспой же бессмертие, лира! / Востану, востану и я, — / Востану, — и в бездне эфира / Увижу ль тебя я, Пленира?*

Как и Георгий Писида, Державин не обращается к античной образности (лира, давно ставшая поэтической условностью, почти утратила античные коннотации). В этом — главное отличие державинского образа от мандельштамовской ласточки. С летеискими стихами державинскую Ласточку сближают два обстоятельства. Во-первых, это сравнение и почти отождествление души с ласточкой и, во-вторых, связь ласточки с темой любви и разлуки; у Державина это реальная смерть жены, у Мандельштама смерть вводится сложной мифопоэтической конструкцией.

Вернемся к средневековым источникам. Ласточка в них — это и хорошо известная «домовитая» птица, но, одновременно, и мистическое существо, наделенное сверхъестественными способностями, позволяющими побеждать слепоту и смерть. Мистический характер ласточки может отражаться в ее иконографии. На одних изображениях ласточка — птица, на других — нечто непонятное.

Рис. 1. Ласточка (ластовица). Славянский Физиолог (XV в.), ОР РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 68/1145, л. 395 об.³⁵

Вот как описывает приведенное изображение О.В. Белова: «Лежащая человеческая фигура, обвитая красными одеждами. — м.б. объяснено попыткой отразить

³⁵ Ср. также: *Лихачева О.П.* Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 106. Я благодарен Екатерине Белоусовой за помощь в получении качественного изображения.

на иллюстрации символический план сказания о ласточке. Ср. миниатюры греческих списков Физ<иолога>, где наряду с фигурами спящего и работающего человека изображены птицы, “пробуждающие” спящих»³⁶. О. В. Белова ссылается на миниатюру из книги Йозефа Стшиговского об иллюстрациях в греческом Физиологе, книге Космы Индикоплова и Восьмикнижии³⁷. Я нашел указанную иллюстрацию — к сожалению, черно-белую, поэтому судить о смысле изображенного могу лишь предположительно, — но мне кажется, что ее можно интерпретировать и иначе: это не два разных человека — спящий и работающий, — а один и тот же — мертвый или спящий и воскресенный или пробужденный ласточками. Запеленатое существо на Рис. 1 — это одновременно и человек, и ласточка: покойник, ожидающий воскресения, и ласточка после того, как она зимой скинула пернатые одежды, но до того, как весна ее разбудила, и она произнесла воскрешающее ее «птичье слово». Следует настаивать на том, что загадочность и смутность изображения не являются следствием неумелости иллюстратора — изображения других, казалось бы, гораздо по сравнению с ласточкой более экзотичных существ значительно более отчетливы и «реалистичны» (ср., например, изображения льва или даже бесхоботного слона в той же рукописи).

Теперь о языке ласточек и попрошаек. У нищих разных стран имелись свои тайные языки (ротвельш из них самый известный, но далеко не единственный); в любом случае, попрошайки общались между собой на языке одновременно как бы иностранном и как бы бессмысленном. Это — птичий язык, в первую очередь — язык ласточек (*шитовило-битовило, по-немецки говорило*). Тайный язык объединял нищих с находящимися вне закона отбросами общества: разбойниками, бродягами и проч. Но выход из общества мог означать не только выпадение вниз, но и взлет ввысь. Нищие — святые во Христе. Затягиваемое ими *христаряди*, уже почти лишенное смысла, тем не менее апеллирует именно к Христу. Бедность и нестяжательство является христианской добродетелью, и нищие обладают ею в полной мере. И так не только в христианстве. Св. Франциск, раздавший все свое имение, включая одежду, основал нищенствующий орден и разговаривал с птицами, зверьми и со всем сущим. Меджнун, лишившись всего, в том числе разума, также заговорил на языке природы, слушать его сходились звери и слетались птицы.

Франсуа Виллон, поэт, бродяга и разбойник, которому приписываются стихи на тайном воровском жаргоне своего времени (их уже в XVI веке никто не мог понять), становится для позднего Мандельштама чуть ли не идеалом поэта, поскольку находится одновременно и в аду (скрежет зубовный), и в раю; не случайны и жаворонки — конец мира, когда разверзаются небеса и преисподняя, является временем поэтов и птиц: ... *ангел ворующий, / Несравненный Виллон Франсуа. // Он разбойник небесного клира, <...> И пред самой кончиною мира / Будут жаворонки звенеть.*

³⁶ Белова О. В. Славянский bestiарий. С. 158.

³⁷ *Strzygowski J. Der Bilderkreis des griechischen Physiologus, des Kosmas Indikopleustes und Oktateuch. Leipzig, 1899. Tbl. 16.*

В заключение несколько замечаний более общего характера. Семантическая композиция стихотворения Мандельштама не строится в виде последовательности слов или образов. Мандельштам разъединяет смыслы слов и выражений, но делит их часто не на привычные с точки зрения языкового узуса семы, а на некие идиосинкратические составляющие, за каждой из которых могут скрываться целые пласты значений. Эти компоненты объединяются в новые, уже специфичные для Мандельштама, семантические блоки. Такой принцип строения текста был вполне Мандельштамом осознаваем; в образной формулировке он звучит так (то, что важную особенность своей поэтики Мандельштам приписал Данте, не должно смущать — не в первый раз):

Импрессионистская подготовка встречается в целом ряде дантовских песней. Цель ее — дать в виде разбросанной азбуки, в виде прыгающего, светящегося, разбрызганного алфавита те самые элементы, которым по закону обратимости поэтической материи надлежит соединиться в смысловые формулы («Разговор о Данте»).

Особенно примечательно, что таким же образом Мандельштам описывает не только семантическую сферу поэзии, но и свое (или повествователя) восприятие предметной области:

Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один большой небывалый город, с вечно санным путем, где Крещатик выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект («Шуба», 1922).

Улицы Киева, Москвы, Харькова и Петербурга извлечены из их географического контекста и соединены в небывалый, но определенно российский и вечно зимний город. И совсем уж в демонстративной форме в окончании «Четвертой прозы»:

Ночью на Ильинке, когда Гумы и тресты спят и разговаривают на родном китайском языке³⁸, ночью по Ильинке ходят анекдоты. Ленин и Троцкий ходят в обнимку, как ни в чем не бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руке. Ходят два еврея, неразлучные двое — один вопрошающий, другой отвечающий, и один все спрашивает, все спрашивает, а другой все крутит, все крутит, и никак им не разойтись.

Ходит немец шарманщик с шубертовским лееркастом — такой неудачник, такой шаромыжник...

Спи, моя милая... Эм-эс-пэ-о...

Вий читает телефонную книгу на Красной площади. Поднимите мне веки... Дайте Цека...

Ходят армяне из города Эривани с зелеными крашеными селедками. Ich bin arm — я беден.

А в Армавире на городском гербе написано: собака лает, — ветер носит.

Важна именно новая «смысловая формула», ее составляющие — подручный материал — могут быть, и часто являются, заимствованными:

³⁸ Китайский язык мотивирован здесь дважды: с одной стороны, китайская тема проходит через всю «Четвертую прозу», с другой стороны, Ильинка находится в Китай-городе.

Иннокентий Анненский уже являл пример того, чем должен быть органический поэт: весь корабль сколочен из чужих досок, но у него своя стать («Письмо о русской поэзии», 1922).

Органическим поэтом был и Мандельштам. Целый ряд «чужих досок» заложен и в рассмотренном нами образе, который в различных контекстах предстает разными гранями: это то слово, то ласточка, то душа (психея). В многочисленных и гетерогенных источниках можно найти большинство компонентов этого образа, однако все они подвергаются различным расщеплениям, скрещениям и другим трансформациям. Слепота, слово, любовь, зеленая ветка, болезнь и смерть — все это «чужие доски». Единственный компонент, который не находит прямых аналогий в предшествующей традиции (во всяком случае, мне они не известны) — это срезанные крылья ласточки. Хотя довольно причудливым образом и он может быть выведен из дальнейшего развития темы увечья и неспособности летать: слепота ласточки от Антигоны, у нее — от Эдипа, выколовшего свои глаза; выколотые глаза сочетаются с вырезанным языком Прокне-ласточки и хилой ласточкой, разучившейся летать. В любом случае, сколь чужими ни были бы доски, из которых сколочена мандельштамовская ласточка, у нее своя стать.

Во избежание возможных недоразумений, считаю нужным сделать постфактум три предостережения.

Образы Мандельштама не только амбивалентны, но и синкретичны. Каждый образ — своего рода центр притяжения, находящийся в многозначных и динамических отношениях с другими центрами, а все его наследие можно рассматривать в качестве единого семантического комплекса (здесь подошла бы голографическая метафора). Приведенный анализ — всего лишь прогулка по упоминательной клавиатуре, намечающая один из возможных маршрутов сквозь рассмотренный семантический комплекс. Этот анализ не только не претендует на исключительность, но и предполагает возможность иных путей и траекторий. Также следует учитывать, что, как показывают даже немногочисленные приведенные выше примеры, культурная и в том числе «естественнонаучная» мифология также характеризуется многозначностью, правда, по сравнению с мандельштамовской поэтикой далеко не столь интенсивной. Тем не менее, то, что в одних источниках говорится, например, о ласточке, в очень схожих выражениях может быть сказано и о других животных. Особенно это касается средневековых источников: та или иная связь с Богом обнаруживается у многих тварей, а некоторые даже выступают символами Христа: рыба, агнец, пеликан, единорог и др.; в ряде контекстов символизирует Христа и ласточка. Ласточкино слово, побеждающее слепоту и смерть, в конечном счете, т. е. как в прямом, так и метафорическом или аллегорическом смысле, — это Его животворящее слово.

Во-вторых, в исследованиях интертекстуальности в поэзии Мандельштама нередко встречаются указания на необязательные, а то и иррелевантные источники. Ареал обитания ласточки — огромен, а особенности ее этоса породили множество

мифов у самых разных народов, даже перечислять их здесь не имеет смысла³⁹. То же самое касается и литературных источников. Так, в рассуждениях о ласточке у Мандельштама приходится часто встречать не только обоснованные отсылки к Державину, но и излишние и потому дезориентирующие отсылки к Фету и даже к сказке Андерсена (а то и к двум сказкам). То, что Мандельштам с соответствующими текстами был знаком, особой роли не играет. Подтекст должен найти мотивировку не в биографии автора, а в самом тексте. В противном случае следует говорить о подтекстуальном шуме, который не проясняет, а затемняет контекст.

Другая опасность, подстерегающая искателей подтекстов, кроется в как будто созвучных пассажах, извлеченных из случайных источников и, казалось бы, «объясняющих все» в одном стихотворении, его фрагменте или в одном из его образов. Не только отдельное стихотворение, но и почти все наследие Мандельштама (за исключением, быть может, самых ранних и самых поздних текстов) составляет органическое целое и вбирает в себя лишь то, что ему органично. Это, в частности, означает, что, за редкими исключениями, подтекст не является «отмычкой» к одному образу или стихотворению, но в том или ином виде проявляет себя в ряде контекстов. Случайные совпадения имеют здесь примерно тот же статус, что и «сирены созвучий» в этимологии. Также следует учитывать, что подтексты, релевантные в одних случаях, могут быть ошибочными в других. Так, приходилось читать, что зеленая ветка, приносимая ласточкой, отсылает к голубю, вернувшемуся с зеленой веткой в ковчег. Сам этот образ для Мандельштама очень значим, но не в данном случае; Мандельштам не путал траву с веткой, а ласточку с голубем. Не говоря уже о том, что здесь этот предполагаемый подтекст попросту бессмыслен. Выявление подтекста не может производиться в изоляции от строгого контекстуального анализа; подтекст не есть предполагаемое сходство, основанное на произвольной ассоциации.

В-третьих, вопрос: откуда мог Мандельштам знать тот или иной образ или мотив, — представляется совершенно праздным. Задающие его неявно исходят из представления, что автор либо выдумывает все сам, либо излагает лишь то, что где-то подсмотрел или подслушал. Между тем, такие поэты, как Хлебников или Мандельштам — и далеко не только они, — знают гораздо больше, чем они знают, что знают. Откуда диакон Георгий из Писидии, который был не только образованным человеком, но и талантливым поэтом, мог знать то, чего нет ни у Аристотеля, ни у Плиния, ни в Священном Писании, ни у св. Василия Великого и других Отцов Церкви?⁴⁰ Откуда, наконец, Дмитрий Зограф мог знать те детали ласточкиного мифа, которых нет в греческом оригинале? Мифологическое мышление свойственно не только древним народам или племенам Амазонии и Новой Гвинеи, а индоевропейская мифология

³⁹ Быть может, за одним исключением. Исида, обернувшаяся ласточкой, находит убитого Осириса в древе (в деревянном столбе) и после ряда перипетий воскрешает его.

⁴⁰ Георгий Писида был разносторонне начитанным автором. Обозрение его источников (без упоминания сведений о ласточке) см.: *Olster D. M. The Date of George of Pisidia's Hexaemeron. Dumbarton Oaks Papers, XIV, 1991. P. 159–172.*

является не только областью академических исследований. Сохраняемая в культурных архетипах, она становится предметом поэтических прозрений и заявляет о себе на языке природы и поэзии, в перекличках ворона и арфы или ласточки и лиры: *еще нѣкое ест въ птицах слово*. Впрочем, об этом уже было сказано до меня и лучше меня. Хотя бы самим Мандельштамом:

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.

Светлана Кульюс

ПОЭМА М. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОПЫТКА КОМНАТЫ»: БЕТХОВЕН — В КРУГУ НЕНАЗВАННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Поэма «Попытка комнаты» (1926) имеет репутацию одного из наиболее сложных произведений Марины Цветаевой. Воистину «разношерстная», с немалым набором скрытых отсылок, непроясненных смыслов и сопоставлений, сознательных недоговоренностей, эта поэма, несмотря на то, что известны основные импульсы к ее написанию и контекст жизненных и творческих обстоятельств 1926 года¹, остается во многом малопонятной, нуждающейся в комментариях. Настоящая работа является попыткой уяснить логику выстраивания отдельных образов или их цепочки на примере интерпретации одной из «темных» строф поэмы.

Первые строки поэмы вводят тему косности сознания, склонного доверчиво относиться к привычным объектам окружающей действительности и возводить в ранг аксиомы их свойства, принимать за реальность то, что вписывается в стереотипное представление. При этом речь идет не только о количестве стен в комнате встречи героев: заявлена модель цветаевского подхода, сформировавшаяся, по ее утверждениям, еще в детстве или в силу некоего *пра*-знания, «до-знанья» («*наперед-знанья*»)², — взглянуть на все собственными глазами, не доверяясь известному, утвердившемуся. Просчитанное кем-то *до* не принимается в расчет. Таким образом, изначально заявлен поведенческий «кодекс» героини и принцип применения личных ценностей и представлений к внележащей реальности. Это ставит в центр поэмы «Я» автора и обнаруживает автобиографические аспекты произведения.

В «комнате», пространстве встречи поэтов, лирической героине «запомнились» три стены, и она утверждает отсутствие за спиной четвертой, претендуя на объективность своего свидетельского показания (стены «и не было») и подтверждая его «доказательством»: оттуда «дуло».

¹ См., например: *Шевеленко И.* Литературный путь Цветаевой: Идеология. Поэтика. Идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002 (главы 4 и 5); *Поливанов К. М.* «Попытка комнаты» Марины Цветаевой. Опыт интерпретации // Поливанов К. М. Пастернак и современники: Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М., 2006. С. 77–85; и др.

² *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994–1997. Т. 5. С. 152. Далее цитаты из произведений Цветаевой, кроме особо оговоренных случаев, даются по этому изданию с указанием тома и страниц. Ссылки на поэму «Попытка комнаты» размещаются в тексте статьи: номер страницы — в квадратных скобках.

Основа семантической структуры трансформированного Цветаевой устойчивого оборота «за спиной» (выражение принимает вид «спиной к стене») связана с пространственно-соматическими кодами культуры и выполняет роль антропоморфной пространственной метафоры со значением пережитого прошлого, которая, как правило, связывается с опытом и духовным миром. Спина оказывается в роли символической границы между видимым и выпадающим из поля зрения пространствами.

Не стена за спиной — так?.. Всё, что
Не угодно [114].

Заспинное пространство не названо, но оно *осязуемо, ощущаемо* («дуло») и потенциально может обрести и негативную окраску, ибо устойчивое сочетание «все что угодно» обыгрывается в семантически противоположном ключе, подчеркнутым курсивом: «все, что *не* угодно» (это обстоятельство отбрасывает наиболее употребительное значение словосочетания «за спиной» как тыла и защиты). Возможность негативной оценки находящегося за спиной парадоксально опережает само знание о характере и свойствах пространства «спиной к стене». Полное представление об этом пространстве раскрывается в последующих многоуровневых образах, каждый из которых обретает все новые валентности.

Пространство за спиной оказывается не только «личным прошлым» лирической героини. Оно сегментировано, разделено на пронизывающие текст потоки образов, создающих целые тематические пласты, за которыми стоят все новые и новые пространства. Основных пластов несколько: история, революция, культура, поэт и музыка, поэт и поэзия, детство, смерть, космос, бессмертие, трансцендентное. Негативная тональность при этом окрашивает в основном один из них, тотально изменивший прошлое персонажей, — революция. Она не названа своим «именем», но проявляется в тексте в россыпи разноликих образов и мотивов и легко узнаваема. Мотив революции возникает при описании февральских событий 1917 года в виде тезисной констатации («Депеша “Дно”, / Царь отрёкся») с имплицитным указанием на дату события, изменившего жизнь миллионов. Указан дешифрующий ее географический локус: император прибыл на станцию Дно 1 (14) марта, а 2 (15) марта произошло отречение от престола. Роковое событие русской истории и начало эпохи великих потрясений, обозначенное лаконичным «телеграфным» стилем, становится в дальнейшем одним из важнейших мотивов поэмы, воспроизводимых в различных вариациях. В столь же «аскетичном» виде дана и реакция на событие, возвестившее конец 300-летнего царствования Романовых и ставшее прелюдией полного крушения прежней жизни: «Срочные провода / Отовсюду и отовсегда» [114]. Цветаевой подмечено то удивительное обстоятельство, что страна начало революции едва ли «заметила»: захватившая преимущественно Петербург, для страны в целом она была «телеграфной»: телеграммы сыпались «отовсюду», вызывая растерянность, невозможность осмыслить происходящее. Зато само отречение, увенчав февральские события, взвихрило уже всю жизнь в России. Оторопь и шок, охватившие общество, переданы локальной телесной метафорой «ватой — пальцы», емким образом спазма,

парестезии, онемения³. На глубинном уровне текста «диагноз» отнесен ко всему «организму» страны и указывает на полное поражение всей ее «нервной системы».

Образ паралича пальцев относится к интересующей нас строфе, которая вводит мотив вторжения роковых внешних событий в жизнь.

На рояле играл? Сквозит.
Дует. Парусом ходит. Ватой
Пальцы. Лист сонатинный взвит.
(Не забудь, что тебе — девятый) [114].

В трехчастном (на уровне смысла) строении строфы первая ее часть заключена во фразе «На рояле играл?» и отсылает к прошлому, остальная фиксирует настоящее время. На уровне смысловой структуры текста важным оказывается не только понятие игры на рояле, но и — шире — игры как таковой вообще. В известном эссе Цветаевой «Герой труда» Валерий Брюсов, «творец-рабочий», был противопоставлен К. Бальмонту, «творцу-ребенку» с пояснением: «Ребенок, как *der Spieler*, игрун» [4, 52]. «Минусом» Брюсова было объявлено отсутствие музыкальности, «отсутствие случайности, произвольности», т. е. «игры». Вместе с тем именно «случайное», согласно глубокому убеждению Цветаевой, путями познания ведет к смыслу сущего и неразрывно связано с истинным творчеством.

Первая часть строфы в сложной переключке со вторым ее сегментом (2-й и 3-й стихи), при внешней простоте, репродуцирует многослойную по своему строению смысловую конструкцию. На первом плане, как некая точка отсчета, — игра на рояле, где «детское» закодировано в слове «сонатинный». Сонатина, облегченная форма сонаты, несложная технически, знакомая с детства по учебным сборникам сонатин для детей, — отсылка к детству неназванного персонажа, которого К. Поливанов оправданно связывает с Борисом Пастернаком и его музыкальным детством⁴. «Детства скрипичный ключ» в такой же мере относится и к лирической героине, за которой стоит сама Цветаева, ведь рояль («Золотыми буквами “Бэкер”, — *Royale à queue*) — «главное действующее лицо» и ее собственного детства [5, 26]⁵, и поэтому он, закономерно заняв место в «комнате детства», делает ее *общей* для обоих героев. Не случайно Пастернак поражен совпадению музыкальной атмосферы их детских лет, в которой они «выварились» оба⁶. Таким образом, первая часть строфы — закладывает тему детства, игры и музыки, которые инкрустировали и последующие строфы, кодируя в более глобальном смысле мир культуры и творчества.

³ Ср. вариант этого образа: «пальцы растеряла пясть» в стихотворении 1923 года «В час, когда мой милый брат...» [2, 179–180].

⁴ Поливанов К. М. «Попытка комнаты» Марины Цветаевой. Опыт интерпретации. С. 79–81.

⁵ По свидетельству А. Цветаевой, «в 1920 году, Марина поменяла этот рояль на мешок черной (ржаной) муки». См.: Цветаева А. Легенды и были трех сестер. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/vospominaniya/cvetaeva-legendy-i-byli-treh-sester.htm> (дата обращения 21.01.2022)

⁶ Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М., 2004. С. 185.

Переход ко второму сегменту строфы связан с глаголом «сквозит», семантика которого близка к рядом стоящему глаголу «дует», отсылающему к началу поэмы и ощущениям героини, делая ее причастной к содержанию и этой части строфы. Новый сегмент экспонирует контрастные по отношению к первой части строфы образы. Он организован как цепочка разноликих вещей и явлений, связанных, однако, друг с другом контекстом зарождающихся и нарастающих во внешнем мире изменений. С одной стороны, это как будто все то же, совпадающее с первым, пространство комнаты с роялем: оно маркировано музыкальной деталью, «сонатинным листом», и приведено в настоящем времени. Но тональность здесь уже совершенно иная, она констатирует извне проникающие дискомфортные ощущения, воспроизводимые практически всеми лексемами этого фрагмента (дует, сквозит, ходит, взвит; устранен и субъект действия). Смысловая нагрузка каждой детали направлена на то, чтобы создать ощущение напряженной динамики, некоей внешней силы, подобной ветру, шторму, разыгравшейся стихии, ворвавшейся в жизнь. Стремительная и тревожная (с высшей точкой изменений — в образе взвившегося не по своей воле «сонатинного» листа), эта часть строфы подспудно, как становится понятным из контекста последующих образов, ведет тему разрушения прошлой жизни: лист сонатинный «взвит» ветром революции⁷. Это, по сути, не высказанное прямо указание на прерванную внешней стихией игру и ее *отсутствие* в настоящем, на саму невозможность игры и музыки, подсвеченное образом спазма пальцев играющего музыканта⁸. Центральный для этого фрагмента образ «ватой пальцы» не содержит указания на время, но в силу прямо необозначенных, но дешифруемых рядом отсылок и цитат к внетекстовой реальности, к конкретным письмам Пастернака, выявляет мотив родства героев не только в почти тождественном прошлом (детство), но и в «настоящем» («взрослый» мир, мир не «сонатин», но сонат).

Третий фрагмент строфы, своеобразная кода, выделен графически: он заключен в скобки и фиксирует не только динамику, но и длительность событий. Девятый вал — знакомый по картине Айвазовского (в меньшей степени — по народным поверьям о его мощи или по мелькавшим в русской литературе его образам) и понятный зрительный образ самой сокрушительной волны бушующей морской стихии. Этот образ, безусловно, мог отвечать ощущениям современников, оказавшихся в водовороте неотвратимых и нарастающих событий. Дважды обыгрываемое число 9 проявляет себя на подмостках обоих ярусов семантической структуры строфы — «детской» и «взрослой» — и как возможный возраст ребенка, играющего на рояле, и как отсылка (при отсчете от «прошлого», от революции 1917 года) к 1926 году,

⁷ Ср. процитированные Цветаевой в статье «Световой ливень» (1922) пастернаковские строки: «Она, туманная, *взвилась* / Революционно копною» из стихотворения «Распад», использующие тот же глагол при описании событий 1917 г. (выделено нами — С. К.).

⁸ Ср.: «Музыкант: от струн, — нет струн в советской России, кончено с музыкой» // Цветаева М. Неизданное: Записные книжки в двух томах. Т. 2. 1919–1939. М., 2001. С. 204. Ср. также предостережение матери революционно настроенной в юности Марине: «Когда дворник придет у тебя играть ногами на рояле — тогда это — Социализм!» (Там же. С. 44).

девятому от начала революции, то есть к *настоящему* времени самой Цветаевой — ко времени написания «Попытки комнаты» и переписки с неназванным в поэме Пастернаком. На временной оси, в сущности, совмещено прошлое и настоящее персонажей, за которыми стоят Пастернак и Цветаева, два крупнейших поэта эпохи, жизни которых были вовлечены в игру стихии революции.

Тактика избегания имен, тем не менее угадываемых читателем (не звучат имена Николая II, Айвазовского, не упомянут Пастернак, имя Пушкина возникает из контекста — при упоминании Данзаса и Дантеса и т. д.), может подразумевать наличие — на глубинном уровне текста — и других неназванных персонажей. Их интуитивно ощущаемое присутствие и включение механизма ассоциаций заставляет внимательнее всматриваться в образы и детали поэмы, втягиваясь в своеобразную игру в поиск подтверждения мелькнувшей догадки и ее правомерности, и эта игра беспроегрешна, ибо Цветаева — поэт, в произведениях которого нет «случайных» слов. Возможно, текст принципиально создается как код, развернуть который читатель должен самостоятельно, а ключ к нему задан словом или образом.

Так, в частности, стремительный шквал событий, всколыхнувших и взвивших жизнь на гибельную высоту, отраженный на уровне поверхностной структуры текста в значимом и «прозрачном» образе девятого вала, вызывает ассоциацию с известнейшим произведением Бетховена — «Аппассионатой» (Соната для фортепиано № 23 фа минор), передающей своей музыкальной структурой, особенно в яростной финальной части, мощное дыхание неодолимой стихии, ее непостижимый чудовищный натиск. В момент написания «Попытки комнаты» Бетховен, который относился к числу наиболее притягательных для Цветаевой имен в мировой культуре и был ее духовным спутником на протяжении всей жизни (чему немало свидетельств), с большой долей вероятности возникал в ее творческом сознании именно как создатель произведения, по своему внутреннему строю и колоссальному напряжению отвечавшего грандиозности и трагизму происходивших в России событий. В числе других своих современников, а быть может, и в большей степени, чем они, Цветаева, любившая и хорошо знавшая XVIII век с его «совокупностью лучшего» (Наполеон, Гёте, Бетховен) ощущала связь российских событий с эпохой Великой Французской революции, в которой довелось жить композитору. «Аппассионата» Бетховена с ее накалом страстей шекспировского размаха содержала, как и другие его творения, отзвуки музыки Великой революции (напевы «Марсельезы», например)⁹ и, безусловно, являлась одним из тех произведений, которые породили цветаевский тезис: «Дело Бетховена нести — через века — Бурю»¹⁰. Имя композитора появилось в записных книжках Цветаевой в первых числах июня 1918 года. События Октября 1917 года и гражданской войны и позже (в дневниковой прозе и в «Лебедином стане», в частности) подсвечивались образами, навеянными Великой французской революцией

⁹ Ср. дневниковую запись Цветаевой в «день большев<истского> парада» 1918 года: «Слушаю Марсельезу и — клянусь Богом и Б<елой> Г<вардией> — все-таки в восторге!» // *Цветаева М.* Неизданное. Т. 1. С. 262. Ср. и упоминание Карманьолы в «Попытке комнату».

¹⁰ Там же. С. 252.

и наполеоновскими войнами. Примечателен и факт, что в 1921 г. в холодной и голодной послереволюционной Москве Цветаева пришла к С. М. Волконскому, чтобы услышать знаменитую сонату в исполнении К. Игумнова¹¹.

В «Попытке комнаты» Бетховен — фигура умолчания, еще один неназванный персонаж, глубокая сопричастность которого к происходившему для Цветаевой была несомненна. Сигналом присутствия композитора в поэме является образ «сонатинного листа». Бетховен, создатель сонатин и музыкальных миниатюр для начинающих музыкантов (в детстве Цветаева играла не только его фортепианную миниатюру «Für Elise», но и его сонаты), что важно для нашей темы, был композитором, который, по всеобщему признанию, довел форму сонаты до совершенства. В контексте обсуждаемого это существенно: появление *сонатины*, связанной с темой детства, на уровне глубинной структуры дополняется сонатой. Это дает возможность выстраивания еще одного смыслового уровня, который позволяет увидеть в музыканте за роялем не только подразумеваемых детей, Цветаеву и Пастернака, но и самого Бетховена, в силу дара «миро-слушанья» способного сквозь толщу времени услышать и сыграть музыку русской революции.

Для Цветаевой Бетховен — гений и само воплощение Музыки, он Бог («Goethe, как Царю, пристало говорить: Мы, Бетховену, как Богу: Я»)¹², и как таковой, он вездесущ, он «вне» всякого века, он — «Вечность». Истинность его дара для Цветаевой проявляется в том, что его музыка превращает любое явление мира в сущность этого явления. Так, бетховенский «Траурный марш» из Третьей симфонии представляется ей воплощением самой стихии Смерти, он «больше смерть, чем лежащий в гробу Стахович, траурный марш Бетховена — больше смерть, чем стук молотка, заколачивающий гроб»¹³. Приведенная запись Цветаевой относится к описанию гражданской панихиды по театральному деятелю и актеру Алексею Стаховичу, совершившему самоубийство 27 февраля 1919 года. Цветаева высоко ценит искусство умирать, которое является для нее искусством жить и свойством особой породы людей, каковым был для нее Стахович, воплощение XVIII века.

Попутно можно указать на один важный аспект восприятия Цветаевой «Траурного марша» композитора и феномена смерти: смерть гения означала для нее совершившийся переход в Вечность. В этом смысле «Траурный марш» композитора мог служить символической составляющей этого перехода. В мире цветаевских масштабов он мог быть применим к «героям»: гению самого Бетховена, к гению Леонардо да Винчи или Наполеона. Звучание же траурного марша на похоронах Стаховича, блистательного великосветского гвардейца, скептика, утонченного собеседника, человека, который не вышел «к черни с хлебом-солью» в революционные дни [1, 465], казалось ей диссонирующим, не соответствующим его сущности, ведь для

¹¹ Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. М., 1968. С. 61.

¹² Цветаева М. Неизданное. Т. 2. С. 14.

¹³ Цветаева М. Неизданное. Т. 1. С. 299. См. также: Немчинова Е. А. «Венок мертвым» в поэзии и прозе Марины Цветаевой // Поэтика художественного текста. Материалы II международной заочной научной конференции. Борисоглебск, 2009. С. 11–12.

Цветаевой «Стахович — XVIII век» и «смысл Стаховича — Жизнь». Бетховен же — вне календаря, вне всякого столетия: «смысл» Бетховена как воплощения Музыки — Вечность¹⁴.

Трудно уйти от соблазна предположить, что подспудно в сознании Цветаевой всплывало и другое произведение Бетховена — Девятая симфония, одно из самых величественных творений композитора, создаваемое им в течение многих лет прогрессирующей, а затем и полной глухоты (ср. прозвучавшую в анализируемой строфе цифру 9). Финальная часть симфонии — «Ода к радости» — имела для нее особое значение: «бетховенское “через страдания — к радости” — мое первое и последнее слово на земле — и на не-земле!» [5, 473].

«Таинственное притяжение мировых имен», к числу которых Цветаева относил Бетховена, и известная ее приверженность к людям с трагической судьбой, в том числе к судьбе Бетховена, продиктовали запись о готовности любовного и жертвенного служения ему: «Мое дело в мире: ходить за глухим Бетховеном», «писать под диктовку» Наполеона-изгнанника [2, 105]. Глухота великого композитора вызывала у М. Цветаевой яростное чувство несправедливости жизни, ее «уродливости» и «издевательства» по отношению к гению, воплотившему стихию Музыки. Неизменное восхищение при этом вызывала удивительная при абсолютной глухоте способность «слышать» мироздание и музыку небесных сфер.

Судя по обилию упоминаний композитора в записных книжках и письмах разных лет, сопоставлений его с «насуточно необходимым» Гёте, Бетховен присутствовал в сознании М. Цветаевой постоянно, в течение всей жизни, начиная с детства, когда его произведения звучали в исполнении матери, М. Мейн, а большой портрет композитора с «пожирающим огнем темных глаз» (Анастасия Цветаева) в раме над роялем, за которым многие часы в детстве провела Марина Цветаева, источал творческий демонизм, властность и силу. Один из «вечных спутников» поэта, по его своеволию, инкогнито появился в числе значимых персонажей поэмы «Попытка комнаты».

¹⁴ Ср. портретное противопоставление: «Стахович — прежде всего улыбка, Бетховен — прежде всего — искаженный гениальностью лоб» (Цветаева М. Неизданное. Т. 1. С. 299).

Сергей Доценко

ПОВОРОТ К ЛУБКУ: ОБ ИГРОВОЙ ПРИРОДЕ МИНИАТЮРЫ А. РЕМИЗОВА «У ЛИСЫ БАЛ»

Сверх того, двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками произведений, отпечатанных лубками на больших листах, которые свидетельствуют самородное дарование русского человека. На одном была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другом город Иерусалим, по домам и церквам которого без церемонии прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двух молящихся русских мужиков в рукавицах. Покупателей этих произведений обыкновенно немного, но зато зрителей — куча.

Н. Гоголь. Портрет

В 1909 г. в статье «Поворот к лубку» А. Бенуа заметил: «Одним из замечательных явлений в искусстве нашего времени можно считать то, что я бы обозначил “поворотом к лубку”, т. е. умышленное старание художников отрешиться от виртуозности и, наоборот, желание вернуться к грубой простоте примитивного искусства»¹.

А. Бенуа ведет речь прежде всего о живописи и других видах изобразительного искусства (декоративном, театральном и т. п.), но сказанное имеет отношение и к «примитиву» в литературе, поскольку охватывает круг явлений художественной культуры в целом. Само понятие «лубок» перестает быть только обозначением народных картинок и становится синонимом таких понятий, как «примитивность», «грубость», «простонародность», сохраняя при этом элемент оценки. Впрочем, как свидетельствует знаток народных картинок Д. Ровинский, этот оценочный элемент изначально входил в понятие «лубок» («лубочный»):

Название *лубочного*, в первой половине нынешнего столетия, придавалось всему, что делалось и строилось плохо и наскоро, на живую руку, причем лубок служил почти всегда самым дешевым и потому самым сподручным материалом: были лубочные домики, лубочные комедии, лубочные балаганы, лубочная мебель и даже лубочный товар; понятное, что и плохие картинки стали звать тоже лубочными².

¹ Бенуа А. Поворот к лубку // Речь. 1909. № 75. 18 марта. С. 2.

² Ровинский Д. Русские народные картинки. Кн. 1. Сказки и забавные листы. СПб., 1881. С. III. См., например, такую оценку, которую дал И. Бунин Н. Гоголю: «Гоголя Бунин недолюбливал и не только Ремизову, но и мне не раз говорил, что Гоголь — “лубок”» (Кодрянская Н. В. Встречи с Буниным // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2-х кн. М., 1973. Кн. 2. С. 343). См. также свидетельство Г. Адамовича:

В культурном сознании начала XX в. отмечено как узкое понимание термина «лубок» (собственно народные картинки), так и широкое (примитив вообще). Активное вторжение различных видов массового народного искусства (частушка, балаган, раек, лубок, игрушка и др.) в искусство «высокое» и «элитарное» (живопись, литература, музыка, театр) вызывало обострение эстетического вкуса, разрушало сложившуюся систему критериев художественного/нехудожественного и размывало границы между ними. Русские символисты нередко воспринимали «примитив» под знаком освоения народного творчества, которое рассматривали как воплощение «мифологического» (преимущественно «языческого») начала в национальной культуре. При этом интерес к мифологическим пластам русского фольклора, характерный для А. Ремизова, А. Блока, С. Городецкого, Вяч. Иванова, не исключал интереса и к тем жанрам фольклора, которые не имели очевидного мифологического генезиса. Последние могли подвергаться вторичной мифологизации. Показательно, например, утверждение Вяч. Иванова в статье «Предчувствия и предвестия» (1906), когда он пишет о «грядущей драме» как форме новой эпохи мифа:

Бесплодны попытки установить связь между проблемой рампы и вопросом: что должно быть предметом грядущей драмы? Ибо всему должен быть в ней простор: трагедии и комедии, мистерии и лубочной сказке, мифу и обществу. Все дело не в «ч т о?», а в «к а к?», — «к а к», понятом равно в смысле музыкальном и психологическом и в смысле выработки форм, внутренне способных нести динамическую энергию будущего театра³.

Примечательно, что у Вяч. Иванова в одном эстетическом ряду оказываются «мистерия» и «лубочная сказка», явления культуры, казалось бы, столь несопоставимые. Практический опыт соединения в театре мистерии и лубка проделал сам А. Ремизов, когда написал драму «Бесовское действо» (1907), причем, вероятно, не без влияния идей того же Вяч. Иванова⁴.

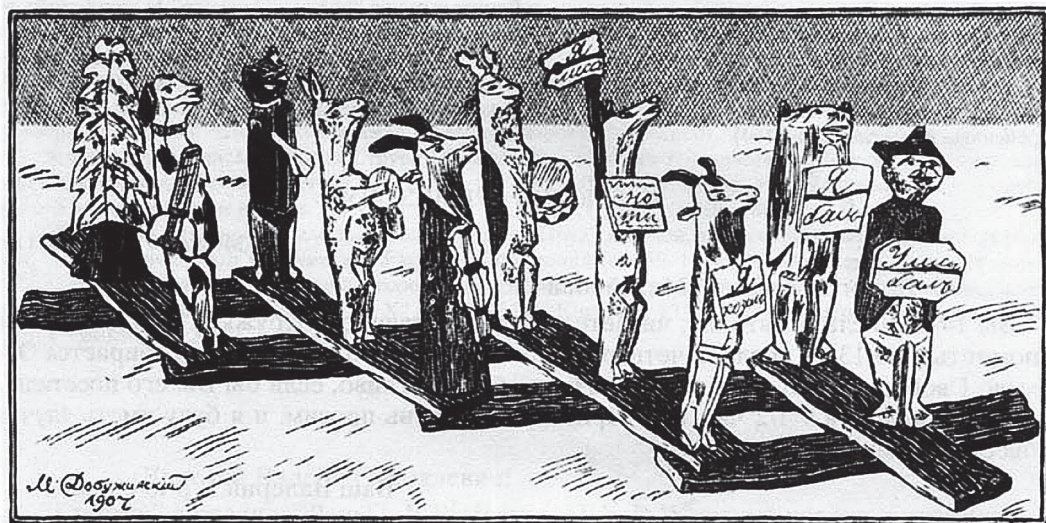
Интерес Ремизова к детским играм и игрушкам, вертепу, лубку хорошо известен, поэтому представляется важным исследовать, как этот интерес проявился в конкретном тексте писателя. В этом отношении выделяется миниатюра «У лисы бал», которая вошла в книгу Ремизова «Посолонь» (1907). Как следует из пояснения самого писателя, источником текста стала детская деревянная игрушка-развод «У лисы бал». В примечании к книге «Посолонь» Ремизов дает краткое описание этой игрушки, при этом ссылается также на рисунок М. В. Добужинского, помещенный в журнале «Золотое руно»:

У лисы бал — деревянная игрушка. Десять фигурок укреплены на скрещении сдвигающихся и раздвигающихся дощечек — дранок. Когда дощечки раздвинуты, получается ряд фигурок: 1–2–1–2–1–2–1, а когда сдвинуты: 3–3–3–1. Читать надо строго, любовно

«<...> Бунин, постоянно говоривший: “Гоголь лубочный писатель... да, да, верно, гениальный, согласен, а все-таки лубочный”» (Адамович Г. *Одиночество и свобода*. СПб., 2002. С. 182).

³ *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 96–97.

⁴ См. в письме А. Ремизова от 26 июня 1904 г.: «Очень понравилась Вяч. Иванову моя мысль: “театр — обедня”» (На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д’Амелия // *Europa Orientalis*. 1987. №6. С. 272).

М. Добужинский. У лисы бал (1907)

и важно. Там, где звери собираются и переходят ров и вал, надо напустить страха: «сам с усам, сам с рогам». Рисунок художника М. В. Добужинского: «У лисы бал», воспроизведен в «Золотом руне». Музыка к тексту — В. А. Сеилова⁵.

История написания и миниатюры Ремизова, и рисунка М. Добужинского изложена в воспоминаниях последнего:

Общим у нас с Ремизовым (это и объединило нас очень искренне) была наша любовь к детскому миру, особенно к народным лубкам и игрушкам, и первая мной иллюстрированная книжка для детей была «Морщинка» Ремизова. У меня собралась большая коллекция всевозможных народных игрушек, и Ремизов, бывая у меня, вдохновился одной и написал забавные стишки, мне посвященные, «У Лисы бал»⁶.

Рисунок М. Добужинского Ремизов включил в свою домашнюю коллекцию игрушек и прочих диковинных предметов⁷. Нельзя с уверенностью сказать, в какой степени рисунок М. Добужинского является изображением собственно игрушки, а в какой — иллюстрацией к тексту Ремизова. Резонно предположить, что Добужинский

⁵ Ремизов А. Собр. соч. М., 2000. Т. 2. Доука и балагурье. С. 166.

⁶ Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 277. См. также: «С Ремизовым меня связывала наша общая с ним любовь ко всему курьезному и по-детски наивному и особенно к тому, что мы оба любили в русском народном творчестве, — к лубочным картинкам и к самодельным деревенским игрушкам» (Там же. С. 230).

⁷ См. фотографию ремизовской коллекции в заметке: А. <Измайлов А.> В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44. С. 11. Кроме того, в 1935 г. Ремизов сделал рисунок «У лисы бал» (см.: Д'Амелия А. Неизданная книга «Мерлог»: Время и пространство в изобразительном и словесном творчестве А. М. Ремизова // Alexej Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus: Slavica, [1987]. P. 164). Здесь опубликован каталог иллюстрированного альбома А. Ремизова, под № 161 — рисунок «У лисы бал». О коллекции игрушек А. Ремизова см. также: Грачева А. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом: (Статья 1. Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215.

ориентировался и на игрушку, и на текст Ремизова⁸. Это делает исключительно любопытной эстетическую природу текста Ремизова.

Текст Ремизова «У лисы бал» становится одним из трех элементов сложного текстового феномена — *игры* в прямом смысле слова. Текст предназначен не для описания игрушки как объекта, а для игры с нею. Игра становится в результате синкретическим действием, включающим три элемента: 1) игрушку, с которой играют (производят определенные действия — сдвигают/раздвигают дощечки; слова «разбредаемся, собираемся» точно соответствуют действиям играющего); 2) сопровождающие эту игру слова (текст Ремизова); 3) музыку, которая сопровождает процесс игры (в примечании Ремизов сообщает, что к его тексту композитор В. А. Сенилов написал музыку).

Ремизов в примечании оговаривает еще один аспект своей книги:

Содержание Весны представляет мифологическую обработку детских игр (Красочки, Кострома, Кошки и Мышки), обряда кумовства — «крещения кукушки» (Кукушка) и игрушки (У лисы бал). Игры, обряд, игрушки рассматриваются детскими глазами, как живое и самостоятельно действующее⁹.

То есть автор становится на точку зрения потенциального участника игры — ребенка — и воспроизводит то, что обыкновенно делает и говорит ребенок в процессе игры с игрушкой (см. характерный для детей звуковой жест: «Трам-там-там, трам-там-там»). В итоге текст Ремизова стремится выйти за пределы только словесной записи — он актуализирует невербальные элементы текста. При их игнорировании сама словесная запись оказывается почти бессмысленной.

У лисы бал.
— Я пес.
— Я бас.
— Я баран.
Это ноты.
Барабан¹⁰.

Как видно из сопоставления текста Ремизова и рисунка М. Добужинского, эти слова есть воспроизведение тех слов, которые написаны на фигурках животных, прикрепленных к дощечкам. Это — словесные знаки, единственным денотатом которых оказывается игрушка. Примечательно также, что текст Ремизова предназначен не для чтения глазами, а для произнесения его вслух, о чем предупреждает сам автор в примечании:

Читать надо строго, любовно и важно. Там, где звери собираются и переходят ров и вал, надо напустить страха: «сам с усам, сам с рогам»¹¹.

⁸ Миниатюра Ремизова «У лисы бал» была написана в 1906 г. (опубликована в 1907 г.), а рисунок М. Добужинского датирован 1907 г. (см. публикацию рис. М. Добужинского: Золотое руно. 1907. № 11–12. С. 87).

⁹ Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же. С. 166.

Последнее («напустить страха») явно указывает на адресат текста — детскую аудиторию. При этом между слушающим и читающим словесный текст нет границы, это вообще может быть одно лицо (ситуация, когда ребенок один играет с этой игрушкой, и он же сам произносит слова). В результате мы видим текст, который воспроизводит типично фольклорную модель своего бытования и восприятия. Главным признаком такого текста оказывается единство автора и читателя (слушателя, зрителя).

Как следует из воспоминаний М. Добужинского, его рисунок и текст Ремизова возникли под влиянием стилистики лубка, которая характерна для игрушки «У лисы бал». Подтверждением тому можно считать наблюдение Н. Д. Бартрама, знатока русской народной игрушки:

Изучая историю игрушек и анализируя богородскую игрушку, я натолкнулся на огромное в свое время влияние на промысел лубочных картин <...> Лубочные картины имели большое распространение по деревням и, конечно, давали много пищи для творческой фантазии кустаря, а главным было то, что контуры людей, зверей и деревьев на лубках были близки по своим статьям технике богородской резьбы¹².

Стилистическое сходство рисунка М. Добужинского с лубком вполне объяснимо лубочным происхождением игрушки-прототипа. Но текст Ремизова (в соединении с рисунком) воспроизводит не только стилистику, но и поэтику лубка. Как показал Ю. М. Лотман, поэтика лубка определяется в том числе его игровой природой, которая требует особого типа поведения при его восприятии:

Словесный текст и изображение соотнесены в лубке не как книжная иллюстрация и подпись, а как тема и ее развертывание: подпись как бы разыгрывает рисунок, заставляя воспринимать его не статически, а как действие¹³.

Очевидно, что ту же функцию выполняет словесный текст Ремизова по отношению к рисунку М. Добужинского. Симптоматична и другая аналогия между поэтикой текста Ремизова и поэтикой лубка:

Одной из существенных особенностей лубка, видимо, является то, что словесный текст делался художественно активным при чтении не «глазами», а на слух¹⁴.

Сходство поэтики миниатюры Ремизова «У лисы бал» с поэтикой лубка (лубочной картинки и/или лубочной игрушки) не столько даже генетическое, сколько типологическое. Обращение Ремизова к такому материалу, как игрушка, принципиальным образом изменяло эстетическую и поэтическую природу созданного им

¹² Бартрам Н. Д. Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979. С. 114.

¹³ Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 325.

¹⁴ Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок. С. 332. См. отмеченную выше ремарку Ремизова о том, как именно надо читать миниатюру «У лисы бал» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. С. 166).

словесного текста. Этим, в частности, объясняется невозможность точно определить жанр произведения Ремизова. В результате следует говорить о типологическом сходстве миниатюры Ремизова с текстами не литературного, а фольклорного рода, к которому относятся детские считалки, скороговорки, игровые приговоры и т. п. И то, что миниатюра «У лисы бал» содержит признаки детского игрового фольклора, вполне закономерно.

О «детском» восприятии игрушек пишет и сам Ремизов, вспоминая о том, как он вместе с Андреем Белым бродил по Арбату, останавливаясь около окон игрушечных магазинов:

Мы смотрели одними глазами на этих странных существ. Навстречу нам они раз-вертывались. И ничего странного — они говорили по-русски. Помню «Певучую лису». Андрей Белый принес ее и передал мне. Я почувствовал теплоту и дыхание в деревянной оболочке и ее звучащую душу. Она продолжала свою песню, зачарованная музыкой и чаруя меня — песня передавалась мне. Мир игрушек! А на самом деле это свой особый мир. Я это знаю не только по себе. Есть игрушки с сердцем и они дышат. Оловянные для меня мертвые¹⁵.

Мотив «говорящих», «оживающих» игрушек заставляет вспомнить, что миниатюра «У лисы бал» и есть текст, написанный (точнее говоря — рассказанный) от лица игрушечных персонажей (см.: «Чинно шествуем на бал...»). Игрушки для Ремизова оживают в процессе игры с ними¹⁶, в процессе их игрового восприятия, которое характерно прежде всего для детей.

Все это в значительной степени определило своеобразный «детский фольклоризм» книги Ремизова «Посолонь», которая, по его же признанию, оказалась «написанной ни для кого, но которую встречал и у детей — любимой»¹⁷.

¹⁵ *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 120–121.

¹⁶ Об этом же писал литературный критик газеты «Утро России» П. А. Кожевников: «Вещи А. М. Ремизова сами по себе все очень немудреные: детские игрушки, кустарные предметы, так называемая игра природы (древесные ветви с разными наростами), кора, олений мох и т. п. Но когда о них рассказывает их хозяин, тогда они тоже оживают. Тогда они становятся таинственными существами, приобретают названия, облакаются образами из легенд и сказок и глядят со стола и со стены маленькими божками» (*Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова: (Творимый апокриф) // *Утро России.* 1910. №243. 7 сент. С. 2).

¹⁷ *Ремизов А.* Крашенные рыла: Театр и книга. Берлин: Грани, 1922. С. 99.

Дмитрий Равинский

К ВОПРОСУ О «ТРАМВАЙНОМ ТЕКСТЕ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В работах Елены Владимировны меня всегда восхищало не только мастерство филологического анализа, но и основательность библиографической проработки, использование малоизвестных, а часто и вовсе забытых источников. Когда-то Елена Владимировна рассказала мне, что собиралась поступать после школы в Ленинградский библиотечный институт, который я окончил несколько позже. Эта статья — дань уважения ее памяти и знак солидарности с ее подходом к гуманитарному исследованию.

Избранную мной тему никак нельзя назвать «пионерской». Известная статья Р. Д. Тименчика¹ вызвала интерес к «трамвайной теме», став стимулом для появления целого ряда работ, где рассмотрены образы трамвая в произведениях О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Булгакова, В. Набокова, А. Солженицына и многих других. Обширная научная литература посвящена «Заблудившемуся трамваю» Н. Гумилева. Цель моей статьи — привлечь внимание к малоизвестным авторам, расширив представления о «трамвайном тексте» русской литературы. Из-за недостатка места ограничусь произведениями первой трети XX века.

Для литераторов рубежа XIX–XX вв. конка, а затем и трамвай — прежде всего вместилище толпы, «точка сбора» людей самых разных сословий, как правило, борющихся за место в трамвае. Этот мотив и становится преобладающим в первых «трамвайных текстах». Этюд А. А. Лугового «В конке»² — характерный пример такого рода. Автор-рассказчик «по привычке наблюдать и вдумываться в окружающее» присматривается к случайно оказавшимся рядом пассажирам: «лавочнику в чуйке», «молодым консерваторкам» и др., делая выводы, своего рода этнографические наблюдения.

Литератор и актер В. В. Сладкопевцев создает рассказы-сценки, живописующие толпу, в стиле И. Ф. Горбунова: «Недавнее», «В суете предпраздничной». Действие рассказа «В трамвае» происходит в трамвае № 9, идущем от Балтийского вокзала к Финляндскому:

¹ Тименчик Р. Д. К символике трамвая в русской поэзии // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1987. С. 135–143.

² Луговой А. А. [Тихонов А. А.] Цель вашей жизни? Повести и рассказы. СПб., 1905. С. 346–353.

Внутри вагона творится нечто ужасное. Как и кто здесь сидит и стоит, разобрать трудно. Тем более, что вагон от быстрой езды сильно качается и при каждом толчке так встряхивает свое содержимое, что за человека страшно делается.

— Ну и теснота! — раздается чей-то не то радующийся, не то негодующий голос.

— Что-ж теснота, — откликается благодушный мужичонка в серяге и лаптях — теснота — она ничего. В тесноте, скажем, люди живут, а на просторе навоз возят.

— Тоже философ.

— Мы на это не обижаемся. Мы не здешние³.

В более трагических тонах предстает недавно появившийся в столице трамвай в рассказе Марка Басанина (псевдоним Лидии Алексеевны Лашеевой, 1862–1942) «Трамвай»⁴. Примечательно, что в центре повествования здесь даже не толпа едущих в трамвае, а толпа, ожидающая трамвая. Напряженное ожидание, нарастающая враждебность, давка: трамвай предстает здесь олицетворением злой стихии города. Это ощущение тесноты и, соответственно, нарастающей взаимной враждебности, пронизывающее первые «трамвайные тексты», сегодня воспринимается как предупреждение о приближавшихся социальных потрясениях. И действительно, мотив социального неравенства обнаруживается очень быстро. В госпитале раненым солдатам сестра милосердия рассказывает о достижениях науки, в том числе и о «трамвае, на котором вы приехали сюда». Последнее, однако, вызвало протест:

Вы вот говорите о трамвае, сестрица, а кто на нем ездит? Господа... Ежели бы она была наука правильная, то всех бы ровняла. Трещит проволока — так пускай и меня, и его, и моего кума Силантия тоже возит <...>. Правильно! — Господа науку взяли, а нам потемки оставили, — послышались голоса⁵.

Добавим, что недовольство солдат вызвано не столько дороговизной билетов, сколько тем, что солдатам в годы Первой мировой войны не разрешалось, по крайней мере, в Петрограде, ездить на трамваях⁶. Не случайно в дни Февральской революции трамваи стали одними из первых объектов нападения. Для предреволюционной интеллигенции поездка на трамвае — источник неприятного опыта соприкосновения с массами (см. записные книжки Блока). При этом и «с эстетической точки зрения» поездка на трамвае оценивалась невысоко:

Чудесно теперь на стрелке, такая ласковая и радостная весна <...>. Но для этого нужен хороший извозчик. По делу можно ехать и на трамвае, но на стрелку отправляться на трамвае — тогда лучше уж просто сидеть дома. Совсем не то впечатление дает стрелка <...>. Отчего это? Отчего свежие огурцы, например, так вкусны и ароматны только ранней весной, когда они дороги? Куда девается этот аромат и вкус потом, когда огурцов много и их продают сотнями и даже возами?⁷

³ Сладкопевцев В. В. Мои рассказы. СПб., 1912. Т.1. С. 171–175. (Курсив автора — Д. Равинский).

⁴ Басанин М. Трамвай // Басанин М. Будни. Пг., 1915. С. 28–32.

⁵ Липецкий А. Воля к жизни. Пб., 1915. С. 234.

⁶ Слоцимский М. Л. Лавровы. Л., 1935. С. 37.

⁷ Василевский И. Житейское кабаре. СПб., [б.г.]. С. 93.

Но в то же время накануне революции формировалась и новая городская эстетика, в которой трамваям отводилось свое, достаточно почетное место. В прозе трамвай «воспел» Ю. Юркун: «Трамвайные звонки тянут пронзительные трели, на разные голоса трубят, свистят и воют рожки, свистки и сирены моторов. <...> К трем часам на улицах уже темнеет, а при тумане, и в два часа, и в час. Трамвайные кондукторы не могут различить цвета билетов и освещают вагоны. И благодушным пешеходам представляется красивое зрелище освещенных, плавающих в тумане трамваев, удаляющихся и приближающихся вагонов с отличительными стеклами парных фонарей, длинной, кажущейся бесконечной, линии желтых, синих, красных, быстро скользящих огней»⁸.

Увы, годы гражданской войны внесли совсем другие ассоциации, связанные с трамваями: «Темным молчаливым переулком свернула к трамвайной остановке, и сразу заблестели яркие огни вагона. Через освещенные стекла видны черные спины. Взошла на площадку и отшатнулась. Из яркого вагона пахнет мертвецами, как там, в мертвецкой. Поднесла к носу платок, а запах пробивается через платок. Затошнило, и закружилась голова. Выбежала обратно на улицу и пошла пешком»⁹. Страшный запах лишь почудился героине романа С. Семенова «Голод», но мрачные ассоциации связались с трамваями надолго.

Не случайно обилие негативных эпитетов в упоминаниях трамвая у поэтов 1920-х годов: «Хрипя, скуля, икая поминутно, / Трамвай будоражили дома»¹⁰, «Трамвай, распухшие от жары, от людей, / С лязгом припадают на правые колеса»¹¹ или: «Падает снег. Хрипя, багровея воспаленными глазами, ползут усталые трамвай»¹². Это имеет вполне рациональное объяснение: после Гражданской войны, «интервенции энд разрухи» трамвайный парк обветшал, нехватка вагонов обусловила перегруженность, но в то же время очевидна и ассоциативная связь с трагическим недавним прошлым.

В советской поэзии 1920-х годов немного произведений, непосредственно и полностью посвященных трамвайной теме. Один из немногочисленных примеров такого рода — стихотворение Игоря Юркова «Трамвай №4»:

С каждым днем этот бред веселей,
Дни короче, слепительней краски.
В голубом, освещенном окне
Расплываются лица и краски.

От звонков, от толпы, в мороз
Он отчалил в снежные волны.
Только слышно пенье колес
И журчанье льющих молний.

⁸ Юркун Ю. Рассказы, написанные на Кировной ул., в доме под №48. Пг., 1916. С. 232–233.

⁹ Семенов С. Избранное. Л., 1970. С. 124.

¹⁰ Берендгоф Н. Стихи о городе. М., 1927. С. 10.

¹¹ Митрейкин К. Я разбиваю себя. М., 1931. С. 12.

¹² Фибих Д. Апельсиновые гетры. М., 1927. С. 123.

Так и молодость наша пройдет,
Ослепительно и мгновенно,
И чужая метель заметет
И о нас пропоет антенна!¹³

Чаще всего трамвай упоминается мимоходом, как привычный элемент городской среды: «И дразнит звонком красномазый трамвай / Звенит, как монетой с полочки. Вдогонку трамваю / Иль с ним на спор, / Являя моторную доблесть, / С рычаньем не-сется во весь опор / Каштановый “ясный” автобус»¹⁴. Поэты двадцатых годов нахо-дили вдохновение даже в тряском ходе трамвая:

Свистящий, переливчатый и сладкий
Звон подо мной да искры надо мной.
Я двигаюсь по мчащейся площадке
Взад и вперед, как зверь перед весной.
Я прохожу по палубе прицепа
(И циркуль ног равняется версте)
В бурлящий кратер площади у центра,
Где небо как мембрана в пустоте¹⁵.

Первая часть поэтического триптиха С. Спасского «Разговор с пригородом» на-зывается «Трамвай»:

Свинцовый гул широко настилая,
Трамвай ползет.
Мне подойдет любой,
Я доверяюсь яростному лаю
Колес и рельс отливке голубой.
Скрипят перегородки. Кольханье
Виолончелями прогнутых дуг.
Движенье под ногами, как дыханье,
Прерывисто.
И улицы вокруг
Растреснутые надвое, вдогонку
Палят скупыми вспышками огней.
— И площади вдруг отшвырнут картонку
Без крышки с грузом фетровых теней.
Мосты начнут разматывать пролеты,
Мигать решеткой. И блестя вдали,
Квартирных окон световые сети,
Как в стену, в ночь высоко залегли.

... Как полоз, пущенный по льду,
Трамвай летит. Я свешиваюсь в темень¹⁶.

¹³ Юрков И. Стихотворения. Киев, 1929. С. 23.

¹⁴ Железнов М. От «пера» к перу. М., 1931, С. 44.

¹⁵ Дементьев Н. Шоссе энтузиастов. М.; Л., 1930. С.74.

¹⁶ Спасский С. Особые приметы. Л., 1930. С.69–70.

Стихотворение обыгрывает мотив «заблудившегося» трамвая, уносящего в неведомую даль. Сходный мотив встречается у В. Каверина¹⁷, но это скорее исключение: в «трамвайных текстах» 1920-х — начала 1930-х гг. отчетливо прослеживается стремление представить трамвайное движение как нечто упорядоченное, системное. Социальный смысл этого подхода выразила В. Инбер:

Приезжающие, прежде чем поступать в вузы, прежде чем взять какие бы то ни было уроки, прежде всего, волей-неволей, берут урок у города. Город перво-наперво учит их самой простой вещи: что для того, чтобы сесть в трамвай или в автобус, надо стать в очередь. Этой, казалось бы, незатейливой мелочью, кладется начало городской дисциплине, городской выучке, сырой и рыхлый провинциал, живущий неспеша (sic!), вдруг познает, что день ограничен, что каждый час дорог, что в нем всего шестьдесят минут, что нужно торопиться, занять место в очереди и не зевать по сторонам, иначе прозеваешь автобус, прозеваешь экзамен, прозеваешь жизнь. Стоянием в очереди, этим неизбежным предтрамвайным бытием, внезапно определяется робкое еще сознание провинциала¹⁸.

Понятно, что речь здесь не просто о приобщении провинциала к столичной жизни, но о приобщении к новому, социалистическому, организованному порядку. В литературе тех лет немало попыток обрисовать *систему* трамвайных маршрутов Москвы, прежде всего — кольцевых. В поэзии свой вклад внес С. Кирсанов: «Плешивый плюш, твое боа, / Неси тебя, неси по **А**, / каблук звонком набей, неси тебя на **Б**, / и шаркнув рельсой по траве — / лети-лети по ветру **В** / рука к руке, нога к ноге / на **А**, на **Б**, на **В**, на **Г**¹⁹». Интересно сопоставить с этим строки Н. Ушакова:

И ожидаешь у снежной Эллады,
Только трамваи
Не те, что надо.
3-й проходит
И № 4-й.
Звезды и хвоя
В стеклах затерты,
словно за ними
свечи зажаты
— как ваше имя,
Вагоновожатый?²⁰

Поиск системности в трамвайном движении приводил к «трамвайной этнографии», выявлению особенностей различных трамвайных маршрутов. Подробно это осмысление трамвайного движения как системы представлено в очерке Веры Инбер «А. Б. В. Г.»:

¹⁷ Каверин В. Скорость света // Каверин В. Бубновая масть. Л., 1927. С. 176–184.

¹⁸ Инбер В. Так начинается день. Харьков, 1929. С. 13.

¹⁹ Кирсанов С. Последний современник. М., 1930. С. 55.

²⁰ Ушаков Н. Календарь. М., 1933. С. 25.

В течение дня население Москвы делится на три части. Одна часть наполняет улицы, вторая сидит по домам и учреждениям, третья стоит в трамваях. Мы говорим «стоит», ибо сидит такое незначительное количество, что его нельзя принимать в расчет.

Московские трамваи идут от центра к периферии по радиусам, по кругам. Сатурн опоясан одним кольцом, — Москва опоясана тремя кольцами: «А», «Б» и «В».

От Страстной площади «А», нагруженное, как верблюд в пустыне, движется к Трубе и. оттуда медленно вползает к Сретенке. Его населяют портфели, кожаные кепи, куртки и шубы. Население каждого трамвая двояко: то, которое в самом вагоне, и то, которое на площадке. Оба эти сословия ненавидят друг друга. Тем, которые стоят на площадке, всегда кажется, что вагон пуст, и они настойчиво требуют «продвинуться вперед». Стоящие внутри возмущены площадкой и доказывают, что «вагон не резиновый»... До Покровских Ворот «А» безмерно переполнено, и начинаешь жалеть, что оно не какая-нибудь более поместительная буква вроде «Ф». <...>. От Покровских Ворот «А» разгрузится и станет тихой нормальной буквой. Вагон пройдет по набережной, ледяной ветер с реки ворвется в неплотно прикрытую дверь, и вагоновожатый крепче подтянет перчатки. А с Остоженки снова насядет народ, и все начнется сначала.

Кольцо «Б» проходит по рынкам: его вагоны населены торговыми людьми, предприимчивыми, как финикияне. На них, по большей части, армяки и тулупы. В руках у них корзины и кульки. Здесь тоже не обходится без происшествий. Иногда какая-нибудь баба пытается сесть на прицепку вместе с гусем, который сидит в корзинке в окружении из капусты и свеклы. Тогда кондукторша будет объяснять, что с гусем нельзя, что от гуся беспокорство, что он шипит и ущипнуть может. От Сухаревки до Земляного Вала все будут обсуждать гусиный вопрос, и дряхлая старушонка укоризненно скажет кондукторше: «Зря затормозили женщину. Что же ей карету нанимать для птицы, или как?»

Кольцо «В» фантастично и огромно. На миг буква «В» появляется у Мясницких Ворот и снова скрывается. Кто может похвастать, что он объехал все кольцо «В»?

За самое последнее время появилась еще и буква «Г». Но, говоря по чистой совести, я знаю ее только по виду...

Номера 6, 4, 17, 34 и т. д. все имеют свои особенности. Номер 15 ходит редко, но метко. Когда, наконец, видишь его, испытываешь чувство, как будто выиграл по займу индустриализации сто рублей.

Но независимо от того, буква это или номер, независимо от времени и места, вас будут толкать, притискивать и сплющивать. Если вы стоите, — на каждой остановке будут спрашивать: — Выходите здесь? — И горе вам, если вы начнете выходить слишком рано или слишком поздно.

Утром, в семь часов, город дрожит мелкой дрожью. Утром, в семь часов, осень безжалостна, и от сырости нет спасенья. На улицах пустота, потому что воскресенье. Ночной извозчик, как филин, шурясь на дневной свет, плетется домой. Вы стоите на Страстной площади и думаете о том, что свет чрезвычайно мал: Охотный ряд тонет в тумане, Триумфальная арка впала в ничтожество. И среди всей этой сырой расплывчатости, единственно, что радует сердце, — это теплые булки, вынесенные на продажу. Булки — это определенно, это реально, это победа дня над ночью, труда над хаосом.

На улицах тишина, а в трамваях жизнь. Трамвай «А» полон. Но едущие необычны. Это не однообразные будничные совработники с портфелем и газетой. Воскресное «А» кипит особой жизнью и населено по-особому. Прежде всего, все люди с кулками. Кульков много, и они внушительны: начинает казаться, что не их везут люди, а они везут людей²¹.

²¹ Илбер В. Сочинения. Харьков, 1929. Книга 3-я. С. 25–29.

Но главный шедевр трамвайной этнографии — небольшой очерк Николая Москвина «Трамвай». Приводим вынужденно лишь отрывки:

Москва—город разношерстный, на каждой улице своя масть. И трамваи московские со своими подпалинами и примочками ходят, только для МКХ они притворяются, что под одну гребенку стрижены. И кровное родство в неприкосновенности блюдут, а живут они каждый своей жизнью и улыбаются своей улыбкой.

«А» — Совбур.

Как показывает само название, населяется: шелковыми чулками, пальто «реглан», с громогласной одышкой, утконосыми ботинками, аккуратными сумочками, плотными портфелями. На остановках будущее население «А» выстраивается в деликатную очередь. В бок локтями не толкают, сзади наперед не лезут, — все чин-чином. «А» ходит без прицепа. Тонко учтена психология: ездить на «прицепе» население «А» не может — плохой тон. Маршрут «А» — кольцо. Один бежит за другим, как буюк на нитке. У каждого переднего «А» заветная мысль — догнать преследующий его трамвай сзади. И крутятся с ними по кольцу утконосые ботинки, громогласные одышки, пальто «реглан»... Крутятся. Кольцо «А» символично: оно изображает буржуазию, вертящуюся в бесконечном колесе и не попадающую в ось, в центр. А в центре — Кремль. Кругом сколько хочешь, а в середину не моги...

«Б» — демократический.

Собственно, это даже не трамвай, а окружная железная дорога. На любом трамвае вы едете, на «Б» — путешествуете. Пропутешествовать по всему кольцу «Б», для этого надо иметь мужество и терпение экскурсанта. Трамвай «Б» всегда с «прицепом». Представить «Б» без прицепа так же трудно, как извозчика без пролетки, как лошадь без хвоста. Население «Б» — рабочие и мелкие служащие. От Тверской до Крымской площади население моторного вагона снабжается интеллигенцией и ответственными работниками. «Прицеп» же с вокзалов подбирает молочниц, торговков, деревенских баб.

№№ 24 и 34 — трамваи «Бывших».

— Будьте любезны, дайте билет.

— Пожалуйста, получите с меня.

— Не откажите передать деньги кондуктору за полторы станции.

Спешат получить билет. Избави бог, кто-нибудь еще может подумать, что бывшая владелица особняка на Остоженке хочет проехать без билета! Сухость щек, деликатные жесты, значительные улыбки, «благородные» складки у рта. Самый тихий и неразговорчивый трамвай. Шелковых чулок нет. «Реглана» нет. Утконосые ботинки случайны. Но зато все чрезвычайно строго. Печать «наследственного благородства» лежит даже на заштопанном кармане, на исчезнувшем мантио²².

Трамвайные сюжеты двадцатых-тридцатых годов разнообразны. Отрабатывается тема приезжего, впервые знакомящегося с трамваем²³. Лирические описания поездок на трамвае встречаются у М. Чумандрин²⁴. И все-таки ведущей темой трамвайных текстов остается теснота, «смешение сословий», вынужденная физическая близость. В текстах двадцатых годов эта тема приобрела привлекательный для читателя эротический оттенок. Тема трамвайного флирта (в сочетании с классовой ненавистью)

²² Москвин Н. Трамвай // Москвин Н. Шахматы. М.; Л., 1926. С. 13–21.

²³ Новиков А. Причины происхождения туманностей. М., 1929. С. 11–14.

²⁴ Чумандрин М. Фабрика Рабле. Л., 1928. С. 40, 134, 147–148, 160.

встречается, например, у С. Олендера: «Ах, как невелик, / Как недолговечен трамвайный уют! / И сразу тускнеет твое бытие, / Бездельник с подстриженными усами — / Гражданка, пленившая сердце твое, / Уйдет и посмотрит чужими глазами»²⁵.

Но самой известным тестом такого рода была сцена из нашумевшей повести Л. И. Гумилевского «Собачий переулочок»:

В самом конце зимы прошлого года Хорохорин возвращался из университета домой. Вагон трамвая в этот час, как всегда, был забит до отказа. В сутолоке сердитых шуб, шапок, полушубков трудно было кого-нибудь заметить, да и охоты не было приглядываться к лицам, еще не стряхнувшим с себя угрюмых теней трудового дня.

Он стоял в проходе, распластав руки на спинках скамей, сдерживая напирających со всех сторон пассажиров и стараясь сохранить равновесие. Дряхлый вагон спотыкался на стыках изношенных рельс, шатался на поворотах из стороны в сторону и встряхивал запертую в нем толпу, как утрясывают при упаковке ящики с хрупкими вещами. Кто-то впереди читал газету. Хорохорин от скуки заглядывал в хронику происшествий. Тогда же он совершенно отчетливо почувствовал как на его голую руку, лежавшую на спинке скамьи, легла чья-то чужая легкая и тонкая рука, должно быть, только что сбросившая гревшую ее перчатку. Он отодвинул свою, чтобы дать место той, продолжая читать о каком-то жульничестве с приезжим крестьянином на пешем базаре, но чужая рука последовала за его рукой, а когда он снова вздумал было прибрать ее, то та настойчиво пожалала ее. Он вздрогнул, покосившись на преследующую его руку. По рукаву синей шубки, отороченной белым, как снег, мехом, он прополз крадущимся взглядом и увидел спрятанное в снежной груди меха хорошенькое, но незнакомое женское личико. Оно было совершенно спокойно, и, может быть, только в зеленых глазах, с преувеличенным равнодушием застрявшим на морозном узоре стекла, сверкала, как отражение электрических огней, улыбка <...>. Скучная вагонная суэта оживилась. Тусклые угольные лампы как будто стали светить с большей яркостью. Незаметным горделивым движением груди и шеи Хорохорин выпрямил голову и посмотрел на девушку. Она была хороша. Так быстро и смело развертывавшееся приключение не могло не занимать его <...>. Хорохорин, оглядывая украдкой незнакомку, скользнул взглядом по чужим лицам. Никто не примечал их лежавших друг а друге рук, никто, вероятно, не думал о завязывавшемся в этот миг странном узле²⁶.

Любопытно, что совсем в другом ключе тема трамвайного знакомства обыгрывается Ю. Либединским: коммунист, взволнованный событиями в Германии, ищет единомышленников среди случайных попутчиков²⁷.

Для энтузиастов новой жизни даже теснота в трамваях становится знаком рабочего ритма:

Привычные горожане
Становимся на свою
Заводами и гаражами
Размеченную колею.
Тогда, набит до отказа,

²⁵ Олендер С. Часовщик. М., 1931. С. 27.

²⁶ Гумилевский Л. Собачий переулочок. С. 7–9.

²⁷ Либединский Ю. Собр. соч. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 115–116.

Быстрее идет трамвай,
Работа и служба сразу
Вступают в свои права²⁸.

Есть даже своего рода панегирик трамвайной скученности:

Как это ни странно, я люблю наш ленинградский трамвай. В нем ездят люди советских будней. Он нравится мне даже в самую толчею, когда этот преданный труженик развозит по заводам и фабрикам живые гроздьи прилепившихся к нему людей или, по окончании смены, моментально наполняется на какой-нибудь остановке, у Путиловца или Скорохода, шумной и деловитой, неуклюже толкающейся и куда-то спешащей толпой. Мне нравится смотреть, как с передней площадки, грузно, но уверенно, вваливаются в него женщины с детьми на руках или входят беременные, гордо выпятив живот; как они, не глядя на встающих пассажиров, садятся на свои законные места. Мне нравится смотреть, как, в самую тесноту, <...> пятиалтынные, рубли и трешки деловито возвращаются обратно в виде билета и сдачи, и только в самых редчайших случаях исчезая по дороге, к великому возмущению присутствующих.

Два движения увлекают едущего в этом трамвае, два движения, с которыми он так же бессилён бороться, как с вращением земли вокруг солнца — движение трамвая к следующей остановке и движение человеческой массы от входа к выходу. И пусть вас облают, и наступят вам на ногу, и оторвут самую нужную в жизни пуговицу, но вы получите взамен такую зарядку бодрости и энергии и темпов, какой вам не даст ни утренняя газета, ни четырехместный Бюик²⁹.

Решусь предположить, однако, что чувства автора разделяли далеко не все. В тридцатые годы была популярна мрачная шутка: «живем как в трамвае: половина сидит — половина трясется», — в которой четко была обозначена двойная незащищенность обывателя: и от произвола властей, и от локтей и чемоданов попутчиков. Это печальное чувство и окрашивало восприятие трамваев. Ностальгическая романтизация старого трамвая пришла позже, и это уже другая история.

²⁸ Наумова В. Чертеж. М., 1933. С. 7.

²⁹ Полонская Е. Люди советских будней. Л., 1934, С. 6–7.

Юрий Доманский

ЁЛКА ДЛЯ ЁЛКИ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ТРОПА КАК ПРИЁМ КОНСТРУИРОВАНИЯ СМЫСЛА В «ЁЛКЕ У ИВАНОВЫХ» АЛЕКСАНДРА ВВЕДЕНСКОГО

В книге «Русская ёлка. История, мифология, литература» Елена Владимировна Душечкина в ряду многочисленных примеров обращения к ёлке в отечественной культурной традиции не могла не упомянуть ёлки Александра Введенского, припомнив ему, в первую очередь, небольшое стихотворение «Не позволим!», опубликованное в ленинградском детском журнале «Чиж»:

Не позволим мы рубить
молодую ёлку,
не дадим леса губить,
вырубать без толку.
Только тот, кто друг попов.
Ёлку праздновать готов!
Мы с тобой – враги попам,
Рождества не надо нам.

В этом стихотворении, как пишет Е. В. Душечкина, «любопытно характерное для антиёлочной кампании, захватившей и детскую печать, замещение двух мотивировок отказа от обычая устраивать ёлку: с одной стороны, праздник детской ёлки отвергается как церковный обычай (“поповский”), а с другой – проводится мысль о необходимости защитить и сохранить лес. Борьба с порубкой ёлок соединилась с антирелигиозной агитацией»¹. В связи с нашей темой заметим, что слово «ёлка» в пояснении Е. В. Душечкиной используется в двух значениях – в переносном, выступая в качестве тропа («устраивать ёлку», «праздник детской ёлки»), и в прямом – в значении дерева («Борьба с порубкой ёлок»); такое соединение двух значений оказалось продиктовано, разумеется, идеологией той поры, когда создавалось стихотворение Введенского; оба значения пришлись тут очень кстати. В финале же книги Душечкиной оказывается упомянута и другая ёлка Введенского, ёлка, пожалуй, для его творчества главная и потому поставленная в ряд «ёлочных шедевров»: «Наряду с многочисленными “дежурными” текстами, печатавшимися в новогодних номерах периодики, были созданы “ёлочные шедевры”, впитавшие в себя (каждый по-своему) судьбу ёлки и многолетний

¹ Душечкина Е. В. Русская ёлка. История, мифология, литература. СПб., 2012. С. 231.

опыт переживания её образа детьми и взрослыми: “Ёлка у Ивановых” Александра Введенского, “Ёлка” Михаила Зощенко, “Вальс со слезой” и “Вальс с чертовщиной” Бориса Пастернака². О пьесе Введенского «Ёлка у Ивановых» и пойдёт речь в нашей статье.

Мы посмотрим на то, как в этой пьесе функционирует слово «ёлка», то есть речь пойдёт о проблеме, к которой исследователи Введенского обращались не раз – об уникальном языке «Ёлки у Ивановых». Так, Кети Чукров пишет о поэзии Введенского, что в ней «происходит отказ от языка как предсказуемого строя»³. Подобным образом можно охарактеризовать и «Ёлку у Ивановых», по поводу словесной организации которой Е. С. Шевченко замечает: «Мир Введенского состоит не из вещей и предметов (денотаты, как таковые, из пьесы изымаются), а из знаков, заступающих на место вещей и предметов, их собою замещающих. Знаки перенимают на себя свойства и функции реальности, слова превращаются в вещи»⁴. В результате, по мнению исследовательницы, сюжет Введенского располагается между «двумя крайностями»: «Трагедия, размещённая за текстом, и *буффонада*, воплощённая в самом тексте»⁵. А. В. Корчинский полагает, что Введенский разрушал время «посредством деструкции языка (смысловой континуальности)»⁶, и далее продолжает: «проект “бесмыслицы” предполагает поиск Введенским некоего адекватного языка, которым можно было бы описать аутентичный мир – мир по ту сторону времени, смысла, ума»⁷. Л. М. Ахметзянова, в свою очередь, указывает на то, что «Введенский создаёт уникальный мир – разобщённый, обречённый, в котором соседствуют живые и мёртвые, мир застывший, требующий размышлений о сущности жизни и смерти»⁸, а для создания этого мира «Александр Введенский стремился создать новый “иероглифический” язык путём глубокой деструкции литературного языка»⁹. А. Жуковский относительно «Ёлки у Ивановых» пишет: «Стремление трансформировать привычную картину мира и создать собственную художественную действительность находит выражение в идее пересмотра и переоценки взаимоотношений лексических единиц и экстралингвистической реальности, преобразовании привычных отношений между означающим, понятием и денотатом»¹⁰. Таким образом,

² Душечкина Е. В. Русская ёлка... С. 334.

³ Чукров Кети. Бесмыслица как инструмент возвышения // Новое литературное обозрение. 2004. № 5. С. 73.

⁴ Шевченко Е. С. «Ёлка у Ивановых» А. Введенского: «буффонное» vs. «трагедийное» // Вестник Самарской государственной академии. Серия «Философия. Филология». 2011. № 2 (10). С. 171.

⁵ Шевченко Е. С. «Ёлка у Ивановых» А. Введенского... С. 178. Курсив принадлежит автору цитируемой работы.

⁶ Корчинский А. В. Форманты мысли: Литература и философский дискурс. М., 2015. С. 235.

⁷ Корчинский А. В. Форманты мысли... С. 238.

⁸ Ахметзянова Л. М. Специфика идиостиля А. Введенского в рамках литературы абсурда // Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2017. № 1. С. 72.

⁹ Там же.

¹⁰ Жуковский А. Коммуникативная специфика пьесы А. И. Введенского «Ёлка у Ивановых» // Топос. Литературно-философский журнал. Дата публикации: 26.05.2011. URL: <https://www.topos.ru/article/>

можно утверждать, что в творчестве Александра Введенского создаётся особый мир, а для этого используется уникальный художественный язык, построенный на нарушении и разрушении тех или иных привычных элементов и связей, присутствующих литературному языку.

В нашей статье речь пойдёт об одном приёме Введенского, основанном на разрушении тропа при его парадоксальном сохранении, то есть о деконструкции, являющейся по сути своей конструированием, то есть речь пойдёт о конструктивной деконструкции. Этот приём можно назвать и «метафорической полисемией», именно так поступает Н. В. Сарафанова, поместив его в ряд других приёмов языковой игры у русских авангардистов первой трети прошлого века¹¹. Заглавный мотив пьесы Введенского – ёлка – уже в самом названии¹² прочитывается и в прямом значении (дерево), и как троп, метафора (праздник). Причём именно тропеическое прочтение оказывается более предпочтительным при первом приближении к заглавию в аспекте формируемого предпонимания; этому способствует контекст: фраза «Ёлка у Ивановых» в первую очередь прочитывается как праздник (новогодний, рождественский) в семье Ивановых. Однако сам текст актуализирует оба прочтения заглавия – как тропеическое, так и прямое; и между ними складываются очень своеобразные отношения. Посмотрим, каким образом это происходит.

Ёлка возникает уже в первой реплике пьесы, реплике «годовалого мальчика» Пети Перова; и уже здесь по соседству с ёлкой возникает мотив смерти: «Будет ёлка? Будет. А вдруг не будет. Вдруг я умру» (221)¹³. И второй по ходу действия момент, где в реплике возникает ёлка, тоже связан со смертью. Это реплика «мальчика 76 лет» Миши Пестрова: «Да бросьте дети ссориться. Так и до ёлки не доживёшь» (222)¹⁴. Впрочем, уже в следующей реплике того же Миши

laboratoriya-slova/kommunikativnaya-spetsifika-pesy-i-vvedenskogo-elka-u-ivanovykh (дата обращения 12.02.2022).

¹¹ См.: Сарафанова Н. В. Словесная клоунада в текстах русского авангарда // Русская словесность. 2008. № 1. С. 66–72.

¹² Оставим в стороне, что никаких Ивановых, фигурирующих в заглавии, в тексте пьесы нет — это отдельная проблема; сосредоточимся только на ёлке.

¹³ Здесь и далее текст пьесы «Ёлка у Ивановых» цитируется по изданию: Введенский А. Кругом возможно Бог: Стихотворения, пьесы. СПб., 2012. Пунктуация и орфография даются согласно этому источнику. Страницы указываются в скобках в тексте.

¹⁴ В этой связи можно обратить внимание на замечания А. В. Шамариной: «Сам образ ёлки способствует развитию образа смерти. <...> ёлка является иероглифом смерти. Тогда становится ясен страшный смысл произведения. С самого начала пьесы все её персонажи ждут смерти» (Шамарина А. В. Знаковая природа абсурда в творчестве А. И. Введенского. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 16). Однако возможны и иные толкования заглавного мотива; так, А. А. Кобринский даёт очень интересную трактовку эпизода рубки ёлки Фёдором: «Лесоруб Фёдор “плавно рубит ёлку для ёлки в семействе Пузырёвых” – эротический аспект этого действия подчёркивается, с одной стороны, наречием “плавно” (как известно, “плавно” рубить дерево невозможно, зато плавностью может отличаться движение при половом акте), а с другой, – разговором, который он ведёт с другими лесорубами. В процессе рубки Фёдор, очевидно, распалается – и от нейтральной информации о том, что у него есть невеста, переходит к интимным подробностям» (Кобринский А. А. «Ёлка у Ивановых» Александра Введенского как обэриутский текст // Текст и интерпретация: Сборник научных статей. Новосибирск, 2006. С. 203).

Пестрова смерть сменится весельем: «Завтра ёлка и мы все будем очень веселиться» (222). Во всех приведённых случаях слово «ёлка», если следовать контекстам, выступает в значении «праздник», то есть перед нами слово в переносном значении, троп. Впрочем, как это было и в заглавии, под определённым, скажем так, углом зрения и в этих трёх репликах «ёлка» может быть понята как дерево, появления которого в своём доме ждут дети. И именно прямое значение (только оно!) актуализируется почти тут же в реплике «девочки 32 лет» Сони Островой (той самой, которую вот-вот убьёт нянька): «А я когда в зал выйду, когда ёлку зажгут, я юбку подниму и всем покажу» (222). Это все случаи употребления слова «ёлка» в первой картине; и, как видим, движение тут идёт от тропа к значению прямому, однако это отнюдь не может считаться показателем деконструкции тропа.

Между тем уже начало второй картины предлагает такую деконструкцию в виде особого приёма: в открывающей эту картину ремарке «ёлка» появится в обоих значениях, но при этом каждое из значений будет выражено отдельно, то есть чётко закреплено за конкретным словом. В пределах этой ремарки ёлка как дерево и ёлка как праздник будут соседствовать дважды. И первый случай такого соседства ещё можно при желании прочитать, как экспликацию в обоих словоупотреблениях прямого значения слова «ёлка» (ёлка – дерево): «В лесу лесорубы рубят ёлки. Завтра во многих русских и еврейских семействах будут ёлки» (224). Действительно, относительно последнего словоупотребления в данном примере («будут ёлки») можно подумать, что в эти семейства доставят соответствующие деревья. Второй же случай со всей очевидностью сводит в одной фразе, даже в одном словосочетании, слово «ёлка» в прямом значении и слово «ёлка» как троп: Фёдор «плавно рубит ёлку для ёлки в семействе Пузырёвых» (224). С похожим приёмом языкового столкновения омонимичных относительно друг друга тропа и слова в прямом значении мы сталкиваемся уже в паратексте, открывающем первую картину: «Картина первая. На первой картине нарисована ванна» (220). Первое употребление слова «картина» является тропом, поскольку включается в такой паратекстуальный сегмент, как указание на сегментацию пьесы; во втором же употреблении этот троп обыгрывается, а по сути – деконструируется в сторону актуализации прямого значения слова «картина». То же самое применительно к слову «картина» видим и в ремарке, предвещающей восьмую картину: «На восьмой картине нарисован суд» (238). Похожий процесс происходит и с ёлкой в ремарке, предвещающей вторую картину – в указании на то, что Фёдор «рубит ёлку для ёлки». Перед нами, таким образом, неразрывно-неслиянная система двух ёлок – дерева и праздника. Каждому из значений находится своё место, но важно и то, что более актуальное для заглавия и предшествующих в тексте пьесы употреблений слова «ёлка» тропическое значение начинает двигаться в сторону значения прямого.

И в песне лесорубов, которая следует сразу за ремаркой, предвещающей вторую картину, мотив ёлки возникает вновь – в лексеме «дерева»:

Деревья на конях
Бесшумные лежат.
И пасынки в санях
По-ангельски визжат. (225)

Деревом называет ёлку и Фёдор, рассказывая лесорубам о своей невесте: «Вот сейчас отвезу дерево и пойду к ней ночью» (226). То есть троп тут деконструирован полностью, даже на сугубо лексическом уровне. Между тем как только действие вновь переносится в дом, где готовились к празднику и где няня убила Соню Острову, ёлке вновь оказывается присуще тропеическое значение – в третьей картине в диалоге с Пузырёвым-отцом Пузырёва-мать слово «ёлка» использует в значении праздника: «Мы хотели детям ёлку устроить» (227). Однако потом, в следующей реплике Пузырёвой-матери, два значения – прямое и переносное – причудливо сливаются: «О это будет ёлка. Всем ёлкам ель» (227). В последнем предложении слово «ёлка» можно понять в обоих значениях, тогда как слово «ель» допускает только прямое значение дерева. И вот тут перед нами уже наглядный – на уровне приёма – пример деконструкции тропа в сторону актуализации прямого значения. И в этой картине далее лишь однажды слово «ёлка» может быть понято двояко – в вопросе Пети Пестрова: «А ёлка будет?» (228). После этого и до самого конца первого действия в слове «ёлка» актуализируется только значение дерева, то есть переносное значение исчезает в реплике Пузырёва-отца: «Я пойду погляжу не несут ли ёлку» (228) — и в ремарке, описывающей приход Фёдора и лесорубов, которые «вносят ёлку. Видят гроб, и все снимают шапки. Кроме ёлки, у которой нет шапки и которая в этом ничего не понимает» (228); в реплике Фёдора: «Вы нам сообщаете горе. А мы вам радость приносим. Вот ёлку принесли» (229). Именно в этих моментах и происходит наглядная деконструкция тропа, в результате которой редуцируется значение, явно доминирующее при формировании предпонимания заглавием: ёлка как праздник в доме превращается в принесённое в дом дерево. Некогда сформированное предпонимание благодаря такому приёму деконструкции переносного значения в сторону актуализации значения прямого оказывается если и не ложным, то отнюдь не самым главным, как казалось прежде. Но что же всё-таки получается в результате? А в результате такого опредмеченного возвращения тропа к корням и сам язык возвращается к своему исконному, дотропеическому состоянию. То есть (разумеется, в числе прочего) работа с языком в пьесе Введенского идёт через деконструкцию тропа к конструированию (а правильнее всё-таки – к реконструированию) смыслов, присущих языку (и, соответственно, миру) на самых ранних стадиях.

Это не значит, что троп «ёлка» в пьесу больше не вернётся; впрочем, само слово «ёлка» появится тут теперь не скоро – только в шестой картине. И тут, в диалоге с Фёдором в реплике служанки, «ёлка» выступит как троп: «У нас завтра ёлка будет» (234). Однако, как уже не раз было по ходу пьесы, и здесь мы можем видеть актуализацию не только переносного, но и прямого значения рассматриваемого слова. То же самое происходит и в картине седьмой – в игре слов: в реплике «мальчика 76 лет» Миши Пестрова («Сегодня Рождество. Завтра будет щёлка» – 238)

и в реплике «девочки 82 лет» Дуни Шустровой («И не щёлка а пчёлка. И не пчёлка а ёлка» – 238). Весь предшествующий контекст использования в пьесе слова «ёлка» теперь будто бы нарочито настаивает: даже там, где единственно актуальным кажется переносное значение ёлки как праздника, остаётся место и для значения прямого.

И в финале, в заключительной девятой картине, слово «ёлка», возникая неоднократно (прежде всего – в репликах детей), почти тотально предстаёт в прямом значении (что не отменяет актуализации и значения переносного, но оно явно вытесняется значением прямым):

Петя Перов (мальчик 1 года). Сейчас откроют. Сейчас откроют. Как интересно.
Ёлку увижу.

<...>

Варя Петрова (девочка 17 лет). Ах ёлка, ёлка. Ах ёлка, ёлка. Ах ёлка, ёлка.

<...>

Петя Перов (мальчик 1 года). Ёлка я должен тебе сказать. Какая ты красивая.

Нина Серова (девочка 8 лет). Ёлка я хочу тебе объяснить. Как ты хороша.

Варя Петрова (девочка 17 лет). Ах ёлка, ёлка. Ах ёлка, ёлка. Ах ёлка, ёлка.

Володя Комаров (мальчик 25 лет). Ёлка я хочу тебе сообщить. Как ты велико-
лепна.

<...>

Нина Серова И я. Ах ёлка, ёлка. Ах ёлка, ёлка. Ах ёлка. Ну вот и все. Умерла.
(241–244)

И в репликах родителей в заключительной картине актуализируется прямое значение слова «ёлка». В одной из реплик Пузырёва-отца это ель, а не ёлка, что позволяет избежать двусмысленности: «Вот ель» (242), в другой же реплике Пузырёв-отец говорит: «Откуда же солнце, когда сейчас вечер. Будем ёлку тушить» (244). В песне Пузырёвой-матери появляется стебелёк ёлки: «Один летает пчёлкой, / Другая мотыльком / Над ёлки стебельком» (243). И самая финальная реплика пьесы, реплика, тоже принадлежащая умирающей последней из всех Пузырёвой-матери, содержит слово «ёлка». Оно, кстати, является последним звучащим словом всей «Ёлки у Ивановых» и в этой сильной позиции выступает в обоих значениях: «Боже какая печальная у нас ёлка» (244). И этот последний пример показывает, что окончательной деконструкции тропа не случилось, но весь процесс этой деконструкции знаменовал собой неразрывное единство двух значений, которое, впрочем, в этой неразрывности сохраняло и автономность каждого из своих компонентов: в каждом тропе можно видеть и значение прямое; впрочем, не в каждой экспликации прямого значения сохранится значение переносное. Тем интереснее видеть случаи соседства двух «ёлок» в разных значениях, как это было в ремарке, предваряющей вторую картину – «ёлка для ёлки», и как это было (пусть и не столь очевидно, как в случае ёлки для ёлки) в реплике Пузырёвой-матери из третьей картины: «О это будет ёлка. / Всем ёлкам ель».

То есть можно сказать, что деконструкция привычного (в нашем случае к такому привычному могут быть отнесены переносные значения слов)

и конструирование на этой основе чего-то если не нового, то, по крайней мере, неожиданного в данном контексте становится у Введенского художественным приёмом, что мы и попытались показать на примере деконструкции-(ре)конструкции одного из заглавных слов – слова «ёлка», – при использовании которого в тексте причудливо сочетаются, сводятся и разводятся, актуализируются и редуцируются значения этого слова – значение прямое и значение переносное, на основе чего (в числе прочего, разумеется) и создаётся уникальный драматургический мир Александра Введенского.

Алексей Семенов

«БРАННЫЙ ПЕРЕВОД»: ОБ ИСТОРИИ ОДНОЙ КАРИКАТУРЫ

В начале января 1936 г. состоялось Первое всесоюзное совещание переводчиков, на котором с основными докладами выступали такие известные критики, литераторы и переводчики, как Иоганн Альтман, Павел Зенкевич, Михаил Смирнов и Михаил Лозинский¹. На совещании обсуждались методологические и идеологические принципы перевода, перевод на языки народов СССР, задачи переводчиков как «инженеров связи»², но, кроме этого, совещание было также событием символическим, призванным закрепить в переводческой практике расплывчатые нормы социализма.

Совещание подробно освещалось в «Литературной газете», и в третьем номере от 15 января 1936 г. появилась карикатура Алексея Радакова «К дискуссии об “Отелло”». В скобках заметим, что Алексей Александрович Радаков (1877–1942) был весьма известным художником-карикуристом, плакатином и иллюстратором, сотрудничавшим с рядом русских и советских изданий, включая «Сатирикон» и «Крокодил».

На карикатуре изображен герой шекспировской пьесы Отелло. Он стоит на сцене и обращается к сидящим перед ним на сцене критикам, которые недружелюбно на него смотрят. В руках у критиков похожие на копья писчие перья. Актер говорит следующее, при этом показывая на сидящую в первом ряду женщину, в профиле которой легко угадывается поэтесса и переводчица Анна Радлова:

Нас с Радловой любовь соединила,
Никто из вас те узы не порвет.
Она меня за м у к и полюбила,
А я ее за б р а н н ы й перевод.

¹ Совещание подробно описано в статьях Сусанны Витт (см.: Witt S. The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936 and the Ideologization of Norms // *The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia*. Oxford, 2013. P. 141–184) и Елены Земсковой (см.: Земскова Е. Стратегии лояльности: дискуссия о точности художественного перевода на Первом всесоюзном совещании переводчиков 1936 г. // *Новый филологический вестник*. 2015. № 4(35). С. 70–83).

² Слова Эзры Левонтина на заседании секции переводчиков в октябре 1935 г., отсылающие к сталинской формулировке о писателях — «инженерах человеческих душ» (см.: Witt S. The First All-Union Conference of Translators. P. 141).

Очевидно, что четверостишие принадлежит Радакову, который часто сопровождал свои карикатуры стихами собственного сочинения, и отсылает оно к фразе Отелло из третьей сцены первого действия (в современной орфографии):

She loved me for the dangers I had passed,
And I loved her that she did pity them.

Для неискушенного читателя карикатура малопонятна: почему критики ополчились на Отелло? Что за узы у Радловой и Отелло? И что за «бренный перевод»? Для ответа на эти вопросы нам надо обратиться одновременно к нескольким контекстам, важным для понимания культурной и политической ситуации 1930-х годов.

Для начала обратимся к более общему вопросу: случайно ли такое внимание именно к «Отелло» в контексте переводческой конференции? Уже на Первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. Шекспир был упомянут в числе классиков всемирной литературы, а С. С. Динамов назвал его «воздух<ом>, которым надо дышать в драматургии»³. Массовая шекспиризация достигла своего пика к концу 1930-х годов, и самой популярной пьесой Шекспира в Советском Союзе — во многом неожиданно — стала пьеса «Отелло». Сергей Радлов, один из самых плодовитых режиссеров того времени, на счету которого к 1939 г. было восемь постановок шекспировских трагедий в разных ленинградских театрах⁴, поставил «Отелло» в переводе своей жены Анны Радловой на сцене московского Малого театра (ГАМТа). Радлова к тому моменту перевела «Ромео и Джульетту», «Макбета» и «Ричарда III», и ее переводы пользовались особенной популярностью в театре как самые современные. До 1935 г. «Отелло» ставился преимущественно в переводе Петра Вейнберга, впервые опубликованном в 1864 г., поэтому неудивительно, что с момента своего появления перевод Радловой стал самым востребованным в театре⁵. Александр Остужев, игравший Отелло в нескольких постановках Радлова, в одном из поздних интервью говорил, что он без колебаний — но и не без трудностей — отказался от перевода Вейнберга в пользу Радловой, превознося его за динамизм, ясность и приземленность⁶. Итак, прояснилось дело с «узами», связывающими Радлову и Отелло, теперь перейдем к недружелюбным критикам.

Мы уже упомянули, что переводы Радловой воспринимались как революционные; переводчицу часто хвалили за ее установку на «сценическую выразительность», использование современной лексики и экспрессию. Приведем несколько примеров. Известный шекспировед А. А. Смирнов так писал о радловских

³ Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С. 449.

⁴ См.: *Ostrovsky A. Shakespeare as a Founding Father of Socialist Realism: The Soviet Affair with Shakespeare // Shakespeare in the Worlds of Communism and Socialism*, Toronto, 2006. P. 68

⁵ В апреле 1936 г. состоялась премьера «Отелло» в постановке Н. П. Охлопкова в московском Реалистическом театре, перевод для которой начал делать И. А. Аксенов, но из-за его кончины в сентябре 1935 г. перевод был завершён Ю. П. Анисимовым. Постановка попала под очередную волну критики формализма, и Охлопкову пришлось осудить собственный спектакль еще до премьерного показа. См.: *Semenko A. Ivan Aksenov and Soviet Shakespeare // The Shakespearean International Yearbook 18*. 2020. P. 21–42.

⁶ Интервью Остужева см.: *Shakespeare in the Soviet Union: A Collection of Articles*. Moscow, 1966. P. 164.

переводах в статье с характерным названием «Обновленный Шекспир» (1933): «Шекспир возрождается на русском языке. Это тот подлинный Шекспир, какого мы до сих пор не знали и не имели»⁷. По словам критика И. И. Юзовского, «Радлова сводит Шекспира с тех ходулей, на которые его поставили переводчики, режиссеры, актеры. Она хочет вернуть Шекспира земле»⁸. В «Литературной энциклопедии» в целом критическая заметка Н. Пресмана заканчивалась следующим образом: «В последнее время большую известность приобрели ее переводы Шекспира. Воссоздавая точно характер оригинала, они являются шедеврами переводческой работы»⁹. Основная критика радловских переводов касалась того, что она часто снижает и даже огрубляет Шекспира, что в конце концов стало «фирменным знаком» переводчицы¹⁰.

В целом нельзя утверждать, что огрубление текста у Радловой носит систематический характер. Во многих случаях критики так реагировали на использование Радловой современной лексики, а в иных случаях — на буквалистский (и иногда буквальный) перевод какого-либо слова или отрывка. Например, Радлова с неизменным постоянством переводила междометия «Fie!» или «Rooh!» как «Фу» или «Тьфу»¹¹, что часто приводило к диссонансу. Например, в «Гамлете», который Радлова перевела в 1937 г., Горацио говорит в переводе «Тьфу, тьфу, не явится» вместо скептического «Tush, tush, 'twill not appear», а сам Гамлет в одном из своих монологов тоже вдруг начинает «плевать»: «О, тьфу, тьфу, тьфу!» (Fie upon 't! foh!). Тем не менее, именно в радловских переводах тридцатых годов Шекспир звучал со сцены как современный сценический текст, что производило сильный эффект из-за контраста с каноническими переводами Шекспира XIX века, которые на тот момент воспринимались как безусловно устаревшие.

Были у Радловой и серьезные критики. Например, при работе над первым советским собранием сочинений Шекспира в издательстве «Academia» между переводчицей и одним из редакторов Г. Г. Шпетом, который требовал почти буквальной точности от всех переводчиков, возникали резкие дискуссии, и главному редактору А. А. Смирнову, который был хорошего мнения о переводах Радловой, часто приходилось выступать в роли посредника¹². Тем не менее, самым жестким критиком Радловой выступил Корней Чуковский. Приведенные ниже цитаты взяты из книги «Высокое искусство», которую Чуковский перерабатывал и выпускал в разных

⁷ Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы. М.; СПб., 2013. С. 702.

⁸ Цит. по: Русские писатели. XX век. Библиографический словарь. Ч. 2. М., 1998. С. 251.

⁹ Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 9. Стб. 501–502.

¹⁰ Ср. слова Немировича-Данченко: «Только после революции переводы дошли: “Батюшки, какой он грубый, Шекспир!” <...> Это привело Радлову к таким резкостям, она отлично схватила. Но как всегда, новое несколько преувеличивается»: *Немирович-Данченко В.* Мысли о сценическом воплощении «Гамлета» // Шекспировский сборник. М., 1967. С. 238.

¹¹ Междометие «fie», хоть и означает (легкое) отвращение или смятение, не тождественно русским «фу» или «тьфу».

¹² См. переписку между А. Смирновым и Г. Шпетом и А. Радловой и А. Смирновым в кн.: Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы. М.; СПб., 2013.

редакциях на протяжении почти 40 лет и в которую вошли многие его статьи и доклады тридцатых годов. Радлова безусловно знала об отношении Чуковского к ее переводам.

Приведенные выше слова Отелло, к которым отсылает карикатура, в переводе Радловой выглядят следующим образом:

Она за бранный труд мой полюбила,
А я за жалость полюбил ее.

Чуковский сравнил перевод этих строчек с переводом Вейнберга, назвав его «одной из самых блистательных удач» последнего:

Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье к ним.

Далее Чуковский разбирает этот пример как один из характерных для стиля Радловой в целом:

Радлова перевела это двустишие так:

Она за бранный труд мой полюбила (кого?),
А я за жалость (к кому? к чему?) полюбил ее.
<...>

Выбросив слово *меня* и загнав слово *ее* в самый дальний участок строки, переводчица тем самым совершенно разрушила структуру двустишия. К тому же во второй строке ею допущено новое искажение смысла: Отелло полюбил Дездемону не за то, что Дездемона вообще была жалостлива, а за то, что она пожалела *его*. Отелло так и говорит: перенесенные мною испытания (*dangers*) вызвали в ней нежное сочувствие.

«А я полюбил *ее* за то, что она чувствовала сострадание к ним».

Выбросив слова «к ним», Радлова навязала Дездемоне несвойственную ей беспредметную жалостливость.

Здесь дело не только в затемнении смысла, но и в уничтожении живых интонаций.

Ведь если каждый актер принужден говорить, как астматик, какая может быть свободная дикция в его задыхающихся, конвульсивных, прерывистых выкриках?¹³

Кроме упреков в затемнении смысла и «астматических выкриках», Чуковский обвинял Радлову в том, что она превращает шекспировский язык в «культяпки человеческой речи»¹⁴ и сильно огрубляет его: «[критики с]читали, что эта грубость есть одно из надежных ручательств правдивости и точности перевода <...>. Порой она [Радлова — А. С.] гораздо грубее Шекспира»¹⁵.

Кстати заметим, что не у одной Радловой были трудности в поисках более удачного перевода этого двустишия, чем у Вейнберга. Для примера можно сравнить перевод Радловой с более поздними переводами Пастернака (1945), Лозинского (1954) и О. Сороки (2001), выполненным в постсоветскую эпоху. Перевод Лозинского был снабжен комментарием:

¹³ Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1964. С. 180–181. [Выделено автором. — А. С.].

¹⁴ Там же. С. 176.

¹⁵ Там же. С. 189–190.

Я стал ей дорог тем, что жил в тревогах,
А мне она — сочувствием своим.*

* Буквально: «Она полюбила меня за опасности, которые я перенес».

У Пастернака:

Я ей своим бесстрашьем полюбился,
Она же мне — сочувствием своим.

Сорока (2001) предпочел пожертвовать афористической формой для более полной передачи смысла:

Полюбила
Она меня за пройденное мною:
Сражения, опасности. А я —
Я полюбил ее за состраданье.

Возвратимся к карикатуре. Итак, вторая часть четверостишия Радакова отсылает одновременно к двум переводам — Вейнберга («Она меня за муки полюбила») и Радловой («Она за бранный труд мой полюбила»), — обыгрывая двусмысленное слово «бранный» как «относящийся к войне» и «ругательный», что, в свою очередь, отсылает к репутации Радловой как переводчика Шекспира.

Интересно, что на самом совещании переводчиков шекспироведческие вопросы специально не обсуждались; по крайней мере, такая дискуссия не была зафиксирована ни в отчете, ни в статьях, опубликованных в «Литературной газете». Карикатура Радакова — единственный намек на то, что в середине тридцатых годов эта тема была актуальной, но еще не такой политизированной, как в начале сороковых.

В заключение напомним, что после первого совещания переводчиков многое поменялось в судьбе его участников: Пастернак, который был назван одним из лучших советских поэтов и переводчиков, вскоре попал в опалу; один из организаторов совещания П. Б. Зенкевич был арестован в том же году, а имя Радловой, несмотря на ее огромную популярность в тридцатых годах, было практически стерто из советского литературного канона. А причиной тому было то, что во время войны театр С. Радлова оказался на оккупированных территориях и был вывезен в Германию, а потом во Францию. После окончания войны Радловы вернулись в СССР, были арестованы и получили по десять лет лагерных работ. Радлова умерла в лагере в 1949 г.

Борис Равдин

К ВОПРОСУ О ДВЕРНЫХ, КОРИДОРНЫХ, КУХОННЫХ И ПРОЧ. КРАТКИХ ЗАПИСКАХ (Г. ТУПИЦЫН — Е. ЛЕЙЛАНДЕ)

Выпускник Московского университета по естественно-математическому факультету (1909 г.) и Петровской сельскохозяйственной академии (1912 г.), вольнослушатель Цюрихского университета и политехникума (1905–1906 гг.), преподаватель Московской практической академии коммерческих наук и других учебных заведений Геннадий Иванович Тупицын родился в 1885 г. в семье инженера-механика (он же — отставной подпоручик, выходец из казанского купечества) Ивана Николаевича Тупицына и Екатерины Васильевны Корякиной (из крестьян, по специальности — акушерка). Осенью 1917 г. в университете Шанявского Г. Тупицын (далее Г. Т.) познакомился со своей будущей женой, уроженкой Лифляндской губернии Алисой-Гертрудой — Анной Яновной Крастынь (1895 г.р.; на 1944 г. — помощница фармацевта). Весной 1919 г. Г. Т. вместе с женой оставил Советскую Россию и переселился в Латвию, где с 1919 г. преподавал естественные науки и географию в разных рижских школах, главным образом — в так называемой «ломоносовской гимназии»; в 1935 г., с закрытием этой гимназии (школы), он был отправлен на пенсию. С 1935-го по 1940-й г. Г. Т. служил по разным ведомствам; в 1940 г., с приходом новой власти, снова был призван к преподаванию. В годы немецкой оккупации Г. Т. учительствовал в русской гимназии в Риге; помимо школьного жалованья, в условиях оккупации ему положена была и небольшая пенсия. После войны Г. Т. около 15 лет продолжал свою педагогическую деятельность в Латвийском университете, школах и других учебных заведениях в роли преподавателя русского языка и других дисциплин, в том числе, если не ошибаемся, преподавал он и на латышском языке¹.

В браке Геннадия Ивановича с Алисой Яновной родились три дочери, в их именах отразились интересы Г. Т. как географа, естествознателя, лингвиста и т. д.: Софья-Эсперанта-Вероника (1918 г.р.; она же — Виви, Диана); Ливия-Латвия-Дуа (1920 г.р.) и Триа-Иманта²-Хлорофилла (1921 г.р.; она же — Тришка или Тришкин

¹ Г. Т. освоил латышский настолько, что даже выступил в роли переводчика учебной литературы: (Природоведение и сельское хозяйство: курс 3 класса основной школы. Составлен группой преподавателей под редакцией Я. Варсберга / Перевод с латышского Т<упицына> Г<еннадия>. Рига, 1937; 1939) и составителя «Краткого русско-латышского словаря» = *Isā krieviski-latviskā vārdnīca*. Rīga, 1945. Во второй половине 1940-х гг. Г. Т. — сотрудник географической и сельскохозяйственной терминологических подкомиссий АН ЛССР.

² Иманта — окраинный район Риги.

кафтан)³. В 1944 г. жена и дочери Г. Т. покинули Латвию вместе с отступавшей немецкой армией. В одном из своих (неотправленных?) писем 1963 г. Г. Т. писал: «Допустим, что я действительно жесток и зол. <...>. Я же не простился с Алисой, когда она навсегда уезжала от меня после двадцатисемилетней совместной жизни со мной»⁴. Надо полагать, решение жены покинуть Латвию и забрать с собой дочерей ввиду приближения Красной армии к Риге Г. Т. не одобрил. Но в его архиве сохранилось несколько писем из эмиграции от жены (скончалась в США в 1984 г.) и многочисленные письма дочерей.

Помимо корреспонденций от жены, дочерей и внуков, в архиве Г. Т. отложилась значительная часть переписки семьи Тупицыных с середины XIX века, письма его коллег, учеников по Московской практической академии (в том числе академиков М. М. Дубинина, Е. Н. Мишустина, В. И. Спицына), дальних и близких знакомых. Кроме писем (не менее тысячи), архив Г. Тупицына содержит разного рода материалы, связанные с его преподавательской деятельностью, его увлеченностью фотографическим искусством, разные доказательства его путешествий в начале века в САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты), Венецию, Швейцарию — карты, билетки, счета, рекламки, записи ежедневных расходов за 1950-е и другие годы... Не позднее 1952 г. Г. Т. начал записывать свои воспоминания и размышления, последние наброски относятся к 1964 г. В воспоминаниях много внимания уделено гимназической (3-я московская гимназия) и университетской жизни, даны портреты ряда учителей, профессоров и приват-доцентов Московского университета — М. И. Голенкина, М. А. Мензбира, А. П. Павлова, А. Н. Реформатского, С. Н. Трубецкого, других лиц⁵.

На каком-то этапе знакомства с архивом Г. И. Тупицына возникает представление, что ничего бумажного он никогда не выбрасывал или почти не выбрасывал, в особенности дорожил многочисленными справками в нотариально заверенных копиях.

³ Полагаем, что Г. Т., убежденный атеист, дал своим дочерям эти несколько изысканные имена и с тем, чтобы не следовать месяцеслову.

⁴ Ср. выдержку из другого (неотправленного) письма от августа 1952 г.: «И уж совсем скандал: перед расставанием навсегда, на пристани, у парохода, жена не сказала мне “прощай” и не подала руки. Впрочем, была в это время большая сутолока, и она “может быть” меня “потеряла из виду”».

⁵ В воспоминаниях Г. Т. находим рассказ о его неудачной попытке участвовать в траурных проводах Л. Толстого, о случайной встрече с Толстым: «Она произошла приблизительно в 1900 году, когда я учился приблизительно в 7-м классе гимназии в Москве. Я и брат мой Борис [1884–1960, Москва; художник, учитель рисования; в его сохранившихся поздних письмах в Ригу много деталей московской художественной жизни разных десятилетий], тогда тоже гимназист, но классом старше меня, приехали в гости к товарищу нашему Сереже (Сергею Александровичу) Чернцову на Девичье поле. Втроем мы вышли прогуляться на улицу. Кругом некоторое время никого не было видно. Но вдруг навстречу показался великий старец. Он шел один, в характерной для него шапочке (в виде мягкого цилиндра). Я, может быть, и не обратил бы на него внимания, но Сережа, живший неподалеку от Толстого и видевший его много раз, довольно громко сказал: “Вон Толстой идет!” Я вздрогнул от наплыва самых неопределенных чувств, скорее всего, от непонятого страха. Мне даже казалось, что я побледнел. Борис же, наоборот, густо покраснел, по-видимому, переживая тоже нелегко эту знаменитую для нас встречу. И только Сережа, глядя на Толстого с каким-то не то удалством, не то озорством, сплонул на тротуар, несомненно, так демонстративно, что Толстой это, конечно, заметил. Но Толстой не реагировал на эту грубую выходку Чернцова. Совершенно не меняя выражения лица, несколько сурового, он только посмотрел на нас спокойно и прошел мимо. Лишь спустя некоторое время, Борис с волнением спросил: “Что ж ты плонул? Не мог подождать, когда Толстой удалится?” Чернцов же пробурчал что-то вроде “Не люблю я его!”».

Переписка шла и в годы оккупации, сохранилось более двух десятков писем и открыток тех лет, в том числе с марками, на части которых представлен профиль Гитлера (не каждый готов был держать дома такого рода «артефакты»). Сохранились и рабочие классные журналы оккупационного времени — с именами и адресами учащихся, разного рода пометами — ценный источник для реконструкции жизни русской школы периода немецкой оккупации.

А вот небольшая картонная коробка, содержащая стопку бумажек — в пол-листа и менее, вплоть до ширины в два-три пальца. Что же это за бумажки-листки такие?

Жиличкой Г. Т. в его рижской квартире в Задвинье (латыш. *Pārdaugava*) по ул. Волгунтес, 10 — 2 не позднее конца 1940-х гг. оказалась Елена (Хелена) Бруновна Лейланде (далее: Елена Лейланде и Е. Л.), 1916 г.р., Кишинев — не ранее начала 1990-х гг., г. Стучка (Айзкраукле. Латвия), художник-график, ретушер, художественный редактор, выпускница Академии художеств (Рига, 1947). Между ответственным квартиросъемщиком и квартиранткой завязалась «деловая» переписка (дрова, электричество, очереди, молочница), постепенно трансформировавшаяся в личную. Г. Т., по своей страсти к архивированию любых бумажек, частично (полностью?) сохранил эти записки Е. Л., сочетавшие в себе не только историю взаимоотношений между Г. Т. и Е. Л., но и очевидные приметы времени. Своими наклонностями «собирателя» Г. Т. заразил и Е. Л., во всяком случае, сохранились аналогичные записки и со стороны Г. Т.

Понятно, что в течение полутора десятков лет записки эти, как правило, набрасывались на бегу, наскоро, чаще всего перед уходом из дома, оставлялись где-нибудь на видном месте, скажем, на кухонном столе или кухонном буфетике, пригвождались к плоскости сахарницей или трехстворчатым прибором для специй рижской фабрики Кузнецова. Записки такого типа подсовывались под дверь, кнопились на косяки, закладывались в какую-нибудь щель, в «дупло», выводились на замороженном окне, на отуманенном стекле, на пыльной дверце автомобиля, на мокром песке, выцарапывались на бересте или другом материале, накальвались на что-то острое (гвоздик), вытаптывались на снегу, выкашивались на лугу, карябались мелом на заборе, напылялись баллончиком, придавливались магнитиком на холодильник, выжигались газовой горелкой, оставлялись кровью на стене тюремной камеры и т. д. Характер записки, ее стилистические особенности, помимо авторской воли, демонстрирует способность текста такого рода к сужению/расширению плана содержания — в зависимости от материала, «пера и чернил», места установки... Содержащаяся в них информация носит не только прикладной, оперативный характер, но нередко и «вечный», с тем или иным коэффициентом эмоционального наполнения.

Публикуемые ниже строчки, на наш взгляд, преимущественно принадлежат к разряду «столовых, комбинированных».

Геннадий Иванович скончался летом 1966 г. Его обширную переписку еще несколько десятилетий поддерживала его жена, она же хранила его архив, представительная часть которого — публикуемые ниже «кратки», ранние из которых можно отнести к концу 1940-х — началу 1950-х гг., поздние обозначены 1961 годом.

Большая часть записок не датирована. Предложенная нами последовательность задана разного рода ориентирами, один из которых — представление публикатора о динамике развития взаимоотношений между Г. Т. и Е. Л. (Т.) Незначительная часть записок, в том числе со стороны Г. Т. переходящих в письма, из разных соображений опущена публикатором.

Как правило, записки Е. Л. и Г. Т. учинены карандашом; в двенадцати эпизодах цветным (красным), из коих восемь принадлежат Г. Т.

В четырех случаях использована пишущая машинка (2:2).

Со стороны Е. Л. в большинстве случаев текст нанесен на белую с желтоватым оттенком бумагу (из альбома для рисования?); Г. Т. преимущественно пользовался бумагой в разнообразную клеточку и линейку (в том числе косую), оборотками бланков.

Курсивом даны записки Е. Лейланде, прямым шрифтом — Г. Тупицына.

Датировка в квадратных скобках — руки Г. Тупицына, подчеркивания в тексте записок принадлежат их авторам.

Перевод с эсперанто — В. К. и др. лиц.

Архив Г. Т. (в том числе и его воспоминания) хранится в библиотеке Латвийского общества русской культуры в Риге, куда он был передан П. В. Тихомировым и В. А. Тихомировой (урожд. Круглевской); см. о них на сайте «Русские Латвии» (<http://www.russkije.lv/>).

О Г. Т. см. справку Т. Фейгмане на указанном выше сайте (<https://www.russkije.lv/ru/lib/read/g-tupicyn.html>).

Благодарим М. Желве и Э. Секундо за помощь в работе.

* * *

1

Стучите сильней!

2

Елена Бруновна!

Прошу извинить, если оказал медвежью услугу: затопил, топил, но не дотопил.

Должен спешить на заседание.

16 ч<ас.> 15 м<ин.> пополудни. 3 дек<абря>.

Г. Т.

3

Геннадий Иванович! Никто чужой не был — это я ходила. Утром не было тока⁶. В надежде, вот-вот загорится электричество, нас продержали до 11. В 3 часа опять на работу.

Е. Л.

⁶ Перебои с электроэнергией — одна из черт послевоенного времени.

4

Геннадий Иванович! Если Вас не очень затрудняет, прошу Вас позвонить в нашу типографию и сказать, что я больна и завтра уже прийду на работу.

Телефон типографии — 26191.

Как только Вам откликнутся, то Вы попросите 27 (это номер нашего цеха).

Очень Вас прошу. Если хоть сколько-нибудь это возможно.

Я знаю, Вы, так же, как и я, не любите звонить по телефону.

Е. Л.

5

Я взяла у Вас половину листа розовой бумаги из ящичка в буфете. Постараюсь отдать. Если не такой, то похожий.

6

Елена Бруновна!

Будьте добры закрыть трубу и воспользоваться протвинью [так!] для сушки хлеба маме.

Весь Ваш Г. Т.

7

Аннушка⁷ просила передать, что если она не будет сегодня, то она стоит в очереди за мукой⁸.

8

Не забудьте, Геннадий Иванович, что, может быть, завтра привезут дрова.

9

Елена Бруновна!

Если хотите, возьмите, пожал<уйста>, хлеб (белый), что лежит на столе.

Пережил ужасные перспективы: затопил Вашу-нашу печку столь поздно, ч<то> пришлось оставить недотопленной и позорно бежать на станцию. Будьте добры, закрыть ее и плиту.

Навсегда Ваш Г. Тупицын.

10

Геннадий Иванович! Это Вам на ужин.

Молоко новая молочница не сможет носить — она меняет корову.

Л.

⁷ Аннушка — приходящая «прислуга», с оплатой в 100–110 руб. в месяц (1952 г.).

⁸ Еще одна примета послевоенных лет.

11

Елена Бруновна!
 Это сахар из Болдерая⁹ для Вас.

12

[7.II.1952.]

Геннадий Иванович! У нас ужасные дни — сегодня собрание, а завтра «О международном положении», и я боюсь, что Вас не увижу.

Кроме этого, по-новому, по четвергам занятия в студии, а пятница для собраний в Союзе Худ<ожников>.

Не знаю, как быть с ванной. Я завтра как уйду в ½ 8, то буду обратно ½ 11 вечером. Не будет ли поздно для ванны?

Если хотите что-нибудь сказать об этом, то напишите, пожалуйста.

Спасибо за хлеб. Спасибо за печку.

Я Вашу печку не топила, а нагревала комнату из моей. Было сейчас у Вас 16°.

Закройте, пожалуйста, дверь в мою комнату. Я уже засну.

Спокойной ночи!

Е. Л.

13

[11.II.52.]

Геннадий Иванович! Не ходите с больной ногой в сарай!

Пожалуйста, пожалуйста!

14

Геннадий Иванович! Я все-таки еду. Очень прошу Вас взять мне билет Рига — Лигатне [Лигатне — поселок в Латвии]. Отходит этот поезд около ½ 7.

Всего хорошего!

Л.

Постарайтесь сегодня не так много ходить.

15

Геннадий Иванович!

Если пойдете на Ханзас [Ханзас — улица в Риге], № 2а, то спросите, пожалуйста, насчет рисовальщицы, если такая еще нужна. Что за работа? Штучная или по часам на месте? Можно дома работать? Что за жалованье? От скольких до скольких работать?

Если место свободно, и что-нибудь хорошее, то скажите, что я завтра зайду.

Всего хорошего!

⁹ Болдерая (Bolderāja) — предместье Риги, где с сент. 1950 г. по июль 1952 г. Г. Т. преподавал географию, биологию, физику, логику и русский язык в Вечерней общеобразовательной школе Дома офицеров флота.

Буду, наверно, поздно дома.

Л.

16

С любовью и страхом преподношение от верного поклонника.

17

Геннадий Иванович!

Большое спасибо за овсянку!

Сегодня буду поздно домой! Посуду не мойте — я прийду и вымою вместе с моей.

Как здоровье????????????????????

18

Геннадий Иванович! Я нашла в духовке Вашу гречневую кашу и отправила ее в кладовку. Вы, наверно, про нее забыли. Вчера Аннушка говорила мне, что варила кашу мягче, чтоб Вам легче было ее есть.

Оставляю половинку моего горе-кулича¹⁰. На завтра не оставляйте — делается совсем твердым и сухим. Можно его крошить в молоко — будет вкусно¹¹.

Спокойной ночи!

¹⁰ Пасха 1952 г. приходилась на 20 апреля.

¹¹ Отметим, что отец Е. Л. (Бруно Теодорович Лейландс, инженер-архитектор) — лютеранин; мать — Мария Яновна (урожд. Лиепиня), выпускница Дерптского (Тартуского) университета, филологический факультет), — православного вероисповедания.

Полагаем, что предложение Е. Л. оставило Г. Т. в некотором раздвоении — в силу своего последовательного атеизма он не должен был отозваться на предложение вкушать пасхального хлеба, но и отказать Е. Л. он не мог. Пришлось найти примиряющую «небо и землю» форму благодарности (см. записку № 18 и отчасти № 19).

В связи с категорическим вероотметством Г. Т. см. выдержку из его воспоминаний (не без использования толстовского «остранения»): «С богами у меня как-то всегда не ладилось. Не говорю уж о том, что еще когда я был совсем младенцем, пришли из церкви разные дяди, чтобы меня “октярить”, по-тогдашнему, крестить, и без всякого согласия с моей стороны схватили меня совсем голого и окунули в воду. Я и фырчал и пыхтел, и чуть не захлебнулся, но на это никто не сетовал и даже люди эти улыбались. Но прошло много лет — около 27 (?), а меня все не оставляли в покое. А это смущало не только меня, но и кое-кого другого. Так, когда я был классным наставником в Московской практической академии коммерческих наук, я обязан был, войдя в класс на I урок, остановиться столбом и приказать дежурному: “Читайте молитву”, а в конце последнего урока приказать опять прочесть молитву, только уже молитву благодарственную, начинавшуюся словами “Благодарим тебя, создателю, яко сподобил еси нас благодати твоея”, и через несколько слов “благослови наших наставников, родителей и учителей, ведущих нас к познанию блага” и проч. <...>.

Чтобы избежать этой комедии с молитвами, я старался в конце урока отвлечь внимание класса каким-либо сообщением о поведении или еще чем н<ибу>дь. И ученики, уже не дожидаясь, что я прикажу читать молитву, спешно расходились домой.

Это заметили ученики и как-то спросили учителя закона божия: “Батюшка! А почему Геннадий Иванович не молится?”. Батюшка отделался хитрым ответом: “Молитесь за Геннадия Ивановича!”.

Интересно, что лет через 10–15 (?) молитвы перед учением и после учения ввели для слушателей Русских правительственных педагогических курсов [в межвоенной Латвии]. И — о, позор! — все студенты и студентки ревностно исполняли это предписание русского отдела Министерства образования Латвии: молитвы читались и перед первой лекцией и в конце последней. Я преподавал на этих курсах естествознание и нередко

19

Миленькая четвертушечка!

С любовью и низким поклоном прошу переправить оставленные при сем фунтики Валерию Бруновичу¹².

За божественный кулич чертовски громадное спасибо! (Курсив наш. — Б. Р.)
Ваш Тантал.

Юрьев день¹³

20

Милая, золотая!

Не хотите ли оказать честь оставленному здесь хлебу и скушать (съесть) его: соответственно Вашей натуре, он очень мягкий.

До мозга костей Ваш Я.

21

Самый симпатичный на свете воробышек!

Вчера я забыл сообщить Вам важную новость, которая, мне думается, Вас заинтересует: я достал для Вас дрожжи и положил их на Вашу полку, но какая-то безжалостная рука переложила их на окно, до которого Вы не доросли достаточно¹⁴, чтобы разглядеть эти вышеупомянутые дрожь-жи.

Это, во-первых. А во вторых, считаю приятнейшим долгом объявить Вам, что сегодня я, кажется, смогу водвориться и «квартириться» довольно рано (часов около семи пополудни) и оставаться в Вашем полном распоряжении до часов двенадцати пополуночи.

Вдребезги радостный Люсенькин.

22

Геннадий Иванович! Пожалуйста, пожалуйста, кушайте творог. Я все приготвила. Со сметаной смешала. Лучок мелко-мелко нарезала. Теперь только ешь.

И конфетка на сон грядущий!

Л.

читал то на I, то на последней лекции. Студенты знали мое унастроение, и некоторые из них явно хотели заставить молиться и меня. Поэтому я начинал лекцию тотчас по входе в класс и уходил из аудитории тотчас по окончании своей лекции. Позже я слышал, что более религиозные обошли меня тем, что давали мне, кончив лекцию, выйти из аудитории, а сами задерживались и читали молитву. А если моя лекция была по расписанию первой, студенты читали молитву перед учением, еще до моего прихода в аудиторию. Такой маневр применяли до самого закрытия Педагогических курсов. Таким образом, и волки (боги) были сыты и овцы (студенты) сыты».

Любопытно, что при всех своих антирелигиозных убеждениях, Г. Т. выдавал прислуге «праздничные» (25 руб.) не только на Новый год, но (согласно семейной традиции?) и на Пасху, причем слово «Пасха» писалось им с прописной (см. помету за 8 апр. 1952 г. в его Записной книжке).

¹² Брат Е. Б. Лейланде.

¹³ Юрьев день — 23 апреля (по старому стилю).

¹⁴ Рост самого Г. Т. — 1,94 см.

Завтра опять поздно буду. Не увидимся. Сегодня весь день бегала. Устала. А завтра опять. Как сошел Ваш экзамен???

23

В музей сегодня, я думаю, не пойдем. Если Вы хотите, Геннадий Иванович, и можете, то пойдёмте на «Пржевальского»¹⁵.

Постараюсь быть дома раньше.

24

Милая каплюшечка!

Спасибо от всех четырех камер моего сердца за Ваши трогательные заботы о моем чреве и зубах. Премного усладился. Не могу даже изъясняться устно: проглотил язык вместе с луком, творогом и вкусовыми сосочками.

Сочинение написали так здорово, что сам Горький от зависти во гробе перевернулся.

Целую $(n + x)^2$ раз.

T<антал?> Т.¹⁶

25

Геннадий Иванович! Оставьте, пожалуйста, Ваш воротничок пришить. На вешалку повесьте. Я завтра утром. Воротничок, который Аннушка выстирала, у меня. Если надо, возьму.

Спокойной ночи!

Л.

Новая «Звайгзне»¹⁷ на столе у Вас. Кое-что есть в ней.

Творог на Вашей полке в кладовке.

26

Мой миленький цветочек! Спасибо за витаминнейшие блюда и за скорую игольно-ниточную помощь.

Прошу «докончить» пришивание воротничка, а чистый теперь не пришивать.

Очень жалею, что нельзя пришить чистые мозги: старыми препаршиво соображаю.

Целую миллион раз.

T<антал?> Т.

¹⁵ Фильм С.Юткевича, вышедший на экраны в начале 1952 г., мог быть интересен Г.Тупицыну-географу, в 1911 г. проведшему около полугода в Средней Азии на гидротехнических работах.

¹⁶ Ранее 23 марта 1952 г. Г.Т. сделал Е.Л. предложение, в ответ на что колеблющаяся Е.Л. усомнилась в юридическом праве Е.Т. на таковое — ведь еще не расторгнут его брак с предыдущей женой. Из неотправленного письма Г.Т. от 23 марта 1952 г. к матери своих троих детей следует, что Е.Т. просил первую жену «освободить» его от брачных уз и в дальнейшем прекратить переписку. Насколько можно понять, рижский ЗАГС пошел навстречу Г.Т., и брак был расторгнут без соответствующего согласия американской супруги.

¹⁷ «Zvaigzne» (латышск.) — иллюстрированный журнал.

27

Мой маленький цветочек!
 Как мое здоровье????????????????????
 На пятерку!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»
 Особенно, если смотреть на меня сзади.....
 Тантал.
 С поцелуями и с благоговением.

28

16. IV.1952. ½ ночи.
 Моя маленькая половиночка!
 Так как министерство прогнозов погоды предсказывает на завтра нестерпимую жару, я снова вытащил Вашу шубу. Пожалуйста-распрепожалуйста, наденьте ее завтра в Ригу, чтобы не простудиться и не загубить своего здоровья, драгоценного для Вашего Тантала.

29

Милюсенькая Ленюсенька!
 1) посылаю 1 000 поцелуев,
 2) утащил Вашу сковородку — завтра верну.
 3) Вода во всех кувшинах, ведрах, тазах мокрая, текучая, пресная, но не кипячая, так что для наружного употребления, и [так!]
 4) еще 1000 поцелуев.
 Т<антал?> Тупицын

30

7 апр. 1952.
 Миленькая,
 Маленькая,
 Крошечная,
 без 5 минут женушка¹⁸!
 Оставляю посильный перевод данного Вами текста.
 Боюсь, не вышло бы так же, как у Райниса, только с другой стороны¹⁹.
 С глубочайшим почтением и реверансом Ваш раб.

31

Да освятит сия лампа моему миленькому маятничку неясное для него будущее!
 Да послужит Майя новым одеянием для мятущейся души и даст ему навсегда твердое майское настроение!

¹⁸ Совместное заявление Г. Т. и Е. Л. на регистрацию брака было подано 27 апреля 1952 г.

¹⁹ Я. Райнис занимался переводами на латышский язык Пушкина и Гоголя, он — автор пьесы «Илья Муромец».

32

21. V. 1952

Да освятит сия лампа моему миленькому маятничку неясное для него будущее!
Да послужит Майя новым одеянием мятущейся совести и да даст ей навсегда
твердое майское настроение!

Да будет этот белый батист символом нашего совместного светлого будущего!

33

Да хранит сей носок левую пяточку моей женушки самым верным, надежным
образом.

34

Пускай и этот носок так же верно, достойно моей жены, ограждает ее правую
пяточку от всяких возможных на свете невзгод: гвоздя в каблуке, торчка в полу
и даже... укусов блохи.

35

И еще один охранник: правой голени, столь вкусенькой на вид, от жадных взо-
ров Его.

36

Еще один охранник левой голени Е. В. Б. Т. от аппетитных взглядов кое-кого.

37

Представитель МГБ
для безупречной охраны самых лакомых мест: восточного и западного полушарий
с одной стороны и Центральной Латвийской возвышенности — с другой.

Как я ему завидую!

38

*Геннадий Иванович! На столе первый урожай с моей грядки: анютины глазки.
Пока больше ничего нет. Чуть, чуть вылезает лучок зеленый. Боюсь за душистый
горошек. По огороду расхаживают голуби. И откуда они взялись! Чтобы только
не повытаскивали ростки, когда те покажутся из-под земли.*

*Первый урок практически окончился. Прошу уважаемого преподавателя дать
оценку²⁰.*

39

Геннадий Иванович! С добрым утром!

²⁰ Г. Т. не только преподавал естествознание, но и являлся автором следующих работ: Учебник анатомии и физиологии растений: руководство для средних школ и для самообразования. Рига, 1924; Неживая природа: учебное пособие по природоведению для основных школ. Рига, 1926.

*Если я сегодня прийду позже, не волнуйтесь. Обедайте один. Меня не ждите.
А то силенки убавятся.*

*У двери Ваша рубашка. Ее гладила, миленькую. И пропавший воротничок.
Всего хорошего! Головушку вверх! Сегодня день прекрасный и притом суббота — наш самый любимый день.*

Целую пчелки²¹.

Л.

40

Геннадий Иванович! Не сердитесь! Я юркнула совсем под одеяло. Наверно перемерзла у Ботанического сада, ожидая.

Целую пчелки!!!!!!!!!!!!

Л.

41

Солнышко серебристое! Аннушка просила передать, что Вам на ужин в кастрюльке на плите манная каша. Ее надо есть вместе с рабарберовой²² подливкой, которая находится в кладовке на полке.

Я стащила у Вас лекарство от простуды.

Сильно болит горло и t° 37,5 °

Боюсь завтра заболеть.

Надеюсь, что все-таки утром буду в вертикальном положении.

Целую пчелки и серебристую шевелюру!

Спокойной ночи!

Л.

42

Солнышко серебристое!

Рыбка на полке в кладовке. Не хотела оставить на столе в теплой кухне.

Билеты-задачи кончила печатать. Проверила. Неважно вышло. Это первый блин²³!

В носках заштопала крохотную дырочку.

Садик засадила. Водой заполнила все обычные посудины.

½ II — иду спать. Спокойной ночи!

Л.

43

Милому детуסיку спасибо в каждую антенночку отдельно и во все вместе оптом!

²¹ Пчелки — глазки?

²² Рабарбар, рабарбер — ревеня.

²³ В 1950–1956 гг. Г. Т. числился лектором-почасовиком практического русского языка в Педагогическом институте (Рига). Вероятно, билеты-задачи предназначались для этого учебного заведения или для какой-нибудь из рижских школ, где Г. Т. преподавал в начале 1950-х гг.

Жалею, что не бывает выставок заштопанных дыр. Тогда жена моя получала бы призы каждый раз, а я бы инкассировал их.

Тантал Аленушкин.

44

Милюсенький Ленюсик!

Получил нотариальное удостоверение в том, что одна жена — у меня пропащая, а другая — наоборот²⁴. Рассчитываю сегодня это доказать документом, если выпустят в божеское время.

До умопомрачения Ваш, т. е. Ленин.

45

Миллиардчик поцелуйчиков!

46

Жене вменяется в обязанность приготовить терпение для миллиона поцелуев мужа. Во как!

47

Тупицын сдал 17. VI анкету для регистрации брака с Лейланд. (Подписи Лейланд на анкете не было).

Лейланд и Тупицыну назначено прийти для регистрации в ЗАГС 24 VI.

48

1952. 17 июня. Документ получил²⁵.

Поезд отходит в 2 часа 10 минут. Высадка в Торнякалнсе²⁶.

Геннадий Сверхсчастливец.

49

Распремиленькая без 3х минут жenuшка!

У Эвалда я нашел оставленные здесь Вам для прочтения книжицы. Думаю, что их далеко не бесполезно прочитать, особенно книжку «Erotika» — Ausejs'a, впрочем, я не читал сам, но слышал похвальные отзывы с разных сторон. Пусть тематика этих книг немножко отдает какими-то «таблицами» любви, какой-то теорией чувств, но все же и они могут помочь²⁷.

Ваш пламенный Шершень.

²⁴ Судя по записи в записной книжке, 9 мая 1952 г. Г. Т. уплатил 5 руб. госпошлины за «удостоверение о известном отсутствии жень».

²⁵ Возможно, речь идет о выданном ЗАГСом оповещении с предстоящей дате бракосочетания Г. Т. и Е. Б.

²⁶ Торнякалнс — район Риги.

²⁷ Указанное Г. Т. издание нами не обнаружено. Возможно, имеется в виду: *Ausējs L. Grāmata par laulību: laimīgas laulības dzīves problēmas*. Rīga, 1940. [Книга о браке. Жизненные проблемы счастливого брака.]

50

Г.Тупицину. 18 отд., 9 комн.

16.VIII. 52.

Дорогой Геннадий!

Сижу в бюро пропусков.

Какая досада!!!

Забыла пропуск. Не можешь ли Ты через дежурную сестру устроить так, чтобы я попала к Тебе.

Выходить самому к забору Тебе нельзя, т. к. очень холодно.

Может быть, деж<урная> сестра позвонит в бюро справок.

Я жду или ответ или что-нибудь другое²⁸.

Лена

51

Ножницы чернослив поцелуйчики клеенка и еще поцелуйчики сыр и еще и еще поцелуйчики.

52

12 окт. 1952. Говорит Рига! Рижское время 12 час<ов> 30 минут...

Вот уже > месяца как я дома. До выхода из больницы думал, ч<то> с недельку «погуляю», а потом пойду на уроки... Увы!

53

Милый Герман! Буду ждать тебя на Канавке сегодня в 12 часов ночи.

Тогда мне останется умереть!

В конце месяца будет солнечная погода.

Я в конце месяца выхожу замуж²⁹ — так сказала моя подруга.

[Далее опускаем некоторое количество записок за последующие годы и переходим к последним сохранившимся посланиям. — Б. Р.]

54

Мой предметик роскоши! Грей обед и кушай на здоровье! Желе не забудь.

Vonvolu manĝu!³⁰

²⁸ С 18 июня по 5 сент<ября> 1952 г. Г.Т. находился в больнице — заключение брачного союза пришлось отложить.

²⁹ Брак между Г.Тупициным и Е.Лейланде (в замужестве — Тупицина) был заключен 31 окт<ября> 1952 г.

³⁰ Пожалуйста, кушай! — Здесь и далее перевод с эсперанто (насколько можно понять, в записках использовался и словарь домашней семантики; со стороны Е.Т. не исключены ошибки в эсперанто). Г.Т., эсперантизовавшийся еще в 1906 г., вел огромную переписку на эсперанто (хранится в институте Гувера, США), издал: «Русско-эсперантский словарь: с краткими сведениями из грамматики эсперанто» (Рига. Издание автора, 1935) и «Ключ эсперанто» (Rīga, G.Tupicina izdevums [Издание Г.Тупицины], 1936); в 1960 г.

55

[20.II.1958.]

*Закрой, пожалуйста, трубу в кухне!
Кушай на здоровье кефир!!!*

56

La 18an de aprilo 1958.

Kara maestrino! Fordorminte unu horon, mi forkuris al la dentteknikis to je la sepa kaj tridek sep minutoj posttagmeze. Mi esperas reveni bela, kiel Apolo.

Ĝis revido kaj rekiso! Via Negadio³¹.

57

18.VI.58.

Amatulino!

Mi forvetur as je la du ono post la dekunno al la marbordo³², pas ante al Vi mian larĝegen koron.

Kun kissaluto.

Genadio³³

58

[31 VIII.58.]

Я на станции жду тебя.

Я бы уехала, а как назло, ключ от дачи у тебя. Я очень, очень нервничаю, т.к. надо и обед готовить и еще работать для издательства.

Такое чувство, что и сегодня не кончу...

Лена.

О, боже, почему у меня всегда так получается?!

59

Кушай, пожалуйста, все, что на столе. К сожалению, опять плитка не действует, и я не могла приготовить теплого, а плиту топить было уже мало времени.

Тысяча поцелуйчиков на сладкое!!!

он вел безуспешные переговоры с издательством в Риге относительно выхода соответствующего словаря; в 1959/60 учебном году — преподавал эсперанто на курсах при Рижском политехническом институте.

³¹ Дорогая maestrino! Заснув на час, я побежал к зубному технику в семь тридцать семь минут пополу-дни. Надеюсь вернуться красивым как Аполлон.

До встречи и многократных поцелуев!

Твой Negadio.

[Negadio — вероятно, игра с именем Genadio. — Б. Р.]

³² В 1958 г. Тупицыны снимали дачу на Рижском взморье, в Булдури.

³³ Возлюбленная!

Я уезжаю на Взморье в половине двенадцатого, но оставляю Тебе мое большое сердце и поцелуйчики. Геннадий.

*Твоя пила и иголка.
Когда придем, затоплю печку!!!
Твоя жинка!*

60

21.I.59.
*Mia karo edzo! Mi venis al Jelena. Mi revenos baldaŭ. Cun he varma kiso.
Via kudrileto³⁴.*

61

[21.III.59.]
*Mi petas mangi acidan brasikon kaj kvarkon. Mi venos baldaŭ.
Via kundrilo, malfeliĉa kudrilo³⁵.*

62

[3.V.1959.]
*Если меня нет дома, кушай творог с молоком (на столике).
Приеду и приготовлю обед.
Ĝis. Via kudrileto³⁶.*

63

[22.XI.59.]
*Kara, kara, erinaceto!
Baldaŭ mi foriros. La supo estas sur la forno. Pano, kaj lakto kaj beroj troviĝas en la
ŝranko. Bonan apetiton!
Elektro estas elŝlosta.
Mi revenos baldaŭ³⁷.
Via kudrilo.*

64

[24.III.60.]
*Bonvolu drinki brasikan akvon, mia erinaceto!
Via edzino³⁸..*

³⁴ Мой дорогой муженек! Я пошла к Елене. Скоро вернусь. Горячо целую. Твоя иголочка.

³⁵ Ешь квашеную капусту и kvarkon [от англ. quark — творог?]. Я скоро прийду.

Твоя иголка, несчастная иголка.

³⁶ Пока! Твоя иголочка.

³⁷ Дорогой, дорогой ежик!

Я скоро уйду. Суп на плите. Хлеб, молоко и ягоды лежат в шкафу. Приятного аппетита! Электричество отключено. Я скоро вернусь.

Твоя иголка.

³⁸ Пей, пожалуйста, капустный сок, мой ежик! Твоя жинка.

65

[9.XII.1960.]

*Пейте чай с вертушками.**Все-таки ушла в кино, хотя и сердце щемит ходить одной без Тебя, мой еж...**Твоя kudrilo.³⁹*

Л.

66

[V.1961.]

Мисюсь, где ты?

67

[13.IX.61.]

Mi foriris al vi. Mi venos baldaŭ! Vartu!

Е.

Приложение

*Отрывок из неотправленного (?) письма Г. Т.
от 20 марта 1959 г. брату Борису в связи с его 75-летием*

«Пожалуй, никому из наших предков не приходило на ум сравнение: “Если обладать тем сердцем, что желаешь, то выше всех царей ты счастлив, Трубадур!”. А вот я могу похвастаться как раз этим. Ведь как тоскливо жизнь моя текла! Элен “явилась и зажгла, как солнца луч среди ненастья, мне жизнь и молодость, да! Молодость и счастье”. Когда я задумываюсь, почему у меня ноет все тело, но не душа, я невольно вспоминаю нашу маму и Направника с его милыми словами “О, дай мне забвенья, родная! Согрей у себя на груди, детские сны навевая, дай прежнее счастье найти!”. И тут же сравниваю с заботами мамы, изумительные заботы обо мне же со стороны Лены. Ведь вот уже 7 лет, как она носится со мной, как с беспомощным беби, и день и ночь, не отходя ни шагу прочь. Часто при виде ее хлопот обо мне взор мой смущен, душа во мне трепещет. Она, как Рахиль, мне дана небесным провидением. Я благословляю ее и свободу, и голубые небеса, ибо чувствую, как на душе моей торжественно и чудно. Вот почему я подвиг силы беспримерной всегда готов для нее свершить. А так как жить невозможно без наслаждений, то часто мы с Леной читаем теперь Диккенса. Вернее сказать, читаю лишь я: сон свой детский, безмятежный отгоню из глаз и дую страницу за страницей. Читаю так сладко, так успокоительно, что Лена очень скоро засыпает, вероятно с мыслью “Ах, зачем ночи тень твой покров отпускает”. И когда медленно день уж угас и солнце за лесом уж село, и месяца

³⁹ Иголка.

чистого кротким сияньем синий эфир объят, и как только от лунного света зардел небосклон и погасли дальней Альпухары золотистые края, и последняя в реке блестящая струя с потухшим небом угасает, и меж горами ветер взвояет, Лене уже грежится сладкий-сладкий сон, как будто она уже видит какого-то лебедя, отплывающего в Грааль, и говорит ему “Плыви, плыви, о лебедь мой!”..... Как мне мила вся эта простота! Ведь что за чудесное видение глазам представится во сне! —————».

* * *

КОНЕЦ

Игорь Сухих

ПЕРЕДУМЫВАЯ СТОЛЕТИЕ (О ПРОЗЕ Д. ГРАНИНА)¹

«В России надо жить долго». Фразу приписывают Корнею Чуковскому (хотя у него есть и предшественники). Долго хочется жить всюду, и Россия не входит в число стран с большим числом долгожителей.

Но Чуковский имел в виду не физиологию, а культуру. Судьба творческого человека, особенно в XX веке в России/СССР/снова в России часто была настолько драматична, даже трагична, что он не успевал даже минимально увидеть плоды своих усилий. Тот же Чуковский начал литературную деятельность в 1910-е годы, современником Толстого, Чехова и Блока, а получил полное официальное признание в виде правительственной Ленинской премии за нелюбимую книгу «Мастерство Некрасова» в 1962 году, когда ему было 80 лет и один месяц.

Судьба Д. А. Гранина столь же уникальна. Он был действующим литератором 80 лет. Но и о нем писали 65 лет. Критики, а не историки литературы, которые толком еще не приступали к делу.

Да, Даниил Гранин был многолетней номенклатурной фигурой в писательском союзе. Но сколько их было в советской истории, о них если и отзывались, то с натугой, по заказу, за какие-то пряники.

Между тем библиография Д. Гранина — больше полутора тысяч номеров. Оказывается, о нем докладывали не только столь же номенклатурные доверенные «мастера критического пера» и дежурные газетные рецензенты. Писали новомировские шестидесятники (Л. Лазарев, А. Турков), писали — неожиданно — диссиденты (Д. Штурман, Н. Кузнецова, Г. Свирский), писали литературные братья (В. Конечкий, И. Грекова, А. Мелихов), писали, наконец, одинокие критические стрелки и неожиданные люди со стороны (С. Лурье, Г. Попов).

В столь долгой критической востребованности творчества есть загадка. Возможную разгадку, кажется, можно отыскать в идеях почти двухвековой давности.

Есть такое понятие: *belles lettres*. По-французски — «изящная словесность», литература вымысла, противопоставленная публицистике, документальным жанрам.

¹ Вступительная статья к тому «Д. Гранин: pro et contra», подготовленному к изданию в РХГА (Русской христианской гуманитарной академии).

Но Белинский придумал *русскую беллетристику*. «...Много ли у нас книг, из которых можно было бы не только изучать, но и просто знакомиться с многочисленными сторонами русского быта, русского общества? <...> Мы разумеем здесь произведения беллетристические, то, что составляет так называемую легкую литературу, которой назначение состоит в том, чтоб занимать досуги большинства читающей публики и удовлетворять его потребности» (Предисловие к «Физиологии Петербурга»).

Беллетристика в таком понимании превращалась в средний этаж нормального литературного процесса. Выше — произведения подлинного искусства, классика. «Истинно художественное произведение бессмертно; оно составляет вечный капитал литературы».

Ниже — многочисленные дилетантские, графоманские поделки, не изящная, а просто словесность, «буквенность», недостойная статуса «литературы».

Определяя беллетристику как искусство толпы (вроде бы уничижительно), Белинский замечал: «...В беллетристике выражаются потребности настоящего, дума и вопрос дня, которых иногда не предчувствовала ни наука, ни искусство, ни сам автор подобного беллетристического произведения. Следовательно, подобные произведения, так же как и наука и искусство, бывают живыми откровениями действительности, живую почву истины и зерном будущего».

Заметим еще, что вещи, которые приобретают статус классических, могут первоначально появляться в одежде беллетристики. Ведь не каждый шедевр сразу опознается в его сверхвременном значении.

Формулу беллетристики в советскую эпоху — если перебросить мостки через столетие — вывел А. Твардовский (1959):

Не хожен путь,
И не прост подъем.
Но будь ты большим иль малым,
А только — вперед
За бегущим днем,
Как за огневым валом.
За ним, за ним —
Не тебе одному
Бедой грозит передышка —
За валом огня.
И плотней к нему.
Сробел и отстал — крышка!
Такая служба твоя, поэт,
И весь ты в ней без остатка.
— А страшно все же?
— Еще бы — нет!
И страшно порой.
Да — сладко

А ее главную опасность и проблему (если оставаться в рамках лирики) не менее четко обозначил сценарист-беллетрист Г. Шпаликов.

То ли страсти поутихли,
То ли не было страстей,—
Потерялись в этом вихре
И пропали без вестей
Люди первых повестей.
Начало 1960-х гг.

Регулярно пропадали те, кто не успевал за этим вихрем, огненным валом.

Так в поздние шестидесятые потерялись В. Овечкин (автор «Районных будней») и А. Яшин (автор знаменитых «Рычагов»), в перестроечные времена — писатели-деревенщики. Кто теперь вспомнит, как и почему с такой страстью читались, скажем, «Дамский мастер» той же И. Грековой, «Бессонница» А. Крона или «Альтист Данилов» В. Орлова?

Гранин начинает писать еще до войны. Два его коротких рассказа — еще под настоящей фамилией Д. Герман — появляются в 1937 году. Потом они стали фрагментами повести «Ярослав Домбровский» (другое название «Генерал Коммуны»). Эту книгу писатель не переиздавал полвека (с 1970 г.), видимо, не считая ее большой удачей. Но уже здесь определилась одна из главных его тем или писательских ролей.

Тема эта — *«отражение истории в человеке, случайно попавшемся на её дорожке»* (А. Герцен).

А роль — *«свидетеля истории»* (заголовок романа замечательного писателя М. А. Осоргина, после высылки из России на философском пароходе — французского эмигранта).

Однако настоящим писателем-беллетристом Д. Гранин стал уже после войны.

В советской литературе была такая привычная формулировка: литература/писатели, рожденные войной. Д. Гранин принадлежал к этому, военному, поколению, но шел особым путем. О *своей войне* он стал писать через много-много лет, а настоящий успех, можно даже сказать, славу ему принесла своеобразная производственная проза — романы «Искатели» (1954) и «Иду на грозу» (1962).

Второй роман появляется в разгар споров о двух культурах (Ч. Сноу), физиках и лириках, ветке сирени в космосе. Полемические статьи И. Эренбурга и инженера И. Полетаева, а также спровоцированное ими стихотворение Б. Слуцкого «Физики и лирики», датируются концом 1959 года.

На смену герою Парижской Коммуны пришли героини-ученые, которые изобретают какие-то таинственные приборы, летят в самолете в центр грозы, борются с консерваторами, яростно спорят и стремятся к истине.

С этого времени проза Д. Гранина и становится подлинным свидетельством истории, располагаясь в пространстве между фактом и вымыслом, романом и очерком, литературой вечных вопросов, больших тем и сочинений на злобу дня.

Когда вторая (советская) оттепель оборвалась и социальная магма начала застывать, на смену романтическим, летящим в эпицентр грозы, физикам (прозрачный символ времени) пришел А. А. Любищев, биолог-еретик, сокровенный человек, превративший в экспериментальную площадку собственную жизнь.

Документальная повесть «Эта странная жизнь» (1974) — история антидарвиниста, домашнего философа (он писал не только специальные труды, но и работы о линиях Платона и Демокрита в античной философии и творчестве Н. Лескова) привлекла Гранина еще и потому, что этот биолог прожил свою «странную жизнь», подсчитывая каждый день и каждый час.

В течение многих лет он вел примерно такой дневник: «Ульяновск. 8.4.1964.

Основная научная работа — 2 ч. 20 мин., письма, шесть стр. — 3 ч. 20 м<ин>. Передвижение — 0,5, брлся — 15 м<ин.>, читал газету — 10 м<ин>. Всего основной/научной работы 6 ч. 45 м<ин.>».

Недавно повесть переиздана и в одной из рецензий названа «библией тайм-менеджмента». Но Д. Гранина интересовал не метод, а человек, ученый, который и всю жизнь свою построил как доказательство некоей гипотезы: прожить ее целеустремленно и продуктивно в самое неподходящее для этого время.

«Живого Любищева знали не больше полусотни человек. Когда же он умер, о нем узнали десятки тысяч и интерес к нему нарастает лавиной. Воскрешение из мертвых?» — написал один из знакомых Любищева после выхода повести (Л. И. Красовский — Е. Д. Петряеву, 10 ноября 1974).

Следующая рубежная гранинская вещь, роман «Картина» (1980) был уже открытием не человека, а проблемы (или проблем). Страсти, кипящие в маленьком районном городке (прототипом которого была Старая Русса), связаны с возвращением к истокам (на чиновном языке — сохранением культурного наследия) и реабилитацией послереволюционных эмигрантов. Эпилогом романа стали не только литературные полемики, но и организованный в Пензе (1983) музей одной картины. Даже на сайте уникального музея забыли упомянуть, что его идея возникла у секретаря Пензенского обкома КПСС Г. В. Мясникова после прочтения «Картины».

Повесть/роман «Зубр» (1987) стал одной из первых ласточек «перестройки и гласности». Открытие еще одного масштабного характера биолога с испорченной биографией (годы, проведенные Н. В. Тимофеевым-Ресовским в фашистской Германии, сменились лагерным сроком) строилось уже не как осторожная защита, а как наступление, апология. Эта книга была одной из тех, которая определила умонастроения в перестроечном СССР.

В последнем Собрании сочинений Д. Гранина, которое составил он сам, книги о Любищеве и Тимофееве-Ресовском вошли в том, ответственно озаглавленный «О гениях».

И конечно, вершиной документальной, исторической прозы Д. Гранина стала «Блокадная книга» (1977, 1981), написанная совместно с белорусским писателем А. Адамовичем в том особом, новом жанре, который проложил путь к Нобелевской премии С. Алексиевич (2015).

Перестроечная пятилетка была самой активной в общественной деятельности писателя Д. Гранина. Народный депутат СССР, организатор общества «Милосердие», автор бесчисленных статей, интервью, предисловий и выступлений. Он словно

стремится заполнить лакуны и в жизни, и в текстах предшествующих десятилетий: рассказы о создании «Блокадной книги», воспоминания о судилище над Зоценко (1989) и — редкий для Гранина жанр — повесть «Наш дорогой Роман Авдеевич» (1990), очевидный памфлет на недавнего властителя Ленинграда, соперника М. Горбачева Г. Романова. Тем не менее, в 1989 году Д. Гранин становится Героем Социалистического труда.

Через два с половиной года наградившая писателя страна исчезла.

Кажется, Д. Гранин впервые «потерялся в этом (послесоветском) вихре».

Через год после «письма сорока трех» и призрака гражданской войны в октябре девяносто третьего появился, наверное, самый незамеченный и несвоевременный роман Д. Гранина «Бегство в Россию» (1994).

Во время, когда бежали из России или мучительно выживали в ней, а многие ученые превратились в челноков или безработных, обличать советскую власть было уже поздно. Потом Гранин надолго замолчал. За шесть последующих лет он напечатал только несколько рассказов-миниатюр. Роман «Вечера с Петром Великим» (2000) писался долго и при появлении тоже не вызвал большого отклика. В отличие от известных книг Д. Мережковского и А. Толстого, это одновременно изображение русского императора и размышление о нем нескольких персонажей-современников, волей судьбы оказавшихся в советском санатории.

Но после длительной паузы (Гранину — за восемьдесят) опять появился писатель, формулирующий общественные настроения, которые носились в воздухе, но мало кто решался сказать о них прямо и резко.

Главными его литературными занятиями на рубеже веков и в новом веке становятся исследование большой истории и мемуары.

В развернутом эссе «Страх» (1997) это фундаментальное чувство анализируется на примерах собственной жизни и советской эпохи. Но опорой для размышлений оказываются Библия и Софокл, Макиавелли, Мишель Монтень и французский историк религии, почти ровесник (род. в 1923 г.) Жан Делюмо.

Возвращением к военной теме, но под новым углом зрения стала повесть «Мой лейтенант» (2012). Однако главным делом позднего Гранина стала мемуарная проза.

В нашем быту существует ироническая аббревиатура — ВПЗР (великий писатель земли русской). Это и Толстой, и Достоевский, и Солженицын, и скажем, В. Распутин. Это, как правило, бородастый пророк, обличитель власти, учитель жизни.

Д. Гранин в мемуарных книгах все время ускользает, уходит из шинели ВПЗР. Он скорее предстает в них трезвым, ироничным, по-детски заинтересованным наблюдателем, до конца пытающимся не научить, а *понять*. Он не изрекает истины, а наблюдает и думает. Почти в сто лет для него по-прежнему остается загадочным то, что мучает человека в восемнадцать.

Интересны заглавия его мемуарных книг. Он то вспоминает Гёте (заглавие «Изменчивые тени» отсылает к «Фаусту»), то намекает на В. Розанова («Листопад» явно происходит от розановских «Опавших листьев»), то просто задиристо заявляет: «Причуды моей памяти» — «Все было совсем не так».

В «Последней тетради», самых последних мемуарных фрагментах, он цитирует Пушкина («...Никому / Отчета не давать, себе лишь самому / Служить и угождать...») и продолжает, превращая себя в сиюминутного персонажа: «Между тем меня все время тянет написать отчет о проделанной мною жизни. Отчет кому? Пушкин имеет в виду отчет кому-то. А мне вдруг захотелось “себе лишь самому”. Понять, какую жизнь я прожил, тот кусок, который ушел в прошлое. Считается, что прожитая жизнь становится ясной после смерти человека. Такой ясности я уже не получу. Но ведь хочется понять при жизни, как она выглядит издали, как выглядят те тридцать пять-сорок лет, что досталось мне, именно мне, Антону Игнатьеву, тому, кто кончил институт, немного провоевал на Великой Отечественной, любил, работал, чего-то писал, был неудачником, был и успешным, — как это все выглядит нынче с моей дистанции и как будет выглядеть потом».

И в другом месте: «Лучший мой собеседник — внутри меня. Для меня грехи мои с годами стали неотступны. Свои заслуги не вспоминаются, а вот угрызания совести покоя не дают».

«Конечно, переделать прошлое нельзя, но передумать-то можно».

Передумывая, он выбрал позицию *наблюдателя*, человека, не вовлеченного в процессы, смотрящего на мир со стороны, однако не сверху, с позиции все понимающего Бога, а сбоку — одного из нас, больше видевшего и прожившего, но вряд ли больше понимавшего тогда и сейчас.

«Я себя чувствую чужим. Я начал себя чувствовать чужим в этом городе, в литературе. Но я для себя решил: чужой — это интересно».

«30.12. 93. Лихачев Дм<итрий> Серг<еевич> сказал о Гранине очень точно: — Это отчаянный солдат, который первым бросается на разминированное поле», — записывает в дневнике С. Ласкин, много лет общавшийся с Граниним, чувствующий себя его учеником — и в литературе, и, отчасти, в жизни.

Шутки и анекдоты, тем более в дружеском разговоре, атрибутировать не принято. Но историк литературы должен отметить, что эта точность бродячая: фраза не придумана, а припомнена к случаю. Ее приписывали и А. Твардовскому, и В. Гроссману, и Л. Копелеву. Ею уязвляли К. Симонова, А. Солженицына, Е. Евтушенко и даже А. Чаковского.

Она не так проста, как кажется. Конечно, броситься на разминированное поле — не то же самое, что на амбразуру. Здесь нет безумного, отчаянного героизма самоубийцы. Но кто знает, вдруг саперы сработали невнимательно?

Дело и в другом. Надо почувствовать, догадаться, что поле уже разминировано. Так обычно шутят вдогонку те, кто опоздал. Как чеховский мужик, опоздавший на поезд (признание Тригорина в «Чайке»).

Да, Д. Гранин всегда предчувствовал смену направления общественных ветров. Но флюгер и барометр — разные приборы.

В его жизни были печальные строки и страницы. Но он никогда не был первым учеником. Те, кто сегодня со страстью и ощущением абсолютной правоты обличают его действительные и мнимые грехи, напоминают «неистовых ревнителей»

двадцатых годов, беспощадных РАППовцев. Тем более что некоторые успели получить красную книжечку члена СП еще в СССР и — пусть немного — поиграть в писательские игры.

Довлатов утверждал: после коммунистов он больше всего ненавидит антикоммунистов. В дневниках И. Дедкова есть существенное дополнение: тем более, что часто это одни и те же люди. Добавлю и свою каплю: причем не обязательно члены КПСС и их современные наследники.

Предисловие к посмертной мемуарной книге Д. Гранина «Последняя тетрадь» написал Я. Гордин, один из близких И. Бродскому людей. Вспомнив о поэте, «участие в судьбе которого <...> оставило <...> болезненный шрам на памяти Даниила Александровича», он, тем не менее, сразу же цитирует стихи, поясняющие поэтику гранинской прозы: «Заглянем в лицо трагедии... Заглянем в ее глаза».

«Еще заметен след, / Еще нас могут вспомнить...», — цитирует и герой одноименного гранинского рассказа.

Кажется, это парафраз Е. Баратынского, тех самых стихов, которые Ю. Тынянов сделал эпиграфом романа «Смерть Вазир-Мухтара»:

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нём жизни нет;
Но как на нём былых страстей
Ещё заметен след!
Так яркий ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

Но строки можно понять и как отсылку к более близкому и тоже знаменитому: «Другие по живому следу / Пройдут твой путь...»

След еще заметен. И, будем надеяться, — *еще нас могут вспомнить*.

Александр Белоусов

О СТИХОТВОРЕНИИ АЛЕКСЕЯ ШАДРИНОВА «ПРОВИНЦИАЛУ»¹

Автор стихотворения, о котором пойдет речь, родился и вырос в старинном русском городе Белозерске. Лучшие времена этого города, расположенного на южном берегу Белого озера, давно прошли, и сегодня о них напоминают лишь сохранившиеся валы и башни крепости, построенной ещё для защиты северной границы Московской Руси. В отличие от средневекового города, нынешний Белозерск, «районная столица» с населением 8500 человек, не является крупным экономическим и культурным центром: по современным меркам это — очень небольшой город.

Алексей Шадринов пока еще мало известен читателям, и потому разговор о его стихотворении требует некоторого вступления. Поэт родился 22 февраля 1973 г. в городе Белозерске Вологодской области. Здесь он окончил школу и отсюда ушел в армию, где погиб 23 февраля 1992 г. Из воспоминаний о нём известно, что стихи он начал писать с тринадцати лет. Однако публикации его произведений стали появляться уже после гибели поэта, а в 1994 г. в Вологде вышел первый сборник Алексея Шадринова «Далекий плач». Всего же к настоящему времени издано три сборника произведений поэта. Его творчество уже успели оценить специалисты: Шадринову посвящена статья в биобиблиографическом словаре «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги»².

Из поэтического наследия Алексея Шадринова для анализа выбрано стихотворение «Провинциалу» («Годами так...»). Выбор объясняется моим давним интересом к восприятию и изображению российской провинции молодыми поэтами конца XX в. Хотелось понять, чем привлекает их тема, долгое время считавшаяся «несозвучной» новой эпохе.

В связи с тем, что образ провинции играет ключевую роль в стихотворении Алексея Шадринова, напомним вкратце историю слова «провинция». Латинское слово *provincia* вошло в русский язык через польский в конце XVII в. и долгое время

¹ Выражаю искреннюю благодарность Светлане Артёмовой, Екатерине и Сергею Белоусовым, Ирине Богомоловой, Инне Веселовой, Татьяне Гавриловой, Ольге Громовой, Михаилу Дымарскому, Светлане Жаворонок, Ольге Лалетиной, Сергею Николаеву, Дмитрию Равинскому, Ирине Рейфман, Эмме Секундо и Елене Титовой — за помощь в работе над статьёй.

² *Бараков В. Н.* Шадринов Алексей Юрьевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: В 3-х т. М., 2005. Т.3. С. 674–676.

имело официальный статус, обозначая административно-территориальную область. Лишившись этого статуса после губернской реформы 1775 г., само слово выжило и до сих пор сохраняется в русском языке, несмотря на острую критику и неприятие его советскими идеологами, пытавшимися заменить его «точным и никому не обидным» словом «периферия».

Однако автор стихотворения предпочитает пользоваться словами, связанными с русской историей и русской культурой. Это приводит к появлению новой проблемы, которую приходится решать поэту: он должен учитывать изменения, которые могут происходить со значением слов. Возьмём для примера производное от слова «провинция» слово в нашем тексте — «провинциал». Обозначавшее поначалу жителя или уроженца провинции, оно со временем расширило свой семантический потенциал и в дополнение к исходному приобрело новое для себя, переносное значение. В результате провинция с ее обитателями превращается в самую настоящую «страну дураков»³.

Алексей Шадрин представляет своего «провинциала» совершенно иначе. Очевидно, что он считал образ «дурака»-провинциала выдумкой столичных недоброжелателей, которые издавна относились к жителям провинции предвзято и несправедливо, но дискутировать с ними не стал, ограничившись одним только заявлением своей позиции по вопросу, который должен был быть актуальным и для самого поэта. Однако его стихотворение «Провинциалу» является единственным выступлением поэта на эту тему.

Это обстоятельство подчеркивает своеобразие шадриновского стихотворения. Адресованное некоему провинциалу, оно должно помочь читателям лучше понять, что такое провинциальность и в чём она выражается. Итак, интересующий нас текст состоит из 16-ти строк, объединённых кольцевой (опоясывающей) рифмовкой в 4 строфы-четверостишия. Автор предпочитает точные рифмы: в стихотворении всего три неточных рифменных созвучия (промелькнул / окну, грубый / трубы, ниже / обсижен). Отметим, что стихотворение написано самым распространённым размером русской поэзии XX в. — пятистопным ямбом (исключение — последняя строка, которая вдвое короче всех остальных). Однако сейчас важны не столько эти «мелочи», сколько гораздо более заметные особенности его композиции, которые и способствуют восприятию шадриновского текста как текста необычного.

Однако «необычность» стихотворения выясняется лишь на фоне жанровых норм «послания». Исследователь посланий в русской поэзии С. Ю. Артёмова не считает стихотворение «Провинциалу» «классическим каноническим посланием» и назвала его своего рода «шлейфом», следом старого жанра в современной русской поэзии⁴. Выбранный автором шестнадцатистишный формат наиболее близко соответствует образу его героя (квадрат в квадрате, где квадрат символизирует простоту и рудиментарность — ср. одно из значений прилагательного *square* в англ. яз.). Размер стихотворения объясняется не особенностями этого «суперсовершенного» числа, как

³ Lounsbury Anne. Life is Elsewhere: Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Ithaca: Cornell University Press, 2019.

⁴ Из письма С. Ю. Артёмовой автору статьи от 10 августа 2013 г. (архив А. Ф. Белоусова).

назвали его математики, а тем, что такая длина позволяла максимально эффективно использовать её для представления героя-провинциала. Над этим стоит задуматься и постараться понять логику поэта. Это потребует внимания к строению и смыслу всего стихотворения.

Обратимся к самому тексту (пронумеровав стихи для удобства его анализа)⁵:

1. Годами так, — бесследно промелькнув,
2. Как мёртвая былинка над снегами,
3. Уходит день. Качаясь в белой раме,
4. Рисуют тени веток по окну.

5. Под фонарями вспыхнет, посинев,
6. Избитый снег, запачканный и грубый.
7. Над улицей клетчатые трубы
8. Дымят, года крикливые презрев.

9. От многочасья праздности за делом
10. Ты примешь день, как туповатый сон.
11. Во всех местах тебе, со всех сторон
12. Беззвучие провинции уделом.

13. День промелькнул, как годы промелькнут,
14. Сползает мгла над крышами всё ниже.
15. Идешь домой. Там твой уют обсижен,
16. Обмят хомут.

Обращаясь к герою своего стихотворения, поэт начинает его образом, который ему, как когда-то и людям моего поколения, казался примером истинной поэтичности. Имею в виду выражение «бесследно промелькнув», которое Маршак использовал для перевода соответствующего места из 9-го сонета Шекспира⁶. Образ, судя по всему, произвёл большое впечатление на Алексея Шадринова, который превратил его в лейтмотив своего стихотворения. Оставалось лишь оформить его как «вывод», сделанный исходя из приведенных там же «примеров».

В одном из этих примеров для демонстрации бесследности служит «мёртвая былинка» — настолько лёгкая, что практически не оставляет никаких следов своего присутствия. Ещё более «бесследными» являются «тени веток», которые исчезают, как только перестаёт действовать источник света. Аналогична и судьба отражений, которые возникают на «избитом снегу» — в отличие, скажем, от грязи, которая гораздо реальнее всех предшествовавших ей «обманок».

⁵ Стихотворение Алексея Шадринова «Провинциалу» («Годами так...») анализируется по первой публикации текста: *Шадринов А.* Из неопубликованного / Предисл. и публ. В.Н. Баракова // Белозерье: Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 390.

⁶ *Маршак С.Я.* Соч.: В 4-х т. М., 1957. Т.3. С. 17. В англ. оригинале: «But beauty's waste hath in the world an end, / And kept unused the user so destroys it...»: *The Complete Sonnets and Poems.* The Oxford Shakespeare. Burrow, Colin (eds.) Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 399.

Это значит, что исчерпал себя идиллический образ провинции, рисовавшийся герою стихотворения в «белой раме» из окна служебного помещения, и он, наконец, вместо какой-то массы «снегов», представляет окружающую его реальность: это — просто «избитый снег, запачканный и грубый». Ему, конечно, было понятно, почему снег именно таков. Он не понимает другого: почему с загрязнением атмосферы и прочими экологическими бедствиями никто по-настоящему не борется, ограничиваясь лишь постановлениями, вроде того, что было принято высшим руководством страны 7 января 1988 года и возвещало о грядущих переменах «в деле охраны окружающей среды».

Объявленная в стране «перестройка» не вызвала особенного энтузиазма среди провинциалов — людей осторожных и потому не доверявших «крикливому» начальству. Об отношении же самого Алексея Шадринова к происходившему вокруг него вернее всего судить по текстам поэта, в которых можно найти весьма показательный в этом отношении материал. Очень важны в данном случае седьмой и восьмой стихи, которыми поэт завершил свой пространственный рассказ об окружающем его мире провинции. В любом случае, пора разобраться в том, почему он проходит мимо вполне очевидного вреда, который приносят дымящиеся трубы, выступая лишь против некой свойственной времени крикливости.

Объяснить это противоречие достаточно просто: успешно бороться с загрязнением атмосферы можно лишь при наличии хорошего топлива, с которым и тогда, и, наверное, сейчас дело обстоит непросто. Однако же упрекать в этом самих жителей провинции было бы несправедливо. Иное дело — начальство, которое привыкло руководить одними лишь «криками».

Между тем далеко не всем обитателям провинции их жизнь казалась однообразной и скучной. Были и другие мнения. В этой связи хотелось бы процитировать воспоминания филолога, преподавателя Тверского университета С. Ю. Артёмовой, запомнившей свою провинцию совсем другой:

Мое детство, — рассказывает она, — прошло в городе Красный Холм тогда Калининской, ныне Тверской области. Это районный центр, однако, по преимуществу, дома там одно- и двухэтажные, а отопление печное даже на вторых этажах каменных домов. Топят там углем, и утром по дороге в школу, помню, нас сопровождал запах угля и печного дыма. <...> Жили мы сначала на окраине <...>, в двухэтажном доме. Из окна видна была улица и часть двора с домом напротив. У дома была покатая крыша и длинные и довольно широкие кирпичные трубы. Кирпичи на них располагались в шахматном порядке — белые и грязно-коричневые, создавался эффект квадратов, клеточек.

По утрам, когда мы шли в школу по улице (особенно зимой, когда не было ни листвы, ни ярких красок), на фоне белых крыш и белесого неба эти трубы ярко выделялись <...>. Потом мы переехали в город, стали жить в частном доме. Но напротив нас, наискосок, стоял двухэтажный кирпичный дом с точно такими же трубами. Так мне и запомнилось детство — запах угля, галки на березах старого парка и клетчатые трубы над улицей, ведающей в школу⁷.

⁷ Из письма С. Ю. Артёмовой автору статьи от 7 мая 2013 г.

Характерно, что одним из самых адекватных и содержательных образов провинции являются одни и те же «клетчатые трубы», которые радуют не только наивных детей, но и вдохновляют поэтов, интересующихся настоящим народным творчеством, чем, в сущности, и являются эти необычные создания, украшающие улицы провинциальных городков.

В третьей строфе со стихотворением происходят серьёзные изменения. Если прежде оно представляло собой простой рассказ о происходящем в провинции, то теперь кардинально меняется даже тип использованного в нём текста. Вместо однообразного повествования звучат обращения, адресованные, судя по названию стихотворения, некоему «провинциалу», которым может быть и сам поэт — такой же провинциал, как и его герой. Однако это обстоятельство не акцентируется автором и остаётся как бы «за кадром».

Исходя из адресации текста, читатели обычно считают незнакомое им слово «многочасье» местным провинциализмом. Но это не так: ни в одном из словарей русского языка слово «многочасье» не зафиксировано и поэтому, скорее всего, является авторским неологизмом. Образцом для него послужил реально существующий провинциализм с противоположным значением «однчасье», но придумал новое слово, как и полагается поэту-«языкотворцу», автор стихотворения «Провинциалу». Его работу высоко оценил специалист — лингвист М. Я. Дымарский — в устном общении с автором статьи.

Алексей Шадринов умел не только «сочинять» слова, но и понимал, что в стихах важен «токмо звон»⁸. В этой связи прислушаемся к тексту самого Алексея Шадринова. Вслед за новым словом «многочасье» поэт продолжает удивлять читателей особой звучностью стиха, подбирая для этого и соответствующий материал звуковых повторов (ср.: «праздности за делом»; «день» / «сон»; «местах» / «сторон»). Отсутствие подобного повтора в четвёртом стихе строфы тоже может быть значимо, предупреждая об изменившемся звучании текста. Это может помочь слушателю-«провинциалу» острее и глубже воспринять парадоксальную логику поэта, которая решительно противоречит знаменитому школьному принципу «повторение — мать учения».

По воспоминаниям знавших его, Алексей Шадринов не был сторонником долгого «сидения» над текстом, ссылаясь на то, что верность решения не зависит от потраченного на него времени. Ещё серьёзнее расхождение Шадринова с популярным, отчасти даже культивируемым образом провинциала как простодушного и отзывчивого человека: в описываемом им мире провинции царит безмолвие:

Во всех местах тебе, со всех сторон
Беззвучие провинции уделом, —

обращаясь к провинциалам, в том числе и к самому себе, поэт Алексей Шадринов понимает и принимает свой «удел», свою судьбу.

⁸ *Тредиаковский В.К.* Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // *Критика XVIII века.* М., 2002. С. 66.

Однако чем же столь тяжела жизнь в провинции, которая так поэтично выглядит в изображении Некрасова?

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России –
Там вековая тишина.⁹

Отметим лишь один, но в данном контексте наиболее существенный, недостаток провинции — отсутствие в ней отклика для *выдающихся* людей. Слово «тишина» для этой цели не слишком подходит: Алексей Шадринov заменяет слишком образное, по его мнению, слово «тишина» на более элементарное слово «беззвучие». Беззвучие — не просто тишина. Это отсутствие отзвука, отклика.

В начале четвертой строфы автор возвращается к изображению провинции. Он использует для этого практически тот же набор слов-образов, которыми начинал стихотворение. Из сравнения его «картинки» провинциального вечера с другими, даже будущими, вечерами читателю должно быть понятно, что всё пройдёт по одному и тому же сценарию. Это — провинция, где всегда одно и то же: что-то «промелькивает», а что-то, напротив, «сползает».

В конце строфы поэт говорит об основных приоритетах жителей провинциального городка:

Идёшь домой. Там твой уют обсижен,
Обмят хомут.

Этих приоритетов, в сущности, всего два: во-первых, убранство дома, а во-вторых, благоустроенность домашнего быта, привычность забот по хозяйству. Характерно, что только этими темами и ограничивается описание жизни провинциала, которым завершается стихотворение Шадринова. Эта ограниченность, узость кругозора констатируется поэтом с некоторой горечью. Его предшественник-романтик, по следам которого идёт «провинциал» Алексея Шадринова, формулировал свою проблему в совсем другом ключе:

Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?¹⁰

В последних двух строчках стихотворения Алексей Шадринov думает о том, что может остаться после него. На первый взгляд, кажется, что это противоречит его словам о «бесследности» в начале стихотворения. Но, по сути дела, это совершенно верно: вряд ли поэт мог мечтать о таком эфемерном «следе».

В заключение остановимся на жанровых особенностях стихотворения. Автор ориентировался на жанр послания, о чём свидетельствуют как его заголовок, так

⁹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. Л., 1981. Т.2. С.46.

¹⁰ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1957. Т.1. С.79.

и соответствующие обращения в самом тексте. Обычно этими формальностями дело и ограничивается. Однако Алексей Шадринлов нашёл способ, как усугубить впечатление «провинциальности» своей «картинки». Он выстроил её по правилу обратной геометрической прогрессии. Именно в таком порядке располагаются в стихотворении куски, состоящие из стихов-повествований и стихов-обращений.

Всё стихотворение состоит из 16 строк. Математически эту числовую последовательность можно представить следующим образом:

- Первые 8 строк — повествования (строки 1– 8);
- Далее следуют 4 строки обращений (строки 9 –12);
- Вслед за ними — 2 строки повествований (13 –14);
- Далее стоит одна строка-обращение (15);
- Заканчивается стихотворение полустихием (строка 16).

Следовательно, числовой ряд стихотворения выглядит так: 8 — 4 — 2 — 1 — ½. Это и соответствует правилам построения бесконечно убывающей геометрической прогрессии — образа, символизирующего постепенное, но неуклонное исчезновение.

Вспоминая ученика Алёшу Шадринлова, его учительница математики Ольга Фёдоровна Громова отметила, что стабильности в занятиях математикой у него не было, но он «неоднократно выдавал красивые, — по её словам, — решения»¹¹.

¹¹ Сведения от О. Ф. Громова получены благодаря помощи И. А. Богомоловой, Е. В. Титовой и С. И. Жаворонок.

Светлана Артемова

«РЕЧКА ЯНЦЗЫ» В ПОЭЗИИ КОНЦА XX ВЕКА

По меткому замечанию Е. В. Душечкиной, в русском обществе «знаковые элементы всегда играли важную роль»¹. Одним из таких знаковых элементов становится в русской поэзии XX века китайская река Янцзы.

Китай как «чужое» пространство появляется в русской литературе в конце XIX века («быль» Л. Н. Толстого «Китайская царица Силинчи», 1875), становится основой рассказов (М. А. Булгаков, «Китайская история», 1923; Б. С. Житков, «Урок географии», 1930), исторических повестей (В. Н. Иванов, «Тайфун над Янцзы», 1954) и, конечно, проникает в лирику начала XX века (Н. С. Гумилев, «Фарфоровый павильон», 1918; В. В. Маяковский, «Прочь руки от Китая», 1924; «Московский Китай», 1926; «Прочти и катая в Париж и в Китай», 1927 и т. п.).

Начиная с советских времен политические отношения стран неминуемо должны были повлиять на мотивы поэзии: «Китай-побратим», «китаец и русский братья навек» и т. п. Но некоторые топосы и локусы Китая становятся в стихах маркерами совершенно не китайских ценностей и обретают статус самостоятельных мотивов. Одним из таких наименований-мотивов стала «речка Янцзы» в поэзии XX – начала XXI веков.

Казалось бы, Янцзы должна воспеваться как самая большая река Китая наряду с русской Волгой. Действительно, параллель Волга/Янцзы в поэзии возникает (в стихах К. Симонова), но, кроме того, «причудливая река» становится аналогом Леты и связана с мотивом непонимания в стихах П. Васильева «На берегах Янцзы» (1927), К. Симонова «Переправа через Янцзы» (1954), А. Суркова «Китайский пейзаж» (1955), М. Луконина «Тебе» (1966), В. Высоцкого «Мао Цзэдун — большой шалун...» (1967). При этом Янцзы упоминается вне остального китайского контекста, лишенная внешней мотивировки, как в стихотворении Н. Глазкова (1943):

<...>

В реке причудливой, как Янцзы,
Я затону.
Пусть не ругают вольтерьянцы
Мою страну².

¹ Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. С. 7.

² Глазков Н. Все происходит по ступеням. URL: <http://rupoem.ru/glazkov/vse-proisxodit-po.aspx> (Заглавие с экрана. Дата обращения 3.11.2017).

Парадоксально, но именно в советскую эпоху закладывается мотив Янцзы как загадочной и непостижимой для лирического субъекта реки.

В конце XX века мотив «странной голубой реки» проникает в массовую поэзию и реализуется в нескольких текстах. Один из них — текст барда Владимира Туриянского (1992):

Два слона (Колыбельная для мужского голоса с гитарой)

Белою лампою светит луна,
В ясных ночных небесах.
В Африке дремлют два белых слона,
И птички сидят на ушах.

Птички лежат на слоновьих ушах
И, разумеется, спят.
Только не спят крокодилы в кустах
И тихо кого-то едят.

А за великой китайской стеной
Дяди китайцы храпят.
В речке Янцзы с голубою водой
Лодки подводные спят.

Лодки подводные с красной звездой,
Серп с молотком на боку.
Утром советских подводников строй
Скажет китайцам: «Ку-ку».

Много на свете есть разных чудес
Всех их не пересчитать.
Вышел на улицу пьяный балбес
И песенку начал опять.
Про то что...³

Невинная хулиганская песенка про советские подводные лодки в Китае — на самом деле не просто шалость. Удвоение советской поэзии (китайцы и русские — родные братья, как Волга и Янцзы) превращается в оксюморон поэзии постсоветской: чудеса Китая (спрятанная в Янцзы от китайцев подводная лодка) пересказываются пьяным балбесом, они сродни мирным птичкам и прожорливым крокодилам Африки. Впрочем, Янцзы даже в этом контексте предстает странной рекой, от которой можно ожидать непредсказуемого. Контекст колыбельной песни с соответствующим антуражем (луна, лампа у изголовья, спящие птички) усугубляет нарушение жанровых ожиданий: спящие подводные лодки готовы нарушить привычный покой и внешнюю идиллию.

³ Туриянский В. Два слона. URL: <http://acc.muzguru.com/artist/329/chords/4674/> (Заглавие с экрана. Дата обращения 3.11.2017).

Тот же самый мотив странной реки звучит и в тексте Бориса Гребенщикова (2003):

Туман над Янцзы, туман над Янцзы.
 Душистый, как шерсть небесной лисы.
 Я выбросил компас, растоптал в пыль часы
 И вышел плясать в туман над Янцзы.

Над рисовым полем сгустился туман,
 В нем бродит католик, и бродит шаман.
 Бродят верха, и бродят низы,
 Их скрыл друг от друга туман над Янцзы.

И я был, как все, пил да пахал.
 Прочел Дао Дэ Цзин и понял: «Попал!»;
 Сжег свой пентхаус, снял пробу с лозы
 И вышел плясать в туман над Янцзы.

<...>

А я хожу и пою, и все вокруг Бог;
 Я сам себе суфий и сам себе йог.
 В сердце печать неизбывной красоты,
 А в голове туман над Янцзы⁴.

Неслучайно в тексте этой песни содержится аллюзия на стихотворение М. А. Светлова «Гренада»:

Ответь, Нижневартовск, и Харьков, ответь –
 Давно ль по-китайски вы начали петь?

— ср. у Светлова:

Ответь, Александровск,
 И Харьков, ответь:
 Давно ль по-испански
 Вы начали петь?⁵

Таким образом, «чужое» Светлова (Гренада) перекликается с вечным и потому притягательным «чужим» Гребенщикова: туман над Янцзы скрывает все суетное и проясняет затемнения души, возвращая нас к поэзии Глазкова 40-х годов с мотивом причудливой реки.

Более интересные процессы происходят в поэзии «массовой», где мотив «китайской речки» еще более показателен, т. к. не рождается в своеобразии языка, а калькируется, воспроизводится как уже готовый, сложившийся в культуре мотив-штамп.

Например, в стихотворении И. Мельникова «Вспоминая Янцзы» (2005) каждая строфа посвящена описанию Янцзы в определенном месяце — с января по декабрь:

⁴ Гребенщиков Б. Туман над Янцзы. URL.: <http://musiccircle.ru/GrebenschikovBoris/TumanNadJantsy.htm> (Заглавие с экрана. Дата обращения 3.11.2017).

⁵ Светлов М. Собр. соч. Стихотворения и поэмы. Эпиграммы и переводы. М., 1975. Т. 1. С.155–156.

Вспоминаю Янцзы в январе –
 Чистый снег
 Вперемежку с кружащимся сором,
 В предрассветной тиши
 из окна бабий вопль:
 Надоели твои алкаши!
 Тишина, пополам с бабьим ором.
 Так рождалась гармония края сего:
 Сила духа, податливость плоти,
 А то и наоборот,
 Ведь все разумно в природе,
 Весь этот круговорот.

<...>

Утро в марте в долине Янцзы
 Было, помню я, в сизом тумане,
 Дамы спят, рядом дрыхнут тузы,
 двадцать первые видят сны,
 И это азы, запечатленные в коане,
 А туманище прямо, как в бане!
 Словно в сказочном сне,
 Из него появляются сонные тени –
 На работу идут мужики,
 Иль с работы влачатся уже еле-еле,
 За туманом, поди, разгляди.

Интересно, что туман над Янцзы создает ту самую загадочную атмосферу реки, на которой может случиться все что угодно:

Вспоминаю апрельский Янцзы:
 Снег сошел,
 на земле
 Ворох листьев бумажных,
 встречающих утро.
 Что там?
 тезисы Ленина,
 Или тибетские сутры?
 Дворник молча кладет их в мешок
 И мешками несет на помойку,
 Этот нашей культуры плевок,
 Дух народа и щедрый, и стойкий.

<...>

Вспоминаю Янцзы в декабре:
 Предвкушенье младенца рожденья,
 Жить и дальше, предписано мне,
 Жду с надеждой мое воскрешенье.
 Снова буду гулять на заре,
 Наслаждаясь предчувствием дня,
 Вспоминая Янцзы в январе,
 Вспоминая Янцзы и себя⁶.

⁶ Мельников И. Вспоминая Янцзы. URL: <http://www.stihi.ru/2006/06/29-792> (дата обращения 3.11.2017).

Янцзы в январе ассоциируется у лирического субъекта с рождением, чистым снегом и рождением младенца Иисуса (то есть вызывает совсем не «китайские» ассоциации, возвращает от экзотики к обыденности, «к привычным радостям жизни»)⁷. Экзотика оборачивается способом посмотреть на себя самого со стороны, чужими глазами, или сравнить себя с кем-то. Такая авторефлексия, известная в русской культуре под формулой Б. Окуджавы «На фоне Пушкина...», меняет в современном мире свою структуру: теперь субъект не сопоставляет себя с великим человеком, а перемещается в пространстве и фиксирует себя у великой реки.

Причем «Янцзы и себя» автор вспоминает, по его словам, случайно, немотивированно:

Признаться, я и сам не знаю, почему выбрал именно Янцзы, а не ту же Фудзияму. Хотя с Фудзиямой мне все более-менее понятно — у меня уже от нее во рту давно изрядная оскомина появляется при одном только ее упоминании — довольно затасканный образ, и вообще он из другой оперы. Янцзы — совсем другое дело. К счастью, на ее берегах я никогда не был, но в самом слове мне слышится что-то медитативное, иррациональное, запредельное земному пониманию, чему нет аналогов в русском языке, поэтому я использовал этот образ в своем стихотворении, чтобы полнее выразить мои ощущения при столкновении с теми или иными явлениями.

У художников время от времени появляются такие образы, которые порой трудно объяснить, но они легко умещаются в одно слово. Так возникли Зурбаган, Эльдорадо и т. д., у меня это вылилось в Янцзы⁸.

То есть автор никогда не был у Янцзы, но тем не менее пишет цикл стихотворений о двенадцати месяцах на берегу этой реки.

Такая немотивированность может указывать на то, что мотив китайской «речки» стал в лирике XX века настолько устойчивым комплексом, что вызывает у «массовых» авторов вполне определенные ассоциации (неслучайно название реки продолжает ряд мифических для русской и мировой культуры Зурбагана и Эльдорадо).

Авторы начала XXI века, не сговариваясь, подхватывают традицию мотива Янцзы как места явления бога и тайны. Так, автор под ником *Ветреная ведьма* <так!> пишет текст «Река Янцзы» (2014):

Река Янцзы шептала камышам
Под трепет пеня ветренных осок
Как дует в ус глубоководный сом
Под всплески пляск язвительных плотвиц
и взгляд сома, исполненный любви,
плясал и пел с плотвою в унисон.
В воде по локоть зреет черный рис
Под лаской солнц в резервуарах пойм.

⁷ Душечкина Е. В. Русская ёлка. История, мифология, литература. СПб., 2012. С. 238.

⁸ Мельников И. Вспоминая Янцзы.

Был пойман и пленен красою близ,
 Был призван, но не кем-то, а собой,
 С седых высот босой китайский Бог,
 Обозревать окрестности земли,

Благословляя райский уголок —
 Крестьянина, ведущего волов,
 Крестьянку, собирающую злак,
 Младенца, затевающего плач,
 Бродягу, затевающего путь,
 Монаха, что надел бродяги плащ,
 Бредущего куда-то наобум,
 Неся добро и зло в своих узлах.

И снится богу сон: в речную зыбь,
 К делам святым беспечно поостыв,
 Роняет он извечные бразды,
 И плещется как беззаботный сом
 В звенящем полноводии Янцзы⁹.

Как и в стихотворении И. Мельникова, здесь появляются мотивы божественного присутствия. В стихотворении Мельникова это Рождество, предполагающее восхождение вверх (не случаен здесь мотив зари, акцентирующий внимание на небесном мире и характерный скорее для Пасхи, нежели для Рождества, но присутствующий именно в рождественском тексте мотив воскрешения):

Предвкушенья младенца рожденья,
 Жить и дальше, предписано мне,
 Жду с надеждой мое воскрешенье...

В стихотворении же *Ветреной ведьмы* перед нами своеобразное «богоявление», схождение вниз («босой китайский бог» забывает о своих делах и беспечно плещется, как сом). В целом же тексты интересны как раз тем, что пытаются устойчивый мотив «тайны» объяснить на простых (иногда примитивных) приемах.

Мотив «вечной» реки иногда воплощается чересчур буквально, как, например, в стихотворении В. Таразо «О реке Янцзы» (2010):

Ты такая разная
 о, река.
 Чистая и грязная
 все века.

Тихая и бурная,
 ты — Китай.

⁹ *Ветренная ведьма*. Река Янцзы. См.: <http://ti-poet.ru/stih.php?b=289687> (Заглавие с экрана. Дата обращения 3.11.2017). В тексте сохранена орфография автора.

Боль моя, дурь моя
пропадай.

Ты такая вечная
о, вода.
Бег твой бесконечный
навсегда.

Все твои ущелья
за кормой.
Где ж мое веселье,
свет ты мой?

Разгуляйся вольная
желтая вода.
Грусть моя, боль моя,
будь всегда!¹⁰

С одной стороны, интересен тот факт, что Янцзы становится олицетворением всего Китая, с другой стороны — вечности («все века», «бесконечный» бег «навсегда», финальная просьба-повеление «будь всегда»). Комментарий автора о том, что он проплыл по реке около тысячи километров, также показателен: это и утверждение родства с рекой, своего права писать о ней, и мотив замены частного общим (на берегах этой реки осознается вечность).

Даже откровенно слабые стихи норовят включить в себя мотив «странности», как, например, текст Л. Яценко «Река Янцзы» (без указания года):

<...>
Удивительно и странно –
На Янцзы нет комаров,
Хоть жара здесь постоянно,
Да и влажность «будь здоров».

Хотя, что тут удивляться,
Необжитых мест здесь нет,
Негде гнусу размножаться,
Видно в этом весь секрет...¹¹

«Чужая» река обязана быть странной и удивительной, показательно само желание поэта объяснить странности, утвердить свое обретение мудрости на далеких от России берегах.

Своеобразным подведением итогов формирования мотива «речки Янцзы» становится текст автора под ником *Тщетный* «На Янцзы» (2015):

¹⁰ Таразо В. О реке Янцзы. См.: <http://www.proza.ru/2010/03/29/871> (Заглавие с экрана. Дата обращения 3.11.2017). Публикации сопутствует помета: «В.Т<аразо>. Проплыл по ней около 1000 км».

¹¹ Яценко Л. Река Янцзы. URL: <https://poembook.ru/poem/627828> (Заглавие с экрана. Дата обращения 3.11.2017).

Сиди спокойно на берегу реки,
и мимо проплывёт труп твоего врага

Конфуций

Труп врага всегда хорошо пахнет

Авл Вителлий

Не сочиняются шедевры:
Яцзы(ков), враг мой, спёр талант.
Три портсигара, Тугрик. Евро.
Рубль... (блин! — рубин!.. Нет — бриллиант!)

Сестерций (это брат таланта).
Сестру сестерция таньгу.
Стихи не тронул — вот болван-то! —
Позор Яцзы(кову)-врагу,

Разбогатевшему на шару
На девяносто десять тыщ!
Признаться, стыдно за лошару,
(Что враг мой так духовно нищ).

Съем супу. Тупо поплыву по
Янцзы. С кисельных берегов
Давно заждавшиеся трупы
Моих зажавшихся врагов

Запахнут мёдом и нектаром!
...Ночь. Соловей выводит трель.
Скажи, Конфуций, ведь недаром
Я маслом писал акварель?¹²

Уже начало — «Не сочиняются шедевры...» — это своего рода отсылка к классическим шедеврам и противопоставление себя поэту-классику (Языкову по созвучию с рекой Янцзы).

Игровая поэтика стихотворения, многочисленные созвучия, аллюзии на узнаваемые образы и формулы создают особую прелесть постмодернистского текста. Отсылка в эпиграфе и в финале к Конфуцию также не случайна: лирический субъект декларирует не только отсутствие поэтического вдохновения и денег, но и мудрости, имеющей запах «меда и нектара». Единственным способом преодоления этих лакун закономерно становится плавание по реке Янцзы («тупо поплыву по / Янцзы»), которая для русского поэта не только «чужая река», но и Волга, и Лета, и река вечности сразу.

Таким образом, мотив странной «речки Янцзы», появившийся случайно и развивавшийся стихийно, обрел статус окончательно сложившегося в постсоветской массовой поэзии XXI века.

¹² *Тщетный*. На Янцзы. URL: <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=135862> (Заглавие с экрана. Дата обращения 3.11.2017).

Светлана Жаворонок

«ТУТ ОНА БРОСИЛАСЬ В ВОДУ...»,
или «БЕДНАЯ ЛИЗА ВЫПОЛЗАЕТ ИЗ ПРУДА...»¹

Как же мне любовь обмануть,
Чтоб она казалась неземной?

Е. Юданова. Женские штучки

Ну можно ль поступить безбожнее и хуже —
Влюбить в сорванца и утопиться в луже?

Аноним

Читатель, разумею, не в прозе, а в стихах
Я Лизу бедную не утоплю в волнах.

К. Парпура

Невозможно что-то изменить...
Невозможно что-то изменить в судьбе...

Е. Юданова. Вариации

Посвящается всем женщинам, сумевшим

В 2009 г. в российское интернет-поле вышел очередной альбом самой известной в 90-е гг. девичьей кабаре-группы «Колибри»². Альбом, получивший название «Железные звезды», «зафиксировал» песни, с которыми участницы — Елена Юданова, Инна Волкова, Ирина Шароватова — выступали в течение предыдущих пяти лет³. Причем, по правилам группы, каждая «девушка-дамочка-тетенька» исполняла то, что написала сама. Предпоследним среди 13 треков шла

¹ Благодарю И. С. Веселову и Е. А. Белоусову за дружеское обсуждение статьи, высказанные замечания и предложения.

² Собрать вместе «исключительно красивых и продвинутых девушек города» придумала Наталья Пивоварова (1963–2007). Из семи первоначальных участниц к 1990 г. в группе остались Наталья Пивоварова, Елена Юданова, Инна Волкова, Ольга Фешенко и Ирина Шароватова, а после 1998 г. Е. Юданова, И. Волкова, И. Шароватова начали выступать втроем. Наиболее полно история коллектива представлена в книгах: *Любимов А. Н.* «Колибри»: Иллюстрированная история группы (серия «Легенды нашего рока»). СПб., 2015; *Волкова И. А.* Статус: одна из «Колибри». СПб., 2019.

³ Дискография группы: «Манера поведения» (1991), «Маленькие трагедии» (1992), «Найди десять отличий» (1995), «Бес Сахара» (1997), «Ремиксы» (1998), «Живая коллекция» (1998, концертный), «Best of. Звездная серия» (1998), «ТгіОі» (2001), «Любовь и ее конечности» (2002), «Железные звезды» (2009), «Апокрифы» (2013; альбом продолжает пополняться), «Счастья нет» (2021).

«Лиза»⁴, звучавшая на концертах с начала 2000-х. В новой аранжировке композиция попала и на прощальный альбом группы «Счастья нет», увидевший свет в 2021 г.⁵ Автором текста и музыки выступила Елена Юданова:

Бедная Лиза выползает из пруда:
 «Рыбки — это жизнь, но все-таки не та».
 Листики зеленые так радуют глаза,
 Розовая ленточка прилипла к волосам.

Выводы не делает и делать не спешит,
 Бедная и бледная, подавленно молчит.
 «Бог с ней, с любовью, ведь не каждый же герой!
 А новенькие туфельки остались под водой...»

Может быть, на нас проклятие лежит?
 Проклятие лежит — от холода дрожит...
 Завтра всё исправим мы, вот только бы не лень, —
 И обеззаражен будет каждый Божий день...

Имя героини коротенькой, на первый взгляд незамысловатой песенки сразу погружает слушателя в так называемый «Лизин текст» русской литературы. Понятие было введено В. Н. Топоровым в монографии ««Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет» (М., 1995). С тех пор усилиями авторов и исследователей «Лизин текст» постоянно расширяется и «углубляется», втягивая в свою орбиту все новые произведения и отображая то влияние, которое небольшая повесть, увидевшая свет в 1792 г., оказала и продолжает оказывать на отечественную литературу⁶. Пересаженная на русскую почву европейская

⁴ Композиции, составившие альбом: «Железные звезды» (И. Волкова), «Молодая» (Е. Юданова), «Хабанера» (И. Шароватова), «Про войну» (И. Волкова), «Цветок» (И. Шароватова), «Котятки» (Е. Юданова), «Жигули» (И. Волкова), «Это ты» (И. Шароватова), «Миленький» (И. Шароватова), «Один» (И. Шароватова), «Незабавная» (И. Волкова), «Лиза» (Е. Юданова), «Ту-ру» (И. Шароватова).

⁵ В альбом вошли песни (по пять от каждой участницы): «Очумелые глаза» (Е. Юданова), «Народная» (И. Шароватова), «Физика» (И. Волкова), «Миленький» (И. Шароватова), «Орбитальная станция» (И. Волкова), «Внедорожная» (вокализ Е. Юдановой), «Что-то о небе» (И. Волкова), «Один» (И. Шароватова), «Лиза» (Е. Юданова), «Молодая» (Е. Юданова), «Иду по радуге» (И. Шароватова), «Мальчики невезучие» (Е. Юданова), «Если ты дышишь» (И. Шароватова), «Ничей друг» (И. Шароватова), «Как мне кажется» (И. Волкова). Над восстановлением и преобразованием музыкального материала трудились музыкант и аранжировщик В. Санков («Полюса», «Сети») и давний компаньон группы О. Эмиров.

⁶ Рецепция «Бедной Лизы» в «высокой» российской словесности посвящена обширная исследовательская литература. См., напр.: *Зорин А. Л., Немзер А. С.* Парадоксы чувствительности: Н. М. Карамзин. «Бедная Лиза» // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. М., 1989. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=220484&p=1>, <https://lit.wikireading.ru/11331> (дата обращения 12.11.2021); *Вайль П., Генис А.* Наследство «Бедной Лизы». Карамзин // Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. М., 1991. URL: <http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/literatura.txt> (дата обращения 15.12.2021); *Горнакова Л. Ю.* Аллюзивный русский поэтоним Лиза: опыт интертекстуального и лингвокультурологического анализа: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. URL: <https://www.disscat.com/content/alluzivnyi-russkii-poetonim-liza> (дата обращения 12.10.2021); *Головченко Г. А.* Образ девушки Лизы как один из сквозных образов русской классической литературы // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 6. С. 89–104; *Рынгач Т. Б.* Нарратив повести Н. М. Карамзина: рецепция и трансформация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.

мещанская драма (по остроумному определению П. Вайля и А. Гениса) прижилась и породила целую галерею «бедных людей», включая «бедную девушку» Юлии Беломлинской. Тиражирование сюжета, которое началось сразу после выхода повести, через пару столетий позволило ее героям (под теми или иными личинами) прочно обосноваться на всех этажах российской словесности. Карамзин оказался актуальным и для пафосного высказывания А. Городницкого («Ответственность не возлагают, а берут...», 1995), и для сентиментального неореализма Л. Петрушевской («“Карамзин” (деревенский дневник)», 1994). Отголоски Лизиной драмы можно уловить в жестоких романах, распевавшихся в пионерских лагерях в конце XX в., и в девичьем рукописном рассказе о любви⁷. Беллетристические рецепции сюжета демонстрируют романы Б. Акунина «Азазель» (1998) и «Весь мир театр» (2009), а сетевые авторы делятся поэтическими переложениями карамзинской повести, сочиненной на ее основе «документальной» прозой и милыми «зарисовками с натуры»⁸. Не осталась в стороне от процесса рецепции культового сюжета и отечественная рок-поэзия 90-х. (Нуждающаяся, подобно жестокому романсу, дворовой и авторской песне, в музыкальной опоре, она, так же как и перечисленные явления, слишком долго оставалась «слепым пятном» для исследователей.) Во всех случаях сюжет являет себя читателю (от себя добавим — и автору) в зависимости от его предпочтений, как показал Ю. М. Лотман, рассмотрев механизмы читательской лабильности⁹.

Востребованность образа Лизы объяснялась А. Л. Зориним и А. С. Немзером его двойственной природой, соединяющей «грех» и «святость». Благодаря этой особенности персонажа, по наблюдению В. Н. Топорова, «кумулятивный Лизин текст» после 1917 г. устремился в две полярно противоположные стороны — к дальнейшей идеализации образа и его «развенчанию». Однако разнообразие жанровых форм и, соответственно, финалов, порожденное постмодернизмом, привело во второй половине XX в. к определенным сюжетным и стилистическим схождениям.

2017. №3 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativ-povesti-n-m-karamzina-retsepsiya-i-transformatsiya/viewer> (дата обращения 20.01.2022).

⁷ См.: *Адоньева С. Б., Герасимова Н. М.* «Никто меня не пожалеет...» // Современная баллада и жестокий романс. СПб., 1996. С. 338–364; *Жаворонок С. И.* Девичьи рукописные любовные рассказы // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 185–194; *Китанина Т. В.* Несколько слов о прапрапрабабушке // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве: Сб. в честь Н. М. Герасимовой. СПб., 2002. С. 206–218; *Борисов С. Б.* Любовный рассказ в ансамбле девичьего альбома // Рукописный девичий рассказ. М., 2004; *Кулешов Е. В.* Предисловие // Там же. URL: <https://culture.wikireading.ru/4473> (дата обращения 12.04.2021).

⁸ См., напр.: *Негатив.* Бедная Лиза. URL: <https://stihi.ru/2004/10/01-1367> (2004 г.); *Фикс О.* Бедная Лиза. URL: <https://proza.ru/2014/08/21/264> (2014 г.); *Луковкин-Крылов В. А.* О бедной Лизе замолвлю-ка слово я. URL: <https://proza.ru/2019/01/22/1420> (2019 г.); *Батлук О.* Бедная Лиза: «Не обещайте деве юной. Любви вечной. На земле». URL: <https://www.nashideti.site/bednaya-liza> (2020 г.); *Лина#Свами Эффект попутчика.* Бедная, глупая, счастливая Лиза. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d3ebc4f1d656a00ae927fea/bednaia-glupaia-schastlivaia-liza-610f52bf965a1f3ee3bf46dd> (2021 г.).

⁹ Механизмы читательской лабильности описаны Ю. М. Лотманом в статье «Об одном читательском восприятии “Бедной Лизы” Н. М. Карамзина (К структуре массового сознания XVIII в.)» (*Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 616–620).

Идеализирующая линия «высокой» литературы, оформившаяся в конце XX в. в новый — критический (С. Гандлевский) — сентиментализм (транс-сентиментализм, неосентиментализм, по М. Эпштейну), развивалась параллельно с мелодрама-тизмом наивной литературы. И «высокая», и «низкая» литература, выстраивая свой язык, язык новой чувствительности, обращалась к одному и тому же материалу: бытовой разговорной речи, девичьим любовным рассказам¹⁰, жестокому романсу, дворовой песне и советской эстраде 50–60-х, а затем и 90-х гг.¹¹ Отметим, что в те же 50–60-е гг. «Лизин текст» начал преодолевать границы литературы¹². В 1967 г. вышел телеспектакль «Бедная Лиза» (реж. Н. Барина, Д. Ливнев, в ролях А. Вознесенская и А. Мягков). В 1973 г. Марк Розовский на малой сцене БДТ ставит мюзикл с одноименным названием. В 1976 г. (ред. 1980 г.) Л. Десятниковым была написана камерная опера «Бедная Лиза», в 2009 г. переведенная на язык балета А. Сигаловой. В 1978 г. появился кукольный мультфильм-пантомима «Бедная Лиза» (реж. И. Гаранина), действие которого разворачивается под музыку А. Рыбникова. Впоследствии композитор включил лейтмотив мультфильма в свою рок-оперу «Юнона и Авось» (песня «Шиповник») и тем самым установил связь между русской пейзажной и далекой испанкой (первая запись рок-оперы была сделана в 1980 г., за год до постановки в Ленкоме). В 1998 г. роли Лизы и Эраста разыгрываются И. Купченко и М. Ульяновым (реж. С. Цукерман). В сериальную эпоху массовая визуальная культура также не могла обойти стороной столь продуктивный сюжет, который вкуче с «Золушкой» и «Барышней-крестьянкой» давал огромное количество комбинаций, позволяя практически до бесконечности множить не только «женские» романы, но и «мыльные оперы». Примерами подобной комбинаторики в XXI в. могут служить теленовелла «Бедная Настя» (2003–2004, режиссеры П. Штейн, А. Плоткина, П. Кротенко, С. Либин, Е. Двигубская, А. Смирнов), комедия «Бедная Лиз» (2013, реж. А. Лисовец), детектив «Бедная Лиза» (2019, реж. А. Насыбулин), вышедший в рамках более крупного телепроекта «Московские тайны».

«Высокая литература» советского и пост-советского периода, предлагающая читателю реинкарнации Лизы и Эраста, часто задействует мотивы из сюжетной канвы первоисточника: девица, чистая душой и телом, влюбляется в молодого

¹⁰ С. Б. Борисов, первый собиратель и публикатор девичьих рукописных рассказов о любви, и Е. В. Кулешов полагают, что жанр сформировался в 50–60-е гг. XX в. См.: *Борисов С. Б.* Любовный рассказ в ансамбле девичьего альбома; *Кулешов Е. В.* Предисловие.

¹¹ «Именно на почве неосентиментализма встречаются, с одной стороны, маргиналы постмодернизма <...> а с другой — маргиналы реализма и соцреализма <...> Особенно ярко эта же тенденция реализовалась в постсоветской массовой культуре — в репертуаре Аллы Пугачевой, Тани Булановой, Ирины Аллегровой, группы “Любэ”, в амбициозном “Русском проекте” Д. Евстигнеева и его же “Маме”, в переводном и “самодельном” женском романе в глянцевого обложке, в совершенно обвальном популярности мексиканских и бразильских мыльных опер, превратившихся из строчки телепрограммы в серьезный фактор национального самосознания» (*Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература. 1950–1990-е гг. В 2 т. М., 2003. Т. 2. 1968–1990. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=284791&p=169> (дата обращения 8.02.2022).

¹² Первый опыт визуализации образа «бедной Лизы» принадлежит О. Кипренскому, в 1827 г. написавшему одноименную картину.

человека, стоящего выше нее по социальной лестнице, отказывает жениху-ровне, соединяется с возлюбленным, тот постепенно охладевает к ней, затем выгодно женится, оставляя несчастной только один выход — «в омут с головой»: «Ждет Лизу бедную заросший ряской пруд» (А. Городницкий. «Ответственность не возлагают, а берут...»).

Масс-медиа, ориентированные на женскую аудиторию, предпочитают схему пушкинской «Барышни-крестьянки», где путем разнообразных инверсий история обретает волшеббно-сказочный — свадебный — финал¹³. Интернет-литература, тасующая популярные сюжеты для создания многочисленных фанфиков, более свободна в отборе мотивов и выборе финала. В цифровом сочинительстве можно не только принудить главного героя к самоубийству¹⁴ или даровать ему посмертное существование в виде призрака, но даже подарить чистой неприкаянной душе тело погибшего изменщика, воскресив героя во плоти и примирив таким нетривиальным образом две ипостаси карамзинского Эраста¹⁵.

Тем не менее, подавляющая часть интернет-поэзии и прозы также не выходит за границы сюжета-родоначальника¹⁶. Впрочем, рецепция читающей

¹³ Поэтика happy end'a, как показал Ю. М. Лотман, приобретает особую значимость на фоне ожидания плохого — «как в жизни» — конца (*Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1993. Т. III. С. 387–388*).

¹⁴ «Все это было в начале перестройки еще. В один из тех лихих, мать их так-то, девяностых. Из окна моей квартиры выбросился тогда приятель мой. Живу я на 5-м этаже хрущобы <так!>, так что мало ему не показалось. Хорошо еще, упал не на асфальт, а на раскидистое дерево. Изуродовал себя порядочно, но жив остался. Но вот что меня удивило во всей этой истории. Выбросился он с томиком Карамзина из книг в моей библиотеке, а в томике этом была “Бедная Лиза”. Это что ж, прочел о совращенной Лизе и из-за этого?! Это уж слишком как-то!» (*Луковкин-Крылов В. А. О бедной Лизе замолвлю-ка слово я.*) По ходу повествования выясняется, что лимитчица Лиза обманом заставила несчастного «Эраста» жениться, прописать у себя и усыновить, вероятно чужого, ребенка.

¹⁵ Фикс О. Бедная Лиза.

¹⁶ См., например, поэтическое переложение повести Карамзина интернет-автором, публикующим свои произведения под ником «Негатив» (пунктуация оригинала сохранена):

Стоит на горе монастырь златоглавый,
Дубрава поодаль при ветре шумит
И речка глубокая, ленточкой плавной,
Меж гор и холмов там неспешно бежит.

Вот здесь и жила наша бедная Лиза,
Тут детство ее безмятежное шло.
Не знала она, ни про герцога Гиза,
Ни многих других сильных мира сего.

Был солнечный день, пели птицы в лесу.
Шалун ветерок шевелил то листу,
То быстрым порывом купался в траве,
То вдруг затихал, пропадал в высоте.

По тропке, меж белых и стройных стволов,
С букетом прекрасных весенних цветов,
Девушка, то Лиза, под песню без слов,
На рынок спешит уж по воле богов...

(преимущественно школьной) публики тоже недалеко ушла от проиллюстрированной Ю. М. Лотманом¹⁷.

Казалось бы, заложенный в сюжете потенциал исчерпан и обречен исключительно на бесконечный самоповтор. Однако в эпоху «постпостмодерна», стилистического многоголосия, разнообразных «транс-стилей» («транс-субъективности», «транс-идеализма», «транс-лиризма», «транс-сентиментальности» и пр.) на основе

И тут, на беду, повстречался Эраст.
Он думал, что всё в этой жизни отдаст
За то, чтоб оставить лишь возле себя
Красавицу Лизу, безмерно любя.

Он был опьянен красотой девицы,
Померкла природа, замолкли и птицы.
И думал Эраст только лишь об одном —
Увидеть любимую хоть за окном.

Эраст дворянин. Он красив и холён.
Любовью девиц не был он обделён.
И жизнь прожигал на балах и пирах.
За судьбы других не испытывал страх.

А Лиза? Ах, бедная Лиза!
Забыв, что она с социального низа,
Крестьянская дочь полюбила Эраста,
Себя отдала в добровольное рабство.

Казалось, любовь победила навечно,
Но счастье, оно, как всегда, скоротечно.
И солнечный день вдруг сменился грозой,
А древо любви оказалось лозой.

Эраст на войну как-то стал собираться.
Любимого Лиза мечтала дожидаться.
Его не убили, он просто сбежал...
И слово свое, то, что дал, не сдержал.

Он встретился с Лизой в хоромах своих,
Всё то, что и было у них на двоих,
Он вмиг растоптал. Сто рублей заплатил.
И жить у бедняжки уж не было сил.

Стоит на пригорке разбитая хата,
И речка глубокая так же бежит.
Здесь Лиза жила, пострадала от хвата.
Теперь на погосте бедняжка лежит.

¹⁷ Читательская рецепция повести в веке XVIII, данная через призму мужского восприятия (см.: *Лотман Ю. М.* Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина), мало отличается от взгляда современных школьников, о чем свидетельствуют заголовки интернет-рецензий: «Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?», «Доверчивость, Наивность и Неопытность — это все Лиза», «Есть в монастырском парке Лизин пруд...», «Не говорите мне о нём», «Наивность и воспевание женских душ», «Поматросил и бросил» (URL: <https://www.livelib.ru/book/1001181797/reviews-bednaya-liza-sbornik-nikolaj-karamzin> (дата обращения 18.05.2022); рецензиям на повесть Карамзина посвящены и другие интернет-ресурсы: см., например, https://otzovik.com/review_7113561.html (дата обращения 15.06.2022).

вошедших в привычку повторов и цитатности «возникает новая лирика, для которой ироническое остранение становится началом, а не концом пути»¹⁸.

Возвращаясь к творчеству группы «Колибри», рискнем определить ее литературный стиль как «транс-сентиментализм» и «новую искренность» (М. Эпштейн)¹⁹. Собранная в 1988 г. и в 1991 г. выпустившая первый альбом группа создавала свои драм-песенки из довоенного кабаре и советской эстрады²⁰, романтического синема 1960-х и поп-баллад 90-х, электроники, рэгги, инди и пост-панка. Каждая композиция, исполнявшаяся девушками на концерте (в клипах), разыгрывалась как лирико-экспрессионистическая клоунада²¹. Перформансы могли являть оммаж эпохе Великого Немого с его театральными преувеличенными жестами — неестественными изгибами тел, жеманным заламыванием рук, томными взглядами («опущу глаза, отведу»). В рамках того же концерта участницы группы имитировали акробатические этюды в духе массовых спортивных зрелищ 30-х гг. («Темочка»), «плывущий шаг» ансамбля «Березка» или статику эстрадных номеров 60–70-х а-ля Тамара Миансарова и Эдита Пьеха («Желтый лист осенний»). «Новая искренность» эксплуатировала ностальгию пионерской дискотеки с простенькими узнаваемыми па (тот же «Желтый лист», «Провал» и др.) и диско а-ля АВВА. Клубное шоу оттеняли нотки декаданса с очевидной отсылкой к Вертинскому. Поначалу клоунада активно поддерживалась чередой театральных переодеваний, от которого впоследствии участницы отказались, продолжая, впрочем, дурачиться (в понимании М. Эпштейна) и в текстах, и в музыке²².

С самого начала «Колибри» позиционировали себя как группу, где, по словам Инны Волковой, «девочки поют отдельно от мальчиков». К помощи противоположного пола участницы прибегали на этапе музыкальных аранжировок (так, первый альбом группы «Манера поведения» вышел с подзаголовком: «Посвящается всем мужчинам, сумевшим»). Согласно манифесту, каждая «девочка» создавала свои «девочкины» балаганные песенки-арии со своими нарочито «самодостаточными»

¹⁸ Эпштейн М. О новой сентиментальности. Тимур Кибиров и другие // Эпштейн М. Постмодернизм в России. СПб., 2019. С. 476.

¹⁹ «Новая искренность — это постцитатное творчество, когда из взаимоотношения авторского голоса и цитируемого материала рождается “мерцающая эстетика”. <...> Она выводит нас на уровень транс-лиризма, который одинаково чужд и модернистской, и постмодернистской эстетике. Эта “пост-постмодернистская”, неосентиментальная эстетика определяется не искренностью автора и не цитатностью стиля, но именно взаимодействием того и другого, с ускользающей гранью их различия, так что и вполне искреннее высказывание воспринимается как тонкая цитатная подделка, а расхожая цитата звучит как пронзительное лирическое признание» (Эпштейн М. О новой сентиментальности. С. 469).

²⁰ Первое выступление группы с программой «Каникулы любви» (шлягеры 1960-х годов) состоялось 30 апреля 1988 г. в петербургском подростковом клубе «Романтик», в котором работала основательница группы Наталья Пивоварова.

²¹ В 1980-е гг. Н. Пивоварова занималась в студии театра «Лицедеи», работала в танцевальном коллективе Валерия Леонтьева и была участницей индустриальной группы в «Популярной механике» Сергея Курёхина.

²² Дурачество у «Колибри» — это «готовность попадать в самые смешные, нелепые и унижительные положения, оставаясь открытым случайностям, которые таят в себе возможность волшебного преображения всей жизни» (Эпштейн М. Постмодернизм в России. СПб., 2019. С. 375).

лирическими героинями. Независимость от «мальчиков» эти героини декларировали предельно ясно: «Поймите, мы не для вас!», «Не рядом надо стоять со мной, / Не рядом!» («Не рядом»), «Ногти воткну в ладонь, / Только попробуй тронь!» («Тот, который»), «И если ты хочешь свободно быть / От рабства, / Пойми, что всего лишь осталось / Уйти / Самой» («Ему не нужна американская жена»).

Однако лирическая героиня — наследница «великой русской литературы» — не может не страдать, это известно каждому школьнику, это известно женщинам-писательницам и женщинам-поэтам: «Страх непринадлежности или невозможности быть только собой пронизывает женские тексты насквозь»²³. С этим страхом «бешеные барышни» из «Колибри» справляются при помощи стёба и иронических ах-ламентаций²⁴. Их показательно несчастливые в любви героини наперебой рассказывают о своих «девчочковых», таких банальных и попово-малюсеньких — с точки зрения «мальчиков» — проблемах. Они переживают по поводу собственной красоты и неподходящего платья («Платье не по росту, нету красоты»)²⁵, уходящей молодости («Хоть у глаз следы частых потерь») и стрелки на (единственных?) чулках («Ну откуда дырка на чулке?!»), невозможности без бокала вина вынести тоску одиночества («Но всегда одна — ах, дайте вина! / Только нет вина, и снова одна...»). На языке повседневности, сотканном из разностилевых цитат, девушки говорят о «вечных темах»: жажде любви («Но где же, где же, где же ты?», «Я письма писала, / Но этого мало — / Я писем ждала»²⁶, «Миленький мой, приходи, здесь я вся»), трагической невозможности любви («И словно ты стоишь одна в пустыне...», «Никого нет — вокруг!»), о неудачных любовях и соперницах («У моей подруги длинная коса, / Полюбил ее ты синие глаза», «Без тебя, без тебя жизнь мне вовсе не мила, / Ну а ты злой судьбой предназначен был другой...»), многообещающих встречах («Вот опять звонок — пуля в висок. / Ты от жизни снова на волосок. / Океан любви в мире разлит...») и неизбежных расставаниях, об одиночестве («С добрым утром, ты опять одна!»). Нанизанные друг на друга, кое-где скрепленные аккомпанементом расстроенного фортепьяно или заезженной пластинки и опрокинутые словесной игрой клише вызвали живейший отклик не только у искусственной в языковой игре публики, считывавшей иронию в этом нагнетании слез (и визуализированную на концертах), но и у тех, кто принимал сюжетные перипетии лирической героини за чистую монету²⁷. Такова, например, была слушательская рецепция одного из хитов Елены Юдановой

²³ Герасимова Н. М. «Поэтика переживания» в русской современной женской прозе // Герасимова Н. М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура. СПб., 2012. С. 322.

²⁴ Отметим, что стёб у «Колибри» носит скорее не агрессивный, а «прикольный» характер. См. определение стёба в культуре постмодерна: Томсон О. И. «Цитата, плагиат, ирония, пародия, пастиш и стёб...»: Доклад на международной конференции в Университете культуры и искусства. СПб., 2010. С. 208–212.

²⁵ Рефлексия по поводу платья как неперменной составляющей женской красоты в мужских глазах причесца самым разным героиням русской литературы — от Наташи Ростовской до Мотеньки Ю. Беломлинской (1978) и Риммы из «Сказки о мертвой царевне» Н. Коляды (1990).

²⁶ Вспомним Татьяну Ларину и цветаяевское: «Так писем не ждут — так ждут письма!»

²⁷ Даже сами участницы группы прибегали к экспрессивно-мелодраматическим оценкам, характеризуя творчество друг друга. Так, Елена Юданова, высоко ставя песню «Ромашки» Инны Волковой, по эмоциональному воздействию приравнивала ее к повести «Белый Бим, Черное ухо» Г. Троепольского.

«Желтый лист осенний» (альбом «Маленькие трагедии», 1992 г.), созданного как пародия на отечественную эстраду²⁸, но воспринятого как прямое лирическое высказывание²⁹. Стилистика дворовых песен и девичьих рукописных альбомов неожиданно рекрутировала в ряды поклонников группы даже тех, кто сочувствовал героиням из шлягеров а-ля «Плачет девушка в автомате»³⁰.

Установка на разговорный язык выросших советских школьниц 70–80-х, усвоивших эстрадные и рукописные альбомные жанры вперемешку со школьной программой и редкими публикациями «высокой» поэзии, позволил ариеткам «Колибри» стать своеобразным эстетическим парадоксом: перефразированные цитаты-осколки³¹ стилистически чуждой для рок-поэзии попсы вдруг сложились в тексты, при помощи которых выстраивали свое identity петербургские барышни 90-х³². Утрированно женский язык «Колибри» был непривычен для отечественной рок-поэзии, говорящей преимущественно на «мужском» языке. Бытовые, часто досадные подробности: «Ну откуда дырка на чулке?!» — женской повседневности, сквозь «дырки» которой сквозит искреннее сочувствие героине, раз за разом просыпающейся под настырный будильник, дабы «от бедра на запад» начать «свой крестовый поход» «на новый серый день», стали определяющими для иронично-сентиментального стиля «Колибри»³³:

²⁸ Вот как описывала этот казус сама Е. Юданова: «“Желтый лист осенний” написала я в 1991 году. По телевизору тогда раскручивали начинающих певцов, и одна девочка (Барби) пела: “Красишь ты ресницы в темно-синий цвет, / Ждешь любви прекрасной, а ее все нет”. Песня эта крутилась часто, навязчиво, я устала от нее. И как-то смешалась она в голове вообще со всеми темами про желтые листья и так далее — вплоть до “Осени” “ДДТ” — и возникла мелодия. Через полчаса наваяла на коленке текст — пародию, примитив; но заполнить-то эту мелодию можно было только такой формой!» URL: <https://daily.afisha.ru/archive/volna/heroes/vokalistki-kolibri-o-25letii-gruppy-pivovarovoy-pugachevoy-i-apokrifa/> (дата обращения 15.03.2022).

²⁹ Напомним, что неосентиментальная эстетика, по М. Эпштейну, «определяется не искренностью автора и не цитатностью стиля, но именно взаимодействием того и другого, с ускользающей гранью их различия, так что и вполне искреннее высказывание воспринимается как тонкая цитатная подделка, а расхожая цитата звучит как пронзительное лирическое признание» (*Эпштейн М. О новой сентиментальности. С. 469*).

³⁰ О популярности «Колибри» у разных социальных страт свидетельствует эпизод, описанный А. Любимовым: «В конце прошлого (2018-го. — С. Ж.) года состоялась премьера фильма Сергея Урсуляка “Ненастье”, который повествует о жизни ветеранов Афганистана после распада советской империи. В одном из эпизодов главный герой, brutальный вождь афганцев, смотрит по телевизору “Программу А”, где группа “Колибри” исполняет песню “Женские штучки” (“Ты меня за все пожалей...”). А в следующем эпизоде наигрывает эту вещь на гитаре и поет, глядя на нелюбимую женщину: “То, что рядом есть, не хочу, то хочу, что вечно далеко...” Такое решение (афганец поет “Колибри”) на первый взгляд может показаться небесспорным. Однако песни, которая лучше “Женских штучек” передавала бы главную эмоцию 90-х — тоску по несбывшемуся, — в 90-е написано попросту не было». URL: <https://www.livelib.ru/story/26859-kolibri-aleksej-lyubimov> (дата обращения 16.04.2020).

Шлягер в исполнении Е. Осина прошел путь от раннего стихотворения А. Вознесенского «Первый лед» до песни на музыку О. Фельцмана в исполнении Нины Дорда (1959 г.) и ВИА «Веселые ребята» (1970-е). В 2015 г. кавер-версия на песню Осина исполнили В. Кристовский («Uma2rmaH»), группа «Город 312», С. Светикова, В. Лёвкин и др. Пародийный кавер «Плачет девушка с автоматом» исполнялся группой «Бони НЕМ» (2000 г.).

³¹ Осколки — устойчивый образ в текстах «Колибри»: «И словно ты стоишь одна в пустыне аж / Иль смотришь на себя в осколки зеркала» («Темочка»), «И из осколков не собрать черты любимого лица» («Темочка»), «Соберу осколки прошлого дня» («Манера поведения»).

³² Представляется, что образ петербургской барышни 1990-х не менее интересен для исследования, чем русский денди.

³³ На таком языке стали говорить те, кто пришли после лианозовской группы, например, Владимир Кандельман, Елена Фанайлова, Федор Сваровский и др.

Вот опять звонок — пуля в висок.
 Ты от жизни снова на волосок.
 Океан любви в мире разлит,
 Отчего ж вставать никто не спешит?
 Соберу осколки прошлого дня —
 Всех они смущают, но не меня.
 А вчерашних слов жесткий урок
 Не исправил мой тайный порок.

Не тебе меня поднять, маленький будильник,
 Сладок мой сон,
 Снился мне опять, ах, тот, кто в меня влюблен.
 Нарисую я лицо, для начала красным
 Выкрашу рот
 И на новый серый день начинаю
 Свой крестовый поход.

Ну откуда дырка на чулке?!
 Встану тихо в дальнем уголке.
 Я на медленном бешусь огне...

Ты нежна и в мае, и в ноябре,
 Доверяешь тайны только заре,
 Но всегда одна, — ах, дайте вина!
 Только нет вина — и снова одна.
 Визуальный ряд — просто улет:
 От бедра на запад — полный вперед!
 Ты так прост, и мне скучно с тобой.
 Ах, оставь меня, а впрочем, постой!

Ты давно уже в плену безупречной вроде
 Линии ног
 И нездешних трав ароматных снов.
 И зрачком ты взят в прицел, и бежишь напрасно,
 Ты оробел,
 Но я отвечу: «Нет, нет — да», или просто:
 «Да, да, да» — как всегда!

Невозможно дует от окна.
 С добрым утром, ты опять одна!
 Нет, я все-таки сойду с ума!

Распахни окно тонкой рукой,
 Как спокойно небо над головой.
 Челку уложи наискосок,
 Чтобы обдувал ветер висок.
 Хоть у глаз следы частых потерь,
 Вот уже звонок в старую дверь.
 Вот уже звонок в старую дверь,
 Вот уже звонок...

(Е. Юданова. Манера поведения)

Как и приведенная выше песенка, «Лиза» не оставляет сомнения в ироническом модусе повествования³⁴. Текст строится на двух оставшихся за «кадром» мемах, которые устойчиво ассоциируются с повестью Карамзина: «тут она бросилась в воду» и «крестьянки любить умеют», — вывернутых Еленой Юдановой наизнанку: сцена утопления превращается в сцену чудесного спасения, а гимн крестьянской любви, вложенный Карамзиным в уста Лизиной матушки (в читательской рецепции устойчиво приписываемый самой Лизе), — в усталое «бог с ней, с любовью» из внутреннего монолога самой Лизы.

Начиная свою историю о бедной утопленнице с ее неожиданного воскрешения, Юданова меняет местами начало и конец «пратекста». Она запускает «второй ход волшебной сказки» или следующий сезон «мыльной оперы», которые по закону жанра должны были бы привести к свадебному happy end'у. Тем не менее его нет. И нет вообще никакого «end'a». Отчего же?

Смыслово текст песни распадается на две части. Два четверостишия из трех являют рефлексивную авторскую и героининю по поводу известного события. Участливый взгляд невидимого свидетеля очерчивает произошедшее: бледная утопленница «выползает» из пруда, в ее волосах застряла розовая ленточка — символ прошлой, исполненной девических грез жизни, рядом с несчастной никого нет («Никого нет — вокруг!»³⁵; вспомним детей и подростков — свидетелей гибели героини «Лизина текста»), она подавлена, она молчит (как и упомянутые рыбки), не в силах связно выразить свои ощущения, что вместо нее делает Юданова — через обыгрывание стиля докладной записки: «Выводы не делает и делать не спешит». Вместо выводов (которые, кстати, все-таки последуют — в последней строфе) всезнающий повествователь вслед за Карамзиным предлагает услышать неслышимое — сумбурные мысли героини. Зеленые листики (кивок в сторону буколических пейзажей сентиментализма) радуют и Лизу Елены Юдановой, а вот подводная жизнь — не очень («русалочий сюжет» явно Лизу не прельстил)³⁶. «Бог с ней, с любовью... — думает девушка,

³⁴ «... В XX веке “бедная Лиза” — уже знак традиции классической литературы, пригодный для реминисценций и пародий» (*Оборин Л.* Николай Карамзин. Бедная Лиза. 1792. URL: <https://polka.academy/articles/559>, 2019 г. (дата обращения 22.08.2020). Так, например, бедная пьяная Руфа Л. Петрушевской тонет не пруду, а в бочке с дождевой водой («“Карамзин” (деревенский дневник)»).

³⁵ *У Карамзина*: «Ах! (думала она) для чего осталась в этой пустыне? (Курсив здесь и ниже наш. — С. Ж.) Что удерживает меня лететь в след за милым Эростом? Война не страшна для меня <...> я лечу к тебе!...» (*Карамзин Н. М.* Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. I. С. 618). *У «Колибри»*: «И словно ты стоишь одна в пустыне, / И смотришь на себя в осколки зеркальца...» («Темочка», автор слов и музыки — Н. Пивоварова).

³⁶ «... Родство “Бедной Лизы” и русалочьей легенды (известной во множестве фольклорных и литературных вариантов) вполне вероятно. Здесь мы сталкиваемся с мифологической общностью, рефлексии которой в поздней словесности могут причудливо ассоциироваться. Так, кстати, происходит и при отождествлении бедной Лизы с Офелией» (*Зорин А. Л., Немзер А. С.* Парадоксы чувствительности. URL: <https://www.litmir.me/bg/?b=220484&p=10> (дата обращения 12.11.2021).

Шутливое соединение двух сюжетов являет стихотворение Вероники Долиной «Одна младая девушка тут прыгнула в фонтан...», героиня которого также не прельщается участием русалки:

Русалка не случилась, зато и нет беды.
На то стоит милиция у каждого метро.
И выскочила барышня сухая из воды...

отрекаясь от главной ценности «великой русской литературы». Отречение она резюмирует сентенцией: «Ведь не каждый же герой!» Речевой штамп деконструирует идею: гибель от несчастной любви — непереносимое условие литературного существования героини типа Офелии. Именно такой алгоритм чувствования и «действия» был запущен Карамзиным:

Лица очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» — вот ее мысли, ее чувства! Жестокий обморок перервал их на время. <...> «Мне нельзя жить (думала Лица), нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» — Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению тех древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее³⁷.

...и поддержан А. Городничким спустя двести лет:

Ответственность не возлагают, а берут.
 Ждет Лицу бедную заросший ряской пруд,
 Ждет Кудеяра путь нелегкий к Богу.
 А суд истории, да и Господень суд,
 Невинно убиенных не спасут,
 И покаянья заменить — не могут.

Отказываясь тонуть и жертвенно предавать себя в руки смерти³⁸, отрекаясь от любви (как высшей ценности), Лица Юдановой бесстрашно порывает с ролью героини, навязанной ей всем предшествующим — мужским — «Лизиним текстом». Заметим, что персонажи, населяющие вселенную «Колибри», в принципе далеки от любой героики; периодическое же обращение «всадниц без головы» (И. Волкова) к героико-патетическим идиомам соцреализма, лозунгам и официальной риторике 60–70-х и наложение их на альбомные девические клише понижает пафос обоих стилей. И если, например, лирическая героиня Инны Волковой из песенки «А я?» гиперпрофиранно переживает свою «негероичность»:

А в мире так много
 Полезных открытий,
 Болезни врачи начинают лечить,
 Все в космос, друзья,
 Вскоре вы полетите,
 А я?

³⁷ Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. I. С. 620.

³⁸ Хелена Гоцило полагает, что новаторство женской прозы 90-х (от себя добавим, что и поэзии) состоит в том, что «она разрушает традиционные для русской культуры идеальные представления о женской скромности, верности и жертвенности, выдвигая на первый план жизнь женского тела» (*Goscilo H. Dehexing Sex: Russian Womanhood During and After Glasnost. Ann Arbor, 1996. P. 105–106. Цит. по: Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. Т. 2. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=284791&p=168> (дата обращения 18.03.2021).*

...то в песенке «Не герой» она полностью абстрагируется от мужского «героического» мира, памятником которому стала песня «Огромное небо» (1967) в исполнении Э. Пьехи (Р. Рождественский — О. Фельцман):

Большие города построены навек,
Чтобы располагался, плакал и смеялся
Слабый человек.

Уходят корабли подальше от земли,
Чтобы напротив неба двигаться свободно,
По воде ходить.

Я помню, счастье есть, я знаю, саду цвеств.
Но где такие люди, тысяча орудий...
Страшно перечеств.

И ты, мой друг, ушел,
Как будто не нашел
Причины, чтоб остаться около меня навеки, навсегда.

Плыви, мой друг, плыви.
Иди, мой друг, иди.
Я счастья пожелаю, с первым тебя мая,
Доброго пути.

Стояло небо надо мной, пустое небо, небо.
Меня спросили, был ли он героем. Не был, не был.

Это опустевшее небо — то же самое огромное небо, покинутое его такими разными героями:

В могиле лежат
Посреди тишины
Отличные парни
Отличной страны...
Светло и торжественно
Смотрит на них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоих!

Свернувшая с проторенной классиками дорожки, Лиза Елены Юдановой избежала и ловушки наивно-массовой литературы: спасением своим она обязана исключительно себе и автору, который не счел нужным прислать на помощь девушке, попавшей в крайне затруднительное положение, «всадника на белом коне» («Никого нет — вокруг!»)³⁹. Оборванная мелодраматическая линия вводится через

³⁹ Герой не впервые выводится за рамки сюжета: «Нововведением П. Ю. Львова в области образной системы становится перемещение образа возлюбленного Даши <...> в разряд внесюжетных героев. Вся история

воспоминание страдальцы о новеньких туфельках — символе возможного счастья⁴⁰, — которые сгнули вместе с мечтами о несостоявшемся замужестве на дне злополучного водоема.

Позволив Лизе пренебречь уготованным ей финалом, автор не предлагает своей подопечной встроиться в новый сюжет и оставляет на берегу наедине с зелеными пасторальными листочками⁴¹ и обрывками мыслей, словно Элли, прибывшую на летающем домике в Страну жевунов. Что же ждет Лизу дальше?

Пушкин нашел решение для своих бедных Лиз и Тань: «Так или иначе, но вставал вопрос: как жить “бедной Лизе”, для которой после утраты любимого, пользуясь словами Пушкина, “все были жребии равны”. Самоубийство исчезло, но остались его заменители: смерть от печали, безумие. “Бедная Таня” нарушает канон — ей суждено жить и достойно нести крест своей печали, не поддаваясь новому искушению вновь явившегося Онегина»⁴². Но: «Пушкин знает меня наизусть, вот смешной, а я его — нет», — поет Инна Волкова в песенке «Железные звезды». Поэтому замужество, то есть жизнь после катастрофы, вряд ли подходит персонажам «Колибри». С одной стороны, «бешеные барышни» не готовы терпеть «невезучих мальчиков» («Мы не для вас!»), с другой — эти мальчики сами «куда-то деваются», представляя собой вечно исчезающий объект желания:

Вот темочка избитая —
 Про крылья голубые самолета,
 Которые уносят выше солнца
 И растворяют где-то в облаках
 Знакомые черты любимого лица.

ПРИПЕВ:

Никого нет вокруг,
 Никого нет вокруг,
 Никого нет вокруг,
 Никого нет.

Но где же, где же, где же ты?..

от начала до конца представлена глазами главной героини» (*Рынгач Т. Б.* Нарратив повести Н. М. Карамзина: рецепция и трансформация).

⁴⁰ Неклюдов С. Ю. Тайна старых туфель Абу-л-Касима: к вопросу о мифологической семантике традиционного мотива // От мифа к литературе. Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 209–226.

⁴¹ «...Неопровержимой твердыней в неонатурализме (как и в классическом натурализме; как и в сентиментализме и неосентиментализме, добавим мы. — С. Ж.) становится природа, — точнее, природное начало в человеке и человеческих отношениях. Природность не обязательно окрашена здесь в радостные карнавалы тона <...> но она воплощает силу, неподвластную социальному хаосу, и потому так или иначе противостоит ему» (*Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература. Т. 2. См.: <https://www.litmir.me/br/?b=284791&p=167>).

⁴² *Зорин А. Л., Немзер А. С.* Парадоксы чувствительности. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=220484&p=9> (дата обращения 12.11.2021).

И словно ты стоишь одна в пустыне
Иль смотришь на себя в осколки зеркальца,
И манит за собой несбыточный мираж,
Стремясь обманным ликом обмануть.
И из осколков не собрать черты любимого лица.

ПРИПЕВ.

А что же добрые подружки-умницы —
Не слышат слов любви на крышах чердака,
Зачем, обремененные тоской, они сутулятся
И в небо не глядят, чтобы скорей вернуть
Знакомые черты любимого лица.

ПРИПЕВ.

Вот темочка избитая та —
Про крылья голубые самолета,
Вот темочка избитая...

(Н. Пивоварова. Темочка)

В третьей строфе своей песенки, образующей своеобразную авторскую «полурамку» к истории о бедной Лизе⁴³, Елена Юданова затевает интерактивную игру со слушательницами, втягивая последних в текст посредством местоимения «мы / нас»:

Может быть, на нас проклятие лежит?
Проклятие лежит, от холода дрожит...
Завтра всё исправим мы, вот только бы не лень, —
И обеззаражен будет каждый Божий день...

Интерактивная игра подкрепляется языковой — в духе анекдотических омонимических смещений: «Штирлиц стрелял (в)слепую. Слепая отпрыгнула и стала отстреливаться», «Штирлиц топил печку. Через час печка утонула». Омонимия снижает пафос вопроса, однако не снимает приглашения поразмышлять о сюжетной и жизненной предопределенности: можно ли вырваться из замкнутого круга, или все попытки тщетны и мы обречены, как Лизавета Ивановна из «Пиковой дамы», возвращать себе подобных⁴⁴ или вслед за Офелией, Лизой, Катериной тонуть каждая в своем водоеме? И если персонаж песни показывает, что выйти за пределы своего

⁴³ Рамочная конструкция с повествователем, придуманная Карамзиным для своей повести, была заимствована и видоизменена его последователями. См. упомянутую монографию В. Н. Топорова и исследование Т. А. Алпатовой (*Алпатова Т. А. Проза Карамзина: поэтика повествования*. М., 2012).

⁴⁴ «И “бедная Лиза” из “Пиковой дамы” <...> не составляет исключения. Пережив катастрофу, потеряв надежду на любовь, она ограничилась обмороком на похоронах графини и “вышла замуж за очень любезного молодого человека <...>. У Лизаветы Ивановны воспитывается бедная родственница”, которой, видимо, придется тоже разыгрывать сходный сюжет. Безысходная жесткая повторяемость не оставляет места чувствительности: Лизавета Ивановна надеялась попасть в сентиментальную повесть, а попала в роман, вроде тех, что Томский давал читать старой графине, но и этот “роман” не состоялся» (*Зорин А. Л.*,

сюжета возможно — отказавшись от предписанного классиками и когда-то усвоенного «книжного я», то автор, видимо, держа в голове судьбу Обломова, настроен крайне пессимистично: «Завтра все исправим мы, вот только бы не лень...». «Исправим» — безуспешно попытаемся начать новую жизнь, которую всегда откладываем на завтра? Или «исправим» — вернем «глупую, бедную, счастливую»⁴⁵ Лизу назад в пруд, чтобы обезопасить — обеззаразить — себя от всяких неожиданностей? А впрочем, зачем вообще что-то менять-исправлять, когда можно просто лежать на берегу и любоваться зелеными листочками?

Расхожими лозунгами инерцию сюжета и жизни не переломить, жертвенной книжной любовью — тем паче, остается последнее средство, к которому в подобных случаях всегда прибегала «великая русская литература» и про которое знают «бешеные барышни» из «Колибри», — это жалость, даже если она упакована в пародию на советскую эстраду 50–60-х гг.:

То, что рядом, я не хочу.
 То хочу, что вечно далеко.
 Как же мне любовь обмануть,
 Чтоб она казалась неземной?
 Ты меня за всё пожалеи,
 Даже, если хочешь, поругай.
 Только не бросай, не бросай.
 Только не бросай!..

(Е. Юданова. Женские штучки)

Жалость к себе, измученной культурными (= мужскими) стереотипами, жалость к такой же одиноко-самодостаточной, как ты, — пропеваемая в различных регистрах — эстрадно-лирическом, народно-частушечном, балаганно-дурашливом, как стишок-пирожок, — это, по-видимому, та сила, которая помогает не утонуть в «бурном житейском море» представительницам эпохи транс-сентиментализма:

А в стаканах полно нолито —
 Аж по самое кольцо.
 У тебя с бедой одно лицо
 И со мной одно лицо.
 Ты теснишь меня под столиком
 Чашкою коленную,
 И динамик разрывается
 Про любовь нетленную.
 А ты пошел со мной на крайности

Немзер А. С. Парадоксы чувствительности. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=220484&p=10> (дата обращения 12.11.2021).

⁴⁵ Конфликт этого интернет-рассказа разворачивается в плоскости «мать — дочь — сводная сестра» по сюжетной схеме «Мачеха и падчерица» (СУС 480; *Лина#Свами Эффект попутчика*. Бедная, глупая, счастливая Лиза. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d3ebc4f1d656a00ae927fea/bednaia-glupaia-schastlivaia-liza-610f52bf965a1f3ee3bf46dd> (2021 г.).

Не за любовь нетленную,
 А потому, что моя кофточка
 Слишком откровенная.
 Я стою такая *бледная*
 И по жизни *бедная*...
 Ты поставь стаканы рядышком –
 Так удобней наливать.

Мне с утра уже неможется –
 Что же будет к вечеру?
 К твоему плечу свое лицо
 Прислоню доверчиво.
 У тебя пальто хорошее,
 Только очень колется...
 От тоски чужие личности
 Ненадолго сходятся.

(Е. Юданова. В стаканах полно налито)

Жалость в новом сентиментализме, как полагают Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, занимает самое почетное место среди чувств, окружающих жизнь тела, становясь «синонимом гуманности». Новый сентиментализм, по мнению исследователей, «ищет язык, в котором телесные функции приобрели бы духовное значение. Сексуальность осознается здесь как поиск диалога. Единственным спасением для человека оказывается способность отдать свое тело другому»⁴⁶. И если рафинированные, бедные и бледные («Я стою такая *бледная* / И по жизни *бедная*...») героини «Колибри», заскучав от самодостаточности, начинают играть в «девочковую» игру «к кому бы прислониться» («Играю я в колечко, похоже, что нечестно, / Пусты мои ладошки — не здесь мое сердечко»), то Лиза Елены Юдановой, отдав все долги «великой русской литературе» в прошлой жизни, не хочет больше никому принадлежать.

Обращаясь к повести Карамзина через романтизированную эстетику 50–60-х гг. XX в. (неслучайно первые выступления группы строились на эстрадном репертуаре того времени), переоткрывших чувствительность для массового читателя-слушателя-зрителя, и через иронический мем «бедная Лиза», Елена Юданова «сдвигает культурный архетип из привычного семантического гнезда»⁴⁷. Устраивая клоунаду

⁴⁶ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=284791&p=169> (дата обращения 15.11.2021).

⁴⁷ «В произведениях “нового сентиментализма” актуализируется память культурных архетипов, наполненных высоким духовным смыслом: образы пушкинской сказки и андерсеновской “Снежной королевы” у Коляды (“Сказка о мертвой царевне”, “Ключи от Лёрраха”), мотив Медеи у Л. Улицкой (“Медея и ее дети”), параллель с феллиниевской Кабирией у М. Палей (“Кабирия с Обводного канала”), травестирирование сюжета о благородном рыцаре — верном слуге своей Дамы в повести Г. Щербаковой “У ног лежачих женщин”, но эти архетипы не канонизированы, они сдвинуты из своих семантических гнезд, а главное — в отличие от прежнего неосентиментализма, они не находятся в непримиримом антагонизме с окружающей их “чернухой”. Отношения тут сложнее — и отталкивание, и нахождение черт сходства, и озарение порывом из “чернушного дна” к свету, излучаемому архетипическим образом» (Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=284791&p=169> (дата обращения 15.11.2021)).

из отечественной словесности, перемешивая жанры, стили, сюжеты, девушки из «Колибри» предлагают свой рецепт взаимодействия с реальностью — жалостливо-шутливой:

Мне жаль тебя немного,
 Себя намного больше,
 Себя всегда жальчее,
 Люблю себя я очень.
 Тебя люблю я тоже...
 Но всё же...

(И. Шароватова. Ту-пу)

Этот рецепт позволяет — пусть на время исполнения песни — избавиться от комплекса жертвы Лиз и Тань, храбро, не впадая в «кабацкость» и «чернуху», сделать выбор в пользу одиночества, если вдруг не заладилось с любовью, или, на худой конец, гордо, «по-девичьи», поплакать в подушку:

Не провожают меня глазами
 мальчики со двора.
 Не провожают — ну и не надо,
 буду ходить сама.
 Не провожают, и не встречают,
 и не кричат «привет!»
 Так и хожу, хожу я одна
 уже очень много лет.

(Е. Юданова. Не провожают)

«Женщина говорящая» стала в конце XX в., как отмечала Н. М. Герасимова, «не только объектом, но и субъектом речи, носителем своего голоса в мире, рассказчицей своей беды и своей судьбы, выдумщицей своей истории»⁴⁸. Для питерских барышень-дамочек-тетенок (да и для чутких питерских «мальчиков») такие истории сочиняли и проживали бесстрашные девушки из группы «Колибри».

P. S. Разумеется, кроме жалости, у «Колибри» есть и другие — чисто женские и не менее действенные — шуточки-способы примириться с несовершенством этого мира — например, «выкрасить красным рот» или, подобно героине волшебной сказки, пойти гулять в сад⁴⁹, то есть отважно начать все сначала.

⁴⁸ О говорении как способе избежать одиночества см.: Герасимова Н. М. «Ой!» — «Что с тобой?» или О страхе любви: Доклад на Международной научно-практической конференции «Языки страха: женские и мужские стратегии поведения». СПб., 3–5 октября 2003 г.; Герасимова Н. М. «Поэтика переживания» в русской современной женской прозе. С. 323.

⁴⁹ Слова из песен «Манера поведения» и «Как хорошо гулять в саду».

Раздел 4
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Марина Костюхина

ТРИ СЕСТРЫ В ПОИСКАХ ИДЕАЛА (НЕ ПО ЧЕХОВУ)

Имена трех сестер Бурнашевых связывают с деятельностью их брата Владимира Бурнашева (1810–1888), автора популярных детских изданий 1830–1850-х гг., публиковавшегося под псевдонимом В. Бурьянов. Сестры (родная и двоюродные) проявили себя в нескольких видах женской деятельности, доступной для русских дворянок середины XIX века. Софья (1820–1883) была детской писательницей и выпускала журнал «Час досуга», Екатерина (1819–1875) служила классной дамой и печаталась в журналах, Мария (даты жизни неизвестны) преподавала и переводила. Старший брат поддерживал сестер материально, хотя сам вечно нуждался в деньгах. Поддержка брата была не лишней, поскольку незамужние сестры должны были зарабатывать педагогической и переводческой деятельностью, для женщин мало оплачиваемой.

Идеалом женской личности для сестер Бурнашевых была Елизавета Кульман (1808–1825), рано ушедшая из жизни переводчица и поэтесса. Кульман родилась в семье чиновника, который умер, оставив сиротами семь сыновей и двух дочерей, одной из которых было всего два года. Очень рано девочка проявила таланты к языкам. Родными для нее были немецкий и русский. С 9 лет Елизавета свободно говорила по-французски, с 11 лет по-итальянски, позднее выучила латинский, греческий и новогреческий, английский, испанский и португальский языки. Елизавета не только говорила и читала на иностранных языках, но также писала на них стихи и делала художественные переводы («Оды Анакреона» она перевела на семь языков). Своими лингвистическими успехами Кульман была во многом обязана учителю Карлу Гросгейнриху (1783–1860), под руководством которого она осваивала языки. Трудовой день юной гениальности длился 12–14 часов и воспринимался ею как самоотверженное служение искусству. Когда Елизавета умерла (от чахотки), на ее могиле был установлен памятник с надписью на нескольких языках, которыми она владела¹.

Уже при жизни гениальная девочка имела известность, о чем свидетельствует участие в ее судьбе высокородных покровителей (среди них Елизавета Алексеевна,

¹ Среди современных исследований, посвященных биографии и творчеству Е. Кульман, см.: *Файнштейн М. Ш.* Писательницы пушкинской поры: историко-литературные очерки. Л., 1989; *Ганзбург Г. И.* Статьи о поэтессе Елисавете Кульман. Харьков, 1998.

супруга Александра I, и вел. кн. Елена Павловна)². Однако культ юной гениальности стал создаваться позднее. В 1833 году вышел сборник ее стихотворений в 3 частях, два года спустя «Жизнеописание девицы Кульман» профессора А. В. Никитенко (1835), а в 1849 году книга Карла Гросгейнриха «Елизавета Кульман и ее стихотворения», переведенная с немецкого на русский Екатериной и Марией Бурнашевыми³.

Легендарный образ Кульман создавался ее биографами в стилистике немецкой романтической культуры 1820–1830-х годов (И. В. Гёте был в восторге от стихов Кульман, а композитор Р. Шуман написал музыку на ее произведения). Юная гениальность изображалась как ангельское дитя, наделенное небесным даром и не нашедшее себе признания в земной жизни (издатели и биографы не упоминали о популярности Кульман в аристократических кругах Петербурга). Метафорическое противостояние жизни и идеала, воспетое романтиками, в биографии Кульман получило свое реальное воплощение. Реализацией метафоры стал образ юной женщины как вечно ребенка (Елизавета навсегда осталась семнадцатилетней).

Однако не романтическая семантика образа Кульман и не ее таланты и ранняя образованность послужили причиной общественного внимания к ней в 1840–1850-е годы. Образ гениальной поэтессы позволял высказаться на тему участия образованных женщин в публичной и творческой деятельности. В Елизавете Кульман искали союзницу те, кто занимался издательской и переводческой работой, отвоюя себе право на достойный заработок и уважение. К таким женщинам относили себя и сестры Бурнашевы.

Интерес сестер к судьбе Елизаветы Кульман был обусловлен во многом личными обстоятельствами: они, как и покойная поэтесса, жили в Петербурге и брали уроки иностранного языка у К. Гросгейнриха, учившего Елизавету⁴. Гросгейнрих познакомил сестер с профессором А. В. Никитенко, который был автором биографической статьи о Кульман и давал сестрам советы в литературных опытах⁵. От своих наставников Бурнашевы узнали в деталях историю жизни Кульман, находя переключки со своей судьбой. Им были знакомы бедность и высокомерное отношение окружающих, выпавшее на долю Кульман. Эпизод про то, как отвернулись от Елизаветы светские девицы, узнав, что та собирается зарабатывать на хлеб гувернанткой, читался сестрами со слезами на глазах (Екатерина и Мария служили классными дамами при Николаевском сиротском институте, что было немногим лучше гувернанток).

² О покровительстве высочайших особ по отношению к Елизавете Кульман см.: *Озеров А. П.* «За чайным столом» (Воспоминания об императоре Александре I) // *Русская старина*. 1893. № 6. С. 490–530.

³ Пиитические опыты Елисаветы Кульман: [В 3 ч.]. СПб.: 1833 (1839), *Жизнеописание девицы Елизаветы Кульман* / Соч. А. Никитенко. СПб.: 1835, *Елизавета Кульман и ее стихотворения* / Соч. К. Гросгейнриха; пер. с нем. Марии и Екатерины Бурнашевых. М., 1849.

⁴ Переписку с Гросгейнрихом Е. Бурнашева издала отдельной книгой в помощь освоению иностранного языка (Переписка ученицы с наставником: Статьи для перевода на фр. и нем. яз., с прил. слов / Изд. Екатерина Бурнашева, классная дама при Николаев. сирот. ин-те. Санкт-Петербург, 1861).

⁵ Биографический материал для своей статьи о поэзии Е. Кульман А. Н. Никитенко взял из рассказов К. Гросгейнриха, с которым был лично знаком. Биография Кульман, написанная А. В. Никитенко, послужила «образцом жизнеописания женщины-писательницы» (*Савкина И.* Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 290).

У сестер, как и у Елизаветы, был опыт жизни на съемных петербургских квартирах под самой крышей, необходимость обшивать себя самим и нехватка денег на культурный досуг⁶.

Личный интерес к судьбе юной гениальности подогревался участием сестер Бурнашевых в общественном обсуждении роли женщин-писательниц. Споры об этом, только начинавшиеся при жизни Кульман, стали важной частью общественного дискурса 1840–1850-х гг. Все три сестры пробовали себя на писательском поприще: Софья издала несколько книг для детей, Екатерина и Мария переводили зарубежную литературу, так что споры о правах женщин-писательниц касались их напрямую. В обществе обсуждалось не то, прилично ли русским дворянкам переводить, писать и печататься (к середине XIX века такая постановка вопроса казалась архаичной). Спорным был вопрос о том, может ли научная и творческая деятельность женщины служить оправданием для отказа от традиционных гендерных ролей. Сомнение в допустимости этого высказывали не только ретрограды и консерваторы, но даже продвинутые либералы.

Личная позиция сестер Бурнашевых в женском вопросе определялась во многом их деятельностью (издательской и педагогической), непосредственно связанной с практиками женского воспитания. О содержании этой позиции можно судить по публикациям Екатерины Бурнашевой, самой активной из сестер в области публичной полемики. В течение нескольких лет она была сотрудницей журналов А. О. Ишимовой для девочек «Звездочка» (1842–1863) и «Лучи» (1850–1860). В этих журналах создавался образ культурной русской женщины в соответствии с общепринятыми гендерными образцами. Ишимова была убеждена, что модели женской идентичности, сформированные патриархатной традицией, были и остаются неизменными. Чем раньше девочка их освоит (через быт, воспитание, литературу), тем благополучнее сложится ее будущая семейная жизнь — основа счастья всякой женщины.

В журнале «Лучи» за 1859 год была опубликована повесть «Опасный дар», написанная Августой Вороновой. Название повести говорит само за себя. Девочка из многодетной семьи бедного чиновника с детства была одарена литературными способностями, что дало ей право пренебречь обязанностями жены, сестры, хозяйки. Любящий муж в целях излечения супруги от опасного дара дал ей возможность услышать презрительную оценку результатов ее творчества, данную умными людьми (разумеется, мужчинами). Публичное унижение заставило несостоявшуюся писательницу «смириться с действительностью» и понять, что «единственное счастье для женщины» заключается в семейной жизни. Повесть сотрудницы Ишимовой, как и статьи самой издательницы, была направлена против Жорж Санд, популярность романов которой подрывала гендерные устои русского общества⁷.

⁶ Стихи, написанные Кульман о высокомерных девицах, сестры Бурнашевы воспринимали очень лично. «Я слышу хохот твой обидный! / Но, звуки струн моих браня, / Знай — я избрала путь завидный, / И не гнать тебе меня!» (Елисавета Кульман и ее стихотворения. С. 80).

⁷ Издательница пользовалась риторикой моралистов, согласно которой отказ от патриархатной нормы есть безумие. Самым страшным Ишимова считала то, что этим безумием охвачены современные женщины.

«Опасным даром» обладали и сестры Бурнашевы. Ответ на личный вопрос и общественный запрос, как совмещать склонность к творчеству с женскими ролями и добродетелями, они искали в биографии Елизаветы Кульман. Выбор юной поэтессы в качестве личного идеала и гендерного образца был не типичен для русской назидательной литературы (знаменитая античная поэтесса Сапфо служила в ней примером распущенности нравов). Однако Бурнашевы имели дело не с реальной личностью Кульман, а с ее литературным образом, созданным Гроссгейнрихом в полном соответствии с гендерным канонem. Гениальная лингвистка и талантливая поэтесса изображалась в его книге с атрибутами послушной дочери и преданной ученицы. Такой же образ юной гениальности поддерживался в официальной переписке, которую Гроссгейнрих вел по поводу издания и переиздания произведений Кульман на средства Российской академии наук.хлопоты учителя Елизаветы увенчались успехом: сочинения Кульман были переизданы в 1839 году, и не без помощи созданного Гроссгейнрихом биографического образа юной поэтессы⁸.

Согласно его рассказам, мать девочки ратовала за жертвенный отказ от поэтического дара во имя важных для общества семейных ценностей, в то время как ее дочь мечтала о стезе поэта. В этой ситуации наставник предлагал своей ученице выбрать «серединый» путь. По его словам, «достаточно десяти часов в сутки для совестливого исполнения всех наших обязанностей. Остальными четырнадцатью часами мы можем располагать по собственному произволу. От нас зависит определить, сколько мы хотим времени для отдыха, сколько для обеда, ужина и сна»⁹. Распорядок дня с поминутной занятостью не оставлял талантливой девушке возможности пользоваться публичной славой и играть какую-либо роль в обществе.

Согласно рассказам биографа, Елизавета полностью следовала наставлениям учителя. За переводы и сочинения она бралась, убрав жилище и приготовив еду, а на светские мероприятия являлась в платьях, пошитых собственными руками. Даже ненавистное вязание (по признанию девочки) она сделала своей постоянной практикой в целях самовоспитания. При этом Елизавета была хороша собой, мила в общении и скромна в разговоре (образец гендерного поведения в свете). Такой образ жизни сестры Бурнашевы полагали идеальным и нормативным для каждой образованной девицы, противопоставляя его разрушительному образу Жорж Санд.

«С сокрушенным сердцем надобно сказать вам, милые читательницы, что под вымышленным именем *Жоржа Санда* (курсив Ишимовой — *М.К.*) пишет — женщина. Да, эта ослепленная женщина нападает на самые первые установления общественные, на самые святые связи семейственные. Герои и героини ее считают тягостными все союзы, освященные Богом: по мнению их, и родители, и супруги, и дети напрасно связаны друг с другом родством и законами, и им кажется несравненно лучше всех этих вечных учреждений — отдаваться только увлечениям своего сердца» (*Ишимова А.О.* Несколько слов о чтении романов и указатель чтения для юношества. СПб., 1847. С. 10).

⁸ «Гроссгейнрих полагал, что Кульман сможет существовать в сознании читателей и в памяти культуры благодаря совокупному воздействию на читателя ее сочинений, личности и судьбы» (*Ганзбург Г.И.* К истории издания и восприятия сочинений Елизаветы Кульман // Русская литература. 1990. № 1. С. 150).

⁹ Елизавета Кульман и ее стихотворения. С. 54.

В целях популяризации образа юной поэтессы Бурнашевы предприняли в 1849 году перевод книги Гросгейнриха, изданной на немецком языке в Лейпциге в 1844 году. Биографию Кульман Бурнашевы предлагали рассматривать не как феномен гениальной личности, а как жизненную программу для воспитания девиц. Сестер не смущало, что «серединный путь», обозначенный наставником Елизаветы, так и остался нереализованным женским проектом (вследствие смерти поэтессы), а романтический культ одаренных одиночек сменился прагматикой борьбы за женское образование.

В 1853 году Екатерина Бурнашева опять вернулась к судьбе Кульман, написав о ней статью для журнала Ишимовой «Лучи». Биографические факты из книги Гросгейнриха она дополнила своими комментариями и переводами немецких стихов Кульман. «Серединный путь» публицистка толковала как «средний», доступный для каждой из девиц, подчеркивая в образе Кульман типично девичьи черты, роднящие юную гениальность с ее нынешними ровесницами¹⁰. В разборе стихов Кульман Екатерина Бурнашева также придерживалась нормативов «серединности», оценивая признаки ученичества как достоинство, переводы как выражение почтительности, подражание как проявление скромности. Творческая индивидуальность Кульман, высоко оцененная маститыми критиками (среди них И. В. Гёте и Ж.-П. Рихтер)¹¹, заклонялась перечнем присущих женскому полу добродетелей.

Не последнее место среди них занимает девичья невинность, особенно дававшая о себе знать в переводах од Анакреона, предпринятых Кульман с целью овладения греческим языком и античным стихом. Согласовав правила стихосложения и лексического соответствия, Елизавета механически воспроизвела типичные для анакреонтики образы страсти и любви, о которых двенадцатилетняя переводчица не имела никакого понятия. Именно такая «страсть» и такая «любовь» допускались в назидательной литературе для воспитания девиц (в отличие от изображения страстей в «порочных» романах Жорж Санд).

Либеральные перемены в общественных взглядах заставили Бурнашеву отредактировать временной график, который учитель Кульман составил для своей ученицы тридцать лет назад¹². Но образцы гендерного поведения, соответствующие патриархатным нормам, остались непоколебимыми¹³.

¹⁰ «Подобно вам, Кульман была молода; все для нее было ново, любопытно, удивительно. Подобно вам, она задавала себе вопросы о том, о другом на каждом шагу и сама же отвечала на них. Подобно вам, она видела во многих вещах одну привлекательную сторону, и толковала о них по-своему. Еще подобно вам, она предпочитала мечту действительности» (*Бурнашева Е.* Стихотворения Елизаветы Кульман // *Лучи*, журнал для девиц, издаваемый Александром Ишимовой. СПб., 1853. №4. С. 304).

¹¹ Подробный обзор критических отзывов на произведения Е. Кульман см.: *Ганзбург Г. И.* К истории издания и восприятия сочинений Елизаветы Кульман // *Русская литература*. 1990. С. 148–155. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ml9hy8miN0o%3D&tabid=10540> (дата обращения 11.08.2022).

¹² «<...> наставник Елизаветы, этот неистощимый утешения друг ее, и добрая мать представили ей возможность разделить время свое так, чтобы одну часть его посвящать приготовлению к избранному званию, а другую отдавать любимому искусству» (*Бурнашева Е.* Стихотворения Елизаветы Кульман ... С. 223).

¹³ В статье Е. Бурнашевой, опубликованном в журнале для девиц «Лучи», педалируется роль матери, решениям которой дочь подчинялась беспрекословно: «... как ни больно ей было отвлекать дочь от занятий,

Екатерина Бурнашева приняла участие в публичном обсуждении вопросов женского образования. В статье «Чему мы, женщины, учились?» одна из участниц полемики по женскому вопросу Н. Дестунис критиковала женское образование, состоящее из случайного набора фактов и не дающее женщине возможность применить полученные знания¹⁴. Речь шла о необходимости реформы женского образования, находившегося полностью в руках мужчин-педагогов. Екатерина Бурнашева в статье «Мы сами, женщины, виноваты» (1859, № 11) объясняла низкий уровень женского образования его бесперспективностью, связанной с ограниченностью роли женщины замужеством и семейным домом. Вопросы методики обучения она считала вторичными, перекладывая вину за плохое образование на самих женщин (название статьи говорит само за себя)¹⁵. Аргументом в споре мог бы служить образ Елизаветы Кульман, достигшей вершин образованности без новомодной методики, но приводить столь архаичный пример в актуальной статье автор не решилась. Отказываясь обсуждать вопросы реформы женского обучения, Екатерина Бурнашева отстаивала основы образовательного патриархата (реформой женского образования в России ведали исключительно мужчины-педагоги)¹⁶. Публикация ее переписки с Гросгейнрихом, полной дочернего почитания учителя (самой Екатерине к тому времени было уже за сорок лет), это подтверждает¹⁷. Между тем методика Гросгейнриха, заточенная на классические языки, вызывала сомнение уже у современников Кульман, не говоря уже о преподавателях последующих десятилетий.

Реализацию срединного пути сестры Бурнашевы видели не в критике мужского преподавания и женского обучения, а в усовершенствовании женских практик и способах овладения ими. Подход к шитью как дисциплинарной практике должен был уступить место буржуазным представлениям о пользе рукоделия. Такая постановка вопроса была не лишена смысла: изданий для девочек практического характера, связанного с овладением модным шитьем и кроем, в России почти не выпускалось.

С целью изменить эту ситуацию был задуман журнал «Час досуга. Журнал игр, забав и увеселительного чтения для русского юношества. Ежемесячное периодическое

к которым призывали ее наклонности, она принуждена была часто напоминать Елисавете о ее будущем назначении. Рассудительная девушка принимала эти внушения безропотно, даже охотно» (*Бурнашева Е.* Стихотворения Елисаветы Кульман ... С. 223).

¹⁴ Дестунис Н. Чему мы, женщины, учились? // Журнал для воспитания. 1859. № 8. С. 112–120; № 9. С. 169–178.

¹⁵ О месте этой полемики в историографии женского вопроса см.: Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 88.

¹⁶ «Мужская» редакция педагогического журнала с благодарностью отметила этот факт: «Несмотря на различие наших взглядов на статью г-жи Д., мы вполне ценим великодушный поступок автора, обвиняющего во всех недостатках женского образования свой собственный пол, а не нас, мужчин-педагогов» (Журнал для воспитания. 1859. № 11. С. 256).

¹⁷ «Вы поступаете с нами как нежный отец. Моя старшая сестра изъявила желание учиться музыке, и вы подарили ей музыкальное руководство, по которому она может учиться хоть первоначальным правилам. Меньшая пожелала иметь книжку, и вы дали ей две; наконец мне, в поощрение моей охоты к рисованию, вы подарили целую тетрадь с рисунками!» (Переписка ученицы с наставником: Статьи для перевода на фр. и нем. яз., с прил. слов / Изд. Екатерина Бурнашева, классная дама при Николаев. сирот. ин-те. Санкт-Петербург: тип. Д. И. Калиновского, 1861. С. 6).

издание, предпринятое несколькими русскими дамами, под ред. девицы Эсбе (т. е. С. Б.)» (1858–1863). Издательницей журнала выступила Софья Бурнашева, укрывшаяся за литературным псевдонимом Эсбе, а также несколько сотрудниц (вероятно, с участием Марии и Екатерины Бурнашевых), имена которых не названы («целое общество образованных дам, всех добрых матерей семейства, предприняло начинаемый нами теперь труд»).

В анонсе первого номера журнала факт анонимности своих сотрудников издательница толкует с сожалением: «...портфель наш пополняется прекрасными статьями, присылаемыми нам трудолюбивыми соучастниками и соучастницами. К сожалению нашему, они и в особенности он упорствуют в скромном намерении скрывать свои имена от публики, хотя впрочем это все имена особ образованных и отчасти даже ученых»¹⁸. Но в предисловии «К молоденьким читателям и читательницам журнала» желание дам скрыть свои имена трактуется как проявление истинно женской добродетели (союзником литературных скромниц выступает безымянный редактор): «Скромность женщины заставляет моих любимых сотрудниц скрывать свои имена, а с каким бы удовольствием я назвала вам этих прилежных пчелок!..»¹⁹

Опираясь на тип европейских журналов, Софья Бурнашева поместила в каждом номере своего издания разделы с выкройками кукольной одежды, сопроводив их подробными советами. Игры и затеи, описанные в журнале, должны были развлечь юных рукодельниц между уроками шитья (во времена Кульман о таком подходе можно было только мечтать). Деятельность подобного рода и была тем серединным путем, о котором мечтал Гросгейнрих для Елизаветы Кульман: быстро пошитое платье, ловко украшенная шляпка, с удовольствием вышитая сорочка оставляют девочке время на освоение языков, сочинение стихов, написание картин и разучивание музыкальных пьес.

Несмотря на практическую разумность программы журнала «Час досуга», публикации в нем вызвали недовольство читателей. Софья Бурнашева была вынуждена признать, что читатели высказались за большую серьезность и меньшую развлекательность. От журнала ждали позиции по общественным темам, стоявшим на повестке дня в начале 1860-х годов. Женский вопрос делал неактуальными «вышивки и прошивки», помощь в освоении которых предлагала редакция. Отсутствие общественной позиции привело в итоге к закрытию журнала «Час досуга».

Иная историческая судьба была у Елизаветы Кульман, рано ушедшей из жизни, но надолго пережившей сестер Бурнашевых в русском общественном сознании. В эпоху женских личностей, подобных трем сестрам в одноименной пьесе А. П. Чехова, с их стремлением к самореализации и артикуляции жизненной позиции, история юной поэтессы из пушкинской эпохи воспринималась очень современно. Биография Кульман в изданиях конца XIX — начала XX века стала прочитываться не в патриархатном дискурсе, а в феминистическом ключе. Образованная,

¹⁸ Обращение к родителям и наставникам // Час досуга. 1858. № 1. С. II. Сохранена пунктуация источника.

¹⁹ Обращение к родителям... С. VIII.

*Гравюра В. В. Матэ (1856–1917)
с анонимного прижизненного портрета Е. Кульман
(из «Исторического вестника» 1886 г.)*

работоспособная, отвергнутая своим окружением, Елизавета могла сойти за посетительницу Бестужевских курсов²⁰. Ее образ служил примером женской активности, ее девичья юность — знаком свободы от матримониальной зависимости, ее бедность и ранняя смерть — символом борьбы за социальное и гендерное равноправие. Зато три сестры Бурнашевы, так много сделавшие для популяризации своего идеала (в рамках патриархатной культуры), еще при жизни вышли из поля общественного внимания и остались в глубоком прошлом.

²⁰ «<...> за этим столом над раскрытою книгой сидела молодая девушка. Странную противоположность представляла она с окружающею ее будничною обстановкой, так классически правильны были черты ее прелестного лица, такую глубокою мыслью дышало оно» (*Валуева-Мунт А. П.* «Не от мира сего»: (Из жизни Елизаветы Кульман). 1808–1825). СПб., 1892. (Нашему юношеству рассказы о хороших людях). С. 20). (переиздания в 1898 и 1903 годах).

ПОДАРОК КСТАТИ: ТРАДИЦИЯ ОДАРИВАНИЯ
ДЕТСКОЙ КНИГОЙ НА ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА,
НОВЫЙ ГОД И СВЯТУЮ НЕДЕЛЮ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДОЧКА»)

Традиция дарить книгу в подарок — европейская культурная универсалия, которая связана с календарными и религиозными праздниками, важными этапами в жизни ребёнка (окончание начальной и средней школы, победа в конкурсах и т. п.). Сегодня сайты книжных магазинов, издательств, интернет-СМИ предлагают самые разнообразные подборки книг для подарков, например, на Новый год: «Праздник в детской: лучшие новогодние книги для ребенка», «Книги под ёлкой: Новый год и Рождество», «36 детских книг, которые станут хорошим подарком на Новый год: “Орешек”, “Кисельные берега”, “Слоненок Оливер” и другие», «Книги в подарок детям», «Книга на русском под Новый год», «Что положить под ёлку? Книги в подарок для детей»¹. Эта традиция сложилась более 150 лет назад в журнальной периодике. Обратимся к ее истокам.

В XIX веке в имперской России списки книг, рекомендуемых в качестве подарка, публиковались на страницах детских журналов и библиографических изданий, где родители могли выбрать книги для детей. Елена Владимировна Душечкина в книге «Русская ёлка» (глава «Ёлочные подарки и их дарители») писала, что в 1840-е годы обычай обмениваться подарками на Рождество был воспринят от немцев вместе с рождественским деревом и стал широко распространённой практикой в России². По крайней мере, первые упоминания в прессе о традиции дарить подарки детям Е. В. Душечкина обнаружила в журнале «Звездочка» за 1842 год³: «начиная с 1840-х родители приобретали подарки в специализированных магазинах и кондитерских, где перед Рождеством наряду с убранными ёлками продавались игрушки и книги, а также другая праздничная продукция, главным образом импортная...»⁴. Впрочем, на страницах других детских журналов уже в конце 1830-х годов можно встретить обсуждение списка подарочных книг, так, в 1838 году в разделе «Библиография»

¹ Подробнее см.: «Праздник в детской: лучшие новогодние книги для ребенка» (<https://www.labirint.ru/child-now/novogodnie-knigi/>); «Книги под ёлкой: Новый год и Рождество» (<https://www.labirint.ru/news/8511/>); «Книги в подарок детям» (<https://www.mann-ivanov-ferber.ru/catalog/tag/new-year-kids/>); «Что положить под ёлку? Книги в подарок для детей» (<https://eksmo.ru/novogodnie-knigi-dlya-detey/>).

² Душечкина Е. В. Русская ёлка. История, мифология, литература. СПб., 2014. С. 146.

³ Звездочка: журнал для детей, старшего возраста, посвященный благородным воспитанницам институтов Е. И. В., издаваемый Александром Ишимовой. Выходил в Петербурге в 1842–1863-е годы.

⁴ Душечкина Е. В. Русская ёлка... С. 146.

второго выпуска журнала «Детская библиотека»⁵ приводился список книг, которые предлагались в качестве подарков детям: собрание повестей, рассказов и драматических разговоров «Детский альбом на 1838 год» А. Попова, «Зимние забавы и искусство бега на коньках с фигурами» учителя гимнастики в военно-учебных заведениях Г. М. де Паули, изданные А. Б. и А. С. «Игры, забавы и увеселения: сочинены и собраны детьми», «Новая энциклопедическая русская азбука и общепользная детская книга чтения», составленная В. Бурьяновым, «Библиотека детских повестей и рассказов» В. Бурьянова, «Советы для детей, или Рассказы занимательных анекдотов, повестей, происшествий и других назидательных примеров, посвященных сыновьям и дочерям» Ж. Н. Бульи, «Прогулка с детьми по С.-Петербургу и его окрестностям» В. П. Бурнашева, «Зимние вечера, или Беседы отца с детьми об умственных способностях, нравах, обычаях, образе жизни, обрядах и промышленности всех народов земного шара» Ж. Б. Деппинга, «Анекдоты о животных, собранные для детей» в переводе с английского А. Михайлова. Анонимный составитель списка приводил названия произведений, в некоторых случаях указывал авторов, обозначал магазин и стоимость книги: «Продается у Полякова по Суконной линии № 17, цена шесть руб.», «Продается у издателя Лисенкова, в доме Пажеского Корпуса», «Цена 15 р. — у Смирдина на Невском просп., в доме Петропавловской церкви», «Продается у Глазунова на Невском просп. В доме Имзена, цена 7–50», «Цена весьма невысокая, 10 р. У Глазунова же». Каждое произведение эксперт сопровождал аннотацией, чтобы помочь родителям принять решение о покупке. Кроме собственно художественных произведений (повести, рассказы, пьесы), в качестве новогоднего подарка предлагались книги игровой тематики и образовательные пособия.

В 1840–1850-е годы в восемнадцати номерах журнала «Звездочка» были опубликованы рецензии и списки рекомендуемых книг, эти списки были различны по объему (обзор двух, пяти, шести, семи, десяти изданий), но публиковались регулярно⁶. Переводные произведения рекомендовались наряду с русскими, книги на иностранных языках⁷ впервые появились в журнале «Звездочка» в 1851 году. Доля французских изданий в каждом номере варьировалась от четырех-пяти книг до десяти. Именно произведения французских авторов особенно много, по замечанию составителя списка, издавались к Рождеству. Рецензенты сетовали и на то, что новых детских книг в целом издавалось к праздникам мало, но главным образом эта претензия касалась книг на русском языке.

⁵ Детская библиотека. СПб. 1837. Ч. 1. № 2. С. 307–313.

⁶ «Праздничное» чтение отразилось в выпусках за следующие годы: 1844 (№ 2), 1848 (№ 2), 1850 (№ 1), 1851 (№ 12), 1852 (№ 12), 1853 (№ 1, № 12), 1854 (№ 1), 1855 (№ 1), 1856 (№ 12), 1857 (№ 12), 1858 (№ 12), 1859 (№ 12).

⁷ «Infantine knowledge: a spelling and reading book on a popular plan, combining much pleasing and useful information with the rudiments of learning. By Mrs. Lovechild»; «Leçons pour les enfants de trois à cinq ans, suivies de petites historettes avec 12 sujets gravés»; «Contes pour les enfants de cinq à six ans. Douzième édition, ornée de gravures»; «Modeles des enfants ou traits d'humanité, de piété filiale, d'amour fraternel, et progrès extraordinaires d'enfants de six à douze ans, par Pierre Blanchard»; «Modèles des jeunes personnes, ou traits remarquables, actions vertueuses, exemples de bonneconduite, de la part des femmes»; «Contes à ma jeune famille par M-me Malles de Beaulieu».

В составе номеров списки публиковались в разделе «Новые книги» в основном без подписи составителя. Рецензентом могла быть и сама издательница журнала Александра Осиповна Ишимова. Но, вероятно, автором большинства списков и рецензий был писатель, учитель истории и географии в училищах Санкт-Петербурга и Архангельска Василий Петрович Верещагин (1826?-1851). На страницах «Звездочки» публиковались произведения писателя, например, «Очерки Архангельской губернии»⁸, он же составлял отдел «Наука и смесь». В 1850 году в январском номере журнала Верещагин разместил под своим именем рецензию. Писатель, характеризуя обычай одаривания детей книгами на Рождество, отмечал, что книги служили детям вместо игрушек и ценились ими главным образом из-за картинок, которые из книг вырывались, но представить ёлку без книг-подарков было, по его мнению, все же невозможно:

Я люблю собственно этот праздник, это наслаждение, которое вы сами испытываете каждый год и которое понимаете и чувствуете так же хорошо, как и я. Да и в самом деле трудно найти что-нибудь лучше. Я живо помню те восторги, ту радость, которую чувствовал в то время, как убирают ёлку. И в благодарность за эту радость, я сохраняю почтение к самой ёлке, виновнице стольких наслаждений. Но главное, что особенно заставляет меня быть благодарным к ёлке, состоит в том, что «под ее сенью» я начал свое учение. Первую азбуку я получил в подарок с ёлки, — и потом каждый год я получал целые десятки книжечек разной толщины и формы, — то продолговатые, то квадратные, в ящичках и без ящичков, с картинками и без картинок⁹.

В рецензии Верещагин объяснял читателям пользу тех или иных книг, стремясь показать, что не каждый подарок полезен. К бесполезным изданиям он, например, относил «Фанты. Географическая игра» и «Лучшие сказки их тысячи и одной ночи, пересказанные детям», вошедшие в состав сборника «Детская библиотека для чтения, издаваемая Пл. Смирновским».

В 1844 году во втором выпуске журнала «Звездочка» читателям предлагалась статья «Разговор о новых книгах»¹⁰, в которой анонимный рецензент называл произведения, прочитанные детьми и признанные лучшими подарками на Новый год:

В конце Старого года, т. е. перед самым Праздником Рождества Христова и Новым годом, обыкновенно появляются у нас и новые книги для детей. Ими, вместе с игрушками и сладостями разного рода, украшаются Рождественские ёлки. Уже прошло более месяца после этого веселого детского праздника, и дети уже скушали все конфеты, нагляделись на игрушки и прочитали книжки. Мы всегда с нетерпением ожидаем этого времени, чтоб от них самих узнать о том впечатлении, какое произвели на них разные прочитанные ими книжки. Это лучшее средство узнавать достоинство этих новых произведений детской литературы. Оно тем удобнее для нас, что мы лично знаем двух премиленьких детей, охотников до чтения, к которым всегда относимся с нашими вопросами. Это — умная двенадцатилетняя девочка, Катенька и брат ее Петруша. Им обыкновенно дарят

⁸ Верещагин В. П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849.

⁹ Верещагин В. П. Новые книги // Звездочка. 1850. Ч. 21. № 1. С. 49.

¹⁰ Разговор о новых книгах // Звездочка. 1844. Ч. 9. № 2. С. 174–183.

к Новому году почти все вновь вышедшие книжки для детей, и прочитав их, они всегда разделяют их на любимые и нелюбимые. Несколько раз подвергали мы испытанию вкус их и всякий раз удостоверились, что он чрезвычайно верен у детей: книга, не имеющая в себе никакого истинного достоинства, никогда не попадала в число любимых у маленьких знакомцев наших¹¹.

В числе «любимых» книг Катеньки и Петруши были названы повести «Бабушка-рассказчица» А. Вороновой, «Новые повести» А. П. Зонтаг, «Путешествия Гулливера для детей», «Детские вечера или игры для упражнения детей в языках французском, русском и немецком», «Прогулка с детьми по земному шару» В. П. Бурнашева и «Священная история в разговорах для маленьких детей» А. И. Ишимовой. Сочинение издательницы «Звездочки» отмечалось особенно: Катенька и ее брат размышляли в рецензии об авторитетном мнении «маменьки», считающей, что эта книжка должна быть всегда в детской комнате.

В 1848 году новогодним чтением рецензент объявлял не только художественную и учебную книгу, но и религиозную литературу: «Басни» И. А. Крылова, руководство по физическому воспитанию детей «Педагогическая гимнастика со включением плавательного искусства» О. Э. Германа, проповеди «Великий пост, или беседы на Св. Четыредесятницу. Слова, произнесенные ежедневно во весь пост, всего 55 проповедей» Иннокентия, Архиепископа Харьковского, «Слова, беседы и речи к пастве Харьковской, произнесенные в разные времена и в разных местах Иннокентием, Архипастырем Харьковским», «Всеобщий географический атлас», составленный по Дюфуру и приспособленный к географиям: Бланка, Арсеньева, Шульгина, Соколовского, Ободовского и др. Л. Лангером»¹². В другом номере журнала горячо приветствовалось издание «Полного собрания сочинений И. А. Крылова», автор умилялся размещенному в книге портрету: «Вы привыкли думать о нем, как о старичке довольно некрасивом; — перед вами является теперь прекрасный мужчина, который в сорокалетнем возрасте своем, когда писан этот портрет, был настоящим красавцем»¹³.

Начиная с 1850 года каждый номер содержал списки произведений, рекомендуемых для детского чтения анонимными экспертами журнала «Звездочка». Продолжая рассуждения В. Верещагина¹⁴ о скудном книжном детском рынке в журнале 1850 года, автор рецензии на следующий год замечал: «Нынешний месяц самый богатый детскими книгами: во всех книжных лавках и магазинах разложены они целыми грудями, но к сожалению эти груды — книги французских, немецких, английских, но не русских, которые нужнее всех других для детей русских»¹⁵. Следом за двумя новыми переводными книгами на русском языке («Тень старой мельницы, или Рассказы доброй старушки» и «Рассказы тети» М. Д. Мекинтош) в списке

¹¹ Разговор о новых книгах... С. 174–175.

¹² Новые книги // Звездочка. 1848. Ч. 25. № 2. С. 171–173.

¹³ Новые книги // Звездочка. 1847. Ч. 21. № 1. С. 61.

¹⁴ Верещагин В. П. Новые книги // Звездочка. 1850. Ч. 21. № 1. С. 47–59.

¹⁵ Новые книги // Звездочка. 1851. Ч. 28. № 12. С. 390.

следовали произведения на английском и французском языках¹⁶. Рождественский список в 1852 году сводился к списку десяти книг на французском языке¹⁷, автор обзора перечислял магазины¹⁸, где можно было купить книги для детей и юношества на иностранных языках, альбомы, тетради с рисунками, отдельные картинки для раскрашивания, назидательные игры (для изучения географии, естественной истории, арифметики, азбуки) и развлекательные игры (например, комплекты бумажных кукол австрийской танцовщицы Фанни Эльслер и шведской оперной певицы Дженни Линд).

К числу «прекрасных вещей» для детей рецензент относил «Детский минералогический кабинет, заключающий в себе приспособленное к детским понятиям описание земель, камней, солей, горючих веществ и металлов», представляющий собой ящик из картона, в котором содержалось 54 фрагмента минералов: «Посмотрите вокруг себя, любезные читатели и читательницы, если будете смотреть со вниманием, то найдете много такого, чего вы не замечали. Много, очень много любопытного. Вам принесли чай в фарфоровой чашке; со стены в одном месте свалилась штукатурка: говорят, что надобно достать извести и заштукатурить; у папеньки сердоликовая печать, в которую вы часто играете; у маменьки в фермуаре множество бирюзы; вы пишете на деревянном столе...»¹⁹

Автор объяснял, что в книжном магазине можно найти не только полезное чтение, но и игры для удовольствия. Таким подарком на праздники называлась модная комическая игра «Скачка с препятствиями (Steeple-chase)», в которую могли бы играть и дети, и взрослые на праздниках.

Праздничный список 1853 года содержал четыре французские книги²⁰, а также сборник пьес и сюжетов «Детский театр и живые картины», «Бабушкины уроки, или Русская история в разговорах для маленьких детей» А. Ишимовой, «Азбуку русского слова с примерами для чтения». В последнее издание входили молитвы, краткая

¹⁶ См. сноску 7.

¹⁷ «L'amie des enfants, petit cours de morale en action, par Mme. Guisot»; «L'Album des demoiselles, par Edmond Andouit. Un beau vol. In 4»; «Contes historiques, simples recit, dédiés à S. A. R. Le prince Philippe de Wurtemberg, par Leon Guerin. 1 vol. illustrée à deux teintes»; «Les enfants chez tous les peuples, ou la famille de l'Armateur, par Alex. de SAILLET, un vol. illustrée de plus de 120 vignettes et lithographies à l'aquarelle»; «Les enfants peints par eux-mêmes, types de jeunes garçons, par A. de SAILLET 1 vol. in-8 illustrée de 100 gravures, vignettes et lithographies»; «Les enfants peints par eux-mêmes. Types, caractères et portraits de jeunes filles, par Alex. de SAILLET, un vol. in-8 enrichi de 120 vignettes, lithographies etc.»; «Mémoires d'un centenaire, dédiée à ses arrière-petits-enfants, recueillis et mis en ordre par A. de SAILLET, 1 vol. in-8 illustrée de 120 vignettes et lithographies»; «Le magasin des enfants, par M-me. Leprince de Beaumont, revu et augmentée de nouveaux contes par M-me. E. Foa»; «Les plantes curieuses, par Edmond Andouit, 1 joli petit vol.; Oeuvres complètes de Berquin»; «La bonne école par F. Fertault, 1 vol. Ptit in 8»; «Entretiens familiers ou les soirées bien employées, par M-me Melanie Dumont petit vol. in-8»; «Livre merveilleux à images, composée de trente petits contes amusants pour les enfants, par M-me Marie Mallet. 1 vol.»: Новые книги // Звездочка. 1852. Ч. 32. № 12. С. 173.

¹⁸ Книжный магазин Ф.Тамма в Санкт-Петербурге, на Большой Морской, на углу Невского проспекта в доме Косиковских; книжный магазин Я. А. Исакова в Санкт-Петербурге, в Гостином дворе № 24.

¹⁹ Новые книги // Звездочка. 1852. Ч. 32. № 12. С. 173–174.

²⁰ «Alphabet illustrée 80 vignettes et lettres ornées»; «Le Ballon, suivi de Fortune — Ludovic»; «La fête de st. Nicolas»; «Soirées des jeunes personnes, par Mme Bawr».

Священная история Ветхого и Нового Завета, первоначальные понятия о разных других предметах, повести и стихотворения.

В 1854 году журнал предлагал список новых русских книг для детей²¹, которые появились к празднику Рождества Христова: «Подарок кстати: детские повести каноника Шмидта» Х. фон Шмидта, «Сцены на суше и на морях» Т. Дилитца, «Приемыш Сережа: повесть для детей, сочинителя “Серого армяка”» В. В. Львова, «Книга для детского чтения: несколько статей» А. И. Климовича, «Святки» М. Л. Михайлова, «Бабушкины уроки или Русская история в разговорах для самых маленьких детей» А. О. Ишимовой²². В сборник «Подарок кстати» входили четыре повести: «Красное яичко», «Заблудившееся дитя», «Светящийся червяк», «Корзина цветов». Рецензент признавал книгу хорошей, как и «Сцены на суше и на морях», которую рекомендовалось читать детям 12–14 лет. Книга А. И. Климовича представляла собой подарочное произведение, написанное специально к праздникам, а книги В. В. Львова и А. О. Ишимовой — сочинения известных детских русских авторов, их присутствие в подарочном списке обусловлено приверженностью экспертов к историко-патриотической тематике. Повесть о приключениях во время войны 1812 года и книга, рассказывающая о событиях русской истории с древнейших времен до начала царствования Николая I, стали впоследствии классическим подарком на Новый год.

«Святки» М. Л. Михайлова²³ были специально изданы к Рождественским праздникам, однако произведение Михайлова, впервые опубликованное в журнале «Отечественные записки»²⁴ и открывавшееся эпитафией из Н. В. Гоголя («О моя юность! О моя свежесть»), как замечал рецензент, будучи мемуарной беллетристической, скорее было предназначено взрослому читателю. И тем не менее благодаря актуальной сезонной тематике издатель имел возможность предложить книгу как подходящую для детского чтения. Составитель списка подарочных книг считал сочинение полезным: «Впрочем, взрослым и детям приятно будет узнать здесь о том, как проводят в русских семействах святки, а это с каждым годом делается менее и менее известно у нас, столичных жителей»²⁵.

В 1855 году книг для подарков в библиографическом отделе «Новые книги» было уже больше²⁶. Лучшей книгой из вышедших к Новому году эксперт называл «Очерки жизни и сочинений Жуковского, составленные П. Басистовым»²⁷. Особенно полезным и интересным чтением эта книга признавалась для тех читателей, которые начинали изучать русскую словесность. Рассказ о жизни Жуковского сопровождался цитатами из стихотворений, что, по мнению эксперта, интереснее, так как жизнь

²¹ Под «русскими книгами» в рецензии подразумевались книги, изданные на русском языке.

²² Новые книги // Звездочка. 1854. Ч. 37. № 1. С. 41–43.

²³ Михаил Ларионович Михайлов (1829–1865), поэт, переводчик, прозаик.

²⁴ Михайлов М. Л. Святки // Отечественные записки. 1853. Т. LXXXVII. № 3. Отд. VIII. С. 1–31.

²⁵ Новые книги // Звездочка. 1854. Ч. 37. № 1. С. 43.

²⁶ Новые книги // Звездочка. 1855. Ч. 41. № 1. С. 36–43.

²⁷ Басистов П. Е. Очерки жизни и сочинений Жуковского, составленные П. Басистовым. М., 1854.

поэта «объяснялась» его произведениями, а те, в свою очередь, — обстоятельствами жизни. Обыкновенная же форма жизнеописаний рецензенту казалась утомительной ввиду однообразия и риторической напыщенности, что делало биографию бесполезной для детского чтения.

К 1854 году, когда была издана книга П. Е. Басистова, Жуковский уже был одним из самых известных русских хрестоматийных авторов: «Издания сочинений Жуковского расходились мгновенно. В течение десятилетий включенные в школьные и гимназические учебники, многие его произведения запоминались учащимися навсегда, превращаясь тем самым в язык русской культуры, знакомый и понятный каждому»²⁸. Образованный слой российского общества хорошо знал Жуковского: Е. В. Душечкина приводит слова В. Г. Белинского и П. А. Плетнева²⁹, свидетельствующие о популярности поэта и увлеченности читателей его стихотворениями. Видимо, такая популярность способствовала интересу и к биографии поэта и ее детскому изводу, появившемуся среди подарочных книг. Стоит учесть и славу Жуковского как «певца Светланы», автора произведения о старинном народном празднике. Е. В. Душечкина детально изучила, как баллада «Светлана» приобрела известность еще до опубликования и как популярность этого произведения росла от года к году, а сама тема народных святок стала частой в литературе 20–30-х годов XIX в.³⁰ Возможно, биография автора одного из знаковых для русского общества произведений органично вписывалась в праздничный список книг в силу «святочного» статуса его баллады: «В течение долгого времени баллада “Светлана” воспринималась читателем прежде всего как произведение “святочное”. С начала XIX века город и дворянская усадьба, постепенно утрачивая народные календарные обряды и ритуалы, начали вырабатывать более или менее устойчивые формы календарных развлечений, в значительной степени отличные от деревенских»³¹.

Кроме биографии В. А. Жуковского, составитель отобрал в свой список новых книг еще одну биографию «Знаменитые дети, или Жизнеописания людей, которые в детстве своем прославились необыкновенными успехами в науках и искусствах, также и похвальным поведением» в переводе с французского языка, «Рассказы пестрой птички: подарок для детей» в переводе с немецкого, «Постепенное чтение для детей первого возраста» аббата Готье на французском и русском языках, «Арифметическую азбуку», обучающую детей первым началам арифметики, русские повести и рассказы «Зимние вечера», составленные Л. А. Савельевой-Ростиславич, книги на французском языке³². О книгах на немецком и английском языках в журнале тоже

²⁸ Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. — СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 12.

²⁹ Душечкина Е. В. Светлана... С. 12.

³⁰ Душечкина Е. В. Светлана... С. 12–67.

³¹ Душечкина Е. В. Светлана... С. 25.

³² «Bibliothèque illustrée pour les jeunes enfants»; «Bibliothèque de familles, Bibliothèque illustrée de la jeunesse»; «Bibliothèque de la jeunesse chrétienne, composée d'ouvrages historiques et littéraires. 1-re série»; «Bibliothèque de la jeunesse chrétienne. 2-me série»; «Bibliothèque récréative illustrée. Choix d'ouvrages variée composée ou arrangée pour les enfants».

писали, но в обзорах, приуроченных к праздникам, оказывались, как правило, произведения на французском языке.

Журнальный реестр подарочного чтения в 1855 году состоял из биографических изданий, книг, обучающих чтению и арифметике, произведений на французском языке, сборников рассказов и повестей: снова предлагались «Рассказы пестрой птички», указывалось, что в сборник входят страшные и смешные истории о том, как кот хотел поймать пеструю птичку (отсюда и название всего сборника), но попал в пожарный чан, о подземном царстве карлика с бородой до земли, гномах, царевне. Автор обзора отмечал, что «птичка» уступает «русскому коту ученому», который рассказывал более замысловатую сказку, но в целом считал, что если у читателей есть много свободного времени, то познакомиться с «добренькой», хоть и не совсем «умненькой птичкой» можно. Составитель обзора снова советовал сборник «Зимние вечера» А. А. Савельевой-Ростиславич, включающий четыре повести: «Две сестры или детская любовь», «Сельская жизнь», «Святки», «Сиротка Наденька». Лучшей повестью автор обзора называл «Сельскую жизнь», из которой дети могли узнать о достойных внимания и любопытства обычаях поселян, неизвестных городским и особенно столичным жителям. Другие три повести, судя по отзыву рецензента, уступали первой, так как были недостаточно реалистичны: «Особенно позабавят их святки, где представлены двое пресмешных детей и приключения их, не совсем естественные»³³.

К 1856 году «рождественские» списки книг уже становятся узнаваемыми, книги, упоминаемые в них, повторяются из года в год: «В нынешний раз маленькие друзья наши, мы будем иметь удовольствие сказать о многих интересных для вас книгах. Приближается праздник Рождества Христова, а ведь вы знаете, что в этот праздник, по святому и драгоценному воспоминанию о Младенце Иисусе, принято обыкновение, как будто поздравлять детей с тем счастьем, что Господь, Милосердный Спаситель наш, явился на земле как дитя, и при этом случае дарит им то, что могло бы принести им пользу и удовольствие. А как книги именно такая вещь, которая может принести нам пользу и удовольствие, то обыкновенно все родные и знакомые ваши стараются подарить вас какою-нибудь хорошею книгою; сочинители же книг, зная это обыкновение, стараются приготовить к этому празднику поболее таких книг»³⁴. Автор очередного обзора сетовал, что обыкновение одаривать детей книгами во Франции, Германии и Англии появилось раньше, как и просвещение вообще. Поэтому в России (по замечанию рецензента, «по крайней мере в Петербурге нашем») дарились детям в большей степени только иностранные книги, но постепенно отечественные издатели и писатели догоняли «старших братьев по образованию».

Французские книги обозначены и в списке 1857 года³⁵, который предваряло эмоциональное высказывание: «Опять у нас ёлки, милые читатели наши, и опять новые

³³ Новые книги // Звездочка. 1855. Ч. 41. № 1. С. 43.

³⁴ Новые книги // Звездочка. 1856. Ч. 48. № 12. С. 194.

³⁵ «Les petits voyageurs en Californie, par H. de Chavannes de la Giraudiere»; «Recits et anecdotes de chasse, par C. G.»; «Souvenirs d'un vieux pêcheur»; «Veillées instructives et amusantes, par M-me De»; «Lazare ou le petit matelot par M-me Cesarie Farrene».

книги к ёлкам!»³⁶. В число новогодних подарков вошли: «Русская азбука», «Записки доброй матери или последние ее наставления при выходе дочери в свет», игра «Памятник И. А. Крылову». В праздничном номере 1858 года книги на иностранных языках отсутствовали, а под ёлки предлагалось положить «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, «Прогулку с детьми по Киеву» Л. А. Ярцовой, «Мир в картинах» М. Н. Яблонского, сборник стихотворений «Венок», составленный издателем «Степки-Растрепки», и «Картинки из естественной истории с описанием их стихами для маленьких детей» А. Маркова³⁷. Издания на французском «вернулись» в «Звездочку» в 1859 году³⁸. В этом же году к праздничному чтению были отнесены «Учебная книга русской истории» С. Соловьева, «Сказка об Иване Царевиче и сером волке» В. А. Жуковского, рассказы для детей в стихах «Путешествие в сказочную страну», сборник повестей и сказок «Богатый альбом», сборник «В каждом состоянии можно делать добро» Л. А. Ярцовой, рассказы «Открытие Америки, Камчатки и Алеутских островов» А. Е. Разина, рассказы для детей «Геродот и его повествования», «Похождения Энея», «Странствования Одиссея», книги этнографического характера («Земля и люди, или Живописные путешествия и рассказы из быта народов, жизни животных и описания примечательнейших и достопамятнейших местностей всех пяти частей света») К. Бернадского, «Путешествия и открытия второй Гринельской экспедиции в северные полярные страны для отыскания сэра Джона Франклина, совершенные в 1853, 1854 и 1855 годах под начальством д-ра Е. К. Кена»).

Практика составления списков новых, лучших, любимых книг для подарков связана с обрядовым контекстом, как и, например, одаривание поздравительными стихотворениями в Великие праздники³⁹. Требования календарного обряда использовались книгоиздательским сообществом, чтобы предлагать в качестве подарков детские книги. Так как в первой половине XIX в. на детском книжном рынке преобладали книги на французском языке, то и в новогодние списки регулярно входили произведения французских авторов. В библиографических отделах журнала «Звездочка» предлагались «подарки кстати» (книги по случаю, в которых речь шла о зимнем сезоне и сопутствующих ему событиях), переводные издания, литература религиозного характера, обучающие пособия и игры, книги о путешествиях и «прогулках», оригинальные произведения русских авторов. Одними из лучших подарков эксперты «Звездочки» считали произведения самой издательницы журнала А. О. Ишимовой («Бабушкины уроки, или Русская история в разговорах для самых маленьких детей») и «Священная история в разговорах для маленьких детей»), историко-патриотическую и приключенческую книгу В. В. Львова «Приемыш Сережа», «Учебную

³⁶ Новые книги // Звездочка. 1857. Ч. 52. №12. С. 182–186.

³⁷ Новые книги // Звездочка. 1858. Ч. 56. №12. С. 193–198.

³⁸ Новые книги // Звездочка. 1859. Ч. 60. №12. С. 180–188. «Les gloires de l'enfance, par M. Jules Rostaing avec la collaboration de MM. Alfred Des Essarts, Charles Richomme, H. de Bornier»; «Recits d'un instituteur, par l'abbé D. Pinart»; «Scènes instructives et amusantes ou voyages au coi du feu, par Leon Forster».

³⁹ Душечкина Е. В. Сборники детских поздравительных стихов XIX века // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 17–27.

книгу русской истории» С. Соловьева, «Басни» И. А. Крылова, «Очерки жизни и сочинений Жуковского, составленные П. Басистовым», сборники повестей и рассказов А. Вороновой, А. П. Зонтаг, Л. А. Ярцовой, сказки А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. Опубликованные в журнале «Звездочка» подарочные списки книг обнаруживают и общие подходы к оценке произведений, на которые опиралась критика детской литературы в 1840–1850-е гг. Для рецензентов было важным соотношение содержания и формы (изящность издания и сюжетные достоинства), «нравственная цель» произведения, триединство «легкость, интерес и польза», которая достигалась сюжетными средствами и идейно-тематической направленностью детской книги.

Софья Лойтер

ВЕЛИКАЯ ИГРА СЛОВОМ: ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ЛИРИКИ

Приехали внуки. По вечерам читаем книги.

(Из письма Е. В. Душечкиной)

До недавнего времени поэзия для младшего возраста существовала, за исключением нескольких авторов, в виде разрозненных иллюстрированных книжек, рассчитанных на маленьких читателей. В 2013 году произошло настоящее событие. Появилось уникальное академическое издание текстов, принадлежащее известному петербургскому литературоведу Евгении Оскаровне Путиловой. Представляя четыре века русской поэзии детям, издание содержит тексты, начиная с ее зарождения — с XVII века по 2000 год (2055 текстов 214 поэтов)¹. Антология убедительно свидетельствует, что русская детская поэзия как специфическая область литературы и понятие «детский писатель» принадлежат XX веку. Это не означает, что существование детской литературы в этот период было только благостным. Хорошо известны драматические страницы истории советской детской литературы, когда детские стихи К. Чуковского и С. Маршака утверждали себя в обстановке острой и жесткой критики, а существование детской поэзии, как и всей нашей литературы и искусства в целом, происходило в условиях тоталитарной системы, жестокого идеологического диктата и невероятной зависимости от политической конъюнктуры. Тем не менее, как это ни парадоксально, сначала 1920–1930-е, а затем 1970–1980-е годы оказались периодом расцвета русской детской поэзии. Именно в детской поэзии возникла форма протеста, противостояния политическому и нравственному приспособленчеству бездарного официоза, своеобразная форма социальной внутренней эмиграции — *чуждость*, берущее свое начало в народной смеховой культуре.

Впервые в научном издании представлен в таком составе фонд детской поэзии, что дает основание говорить о ней как самостоятельной, специфической области искусства. И эта специфика, эта особенность детского стиха проявляется с такой ответственностью и выраженностью, что позволяет осознать его как сложное системное единство и обозначить некоторые универсалии и принципы поэтики, восходящие к детскому фольклору. Главное определяющее их свойство — игровой характер.

¹ Путилова Е. О. Четыре века русской поэзии детям: в 3 т. СПб.: Лики России, 2013.

Подобно тому, как детский фольклор игровой по преимуществу, детская поэзия в своем преобладающем большинстве игровая. «Языковыми играми» определил процесс овладения детьми родным словом известный австрийский философ Л. Витгенштейн. «Языковой игрой я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен». Самая простая форма «языковой игры», по Витгенштейну, «состоит в наименовании предметов»². Лексемы поэтического мира детских стихов — конкретные предметы и вещи.

Один из вариантов наименований в детской поэзии — сочинение аморфных слов. Яркий пример такого словосочинительства — аморфное слово «чучело-мяучело» из одноименного стихотворения М. Яснова:

Чучело-мяучело
 На трубе сидело.
 Чучело-мяучело
 Песенку запело.
 Чучело-мяучело
 С пастью красной-красной –
 Всех оно замучило
 Песенкой ужасной.
 Всем кругом от Чучела
 Горестно и тошно,
 Потому что песенка
 У него про то, что
 Чучело-мяучело
 На трубе сидело.
 Чучело-мяучело
 Песенку запело.
 Чучело-мяучело
 С пастью красной-красной –
 Всех оно замучило
 Песенкой ужасной.
 Всем кругом от чучела
 Горестно и тошно,
 Потому что песенка
 У него про то, что
 Чучело-мяучело
 На трубе сидело...

И так далее.

Бытие придуманного, интригующего, многократно повторенного аморфного слова «чучело-мяучело» уподобляется бытию вещи. Другой образец такого аморфного слова в детской поэзии — слово «плим» в одноименном стихотворении И. Токмаковой:

² Витгенштейн Л. Философские работы. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М., 1991. Ч. 1. С. 83, 91.

Ложка — это ложка,
 Ложкой суп едят.
 Кошка — это кошка,
 У кошки семь котят.
 Тряпка — это тряпка,
 Тряпкой вытру пол.
 Шапка — это шапка,
 Оделся — и пошел.
 А я придумал слово,
 Смешное слово — плим.
 Я повторяю снова:
 Плим, плим, плим!
 Вот прыгает и скачет
 Плим, плим, плим.
 И ничего не значит
 Плим, плим, плим!

Экзистенциальные — ключевые, ценностные, аксиологические темы и мотивы «взрослой» лирики — «темы жизни и смерти, смысла жизни, любви, вечности и быстротекущего времени, природы и города, труда, творчества, судьбы и позиции поэта, искусства, культуры и исторического прошлого, общения с божеством и неверия, дружбы и одиночества, мечты и разочарования»³. Детская поэзия касается этих тем очень ограниченно. Назывной, «персонажный» характер детских стихов определяют бытовые, привычные, обыденные предметы и вещи. Они и есть их мотивы или «микросюжеты». Согласно мнению Б. М. Гаспарова, «в роли мотивов может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно” <...>, любой предмет, произнесенное слово...»⁴.

Предметы и вещи детской поэзии не бывают, подобно «взрослой» лирике, статическими. Они всегда динамичны либо событийны. Событиен уже сам факт их присутствия. Для ребенка, живущего в мире предметов и вещей, как в силовом поле, постигающего его конкретно и предметно, не бывает равнодушного к ним отношения. «Именно притягательная сила вещей, аффективная заряженность каждой вещи таит в себе источник притяжения»⁵. А назывная простота вещей сопряжена для ребенка с созданием зрительного ряда, образов восприятия.

Что всего милее
 Для тебя, мальчишка?
 — В хлебе — горбушка,
 В капусте — кочерыжка,
 В варенье — пенка,
 А в школе — переменка.

(В. Берестов. «Что всего милее?»)

³ Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Статьи. Эссе. Заметки. Л., 1987. С. 88.

⁴ Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., 1993. С. 30.

⁵ Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 343.

Игровая детская поэзия окончательно раскрепостила слово и сделала его одним из главных героев любого сюжета:

Это — ёлочка мохнатая,
 Это — козочка рогатая,
 Это — дядя с бородой,
 Это — дом с трубой.

(К. Чуковский. «Закаляка»)

А в стихотворении И. Токмаковой существование предметов обретает образительность благодаря указательному местоимению «это»:

Эта птичка — соловей,
 Эта птичка — воробей,
 Эта птичка — совушка,
 Сонная головушка.
 Эта птичка — свиристель,
 Эта птичка — коростель,
 Эта птичка — скворушка,
 Серенькое перышко.
 Эта зяблик,
 Эта — стриж,
 Эта развеселый чиж.
 Ну, а эта — злой орлан,
 Птички, птички — по домам.

(И. Токмакова. «Десять птичек — стайка»)

Художественная нагрузка указательного местоимения «это» в детской и «взрослой» поэзии разная. «Культивирование указательных местоимений» (И. Анненский) характерно для русской лирики Фета, Блока, Ахматовой, Пастернака, где они выполняют две функции — «указание на действительность и указание на речь»⁶, вызывая представление либо о пространстве, либо о каких-то движениях внутренней жизни (ср. у Фета: «Это утро, радость эта, / Эта мощь и дня и света, / Этот синий свод, / Этот крик и вереницы ...»). В детской поэзии указание на название предметов, создающих последовательный ряд образов восприятия, соединяется с задачей убедить ребенка в том, что эти предметы существуют.

Такая индуктивная конкретность, самодостаточность, суверенизация отдельного и частного обуславливает особенности образительности лирики для детей, которые я определяю, пользуясь термином Л. Я. Гинзбург, как «поэтическая индукция», в отличие от «взрослой» поэзии, не предполагающая поэтической дедукции⁷.

Остановлюсь на других формах проявления «языковых игр» у различных детских поэтов. К случаям словосочинительства относятся поэтические неологизмы,

⁶ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 380.

⁷ Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. С. 89.

окационализмы, то есть слова или сочетания слов, которые не являются общеупотребительными. В качестве поэтических неологизмов нередко используются рифмующиеся слова-приложения: песенка-бесконеченка (Е. Благинина), сойка-голубойка (Н. Матвеева), кот-мореход, шутка-малютка, тетя-бегемотя (Ю. Мориц). Некоторые из них восходят к детским дразнилкам, принадлежащим, по определению К. Чуковского, к категории «эмоциональных стихов», которые он назвал словом «экикики»⁸: мастер-ломастер (С. Маршак), девочка-ревелочка (А. Барто), кастрюля-чистюля, Николай-чиколай (Ю. Мориц), такса-клякса (А. Мариенгоф), кошка-Дракошка (А. Валентик).

К словообразовательным инновациям относятся слова, созданные в процессе речевой деятельности на основе продуцирования известных языковых единиц или форм. Примеры словообразовательных инноваций: читалочка (В. Берестов), почемучий, погремучий, кусачая собака (Ю. Мориц) — ср. у К. Чуковского: брызгучая вода, клевачий петух, червячее яблоко; Ворчалка, Шумелка, Кричалка, Пыхтелка (Б. Заходер).

Нередко новые языковые единицы создаются на основе других, уже известных, и один из примеров такой деривации — скрещенные слова: слоновод, слонокот, испуговица, бегуква (Ю. Мориц), кашеед (И. Токмакова), огурбузы, помидыни, чеслук, репуста, моркофель, сельдерошек (Н. Кончаловская), папама (Г. Сапгир); дождеград, Счастливень, Веселютик, Дружунгли, Чудетство, Дикобрасс, дикобратия, Шелества, Берлогово (М. Яснов).

Один из приемов словосочинительства и игры словом связан с имянаречением, созданием антропонимов с использованием олицетворения, когда имя отнесено к объектам и явлениям действительности — денотатам. Примеры такой референции: «Умывальник Мойдодыр», «Крокодил Крокодилович» К. Чуковского, «Дельфин Дельфиныч», «Туман Туманыч» (М. Яснова) или у Ю. Мориц:

Весна Мартовна Подснежникова,
Весна Апрельвна Скворешникова,
Весна Маевна Черешникова!

(Ю. Мориц. «Идет весна по городу!»)

У Е. Благиной антропоморфизировано аморфное слово «тюлюлой»:

Был да жил
Тюлюлой
Не тужил
Тюлюлой. <...>
Вот такой Тюлюлой,
Тюлюлюшка!

(Е. Благинина «Тюлюлой»)

⁸ Чуковский К. И. Как дети слагают стихи // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1965. Т. 1. С. 650.

В переводе стихотворения Дж. Родари у Я. Акима:

Джованнино-потеряй
Потерял в пути трамвай...

(Я. Аким. «Джованнино-Потеряй»)

В последнем примере антропоним «Джованнино» относится к глаголу «потеряй», который утратил свои морфологические признаки (по смыслу речь идет о потеряшке-мальчике) и не может быть причислен к определенной части речи.

Разновидность игры словом в детской поэзии — перестановка звуков или слогов в слове (метатезис):

На помощь! В большой водопад
Упал молодой *леонад!*
Ах нет! Молодой *леонард*
Свалился в большой *водонард*.
Что делать — опять невпопад.
Держись, дорогой *леонад*,
Верней, дорогой *леонард!*
Опять не выходит *впонард*.

(И. Токмакова. «Невпопад»)

По дороге летним днем
Шли однажды под дождем
Сослик,
Услик,
Паукан
И *Кисанья Мокренька*

(М. Яснов. «Песенка про летний день»)

...А где-то по дальним дорогам
Бредут *Носомот с Бегерогам...*

(М. Яснов. «Чудетство»)

... Там, в болоте, головастик,
А в Дружунглях —
Водоластик...
...Я иду за трясогузкой.
А в Дружунгли — просто сказка! —
Прилетает *Трясоглазка...*

(М. Яснов. «Дружунгли»)

Большие игровые потенциалы для детской поэзии заключает в себе использование многозначности слова, которое для ребенка обнаруживает не столько новый смысл, сколько бесконечные возможности употребления. Такие игры становятся для ребенка способом постижения богатства языка. В стихотворении «Очень задумчивый олень»

Ю. Мориц расширяет границы применения прилагательного «задумчивый» — к одушевленным и неодушевленным предметам и существам, превращая их в игру:

*Задумчивый козлик
На травке лежал.
Задумчивый зайчик
По травке бежал
Ведь хочется в жаркий
Задумчивый день
Задумчиво мчатся
В прохладную тень!...*

(Ю. Мориц. «Очень задумчивый олень»)

И далее — «задумчивый стон», «задумчивые шишки», «задумчивые мотыльки», «торчащие задумчиво»; «Такое задумчивое / Лечение / немедленно всем / Принесло / Облегченье!» Аналогичное обыгрывание прилагательного «ленивый» в стихотворении Ю. Мориц «Трудолюбивая старуха»: ленивый мальчишка, ленивая мушка, ленивая мышка.

*Выл колючий ветер.
Шел колючий дождик.
По тропе колючей
Шел колючий ежик...*

(М. Яснов. «Колючая сказка»)

Разновидность употребления одного и того же слова в разных формах — построение текста на «корневых повторах», цепочке однокоренных слов — усиливает экспрессивно-игровую функцию языка:

*Удод, удод, удодина,
Удодливый удод!
В твоём гнезде удодовом
Удобно ли, удод?*

(М. Яснов. «Удивительный удод»)

Другой принцип этимологической регенерации, когда выделенный корень слова становится основой актуализации его в ряду других контекстуально соположенных слов и создания целого текста. Такой эксперимент — два стихотворения Ю. Мориц с корнем «хохот»:

*Ехал Ваня в Хохотам,
Хохотам — не тут, а там,
А тут, конечно, Хохотут,
Любой хохочет там и тут!
В Хохотаме — друг мой Тамс,
А он — известный хохотамс.*

«*Нахохотай* веселье Ване!» —
Я *хохотам*су шлю заданье.

(Ю. Мориц. «Ехал Ваня»)

Хохот с *Хохотушкой*,
Очень *хохотальной*,
Хохотали танец,
Очень *хохотальный*,
Танец — *хохотанец!*
А хо-хо-ботом слоны
На танцах с *хохотульками*
Ели с *хохотом* блины
Целыми кастрюльками!

(Ю. Мориц. «Хохотанец»)

Мир детских стихов — это мир звуков живой и неживой природы, человеческих голосов, действий и шумов. Он широко бытует в виде словозвуков, то есть лексем, основанных на необычных звукосочетаниях. К словозвукам относятся междометные, звукоподражательные и звуковыделительные слова, не имеющие самостоятельного значения, а приобретающие его окказионально в контексте речевого употребления. Одним из первых проблемы звукового творчества, «которое может быть творчеством подлинно языковым», поставил еще в 1920-е гг. Г. О. Винокур, введший в научный обиход термин «звуковая грамматика»⁹.

Совершенно особый звуковой универсум — поэзия обэриутов, которые языковую игру манифестировали как принцип. И эта языковая игра требует отдельного разговора. Я же коснусь звуковой грамматики современной детской поэзии.

Слова «звучащее настроение»¹⁰, характеризующие поэзию И. Токмаковой, может быть отнесено к преобладающему большинству детских стихов, которые своей многозвучностью передают многообразие мира. Исследуя онтогенетическую эволюцию, лингвист С. В. Воронин постулирует закономерность и незамеченность звукоподражаний в стихах для детей: «В поэзии, предназначенной для читателей трех–семи лет, звукоподражания представляют собой обычное явление...»¹¹.

Детская поэзия изобилует ономатопеической лексикой, которая чрезвычайно разнообразна. Среди четырех признаков ономатопеи, обозначенных М. Л. Гаспаровым, для детской поэзии особенно характерны: «имитация звуковых особенностей явлений действительности», «прямое звукоподражание» и «звуковые ассоциации», когда «аллитерирующие звуки напоминают о каком-то названном или неназванном “ключевом слове”»¹². В качестве таких звукоподражаний и звукоизображений выступают

⁹ Винокур Г. О. Футуристы — строители языка // Винокур Г. О. Филологические исследования. М., 1990. С. 20.

¹⁰ Павлова Надежда. Лирика детства: Некоторые проблемы поэзии. М., 1987. С. 34.

¹¹ Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982. С. 146.

¹² Гаспаров М. Л. Фоника // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 470.

«имитативные звукокомплексы» в виде ономотопеи и анафонии. В детской поэзии очень распространены ономотопы, являющиеся акустической характеристикой того или иного животного, некие звуко-символы. Так, традиционен в детской поэзии звуко-символ, относящийся к лягушке:

Стала жаба громко квакать:
Ква-ква-ква, не надо плакать...

(С. Маршак. «О глупом мышонке»)

Унылые лягушки
Томились и страдали,
В зеленые подушки
Ква-ква, они рыдали.

(Ю. Мориц. «Веселая лягушка»)

— Чьи там крики у пруда?	а
— <i>Квасу, квасу</i> нам сюда!	а
<i>Ква-ква-ква-су</i> , простокваши,	х
Надоела нам вода!	а

(И. Токмакова. «Лягушки»)

Звукоподражание в последнем стихотворении соединяется с паронимией и троекратным повтором точной мужской рифмы (ааха). Звуковой ряд ономотопов, звукоподражаний животных и птиц отличается немалым разнообразием:

Зашушукались на сливе
Озорные «чиви-чиви».
А среди высоких трав
Скачет радостное «гав».
И уже летит за реку
Молодое «кукареку»,
И спешит встречать зарю
Очень вежливое «хрю».
«Му-у-у-у» поплыло из тумана,
«Ме-е-е-е» проснулось на лугу,
А из дома рано-рано
Им в ответ:
Бегу!.. Бегу!..

(М. Яснов. «Громкое утро»)

В аллитерированном тексте Э. Мошковской персонифицированные существительные Шорох и Шелест, ставшие одновременно антропонимами, коннотированные рядом слов с «ш» — «пришел», «бесшумно», «сошлись», «шущукались», «широкой», «шторой», «страшные», «разошелся», «расщептался», «вышел», «шагов», «не слышал», — создают выразительный образ ночных звуков:

Вот пришел бесшумно Шорох,

 И все шорохи слетелись,
 И пришел бесшумно Шелест...

(Э. Мошковская. «Ночные стихи»)

Аллитерированное «ш» структурирует стихотворение М. Яснова «Шумный лес»: «...шишка шлепнулась шурша. / Шмель и шершень / Шустро шарят в кашке./ Шебуршат в шиповнике букашки./ Что еще в лесу на букву Ш? / Шум и шорох возле шалаша, / ...Шыроежки и шороконожки».

Одним из специфических приемов звуковой выразительности в детских стихах является слогоделение, или внутрисловный перенос — разновидность парцелляции, создающей эффект скандирования:

— Что за ли?
 — Что за мон?
 В звуках нету смысла.
 Но едва шепнут:
 «Ли-мон»,
 Сразу станет кисло.

(Г. Сапгир. «Лимон»)

Вело-
 вело-
 вело-
 Бах!
 Искры радугой в глазах:
 Ве — в канаве,
 Ло — в подвале,
 Си — в кювете,
 Сам — в кустах...

(И. Шевчук. «Ве-ло-си-пед»)

Наконец, парцелляция на микроуровне — звуковыделительном, когда графическое членение имитирует зрительный образ изображаемого: ручеек проснулся, потянулся,

С боку на бок
 Повернулся
 И с весенним ветерком
 Вдаль помчался
 К
 у
 в
 ы
 р

к
о
м...

(Ю. Мориц. «Ручеек»)

Для поэтического языка детских стихов характерно множество фонетико-лексических сближений, связанных с явлением паронимии (самый наглядный пример — «Кит и кот» Б. Заходера). Паронимия, как утверждает Р.О. Якобсон со ссылкой на Стефана Ульманна, определяется выбором и группировкой фонем и их составляющих, звуковым окружением, которое «может усилить экспрессивное качество слова»¹³. В стихотворении О. Григорьева все соположенные слова — паронимы:

В реке рукой
Металл метал.
Нагой ногой
Пинал пенал.

(О. Григорьев. «Игра слов»).

А в стихотворении Ю. Мориц:

...А на площадь вышли <i>кони</i> ,	Б
Вышли кони на <i>парад!</i>	а
Конь по имени <i>Пират</i>	а
Вышел в огненной <i>попоне</i>	Б
И заржал печальный <i>пони</i> .	Б
Разве, разве я не лошадь?	Б
Разве мне нельзя на площадь?	Б
Разве я вожу детей	а
Хуже взрослых лошадей?	а

(Ю. Мориц. «Пони»)

— паронимия (кони-пони-попона, лошадь-площадь), коннотированная супплетивными существительными (конь-пони-лошадь), многочисленными повторами (в этом отрывке палилогией — вышли кони — и анафорическим «разве»), игрой рифмами — БааББББаа — передает весь комплекс переживаний лирического «я» — маленькой лошадки, выражающей точку зрения ребенка, утверждающегося таким образом, преодолевающего свою неполноценность — маленький рост:

Я лететь могу, как птица!
Я с врагом могу сразиться
На болоте, на снегу!
Я могу, могу, могу!

Этот же мотив определяет лирическое Я в стихотворении М. Яснова «Пони» из цикла «Маленькие помощники». Стихотворение с аналогичным названием есть

¹³ Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 114

у Новеллы Матвеевой, где лирического героя волнует своя и лошадиная «ненастоящая» — маленький рост, чем определяется элегичность этого стихотворения.

Особое место в детской поэзии занимает такой тип «фонетической трансформации» (Л. Зубова), как преобразование одного слова в другое с перестановкой звуков и слогов — метатезис:

Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!

(С. Маршак. «Вот какой рассеянный»)

Используется в детской поэзии такой вид фонетически изменчивого слова, как палиндром: перестановка букв или звуков в обратном порядке. На этом основано стихотворение В. Берестова:

Мы просто слово «те-ле-фон»
Прочли ему с конца.
А получился «но-фе-лет»,
Не то мудрец, не то поэт.

(В. Берестов. «Нофелет»)

И еще одна разновидность звуковых повторов — это рифменная омонимическая параномазия:

...Мой котенок отзывается,
Мой котенок так старается.
Имя учит —
И мяучит.

(М. Яснов. «Я учу котенка»)

Здесь на солнышке *самлев*,
День за днем растет *Сам Лев!*
Вот в лесу ползет *гадюка* —
Я идти к ней *погодю-ка...*
Погожду?
Нет, подожду!...

(М. Яснов. «Сказка про Дружунгли»)

Приведенные случаи игровой организации текста выявляют те его уровни, которые превращают формальное в содержательное: игровой образ, игровой сюжет, игровую эмоцию. Детерминированная детством, его психологией, его экзистенциальным игровым опытом, его речью, детская поэзия — лирика особого свойства, особая область словесности, имеющая свой голос, свой репертуар, свою предметную изобразительность, свою графику и ритм, своё слово, которым говорят уже несколько поколений детских поэтов. В русской литературе есть великий и неповторимый художественный мир детской культуры — детская поэзия.

Андрей Устинов, Игорь Лоцилов

СКАЗКА ДАНИИЛА ХАРМСА «ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ» КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ

Драматическая история, вызванная публикацией сказки Даниила Хармса «Во-первых и во-вторых» (1928), одного из самых заметных произведений новой советской литературы для детей, осталась вне внимания исследователей ОБЭРИУ. О ее появлении на страницах журнала «Ёж» с иллюстрациями Виктора Замирайло¹ нет ни слова также и в беллетризованных биографиях Хармса². Хотя отдельное издание сказки³ вызвало некоторый интерес искусствоведов, в наиболее пространном из этих выступлений⁴ на первый план был вынесен не Хармс, а Владимир Татлин⁵, выступивший в качестве «конструктора» книги⁶. Однако выпуск этой книги ленинградским отделением ГИЗа в июле 1929 года⁷ имел прежде всего отношение не к нему, а как раз к сочинителю, который в первую очередь привлек внимание недалеких советских критиков.

В результате Хармс оказался втянутым в известную «дискуссию о детской литературе» рубежа 1920–30-х годов, когда в статье одного из особо неистовых ревнителей он был причислен к «многочисленным, но менее талантливым подражателям» Корнея Чуковского и Самуила Маршака и обвинен в том, что «Во-первых

¹ Во-первых и во-вторых. Сказка Д. И. Хармса. Рис. В. Замирайло // Ёж: Ежемесячный детский журнал. 1928. № 11. С. 16–19. Возможно, что Хармс читал сказку на выступлении «для матерей. Дет<ское> от<деление> 8 ч.» 15 декабря 1928 года. См. в: Хроника жизни и творчества Даниила Хармса / Сост. А. Крусановым // Хармс Д. Случаи и вещи / Сост. и прим. А. Дмитренко и В. Эрля. Подг. текстов В. Эрля. СПб., 2003. С. 440.

² См.: Шубинский В. Даниил Хармс. Биография. СПб., 2008; Кобринский А. Даниил Хармс. (Жизнь замечательных людей). М., 2009.

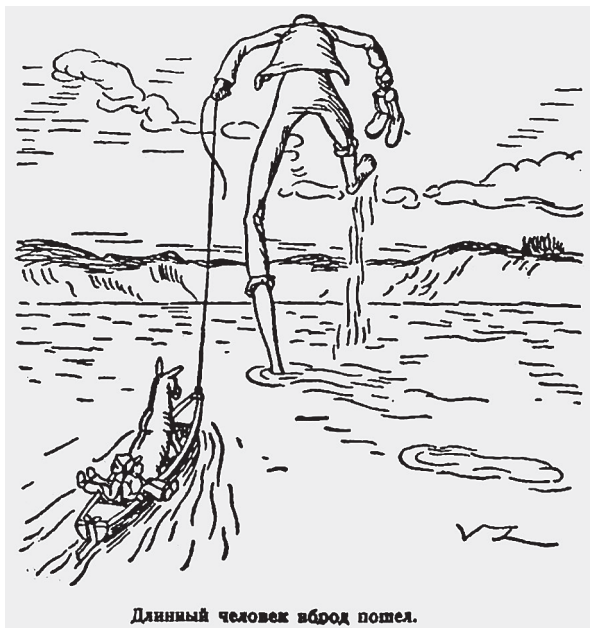
³ Хармс Д. Во-первых и во-вторых / Обл. и рисунки художника В. Татлина. М.; Л., 1929.

⁴ См.: Стригалева А. Во-первых — Хармс, во-вторых — Татлин // Театр (Москва). 1991. № 11. С. 68–75.

⁵ По свидетельству Н. Харджиева, оригиналы иллюстраций Татлина к изданию «Во-первых и во-вторых» «хранились у Хармса и погибли во время блокады Ленинграда (Харджиев Н. Статьи об авангарде: В 2 тт. М., 1997. Т. 1. С. 127). См. также: Jaccard Jean-Philippe. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe (Slavica Helvetica; Bd. 39) Vern, 1991. P. 339.

⁶ «Как конструктор Татлин создает книгу-сказку Д. Хармса “Во-первых и во-вторых”»: на каждом развороте есть иллюстрация, сочетающаяся с текстом. Сюжет сказки занимателен: два подростка решают отправиться в путешествие, по пути они встречают самого маленького человека и самого большого, которых берут с собой» (Кабанова Н. Забытые иллюстрации В. Татлина // Книжное обозрение. 1988. № 49. 9 декабря. С. 4).

⁷ «Тираж 10 000 экз.» (Хроника жизни и творчества Даниила Хармса. С. 444).

Длинный человек вброд пошел.

Иллюстрация Виктора Замирайло
к журнальному изданию «Во-первых и во-вторых»
(Еж. 1928. №11. С. 18)

Иллюстрация Владимира Татлина
к книжному изданию «Во-первых
и во-вторых» 1929 года

и во-вторых» не относится к «детской пролетарской литературе, насыщенной советской тематикой»⁸:

Когда молодые писатели предлагают Гизу книгу на современную и социально-значимую тему, ее часто бракуют за якобы недостаточную художественность. В то же время Гиз не только не перестает наводнять рынок детской книги массовыми изданиями Чуковского, но издает и переиздает произведения многочисленных, но менее талантливых его подражателей. В Гизе выходят собрания сочинений К. Чуковского и С. Маршака. Гиз культивирует «бессмыслинку», Гиз выпускает непонятные, нелепые, чудовищные вещи, вроде «Во-первых» <sic!> Д. Хармса, которые ни по формальным признакам, ни тем более по своему содержанию ни в какой мере неприемлемы.

Товарищам, ведущим литературную политику в детском отделе Госиздата, нужно вспомнить историю развития нашей взрослой пролетарской литературы. Нужно вспомнить о той заботливой поддержке, которая ей оказывалась в первые годы ее жизни, несмотря на невысокий художественный уровень ее первых ростков. В такой же, если не больше, поддержке нуждается и детская пролетарская литература, насыщенная советской тематикой. Если Гиз далек от того, чтобы воспитывать материалистическое мировоззрение в детских авторах, то он, по крайней мере, должен заняться воспитанием его в наших детях⁹.

⁸ Здесь и далее при цитировании орфография, пунктуация и шрифтовые выделения в тексте воспроизводятся в соответствии с оригиналами.

⁹ *Кальм Д. Против халтуры в детской литературе! «Куда нос его ведет»? // Литературная газета. 1929. №35. 16 декабря. С. 2. В этот день Хармс принимал участие в выступлении авторов журнала «Еж» (Хроника жизни и творчества Даниила Хармса. С. 444).*

Как показывает отчет о специальном собрании детской секции Союза советских писателей, ожидаемой критике — по ассоциации с маршакской редакцией — был подвергнут и «Ёж», причем автор отчета воспользовался той же формулой обвинения — журнал «внедряет бессмыслицу» и печатает «нелепицу»:

Говоря о работе наших издательств, докладчик констатирует гегемонию Гиза на рынке детской книги. «Очень важно поэтому, что представляет собой Гиз», — говорит тов. Зак, отмечая отсутствие какой-либо организации детских писателей вокруг Гиза.

Далее докладчик останавливается на ленинградской группе писателей, объединяемых журналом «Ёж», называя ее очень сильной по талантности и продуктивности, но резко критикуя ее педагогическое направление. По подсчету, специально-произведенному для Главсоцвоса, продукция «Ежа» на 98 проц<ентов> состоит из сенсаций и трюков. Кроме того, «Ёж» усиленно внедряет бессмыслицу, нелепицу, чрезвычайно вредную с педагогической точки зрения.

Содокладчик, художник т. Горлов, говорил о проблемах художественного оформления детской книги, отметив необходимость сплоченной и организованной работы художника¹⁰.

В ответ на эти выпады, аттестованные как «игривые статейки двусмысленного содержания», участники секции детской литературы ленинградского отделения Союза писателей выступили с благородным по тону, как свидетельствуют приводимые ниже фрагменты, но одновременно издевательски сдержанным коллективным письмом. Свои подписи под ним поставили Вениамин Каверин, Юрий Тынянов, Борис Бухштаб, Евгений Шварц, Григорий Белых, Алексей Пантелеев, Борис Житков, а также почти в полном составе обэриуты — Даниил Хармс, Юрий Владимиров, Николай Заболоцкий, Дойвбер Левин, Александр Введенский, — привлеченные к редакции Маршаком¹¹, по словам авторов письма, «одним из основателей советской детской литературы»:

Секция детской художественной литературы ленинградского отдела ВССП, ознакомившись со статьей Д. Кальма «Против халтуры в детской литературе», категорически протестует против недопустимого тона и клеветнического содержания этой статьи.

Основания:

1. Автор статьи утверждает, что редакционная работа Гиза ведется вне связи с общественными и литературными организациями. Утверждение это в корне неверно. Факты свидетельствуют об обратном. Детский отдел Ленотгиза теснейшим образом связан с детскими секциями ССП, ЛАПП и с ДКО.

2. Автор статьи утверждает, что редакционная работа Гиза сводится к формальному указанию «тех или иных недостатков рукописи». Это ложь.

Мы свидетельствуем, что именно в Гизе писатель находит общее идеологическое и художественное руководство. Вокруг детотдела Ленгиза созданы крепкие кадры детских писателей и художников.

¹⁰ Кальм Д. О современной детской книге. На собрании детской секции ВССП // Литературная газета. 1929. №36. 23 декабря. С. 3. За несколько дней до этого, 18 декабря, Хармс выступал «в пионерском клубе (16 ч.) на Литейном пр., 49» (Хроника жизни и творчества Даниила Хармса. С. 444).

¹¹ См. подробнее: Лоцилов И., Устинов А. Николай Заболоцкий и его художники // *Connaisseur*. Историко-культурный альманах. №2. Прага, 2019. С. 200–203.

Отдел привлек к работе над детской книгой крупнейших современных мастеров слова и ученых (К. Федин, В. Каверин, Н. Тихонов, Ю. Тынянов, М. Зощенко, М. Пришвин, академик Ферсман, профессор Лурье, профессор Кулик и др.). Пролетарский молодежь вовлечен в активную работу отдела. Писатель находит в детском отделе не только место сбыта своей продукции, но и подлинную школу художественного мастерства и правильное общественное руководство.

3. Нападки на Маршака носят характер травли. Все обвинения, направленные против него, сплошь голословны. Обвинения в халтуре ничем не подтверждены и звучат смехотворно. Сам автор статьи не может не отметить, что С. Маршак «принадлежит к числу крупнейших знатоков детской книги и один из самых популярных детских писателей».

Цитаты, на которых основывается статья, надерганы из переводов английских шуточных народных песен и не могут служить показателем идеологической значимости произведений С. Маршака.

Почему автор не упомянул ни словом о «Почте», «Отряде», «Вчера и сегодня», «Мастере-ломастере», «Рубанке» и др.? Автор статьи не может не знать, что именно эти книги являются наиболее характерными для творчества Маршака и создали ему заслуженную репутацию одного из основателей советской детской литературы.

Обвинения же Маршака в небрежном и бюрократическом отношении к автору просто нелепы. Все, когда-либо работавшие с Маршаком, знают, что трудно найти редактора, более тщательно, бережно и внимательно относящегося к автору и его произведению.

По нашему мнению, статья «Халтура в детской литературе» поддерживает реакционные тенденции в детской литературе. Тенденции эти сводятся к желанию во что бы то ни стало уклониться от высоких требований, предъявляемых в настоящее время к детскому писателю.

Мы категорически протестуем против подобного рода безответственных выступлений. Сейчас, более чем когда-нибудь, детская литература нуждается в серьезной марксистской критике и подлинном внимании советской общественности. А вместо этого нам преподносят игривые статейки двусмысленного содержания¹².

В редакционной врезке содержалось предупреждение, что «Литературная газета» «категорически *отмечает всякие клеветнические обвинения в травле кого-либо, в частности, тов. Маршака, не желает замечать оскорбительные для органа ФОСП эпитеты, но ни в коем случае не позволит фактические принципиальные вопросы переводить на рельсы личных выпадов*»¹³. Скорее всего, эта оговорка была вызвана прозрачностью объекта нападков автора исходного фельетона: «Некоторые товарищи, говоря о необходимости серьезной постановки вопросов детской литературы, в то же время склонны были считать фельетон, помещенный в № 35 «Л. Г.», личным выпадом против тов. Маршака»¹⁴.

Два года спустя следователи ОГПУ припомнили «Во-первых и во-вторых» на допросах арестованных по Делу № 4246, известному как «Дело Детского сектора

¹² Письмо детской секции ленинградского отдела ВССП // Литературная газета. 1929. № 37. 30 декабря. С. 2.

¹³ За действительно советскую детскую книгу! От редакции // Литературная газета. 1929. № 37. 30 декабря. С. 2.

¹⁴ Кальм Д. О современной детской книге. С. 3.

Госиздата»¹⁵. Как следует из записи допроса Хармса 23 декабря 1931 года, он считал эту вещь среди своих «наиболее заумных детских произведений», при этом повествуя об этой грани собственного творчества как о реализации общей литературной программы ОБЭРИУ: «Наша группа стала работать в области детской литературы с 1927-го года. В область детской литературы наша группа привнесла элементы своего творчества для взрослых, т. е. заумь, которую я в предыдущем протоколе назвал контрреволюционной. Наиболее заумными являются следующие мои детские произведения: “Иван Иванович Самовар”, стихи “О Топорышкине”, “Как старушки покупали чернила”, “Во-первых и во-вторых” и др.»¹⁶.

На предшествующем допросе (18 декабря) Хармсу, действительно, пришлось специально разъяснять характер обэриутского творчества, используя определения, всё чаще звучавшие на литературных вечерах: «...мы выступали с нашими произведениями для взрослых и перед широкими аудиториями, например, в Доме Печати и в Университете, где в последний раз аудитория, состоящая из студентов, реагировала на наше выступление чрезвычайно бурно, требуя отправки нас в Соловки и называя нас контрреволюционерами»¹⁷.

Реакция «пролетарского студенчества», запечатленная в газетных отзывах на это, как выяснилось, последнее выступление ОБЭРИУ «перед широкой аудиторией»¹⁸, свидетельствовала о классовой непримиримости к заумной поэзии — именно тогда впервые в печати она была заклеена как контрреволюционная: «Обереуты далеки от строительства. Они ненавидят борьбу, которую ведет пролетариат. **Их уход от жизни, их бессмысленная поэзия, их заумное жонглерство — это протест против диктатуры пролетариата. Поэзия их поэтому контрреволюционна. Это поэзия чуждых нам людей, поэзия классового врага,** — так заявило пролетарское студенчество»¹⁹.

Как следует из другого отчета об этом выступлении, Хармс, в частности, «читал стихотворение “Полет в небеса” и стихотворение для детей “Врун”»²⁰, — не отделяя

¹⁵ См.: Устинов А. Дело детского сектора Госиздата 1932 г. (предварительная справка) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 125–136.

¹⁶ Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела / Вступ. ст., публ. и комм. И. Мальского // Октябрь. 1992. № 11. С. 175. Ср.: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». «Чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Сажин. Т. 2. М., 2000. С. 526.

¹⁷ Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела. С. 175.

¹⁸ Последнее выступление обэриутов: Неизвестный газетный отчет / Публ., пред. и примеч. А. Дмитренко и Д. Шериха // de visu. 1993. № 11 (12). С. 23. Ср. там же мемуарное свидетельство Игоря Бахтерева, который рассказал публикаторам, «что обэриутам с самого начала был очевиден провокационный характер приглашения культуркомиссии. “Но Левин, Владимиров и Хармс полезли на рожон. Мы с Разумовским сидели в зале и не участвовали в выступлении. Мы тогда думали, что уедем в Америку, и потому осторожничали”».

¹⁹ Нильвич Л. Реакционное жонглерство. (Об одной вылазке литературных хулиганов) // Смена. 1930. № 81 (1790). 9 апреля. С. 5. Ср. в другом отчете об этом вечере перед «ленинградским студенчеством», опубликованном в газете Ленинградского университета «Студенческая правда» 1 мая: «После чтения произведений приступили к диспуту. **Наше студенчество дало достойный отпор архи-буржуазной “литературной группировке”, заклеив все их творения как контрреволюционную халтуру»** (Последнее выступление обэриутов: Неизвестный газетный отчет. С. 24). Показательно использование в обоих фельетонах полужирного шрифта.

²⁰ Последнее выступление обэриутов: Неизвестный газетный отчет. С. 23. См. оговорку в протоколе допроса Хармса 23 декабря: «Наши книжки отрывали читателя от современной конкретной действительности,

произведений для детей от других, по его определению, «предназначенных нами для взрослых». И даже когда Хармс намеренно на одном из допросов низводит творчество ОБЭРИУ для детей до «халтуры»: «Свои детские произведения мы считали в отличие от вещей, предназначаемых для взрослых, не настоящими, работа над которыми преследует задачу получения материальных средств к существованию»²¹, — то в другой раз он, напротив, оценивает свои произведения для детей «как произведения качественно превосходные» и напрямую связанные с другими, «непечатающимися заумными произведениями»:

Весьма приближаются к форме заумного творчества такие произведения Введенского: «Кто», «Железная дорога», «Бегать, прыгать» и др. в этом же роде. К наиболее бессмысленным своим стихам, как, например, стихотворение «О Топорышкине», которые ввиду крайней своей бессмыслицы, были осмеяны даже советской юмористической прессой, я отношусь весьма хорошо, расценивая их как произведения качественно превосходные, и сознание, что они неразрывно связаны с моими непечатающимися заумными произведениями, приносило мне большое внутреннее удовлетворение²².

Такая непоследовательность Хармса в определении своего отношения к литературе для детей служит дополнительным подтверждением «текучести» его творчества, которая позволяет рассматривать различие между «взрослыми» и «детскими» произведениями исключительно как возрастное разграничение. Нельзя не обратить внимание, что и Введенский на одном из допросов, поясняя, что «детские произведения членов группы зачитывались до сдачи в печать в кругу членов группы, обсуждались и в отдельных случаях дорабатывались», выстраивает связь «творческой деятельности» ОБЭРИУ в «области детской литературы» с «заумным творчеством группы, предназначаемым ею для взрослых читателей»²³. Там же он привел в качестве примера «Во-первых и во-вторых»:

Книжка Хармса “Иван Иванович Самовар” является политически враждебной современному строю потому, что она прививает ребенку мещанские идеалы старого режима и, кроме того, содержит в себе элементы мистики, поскольку самовар фетишизируется. Также следует особо остановиться на книжке “Во-первых и во-вторых”, которая привносит в детскую литературу очевидные элементы бессмыслицы, прививающие буржуазную идеологию²⁴.

После возвращения из ссылки в Ленинград Хармс возобновил свое сотрудничество с журналами Маршака и продолжил работу. Публикация его сказки «Во-первых и во-вторых» стала заметным эпизодом в его литературной биографии, своего рода «демаркационной линией» между его заумным творчеством периода ОБЭРИУ и статусом детского писателя, обретенным им в 1930-е годы.

действовали разлагающим образом на воображение ребенка. В частности, с этой точки зрения могу еще указать на стихотворение под названием “Врун”, помещенное в журнале “Ёж”, которое содержит элементы бессмыслицы) (Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела. С. 175–176).

²¹ Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела. С. 175.

²² Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела. С. 175.

²³ Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела. С. 183.

²⁴ Ср. реплику о мещанстве в упоминавшемся газетном отчете: «Писатель А. Иркутов <...> заявил: “Мы видим под обложкой Маршака классового врага. В Госиздате (речь шла о детском отделе) свило себе гнездо мещанство...”» (Кальм Д. О современной детской книге. С. 3).

Валентин Головин

«КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПСОВОГО ОХОТНИКА» В. КАРПОВА: ИСТОЧНИКИ И НОВАЦИИ (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ)

В 2008 г. мое сообщение на конференции «Детские чтения» кафедры детской литературы СПбГУКИ было посвящено «Колыбельной псового охотника» В. Карпова. Непременные участники этой регулярной конференции Елена Владимировна Душечкина и Павел Анатольевич Клубков в прениях предположили, что распространенное переделывание текстов колыбельных связано со «всеобщим» родительским знанием об этом жанре.

«Колыбельная псового охотника» В. Карпова — одна из многочисленных переделок «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова. Зафиксированных фольклористами вариантов переделок колыбельных песен действительно много, как фольклорных, так и литературных¹, но переделок «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова (1838, публ. 1840) на порядок больше других. Мне видятся две причины такой «переделочной успешности» лермонтовского стихотворения.

Во-первых, сам текст — знаковый не только в русской литературе, но и в русской культуре, является одним из лидеров среди хрестоматийных текстов, он появляется в хрестоматиях уже в 1842–1843 гг.² Песня фольклоризировалась уже в середине XIX в., положена на музыку 40 композиторами, попала в песенники и обросла легендами. Несмотря на очевидный источник колыбельной — «Lullaby of an infant chief» Вальтера Скотта, — ряд лермонтоведов, включая И. Л. Андронникова, был убежден, что Лермонтов услышал текст от легендарной казачки Дуньки Догадихи из станицы Червленая³.

Во-вторых, Н. А. Некрасов в 1846 г. создал переделочную матрицу лермонтовского текста («Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)»), которая воплотилась в многочисленных переделках от политических, сатирических до эротических, но большинство из них появилось после 1917 года⁴. Но именно до 1909 года, года публикации «Колыбельной псового охотника» В. Карпова, переделок лермонтовской

¹ Напр.: «Баю-баюшки-баю / Не ложися на краю / А хотя давай ложись, / Что я лезу в твою жизнь».

² Русская хрестоматия или отборные сочинения русских писателей в стихах. СПб, 1842. С. 421–422; *Галахов А.* Полная российская хрестоматия или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей: Поэзия. М., 1843. Ч. II. С. 42–45.

³ *Андронников И. Л.* Лермонтов: Исследования и находки. М., 1968. С. 391–395.

⁴ Из большого количества примеров, приведу только три:

1. «Революции опасной / Плещет грозный вал, / Но Плеханов не напрасно / Точит свой кинжал» (Русская стихотворная сатира 1908–1917. Л., 1974. С. 542–543).

колыбельной было не так много, нам известно не более десяти, и половина из них связана с откликом на события 1905–1907 гг. Все эти переделки были сатирического и политического содержания. Авторами переделок были А. Буцулло (1858), П. И. Вейнберг (1862), Н. П. Огарев (1871), О. Чумина (1905), автор под псевдонимом «Симыч» (1906), Д. К. Гликман (1906) и один анонимный автор (1879)⁵. Замеченной критикой оказалась колыбельная Ф. Сологуба, опубликованная в 1907 г. («Верой Фигнер будешь с виду / И с-д душой»)⁶.

«Колыбельная псового охотника» В. Карпова, о которой пойдет речь, опубликована в 17-м номере «Охотничьего вестника» в 1909 г. Текст помещен на 262 странице журнала между комическим очерком «Медведя убили» Ф. Сафронова и заметкой-наблюдением «О подранках» П. Александрова. Рядом с названными произведениями даны две иллюстрации и одна фотография, которые не имеют отношения ни к одному тексту. К сожалению, все наши попытки узнать, кто такой В. Карпов, к результату не привели.

Что представлял собой журнал «Охотничий вестник»? Он выходил в 1901–1918 гг. и был первым коммерческим печатным охотничьим изданием, в некоторые годы даже выходил еженедельно. Как пишет А. В. Ляпина, политику журнала «определяли коммерческие интересы торгового общества “Охотничий вестник”, известного на рынке охотничьего оружия с 1887 г., и его владельца — богатого московского коммерсанта Антона Витальевича Тарнопольского»⁷. Много известных имен он не привлек, хотя с ним сотрудничали С. А. Бутурлин, Д. А. Вилинский, В. Р. Диц, В. Дзякович, проф. Б. М. Житков, Н. П. Кишенский. Издатели других, более именитых журналов Н. В. Туркин («Природа и охота» 1878–1912) и С. В. Озеров («Псовая и ружейная охота» 1894–1907) именовали издание А. В. Тарнопольского «вестником охотничьей грязи», «жалким рыночным листком». Репутацию журнала серьезно подпортила ура-патриотическая позиция редакции в годы Первой мировой войны, когда на страницах журнала публиковались такие перлы: «годами [немцы — В. Г.] воеводили в наших охотничьих обществах и кружках и пропагандировали свою печать, <...> а она, охотничья печать, сумеет сохранить и защитить родную Диану от немецкого засилья»⁸. По мнению А. В. Ляпиной, в журнале А. В. Тарнопольского «охоту на зверя заменила охота на тевтона и шваба»⁹.

2. М. Ю. Лотман любезно сообщил автору информацию о бытовании в 1970-х гг. легенды о некоем ребенке, который прислал в детский журнал (например, «Пионер» или «Мурзилку») следующий текст: «Умер Ленин наш прекрасный. / Баюшки-баю. / Тихо светит месяц ясный / В Мавзолей твою».

3. «Спи, мой х.. толстоголовый, / Баюшки-баю, / Я тебе, семивершковый, / Песенку спою» (Колыбельная песнь // Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII — начала XIX века. М., 1998. С. 234–236).

⁵ См. Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Або, 2000. С. 422–424.

⁶ Эвфимов П. Три колыбельные песни (Лермонтов, Некрасов, Ф. Сологуб) // Вестник знания. 1907. № 8. С. 105–110.

⁷ Ляпина А. В. Журнал «Охотничий вестник»: история возникновения и функционирования на рынке специализированной печати // Научный диалог. 2021. № 7. С. 198–211.

⁸ Охотничий вестник. 1914. № 48. С. 626.

⁹ Ляпина А. В. События первой мировой войны в освещении журнала «Охотничий вестник» // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2 (40). С. 153.

Итак, «Охотничий вестник» в 1909 г. публикует «Колыбельную песнь псового охотника» В. Карпова:

Спи, младенец мой прекрасный,
Спи, мое дитя!
Будь в душе борзятник страстный
Так же, как и я!
Ведь отец твой от рожденья —
Не любил борзых,
Но теперь он утешенье
Только видит в них.
Подрастешь — узнаешь вскоре
Много ты людей;
И что в жизненном здесь море
Правды нет, ей-ей!
Всюду ложь, да зло, обманы,
Карты и раздор,
Цирк, театр, кафешантаны
И певичек хор.
Старичок здесь жаждет ласки
От кокотки молодой,
Там гранд-дама строит глазки —
И не прочь с тобой...
Будь разумен — берегися
От соблазнов их.
Женщин, водки, карт страшися:
Вся погибель в них!
Много встретишь ты участия
Теплых слов друзей,

Но не жди от них ты счастья —
Верь же мне, ей-ей!
Ведь друзья — пока в кармане
Денежки гремят, —
И за твой счет — сыты, пьяны: —
Ты им друг и брат.
Вот тебе борзых две своры...
Милое дитя!
Чуть забрезжит луч Авроры —
Ты спеши в поля!
Там, средь поля, на просторе
Русачка травнешь, —
Все забудешь: ропот, горе,
И легко вздохнешь.
Будешь весел, добр душою —
Жизни смысл поймешь.
Жизнь есть школа!... И рукою —
Ты на все махнешь.
Чуть взгрустнется — в миг на поле
И с собой борзых.
Там потешишься ты вволю —
Травлено косых!...
Будешь счастлив и доволен
Ты за жизнь свою.
Спи, малютка, будь покоен —
Баюшки баю!

Почему мы выбрали для анализа столь несовершенный текст, в коммерческо-успешном, но заурядном журнале? Во-первых, потому что это первая переделка Лермонтова, лишенная общественного пафоса и не несущая в себе политико-сатирического смысла. Во-вторых, автор этой переделки исходил из того, что для узнавания «лермонтовского текста» достаточно всего двух факторов:

1. Наличие хотя бы одного лермонтовского маркера (например, как в данном случае: «Спи, младенец мой прекрасный, / Баюшки-баю»
2. Сочетание 4-стопного и 3-стопного хорей¹⁰.

То, к чему стремились его предшественники, перерабатывавшие колыбельную Лермонтова (такое же количество строф, повторение знаковых лермонтовских слов и словосочетаний, гражданская позиция), В. Карпов игнорировал. Он почувствовал, что при наличии этих двух условий можно создавать «лермонтовский текст» любого содержания. В то же время, переделывая «Казачью колыбельную песню», сочинитель ориентировался на два некрасовских текста 1846 г.:

¹⁰ Гаспаров М. Л., Вишневецкий К. Д. Стихосложение // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 546.

на «Колыбельную песню (Подражание Лермонтову)» и стихотворение «Псовая охота».

Содержание колыбельной в «Охотничьем вестнике» сохраняет интенцию жанра: выбор правильной доли для убаюкиваемого младенца. Отец, не бывший с молодости борзятником, предлагает сыну стать сразу таковым, потому что раннее погружение в псовую охоту избавит его от:

1. Праздной жизни: театра, цирка, кафешантанов, то есть от всех вариантов развлечений-дивертисментов.
2. От увлечений картами (повторяется два раза).
3. От фривольных женщин в разных ипостасях (хор певичек, молодая кокотка, гранд-дама).
4. От алкогольных злоупотреблений.
5. От коварных друзей-нахлебников.

Возможно, впервые в содержании отцовских наставлений в русской поэзии обнаруживается охота: потешайся всю жизнь псовой охотой — и тогда уберешься от соблазнов и сохранишь деньги. Хотя псовая охота была финансово затратным занятием¹¹, автор завершает свое благопожелание следующими словами:

Будешь счастлив и доволен
Ты за жизнь свою.
Спи, малютка, будь покоен —
Баюшки баю!

Мы не беремся предполагать, какова доля иронии в позиции автора этого стихотворения. При всем скептическом отношении к данному тексту следует признать, что В. Карпов — первый и пока последний автор, создавший такой содержательный вариант переделки Лермонтова: отец наставляет сына не повторять его ошибок, предлагая заняться с раннего детства исключительно псовой охотой.

Вторым источником переделки Карпова, как уже было сказано, является стихотворение «Псовая охота» Н. А. Некрасова. При том, что стихотворения, посвященные псовой охоте, есть у А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, А. А. Фета (можно вспомнить и начальные строки «Графа Нулина» А. С. Пушкина) и могли быть известны В. Карпову, именно названный некрасовский охотничий текст был хрестоматийным¹². Публикация отрывков из него в книгах для чтения была связана с порицанием барства и социальной несправедливости. «Псовая охота» — самый объемный, самый обстоятельный, самый этнографически насыщенный текст о парфорсной охоте. В нем представлены десятки ее нюансов: от «чинов» охоты до их одежды, от поисков отъезжих полей до разнообразия характеров и голосов собак, от охотничьих

¹¹ Головин В. В. «Барышня-крестьянка»: почему Боратынский «ржал и бился» // Русская литература. 2011, № 3. С. 129.

¹² Необходимо добавить, что стихотворение В. Карпова — не первое, использующее «Псовую охоту» Некрасова в качестве источника идей и образов. Влияние этого текста обнаруживается и в стихотворении М. Л. Михайлова «Помещик» (1847).

атрибутов до ритуалов, вплоть до поведения усталых собак и лошадей. Но главное не это. В. Карпов постоянно повторяет мотив Некрасова об отсутствии каких-либо сложных и отвлекающих мыслей-забот во время такой охоты:

Чуть взгрустнется — в миг на поле
И с собой борзых.
Там потешишься ты вволю —
Травлею косых!...
Вот тебе борзых две своры...
Милое дитя!
Чуть забрезжит луч Авроры —
Ты спеши в поля!
Там, средь поля, на просторе
Русачка травнешь, —
Все забудешь: ропот, горе,
И легко вздохнешь.
Будешь весел, добр душою —
Жизни смысл поймешь.

Ни у одного из известных авторов «псовых» стихотворений такого мотива нет, кроме как в «Псовой охоте» Н. А. Некрасова:

Однопометников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

Напомню и некрасовский эпиграф к своему стихотворению, где также представлена и даже аргументирована идея забвения на охоте:

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хоть мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки...

(Реутт. Псовая Охота)¹³

Подытоживая, стоит еще раз указать на то, что именно В. Карпов впервые использовал охотничью тематику при переделывании «Казачьей колыбельной песни»

¹³ Реутт Н. М. Псовая охота. Ч. 1. СПб., 1846. С. 26.

М. Ю. Лермонтова. В то же время впервые не только в переделочной, но и вообще в традиции литературной колыбельной песни он предложил гендерную новацию: колыбельную песню поет отец. Нам известен только один аналог, но он написан годом позже, в 1910 г., — «Колыбельная для мужского голоса» Саши Черного. Впрочем, можно назвать еще один, но значительно более поздний, текст — колыбельную А. Галича «О том, как Клим Петрович сочинил научно-фантастическую колыбельную, укачивая своего племянника — Семена, Клавкиного сына», в которой дядя поет племяннику. Еще одним нововведением В. Карпова стало изменение прагматики жанра: от прогноза судьбы к совету-пожеланию. Причем «нравственный урок» отца убаюкиваемому состоит в «антипедагогичном» совете вести праздный, «псово-охотничий» образ жизни, избавляющий любого от более дурных напастей.

Вероятно, настоящая публикация окажется единственным исследованием, посвященным стихотворению В. Карпова «Колыбельная псового охотника». Хотя посвящена она не столько ему, сколько возможностям и «энергии» хрестоматийного текста, заложенным сэром В. Скоттом, осуществленным М. Ю. Лермонтовым и положенным в переделочную перспективу Н. А. Некрасовым.

Светлана Маслинская

О «ДЕТСКОСТИ» В «ГОЛУБОЙ ЧАШКЕ» А. ГАЙДАРА

Е. В. Душечкина в книге, посвященной культурной истории имени Светлана, уделила несколько страниц обсуждению рассказа А. Гайдара «Голубая чашка»¹, главную героиню которого автор назвал Светланой. Характеризуя ономастический профиль героини, Елена Владимировна уклонилась от «обстоятельного анализа этого произведения»². Ниже я попробую предложить не столько обстоятельный анализ, сколько некоторые наблюдения, продолжающие размышления Елены Владимировны над этим странным рассказом Гайдара.

«Голубая чашка», опубликованная впервые в журнале «Пионер» в самом начале 1936 года³, вызвала противоречивую реакцию критики, собственно, как и все произведения, которые выходили из-под пера А. Гайдара. Однако, если другие произведения («Графские развалины», «Школа», «Военная тайна») получали нелестные оценки за схематизм сюжетов и характеров, в случае с «Голубой чашкой» речь шла о другом. Основной вопрос, который беспокоил как специалистов, так и «простых» читателей, был вопрос об адресате произведения. Ребенок ли является адресатом Гайдара? Детская ли это литература? Именно эти вопросы определили вектор развернувшейся дискуссии, которую стоит рассмотреть в контексте идей середины 1930-х годов о содержании и назначении детской литературы.

Кризис в книгоиздании для детей, пришедшийся на начало 1930-х годов и связанный с упразднением частных издательств, сопровождался пересмотром сложившейся к концу 1920-х годов концепции детской литературы. В ожесточенных спорах второй половины 1920-х годов о том, какой должна быть детская литература, наступила передышка. Странники политизации детской литературы, во главе которых стояла Н. Крупская, стали отступать под давлением фракции М. Горького и С. Маршака⁴. На съезде писателей в августе 1934 года с высоких трибун прозвучала новая программа советской детской литературы. Среди «больших и острых

¹ Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. С. 98–104.

² Душечкина Е. В. Светлана... С. 99.

³ Гайдар А. Голубая чашка // Пионер. 1936. № 1. С. 3–15.

⁴ См. подробнее в: Де Флорио Дж. Максим Горький и Самуил Маршак на фоне эпохи // Детские чтения. 2018. № 2 (12). С. 184–205.

вопросов», поставленных еще до съезда и обсуждаемых на нем, был вопрос «о детскости»⁵. Баланс между взрослым и детским к середине 1930-х годов снова стал решаться в духе Белинского: «лучшим критерием художественности служит то, что настоящая детская литература нивелирует возрастные грани. Ее с одинаковым вниманием читает и взрослый, и ребенок, и каждый находит в ней то, что импонирует ему»⁶ — заявляет в июне 1934 года авторитетный специалист А. Бабушкина, главный редактор профильного журнала «Детская и юношеская литература». В 1934–1936 годах в этом издании выходят статьи⁷ о границах между взрослой и детской литературой, о допустимости тех или иных тем, о выработке нового языка, который должен закрепить баланс между детской и взрослой речью. Эти статьи стали развитием тезисов выступления С. Маршака на Первом съезде советских писателей: «Не всякая понятная книжка любима детьми. Дело, очевидно, не в доступности, а в каком-то подлинном соответствии книги с мироощущением ребенка»⁸. В том же докладе С. Маршак уточняет: «Очень часто дети настаивают на том, чтобы писатели научились говорить на детском языке»⁹. Таким образом, вопрос о «детскости» становится ключевым как в отношении содержательном, так и в отношении языкового оформления.

О быте, о семье

Содержание детской литературы, с точки зрения специалистов, должно было определяться требованиями социалистического реализма. С. Маршак уповал на появление «книги, сочетающей смелый реализм с еще более смелой романтикой, книги, которая бы не боялась неизбежных в наши дни суровых фактов, но умела бы поднимать их на такую оптимистическую высоту, откуда они не были бы страшны»¹⁰. Среди предпочтительных тем и история прихода к власти большевиков, и современное мирное строительство, и мечты о будущем социализме. Отдельный запрос, как раз наиболее близкий к проблематике «детскости», был связан с «повестями о детях и для детей», книгами «о юном человеке, который находит свое место в жизни»¹¹. В таком произведении стоит показывать советскую семью — пространство социализации юного советского человека. «Замкнутая детская

⁵ Смирнова В. О наследстве и наследниках // Литературная газета. 1934. 20 авг.

⁶ Бабушкина А. Путь к зрелости советской детской литературы // Детская и юношеская литература. 1934. № 6. С. 2.

⁷ Рыбникова М. «Взрослая» литература для детей // Детская и юношеская литература. 1934. № 10. С. 1–3; Алексеева О. Пора покончить с безответственностью изданий «Школьной серии» // Детская и юношеская литература. 1934. № 12. С. 3–8; Лысяков П. О переизданиях 1934 года // Детская и юношеская литература. 1934. № 9. С. 1–2; Бабушкина А. Литература — орудие воспитания // Детская литература. 1935. № 7. С. 1–3; Кон Л. Коренной вопрос детской литературы // Детская литература. 1936. № 6. С. 41–44.

⁸ Маршак С. Покороче, поясней, попонятней, посложней. [Доклад на съезде писателей] // Литературная газета. 1934. 20 авг.

⁹ Маршак С. Покороче, поясней, попонятней, посложней...

¹⁰ Маршак С. О большой литературе для маленьких. М., 1934. С. 38.

¹¹ Маршак С. О большой литературе... С. 41.

дворянской семьи»¹² должна была, наконец, разомкнуться (с «мещанской» детской боролись еще в период кампании против Чуковского во второй половине 1920-х годов). В детской литературе ожидали появления примеров семей других социальных групп. И действительно, в первой половине 1930-х годов были созданы такие произведения, как, например, «Перебежчик» (1931) Ф. Зубарева или «В кулацком гнезде» (1933) П. Соломеина. В них изображались крестьянские семьи, конфликты в которых определялись противостоянием идеологий, а социализация состояла в отторжении классово чуждого мировоззрения (приписываемого старшему поколению). Схематизм этих сюжетов осознавался критиками и порицался¹³.

В «Голубой чашке» Гайдар изображает семью, о социальном портрете которой говорится в первых строках рассказа: отец семейства может позволить себе снять дачу под Москвой. Хорошо известно, что рассказ имел автобиографический характер, поэтому можно с уверенностью утверждать, что изображается семья из круга советской интеллигенции, в друзьях у которой герои освоения Севера: знакомый Маруси — полярный летчик¹⁴. Изображение «внутренней жизни взрослых, их взаимоотношений между собой»¹⁵ было внове для середины 1930-х годов. Один из первых отзывов на рассказ Гайдара эксплицирует это довольно определенно:

У нас совсем нет книг о быте, о семье. Ребята участвуют в семейных неурядицах, видят дома часто очень неприглядные картины. Становятся свидетелями грубых, тяжелых сцен. Книга о быте, о семье нам очень нужна. Гайдар правильно рисует семью. Семейные неполадки даны им мягко, овеяны настроением нежной грусти и получают разрешение в глубокой радости. До многих ребят это может еще не дойти, но там, где это дойдет, будет только полезно¹⁶.

Однако критики посчитали, что семейная ссора изображена «недоходчиво»¹⁷, что «лирико-интимная» тема непонятна «среднему возрасту» читателей-детей¹⁸, что нарушены базовые принципы детской литературы — рассказ не для детей:

«Голубая чашка» Гайдара <...> — это попытка приоткрыть перед детьми мир личных, интимных переживаний взрослого. Это правдивый и искренний рассказ о ревности, причем о такой ревности, в которой нет ни капли экзотики и вместе с тем ничего мещанского, о ревности человека, понимающего всю необоснованность и нелепость этого своего чувства и все же поддающегося ему. Это сделано очень тонко, но, может быть, именно вследствие тонкости переживаний героя и их проявлений мало искушенный в вопросах ревности читатель «Пионера» совсем не замечает их. Для него существует только голая фабула рассказа, фабула сугубо — детская и для читателя — пионера слишком скучная.

¹² Зальцберг Б. Замкнутая детская дворянской семьи [Н.Г. Гарин-Михайловский, «Детство Темы»] // Детская и юношеская литература. 1934. №2. С. 3–5.

¹³ См., например: Бабушкина А. Путь к зрелости советской детской литературы. С. 8.

¹⁴ Об особом статусе полярных летчиков см. работы: Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Социалистический канон. СПб., 2000. С. 743–750; Бугаева Л. Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение // Звезда. 2018. №8. С. 222–245.

¹⁵ Камов Б. Аркадий Гайдар. Биография. Л., 1963. С. 116.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 2.

¹⁷ Шкловский В. Об удаче и ее качестве // Детская литература. 1937. №7. С. 16.

¹⁸ Терентьев А. Голубая чашка // Детская литература. 1937. №5. С. 18.

Характерно, что большие ребята, отвергая эту книгу, определяют ее не как трудную или непонятную, а как книгу «для малышей». Они считают, что это просто рассказ о том, как папа на даче гулял со своей дочкой¹⁹.

Иной позиции придерживался А. Дерман, выступивший в защиту «Голубой чашки», расширив «смысл» рассказа — «любовь в семье»²⁰. Дискуссию вокруг содержания рассказа, возобновлявшуюся в течение года после первой журнальной публикации (и последовавшего книжного издания осенью 1936 года), стоит рассмотреть в контексте обсуждений «детскости» в детской литературе.

Табуирование изображения ссор в семье²¹ — явление новое для второй половины 1930-х годов. До этого момента в детской литературе семейные конфликты представлены довольно широко, но, как уже говорилось выше, они показывались как проявление классовой борьбы. Ракурс, предложенный Гайдаром, предполагал изображение психологических причин семейных конфликтов. Именно психологизм в изображении взрослых отношений и вызвал неприятие взрослой аудитории: «этот психологизм не нужен детям!»²² Одна взрослая читательница протестовала: «Я не хотела бы, чтобы мой сын, поняв настроения автора, начал приглядываться ко всем проходящим ко мне людям и стал бы подозрительным, веру надо сохранять у детей»²³. Взрослые читатели поняли «настроения автора», но возмутились, что именно такие «интимные» настроения представлены в произведении, адресованном детям.

Однако этот подход вступил в противоречие с тем, как понимался в 1936 году «коренной вопрос детской литературы»²⁴, связанный со спецификой предмета детской литературы. С точки зрения Л. Кон, «писатель должен писать и для детей только о том, что глубоко интересуется и волнует его самого. В произведениях для детей должны отражаться его подлинные мысли и чувства. Только при этом условии наша детская литература может стать на путь социалистического реализма»²⁵. Казалось бы, Гайдар как раз и обратился к тому, что интересовало и волновало его самого, к тому, что являлось его подлинным семейным опытом. Одна пятиклассница, отзывавшаяся на рассказ, продемонстрировала полное понимание этого: «Гайдар это про себя пишет, какое у него было настроение, когда они поссорились с Марусей»²⁶.

Тем не менее критики не были готовы к такому повороту — обсуждению психологии семейной жизни. Ханжество их позиции контрастировало с прежней открытостью детской литературы к злободневным вопросам современности, начиная

¹⁹ Кон Л. О журнале «Пионер» // Детская литература. 1937. № 7. С. 21–25.

²⁰ Дерман А. К спорам о «Голубой чашке» Гайдара // Детская литература. 1937. № 19–20. С. 55.

²¹ См. отзыв взрослой читательницы, который цитировала в своей статье А. Жаворонкова: «Меня возмутило, как эта книга рисует мать. Это что же, все неприятности от матери, а отец — самый хороший. Это неверно. Ребятам и так уже ничего сказать нельзя, ничего запретить нельзя». (РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 3.). Опубликовано в: Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке» // Детская литература. 1937. № 13. С. 40–43).

²² Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке»... С. 40.

²³ Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке»... С. 40.

²⁴ Кон Л. Коренной вопрос детской литературы // Детская литература. 1936. № 6. С. 41–44.

²⁵ Кон Л. Коренной вопрос детской литературы... С. 44.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 5.

с натуралистического изображения разрухи 1920-х и заканчивая репрезентацией героических свершений взрослых в строительстве нового мира. Самые разные стороны советских будней удаивались быть изображенными в детской литературе, но семейные размолвки в середине 1930-х годов оказались табуированы. Звучали голоса против такого лицемерия взрослых: «Детская книга не должна служить ширмой, заслоняющей отрицательные стороны действительности, она должна научить детей критически смотреть на окружающих, и в том числе на своих родителей»²⁷, — в этом призыве слышались отголоски авангардистских взглядов на ребенка 1920-х годов, но в период формирования новой семейной культуры во второй половине 1930-х «стремление показывать детям жизнь сквозь розовые очки»²⁸ брало верх.

Светлана умна не по годам

Менялась и концепция ребенка: из субъекта революционных преобразований, в том числе и преобразований в семье (ср. Павлик Морозов), ребенок превращался в объект педагогического присмотра и контроля. Гайдар же продолжал придерживаться позиции, которая имела все меньше сторонников. В его творчестве ребенок обладал значительной автономией от взрослых, начиная с героев его историко-революционных произведений и заканчивая шпионской («Судьба барабанщика») и каникулярной («Тимур и его команда») повестями.

В «Голубой чашке» субъектность ребенка реализуется в плоскости нуклеарной семьи, внутрисемейных отношений. Герметичность этой ситуации дала возможность Гайдару продемонстрировать свои представления о границах детской субъектности. В том, как показан персонаж-ребенок, можно видеть продолжение авангардистской концепции ребенка в ее умеренной версии: дети — субъекты мыслей, чувств и поступков, к которым прислушивается и присматривается взрослый. Более того, особенности повествования «Голубой чашки» демонстрируют, что взрослый и ребенок видят мир из общей точки.

В рассказе, казалось бы, чередуется изображение детского и взрослого взгляда на происходящие события. Рассказ начинается с семейного «мы»: «мы сняли дачу под Москвой» (с. 3²⁹), затем отец с дочерью выступают от общего «мы»: «мы со Светланой думали» (3), «мы со Светланой ушли» (3), «мы достали в чулане муку» (4). В ответ на обвинения Маруси каждая точка зрения представлена отдельно: «Я чашки не разбивал, и Светлана говорит, что не разбивала тоже» (5). В описании путешествия точки зрения то совмещаются: «Выбрались мы через огороды» (7), «Идем мы идем, и вот видим...» (7), «Мы... выбраться не могли никак... Мы не видели ничего» (25), — то сепарируются. Когда, например, отец поднимает Светлану, «она увидела песчаный берег» (25), после чего некоторое сюжетное время уделено

²⁷ Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке»... С. 42–43.

²⁸ Жаворонкова А. Еще о «Голубой чашке»... С. 42–43.

²⁹ Здесь и далее указаны страницы первого книжного издания рассказа — Гайдар А. Голубая чашка. М.; Л., 1936.

их раздельному наблюдению над окружающим пространством: отец — «я вернулся и увидел» (25), Светлана — «я стою» (26) — и снова объединению: «мы выбрались... мы счистили всю грязь... мы купались...» (26). Точка зрения рассказчика то объединяется с партнером, то распадается. Как кажется, в этом случае можно говорить об известных «диалогических отношениях» (М. Бахтин). Нарративная позиция Гайдара — это соположение своей и другой точки зрения, совмещение их и снова разделение. Такая пульсация породила определенный рецептивный эффект, который был оценен читателями как ошибка в передаче «детскости» (и взрослости).

В отзывах детей — читателей 1936 года — неоднократно встречаются негативные оценки передачи возрастных особенностей мышления и речи:

Светлана описана плохо. Если читать о ней один отрывок можно думать, что ей года четыре, если же брать другой отрывок, то можно принять Светлану за девочку лет 14. Она рассуждает то как маленькая, то как взрослая. Сам же Гайдар описал себя, как мальчика лет по крайней мере четырех. Очень уж он по детски рассуждает³⁰.

Но мне не понравилась в книге Светлана. Она изображена здесь слишком умной, несмотря на свой возраст. По-моему такая маленькая девочка шести лет не могла понять семейную ссору родителей. Не могла так умно говорить. И по-моему по Светланиным рассуждениям ей можно дать лет десять³¹.

Для 9–12-летних читателей такое смешение («Светлана умна не по годам» — «отец показан как маленький»³²) показалось неуместным. Отмечалось оно и взрослыми критиками, причем относились эти наблюдения и к другим произведениям писателя. Так, А. Роскин в 1935 году (как раз когда писалась «Голубая чашка»), характеризуя особенности повествования в «Военной тайне», отмечал:

Есть в творчестве Гайдара нечто, что придает его детским книгам жизненную значительность, ту большую серьезность, без которой нет подлинного искусства. Это может показаться парадоксальным. Ведь у Гайдара много наивности, порой даже словно культивируемой писателем инфантильности. Иные реплики десятилетних его героев можно приписать пятилетним, двадцатилетним — десятилетним. В «Военной тайне» восемнадцатилетняя комсомолка Натка говорит так: «— Ты, дядя, уже сто раз был в Крыму да сто раз на Кавказе. Ты и на бронепоезде ездил и на аэроплане летал. Я, дядя, однажды твой портрет видела. Ты стоишь, да Буденный, да еще какие-то начальники, а я нигде, ни на чем, никуда и ни разу». Да, это так. И все же гайдаровская наивность не рассеивает гайдаровскую серьезность, она придает ей лишь мягкость и теплоту, как бы засекречивает элемент значительности. И в этом «военная тайна» гайдаровского таланта³³.

М. Литовская в своей статье о «стилевом инфантилизме» Гайдара обратила внимание на «своеобразный эффект наслаивания речи, принадлежащей людям разного

³⁰ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 15. Здесь и далее орфография и пунктуация переданы, как в источнике.

³¹ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 16.

³² РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 18, 19.

³³ Роскин А. Воспитание чувств // Детская литература. 1935. № 7. С. 15.

возраста, контаминации речи ребенка и взрослого, когда во взрослом повествователе “обнаруживается” ребенок»³⁴, и предложила биографические (в том числе психо-биографические) интерпретации этого эффекта. Остается добавить, что и детская речь претерпевает интервенцию со стороны взрослой: «Шестилетняя Светлана говорит языком взрослого человека, а ее отец, наоборот, языком шестилетнего ребенка»³⁵. М. Литовская пишет: «Речь повествователя оказывается приближенной к речи героя»³⁶, имея в виду взрослого повествователя и ребенка-героя. Нельзя не заметить, что и речь ребенка-героя мимикрирует под речь взрослого — «Светлана умна не по годам». Таким образом, не только «сам Гайдар изображает себя будто ребенком»³⁷, но и герой-ребенок у него владеет иным возрастным регистром речи. Можно вслед за М. Литовской согласиться, что здесь у Гайдара проявляется «самоценность каждого из возрастов, его неизживаемость в человеческой жизни»³⁸. Впрочем, то, что Светлана говорит, как человек старше своих лет, сигнализирует об обратной перспективе: речь в рассказе не о раннем взрослении советских детей (как изображали их в 1920-е годы). Для второй половины 1930-х годов картина складывается иначе: подросток Тимур сознателен, как зрелый советский гражданин, а вот шестилетняя девочка Светлана — это человек *per se*, «с малолетства уже полный человек», сродни детям в произведениях А. Платонова. В. Вьюгин, анализируя поэтику прозы А. Платонова, замечает: «у Платонова не только взрослые инфантильны, но и дети — гипертрофированные акселераты. “Взрослость” в его текстах часто занимает место “детскости”», — и далее: «в отношении Платонова уместней говорить о взаимозависимости детского и взрослого начал и стирании границ между ними, а не о подавлении одного другим»³⁹. Нечто подобное мы видим и у Гайдара. Светлана — равноправный участник событий и чувств, изображенных в рассказе, именно потому, что детскость в рассказе пульсирует: все герои — немного дети, немного взрослые... то дети, то взрослые... Отсюда определенная притчевость стиля Гайдара⁴⁰, ведь его герои — вне возраста, просто «полные люди».

Разделения на «взрослый» и «детский мир» в «Голубой чашке» нет. В. Смирнова, одна из создательниц советского канона прочтения творчества Гайдара, утверждала,

³⁴ Литовская М. Стилевой инфантилизм А. Гайдара // Филологический класс. 2006. № 16. С. 31.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 17.

³⁶ Литовская М. Стилевой инфантилизм А. Гайдара... С. 32.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1879. оп. 2. ед. хр. 38. Л. 11.

³⁸ Литовская М. Стилевой инфантилизм А. Гайдара... С. 35.

³⁹ Вьюгин В. Политика поэтики: очерки из истории советской литературы. СПб., 2014. С. 104.

⁴⁰ Речь идет именно о притче, а не о сказе как имитации чужой в социальном, возрастном или этническом плане речи. Я присоединяюсь к позиции М. Литовской: «Гайдар действительно опробует элементы сказа в некоторых своих рассказах (“Дальние страны”), но, во-первых, тяготеет все же к форме несобственно-прямой речи, неизменно вводя в текст взрослую точку зрения при том, что речь повествователя оказывается приближенной к речи героя. Это совмещение указывает на ненужность для писателя сказа, который всегда есть ориентация на воспроизведение чужой точки зрения. Точка зрения ребенка или подростка для А. Гайдара не является ни чужой, ни полностью захватывающей повествователя. Она входит в ведение повествователя как ее неотъемлемая часть, поэтому повествователь не только знает, что происходит в сознании героя, но и является компетентным носителем языка ребенка» (Литовская М. Стилевой инфантилизм А. Гайдара... С. 32).

что «у Гайдара мир разделен надвое, обе стороны воюют между собой, и дети непременно оказываются на той или иной стороне, вместе со взрослыми»⁴¹. Столь масштабное обобщение мало применимо к очень разным произведениям Гайдара, в наименьшей степени его можно отнести к «Голубой чашке»: Светлана не принимает ничью сторону в споре родителей, она — один из вовлеченных участников конфликта со своей эволюцией отношения к нему, а не к родителям. Интерпретация В. Смирновой в целом построена на сопоставлении взрослых и детей, перераспределении между ними власти: «Отношения между <...> Светланой и ее отцом держатся на полном доверии ребенка и на искреннем уважении взрослого, это отношения “на равных”, на взаимной чуткости и понимании с полуслова, а то и без слов. Вспомним, как маленькая Светлана каким-то удивительным детским чутьем понимает переживания отца, его ревность, и как она решительно возвращает его дому»⁴². Действительно, это отношения на равных, и Гайдар пишет не об «удивительном детском чутье» (для консервативной позиции В. Смирновой агентность ребенка удивительна⁴³), а о равенстве людей независимо от возраста.

А. Гайдар в рассказе «Голубая чашка» не только взялся показать повседневность интеллигентной советской семьи, но и предложил новый язык ее описания. Особенности этого языка тесно связаны со стилевым инфантилизмом Гайдара, но с другой стороны — со стремительно устаревающей концепцией детства, в которой ребенок равновелик взрослому. На момент, когда авангардистская модель детства — «инфантилизм авангарда» (М. Литовская) — уходит в прошлое, Гайдар продолжает отстаивать автономность ребенка как субъекта. Здесь не идет речь о так называемом «детском мире» (с Нового времени противопоставленном взрослому), а именно о детях как субъектах высказывания и действий. Принципиально здесь и то, что главной героине шесть лет. В отличие, скажем, от «Повести о первой любви» (1939) Р. Фраермана, в которой показана распавшаяся семья и проекция взрослых проблем на детский мир и в которой ребенок — часть взрослых отношений, проблем и ситуаций. У Гайдара он — активный участник, субъектность которого изофункциональна взрослому.

Когезия детского и взрослого в рассказе Гайдара, их неразличимая связность, притяжение, не вписывались в обновившуюся концепцию детской литературы второй половины 1930-х годов. Правильнее будет сказать, что произошла реновация уже зарекомендовавшей себя консервативной модели детства, основанной на патернализме взрослых. Ответ на такой запрос явственнее всего представлен в рассказах Н. Носова конца 1930-х годов, в которых изображается детский мир с его

⁴¹ Смирнова В. Аркадий Гайдар. Очерк жизни и творчества. М., 1972. С. 161.

⁴² Смирнова В. Аркадий Гайдар. Очерк жизни и творчества... С. 173.

⁴³ Показательно, что в первом издании книги о Гайдаре В. Смирнова называет речь Светланы простой — «своими детскими простыми рассуждениями возвращает отцу уверенность, что их любят...» (Смирнова В. Аркадий Гайдар. Критико-биографический очерк. М., 1961. С. 182). С точки зрения читателей-детей, современников Гайдара, как мы помним, эта речь мудрена.

радостями и хлопотами, надежно сепарированный от взрослого: в 1938 году в журнале «Мурзилка» один за другим были опубликованы рассказы «Затейники», «Мишкина каша», «Огурцы». Они наилучшим образом отвечали требованию создать литературу о детях без взрослых, «интересную детям определенного возраста». Под интересным стало пониматься совсем не то, что понимал Гайдар.

В конце 1930-х годов в советской детской литературе произошел поворот к «детскому миру» затейников и фантазеров. Герметичный детский мир, состоящий из забав и шалостей дошкольников, находился под присмотром взрослых, с их соизволения и при неусыпном контроле. Мир единства шестилетних и тридцатидвухлетних распался на две части. Если развивать химическую метафору, адгезивный процесс всегда обнаруживает стык, место склейки двух разнородных объектов, поэтому всегда заметно, как Носов склеивает два мира — взрослый и детский, сталкивает их между собой и стыкует. А для Гайдара в «Голубой чашке» вопрос о «детскости» был поставлен «со всей серьезностью» и решен так же: ребенок — полноправный участник социальной жизни, в том числе и семейной.

Александр Степанов

«О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ» Н. А. НЕКРАСОВА,
 «МИЛАЯ ДЕВОЧКА ЛЯЛЕЧКА...» К. И. ЧУКОВСКОГО,
 «ТРИ ТОВАРИЩА» С. В. МИХАЛКОВА:
 К РЕКОНСТРУКЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Научные интересы Елены Владимировны Душечкиной простирались от летописей, житий и повестей до прозы Н. С. Лескова и А. П. Чехова, но этим не ограничивались. Помимо произведений, востребованных взрослой аудиторией, ее всегда занимала литература для детей. В настоящей статье я хочу рассмотреть поэтические механизмы взаимодействия трех текстов, авторы которых не раз становились предметом изучения Елены Владимировны.

В полиметрической композиции «Крокодила» К. И. Чуковского есть фрагменты, форма которых отсылает к произведениям Н. А. Некрасова¹. Среди них выделяется ритмико-семантическая аллюзия, связывающая начало третьей части «Крокодила» с рассказом «О двух великих грешниках»² из «Кому на Руси жить хорошо»:

Некрасов	Чуковский
Господу богу помолимся, Древнюю быль возвестим, Мне в Соловках ее сказывал Инок, отец Питирим.	Милая девочка Лялечка! С куклой гуляла она И на Таврической улице Вдруг увидала Слона.
Было двенадцать разбойников, Был Кудеяр-атаман, Много разбойники пролили Крови честных христиан... ³ <...>	Боже, какое страшилище! Ляля бежит и кричит. Глядь, перед ней из-под мостика Высунул голову Кит ⁴ . <...>

¹ Гаспаров Б. М., Панерно И. А. «Крокодил» К. И. Чуковского: к реконструкции ритмико-семантических аллюзий // Тезисы I Всесоюз. (III) конф. «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 166–169.

² Об источниках легенды о Кудеяре см.: Андреев Н. П. Легенда о двух великих грешниках // Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1928. Вып. 1. С. 185–198; Гин М. М. Спор о великом грешнике (некрасовская легенда «О двух великих грешниках» и ее истоки) // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. VII. С. 84–97.

³ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. Л., 1982. Т. 5: Кому на Руси жить хорошо / подгот. текста и коммент. О. Б. Алексеевой и др.; ред. Т. А. Беседина, А. И. Груздев. С. 207. Далее цитаты из поэмы Некрасова приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁴ Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М., 2013. Т. 1: Произведения для детей / сост., коммент. Е. Чуковской. С. 109. Далее цитаты из произведений Чуковского приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

На преднамеренность переключки указывает, прежде всего, редкая стихотворная форма – строфически упорядоченный 3-ст. дактиль с дактилическими окончаниями в нечетных строках и мужскими – в четных; при этом нечетные строки – холостые, а четные – зарифмованы. Изначально такой полурифмованный стих применялся для стилизации народного песенного стиха⁵. Если у Некрасова фольклорная интонация обусловлена жанром легенды о грешнике, то у Чуковского та же интонация использована с пародийно-игровой целью. Помимо традиции «бурлеска» на сюжет «войны животных»⁶, в сказке парадоксальным образом сопоставляются несчастья «девочки Лялечки» со «злодеяниями “двенадцати разбойников”»⁷.

К числу стилистических сигналов поэтического взаимодействия можно отнести грамматические конструкции из «сдвоенных» существительных с дефисом или без, где одно из них выступает в функции определения (приложения): «отец Питирим», «Кудеяр-атаман», «Вождь Кудеяр», «девица-краса», «зверь-человек» (Некрасов); «девочка Лялечка», «чучело-чудище» (Чуковский).

Есть у Некрасова слово «страшилище», которым рассказчик характеризует неисполнимую для грешника епитимью: «Смерил отшельник страшилище: / Дуб – три обхвата кругом!» (с. 209). «Страшилищем» оказывается для Лялечки и гигантское животное с хоботом: «Боже, какое страшилище!» (1, с. 109). Находится это слово в той же ритмической позиции, что и у Некрасова, – в конце строки. Соотнесение через одиночную цитату двух принципиально разных контекстов служит ироническому обыгрыванию в «Крокодиле» топосов гражданской поэзии⁸.

Как и в наказании Кудеяра, в злоключениях Лялечки существенную роль играет образ дерева. Проявляя чудеса ловкости, Ляля с куклой взбирается на дерево, но, увидев Гориллу, чей облик под стать «таинственному и губительному» зверю Апокалипсиса⁹, спешит покинуть опасное место:

Лялечка лезет на дерево,
Куклу прижала к груди.
Бедная, бедная Лялечка!
Что это там впереди?

Гадкое чучело-чудище
Скалит клыкастую пасть,
Тянется, тянется к Лялечке,
Лялечку хочет украсть.

⁵ Дубровская Л. Д. Полурифмованный стих в русской поэзии первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. С. 91–96.

⁶ Гаспаров Б. М., Паперно И. А. «Крокодил» К. И. Чуковского... С. 165.

⁷ Гаспаров Б. М., Паперно И. А. «Крокодил» К. И. Чуковского... С. 166.

⁸ Об этом подробнее см.: Степанов А. Г. Монолог Крокодила К. И. Чуковского: к проблеме источников и переключек // Детские чтения. 2020. Т. 18, №2. С. 257–275.

⁹ Гуськов Н. Топос «звери в городе»: к проблеме комментирования сказки К. И. Чуковского «Крокодил» // Детские чтения. 2018. Т. 14, №2. С. 36.

Лялечка прыгнула с дерева,
 Чудище прыгнуло к ней,
 Сцапало бедную Лялечку
 И убежало скорей.

(1, с. 110)

Если действия, связанные с деревом, развиваются стремительно¹⁰, то процесс срезания дуба героем Некрасова растягивается на годы:

Режет упругое дерево,
 Господу славу поет,
 Годы идут — подвигается
 Медленно дело вперед.

(с. 209)

При этом мотив ожидания у Чуковского закреплён не за главным, а за второстепенным персонажем – мамой похищенной девочки:

А на Таврической улице
 Мамочка Лялечку ждёт:
 — Где моя милая Лялечка?
 Что же она не идёт?

(1, с. 110)

Эти отсылки к Некрасову (далеко не единственные в сказке) объясняются в том числе биографическими фактами. Работая над «Крокодиллом», Чуковский параллельно писал книгу о поэте и готовил к изданию собрание его сочинений. Отсюда ритмико-семантические аллюзии к некрасовским текстам и «плачущему некрасовскому дактилю»¹¹ в частности.

Другой пример ритмической переключки – антифашистская историческая песня С.В. Михалкова «Три товарища». Она была напечатана в 1937 году под заглавием «Испанская песня» сначала в журнале «Мурзилка» (№ 7, с. 15), потом – «Затейник» (№ 9, с. 8), затем как «Песня» в книжке стихов для детей о Гражданской войне в Испании 1936–1939 годах¹²:

Жили три друга-товарища
 В маленьком городе Эн.
 Были три друга-товарища
 Взятые фашистами в плен.

¹⁰ Ср.: «Действий, приключений, событий, молниеносно следующих одно за другим, — вот чего ждет ребенок в первые шесть-семь лет своей жизни. Герои “Крокодила” то сражаются, то убегают из плена, то ездят верхом на пантерах, то попадают в лапы к осатанелым гориллам, то пляшут вокруг праздничной ёлки — одно приключение сменяется десятком других» («Признания старого сказочника»; 2, 383).

¹¹ Чуковский К. Тринадцать заповедей для детских поэтов // Детские чтения. 2020. Т. 18, №2. С. 30.

¹² Михалков С.В. Товарищи: стихи об Испании: для младшего возраста. М.; Л., 1937. С. 8–10.

Стали допрашивать первого,
 Долго пытали его —
 Умер товарищ замученный
 И не сказал ничего.

Стали второго допрашивать,
 Пыток не вынес второй —
 Умер, ни слова не вымолвив,
 Как настоящий герой.

Третий товарищ не вытерпел,
 Третий — язык развязал.
 — Не о чем нам разговаривать! —
 Он перед смертью сказал.

Их закопали за городом,
 Возле разрушенных стен.
 Вот как погибли товарищи
 В маленьком городе Эн.¹³

Обобщенно-безличному «фашисты» противопоставлены трое безымянных друзей («первый», «второй», «третий»), принявших мученическую смерть, но не выдавших тайны. Одним из литературных источников этого сюжета мог быть «Рассказ о спрятанном оружии» К. М. Симонова (ноябрь 1936). Баллада о двух испанских товарищах, попавших в плен и сохранивших, несмотря на побои и издевательства, военную тайну, появилась в 1937 году во втором номере журнала «Знамя» (с. 163–165)¹⁴. Осваивая с другими советскими писателями тему войны в Испании, Михалков мог обратить внимание на этот текст. Другой возможный источник «Трех товарищей» – шотландская баллада Р. Л. Стивенсона «Heather Ale», содержащая мотивы плена, тайны и пыток, грозящих пиктам-отцу и сыну. В переводе Е. М. Тарасова («Вересковое пиво») она вошла в «Антологию новой английской поэзии», изданную в 1937 году¹⁵.

К концу стихотворения Михалков, как и Симонов, драматизирует сюжет, задерживая внимание на одном из пленников. Первое двестишесте четвертого катрена сообщает ложный посыл, наталкивая на мысль о том, что «третий товарищ окажется изменником». Но «следующее двестишесте опровергает предположение, дает читателю понять, что стойкость борцов за свободу – типичная, неотъемлемая их черта»¹⁶.

¹³ Михалков С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1981. Т. 2: Стихотворения. Рассказы. С. 19. Далее цитаты из произведений Михалкова приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.

¹⁴ Сюжет этой баллады, как указывалось в подзаголовке первых публикаций, был заимствован из пьесы Рамона Хосе Сендера «Тайна».

¹⁵ Стивенсон Р. Л. Вересковое пиво (перевод Е. Тарасова) // Антология новой английской поэзии / вступит. статья и коммент. М. Г. Гутнера. Л., 1937. С. 181–184. Два других перевода этой баллады – Н. К. Чуковского и С. Я. Маршака – были опубликованы позднее.

¹⁶ Ивич А. О детских стихах С. Михалкова // Ивич А. Воспитание поколений: О советской литературе для детей. 4-е изд. М., 1969. С. 162–163.

Далее я постараюсь показать, что стихотворная форма «Трех товарищей» была заимствована Михалковым, скорее всего, у Некрасова и Чуковского. На это указывает ряд композиционных, стилистических и мотивных сигналов, обусловленных стиховой структурой и генетической связью между произведениями.

Так, метрическая форма трехсложника (дактиля) сообщает трем текстам характер повествовательности. Все три произведения посвящены событиям (сюжетность), имеющим драматические или трагические последствия для героя (героев). Следует упомянуть также о стихотворном сказе, который представлен «освоением чужого, неавторского сознания; реализацией этого сознания посредством разговорного монологического изображения речевой деятельности героя в стихотворной форме»¹⁷.

Начальные катрены содержат два дискурсивных плана. Первое двустипие задает тему, второе – рему, которая функционально близка сюжетной завязке:

Некрасов	Чуковский	Михалков
Было двенадцать разбойников, Был Кудеяр-атаман, Много разбойники пролили Крови честных христиан...	Милая девочка Лялочка! С куклой гуляла она И на Таврической улице Вдруг увидела Слона.	Жили три друга-товарища В маленьком городе Эн. Были три друга-товарища Взяты фашистами в плен.

Шайка Кудеяра погубила множество душ, что стало причиной раскаяния ее главаря и искупления грехов убийством более страшного грешника; ребенок попадает в заложники к животным и возвращается домой невредимым; три друга оказываются в плену и, пройдя через пытки, погибают. Три сюжета, несмотря на разные жанровые воплощения (легенда, городская сказка, историческая песня), связывает, во-первых, балладная топика в виде «демонических» персонажей, несущих смерть, а во-вторых, мотив испытания. Испытание заканчивается в первом случае прощением грешнику всех его прежних грехов, во втором – возвращением Лялочки из звериного плена, в третьем – гибелью трех друзей (финал третьего сюжета во многом объясняется жанровой установкой на создание «образа героической жертвенной смерти в ранне-советском некрологическом дискурсе»¹⁸).

Как и Некрасов, Михалков создает кольцевую композицию, но обрамляет повествование не речевым жанром молитвы, стилизованным под речь сказителя, а лексико-синтаксическим повтором:

Некрасов	Михалков
Господу богу помолимся, Древнюю быль возвестим, <...>	Жили три друга-товарища В маленьком городе Эн. <...>
Слава творцу вездесущему Днесь и вовеки веков!	Вот как погибли товарищи В маленьком городе Эн.

¹⁷ Каргашиш И. А. Русский стихотворный сказ XVII–XXI вв.: генезис, эволюция, поэтика. М., 2017. С. 31.

¹⁸ Мальшева С. Ю. «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 103.

Подобно Некрасову и Чуковскому, Михалков использует определения, выраженные существительными (приложения): форма «три друга-товарища» и топонимическая номинация «город Эн».

Среди мотивно-тематических переключек выделяются тема плена и мотив истязаний. В «Крокодиле» тема заточения – одна из центральных. Она возникает во второй части сказки, когда Крокодил рассказывает друзьям о страданиях зверей в Зоологическом саду. Заканчивается вторая часть «революционным» наступлением «звериных полков» на Петроград, чтобы выволить «братьев» из неволи¹⁹. В третьей части эта тема актуализируется в 6-й главке, когда на требование Вани отдать Лялю Тигрица отвечает условием:

Если любимые наши ребята
К нам возвратятся в родную семью,
Если из плена вернутся тигрята,
Львята с лисятами и медвежата –
Мы отдадим тебе Лялю твою.²⁰
(1, с. 114)

В рассказе «О двух великих грешниках» тема плена намечена в судьбе «девицы-красы», которую Кудеяр привез «из-под Киева», а потом «голову снес любовнице» (с. 208). В отличие от некрасовского текста, в «Трех товарищах» эта тема носит сюжетообразующий характер.

Мотив истязаний несчастных жертв объединяет все три произведения. У Некрасова он связан с образом Кудеяра, который в припадке ярости «есаула засек» (с. 208), но в большей степени с образом жестокого пана Глуховского:

«<...>
Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»
(с. 209)

В сказке Чуковского мотив истязаний получает сюжетное развитие. В первой части Ваня Васильчиков грозит Крокодилу «изрубить» его «как говядину» (1, 98). Во второй части Крокодил удручен тем, что в Зоосаде «под бичами сторожей / Немало мучится зверей» (1, 107). В конце второй части расстановка сил меняется, и одержимые местью «зверюги» превращаются в пародийно-«бонапартистскую» армию людоедов:

Через болота и пески
Идут звериные полки,
Их воевода впереди,

¹⁹ О революционной теме в «Крокодиле» см.: *Лекманов О., Свердлов М.* Зверинец у Корнея Чуковского и у детских советских поэтов 1920–1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2018. №4(152). С. 174–188.

²⁰ О. Лекманов и М. Свердлов связывают интонацию этих строк с темой народных страданий в «Железной дороге» Н. А. Некрасова, но допускают неточность в определении стихотворного размера (не 3-ст. анапест, а 4-ст. дактиль).

Скрестивши руки на груди.
Они идут на Петроград,
Они сожрать его хотят,
 И всех людей,
 И всех детей
Они без жалости съедят.
(1, с. 109)

В третьей части опасность, нависшая над жителями города, заканчивается вражеским вторжением с ужасными последствиями для людей:

Закрывайте окна, закрывайте двери,
Полезайте поскорее под кровать,
Потому что злые, яростные звери
Вас хотят на части, на части разорвать!
(1, с. 112)

У Михалкова, как мы помним, смерти пленников предшествовали пытки, что характерно для советского дискурса 1930-х годов, в котором герой выступал, как правило, в роли мученика, жертвы²¹.

Тела трех друзей «закопали за городом». Этот мотив, трагизм которого усилен глаголом «закопали» на фоне героической смерти, перекликается с топикой из произведений Некрасова и Чуковского. Кудеяр, встав на путь исправления, «нож под ракетой зарыл» (с. 208)²². Провозглашая в третьей части (8-я главка) мир между людьми и животными, Ваня Васильчиков восклицает: «Мы ружья поломаем, / Мы пули закопаем...» (1, с. 116).

Обращение Михалкова к ритмам и образам Чуковского уже становилось предметом исследования²³. Так, начало второй картины первого действия в пьесе «Смех и слезы» (1945) звучит вполне «по-чуковски», хотя и с изрядной долей гротеска. Особый интерес в контексте изложенного представляет мотив мучений, истязаний. Именно его Михалков избирает в качестве главного предмета пародии:

Ш у т (*читает*).
Чудовища вида ужасного
Схватили ребенка несчастного
И стали безжалостно бить его,
И стали душить и топить его,
В болото толкать комариное,
На кучу сажать муравьиною,
Травить его злыми собаками...

²¹ Савин А. И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. №3(55). С. 97. О жертвенности как ключевом понятии сталинской культуры см.: Кларк К. Советский роман: история как ритуал / пер. с англ.; под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург, 2002.

²² Впоследствии он должен был откопать нож, чтобы исполнить епитимью – срезать «дуб вековой». Этим же ножом отшельник убивает и пана Глуховского.

²³ Строганов М. В. К. Чуковский и С. Михалков в литературной полемике // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 322–328.

А н д р ю ш а (*подсказывает из темноты*).

Кормить его тухлыми раками...

<...>

Ш у т (*про себя*).

Я слышал чей-то голос! (*Робко.*)

Эй, кто там?

Тишина.

Попробуем почитать дальше. (*Читает.*)

Взмолился тут мальчик задушенный,

Собаками злыми укушенный,

Запуганный страшными масками...

А н д р ю ш а (*подсказывает из темноты*).

И глупыми детскими сказками.

(4, с. 137)

М. В. Строганов видит в этих отсылках полемику Михалкова с Чуковским в преддверии кампании против писателя и его «Бибигона» летом 1946 года. Нападки на Чуковского возобновились накануне постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», когда «не назвать его стихи для детей “глупыми детскими сказками” мог только ленивый»²⁴. Если принять это допущение, то поступок Михалкова выглядит, мягко говоря, непривлекательным. И все же трудно представить, чтобы успешный советский поэт, автор государственного гимна и дважды лауреат Сталинской премии, решил примкнуть к недоброжелателям Чуковского, который в 1939 году приехал поздравить его, молодого поэта, с вручением ордена Ленина (6, с. 370) и для которого было честью попасть на страницы «Чукоккалы» (6, с. 371). Версия о Михалкове как о «скрытом враге Чуковского»²⁵ кажется сомнительной.

Приведенный фрагмент из пьесы «Смех и слезы» действительно напоминает пародию, но написаны эти строки не с тем, чтобы обвинить поэзию старшего товарища в бессмысленности, в «страшилках», в идеологической вредности²⁶. Они выглядят как литературная шутка в духе полупародийных стихов самого Чуковского. Не случайно 18 апреля 1937 года в гостях у Чуковских Михалков записал в «Чукоккалу»:

Я хожу по городу длинный и худой,
Неуравновешенный, очень молодой.

Ростом удивленные, среди бела дня,
Мальчики и девочки смотрят на меня...

²⁴ Строганов М. В. К. Чуковский и С. Михалков в литературной полемике. С. 325. В дневнике от 14 ноября 1947 г. Чуковский записал: «...Черт меня дернул пойти на юбилей Маршака, и там я слушал своими ушами, что он – основатель детской советской литературы, а я – ничтожество, пишущее о зверюшках на иностранном манер» (13, с. 104).

²⁵ Строганов М. В. К. Чуковский и С. Михалков в литературной полемике. С. 322.

²⁶ В дневнике от 28 ноября 1927 г. Чуковский приводит мнение одной из слушательниц его «Лепых лепиц» в Институте детского чтения: «...Она... сказала, что книжки мои – яд для пролетарских детей, что они вызывают у детей только бессонницу, что их ритм невравстеничен...» (12, с. 347).

На трамвайных поручнях граждане висят,
«Мясо, рыба, овощи» — вывески гласят.

Я вхожу в кондитерскую, выбиваю чек,
Мне дает пирожное белый человек.

Я беру пирожное и гляжу на крем,
На глазах у публики с аппетитом ем.

Ем и грустно думаю: «Через 30 лет
Покупать пирожные буду или нет?
<...>»

(б, с. 371)

Эти пародийные стихи написаны на мотив одного из самых героических произведений советской поэзии 1930-х – поэмы Э.Г. Багрицкого «Смерть пионерки» (1932):

Пусть звучат постылые,
Скудные слова —
Не погибла молодость,
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.²⁷

Подведем итоги. «Три товарища» интересны не только как поэтическое свидетельство советско-испанской дружбы накануне Второй мировой войны, но и как стихотворение, чья форма сохраняет ритмическую и семантическую связь с претекстами. Обращение Михалкова к ритму некрасовской баллады и поэмы Чуковского, содержащей рассказ о бедствиях Лялечки, вряд ли было осознанным. В основе трех произведений лежит прототипический сюжет – столкновение героя с миром зла. В первом случае зло персонифицировано в образах двух «великих грешников», и гибель одного злодея от руки другого становится условием духовного исцеления разбойника. Во втором случае в роли носителей зла выступают «страшные» африканские животные²⁸, с которыми удастся достичь «мировой» гармонии. В третьем случае

²⁷ Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / вступит. статья Е.П. Любаревой; сост. Е.П. Любаревой и С.А. Коваленко; подгот. текста и примеч. С.А. Коваленко. 2-е изд. М.; Л., 1964. С. 152–153.

²⁸ В процессе развертывания сюжета выясняется, что озлобленность зверей спровоцирована людьми, которые посадили их «братьев» в вольеры и клетки.

зло получает ярко выраженную политическую окраску: «фашистам» противопоставит горстка героев, олицетворяющих идею гражданской жертвенности.

Закономерен вопрос: присутствует ли в других стихотворениях, написанных этой строфической формой, сюжет о столкновении героя с миром зла? Для того чтобы ответить на него, необходимо рассмотреть все произведения, соответствующие модели полурифмованного 3-ст. дактиля с дактилическими и мужскими окончаниями. Найти такие тексты непросто: во-первых, указанная стихотворная форма редка, поэтому вызываемые ею поэтические ассоциации ограничены материалом, во-вторых, прецедентных текстов, опредмечивающих эти ассоциации, мало. Кроме трех рассмотренных примеров, можно вспомнить «Тьмою здесь все занавешено...» Б. Окуджавы (1960), но в нем перекрестной рифмой связаны четные и нечетные строки.

Мы выбрали три достаточно известных текста, потому что связь между ними, как представляется, носит не типологический, а историко-генетический характер. На это указывают «следы» поэтической памяти, о чем поэт может не догадываться, но испытывать мнемоническое воздействие стихотворной формы.

Андрей Устинов

«ОПАСНЫЕ СВЯЗИ»: ДАНИИЛ ХАРМС В АМЕРИКАНСКОЙ АНТОЛОГИИ СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Играет музыка. Опасный момент.
Музыка перестает играть.

Даниил Хармс

Господа, закройте дверь. Оттепель —
это самое опасное время!

Даниил Хармс

10 декабря 1931 года Даниил Хармс был арестован ОГПУ по «Делу № 4246-31 г.», известному как «Дело Детского сектора Госиздата»¹. На следующий день на самом первом допросе, отвечая на стандартную анкету этого мрачного заведения о своем «семейном положении (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, занятия до революции и последнее время)» Хармс, явно в состоянии стресса, сообщает избыточные для протокола сведения: «— отец — Иван Павлович, сестра — Елизавета Ивановна Грицина. За границей у меня знакомая Надежда Александровна Надеждина <sic! — А. У.> — редактор русских газет, с которой я переписываюсь»². Последней здесь названа Лидия Надежина (1896–1977), а отмеченную ошибку допускает здесь, видимо, не сам допрашиваемый, а следователь, который записывает правильную фамилию *Надежина* по аналогии с ее именем, данным Хармсом намеренно неверно: «Надежда» вместо «Лидии»³. Ее адрес попадает в записные книжки Хармса в июне 1929 года, вскоре после приезда Надежиной в Ленинград:

Lydia Nadejena
82 Washington Place,
apt. 10.
New York City
Соед. Шт. U. S. A.⁴

¹ См.: Устинов А. Б. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. (предварительная справка) // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 125–136.

² Следственное дело № 4246-31 г. 1931–1932 годы. Публ. Н. Кавина. Подг. текстов и прим. В. Сажина // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин. В 2-х тт. Т. 2. М., 2000. С. 524.

³ В его записной книжке № 17, начатой весной 1929 года, инициалы Надежиной записаны без ошибки: «Суббота 4 мая. В 1–2 дня зайдет Бахта <т. е. Игорь Бахтерев. — А. У.>. Позвонить Л. А. Надеждиной <sic!>» (Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2-х кн. Кн. 1 / Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. Вступ. ст. и прим. В. Н. Сажина. СПб., 2002. С. 286).

⁴ Записная книжка № 17. Я признателен Жан-Филиппу Жаккару за копии некоторых страниц из записных книжек Хармса. Ср.: Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2-х кн. Кн. 1. С. 295.

Ее краткую биографию представил в своей публикации, основанной на материалах архива Надежиной в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, Жорж Шерон:

До революции она занималась живописью у известного художника Бориса Григорьева. Революция застала ее в Риме, где она училась в университете. Переехав в Нью-Йорк в 1920 году, Лидия Александровна вышла замуж за Д. З. Крынкина (1889–1959) — сотрудника эмигрантской газеты «Русский голос». В 1929 году в жизни Лидии Александровны произошло важное событие: видный этнограф, профессор В. Г. Тан-Богораз (1865–1936) пригласил ее на годовую стажировку в Ленинградский университет. Будучи в Ленинграде, Надежина помогала Тану-Богоразу организовать при Академии наук Музей истории религии; некоторое время она провела в Москве, где работала с реставратором икон А. И. Анисимовым (1877–1937) в Центральных государственных реставрационных мастерских. Работа Надежиной получила высокую оценку: секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург предложил ей постоянное место в Музее истории религии, однако Надежина предпочла вернуться в Америку, где до самой смерти продолжала читать курсы по древнерусской живописи в разных университетах.⁵

Официальный статус пребывания Надежиной в Ленинграде был определен мандатом за № 6–2084, выданным ей 20 июня 1929 года местным представительством Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС):

Американская журналистка Лидия Александровна КРЫНКИНА-НАДЕЖИНА прибыла в СССР для всестороннего изучения наших культурных и социальных достижений.

В виду того, что гр-ка Надежина намеревается посвятить ряд статей современной жизни СССР, мы просим все организации и учреждения не отказать в любезности ознакомиться ее с интересующими вопросами.

Конст<антин> Державин.

Уполномоч<енный> ВОКС в Ленинграде.⁶

На самом же деле в то лето она познакомилась с сотрудниками «Детского сектора Госиздата» — писателями, поэтами и издательскими работниками — теми, кто составит, как это назовут позже, «маршаковскую редакцию» Детгиза. Видимо, как раз тогда в разговорах с ее бессменным руководителем Самуилом Маршаком, в первую очередь уделявшим внимание своим авторам и художникам, и родился замысел проекта издания *Антологии новой детской литературы*, целиком состоящей из произведений современных советских писателей и поэтов, целенаправленно созданных ими для детей.

Именно об этом идет речь в письме Надежиной к Маршаку, написанном в самом конце 1931 года, с более чем годовым промедлением со времени ее возвращения в Америку. Копия этого письма, снабженная ее подписью, сохранилась в архиве в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне⁷. Если это письмо дошло до Маршака, оно

⁵ Похороны Фёдора Сологуба: Неизвестное письмо очевидца / Публ., пред. и прим. Ж. Шерона // Русская литература. 1997. № 2. С. 84.

⁶ Library of Congress (Washington, D. C.). Manuscript Division. Lydia Nadejena Papers. Box 2.

⁷ Library of Congress (Washington, D. C.). Manuscript Division. Lydia Nadejena Papers. Box 5; далее везде указывается как *Lydia Nadejena Papers* с номером коробки (Box).

наверняка стало известно Хармсу, который вышел из заключения 17 июня 1932 года⁸ и успел погрузиться в ленинградскую литературную среду прежде, чем он отправился в курскую ссылку⁹. Приводим его с сохранением особенностей авторской орфографии, пунктуации и грамматических особенностей:

Дорогой Самуил Яковлевич!

Как Вы поживаете и все близкие и милые Ваши Софья Михайловна и ребята?

В жизни — тоже ритмы отливов и приливов, и человек подобен отцепившемуся плоту в затоне, когда на убыли живые воды, несущие его жизнь. Пустынен мир тогда; но придет разлив и вынесет, и снова узнаешь движенье и радость пути.

Писала Вам прошлой осенью. Была больна. Грустно было. А теперь иначе пишу. Хочу верить, что могу принести Вам радость. Легко и просто, и движенье моих дней теперь в этой вере.

На днях зашел к нам захвативший из Калифорнии доцент русского происхождения, а я после дня работы над Вашей «Почтой» и «Игрой» Даниила Ивановича чувствовала бодрость и освежающее дыхание удивительного ритма; весь вечер занимала его Вашим творчеством. Не знал он, что есть живая, детская литература. Давид Захарович <Крынкин. — А. У.> — прекрасный отец — читал ему Ваши «Днепрострой», «Почту» и вот сегодня, несколько дней спустя, — письмо от моей подруги, что «сказки», мною посланные издательству прошлой осенью, близки к возможности издания, и тут же скоро, по телефону, данному члену издательства Обществом Культурной Связи и Амкнигой — запрос ко мне: — что я делаю, какие вещи и кого предлагаю. Я сказала о Вас, Данииле Ивановиче и еще кое о ком.

Теперь так: хочу предложить отдельную книгу Ваших детских книг. Представленный мной давно проект американским издателям об издании книги под общим заголовком — «Старая и Новая Детская Книга», — серьезно рассматривается издателями теперь. Должны войти (по моему предложению): Пушкин, Сологуб, Толстой, Народные Сказки, а затем Ваши произведения и подбор других современных произведений в области детской литературы <Советского> Союза.

⁸ См. в «Хронике жизни и творчества Даниила Хармса» А. В. Крусанова: 1932 <...> 23 мая. Заседание Коллегии ОГПУ постановило: «Хармса досрочно освободить, лишив права проживания в 12 п. Уральской области на оставшийся срок». 17 июня. Вышел из заключения... <...> 13 июля. Хармс и Введенский отправились в ссылку в Курск (на 4 месяца). Жили по адресу: ул. Первышевская, 16. На протяжении ссылки Хармс страдает мнительностью, постоянно жалуетса на здоровье, подозревает то плеврит, то туберкулез... <...> 12 октября. Хармс возвратился из ссылки в Ленинград. (Хармс Д. Случаи и вещи / Сост. и прим. А. Дмитриенко и В. Эрля. Подг. текстов В. Эрля. СПб., 2003. С. 452, 454, 457). Мнительное подозрение на туберкулез, вероятно, было связано у Хармса с неожиданной смертью Юрия Владимировича 4 октября 1931 года (см.: Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского. <Вступ. ст. и коммент. А. Устинова> // Минувшее: Исторический альманах. 11. Paris, 1991. С. 542–543). Не случайно, что, едва выйдя из заключения, он посещает 23 июня мать своего покойного друга Л. П. Брюллову (1886–1954) — см. следующее примечание. Как вспоминал Пантелеев, «на панихиду <по Ю. Владимирову. — А. У.> Хармс не пришел. Меня это страшно удивило. И, помню, при встрече я спросил у него (помню, что был этот разговор на Николаевском мосту), почему он не пришел. И, помню, он ответил: — Я никогда никого не провожаю» (Там же. С. 546).

⁹ См. его расписание в записной книжке №22: «18 июня 1932 года, в Субботу — Свободен. Вечером у Житкова. 19 июня в Царском. 20 июня у Шварца потом у Липавского. 21 у Заболоцкого. 22 у Житкова, Летнее Солнцестояние. 23 у Лидии Павловны <Брюлловой, матери «обэриута» Юрия Владимировича. — А. У.>. Ночевал у меня Левин. 24 На автомобиле в Царское. 25 у Олейникова. Провожали Соколова. 26 у Наташи <Колобакиной. — А. У.>. 27 На веранде. Чувствую себя не важно. Сильно похудел» (Хармс Д. Записные книжки... С. 406).

Провела я Новый Год с проф. Дюи и его семьей. Они чрезвычайно внимательны к моим начинаниям и готовы проявить участие «в любой необходимой мне форме». Безо всякой, конечно, платы. Профессор Дюи напишет предисловие к книге Белых–Пантелеева <т.е. «Республике Шкид». — А. У.> после заключения контракта издателем со мной, что в ближайшем будущем будет сделано. Хлопочу о более приличных, достойных и выгодных для авторов условиях.¹⁰ Праздники задерживают.

Дорогой Самуил Яковлевич, я знаю, как сильно Вы заняты; тем не менее прошу ответить мне на это письмо, не откладывая на долго. Напишите, в какой мере Вы бы готовы были участвовать в американском издании Детской Книги: предисловие, подбор?.. и приложите, пожалуйста, доверенность мне и полномочие, как Вашему представителю в Штатах, вести переговоры с местными издателями и выработать с ними условия, о которых, разумеется, Вы будете осведомлены, в свою очередь, полностью.

Повторяю: в настоящее время я предложила американским издателям следующие виды изданий: 1) Старая и Новая Детская Книга (Пушкин, Толстой, Сологуб, Блок, Народные Сказки и т. д., и Современники — Вы и др.), затем 2) Ваше — в совершенно отдельной книге¹¹, и 3) Только Современники.

На чем останутся американские издатели и в каком виде они решат издавать, — это скоро выяснится. Что Вы лично думаете о предложенной мной классификации, и если издатели решат в пользу сборника, то кого бы Вы порекомендовали, кого бы ввели? Я, с<о> своей стороны, с любовью и преданностью к Вашему творчеству и интересам, возьму на себя завершение начатого дела. Теперь здесь — верный психологический момент и его нельзя ни в коем случае упускать. Вообще же здесь паника в издательском деле в связи с общей «депрессией».

Немало здесь за последнее время появилось «спекулянтов» на основе незащищенности Советских авторов в виду отсутствия договора об авторских правах между Штатами и Союзом. Выход из этого положения один: Сов<етские> авторы должны иметь своих личных представителей у уполномоченных в Соед<иненных> Штатах, тогда их права защищены в пределах американского закона. У М. Горького имеется такой представитель; доверенность от Лёни <Пантелеева. — А. У.> дает мне возможность отстаивать его интересы (ибо «контракт», который хотела заключить от его имени претендентка — дикий даже для теперешних очень плохих дел. Я стараюсь исправить эти условия на более выгодные и достойные для авторов. Праздники, к сожалению, помешали закончить. Решающее свидание о Лёниной книге состоится 12 января).

Так вот, снабдите меня, пожалуйста, Вашей доверенностью и полномочием, а также попросите от моего имени и Даниила Ивановича послать мне свою доверенность вместе с Вашей, и, пожалуйста, напишите мне тут же. Откладывать этого дела не следует, так как я предвижу возможность быстрых и решительных шагов.

С сердечным приветом и лучшими пожеланиями к Новому Году Вам и Вашей премиальной семье и в ожидании скорого ответа,

*Л. Надежина.*¹²

¹⁰ Перевод Надежиной этой повести Л. Пантелеева и Г. Белых на английский язык под заглавием “The Republic of Vagabonds” был принят к печати в 1932 году нью-йоркским издательством “Jonathan Cape”, но так и не вышел в свет. См. список ее переводов в биографических материалах: Lydia Nadejena Papers. Box 1.

¹¹ Кроме «Почты» Маршака, в архиве Надежиной сохранился сделанный ею перевод «Сказки о глупом мышонке» — “About the Silly Little Mouse” by S. Marshak (Lydia Nadejena Papers. Box 5).

¹² Lydia Nadejena Papers. Box 5.

Последнее из названных изданий должно было включать переводы Надежиной из Маршака, Хармса, Александра Введенского, Виталия Бианки, Корнея Чуковского и других¹³. Кроме того, в связи с подготовкой сборника она написала отдельную статью «Children's Books in Soviet Russia», где отметила особенности новой детской литературы:

Since 1917 children all over Russia have been "looking for books." And Soviet educators and teachers, the best writers of children's stories and verse, and many of the foremost artists have been busy creating a new juvenile literature. It was only after a period of experimentation that they realized what the children needed. They found that Soviet children, like all other children, take a healthy interest in happy, not sentimental, truly dramatic stories; they want stories that deal with realities, not fantastic and remote bed-time tales. <...>

The development of this *genre littéraire* followed all the vicissitudes of the great struggle in Russia. <...>

The eager and earnest search for an adequate children's literature finally brought about the readmission of the old classics and captivating folk tales of Russia, whose rich yet naïve language, striking use of metaphors and imaginative qualities are now again fully appreciated in Soviet Russia. In order to broaden the mental horizon of the Soviet children and give them knowledge of the world at large and of life in foreign lands, a great many foreign classics have been published lately, by authors such as Jules Verne, <Charles> Dickens, Fenimore Cooper and others.

Especially brilliant results have been achieved in the sphere of illustrated poetry for children, as can be seen in the combined works of the poet Marshak and the artist Lebedev, or in the works of Chukovsky and Annenkov, in Charushin's animal books illustrated by the author, and in many other poetic stories, where the text illustrates the pictures, and vice versa. <...>

Soviet writers and artists have elaborated an artistic method by which the subject matter is presented with a harmony of literary style and pictorial illustration admirably adapted to the fresh, simple mentality of the young reader. The rhythm of the text, be it prose or verse, the vivid commentary of line and color combine to form a story fascinatingly direct concise, dramatic and amusing.¹⁴

Здесь же она определила главный принцип отбора произведений для своей американской антологии: это должна быть замечательная история для детей в стихах или прозе, не менее замечательно оформленная, где автор и художник выступают неразрывным дуэтом. Напечатанные к этому времени в ленинградском «Еже», выходившем под редакцией С. Маршака и Николая Олейникова «ежемесячном журнале для детей», такие «вещи» Хармса, как, например, «Во-первых и во-вторых», проиллюстрированная

¹³ См. попытку Хармса написать «американский рассказ» под названием «Опасное приключение» (1932), возможно, вызванную подготовкой нью-йоркской антологии: «Три или четыре мальчика стояли в канале под большим натуральным мостом в Вирджинии. Они видели сотни имён, вырезанных на известняковых подпорах, и решили присоединить свои к этому числу. Это сделало, что один из них был охвачен сумасшедшим стремлением вырезать своё имя выше, чем самое высокое там! Его товарищи пытались отговорить его от предприятия, такого опасного подвига, но ни к чему. Он дикий, опрометчивый юнец; и боясь, чтобы не подумали, что он трус, он высекает свой путь дальше и дальше (up and up) в известняковой скале, пока он может слышать голоса, но не слова обьятых ужасом его товарищей по игре» (Неизданный Д. Хармс / Сост., прим. В. Сажина. СПб., 2001. С. 271).

¹⁴ Lydia Nadejdena Papers. Box 5.

Виктором Замирайло,¹⁵ или «Га-ра-рар» с рисунками Владимира Конашевича¹⁶, идеально отвечали ее целям. К тому же многие из них были выпущены отдельными книжками и, судя по тому, что Надежина для своего перевода «Га-ра-рар» берет название книжного издания “The Game”, она пользовалась именно ими.

В конце декабря 1929 года, уже после ее отъезда из Ленинграда, Хармс записывает в список дел “to do”: «На 11 декабря. Послать книжки Л. А. Надежиной», — и отмечает эту строчку галочкой, что означало выполнение этого задания¹⁷. Отдельное издание «Игры», оформленное В. Конашевичем, было выпущено «Госиздатом» в начале 1930 года¹⁸. Хармс не считал эту «вещь» строго «детским произведением», скорее «Игра» была написана вне привязанности к определенному жанру или возрастной категории¹⁹, поэтому, как вспоминал литератор Исая Рахтанов, Хармс включил свое стихотворение в программу «вечера в общежитии студентов Ленинградского университета» в апреле 1930 года, оказавшегося «последним публичным выступлением обэриутов»²⁰:

Однажды «обериуты» устроили вечер в студенческом университетском общежитии на Мытн<инск>ой, приехали туда с лозунгами «Ваша мама не наша мама» и «Мы не пироги»²¹. На Хармсе был старомодный жилет из какой-то радужной ткани и шелковый колпак, обычно надеваемый в хороших домах на чайник, чтобы предохранить его от преждевременного остывания. Как были одеты другие «обериуты», я уже не помню...

Вечер шел шумно. Публике очень серьезной, воспитанной на уважении к здравому смыслу, стихи молодых поэтов явно не нравились, но продолжалось это до тех пор, пока поэты не начали читать то, что печатали в «Еже» и «Чиже». Здесь зал разом изменил свое отношение, всё было прощено — и дурацкие лозунги, и чайный колпак вместе с радужной жилеткой! Да и как можно было не поддаться очарованию таких, например строк Хармса:

Бегал Петька по дороге,
по дороге,
по панели,
бегал Петька

¹⁵ Ёж. 1928. № 11. С. 16–19.

¹⁶ Ёж. 1929. № 12. С. 5–7. Хармс написал «Игру» между 7-м и 16 октября 1929 года.

¹⁷ Хармс Д. Записные книжки... С. 343.

¹⁸ Хармс Д. Игра. М., 1930.

¹⁹ Не случайно поэтому В. Тренин, признавая формальную «самостоятельность» этого стихотворения, отметил, что оно «строится на двух приемах: применении нерифмованного ударного хоря на всём протяжении вещи и на настойчивом повторении отдельных ритмико-синтаксических комплексов и целых фраз. Этот прием очень редок в “книжной” поэзии, но типичен для фольклора...» (Тренин В. О «смешной» поэзии // Детская литература. 1939. № 9. С. 24).

²⁰ Последнее выступление обэриутов. Неизвестный газетный отчет / Публ., пред. и прим. А. Л. Дмитренко и Д. Ю. Шериха // de visu. 1993. № 11 (12). С. 23.

²¹ Ср.: «1 апреля на стенах Мытнинского общежития появилась афиша: “Сегодня в 8 часов вечера читают свои произведения “обереуты””. Лозунги, развешанные по стенам клуба, гласили: “Мы не пироги” (почему противопоставление пирогам, а не капусте, скажем, — неизвестно <заметно влияние незадолго до того вышедшего сборника американского писателя О’Генри “Короли и капуста” — А. У.>), “Шли ступеньки мимо кваса”, “Классицизм, как шкаф” <по свидетельству Игоря Бахтерева в нашем разговоре 1989 года, придуманный Д. Хармсом лозунг звучал “Искусство — это шкап”. — А. У.>, “Приносите голубей — и всё”. Что такое? Что за дребедень?» (Последнее выступление обэриутов. С. 23).

по панели
и кричал он
— Га-ра-ра!..²²

Студенты, собравшиеся в тот вечер в клубе мыгнинского обще<жития>, не смущались словом «га-ра-ра», которым назывались эти стихи и которое было трижды повторено в тексте. Ничего, что по звучанию оно сродни знаменитому «дыр-бул-щылу» Алексея Кручёных и представляет собой заумь. Так было, если судить о нем только по форме, если же вдуматься — никакого родства с Кручёных тут не существовало. В конце концов, чем «га-ра-ра» хуже привычного «жу-жу-жу» или «ду-ду-ду»? Ведь всё это выражение мальчишеского восторга, радости, переполняющей тебя в детстве. Выразить ее в таком великолепном ритме сумел этот поэт, и пусть, с большим запозданием, лет так на двадцать, он внешне гримируется под раннего футуриста, носит радужный жилет и розовый колпак, ясно одно — в орехе важна не скорлупа..²³

Другую «вещь», которую перевела Надежина, «О том, как старушка чернила покупала», Хармс тоже начал как стихотворение, но потом написал ее прозой. В его записной книжке № 11, следом за многочисленными отметками, связанными с подготовкой вечера «Три левых часа» в январе 1928 года, есть такой набросок:

Пошла одна старушка
старушка в платочке
по улицам по городу
чернила покупать

Но было очень холодно
на улице и в городе²⁴

Сначала эта история появилась в «Еже», в декабрьском выпуске 1928 года с рисунками Алексея Успенского²⁵, напечатанными в столбец один под другим и сконструированными как кадры киноплёнки. В следующем году стихотворение вышло отдельным изданием в оформлении Эдуарда Криммера²⁶, который раньше исполнил сценографию для двух постановок Игоря Терентьева «Ревизор» и «Наталья Тарпова» в Театре Дома печати.

Эта «вещь» Хармса замечательна тем, что представляет собой литературное путешествие по «Стишкам Матушки Гусыни» («Mother Goose Rhymes»). Здесь есть

²² Ср. в отчете: «В других произведениях герои или летают на метелках под облаками, или стоят на дне океана с винтовкой в руках (!)» (*Последнее выступление* обэриутов. С. 24). Как отмечают комментаторы, речь идет о «вещах» поэта «Полет в небеса» (1929) и «Врун» (1930), замечая, «что Хармс наряду со стихотворениями для взрослых читал и стихотворения для детей» (*Последнее выступление* обэриутов. С. 24).

²³ *Рахтанов И. А.* «Еж» и «Чиж» // Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / Под ред. А. Л. Дмитренко и В. Н. Сажина. СПб., 2019. С. 260–261.

²⁴ *Хармс Д.* Записные книжки... С. 212. Весной того же года Хармс делает пометку в записной книжке № 13: «На план Апрель, Май, Июнь, мне нужно сдать две вещи: “Старушка и чернила”. “Рассказ о семи ежах”. С Б<ожьей> П<омощью>. 21 мая начат “Дон-Пермадон”. Вещь сложная для детского отдела» (*Хармс Д.* Записные книжки... С. 226). См. также дальнейшие упоминания рассказа «О том, как старушка чернила покупала» в его записных книжках: *Хармс Д.* Записные книжки... С. 279, 334, 339,

²⁵ *Еж.* 1928. № 12. С. 11–16.

²⁶ *Хармс Д.* О том, как старушка чернила покупала... М.; Л., 1929.

и «старушка» во всех ее многочисленных проявлениях, как в «There was an old woman, and what do you think? / She liv'd upon nothing but victuals and drink...»²⁷, и в «There was an old woman / And nothing she had...»²⁸, и в «There was an old woman, as I've heard to tell, / She went to the market her eggs for to sell;..»²⁹ и, конечно же, в самом знаменитом из «стишков» о старушке: «There was an old woman who lived in a shoe / She had so many children she didn't know what to do...»³⁰. А в названии Кособокой улицы, как на фотографии, проявляется, конечно же, «человечек кривой на мосту», который прошел «однажды кривую версту»³¹ или гулял «по скрюченной дорожке»³²: «There was a crooked man, and he walked a crooked mile / He found a crooked sixpence against a crooked stile...»³³. Наконец, в постоянных вопросах к старушке: «Да что вы, гражданка, откуда ж у нас французские булки? С луны вы, что ли, свалились?»; «Ты что, — кричит дворник, — с луны свалилась»; «Да вы что, с луны свалились?»; «Вы что, — говорит, — будто с луны свалились. Вас же задавить могут...», откликаются эхом «стишки Матушки Гусыни» о луне: «The Moon shines Bright, / The Stars give a light...»³⁴, обязательно «High diddle, diddle, / The Cat and the Fiddle, / The cow jump'd over the Moon...»³⁵, и разумеется, «The man in the moon / Came tumbling down, / And ask's his way to Norwich...»³⁶. В то же время, «a jar of strawberries» в версии Надежиной:

The old woman came over to the stand and put on her glasses. The peddler smilingly handed her a jar of strawberries."

"Take them," he says, "you cant find any like those."

The old woman took the jar with the berries, looked it over and put it back.

"I need ink and not berries," she said.

"What kind of ink, red or black?" asked the peddler.

"Black," said the old woman.

"I haven't any black," said the peddler.

"Well, then, give me red," said the old lady.

"I haven't any red either," said the peddler.

"Good-bye," said the old lady and went on.

Finally the market ended and still there is no ink to be seen³⁷, —

попала в ее перевод из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла, конечно, с известными поправками. У Кэрролла в первой главе «Down the Rabbit-Hole» перед глазами медленно падающей Алисы проплывает банка с надписью «АПЕЛЬСИНОВЫЙ

²⁷ *The Annotated Mother Goose: Nursery Rhymes Old and New, Arranged and Explained by William S. Baring-Gould & Ceil Baring-Gould. New York, 1967. P. 80.*

²⁸ *The Annotated Mother Goose. P. 95.*

²⁹ *The Annotated Mother Goose. P. 159.*

³⁰ *The Annotated Mother Goose. P. 85.*

³¹ Стихи Матушки Гусыни: Сборник / Сост. К. Н. Атаровой. М., 2002. С. 263.

³² Стихи Матушки Гусыни... С. 345. Перевод К. Чуковского.

³³ *The Annotated Mother Goose. P. 148.*

³⁴ *The Annotated Mother Goose. P. 26.*

³⁵ *The Annotated Mother Goose. P. 56.*

³⁶ *The Annotated Mother Goose. P. 82.*

³⁷ *Lydia Nadejina Papers. Box 5.*

МАРМЕЛАД», которая оказывается пустой: «She took down a jar from one of the shelves as she passed: it was labelled ‘ORANGE MARMALADE’ but to her great disappointment it was empty: she did not like to drop the jar, for fear of killing somebody underneath, so managed to put it into one of the cupboards as she fell past it»³⁸. У Хармса «банка с черносливами» становится «банкой с ягодами». Здесь утрачен каламбур Хармса: «чернила» / «банка с черносливами», — но и дословный перевод «a jar of prunes» тоже не подошел бы. Наверное, этот ассонанс можно было бы сохранить в варианте «a jar of blackberries» («банка с ежевикой»)»³⁹.

Однако ни эта антология, ни другие переводческие проекты Надежиной не осуществились. Ее проекты зашли в тупик, когда прогорело нью-йоркское издательство «Джонатан Кэйп», заключившее с ней контракт на перевод «Республики ШКИД» (1927) Григория Белых и Л. Пантелеева. Надежина поясняла в записке, сделанной «для памяти»:

J<onathan> Cape publ<ishing> house had an ostentatious plan & planned to publish a volume of S<oviet> R<ussian> L<anguage> Children’s Stories. I translated many of them for them <t. e. для издательства «Джонатан Кэйп». — А. У.).

They were all approved both on themselves <?> & by the authors — whom I represent here & who are among my old personal friends —

The plan was short lived as the N<ew> Y<ork> branch of J<onathan> C<ape> suddenly broke down.

L N⁴⁰

С «детского» Хармса началось возвращение писателя в советскую литературу. Публикация его произведений для детей стала прерогативой «шестидесятников» — в особенности, Мая Митурича и Николая Халатова. Замечательно, что после долгого перерыва первой опубликованной книжкой Хармса стал сборник, получивший название «Игра» и выпущенный издательством «Детский мир» сначала в 1962, и снова в 1963 году⁴¹. Вслед за этим вышли «Весёлые чижи» с иллюстрациями М. Митурича (М., 1965) и настоящий бестселлер «Что это было?» (М., 1967), включавший 26

³⁸ Н. М. Демурова перевела надпись на «банке с вареньем» как «АПЕЛЬСИНОВОЕ» (Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Изд. подг. Н. М. Демурова. (Литературные памятники). М., 1978. С. 12), зато В. Сирин, который старался воссоздать в «Ане в стране чудес» как можно больше российских реалий до Первой Мировой войны и своей эмиграции в Англию, передал этот пассаж следующим образом: «Она падала так плавно, что успела мимоходом достать с одной из полок банку, на которой значилось: “КЛУБНИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ”. Но, к великому ее сожалению, банка оказалась пустой. Ей не хотелось бросать ее из боязни убить кого-нибудь внизу, и потому она ухитрилась поставить ее в один из открытых шкафчиков, мимо которых она падала» (Аня в странѣ чудесъ / Anya v strane chudes. The Nabokov Russian Translation of Lewis Carroll’s Alice in Wonderland. New York: Dover Publications, Inc., 1976. P. 6–7).

³⁹ См. комментарий о приближении Хармса к «Льюису Кэрроллу», одному из его «любимых писателей» (Дневниковые записи Даниила Хармса. С. 501). Это давнее наше наблюдение было представлено в работе о принципиальном значении творчества Льюиса Кэрролла для русского авангарда: Фиртич Н. Льюис Кэрролл и русский алогизм // Русский авангард 1920–1920-х годов в европейском контексте. М., 2000. С. 250–252.

⁴⁰ Lydia Nadejina Papers. Box 4.

⁴¹ См.: Jean-Philippe Jaccard. Daniil Harms: Bibliographie // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. Vol. XXVI. No. 3–4 (juil.-déc.). P. 501, et passim.

«детских» стихотворений и бесподобно оформленный Феликсом Лемкулем, одним из выдающихся художников советской детской книги.

Вместе с тем переводы его произведений на английский язык по-настоящему заставляли себя ждать. Таким издательским событием стал выход книги «Загадочные картинки» («Puzzle Pictures»), иллюстрированной Алисой Порет, прекрасно знавшей Хармса в 1930-е годы. Она написала и вступление об авторе, где заодно рассказала об изобретенной им игре «Лица»:

DANIEL KHARMS (1905–1942)

Daniel Ivanovich Kharms (Yuvachov was his real name, Kharms his pen-name) wrote many stories for children and also composed many children's puzzles, often adding his own illustrations.

He invented a drawing game called Faces for two children to play. One draws separately the nose, eyes, mouth and ears of somebody they both know. If the other child guesses who it is, he or she adds arms, legs, hat or pipe, and other details. A cat or a dog can be added too.

Here is a portrait of the author: even on a fine day he liked to carry an umbrella.

ALISA PORET⁴².

В книге «Puzzle Pictures» имя переводчика не указано, не вошли в нее ни «Игра», ни «Как старушка чернила покупала». Переводы Надежиной так и остались единственными прижизненными переложениями «вещей» Хармса на английский язык.

⁴² *Daniel Kharms. Puzzle Pictures / Illustrations by A. Poret. M., 1980–1984. P. <2>*. Как поясняется на последней странице обложки: «© Издательство „Малыш“, 1980. © Translation into English: Malysh Publishers, 1984». Страницы издания не пронумерованы.

Инна Сергиенко

ОТ ВЕСНЫ К ВИЛЛИСЕ: СВЕТЛАНА В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1950-х — 1980-х гг.

Имя *Светлана*, обязанное своим происхождением литературной традиции, занимает особое место в русской культуре. В детской литературе первыми произведениями, в которых появляется героиня с этим именем, стали стихотворение С. Михалкова «Светлана» (1935) и повесть А. Гайдара «Голубая чашка» (1936). С конца 1930-х годов имя *Светлана* вошло в антропонимикон отечественной детской литературы, проделав путь от исключительного до распространенного, и послужило основой ряда устойчивых мотивов. Часть из них детально рассмотрена в книге Е. В. Душечкиной «Светлана. Культурная история имени» (2007), равно как и ранний этап (1930–1950-е годы) вхождения этого имени в детскую литературу. Задача моей статьи заключается в том, чтобы расширить и дополнить изыскания исследовательницы¹.

Рубежом в имянаречении героинь детской литературы Светланами можно считать начало 1960-х годов: во-первых, к этому периоду имя *Светлана* из категории особых и редких имен переходит в разряд распространенных², во-вторых, в детской литературе периода Оттепели происходят процессы, приводящие к обновлению и расширению ее границ. Жесткая идеологическая заданность и дидактизм детской литературы послевоенного сталинского периода отходят в прошлое, унося с собой клишированные образы «положительных» и «отрицательных» героев. Меняется позиция автора детской книги, трансформируясь из менторской в дружескую, иной становится интонация, смещается фокус повествования, все чаще функция нарратора делегируется герою-ребенку, мир детства становится легитимным предметом художественного изображения и поэтизируется. Наречение *Светланами* / *Светами* героинь детской и подростковой литературы этого периода (оговорюсь, что здесь и далее речь идет исключительно о прозе) также свидетельствует о переходе от «сталинского классицизма» к романтическому половодью Оттепели³.

¹ Поиски произведений осуществлялись на основе Деткорпуса (<http://detcorpus.ru>).

² См. *Суслова А. В., Суперанская А. В.* О русских именах. Л, 1991; *Врублевская О. В.* Языковая мода в русской ономастике. Волгоград, 2017.

³ Подробнее о «романтизме» и «романтике» в культуре Оттепели см. *Майофис М.* «Этот стиль близок миллионам читателей...». Переосмысление понятия «романтический» в советской культуре 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2021. №4 (170). С. 129–146.

Светланы в детских книгах конца поздней сталинской эпохи и начала Оттепели — практически без исключения идеальны, будь это школьницы и взрослые в повестях Л. Кассиля («Улица младшего сына», 1949), Г. Матвеева («Первая весна», 1952; «Семнадцатилетние», 1954), Н. Артюховой («Светлана», 1955), И. Раковской («Школьная парта», 1956), Э. Эмден («Школьный год Марины Петровой», 1952; «Приключения маленького актера», 1958), В. Добрякова («Король живет в интернате», 1961), Я. Ларри («Записки школьницы», 1961), Р. Торбан («Заколдованная палата», 1962) или маленькие девочки в рассказах С. Баруздина («Про Светлану», 1951) и Я. Тайца («Приказ», 1954). Они описаны по лекалам соцреалистического канона в соответствии с представлениями о «положительном герое», образ которого должен быть типичным, вдохновляющим и демонстрирующим лучше черты советского человека. Так, например, в сборнике рассказов М. Дубянской «Разговор по душам» (1956), написанных в назидательно-нравоучительном ключе, героини-школьницы выступают в качестве носителей различных «детских пороков» — легкомыслия (Дуся и Капа), высокомерия (Нина), эгоизма (Витя и Жора), хвастовства и вранья (Миша), веры в приметы (Соня), начетничества (Костя), а Светланой названа одна из немногих положительных героинь⁴. «Поразительна устойчивость образцовых качеств <...> всех этих литературных Светлан, — замечает Е. В. Душечкина, — качеств, проявляющихся в них с самого раннего возраста. Все эти Светланы-Светы повестей и рассказов для детей и подростков 1950-х — 1960-х годов являются свидетельством того, что их авторы воспринимали имя Светлана как имя по настоящему *хорошее*, “правильное”, а его носительниц изображали достойными этого “правильного” имени»⁵.

Характерно описание их внешнего облика, где обыгрываются различные положительные коннотации понятий «свет» и «светлый», а также подчеркивается легкость и изящество героинь: «До чего же хороша была в этой сцене Светлана Смирнова!⁶ Она вбежала в приготовленный для нее Володей луч, такая легонькая вся, воздушная, словно сама возникла из света и роящихся в нем радужных пылинок»⁷. Светланы являются в лучах солнца, в свете звезд, их глаза и улыбки сияют и сверкают, их стихия — весна: «Андрей молча смотрел на нее. И то ли ему привиделось, то ли отразились далекие звезды в ее широко раскрытых глазах, но ему показалось, что в них светятся голубые искорки. <...> У Светланы от смеха, песен и свежего ветерка так покраснелись щеки, так сверкали глаза, что хоть поднимай ее вместо транспаранта и неси, показывая всем!»⁸; «На хрустящих от крахмала чехлах дивана еще нет ни одного пятнышка. И в пионерской одна Светлана Ивановна. Она — как весна.

⁴ Дубянская М. Разговор по душам. М., 1956.

⁵ Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. С. 130–131.

⁶ Эта героиня имеет реальный прототип — Светлана Смирнова, одноклассница пионера-героя Володи Дубинина, ставшая одной из информанток Л. Кассиля. См. Понов А. Документальность образа Володи Дубинина в повести Л. Кассиля и М. Поляновского “Улица младшего сына” (по новым архивным источникам) // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции “Военно-исторические чтения”. Симферополь, 2020. С. 283.

⁷ Кассиль Л. Улица младшего сына. М., 1949. С. 197.

⁸ Добряков В. Король живет в интернате. Киев, 1961. С. 199.

Радостная, сияющая»⁹. В повести М. Ефетова «Света и Камила» (1962) «световые» коннотации имени главной героини перекликаются с праздничным салютом. Света — маленькая жительница Сталинграда, чудом выжившая во время Сталинградской битвы, не помнит своего дня рождения, и его назначают «приказом по части». «Конечно, можно было бы выбрать любое число, но полковник Кубанов решил выбрать для этого дня большой праздник — праздник Октября. И вот теперь всегда в день рождения Светланы всё небо в ярких огнях праздничного салюта»¹⁰. Даже авторы, скупко использующие метафоры, в случае со *Светланой* позволяют себе обыграть семантику этого имени — так, в повести Г. Матвеева «Семнадцатилетние» под взглядом героини, получившей письмо от юноши, в которого она влюблена, зажигаются огни фонарей: «...Они залили светом весь Невский проспект и в одно мгновение изменили облик города. Это было неожиданно и так соответствовало внутреннему состоянию Светланы, что она остановилась. <...> Всюду, куда бы она ни взглянула, все горело, отсвечивало, блестело, сверкало. В окнах магазинов ослепительно сияли красным, зеленым, голубым светом слова реклам. Блестели кузова автомашин, отражая тысячи огней. Сверкали стеклянные вывески. Даже скользкие тротуары, еще не посыпанные песком, блестели»¹¹. Брат Светланы ласково называет сестру домашним именем Свечка, а рассердившись, восклицает: «Ты не Свечка, а Огарок какой-то!»¹²

Во второй половине 1960-х гг. *Светланы* — как и положительные героини детской и подростковой литературы в целом — утрачивают образцово-показательные черты, им позволено иметь недостатки, быть несовершенными, выходить за рамки устоявшихся норм. Так, В. Бахревский описывает в своей одноименной повести Светку-сорванца, «бузотерку, грубиянку»¹³, Ю. Ермолаев — застенчивую, робкую «мышку-норушку» Свету Мохову¹⁴, А. Котовщикова — маленькую Светку-двоечницу¹⁵. В школьной повести Л. Никольского «медовая» и «золотая» (по мнению родственниц) Светлана в глазах брата и одноклассников превращается в «обычную рыжую»¹⁶, а то и вовсе в «красный гриб»¹⁷. Поэтические коннотации имени все еще сохраняются, например, Е. Титаренко в повести «Открытия войны», изображая деревенскую кокетку Светку, вскользь замечает: «глаза, что твой самоцвет»¹⁸, но могут быть приглушены, снижены или проигнорированы.

Особняком в этом ряду стоит повесть Е. Макаровой «Через каждые шесть дней воскресенья», написанная, по свидетельству автора, в 1968 году, но опубликованная

⁹ Торбан Р. Заколдованная палата. Липецк, 1962. С. 100.

¹⁰ Ефетов М. Света и Камила. М., 1962. С. 53.

¹¹ Матвеев Г. Семнадцатилетние. М., 1954. С. 410–411.

¹² Матвеев Г. Семнадцатилетние... С. 389.

¹³ Бахревский В. Светка. М., 1966. С. 66, 68.

¹⁴ Ермолаев Ю. Можете нас поздравить! М., 1965.

¹⁵ Котовщикова А. Кутерьма // Котовщикова А. Нитка кораллов: Рассказы. Л., 1969.

¹⁶ Никольский Л. «Ракета» выходит на орбиту. Л., 1966. С. 7.

¹⁷ Никольский Л. «Ракета»... С. 17.

¹⁸ Титаренко Е. Открытия, войны, странствия адмирал-генералиссимуса и его начальника штаба на воде, на земле и под землей. Воронеж, 1966. С. 14.

только в 1978 году. В момент сочинения повести Елене Макаровой было 16 лет — ее проза сочетает в себе черты наивного письма и первых литературных опытов будущей профессиональной писательницы. Сюжет повести автобиографичен: главная героиня, девочка-подросток по имени Лена, рассказывает о своем пребывании в больнице для детей с тяжелыми заболеваниями опорно-двигательной системы. Описание замкнутого мирка больницы, в котором живут герои, отчужденные своими увечьями от «внешнего» мира, беглые наброски характеров девочек и персонала служат фоном для появления главной героини — «красавицы-калеки» Светочки, которая с первого взгляда завладевает чувствами Лены. Появившаяся неизвестно откуда Света резко выделяется на фоне остальных — необычна ее красота, умение держаться, литературная речь, ироничность, обращение к другим девочкам на «Вы», занятия шахматами, трость для ходьбы вместо палки — девочки дразнят ее «кривлякой» и «денди»¹⁹. Однако «Элен», как называет Света главную героиню, очарована подругой — в ней она видит настоящую романтическую героиню, гордую, бунтующую, имеющую мужество смотреть в лицо фатуму. Вряд ли имя героини — *Светлана* — выбрано юной писательницей в контексте его литературной истории, скорее оно может совпадать с именем прототипа²⁰ или быть связано с ним какой-либо аллюзией. Но нельзя не отметить, что со Светланой и в этом — достаточно специфическом — произведении связан мотив света, в данном случае — отраженного, искусственного: Светочка не расстается с карманным зеркальцем и дарит его подруге, перед тем как внезапно и бесследно исчезнуть. «Прощайте, Элен» — записка, оставленная Светочкой, разбросанные по тексту намеки (например, параллели с судьбой Марины Цветаевой, стихи которой подруги переписывают из «дефицитной» книги), позволяют судить о том, что девочка решает на самоубийство, становясь одной из самых трагических героинь в череде советских *Светлан*.

Вопрос о том, когда в советской детской/подростковой литературе появилась отрицательная героиня, названная *Светланой*, заставил обратить внимание на небольшую повесть Г. Демькиной «Как тесен мир» (1968), одна из сюжетных коллизий которой строится на соперничестве и противостоянии героинь по имени Светлана и Ада. В начале повести Светлана описывается в рамках канона носительницы «хорошего имени»: «В ней было что-то вызвавшее к доброте и к помощи <...> хрупкость плеч и рук, вкрадчивость движений, беспомощная ее красота: таких девушек похищали, спасали, из-за них убивали друг друга на дуэли»²¹. Но постепенно автор развенчивает Свету, показывая ее ограниченность, самовлюбленность, черствость и заурядность, и в конце повести, полностью лишив свою героиню притязаний на этичность, сравнивает ее, «хорошенькую, оживленную», с «бабочкой или цветком»²². Ада, которая выступает в роли этического камертона, напротив, подчеркнута

¹⁹ Макарова Е. Через каждые шесть дней воскресенье // Макарова Е. Катюшка. М., 1978. С. 36, 49.

²⁰ Например, имя матери героини (Инна) совпадает с именем матери писательницы — поэтессы Инны Лиснянской.

²¹ Демькина Г. Как тесен мир. М., 1968. С. 69.

²² Демькина Г. Как тесен мир... С. 131.

некрасива (и хромонога), но благодаря внутренней силе одерживает не только моральную, но и любовную победу над соперницей²³. «Световые» мотивы сопровождают и эту Светлану, но в травестирированной форме — она записывает в свой девичий альбом стихи Эдуарда Асадова: «просто где вспыхнул сердечный накал, / там отменяется правда зеркал, просто весь мир озаряется там / радужным, синим, зеленым...»²⁴ Эти строки, равно как и весь модус поведения Светы, стремящейся следовать моделям конвенциональной женственности, вызывают у интеллектуалки Ады резкую насмешку, что позволяет говорить о социальной маркированности оппозиции популярного имени *Света* и редкого *Ада*.

Светланы детской литературы 1970-х годов — преимущественно учительницы, и учительницы молодые: увлеченные своей профессией Светлана Семеновна (Ю. Томин, «Восемь дней в неделю», 1970); Светлана Георгиевна (Г. Галахова, «Поющий тростник», 1974) и Светлана Петровна (Г. Михасенко, «Милый Эп», 1974); профессионалы Светлана Сергеевна (Н. Коршунов, «Подростки», 1975) и Светлана Леонидовна (Г. Галахова, «Невозможный Кукушкин», 1978), антагонистка-функционер Светлана Михайловна («Доживем до понедельника», 1970) — так представлено военное и первое послевоенное поколение *Светлан*. Героини-девочки зовутся уже почти исключительно *Светами*, *Светками*, *Светулями* или носят какие-либо прозвища (например, в повести С. Соловейчика «Ватага “Семь ветров”» (1979) старшеклассницу Свету Богомолу зовут «Боша»). Широкое распространение имени аннулирует его жесткую корреляцию с каким-либо определенным литературным типажом: в детской и подростковой прозе поздней советской эпохи встречаются Светы, живущие в городе и в деревне, дошкольницы, старшеклассницы, студентки, первые красавицы, отличницы, двоечницы, тихони, сорванцы. Упоминание репутации имени как «хорошего, светлого» встречается редко, в основном в творчестве писателей, родившихся в довоенное время. «Света! Если бы такого имени не существовало, я бы сама придумала его для нее — такая она была ясная: вся из света, его искорок, пылинок, колыханий и переливов»²⁵, — восклицает главная героиня автобиографической повести Л. Румарчук «Зеленый велосипед на зеленой лужайке» (1979). «Какая она беленькая, нежная — настоящая Светлана. А глаза? Не глаза — озера!»²⁶ — говорит о своей подруге героиня другой автобиографической повести — «Легенда об учителе» Г. Севериной. Это произведение примечательно еще и тем, что задает ономастическую загадку: в повести рассказывается о компании подростков (среди которых и Светлана), заканчивающих одну из московских школ в середине 1930-х годов. Автор оговаривается, что к моменту начала войны её героям исполняется двадцать четыре года, следовательно, они, как и автор книги, Галина Северина, родились в 1917 году. Имянаречение девочки, рожденной в 1917 году, Светланой

²³ Мотив противостояния героини невзрачной, но «духовно красивой», и внешне красивой, но внутренне безобразной будет развернут в повести В. Железникова «Чучело» (1981).

²⁴ Демькина Г. Как тесен мир... С. 79.

²⁵ Румарчук Л. Зеленый велосипед на зеленой лужайке // Румарчук Л. Единственное лето. М., 1979. С. 130.

²⁶ Северина Г. Легенда об учителе. М., 1979. С. 21.

маловероятно, особенно если учесть то, как описан отец Светланы — «старорежимный инженер», не позволивший своей дочери вступать в пионеры²⁷. Возможно, автор повести пошла по пути хронологического выбора имени для своей героини, желая подчеркнуть ее «мягкость, чуткость, всеобъемлющую доброту»²⁸, или не ставила своей целью соблюдение ономастической достоверности.

«Кризис ожиданий», характеризующий социальную жизнь и культуру эпохи застоя, выразившийся, по мнению некоторых экспертов, в «неосознанном коллективном проживании утраты, потери, травмы»²⁹, в детской литературе привел к смене основной палитры красок её поэтики — от предписанно светлой, солнечной, оптимистической к сумрачной и тревожной, сгущающейся к определенному моменту до так называемой «чернухи». В реалистической прозе для детей и подростков все более заметное место стало занимать изображение социального, нравственного и даже бытийного неблагополучия, несмотря на то, что обращение к подобной проблематике нередко продолжало оцениваться официальными инстанциями и лояльными категориями взрослых читателей как «очернительство». Образы *Светлан* детской литературы 1980-х годов (причем как обращенной к подросткам, так и адресованной младшим читателям) вполне убедительно иллюстрируют эти трансформации.

Самым простым дидактическим мотивом выступает здесь хрестоматийный для детской литературы прием изображения героини, чья внешняя привлекательность и обаяние не совпадают с ее личными качествами. Такова, например, героиня повести для подростков Н. Никонова «Мой рабочий одиннадцатый» (1980) Света Осокина — «яркая девчонка с черными стрелками век. <...> Глаза так и жгут, а губы смеются»³⁰. Рассказчик не скупится на эпитеты, описывая красоту девушки: «хороша! Похожа на газель и на Наталью Гончарову», замечая, впрочем, что «яркая уж чересчур»³¹. Бойкую и неглупую девушку губит алчность, тяга к деньгам, унаследованная из семьи, «огни колец и браслетов в витрине ювелирного магазина, где <...> дышало, светило, манило к себе тягучее, сияющее золото»³². Света совершает хищение на работе и попадает на скамью подсудимых. Однако автор не лишает читателя надежды на возрождение героини — «рабочий одиннадцатый» берет её на поруки, а повествователь замечает: «И в то же время по-прежнему оставалась она тайно страдающей, никого и никак не могла она найти из тех, кого ждала и кому хотела бы излить свою душу»³³. Характерно, что в произведении для читателей более младшего возраста — повести Л. Матвеевой «Мы в пятом классе» (1982) героиня схожего типажа («красавица с нравственным изъяном») изображается лишенной светотени и перспективы

²⁷ *Северина Г.* Легенда об учителе... С. 20.

²⁸ *Северина Г.* Легенда об учителе... С. 20.

²⁹ *Кукулин И., Липовецкий М., Майофис М.* От составителей // Веселые человечки. Культурные герои советского детства. М., 2008. С. 4.

³⁰ *Никонов Н.* Мой рабочий одиннадцатый: Повесть, рассказанная классным руководителем. М., 1980. С. 27.

³¹ *Никонов Н.* Мой рабочий одиннадцатый... С. 27.

³² *Никонов Н.* Мой рабочий одиннадцатый... С. 177.

³³ *Никонов Н.* Мой рабочий одиннадцатый... С. 180.

нравственного пробуждения. «Королева класса» Света Королёва представлена холодным и расчетливым манипулятором, несмотря на то, что в описании ее образа задействованы положительные «световые» коннотации, — девочка появляется перед читателем на залитом весенним солнцем дворе, в тот момент, когда «яркий, горячий, солнечный зайчик прыгает по Светиным глазам»³⁴.

Было бы преувеличением утверждать, что связь «световой» омонимии и приемов описания героинь по имени *Светлана* в текстах советской детской литературы универсальна, однако она достаточно частотна, чтобы говорить об устойчивом мотиве. В самой прямолинейной его трактовке *Света* — это *свет*, и если говорить о детской литературе 1980-х годов, то этот свет неумолимо гаснет. Например, второстепенная героиня повести И. Зюсюкина «Из-за девчонки» (1983) — «Света Зарецкая обладала, пожалуй, самой яркой наружностью в восьмом “А”. На нее, как на лампочку в пятьсот ватт, нельзя было долго смотреть — до того красивы и загадочны были ее огромные, чуть навывкате глаза»³⁵. Сравнение с лампочкой уже компрометирует героиню, а автор говорит о её неуверенности и тревожности в попытках сохранить эту «ослепительную» идентичность: «...она больше других девчонок в классе была озабочена внешностью. Все знали: чтобы не расползеть, как ее мать, Света уже с шестого класса села на диету. На переменках она общалась главным образом с зеркальцем: карандашиком подводила глаза, втирала в щеки какие-то кремы...»³⁶ Сияющая Света оказывается отвергнутой, уязвимой — одноклассник, в которого она влюблена, увлечен другой девушкой, а аллюзия на басню Крылова («Играй, Светик, не стыдись!») — обращается к ней главный герой в своем внутреннем монологе) дополняет трагикомичность этого образа.

Мотив света развернуто и отчасти даже намеренно использован в повести Л. Симициной «Кривой четверг» (1988). Её героиня, шестнадцатилетняя Света, живет в небольшом южном городке в семье алкоголиков. Её окружает убогий быт, глухое безвременье (рассказ о молодости родителей, пришедшейся на военные годы, позволяет судить о том, что действие происходит в шестидесятые годы), распад семьи и домашнего уклада, деградация матери и отца. Главная цель Светы — вырваться отсюда, прожить иную, чем у родителей, жизнь, к чему она прилагает все силы: «И Света не без гордости подумала о том, что вот сумела же она, несмотря на всю мерзость в доме, приблизиться к своей цели, к своему идеалу. <...> она как ныряльщик, которому не хватает дыхания, стремилась изо всех сил туда, наверх, где прозрачная голубизна воздуха, где мирно сидящие на берегу люди и не подозревают, что скрыто под толщей воды. Она с усилием выгребала вверх, к совершенству, к свету, к солнцу, и теперь ей осталось сделать последний рывок»³⁷. *Чистота, красота, свет* становятся основными темами в мечтах героини. Девушка со страстью изучает немецкий язык, связывая с его знанием свои надежды на будущее, и читает роман

³⁴ Матвеева Л. Мы в пятом классе. М., 1982. С. 12.

³⁵ Зюсюкин И. Из-за девчонки. М., 1982. С. 67.

³⁶ Зюсюкин И. Из-за девчонки. С. 67.

³⁷ Симицина Л. Кривой четверг. М., 1988. С. 8.

о рыцаре Парсифале, ищущем Святой Грааль (одним из канонических образов которого является сияющая, источающая свет чаша). Света считает и себя паладином, взыскующим Света и Совершенства, и часто размышляет об этом: «И только звёзды над головой... Они как дырочки в темном бархате неба. Там, за этим занавесом, сияет пронзительно яркий ослепительно чистый свет неведомого мира. Здесь ночь, а там вечный свет, сияние которого только и видно что сквозь эти случайные прорехи. Но от идущего оттуда света на душе отчего-то становится лучше»³⁸. Но мечтам не дано сбыться: Света не обладает одной из обязательных добродетелей рыцарей Грааля — милосердием. Отказывая родителям в праве на человеческий облик, она оставляет без помощи умирающую мать, слепнувшую от выпитого денатурата. Став невольной виновницей ее смерти, героиня все же встречается со «Светом», которого она так ждала, — но это не благой свет совершенства, а вспышки молний: «В правой половине неба, будто разорвали черную материю, хлынул ослепительный свет, послышался сухой треск, и тут же в образовавшуюся прорезь полил дождь»³⁹. Открытый финал позволяет предположить, что Света может повторить судьбу своей матери — «тоненькой девушки в светлом платье с белым пояском <...>, легко пошедшей по грязной дороге»⁴⁰. Тьма распада крепко держит героев, и Света оказывается слишком «несовершенной», «тусклой», чтобы вырваться из замкнутого круга.

Не тьма, но смерть сопутствует одной из последних героинь советской подростковой прозы, названной Светланой. Речь идет о повести Ю. Короткова «Виллиса» (1989), описывающей — в нарочито огрубленной и упрощенной манере — жизнь учениц балетного училища. Светлана Серeda — лидер балетного класса: «Только Света неизменно стояла в центре. Она была не просто первой — единственной, выше оценок, экзаменов, интриг педагогов и богатых родителей, всей околбалетной суеты, — потому что такой балериной можно только родиться. Она танцевала так же естественно, как ходила или смеялась»⁴¹. На фоне соучениц, чьи образы представлены гротескно примитивными, Света выделяется не только своим даром, но и минимальной прорисовкой внутреннего мира — она радуется весне, любит осень, погружается в грезы. Русоволосая, «высокая и статная», «романтическая»⁴², безмятежно неуязвимая для ненависти и сплетен, эта Светлана кажется наследницей «хороших Светлан» из литературы послевоенных лет и ранней оттепели. Однако героиня обречена авторским произволом на символическую гибель. Светлана получает партию Мирты — предводительницы мертвых девушек в балете «Жизель». Но триумф появления в этой роли не состоится — юная балерина внезапно тяжело заболевает. Свой уход из балета она переживает как символическую смерть — целыми днями лежит «безжизненно-неподвижно»⁴³, так, что в какой-то момент подруги принимают

³⁸ Синицина Л. Кривой четверг... С. 13.

³⁹ Синицина Л. Кривой четверг... С. 88.

⁴⁰ Синицина Л. Кривой четверг... С. 85.

⁴¹ Коротков Ю. Виллиса // Коротков Ю. Абориген. М., 1989. С. 83.

⁴² Коротков Ю. Виллиса. С. 83.

⁴³ Коротков Ю. Виллиса. С. 104.

её за умершую. Уезжая из училища, Света прощается с девочками в «гробовой тишине <...>, равнодушно глядя на них неживыми глазами»⁴⁴. Изгнанная из мира балета, Светлана-весна перестает быть собой и развоплощается.

Заманчиво было бы усмотреть в трансформациях героинь аллюзии на советский проект, воплощаемый в 1950–60-х годах в образах сияющих и безупречных Светлан и превратившийся в итоге своего развития в «мертвую невесту», призрак⁴⁵, но такое обобщение, вне рамок более развернутого исследования, все же представляется преждевременным. Отметим лишь, что в детской литературе рубежа советской и постсоветской эпох главных героинь по имени Светлана не наблюдается, и это происходит в период, когда российская детская литература берет паузу, реагируя на демонтаж советской системы и наступление новой реальности, весьма обнадеживающей для представителей некоторых страт, но в целом чрезвычайно травматичной. В изобилии Светланы вновь появляются в российской детской литературе в 2000-е годы: героини с таким именем встречаются практически во всех жанрах, а в некоторых текстах представлена и их рефлексия по поводу репутации имени: «А что у меня за имя? Света! Неинтересное какое-то имя, несовременное»⁴⁶. Но беглый анализ прозаических произведений показывает, что в новейшей отечественной детской литературе с этим именем какая-либо особая символика не связана, и мотив света, обыгрывающий семантику имени, остается элементом поэтики, свойственным текстам послевоенной и поздней советской эпохи.

⁴⁴ Коротков Ю. Виллиса. С. 118.

⁴⁵ Виллиса (wills) — германизированный вариант слова «вила», обозначавшего в славянской демонологии призрак умершей девушки, чаще всего невесты.

⁴⁶ Ледерман В. Уроков не будет! М., 2017.

Раздел 5
АНТРОПОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ольга Бодрова, Ирина Разумова

НОВОГОДНИЕ ЁЛКИ В ЗАПОЛЯРНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ¹

С Кольским Заполярьем Елену Владимировну Душечкину связывали, прежде всего, воспоминания. Часть своего детства она провела в Хибинах, куда приехала с матерью, бабушкой и старшей сестрой из эвакуации в 1944 году. Отец Елены Владимировны до и сразу после войны работал на Полярной опытной станции Всесоюзного института растениеводства, созданной в 1923 году по инициативе Н. И. Вавилова (ПОСВИР), пока не получил в 1950 году приглашение перевестись на Майкопскую опытную станцию ВИРА, после чего в 1952 году семья переехала в Таллинн.

Владимир Иванович был специалистом в области селекции многолетних трав, защитил кандидатскую диссертацию по сельскохозяйственным наукам, с 1933 года заведовал отделом селекции кормовых трав при ПОСВИРе, тесно сотрудничал с Полярно-альпийским садом Кольской базы Академии наук СССР². Его работы по растениеводству были чрезвычайно актуальны для только зародившегося и развивавшегося горнопромышленного района в Хибинах, городов Хибиногорска (Кировска) и будущих Апатитов. В этих краях, богатых горами и лесами, где зима особенно длинная и снежная, казалось, сама природа располагала к празднованию Нового года. Традиции главного зимнего праздника с самого начала чтились приезжими исследователями. Должно быть, и для дочерей Душечкиных это были первые новогодние ёлки.

* * *

Основание Кольского научного центра в 1930 году (тогда — Хибинской горной станции АН СССР³, названной с легкой руки академика А. Е. Ферсмана «Тьетта», от саамского «знание»), пришлось на период запрета, принятого советской властью в 1929 году, на вечнозеленый атрибут рождественского праздника — новогоднюю

¹ Работа выполнена в рамках темы госзадания ЦГП КНЦ РАН № FMEZ-2022-0028.

² Душечкин Владимир Иванович // Кольская энциклопедия. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=94300 (дата обращения 15.01.2021); Научный архив ФИЦ КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 166-б. Л. 86–89.

³ Хибинская горная станция АН СССР, основанная акад. А. Е. Ферсманом, — самый северный и старейший научно-исследовательский центр в России, положивший начало возникновению сети региональных филиалов отечественной Академии наук.

Рисунок 1. Новогодняя ёлка в холле Хибинской горной станции научной станции «Тьетта», 1939 г. Фото из семейного архива Мелентьевых. Впервые опубликовано в журнале «Тьетта» (Тьетта. 2010, №3 (13). С. 73)

елок»⁵. В других, опубликованных, воспоминаниях Халезовой так и было: «Когда приносили из леса ёлку, ставили ее в углу детской так, чтобы из окошка не было видно зажженных свечек — не поощряли официальные лица»⁶.

Неизвестно, устраивали ли ёлку в «Тьетте» до приезда Борнеман-Старынкевич, но с появлением на горной станции детей возникли и новогодние традиции у кольских ученых. Сам Новый год считался праздником только для взрослых, дети должны были отправляться спать. Зато Рождество и сочельник отмечали «с размахом»: 7 января маленькая Женя с братом находили под ёлкой подарки от Деда Мороза, на ёлке зажигали парафиновые свечи, украшали ее самодельными игрушками: «Ёлочных игрушек в то время не было, ведь Рождество не праздновали. Но для нас это всегда был праздник, на котором должна быть ёлка, а на ней, конечно же, игрушки. Их делали сами. Для этого красили акварельными красками белые листы бумаги,

ёлку. Евгения Борисовна Халезова, дочь одной из первых жительниц «Тьетты», химика Ирины Дмитриевны Борнеман-Старынкевич, переехавшей вместе с детьми в 1932 году в Хибины из Ленинграда, рассказывает: «В то время запрещалось праздновать рождество, устраивать ёлки было нельзя, а мама все-таки устроила нам ёлку <...>. И причем ёлку ставили в углу, потому что не дай бог, кто пройдет, там хотя и никого не было, и увидит зажженную ёлку, это был бы политический скандал»⁴. Кажется маловероятным, чтобы в пустынном и почти недоступном в зимнее время районе у подножия гор, где находилось здание Хибинской горной станции, кто-то мог увидеть «запрещенное дерево». Скорее, воспоминания Евгении Борисовны относятся ко времени ее «ленинградского» детства, когда, как пишет Е. В. Душечкина, «предновогодними вечерами по улицам ходили дежурные и вглядывались в окна квартир: не светятся ли где-нибудь огни

⁴ Видеointервью с Е. Б. Халезовой. Опубликовано в группе «Тьетта». URL: <https://vk.com/club101842079>.

⁵ Душечкина Е. В. Русская ёлка. История, мифология, литература. СПб., 2012. С. 230.

⁶ Халезова Е. Б. Праздники на Тьетте // Тьетта. 2009. №10. С. 67.

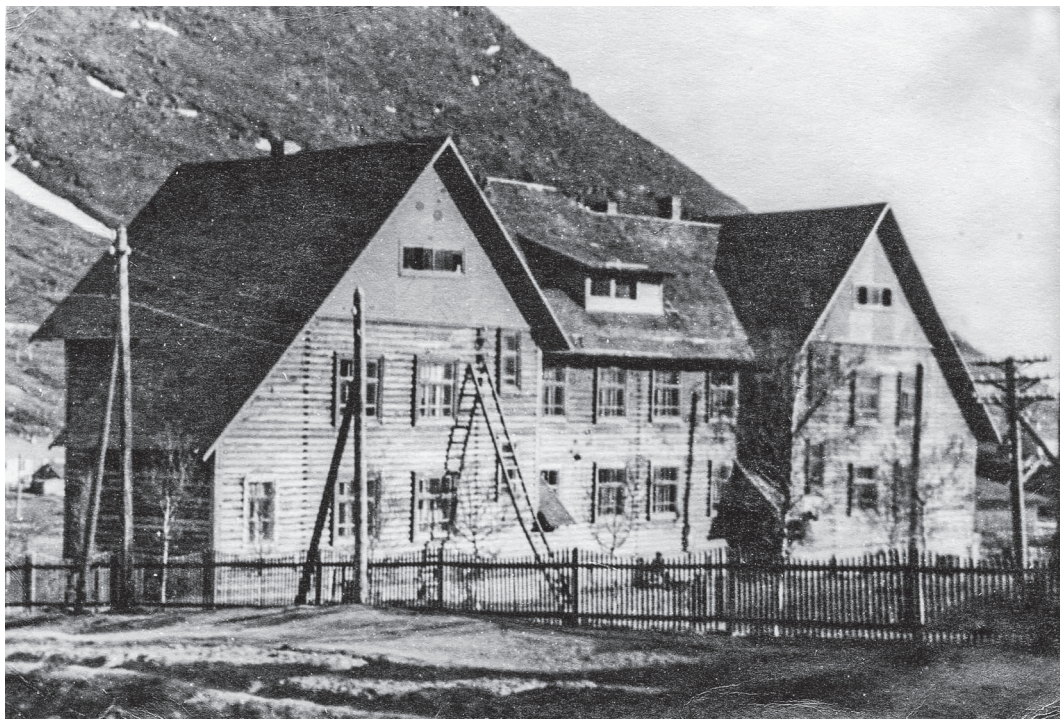

Рисунок 2. Кольская база АН СССР, 1944 г. (Летопись Кольского научного центра 1930–2010. Анатиты, 2011. С. 68)

резали их на полоски и клеили цепи. Это было основное украшение. Кроме того, обязательно были белые снежинки из бумаги и снег из ваты. <...> Утром, как по волшебству, появлялись и свечки, которые мама делала ночью, пока все спали, из парафина и суровых ниток, служивших фитилями»⁷.

В 1934 году Хибинская горная станция была преобразована в Кольскую базу АН СССР, а еще через год ёлка была восстановлена в своих правах как символ уже не Рождества, а Нового года⁸, превращена в новый «праздник радостного и счастливого детства в нашей стране»⁹. В конце 1930-х годов в самом центре огромного холла «Тьетты» гордо возвышалась хвойная красавица высотой до второго этажа, украшенная самодельными бумажными гирляндами и флажками (рис. 1).

Во время войны здание «Тьетты» сгорело. В послевоенные годы Кольская база АН СССР переехала в двухэтажное деревянное здание в поселке, обозначавшемся как «23-й километр», недалеко от Хибиногорска. В правой части здания располагались лаборатории, в левой — общежитие для сотрудников и их семей (рис. 2).

⁷ Халезова Е. Б. Праздники на Тьетте. С. 67.

⁸ Душечкина Е. В. Русская ёлка. С. 236–250.

⁹ Душечкина Е. В. Русская ёлка. С. 265.

Население Хибиногорска-Кировска и ряды сотрудников КБАН СССР росли. Формировались свои, заполярные, праздничные традиции — новогодние вечера, балы-маскарады.

С одной стороны, Новый год, особенно в послевоенные десятилетия, утвердился в своем официальном статусе, его весёлое празднование в учреждениях даже предписывалось. С другой стороны, Новый год «был праздником, в наименьшей степени идеологизированным, особенно когда он отмечался дома»¹⁰. Молодая и по периоду создания, и по возрасту ее членов академическая корпорация Заполярья представляла собой сплоченное сообщество. С одной стороны, отсутствие развитой инфраструктуры культуры, с другой стороны — емкость ритуальных смыслов праздника способствовали творческим инициативам. Профессиональный коллектив ученых разных специальностей был одновременно и общностью семей с устойчивыми дружескими связями, которые усиливала отдаленность от родственников «на большой земле». Новый год соединял общественную и семейную идеи праздника.

В 1949 году Кольская база стала Кольским филиалом Академии наук СССР. В 1950-х в Новом городе — Апатитах уже строились первые академические и жилые здания, но большинство ученых Кольского филиала еще проживало в Кировском поселке на 25-м километре. В 1956 году был построен Кировский городской Дворец культуры комбината «Апатит», и все коллективные празднования перенеслись в большое, удобное здание. Сотрудники КФАН устраивали здесь свои новогодние костюмированные вечера. Тогда же появился обычай отмечать Новый год в сопровождении оркестра, игравшего популярные песни и танцевальные мелодии, под которые молодежь иногда танцевала до самого утра. «Здесь все радуется своей праздничностью, — делился автор новогодней заметки газеты «Кировский рабочий», — красочные панно украшают стены залов, в лекционном зале — вертящийся зеркальный шар отражает разноцветные лучи, бросаемые на него прожектором. Краски плывут по танцующим парам, причудливо освещая их лица, маски. На сцене, играющей светящимися цветами, выступает хор в сопровождении оркестра народных инструментов, он исполняет песни, посвященные Новому году, Москве. Полюбившиеся кировчанам песни из кинофильма “Матрос с ‘Кометы’” спел Николай Усов — водитель цеха движения Юкспорского рудника. Силами танцевального коллектива исполнялись мексиканские и гуцульские танцы. 1 января здесь состоялся новогодний костюмированный вечер сотрудников Кольского филиала Академии наук СССР»¹¹. На площади в центре Кировска стояла большая ёлка, к которой вместе с остальными кировчанами приходили ученые с семьями в новогоднюю ночь. У городской ёлки затевались игры, пелись песни.

Новый год в 1960-х годах ученые КФАН СССР отмечали уже в Апатитах. За развитием филиала Академии наук, его успехами и творческими планами внимательно следила вся область. Ежегодно в местной прессе публиковались результаты

¹⁰ Душечкина Е. В. Русская ёлка. С. 288.

¹¹ Волошенков В. Новый год в Кировске // Кировский рабочий. 1959, 4 января.

научно-исследовательских работ, годовые отчеты, которые проходили в президиуме КФАН. Исследователям заполярного края, особенно представителям одной из самых романтизированных в советской культуре профессий — геологам — посвящали стихи. В новогоднем выпуске «Кировского рабочего» 1 января 1969 года было опубликовано стихотворное поздравление, адресованное коллективу Хибиногорской геологоразведочной партии Кольского райГРУ:

Не Дед Мороз и не Снегурка
Встречают в тундре Новый год,
То по снегам, как эхо, гулко
Копытит тундру вездеход!
А в нем — геологи с Коашвы,
Открывшие несметный клад.
Для них-то день уже вчерашний,
Вперед за новым, солнцу брат!

Сами ученые Кольского филиала, говоря об итогах уходящего года и планах на будущий, связывали те и другие исключительно с работой и наукой. «Наука, как и предвидел В.И. Ленин, становится непосредственной производственной силой. А мы, ученые, считаем своей главной задачей служение народу. Исходя из этого, оцениваем каждый прожитый день», — говорил в предновогоднем интервью В. Хамский, кандидат химических наук, заведующий лабораторией в КФАН СССР¹². По словам ученого, самым знаменательным днем в прошедшем году было для него 19 декабря, когда в Москве состоялась предзащита его докторской диссертации. И.Д. Батиева, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Геологического института КФАН, продолжая это интервью¹³, все события уходящего года также связывала только с научной деятельностью и признавала, что только продолжение исследований по гранитам Кольского полуострова «будет той главной целью, к которой я стремлюсь в новом году».

Впрочем, в новогодних выпусках местных газет журналисты писали не только о достижениях научных сотрудников Кольского филиала, но и о традициях новогоднего празднования в среде ученых: «Ну и, разумеется, Новый год для большого филиального коллектива — тоже веселый праздник. Ученые — люди остроумные и изобретательные. Они умеют придумывать не только оригинальные решения научных проблем, но и остроумные костюмы для новогодних маскарадов»¹⁴.

Маскарадами празднование не ограничивалось. Под Новый год украшали и обустроивали Академгородок: строили снежную горку, развешивали разноцветные лампочки над катком и на ёлках. Высоких елей перед недавно достроенным к тому времени главным зданием тогда еще не было. Зато в Кольском филиале был свой Дед Мороз, который прямо в новогодний вечер вместе со Снегурочкой ходил по домам,

¹² Год уходящий и год наступающий // Полярная правда. 1968, 24 декабря.

¹³ Ия Дмитриевна Батиева — супруга и коллега директора Геологического института И.В. Белькова.

¹⁴ Михайлова Н. Год был плодотворным // Кировский рабочий. 1969, 1 января.

поздравлял детей сотрудников и присоединялся ненадолго к праздничному застолью. Новый год встречали сразу многими академическими семьями — все жили и работали по соседству, а роль Деда Мороза исполнял кто-нибудь из наиболее активных сотрудников: «Приближался 1968 год. Тогда не было скверного обычая поздравлять сотрудников дня за 3–4 до Нового года. В истинный новогодний вечер — и никаких гвоздей! Местком упросил меня быть Дедом Морозом для детей сотрудников, чтобы мы со Снегурочкой поздравляли всех по домам прямо в новогодний вечер. Снегурочкой согласилась стать моя жена Виктория. Выдали нам соответственно малиновый и васильковый халаты, шапки, мне бороду, посох с лампочкой наверху и мешок с подарками. Дали список с адресами. Новогодний вечер. Везде рвутся петарды, летят ракеты. Народ навеселе. Пошли по адресам. <...> Деду Морозу сразу же наливали стаканчик, Снегурочке — шампанского. Идем дальше. В голове шумит. Однако весело. Все — свои, даже директор Игорь Владимирович¹⁵ в списке. Тот уговорил выпить большую стопку коньяку»¹⁶.

От других институтов тоже ходили свои Деда Морозы и Снегурочки, поздравляя сотрудников, а главным образом — их детей. У большинства семей в то время еще не было отдельных квартир, размещались в ДМС — Доме молодых специалистов, поэтому обойти все семьи с детьми было просто. Не всегда так же просто было найти подходящего Деда Мороза. Были случаи, когда в его роли приходилось выступать женщинам: «Я сначала не ходила, а потом, когда дочка подросла, и не было у нас мужчин, и мы никак не могли найти молодых мужчин, но потом находили. Но в один год или даже два года я была Дедом Морозом, а дочка моя была Снегурочкой», — вспоминает член профсоюза, с конца 1960-х работающая в Кольском научном центре.

Зачастую Геологический институт и члены президиума Кольского филиала отмечали Новый год вместе. В начале 1960-х коллектив заполярного научного центра был совсем небольшой, а большая часть сотрудников все еще жила в Кировске. Мало кто получил жилье в новостройках, примыкающих к зданию Геологического института. К тому же председатель президиума Евгений Константинович Козлов до этого руководил геологами, и, по сути, корпорация оставалась единой. Один из его соратников вспоминает, что в то время любой праздник превращался в праздник общения (ведь пойти в Новом Городе было совсем некуда): «Тогда и не было этой политики антиалкогольной. Устраивали всегда в большом зале, ставили столы, собирался весь коллектив. <...> Праздновали все вместе. Евгений Константинович был председателем всего центра. Поэтому все собирались вокруг него. Он был заводилой, естественно. Он сам любил пообщаться. И Бельков его всегда поддерживал <...>. Отмечали 31 декабря, все нормально. И расходились в 7 утра, гуляли по полной. И самый главный тостующий — Евгений Константинович. А у него была удивительная память. Он столько знал стихов наизусть, на память... “Девушка и смерть” Горького

¹⁵ Имеется в виду И. В. Бельков, директор Геологического института в 1961–1985 гг.

¹⁶ *Скуфьин П. К.* Новый год «в невесомости» // Тиетта. 2007. № 1. С. 10.

его была любимая. Он от начала до конца мог выйти на сцену и без подготовки прочесть, и читал».

Надо отметить, что традиции празднования Нового года могли отличаться у разных институтов КФАН. Большинство сотрудников отмечало праздник на работе, большим коллективом, но не в саму новогоднюю ночь, как геологи, а накануне. Были как общие новогодние вечера, так и застолья по институтам и лабораториям: «Впервые пришла в декабре 1969 и сразу попала на праздник, — рассказывает в интервью сотрудница одной из физико-энергетических лабораторий. — <...> Праздники были по подразделениям. Были и общие праздники. <...> Праздновали накануне. Не в новогоднюю ночь». Лаборатории некоторых институтов располагались (как и сейчас) в маленьких домиках в Академгородке, построенных по типу финских коттеджей. Конечно, в них не находилось помещения, способного вместить всех желающих. Поэтому праздники иногда отмечали не всем институтским коллективом, а по лабораториям: «На Новый год мы всегда как-то или снимали в институтах, часто нам предлагали. Ну, как снимали, это все было бесплатно. Давали просто зал, и все. Ключи дадут, и мы веселимся. В Институте химии даже иногда были, потому что своего зала не было. Естественно, где нам было собраться. <...> Мы умудрялись даже в 21-ом домике помещать всех своих 35 человек. Были такие, эти, доски, на стулья ставили это самое, садились все. Столы в кучу в одной комнате, а в другие комнаты открывали двери, музыка, и все плясали кто где — и в той половине, и в этой под музыку».

Для новогодних праздников в большом зале Геологического института, в котором проходили заседания президиума Кольского филиала АН СССР, а также все крупные собрания и празднования, перед Новым годом ставили живую ёлку. Еще одна ёлка, поменьше, стояла внизу при входе. По воспоминаниям сотрудника Геологического института, «ёлка — священное дело! Привозили обычно целую машину елок. Выписывали, направляли бригаду, привозили ёлку и устанавливали. Ну, во-первых, в зале, на улице и уже, так сказать, по сотрудникам как подарок новогодний. Ну, всем не хватало. Это было привилегией. Привилегированным лицам доставались ёлочки!». В большом зале проходили не только праздники для сотрудников, но и новогодние детские утренники — так называемые «ёлки», когда название дерева стало относиться к самому праздничному действу. В этом же зале готовили подарки для детей, для взрослых первое время подарков не было. Как рассказывают, в 1960-х «фруктов здесь не было и в помине. Да и хороших конфет тоже не было. Это надо было как-то организовывать, закупить, привезти эти все апельсины или мандарины. В подарок по две штучки разложат». Когда оформился профком и появился профсоюз, они взяли организацию подарков на себя: «...чтобы подготовиться к Новому году для детей, мы тоже все в главное здание¹⁷ ходили, чуть ли не неделю раскладывали подарки в пакетики, там все это завозили, конфеты там, мандарины, ну и прочее. И все это развозилось — Дед Мороз и привозил. От общего профсоюза. На последнем этаже в большом зале стояли столы все, где от организаций приходили

¹⁷ Здание Геологического института и президиума Кольского научного центра.

*Рисунок 3. Дед Мороз и Снегурочка — сотрудники Кольского научного центра поздравляют ребят.
Фотография сделана около 1987 г.*

представители и все это раскладывали. Каждый для себя, для своей организации. <...> Взрослым мы тоже, конечно, подарки делали. Из профсоюзного комитета выделяли. Шампанское там, конфеты там либо коробки»¹⁸.

К 1980-м годам организация новогодних праздников снова, как и в 1960-х, стала в основном делом молодежи (в 1960-х, кроме молодежи, в рядах Кольского филиала сотрудников других возрастов, можно сказать, и не было). Из комсомольцев «назначали» и Деда Мороза, и Снегурочку. Иногда в их роли выступали члены семьи, если не удавалось найти кого-то из сотрудников. В больших подразделениях детей иногда поздравляла даже не одна пара новогодних персонажей, а сразу две, чтобы всем успеть развезти подарки. Дед Мороз уже не ходил по адресам, его со Снегурочкой возили в УАЗике: «Выделяли машину, костюм Деду Морозу. А мне было семнадцать лет, и платье Снегурочки мне мама сшила из простыни. И сделала шикарную корону с мехом, теплую, специально чтобы по улице ходить», — вспоминает бывшая Снегурочка, а сейчас доктор экономических наук, работающая в Кольском научном центре (рис. 3).

Отличительной чертой новогодних корпоративных праздников в Кольском научном центре всегда были костюмированные балы и маскарады. Маскарады, конкурсы,

¹⁸ Из интервью с членом профсоюзного комитета КНЦ РАН.

танцы устраивали во всех институтах. Сначала костюмы были «индивидуальные», а позднее, когда коллектив разросся, стали проводить конкурсы между лабораториями. Все сотрудники перестали помещаться в одном актовом зале, и пришлось разделяться по институтам. В одном Геологическом в 1970-х было двадцать лабораторий, соответственно, — двадцать команд. А. Н. Виноградов, главный ученый секретарь президиума КФАН СССР (затем и КНЦ РАН), рассказывает: «И месяц перед Новым годом у всех головы забиты только одним: так, что мы сошьем, где-то там материал добывают, что-то шьют, красят. Красочные костюмы такие, это что-то! Вот лаборатория геохронологии отличалась особенным мастерством <...>. Как девчонки ухитрились шить? В общем, жизнь такая, сильно не потратишься, денег-то нету, но какой-нибудь материал купят. И думаешь — что ж с него можно сделать? Да мишуры нашили, ленточек, и такие шикарные костюмы!». Темы для костюмов придумывались самые разные, иногда совершенно неожиданные и даже экзотичные: пираты, папуасы, Восток, Али-Баба и сорок разбойников. Обязательно с танцами и номерами творческой самодеятельности. Из рассказа Анатолия Николаевича Виноградова: «У нас наша петрография, значит, была знаками зодиака. Девушки все в таких длинных платьях со звездами. Тоже со звездами на волосах. А я — чародей, у меня такая мантия вся в звездах. Колпак на голове и жезл. И мы там хором на сцене что-то ходим, поем (рис. 4). К нам примкнули минералоги. <...> Ну, и естественно, если ты выступишь, костюмы костюмами, но нужен еще и концертный номер. Вот и начинается там. Либо какое-нибудь представление, либо там танец, либо песня. И кто лучше — не на жизнь, а на смерть! Выиграть конкурс — это просто честь! Это в лаборатории разговоров до следующего года! Как бразильские маскарады, карнавалы».

Новый год в Кольском научном центре проходил не просто с маскарадами и размахом, но еще и под мелодии джаза и эстрады (рис. 5). С 1960 года существовал свой духовой оркестр. Из рассказов: «Гена Калабин¹⁹ почему приехал в Кольский

Рисунок 4. Звездочет А. Н. Виноградов с символом наступающего Года быка, накануне 1985 г.

¹⁹ Геннадий Валерианович Калабин — ученый-геоэколог, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зампрединдустрии президиума КНЦ РАН, директор Института проблем промышленной экологии Севера. В Кольском научном центре работал с 1961 по 2004 гг.

Рисунок 5. Новогодние танцы в сопровождении духового оркестра, Геологический институт КНЦ РАН, 1998 г.

научный центр? Потому что журнал “Сельская молодежь” опубликовал на титульном листе фотографию Академгородка, больше ничего тогда не было. Где-то гараж виднеется и это здание²⁰. И на этом фоне сидит оркестр. Эдик Кравченко за здоровыми барабанами и саксофонист. Вот, джазовый оркестр в таком колхозном городке! <...> Гена Калабин, сочинский плейбой, окончил московский институт. Казалось бы, ну куда ему возвращаться? В Сочи! А он увидел этот оркестр и такой — нет, я еду туда! И распределился к нам».

Праздничные традиции новогодних карнавалов продержались в Кольском научном центре до 2010-х годов. В Геологическом институте они так и проходили под аккомпанемент духового оркестра. Фотографии этих мероприятий хранятся в архивах структурных подразделений КНЦ РАН, некоторые были опубликованы в журнале

²⁰ Имеется в виду здание Геологического института.

Рисунок 6. Новогодний выпуск стенгазеты в Геологическом институте, 1980-е гг.

Геологического института «Тьетта», названного в честь «прародительницы» научного центра — Хибинской горной станции. Так описывает праздничный вечер главный редактор «Тьетты» Ю. Л. Войтеховский: «А затем начался праздник! По-особенному душевно играл наш духовой оркестр, прославленный на весь Карело-Кольский край. Геофизики показали новую серию спектакля “О пирате, не верящем в любовь, портовом кабаке и в очередной раз застреленной девушке”. Шумели конкурсы. Директор раздавал победителям из оттопыренного кармана флэшки от 2 Gb и выше. Подтянутые кавалеры приглашали умопомрачительно наряженных дам... Прощай, 2011-й год! Здравствуй, год 2012-й!»²¹.

Отдельным искусством было создать на Новый год праздничную стенгазету. Их с вдохновением оформляли в каждом подразделении. В холле главного здания вывешивались поздравительные плакаты, открытки. Все это, конечно, в то время делалось от руки: на ватман наклеивались фотографии, красиво выводился текст — получалось не хуже, чем на современных слайдах. С такими «презентациями» выступали и на заседаниях ученого совета или президиума (рис. 6).

В рассказах о кольских ёлках-мероприятиях есть и тема елок хвойных, связанная с экологической борьбой с вырубкой елей к зимнему празднованию. С одной стороны, по мнению некоторых сотрудников Кольского филиала, реальной угрозы вечнозеленым деревьям в 1960–1970-х не было: «А кто не удосужился получить из привезенной машины, ну, те в лесочек и браконьерили. Население было еще маленькое, а елок полно вокруг. Да, ловили, да, штрафовали. Но никого это не останавливало. Лыжи в руки. С пилочкой». С другой стороны, звучал призыв задуматься о том, что

²¹ Гл. редактор. Новый 2012 год! // Тьетта. 2011. №4. С. 98.

перед Новым годом опустошаются леса. Ученый Кольского научного центра, один из корифеев Геологического института Р. А. Кравченко-Бережной в газетной публикации называл «ёлочное» браконьерство «не менее злостным, чем любое иное». «Ёлка, которая будет стоять в нашей праздничной квартире и радовать сердца детей и взрослых, — писал Роман Александрович, — приобретена законным путем. И тем не менее я бы приветствовал полный запрет вырубки елок как украшения к Новогоднему празднику»²². Ученому принадлежит остроумная параллель между ёлочным деревом и семгой — деликатесным сортом красной рыбы, на ловлю которой с советских времен были введены ограничения: «Ёлка — не семга, взятая сейчас государством под жесткую защиту. Сегодня ёлка еще не остродефицитный экспортный товар. Однако было время, когда и семужка, и сижок, и селедочка не были редкостью. Сегодня (вероятно, с опозданием) за баловство с семгой и сигом строго карают. Не пора ли задуматься и о судьбе ёлки — великолепного украшения наших лесов? О ее завтрашнем дне».

Закольцовывая рассказ о кольских ёлках и праздничных новогодних традициях заполярных ученых, приведем еще одну цитату. Кравченко-Бережной напомнил о двойном переосмыслении ели в контексте советской идеологии. Сначала новогоднее дерево запретили как религиозно-церковный символ, а затем его начали «спасать», сменив мотивацию на экологическую: «Когда-то, после революции, такой запрет был принят в порядке борьбы с религиозными пережитками. Сегодня такая мера служила бы делу охраны нашей природы. Если же не запрет, то строжайший контроль, который эффективно предупреждал бы массовое истребление прекрасных деревьев. Деревья надо спасать, пока они на корню». Для ученого-естествоиспытателя и жителя Заполярья это высказывание симптоматично. И оно справедливо. Однако и сейчас, когда везде стали преобладать искусственные новогодние деревья, для общественных торжеств, в том числе в помещении, где отмечают Новый год сотрудники Академии наук, нередко устанавливают большие живые ели. При этом многие из наших собеседников предпочитают дома в новогодние дни иметь не синтетический праздничный атрибут массового производства, а еловую или сосновую веточку с «живым запахом» праздника.

²² Кравченко-Бережной Р. Ёлка. Предновогодние раздумья // Кировский рабочий. 1975, 23 декабря. С. 2.

Михаил Струганов

СНЕГОВИК. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Не стоит говорить, почему в качестве героя статьи для сборника памяти Е. В. Душечкиной выбран снеговик. В праздничной культуре русской ёлки рядом с Дедом Морозом и Снегурочкой важное место занимает и снеговик. Но русскую ёлку, Деда Мороза и Снегурочку Е. В. Душечкина прекрасно и обстоятельно описала¹; снеговика же (и даже снежной бабы) она не касалась в своих работах. Между тем снеговик интересен и поучителен. Историю снеговика «от ледникового периода до блошиного рынка», как сказано в подзаголовке к одной из книг, описал Б. Экштейн, что позволяет нам обратить внимание только на те детали, которые он обошёл в своих работах².

В русской традиционной культуре нет мифологического персонажа, который воплощал бы в себе представления о зиме, снеге и морозе. Отдельные свидетельства об антропоморфном представлении мороза встречаются в святочной обрядности (ритуальное кормление мороза³, загадки и поговорки о морозе⁴). Но Мороз как мифологический персонаж появляется в авторских текстах, при этом мороз осознаётся как активное начало, (Дед) Мороз продуцирует мороз, и никакие весна и лето ему не страшны.

Рядом с этим (Дедом) Морозом в собственно традиционной культуре существует ещё один антропоморфный персонаж, тоже связанный с представлениями о морозе, снеге и зиме, но не самостоятельный и не активный, а зависимый от мороза: существующий только при его наличии и гибнущий с приходом тепла. Этот персонаж известен только в восточнославянской традиции — как Снегурочка: сюжет 703*⁵=AA*171, *703 *Снегурочка*: старик и старуха лепят куклу из снега; она оживает; летом

¹ Душечкина Е. В. Русская ёлка: История, мифология, литература. СПб., 2002; 2-е изд. СПб., 2012; 3-е изд. 2014; Душечкина Е. В. Дед Мороз и Снегурочка // Отечественные записки. 2003. №1. С. 236–241.

² Eckstein Bob. The History of the Snowman: From the Ice Age to the Flea Market. N. Y.: Simon and Schuster, 2007; Eckstein Bob. The Illustrated History of the Snowman. N. Y.: Rowman & Littlefield, 2018.

³ Виноградова Л. Н. Мороз // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 102–103.

⁴ Струганов М. В. Сказки о мачехе и падчерице. Русская версия // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конференции. Апрель 2008 г., Тверь / Ред. Р. Нохейль, Ф. Карл, Э. Шоре. М.: РГГУ, 2010. С. 100–124.

девушка идет с подругами в лес и тает⁵. Западноевропейская традиция никакой Снегурочки не знает, само это имя переводит как The Snow Maiden, местом фольклорных записей называет Россию и Буковину, а в авторской культуре фиксирует лишь одно произведение — «The Snow Image: A Childish Miracle» Натаниэля Готорна (1851)⁶. Более того, это незнание восточнославянской (собственно русской) снегурочки приводит к занятым курьёзам. В телесериале «Молодой Морс» (1-й сезон, серия 3; Великобритания, 2013) серийный преступник совершает ряд убийств «по нотам» и перед очередным убийством присылает в качестве подсказки клавиш оперы, на обложке которого написано кириллицей: «Снежная королева / Римский-Корсаков (sic!)». Ясно, что речь идёт об опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» (1882), заменённой для большей понятности нерусскому зрителю на Снежную королеву.

Снегурочка могла бы стать в один ряд со многими другими оживающими статуями: Галатея Пигмалиона, Пиноккио папы Карло, Командор Севильского озорника, Медный всадник Евгения и прочими. Но в Снегурочке важно не столько то, что она оживает, очеловечивается, сколько то, что она тает, пропадает, то есть вновь гибнет, — что и отличает её от всех иных оживающих статуй. Её оживление не приносит вреда или гибели никому из окружающих, но сама она неизбежно погибает.

Напротив того, западноевропейская традиция фиксирует иной сюжет, совершенно неизвестный на Востоке, — The Snow Child⁷. Этот сюжет известен в большом числе вариативных текстов полуанонимной литературы от песен вагантов до фавлю и фавсий (X–XV вв.), два из которых существуют в переводах на русский язык: старонемецкая песня «Снежное дитя» (Л. В. Гинзбург⁸) и старофранцузское фавлю «Ребенок, растаявший на солнце» (С. Г. Вышеславцева⁹). Сюжет этот не просто сатиричен, но и пародиен. Он, разумеется, направлен на разоблачение неверных жен, но также и на какие-то ходячие представления о том, что подобного рода

⁵ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 176. К этому сюжету подключен и сюжет, который Н. П. Андреев рассматривал как самостоятельный: *171. Снегурочка и лиса: лиса доставляет старику и старухе оставленную подругами в лесу Снегурочку (Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 21).

⁶ Folklore and Mythology Electronic Texts / edited and/or translated by D. L. Ashliman. University of Pittsburgh, 1996–2021. URL: <https://www.pitt.edu/~dash/folktexts.html> (дата обращения 15.02.2022). Ср.: Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. С. 49. № *703; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. С. 176. № 703*. Д. Л. Ашлиман приводит также японский сюжет с близким персонажем: Yuki-Onna (Japan), но судьба «снежной женщины» никак не связана с приходом лета и тепла.

⁷ Д. Л. Ашлиман (Folklore and Mythology Electronic Texts) видит отдалённое сходство в сюжете 1362A* *Трёхмесячное дитя*: жена вычисляет: он женат три месяца, я замужем — три, и мы оба три — всего девять. Указаны две записи — на Украине (Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. С. 288).

⁸ Лирика вагантов в переводах Льва Гинзбурга. М., 1970. С. 113–115. Оригинал: The Cambridge Songs: A Goliard's song book of the 11th century / Ed. from the unique manuscript in the University library by Karl Breul. Cambridge: at the University Press, 1915. P. 56.

⁹ Фавлю. Старофранцузские новеллы / пер. со старофр. С. Вышеславцевой, В. Дынник. М., 2004. Оригинал: L'enfant de neige или De l'enfant qui fut remis au soleil // Recueil général et complet des fabliaux des XIIIe et XIVe siècles imprimés ou inédits, publiés d'après les manuscrits par m. Anatole de Montaiglon. Paris: Librairie des bibliophiles, 1872. Т. 1. P. 162–167.

дети из снега когда-то и где-то бывали. Тексты, содержащие эти представления, нам неизвестны, но поскольку в восточнославянской сказке обнаруживаются сюжеты, которые выглядят как основа для пародии «снежного дитяти», — мы вполне можем предположить наличие таких сюжетов и в Западной Европе. Снежное дитя — не самостоятельное действующее лицо: ни в одном из вариантов оно не произносит ни слова, не совершает никакого поступка, но только является предметом тайной распри мужа и жены.

Фольклорные сказки относятся к этапу дорефлекторного традиционализма¹⁰, средневековые песни и фаблю — к этапу рефлекторного традиционализма. В дорефлекторном и рефлекторном традиционализме никаких мотивировок для объяснения сюжета о снежном человеке не требовалось: то, что сделано из снега и льда, подвержено законам природы, поэтому Снегурочка и снежное дитя должны растаять под лучами солнца, как тают под лучами солнца лёд и снег. В сказочном сюжете эта ситуация никакой рефлексии не вызывала (что делать, коли так надо), а в фаблю появляется недоверие к этой ситуации и спекуляция на вере в неё. Именно в этом контексте следует воспринимать и слова героя в хронике В. Шекспира «Ричард II» (1595) о «снежном короле»:

O! that I were a mockery king of snow,
 Standing before the sun of Bolingbroke,
 To melt myself away in water-drops¹¹.

Снежные фигуры — это цари на час; вокруг них резвятся и играют, пока идёт праздник, но срок их царствования краток, и сожалеть об их участии не стоит: «О! если бы я был шутовским снежным королём, / Стоящим перед солнцем Болингброка, / Чтобы превратиться в капли воды».

В период антитрадиционалистских тенденций буржуазной эпохи такие естественные объяснения стали казаться неудовлетворительными и потребовали человеческих мотивировок, которые и были найдены во второй половине XIX в.: в 1861 г. Г. Х. Андерсен написал сказку «Снеговик» (*Sneemanden*), а в 1873 г. А. Н. Островский — пьесу-сказку «Снегурочка». Снеговика слепили дети, а Снегурочка родилась в результате брачного (временного) союза Весны-Красны с Дедом Морозом. Но, несмотря на различие в происхождении этих персонажей, участь их одинакова: оба они «сгорают в огне любви», что и естественно не столько потому, что они являются порождением мороза и могут существовать только при нём, сколько потому, что такова вообще природа человека. При этом стоит заметить, что Снеговик Андерсена

¹⁰ Термины *дорефлекторный* и *рефлекторный традиционализм* и *антитрадиционалистские тенденции буржуазной эпохи* мы используем в том значении, какое дано им в работах: *Аверинцев С. С.* Введение: Древнегреческая поэтика и мировая литература // *Поэтика древнегреческой литературы*. М., 1981. С. 3–14; *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра: Опыт периодизации // *Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения*. М., 1986. С. 104–116; наше понимание явления см.: *Строганов М. В.* Историческая поэтика: Учебное пособие. Тверь, 2007.

¹¹ *The Complete Works of William Shakespeare* / ed. with a glossary by W. J. Craig. Oxford University Press, 1916. P. 2082. *The Oxford Shakespeare*.

воспринимает свою возлюбленную — печь в доме — как женское начало, так что рассуждения современных исследователей об отражении в «Снеговике» гомозротических вожделений автора¹² не дают совершенно ничего для восприятия этой сказки. Для читателя сказки очевидно, что речь идёт о двуполой любви, как и у Снегурочки, тем более что у самого Андерсена есть сходное воплощение того же сюжета в «Стойком оловянном солдатике» (превратившемся у Б. Ш. Окуджавы в «Бумажного солдатика», 1959).

Исходя из того, что первоначально существовали «прямая» Снегурочка и пародийное по отношению к ней Снежное дитя, можно было бы предположить, что новое «прямое» продолжение образа появится как существо женского рода. Но в западной культуре это продолжение образа возродилось в мужском роде как Снежный человек, очевидно потому, что Снежное дитя всегда предполагалось мужского пола: сын и наследник отца. В русской культуре, однако, не существовало термина для обозначения такого персонажа, и первый перевод сказки Андерсена на русский язык был назван «Снежный болван»¹³, а вслед за ним и сказка Германа Клеттке «Снеговик» (Schneemann, 1885) была названа в переводе также «Снежный болван»¹⁴. В новом издании сочинений Андерсена в русских переводах А. В. и П. Г. Ганзен (1894) опять не нашлось нужного слова для обозначения заглавного персонажа, и он был назван Снегуром¹⁵, совершенно очевидно — «исходная» форма от имени *Снегурочки*. Только у советских редакторов (судя по всему, с 1938 г.) сказка эта в переводе Ганзен стала называться «Снеговик»¹⁶.

Между тем в русском языке уже существовали слова, которые можно было использовать для обозначения «снежного болвана». В словаре В. И. Даля мы находим: «*снегурка, снегурочка* — пташка, зимний, снежный подорожник, пуночка»; «*снеговик* — ранняя перелётная птица, особенно слука, боровой кулик, первого вешнего прилёту, когда в лесу лежит ещё снег; девочка снегурка — сказочное, > рожденная от снега». Если верить Далю, то существовал и другой синонимический ряд: «снежный болван, снежник, снеговик». Есть в словаре Даля и следующее определение: «*Снежник и снегурка*, складенный из снега болван, подобие человека, *снеговик, снегурка*»¹⁷. Мы не можем определённо сказать, что значат шрифтовые выделения в этом фрагменте. Но если учесть, что Даль вводил в свой словарь и неологизмы, предполагая таким образом закрепить их использование в культуре, *снеговик*,

¹² *Prince Alison*. Hans Christian Andersen: The Fan Dancer, London: Allison & Busby, 1998. P. 13–14; *Wulschlager Jackie*. Hans Christian Andersen: The Life of a Storyteller. Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 392; *Eckstein Bob*. The History of the Snowman: From the Ice Age to the Flea Market. P. 62.

¹³ Ёлка и Снежный болван: Из сказок Андерсона / Рисунки Р. К. Жуковского; Издание Марии Жуковской. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1875. Переводчик не указан, но поскольку художник *Рудольф Казимирович Жуковский* (1814–1886) хорошо известен, есть основания считать переводчиком издательницу сказок Марию Жуковскую, сестру, жену или дочь художника.

¹⁴ Детские сказки / Рассказал В. П. Авенариус. Новое издание. СПб., 1885.

¹⁵ Собрание сочинений Андерсена: В 4 т. / Перевод с дат. подлинника А. и П. Ганзен. СПб., 1894. Т. 2: Полное собрание сказок, рассказов и повестей. Ч. 2. С. 167–172.

¹⁶ *Андерсен Г. Х.* Сказки. Для младшего возраста / Пер. А. Ганзен; Рис. В. Конашевич. М.; Л., 1938.

¹⁷ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 256.

выделенный и курсивом, и полужирным шрифтом, хотя и не является определяемым словом, перетягивает на себя смысловое поле всего фрагмента и становится как бы главным определяемым словом в нём. Снеговик вообще в это время означал человека, привычного к снегам и морозам, как о том говорит герой повести И. С. Тургенева «Степной король Лир» (1883) Харлов, рассуждая о своей родословной: «Наш род от вшеда (он так выговаривал слово швед); от вшеда Харлуса ведется, — уверял он, — в княжение Ивана Васильевича Тёмного (вон оно когда!) приехал в Россию; и не пожелал тот вшед Харлус быть чухонским графом — а пожелал быть российским дворянином и в золотую книгу записался. Вот мы, Харловы, откуда взялись!.. И по той самой причине мы все, Харловы, урождаемся белокурые, очами светлые и чистые лицом! потому снеговики!»¹⁸

Впрочем, и в первой половине XX в. *снеговик* ещё не закрепился в русской культуре. И хотя спорадически он появляется в отдельных текстах, атрибуты его произвольны и не складываются в какой-то определённый образ:

Для Снегурок серебристых в пляске вьют Снеговики
Из цветов хрустально-льдистых переливные венки¹⁹.

Во всяком случае, слово *снеговик* отсутствует и в Большом академическом, и в Малом академическом (под редакцией А. П. Евгеньевой) словарях русского языка. Зато в Большом академическом словаре есть *снежная баба*: «Человеческая фигура, слепленная из снега»; с единственным примером: «На улицах деревень мальчишки лепили снежных баб, играли в снежки, строили горы и крепости» (А. В. Перегудов, В те далекие годы, 1951)²⁰. Поскольку этот роман построен на автобиографическом материале, а А. В. Перегудов родился в 1894 г., следует полагать, что *снежная баба* означала то, что мы сейчас называем снеговиком. То же самое определение повторяется в нашем веке с весьма характерным расширением: «Человеческая фигура, слепленная из снега; снеговик». При этом составитель данного фразеологического словаря не просто повторяет определение из Большого академического словаря, но приводит тот же самый пример, добавляя, впрочем, ещё и свой: «Вера Ивановна засмеялась и, хлопнув в ладоши, крикнула: — Дети, домой! — Дети строятся в пары. Кругом, краснея носами, алея губами, посверкивая антрацитовыми глазами, торчат снежные бабы. Дети оглядываются на них, жалко всё-таки расставаться» (Ю. Нагибин. Дети лепят из снега)²¹.

Впрочем, в автобиографической книге В. В. Набокова «Другие берега» (1953) появляется и снеговик: «Зима <...> была единственной проведенной нами в деревне, и всё было ново и весело — и валенки, и снеговики, и гигантские синие сосульки, свисающие с крыши красного амбара, и запах мороза и смолы, и гул печек в комнатах

¹⁸ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1981. Т. 8. С. 160–161.

¹⁹ Пожарова М. Праздник у Метелицы // Нива. 1910. № 51. С. 918.

²⁰ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1962. Т. 13: С — Сняться. Стлб. 1478. То же: 2-е изд., испр. и доп. М., 1983.

²¹ Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М, 2008. С. 16.

усадьбы...»²² Но следует учитывать, что этот русский текст является вольным пересказом английского текста, поэтому английское snowman могло повлиять на появление русского *снеговика*. Но на русскую традицию в то время текст Набокова повлиять не мог. Для русской традиции гораздо важнее были тексты В. Г. Сутеева. Во-первых, это мультфильм «Когда зажигаются ёлки» (1950) по сценарию Сутеева, где водителем грузовика Деда Мороза является Снеговик. Во-вторых, это книга Сутеева «Ёлка» (1954), главным героем которой был также Снеговик:

На голову Снеговика старое ведро надели, глаза из угольков сделали, а вместо носа воткнули морковку.

Хороший получился Снеговик-почтовик!

Дали ему ребята свое письмо и сказали:

Снеговик, Снеговик,
Храбрый снежный почтовик,
В тёмный лес пойдёшь
И письмо снесёшь²³.

Кроме того, в 1955 г. по этому сценарию был снят мультфильм «Снеговик-почтовик» (режиссёр Л. А. Амальрик), в котором текст послания был приспособлен к пению:

Снеговик, Снеговик,
Будешь детский почтовик,
Ты письмо возьмёшь,
В тёмный лес пойдёшь.

Через десять лет появилось стихотворение А. Л. Барто «Не одна» (1964):

Мы не ели, мы не пили,
Бабу снежную лепили.
<...>

Улыбаясь, как живая,
В парке, в тишине,
Встала баба снеговая
В белом зипуне.
<...>

Скоро стихнет звон трамвая
И взойдёт луна,
Будет баба снеговая
Под луной одна?!

Мы столпились возле бабы,
Думали — как быть?

²² Набоков Владимир. Terra Incognita: Другие берега; Защита Лужина: Романы; Рассказы. М., 1990. С. 57.

²³ Книга сказок В. Сутеева. М., 2016. С. 60–61.

Нам подружку ей хотя бы
Нужно раздобыть.

Мы не ели, мы не пили,
Бабу новую слепили.

Скоро стихнет звон трамвая
И взойдёт луна,
Наша баба снеговая
Будет не одна²⁴.

С этой *снежной бабой* связан один текст, который неизмеримо широко разошёлся в сетевых ресурсах. Описывая новогодние игровые ритуалы, авторы повторяют, не ссылаясь на источник, следующий текст:

Одна из песен во время данного ритуала:

Мороз, мороз, через тын перерос,
Бабу снежную принес.
Баба, нос крючком,
Получай снега ком!

После этого снежную бабу разбивали снежками²⁵.

²⁴ Барто А. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1970. Т. 1: Стихи и поэмы. С. 17.

²⁵ Из просмотренных нами ресурсов мы приводим только те (и то не все), которые имеют педагогическую и просветительскую направленность: Заклички. Заклички про зиму. URL: <https://uchat-v-skole.ru/biblioteka/zaklichki/257-zima>; Игра «Меткий снеговик». URL: <https://old.doshkolk.rybakovfond.ru/metkiy-snegovik>; Ты, мороз, не показывай свой нос. Приди зима, намети снега! — зимние заклички. Пословицы о дружбе. URL: <https://coppershop.ru/facials/ty-moroz-ne-pokazyvai-svoi-nos-pridi-zima-nameti-snega-zimnie-zaklichki.html>; Конспект занятия «Зима-волшебница» (музыкальное занятие о зимних забавах для старшего дошкольного возраста). URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rc=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjWha2l2dHxAhWCoFwKHdYqAcEQfjACegQIGBAD&url=https%3A%2F%2Fgosurok.ru%2Ffiles%2Fpublications%2F4233%2Ffile%2Fkonspekt-zima-volshebница.docx&usg=AOvVaw3JMLi3Z94htw0fjBdvK0S>; Конспект по ОДНкНР на тему: «Народные заклички» (4 класс). URL: <https://infourok.ru/konspekt-po-odnknr-na-temu-narodnie-zaklichki-klass-1735594.html>; Приди зима, намети снега! — зимние заклички для детей. URL: <https://deti.parafraz.space/pridi-zima-nameti-snegazimnie-zaklichki-dlya-detey/>; Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь (Тайные знания). URL: <https://books.google.co.il/books?id=5jxtDwAAQBAJ&pg=PA615&lpg=PA615&dq=Мороз,+мороз,+через+тын+перерос,+Бабу+снежную+принес&source=bl&ots=D3IA8uQzih&sig=ACfU3U3cGoB2oPIkor3PtrV6ieLRoXr8Lg&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjWha2l2dHxAhWCoFwKHdYqAcEQ6AEwCXoECAcQAw#v=onepage&q=Мороз%2Смороз%2Счерез%2Стын%2Сперерос%2СБабу%2Сснежную%2Спринес&f=false>; В славянских традициях. URL: <http://dshibaikal.ru/wp-content/uploads/2019/01/В-славянских-традициях.pdf>; Снеговиковые встречи. 2019 г. URL: <https://kirlish.livejournal.com/97327.html>; Откуда ты, снеговик? URL: http://www.eduportal44.ru/Galich/domdiu/DocLib33/Детская_организация_РИФ/Газета/ФЕВРАЛЬ_2014.pdf; Попова Дарья. Сценарий события на воздухе «Как на празднике зимы веселились дружно мы!» URL: <https://www.maam.ru/detskijasad/scenarii-sobytiya-na-vozduhe-kak-na-prazdnike-zimu-veselilis-druzno-my.html>; Роктянская Марина. Пойдем погулять, бабу снежную катать // Первое сентября. Дошкольное образование. 2000. № 1. URL: <https://dob.1sept.ru/article.php?ID=200000102>; Снеговик: что за «зверь» такой, и откуда он взялся. URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/snegovik-что-за-zver-takoy-i-otkuda-on-vzualsya-1055020>; Таранеко Марина. Русские забавы. <https://ppt-online.org/481407>; Рудский В. Заметки фенолога. День надежды на солнышко. URL: <https://obzor.city/article/434732>; Вчера был ледяной дождь, сегодня — снег. И Снеговик Вам шлёт привет! URL: https://www.club.chicco.ru/public/vchera_buil_ledyanoj_dojdsegodnya-snegi_snegovik_vam_shlt_privet_7243.html; Спортивно-музыкальный праздник «Зимние забавы». URL: http://dou-92.ucoz.ru/fotoalbom/fizkulturno-muzykalnoe_razvlechenie.pdf; Зиновьева Т. В. Рождественские колядки. Сценарий развлечения для детей с целью приобщения к русскому фольклору

Текст этот представляет собой чудовищную (с народной точки зрения) бессмыслицу: мороз зачем-то или почему-то перерастает за тын (то есть стал выше тына, забора вокруг дома) и приводит старую бабу для насмешек и издевательства. В результате достаточно длительных поисков нам удалось найти близкий (но не идентичный) текст, опубликованный в 1977 г.:

Вылепив снежную бабу, дети становятся вокруг неё, берутся за руки и, двигаясь то в одну, то в другую сторону, поют:

Мороз, мороз
 Через дуб перерос,
 Через дуб перерос,
 Бабу снежную привёз.
 Баба, баба, беляком,
 Получай-ка снега ком!²⁶

Это сравнение мороза с дубом в какой-то мере оправдано: их обоих называют крепкими, сильными, большими. Составитель книги указывает, что текст записан в г. Пучеж Ивановской области от М. Медведева, 16 лет.

Между тем почти через сорок лет после этой публикации, в 2016 г., тот же составитель напечатал этот текст в составе игры «Снежная баба» в следующем виде:

Дети из снега лепят снежную бабу, ходят вокруг и поют:

Мороз, мороз,
 Через тын перерос,
 Бабу снежную принёс.
 Баба, нос крючком,
 Получай-ка снега ком!

С последними словами бросают в снежную бабу снежки и разрушают её²⁷.

Составитель вновь указал, что записал текст в Ивановской области. Совершенно очевидно, что составитель в издании 2016 г. отредактировал текст 1977 г. под

и традициям народа. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/238523-rozhdestvenskie-koljadki>; Русские народные зимние заклички. Зимние заклички — народные календарные традиции и забавы. URL: <https://arhub.ru/mobile-phones/russkie-narodnye-zimnie-zaklichki-zimnie-zaklichki-narodnye-kalendarnye.html>; Поет зима — аукает... URL: <https://www.surwiki.admsurgut.ru/wiki/images/e/e6/%D0%A3%D1%87%D1%83%D1%87.pdf>; Радзецкая С.И. Сценарий праздника для детей 5–7 лет «Веселые святки». URL: <http://doshkolnik.ru/folklor/18766-scenariy-prazdnika-dlya-deteiy-let-veselye-svyatki.html>; Фольклорно-экологический праздник «Широкая масленица». URL: <https://dohcolonoc.ru/utrennici/3591-folklorno-ekologicheskij-prazdnik-shirokaya-maslenitsa.html>; Русская народная песня-игра Игровая с нотами. URL: <http://www.doshkolniki.com/pesni/igrovaya.html>; Габова Е.В. Презентация к уроку литературного чтения «Малые фольклорные жанры». URL: <http://multiurok.ru/files/prezentatsiya-k-uroku-literaturnogo-chteniya-mal-1.html>; Ткаченко Л. Презентация по литературному чтению «Сокровища народной мудрости» (2 класс). URL: https://znaniya.ru/media/prezentatsiya_po_literaturnomu_chteniyu_sokrovishcha_narodnoj_mudrosti_2_klass-286452; Презентация, доклад к уроку обучение грамоте по теме: Составление звуков [з], [с] по звонкости — глухости. Буквы З, С. URL: <https://shareslide.ru/detskie-prezentatsii/prezentatsiya-k-uroku-obucheniye-gramote-po-12>.

²⁶ Жаворонушки [Ноты]: Русские песни, прибаутки, скороговорки, считалки, сказки, игры. Выпуск 1. Для детей и юношества / Запись, нотация и составление Г. Науменко, общая редакция С. Пушкиной. М.: Советский композитор, 1977. С. 101.

²⁷ Науменко Г.М. Бояре, мы к вам в гости пришли. М., 2016. С. 5. Серия «Русская семья».

влиянием известной поговорки «Ежели б (Если б) на горох не мороз, давно бы через тын перерос»²⁸. (А возможно, впрочем, что он или кто другой и сочинил текст для издания 1977 г., опираясь на эту поговорку.) Пословица приспособлена к новой ситуации неграмотно: морозу не нужно перерастать ни через тын, ни через дуб. Но успех этого текста превосходит все мыслимые и немыслимые показатели.

В более поздних книгах Г. М. Науменко повторяет эти сведения; см., в частности, его «энциклопедию», в которой есть статьи, посвящённые следующим мифологическим персонажам: Снеговика, Снежевиночка, Снежик и студенец, Снежная баба²⁹. Достоверность публикаций 1977 и 2016 г. (и многих других) вызывает большие сомнения. Вот как этот автор репрезентирован на своём сайте: «На страницах сайта представлены работы известного собирателя произведений народного творчества, фольклориста-музыковеда, писателя, члена Союза композиторов России Науменко Георгия Марковича. Он является автором более ста книг, изданных в период с 1974 по настоящее время тиражом более семи миллионов. Здесь Вы найдёте книги по детскому музыкальному фольклору и этнографии с иллюстрациями; аудиосборники для детей (сказки-страшилки озвучены известными актёрами московских театров); аудиокнигу “Волх — победитель духов тьмы” по мотивам славянской мифологии; игры; сказки, стихи о русской природе и временах года; сценарии фольклорных театрализованных праздников, представлений, сказок, пьес с нотами; энциклопедию фольклора; русский танцевальный фольклор и музыкальные инструменты для детей; экспедиционные фотографии; фольклорную азбуку (методику работы по обучению детей народному пению), а также фонограммы с записями произведений детского музыкального фольклора в исполнении взрослых и юных исполнителей»³⁰.

Парафольклорная деятельность Г. М. Науменко могла бы стать предметом специального изучения. Но для нас сейчас важнее иное. На современном этапе снеговик является предметом активных спекуляций массовой культуры, которая интенсивно создаёт новый мифологизированный образ, как, например, снеговик как символ Московского международного хоккейного турнира на приз газеты «Известия» (с 1969)³¹. Массовая культура заинтересована в формировании исторической ретроспекции, повышающей культурную ценность этого образа. Для массовой культуры современная практика хороша; но если она оказывается к тому же старинной, народной, национальной, — достоинства её вырастают в несколько раз.

Благодарю Е. А. Белоусову, чьи советы помогли мне в моей работе.

²⁸ Русские народные поговорки и притчи, изданные И. Снегирёвым: С предисл. и доп. М., 1848. С. 112, 113.

²⁹ См., например: *Науменко Г. М.* Славянская мифология в сказках, страшилках, смешилках. М., 2018. С. 270, 272, 274, 275.

³⁰ Науменко Георгий Маркович. Детский поэтический и музыкальный фольклор | Этнография | Мифология — Творчество — Книги | Аудиокниги | Фонограммы | Фотографии | Сценарии | Хореография. URL: <https://naumenko-gm.ru/index.html>

³¹ *Руд Буллит*. Хоккейному Снеговик — 50 лет. Его придумал (и сам нарисовал) журналист «Известий», соавтор Суперсерии-72 на приз газеты Известия Талисман Снеговик; URL: <https://meshok.net/?related=Приз+Известий+Снеговик+талисман+игрушка+1985+СССР>; <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/rudnev/2664549.html>.

Вадим Лурье

НОВЫЙ ГОД В СЕМЕЙНЫХ ФОТОАРХИВАХ НА ПРИМЕРЕ ЛОКАЛЬНОГО РЕГИОНА (ЛУГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ, УКРАИНА)

Современные исследователи повседневности в основном опираются на материалы, основанные на текстах — воспоминаниях, дневниках, интервью, письмах и подобном. Фотографии чаще всего отводятся иллюстративная, дополняющая роль, и это отчасти справедливо. Но когда собрание фотографий, открыток, различных рисунков из личных архивов становится достаточно большим по объему, визуальный материал можно исследовать как самостоятельный жанр, имеющий свою структуру, типологию, свои законы и правила.

К сожалению, фотографических собраний, включающих в себя именно семейные архивы, не так много.

В официальных архивах повседневность представлена в сильно искаженном виде по причине официальной цензуры и самоцензуры фотографов. К тому же то, что представляется нам сейчас важным для понимания какой-либо локальной культуры, далеко не все ценили и собирали. Но есть важный источник — любительская фотография. В разных странах постоянно «открывают» кого-то из любителей, вводя их фотоархивы в общее культурное поле. В качестве примера можно вспомнить Юрия Галева, учителя из села Вожгора Архангельской области, или Вивиан Майер, няню из Чикаго — их работы становятся важнейшими источниками для понимания культуры, не говоря уже об эстетической стороне их работ. И очевидно, что таких фотолюбителей будет открыто еще немало.

Общая проблема существующих доступных фотоархивов заключается в том, что в основном это архивы государственные, они хранят приемлемую с официальной точки зрения информацию, которая подходила по цензурным и идеологическим требованиям. Как писала Марианна Хирш: «люди, работавшие в колониальных архивах, задаются вопросом — как рассказать историю колонизированных, если архив — это архив колонизатора? Приходится работать с пустотами, но вы можете указать на них, вы все равно можете найти способы реконструировать историю даже там»¹.

Отдельные архивы иллюстрируют истории семей, но, чтобы увидеть более масштабную картину, нужны массивы фотографий из большого числа архивов. Постепенно такие собрания появляются.

¹ Лозинская А. «Есть разница между постпамятью и мобилизацией патриотических чувств»: [Интервью с М. Хирш] // Уроки истории. 2016. 21 окт. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53499>. Дата обращения 10.06.2021.

Фото из архива Кобзарь Н. 1990 г.

Фото из архива Туленева Р. 1970-е гг.

К такому собранию можно отнести и архив, собранный в рамках проекта «Донбасс — семейный фотоархив». Он появился как результат моего взаимодействия с арт-активистами Луганской области. Его цели можно сформулировать как поиск соотношения глобального и локального, частного и общественного; вычленение визуальных сюжетов, маркированных как специфически донбасские; попытка ответа на вопрос, из чего же состоит визуальная память семей, проживавших в одном небольшом регионе.

Возникает вопрос: какой смысл ограничиваться материалом одного региона? Смысл в том, что собрание объединяет фотографии, сделанные в схожей эстетике и образующие цельное культурное явление. Сравнение с фотографиями из других стран и регионов с общим советским прошлым — следующий шаг в изучении материала.

Домашняя фотография была неподцензурна, в ней было что-то от самиздата. Эти фотографии часто не постановочные, живые. Эти архивы содержат очень большой потенциал как художественные и документальные свидетельства жизни обычных людей Донбасса на всем протяжении XX века и очень ценны для нас. При всей неподцензурности, однако, нельзя не заметить, что у «домашних фотографов» были свои каноны, правила съемки, и нельзя считать их кадры кадрами отстраненного постороннего

Фото из архива Кобзарь Н. 1960-е гг.

фотографа-профессионала. Своя самоцензура (основанная на цензуре коллектива) у непрофессионалов тоже присутствовала, далеко не всё становилось предметом съемки, не всё сохраняли в альбомах. Неизбежный парадокс фотографа: если ты чужой на съемке, то ты снимешь отстраненно, но тебе не откроются те, кого ты снимаешь. А если ты свой, то будет доступно больше — сюжетов, эмоций, но большая вовлеченность в групповую деятельность не позволит увидеть важные, но примелькавшиеся детали.

Несколько слов об истории проекта и истории мест, где фотографии были собраны. В 2018–2019 гг. силами некоммерческой организации Арт-резиденции «+/-» (Украина) и автора этих строк (я выступал как независимый исследователь) были предприняты три экспедиции на Донбасс, в Луганскую область Украины. Агломерация из нескольких городов и поселков представляет собой подходящее место для изучения советской и постсоветской повседневности. Город Лисичанск (образован в начале XVIII века) — «колыбель Донбасса», именно здесь было открыто месторождение угля. Соседний Северодонецк, возникший в 1934 г., — моногород, в нем находится ранее известное во всем Советском Союзе предприятие «Азот». Рубежное — город химических НИИ. За XX век в этих городах перемешалось местное украинское и приехавшее для освоения Донбасса население, городское и сельское, образованное и рабоче-крестьянское, украино- и русскоязычное.

Всего за период этих трех экспедиций было оцифровано 50 архивов (14 948 файлов). На практике стало понятно, что понятия «домашний архив» и «фотоархив»

Фото из архива Дружбина О. 1960-е гг.

Фото из архива Артемов Г. М. 1968 г.

применительно к нашему материалу практически тождественны. В альбомах или отдельных пачках, в конфетных или обувных коробках вместе с фотографиями хранятся различные письма, открытки, пропуска на работу или в учебные заведения, грамоты, газетные вырезки, детские рисунки; в одном из таких архивов мне попался даже кусочек пеленки с именем ребенка. Хотя обычно исследователи эго-документов считают таковыми письменные источники, вполне можно включить в их состав и фотографии из личного архива, особенно если они подписаны или имеют расширенные подписи на обороте². Моя собирательская задача заключалась в том, чтобы скопировать совершенно все, включая фотографии плохого технического качества. Практически всегда это удавалось сделать, и это не вызывало неприятия владельца архива. Никаких выборок, субъективных отборов: «это надо — это не надо». Единственное, чем мы себя ограничили, — это временной период. В начале 1990-х люди перешли на «мыльницы», снимающие на цветную пленку, и это в корне изменило культуру, эстетику и стилистику фотоальбомов. Таким образом, верхняя граница нашего архива — середина 1990-х годов. Всё снятое до этого времени мы копировали целиком,

² Эго-документы чаще всего описываются как «источники личного происхождения». См., например: Голубинов Я. А. Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. С. 1–9. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.12.31568 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31568.

Фото из архива Винокурова Е. 1950 г.

практически без лагун. Ведь только имея в базе данных весь материал фотоархива, можно делать достоверный статистический анализ, касающийся содержания архива. Из массива исключались только копии.

После обработки (заклучавшейся в обрезке фона и выправлении баланса белого) и исключения дублей все файлы помещались в специализированную базу данных, и там им присваивались теги. Я разметил их согласно темам, сюжетам и содержанию (например: «фото детей в ателье», «школьные фото», «свадьба», «служба в армии», «портрет одиночный/двойной/групповой/мужской/женский», «фото с текстом на обороте», «советский праздник», «похоронное фото» и т. д.).

Собранные архивы имеют разный объем: от двух с небольшим десятков до 700 изображений. Фотографии хранились как в альбомах, в которые аккуратно вклеивались, так и в пачках, в конвертах и коробках; имели разный уровень технического и художественного качества. Владельцами архивов были обычные люди, некоторые — из учителей или технической интеллигенции.

Кроме того, были скопированы три собрания: домашний архив бывшего городского фотографа, архив школы (г. Рубежное) и Центра детско-юношеского технического творчества (г. Лисичанск). В двух последних представлены визуальные образы детства, школы, пионерии, официальных социальных практик с точки зрения самих этих институций, т. е. «официальный» взгляд, но изнутри самого сообщества.

Фото из архива Печений Ю. 1980-е гг.

По ходу работы, во-первых, стали очевидны особенности работы с архивом, который собирается непосредственно в поле, а не является выборкой «лучшего». Во-вторых, стала более-менее понятна содержательная специфика донбасского архива. В-третьих, были обнаружены сюжетные и визуальные особенности региона — луганской части Донбасса.

Все мы имеем представление о том, из чего состоит усредненный семейный фотоархив: его содержание достаточно универсально. Детство, школа, служба в армии, свадьба, календарные события и элементы семейной обрядности. Но детальное исследование, анализ фотоснимков разных сюжетов, мужских и женских портретов и мн. др., внимание к локальным деталям — всё это позволяет узнать, что составляет коллективную память жителей конкретного региона³.

Архив позволяет проследить как глобальную историю большой страны — с войнами, индустриализацией и т. д., так и личную — историю конкретной семьи, и локальную — историю территории, которая всегда была местом пересечения наций, культур и государств — своеобразным фронтиром. Из полученного материала видно и то, что Донбасс — место встречи сельской украинской традиционной и городской, промышленной культуры переселенцев из разных мест. В архивах сталкиваются и соединяются сюжеты и мотивы советского, украинского и регионального — донбасского, создавая неповторимое визуальное полотно.

³ Лурье В. Ф. Из семейных архивов жителей Донбасса // Живая старина. 2019. №4. С. 46–50.

Фото из архива Деркач П. 1961 г.

Фото из архива Ходыко Л. Н. 1960-е гг.

Ожидаемо, бóльшая часть фотографий относится к 1960–1980-м годам — времени расцвета фотолюбительства.

Можно говорить об особой эстетике фотографии, сделанной в ателье. Фотографы-профессионалы следовали общим культурным трендам съемки, при этом часто старались выделиться, используя оригинальный антураж, свои фирменные фоны, игрушки для детей и т. д. Даже при наличии собственного фотоаппарата люди ходили сниматься в фотоателье (надо сказать, что эта традиция частично сохранилась и сейчас: в ателье приходят не только для того, чтобы сфотографироваться на документы). Канону, созданному ателье, следовали и некоторые фотолюбители: минимализм, отсутствие отвлекающего постороннего фона, даже если фото делали на улице, постановка фигур и общая композиция кадра.

Распространенной была техника впечатывания портрета в затейливо сделанный коллаж — создание своей открытки. Чаще всего так оформлялись приглашения на свадьбу или день рождения и открытки из армии (портрет на фоне символов рода войск). Эта техника выполняла роль современной оперативной печати с элементами фотошопа.

Праздники и различные памятные дни практически всегда сопровождались фотосъемкой, и в домашних фотоархивах таких снимков много. Праздники были как государственные, так и частные, семейные. Зачастую они переплетались и объединялись между собой. Например, после официальной уличной демонстрации 1 мая

Фото из архива Троцкой Н. 1980-е гг.

или 7 ноября люди собирались за домашними столами — и совсем не для выражения политической позиции. Причем 1 и 9 мая такие застолья могли проходить на природе сразу после демонстрации.

Кроме различия по осям «частное» и «общественное» (которые, как видно из материала, могут и пересекаться), есть отличия по тому, где проживает семья фотолюбителя. Семьи и небольшие коллективы по-разному коммуницируют между собой в селах и городах. Очевидно, что село общается внутри себя гораздо теснее, и это подтверждают фотографии различных праздников и объединяющих людей событий (например, похороны). В селе фотограф сам становится актором, объединяющим отдельные семьи между собой — фотографируя и распространяя карточки совместных трудовых или праздничных, памятных событий, детских праздников и так далее. Фотолюбитель, активно снимающий окружающую жизнь, являющийся «своим» для тех, кого он снимает, видит гораздо больше, чем любой профессиональный документалист, к которому не испытывают доверия. При этом, конечно, любителям может не хватать рефлексии и отстраненности, не говоря уже о часто более слабой технической стороне съемки. Роль фотолюбителя, раздающего друзьям и родственникам фотографии, формирующего общую память о прошедших событиях в небольших сообществах, нуждается в отдельном исследовании.

В этой публикации я хочу остановиться на снимках, связанных с празднованием Нового года, и представить различные типы таких фотографий.

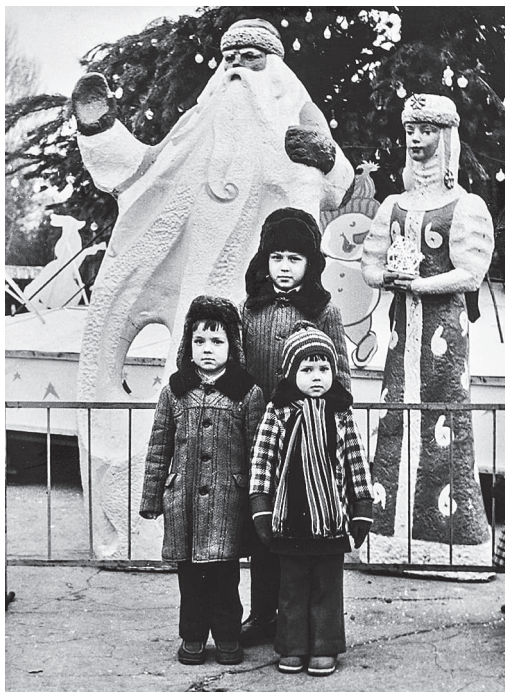

Фото из архива Цирюк А. 1970-е гг.

Фото из архива Невеицкой Ю. 1970-е гг.

Новый год — главный общий семейный праздник. Он зафиксирован в архивах во всех возможных вариациях — в детских учреждениях, дома, в гостях, на улицах города. В советское время это был самый неидеологизированный общественный праздник, тем не менее, фотографии фиксируют в детских учреждениях обязательную советскую символику. Главный персонаж новогодних фотографий — это ребенок, дети.

Есть одно важное отличие новогодних портретных фотографий от других, сделанных вне календарного цикла. Чаще всего идея «обычного» портрета заключена в том, чтобы показать человека вне места и времени, дать его лицо крупным планом или зафиксировать во вневременном антураже фотоателье. Фотография новогодняя, напротив, дает указание на время и место съемки. И эти кадры становятся истинной хроникой семейной жизни, а не просто портретной галереей.

В архиве на 14 948 файлов фотографий, которые можно отнести к новогодним, — 417 (около 2,8%). При анализе этого массива можно вычленить следующие типы снимков.

1. Новогодний портрет ребенка (детей) в новогоднем антураже — у ёлки или с Дедом Морозом и (или) со Снегурочкой. Иногда фотографии делали в фотоателье. Маленькие дети могли фотографироваться со взрослыми. Сами взрослые отдельно обычно у ёлки не снимались. Новогодние снимки детей часто подписаны на обороте: там писали год и возраст ребенка. Например, «2 года 6 месяцев 1964 год» или «Аленька в детском садике на Новый год. 5,5 лет, 1987 год».

2. Общий семейный портрет за новогодним столом или около ёлки. Важный артефакт семейной хроники. Зачастую важное место на фотографиях занимал стол с новогодними угощениями и показывался интерьер квартиры. Эти фото (как и детские) посылали родственникам и друзьям в другие города, они должны были продемонстрировать семейный достаток.

3. Другой тип семейной новогодней фотографии — самодельная фотооткрытка. Обычно при их изготовлении брался некий фон из тиражной открытки и впечатывалось лицо адресанта. Более редкий пример — съемка в ателье с надпечатыванием поздравления.

4. Подтип новогодней открытки — открытка от военнослужащего срочной службы. При том, что очень часто служба проходила вдали, в закрытых и отдаленных от цивилизации местах, бриколажная открытка была способом напомнить о себе друзьям и родственникам оригинальным способом.

5. Фотосъемка в учреждениях культуры и образования — практически обязательный сюжет проходящего праздника, особенно, конечно, в детских садах, школах и домах культуры. Иногда фото сделаны в репортажном стиле — скорее всего, их делали родители. Торжественная общая фотография — чаще всего дело рук профессионального фотографа.

6. Более редкий жанр новогодних снимков — фотографии, сделанные на улицах города. Фотолюбители вообще меньше снимали на улицах, чем в помещениях, и здесь не последнюю роль играла общая закрытость общества. Но в период праздников (например, в дни демонстраций или новогодних праздников) уличная фотосъемка легитимировалась, так как показывала позитивные эмоции и достижения государства, и фотолюбители чувствовали себя смелее.

Важно помнить, что фотография, помимо фиксации семейных сюжетов, имела коммуникативную функцию. Из надписей на фотографиях понятно, что они подарены кем-то владельцу архива. Соответственно, и хозяин архива ходил в ателье делать свои портреты для того, чтобы дарить их друзьям и подругам, и чтобы в семье сохранялась память о людях и событиях. Мы наблюдаем ситуацию диалога, выражающуюся в обмене фотографиями (с текстами и без них). И семейный альбом сразу перестает быть просто поступательной развивающейся хронологической историей семьи. Такая линия в нем остается, но многократно усложняется через дополнение различными параллельно развивающимися историями. А в семейных альбомах год за годом клеивались новые фотографии взрослеющих детей.

Аркадий Гольденберг

СВЯТОЧНЫЙ ХРОНОТОП В СИСТЕМЕ ГОГОЛЕВСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ

Давно замечена связь поэтики ранних произведений Гоголя с народным праздничным календарем, который играет в его творчестве заметную роль. Календарь народных праздников принадлежит к числу ключевых универсалий традиционной славянской культуры. «Будучи христианским по составу праздников, — замечает С. М. Толстая, — народный календарь остается мифологическим по своему содержанию. Даже крупные церковные праздники могут в народном восприятии утрачивать свой канонический христианский смысл»¹. С народным календарем неразрывно связана семантика художественного времени у Гоголя. Уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» фольклорные и церковные *хрононимы*, т. е. имена собственные точек и отрезков календарного времени, становятся не только названиями, но и сюжетными хронотопами гоголевских текстов. Их действие разворачивается на фоне или в преддверии праздника («Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством») или в особом праздничном локусе («Сорочинская ярмарка»).

Гоголевские праздники, по М. М. Бахтину, — явление смеховой карнавальной культуры. «Праздник, — писал он о сюжетной организации повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки», — связанные с ним поверья, его особая атмосфера вольности и веселья выводят жизнь из обычной колеи и делают невозможное возможным (в том числе и заключение невозможных ранее браков)»². Иными словами, праздник у Гоголя — это время нерегламентированного веселья, пространство абсолютной свободы.

Однако природа народного праздника далеко не столь однозначна. Неотъемлемой частью свадебных сюжетов раннего Гоголя является прямое или косвенное участие в них выходцев с «того» света, приуроченное к определенным праздничным хронотопам.

В своей книге о русских аграрных праздниках В. Я. Пропп убедительно показал, что «между основными праздниками, при всех их отличиях, имеется ясно ощутимое сходство»³. Ключевой мифологемой календарного праздника была идея умирания /

¹ Толстая С. М. Праздник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 239.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 485.

³ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 22–23.

воскресения природы, идея вечного круговорота жизни. Она определяла как прагматику народного обряда, так и его формальную организацию. Ученый обратил особое внимание на тесную связь календарных народных праздников с обрядами поминовения усопших. Они, по его наблюдениям, «имеют место во время святок, на масленицу, на Троицу, в радуницу и в некоторые другие сроки»⁴.

В поминальных обрядах общение покойных предков и их потомков носило амбивалентный характер: «это одновременно и почитание, умиловивление, и страх, опасение, охранительные действия, изгнание»⁵. Праздники были временем размыкания границы между миром живых и миром мертвых, активизации нечистой силы и интенсивного общения с усопшими родственниками. Оно было строго регламентировано поминальными днями, за пределами которых несло опасность миру живых. Особый страх вызывали умершие не своей смертью или похороненные с нарушением обряда «заложные покойники», попадавшие вследствие этого в услужение нечистой силе. С ними связан генезис большей части демонологических персонажей славянского фольклора.

Поэтому сакральное время праздника было не только веселым, но и чрезвычайно опасным для человека. «По народным представлениям, все праздники опасны, и чем крупней и “святей” праздник, тем он опаснее <...> Праздников люди боялись не меньше, чем нечистой силы»⁶.

Наиболее распространенным среди народных обозначений праздников был хрононим «Святки». Так называли дни после главных церковных и народных праздников — Рождества, Пасхи, Троицы, Ивана Купалы. Рождество и Иван Купала относились к «межевым» праздничным дням, связанным с зимним и летним солнцестоянием и обозначающим середину каждого из полугодовых периодов. Перед ними «происходит нечто вроде открытия земли, преисподней, из которой вылезает вся нечисть, особенно опасная по ночам <...> Святки, близкие по времени к зимнему солнцевороту, перекликаются по обрядности и верованию в бесчинство нечистой силы с днем или, точнее, ночью накануне праздника Ивана Купалы»⁷.

Зимний святочный цикл, включающий Рождество, Новый год и Крещение, отличался своей универсальностью. И не только потому, что в его структуре произошло органичное наложение языческого и церковного календаря. Значительная часть обрядовых действий во время других календарных праздников (обходы, ряженье, смеховые похороны, поминовение усопших и др.) является заимствованием и перенесением зимних Святок. Не менее универсальную роль играют святочные мотивы в гоголевских текстах. По народным поверьям, зимние Святки считались «опасными» днями как время наибольшего разгула демонических сил, потому что «Бог, радуясь рождению Сына, выпускает с “того света” души умерших и всех чертей

⁴ *Пропт В. Я.* Русские аграрные... С. 22.

⁵ *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 148.

⁶ *Толстая С. М.* Праздник. С. 239.

⁷ *Толстой Н. И.* Времени магического круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 22, 23.

на волю <...> черти вредят людям уже в рождественский вечер; тогда “нечистые прилетают на землю, ведьмы скрадывают месяц и звезды”⁸. В повести «Ночь перед Рождеством» они, в точном соответствии с этими мифологическими представлениями, посягают не только на душу человека, но и на весь Божий мир, похищая с неба звезды и месяц. Содержательный анализ повести как «образцового святочного рассказа, блестяще воссоздающего атмосферу праздничного времени и специфику традиционного народного мирозерцания», принадлежит Е. В. Душечкиной⁹.

Мифологические представления о рождественских святках как времени разгула нечистой силы проявляются и на уровне гоголевского стиля. Описание пекла, в которое попадает герой повести «Пропавшая грамота», начинается с характерного хронотопического сравнения: «Ведьм такая гибель, как, случается, иногда на Рождество выпадет снегу»¹⁰.

В сюжетном хронотопе повести «Майская ночь, или Утопленница» молодой Гоголь художественно переосмыслил полученные от родных сведения о примыкавшей к Троице Русальной неделе, которую в народе именовали «Зелеными Святками». Этот хрононим, судя по материалам «Книги всякой всячины», был писателю хорошо знаком (IX, 540). В рукописном сборнике «Песни, собранные Гоголем» есть украинская троицкая песня, которая начиналась обрядовой формулой: «Ой, завью винки да на вси святки, / Ой, на вси святки, на вси празднычки» (XVII, 88). Троица повсеместно считалась днем поминовения усопших. В канун Троицы поминали утопленников, а в конце Русальной недели совершался обряд «проводов / похорон русалки». Так, в Полесье вся эта неделя была посвящена утопленникам¹¹. Главная опасность в это время исходила от русалок: их «всягды боялися, ёни шо хатели, то и рабили на траецких святках»¹². Гоголевская запись «О мавках, малороссийских русалках» в его рукописной «Книге всякой всячины» содержит подробный рассказ о тех опасностях, которые подстерегают человека при встречах с русалками (IX, 541–542). Сюжет о печальной судьбе девушки, не сумевшей отгадать загадки русалки, лежит в основе троицкой песни «Ой, бижыть, бижыть мила дивчинка», имевшейся в гоголевском рукописном сборнике народных песен (XVII, 87). В повести писателя этот песенный сюжет перевернут: угадавший ведьму Левко получает от русалки-панночки награду.

Однако ни троицкие, ни русальские обряды в «Майской ночи» прямо не отразились. Гоголь, по наблюдению Е. Е. Дмитриевой, перемещает здесь в другой календарный период некоторые компоненты зимних святок: вывороченные тулупы парубков, «размалеванная рожа» Левка — это элемент святочного ряжения, связанного в народном сознании с потусторонним миром. Более того, русалка-панночка

⁸ *Виноградова Л. Н., Плотникова А. А.* Святки // Славянские древности. Т. 4. С. 585–586.

⁹ *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ. Становление жанра. СПб., 1995. С. 117.

¹⁰ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М., 2009–2010. Т. I. С. 160. Далее Гоголь цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках его тома и страниц.

¹¹ *Агапкина Т. А.* Троица // Славянские древности. М., 2012. Т. 5. С. 323.

¹² *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005. С. 249.

выступает у Гоголя в роли сказочного чудесного помощника, а не опасной нечистой силы. Народным представлениям о посмертной судьбе русалок противоречит, по мнению исследовательницы, и пожелание Левко «доброй и прекрасной панночке» жизни в раю¹³: «Пусть тебе на том свете вечно усмеется между ангелами святыми!» (I, 153).

Этот вывод комментатора повести, на наш взгляд, требует уточнения. Образ русалки в традиционной народной культуре носит амбивалентный характер, который связан с представлением о том, что «русалки вредят нарушителям ритуальных запретов, характерных для троицко-русального периода, и помогают тем, кто почитает их праздник и соблюдает все предписанные традицией нормы поведения»¹⁴. Особый интерес представляют фольклорные свидетельства двойственного понимания природы русалок как «нечисти» и как «праведных, безгрешных душ». Местами их постоянной локализации на «том свете» называют «небо, рай, кладбища, могилы, куда они уходили после Русальной недели, или воду, море — как границу между “тем” и этим светом»¹⁵. Иными словами, отказавшись от прямого приурочивания действия «Майской ночи» к конкретному календарному празднику, Гоголь, тем не менее, сохранил мифологический контекст троицких Святков, играющий в повести сюжетообразующую роль.

По степени опасности коррелирует с зимними Святками праздник Ивана Купалы, когда справляет свои «святки» нечистая сила. В это время, согласно фольклорной записи, сделанной в Полесье, «нечистики там бегают»¹⁶. Для купальских дней характерны ритуальные ночные бесчинства. «Кажется неслучайным, что в Полесье бесчинства чаще всего приурочены к рождественскому <...> и купальскому циклу, т. е. к двум наиболее “опасным” отрезкам годового времени <...>, отмеченным <...> разгулом нечистой силы»¹⁷.

В сюжетном хронотопе повести «Вечер накануне Ивана Купала», завершающейся гибелью главного героя, явственно нарушен праздничный регламент. Большинство обрядовых действий на Ивана Купалу имело охранительный и очистительный характер: сбор лечебных трав и цветов, плетение венков, ночные бесчинства, прыжки через костер, обливания, выслеживание ведьмы и уничтожение ее чучела. Герой повести, отправляясь ради любви к Пидорке на поиски «нечистого» клада, демонстрирует обрядовое антиповедение: он вступает в сговор с нечистой силой и вместо изгнания ведьмы подчиняется ей, убивая невинного Ивася. Показательно, что превращение потерявшего память Петра в «кучу пеплу» происходит в купальский вечер ровно через год, когда в его доме появляется ведьма. Уничтожение ведьмы как купальский обряд и упоминание Хомой Брутом при встрече со старухой Петрова

¹³ Дмитриева Е. Е. Комментарии // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2001. Т. 1. С. 748–749.

¹⁴ Виноградова Л. Н. Народная демонология. С. 157.

¹⁵ Виноградова Л. Н. Народная демонология. С. 156.

¹⁶ Толстая С. М. Полесский народный календарь. С. 223.

¹⁷ Толстая С. М. Полесский народный календарь. С. 394.

поста, которым заканчивалась Русальная неделя, сближает время действия «Вия» и «Вечера накануне Ивана Купалы»¹⁸.

В сфере святочных хрононимов, активно используемых Гоголем, включен Филипповский, или Рождественский пост. В поминальный день перед ним отмечали «Святки для покойников». Первая встреча Василисы Кашпоровны с новорожденным племянником происходит, как вспоминает она в разговоре о покойных родителях Ивана Федоровича Шпоньки, «когда приехала на самое пущенье, перед Филипповкою, и взяла было тебя на руки, то ты чуть не испортил мне всего платья <...> Такой ты тогда был гадкий!..» (I, 258).

В сборнике «Миргород» актуализирована христианская семантика этого хрононима. В судебной жалобе Ивана Никифоровича из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» звучит травестированный мотив святочного жертвоприношения. Одно из преступлений «богомольного», по характеристике повествователя, Ивана Ивановича заключается в том, что «накануне Филипповки сей богоотступник купил барана и на другой день велел резать своей незаконной девке Гапке, оговариваясь, аки бы ему нужно было под тот час сало на каганцы и свечи» (II, 477).

Но особую значимость Филиппов пост получает в «Мертвых душах». В главе о Коробочке, в противовес летнему пейзажу, автором настойчиво вводятся календарные приметы зимних Святков. При первой встрече помещицы с Чичиковым в ее речи неожиданно появляются зимние образы: «В какое это время вас Бог принес! Сумятица и вьюга такая...» (V, 45). Приглашая Чичикова после договора о продаже мертвых душ вновь приехать к ней за покупками, помещица приурочивает их к святочному циклу народного календаря: «У меня о святках и свиное сало будет <...> У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья» (V, 57).

Введение в поэму этих хрононимов актуализирует святочный контекст в «Мертвых душах» и указывает на тесную связь их мифопоэтики с календарной поминальной обрядностью. Осенний Филиппов пост непосредственно предшествовал Рождеству / Святкам и входил в цикл важнейших годовых поминальных дней, посвященных *всем умершим предкам*¹⁹.

Разговору с Чичиковым о мертвых душах предшествует сцена обильного угощения гостя блинами: «<...> нужно его задобрить: теста со вчерашнего вечера еще осталось, так пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы также загнуть пирог пресный с яйцом <...>» (V, 55). Блины — неотъемлемый атрибут поминального стола годового календарного цикла. В книге известного этнографа И. М. Снегирева «Русские народные праздники и суеверные обряды» (1839), подробный конспект которой сохранился в бумагах Гоголя, есть описание осенних родительских дней и способов общения крестьян с душами предков, для которых в эти дни — цитирую по гоголевскому конспекту — «поселяне пекут пироги, блины» (VIII, 560). Недаром

¹⁸ См.: Денисов В. Д. Примечания // Гоголь Н. В. Миргород (Литературные памятники). СПб., 2013. С. 479.

¹⁹ См.: Толстая С. М. Полесский народный календарь. С. 80.

Коробочка пытается «задобрить» этими блюдами Чичикова, играющего роль посредника между миром живых и миром мертвых.

Если говорить о типологических связях с народным календарем, то, совершая объезд помещиков для приобретения мертвых душ, Чичиков, как было нами отмечено, воспроизводит структурную схему обрядовых обходов, связанных со святочным обрядом колядования и лежащим в его основе дарообменом — вознаграждением хозяевами дома за песенные благопожелания колядовщиков, выступающих от лица предков. В своей травестийной ипостаси этот святочный архетип представлен во всех диалогах с помещиками, кроме главы о Ноздре, предложившего иной тип обмена. И если Манилов отдает своих покойников даром, то в остальных случаях дарообмен носит товарно-денежный характер, формально сохраняя верность обрядовому регламенту²⁰.

Однако у Гоголя происходит чудовищный разрыв формы и мифологического содержания обряда. Ведь «главная задача всей поминальной обрядности — окончательное восстановление четких границ между миром живых и миром мертвых»²¹. Приобретая мертвые души, которые на бумаге «будут прописаны как бы живые» (V, 51), Чичиков не только отторгает от мира мертвых его часть, но и ставит под сомнение онтологический статус их владельцев, принадлежность персонажей поэмы миру живых. Только после смерти прокурора, умершего из-за толков о мертвых душах, «с соболезнаванием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал» (V, 203).

Столь осязаемое присутствие в системе гоголевских универсалий святочного хронотопа как элемента поминальной обрядности указывает на его тесную связь с онтологией гоголевского творчества, центральной проблемой которого была оппозиция бытия и небытия, живой и мертвой души.

²⁰ См. подр.: Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. 7-е изд., испр. М., 2021. С. 20–22.

²¹ Алексеевский М. Д. Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 246.

Владислав Кривонос

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ ЛЕСКОВА

В декабре 1887 г. в издававшихся П. А. Гайдебуровым «Книжках Недели» появился рассказ Лескова «Грабеж», первоначально предназначавшийся для «Русской мысли». Именно издателю этого журнала, с которым Лескова связывали дружеские отношения¹, он предлагал в письме от 24 ноября свой «святочный рассказ»: «...по жанру он бытовой, по сюжету — это веселая путаница; место действия — Орел и отчасти Елец. В фабуле был перемешана с небылицею, а в общем — веселое чтение и верная бытовая картинка воровского города за шестьдесят лет назад...»². Однако ответ В. М. Лаврова запоздал, так что писатель вынужден был потом объясняться по поводу возникшего «недоразумения» (XI, 361).

Лесков был связан с Орловской губернией биографически, родился и вырос здесь, в 1847–1849 гг. служил в Орловской палате уголовного суда и имел возможность не только наблюдать изнутри здешние порядки и нравы, но и осознать их внутреннюю связь с парадоксами провинциальной жизни и характерными для нее человеческими типами. Речь идет не об исключительных типах «праведников», а скорее о распространенных типах «грешников», то есть типичных уездных и губернских обывателях, с их укорененными в изображаемой местности *почвенными* чертами.

Изображая *веселую путаницу* в раме *верной бытовой картинки*, Лесков ориентировался на святочные тексты «с забавным и неожиданным концом», когда «вдруг обнаруживается, что опасность была мнимой и герои оказываются в смешном положении», что отвечает «установке на истинность»³. Именно такой в «страшном и одновременно смешном рассказе “Грабеж”»⁴ и предстает поведенная «старым орловским купцом» история, произошедшая «лет за пятьдесят» до взволновавших город разговоров «о воровстве в орловском банке, дела которого разбирались в 1887 году

¹ См.: Баскаков В. Н. В. М. Лавров // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 262. «С 1886 года его ищет и никогда уже больше не отпускает либерально-эклектичная “Русская мысль”...» (Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памяти: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 351).

² Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. XI. С. 359. Далее ссылки с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами приводятся в тексте.

³ Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995. С. 186.

⁴ Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. С. 192.

по осени», в которой доказывается, что «и честные люди грабят», когда «подойдет воровской час» (VIII, 112).

Предметом истории, рассказанной, что принципиально важно, не человеком со стороны, приедем из столицы, а непосредственным участником события, орловским уроженцем и старожилом, чьи матушка и тетенька «были из Ельца и там, в Ельце и в Ливнах, очень хорошее родство имели» (VIII, 113), и становится истинный «случай, когда честный человек другого человека ограбил» (VIII, 112).

Персонажи лесковского рассказа отмечены не только «своей профессией, своим социальным или национальным знаком»⁵, но и знаком своего места, что определяет специфическую роль здесь *местного* колорита (в смысле тождества человека его месту). Между тем антропологизация места в рассказе имеет свои особенности, поскольку действие разворачивается в Орле, а главными действующими лицами оказываются, кроме героя-рассказчика, его дядя, Иван Леонтьич, елецкий купец и «ктитор», то есть церковный староста, который «вдруг привалил на святках», как выясняется, «по церковному делу», так как в храме елецком «на самый первый день праздника дьякон оборвался» (VIII, 117) и надо найти ему замену, и Павел Мироныч Мукомол, «первый прихожанин», очень приверженный «ко храму», который, будучи женатым на «московской богачихе» и сам «при огромном своем капитале», «для церковной надобности все оставил и полетел» (VIII, 118).

Для сюжетной интриги существенным становится не просто неожиданное посещение елецкими купцами Орла (один «вдруг привалил», а другой «все оставил и полетел»), но столкновение двух миров, губернского и уездного⁶. Речь, однако, не о попытке вторжения *чужого* мира в *свой*⁷, в *принципе традиционной для сюжетики святочного рассказа*⁸.

Мир елецкий не является для мира орловского чужим: к этим двум мирам принадлежат матушка и тетенька героя-рассказчика, миры эти прочно соединены родственными связями, так что если матушка и страшится разрешить братцу взять племянника в провожатые (на чем братец настаивает, боясь орловских воров), то потому только, что «не оглянешься, как и сумерки, и воровской час будет», а сынок «в вечернее время никуда выходить не обык» (VIII, 120), но все же поддается на увещевания, поскольку «не в одном Ельце уважают родственность» (VIII, 121).

⁵ Эйхенбаум Б. М. «Чрезмерный писатель» // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969. С. 341.

⁶ Про Лескова было сказано, что «уездный и городской миры в повестях этого автора постоянно противостоят друг другу», выражая убеждение писателя, «что уездный мир — мир почвенно русский» (*Каухчишвили Н. Провинция в некоторых повестях Н. С. Лескова // Русская провинция: Миф — текст — реальность. М.; СПб., 2000. С. 235*). Уточним, что в рассказе «Грабеж» «почвенно русским» изображается и мир Орла, губернского города, так что у противостояния миров здесь все же другой смысл.

⁷ В таком аспекте рассматривается столкновение миров в «Грабеже»: *Каухчишвили Н. Провинция в некоторых повестях Н. С. Лескова. С. 236*.

⁸ Ср.: *Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. С. 116*.

Родственность — это черта не только орловского или елецкого, но вообще *провинциального* типа жизни⁹. В рассказе Лескова сталкиваются, следовательно, не *свой* и *чужой*, а близкие и сходные *провинциальные* миры, действительно обладающие *родственными* чертами, но прежде всего в исключительно важном для *фабулы* смысле. Дело в том, что Орел и Елец — это города *воровские*.

Матушку удивляет сердитый вопрос дяди, отчего это они, «как тетери, днем закупились»:

— Разве вы, — говорит, — братец, не знаете, какое у нас орловское положение? Постоянно с ворами, и день и ночь от полиции запираемся.

Дядя отвечает, что это у всех одно положение: Орел да Кромы — первые вору, а Карачев на придачу, а Елец всем ворам отец (VIII, 117).

Поговорка между тем не столько уравнивает *положение* городов, сколько отражает главенство Ельца над Орлом, выражая представление о Ельце как центре *воровского* мира. *Мужская* природа как *воровского* Орла, так и *воровского* Ельца противоречит традиционным мифологическим представлениям о «женской природе города»¹⁰, мотивируя brutальный характер что елецкого *первого прихожанина*, сильнее которого «ни в Ельце, ни в Ливнах кулачника нет» (VIII, 118), что «орловских молодцов» (VIII, 133), хотя именно «елецкие купцы любят перед орловскими гордиться и в компании часто бывают воители» (VIII, 113). Но елецкий топос не просто *мужской* и *воровской*, но еще и *отцовский*, что подчеркивает особый пространственный символизм места¹¹.

Елец — это символический «отец» *всем ворам*: такова мифология этого города, распространяющего по всему миру свои *разбойничьи* повадки и нравы¹². Мифологизация Ельца как *воровского* города — это одновременно и его сакрализация как центра *воровского* мира¹³, но сакрализация с обратным знаком, поскольку *воровской* мир — это мир *перевернутый*, антимир.

Дядя говорит сестрам, что должны они «с нашим первым прихожанином» дьякона «выбрать у вас промежду всех одного самого лучшего» (VIII, 118). А чтобы понятнее было, почему *самый лучший* дьякон нужнее в Ельце и что означает *выбрать*, объясняет:

Мы с ним приехали на живую минуту, чтобы обобрать в свою пользу, что нам годится, и уехать.

Матушка с тетушкой опять ахнули.

⁹ «Тут все друг с другом связаны и даже в родстве, все являются как бы членами одной большой семьи» (Отрадин М. В. Роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Русская литература. 1993. №4. С. 35).

¹⁰ Неклюдов С. Ю. «Баба идет — красивая, как город...» // Живая старина. 1994. №4. С. 8.

¹¹ См. о символическом характере центра в мифах: Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / Пер. с фр. СПб., 1998. С. 32–33.

¹² *Вор* в старом значении и означал *разбойник*. См.: Даль В. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. (Репринтное воспроизведение изд. 1903–1909 гг.). М., 1994. Т. 1. Кол. 595.

¹³ Ср.: «Вор — “король”, правитель, фигура сакральная...» (Ефимова Е. С. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. М., 2004. С. 82). Приведенная формулировка «типологична» и отражает устойчивое представление, характерное не только для нашей современности.

— Что ты это, братец, зачем такое страшное шутишь!

Дядя еще веселее рассмеялся.

— Эх вы, — говорит, — вороны-сударыни, купчихи орловские! У вас и город-то не город, не то пожарище — ни на что не похож, и сами-то вы в нем все как копчущики в коробке заглохли! Нет, далеко вам до нашего Ельца, даром что вы губернские. Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок, а у вас что и есть хорошего, так вы и то ценить не можете. Вот мы это-то самое у вас и отберем (VIII, 119).

Еще одна поговорка, приобщив Елец к древней столице как ее знаменательную часть, *уголок*, акцентирует не одну лишь мифологическую природу елецкого места, соответствующего мифологическому образу города, но и свойства мифологического места как такового¹⁴. Подобное место обладает способностью мигрировать вместе с человеком этого места, будучи отражением «пространства в человеке и человека в пространстве»¹⁵.

Так, дядя и в Орле ведет себя «по-елецки» (VIII, 146), пригрозив *воронам-сударыням*, что если не отпустят с ним племянника, хотя «родной дядя всегда может племянником руководствоваться» (VIII, 120), то «я сам его у вас из-под крыла вышибу» (VIII, 121). Манера шутить *страшное* выдает в нем *воителя*, всегда готового и *вышибить*, и *обобрать*, и *отобрать*, словом, продемонстрировать свойства человека, тождественного своему *страшному* месту.

В рассказе многократно встречается *самоназвание* этого места («были из Ельца», «там, в Ельце», «не в одном Ельце», «нашего Ельца», «наш Елец», «у вас в Ельце», «у них в Ельце», «у нас в Ельце», «они в Ельце» и т. д.), что служит значимым признаком «территориального текста»¹⁶. Но происходит давление не только данной территории на человека, но и человека этой территории на другую территорию — и именно через человека одна территория *давит* на другую. Елец мигрирует вместе с «елецкими», которые навязывают орловской реальности не только свои *шутки*, но и представление о своем городе¹⁷.

Представление о Ельце включает в себя представление о «самодостаточно-сти»¹⁸ *уезд-городка*, почему он не только не пасует перед губернским центром,

¹⁴ На «мифологическую природу» *провинциального текста* как раз и указывает «поговорка, которая известна во множестве вариантов. “Тверь-городок — Москвы уголок”, но на месте Твери стоят в разных записях Тула, Коломна и т. д. Это созданный самим провинциалами образ “милрой провинции”, повышенной в своем статусе благодаря сопричастности столице. Вместе с тем — это неосознанное самими провинциалами воспроизведение общего — мифологического — места, это миф о Твери, Туле, Коломне, а вовсе не реальный образ того или иного города» (Строганов М. В. Две заметки о локальных текстах // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 484).

¹⁵ [Цивьян Т. В. От публикатора.] Воспоминания А. А. Крыжановской // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 237.

¹⁶ Ср.: «...один из признаков “территориального текста” состоит в том, что такой текст “любит” называть сам себя, и это приводит к избыточности» (Цивьян Т. Интерьер петербургского пространства в «Пиковой даме» Пушкина // Slavica tergestina. 8. Художественный текст и его гео-культурные стратификации. Trieste, 2000. С. 192).

¹⁷ Так проявляется и специфика святочного сюжета у Лескова, состоящая в том, что поведение человека подчиняется «не очевидной реальности, а тому мифу, который этой реальности навязывается самим человеком и по которому она разыгрывается в сознании людей» (Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. С. 194).

¹⁸ Для изображаемой в «Грабеже» эпохи актуальной была оппозиция столицы и провинции, но к середине XIX века провинциальный город «осознает свою самодостаточность» и обнаруживает «уже гораздо

в соперничестве с которым эта самодостаточность и обнаруживается, но даже склонен подчеркивать свое превосходство. И для Павла Мироныча губернский Орел «город несуразный», с чем, разумеется, согласен и дядя: «— Нет, вправду, — говорит, — у нас в Ельце лучше» (VIII, 128).

Не случайно и тетенька, хоть и ставшая *купчихой орловской*, советует племяннику «на орловской» ни за что не жениться: «Ты смотри: здешние орловские все как переверчены — не то они купчихи, не то благородные. За офицеров выходят. А ты проси мать, чтобы она взяла тебе жену из Ельца, откуда мы сами с ней родом» (VIII, 115). А дядя, не успев заявиться и сообщить о причине своего приезда, сразу начинает куражиться: «— Да ведь у вас когда же о чем-нибудь интересном слышат! Такой уж у вас город глосхлый» (VIII, 118). Потому только *глосхлый*, что не слышали в Орле, как елецкий дьякон *оборвался*.

Диалоги персонажей в рассказе сводятся часто к рассуждениям о преимуществах, которыми Елец обладает перед Орлом:

— На все у вас в Ельце, видно, свое правило.

— А то как же? У вас губернатор правила уставляет, а у нас губернатора нет, — вот мы зато и сами себе даем правило.

— Как бить человека?

— Да, и как бить человека есть правило (VIII, 127).

Елец и в самом деле живет по собственным правилам¹⁹, выражающим представление, «что к нашему елецкому вкусу подходящее» (VIII, 119), что «к нашему елецкому фасону больше потрафит» (VIII, 126), что «в Ельце купечество от дьяконов любит» (VIII, 130). Даже часы дядя дарит племяннику такие, какие «у нас, в Ельце, теперь самые модные», «серебряные с золотым ободочком и с цепочкой» (VIII, 124). Причем и вещь, *модная* в Ельце, то есть соответствующая его *вкусу* и *фасону*, выражает сущность своего места: напуганный криком дяди, что «подлет» с него «бобровый картуз сорвал», племянник, забыв, что оставил подарок дома, решил вдруг, что и его ограбили: «хвать себя за часы», а «часов уже нет» (VIII, 139–140).

Таким образом провоцируется ситуация *грабежа*, вовлекающая в себя, как в *чертово* место, героя, причем помимо его воли, но зато благодаря дядиному подарку.

меньшую склонность к копированию столицы» (*Клубкова Т. В., Клубков П. А.* Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности // *Русская провинция: миф — текст — реальность.* М.; СПб., 2000. С. 28). У Лескова уездный Елец так вообще соперничает с губернским Орлом, а не со столицей, которой он и не думает подражать.

¹⁹ Как было отмечено, «...в России исторически не существует “провинции вообще” — существует провинция, географически прикрепленная к некоему конкретному месту. <...> В соответствии с этой особенностью исторического развития каждый город и каждая местность на Руси издревле привыкли гордиться своей “особливостью”» (*Кошелев В. А.* О «литературной» провинции и литературной «провинциальности» Нового времени // *Русская провинция: Миф — текст — реальность.* М.; СПб., 2000. С. 52–53).

Когда наступает «воровской час», то давление елецкого места делает орловское пространство все менее *сакральным*²⁰ и все более *воровским*, подчиняя себе и маршрут, и состояние племянника и дяди, решивших «скорей ноги» унести из гостиницы, где елецкие «мукомолы» так с орловскими «мясниками» перессорились, что «может убийство выйти» (VIII, 133). Сначала герой не может разглядеть «первую приметку» Орла, «ни большого собора, ни малого» (VIII, 134), затем они с дядей спускаются мимо сада, «где всегда воры прятались» (VIII, 135), потом пытаются «тесными проходцами пробираться», где вора «всего способнее на льду между барок грабить» (VIII, 136), дальше знакомый «мясник», обознавшись в темноте, их самих «за воров почитает» (VIII, 137), пока, наконец, приняв кого-то «впотьмах» за грабителя, «начали его утюжить и по-елецки и по-орловски» (VIII, 140), обнаружив по возвращении, что сами «кого-то ограбили» (VIII, 143).

Так будто фатально проявляются задатки и повадки «елецких», обращение к которым прямо отождествляет «честных» грабителей с их *воровским* городом: «— Что же, елецкие? Видите, и этот дякон через вас пострадал, и у него часы пропали» (VIII, 150).

Поступки «елецких» в рассказе отличаются «безудержом», этой не сугубо локальной, но вообще русской национальной чертой, проявляющейся и как своеобразное удалство²¹, несущее вместе с тем на себе и печать места: «Там в купечестве мужчины гуляки...» (VIII, 115). Недаром маменька наставляет сына: «— Ты на своего дяденьку Ивана Леонтьевича не очень смотри: они в Ельце все колобродники. К ним даже и в дома-то их ходить страшно: чиновников назовут угощать, а потом в рот силой льют, или выливают за ворот и шубы спрячут, и ворота запрут, и запоют: “Кто не хочет пить — того будем бить”. Я своего братца на этот счет знаю» (VIII, 129).

Купцы-колобродники — это такие провинциальные удалцы-озорники, чье поведение по-своему выражает традиционализм жизненного уклада уездной России. Но это еще и провинциальные чудаки, *колобродство* которых не столько *страшит*, сколько *смешит*, непосредственно влияя и на *смешную* интригу²², почему случившаяся история и представляет собою *веселое чтение*.

В произведениях Лескова многозначность названия может отражать «культурную амбивалентность понятия», «получающего устойчиво положительную» и, с другой стороны, «столь же устойчиво отрицательную оценку»²³. Многозначным является и название «Грабеж», выражающее здесь *амбивалентность* («веселую пуганицу») события, скорее всего и не случившегося бы, если б не подошел «воровской час» — и не чувствовалось так давление города, который *всем ворами отец*:

²⁰ В мифологических представлениях «пространство становится все более сакрально значимым по мере движения к центру», который «во многих отношениях определяет структуру всего пространства» (Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 256–257).

²¹ См.: Егоров Б. Ф. Русский характер // Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана. М., 2003. С. 20.

²² Ср. соображения о роли чудаков в сюжете лесковских произведений: Лихачев Д. С. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1984. С. 146.

²³ Лейбов Р. Г. Рассказ Лескова и «миф 1812 года» // Лотмановский сборник. М., 1997. Т. 2. С. 330.

Это в действительности наша вина, это мы отца дьякона били, мы и исправимся. Ведь мы его к себе в Елец берем.

А дьякон так обиделся, что совсем и не в ту сторону.

— Нет, — говорит, — позвольте еще, чтобы я в Елец согласился. Бог с вами совсем: только упросили, и сейчас же на первый случай такое надо мной обхождение (VIII, 149).

Дядя и «первый прихожанин», *удовлетворив* обиженного ими дьякона, хоть и понесли убытки, но «скоро в этом во всем утешились, и много еще было смеху и потехи» (VIII, 150). Но история завершается тем не менее чисто «елецкой развязкой» (VIII, 121), поскольку все же «дьякона с собой не увезли, потому что он их очень забоялся. Как ни просили — не поехал», сказав, что «вы, елецкие, как я вижу, очень дерзки» (VIII, 151).

Напуганный дьякон имел в виду не только грубость и вызывающую непочтительность²⁴ *по ошибке* избивших его «елецких»: «...меня бить нельзя... на мне сан» (VIII, 149). *Дерзки* — это еще и сакральная оценка тех, кто поступает самонадеянно и безрассудно²⁵, сообразуясь лишь с собственной волей, то есть ведет себя *строптиво*. Становится понятным, почему рассказчик, объясняя причину произошедшего с ним в молодости случая, ссылается на Священное Писание: «А зачем же сказано: “со избранными избран будешь, со строптивными развратишься”?» (VIII, 112). Переносное значение глагола *строптати* — *заблуждаться, поступать развратно*²⁶ в смысле сбиваться с пути, предначертанного *избранным*, угодным Богу²⁷.

Так оживают в святочном рассказе Лескова знаменательные ассоциации Ельца и «елецких» с библейскими городами *нечестия* и с их *развращенными* обитателями, поворачивая к читателям представление о Ельце такой стороной, когда становится видимым скрытое до поры (до наступления «воровского часа») истинное существо *места сего*.

²⁴ Ср.: *Даль В.* Словарь живого великорусского языка. Т. 1. Кол. 1070–1071; Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981. Т. I. С. 390–391.

²⁵ Ср.: Полный церковно-славянский словарь: В 2 т. / Сост. свящ. Г. Дьяченко. М., 1998. Т. 1. С. 142.

²⁶ Там же. Т. 2. С. 675.

²⁷ Ср. церковнославянский и русский переводы: «все непослушни ходяшии строптиво: медь и железо, вси растлени суть» (Иер. 6: 28); «Все они — упорные отступники, живут клеветою; это — медь и железо, — все они развратители» (Иер. 6: 28). Строптивцы-отступники «представляют собою только *медь* и *железо* и не могут быть сравнены с какими-либо благородными металлами» (Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Пг., 1909. Т. 6. С. 37), то есть не могут быть отнесены к числу *избранных*.

Александра Веселова

«СЕЛЬСКОЙ ПРАЗДНИК ЦАРСТВА РУССКАГО!»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕМИК
КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВВ.

Прежде чем приступить к рассмотрению литературных и театральных интерпретаций Семика, необходимо сказать несколько слов о самом празднике и его составляющих. Семик, который еще называют Зеленые святки, празднуется на седьмой четверг после Пасхи и за три дня до Троицы. Этот праздник имеет языческое происхождение и связан с проводами весны и встречей лета. Со временем он был адаптирован христианской традицией и включен в Троицкий цикл¹.

В обрядовом комплексе Семика можно выделить две принципиальные составляющие, важные и для его культурных проекций. Во-первых, Семик — это молодежный, а еще точнее, девичий праздник, который исследователи возводят к древнейшим обрядам инициации². Именно девушки являются главными действующими лицами праздника и производят важнейшие ритуальные действия, такие как завивание березок, плетение венков, кумление под березками, исполнение песен и совершение обрядовой трапезы.

Во-вторых, день Семика был отведен для погребения и поминовения так называемых заложных покойников, т. е. умерших насильственной смертью, самоубийц, неопознанных и всех тех, кто не был своевременно похоронен³. Этот процесс также сопровождался ритуальной трапезой. Таким образом, Семик делился на две части: утро и первая половина дня — посещение кладбища и прочих мест, связанных с погребением, вторая половина дня — девичьи гулянья на лугу, на окраине села или города. Культурным растением Семика была березка, ветками которой украшали дома, дворы, церкви и улицы.

Следует сказать, что с XVII в. традиция погребения на Семик поддерживалась властью и духовенством. Но после чумной эпидемии 1771 г. такие погребения были

¹ Общие сведения см.: *Аганкина Т. А.* Семик // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. М., 2009. Т. 4. С. 612–613; см. также небольшую научно-популярную, но информативную статью *Е. В. Душечкиной*: *Душечкина Е. В.* Старинные праздники. Семик и Троица // *Lingua* (Таллинн). 1990. № 3. С. 25–27.

² *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начало XX в. М., 1979. С. 200.

³ *Левкиевская Е. Е.* Покойник «заложный» // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. М., 2009. Т. 4. С. 118–124. Термин впервые введен в научный оборот: *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественною смертью и русалки. Пг., 1916. См. также критику понятия: *Панченко А. А.* Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие // *Отечественные записки*. 2013. № 5 (56). С. 135–143.

запрещены, а так называемые скудельницы, в которых до весны хранились покойники, упразднены.

Парадоксально, но именно официально запрещенная по гигиеническим соображениям погребальная составляющая Семика позднее интерпретировалась как подлинно христианская и одновременно отражающая древнее народное благочестие, тогда как празднично-разгульная сторона, формально не запрещенная, столь же официально порицалась. В протоколе заседания Святейшего Правительствующего Синода от 13 мая 1741 г. «О народных забавах в Москве, в других городах и местах в Духов день» говорилось о том, что «различные некие безобразия, бесчиния и суеверия чинятся, именно же оные суть следующие от всемирно торжественного животноного Христова Воскресения дне седьмые седмицы в четверток иже пред неделю Сошествия Святого Духа, завивают березки венками и обвязывают оные, как чайтельно, с неким суеверным упованием и между тем чинят пиршества, скачки и пляски мужие же и жены»⁴. Главной причиной осуждения Семика Синодом была языческая основа праздника, устроенного «по подобию еллинских пиршеств» в дни, когда «надлежит христианам, в воспоминание преславных и неизглаголаных чудес Божиых и великих Его излианных на нас благодеяний, препровождать со всяким благоговением и веселием духовным»⁵.

Языческий и даже несколько вакхический характер Семика подчеркивался еще в составленной М. Д. Чулковым «Абеваге русских суеверий», представлявшей собой нечто вроде справочника народных верований, обрядов и примет: «Семик, сей день и следующие по нем еще три, древние Славяне праздновали сладострастному богу Туру, употребляя при этом всякую роскошь и веселие. Девки и бабы собираясь хоровами плясали и, свивая из ветвия венки, целовались сквозь оные с мущинами, а потом бросали в воду загадавши, ежели венок поплывет, то быть ей в тот год замужем, а когда потонет, то остаться еще дома, а при том вмешивались тут всякие любовные действия в честь и жертву идолу Туру»⁶.

Ранее, в 1769 г. в журнале «И то и сию» тот же Чулков опубликовал «Стихи на Семик», являющиеся, по-видимому, первым литературным произведением, посвященным этому празднику. Стихи Чулкова высмеивают невежество народа, справляющего языческие обряды и по непросвещенности предающегося разгулу и разврату, свойственному варварам:

Язычество сие мещане здесь кланут,
Незнанием же к нему довольно льнут⁷.

Чулков обращает внимание прежде всего на пьянство, причем женское:

⁴ Живая старина. 1890. Вып. 1. Отд. 2. С. 34.

⁵ Там же.

⁶ Чулков М. Абевага русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. М., 1786. С. 291–292.

⁷ Чулков М. Д. Стихи на Семик // Ирои-комическая поэма. Ред. и примеч. Б. Томашевского. Л., 1933. С. 210.

В Семик почтенный день на рынок я ходил
И там противные обряды находил.
Лишь только хмель один согласен был с собою,
И баба всякая пила своей рукою⁸.

Кроме того, Семик предоставляет возможности для разного рода мошенничеств и злоупотреблений, особенно среди целовальников и торговцев березками, которые девушки берут «без торгу». В финале число пьяных сравнивается с числом срубленных берез:

Колико написал в сем листике я слов,
Толико, думаю, в Семик пропьют платков,
Толико ж плясунов, плясавиц произвольных
И столько ж пьяных есть веселых и довольных
И столько же еще порубленных берез⁹.

Показательно, что обряд погребения ни в «Стихах на Семик», ни в «Абевеге» вообще не упоминается. Как и во многих других случаях, не все приводимые Чулковым сведения находят подтверждение. Но хотя общая оценка Семика к первой трети XIX в. существенно изменилась, многие общие места при описании самого праздника, распространенного в разных регионах как минимум до последней трети XIX в., а где-то и позже, находятся и в тексте Чулкова.

В Москве семицкие гулянья традиционно проходили в так называемой Марьиной роще. Марьиная роща, расположенная на месте современного района Москвы с одноименным названием, была названа по деревне Марьино, в XVII в. уже выросшей до размеров слободы. В 1742 г. от деревни был проведен Камер-коллежский вал, проложивший границу Москвы, часть леса вокруг деревни была вырублена, в результате чего образовалась роща. До 1743 г. слобода Марьино с прилегающей территорией, а также соседняя деревня Останково (позднее Останкино) принадлежали канцлеру кн. А. М. Черкасскому, а затем достались в приданое его дочери Варваре, которая вышла замуж за П. Б. Шереметева. Шереметев, любивший различные гулянья, поддерживал стихийно сложившуюся традицию празднования Семика в Марьиной роще и даже высылал угощение гулявшим (стоит отметить, что церковь в Останкине была освящена в честь Троицы, и таким образом Семик предвещал останкинский престольный праздник). Гулянья эти в том или ином виде продолжались вплоть до середины XIX в., когда роща изрядно уменьшилась в размерах из-за прокладки железной дороги. После 1861 г. земли были отданы в аренду и застроены домами для бедных,

⁸ Там же. С. 215.

⁹ Чулков М. Д. Стихи на Семик. С. 217. Даже сама традиция срубать березки осуждалась как языческая. Так, в романе о московском разбойнике Ваньке Каине обычай завивать березку уподоблялся «древнему еще суеверному и идолопоклонническому обыкновению» (Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина ... второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей. СПб., 1779. С. 92).

в результате чего Марьино роща превратилась в криминальный район, дурная слава которого продержалась до послевоенного времени и нашла свое отражение в романе А. А. и Г. А. Вайнеров «Эра милосердия» (1976).

Для гулянья на Семик именно в Марьиной роще были свои предпосылки. Во-первых, к этому располагало само местоположение и протяженность рощи. Таково, например, было мнение автора путеводителя 1831 г. по Москве: «Говорят, что лучшим гуляньем есть Сокольничье... но гулянье в Марьиной роще по мнению нашему привлекательнее: густота рощи, совершенно одетой зеленью, предлагает приятную прогулку. На разных местах сей рощи расставлены палатки, там ресторация, здесь комедия, тут горы, в другом месте красиво устроенный домик. Гуляющие не стесняются в назначенном круге: нет, здесь несколько верст в окружности, со всеми прелестями неподкрашенной природы составляют место прогулки»¹⁰. Конкуренция сокольнических и марьинощинских гуляний отражена во многих источниках. Так, в 1855 г. вышла небольшая брошюра С. П. Кораблева, в которой объясняются различия в этих праздниках и преимущества каждого из них¹¹.

Во-вторых — и этот фактор, вероятно, сыграл решающую роль — именно здесь поблизости находились так называемые Новые убогие дома, или скудельница, куда со всей Москвы свозили непогребенных покойников, ждавших в погребках своего Семика. Еще в XVII в. на западной окраине Марьиной рощи появилось небольшое кладбище, на котором хоронили иностранцев, служивших в русской армии. По указу Сената от 22 мая 1745 г. сюда из черты города (от церкви Иоанна Воина на Божедомке, ныне ул. Дурова) был переведен убогий дом. Несколько позднее, 2 июля 1748 г., вышел указ императрицы Елизаветы Петровны о непогребении покойников на старом месте, близ Немецкой слободы, так как поблизости находился Лефортовский дворец. Указом предписывалось «отвести удобные места за Мещанскою слободою, где имеются Убогие дома, в стороне от проезжих больших дорог и в отдалении от жилья»¹². Так в начале 1750-х гг. здесь было устроено кладбище, позднее ставшее общегородским и получившее название Лазаревского по одному из приделов построенной в 1782 г. церкви Сошествия Святого Духа. Вместе с убогими домами переместилась и традиция, в подробностях описанная священником Иоанном Орловым: «Старожилы помнят, как благочестивые мужи и жены, большею частию из простого народа, собирались в этот день, приносили с собою холсты и полотна для покровения усопших, другие привозили гробы для положения их, голыми руками собирали и прикладывали отгнившие члены; и тот показал бы себя мало усердным и подвергся бы осуждению, кто стал бы это делать покрытыми руками и зажавши нос. Подвиг благочестия подлинно Христианский...»¹³.

¹⁰ Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российскаго. М., 1831. Ч. 4. С. 126–127.

¹¹ *Кораблев С. П.* Московские гулянья. Первое мая в Сокольниках и Семик в Марьиной роще, или Разгульное пенье — русское веселье. М., 1855.

¹² Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Издание А. Мартынова. Т. 1. М., 1873. С. 144. Текст составлен И. М. Снегиревым при сотрудничестве самого издателя.

¹³ Историческое описание московской Троицкой церкви, что в Троицкой, с ея приходом, составленное сей церкви священником Иоанном Орловым. М., 1844. С. 6–7.

Несмотря на то, что в 1763 г. Новые убогие дома были ликвидированы, а в 1771 г. такие погребения были запрещены окончательно, массовая популярность праздника и самой Марьиной рощи только росла. Возможно, отчасти эта популярность была поддержана повестью В. А. Жуковского «Марьяна роща. Старинное предание» (1809). Повесть не связана с Семиком, но на более позднюю общую репутацию Марьиной рощи как места не совсем чистого и связанного с преступным миром, вероятно, повлияла.

Насколько можно судить по описаниям Семика в Марьиной роще, регулярно появлявшимся в периодической печати, гулянье проходило следующим образом. Довольно многочисленная публика, представители разных сословий, сходилась и съезжалась в Марьину рощу во второй половине дня для прогулок по роще как пешком, так и в экипажах. Никакого общего сценария не было, но на центральной поляне помещалась увитая лентами березка и в некоторых местах профессиональными и полупрофессиональными коллективами разыгрывались театральные действия, исполнялись песни и танцы, а также продавалось угощение. Прямо на траве устраивались пикники, и после трапезы, которая сохранила только следы ритуальной, каждая компания развлекалась в меру сил и способностей пением, танцами или игрой в карты. Благодаря ежегодным сезонным журнальным публикациям эти гулянья были известны не только в пределах Москвы. Из их восторженного тона следует, что Семик перестал восприниматься как рудимент язычества, сохранившийся в непросвещенной народной среде, а приобрел статус главного народного праздника, обладавшего внеконфессиональной ценностью.

Вероятно поэтому именно Семик в Марьиной роще был выбран как сюжетобразующий элемент в одной из первых театральных постановок после Отечественной войны 1812 г. Так как Большой театр в Москве сгорел, а труппа была эвакуирована, то по ее возвращении в театральный сезон 1814–1815 гг. спектакли шли в частном доме гр. С. С. Апраксина, на Знаменке. Одной из первых новинок возрожденного русского театра стал представленный 25 января 1815 г. национальный дивертисмент «Семик, или гулянье в Марьиной роще». По свидетельству историка русского театра П. Н. Арапова, «...его публика не могла насмотреться, и потому, сделано было распоряжение давать этот дивертисмент не в счет абонемента. Лучшие певцы и певицы в нем участвовали; большое число красавиц, на выбор, рисовались в Русской пляске в богатых сарафанах; тут же знаменитый песельник Лебедев восхищал своим хором; первые певцы-артисты и Русские солдаты славили подвиги оружия»¹⁴.

Дивертисмент представлял собой набор музыкальных и танцевальных номеров, которые могли считаться «народными»; некоторая часть из них была связана с военной тематикой. Перечень этих номеров довольно подробно был расписан в афише, помещенной в «Московских ведомостях»¹⁵; кроме того, он может быть дополнен

¹⁴ Арапов П. Н. Очерк постепенного хода и усовершенствования русского театра // Драматический альбом с портретами русских артистов и снимками с рукописей. М., 1850. С. LXXIX.

¹⁵ Московские ведомости. 1815. № 7. 23 января. С. 154.

по сохранившейся партитуре¹⁶, а также по воспоминаниям балетмейстера А. П. Глушковского¹⁷. Музыка была сочинена композитором С. И. Давыдовым, капельмейстером Дирекции императорских театров, активно использовавшим не только мелодику фольклорных песен, но и народные инструменты, такие, как рожок и гудок. Танцы были поставлены хореографом И. М. Аблецом при участии Глушковского.

Спектакль никак не был приурочен к Семику, и в целом связь его с этим праздником была весьма условна: ни одна из песен, перечисленных в различных описаниях этой и последующей постановок дивертисмента, не была собственно семицкой и Семик не упоминала. Едва ли не единственной прямой отсылкой к Семику были декорации, представлявшие собой березовую рощу. Впрочем, по свидетельству современного исследователя И. И. Земцовского, «...русских семицких, рурсальских и троичских песен с мелодиями записано очень мало. В основном фиксировались отдельные популярные песни, чаще всего приурочиваемые к семику и троице»¹⁸.

Земцовский выделяет два мелодических типа песен, исполнявшихся на Семик: один связан с «весенними хороводами, играми, плясками», другой «с праздничными шествиями или с песнями типа лирических высказываний»¹⁹. В наборе номеров дивертисмента можно обнаружить обе разновидности, функционально связанные с семицкими гуляньями. Это хороводные песни типа «А мы просо сеяли, сеяли...» или «Ах вы сени мои, сени...» и лирические песни о несчастной девичьей доле, такие как «Чем тебя я огорчила...». Кроме того, значительную часть действия занимали солдатские и военные песни, исполнявшиеся солдатским хором и обеспечивавшие патриотическую составляющую спектакля. Некоторые исследователи усматривают в самом обращении к военной теме актуализацию поминальной функции Семика²⁰, но если эта актуализация и подразумевалась, то скорее имплицитно. В итоге, благодаря удачному сочетанию знакомого и любимого материала, исполнительского мастерства и соответствия общему настроению послепобедного воодушевления, дивертисмент имел оглушительный успех. По отзыву П. А. Вяземского, «...тут на выбор подобрано было все, что ни есть лучшего в Московском театре по ведомству пляски и пения»²¹. В течение первого месяца после премьеры «Семик...» был сыгран 15 раз, а в целом продержался на разных сценах до 1862 г.²² Более того, именно «Семик...» проложил дорогу другим образцам этого жанра, во-первых, на сюжеты недавней войны («Торжество россиян, или Бивак под Красным» (1816) или «Торжество победы» (1816)), во-вторых, связанным с другими

¹⁶ Федоровская Л. А. Композитор Степан Давыдов. Л., 1977. С. 119–120.

¹⁷ Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера. Подг. текста и комм. А. Г. Мовшенсона и А. А. Степанова. М.; Л., 1940. С. 176–177.

¹⁸ Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., 1975. С. 118.

¹⁹ Там же. С. 128.

²⁰ Федоровская Л. А. Композитор Степан Давыдов. С. 119.

²¹ Вяземский П. А. Дела иль пустяки давно минувших лет. (Письмо к М. Н. Лонгинову) // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1882. Т. 7. С. 335.

²² Красовская В. М. История русского балета. Л., 1978. С. 128.

популярными местами гуляний: «Гулянье на Воробьевых горах» (1815), «Первое мая, или Гулянье в Сокольниках» (1816).

Вскоре дивертисмент был перенесен французским балетмейстером А. Л. Огюстом, при участии Глушковского, на сцену Эрмитажного театра в Петербурге, многократно ставился в провинции, и даже немецкая труппа в Москве в 1819 г. ставила «Семик», «чтобы привлечь зрителя»²³. Но особого упоминания заслуживает постановка «Семика...» 1817 г. на сцене шереметевского театра в Останкине. Эта постановка была приурочена к приезду прусского короля Фридриха Вильгельма III, недавно ставшего свекром великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I. Праздник был задуман вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая была одним из опекунов малолетнего графа Д. Н. Шереметева (сына Н. П. Шереметева и Прасковьи Ковалевой-Жемчуговой). Цель состояла отчасти в том, чтобы возродить традицию пышных шереметевских торжеств и визитов высокопоставленных гостей, отчасти в желании поддержать молодого графа. Кроме того, Мария Федоровна была мастером организации праздников и искала любого случая это сделать. Воспроизведение на сцене именно Семика призвано было напомнить о близости Марьиной рощи, остававшейся во владении Шереметевых, и значимости для ее владельцев праздников Троицкого цикла. При этом патриотический дивертисмент, данный в присутствии двух монархов, подчеркивал роль России в исходе войны с Наполеоном. Следует отметить, что к моменту постановки у Шереметевых уже не было своей театральной труппы, только певческая капелла, поэтому в спектакле принимали участие певцы и танцовщики московских театров²⁴.

Именно в эту постановку была включена песня «За горами, за долами, Бонапарте с плясунами...», по всей видимости, отсутствовавшая в ранних спектаклях и значительно усилившая патриотическую составляющую. Впервые эта песня была опубликована в журнале «Вестник Европы» за 1813 г., где была названа переложением французской песни о Бонапарте на голос «Quand Biron voulut danser»²⁵. Издатель собрания песен Киреевского, наоборот, считал, что «скорее сам русский автор, обрадованный успехом своего творчества между всеми классами, постарался придать ему вес поильною работой на иностранном диалекте»²⁶. В современных изданиях эта песня считается переделкой лирической песни С. Митрофанова «За горами, за долами...»,

²³ *Гозенпуд А. А.* Музыкальный театр в России. Л., 1959. С. 660.

²⁴ *Елизарова Н. А.* Театры Шереметевых. Труды Останкинского дворца-музея. М., 1944. С. 368. М. И. Пыляев приводит следующий анекдот, связанный с этой постановкой: «...для пения и пляски в “Семике” часто был приглашаем любитель — военный писарь Лебедев, замечательный “плясун-ложечник”: не было в то время ни одного вечера или барского спектакля, в котором бы не плясал и не пел Лебедев. Высокие покровители этого Лебедева вздумали и на этот раз пригласить его на спектакль. Император Александр I не любил таких удовольствий, плясун ему не понравился, и, узнав, что он военный писарь, государь запретил ему впредь показываться на сцене, а начальству тоже досталась гонка за допущение на сцену военнотружашего» (*Пыляев М. И.* Старая Москва. СПб., 1891. С. 134–135).

²⁵ Вестник Европы. 1813. № 1–2 (январь). С. 147–149.

²⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности под редакцией и с дополнениями П. Бессонова. Вып. 10. М., 1874. С. 139.

выполненной И. М. Коваленским²⁷. По замечанию М. И. Пыляева, песней о Бонапарте «Император Александр не раз угощал (...) своих высокопоставленных иноземных гостей»²⁸. Так, например, 21 июня 1820 дивертисмент «Семик», к тому моменту уже обязательно включавший песню «За горами, за долами...», был дан по повелению императора, когда он посетил бенефис актрисы вместе с прусским принцем²⁹.

Дивертисмент «Семик» не был первым спектаклем, в основу которого лег народный праздник. Его предшественником можно, например, назвать оперу «Старинные святки» (текст А. А. Малиновского, музыка Ф. К. Блимь, 1798, первая постановка 1800). Но, в отличие от «Семика», «Старинные святки» воспроизводили на сцене святочные обряды с включением традиционных подблюдных песен. Тем не менее, несмотря на очевидную несвязанность сценического действия в «Семике» с аналогичным праздником, можно высказать некоторые предположения о причинах обращения к «Семику» как теме для дивертисмента. Несомненно, послевоенный патриотический подъем вызвал к жизни некоторое сословное сближение и, одновременно, что в данном случае важнее, моду на него. В то же время некоторые особенности самого Семика очевидно оказались выигрышными при выборе праздника. Во-первых, отсутствие как такового закрепленного ритуалом песенного репертуара давало возможность варьирования и включения в программу спектакля песен разных типов. Во-вторых, принципиально важной для Семика составляющей были хороводы, в определенной степени являвшиеся квинтэссенцией национального танца и выигрышно смотревшиеся на сцене. Не случайно Кораблев, сравнивая гулянья в Марьиной роще и в Сокольниках, подчеркивает, что на Первое мая хороводы не водят, это специфически семицкая традиция³⁰. В-третьих, вероятно, немаловажную роль играла березка как еще один национальный символ. Ну и наконец, Семик сочетал в себе традиционную народную древнейшую, то есть дохристианскую обрядность, но вместе с тем был включен в Троицкий цикл и, почти полностью утратив свою сакральность, сохранил красоту ритуала.

Наконец, возможно, есть еще одно биографическое сближение: по утверждению Федоровской, композитор С. И. Давыдов был связан с кругами Московского университета, а профессор Снегирев, много сил приложивший к исследованию Семика, о чем будет сказано далее, неплохо играл на скрипке и был, наоборот, связан с музыкальным миром³¹.

На волне популярности дивертисмента в 1818 г. появилась пьеса русского драматурга Ильина «Семик»³². Ильин не мог не учитывать преимущества использования

²⁷ Песни русских поэтов. Л., 1988. Т. 1. С. 585.

²⁸ Пыляев М. И. Старая Москва. С. 135.

²⁹ Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 297.

³⁰ Кораблев С. П. Московские гулянья. Первое мая в Сокольниках и Семик в Марьиной роще... С. 27.

³¹ Федоровская Л. А. Композитор Степан Давыдов. С. 129.

³² Родина Т. М. Русское театральное искусство в начале XIX века. М., 1961. С. 11–60; Данилов С. С. Русский драматический театр XIX в. М.; Л., 1957. Т. 1. С. 20–21. Об Ильине в связи с жанром «слезной драмы» см.: Стенник Ю. В. Комедия 1800–1820-х годов // История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 214–219.

знакомого публике названия, но пьеса его строится как будто в противопоставление дивертисменту. Достаточно сказать, что сам праздник Семика вынесен Ильиным за сцену, а все действие происходит во дворе главной героини Анюты, которая прячется, чтобы не идти на Семик. Она хороша собой, но бедна, и кузнец Нефед не хочет женить на ней своего сына. Ильин переносит акцент на психологическое состояние героев, но при этом крестьяне у Ильина являются носителями подлинной национальной культуры, пребывающими в состоянии почти идиллического блаженства. Эту мысль высказывает Нефеду молодая графиня, которая впоследствии оказывается молочной сестрой Анюты: «Разве ты позабыл, что одно только ваше крестьянское состояние освобождено от всех предрассудков и предубеждений? Что вы только крестьяне, истинные дети природы, не окованы странными мнениями и светскими обычаями, что вы только одни свободны следовать влечению чувств своих, чтоб в простоте сердец наслаждаться истинным благополучием, которое неизвестно прочим состояниям?»³³ Крестьяне в пьесе противопоставлены господам, тоже устраивающим семицкие торжества, но не знающим обрядов:

М а ш а. Одна карета подле нас остановилась, а в ней с тремя молодыми сидит старушка, да такая древняя... вот она спросила воды, и говорит: что вы, девки, не поете? Пойте, сего дня Семик. Коли поют песни до обеда? — закричали мы. Едакая! Шестьдесят лет прожила и не знает, что на Семик собираются к вечеру.

А н ю т а. Она так сказала не подумав.

М а ш а. У них, сказывают, этому учатся, чтоб все говорить не подумав³⁴.

Интересно, что упоминание этого правила есть в «Стихах на Семик» Чулкова, герой которых издалека принимает поющих пьяных баб за девушек, а потом просит за это прощения:

Постойте, девушки, ведь рано забавляться,
 Позвольте с разумом и мне, друзья, собраться,
 Не слушаете вы, крича разинув рот
 И вижу, вас идет ужасный хоровод,
 Да что же личики уж ваши покраснели,
 Наверно от того, что рано вы запели,
 Однако, осмотрясь, прощения прошу
 И извинение девицам приношу.
 Я баб почел за них, не зная в этом моды,
 Что рано девушки не ходят в хороводы.³⁵

Ильин использует Семик для утверждения идеи национального театра, о чем пространно рассуждает в предисловии к публикации пьесы: «Но жаль, что у нас очень мало, или совсем почти не пишут для театра, для которого никогда не иссякнут источники. Несправедливо, чтобы все предметы были истощены иностранными

³³ Семик, комедия в одном действии Н. И. Ильина. Представлена в первый раз на Московском Императорском театре 24 мая 1818 года. М., 1818. С. 62.

³⁴ Семик, комедия в одном действии Н. И. Ильина. С. 32.

³⁵ Чулков М. Д. Стихи на Семик. С. 214–215.

писателями. Всякой народ имеет нечто свое, особенное от других: свои привычки, свои странности, свои слабости и пороки»³⁶. Очевидно при этом, что Ильин опирается уже на определенную традицию восприятия Семика как главного народного праздника, связующего древность и современность.

Такая переоценка Семика хорошо видна на примере научно-популярной краеведческой и исторической литературы и публицистики первой половины XIX в., в которой празднованию Семика уделялось достаточно внимания. Неоднократно встречаются описания празднования Семика в соответствующем году, причем описания весьма поэтические: «Кажется, что благое небо иногда с отеческою любовью тешит вечно юных чад земли ниспосланием средств к удовлетворению их ребяческих желаний: таким образом дождь, лившийся во все утро Семика, перестал идти после обеда, лучезарное солнце воссияло на голубой тверди, и бесчисленные экипажи, многочисленные толпы со всех сторон города пустились в Марьину рощу, где обыкновенно бывает в этот день гулянье. Первые разъезжали по проспектам и кругом рощи в пять рядов; последние рассеялись по оной и составляли живописные группы между раскинутыми палатками и под звуки музыки»³⁷.

Кроме того, богословами и историками опять был затронута тема заложных покойников. В частности, обсуждался вопрос о том, «как встретились христианское погребение странных и языческий Семик»³⁸. И. С. Снегирев в статье 1827 г. «О скудельницах, или убогих домах, в России» возводил эту традицию к библейскому сюжету о благочестивом Товите (Книга Товита, I, 17, II, 3), который также голыми руками совершал погребение на седьмой седмице по Пасхе³⁹. В 1827 г. московский архиепископ Филарет давал дополнительное разъяснение председателю Общества истории и древностей российских по поводу этой статьи Снегирева: «Не потому ли, что церковь, как она нередко делала, хотела противополжить языческому обычаю закон Христианский, и чувственному веселию мысль о смерти, набожность и благотворение? Но люди, воззываемые к новому духовному, по привычке упали в старое чувственное»⁴⁰. В дальнейшем эта мысль о христианской адаптации языческого обряда Семика стала общераспространенной, как, например, у Кораблева: «Достоверным кажется, что благочестивый обычай поминовения установлен нашей Церковью для искоренения языческих обрядов древности при отправлении Семика»⁴¹.

Возможно, отчасти на волне этих публикаций, но главным образом, видимо, также по причине неослабевающей популярности самого праздника и сценических вариаций на его тему, в 1828 г. состоялось возвращение на сцену Большого театра

³⁶ Семик, комедия в одном действии Н. И. Ильина. С. 1.

³⁷ Семик, Троицын и Духов день. Статья для иногородних // Дамский журнал. 1828. Ч. 22. № 11. С. 216–217.

³⁸ [Снегирев И. М.] Письмо г-ну председателю Филарета, архиепископа Московского, касательно статьи о скудельницах в России // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. 1827. Ч. 3. Кн. 2. С. 179.

³⁹ Труды и записки ОИДР. 1826/27. Т. 3. Кн. 1.

⁴⁰ Письмо г-ну председателю Филарета, архиепископа Московского... С. 179.

⁴¹ Кораблев С. П. Московские гулянья. Первое мая в Сокольниках и Семик в Марьиной роще. С. 37.

дивертисмента «Семик, или Гулянье в Марьиной роще» в обновленном варианте. Постановка была осуществлена актером И.К. Лобановым, принимавшим участие еще в первых исполнениях дивертисмента. В 13-м номере «Дамского журнала» за тот же год появился отклик на этот спектакль, подписанный инициалом М., за которым скрывался М.Н. Макаров⁴². А в 1830 г. появилась анонимная поэма «Семик, народное гулянье в Марьиной роще», являющаяся своего рода метатекстом. Герой поэмы отправляется на гулянье в Марьину рощу и издали слышит знакомые звуки:

Лишь подходим, — вот уж издали
 Нам послышалось пение,
 Словно ветер навевал его,
 Что-то звуки все знакомые!

Ты, постигший тайну прелести
 Русских игр и веселостей!
 С какой передал ты точностью
 Нам на сцену свой балет *Семик!*
 Что быть может живописнее,
 Что быть может интереснее
 Плясок пламенных Лобанова?

Ну теперь, друзья! Вы поняли
 Это пенье, мне знакомое
 Так, в театре я Семик видал!
 Так в театре я Семик слышал!⁴³

Учитывая, что статья Макарова в «Дамском журнале», где был помещен отзыв на возобновленный дивертисмент, была посвящена «бенефису танцовщика и танцовщицы Лобановых»⁴⁴, а также тот факт, что Макаров описал семицкие обряды и гулянья во второй части своей брошюры «Русские предания. Другая книжка»⁴⁵, первая часть которой была издана в типографии Лазаревского института иностранных языков⁴⁶, как и поэма, можно утверждать, что автором поэмы тоже был Макаров⁴⁷.

Макаров замкнул ряд произведений на сюжет Семика и подвел итог процессу взаимовлияния живой традиции и ее культурной рецепции. Несмотря на то, что Семик у Макарова остается первым и главным народным праздником («Вот любимый всей России день, — / Сельской праздник Царства Русскаго!»), в его поэме восприятие праздника происходит через узнавание театрального спектакля, который

⁴² М. Бенефис танцовщика и танцовщицы Лобановых // Дамский журнал. 1828. Ч. 23. № 13. С. 43–44. Автор установлен: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2. С. 575.

⁴³ Семик, народное гулянье в Марьиной роще. В стихах, с приложением песен в честь Семика. М., 1830. С. 11–12.

⁴⁴ М. Бенефис танцовщика и танцовщицы Лобановых.

⁴⁵ Макаров М.Н. Русские предания. Другая книжка. М., 1838.

⁴⁶ Макаров М.Н. Русские предания. Одна книжка. М., 1838.

⁴⁷ Подробнее см.: Веселова А.Ю. Об авторе поэмы «Семик, народное гулянье в Марьиной роще» // Litterarum fructus. Сборник статей к 60-летию С.И. Николаева. СПб., 2012. С. 222–229.

оказывается едва ли не более реальным, чем сам праздник. Эта смена ролей естественным образом сопровождается постепенное перерождение Семика, отмеченное еще в 1838 г. Снегиревым: «Время, изменившее или отменившее затейливые обычаи народные, теперь преобразило этот многообрядный и многозначительный праздник в простое гулянье столичных и городских жителей...»⁴⁸. Несколько позже ту же тенденцию отмечает и Кораблев: «Гаданье венками и завиванье их тоже, кажется, исчезло в древней столице, только и осталось что яичницы, драчены да березки, и вот чем все заменилось: экипажи со щеголями и щеголихами, скромные дрожки с мужчинами à la Russe, в сопровождении жен-молодушек в платочках, и толпы пешеходов с поносками дружно спешат в Марьину рощу ради Семика, но далеко не в тех размерах, как на Первое мая»⁴⁹.

Интересно при этом отметить, что начиная с конца 1830-х гг. при описании Марьиной рощи вновь обретает актуальность погребальная тема, что совпадает с модой на готику в беллетристике этого времени. Так, ко второй половине 1830-х гг. относится очерк М. Н. Загоскина «Марьиная роща», описывающий обычное воскресное гулянье: «В этой Марьиной роще все кипит жизнью и все напоминает о смерти. Тут, среди древних могил, гремит разгульный хор цыганок; там, на гробовой плите, стоят самовар, бутылки с ромом и пируют русские купцы...»⁵⁰.

Так, будучи в конце XVIII в. символом невежества, а в начале XIX — символом народности, Семик постепенно сходит со сцены в прямом и переносном смысле, и ему остается место только в мемуарном жанре.

⁴⁸ Снегирев И. М. Русские и простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838. Вып. 3. С. 101.

⁴⁹ Кораблев С. П. Московские гулянья. Первое мая в Сокольниках и Семик в Марьиной роще... С. 43.

⁵⁰ Загоскин Н. М. Москва и москвичи. М., 1988. С. 46.

Анна Некрылова

ЕЛЕНА (ЗАМЕТКИ ОБ ИМЕНИ)

Римляне говорили: “Nomen est omen” — «имя — это предзнаменование». В Древней Руси существовало выражение: «По имени и житие твое».

Хорошо известно, что имя по народным представлениям — «персональный знак человека, определяющий его место в мироздании и социуме; мифологический заместитель, двойник или неотъемлемая часть человека; объект и инструмент магии»¹. Существовала вера в сакральность и судьбоносность имени. Более того, считалось, что, обретая имя, человек обретает и судьбу (точнее, предрасположенность к определенной судьбе). Не случайно по имени и сегодня часто судят о характере, привычках, склонностях человека. Обладая определенной самостоятельностью, имя как бы само прикрепляется к тому, кому велением высших сил суждено именно так называться. Другими словами, имя и носящий его человек взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Напомним, сколь важным и серьезным был и остается ритуал имянаречения новорожденного; долгое время сохранявшийся обычай иметь несколько имен и скрывать подлинное имя из опасения привлечь всякого рода несчастья или в надежде обмануть злые силы; характерный для архаических эпох и отчасти бытующий до сих пор обычай менять имя (или варьировать его) в переломные моменты — с переходом в иную возрастную категорию, иной социальный статус — при вступлении в брак, постриге в монашество, перемене религии и т. д. Всегда существовала мода на имена — в какие-то периоды, без видимой причины, предпочитались одни и забывались, становились редкими другие.

Подобное отношение к имени собственному наблюдалось и наблюдается в художественном творчестве, будь то архаические фольклорные жанры или литература нового времени (широко известный прием наделения героев «говорящими» именами, фамилиями, прозвищами).

Популярность у русских имени Елена объясняется и влиянием литературных произведений, и этимологией. Понятно, что русскому крестьянину научные изыскания происхождения имени были неведомы, недоступны, да и неинтересны. У него была

¹ Толстая С. М. Имя // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В пяти томах. Т. 2. М., 1999. С. 408.

своя — «народная этимология», основывающаяся на осмыслении заимствованного слова путем помещения его в гнездо созвучных слов родного языка. «Вчувствование в звуковую плоть» (выражение П. Флоренского) делало возможным толкование чужого слова «на свой» лад, позволяло понять его, и в случае с именем — проникнуть в сущность его носителя.

Стоит согласиться с мнением М. Н. Морозовой: широкой употребительности имени Елена в русскоязычной среде «способствует и его благозвучность, обусловленная гласными и сонорными звуками в его составе, возможностью образования вариантных форм»².

Моя небольшая заметка посвящена тому, как имя Елена отражено (как оно живет) в русской традиционной культуре.

Первое, что многим сразу вспоминается, — сказочные Елена Прекрасная и Елена Премудрая. По наблюдениям М. Н. Морозовой, из женских имен сказок Афанасьева именно Елена наиболее употребительное: «Оно встречается в 24 сказках, в вариантах: *Елена, Аленка, Аленушка*»³.

Не касаясь вопроса о том, насколько литературные произведения, античные мифы, в частности, гомеровская «Илиада» и христианская (византийская) агиография повлияли (или не повлияли) на формирование образа Елены русских сказок, напомним: в наших сказках Елена Прекрасная тоже неоднозначный персонаж. Чаще всего она — царица либо царевна золотого или серебряного царства-государства, которую желает взять в жены здешний царь и которую путем разных ухищрений доставляют ему (например, Семь Симеонов, Иван-царевич); это королева, ожидающая жениха на коне-летуне; активная, деятельная, она устраивает погоню за Иваном-царевичем и женит его на себе. В некоторых текстах Елена предстает роковой красавицей — лишает своего мужа царства, даже убивает его и живет со Змеем Горынычем, за что, по законам сказки, и наказана: Иван купеческий сын Змея убил, «Елену Прекрасную расстрелял, а на ее служанке женился»⁴. Елена Премудрая знаменита своими загадками, мудрыми советами, при этом популярен и сюжет, где она выходит замуж за перехитрившего ее солдата⁵.

Пожалуй, самая распространенная сказка с Еленой Прекрасной — это сказка о Жар-птице. Не случайно многочисленные варианты ее, в разной степени «олитературенные», составили целое собрание лубочных изданий. К примеру, переиздававшаяся в течение долгого времени «Сказка об Иване-царевиче, сером волке, Жар-птице, Елене прекрасной, коне Златогриве, шапке невидимке, скатерти самобранке и гусях-самогудах»⁶. Та же версия сказки попала и в народные лубочные картинки.

² Морозова М. Н. Антропонимия русских народных сказок // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 238.

³ Морозова М. Н. Антропонимия русских народных сказок. С. 238.

⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. М., 1985. Т. 2. № 209. С. 99.

⁵ Перечисление сюжетов, в которых героиня названа Еленой, см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 3. Приложение. С. 445.

⁶ «Сказка об Иване-царевиче, сером волке, Жар-птице, Елене прекрасной, коне Златогриве, шапке невидимке, скатерти самобранке и гусях-самогудах». М.: тип. г. «Русский», 1867. То же — издания А. В. Морозова 1871, 1879 гг.; изд. тип. Индрих, 1874.

Особой популярностью пользовались листы «Сильный Славный Храбрый Богатырь Иван Царевич сын Царя Выслава Андроновича едет на Сером Волке, везет Жар Птицу и Елену Прекрасную на златогривом Конне»⁷.

За производными, народными вариантами имени стоят другие сюжеты, в которых героиня предстает и как положительный, и как отрицательный персонаж. Это известные всем с детства и «Аленушка и братец Иванушка», и сюжет «Чудесная дочка», где завистливая Аленушка (нередко поповская дочь) убивает своего брата; Аленкой может называться дочь ведьмы, которая по поручению матери пытается зажарить и съесть Жихарку (Лутонюшку), но сама оказывается в печи.

Имя Елена встречается в балладах, чаще всего на сюжеты «Молодец и королевишна», «Добрый молодец и жена неудачливая». Красавица царевна (королевна) заманивает к себе молодца, которого за раскрывшуюся тайную связь с дочерью короля (нередко литовского короля) приговаривают к смерти, но королевишна спасает его. Обычное имя героини таких баллад — Настасья, однако, видимо, под влиянием сказок и подчеркиваемой красоты любовницы (напр., Прекраса) Настасья в отдельных редакциях баллад заменяется Еленой-королевишной⁸.

Нельзя не упомянуть духовный стих «О царь Давыде и об его дочери Олёне». Олёну отец с матерью собираются отдать в жены ее брату, но она «закон не примает», убегает в чисто поле и обращается к лютым зверям с просьбой «растерзать ее тело» и не допустить инцеста:

... И собегалися лютые звери,
Солеталися карги-вороны, черные вороны,
Растерзали ее тело по чисту полю.
Пошла ее душенька ко Господу Богу⁹.

Ф. М. Селиванов, комментируя данный текст, пишет: «Возможно, в стихе нашло отражение библейское сказание о детях Давида — Фамари и Амноне», правда, там «брат насилует сестру, затем отказывается взять ее в жены»¹⁰.

Не очень понятно, каким образом царь Давид и жена его Елена оказались в заговоре от порчи, сглаза, бытующем в Нижегородском крае:

Надо сначала 3 раза прочитать «Отче наш», а затем произнести сам заговор: «Царь Давид и жена Елена, отверни неверную хворобу от мужского глаза, от женского глаза, от удовского глаза <...> и выходи из ретивого сердца, из горячей крови, из черной печенки и больной головы. Тут тебе не быть, тут тебе не жить»¹¹.

⁷ Печ. в литогр. Андрея Абрамова. Дозв. ценз. Москва, 11 марта 1874 г. (наиболее ранний из известных вариантов — 1864 г., затем с небольшими изменениями издавалась на протяжении 1870–1880-х гг. в разных типографиях). См.: *Рейтблат А. И.* Лубочная книга М., 1990; *Коренцова К. Е.* Русская лубочная сказка. Н. Новгород, 1999; *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. 1–4. М., 1981.

⁸ См., к примеру: *Песни, собранные П. Н. Рыбниковым*. Т. 2. Былины. Петрозаводск, 1990. № 159. С. 307–312; *Былины*. В 2 т. / Подгот. текста, вступ. статья и ком. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 2. С. 294–299.

⁹ Стихи духовные / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и ком. Ф. М. Селиванова. М., 1991. С. 61–62.

¹⁰ Стихи духовные. С. 305.

¹¹ Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков). Н. Новгород, 1997. № 137. С. 36.

Одну из мотивировок обращения к царю Давиду и матери Елене находим в заговорах на здоровье коровы и «на подход к человеку, начальству, судьям» (записаны в Мезенском р-не Архангельской обл.). Царь Давид и мать Елена «тихи, кротки, добры и смиренны»¹².

Нередко упоминание Елены в заговорах сопряжено с водой, утренней зарей. Вот несколько примеров.

Заговоры от бессонницы младенца: 1) Если ребенок плачет, надо его мыть в тазике и говорить три раза: «<...> Утренняя зоря-зарница, зоря — красная девица, первая зоря Мария, вторая Дария, третья Елена, четвертая Марина, возьмите бессонницу, дайте ночной сон <...>, покою младенцу...»¹³. 2) «Встану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь из избы в избу, из дверей в двери, из ворот в ворота, под восток под восточну сторону; под восточной стороной ходит матушка утренняя заря Мария, вечерняя заря Маремьяна, мать сыра земля Пелагея и сине море Елена <...>»¹⁴. В заговоре от рожы, с обращением к Давиду и Елене, тоже упоминается море, на море — дерево, под ним белый камень, из-под которого вытекают «двенадцать ключей, двенадцать ручьев»¹⁵. Упомянутый выше заговор под № 2404 («на подход к человеку») завершается формулой «мои слова — ключ ко дну».

Для спасения скотины от диких зверей произносили: «<...> Господи! Сбереги мою скотинушку утренними выгонами, вечерними пригонами и три зари: первая заря — Дарья, вторая заря — Марья, третья — Елена. Всем привелела замкнуть волкам зубы и губы, язык — жезлом, нутряным замком, богородицыным ключом, чтобы волк мою скотинушку не потревожил — и меня с им»¹⁶.

Заговор на здоровье: «Водо Елено, очищаешь лугы и береги, очисти мене вод всёго злого, вод болести и слабости»¹⁷.

Заговор перед первым кормлением грудью: «<...> В чистом поле стоит море. Это море никогда не заматается — ни зимой, ни летом, ни весной, ни осенью. <...> Олексей Человек Божий, святитель Христов Никола-батюшка, Пресвятая госпожа Елена-матушка открывают и отмыкают ключи подземельные. И так откройте и отомкните у рабы Божьей <...> все жилы молочные...»¹⁸.

Подобное отношение ко времени и природным явлениям вполне соответствовало мировосприятию человека традиционной культуры. В его глазах живым, одушевленным было все, что окружало человека и являло собой природу: земля, растения, водоемы, камни; дождь, град, ветер, мороз и т. п., и сам годовой круг с составляющими его единицами времени. «Поэтическое воззрение на природу» выражалось, кроме прочего,

¹² Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. М., 1998. № 1031. С. 186; № 2404. С. 379.

¹³ Там же. № 129. С. 52 (записано в Удорском р-не Коми республики).

¹⁴ Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова / Послесловие, примеч. и подгот. текста А. К. Байбурина. СПб., 1994. № 56. С. 32.

¹⁵ Русские заговоры и заклинания. № 1761. С. 278.

¹⁶ Там же. № 1176. С. 205 (записано в Кировском р-не Калужской обл.).

¹⁷ Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874. № 85. С. 29.

¹⁸ Русские заговоры и заклинания. № 25. С. 40 (записано в Архангельской обл.).

и в наделении многих явлений этого мира именами, и в выстраивании неких родственных отношений между сходными или близкими явлениями. При этом в сакральных текстах реки, горы, ветры, зори и пр. имеют особые, зачастую «человеческие», имена.

Связь Елены с водой прослеживается в загадке о росе: «Олёна царевна по городу ходила, Ключи обронила, Свекор видел, деверь поднял»¹⁹.

Отголоски связи Елены с водой встречаются и в шуточных текстах, типа:

Уж ты, бабушка Еленка,
Ты такая рукоделенка:
Топором-то сено кашивала,
Решетом водичку нашивала...

Вариант:

Рукавицей воду нашивала,
Коромыслом траву кашивала...²⁰

В совершенно другой ипостаси Елена включена в православные святцы. 21 мая / 3 июня отмечается День святых равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены. Царица Елена рано приняла христианство и содействовала обращению в христианство своего сына — будущего римского императора, провозгласившего в 324 г. христианство господствующей религией Римской империи. Прославилась же она главным образом тем, что ее стараниями в 326 г. была обретена величайшая святыня христианства — Крест Господень, в связи с этим Константина и Елену вспоминают и в день Воздвижения (14/27 сентября).

Если в церковных святцах, по традиции, главное внимание в майский день поминовения святых уделяется равноапостольному императору Константину Великому, то в русском народном календаре на первое место выходит царица Елена, но не как историческая личность, а благодаря тому, что имя ее, особенно в простонародной огласовке — Олёна, Алёна — оказалось созвучным названию главной сельскохозяйственной культуры этой поры — льну.

В народном календаре за 21 мая / 3 июня закрепились названия «Константин и Олёна (Алёна) — длинные льны», «Алена — ленокоска, льяница, посевница», «Олены-леннич». Такая «специализация» святой оправдывалась не только фонетическим созвучием, своеобразным переводом имени на родной язык, но и временной приуроченностью: в большинстве губерний к этому периоду завершался сев хлебов и приступали к севу льна и конопли. Отсюда — соответствующие пословицы, поговорки, присловья, рекомендации, наставления.

На Алёну сей ранний лен и позднюю пшеницу.
Льны Олёне, огурцы — Константину.

¹⁹ Загадки. Издание подгот. В. В. Митрофанова. Л., Наука, 1968. № 200. С. 23.

²⁰ Иванова А. Песенные традиции Котельничского района в прошлом и настоящем // Проселки. 1994. № 15. С. 53–54.

На Алену сей лен.
 Посеешь лен на Олену — будут длинные льны.
 Сеян лен у семи Олен — таскать некому.
 Сеют лён у семи Олён²¹.

Приуроченность посева льна ко дню св. Елены многими собирателями и исследователями отмечена как давняя устоявшаяся традиция (разумеется, по отношению к льноводческим регионам)²².

В некоторых местах Валдайского уезда в Олёнин день «принято сеять лен и, если другие работы препятствуют сеянию, стараются по крайней мере положить начало этому делу, хоть горсть льняных семян бросить в землю»²³.

В той же Новгородской губернии существовало и прямо противоположное мнение: в день святых Константина и Елены лен нельзя сеять — посеянный в этот день, он закоснеет, то есть не вырастет. В этом нет ничего удивительного: запреты, как и рекомендации, по сути, две стороны одной медали, и основаны на том же феномене языкового осмысления имени святого, покровителя конкретного дня, на выражении почитания святого через обязательное выполнение определяемых традицией дел или через запрет на те же виды хозяйственной деятельности.

Заметим, все трудовые процессы, связанные с посевом, обработкой льна и превращения его в пряжу, считались, за некоторым исключением, делом сугубо женским²⁴.

Для урожайности и белизны льна совершался целый ряд магических действий, например, накануне или в день посева льна старались есть продукты белого цвета, выбирали в качестве засевалящика самого высокого человека. По данным Е. Романова, «21 мая, <...> по созвучию с Еленой, сеют лен. Посев особенно считается счастливым, если этот день приходится в понедельник. При посеве льна сеятель обязательно должен надеть чистое белье — чтобы лен был чистый. Кроме того, варят куриные яйца и кладут их в кошелку с семенами. Приехавши на ниву, сеятель подбрасывает яйца вверх — чтобы лен был высокий и с крупными головками — головистый»²⁵.

²¹ Поговорка эта вобрала в себя образы святых покровительниц двух дат, расположенных недалеко друг от друга: 18/31 мая и 21 мая / 3 июня. Семь мучениц, святых дев, и византийская царица Елена в народном календаре озабочены благополучным посевом и ростом льна. От первой даты поговорка позаимствовала количество покровительниц (семь), а от второй — имя святой (Елена — Алёна, Олёна). Неудивительно, что построенная на игре одними и теми же звуками в разных сочетаниях и точной внутренней рифме поговорка оказалась чрезвычайно популярной и приуроченной к обем названным датам.

²² См., напр.: Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989. С. 270; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 385; Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877. С. 141; Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. С. 97.

²³ Новгородские губернские ведомости, 1854, № 7.

²⁴ Такое распределение обязанностей опиралось на архаические, уходящие в глубь веков, представления о существовании женских и мужских культур (растений). Те растения, которые были связаны с прядением, ткачеством (лен, конопля), т. е. с женским рукоделем, должны были выращиваться, собираться и доводиться до состояния нити и полотна только (или преимущественно) женщинами. Исключение составлял сев, который мог производиться и женщинами, и мужчинами, хотя во многих традициях он, в основном, закреплялся за женщинами.

²⁵ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 8. Вильна, 1912. С. 190.

Как видим, идея «сходное должно вызвать сходное» проявляется в слове (названии дня и сельскохозяйственной культуры), и в акции (подбрасывание), и в использовании предметов по сходству внешнего вида (чистое, крупное).

Интересен обычай, при помощи которого бабы «обманывали лен»: «Для этого при посеве льна баба раздевается донага в том расчете, что лен, глядя на ее наготу, сжалится над ней, подумает: “Это баба бедная — у нее даже рубашки на теле нет, надо будет пожалеть ее и получше уродиться”»²⁶.

В одном из сел Прикамья, где 3 июня было престольным праздником, так характеризовали день: «К Елене отсевались, самогонку варили, песни старинные пели»²⁷.

Подчеркнем важность временной приуроченности даты поминовения тех или иных святых. Причиной своеобразной народной «специализации» святого служило не только его имя, трактуемое по законам народной этимологии, но и место дня памяти святого в годовом круге (начало весны, период ледохода, сезон дождей, ветров и т. п.), попадание этого дня в какой-либо трудовой цикл (сев, уборка урожая, рыбная путина, сбор ягод и пр.) и связанных с ним магических действий.

В конце мая — начале июня тема сева зерновых, других культур была основной, и практически каждому виду сельскохозяйственной культуры соответствовал свой небесный покровитель, зачастую тоже «рифмующийся» с той или иной культурой, занятием:

1 мая²⁸ — Еремей-запрягальник; 2 мая — Борис и Глеб — сеятели («Борис и Глеб сеют хлеб»); 5 мая — Ирина-рассадница; 6 мая — Иов-горошник; 8 мая — Иван и Арсений пшеничники; 14 мая и 20 мая — Сидор и Фалалей, огуречники; 16 мая — Федор-житник, 18 мая — Федот-овсяник; 23 мая — Леонтий-конопляник; 29 мая — Федосья-колосьяница, гречушница. Завершался май (31 мая) Еремеем-распрягальником («повесь сетево»).

Еще один момент. Во все времена существовала мода на имена и на уменьшительные, ласкательные, «хулительные» и уничижительные варианты имен. У Елены, повторим, это Алёна, Олёнка, Алёнушка, Лена, Ленка, Лёля и пр.

Так, в городском романсе, в стихах, которыми «баловались» лакеи,стряпчие, половые, посвящая их своим избранницам, Маши заменялись Марусями, Ани (Нюры) — Аннетами, а Елены / Алены — Оленьками и Лёлями. В простонародье, особенно городском, появилась тенденция соединять имена Ольга и Елена через общее — Алена, Алёнушка, Лёля. На Лёлю, напомним, была заменена Оля в популярнейшем городском романсе «Ах васильки, васильки» (в основе часть стихотворения А. Н. Апухтина «Сумасшедшая»).

Итак, в русской традиционной культуре имя Елена (Алёна) оказалось наделенным (в разных жанрах, обычаях) обширным спектром значений — властительницы

²⁶ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 385.

²⁷ Черных А. В. Русский традиционный календарь в Прикамье. Часть 3. Словарь хрононимов. Пермь, 2010. С. 80.

²⁸ Даты указаны по старому стилю.

(царица, царевна, королевишна), нездешней красавицы, мудрой девы, коварной обольстительницы, покровительницы льна и льноводства, олицетворением стихий (воды) и явлений природы (солнечного восхода, зари), воплощением кротости, доброты, материнства.

Завершить очерк хочется отрывком из исследования Павла Флоренского, с его уникальным, глубоким «вчувствованием» в имена:

Имя Елена знаменует женскую природу, но не в телесном моменте брака и рождения, как и не в духовном моменте вечной женственности: Елена — вечная женскость. Ее наиболее определяет душевный момент женской организации, душевные свойства женщины, те самые, что в обычном понимании составляют суть женского характера. <...> Ум несет тут явно подчиненную службу и всякий раз получает особые приказы от неожиданно выплывшего душевного побуждения. <... >

Елена похожа отчасти на Ольгу и отчасти на Софию, сказать точнее — находится как раз *между* ними. Ольга сильнее и грубее ее, София — отвлеченнее и властнее. Ольга отличается от Елены преобладанием темной, первобытной воли, София — ясностью разумно-поставленных целей; в Елене же наиболее развита способность эмоционального отклика и воздействия на чувства окружающих. В этом смысле с нею легче иметь дело, чем со стихийно напорающей Ольгой или властно нормирующей Софией. Елена увлечет в свою сторону так, что этого и не заметишь, да и сама, пожалуй, не очень дает себе отчет в происшедшем. Ольга толкает ворожкой, София заставляет доказательством, а Елена убеждает чарами. Поэтому с Еленой наиболее теряют свободу и самое чувство и потребность ее, но не замечают своей потери²⁹.

Насколько приведенные характеристики, свойства, приписываемые народным умом Елене, справедливы по отношению к конкретному человеку — решать не мне. Тут каждый волен опираться на свой опыт, на свои отношения с Еленами, на собственное восприятие имени.

²⁹ Священник Павел Флоренский. Имена. Кострома, 1993. С. 171–172.

Светлана Толстая

СМЕРТЬ И ТОСКА В СЕВЕРНОРУССКИХ ПРИЧИТАНИЯХ*

Образ смерти

В славянских верованиях смерть персонифицируется чаще всего в виде женщины в белом (реже черном) одеянии или скелета с косой в руках, иногда в виде бестелесного существа, тени, призрака¹. Особенно подробно персонификация смерти рассмотрена в работе Л. Н. Виноградовой на материале полесской традиции². В записях Полесского архива Института славяноведения РАН персонифицированная Смерть предстает как женщина в белой (черной, красной) одежде, с косой (ножом, пилой, вилами), как страшная старая женщина (большая, зубатая, лохматая), как обычная женщина, высокая, худая, как молодая, красивая с распущенными волосами, с венком на голове, как девочка, редко как мужчина, иногда как недавно умерший родственник, либо как скелет, человек с зооморфными признаками; она может появляться в виде животного (заяц, мышь, корова, птица, гусь, собака, кошка, поросенок, жаба), насекомого, нередко представляется как тень, воздушный столб, огонек, буря; может иметь вид предмета (мяч, копна сена), ангела (с белыми крыльями), наконец, может оставаться невидимой. Тексты быличек позволяют составить представление о действиях Смерти: она убивает человека острым орудием (косой, серпом), душит или топит в воде; появляется под окнами дома, стучит и заглядывает в окна, окликает человека через окно, сообщает, что пришла забрать человека; появляется возле печи, лезет на печь или под печь; в виде путницы просит проезжающего подвести ее к селу или привезти ей полотно на платье и т. п. Смерть как персонаж фигурирует в сказках и рассказах в нескольких устойчивых сюжетах: бедняк просит Смерть быть

* Статья написана в рамках работы над проектом «“Причитанья Северного края” Е. В. Барсова: материалы к словарю», поддержанным грантом РФФИ (№ 20–012–00205 А).

¹ Толстая С. М. Смерть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 58–71. О восточнославянских образах смерти см. Антологія українського міфу / Зібрав та упорядкував В. Войтович. б/м, 2007. Т. 3. Потойбічча. С. 2–21; Власова М. Смерть // Власова М. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 1993. С. 475–487; Гузії Р. Уявлення та вірування українців Карпат про персоніфіковану Смерть // Народознавчі зошити. Львів, 1995/6. С. 362–366; Міфалогія беларусаў. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2011. С. 450; Новичкова Т. А. Смерть // Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 520–539. О мотиве тоски в русских заговорах см. Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. История, символика, поэтика. М., 2005. С. 153–182.

² Виноградова Л. Н. Персонификация смерти // Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века) / Сост.: Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 1916. Т. 3. С. 550–600.

кумой на крестинах; человек пытается перехитрить смерть, сделав себе «крутящуюся кровать»; человек загоняет Смерть в деревянную колоду.

Ничего подобного мы не найдем в текстах причитаний, ни полесских, ни севернорусских. Там практически нет антропоморфного внешнего образа смерти, за исключением нескольких фрагментов в олонцевских причитаниях из сборника Барсова, где упоминается ее женский и птичий облик: *Подходила тут скоряя смерётушка, Она крадчи шла, злодейка-душегубица, По крылечку ли она да молодой женой, По новым ли шла сеням да красной девушкой Аль калекой она шла да перехожею, Со синя ли моря шла да все голодная; Со чиста ли поля шла да ведь холодная; У дубовых дверей да не стуцалася, У окошечка ведь смерть да не давалася; Потихошеньку она да подходила, И черным вороном в окошко залетела*³; *Нонько крадчи пришла скоряя смерётушка, Пробра-лась в наше хоромное строеньце, По пути она летела черным вороном, Ко крылечку прилетала малой пташечкой, Во окошечко влетела сизым гóлубком*⁴. *Под раннюю зорю да во под утренну Я повышла на новы сени решётчатые, Отворила я крылечико перённое, Отодвинула я дверь да тут дубовую; Откуль возьмишь перелётна эта птиченька, Заблудяца, може, птиченька заморская; Посмотрела я, победная головушка, Аль со-рока эта птица поскакучая, Аль вороница она да полетучая? Ан злодей эта — скоряя смерётушка! Незначай она в дом наш залетела, Она тихо ко постели подходила, Она крадчи с грудей душу вынимала*⁵. Собственно, здесь речь идет о способности Смерти как мифологического персонажа к оборотничеству.

Тем не менее в причитаниях есть антропоморфизация смерти, но это по преимуществу персонификация через действия, предикаты и атрибуты, приписываемые Смерти как персонажу. При этом, если в поверьях и быличках Смерть часто отождествляется с персонифицированной смертельной болезнью (Холерой, Чумой, Оспой и др.), т. е. с «причинами, агентами» смерти⁶, то в севернорусских причитаниях она скорее объединяется с «последствиями» смерти для осиротевших родственников умершего (с горем, тоской, кручиной). Смерть и тоска-кручина получают одинаковую антропоморфизацию в образе налетчика, насильника, вора через отрицательные характеристики (не поступится, вламывается в дверь без спросу и т. д.).

Скорая смерётушка, напрасная смерётушка

Одним из самых устойчивых признаков Смерти в причитаниях является признак «скорая», «напрасная» (первичное значение *напрасно* ‘внезапно, вдруг’)⁷, «борзая» (*борзый* ‘скорый, проворный, бодрый’⁸); ее приход всегда не ко времени: (не в пору́,

³ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подготовили Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 1. Похоронные причитанья. С. 25. (Далее — Причитанья).

⁴ Причитанья. С. 143.

⁵ Причитанья. С. 175–176.

⁶ Власова М. Смерть. С. 483; *Виноградова Л. Н.* Персонификация смерти. С. 551.

⁷ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 3. С. 43; Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 20. С. 97.

⁸ *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 4. С. 69.

не во вре́мечко⁹), он неожидан и внезапен: *Чего я да не думала, Чего век я не чаяла, Чтой у нас да случилось, Чтой у нас приключилосе! Подошла скоро смёртонька! Она пришла, не сказаласе, тебя взяла, не спросиласе¹⁰; Да пришла скорая смёртонька, да не в пору, не во времечко, да осередь ночки тёмные! Она пришла, не сказаласе, тебя взяла, не спросиласе!¹¹; В э́тот час, бедна горюша, во минуточку, Допустила злодий-скорую смерётушку До родителя-желанной своей матушки!¹²; Только знаю я, горющица, эта смерть-то неподсудная, а головка безрассудная <...> Она пришла да прикатилася, у ворот не колотилася, а у окошка не спросилася, прямо в избу к нам ввалилася; прикатилася потихошеньку она брала поскорешеньку человека деловитого, из деревни брала первого, в волости да не последнего¹³.*

Смерть как анти-гостья, захватчик, налетчик, вор, похититель

Образ Смерти-гостьи, воспринятый и современной поэзией (ср. у Ахматовой о смерти Булгакова: «И гостью страшную ты сам к себе впустил И с ней наедине остался»), в причитаниях наделен характеристиками захватчика, налетчика, вора, похитителя, который обычно ночью, тайком, крадучись подбирается к дому, проникает в него и вершит свое черное дело, что, по существу, превращает Смерть в анти-гостя, дерзко нарушающего принятые нормы поведения (постучаться, спросить разрешения у хозяев и т. п.): *Ходит смерть да ведь неумная, голова да нерассудная, уж у ворот не колотилася, а в дом зашла да не спросилася¹⁴. Отсюда ее постоянный эпитет «злодейная», и даже она сама себя называет злодеем: Я беру, да злодей-скорая смерётушка, Я удалые бурлацкие головушки; Я не брезгую ведь, смерть да душегубица, Я не нищим ведь есть, да не прохожим, Я не бедным не брезгую убогим¹⁵. По характеру производимого ею действия она получает эпитеты «душегубица» и «лиходеица».*

Защита от смерти

Соответственно этой характеристике люди считали необходимым защититься от Смерти-налетчика всеми возможными способами и средствами — запереть покрепче ворота, двери и окна, поставить надежных сторожей, взяться за оружие, напугать и отогнать врага: *Мы проглубали родительско желаньицо, Допустили эту скорую смерётушку! Мы не заперли новых сеней решётчатых, Не задвинули стекольчатых околенок, У ворот да мы не ставили приворотницьков, У дубовых дверей да сторожателей¹⁶;*

⁹ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причесь. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М., 1980. С. 94. (Далее — Ефименкова).

¹⁰ Ефименкова. С. 16.

¹¹ Ефименкова. С. 135.

¹² Причитанья. С. 66.

¹³ Русские плачи Карелии / Под ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940. С. 68.

¹⁴ Русские плачи. С. 146.

¹⁵ Причитанья. С. 27

¹⁶ Причитанья. С. 22.

Я еще скажу, победная, да вдова благочестивая, уж тебе, семья законная: я бы этим умом-разумом клала сторожа молодого да я придвернишка толкового, я ворот не отворила бы, а смерти в дом да не пустила бы¹⁷; Я бы видела злодийку-душегубицу, Со оружья лиходейку застрелила бы, С пистолета я злодийку запалила бы! Она крадчи шла, злодийка-лиходеица, Ко крылечку ведь она не подходила, За витó она колечко не гремела; Малой пташечкой в окошко залетела И впотай она родитель уносила!¹⁸; Усмотрела б, може, идуци я скорую смерётушку, Тут задвинула б стекольчаты околени, Заперла́ бы вдруг широкии вороточки, Заложила́ бы новы двери дубовые, Сама вышла б на крылечико перёное, Говорить стала б я скороей смерётушке: «Ай же борзая калека перехо-жая! Ты откуль гредешь, куды путь держишь?» Я бы стала тут калеку уговаривать: «Ты под по́дружку возьми стару бабушку! На синё море иди да ты, холодная, Во чисто поле иди да ты, голодная!»¹⁹.

Торговля со смертью

Поскольку эти меры защиты упоминаются в эвентуальной модальности, и они не могли быть действенными, люди старались откупиться от Смерти, предлагая ей разные блага, почести, угощения и ценности, вплоть до собственных детей: *Ты закрыла бы окошечко, заложила бы воротичка, не пускала бы смереточки. Обещала бы смеретушки дать своих дойных коровушек и тягловитых лошадушек, всю бы жирушку домовую да всю запашечку годóвую. А не давала бы смеретушки своёго сына бажёного²⁰; Я со смертушкой не рядилася, я с лихой не сговорила. Как давала я смертушке свою дойную коровушку да свою тяглую лошадушку, свои цветные-то платьица и жемчужны ожерельица. Давала я смеретушке своих маленьких детушек. Скоро-гордая смеретушка не на то не согласилася, она взяла да прибрала моего мужа законного, большака в дому, надельника и по дому распорядника²¹; Я смеретушке скорилася, с скорой борзой сговорила: «Не бери-тко ты, смеретушка, моего сына бажёного, а берет-ко ты, смеретушка, всю запашечку полёвую, всю скотинушку дворовую, ты — хоромное строеньице, ты — крестьянско заведеньице; ты оставь-ка, смеретушка одного у меня единого моего сына бажёного». А злодийная смеретушка ни на что не согласилася, пришла потихошеньку, и взяла у беднушки, у меня свет со ясных очей и крест со белых грудей²²; Што у нас-то случилось, што у нас-то соделосе. В людях век-то не водице, в добрых век не случаете. Пришла скорбь-то тяжёлая, постигла смёртка-та скорая. Она пришла, не спросиласе, она взяла, не сказаласе, человека любимово. Кабы знали да ведали, дак откупили от смертоньки да дорогую сестрицу. Не пожалели бы денежок, ни серебра, ни*

¹⁷ Русские плачи. С. 147.

¹⁸ Причитанья. С. 66.

¹⁹ Причитанья. С. 143.

²⁰ Русские плачи. С. 68.

²¹ Русские плачи. С. 57–58.

²² Русские плачи. С. 75.

золота²³; Кабы видели злодийную смерётушку, Мы бы ставили столы да ей дубовыи, Мы бы слали скатерти да тонкобранные, Положили бы ей вилки золочёные, Положили б востры ножички булатнии, Нанесли бы всяких ествушек сахарниих, Наливали бы ей питьица медвяного, Мы садили бы тут скорую смерётушку Как за этии столы да за дубовыи, Как на этии на стульица кленовыи, Отходящи бы ей низко поклонялися, И ласково бы ей тут говорили: «Ай же, ведь скорая смерётушка, От Господа Распятого, знать, создана, От Бладыки на сыру, знать, землю послана За бурлацкима удалыма головушкам? Ты возьми, злодей-скорая смерётушка, Не жалею я гулярна цветна платьица; Ты жемчужную возьми мою подвесточку, С сундука подам платочки левантеровы, Со двора возьми любимую скотинушку! Я со стойлы-то даю да коня доброго, Со гвоздя даю те ўздицу тесмяную, Я седёлышко дарю тие черкасское, Золотой казны даю тие по надобью! Не бери столько надежной головушки, Не сироть столько сиротных малых детушек, Не слези меня, победной головушки!»²⁴; Как злодийная смеретушка Не берет у мяя, у беднушки, Ни бессчётной золотой казны, Ни покруты моей цветной; Как берет злодий-смерётушка Моего кормильца-батюшка!²⁵.

Иррадиация смерти

В народной антропологии смерти одна из доминантных идей — иррадиация смерти, т. е. понимание события смерти как явления, которое затрагивает умершего человека и его семью и родственников, но не ограничивается этим: смерть вовлекает в свою орбиту все сообщество, меняет его социальную иерархию, вызывает физическое разрушение и увядание в мире человека и даже природы. Как говорится в вологодских причитаниях, «стало всё не по-старому, стало всё не по-прежнему»²⁶.

Осиротевшие **люди** утрачивают прежние способности к жизни, изменяются физически, психически и духовно: Я хожу, запинаяся, говорю забываюся²⁷; Как без ветру я шатаюся и без колод запинаяся!²⁸; Ой, да мы живём с малым детонькам, да мы всё-го навидалися, да мы всего напрималися! Да мы без мильё ладушки, да босиком находилися да голодём насидилися!²⁹; Без тебя-то ведь, ладушка, меня не носят и ноженьки, мои не робят и рученьки, да болит-то ведь ў меня моё сердечко ретивоё! Меня не гриёт и солнышко, меня не гриёт и тёплоё, меня без милоё ладушки!³⁰; Ой, мне всё-го навидатися, мне всё-го наприमतися — стужици да и нуужици, холоду да и голоду³¹; Да я одна да осталасе, я без ветру зашаталасе, я горюшком наполняласе, я слёзонькам умываюсе!³²;

²³ Югай Е. Ф. Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке. М., 2019. С. 423. (Далее — Югай).

²⁴ Причитанья. С. 26.

²⁵ Причитанья. С. 55.

²⁶ Ефименкова. С. 97, 105.

²⁷ Ефименкова. С. 105.

²⁸ Ефименкова. С. 115.

²⁹ Ефименкова. С. 117.

³⁰ Ефименкова. С. 118.

³¹ Ефименкова. С. 120.

³² Ефименкова. С. 134.

Да чтой у нас да случилось, да со родимым-то батюшком! Да подошла скоро смёртонька, да скоро это скоропостижная! Да закатилосе солнышко, да у меня, у злочезницы, да под сутним под окошечком! Да у сердечных-то детонёк да рученьки опустилиси, да ноженьки подломилиси, у их помутилсе-то белой свет да во своих да ясных очах!³³; Она встаёт-то, горё бедноё, поутру да ранёхонько, она слезами умывается, горюшкóм утирается!³⁴; Да у меня, у злочезницы, да со раннёго вставаньица, да не заносят-то ноженьки, да не заберут мои рученьки, не внесёт моя силушка робить роботку тяжёлую!³⁵; Ой, не носят меня ноженьки, не работают белы рученьки, всё-то у меня изработалось³⁶; Я хожу, горё-бедная, я слезам умываюсё, горюшком утираюсё³⁷; Будем есть мы черну корочку, будем пить холодну водушку³⁸; Мои ноженьки теперь да притопталися, мои рученьки теперь да примахалися, помешался ум во молодой во головушке³⁹.

Опустевает, остывает и делается чужим дом, и даже утварь отказывается слушать людям: *Как стоит-то высок терём, как пустая пустынюшка, как темница-то тёмная, тёмная, невесёлая⁴⁰; Да у сердечных-то детонёк безо родимого батюшка да не взойдёт-то ведь солнышко, да под сутним окошечком! Хотя взойдёт, да не ясноё — не обогриёт-то детонёк!⁴¹; Мне без тебя да послё тебя дак мне домой идти не по что, мне дома делать-то нечего!⁴²; У родимую мамушки полны чаши простоены, сухи ложки пролёжены, не попила, не покушала!⁴³; Уж мы в избе сидим холодные, а у стола сидим голодные. Стоит пеценька обидная, стоят рамоцки пецальные, околени слезливые, во углах одни ледоцеки, на серодоцки сиротоцки⁴⁴; У меня горюшка три морюшка, слез-то три озерушка, у меня злодийной-то обидушки сундучки не отворяются, коробки не отмыкаются⁴⁵; Вдруг дубовыи столы да пошаталися, Золотые яндовы да распаялися, Вся конфорова посуда приломалася, Тут медвяное питье да проливалося; Красны девушки того да испугалися!⁴⁶.*

Смерть, случившаяся в доме, приводит не только к его опустошению, но и к его физическому разрушению: *Нонь гляжу-смотрю, печальна горепашница, Я на это на хоромное строеньцо, Повонú стоит палата грановитая, Понутру́ стоит тюрма заключевная, На слезах стоят стекольчаты околени, При обидушке косевцяты окошечка, Отишатилося крылечко перёное, От этого хоромного строеньца,*

³³ Ефименкова. С. 136.

³⁴ Ефименкова. С. 114.

³⁵ Ефименкова. С. 137.

³⁶ Югай. С. 509.

³⁷ Югай. С. 69–470.

³⁸ Русские плачи. С. 92.

³⁹ Русские плачи. С. 116.

⁴⁰ Ефименкова. С. 95.

⁴¹ Ефименкова. С. 137.

⁴² Ефименкова. С. 145.

⁴³ Ефименкова. С. 107.

⁴⁴ Русские плачи. С. 147–148.

⁴⁵ Русские плачи. С. 100.

⁴⁶ Причитанья. С. 91–92.

Разрешетились новы сени реиётчаты⁴⁷; Погляди-ка, мила лада, ты на свой да высок терем: Он сбоку на бок шатается, Он горюшком наливается⁴⁸; Как погляди-ко, сухо-тушка за эти те́ за денёчки: как что у тёмные темници, у вашею потюремщици, как лисёнкі провалилися, окошечко покосилося!⁴⁹; Да погляди-ко, мила лада, да ты на свой да высок терем: он с боку на бок шатаетце, он горюшком наполняетце!⁵⁰; Ведь без тебя, наша бабушка, ведь опустеет высок терем, ведь опустеют все горенки, все забусиют окошечки!⁵¹; Дак подхожу я, горюшица, я во большую деревёнку, дак подхожу я, горюшица, я ко высокому терему. Да тут стоит жо высок терем, дак он слезами-то облилсе, дак сиротами наполнилсе, дак потемнили все горёнки, дак забусили околёнки⁵²; Без тебя жо ведь, батюшко, да тоскливо жить. невесёло, да стоит жо высок терем да весь столбами подпёрся, да сиротами наполнилсе!⁵³; Не красно́ да не весело, дак — у ты на родимой сторонушке. Так и стоит твой высокий-от терем, он стоит припечален, да он стоит притуманен, он без ветру шатаецэ, да без дождя уливаецэ. И летают над теремом всё кукушицы серыё, да серыё, да безгнёздые⁵⁴.

Смерть в доме отражается и на **хозяйстве**: *У нас поля-то не посеяны, у нас стогушки не паханы, закрома-то не засыпаны⁵⁵; Я горём горе-горькими все поля приза-сияла, я и речки ти быстрья всё слезами заполнила без родимые мамушки!⁵⁶.*

Печать смерти ложится и на **природу**: *Уж только час да топеречи, дак невзойдёт красно солнышко, те на широкую улочку! Оно взойдёт-то скорёшенько, до того круче закатится! Оно взойдёт не по-летному, дак обогриёт по-зимному!⁵⁷; Ой, уж я живу-то, да ладушка, ой, вся горюшком забитая, Ой, у меня, у горюшици, ой не заходили уж ноженьки. Ой, не заработали руценьки, ой, без родимые ладушки. Ой, да не гриёт уж солнышко, ой, да не гриёт уж ясноё. Ой, не придёт уж ты, ладушка, да, да ко мне-то, горюшице⁵⁸.*

Тоска-Кручина-Обида-Досада-Горе

В севернорусских причитаниях наравне со смертью антропоморфизируются такие внутренние состояния человека, потерявшего своего близкого, как тоска, кручина, обида, досада, горе (часто также *бессчастье, невзгода*)⁵⁹. Все они становятся

⁴⁷ Причитанья. С. 37–38.

⁴⁸ Ефименкова. С. 18.

⁴⁹ Ефименкова. С. 116.

⁵⁰ Ефименкова. С. 136.

⁵¹ Ефименкова. С. 146.

⁵² Ефименкова. С. 147.

⁵³ Ефименкова. С. 168.

⁵⁴ Югай. С. 500.

⁵⁵ Русские плачи. С. 92.

⁵⁶ Ефименкова. С. 105.

⁵⁷ Ефименкова. С. 112.

⁵⁸ Югай. С. 505.

⁵⁹ О тоске и страхе как мотиве погребального обряда см.: Байбурич А. К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности. К ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета // Труды факультета

персонажами (фактически одним персонажем с разными именами), которые, подобно Смерти, понимаются как агрессоры, враги и наделяются эпитетами «злодейная», а также «неподкупная», «недоступная» и предикатами «приходить», «одолевать», «не даваться в руки»: [К умершему брату] *Шла к тебе я, поспешалася, на путистой на дороженьке мне две стреточки стреталися, перва стреточка — обидушка, друга стреточка — кручинушка. Я обидушке сказалася, а с кручиной сговорилася: «Не доли-тко меня, беднушку, ты, злодейная обидушка и великая кручинушка. Дай повысказать, повыбаять соколкú-братцу родимому. У меня столько накопилось как злодейной-то обидушки, что мне на вешний день не высказать, на осённу ночь не выплакать про свою мне житье-жирушку на чужой дальней сторонушке. Но обида неподкупная, а кручина недоступная: одолили меня, беднушку»⁶⁰. Как параллельные, взаимодополняющие и взаимозаменяющие употребляются в причитаниях и соотносительные с этими именами глаголы: *Когда стоснется да сбиднется, так я разрою мать-сыру землю*⁶¹ (ср. тоска и обида).*

В текстах причитаний параллелизм и тождественность этих персонажей находит выражение в том, что каждый из них, как правило, упоминается в комплексе по крайней мере еще с одним персонажем этого ряда: *Нонь я дольщица великой кручинушки, Половинщица злодийной я обидушки!*⁶²; *Оттошнá мои перстни да роспаялися, Со обиды жемчуги да роскатилися, Со досады цветно платье росиивается! Со кручинушки смерётушка не придет, Со тоскичушки душа с грудей не выйдет*⁶³; *Не впадись в тоску-великую кручинушку, По сердечном рожёном своем дитятке!*⁶⁴; *Кручинушки моей не убоялися, Обидушки моей не устрашилися! Кручина от меня да не отшатнется, Обидушка к вам да не привяжется!*⁶⁵. *Не убойся-тко великого несчастьица, Злой этой великой ты кручинушки!*⁶⁶; *Как долит тоска-великая обидушка, Обшибат меня кручинушка!*⁶⁷; *Скрозь околенто виднеевит кручинушка, Скрозь другое выгладает зла обидушка!*⁶⁸; *Во дому у нас великая незгодушка, В светлой свётлице великая кручинушка, Талан-счастье от нас да удаляется, К нам великое несчастье забирается!*⁶⁹; *Мы великой кручиной забавляемся! Да вы слушайте, спорядные соседушки! Не убойтесь зла великого несчастьица, Не страшитесь-ко*

этнологии. СПб., 2001. Вып. 1. С. 95–115. О мотиве тоски в русских заговорах см.: *Топорков А.Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. История, символика, поэтика. М., 2005. С. 153–182. См. также: *Пеньковский А.Б.* «Хандра» — о скуке, тоске, зевоте и лени, или как читать Пушкина // Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 1999. С. 165–238.

⁶⁰ Русские плачи. С. 66–67.

⁶¹ Русские плачи. С. 81.

⁶² Причитанья. С. 35.

⁶³ Причитанья. С. 68.

⁶⁴ Причитанья. С. 93.

⁶⁵ Причитанья. С. 101–102.

⁶⁶ Причитанья. С. 123.

⁶⁷ Причитанья. С. 131.

⁶⁸ Причитанья. С. 144.

⁶⁹ Причитанья. С. 144.

злойной вы кручинушки! Талан-участь от вас не оти́атнется⁷⁰; Да ты слушай-ко, спацлива родна дяденька! Не впадись в тоску-великую кручинушку⁷¹.

Это касается и производных от этих имен глаголов: *Как тоскуе сирота да горе-горькая, Горекую по сердечном она дитятке*⁷²; *Тут головушка твоя да закручинится, Сердечушко твое да заобидится*⁷³.

Особое положение в этом ряду занимают беда и горе, которые, помимо значения внутреннего состояния осиротевшего человека, объединяющего их с другими членами ряда, сохраняют перфектную семантику случившегося события, объединяющую их со смертью: *Сохранил меня Господи, помиловал. От беды-смерти, победнушку, напрасной*⁷⁴. С другой стороны, тоска-обида-кручина имеют еще и временное измерение: это состояние не просто настигло человека, но оно может «расходиться», т. е. распространяться, увеличиваться в объеме и усиливаться.

Более того, отличительным признаком этих персонажей внутреннего состояния является их огромный размер, объем, вес, сила, долговечность: *Уж принакоплено обидушки — да принакладено кручинушки три и замченых коробеючки, а как злодейной-то кручинушки — сундуки да неподъемные*⁷⁵; *Есть горюшка — два морюшка, есть обиды — два озерушка. Как проклятых горючих слез тут река бежит с порогамы да со шумливыма Онегамы. Уж там тоска с горем смешалася, уж по утробушке катается, а только в руки не дается. Кабы были люди смелые, распластали груди белые и погядели бы у беднушки на ретивоем сердечушке. Там заносы снегу белого, а погребя да льду холодного, там не тают снежки белые в летну пору до Петрова дни, не разобьются льдочки ярые как о вешию о порушку да без своей семьи законной*⁷⁶; *На моем сердце ретивоем там заносы снежка белого, погребочки ледку ярого. Не растают эти снежочеки о летнем петроводни, об осеннем успеньевом дни*⁷⁷; *Не доли-тко меня, беднушку, как злодейная обидушка, ты, великая кручинушка*⁷⁸. Обобщенным обозначением всех этих свойств становится эпитет «великая»: *Много, много принаскоплено у мя великой обидушки, больше того да принакладено у мя великой досадушки*⁷⁹; *Я не знала да не ведала, что придёт-то ко мне да молодёшеньке, да моё-то горе горькоё, да и печель-то великая*⁸⁰. *Накопилось кручинушки в головушку, Все несносные тоскичушки в сердечушко; У мя три поля кручинушки насіяно, Три озерышка горючих слез нарónено. Во победном, сиротском живленьице, Во бобыльной, во сиротской живу жирушке*⁸¹.

⁷⁰ Причитанья. С. 147.

⁷¹ Причитанья. С. 185.

⁷² Причитанья. С. 93.

⁷³ Причитанья. С. 182.

⁷⁴ Причитанья. С. 213.

⁷⁵ Русские плачи. С. 148.

⁷⁶ Русские плачи. С. 148.

⁷⁷ Русские плачи. С. 88.

⁷⁸ Русские плачи. С. 86.

⁷⁹ Русские плачи. С. 114.

⁸⁰ Югай. С. 436.

⁸¹ Причитанья. С. 32–33.

Как и Смерть, тоска-обида-кручина обладают свойством **иррадиации** — они так же воздействуют как на субъекта этих состояний, т. е. осиротевшего человека, его тело, его одежду и украшения, на его близких, так и на состояние мира природы: *Со кручины буйна голова мотається, Со досады руса коса росплетается, Оттошна мои перстни да роспаялися, Со обиды жемчуги да роскатилися, Со досады цветно платье росшивається! Со кручинушки смерётушка не придед, Со тоскичушки душа с грудей не выйдед⁸²; Со злодийной со великой, знать, кручинушки Буйна голова у детушек не гладит-ся, Волос к волосу у их да не приляжет! Мне тошным, бедной горющице, тошнёхонько, Вся любимая семья при кручинушке, Всё род-племя любимо припечаливши!⁸³; Мне куды с горя, горюше, подеватися? Рассадить ли мне обиду по темным лесам? Уже тут моей обидушке не мёстечко — Как посохнут вси кудрявы деревиночки! Мне рассеять ли обиду по чистым полям? Уже тут моей обидушке не мёстечко — Задернят да вси роспашисты полосушки! Мне спустить ли-то обиду во быстру реку? Загрузить ли мне обиду во озерышке? Уже тут моей обидушке не мёстечко — Заболотеед вода да в быстрой риченьке, Заволочитя травой мало озерышко! Мне куды с горя, горюше, подеватися, Мне куды, бедной, с обидой укыватися? Во сыру землю горюше набвкпатися!⁸⁴; Ай же море, море синее, Ты розлей мою кручинушку! Ой леса, леса дремущи, Вы сдавите злу обидушку! Ай же, матушка-сыра земля, Ты прими меня, сиротинушку!⁸⁵; Объявила всю великую кручинушку На этой на могилушке умёршей! Ты рости, моя тоска, травой незнамой, Процветай да всяким разным цветочкам!⁸⁶.*

Подобно смерти, тоска-кручина неминуемо приходит (*Нам пришла тоска — горе великое⁸⁷*); надвигается (*На мое сердце тоски бы не наздынули⁸⁸*); «ушибает» (*Ушибать стане великая тоскичушка⁸⁹, Зла тоска бедну горюшу ушибае⁹⁰*); одолевает (*Как долит тоска-великая обидушка⁹¹*); в нее «впадают» (*Не впадись в тоску — великую кручинушку⁹²*). В причитаниях мы не встретим темы преодоления тоски, защиты от нее (ср. выше о защите от смерти), в то время как в поверьях, быличках этот мотив широко известен; тоска считается одной из причин посмертного хождения⁹³.

Каждый раз, прощаясь с близкими, друзьями, коллегами, мы понимаем, что их не просто больше не будет в этой жизни, но и вся жизнь без них уже не будет прежней. Смерть непреодолима, а тоска-кручина живых (как результат иррадиации смерти) неотделима от памяти об ушедших.

⁸² Причитанья. С. 68.

⁸³ Причитанья. С. 131.

⁸⁴ Причитанья. С. 35–36.

⁸⁵ Причитанья. С. 67.

⁸⁶ Причитанья. С. 156–157.

⁸⁷ Причитанья. С. 220.

⁸⁸ Причитанья. С. 114.

⁸⁹ Причитанья. С. 88, 145, 180.

⁹⁰ Причитанья. С. 125.

⁹¹ Причитанья. С. 131.

⁹² Причитанья. С. 93, 185.

⁹³ Байбури А. К. Тоска и страх; Толстая С. М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С. 159–160.

Альберт Байбурин

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПУСТОМ / ПУСТОТЕ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Речь пойдет о *пустоте* и *пустом* применительно к объектам, имеющим незаполненный внутренний объем¹. В ритуализованных практиках и соответствующих текстах фольклорно-этнографической традиции позднего времени (XIX–XX вв.) признак пустоты оказывается значим для дома, построек, колодцев, домашней утвари, в частности, для посуды и других «вместилищ», созданных человеком. Все эти объекты в незаполненном (пустом) состоянии, как правило, оценивались отрицательно. К пустым, заброшенным домам и колодцам старались не приближаться². Приготовленный заранее гроб должен быть заполнен зерном, иначе он раньше времени притянет к себе своего хозяина³. Пустую посуду нельзя было держать открытой во избежание ее заселения нежелательными персонажами (ее нужно было перевернуть)⁴. «Порожней колыбели не качать, а то дитя жить не будет»⁵. Все пустые вещи в доме должны быть покрытыми или перевернутыми «ртом» вниз.

При рассмотрении описаний пустого в различного рода текстах оказывается, что пустое — это некая фикция, поскольку пустое никогда не бывает пустым. Не только «свято место пусто не бывает», так как в нем пребывает божья благодать, но и дьявольское место пустым не бывает. Как «в тихом омуте черти водятся», так и «из пустой хоромины либо сыч, либо сова, либо сама сатана». Любое

¹ Показательно, что В. Даль определяет «пустой» именно как «полый внутри, несплошной, неплотный»: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. III. С. 540.

² Например, в сибирских быличках домовая гонит людей от заброшенного дома, пугает в пустом доме: *Зиновьев В.Л.* Указатель сюжетов сибирских быличек и бивальщин (публикация Л.Н. Новиковой, Г.Н. Зиновьевой). № 562–564 (<http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev1.htm> ... , 2016).

³ *Новиков Ю.А.* По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы. СПб., 2005. С. 63–64.

⁴ В этой связи уместно привести слова исследователей, занимавшихся анализом представлений, связанных с посудой: «...признак внутренний, когда он относится к самой посуде, в сочетании с признаками “открытый” и “пустой” также приобретает отрицательное значение; см. запрещение смотреть внутрь пустой посуды, смотреть через сито. Внутренность пустой посуды уподобляется внешнему миру, ее устье — это вход в иной, опасный мир» (*Свейшикова Т.Н., Цивьян Т.В.* К функциям посуды в восточно-романском фольклоре // Этническая история восточных романцев (древность и средние века). М., 1979. С. 178).

⁵ *Даль В.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М., 1994. С. 82.

пустое оказывается заполнено нечистью, мертвецами, болезнями (последнее особенно характерно для заговоров, где болезни и «нечистая сила» выходят из чело- века на/в пустое место)⁶.

Видимо, именно такого рода представления являются фоном, например, для распространенного в Карелии предписания, в соответствии с которым в заведомо пустой дом, сторожку или баню нужно обязательно стучаться. Например, по словам К. К. Логинова: «В Водлозерье и сейчас еще стар и млад, прежде чем войти в пустую нетопленную баню, стучатся в дверь костяшками пальцев из-за опасений лицом к лицу столкнуться с “нечистыми”»⁷. Можно сказать, что пустота — это отсутствие видимого наполнения и в то же время присутствие невидимого. Другими словами, в подобного рода текстах пустота — это категория визуального ряда, а не акустического или тактильного. Но, как увидим дальше, вызывают пустоту (как аномалию) главным образом нарушения в сфере акустического поведения.

Несмотря на разнообразие потенциальных обитателей пустоты, стандартным ее представителем является черт или дьявол, который живет не только в заброшенных домах, но в любой пустоте, независимо от ее характера и размеров. Не случайно в сказках и других текстах черт может оказаться в любом сосуде. Любопытный текст приводит В. Даль в своей работе «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа», где *пустое* обыгрывается в нескольких планах. *Пустынник* сватается к царевне. Та ставит условие: найти вещь, в которой она могла бы видеть себя лучше, чем в воде. Пустынник отправляется в путь, находит *пустую избу*, в которой черт оказался запертым в *пустом рукомойнике* и заговорен каким-то стариком с помощью деревянного креста. Пустынник снимает крест, освобождает черта, и тот приносит ему зеркало. Пустынник был наказан за то, что выпустил черта, тем, что ему повсюду стал мерещиться свой двойник. По другой версии, Пустынник не стал доводить дела до свадьбы и снова ушел, теперь уже навсегда, в *пустынь*. Заканчивается рассказ словами: вот почему зеркало у раскольников и поныне есть вещь запрещенная, созданная дьяволом⁸. Здесь пустота присутствует применительно к человеку, черту, избе, утвари (рукомойник), внешнему пространству (пустынь) и даже к новому статусу пустынника. Причем *пустота*, *зеркало* и *двойничество* оказываются не просто связаны, но и как бы порождают одно другое, а Пустынник получает от обитателя пустоты предмет, который позволяет ему видеть в пустоте самого себя, и тем самым невидимое становится видимым.

⁶ Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997. С. 55; Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903. № 31.

⁷ Логинов К. К. Материалы по традиционным обрядам и представлениям населения Карелии, связанным с баней // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 2. С. 304.

⁸ Даль В. О повериях... С. 107.

Происхождение пустоты

К образованию аномальной пустоты приводит прежде всего нарушение запретов и предписаний. Например, считалось, что дом может опустеть, если разорить гнездо ласточки или аиста, если использовать в пищу такую «божью птицу», как голубя, и при несоблюдении других запретов и предписаний⁹. Но особый интерес вызывают представления о том, что к пустоте ведет несоблюдение запретов на некоторые звуки, например, на *свист* («не свисти в доме, все высвистишь»). Свистеть запрещалось не только в доме, но и в поле во время сева (семена окажутся пустыми), в курятнике, во время рыбной ловли и т. д. Во всех случаях, как справедливо отмечает А. А. Плотникова в статье о символике свиста, свист не только образует пустоту, но и заполняет ее различными невидимыми персонажами, привлеченными этим свистом¹⁰. Вообще всякая пустота ассоциируется со звуками, в том числе свистом — это его «сильная позиция». Характерно, что в арсенале способов изживания жильцов плотниками и печниками, пожалуй, наиболее распространенными являются те, с помощью которых можно вызвать *свист* (например, вмазывание в печную трубу бутылочного горлышка или гусиного пера и под.)¹¹.

То, что к аномальной пустоте ведут нарушения естественного звукового фона, особенно интересно, если учесть уже отмеченную закономерность. Я имею в виду то обстоятельство, обыгрываемое в большом количестве текстов, что невидимость заполнения пустоты как бы компенсируется слышимостью. При том, что пустота в «буквальном» смысле является категорией визуального кода, она обычно описывается через звуки, а не зрительные образы. В пустом доме слышатся шаги, стоны, смех, музыка и т. д. (ср. также характерные клише вроде *звенящая пустота*, *гулкая пустота* и под.). И следует, вероятно, согласиться с мнением М. С. Кагана о том, что пустота — не совсем пространственная категория, потому что она воспринимается не столько зрением, сколько слухом, т. е. как время, а не как пространство¹².

Заполнение пустого

Опасность пустого, вызванная тем, что эта сфера неподконтрольна человеку, обусловила особые правила заполнения нового, неосвоенного, пустого. В этом отношении показательны так называемые *влазины* в новый, пока еще пустой дом. Влазины можно рассматривать как серию операций, смысл которых не только в заполнении пустого, но и в вытеснении невидимых обитателей пустоты. Переходу людей в новый дом предшествует вселение домового, который, собственно, и должен прийти

⁹ Подобного рода представления в несколько измененном виде сохранились и по сей день. Ср.: Почему нельзя разорять гнёзда ласточки (<https://pochemy-nelzya.info/razorjat-gnjozda-lastochki/>).

¹⁰ Плотникова А. А. О символике свиста // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 301.

¹¹ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 190–191.

¹² Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 81.

на смену «нелегальным» обитателям пустоты¹³. Кроме того: «Всякий вошедший в дом “первым”, по народному поверью, “до году помрет”; посему, когда входят в новый дом, то выпускают в него прежде кошку (иногда черного кота)»¹⁴. В соответствии с белорусскими материалами, до вселения людей новый дом «осваивали» животные в такой последовательности: в первый день — петух и курица; во второй — гусь или кот с кошкой; в третий — поросенок; в четвертый — овца; в пятый — корова, в шестой — лошадь, и только в седьмой — хозяин с огнем и хлебом или тестом в квашне¹⁵. В такой многодневной процедуре освоения нового пустого дома нельзя не отметить аналогию с семидневными схемами творения мира в устойчивой последовательности: сначала животные, а потом люди. Так или иначе, речь идет о качественном изменении пустого — превращении «чужой» пустоты в «свою». Последующие действия (перенос икон, огня, дежи и других значимых объектов) должны лишь усилить позиции человека¹⁶.

Еще один ритуализованный способ заполнения пустого, который привлекает внимание, связан с воображаемым пустым местом, которое образуется у роженицы сразу после рождения ребенка. Роженица считалась *пустой* не только потому, что освободилось место, которое занимал ребенок, но и потому, что дитя забрало у нее душу. Так или иначе, считалось необходимым заполнить образовавшуюся пустоту, и с этой целью роженицу сразу после родов навещают рожавшие женщины данного селения, которые заполняют пустоту принесенным угощением и, что особенно показательное, своими разговорами и пожеланиями полноты (нового наполнения)¹⁷.

В этой связи несомненный интерес представляют и такие ситуации, как бдение при покойнике, который тоже *опустел* (его покинула душа), а вместе с тем образовалась пустота в доме, и в этой ситуации предписывалось не просто бодрствование, но постоянное говорение, которое включает как беседу между участниками бдения, так и рассказывание сказок, загадывание загадок и т. п.¹⁸ Говорение как универсальный способ «заполнения» нежелательной пустоты обыгрывается, например,

¹³ Например, в Пошехонье: «Переходя в новый дом, хозяин ночью ходит в старый дом, кланяется на все четыре стороны и приглашает домового пожаловать в новый дом. В новом доме в подизбице или же на чердаке ставится и угощение домовому: ломоть хлеба с солью и чашка водки» (*Балов А. В.* Очерки Пошехонья // ЭО. 1891. №4. С. 84).

¹⁴ *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО. 1914. №3–4. С. 178.

¹⁵ *Крачковский Ю. Ф.* Быт западно-русского селянина // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. Кн. 4. С. 211.

¹⁶ *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 104–118.

¹⁷ «Як вареник повний, щоб і породілля повна була»; «Що вийшло з неї, то щоб поповнилося» (*Малинка А. Н.* Родины и крестины (материал собран в м. Мрине Нежинского у. // Киевская старина. 1897а. №5. С. 8; *Гаврилюк Н. К.* Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981. С. 141.

¹⁸ *Гнатюк В.* Українські похоронні звичаї й обряди в етнографічній літературі / Збір. В. Гнатюк // Етнографічні збірник. Львів, 1912. Т. 31–32. С. 210–212; *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 274.

в обычае распускать слухи и говорить всякий вздор («лишь бы говорить») для недопущения возможных пустот в колоколах при их отливке (отсюда «лить колокола» — ‘врать, распускать небылицы, сплетни; пустословить’)¹⁹.

Пустота в контексте похоронного ритуала

В похоронных обрядах наблюдается особое отношение к пустому. Смерть человека приводит к тому, что мир живых теряет свою однородность: мертвый оказывается среди живых. Исчезает граница между живыми и мертвыми. Одна из основных задач похоронного ритуала — восстановление прежней границы. Ритуал считается успешным, если покойник оказался там, где ему и положено быть, — среди мертвых, и таким образом граница восстановлена. Для того чтобы убедиться в этом, его ищут в пустых местах, поскольку они воспринимаются как наиболее близкие миру мертвых, своего рода островки иного мира в своем. Полное восстановление границы означает, что даже в них мертвому нет места. Его имя выкликают в печную трубу, «ищут» его под лавками. «Бывало, приходят, как покойника увезут, и говорят: “Ух-нету! Ух-нету! Был и нету!” Это чтобы покойника не бояться»²⁰.

Кроме того, ритуальные поиски покойника считались необходимыми и для избавления от тоски. Тоска, от которой человек не может избавиться, опустошает его. Он начинает сохнуть, худеть и в конце концов умирает. В этой связи нельзя не отметить, что само слово *тоска* родственно слову *тощий* в значении ‘пустой’, ‘полый’. В рассматриваемых контекстах получается, что тощий — ‘пустой от тоски’. Тоска иссушает человека, выжигает его изнутри. Не случайно синонимами тоски являются *сухота* и *печаль* — слова с прозрачной внутренней формой (ср. также притяжение слов *горе* и *гореть* в соответствующих контекстах). Как видим, связь тоски с пустотой многопланова: тоска заполняет пустоту, опустошает человека и, наконец, тоска сама является пустотой.

При том, что в обыденной жизни *пустота* вызывает страх, в похоронном обряде для избавления от страха и тоски по умершему используются как раз пустые объекты. Например, хорошо известно, что пустая печь в разных локальных традициях считается объектом, способствующим избавлению от страха, испуга и/или тоски. В частности, для избавления от страха перед покойником и тоски по нему же необходимо по возвращении с кладбища заглянуть в *пустую* печь (при том, что печь «в норме» не должна быть пустой; когда она не топится, в ней должны находиться хотя бы одно-два полена для того, чтобы на том свете было по чему перебраться через пекло

¹⁹ «В старину существовал обычай во время отливки колоколов распространять слухи, чтобы колокола были звонче» (Виноградов В. В. Из истории русской литературной лексики // Доклады и сообщения Ин-та русск. яз. АН СССР. М., 1948. Вып. 2. С. 19). У А. Н. Островского в «Женитьбе Бальзамина» на вопрос купчихи: «Нет ли по Москве разговору какого?» — сваха Красавина отвечает: «Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звонче был».

²⁰ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и комм. О. А. Черепанова. СПб., 1996. С. 29.

или через реку). Например, в Новгородской области заглядывают не только в пустую печь, но и в подполье, и в другие пустые места со словами: «Ух, нету»²¹. После этого страх (и тоска) должны исчезнуть²². Нетрудно заметить, что этот обряд полностью совпадает с поиском покойника в пустом месте, который, видимо, «присутствует» и в этом случае.

Привлекает внимание то обстоятельство, что бороться с тоской начинают сразу после похорон, хотя считалось естественным тосковать до тех пор, пока душа не удалась окончательно (т. е. до сорокового дня). Тоска должна исчезнуть вместе с душой покойника. Тоска живых после сорокового дня оценивалась отрицательно, поскольку она мешает восстановлению границы между живыми и мертвыми, ибо провоцирует хождение покойника. Обрядовые действия по избавлению от тоски до указанного срока можно, вероятно, рассматривать как превентивные меры по восстановлению прежнего порядка.

К комплексу представлений о тоске и способах избавления от нее близки представления о необходимости принять меры для забывания покойника. Показательно, что для забывания также требуется заглянуть в пустой объект: «При возвращении с кладбища жены, потерявшей мужа, или матери, потерявшей ребенка, встречают ее в сенях обыкновенно с пустою дижою и, как только отворит дверь, спрашивают, указывая на дижу: что у вас такое? — И, при вопросе с ее стороны: что? — показывают ей в пустую дижу, взглянув на которую, потерявшая дорогое для нее существо забудет свое горе. Предлагают у иных и всем родным посмотреть в пустую дижу, поставленную на пороге, чтобы покойник никому из родных не “ввижался”, не представлялся в страшных образах»²³.

В этих обрядах заглядывание в пустое место может прочитываться как способ «убедиться» в том, что покойник, а вместе с ним страх, тоска и мысли о нем исчезли. Однако пустые места и объекты могли использоваться и в качестве своего рода вместилищ, в которые отправляются нежелательные переживания (теперь уже отдельно от покойника). С этой целью применяются другие символические приемы избавления от страха и тоски. Считалось, что можно передать тоску, дотронувшись до печи или другого пустого объекта, который притянет ее к себе. Придя с кладбища домой, «передают тоску печи», дотрагиваясь до нее и/или заглядывая в нее²⁴, заглядывают также в колодец, в дежу и даже в пустой горшок; прикасаются к хлебу-соли, а затем

²¹ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 3. С. 779.

²² Разумеется, существуют и другие способы избавления от тоски и страха, но здесь рассматриваются только те, которые связаны с пустотой. О других способах см. Байбурин А. К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета) // Труды факультета этнологии. СПб., 2001. Вып. 1. С. 96–115.

²³ Иванов П. В. Очерк воззрений на загробную жизнь // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 250–251.

²⁴ Завойко Г. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 96; Бурцев А. Е. Обзор русского народного быта Северного края: В 3 т. СПб., 1902. С. 177.

к печи²⁵; дотрагиваются до камня, горшка, печи²⁶. В подобного рода обрядах страх и тоска отправляются в пустоту, которая становится местом их пребывания.

Таким образом, во всех рассмотренных случаях значимой оказывается пустота, которая проецируется на покойника, страх, тоску и постоянные мысли о нем. Для избавления от них могли применяться разные способы: 1) заглянуть в пустое место и «убедиться» в отсутствии покойника, а вместе с ним страха и тоски; 2) отправить свои переживания в пустоту, дотронувшись до пустого объекта (передать ему страх и тоску). Соответственно, в этих способах реализуются разные представления о пустоте и ее возможных обитателях. В первом случае пустое рассматривается как место возможного, но нежелательного пребывания покойника и переживаний о нем. Во втором — местом, куда следует отправить страх, тоску и тем самым избавиться от них. В этом случае они уже отделены от покойника и поэтому появляется возможность обращаться с ними как с самостоятельными явлениями.

²⁵ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914–1916. Вып. 1–3. С. 602, 722, 926, 970, 972.

²⁶ Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах... в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897. С. 289.

Светлана Адоньева

ПОМИНЫ

Этот текст — мое посвящение Елене Владимировне Душечкиной. Есть люди, которых мы выбираем собеседниками, есть люди, которые выбирают собеседниками нас. Если выборы совпадают, то диалог длится независимо от того, по одной стороне смертной черты находятся собеседники или по разным. Елена Владимировна — мой собеседник.

Я хочу показать, что жизненный мир, к которому мы принадлежим, содержит в себе возможности разных согласований в вопросах экзистенциального свойства. Вопрос о том, что такое смерть, — один из таких. Практики поминовения, существующие в российской культуре, дают возможность увидеть в настоящем разные стратегии отношения живых и мертвых. Я постараюсь показать это на ряде моих полевых записей и наблюдений.

В деревнях Белозерского края (северо-запад Вологодской области) я и мои коллеги — фольклористы Санкт-Петербургского университета — работали с 1988 по 2003 год. Наши собеседники и собеседницы были свидетелями коренных переломов социального уклада и обычаев деревни, происходивших во время коллективизации и «раскулачивания». Но ближайшая история не входила в наши задачи, мы об этом не спрашивали, а они не хотели об этом говорить. И тем не менее наши расспросы об обычаях и укладе обнаруживали изменения в одних формах общей жизни и устойчивость, почти неизменность, — в других. Многолюдные свадьбы со сватовством, причитаниями невесты и песнями, которые звучали в течение нескольких недель свадебного действия, были доступны воспоминаниям родившихся в начале века (1900–1920): они их видели, когда были детьми, или участвовали в них, когда были девушками. Но они остались в прошлом, так же как и тот социальный порядок, который их определял и ими артикулировался. Напротив, все, что было связано с мертвыми, воспроизводилось деревенским сообществом с большой тщательностью. Здесь перемен почти не было: обычай начала прошлого века не отличался от обычая конца того же века. И это несмотря на то, что церковный порядок похорон — отпевание в церкви, панихиды на кладбище — был жестко пресечен советской властью еще в 1920-е годы. Деревенские церкви были разрушены, стояли в запустении или использовались колхозами под склады или гаражи.

Одной из наиболее важных встреч, определивших мой интерес к поминальной практике, стала встреча с Таисией Васильевной Топорковой в 1994 году. Ей тогда было 62 года. Она жила в городе Белозерске и приехала к родственникам в деревню помогать на сенокосе. Во время нашей первой встречи Таисия Васильевна сказала, что умеет причитать. Я очень хотела с ней поговорить об этом, но она все время была занята. Уже перед самым нашим отъездом она сама пришла к нам и сказала, что у нее теперь есть время, но прилюдно говорить не хотела. Согласилась только, чтобы с нами пошел оператор, антрополог из Канады Алекс Баттолини. Благодаря его участию осталась видеозапись этого разговора. Она сама выбрала место для беседы — на скамейке у бани, на берегу озера. Разговор наш длился более двух часов. Поразило меня в этом разговоре то, что забота о мертвых — о своих родителях, родителях ее первого и второго мужей, об умершем муже — постоянное занятие Таисии, причем занятие, которое не предполагает зрителей или свидетелей. Это усердная работа, которую она совершает приватно. Ежегодно в «умёршие деньки» — дни памяти свекра и свекрови, покойных мужей, других свекра и свекрови, отца и матери — она топит баню, приносит туда воду (водопровода у них нет, воду нужно носить ведрами из колодца), приносит мыло, мочалку, полотенце, чистое белье, которое она специально хранит для каждого из поминаемых. После этого она причитает в бане, приглашая умершего помыться. Потом уходит. На следующий день воду выливает, уносит белье, и оно лежит до следующего поминания. Эта поминальная работа занимает много времени и забирает много сил. Ниже — фрагмент записи этого разговора:

На умёршие дни истопят баню; греешь отдельную воду, мыло чтобы отдельное было и мочалочка, чтобы (ей) никто не мылся. Приносишь белье всякое. Свекру, отцу рубашки деревенские положу, я её опять постираю потом, и опять у меня лежит до следующего году. Эту воду мы не трогаем, (когда) моемся. Это делать надо во своей бане. Когда намоешься все, я лавочку намою и приговариваю:

Приходи-ка да, батюшка,
Приходи-ка да, миленькой,
Да помойся, да попарься.
Веник запариваю в чистом ведре:
Приходи, да мы мешать тебе да не будем.

После девяти часов в баню не ходят на поминальные дни, а утром эту воду выливаешь и ставишь на целый день ведро это вниз лицом, как вылил (ФА СПбГУ Бел17а-38)¹.

Поминать мертвых для Таисии Васильевны значило заботиться о них — топить для них баню, стирать их белье, разговаривать с ними. Она не вспоминала о них, она общалась с ними и поддерживала с ними отношения. Для нее ее мертвые были живы, просто были далеко. Они ежегодно возвращались невидимыми к родному дому, мыться в своей бане.

¹ Здесь и ниже ссылки на материалы фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета приводятся в тексте в круглых скобках. Шифр архивного файла указывает на территорию: Бел — Белозерский район Вологодской области; тему — 17а — похоронный причет; и номер единицы хранения (файла).

Другой важной встречей было знакомство в 1998 году с Евстолией Константиновной Текановой (1926 г.р.). Она жила в деревне Маэкса на берегу Белого озера. Мы много общались с ее соседкой — Ниной Васильевной Афоничевой. От нее я записала похоронное причитание, но жители деревни сказали, что ее на похороны причитать не зовут. Зовут другую женщину — Теканову. Из разговоров со многими жителями того места стало понятно, что исполнение причета требует не только знания поэтической формы, не только способности к импровизации и хорошего голоса. Оно предполагает признание сообществом духовного авторитета. Н.В. Афоничева, несмотря на вдовство, выступала с песнями со сцены клуба, Е.К. Теканова, следуя традиции, не пела песен после того, как овдовела. Вдовым публично петь не принято. Ниже — одна из наших бесед.

Из своей души высказывала горе свое, не учила причет. А работано-то: все озеро испешано, все леса изрублены... Положат на стол, или настил сделают. Мужики, свои, родные, сделают гроб, раньше на столы не ложили: говорят — стол-престол, ...народ скопится и причитают. Кто умеет причитать: и жена, и сестра, и двоюродные. Три ночи покойного держат. Не один раз сядешь попричитать. А люди ходят слушать, интересоваться, плакать. Ой, тяжело. В голову падает, все свое высказываешь, все свои недуги, переживания, горе и жалось. Раньше ой причитальниц было. Кто какую жизнь, так тут все и поминают, в горе высказывают. Кто как если плохой был, нехороший был муж, и не выскажешь этой жалости. А если хорошо жили, как не жалко! Плачешь, выскажешь такие слова жалостливые. И не надо ни учиться, и никого слушать — свое горе выскажешь. Но это не каждому далось, ведь так. Другой и не сказать ничего. У отца я причитала:

Уж подойду я, сиротиночка, — ой, заплачу:

Уж я ко углу, ко переднему,

Уж ко столу да ко дубовому,

Уж я ко телу то ко белому,

Уж ко языку безответному,

Уж(ы) ко кормильцу-то ко батюшку.

Уж(ы) ты скажи да, тепла палушка,

Уж(ы) ты куда да снарядилося,

Уж(ы) ты куда да сподобилося?

Уж(ы) на слыху да нету праздничка,

Уж(ы) на слыху нету господнева,

Уж(ы) во роду нет именинечка.

Уж(ы) сама знаю, сиротиночка,

Уж(ы) ты куда да снарядилося:

Уж(ы) ты во матушку сыру землю.

Ой, не спеши, кормилец-батюшка,

Уж(ы) ты во матушку сыру землю,

Уж(ы) как со ту да со сторонушку,

Уж соколам да нету вылету,

Уж(ы) молодцам да нету выезду.

Ой мне жаль тебя тошнихонько,

Ой уж как не в пору да не вовеём!

Уж годики да не престарелые,

Уж волоса да не поседелые.

Уж(ы) у тебя, да тепла палушка,
Здоровьицо да все потеряно,
Уж силушка да поистрачена
Уж на войне, да тепла палушка, ой!
Уж подними да брови черные,
Да приоткрой да очи ясные,
Уж ты скажи одно словечушко,
Дак приобрадуй мне сердечушко!
Уж моя жалось ты великая,
Уж моя падось ты падчивая,
Ой ты кормилец да мой батюшка
Уж как до этого до времечка
Дак было много роду-племени
Уж как у нас у сиротиночек.
А уж на это как времечко
Дак никого да не осталось
Уж все родные да двоюродные
Уж как твои да братцы милые, ой!
Уж положили буйны головы
Дак на военном да чистом полюшке.

Дак много тут можно причитать: надо кончить, я бы тут причитала два часа. Как в баню приглашают, там, приходи, там

Уж как тебя кормилец батюшка,
Уж цветно платьє поизорвется,
Крепка обувь да поизносится.
Приходи ко мне, пожалуйста,
Да на деньки да на урочные.

Приглашают, пока он тут не унесен. Можно так причитать, дак не отставать. Это все из ума. Это я нигде не читала, не писала, сама. Еще много пропускаю, выкидываю, это вам и не переслушать. И о муже, и сыновьях причитала: такая моя доля — женская. Горя сколько. Говорят: “ой, причитать умеет”. Все причитала, плакала. Все видно железно и стальнó. Надо давно бы умереть, дак все живу, да плачу. Коль легко, милушка, перенести было! Тут сами слезы катятся. Приду на кладбище и причитаю. Мама говорила: в любое время иди, и поздно, и утром попозднее. Никогда не грешно свое горе поплакать. Всегда на кладбище примут и не обидятся, все так и говорила. И заплачешь и запоешь. Другой раз сижу и плачу и запою — осмотрюсь никого нет — сижу и плачу, и пою. Какая я причитальница — со своего ума. Сама добавлю, что-то соображу (ФА СПбГУ, Бел17а-6).

В отличие от поминальных причитаний, когда живые разговаривают со своими умершими, публичное причитание на похоронах — это посредничество между понесшими утрату и умершим. Это посредничество берет на себя та, которая знает и мир живых, и мир мертвых, и поэтому может находиться на границе между этими мирами и говорить как от лица живого, так и от лица умершего.

Практики поминовения в деревне не очень отличались от тех, которые были известны мне по обычаям моей городской семьи: мой опыт участия в похоронах к тому времени был небольшим, но я знала, что должно быть прощание, похороны на третий день после смерти, отпевание в церкви (если человек был старый и верующий),

поминки после похорон, на девятый и сороковой день. Но отношение к умершим, как мне показалось, было иным. Для меня умершие родственники были в прошлом: дело живых — помнить, вспоминать о них. Для Таисии Васильевны и Евстолии Константиновны они были в настоящем: дело живых — поддерживать с ними связь, разговаривать с ними.

Еще раньше — в середине 1980-х годов — я ездила в фольклорные экспедиции, когда была студенткой филфака (мы работали тогда в Пинежском районе Архангельской области). Тогда у нас был один магнитофон на всех. Мы писали от руки, а значит, не записывали никакого контекста — только сами причитания. Но даже такая запись позволяет мне сейчас увидеть то, что тогда было совсем не очевидно. Нас отправляли фиксировать «фольклор», что я и делала. А то, что нам рассказывали, было не просто «народным творчеством». Люди рассказывали свою собственную историю. Фольклор — это всегда чья-то конкретная история, а вовсе не общее знание, которое передается, словно книжка в библиотеке. Так, в 1985 году в Архангельской области я записала причитание от Настасьи Максимовны Кобылиной 1916 года рождения. Тогда ей было около 70 лет. Она вспоминала, как оплакивала «богоданную золовущку» (сестру мужа). «Богоданными» именовали родственников по свойству (замужеству), не кровных.

Богоданна моя да золовущка,
 Уж ты сама жила, да не красовалась,
 Уж нас уехали, спокинули да побросили
 Егор-от да Васильич, Павел да Григорьевич
 Уж не во пору да не во время,
 Молодым-то да молодехоньки,
 Зеленым-то да зеленехоньки.
 Уж осталась с малыми да малолеточками,
 Со старыма да стариками.
 Уж не по своей волошке они да уехали,
 Уж не по своему да желаньцу,
 По военному да приказаньцу,
 Им словами-те не отпроситься,
 Им деньгами-то не откупиться.

То, что она говорила, шло вразрез с государственной идеологией: как можно «отпроситься» и «откупиться» в ситуации призыва к военной службе? Все советские люди должны были стремиться на фронт! Так принято было думать. Так нас учили в школе. Она говорила другое.

Уж они погибли у нас да за быстрыми-то за реками,
 За темными да за лесами,
 Да за высокими да за горами;
 Уж мы не слышали да не видели,
 Где у нас да погибали.
 Уж в быстрой реченьке ли да утонули,
 В темном болоте ли да засили,

Быстра пулюшка их да пострелила,
Востра сабелька да подкосила.
Да уж там они да погибали,
Они там да умирали,
Где кровь текла да реками,
Где трупы лежали да кострами...²

(Зап. от Настасьи Максимовны Кобылиной, 1916 г.р., д. Кеврола Пинежского района Архангельской области. Адоньева С. Б., Демиденко Е. Л. 1985 — ФА СПбГУ Пин17а-2).

Она рассказывает о своем муже и муже золовки, она называет покойников, ушедших на фронт почти полвека назад, по именам и отчествам. Настасья Максимовна помнит конкретную историю, но говорит об этом так, как, наверняка, говорила ее мать и свекровь о тех, кто был призван на первую мировую войну в 1914–1918 гг. Невозможно сочинить эту историю, ее можно только удержать и взять себе, когда тебе это очень нужно. Это — особый способ говорить о событиях жизни, он несется в потоке времени, как дерево в реке, — сохраняя свою форму. И это то, что подхватываем мы в 1985 году.

Она рассказывала золовке, лежащей в гробу, их общую жизненную историю. И теми же словами она рассказала их общую с золовкой историю нам.

Рассказ, разворачивающийся в причитании, посвящен тем чувствам, которые женщина испытывает сама. Но когда причетница говорит о чужом горе, она должна назвать человеку, для которого она причитает, его чувства и назвать его внутреннюю ситуацию. Опытные причетницы говорили: «Я со всех горе сграбила, на себя горе положила». То есть «я собираю это состояние со всех, кто его испытывает, делаю его своим, выговариваю его в причетной речи и так отпускаю его». Поэтому важно, чтобы все плакали на похоронах, потому что это должно быть прожито, названо и отпущено.

О покойном нельзя говорить плохо. Эту норму знают и деревенские жители, и городские. Я полагаю, что плохо не говорят не потому, что боятся покойника или смерти: называется не то, каким он был, а то, каким он для нас теперь будет навсегда. Именно поэтому — «или хорошо, или никак».

Другой пример, который был записан не очень давно: женщина 1925 года рождения рассказывает о том, что ее мать хотела, чтобы она обязательно запомнила и произнесла несколько причетных слов: «Мама нам-то сказывала: “Я помру, дак вы, когда к дому будете подходить, ли подъезжать, что с похорон, с кладбища, да это проговорите, если не можете заплакаться, — ‘Нет больше у нас дневной защитницы, да нет больше у нас ночной заговорщицы’. Вот это место. “И это место, девки, наизусть. Меня похоронят, дак это сплачьте” (Зап. от Зинаиды Николаевны Дерябиной, 1925 г.р., д. Ценогора Лешуконского района Архангельской области. Соб. Цветкова А. Ю. 2010. ФА СПбГУ Леш17а-18).

Умершая мать будет теперь и всегда заступницей для своих дочерей. Может быть, она и не любила и не заступалась при жизни, но теперь, уже перейдя границу

² Костер — (диалект.) поленица дров.

смерти, она будет заступницей, потому что так дочь назвала ее сейчас, в день похорон матери, и она это слышала. Договор между живыми и мертвыми заключен. Ты, — говорила мать той женщины, — будешь обо мне помнить как о дневной защитнице (то есть той, которая защищает от людей) и ночной заговорщице (то есть той, кто защищает магическими действиями от злых сил). И это то, с чем дочь будет иметь дело, когда матери уже не будет рядом. Она себя ей вручила как дневную защитницу и ночную заговорщицу. Именно поэтому мать настаивает на том, чтобы дочь обязательно сама это произнесла. Произнесла и тем самым приняла.

Как мы знаем из этнографической литературы, причитают, потому что положено причитать, потому что того требует ритуал: есть мир живых и мир мертвых, человек перемещается в мир мертвых, нужно его правильным образом проводить. Но мир мертвых для исполнительниц причитаний — это не мир несуществующих ныне людей. Это мир, находящийся далеко в пространстве, но не во времени, мертвые не в прошлом. Мы существуем просто далеко друг от друга, но мы можем общаться друг с другом. Поколение деревенских женщин 1925 года рождения и старше говорит о том, что их матери или свекрови настаивали, чтобы они их оплакали. Младшие считали, что старухи хотят, чтобы ритуал был совершен правильно. Но, кажется, старшие хотели не этого. Они пытались снабдить младших (следующее поколение) формами памяти, которые обеспечат контакт. Для этого требовалось усвоить особую речь.

Я много занималась изучением того, как причитают, но почти не слышала, как причет звучит в ритуале. Впервые я столкнулась с этим в 1983 году, в одной из деревень Вологодской области, когда мне на вопрос: «а покажите, как причитают» — стали причитать, и я очень испугалась. Причитание в голос — особое экстатическое состояние. Женщина причитала, как причитает невеста-сирота: невесте-сироте положено причитать, обращаясь к умершему отцу и прося его о благословении, — ведь родители, неважно, живы они или мертвы, должны обязательно благословить брак. Женщина была лет пятидесяти. Она завершила причет и спросила: «Ну что, понравилось?» И я ушла потрясенная. Вернувшись в дом, где жила наша группа, я попробовала в голос повторять за ней (это была запись на магнитофоне). Слезы потекли на четвертой фразе. И мне стало понятно, что это особая дыхательная техника, изменяющая состояние — и исполнительницы, и слушающего. Она им точно управляла — моим испугом, моим состоянием, и ясно было, что это особое умение. Это действительно миссия — рассказать всем, что здесь и сейчас в действительности происходит, что должны все пережить, — включая покойного, рассказать ему о дороге, которая перед ним открывается. В этом никогда не участвуют случайные люди, не знающие по собственному опыту, о какой дороге и о каком именно чувстве идет речь. Более того, однажды, когда оплакивать покойного пришла женщина 35 лет, ей сказали: рано тебе, не готова.

Мы записываем причитания и сейчас. В мезенских деревнях до сих пор оплакивают мертвых. Но вот в чем тут дело: ты будешь причитать, если ты знаешь, что смерти нет. А если думаешь, что умершие остаются в прошлом, то ты не будешь

говорить с ними. В постсоветской севернорусской деревне практики помина хранят жизненный мир, в котором смерть — только переход. Мы не знаем, что из того, что говорят в причитании, слышат мертвые, но мы точно знаем, какую информацию получают в этой ситуации живые: для чувств предлагаются слова, которые позволяют превратить переживание в опыт и создать связь между живыми и мертвыми.

В заключение, для того, чтобы показать сложную ткань отношений, которую выстраивает причетное знание и практика, приведу интервью, которое я записала в селе Лешуконском (Архангельская область) в 2009 году.

Разговор происходит в доме Нины Федоровны Сухачевой (1937 г.р.), к которой я отправилась, так как на нее указали как на хорошую причетницу. В беседе участвует Нина Федоровна Сухачева (И1), ее соседка, которая зашла к ней посмотреть сериал, ее имени я не знаю (И2), и дочь Нины Федоровны (И3).

Один из эпизодов ее воспоминаний — ее плач на похоронах мужчины-самоубийцы. Она называет в причете прямо то, что он совершил. То есть, казалось бы, делает невозможное — описывает при вдове и публике, пришедшей проститься с покойником, акт его самоубийства. Нина Федоровна говорит о том, что он не подумал о своих сыновьях, то есть она упрекает покойного, называя то, что чувствует и не может высказать ошеломленная происходящим вдова. Причетница говорит и о том, что будет с этой женщиной дальше: вдова самоубийцы натерпится теперь «нелепой славы».

И1: Когда вот..., уж по Наталье, по Нарсудовской. Она тетка мне, да и старая... Да и значит, уж век отжила... Век прожила, но у меня вот почему-то нашлись много-много-много-много... я как плакала...

СА: Слов, да?

И1: Раз, да второй, да третий принялась. Нина Карпова сядет. Заговорит. Не то. И вот выводка как-то, значит...

И2: А у тебя выводка хорошая...

И1: Выводка вот, когда как получится... Когда выводка получится — значит, правильно возьмешь. Оно как-то... и подбор слов получается и, значит, это, так заплачешь.

СА: А что такое выводка? Это как голосом взять?

И1: Да-да. Та вот может как-то... А у меня вот, как получится... Я говорю ей, по Наталье по этой. Дак я ведь, значит, все-все выплакала, и вот прожила-то жизнь долгую.

И3: А вот мы шли до Ляпушкино, тоже вишь плакать-то... Она потом как горе-то приплакала, и она как начала... это... плакать, что ей: «Сердечко, да серединочка, да на две половиночки». Понимаешь? Она как начала... вот горе-то заставило, прямо так плачешь... так оно и говорится!

И1: Я и говорю. По Пахомову. Пришла, и Надю прямо колотит, она... но не может она высказать. Я как-то пришла и... захватила ее и заплакала (поет):

Уж ты удалый добрый молодец...

И2: Ты хорошо запела.

И1: ... уж был добрый, добродетельный... И уж ты бы-то уважительный. И вот... и все это... и чтобы ты...

И ты в силушки, в могутошки,

и уж ты с кем-то думу сдумал-то,

да совершить, да это сделать же,

да уж как нашел да ты веревочку,
да на себя наложил петелку,
и на кого ты понадеялся...

И2: Вишь выводка, мать, какая...

И1: Вот,

и на кого же ты да понадеялся,
и ты оставил тут сердечных деточек,
у тебя всего да два сердечных дитятка, и как,
и уж как два да ясных сокола... И вот это...

И3: И молода жена... типа этого

И2: Да, и молоду жену.

И1: И все это, вот, что значит... че... (поет)

ведь нету в доме тут больше хозяина,
сердечным деточкам наставника,
и вот это все, вот это все. И прямо люди сидят, и, это, вот, когда как это, значит, вы-
плачешь... И по Наде-то... (поет)

Уж поплачь ка ты ту-туу, уже поплачь как ты ту-туу... голубушка.

По своем да миллом ладушки (вздыхает)

И уж как схватишься да ты не вовремя,

уж как расплачешься да тут не во пору.

Уж подойдет тебе да тут, тоска-кручинушка,

и как уйдут, да тут уедут тут сердешны деточки.

И уж как не с кем тут да тебе думу думати.

Уж как не с кем тут да слово молвити. И вот и все, что...

И ты молода, да молодехонька.

И ты во славушки да тут находишься на... Нет,

ты во славушки находишься

нелепой...

Нелепой славушки натерписся...

Вот это все вот это, и как-то вот так это. Вот сама вот это просто. Не знаю вот, как...

СА: Это уже удивительно, потому что у вас... для каждого свои слова находятся.

И2: Да. Она вот пускай для него такие, для других — другие.

И3: Вы знаете, эти слова, как она нашла? Потому что она сама это горе испытала.

И1: Я заплакала, потому что у меня самой...

И3: Я осталась с шести лет без отца. Феде восемь лет было.

СА: То есть слова находятся тогда, когда ты чувствуешь то же самое?

И3: Вот она просто почувствовала, что она...

И1: И она... Маша, Володи дочь, она говорит: «Вот, какая ты мастер, вот, какая ты мастер-то». А Нина Кирилловна, я сижу тут, значит, это, она: «Да поплачь ты, поплачь». Я по Маше по Мезенцевой ишь поплакала, и, значит, как-то так это складно получилось, и вот, что, значит: «Уж как ты моя подруженька, мы сходили с тобой почисту, мы сидели с тобой подолгу, у нас сходились речи, речь говорюшка, и вот это... и уж как я теперь горящица осталась, я куда больше разбежуся». Вот, подружка у меня умерла. Подруга. И вот это. И вот я по ней все вот это. Вот знать ведь...

И2: Кого знает, так оно и... выводка, вишь, как оно надо.

И1: Смотря, по кому. Вот по Кострову пришла, слова нашлись такие обидные.

И2: Да, тоже да. Вот я и говорю.

И1: А когда выводку неправильно возьмешь, не получается. В горле, это, скорбь. Как-кая-то грубость одолит и не можно слов подобрать.

И1: Татьяна-то может. Она ведь как-то может. Она вот ишь придет на кладбище, на кладбище: «Уж я раскину очи ясные, да по прекрасну, по прекрасну людну кладбищу... где-то там, кого-то придет, и, значит, это... Только я тебя... только я тебя да не увидела, я нигде больше тебя да тут не встретила, и вот еще, какой ты был, да там чего-то все вот это, да там вот это уже как-то, да.

СА: Так это к своим, когда приходишь, или и к соседу можно?

И1: Хоть ко своим, хоть...

И2: Ко своим, пускай к детям, пускай. Ну к детям... вот «сердешны детки», которые плачут... Если к мужу, то: «Милый мой ладушка», вот идут, и называют «милый ладушка». Вот так выводки сделать, если у тебя, например... горе есть, горе есть, так прямо, так и подсказывать будет.

И1: Вишь к Анны Николаевны тоже, у Анны Николаевны тут много чего-то было покойников, я тут хорошо че то тут так плакала, пришла к Анне Николаевне, памятник потрогала, да и: «Уж ты слышишь, да не слышишь ли, мы пришли к тебе, да наша голубушка, навестить, да попроведать, да как живешь, да разживаешься ты во холодной-то могилушке, во холодной-то пещерушке, и вот это...» Вот просто свои мысли выражаешь, и все.

И2: Какие мысли есть, те и выражаешь. Че знаешь такое-такое-то, вот выводкой говоришь, и все.

И1: И ведь это... когда че-то придумается, и вот по Клавы пришла, и прожила ты жизнь-то долгую, долгую, жизнь-то долгую-прекрасную, и что ты всего-то тут навиделась, была война, да кроволитная, и это что-то, и все вот... Вот видите, когда, чего, значит...

И2: И у кого, какой этот... Назови ведь, кому, как дать, придешь...

И1: Кому-че ведь надо плакать, кому че.

И2: Кому-чу, кому-че.

И1: Не то, что одна и та же плакса. Все равно, и потом, значит, и плачешь, плачешь, и потом вот это вот все... Я вот по Генке Кирину дак тоже... Таню оплакивала, дак... и на могилу-то так эти милиционеры... значит, мужики-то, я приду, да заплачу, дак им даже хочется слушать, то это, что вот...

И2: Ну понятно...

И1: В расцвете сил ушел,
да больше нет в доме хозяина,
сердешным деточкам наставника, был да добрый, добродетельный, ты для нас да уважительный. Вот и все, и скажешь, и
большо да тебе спасибо, за твою-то за доброточку,
и вот все, значит, как-то это...

Наталья Дранникова

«КАБЫ НЕ БЫЛО Б КОЛХОЗОВ — НЕ БЫЛО БЫ ГОРЮШКА»:
 ЧАСТУШКИ О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РУКОПИСИ
 М. И. РОМАНОВА «ФОЛЬКЛОР УСТЬИ (ОЧЕРКИ). ПЕРЕЖИТКИ
 ДРЕВНИХ ЭПОХ В ФОЛЬКЛОРЕ И БЫТЕ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ»¹

Михаил Иванович Романов – известный устьянский краевед. Внес большой вклад в изучение истории и культуры Устьянского района Архангельской области. В 1990-е — 2000-е гг. о М. И. Романове писали краеведы и ученые².

Чтобы понять личность Романова, кратко остановлюсь на его биографии. Он родился в 1886 году в д. Алфёровской Дмитриевской волости Вельского уезда Вологодской губернии в семье сына потомственного священника. Учился в церковно-приходской школе, затем — в Духовном училище в Великом Устюге и Вологде, впоследствии — в Тотемской учительской семинарии. Во время срочной службы в Кронштадте проникся революционными идеями и в дальнейшем воевал на стороне красных. После возвращения с Гражданской войны начинает собирать материал по истории и культуре Устьи, проводит археологические раскопки, заводит переписку с различными научными учреждениями и отдельными учёными. В это же время М. И. Романов заканчивает Государственный Центральный институт заочного обучения иностранным языкам в Ленинграде и Северный краевой комвуз³, получает дипломы учителя русского языка и переводчика высшей квалификации.

В 1930 г. в СССР начинается всеобщая коллективизация, которая носила насильственный характер. М. И. Романов выступил против ее принудительного характера. После этого его и его супругу освобождают от работы в школе, но заступничество местных крестьян и общественности помогло ему восстановиться на работе.

¹ Архив Архангельского областного краеведческого музея (далее АОКМ). №74. Оп. 3. Ф. 3.

² Федоров Н. Отворите мне темницу: круг бытия М. Романова, патриота родного края и мечтателя // Правда Севера. 1999. 11 февр. С.15; Антуфьев В. Ф. Романова репрессии не сломили // Заволочье. Устьянская земля. Октябрьский; Вельск, 2012. Вып. 1: Матер. 1–6 межрегион. краевед. чтений, посвященных памяти М. И. Романова. С.58–61; Болдырев И. И. Михаил Иванович Романов — исследователь истории и культуры Устьянского края // Заволочье. Устьянская земля. С.13–15; Мамонов В. П. К изучению «Словаря устьянских говоров» М. И. Романова // Заволочье. Устьянская земля. С. 75–80; Алферов М. Ф. Краевед М. И. Романов // Важская область. 1993. №7/12. С.21–25; Биткова О. В. Архивное дело 1937 года М. И. Романова // Заволочье. Устьянская земля. С.56–57; Вережкина Г. А. М. И. Романов — исследователь истории и культуры Устьи: (по материалам Вельского краеведческого музея) // Заволочье. Устьянская земля. С. 52–55; Власов А. Н. Роль местных краеведов в изучении и собирании Устьянского фольклора. Михаил Иванович Романов (1886–1956) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014. Т. 2013. С. 83–94.

³ Вчера открылся Северный комвуз // Правда Севера. 1931. 2 янв. С.1.

В 1937 г. его арестовали вновь. В «Поморском мемориале» об аресте М. И. Романова написано: «Романов Михаил Иванович, 1886, уроженец с. Дмитриевское Сольвычегодского уезда, житель г. Вельска Вельского района, преподаватель, на иждивении имел 5 детей. Арестован 21.12.37. Тройкой УНКВД по Архангельской области 29.12.37 по ст. 58–10 УК РСФСР незаконно лишен свободы сроком на 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирован 29.10.55»⁴.

Отбывал срок в лагере, в 1947 г. был освобождён. После освобождения работал в школе, но в 1953 г. преподавание в школе пришлось оставить из-за проблем со здоровьем. В 1956 г. М. И. Романов скончался.

Итогом исследовательской деятельности краеведа стали труды «История Устьянских волостей», «Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской — Дмитриевской волости» и «Фольклор Устья (пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни)»⁵.

Несмотря на большое количество работ, посвященных М. И. Романову, его рукопись «Фольклор Устья (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни»⁶ не стала предметом специального исследования. Она хранится в архиве Архангельского краеведческого музея, куда поступила в 1978 г. Обстоятельства передачи рукописи мне выяснить не удалось. Рукопись состоит из нескольких разделов, в одном из них находятся записи обрядов, в другом — заговоры и мифологические рассказы, в третьем — частушки. Частушка — поздний фольклорный жанр, который появился приблизительно в середине XIX в.⁷ Чаще всего частушка имеет четырехстрочную форму. Ее отличительной чертой являются оценочность и коммуникативность. Исполнителям частушек важно не просто сообщить о каком-то факте, произошедшем с ними, или событии из жизни деревни, но и выразить свое отношение к ним. Существует частушечный речевой акт, главное условие исполнения частушек — публичность. Они могут исполняться в форме диалога.

Цель статьи — выявить специфику памяти о периоде коллективизации на Устье, исследуя тексты частушек из собрания М. И. Романова. Поэтому мое внимание, в первую очередь, привлекли частушки о колхозе и строительстве социализма в деревне. Я рассматриваю их как элемент неких социальных процедур. В частушках исполнители обнаруживают публично то, что в повседневной норме социального поведения скрывается. При анализе текстов необходимо исходить из социального контекста частушек. Частушка агентивна и в 1920-е-1930-е гг. существует в новом социальном контексте. Опираясь на классификацию памяти А. Адлейбы, я отношу

⁴ Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск. 1999–2001. В 3 т.

⁵ Романов М. И. История Устьянских волостей. Ч. 1: Устьян. волости до Смуты, XII–XVI вв.: рукоп. Печма, 14.01.1951 (находится в архиве М. И. Мильчика); Романов М. И. Фольклор Устья (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни. АОКМ. № 74. Оп. 3. Ф. 3; Романов М. Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии. 1928. (Рукопись).

⁶ Романов М. И. Фольклор Устья (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни. АОКМ. № 74. Оп. 3. Ф. 3. (Далее — ФУ).

⁷ Дранникова Н. В. Формирование жанра частушки как один из этапов развития народной поэзии (на материале Архангельской области). Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 1994.

частушку к коммуникативной памяти, поскольку это один из немногих жанров, предполагающих диалог. Не случайно в некоторых локальных традициях существовал обычай обмена частушками, своего рода состязание. О существовании частушечного агона пишет С. Б. Адоньева. «К коммуникативной памяти относятся воспоминания, разделяемые индивидом со своими современниками, память, возникающая во времени и преходящая вместе со своими носителями, уступая место новой памяти»⁸. Предельное значение, как для бесписьменных, так и для письменных обществ, составляет не более 80 лет⁹. Судя по содержанию частушек, они были записаны в 1930-е гг. Публикация текстов сопровождается комментариями М. И. Романова. Он выделяет среди них «кулацкие», в которых колхозная повседневность оценивается негативно, пишет, что они «отходят»¹⁰. Приведу несколько примеров.

— Распроклятая коммуна,
Посадила на паек,
Хлеба выбросят полфунта
И работой весь денек.

— Кабы не было полос,
Не было бы полошка,
Кабы не было колхозов,
Не было бы горюшка.
(ФУ. С. 459)

В частушках, записанных Романовым, «заморозили картошку при колхозе “Большевик”», «изморозили картошку пудиков на двести», лошадям «дают гнилой овес», инвентарь «занесло сыпучим снегом», колхоз «Союз» «пропил деньги на вино», в колхозе «хлеб немолоченный», колхозники «отвыкают от пресного молока», колхоз занялся разведением свиней, но «свинкам чего ести?» и др. Эти частушки близки традиционным, например, тексты о *горюшке* (см. выше) исполнялись в деревнях после свадеб и похорон¹¹. Хотя из содержания частушек следует, что создание коммун и колхозов вызвало в деревнях голод, привело к обесцениванию крестьянского труда и к узакониванию режима ненормированного рабочего дня, но в своих комментариях к ним М. И. Романов пытается оправдать деятельность советской власти в деревне и противопоставить ее жизни села до 1917 г. Он пишет о «социальном лице авторов такого рода частушек», подразумевая, что ими являлись местные «кулаки» — враги советской власти¹². Подобные комментарии М. И. Романова можно объяснить такой чертой, как двоемыслие, когда человек в целях самосохранения в условиях тотальной государственной

⁸ Адоньева С. Б. Частушечный агон. URL: http://folk.ru/Research/Conf_2002/adonyeva.php?rubr=Research-conf (дата обращения: 1.09.2021).

⁹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004. С. 53.

¹⁰ ФУ. С. 458.

¹¹ Дранникова Н. В. Формирование жанра частушки... С. 9.

¹² ФУ. С. 458–459.

идеологии думал одно, а говорил другое. Двоемыслие было одной из главных особенностей советского сознания. В то же время можно предположить, что в первые годы советской власти М. И. Романов был увлечен идеями преобразования человека через создание новой трудовой школы, или идеей создания нового советского человека, который освобождался от несовершенства настоящего. Большевизм имел просветительский пафос, который строился на отказе от всего старого. Идеи просвещения и создания человека будущего оказали влияние на многих образованных людей того времени.

Являясь собирателем и исследователем традиционной культуры, М. И. Романов в то же время критикует мировоззрение дореволюционной деревни из-за того, что в ней «было много анимизма и фетишизма»¹³. Весь корпус частушек в рукописи является традиционным, но, пытаясь их анализировать, М. И. Романов придает им в своих комментариях идеологическое звучание. Например, начавшийся голод, о котором говорится в частушке, он пытается объяснить не коллективизацией, а называет следствием трудных лет Гражданской войны.

У кого какой милой, —
У меня-то Пашка,
Что ты, Пашка, не принес
В пазухе челпашка?
(ФУ. С. 495)

Челтак, челташек — небольшой ячменный хлебец.

В рукописи, наряду с частушками о колхозах, находятся тексты о деревенском комсомоле. Краевед пытается связать деятельность комсомола в деревне с традиционными молодежными отношениями, которые ранее складывались на игрищах и вечеринках, и пытается объяснить появление комсомола тем, что молодежь «привыкла жить коллективом». Комсомол, по Романову, является «товарищеской средой»¹⁴.

Типичные мужские хулиганские частушки он противопоставляет поведению комсомольцев и коммунистов — проводников «новой» жизни в селе. В рукописи дается описание традиционного поведения парней. В деревнях они гуляли группами, на Вологодчине — «шаечками». В «шайке» был вожак и гармонист, а ее участники хвастались «хулиганской отвагой». Драки были конвенциональным типом поведения деревенской молодежи. Но в своих комментариях М. И. Романов пишет, что драки иногда переходили «в зверства»¹⁵ и что «хулиганства» «несознательной» деревенской молодежи поддерживала семья. Он пишет: «Даже в семью проникает хулиганский культ»¹⁶.

— Батько финский ножик точит,
Мати гирю подает,
Сестра револьвер заряжает,
На гулянку брат идет.¹⁷

¹³ ФУ. С. 19.

¹⁴ ФУ. С. 459.

¹⁵ ФУ. С. 19.

¹⁶ ФУ. С. 462–463.

¹⁷ ФУ. С. 463.

Коммунисты и комсомольцы, по Романову, окультуривают деревню, несут новые знания и отношения. Он противопоставляет партийную и беспартийную молодежь и «советские» отношения между парнями и девушками. «Прежняя молодежь на игрищах и единоличных полях, новая — в избе-читальне, кино, курсах»¹⁸.

«В двадцатых годах середняцкая деревня относилась настороженно, а кулацкая враждебно к Советской власти, к партии и партийцам, что сказалось на чувствах девушек из этой среды»¹⁹. Девушки любят парней за ударную работу и сознательное отношение к своим обязанностям. Девушки уже не ставят свою любовь «выше всего на свете». Для них важнее личного чувства «общественная роль, труд»²⁰. Советизация деревни изменила традиционные отношения в деревне. Представители старшего поколения потеряли авторитет, а девушкам позволялась свобода поведения. Романов назвал их «новыми» женщинами (*Дорогие коммунарочки, кого Вы любите?*).

Так называемому «зверству» несознательной молодежи он противопоставляет поведение комсомольцев: «Переход от бескультурия, от этого дикого зверства наметился только с появлением комсомола в деревне, а окончательно окреп только после коренной ломки старой экономики в деревне»²¹. Под старой экономикой он понимает частную собственность. Являясь собирателем фольклора, он, тем не менее, относит его ритуальные проявления к сфере «бескультурия».

Анализ частушек Романов строит на антитезе старой жизни и новой. Все, что относится к старой жизни, наделяется им негативными характеристиками и коннотациями.

Он противопоставляет рекрутчину и службу в царской армии Красной Армии. Царская служба, по Романову, была унижительной, а солдаты в ней были лишены человеческого достоинства. И тут же он пишет о том, что «рекрута крутили целый год»²². После описания проводов рекрута в царское время он вносит в рукопись частушку о мобилизации в Красную Армию, сопровождающуюся новыми ритуальными практиками:

Вышла баба провожать
В армию с иконами.
— Ты иди-ко, бабка, спать.
Мы с красными знаменами.
(ФУ. С. 533)

В традиционном рекрутском обряде новобранца провожали в армию с иконами, но в частушке красные знамена противопоставляются иконам, а «несознательная» баба, верившая в Бога, — передовой советской молодежи.

Романов постоянно переходит с этнографического анализа частушек на идеологический. В отдельную группу он выделяет частушки о «любви и браке

¹⁸ ФУ. С. 527.

¹⁹ ФУ. С. 560.

²⁰ ФУ. С. 528.

²¹ ФУ. С. 465.

²² ФУ. С. 533.

в колхозной деревне». Советская власть создавала новые ритуальные и повседневные практики, что приводило к разрушению традиционных обрядов жизненного цикла человека. Романов пишет: «Пала несокрушимость брачного ига, пал семейный деспотизм»²³. «В решении брачного вопроса главную роль играли не любовные чувства..., а воля родителей»²⁴. В его комментарии проникает официальный советский дискурс. Он пишет о фольклоре, используя лексику советской пропаганды.

В своей рукописи Романов критикует царское краеведение, пишет, что оно носило «классовый характер», цитирует статьи Ленина²⁵, но при этом ссылается на известного ученого Н. Я. Марра и демонстрирует знание его трудов²⁶. Вероятно, этот комментарий был вызван разгромом краеведческого движения в СССР и «делом краеведов», проходившем в 1929–1931 гг.²⁷ С конца 1920-х гг. обнаруживается стремление советской власти поставить краеведческие организации и саму краеведческую работу под жесткий идеологический контроль. Это, в частности, выражается и в том, что к руководству краеведением «пришли лица, имевшие преимущественно опыт партийной или государственно-аппаратной работы»²⁸. Прекращение краеведческой традиции в Советском Союзе произошло на рубеже 1920-х — 1930-х гг., что было вызвано репрессивной политикой власти по отношению к науке и ко всем формам проявления самостоятельного научного творчества. Начиная с 1927 г. — с III Всесоюзной краеведческой конференции — краеведение в стране начинает становиться «советским».

Фольклорный материал в рукописи противоречит содержанию комментариев М. И. Романова. Он свидетельствует о понимании краеведом народной культуры и его глубокой заинтересованности предметом исследования. В рукописи содержится много ценных этнографических сведений. Так, после комментариев об успехах комсомола в деревне в рукописи неожиданно появляется описание традиционных свадеб и любовных отношений между девушками и парнями.

«Хождение парня к девушке на ночлег и любовная связь не поощрялась родителями, но в большую вину девушкам на Устье не ставилась. Связь не осуждалась, если не заканчивалась беременностью. Беременность превращала ее в “девку-ребятницу”»²⁹. Свадьбы начинались после Пасхи, сватались на Николу (Миколу) Зимнего (22 декабря)³⁰.

²³ ФУ. С. 560.

²⁴ ФУ. С. 518.

²⁵ ФУ. С. 13.

²⁶ Н. Я. Марр — российский и советский востоковед, историк, этнограф и археолог, академик. После революции получил известность как создатель «нового учения о языке».

²⁷ Цавелев С. П. Горизонты и тупики исторического краеведения в России // История и историческая память. Саратов, 2015. Вып. 12. С. 134–155.

²⁸ Шмидт С. О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М. 1997. С. 157

²⁹ ФУ. С. 490–491.

³⁰ ФУ. С. 514.

М. И. Романов делает попытку классификации частушек. Он делит их на частушки о легкомысленной и серьезной любви, а по гендерному признаку — на мужские и женские. Делает вывод о том, что только 20 процентов всех частушек являются мужскими, и называет их нескромными.

Анализ материалов рукописи позволяет сделать вывод о том, что М. И. Романов, являясь собирателем традиционного фольклора, тем не менее пытался обесценить его в своих комментариях и придать ему идеологическое значение. Комментируя собранные фольклорные материалы, он невольно становился на сторону советской идеологии, которая причисляла крестьян к темной и невежественной части населения страны, нуждающейся в развитии и приобщении к ценностям «новой жизни». В заглавии рукописи фольклор назван им «пережитком древних времен». В комментариях Романов поддерживает создание колхозов и комсомола, отводя последнему важную роль в строительстве «новой жизни» в деревне. Комментарии Романова демонстрируют конформизм, на который вынуждены были идти многие советские исследователи под давлением государственной идеологии в условиях тоталитаризма, что не исключает его возможных симпатий новому мировоззрению и увлечение идеей создания «нового» человека.

Константин Исупов

О РУССКОМ ЮРОДСТВЕ

Юродство — это экстремальная форма самоотречения, вид практической религиозно-бытовой аскезы внеуставного содержания; вид святости; тип маргинального творческого поведения. Классический юрод — это трагический лицедей, антигерой-обличитель обыденного мира и его мнимых ценностей, Божье дитя, презревшее высокоумие земных князей и собственное тело, «Божий шут» (Л. Карсавин. Поэма о Смерти, 1932) в веригах, актер и зритель собственной игры. О Симеоне Юродивом:

Овогда храмле, овогда скача хождаше; овогда же по земли ползая и текущим по пути запиная ноzi, и лежа на земли, бияше землю ногами, но новый же месяц притворяше себе беснование, и падая аки бесен и на многая очесам человеческим неугодная и нелепая деяще, всем себе безумна бытии являя, да никто же мнить его быти свята¹.

Юродивого воспринимают как наместника Страшного суда на земле; никого не боится, суд земной ему не страшен, поскольку никто не способен оказаться более жестоким по отношению к своему телу, чем он сам; не страшится он и чужого мнения. Таким запомнил увиденного в детстве юродивого Глеб Успенский:

...он носил на теле настоящие, подлинные и притом ужасные язвы. Вериги были закованы на нем наглухо, на веки веков, а он, надевший их в молодых летах, рос, кости его раздавались, и железо въедалось в его тело; ржавчина и пот разъедали кожу до степени настоящих язв, а в жару, например в бане, которую он “по грехам” очень и очень любил, раскаленное железо так пекло эти язвы, что из них лила самая настоящая кровь. Не довольствуясь этими мучениями, заставлявшими его поминутно, при самом малейшем движении, испытывать ощущения уколов шила или иглы, он еще любил жечь на огне, на свечке, пальцы свои, ставить подошву на уголь, не говоря уже о том, что летом ноги его постоянно были изодраны острыми камнями мостовой, а зимой кожа на них лопалась до крови от морозов...².

¹ Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые. СПб., 1900. С. 73. В романтической традиции образ юродивого облагораживается в контекстах его пророческого служения. См. Сомов О. М. Юродивый // Северные цветы на 1923 г. Ср.: Анаевский Ф. Е. Юродивый мальчик в железном зеленом клобуке. СПб., 1844; Андреев В. П. Юродивый // Маяк. 1841. Ч. 15; Колианский Е. Г. Юродивый // Маяк. 1847. Т. 4. Кн. 7; Амфитеатров А. В. Город юродивых // Амфитеатров А. В. Одержимая Русь. Демонические повести XVII века. Берлин, 1929. С. 256–278; Гауптман Г. Юродивый Эммануэль Квинт. Роман. 1910; Наумов Н. И. Юродивая // Дело. 1872. 7, 11.

² Успенский Г. И. Парамон юродивый (Из воспоминаний детства) // Успенский Г. И. Собрание сочинений в 9 томах. М., 1956. Т. 1. С. 237.

В жутковато-веселом поведении защитника правды последняя прикрита, как щитом, убогим образом. Подлинная правда не сказуема в гармоническом речении и в упорядоченном по правилам риторики высказывании; специфичное косноязычие и невнятное бормотание юрода апофатично (Аким во «Власти тьмы», 1887, Л. Толстого³; ср. стихотворство капитана Лебядкина; экстатические глоссолалии Андрея Белого⁴). Есть стыд формы и бесстыдство последней правды. Юродство и есть самораскрытие в человеке стыда формы правды, ее эпатазирующее людей явление. Юроду позволены вещи, непредставимые в рамках нормированного социально-ролевого поведения.

Английский посланник Дж. Герсей описывает случай, когда юродивый Никола Псковский встретил Ивана Грозного смелыми проклятиями, заклинаниями, руганью и угрозами, причем царь содрогнулся от этих слов и просил его молиться об избавлении и прощении. Прокопий Вятский срывал шапку с воеводы и тасил его в тюрьму, Василий Блаженный уничтожал товары на рынке, квас и хлеб; Симон Юрьеvecкий душил священника, Василий босой убивает попа⁵.

Феномен юродства является изначально православным и в этом смысле — национально-русским, не имеющим прямых аналогий в культурах иного типа (ср. фигуры евнуха, дервиша, суфия, йога).

В типологическом смысле поведение юродивого напоминает древний опыт негативной символики и шоковой педагогики в чаньском фольклоре и в даосской традиции⁶. В своей истории русское юродство получает множество секулярных форм выражения. Юродство стало национальной чертой отечественного поведения и образа жизни, а со временем — и предметом игры и мимикрии (лже-старец Г. Распутин). Амбивалентный характер юродства сочетает бессознательное лицемерие с открытым отрицанием основ нормированной жизни, надрыв страдания с комической самокритикой, сакральную серьезность религиозного подвига с жизненной клоунадой.

Известным исследователем сказано о феномене юродства: «Пассивная часть его, обращенная на себя — это аскетическое самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти, подкрепленное буквальным толкованием некоторых мест Нового Завета: “Еще кто хочет ко мне идти, да отвергнется себе” (Матф. 16: 24, 25). Активная сторона юродства заключается в обязанности “ругаться миру”, т. е.

³ *Дагаева К. А.* Юродство в раннем творчестве Достоевского и Л. Толстого («Бедные люди», «Детство») // Творчество Ф. М. Достоевского. Проблемы, жанры, литературная стилистика. Новокузнецк, 1998. С. 75–76. См. о героях Н. Лескова: *Матеоунакайте И. В.* «Чрева ради юродивый» Н. С. Лескова (Традиции юродства в рассказе «Шерамур») // Северо-Запад. Историко-культурный региональный вестник. Череповец, 2000. Вып. 3. С. 88–99.

⁴ *Лотман Ю. М.* Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 437–443.

⁵ *Юрков С. Е.* Под знаком гротеска: Антиповедение в русской культуре (XI — нач. XX вв.). СПб., 2000. С. 60; следует ссылка на кн.: *Иванов С. А.* Византийское юродство. М., 1994. С. 147, 188–189.

⁶ *Воскресенский Д.* «Странные люди» и роль индивидуальности в китайской культуре // Межвуз. научн. конф. по истории литератур Ближнего Востока. М., 1968; *Померанц Г. С.* Традиция и непосредственность в буддизме чань (дзэн) // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972.

жить в мире среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия»⁷.

Новейший автор добавляет: «Не просто несогласие с миром (в этом случае оказалась бы достаточной проповедническая деятельность, которая, впрочем, не получила распространения на Руси из-за опасения ересей), а подчеркнуто “перевернутое” по отношению к нему поведение с тем, чтобы дать понять — не юрод нарушает норму, а сам мир ненормален до противоположности божественной истине»⁸.

Юродство выражает отчаяние перед несовершенной жизнью, тоску о слабом человеке и попытку прорваться сквозь грешную телесность к святой возможности Встречи с Богом, раскрыться ему в жертвенном самонаказании. Юродство — форма кризиса духа и вечного стояния на пороге смерти заживо:

С блуждающим взором, бледна и страшна,
В рубахе дырявой, босая,
Опять под окошком явилась она,
Седой головою мотая <...>
Юродствует, вишь ты. А прежде была
Богачкой, в каретах каталась,
Да вольною волею все раздала, —
В чем мать родила, в том осталась <...>
Ее зазывают на кухню, в тепло;
Накормят, наденут ей платье;
Согреется, дуручка, взглянет тепло, —
И молвит: «Спасибо вам, братья!»⁹

Юродство может свидетельствовать о трагической разломленности жизни на неадекватные сферы слова и идеи: озабоченность Мышкина мыслевыражением («У меня слова другие, не соответственные мыслям, а это унижение для моих мыслей») определяет неполноту его личного юродства, в принципе неспособного завершить героя и оставляющего его на стадии «идиота» (отсюда, в частности, все следствия трагической вины героя Достоевского). От самоуничижительных жестов Макара Девушкина и Фомы Опискина до эстета-юродивого Ставрогина и позерского юродства Федора Павловича Карамазова, от маргиналов церковной Ограды (блаженная-юродивая Лизавета; изуверско-фанатическое юродство отца Ферапонта) до патологического лже-юродства Смердякова — таковы воплощения «основного героя» Достоевского¹⁰.

⁷ Лихачев Д. С. Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 79. Ср. Панченко А. М. Юродивые на Руси // Аз. Приложение к газете «Литератор». Л., 1990. С. 2–20.

⁸ Юрков С. Е. Под знаком гротеска: Антиповедение в русской культуре (XI — нач. XX вв.). СПб., 2000. С. 54.

⁹ Барыкова А. П. Юродивая // Царицы муз. М., 1989. С. 168–169.

¹⁰ Нельс С. М. Комический мученик. К вопросу о значении образа приживальщика и шута в творчестве Ф. М. Достоевского // Русская лит. Л., 1972. № 2. С. 125–133; Силкин Н. Е. Юродивые у Ф. М. Достоевского и чудаки у Т. Манна // Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Л., 1977. Вып. 3. С. 111–125.

На них сказалось исконно русское юродство мысли (привычка к апофатическому поиску правды) и творческого поведения, связанного, в частности, с мессианистскими наклонностями: таково поведение П. Чаадаева, А. Хомякова, поздних Гоголя и Л. Толстого, В. Гаршина, В. Соловьева, С. Есенина, символистов. Привкус юродства несет отшельнический образ жизни Н. Федорова. На современников странный, высокий и отрывистый смех В. Соловьева производил впечатление юродского эпатажа; характерен в этом смысле и последний поступок Л. Толстого (уход). Зная, что одной риторикой людей не убедить в своей правоте, писатель искал авторитетную для национальной аксиологии форму поступка, бесспорно-внятную, но реализуемую в маргинальном пространстве типов поведения, на грани обыденного и экзотического. Такая форма, отвечающая ожиданию адептов, была найдена: духовное юродство¹¹. Имеется в виду не внешняя (экстремальная и надчеловеческая) сторона аскезы «юродивых во Христе», с их веригами и «антиповедением», а внутреннее юродство мысли, находящее выход в поведение в той степени, какую диктует русская традиция религиозных исканий. Толстой на исходе жизни выбрал юродство как источную форму философской эвристики. Она найдена на пред-философской, почти языческой — в духе Франциска — стадии взыскания правды. Духовное юродство — способ публичного самовыражения, по условиям которого поступок приравнивается к высказыванию. Это риторическая форма поведения, удерживающая в себе органичные для юродства черты мессианства и профетизма. Юродивый — владелец и инициатор особой формы слова — приоритетного слова, впервые говорящего последнюю правду. В оценках как святоотеческой мысли, так и в трудах современных богословов юродство предстает как тип святости и как форма компетентного владения Божьей истиной¹².

¹¹ Краинский Н. В. Лев Толстой как юродивый. Психопатологический очерк. Белград, 1928.

¹² Алексий (Кузнецов), иером. Юродство и столпничество. СПб., 1913 (М., 2000); Беленсон Е. О подвиге юродства // Путь. Париж, 1927. № 8; Горичева Т. М. Юродивые поневоле // Беседа. Л.; Париж, 1984. № 2. С. 54–86; Дамаскин, иеромонах (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской православной Церкви XX столетия. Тверь, 1992. Т. 1. См. также: Андрианова В. П. Житие Алексея Человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917; Аристов Н. Симбирские юродивые // Исторический вестник. 1880. Т. 1; Киреев А. Ф. Юродивый Иван Яковлевич Корейша. М., 1898; Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые в восточной и русской Церкви. М., 1902; Максимов С. В. Бродячая Русь. СПб., 1907. Т. 2; Поспелов И. Блаженный Симон Христа ради юродивый Юрьевецкий чудотворец. Кострома, 1879; Прыжов И. Г. Сказание о кончине и погребении московских юродивых. М., 1862; Пыляев М. И. Старое житье. СПб., 1897; Пятицкий М. Юродство Христа ради // Новгородские епархиальные ведомости, 1898. Т. 24, 26; Экземпларский В. В. Христианское юродство и христианская сила (К вопросу о смысле жизни) // Христианская мысль. 1916. № 1. С. 63–86; № 2. С. 53–67; № 3. С. 28–43; Кологривов И. 1) Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961; 2) В поисках Святой Земли // Надежда. М., 1980–1981. Вып. 6; Порча, кликуши и бесноватые... Новгород, 1900; Доценко С. М. Нарочитое безобразия // Литературное обозрение. Эротика в русской литературе (спец. выпуск). 1992; Мурьянов М. Житие Алексея Человека Божия в славянской рецепции византийской культуры // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1968. Т. 23; Федотов Г. П. Святые Древней Руси, 1931. М., 1990 (гл. 13 — «Юродивые»); Поселянин Е. Русские подвижники 19 века. СПб., 1901; Скоморохи. Сборник статей и рефератов международного симпозиума. СПб., 1994; Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 326–336; Иванов В. В. 1) Красота безобразия. Петрозаводск, 1993; 2) Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005; Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2: Три

В. В. Зеньковский не без основания полагал, что в феномене юродства следует видеть начало русской философии¹³.

В косноязычной речи древнерусского юродивого проборматовалась та единственная правда, что несказуема в гладком слове; этому бормотанию отвечал «нелепый» (отрицающий всякую самозванную лепоту) жест и шокирующий поступок. Юродство в русской культуре связано с «уходом» как типом фронды (уходы в скифы или в монастырь, «к цыганам» или «в актеры»), в город или в деревню, «в народ» или в эмиграцию; ср. романтический мотив «добровольной» ссылки у Пушкина и Лермонтова). Уход в город внес элементы юродства в поведение С. Есенина и В. Шукшина <ср. его героев-«чудиков»>); «в народ» ушли и пропали А. Добролюбов и Л. Семенов. Их, как и Л. Толстого, Н. Бердяев назвал «нашими русскими францисканцами». Юродство как тип «Божьего безумия» наблюдали в поведении В. Хлебникова, А. Белого, В. Свенцицкого, Н. Клюева, Е. Честнякова, обэриутов и футуристов. Юродство как творческая установка стало креативным принципом Серебряного века¹⁴.

С фигурами В. Соловьева, П. Флоренского, А. Ремизова, А. Добролюбова, В. Розанова¹⁵, Л. Семенова, с творчеством обэриутов, с мистериальным жизнеощущением впечатляющего ряда писателей, живописцев и музыкантов духовное — юродство как поведенческий нигилизм и апофатическое взыскание вышней Истины — вернулось на родную почву, насытив творческий воздух XX в. памятью о собственных истоках. По Флоренскому, слово юродивого есть позиция открытости Другому¹⁶, в отличие от М. Бахтина, для которого в надчеловеческой и абстрактной отверженности юродивого заключен грех гордого одиночества и противления Другому¹⁷; для С. Булгакова в подвиге юродства мыслится предел забвения «самости» в жертвенном предстоянии Богу. В русской религиозной традиции внешнее неблагообразие юродивого компенсируется той высшей святой красотой, носителем которой он является. В культуре вырвавшегося на свободу андеграунда и в постмодерне юродство также имеет место; в нем усилены элементы вымученного и наигранного героизма паче гордости.

Большим утешением для историков русской культуры была публикация в книге «Перед снегом» (1962) историософского лирического шедевра Арсения Тарковского

века христианства на Руси (XII–XIV века). М., 1998; *Туминская О. А.* Блаженные и юродивые в истории, житии и изобразительном искусстве Древней Руси. СПб., 2012.

¹³ *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 т. Изд. 2-е. Париж, 1989. Т. 1. С. 44.

¹⁴ В. Шкловский о Ремизове: «Мы юродствуем в мире для того, чтобы быть свободными» (*Шкловский В. Зоо.* Письма не о любви, или Третья Элоиза. Берлин, 1923. С. 29). См. *Обатшина Е. Р.* От маскарада к третьей-скому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // *Лица: Биограф. Альманах.* М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 448–465; *Платонов А. П.* Записные книжки 1927–1950 гг. // *Огонек.* 1989. № 33. С. 15; *Меньшикова Е.* 1) Трагический парадокс юродства, или Карнавальный гротеск Андрея Платонова // *Вопросы философии,* 2004. № 3. С. 111–132; 2) *Всполохи карнавала. Гротескное сознание как феномен советской культуры.* СПб., 2006.

¹⁵ *Фатеев В. А.* Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991. С. 334–339.

¹⁶ *Булгаков С. Н.* Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1917. С. 348.

¹⁷ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 106, 125, 128, 150, 161, 353.

«Юродивый в 1918 году» (1957). В этом метафизическом мемуаре великого русского поэта-визионера, наследника лучших традиций Золотого и Серебряного веков, феномен византийско-отечественного юродства осмыслен исключительной глубоко и во всей полноте его духовного содержания:

За квелую душу и мертвое царское тело
Юродивый молится, ручкой крестясь посинелой,
Ногами сучит на раскольничьем хрустком снегу:
— Ай, маменька, тятенька, бабенька, гули-агу!

Дай Феде просвирку, дай бедному Феде керёнку,
Дай царь государь, импелай Николай, на иконку!
Царица лисица, бух-бух, памалей, алалей,
Дай Феде цна-цна, исцели, не стрели, Пантелей!

Что дали ему Византии орлы золотые
И чем одарил его царский штандарт над Россией,
Парад перед Зимним, Кшесинская, Ленский расстрел?
Что слышал — то слушал, что слушал — понять не успел.

Гунявый, слюнявый, трясет своей вшивой рогожей
И хлебную корочку гложет, на белку похоже,
И красноармейцу все тычется плешью в сапог.
А тот говорит: — Не трясись, ешь спокойно, браток¹⁸.

¹⁸ Тарковский А. Земле — земное. Вторая книга стихов. М., 1966. С. 153.

Мария Пироговская

О СЕЗОННОЙ ПРОЗЕ И СОЦИОЛОГИИ НЕЛОВКОСТИ (СЛУЧАЙ ТЭФФИ)

You could not shock her more than she shocks me;
Beside her Joyce seems innocent as grass.
It makes me most uncomfortable to see
An English spinster of the middle-class
Describe the amorous effects of 'brass',
Reveal so frankly and with such sobriety
The economic basis of society.

W. H. Auden. Letter to Lord Byron (1937)

Предисловие

Елена Владимировна, автор уже классической книги про русскую ёлку, с самоиронией замечала: вот и Новый год близится, скоро опять начнут звонить журналисты и спрашивать про ёлку, игрушки, святки и Деда Мороза¹. Когда-то Е. В. предложила мне самой тему про русский дачный текст: ее интриговали сезонные сюжеты, скрепляющие время, темы и мотивы — и ожидания людей, готовых слушать и читать об уже хорошо им известном. Моей работе про дачный текст, правда, не пришлось осуществиться. Но начало работы над этой темой стало началом моего интереса к мелочам, к массовому, к устаревшим шуткам и типическим неловким ситуациям, к той самой сезонности, которая и заставляла журналистов звонить Е. В. и просить ее снова рассказать про петровскую реформу календаря и значение ёлочных шаров. Сезонность роднит дачные рассказы с другими календарными текстами рубежа XIX и XX веков; сезонность роднит дореволюционные святочные и пасхальные рассказы с современными сборниками для детского чтения и «датскими» (приуроченными к календарю) материалами в прессе. О сезонности, времени и неловкости я и хотела бы написать в память о Елене Владимировне — как примечание к ее собственной статье о дачном тексте в юмористическом журнале «Осколки»².

¹ Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995; Душечкина Е. В. Русская ёлка: История, мифология, литература. СПб., 2002.

² Душечкина Е. В. Дачный текст в журнале «Осколки» // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / Eds. N. Baschmakoff, M. Ristolainen. Aleksanteri Series. Helsinki. 2009. No. 3. P. 109–119.

* * *

В 1909 году в популярной и влиятельной газете «Русское слово» (к 1915 году ее тираж достиг 650 000 экземпляров, к лету 1917 года — перевалил за миллион) начинает публиковаться петербургская фельетонистка Тэффи — Надежда Александровна Бучинская, урожденная Лохвицкая (1872–1952). Биограф Тэффи Эдит Хаббер отмечает, что именно контракт с «Русским словом» сделал из Тэффи общероссийскую знаменитость, с большой аудиторией, огромным спросом на ее тексты (она публиковала 60–70 фельетонов в год) и высокими гонорарами³. Если поначалу как фельетонист «Русского слова» Тэффи откликалась на разные актуальные события и вопросы, то со временем ее газетные тексты утратили прямую зависимость от злободневной новостной повестки и мигрировали в сторону «социологического очерка»⁴. В 1910–1911 гг. двухтомник Тэффи «Юмористические рассказы» вышел тиражом 3300 экземпляров. В нем были собраны тексты, уже опубликованные в газете. Двухтомник быстро раскупили и до конца 1911 года переиздали еще три раза; всего до лета 1917 года «Юмористические рассказы» выдержали десять переизданий. Последующие сборники рассказов («...И стало так», 1912; «Карусель», 1913; «Дым без огня», 1914) Тэффи также собирала из текстов, уже опубликованных в периодических изданиях, слегка редактируя их и убирая «зацепки» за конкретные события и поводы. Все они пользовались неизменным читательским успехом и подтверждали славу Тэффи как сатирика и юмориста.

Но над чем — и почему — смеялись ее читатели, готовые покупать в виде книжек то, что уже прочитали в газете? О чем может свидетельствовать популярность в дореволюционной России рассказов и фельетонов Тэффи, выходивших в виде еженедельных «колонок» и переиздававшихся значительными тиражами? Можно ли в случае Тэффи говорить о каких-то более или менее плотных читательских аудиториях, или сообществах, возникавших в процессе чтения ее текстов? И если да, то что это за сообщества? Что, помимо яркого сатирического таланта, позволяло Тэффи успешно сотрудничать с такими разными периодическими изданиями, как «Биржевые ведомости», «Русь», «Нива», «Новости», «Театральная Россия», «Русское слово», сатирические журналы «Зарница», «Сигнал» и «Красный смех» и большевистская «Новая жизнь» (просуществовавшая чуть больше месяца в конце 1905 года), и вписываться в ожидания читателей этих изданий? И, шире, что дает социологический подход к литературному юмору и, в частности, к юмору Тэффи, для понимания того, как он работает и на какие «сообщества вкуса» он рассчитан? Я не ставлю перед собой цели ответить на все эти вопросы, но хотела бы поставить их и сформулировать некоторые гипотезы.

На прямо или косвенно задаваемые вопросы: «Смешна ли Тэффи? Над чем она предлагает смеяться читателю?» — позднесоветские и современные комментаторы

³ Haber E. Teffi: A Life of Letters and of Laughter. London; New York, 2019. P. 53.

⁴ Николаев Д. Д. «Веселая карусель» (Н. А. Тэффи в «Русском Слове») // Тэффи Н. А. Собр. соч./ Сост. и подг. текстов Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 2000. Т. 5.

и составители сборников рассказов Тэффи отвечали по-разному. В советских литературоведческих работах ее рассказы, как и творчество других авторов «Сатирикона», характеризовались как острая социальная сатира на «страшные будни стольпинской России» или эмигрантское общество. Это позволяло превратить Тэффи если не в союзника социалистического строя, то хотя бы в противника буржуазного этикета и буржуазии в целом, ядовито высмеивающего духовное оскудение «человекообразных». Авторы обзорной истории русской литературы писали в начале 1970-х годов: «Сатирический прием “узнавания” Тэффи переносит и в область морали. За различными крикливыми этикетками буржуазно-мещанского мира она всюду обнаруживает ужасающие пустоту, ложь, лицемерие. Ее ненависть к пошлости, к бездуховности — беспредельна»⁵.

В первых постсоветских изданиях составители пытались нейтрализовать эту репутацию и подчеркивали уже не только сатирическую, но и психологическую сторону писательского таланта Тэффи, позволявшего ей писать смешно, но сочувственно и в этом качестве «сострадающего наблюдателя» с двумя лицами, смеющимся и плачущим, прочно утвердиться в каноне русской литературы. Характерным почерком Тэффи считалось сочетание, в тех или иных пропорциях, беспощадно острого слова и жалости к своим персонажам, которые обрисованы скупой, узнаваемо и психологично⁶. Впрочем, некоторые исследователи подчеркивали не психологические, а социологические аспекты прозы Тэффи — как на уровне бытования ее текстов в форме газетного фельетона, так и на уровне тематическом. О социологической точности Тэффи и ее умении не просто увидеть комическое в конкретной ситуации, но и вывести из частных наблюдений обобщение об устройстве повседневной человеческой жизни справедливо пишет историк литературы Д. Д. Николаев⁷. Вслед за ним я попробую прокомментировать юмористическое письмо Тэффи с социологической точки зрения. Для этого необходимо мысленно вернуть короткую прозу Тэффи в исходную среду — в ежедневные газеты и сатирические журналы, где она публиковала свои фельетоны и рассказы и где с ее наблюдениями и встречалась читающая публика. Такая опосредованная коммуникация автора и читателя требовала от автора тонкой настройки на вкусы и запросы аудитории. Судя по читательскому успеху Тэффи, ей это блестяще удавалось.

* * *

В социологических исследованиях юмора общим местом стало указание как на его интерактивную природу, так и на его культурно-специфический

⁵ Русская литература конца XIX — начала XX в.: 1908–1917 гг. / Отв. редактор Б. А. Бялик. М., 1972. С. 206. Приведенная характеристика, в свою очередь, заимствована из монографии Евстигнеевой (Евстигнеева Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконицы. М., 1968).

⁶ Ср, например: Усеинова Э. У. Функции детали в произведениях Н. А. Тэффи // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 29–34.

⁷ Николаев Д. Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993; Николаев Д. Д. «Веселая карусель»; Николаев Д. Д. «Свой и чужие» в творчестве Н. А. Тэффи: до революции и в эмиграции // «Свой» vs «Другой» в культуре эмиграции. Сб. ст. / Ред. А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. М., 2018. С. 24–44.

и социально-обусловленный характер, на зависимость юмора от важных для того или иного общества социальных границ и водоразделов⁸. Если, к примеру, в США стили и типы юмора зависят от расовых, религиозных и гендерных конфигураций, то в Голландии восприятие юмора будет следовать границам, которые конституируются возрастом и экономическим статусом, — отмечает голландская исследовательница литературного и спонтанного юмора Г. Кёйперс⁹. В этом смысле смешное никогда не смешно само по себе: оно всегда смешно (или не смешно) для кого-то¹⁰.

Разные социальные «я» смеются по-разному и предпочитают разные виды смешного, что делает юмор тем особым видом культурного капитала, который социальная группа как некое интерпретирующее сообщество создает и поддерживает сама для себя. Такой подход позволяет уточнить концепцию видов капитала по Бурдьё, различая, при обсуждении рецепции, широкую публику и «сообщества вкуса», которые разделяют критерии оценки и векторы интерпретации и тем самым обладают общим культурным капиталом (и, следовательно, одно и то же явление может иметь разный смысл для разных «сообществ вкуса»)¹¹. Если же в юмор вшиты социальные конвенции и для понимания и спонтанного, и литературного юмора требуется владение правилами его дешифровки, то знание этих правил — где и когда смеяться — не только указывает, наряду с другими вкусовыми предпочтениями, на конкретный социальный габитус, но и создает его в глазах окружающих.

Анализируя строительные кирпичики, из которых создается юмор, — *указание на несерьезность, получаемое удовольствие, совместное переживание, пересечение границ и агрессию*, Г. Кёйперс считает главным из них *соположение разнокалиберных элементов*. Выделение этого конституирующего элемента позволяет ей, вслед за Эллиотом Орингом, определить юмор как «уместное несоответствие» (*appropriate incongruity*). Это несоответствие основано на имплицитных представлениях о сочетаемости, то есть о порядке — когнитивном, моральном или социальном¹². Такое же «несоответствие», конфликт формальных значений слов или представлений о происходящем находится в центре лингвистической теории юмора — когнитивно-структуралистской теории сценариев (*scripts*) В. Раскина¹³. Смешное возникает при удачном столкновении двух разных сценариев, когда ожидания первого сценария разрушаются и происходит переключение.

⁸ *Fine G. A.* Sociological Approach to the Study of Humor // *Handbook of Humor Research*. Ed. by McGhee P. E., Goldstein J. H. NY, 1983. P. 159–181.

⁹ *Kuipers G.* Humor Styles and Symbolic Boundaries // *Journal of Literary Theory*. 2009. Vol. 3. No. 3. P. 219–239.

¹⁰ *Douglas M.* The Social Control of Cognition: Some Factors in Joke Recognition // *Man*. 1968. Vol. 3. P. 361–376.

¹¹ *Radway J.* Reading the Romance: Women, Patriarchy and Popular Culture. Chapel Hill, 1984; *Kuipers G.* Television and Taste Hierarchy. The Case of Dutch Television Comedy // *Media, Culture & Society*. 2006. Vol. 28. P. 359–378.

¹² *Kuipers G.* Humor Styles and Symbolic Boundaries. P. 221; *Oring E.* Engaging Humor. Chicago; Urbana Champaign, 2003. P. 1–12.

¹³ *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985. В свою очередь, сценарии, или скрипты, в трактовке Раскина напоминают фреймы из другой когнитивной теории юмора — концепции М. Мински (*Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // *Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка*. М., 1988. С. 281–309. Оригинал вышел в 1981 г.).

Это столкновение может никак не комментироваться адресантом — адресат шутки достраивает или распознает несоответствие самостоятельно. Но возможны и другие варианты: адресант не слишком надеется на умение адресата достроить несоответствие и расшифровать подразумеваемый конфликт сценариев адекватно (и понять шутку). В таких случаях он может предлагать своего рода карту, указывая опорные точки, на которые адресату и стоит обратить внимание, и сопровождая высказывание метакоммуникативным комментарием¹⁴.

И устный, и литературный юмор могут строиться на сочетании приемов — конфликта словесных значений, несоответствия социальных сценариев, метакоммуникации. Возвращаясь к Тэффи, можно отметить, что в своих текстах она пользуется как языковым юмором, основанным на языковой компетенции образованного читателя русскоязычной прессы, так и юмором ситуативным, который сталкивает несочетаемые сценарии и задействует широкий спектр неловких социальных ситуаций. При этом несочетаемые сценарии порой сворачиваются буквально до имен: «Отзывы от герцогини Подваршавской, княгини Шпукферботен, графини Афанасьевой и баронессы Иванюковой» («Фабрика красоты», 1912). В качестве примера языкового юмора с игрой слов можно привести цитату из рассказа «Потаповна» (1913): «У меня здоровье-то женское. Разве может у вас быть такая слабость, как у меня, у девицы. У меня одних ребят пять штук было, — вот и считай! Дети здоровью вредят».

Предположительно, языковой юмор такого типа в большей степени подвержен устареванию — по мере стирания и перераспределения основных и дополнительных значений слов, тогда как ироническое обыгрывание социальных условностей более устойчиво. Даже если сами конвенции уже давно изменились, читатель способен достроить несоответствие и, например, увидеть зазор между реальной и воображаемой ситуациями — и попыткой персонажа действовать в реальной ситуации так, как если бы он находился в ситуации воображаемой. За этими действиями стоит попытка выполнить и перевыполнить этикетные ожидания: в заметной и подчеркнутой избыточности и заключается несоответствие¹⁵. Так привычные, гладкие социальные явления обнаруживают свою «сделанность», и их договорная социальная подкладка выворачивается швами наружу¹⁶. Кроме того, в текстах Тэффи периодически возникают метакоммуникативные комментарии, подсказывающие читателю, как именно следует достраивать несоответствие и куда направлять свое внимание¹⁷.

¹⁴ *Fine G. A. Sociological Approach to the Study of Humor*. P. 164. В отличие от стендап-комика, который может по ходу своего выступления настраивать коммуникацию, делая поправку в зависимости от типа аудитории, в случае литературного юмора автору приходится вступать в коммуникативные и метакоммуникативные отношения с воображаемой аудиторией без возможности получить обратную связь. Вероятно, в таких случаях параметром для настройки становится исходный выбор площадки (медиа), которая привлекает определенную аудиторию.

¹⁵ Ср., например, пуант масленичного рассказа «Блины» (1916).

¹⁶ См.: *Fine G. A. Sociological Approach to the Study of Humor*. P. 160; *Davis M. Sociology through Humor // Symbolic Interaction*. 1979. Vol. 2. No. 1. P. 109.

¹⁷ Так, иногда текст состоит из двух частей, зеркально комментирующих друг друга и фокусирующих внимание читателя в опорных точках, необходимых для понимания несоответствия (см., например, фельетон «Легенда и жизнь», 1913).

Такой юмор может работать как эффективное средство для связывания читателей в некоторое сообщество и проведения границ между своими и чужими — теми, кто не понимает ни косвенных, ни прямых подсказок — и не смеется. И, хотя юмор Тэффи в истории русской литературы принято описывать как сочувственный и гуманистический, нацеленный на поиск и поддержку истинно человеческого в мире «человекообразности», прагматически он работает как заговор автора и читателей против персонажей¹⁸. Последовательно описывая неловкие ситуации с позиций здравого смысла, автор указывает на недостаток (или избыток) — здравого смысла у своих героев, сбитых с толку социальными условностями и этикетными тонкостями. (Любопытно, что с точки зрения современного массового читателя каноническими рассказами Тэффи считаются тексты как раз такого типа, а вовсе не политическая сатира или модернистские рассказы о детях, обнаруживающие переклички с прозой Сологуба). В свою очередь, избыточный здравый смысл подается как неуместная прагматичность, плохо замаскированная и оттого неприемлемая — и смешная.

«Уместное несоответствие» в таких случаях образуют неудачные попытки персонажей управлять впечатлениями других о самих себе и создавать желаемый образ «я», попытки, порой вступающие в прямой конфликт с непосредственными жизненными интересами и целями человека, и конфликты нескольких разных ролей одного «я», опять же создающие ситуации неловкости и смущения, с последующим неловким «ремонт» неловкости¹⁹. В этом смысле в своих газетных и журнальных публикациях Тэффи действует как протосоциолог, не просто отмечая нелепые слова и поступки, но и размышляя об их причинах²⁰.

Фактически центральным героем юмористических фельетонов Тэффи является этикет — в его многообразных мелкобуржуазных формах, от формул вежливости до сценариев оболыщения, от типовых сцен в семье, браке, соседстве до церемониальных действий вроде визитов. Если и считать ее тексты сатирическими, то направлены они на зазор между писаными и неписаными правилами этикета — и их человеческой, слишком человеческой реализацией, а также и на сами правила и образцы хорошего тона, навязываемые социумом как условия пропуска в гостиную и на дачную веранду²¹. Тем самым юмор превращается в жест включения и исключения одновременно. Во-первых, он позволяет нащупать и провести границу между «хорошим» и «плохим» исполнением социальных предписаний (например, «плохим» и оттого смешным перформансом будет тот, в котором персонажи на сцене слишком стараются или путают жанры). Во-вторых, он дает возможность остраничь сами эти предписания и показать их абсурдность.

¹⁸ Подробнее о заговоре автора и читателя см.: *Kuipers G. Humor Styles and Symbolic Boundaries*. P. 226.

¹⁹ Ср. о конфликтах разных «я»: *Гоффман И. Представления себя другим в повседневной жизни*. М., 2000.

²⁰ *Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного*. С. 282.

²¹ В качестве примера подобного размышления, напоминающего социологическую классику — «Очерк о даре» Марселя Мосса (1925), можно привести фельетон «Подарок» (1913).

Эту абсурдность советские комментаторы Тэффи обозначали как «буржуазное лицемерие», но, строго говоря, с внешней, отстраненной и остраненной точки зрения абсурден любой этикет, будь он феодальным, буржуазным, аристократическим или демократическим. Остранение лишь наглядно подчеркивает его условность. Эффект юмора Тэффи заключается в том, что она, подобно современному стэндап-комику, совмещает взгляд на условности изнутри с «марсианским» взглядом снаружи, показывая этикетные тонкости — и запутавшегося в этих тонкостях человека. Некоторые из этих тонкостей современному читателю, скорее всего, ничего не говорят (и, соответственно, обыгрывание их уже не кажется смешным даже с учетом авторских подсказок); другие более устойчивы — вероятно, благодаря своей связи с более укорененными в культуре правилами социального взаимодействия. И, видимо, именно такой — преимущественно деполитизированный и нацеленный на обыгрывание избыточных социальных условностей — юмор наилучшим образом отвечал ожиданиям образованного среднего читателя 1910-х годов, составлявшего аудиторию «Русского слова».

Здесь стоит отметить, что «марсианским» взглядом на абсурдные правила взрослого мира у Тэффи часто может быть наделен ребенок. Будучи своеобразным двойником рассказчицы, он смотрит на мир, еще не овладев в полной мере ни проговоренным, ни вынесенным за скобки этикетом и не научившись смотреть на себя с позиции другого (и, соответственно, создавать определенное социальное «я»). Но в таких случаях нарисованная картина уже не кажется смешной, она скорее пугает: несоответствие утрачивает свою уместность и становится избыточным. Например, подобный гротескный избыток демонстрирует рассказ «Троицын день» (1916):

Гриша стал в угол и наблюдал за гостем, чтобы вместе с ним пережить радостное удивление от парадной скатерти, цветов и сардинок. Но гость был ловкая штука. Он и виду не показал, как на него все это подействовало. Сел, выпил рюмку водки и съел одну сардинку, а больше даже не захотел, хотя мать и упрашивала. «Небось меня никогда так не просит». На цветы помещик даже и не взглянул. Гриша вдруг понял: ясное дело, что помещик притворяется! В гостях все притворяются и играют, что им ничего не хочется.

Другая стратегия достижения остраненного взгляда используется Тэффи в газетных фельетонах: это комментарий рассказчицы-фельетонистки, рассматривающей своих персонажей взглядом социолога и приглашающей читателя присоединиться к этому рассматриванию.

* * *

Что же за этикет обсуждает Тэффи со своими читателями? И кто тот читатель ежедневных газет и юмористических журналов, которому понятны неловкая социальная хореография отдавания визитов («Визитерка», 1911; «Летний визит», 1913), матриониальные устремления кухарок («Потаповна», 1913) или пантомима, разыгрываемая вокруг поедания блинов гостем, которому не досталось начинки, но который не хочет дать это заметить и тем самым смутить хозяйку — и в результате смущает ее еще сильнее («Блины», 1913)? В фельетонах и рассказах Тэффи сформулированные

этикетные предписания, вложенные в уста персонажам или насмешливо воспроизведенные рассказчицей в комментариях, часто представляют собой прямые и скрытые цитаты из популярной рекомендательной литературы последней трети XIX — начала XX века и зависимых от нее рекламных брошюр и объявлений. Персонажи Тэффи пытаются говорить от себя, но при этом говорят на языке учебников хорошего тона, развлекательных журналов, письмовников и рекламы, вынужденных сводить сложные правила общественной жизни к простым причинно-следственным связям и вполне конкретным рекомендациям:

Отдавая себя на служение собакам и кошкам, начальница раз в году, а именно в первый день Пасхи, вспоминала, что она не кто-нибудь, а вдова воинского начальника, почтенная дама, воспитанная в пансионе де-Газель <...> — *Женщина моего круга должна поддерживать свои знакомства и связи*, — сухо говорила начальница сама себе в зеркало («Старухи», 1916).

— Голубчик, что ты говоришь! При чем тут кухарка?! Да ты поверни руку. Смотри, — совсем даже и не заметно, что пуговица оторвана.

— Вам не заметно, а другим заметно. *Именно по мелким деталям и отличают элегантную женщину от обыкновенных* («Пуговица», 1911).

На деле же рекомендации оказываются не такими легко выполнимыми, правила не охватывают всё многообразие жизненных ситуаций, а советы контрастируют с их неуклюжей реализацией. Описывая растерянность своих персонажей, рассказчица Тэффи — как и любой комик, работающий не с политической повесткой, а с материалом повседневной жизни, — присваивает себе и право решать, хорошо или плохо персонаж понял правило. Но, кроме того, она делает очевидной одновременную избыточность и недостаточность этих правил — как проговоренных и описанных в сборниках по хорошему тону, так и негласных²².

Формулы и советы, следование которым должно было обеспечить светскость, непринужденность и элегантность и которые цитирует и высмеивает Тэффи, циркулировали внутри новых городских сообществ как бы поверх бывших сословных границ. Уже само их появление в России 1870-х годов порой интерпретируется как симптом начавшегося размывания сословий, свидетельствующий о потребности городских жителей в каких-то единых, внесословных стандартах вежливого поведения. С другой стороны, популярная рекомендательная литература, выходявшая между 1870-ми и 1910-ми годами, хотя и сохраняла общий дидактический тон, оставалась достаточно разномастной и разноголосой — в зависимости от воображаемого читателя, на которого ориентировалось то или иное издание.

Одни сборники вдавались в тонкости гигиены и ухода за телом, другие фокусировались на этикете и манере подать себя, третьи представляли собой энциклопедии

²² Отметим здесь и большую прочность негласных правил поведения — например, ощущаемых в неловкости из-за того, что пришлось расплатиться кучей мелочи, а не одной купюрой («У гадалки», 1913), или в невозможности продолжать есть во время выяснения отношений («Светлый праздник», 1911), — по сравнению с четко сформулированными этикетными правилами.

и включали как советы по отбеливанию рук, так и *jeux de société*²³. Тем не менее, все учебники благовоспитанного поведения, транслируя нюансированные правила жизни в обществе с учетом пола, возраста, социального положения и рода занятий, представляли собой попытки вообразить буржуазное общество, населенное элегантными дамами и обходительными мужчинами, и научить некоему обобщенному буржуазному этикету своих читателей²⁴. В этом отношении советы по этикету представляли собой своего рода карту, достаточно подробную, чтобы заинтересованный читатель мог с ее помощью как-то ориентироваться в социальном пространстве, и достаточно простую, сфокусированную лишь на тех явлениях и практиках, которые представлялись авторам советов и их читателям важными и определяющими. Эти особенности рекомендательных изданий (как и инструкций в целом) превращали их в довольно специфических чичероне, крайне озабоченных одними ситуациями и полностью игнорирующих другие.

Читатель руководств по этикету, имеющий некоторые социальные амбиции и при этом нуждающийся в рекомендациях, как правильно себя вести в самых разных ситуациях — то есть подтверждать свои амбиции приличным тому или иному случаю поведением, и превращается в персонажа газетного фельетона конца 1890 — начала 1910-х годов, персонажа достаточно знакомого и понятного, чтобы быть смешным. На это узнавание работало и включение в текст, наряду с синтаксисом гимназических учебников и рекламными обещаниями²⁵, формул из рекомендательной литературы. Тем самым чтение газетного фельетона актуализировало определенное сообщество вкуса, которое распознает цитаты и формулы, но не отождествляет себя с теми, кому они адресованы в первоисточниках²⁶. Общность конвенций по поводу смешного, нелепого, жалкого связывает таких читателей друг с другом — и исключает других, которые узнают в неловких персонажах Тэффи себя, но не понимают, что же в них смешного, не готовы смеяться над собой или не распознают источники цитат и формул.

Помимо обыгрывания готовых и проговоренных правил, которые должны были помочь парвеню выглядеть своими в буржуазном обществе, газетный фельетон Тэффи последовательно высмеивал негласные правила, ожидания и конвенции разных социальных групп, от брачных устремлений прислуги до модернистского жизнестроительства.

²³ *Мещерский К. Ю.* Роль современного мужчины. М., 1877; *Монен Э.* Гигиена красоты и косметические средства. СПб., 1887; *Похитонова М.* Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. СПб., 1893.

²⁴ *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001.

²⁵ *Николаев Д. Д.* «Веселая карусель». Например, фельетон «Фабрика красоты» (1912) целиком написан как рекламное объявление.

²⁶ Судя по популярности Тэффи у дореволюционной аудитории, это сообщество вкуса оказывается достаточно вместительным (среди поклонников ее таланта мемуаристы называли Николая II и Ленина). Возможно, границы такого сообщества определяются, не в последнюю очередь, устройством юмора, сфокусированного на социальных условиях среднего класса, а не на политической повестке.

Эта линия социальной критики, судя по популярности Тэффи, отвечала ожиданиям читательской аудитории того же «Русского слова», для которой смешными оказывались как попытки коммивояжеров средней руки играть донжуанов, так и покушения декадентов на многозначительность, — словом, все то, что можно было обозначить как несоответствие желаемого и действительного, или же как плохую игру, где актер претендует на неподходящее ему/ей амплу. Далеко не случайно, что иронические описания декадентского искусства и богемных типов русского *fin de siècle* в рассказах Тэффи («Демоническая женщина», 1906; «Без стиля», 1913) организованы на столкновении желаемых «я» и их реализаций, увиденных и описанных с позиций буржуазного здравого смысла. При этом и в газетном фельетоне, в рассказе и в мемуарах, написанных Тэффи почти полвека спустя, принципы описания героев во многом идентичны. В центре внимания рассказчицы оказываются претензии, не соответствующие социальной прописке или «средним» социальным нормам и воспринимаемые как избыточность и претенциозность. Например, риторические блоки, из которых смонтирован портрет «демонической женщины» из одноименного фельетона, использованы для описания одной из героинь в рассказе «За стеной» и, далее, в портрете Зинаиды Гиппиус в мемуарных очерках конца 1940-х годов. Меняется лишь модус повествования, но не сам материал.

* * *

Расцвет ежедневной и еженедельной прессы конца XIX — начала XX веков был результатом Великих реформ и новой, массовой потребности в чтении, вызванной утилитарными и идеологическими причинами²⁷. Суммарные тиражи ежедневных газет за период с 1900 по 1914 год выросли более чем в два раза (достигнув 2,2 млн экземпляров к 1914 г.)²⁸. Постоянное расширение читающей публики за счет низкой аудитории и рост количества образованных и средних читателей способствовали не только диверсификации рынка чтения, но и созданию нового типа времени — гомогенного времени периодических изданий — и нового ритма чтения (ежедневного, еженедельного, ежемесячного)²⁹. Читатель, интересующийся новостями, фельетоном и развлекательной беллетристикой, вступал в новые отношения с автором периодических изданий: оба существовали в едином календарном цикле и разделяли представления о насущных проблемах и подходящем досуге. А. И. Рейтблат указывает, что в 1900–1910-е годы многие крупные газеты, включая «Биржевые ведомости» и «Русское слово», начинают выпускать иллюстрированные еженедельные приложения, «являющиеся излюбленным чтением “среднего” читателя»³⁰. Временные

²⁷ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.

²⁸ Brooks J. Readers and Reading at the End of the Tsarist Era // Literature and Society in Imperial Russia, 1800–1914. Ed. by W. M. Todd III. Stanford, 1978.

²⁹ Рейтблат выделяет читательские группы не по уровню образования, а по типу предпочитаемых медиа — литературы толстого журнала, тонкого журнала, газетную, лубочную, «для народа» и детскую (Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту).

³⁰ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту.

циклы и актуальные новости, как и железнодорожные расписания, обеспечивавшие одновременные перемещения, например, из города на дачу, сшивали читательские аудитории и помогали создавать новые социальные ритмы³¹.

Как актуальный жанр, рассчитанный на среднего читателя, газетный фельетон, наряду с другими средними и малыми жанрами (от скетча до афоризма и подписи к карикатуре)³² до некоторой степени подчиняется этой логике общего времени и плотно соединяется с новостями и сменой сезонов. Политические события, праздники, выставки и театральные премьеры, благодаря периодике и читающей публике, образуют общественную повестку и поводы для обмена мнениями, которые можно, с некоторой осторожностью, назвать классовыми, а не сословными. В свою очередь, сезонность задавала ритм появления соответствующих текстов, клише, шуток и ожидаемых сюжетных ходов как в микрожанрах, так и в объемных фельетонах, колонках и сюжетных рассказах. Постоянным авторам популярных периодических изданий, к которым принадлежала Тэффи (как за тридцать лет до нее — Чехов), календарный цикл давал возможность писать «вперед», импровизируя на строго определенные темы. Это обеспечивало сцепку развлекательного жанра с сезоном и определяло круг тем, подходящих для обсуждения, что подробно обсуждалась в переписке редакторов с постоянными колумнистами³³.

Годовой круговорот газетных фельетонов обсуждает и Тэффи. Выбирая для этого форму фельетона, она убивает двух зайцев разом — отвечает на запросы редактора и публики на календарный текст и высмеивает эти запросы и порождаемые ими произведения:

Надоели мне все эти «сезоны» до смерти! Четыре раза в год! Как сюжет для художника, это, может быть, очень мило, но переживать эту шарманку все с тем же валиком — надоело! Словно четыре раза в год палкой по голове стукнут («Весеннее», 1910)³⁴.

— Вот Иволгин — молодец, — вставил Фейнберг. — По десяти раз тот же фельетон печатает. Сделает другое заглавие, изменит начало, изменит конец, — и готово. Я, говорит, теперь на проценты со старых вещей живу. Один фельетон регулярно каждую весну печатает. Это, говорит, мой кормилец, этот фельетон («Ничтожные и светлые», 1913).

Подобная ирония над сезонными текстами совершенно не мешала Тэффи регулярно их писать — к Рождеству, Масленице, Великому посту, Пасхе, открытию и закрытию дачного сезона и т. д. — и пользоваться наработанным в российской периодике

³¹ Подробнее о связи календаря и пространства на примере освоения дачных окрестностей Петербурга см.: *Малинова-Тзиафета О.* Из города на дачу: Социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб., 2013.

³² О малых юмористических и сатирических жанрах в российских изданиях см. также: *Меднис М. И.* Микрожанры в русской юмористической периодике XX века. Дисс.... канд. филол. н. СПбГУ. СПб., 2018.

³³ В статье об «Осколках» Е. В. Душечкина напоминает о деловой переписке Лейкина и Чехова, в которой обсуждаются сезонные рассказы — дачные и пасхальные (*Чехов А. П.* Письмо Лейкину Н. А., март (после 2) 1883 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1974–1983. Т. 1. Письма, 1875–1886. М., 1974. С. 59–60).

³⁴ Русское Слово. 1910. 16 (29) марта. № 61. С. 2.

арсеналом уместных тем и сюжетов (таких, как весенняя простуда, катание на лодке, курортные танцы, дачные мужья)³⁵. Собственно, такие готовые сюжеты были исключительно удобны и для социологического комментария. Именно во время сезонных праздников и привязанных к календарю событий, таких, как переезд на дачу и с дачи, летние гулянья, начало и конец театрального сезона, возникают и конфликты разных социальных «я», которые человек пытается продемонстрировать окружающим, и проблемы соблюдения этикетных предписаний — как проговоренных и закрепленных в массовой рекомендательной литературе, так и негласных, не имеющих четких форм и осваиваемых из практики. Это те точки календарного цикла, которые расширяют границы привычного и понятного общения — и тем самым увеличивают пространство неопределенности. На них и сосредотачивались авторы рекомендательных изданий, пытаясь описать формальные правила. И, со своей стороны, неуклюжие импровизации по правилам и конфликты социальных ролей не могли оставить равнодушными наиболее проницательных фельетонистов этого времени.

* * *

Кратко прокомментируем, как работает юмор Тэффи в одном из ее сезонных рассказов.

В отличие от более поздних пасхальных текстов («Светлый праздник», 1911; «Пасхальные советы молодым хозяйкам», 1912), «За стеной» (1910) современному читателю трудно счесть юмористическим в полном смысле слова. Несмотря на шаржированность персонажей (мадам Лазенская, мадам Шранк, кухарка Аннушка), пуант рассказа — не в ироническом описании пасхального угощения и контрастирующей с духом праздника рутины и мелочности, а во внезапном проникновении духа Пасхи сквозь толщу социальных условностей, мелких интересов и несбывшихся надежд, существующих совсем рядом, «за стеной» (частое обстоятельство места в ранней прозе Тэффи).

Тем не менее, читателям 1910-х годов, вероятно, были близки и юмористические стороны рассказа, в котором сталкиваются две нормативные женские роли из арсенала рекомендательной литературы и ассоциированные с ними клише. Рачительная мадам Шранк пытается быть идеальной хозяйкой из поваренных и хозяйственных книг последней трети XIX века, в том числе из «Подарка молодым хозяйкам» Елены Молоховец; квартиросъемщица мадам Лазенская, обнищавшая дворянка, пытается соответствовать стереотипному образу элегантной модницы, которая знает толк в выездах, амазонках, тонкостях ухода за собой и модной парфюмерии³⁶. Каждая из них пытается следовать готовому сценарию — и каждая терпит неудачу.

³⁵ Николаев Д. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин и русские сатирико-юмористические журналы 1901–1917 гг. // М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. М., 1998. С. 239–267.

³⁶ В первую очередь о контрасте этих двух женских ролей говорят фамилии персонажей: мадам Шранк, у буфета гайком выпивающая рюмку-другую, носит фамилию «Шкаф»; мадам Лазенская зовется по королевскому парку Лазенки в Варшаве; та же модель («герцогиня Подваршавская») используется в фельетоне «Фабрика красоты». Благодарю В. А. Дымшица за указание на говорящую фамилию Лазенской.

Диалог между двумя героинями состоит из цепочки конфликтов между рекомендованными ролями и реальными жизненными обстоятельствами. Особую напряженность создает имплицитная противоположность этих двух ролей друг другу. С одной стороны, каждая из героинь стремится не только вести себя так, как подобает в конкретной ситуации (пасхальное разговление, прием гостей)³⁷, но и отстоять перед другой свое желаемое «я» хозяйки или светской львицы; с другой стороны, исходное противоречие этих «я» и невозможность для каждой из героинь поддерживать желаемое «я» другой приводит к взрыву. Хотя симпатия рассказчицы вроде бы находится на стороне робкой и зависимой мадам Лазенской, это не мешает подчеркивать клишированность ее реплик: так, мадам Лазенская советует своей собеседнице крем для лица — практически теми же словами, что и газетная реклама, и рассуждает о духах выпренным слогом русских декадентов³⁸.

В самой аранжировке конфликта рассказчица снова занимает среднюю линию — между сугубым утилитаризмом и оторванной от жизни мечтательностью, линию здравого смысла, которая позволяет одновременно увидеть и претенциозность, и неловкие попытки ее сгладить как условности. Подобная точка зрения подчеркивает и шаблонность ролей, на которые претендуют героини рассказа, и очевидный контраст между воображаемой ролью и возможностями ее исполнять. Это не мешает читателю испытывать сочувствие к героиням — но само перемещение их в рамку «уместного несоответствия» продолжает прекрасно распознаваться.

Вероятно, именно такая социальная конфигурация юмора и делала фельетоны Тэффи общим чтением для среднего класса, склеивая в воображаемые сообщества тех, для кого сложности этикета не создавали проблемы и вызова желаемому представлению о себе, — и тех, кто готов был взглянуть на них иронически.

³⁷ Ср.: «Но все точно молча сговорились не придавать значения этому обстоятельству. Да оно и вполне понятно: мадам Шранк, как хозяйке дома, невыгодно было бы указывать на недостатки своего угощения, мадам Лазенская была гостьей, приглашенной разговляться, и, как водится, должна была все находить превосходным».

³⁸ Это полупародийное рассуждение («Женщина должна благоухать. Тонкие духи действуют на сердце... Я люблю тонкие духи! Нужно понимать. Вербена — запах легкий и сладкий; амбр-рояль — густой. Возьмите две капельки амбре, одну капельку вервены и получите дух настоящий... настоящий, — она пожевала губами, ища слова, — земной и небесный. А то возьмите основной дух Трефль инкарнат, пряный, точно с корицей, да в него на три капли одну белого ириса...») соединяет тропы декадентской литературы и клише руководств по хорошему тону (ср., например: *Стафф Б.* Что должно знать каждой женщине. М., 1912). За пределами юмористического рассказа оно могло бы работать как программа парфюмерного индивидуализма, сравнимая с реальными практиками того времени. Примеры подобного ольфакторного творчества можно обнаружить, например, в переписке Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал (*Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал.* Переписка. В 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 6, 365, 371–372). Однако внутри рассказа оно работает как элемент «уместного несоответствия», монтируясь с плохо скрываемым интересом к колбасе.

Никита Охотин

ЕЩЕ РАЗ О СВЕТЛАНЕ

В одной из своих книг Елена Владимировна Душечкина отметила, что «с середины XIX века имя *Светлана* начало уверенно завоевывать российское культурное пространство: оно присваивается литературным героиням, фольклорным персонажам, сборникам песен, морским судам, пансионатам, промышленным предприятиям; оно порождает псевдоним, перешедший в фамилию; по нему называются улицы и т. д. Возникнув как литературное имя и утвердившись в русском культурном сознании благодаря балладе Жуковского, имя *Светлана* оказалось исключительно плодотворным, получив широкий резонанс в разных сферах жизни»¹.

Позволю себе добавить ряд примеров к той богатейшей коллекции, которую собрала покойная исследовательница². При этом постараюсь не затрагивать собственно антропонимический материал³, которому посвящена большая часть монографии о Светлане: в центре моего внимания будет именование объектов неодушевленных⁴.

I. «Амариллис, бледная светлана!»

Прослеживая судьбу имени *Светлана* в литературе XIX в., Е. В. Душечкина специально останавливается на казусе Бальмонта, в каком-то смысле отменяющем антропонимическую традицию: «В поэзии символистов встречаются случаи использования имени *Светлана* как апеллятива, то есть имени нарицательного. Так, например, Константин Бальмонт в стихотворении “Амариллис”, включенном в цикл “Аккорды” (1897), называет *светланой* комнатный и оранжерейный цветок амариллис, тем самым превратив имя героини баллады в нарицательное слово, синоним этого цветка:

¹ Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. С. 67.

² Часть своих примеров я в свое время сообщил Елене Владимировне, и она собиралась воспользоваться ими в новом издании своей монографии. Увы, долгожданное переиздание выйдет посмертно и без каких бы то ни было дополнений. Поэтому надеюсь, что публикация этого материала в мемориальном сборнике не будет выглядеть чужеродной.

³ Воспользуюсь все же случаем указать три относительно ранних употребления этого литературного имени, не учтенных в книге Е. В. Душечкиной: «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки (1815), «В альбаум» А. А. Дельвига (1820) и «Отрывки из повести “Светлана”» П. П. Сумарокова (1826).

⁴ Промежуточный характер носят клички животных: случаи присвоения прозвища «Светлана» племенным коровам и кобылам фиксируются в специальной литературе по крайней мере с конца 1830-х годов. Однако разрозненный характер доступного мне материала не позволяет подробно останавливаться на этом вопросе.

Амариллис, бледная светлана!
 Как неожиданно сердце мне смутили
 Ласки мимолетного обмана,
 Чашечки едва раскрытых лилий...⁵

Функциональную трансформацию балладного антропонима отмечал в своем комментарии и В. Ф. Марков: «“Светлана” здесь не имя, а неологизм»⁶.

Однако в бальмонтовском словоупотреблении, как оказывается, не было ни малейшей новизны. Срок жизни ботанического апеллятива «светлана» вполне сравним с возрастом балладного имени: героини А. Х. Востокова и В. А. Жуковского «родились» соответственно в 1802 (опубл. 1806) и 1812 гг., а русское имя цветка — в 1821-м. Впервые *амариллис* назвал *светланой* русский переводчик, филолог и ботаник Иван Иванович Макаров (1771–1833)⁷ в своем изложении различных принципов ботанической систематики: описывая систему Линнея, Мартынов, вслед за знаменитым шведом, включил в первый отряд VI-го класса (цветки с одним пестиком и шестью тычинками), в частности, и род *Amaryllis*, в скобках переведя это родовое имя как *Светлана*⁸. Происхождение русского названия становится ясным из справки Мартынова в следующей его книжке: «*Amaryllis*, Амариллис, С<лово> Г<реческое> проис<одит> от гл<агола> *ἀμάρρυσσo*, сияю, блистаю, откуда и баснословное имя *Амариллис*»⁹. «Имена некоторых растений, — пишет биограф Мартынова, — переведены <...> с латинского и греческого очень метко и оригинально; многие названия сочинены им в первый раз и до сих пор остались в науке»¹⁰. К этой категории, несомненно, относится и «светлана». Однако для производного имени Мартынов использовал не буквальное значение греческого корня¹¹, а именно то, которое опиралось на русский литературный прецедент¹².

⁵ Душечкина Е. В. Светлана. С. 51. Полный текст стихотворения см.: Бальмонт К. Д. Собрание стихов. Т. 1. М., 1905. С. 216.

⁶ Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont. 1890–1909. Köln; Wien, 1988. S. 91.

⁷ О нем см.: Зорин А. Л. Мартынов Иван Иванович // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. К–М. М., 1994. С. 533–535.

⁸ Мартынов И. И. Три ботаника, или Сокращение систем Турнефорта, Линнея и Жюсье. СПб., 1821. С. 91.

⁹ Мартынов И. И. Словарь родовых имен растений. СПб., 1826. С. 13. И сама греческая этимология, и отсылки к «баснословным» именам нимф и пастушек не требовали глубоких знаний: такой набор сведений в описании этой группы растений был вполне обычен (см., например: *Théris A. de*. Glossaire de botanique, ou Dictionnaire étymologique de tous les noms et termes relatifs à cette science. Paris, 1810. P. 19).

¹⁰ Колбасин Е. Я. Иван Иванович Мартынов, переводчик «греческих классиков» // Колбасин Е. Я. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 88.

¹¹ У русских глаголов *сверкать* или *блистать* нет именных производных, которые можно было бы использовать как имя растения или человека. Подобный дериват есть у глагола *сиять*, однако литературное имя *Сияна* (Сяяна) имеет сложную этимологию: ранние русские употребления (1797, 1816) очевидным образом отсылали к французскому имени наяды *Suapé* (из греч. *Κυαυή*), а «славянская дева» Сяяна, похоже, обрела поэтическое бытие лишь в 1823 г. — в стихотворении Н. М. Языкова «Песнь Баяна» («Война! война! прощай, Сяяна!...») // Благонамеренный. 1823. Ч. 24. № 22. С. 265).

¹² К 1821 г. «Светлана» Жуковского прочно вошла в русский литературный канон. Кроме того, Мартынов был хорошо знаком с обоими изобретателями балладного имени, однако если Востокова он знал скорее как лингвиста, и даже печатно разбирал кое-какие его сочинения, то поэтическим творчеством Жуковского он восхищался как читатель и собрат по перу (см.: Колбасин Е. Я. Иван Иванович Мартынов... С. 66, 127, 153).

Предложенное Мартыновым русское родовое имя амариллисов не закрепилось в специальной ботанической литературе, но — парадоксальным образом — вошло в универсальные справочные пособия и словари. Так, в первом томе известного «Энциклопедического лексикона», изданного А. А. Плюшаром, главный садовник Императорского Ботанического сада в Петербурге Франц Густавович Фальдерман (1799–1838) описывал род амариллисов следующим образом:

АМАРИЛЬ, или Светлана (*Amaryllis*, Linn.), есть род луковичных растений с длинными, гладкими листьями; цветочный стебель выходит к боку луковицы и украшен цветами; каждый цветок имеет 6 разнообразных лепестков, кои окружают 6 тычинок и один пестик; рыльце последнего толстое, трехраздельное; яичник под цветком и по созрении образует трехстворчатую коробочку, наполненную черными, плоскими, кругловатыми семенами. По Линнеевой системе, растения сии принадлежат к 6-му классу и к 1-му оно-го разряду (*Hexandria Monogynia*), а в естественной системе составляют, с Кринами, Нарциссами и др., особенное семейство (*Amaryllideae seu Brunsvigiaceae*). Они свойственны большею частию тропическим странам, хотя прозябают также и в умеренных поясах, и в настоящем столетии появились в Европейских садах. В наших рассадниках известно до 80 видов Амарили; они возвращаются, как лучшие украшения цветников; многие приносят семена, и посредством искусственного плодотворения, охотники до цветков успели приобрести более 200 отличных выродков, кои все более или менее прельщают взор, как изящным разнообразием, так и яркими цветами. По легкости возвращения Амарилей сделались они столь повсеместными, что едва ли найдется любитель цветов, у которого бы их не было. Обыкновеннейшая порода есть прелестная Амариль или Светлана (*Amaryllis formosissima*), с великолепными золотисто-багряными цветами, которая уже в 1593 году перешла в наши сады из Южной Америки и Мексики, где она растет дико. Некоторые виды издают сверх того весьма приятный запах¹³.

В популярном немецком пособии по естественной истории, переведенном на русский язык в начале 1840-х годов, именование «Светлана» применено лишь к двум видам рода амариллисов:

Светлана Прекрасная или Амариль Прелестная (*Amaryllis formosissima*) с великолепными золотисто-багряными цветками; каждый цветок о 6-ти неравных, несколько нагбенных лепестках, окружающих тычинки и пестик с трехраздельным рыльцем. Светлана растет дико в Западной Индии, в Европе же разводят ее в цветниках и держат в комнатах для украшения окошек. К роду ее принадлежит и Луковица-Великан или Светлана Исполинская (*Amaryllis gigantea*), справедливо названная так по необыкновенной величине своей луковицы, которая до половины выкапывается из земли и содержит в себе весьма острый, ядовитый сок¹⁴.

В «Справочном энциклопедическом словаре», который начал выходить в конце 1840-х, под именем «Светланы» выступает и род амариллисов в целом, и вид *Amaryllis formosissima* в частности:

¹³ Энциклопедический лексикон. Т. 2. Алм — Арл. СПб., 1835. С. 69.

¹⁴ Руководство к естественной истории профессора Г.П. Шуберта, с немецкого переведенное и примененное к России. Ч. 1. Дерпт, 1841. С. 244–245.

Амариль или **Светлана** (*Amaryllis*, Linn.), род луковичных односемянных растений, составляет тип семейства Амариллисовых. В этом роде заключается до 100 видов, и все они растут в жарком и отчасти умеренном климате. В Европе же они очень легко разводятся в садах и составляют лучшее их украшение. В садах чаще других встречается Амариль прелестная или Светлана, шведская лилия (*Amaryllis formosissima*), очень красивое растение, с красными, розовыми или желто-золотистыми цветками. Посредством искусственного оплодотворения, садовники успели произвести множество разновидностей Амарили, как то: жозефинская, с цветками наподобие креста св. Иакова, и др. Корень Амарили желтой (*Am. lutea*, Linn.), растущей в южной Франции, имеет слабительное свойство, но не употребителен. Это растение ранее смешивали с шишковатым иром. Луковицы Амарили красной (*Am. punicea*, Lamk.) и Амарили самийской (*Am. samiensis*, Linn.) почитаются ядовитыми¹⁵.

В дальнейшем эта двойственность в справочной литературе сохраняется: светланой чаще всего именуются виды *Amaryllis formosissima* и *Amaryllis gigantea*, но такое обозначение, хотя и реже, встречается и применительно ко всему роду амариллисов. Начиная с 1870-х годов название светлана-амариллис остается, насколько можно судить по доступным источникам, только в словарях иностранных слов и двуязычных лексиконах, однако там оно фиксируется до первых пореволюционных лет¹⁶.

Вероятно, именно из двуязычных словарей Бальмонт, охотно изучавший новые иностранные языки, и почерпнул знание о русском, «балладном» синониме амариллиса. Остается лишь выяснить, почему в его стихах к светлане-амариллису прилагаются определения *бледная, прозрачная, светлая, призрачная, воздушная*? У *Amaryllis formosissima* (в современной ботанической номенклатуре — *Sprekelia formosissima*, Linn.), цветы, как правило, красных оттенков — от розовых до пурпурных. Реже встречаются породы интенсивных золотисто-желтых тонов. И листва, и стебель растения — хоть и стройные, но довольно мясистые, вещественные, отнюдь не бледные и прозрачные. Эпитет *formosissima* — прекраснейшая, великолепная — как нельзя лучше подходит к этому цветку. Возможно, причиной несовпадения бальмонтского описания с обликом реального растения *Amaryllis formosissima* является номенклатурная путаница, допущенная в некоторых справочниках и словарях,

¹⁵ Справочный энциклопедический словарь / Изд. Карла Крайя. Т. 1. СПб., 1847. С. 246. К концу 1840-х относится и единственное упоминание светланы, найденное в пособии по «языку цветов»: «Амариллис (Светлана) — кокетство» (Язык цветов или описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений. СПб., 1849. Цит. по: *Охлябинин С.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М., 2006. С. 326). У амариллиса в подобных селах имеются и другие значения, но поскольку они не связаны с русским названием цветка, оставляю этот сюжет за рамками статьи.

¹⁶ См., например: *Шмидт И. А. Е.* Карманный французско-русский и русско-французский словарь. Ч. 1. 1847. С. 15; *Рейф К. Ф.* Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков. СПб.; Карлеруэ, 1850. С. 24; *Дубровский П. П.* Полный словарь польского и русского языка. Часть польско-русская. Варшава, 1886. С. 304; *Макаров Н. П.* Полный французско-русский словарь. 15-е изд. СПб., 1913. С. 50 (с 1870); *Павловский И. Я.* Немецко-русский словарь. 4-е изд. Рига; Лейпциг, 1911. С. 48 (с 1856); *Александров А.* Полный русско-английский словарь. 6-е изд. [СПб.]; NY, 1919. С. 564 (с 1879).

где синонимом амариллиса обозначена шведская лилия¹⁷. Это растение, известное также под названием лилейный нарцисс, *Amaryllis atamasco* (в современной номенклатуре *Zephyranthes atamasca*), — относительно невысокое, очень тонкое и стройное, с одиночными нежно-белыми цветками лилейных очертаний, — как раз точно соответствует описанию Бальмонта.

II. «Светлана, нимфа питейного откупа»

В пятом томе известного словаря Толля, вышедшем в 1864 году, помещена краткая и не вполне верная дефиниция уже знакомого нам цветка: «**Светлана**, назв<ание> раст<ения> *amaryllis* или мексиканск<ая> лилия из сем<ейства> лилейных». Однако сразу после ботанической характеристики следует второе, новое для нас значение имени: «**С<ветлана>**, назв<ание> водки, введенной откупом в последние годы его существования»¹⁸.

Да-да, на страницы популярного справочного словаря удостоилась попасть именно водка, а вовсе не одноименный паровой фрегат императорского флота, спущенный на воду в 1859 году. Про фрегат, однако, нам известно довольно много¹⁹, а вот про водку «Светлана» — почти ничего. В книгах по истории русской водки и винных откупов она не упоминается, коллекционеры бутылок и этикеток вроде бы о ней не знают, да и в доступных мне архивных материалах, связанных с производством и продажей крепкого алкоголя в середине XIX века, ничего об истории этого бренда не сообщается²⁰. Поэтому портрет «Светланы» пока можно нарисовать лишь фрагментарно, опираясь исключительно на упоминания в текущей периодике и беллетристике.

Наиболее раннее и, пожалуй, наиболее яркое свидетельство об этой водке находим в петербургском еженедельнике «Сын Отечества» 1858 года. В конце номера от 27 апреля (№ 17, с. 305) помещена серия из четырех карикатур художника Н. А. Степанова под названием «Светлана, нимфа питейного откупа». Трудно удержаться от воспроизведения этих ксилографий²¹.

¹⁷ Ср., например: *Петрова М. Ю.* Комнатное цветоводство. СПб., 1879. С. 121. См. также упомянутый выше Справочный словарь Крайя и немецко-русские словари Павловского.

¹⁸ Настольный словарь для справок по всем областям знания / Под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля; изд. Ф. Толля. Т. III. P–V. СПб., 1864. С. 412.

¹⁹ О военных кораблях с этим именем см.: *Душечкина Е. В.* Светлана. С. 60–63; *Красильников О. Ю.* Судьбы кораблей: Три «Светланы» // URL: http://samlib.ru/k/krasilnikow_o_j/svet.shtml (дата обращения 11.02.2022).

²⁰ В доступных мне фондах отложились в основном материалы государственного контроля за производством и продажей алкоголя, функционированием питейных заведений и проведением винных откупов. Вопросы брендинга и рекламы, видимо, оставались полностью в ведении частных производителей и вино-торговцев, чьи архивы за интересующий нас период практически не сохранились. Пользуюсь случаем поблагодарить Галину Николаевну Ульянову за ценные архивные рекомендации и за справки, наведенные у коллекционеров.

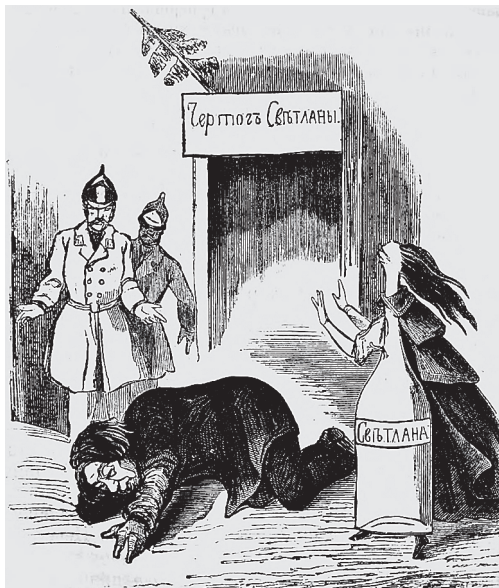
²¹ Гравировал Ф. Кубло. Все четыре карикатуры в оригинальной публикации расположены на одном листе квадратом: первые две — в верхнем ряду, третья и четвертая — в нижнем.

— Ах, Аннушка, тебя куда нельзя послать...
Я велела купить балладу Жуковского: Светлана,
а ты что принесла!
— Да в Питейном говорят, что она самая и есть.

Светлана, 20 к. сер. без посудыны.
— И за такую ничтожную плату всякий может
пользоваться благосклонностью очарователь-
ной нимфы. Она доступна и богачу и бедному,
и какая хорошенькая женищина не позавидует
Светлане, взглянув на легионы ее поклонников.

Глядь! Светлана... о творец!
Милый друг твой не мертвец,
Но мертвецки подил.
(Жуковский).

Патетическая сцена.
Откупщик. Приди, о дочь моя, приди, мое
рожденье! (Эдип — Озерова).
(Светлана бросаюсь в его объятия). Родитель!...

Незамысловатые шутки, актуализировавшие литературную генеалогию имени, к сожалению, дают мало материала для истории бренда, продаж и, тем более, для реконструкции технических характеристик самой водки. Единственная фактическая деталь, сообщаемая здесь, — цена в 20 копеек серебром, о которой мы еще поговорим ниже.

Остальные известные мне упоминания водки *светланы* куда менее подробны — чаще всего эта водка фигурирует в тексте как черта сатирического бытописания, но даже из таких беглых деталей можно составить общее представление об этом алкогольном напитке.

Хотя применительно к *светлане* обычно употребляется определение «водка», на самом деле она, конечно, была «хлебным вином» крепостью 38 градусов, то есть так называемым полугаром²², тогда как крепость — в тогдашней терминологии — «специальных водок», таких, как коньяк (французская водка), ликеры, джин, ром, кальвадос, шведская (аквавит), полынная (абсент) и т. п., составляла от 40 до 50 градусов, иногда более. Отличие *светланы* от обычного хлебного или картофельного полугара состояло в дополнительной очистке от сивушных масел и других примесей (без повышения крепости). Именно поэтому хлебное вино такого типа еще с 1840-х годов повсеместно фигурировало в продаже под брендом «очищенная», а в обиходе — «белая» водка, тогда как название «светлана» было присвоено «очищенной», по-видимому, только в петербургской откупной виноторговле конца 1850-х²³. Название подчеркивало прозрачность и чистоту напитка и должно было выделять *светлану* на фоне обычного — мутного и сивушного — полугара, качество которого в эту эпоху резко понизилось.

Петербургский шик *светланы* подчеркнут, например, в романе Г.Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» (1861):

К Васе приехал дядя из Петербурга, такой же лошенный, как сам Петербург. <...> Он рассказывал также, <...> что здешнего, простого, поганого винишка там и во сне не подносят. <...> О светлане и ночной красавице петербургский человек так сокрушался, как сокрушаются у нас в провинции только о потере жены-друга, с которой прожито душа в душу лет двадцать пять, до серебряной свадьбы. Он даже иногда добавлял, что если бы Петербург был так близко, как барынина Задерихвостиха, так он непременно сходил бы в него пешком и принес бы оттуда на себе боченочек действительной светланы, да бутылочку настоящей ночной красавицы²⁴, и что та ночная красавица, которую

²² Обычную водку до 1870-х годов производили не привычным для нас способом редукции (разбавления водой) спирта-ректификата, а путем двойной перегонки зернового солода и очистки получившейся браги до примерной крепости в 38 (37,5–38,5) спиртовых градусов. Полугар — необходимый для продажного разрешения стандарт крепости хлебного вина: продукт, предназначенный для продажи, должен был при проверке выгорать на половину объема.

²³ Содержание всех найденных текстов конца 1850-х — начала 1860-х годов, в которых встречается водка *светлана*, локализовано в Петербурге; журналы и газеты, где опубликованы эти тексты, также изданы в столице. Ни в московских, ни в провинциальных текстах этой эпохи *светлана* не упоминается.

²⁴ Выяснить, какой напиток продавался под названием «Ночная красавица», мне, к сожалению, не удалось; она упоминается в доступной литературе лишь дважды — в 1860 и 1861 гг. Судя по всему, это была одна из крепких, «специальных» водок, которые продавались в бутылках, ср.: «Есть у него два сына, которые вследствие капитального образования папаша исключительное внимание в жизни обратили на одну только

употребляют здесь в захоlustье, решительно и не пахнет той прелестью, какая там, собственно в Петербурге²⁵.

Появление «очищенной» и, в частности, *светланы*, а также массовая фальсификация «специальных водок» (как правило, импортировавшихся в ограниченных количествах)²⁶ обуславливались кризисом откупной виноторговой системы в начале царствования Александра II: доставляя до 40–45% поступлений в государственный бюджет, винные откупа в то же время создавали питательную почву для многочисленных злоупотреблений. Чтобы получить дополнительную прибыль, производители, откупщики и владельцы питейных домов понижали качество обычного полугара, цены на который были зафиксированы законодательно (от 3 до 4,5 руб. сер. за ведро, то есть 3–4,5 коп. за чарку, хотя реальные цены могли быть выше в два-три раза), зато произвольно повышали цены на «улучшенную» продукцию — «очищенную» и «специальные» водки. 20 коп. сер. за чарку (1/100 ведра = 123 мл) *светланы*, анонсированные в приведенной выше карикатуре, с избытком покрывали издержки, связанные с дополнительной очисткой продукта. А в ресторанах *светлана* стоила от 40 до 60 копеек сер. за рюмку (0,5 чарки), то есть в четыре-шесть раз дороже, чем в питейном доме²⁷.

Однако и чарка в 20 коп. серебром была не очень-то доступна среднему городскому обывателю, а тем более крестьянину, пришедшему на промысел в город. На его долю в питейном доме или в кабаке доставался более дешевый полугар, хотя его качество и внешние свойства оставляли желать много лучшего, а цена все равно вдвое или втрое превышала «указную» (3–4,5 руб. сер. за ведро).

Ситуация хорошо описана большим знатоком питейного дела Иваном Прыжовым:

Ещё 30–40 лет назад всякий мало-мальски зажиточный человек и представить не мог себе, что такое *очищенная*, и находил возможность покупать хороший пенник; но теперь водку сменила мутная жижа, получившая название по цвету своему *сивухи*, *сиволдая*, а по своему характеру: сивушле; французская четырнадцатого класса; царская мадера; чем тебя я огорчила; пожиже воды; пользительная дурь; дешёвая; продажный разум; *сиротские слёзы*; *подвздошная*; *крякун*; *горемычная*; *прильпе язык*; чистоты не спрашивай, а был бы пьян; водка — вину тётка: рот дерёт, а хмель не берёт и так далее (См. Посл<овицы> Даля). Цена сивухи доходила до 8–10 рублей за ведро, и народ, живший поблизости

часть человеческих познаний, именно на питейную. Поэтому и грамотность их ограничивается только лишь разбором красноречивых надписей на ярлыках: желудочная, полынная, ночная красавица, сахарная, шведская и т. д.» (В. М–в. Физиологический очерк ...ского купечества // Русское слово. 1860. №6. Смес. С. 23).

²⁵ *Потанин Г.Н.* Старое старится, молодое растет // Современник. 1861, №2. С. 413. О *светлане* в петербургском бытовом антураже см. также: Библиотека для чтения. 1860. №11. С. 16; Отечественные записки. 1861. №7. С. 270.

²⁶ См., в частности, фельетон «Откупщики и трактирщики», опубликованный в «Биржевых ведомостях» за 1862 год (№53 от 10 марта, с. 215), где некто под псевдонимом Кондратий Усерднов разоблачал специальные водки местного производства и возводил их к «очищенному сивушечному полугару, этому хамелеону, принимающему все возможные водочные оттенки, начиная с очищенной, изменяясь во французскую, шведскую, крымскую, крымско-татарскую, сахарную, и доходя до самой Светланы, и даже гораздо далее» (ср. также продолжение этой темы в №55 от 13 марта 1862, на с. 227).

²⁷ О ресторанной цене *светланы* и хитростях откупной торговли водкою см. в фельетоне «Петербургская летопись» («письмо Яшки Полугарного»): СПб. ведомости. 1858. 3 августа, №169. С. 979 (перепечатано: Библиотека для чтения. 1858. №5. С. 181). См. также: *Макаров Н.П.* Задушевная исповедь // Современник. 1859. №11. С.163.

столиц, стал вместо водки покупать ром. – До какой цены может дойти водка? – спрашивали у откупщика. – Да до цены шампанского, – отвечал он, потирая руки²⁸.

Характерна «Новая песня», появившаяся в лубочных картинках конца 1858 года:

Водочка родимая, Милая моя, За что ж ты, спесивая, Гонишь от себя. Стала непроступная Ценой дорога И как водка мутная Вовсе некрепка Кажный день ты грезишься	С прежней мне ценой Так отраднo пенишься Льешься в стакан мой Истекло как светлая На пролет видна Крепостью примерная Будто старина А теперь что сталося Водочка с тобой	Ценой вздорожалася С дружилась с водой Чем же бы родимая Горю посабить? Знать приспело времечко Водочку непить ²⁹

Ист. Моск. М. с. ноября 1858 г. Издатель П. С. Шубертъ.

Ист. М. М. Метеллеръ. Логина 1858.

НОВАЯ ПЬСНЯ ВОДЧКА РОДИМАЯ МИЛАЯ МОЯ

ВОДЧКА РОДИМАЯ
МИЛАЯ МОЯ
ЗА ЧТО ЖЪ ТЫ СПЕСИВАЯ
ГОНИШЬ ОТЪ СЕБЯ
СТАЛА НЕПРОСТУПНАЯ
ЦЪНОЮ ДОРОГА
И КАКЪ ВОДКА МУТНАЯ
ВОВСЪ НЕКРЕПКА

КАЖНЫЙ ДЕНЬ ТЫ ГРЕЗИШИСЯ
СЪ ПРЕЖНЮЮ ЦЪНОЮ
ТАКЪ ОТРАДНО ПЕНИШИСЯ
ЛЬЕШИСЯ ВЪ СТАКАНЪ МОЙ
ИСТЕКЛО КАКЪ СВЪТЛАЯ
НА ПРОЛЕТЪ ВИДНА
КРЕПОСТЮЮ ПРИМЕРНАЯ
БУДТО СТАРИНА

А ТЕПЕРЬ ЧТО ЖЪ СТАЛОСЯ
ВОДЧКА СЪ ТЮБОЮ
ЦЪНОЮ ВЗДОРОЖАЛАСЯ
СЪ ДРУЖИЛАСЯ СЪ ВОДОЮ
ЧЕМЪ ЖЕ БЫ РОДИМАЯ
ГОРЮ ПОСАБИТЬ?
ЗНАТЬ ПРИСПЕЛО ВРЕМЕЧКО
ВОДЧКУ НЕПИТЬ

10373-10

²⁸ Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.; М., 1868. С. 287–288. Подробнее о последней стадии откупной системы и свойственных ей злоупотреблениях см. также: Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. I. С. 165–207; Корсаков А. К. О винокурении // Обзор различных областей мануфактурной промышленности России. СПб., 1865. Т. III. С. 250–373.

²⁹ Водочка родимая милая моя. Литография (перевод с гравюры на металле). М.: Металлография Логина, 1858 (ценз. разрешение 5 ноября). Размер листа 29,4 × 34,6 см. Хранится в Росс. гос. библиотеке, шифр

Произвольный рост цен на любую водку и резкое ухудшение ее качества в нижней ценовой категории вскоре привели, с одной стороны, к появлению так называемого трезвенного движения, когда целые крестьянские общины давали обет отказаться от употребления алкоголя, а с другой — к народным волнениям и массовому разгрому кабаков³⁰. Такое *просвещение* народа при росте нелегальных доходов откупщиков и виноторговцев не понравилось правительству, и в 1861 году было объявлено об упразднении системы откупов, а с 1 января 1863 года вступила в действие новая, акцизная система, где сборами облагалось производство спирта и алкогольных продуктов, а не сфера торговли алкоголем.

Вместе с падением откупов исчезла из питейного обихода и *светлана*, рекламный бренд петербургских откупщиков (хотя термин «очищенная» бытовал в сфере алкогольной торговли еще очень долго). По окончании откупной эпохи это имя еще изредка упоминалось — в контекстах, где легко восстанавливается привязка к конкретному алкогольному продукту. Кроме процитированной выше дефиниции из словаря Толля, приведем еще несколько примеров:

В одно прекрасное, а может быть и очень скверное утро простяк этот [купеческий приказчик] зашел в известное заведение *«растивочно и на вынос»*. Там он хватил малую толику 38-ми градусной «светланы» и, когда уходил из заведения, — у него уже порядочно стучало в голове: «светлана» брала свои права (М. М. Стопановский. Пестрые главы. 1864)³¹.

...брат Жозеф стал оказывать страстное влечение и сердечную привязанность к российской очищенной, известной тогда под популярным и балладо-романтическим названием Светланы. Маленький прием ее утром продолжался удвоенным приемом к обеду и оканчивался исчезновением брата Жозефа к вечеру. Светский костюм, который носил он в качестве слуги, гарантировал его страстные отношения к Светлане от соблазна людей посторонних. Брат Жозеф после ежевечернего исчезновения часа на три, на четыре очень скромно и тихо возвращался восвояси, кое-как сваливался на свое иноческое ложе и тотчас же засыпал мертвым сном до радостного утра (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. 1864)³².

В старые откупные времена гг. откупщики для своих «специальных» водок придумывали различные завлекательные названия, например *«Светлана»*, *«Русское добро»*, и т. п., а нынче названия дает сам народ, и названия эти выходят уже не случайными, не придуманными, а вполне отвечающими понятию о предмете. Что такое, например, «Светлана», «Русское добро»³³? Почему одна и та же сивуха в одном полуштофе зовется «Светланой», в другом — «добром», да еще «русским», тогда как правильнее бы всего ее назвать

ЛБ102№4/40. Текст опубликован в кн.: Лубок. Ч. I. Русская песня / Сост. и комментарии С. А. Клепикова. М.: 1939. С. 204 (Бюллетени ГЛМ, №4).

³⁰ Подробнее см.: *Федоров В. А.* Крестьянское трезвенное движение 1858–1860 гг. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: сб. статей. М., 1960. [Вып. 1]. С. 107–126; *Сергеев А. В.* «Трезвенное движение» 1858–1860-х годов как нетипичная форма социального протеста // История государства и права. 2018. №12. С. 66–70.

³¹ *Стопановский М. М.* Пестрые главы // Искра. 1864. 16 июня. №22. С. 317.

³² *Крестовский В. В.* Петербургские трущобы // Отечественные записки. 1864. №11. С. 67.

³³ Водочный бренд «Русское добро» просуществовал в Российской империи с 1850-х годов до самой революции. Возобновлен в постсоветскую эпоху.

«русским злом». Непонятно. А вот «управка», «адвокатовка», «поповка» и «мировиха» — тут разницу сейчас же поймешь, хотя наперед знаешь, что все это — одна и та же скверная сивуха (Н. А. Демерт. Наши общественные дела. 1872)³⁴.

Однако ближе к концу века ассоциации имени «Светлана» с конкретным водочным брендом утрачиваются, оно используется лишь в качестве одного из многих переносных именовании водки вообще. Ср., например, показательную глоссу в редком питейном словаре (1891): «Брыкаловка — водка (так называемая *очищенная, светлана, светлейшая*, и проч., и проч.)»³⁵. Светлана здесь не название бренда, а показатель чистоты и прозрачности напитка в глазах потребителя. Близкий, хотя и более развешиваемый прием видим в антиалкогольной брошюре 1914 года:

Вы увидите, что теперь действительно «в России сто шестьдесят дней в году пьют и сто шестьдесят опохмеляются», причем пьют почти все и решительно всё.

Пьют старики, пьют дети, пьют мужчины, пьют женщины, пьют богатые, пьют бедные, пьют чиновники, пьют дворяне, о. духовные, купцы, мещане, мужики...

Пьют «светлану» (водку), пьют «зубриловку» (зубровку), «шумиловку» (полынную), «звериловку» (зверобойную), «трефиловку» (настойку на трилистнике), «фуксиновку» (мадере товарищества винной фальсификации), «свинчатку» (сотерн-икем того-же происхождения), и проч., и проч.

Пьют даже духи, одеколон, лак, политуру...

Пьют утром, пьют в полдень, пред обедом, после обеда, пред ужином, после ужина...

Пьют с радости, пьют с горя, пьют при свиданье и при разлуке, при усталости от трудов и от нечего делать...

Пьют дома, пьют в гостях, пьют в клубах, трактирах, портерных, кафе-кабаках, а с введением винной монополии — и на улицах...

Пьют «до одури», пьют «до трясения», «до очумения», «до риз положения», пьют «до чертиков», «до зеленого змия», «до умертвия Иродова», и проч.³⁶

Этой светлой и радостной картиной подлинного национального единства я, пожалуй, и завершу свои заметки.

³⁴ Демерт Н. А. Наши общественные дела // Отечественные записки. 1872. № 6. С. 253.

³⁵ Тихонов П. Н. Криптогlossарий. Отрывок (Представление глагола *выпить*). СПб., 1891. С. 179. Ср. похожие проходные употребления, где «светлана» выступает просто синонимом водки: Карпов Е. П. На пахоте // Рус. мысль. 1892. Кн. VII. С. 27; Невежин П. М. Собрание сочинений. СПб., 1910. Т. X. С. 365.

³⁶ Березкин Д. М. Пора опомниться. Алкоголизм и школа. Речь к учащемуся юношеству. СПб., 1914. С. 7–8.

Илья Утехин

О ПЬЯНСТВЕ (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ)

Алкоголизм, хоть имя дико,
 Но мне ласкает слух оно.
 Мы все от мала до велика
 Лакали разное вино.

С. Гандлевкий (1979)

Пьянство не дано нам как нечто само собой разумеющееся, и это понимает не только Веничкин рассудок в диалоге с его же сердцем в бессмертной поэме «Москва-Петушки»¹, но и авторы антропологических обзоров об употреблении алкоголя в разных обществах. Они подчеркивают тот факт, что и употребление, и злоупотребление всегда встроены в конкретный культурный контекст². Это же относится к зависимости и избавлению от зависимости, которые не так давно были сформулированы в качестве отдельной и более широкой темы исследования³ — после того, как сразу несколько дискурсивных конструкций (представление о пьянстве как о социальной проблеме, болезни и разновидности болезненной зависимости) стали осознаваемым культурным феноменом. Антропологические исследования показывают, однако, что алкоголизм как проблема — довольно редкое явление в кросс-культурной перспективе, в том числе в тех обществах, где потребление алкоголя широко распространено⁴. Именно антропологический подход, отталкивающийся от этнографических материалов, позволяет увидеть не только девиантное, но и нормальное в потреблении алкоголя. Вообще говоря, не только пьянство, но и алкоголь — это народные категории с неочевидными границами, отнюдь не универсальные и характерные преимущественно для современной западной цивилизации, социальный порядок в которой требует специфической трудовой дисциплины.

¹ «Много пить не надо, не надо напиваться как сука; а выпей четыреста грамм и завязывай». «Никаких грамм! — отчеканивал рассудок. — Если уж без этого нельзя, поди и выпей три кружки пива; а о граммах своих, Ерофеев, и помнить забудь»: *Ерофеев Вен.* Москва — Петушки. С комментариями Э. Власова. М, 2000. С. 37.

² Например, *Heath D. B.* Anthropology and Alcohol Studies: Current Issues // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 16 (1987). P. 99–120; *Dietler M.* (2006). Alcohol: Anthropological/Archaeological Perspectives // *Annual Review of Anthropology*. 35(1). P. 229–249. DOI: 10.1146/annurev.anthro.35.081705.123120

³ *Glaser I.* Anthropology of Addictions and Recovery. Long Grove (IL): Waveland Press, 2012.

⁴ *Heath D. B.* A decade of development in the anthropological study of alcohol use: 1970–1980 / *Constructive Drinking. Perspectives on Drink from Anthropology* / Douglas M. (ed.). London; New York: Routledge, 2003. P. 19.

Благодаря погруженности потребления алкоголя в культурный контекст и обилию ассоциативных связей получается, что принятые в данном обществе нормы и ценности диктуют не только ситуации потребления алкоголя и их осмысление, но и то, какие возможности существуют для того, чтобы через изображение и упоминание выпивки и пьянства выразить что-то еще, использовать пьянство в качестве средства выражения каких-то других значений. Это касается и ритуала, и этикета, но также и популярной культуры. Вот, скажем, курение в советское время стало темой нескольких песен, например: «Давай закурим, товарищ, по одной...», «Ох, неприятно» («Закурю-ка, братцы, папиросу я...») и вплоть до песни «Окурочек» на стихи Юза Алешковского. В них присутствует курение и его атрибуты как предмет изображения, но песни эти не собственно о курении, а о переживаниях героя. Выражены эти переживания, так сказать, «в курительном коде», как можно было бы это явление обозначить, следуя терминологии К. Леви-Строса, А. Байбурина и Г. Левинтона⁵. Курение существует в жизни до и независимо от этих произведений искусства, равно как и переживания героев, которые трудно однозначно определить, а вот через курение и с опорой на спектр всем понятных в данной культуре ассоциаций эти переживания можно убедительно изобразить. Аналогичным образом используются и выпивка, и спиртное, и пьянство; об одном из фрагментов соответствующей культурной мозаики и пойдет речь ниже.

Пример того, как пьянство анализируется в перспективе семантики культуры, мы видим в семиотически-ориентированных работах по традиционной славянской культуре. Так, в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» в статье «Пьянство», написанной А. Л. Топорковым, указано, что пьянство — обязательная часть праздника, а также повседневного этикета, связанного с приемом гостей, обменом, началом и концом любого важного хозяйственного дела, особенно коллективного. Отдельно рассматривается ритуальное пьянство, приуроченное к календарным праздникам и семейным обрядам, причем специально выделяется похоронно-поминальная обрядность. Обсуждается народная традиция и церковная критика пьянства, причем отмечается, что осуждение пьянства со стороны церкви «способствовало сохранению его языческой символики»⁶.

Статьи «Славянских древностей» опираются и на записки иностранцев о России, и на древнерусские источники, но прежде всего на этнографические источники по народной культуре. Описываемая таким образом гипотетически реконструируемая во множестве подробностей славянская культура существует лишь в обширном корпусе текстов-источников, но современному этнографу она позволяет в своем поле увидеть такие детали, относительно которых он может выстраивать объяснения, принимающие во внимание возможное типологическое или генетическое родство между тем, что он может наблюдать, и теми значениями, которые указаны в словаре. Например, А. Л. Топорков обращает внимание на то, что «лихое питье спиртного рассматривалось

⁵ Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Код(ы) и обряд(ы) // Кодови словенских култура. Београд, 1998. Бр. 3. Свадба. С. 239–257.

⁶ Топорков А. Л. Пьянство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009. С. 379.

как атрибут мужского поведения»⁷, и полевые наблюдения или просто культурный опыт исследователя позволяет заключить, что так дело обстоит и ныне. Более широкий кросс-культурный сопоставительный контекст свидетельствует о том, что лихое питье нередко оказывается частью конструкции маскулинности.

В «Славянских древностях» специально обсуждается пиво (и его включенность в ритуал), однако под более или менее близким к современности пьянством имеется в виду питье не только пива, но и водки, которая играет свою роль и в традиционной культуре. Н. И. Толстой так завершает свой обзор использования водки у славян в семейных, календарных и окказиональных обрядах: «Пили водку с тоски и от радости и просто без всяких причин»⁸. Эта примечательная формула глубже, чем может показаться на первый взгляд.

Оттолкнемся от тривиального соображения: культурная семантика выпивки и пьянства неотделима от жизненного опыта в конкретном обществе. Употребление алкоголя как разновидность использования психоактивных веществ является если не универсалией, то, во всяком случае, фреквенталией. Однако эффект от употребления алкоголя не наступает автоматически. Например, когда писатель Ю. Мамлеев пишет о ком-то, что тот может выпить в день полтора литра водки⁹, — это реалистическое описание, отражающее специфический опыт. Между тем для значительной части человечества такая доза алкоголя оказалась бы смертельной.

Британский антрополог Найджел Барли в своей знаменитой книге про превратности полевой работы среди народности довайо в Камеруне упоминает просяное пиво, которое готовят его информанты, у которых просо — основная сельскохозяйственная культура. Местные удивились, потому что Барли стал первым белым, согласившимся попробовать это пиво. На глазах информантов он выпил несколько калечат и впечатлил их тем, что, в отличие от них, он не захмелел. Как отмечает Барли, западному человеку невозможно напиться этим пивом, так как содержание алкоголя очень невелико, и в него просто не влезет столько жидкости. Однако от пива фабричного изготовления довайо быстро напивались в стельку, и обладатель бутылки мог растянуть ее на три дня, уверяя окружающих, что он постоянно пьян¹⁰.

Со всеми поправками на объяснения разницы в эффектах алкоголя со ссылкой на факты из области физической антропологии (например, такие объяснения могут содержать упоминания алкогольдегидрогеназы — фермента, который отвечает за расщепление этилового спирта в организме человека), замечания Барли не могут не привести на мысль, что и потребление алкогольных напитков, и само опьянение как состояние и его проявления в поведении — это своеобразные техники тела в Моссковском смысле этого термина¹¹. Это значит, что требуется уметь пить

⁷ Топорков А. Л. Пьянство. С. 377.

⁸ Толстой Н. И. Водка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 394.

⁹ Мамлеев Ю. В. Московский гамбит. М., 2016. С. 101.

¹⁰ Barley N. The Innocent Anthropologist. Notes from a Mud Hut. Harmondsworth: Penguin, 1986. P. 64–65.

¹¹ Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества, обмен, личность. М., 1996. С. 242–263.

и быть пьяным, чтобы получать искомый эффект и чтобы опьянение производило свою социальную работу, то есть выпивка и поведение выпившего — своеобразный телесный навык. Соответственно, антропологические обзоры обращают наше внимание не только на то, что общества различаются по месту, времени, ситуациям и церемониалу выпивки, но и по ожидаемому поведению выпивших: например, ведет ли опьянение к агрессивному поведению или же пьяные впадают в состояние беспамятства, но драться не лезут¹². Возможно поставить вопрос о том, что из всего этого настолько осознается носителями определенной культуры, что они выражают это в пословицах и поговорках¹³. Такая культурная актуальность и освоенность опыта выпивки открывает потенциальную возможность для того, чтобы выступить как своеобразный код в словесном искусстве.

Если мы, подобно составителям словаря «Славянские древности», возьмем круг определенных текстов, но очертим его границы по позднесоветской неподцензурной литературе, возможно было бы поставить вопрос о том, как можно систематизировать роль алкоголя и выпивки в этом корпусе. Речь могла бы идти, таким образом, не о семиотических потенциях алкоголя и его потребления вообще, как это, например, было проделано по отношению к зеркалу как семиотическому объекту в известной работе Ю. Левина¹⁴, а применительно к ограниченному кругу текстов. По-видимому, можно было бы говорить об алкоголе в нескольких ракурсах, не исключаящих друг друга. Во-первых, о пьянстве и выпивке как о подробности, присущей поведению и жизненному миру персонажей, так или иначе отражающей мир советского человека и тем самым работающей на убедительность изображения этого мира. Тут можно было бы задаться, в частности, вопросом, какими средствами изображается выпивка. Во-вторых, можно говорить о пьянстве и выпивке как о нарративной функции, как о двигателе сюжета. В-третьих, пьянство и выпивка оказываются элементом поэтики, оно обыгрывается не само по себе, а является компонентом интертекстуальной игры, как в поэме «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева. Кроме того, вероятно, возможно было бы указать и на символические значения алкоголя и выпивки в этих литературных текстах (ср. в «Чонкине» Владимира Войновича появляется самогон из человеческого дерьма, и этот образ приобретает отчетливое символическое значение в контексте романа).

В комментариях к поэме Венедикта Ерофеева комментатор обычно раскрывает прямые или скрытые цитаты и разъясняет реалии, которые читателям постсоветских поколений, скорее всего, неизвестны. Кажется важным подчеркнуть, что ближайшим типологическим контекстом было творчество неофициальных литераторов и художников из круга московских концептуалистов. Предметом художественных

¹² Bunzel R. The Rôle of Alcoholism in Two Central American Cultures // *Psychiatry*. 1940. No. 3(3). P. 361–387. DOI: 10.1080/00332747.1940.11022291

¹³ См., например: О вине и пьянстве: Русские пословицы и поговорки / Багриновский Г.Ю. (сост., предисл., словарь, примеч.). М., 2001.

¹⁴ Левин Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // *Труды по знаковым системам*, 22. Тарту, 1988.

преобразований для концептуалистов служат «случаи из языка» — тексты из разных стилистических слоев, у которых есть стилистически заметные, отчетливо выпуклые и доступные для рефрейминга в эстетическую сторону черты. Эти элементы можно выделить и вставить в новую рамку, где они станут самостоятельными микропроизведениями, частями мозаики, из которой складывается языковой мир советского человека. Отметим, что сходный метод используют концептуалисты и в сфере визуального. Как указывает один из героев Виктора Пивоварова: «Всюду рядом множество картинок, которых никто не замечает. На чашках, тарелках, на обоях, подушках, на монетах, на занавесках, на баночках с вареньем, даже на карандашах» («Из дневника М»: 27 апреля, Мысли в моей голове¹⁵). Каждая из этих картинок может быть взята сама по себе и быть показана не как часть фона, а как самостоятельное произведение. Заметим, что написанные героем слова внесены в рамку картины, вместе со своими жанровыми и стилистическими характеристиками (это лист из альбома с дневниковыми записями школьника), и одновременно выражают весьма меткое наблюдение и серьезное высказывание мета-уровня, работающее как один из возможных ключей к дешифровке этого произведения; несколько фреймов начинают взаимодействовать между собой и обогащать интерпретативные возможности.

Не только Виктор Пивоваров и Илья Кабаков отыскивают в окружающей языковой стихии и советское-бюрократическое, жэковское и повседневное, и осколки высокой культуры «самой читающей страны в мире», где оперу передают по радио. И в работах московских концептуалистов, и в тексте Венедикта Ерофеева у этих осколков лишь относительная узнаваемость: потенциальный читатель едва ли мог с ходу восстановить все хитросплетение аллюзий, как в своем фундаментальном комментарии к поэме это делает Э. Власов¹⁶. Отталкиваясь от записных книжек Ерофеева, А. Агапов описывает использование цитат примерно следующим образом: Ерофеев читает самые разные тексты и делает выписки, при этом опуская контекст, так что контекст остается, возможно, у него в памяти, но выписанная цитата может жить независимо от него и ценна своей стилистической энергией, отсюда и ее потенциал в качестве строительного материала¹⁷.

Такое использование общих мест может, в перспективе компетенции читателя, в каждом конкретном случае тяготеть к одному из полюсов условной шкалы, на одном конце которой — опознание адресатом источника и смысла цитаты, а заодно и возможного переименования этого смысла, а на другом — полная потеря исходного контекста и только ощущение стилистической энергии и отдаленного знакомства. Подобно этому, например, в современном маркетинге нередко встречается эксплуатация формул, утративших свой изначальный ассоциативный ореол. Вот несколько примеров этого явления, рассчитанных на адресата, который не распознает

¹⁵ Пивоваров В. АХ и ОХ. Библиотека Московского концептуализма Германа Титова. Вологда, 2010.

¹⁶ Власов Э. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» // Ерофеев Вен. Москва — Петушки. С комментариями Э. Власова. М., 2000. С. 121–574.

¹⁷ Агапов А. «Сэр, почему вы кушаете своих жен?»: о роли цитаты у Венедикта Ерофеева // НЛЮ 6/2018, № 154.

изначальный контекст: на Петроградской стороне неподалеку от улицы Добролюбowa в Санкт-Петербурге есть ресторан «Демьянова уха»; целая сеть заведений, продающих в Петербурге шаверму, называется «Кручу-верчу» (в 1990-е «Кручу, верчу, запутать хочу» было присказкой наперсточников); марка тушенки «Совок» намекает на следование ГОСТу и адресована тем, кому не чужда ностальгия по СССР независимо от того, есть ли у них советский опыт.

Способы сказать что-то не напрямую, а передать высказывание, вставив его в несколько рамок, характерны для концептуализма, сталкивающего разные стилистические пласты и обыгрывающего клише. Не случайно нередко в произведения включается наивный художник, наивный автор текста, а эффект возникает из столкновения его жизни и доступных для творчества компонентов — готовых элементов советского языка — подобно тому, как это получается в прозе Андрея Платонова и в языке писем советских трудящихся во власть¹⁸. Примечательный пример в свете нашей темы — своеобразный отклик Евгения Попова на поэму «Москва — Петушки». Его «Пять песен о водке» написаны от имени наивного литератора Николая Николаевича Фетисова, который в предуведомлении читателю предупреждает, что не следует в этих «песнях» (которые мы бы назвали рассказами, но и у Венедикта Ерофеева — поэма) усматривать что-то, кроме борьбы с алкоголизмом: «Пора наконец положить конец подобному символизму и выискиванию изюминок между строк моих рассказов»¹⁹. Советская борьба с пьянством, которое выглядит в изображении Фетисова как самостоятельное природное явление, как стихия, выступает в качестве пародийной рамки для содержания гораздо более сложного, драматического и глубокого, чем это своими комментариями пытается осмыслить рассказчик, и насыщенного теми самыми «изюминками», которые представляют собой маленькие шедевры абсурдного комизма советской повседневности. Конструкция «наивности» рассказчика устроена таким образом, что интертекстуальная игра в духе героя поэмы Ерофеева невозможна, но некоторые особенности «Пяти песен» тем не менее роднят их с произведениями московского концептуализма и перекликаются с «Москвой — Петушками».

Так, например, персонажи высказывают неожиданные мысли в неожиданном и контрастирующем с этими мыслями сниженном контексте, ср. реплику пьяного юноши в театральном буфете: «А человеку и не нужна свобода. Это он так, для видимости, что ему свобода нужна. Ему иллюзия нужна, а не свобода. Дай нашему столяру иллюзию, и он будет рад и доволен. А дайте ему свободу — он разрушит все, и в первую очередь самого себя»²⁰. В другой «песне», повествующей о самоубийстве рабочего, оскорбленного тем, что его лишили первого места в соревновании только за то, что он пил одеколон («Я работал честно, а что я пью дикалон, это — мое дело»), столь непривычную для советского человека, в том числе и для

¹⁸ Утехин И. В. Из наблюдений над поэтикой жалобы // *Studia Ethnologica*. Труды факультета этнологии. СПб., 2004.

¹⁹ Попов Е. Тихоходная барка «Надежда». Рассказы. М., 2001. С. 60.

²⁰ Попов Е. Тихоходная барка «Надежда». С. 68.

рассказчика Фетисова, мысль о достоинстве и границах частного высказывает маленький человек — «законченный алкоголик», который кончает с собой в состоянии алкогольной депрессии. В финальной рамке «Песен» рассказчик, выходя за пределы наивного письма и сливаясь с автором, упоминает наступающую осень: «Утром высунуть из окна и увижу, что алкоголик идет по серебряному от инея рельсу неизвестно куда»²¹.

Хотя спиртное и разные аспекты его употребления в поэме Ерофеева повсюду, сама поэма не о выпивке и пьянстве. Ольга Седакова в своем курсе на «Арзамасе», посвященном Венедикту Ерофееву и его поэме²², отмечая, что описание выпивки там носит, если так можно выразиться, автоэтнографический характер, показывает, что основным содержанием поэмы является христианская проповедь: ценность «ничтожного человека» и молчание о главном. Венедикт Ерофеев дает свой особенный ответ на вопрос о том, «как изобразить жизнь души», если воспользоваться формулой Виктора Пивоварова.

Ю. Левин в своей работе «Семиосфера Венички Ерофеева»²³ анализирует устройство поэмы и посвящает отдельный раздел кодированию с помощью цитат: состояние похмелья, желание выпить, процесс опохмеления, физические мучения в процессе опохмеления, состояние крайнего опьянения, «регламент» питья, рецептура и качество коктейлей. Тематика пьянства «кодируется, главным образом, с помощью русской классики», но и история русской литературы «описывается с алкогольной точки зрения»²⁴, тем более что мир литературы и культурного багажа парадоксальным образом оказывается для героев актуальнее, чем мир советской повседневности.

Пьянство самого Ерофеева носило «идеологический», а не бытовой характер. О. Лекманов с коллегами в своей биографической книге о Ерофееве цитируют Г. Зоткина, соседа Венедикта по комнате общежития Владимирского пединститута: «Выпивал (много об этом говорили, говорят и поныне досужие языки). Выпивали и мы, но отнюдь не во вред делу. Имею в виду самообразование в самом хорошем смысле. Но я никогда не видел Ерофеева пьяным. Наоборот, в такие минуты каждая клеточка его мозга и сердца была словно обнажена, очищена от временного налета, каждая сияла, как начищенная монета, источая перлы великого смысла и незаурядного чувства. В такие минуты он был неотразим. Конечно, по утрам чувствовал себя плохо»²⁵.

Из нашего в целом куда более трезвого времени кто-то мог бы предположить, что претворение в поэме «Москва-Петушки» специфического алкогольного опыта ее автора — явление исключительное. Однако в пределах неподцензурной литературы

²¹ Попов Е. Тихоходная барка «Надежда». С. 75.

²² Седакова О.А. Веничка Ерофеев между Москвой и Петушками. URL: <https://arzamas.academy/courses/103/2> (дата обращения 12.06.2022).

²³ Левин Ю.И. Семиосфера Венички Ерофеева // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. Лотмана. Тарту, 1992.

²⁴ Левин Ю.И. Семиосфера... С. 497.

²⁵ Лекманов О., Свердлов М.И., Симановский И.Г. Венедикт Ерофеев: посторонний. 2-е изд., доп. М., 2019. С.122.

1960–70-х связь алкоголя со сферой нездешнего проявляется и в произведениях совсем другого жанра. Отчетливо выражена она у Ю. Мамлеева в романе «Московский гамбит», изображающем быт московского «эзотерического подполья». «Московский гамбит» не предполагает сложной системы кодирования и интертекста и называет вещи своими именами, как это делал бы и наивный литератор. «Возможность по-духовному выпить и поговорить о Боге»²⁶ точно в этих же выражениях могла бы встретиться и в воспоминаниях Ю. Мамлеева, а количество выпивки местами почти такое же, как у Ерофеева, что, как можно предполагать, соотносится с реальными биографическими подробностями. Так, поэт Илья Бокштейн вспоминает встречи у Ю. Мамлеева в комнате его коммуналки в Южинском переулке: «Шпротики. Огрызки огурчиков. Больше ничего — даже хлеба. (Хозяин пил зверски.) Закуской к водке служило обсуждение проблем бытия человеческого»²⁷.

В своих воспоминаниях Ю. Мамлеев рассуждает об особенностях употребления «влаги терпкой и таинственной» в 1960-е и 1970-е годы, ссылается на особенное психологическое состояние людей в России в эти времена, утверждает, что тогда пилось иначе, чем в более поздние времена в России, и цитирует запомнившееся ему высказывание некоего эмигранта из СССР: «всем хорошим в себе я обязан водке»²⁸. Согласно Мамлееву, в последующие, более поздние эпохи алкоголь не имел и тени того таинственного воздействия, как в те времена: «народ пил водку веселее. У нас же “таинственная влага” сразу выводила в иное измерение, точнее, свой собственный внутренний мир выходил на поверхность сознания, и ничего не существовало, кроме него. Исчезала иллюзия времени, прошлое и настоящее сливались в единый поток». «Обнаженность была до последних тайников души». Вспоминая о своей первой встрече с Венедиктом Ерофеевым, Ю. Мамлеев упоминает соревнование по выпиванию водки, которое закончилось ничьей по внешним обстоятельствам²⁹.

Как однажды в шутку сказал замечательный лингвист Константин Поздняков, анализируя стихотворение М. Цветаевой «Ученик», слово «пьющий» само по себе не имеет негативных коннотаций — а, возможно, в определенном культурном контексте имеет сугубо положительные.

²⁶ Мамлеев Ю. В. Московский гамбит. М., 2016. С. 29.

²⁷ Поликовская Л. Вспоминая Юрия Витальевича Мамлеева. Коллективная попытка создания непарадного портрета // Независимая газета, 19.11.2015. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2015-11-19/6_polikovskaya.html (дата обращения 21.11.2015).

²⁸ Мамлеев Ю. В. Воспоминания. М., 2020. С. 71.

²⁹ Мамлеев Ю. В. Воспоминания. С. 72, 61, 101.

Елена Березович, Галина Кабакова

«НЕВИННЫЙ КАМЕНЬ»: МОТИВ ВИНА В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗЕ АМЕТИСТА*

Думая о научных темах, которые могли бы «подходить» Елене Владимировне Душечкиной, мы выбрали такую, где сочетается история культурного символа (ср. замечательную книгу Е. В. про ёлку¹) и интерес Е. В. к самоцветным камням: о нем нам довелось говорить во время встреч в «кладовой» самоцветов — на Среднем Урале. Обсуждали и красоту уральских аметистов, которые считаются одними из лучших в мире (скажем, они «обладают волшебным свойством менять свой цвет в зависимости от освещения: на солнце — фиолетовые, при свечах и лампе — кроваво-красные»²). Хронотоп культурной истории аметиста имеет огромный масштаб (не одно тысячелетие, разные страны и континенты), поэтому его культурно-языковой образ многогранен и включает в себя целый ряд мотивов, среди которых **мотив вина (опьянения)**.

Этот мотив-мифологему можно считать магистральным, поскольку он отражен во внутренней форме слова. Согласно наиболее распространенной (и, кажется, наиболее достоверной) версии, рус. *аметист* восходит к лат. *amethystus* < греч. ἀμέθυστος ‘не пьяный’, ‘средство против опьянения’, ‘аметист, полудрагоценный камень, считавшийся средством от опьянения’: здесь имеет место сложение ἀ ‘не’ и произв. от μέθυ ‘вино’: «аметист мог получить свое назв. из-за его лилово-фиолетового цвета, напоминающего разбавленное водой красное вино, от которого нельзя опьянеть; отсюда, возможно, его статус амулета от пьянства»³. Эта гипотеза широко известна, однако она является не единственной. По версии, излагаемой Г. Леммлейном вслед за Р. Томпсоном, истоки слова следует искать в семитских языках, ср. еврейск. *ахлама* ‘аметист’ и ассирийск. *аалгамишу* ‘то же (?)’⁴. Указанное

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет). Авторы благодарят Л. А. Будрину, Е. В. Шабалину, Н. А. Шляхтер за консультации при подготовке статьи.

¹ Душечкина Е. В. Русская ёлка. История, мифология, литература. СПб., 2012.

² Яровой Ю. Е. Цветные глаза Земли. Челябинск, 1984. С. 96.

³ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 1. С. 198. См. также изложение этой версии в: Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1955. P. 90; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964. Т. 1. С. 76.

⁴ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрания сведений для познания драгоценностей (минералогия) с прилож. Ал-Хазини «Весы мудрости» / Под ред. Г. Г. Леммлейна. М., 1963. С. 463.

предположение встречает возражения формального плана, в то время как «винная» версия вполне убедительна формально и семантически, а также имеет надежный историко-культурный фундамент, о чем пойдет речь в нашей статье.

Доказательством «винной» версии служат, в частности, произведения античных авторов, где цвет аметиста описывается как цвет вина. Самый известный текст принадлежит Плинию, ср. отрывок в переводе одного из основателей русской минералогии — В. М. Севергина: «Причиною названия <кристаллов аметиста> приводят, что цветом приближаются к цвету вина, но прежде нежели оный примут, блеск их оканчивается фиалковым отливом; что в них есть багряность, которая не совсем переходит в огненный цвет, но в винной»⁵; еще до Плиния о «винном» цвете аметиста писал Теофраст (III в. до н. э.)⁶. Кстати, в минералогическом трактате Теофраста говорится также о камне по имени *омфакс* (ὄμφαξ), который назван так по своему цвету — незрелого зеленого винограда. Это обозначение служит мотивационной параллелью к слову *аметист*. Мотивационное значение дает проекцию в европейскую поэтическую традицию, в которой цвет аметиста постоянно сравнивается с каплей вина⁷.

Органичность «винных» ассоциаций аметиста поддерживается и глубокой **связью образов прозрачного камня и жидкости (воды)**. Уместно вспомнить слово *вода* в «минералогическом» значении, которое БАС формулирует так: «чистота окраски, блеска и т. п. в драгоценных камнях»⁸. За этим «т. п.» стоит важное слово «прозрачность», которое не забывают исторические словари, ср.: *вода* «чистота окраски, прозрачности драгоценного камня»: «Перстень золоть, а въ немъ лаль пупошевать, троеуголень, водою жидокъ» (1592)⁹; «Камень яхонть червчатъ, или синь, или чаль, смотри, чтобы вода была чиста» (XVI–XVII вв.); «Жемчужные зерна гурмытския смотри, чтобы были окатны и сходчивы, и водою бы чисты, а цѣна по зерну смотри» (XVI–XVII вв.)¹⁰; «степень чистоты, окраски, прозрачности драгоценного камня»: «Блеск, чистота, вода, толщина и порядочная фигура составляют изрядство перлов» (XVIII в.)¹¹. Более того, в XVIII в. термин *вода* означал и собственно окраску, оттенок камня: «Аметистъ. Камень дорогой, воды фиолетовой»; «Яхонть блѣдно-алой воды»¹². Это говорит о неразрывности признаков окраски и прозрачности

⁵ Плиний Кай Секунд. Естественная история ископаемых тел, переложенная на русский язык, в азбучном порядке примечаниями дополненная трудами В. М. Севергина. СПб., 1819. С. 26.

⁶ Теофраст. О камнях / Пер. с англ. Б. Ф. Куликов; сост. В. В. Бобылев. М., 2004. С. 126.

⁷ Наряду с этим, аметист сопоставляется с розой, пропитанной утренней росой, а иногда и с фиалкой («Апокалиптический лапидарий», разные переводы лапидария Марбода Реннского, «Кембриджский лапидарий» и пр.); в нем угадывается также цвет раскаленного железа с белым отблеском (Епифаний Саламийский) или железа с кровавыми прожилками («Лапидарий» Жана де Мандевилля); см. об этом в: *Gontero-Lauze V. Sagesses minérales. Médecine et magie des pierres précieuses au Moyen Âge. Paris, 2010. P. 57–58.*

⁸ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 497.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 250.

¹⁰ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2006. Вып. 2. С. 260.

¹¹ Словарь русского языка XVIII вв. Л., 1987. Вып. 3. С. 247.

¹² Там же.

камня — и о том, что изучаемая «винная» метафора аметиста не является только цветовой, а основана на указанном комплексе. Не случайно аметист (как и другие прозрачные камни) может быть *жидкого* цвета: «Хрусталь горный... на самый жидкий аметистов цвет похожий» (XVIII в.)¹³.

Версии о происхождении названия аметиста «аккомпанируют» различные **тексты, сопрягающие образы аметиста и бога виноделия Диониса (Вакха, Бахуса)**. Первой по времени считают¹⁴ эпиграмму Платона Младшего (IV в. до н. э.) «На Диониса, вырезанного на аметисте»: «Вот самоцвет-аметист, Ну а я — Дионис-винолюбец. Пусть меня трезвости он Учит иль учится пить»¹⁵. В позднеантичной мифологии («Деяния Диониса» Нонна Панополитанского, V в. н. э.) упоминается титанида Рея, которая протянула хмельному Дионису аметист, спасающий от пьяного безумия: «Рея лишь Дионису дарит единому средство От хмельного забвенья — аметист всеохранный!»¹⁶. Но более популярной в Новое время оказалась стилизация французского поэта Реми Белло, сочинившего поэму «Аметист или любовь Вакха и Аметисты» (1576). Он придумал этиологическую легенду о превращении девы Аметисты, желавшей избежать домогательства Вакха, в камень. С тех пор она цитируется в разных минералогических сочинениях как подлинно античная¹⁷.

Мотив (мифологема) «аметист — вино (бог виноделия)» реализовывался не только в текстах, но и в невербальной традиции — в практике ювелирного и камнерезного искусства. Так, на аметисте вырезались **изображения Диониса (Вакха, Бахуса)**. Целый ряд таких аметистовых изделий читатель может увидеть в музеях, частных коллекциях и проч., ср. римскую камею (I век до н. э. — I век н. э.) с маской Вакха¹⁸,

¹³ Там же. Вып. 1. С. 57.

¹⁴ *Бобылев В. В.* Историческая геммология. Геммохронология. М., 2000. С. 60.

¹⁵ Греческая эпиграмма / Сост. Ф. Петровского и Ю. Шульца. М., 1960. [https://facetia.ru/node/5253#t26].

¹⁶ *Нонн Панополитанский.* Деяния Диониса / Пер. с др.-греч. Ю. А. Голубца; вступ. ст. А. В. Захаровой. СПб., 1997. С. 132 [Песнь XII (378–379)]. Ср. изложение в: *Bouysse Ph., Girault J.-F.* Gemmes, pierres, métaux, substances utiles. Florilège, de l'Antiquité aux temps modernes. Saint-Denis, 2018. P. 98.

¹⁷ «Античный» миф о нимфе Аметисте существует в огромном количестве популярных переложений, см., например: *Wodiska J.* A Book of Precious Stones: The identification of gems and gem minerals, and an account of their scientific, commercial, artistic and historical aspects. New York; London, 1909. P. 96; *Thomas W., Pavit K.* The book of talismans, amulets and zodiacal gems. 2nd and revised ed. London, 1922. P. 273; *Lecouteux C.* A Lapidary of sacred stones. Their Magical and Medicinal Powers Based on the Earliest Sources / Translated by John E. Graham. Rochester, Vermont, Toronto, 2012. P. 49; *Печенкин В.* Исторические камни. Мифы и реальность. М., 2017. С. 155–156 etc. Содержание легенды в разных источниках варьирует, но незначительно. Вот один из вариантов: «Бахус, бог вина и веселья, оскорбленный пренебрежением людей, решил отомстить им и дал клятву: первый же человек, которого он встретит на пути, будет растерзан свирепыми тиграми. Первой он встретил прекрасную нимфу Аметисту, которая шла в храм богини охоты Дианы. Когда кровожадные звери набросились на нее, нимфа обратилась к богине за помощью, и та не нашла ничего другого, как превратить ее в статую из чистейшего белого камня. Сожалев о случившемся, Бахус окропил статую виноградным соком, но статуя не ожила, а лишь стала багряно-фиолетовой» (*Николаев С. М.* Камни и легенды. 4-е изд., стер. Новосибирск, 2007. С. 54). Из этой статуи, рассыпавшейся на множество частиц, появился прекрасный камень аметист.

¹⁸ Выставлена на британский аукцион. [https://bid.bertolamifineart.com/auction-lot/a-fine-roman-amethyst-cameo-mounted-on-a-modern-g_DD0478BA5E].

итальянскую инталию XVIII в., где изображена голова Диониса в профиль, итальянскую инталию XVI в., на которой Вакх-ребенок с тирсом едет на козле¹⁹ etc. Есть аналогичные произведения с изображениями менад и вакханок, ср. римскую инталию III в. до н. э. с головой менады в венке из плюща²⁰, французскую брошь-подвеску середины XIX в. с профилем вакханки в обрамлении виноградных листьев²¹, итальянскую камею 70-х гг. XIX в. с вакханкой, в волосы которой вплетены гроздья винограда²², и др. Разумеется, на аметисте вырезались и изображения виноградной лозы. Важно отметить, что эта традиция была не только романской; она была воспринята и русской ювелирной школой: скажем, на Урале делали камеи с изображением Бахуса²³. Как можно ожидать, из аметиста делали также собственно ягоды винограда. Эта практика была широко распространенной и в Европе, и в России. Так, часть камнерезной традиции уральских мастеров — изготовление так называемых *накладок* на пресс-папье, на которых часто были представлены «ягодно-фруктовые» натюрморты из камня; виноград при этом изображался с помощью аметиста (одно из знаменитых изделий такого рода — пресс-папье из черного мрамора с аметистовой виноградной гроздью — было подарено Александром II великой княгине Екатерине Михайловне)²⁴.

Говоря об аметисте (в его связи с вином) как элементе предметного кода культуры, следует упомянуть также **аметистовые кубки** (нередко с изображением Вакха, Силена и проч.), в которых подавалось вино²⁵. Так, в музее Ардженти (Флоренция) есть аметистовый кубок Медичи XV в.²⁶; плясун из камнерезной «Итальянской комедии» (немецкая работа, вторая половина XVII в.) держит аметистовый кубок в руке²⁷ и др. Эта традиция поэтически переосмыслена Г. Р. Державиным: «Рифей, нагнувшийся, в топазы, аметистны Лил кубки мед златый».

¹⁹ Это инталии из коллекций Государственного Эрмитажа: [http://collections.hermitage.ru/entity/ОБЪЕКТ/169731?page=3&query=Дионис&index=110], [http://collections.hermitage.ru/entity/ОБЪЕКТ/220959?page=2&query=Вакх&index=75]. Эти и другие произведения декоративно-прикладного искусства можно найти по запросу «аметист» на сайте «Государственный Эрмитаж: Онлайн-коллекции» [http://collections.hermitage.ru/].

²⁰ Инталия из коллекций Британского музея [https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1923-0401-563].

²¹ Продавалась как винтажное изделие [https://www.rubylane.com/item/1915440-Antiquex20Bacchantex20Brooch/Antique-French-mid-19th-Century-Amethyst?search=1].

²² [https://antiquecameos.net/cameos/amethyst-bacchante732079690?fbclid=IwAR0caWcwiep5yPW7jINlyz3U10p0ZUcKEfH92dOGRp8TqDh2u2dEvqu9sY].

²³ Павловский Б. В. Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953. С. 92. В этом источнике говорится о камее, вырезанной в 1826 г. Возможно, это практиковалось и раньше.

²⁴ Семёнова Е. В. Екатеринбургская история / Под ред. Н. И. Тимофеева. Екатеринбург, 2008. (Геммология. История и художественное наследие камнеобработки в России). С. 303; о традиции изготовления виноградин из аметиста см. также, например, в: Ферман А. Е. Очерки по истории камня. М., 2003. Т. 2. С. 143.

²⁵ См. об этом, например, в: Сутрычев В. Архиерейский камень // Наука и религия. 1979. № 5. С. 41; Николаев С. М. Камни и легенды. С. 56; etc.

²⁶ Описание кубка см. на сайте Дворца Медичи [http://www.palazzomediciriccardi.it/mediateca/doppia-coppa-in-ametista/]; изображение — [https://www.pinterest.ru/pin/382243087116216640/].

²⁷ Ферман А. Е. Очерки по истории камня. Т. 2. С. 76.

Изучаемая мифологема оказывается настолько сильной, что, помимо реализации средствами разных культурных кодов (вербального и предметного), она заполняет все логически возможные позиции, в которых могла бы реализоваться символическая связь камня и вина. Это, во-первых, этиология и этимология (легенды о происхождении камня из вина и закрепление соответствующих свойств в названии), во-вторых, уподобление свойств (метафора: камень как вино), в-третьих, использование в ситуации смежности (метонимия: вино и кубок из камня), в-четвертых, прагматико-превентивное переосмысление указанной связи (камень используется для **предотвращения опьянения**). Об этих «антиалкогольных» свойствах камня мы упоминали выше; сейчас остановимся на них подробнее. О них говорил еще Плиний (относившийся, впрочем, к ним весьма скептически): «Суемудрие волхвов обнадеживает, якобы сии драгоценные камни <аметисты> воздерживают от упоения — и что оттого название свое получили; сверх того, когда вырежут на них название луны или солнца и в таком виде повесят их на шею, на волосах павиана или на перьях ласточкиных, то якобы противятся очарованию (отраве) и пр. Я думаю, что они сие написали не без презрения и посмеяния к роду человеческому»²⁸. Способность оберегать от опьянения приписывают камню практически все авторы лапидариев, трактатов о магических и целебных свойствах камней, восходящих к античной традиции и имевших широкое хождение в Средние века. Так, византийский ученый XI в. Михаил Пселл полагал, что аметист способен излечить от пьянства, а также устранить головную боль, в частности, вызванную похмельем. Редкое исключение составляет Епифаний, епископ Саламийский (IV в.), который, наоборот, писал, что достаточно взглянуть на аметист, чтобы опьянеть, как от вина («О двенадцати камнях наперсника»)²⁹.

В старорусской традиции «антиалкогольные» свойства аметиста отмечены, в частности, в широко известной цитате из «Прохладного вертограда»: «Аматистъ есть камень цвѣтомъ вишневь, а родится в Индии; сила того камени есть: пьянство отгоняти, мысли лихия отдаляти, добрый разум дѣлаеть и во всякихъ дѣлѣхъ помочь даеть» (1672)³⁰. Представления о подобных свойствах камня существовали не только в античной (и далее европейской и русской) традиции, но и на Востоке, ср., к примеру, замечание ал-Бируни: «... знатоки свойств говорят о пьющих из аметистовой чаши, будто они медленно пьянеют»³¹.

«Антиалкогольная» семантика аметиста выявляется и в надписях, которые украшали или сопровождали ювелирные изделия в древности. Греческая эпиграмма «Кольцо Клеопатры», написанная Асклепиадом Самосским (IV в. до н. э.) от имени кольца, гласит: «Я — Мета <богиня опьянения>, выгравирована умелой рукой.

²⁸ Плиний Кай Секунд. Естественная история ископаемых тел... С. 28.

²⁹ Bosselmann-Ruickbie A. The Symbolism of Byzantine Gemstones: Written Sources, Objects and Sympathetic Magic in Byzantium // Gemstones in the first Millennium AD: mines, trade, workshops and symbolism: international conference, October 20th — 22nd, 2015, Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz, 2017. P. 297, 303.

³⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 35.

³¹ Абу-р-Раихан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрания сведений... С. 181.

Я высечена в аметисте, но изображение и камень плохо сочетаются. Я драгоценное достояние Клеопатры, и на руке царицы даже пьянство должно быть трезвым»³². В византийской традиции мотив опьянения мог принимать переносное значение и охватывать опьянение страстью. Так, в монастыре Ватопеде на Афоне хранится камень из аметиста XII–XIII вв. с изображением Богородицы Агиосоритиссы со следующей надписью: «Поскольку ты подняла умоляющие руки, дева, (ты), которую аметист представляет в зелени, от пьянства страстей оторви меня, дева, и уложи меня в прекрасном зеленом месте» (т. е. в раю). Это тот редкий случай, когда камень упоминается в самой надписи, что объясняется, как представляется, прозрачностью и устойчивостью символики аметиста³³.

Показательно, что эта символика имеет чрезвычайно устойчивый хронотоп: и поныне имя «Аметист» носят некоторые клиники, борющиеся с алкогольной и наркотической зависимостью, клубы трезвости и проч.³⁴ Кроме того, современная литотерапия предлагает рецепты избавиться от пьянства с использованием аметиста: «Чтобы не опьянеть, надо (лучше совсем не пить!) пить из аметистового кубка и положить камушек аметиста под язык (не подавитесь!). На аметистовом кубке надо выгравировать бога Бахуса для устойчивости к алкоголю»³⁵.

Античные и средневековые авторы (а вслед за ними также современные «алхимики») в ряде случаев приписывают антиалкогольные свойства и другим камням — но не так регулярно, как аметисту. Так, в «Лапидарии» кастильского короля Альфонса Мудрого (1250) упоминается янтарь (*alambari*) или ложный аметист³⁶. Современная литотерапия предлагает, кроме аметиста, лечиться змеевиком, хризоллоидом, нефритом³⁷ (любопытно, что три последних «лекарства» имеют зеленый цвет: аттракция к «зеленому змию»?).

Сказанное может послужить **мотивационной поддержкой** для интерпретации некоторых других обозначений аметиста и сходных с ним минералов. Так, на Среднем Урале нами записано перифрастическое наименование *невинный камень*: «Говорят, что аметист от пьянства носили. Ну, мол, цвета вина — вот и носи, пить не будешь. Брехня, конечно. Но у мужиков слышал название *невинный камень*: как наденешь, не возьмешь в рот вина» (Палкино)³⁸. Возможно, здесь дополнительно

³² Из англоязычных переводов этой эпиграммы наиболее часто встречается такой: «A Bacchante wild on amethyst I stand The engraving truly of a skilful hand; The subject's foreign to the sober stone, But Cleopatra doth the jewel own, And on her royal hand all must agree The drunken goddess needs must sober be!» «Вакханка дикая, я вырезана на аметисте воистину умелой рукой. Предмет изображения чужд камню трезвости. Но драгоценностью владеет Клеопатра. Все должны согласиться, что на ее царственной руке пьяная богиня должна прозреть» [Welsch Ch. The language, sentiment and poetry of precious stones. New York, 1912. P. 25].

³³ Bosselmann-Ruickbie A. The Symbolism of Byzantine Gemstones. P. 297.

³⁴ См., например: <https://ametist-clinic.ru/>.

³⁵ Литовский Ю. О. Аметист — камень «третьего глаза». СПб., 2005. С. 50.

³⁶ Avgoloupi E. Simbologia delle gemme imperiali bizantine nella tradizione simbolica mediterranea delle pietre preziose (secoli I–XV d. C.). Spoleto, 2013. P. 68.

³⁷ <https://1nerudnyi.ru/lechenie-alkogolizma-kamnyami-01/>.

³⁸ ЛТЭК — лексика, топонимия, этнография камня (картотека, хранящаяся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского университета, Екатеринбург).

обыгрываются и «церковные» коннотации аметиста, создающие ореол «невинности». Но если для этой лексической единицы производящую основу установить нетрудно, то есть еще одно слово, представляющее собой значительную этимологическую проблему. В речи современных горщиков это слово отмечено единично и «глухо», ср. *баус* 'аметист': «Очень старое было слово баус, у наших прадедов» (Березовский)³⁹. Слово *баус* (*бауса*) отмечено в старорусском языке; самые подробные сведения о нем приводятся в обстоятельной кандидатской диссертации И. И. Макеевой⁴⁰, где указано, что перед нами, предположительно, старорусское название прозрачных камней синего, голубого цветов, кианита, кордиерита. В памятниках русской письменности слово отмечено в XVI–XVIII вв.: «Въ корунѣ... двѣ винисы (на закрѣпкахъ), да камень баусъ» (1579), «А камень баусъ сизъ, голубъ, и вы баусъ за яхонтъ не купите, яхонтъ его иметь» (XVI–XVII вв.), «Образ Пречистые богородицы Умиление... в венцах... три достоканы да два баусы» (1641), «Панагея... глава серебрина рѣзная золочена, а въ ней камень бауса» (1660), «Образъ Успение пресвятыя богородицы... въ вѣнце два бауса да раковина» (1751)⁴¹. Из вариантов этого названия в словарях отмечен также *боус* 'драгоценный камень голубого цвета'⁴²; минералогическая литература содержит еще формы *богус* и *багус*⁴³. В современном языке слово не сохранилось. Слово сочетается с прилагательными-цветообозначениями: *баусъ сизъ, голубъ, баусъ лазорев(ый)*; встречается уменьшительная форма *баусикъ* и прилагательное *баусовъ*⁴⁴.

Как указывает И. И. Макеева⁴⁵, значение слова *баус* первым определил М. И. Пыляев⁴⁶. Кажется, это не совсем так. Значение слова было установлено К. П. Паткановым, допуская (в гипотетическом ключе), что слово *баус* в русском языке XVII в. могло относиться к кианиту⁴⁷: его книга вышла в 1873 г., в то время как первое издание книги Пыляева — в 1877. Пыляев был беллетристом (хоть и аккуратным по отношению к фактам), а Патканов — прекрасным филологом и историком; таким образом, ни тот, ни другой не были минералогами, специалистами по исторической геммологии. В то же время, как хорошо известно,

³⁹ ЛТЭК.

⁴⁰ Макеева И. И. История названий драгоценных камней в русском языке XI–XVII веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ин-т русского языка АН СССР. М., 1986. С. 106–108.

⁴¹ Макеева И. И. История названия драгоценных камней... С. 106.

⁴² Словарь русского языка XVIII вв. Л., 1987. Вып. 2. С. 117.

⁴³ Первая приводится в: Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. 3-е изд., значительно дополненное. СПб., 1896. Репринт. М., 1990. С. 200; а также в: Куликов Б. Ф. Словарь камней-самоцветов. М., 1982. С. 33; вторая — только в словаре Б. Ф. Куликова (к сожалению, обе книги относятся к числу научно-популярных, источники информации в них не указаны).

⁴⁴ Макеева И. И. История названия драгоценных камней... С. 107.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ По мнению Пыляева, словами *баус* или *богус* «московские продавцы драгоценных камней называют синие драгоценные камни второй цены, как например: кианит, индиголит, светлый сапфир и др. (Драгоценные камни. С. 200).

⁴⁷ Патканов К. П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII веке. СПб., 1873. С. 29.

в древности, включая Средневековье и даже Новое время, цвет был главным критерием определения вида камня; под аметистом в те времена понимали практически все камни сходной окраски — алмандины, лиловые флюориты, иногда шпинели⁴⁸; в этот же круг, думается, мог быть включен и загадочный *баус*. Близость (а скорее, тождество) *бауса* и аметиста подтверждается тем, что *баус*, как указывают приведенные выше контексты, мог использоваться в панагиях и образах Богородицы, сочетался с жемчугом (*раковиной*), а это характерно как раз для аметиста⁴⁹.

Что касается этимологии слова *баус*, то удовлетворительного решения пока нет. М. И. Пыляев пишет так: «Сделанные мною разыскания с целью разъяснения происхождения слова *баус* до сих пор не увенчались успехом, и мне остается предполагать, что московские продавцы усвоили вышеприведенное название от имени известного продавца драгоценных камней и посланника английской королевы Елизаветы Геремея Бауса, бывшего в Москве при царе Иоанне Грозном»⁵⁰. Эта версия была некритично перенесена в некоторые другие минералогические источники, но никаких доказательств связи между именем камня и ювелира нет. К. П. Патканов допускает итальянское происхождение слова; несмотря на то, что он является высококвалифицированным востоковедом, «восточных» гипотез не строит⁵¹. И. И. Макеева замечает: «Не исключено, что слово может оказаться восточным заимствованием»⁵²; сходного мнения придерживается А. Е. Аникин: «Явное заимств. Ориентализм?»⁵³.

Контекст тех связей, которые рассматриваются в нашей статье, позволяет предложить новое этимологическое решение. Представляется, что слово *баус* восходит к имени *Бахус* и имеет внутреннюю форму «камень Бахуса». Укрепляя историко-лексикологический фундамент этой версии, укажем, что слова с такой внутренней формой реально засвидетельствованы — и, более того, могут (среди прочего) называть аметист. Так, алхимик Дом Пернети (Антуан-Жозеф Пернети) упоминает в «Мифологическо-герменевтическом словаре» (1758) *pierre de Bacchus* («камень Бахуса») или *pierre de Denys* («камень Дионисия») ⁵⁴. Название *Dionysia gemma* («Дионисиев камень») приводилось ранее и Плинием; осуществляя перевод текста Плиния на русский язык, В. М. Севергин указывает также немецкую параллель — *Bacchusstein*: «Дионисиев камень, черен и крепок, перемешан красноватыми пятнами. Когда растирают его с водою, то сообщает ей цвет вина. Думают, будто он отводит от пьянства»⁵⁵. А.-Ж. Пернети, ссылаясь на Плиния, Солина и Альберта

⁴⁸ Бобылев В. В. Историческая геммология. С. 61.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Пыляев М. И. Драгоценные камни. С. 200.

⁵¹ Патканов К. П. Драгоценные камни... С. XXI.

⁵² Макеева И. И. История названия драгоценных камней.... С. 107.

⁵³ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. С. 282.

⁵⁴ Pernety A.-J. Dictionnaire mytho-hermétique dans lequel on trouve les allégories fabuleuses des poètes, les métaphores, les énigmes et les termes barbares des philosophes hermétiques expliqués. Paris, 1787. P. 136.

⁵⁵ Плиний Кай Секунд. Естественная история ископаемых тел... С. 122.

Великого, тоже говорит о том, что камень *дионис* (*dyonisias*), растертый в порошок и разведенный в воде, имеет вкус вина и защищает от опьянения, при этом *дионис* остается неустановленным драгоценным камнем⁵⁶. В. Гарднер указывает (без всяких комментариев), что нем. *Vacchusstein* является синонимом слова *amethyst*⁵⁷; в английском варианте встречается *Vacchus stone*⁵⁸. Перевод немецкого названия в русской минералогической литературе приводится нечасто, но все же иногда дается, ср. обозначение *Бахусов камень* (с параллельным *Vacchusstein*) ‘кварц (аметист)’ в авторитетном справочнике В.Г. Кривовичева⁵⁹ и название *камень Бахуса* ‘аметист’ в популярном словаре Б.Ф. Куликова⁶⁰, а также некоторых других минералогических трудах⁶¹.

Таким образом, *Vacchusstein* (и соответствия в других языках) — название минерала, которому приписываются антиалкогольные свойства. Это может быть как аметист, так и камень (камни?) неустановленной идентификации, но раз аметист издревле имеет указанную символику, то параллельное название «камень Бахуса» практически с необходимостью «приклеивается» именно к нему.

Что касается фонетического аспекта предлагаемого решения, то здесь есть определенные трудности: как объяснить отсутствие согласного в интервокальной позиции? Однако надо напомнить, что название минерала уже на русской почве имеет также формы *багус* и *богус*, где согласный представлен, а чередование заднеязычных *g* // *x* закономерно и частотно. Исчезновение согласного между *a* и *y* при взаимодействии встречается, ср., к примеру, дон. *caur* < тур. *sabura* или ново-греч. *σαβοῦρα*, *дауры* < монг. *dagur*, калм. *dayur*⁶². Таким образом, форма *баус* вполне допустима.

Безусловно, нам не хватает еще некоторых промежуточных звеньев (скажем, текстов XVII–XVIII вв., где аметист был бы поименован словом **ба(х)ус*), но все-таки предлагаемая версия выглядит более фундированной, нежели другие.

Таким образом, мы попытались рассмотреть, как устроено смысловое пространство, в котором реализуется мотив, имеющий высокую активность в различных субстанциональных кодах культуры и языковых традициях, в нашем случае — мотив вина в культурно-языковом образе аметиста. Важно было бы рассмотреть также «синтагматику» мотива — его взаимодействие с другими мотивами, представленными в изучаемом образе. Так, среди представлений об аметисте важную роль играет его привязка к сфере христианской символики (в частности, использование камня в одеянии священнослужителей). Здесь нет возможности подробно разрабатывать

⁵⁶ Pernety A.-J. Dictionnaire mytho-hermétique... P. 136.

⁵⁷ Gardner W. Handbook of Chemical Synonyms and Trade Names: A Dictionary and Commercial Handbook. 8 ed., revised and enlarged by E. Cooke, R. Cooke. Cleveland, 1978. P. 82.

⁵⁸ Wodiska Julius. A Book of Precious Stones. P. 1906.

⁵⁹ Кривовичев В.Г. Минералогический словарь. СПб., 2008. С. 49.

⁶⁰ Куликов Б.Ф. Словарь камней-самоцветов. С. 68.

⁶¹ Путолова Л.С. Самоцветы и цветные камни. М., 1991. С. 107; Буканов В.В. Цветные камни и коллекционные минералы. Энциклопедия. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 2014. С. 127; и др.

⁶² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 566; Т. 1. С. 485.

эту линию, приведем лишь цитату из романа Анатоля Франса «Аметистовый перстень», герой которого, аббат Гитрель, так описывает камень: «Епископ носит перстень как символ своего духовного брака с церковью, а потому перстень должен в известном смысле выражать своим видом идею чистоты и строгой жизни...». Вероятно, мотив чистоты и строгости жизни соотносим с мотивом алкогольного воздержания. А мотив любовной страсти, тоже значимый для аметиста? Взятые по отдельности, эти мотивы даже противоречат друг другу, но вместе образуют целостный образ, который, надеемся, будет реконструирован в дальнейшем.

Раздел 6
ИЗ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Екатерина Белоусова

ЯКОВ ИВАНОВИЧ ДУШЕЧКИН (1864–1920). БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК¹

Данная статья представляет собой биографический очерк о старшем брате деда Е. В. Душечкиной — земского, затем советского врача Ивана Ивановича Душечкина. Яков Иванович Душечкин был первым профессиональным педагогом в семье Душечкиных, проложившим дорогу в педагогическую деятельность одному из младших братьев и двум младшим сестрам, а также — на нынешний момент — четырём поколениям педагогов в семье. В то время как товарищи и соратники Я. И., В. И. Чарнолуцкий, Г. А. Фальборк, В. П. Вахтеров, Н. В. Чехов и др., и в советские времена были признаны классиками педагогики, имя Я. И. и его педагогическая и общественная деятельность были практически полностью забыты — не в последнюю очередь в связи с его оппозиционной большевикам политической деятельностью, а также с негативной характеристикой его Сталиным (об этом ниже). Книги, изданные Я. И., после революции ни разу не переиздавались, и его участие в организации учительского движения и заслуги на ниве народного просвещения оставались в тени. Данный очерк ставит перед собой цель хотя бы частично восполнить этот пробел. Статья написана по архивным материалам государственных архивов Москвы, Санкт-Петербурга (далее СПб.), Новгорода, Боровичей, а также личных и семейных архивов потомков разных ветвей семейства Душечкиных в Москве, СПб., Киеве, Ростове-на-Дону, Новочеркаске и Оденсе (Дания).

Детство

Яков Иванович Душечкин родился 14 апреля 1864 г. по старому стилю в деревне Опеченский Рядок Боровичского уезда Новгородской губернии в семье состоятельного крестьянина-лоцмана, разбогатевшего на продаже извести, которую добывали в округе и переправляли в СПб. по реке Мсте, входившей тогда в состав

¹ Выражаю благодарность за помощь в работе над статьей А. Ф. Белоусову, А. А. Сенькиной, И. В. Рейфман, Т. Тиме, О. Б. Вахромеевой, А. В. Кошелеву, А. Н. Кондрашёву, Д. И. Захаровой, И. И. Осиповой, К. Н. Морозову, А. В. Дубовику, В. В. Филичевой, А. А. Игнатьеву, Г. А. Александровой, Н. М. Бабурину, Л. В. и В. А. Николаевым, Л. Н. Абакумовой, М. Дунаеву, А. Кочковскому, О. Долгушевой, Л. М. и В. М. Комаровским, А. Чацкой, Л. С. Галушке, Н. Б. Порембской, А. О. Порембской, Г. Г. Суперфину, Б. А. Равдину, Н. Г. Охотину, В. Ф. Лурье.

Вышневолоцкой водной системы². Отец Я. И., Иван Алексеевич Душечкин, был из государственных (не крепостных — очевидно, бывших монастырских Иверского монастыря) крестьян, из династии лоцманов. Лоцманы на Мсте были уважаемыми людьми, и их труд хорошо оплачивался: провести барки с грузом через опасные мстинские пороги было делом непростым, требовавшим опыта и умения³. Известно, что еще прадед Я. И., Григорий Яковлевич Душечкин, служил лоцманом на Мсте⁴, а на вырученные деньги скупал земли в Боровичском уезде, которые потом сдавал в аренду под вырубку леса⁵. Мать Я. И., Агриппина Яковлевна, была из крепостных крестьян помещиков Неклюдовых, родом из находившейся под Боровичами деревни Шиботово⁶. Когда отец Я. И. разбогател на продаже извести, он открыл свою собственную торговлю известью и алебастром на Гончарной улице в СПб.⁷ Он также приобрел и сдавал в аренду лошадей и транспортные средства для ломового извоза в столице⁸. Семья часть года жила в СПб. (там же, на улице Гончарной), где четверо младших детей получили возможность учиться в гимназиях, а другую часть года, преимущественно летом, — в своем доме в Опеченском Рядке⁹.

Я. И. пишет о своем детстве в автобиографии: «Первое детство провел в обычной деревенской обстановке: природа, много свободы, среда крестьянских детей, религиозная семья. С особенным увлечением отдавался всевозможным играм»¹⁰. Позже, в 1903 г., Я. И. издаст книгу-руководство о русских народных играх, содержащую 563 подвижных игры¹¹. В семье много играли, шутили, смеялись, устраивали розыгрыши; отец рассказывал детям на ночь истории собственного сочинения, няня баба Дарья — народные сказки¹².

Отец Я. И., Иван Алексеевич Душечкин, был грамотным, но сам не получил формального образования. Он любил читать; сочинения Некрасова были в семье настольной книгой. И он, и его жена Агриппина Яковлевна (которая до конца жизни осталась неграмотной) считали необходимым дать образование своим детям: это

² Кондуитный список лоцманов Опеченской артели. 1891 г. Музей Боровичских порогов; Автобиография Панфиловой-Душечкиной М. И. Музей истории СПбГУ. Л. 1–5; *Бабурин Н. М.* Неизвестный известный промысел // Мстинский альманах. 2011. № 1. С. 58–60.

³ Воспоминания Марии Ивановны Панфиловой. Архив семьи Комаровских (Новочеркасск). Л. 4, 23–25. См. также описание жизни и быта опеченских лоцманов в приключенческом романе Н. А. Некрасова и Н. Н. Станицкого (псевдоним А. Я. Панаевой) «Три страны света» (1848 г.): ч. 4, гл. 5 «Опеченский посад»; гл. 6 «Боровичские пороги». См.: *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1984. Т. 9, кн. 1. С. 336–355.

⁴ Список лоцманов Опеченской артели. 1851 г. Музей Боровичских порогов.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 780. Оп. 1. Д. 461; РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 159.

⁶ ГАНУ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 5. Л. 34об.–35.

⁷ Первое упоминание Душечкиных в СПб. — в справочнике «Весь Петербург» за 1896 г., С. 862; 109.

⁸ РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 159. Л. 47–51.

⁹ Воспоминания М. И. Панфиловой.

¹⁰ ЦГАМ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.

¹¹ Сборник игр с указаниями, относящимися к постановке и воспитательному значению их / Сост. под ред. Я. И. Душечкина. СПб.: Издание Н. П. Карбасникова, 1903.

¹² Воспоминания М. И. Панфиловой. Л. 2, 7–8.

было важным приоритетом в семье. По воспоминаниям младшей сестры Я. И., Марии Ивановны Панфиловой, ее мать объясняла свое желание видеть детей образованными следующим образом: «Благородные помогают друг другу». Благородными она называла людей образованных¹³.

Местные учителя пользовались большим авторитетом в семье Душечкиных: их принимали в доме с почетом и уважением¹⁴. Для Душечкиных были важны отношения с о. Иоанном Погодиным, возродившим в 1871 г. в соседней деревне Великий Порог школу — изначально церковно-приходскую, но уже в 1873 г. перешедшую в ведомство земства¹⁵. Погодин и его сыновья (впоследствии тоже педагоги и основатели школ на Новгородчине¹⁶), обучавшиеся, по стопам отца, в Новгородской Духовной семинарии, отличались демократическими взглядами: жили общественными интересами, интересовались жизнью народа, много читали и следили за событиями в литературном мире. Дети Погодина и представителей местного духовенства, а также местные учителя составили впоследствии дружеский и профессиональный круг общения Я. И., его братьев и сестер в Опеченском Рядке и Опеченском Посаде — важном центре торгового судоходства, расположенном прямо напротив Рядка на противоположном берегу Мсты¹⁷.

Яков был вторым по старшинству ребенком в семье из девяти (все девять детей выжили и дожили до взрослого возраста). Он первым получил формальное образование, окончив СПб. Учительский институт. Другие дети в семье также окончили средние и высшие учебные заведения: брат Алексей тоже окончил СПб. Учительский институт, братья Александр и Иван — соответственно СПб. и Юрьевский университеты, брат Николай — СПб. Духовную академию, сестры Агриппина и Мария — СПб. Высшие Бестужевские курсы (обе — физико-математическое отделение по химическому разряду). Иван стал врачом в СПб. и под Боровичами, Александр — ученым-агрохимиком в Киеве (академиком АН УССР), брат Алексей и сестры Агриппина и Мария — так же, как и Яков, учителями. Алексей Иванович преподавал и служил инспектором в городских училищах Псковской и Эстляндской губерний (Ревель, Вейсенштейн, Везенберг¹⁸), Агриппина Ивановна Пантелеева-Розенштрем учительствовала в Опеченском Рядке и затем в ленинградской советской школе № 15 (в которую было преобразовано после революции Тенишевское училище), Мария Ивановна Панфилова — в ряде школ СПб. — Петрограда — Ленинграда и затем в Тверской области. Старший брат Михаил был оставлен отцом при деле.

¹³ Воспоминания М. И. Панфиловой. Л. 3–5; Воспоминания Панфиловой Марии Ивановны о встречах с профессором Душечкиным Александром Ивановичем. Музей истории г. Боровичи и Боровичского края. Л. 15.

¹⁴ Воспоминания М. И. Панфиловой. Л. 10.

¹⁵ Очерк народного образования в Новгородской губернии за 1884/5 г. Новгород: Типография А. С. Фёдорова, 1887. С. 206; *Абакумова Л. Н.* Родные места. Деревня Великий Порог, ее история, окрестности, жители. СПб., 2019.

¹⁶ *Грачев Л. П.* Дорога от Волхова. Л., 1983. С. 63.

¹⁷ Воспоминания Панфиловой Марии Ивановны... Л. 15.

¹⁸ Ныне Таллинн, Пайде и Раквере (Эстония).

Учительский институт

По воспоминаниям самого Я. И., он научился читать, «следя за учением старшего брата», Михаила¹⁹. В возрасте пяти лет Я. И. начал формально учиться грамоте у местного дьячка, потом у грамотного крестьянина. На следующий год он поступил в приходское училище (очевидно, в училище, возрожденное в 1871 г. о. Иоанном Погодиным при Великопорожской церкви Флора и Лавра — приходской церкви семьи Душечкиных). Затем Я. И. поступил в уездное училище в Боровичах, по окончании курса которого был, как лучший ученик, оставлен в училище для подготовки к поступлению в Учительский институт²⁰, занимавшийся подготовкой учителей для народных школ и городских училищ — учебное заведение нового типа по сравнению с повсеместно распространенными учительскими семинариями.

В 1879 г. Я. И. поступил в СПб. Учительский институт на Васильевском острове, которым в это время (с 1877 по 1897 гг.) заведовал известный педагог Карл Карлович Сент-Илер; эти годы считаются периодом расцвета Института. Институт существовал на базе интерната, что способствовало интенсивному взаимодействию студентов с преподавателями и между собой и создавало особый «микроклимат». Помимо своей собственной специальности, зоологии, Сент-Илер преподавал в Институте педагогику. Он ввел новую, оригинальную систему подготовки учителей, был инициатором создания класса ручного труда, организовывал педагогические конференции студентов²¹. По воспоминаниям однокурсника Я. И. народовольца И. И. Попова, Сент-Илер, математик В. А. Латышев, историк Я. Г. Гуревич и законоучитель о. Иоанн Заркевич свободно обсуждали со студентами текущие общественные события и участвовали в инициированных студентами политических дебатах. На занятиях по Закону Божию у о. Иоанна ни богослужение, ни историю Церкви, ни Ветхий и Новый завет не изучали: о. Иоанн строил свои занятия как ответы на вопросы воспитанников на темы морали, догматики и богословия²².

По словам И. И. Попова, даже второстепенные предметы в Институте читали известные педагоги, авторы книг и пособий, издатели педагогических журналов. Так, в 1880 г., во время учебы Я. И. в Институте, математик В. А. Латышев начал издавать либеральный педагогический журнал «Русский начальный учитель», в котором публиковались многие преподаватели, студенты и выпускники Института. С 1890 г. историк Института Я. Г. Гуревич также издавал журнал, посвященный проблемам педагогики, под названием «Русская школа». Директор Сент-Илер читал курсу Я. И. педагогику и психологию, а также одно время и зоологию. Институт отличался необычайной для того времени прогрессивной направленностью, использовал гуманистические методы воспитания, готовил критически мыслящих людей. В Институте

¹⁹ ЦГАМ. Там же. Л. 10.

²⁰ Там же.

²¹ *Оссовский Е. Г., Еналеева Н. И.* Сент-Илер, Карл Карлович // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 тт. М., 1999. Т. 2. С 322–323.

²² *Попов И. И.* Минувшее и пережитое: Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. С. 64–76.

были отменены распространенные в то время в других учебных заведениях наказания за проступки²³.

Преподавание в Институте велось в объеме средних учебных заведений, но программа была значительно серьезнее. Воспитанники Института должны были подготовиться к самостоятельным занятиям наукой. Им приходилось много читать; при Институте была прекрасная библиотека. В рамках занятий по литературе от воспитанников требовалось знание и русских, и иностранных классиков, и умение критически разбирать их произведения. Для занятий по истории использовалась двухтомная хрестоматия, написанная преподавателем Института Я.Г. Гуревичем в соавторстве с педагогом и автором нескольких популярных учебных пособий Б.А. Павловичем — по мнению Попова, по уровню это были фактически университетские курсы. В основу занятий по педагогике были положены

*Я. И. Душечкин — воспитанник
Учительского института с родителями.
Петербург, начало 1880-х гг. Архив Н. Б. Порембской*

работы К. Д. Ушинского («Человек как предмет воспитания»), Карла Шмидта и других педагогов-новаторов. В программу Института входило изучение методик преподавания по разным предметам. В Институте регулярно устраивались т. н. конференции — разбор письменных работ воспитанников по всем предметам под председательством Сент-Илера, с участием оппонентов из числа однокурсников выступавших²⁴.

В Институте большое влияние на формирование мировоззрения Я. И. («Яши Длинного», как его называли в то время) оказали его соученики, большинство которых были взрослыми людьми — народными учителями, на момент поступления в Институт уже окончившими учительские семинарии и получившими опыт преподавания в начальной школе. Эти студенты весьма серьезно относились к учебе и стремились дополнить свое образование новейшими научными и педагогическими теориями²⁵.

²³ Там же. С. 78. Дневниковые записи Ф. Сологуба противоречат утверждению Попова об отсутствии в Институте телесных наказаний; они также противоречат записям о «неисправностях воспитанников и наказаниях» из дневников, хранящихся в архиве Института. См. Неизданный Федор Сологуб. Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 226, 252.

²⁴ Попов И. И. Минувшее и пережитое. С. 79–80.

²⁵ ЦГАМ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.

По свидетельству Попова, по своим убеждениям большинство воспитанников Института были «народниками-семидесятниками» и не поддерживали путь террора (представителей правых убеждений среди воспитанников было на тот момент всего двое из шестидесяти)²⁶. В Институте Я. И. выполнял поручения студенческой группы, сформированной на базе Института и неформально связанной с революционной организацией «Народная воля»: так, во время летних каникул 1881 г. Я. И. распространял в родной деревне Опеченский Рядок врученную лидерами группы оппозиционную литературу²⁷. Костяк группы составляли однокурсники Я. И. — И. И. Попов, лично знакомый с народовольцами, а также воспитанники Института П. И. Скворцов, Я. В. Борисов и С. И. Чекулаев²⁸. Весной 1883 г. группа, организованная Поповым, официально влилась в партию «Народная воля» и фактически стала рабочей группой этой партии (однако к этому моменту Я. И. уже покинул СПб.).

Из институтской когорты, к которой принадлежал Я. И., вышел целый ряд выдающихся педагогов: они преподавали в городских училищах и учительских семинариях разных губерний, организовывали учительские курсы, создавали библиотеки, издавали книги и журналы по педагогике, экспериментировали с новыми педагогическими методами. Так, например, К. Ю. Цируль (Цирулис) воплотил в жизнь идею Сент-Илера о гармоничном духовном и физическом воспитании: ввел ручной труд не просто в качестве школьного предмета, но и как самостоятельную систему воспитания, соединив шведские и русские педагогические разработки по «мануализму»²⁹.

Еще одним известным однокурсником Я. И. по Учительскому институту был Федор Кузьмич Тетерников (будущий писатель Федор Сологуб), географическая траектория назначений которого по окончании Института частично пересекалась с траекторией службы Я. И. (города Вытегра, Крестцы и СПб.) и в библиотеке которого позже хранились все три главные книги, подготовленные к печати Я. И., с его дарственными надписями³⁰. Из них по крайней мере на одну — «Раздельную азбуку» Я. И., изданную в 1895 г., — Сологуб опубликовал хвалебную рецензию в «Северном вестнике»³¹. В «тетрадах посещений», который вел Сологуб, сохранилось 15 записей о его и Я. И. взаимных визитах в период 1895–1899 гг.³² В архиве ИРЛИ (Пушкинский дом) хранится визитная карточка Я. И. с запиской для Сологуба на обороте³³.

²⁶ Попов И. И. Минувшее и пережитое. С. 96.

²⁷ Там же. С. 114.

²⁸ Там же. С. 112–113.

²⁹ Там же. С. 83–85; *Оссовский Е. Г., Еналеева Н. И.* Карл Юрьевич Цируль (Цирулис) // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 557.

³⁰ *Шаталова Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба: материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. С. 439, 457, 492.

³¹ [Сологуб Ф.] Раздельная азбука: Объяснения и доп. к ней / Сост. Я. Душечкин. Новгород, 1895 // Северный вестник. 1897. № 4. С. 72. В самой публикации имя автора рецензии не указано, но факт авторства отражен в библиографии собственных работ, составленной Ф. Сологубом. См.: Библиография сочинений Федора Сологуба. Ч. 1. СПб., 1909. С. 29.

³² «Тетради посещений» Федора Сологуба // Федор Сологуб: разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 9–139.

³³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Д. 248.

Служба и общественная работа (Вытегра — Новгород — СПб. — Тамбов — СПб.)

По окончании Института в 1882 г. Я. И. получил диплом учителя с правом преподавания в городских училищах и начал службу по ведомству Министерства народного просвещения (далее МНП). Наряду с большинством своих однокурсников, восемнадцатилетний Я. И. был направлен учителем в провинцию — в двухклассное городское училище г. Вытегры Олонецкой губернии, где он прослужил пять лет. Весной 1887 г. Я. И. был переведен учителем в Новгородское трехклассное городское училище. В том же году он был назначен инспектором этого училища. Одновременно с этим Я. И. вошел в Новгородский уездный училищный совет от МНП³⁴. Летом 1887 г. Я. И. получил свой первый чин — коллежского секретаря со старшинством от 1882 г. и, таким образом, личное дворянство³⁵.

Я. И. видел себя научным работником и делил свою деятельность на «научную» и «общественную». Во время службы в Вытегре и Новгороде он продолжал активно заниматься самообразованием, уделяя особенное внимание психологии, педагогике, художественной литературе и общественным наукам. В автобиографии, посланной им С. А. Венгерову по просьбе последнего (для его коллекции автобиографий русских писателей и ученых), Я. И., говоря о себе в третьем лице, пишет о том, как складывались его научное мировоззрение во время жизни в Новгороде:

Особенно большое значение в смысле получения образования имело участие его в интеллигентском кружке в Новгороде. Кружок этот состоял из нескольких преподавателей реального училища, врачей, юристов и земцев; душою его был директор реального училища К. А. Кошельков. Собирались сначала раз, а потом и два раза в неделю для чтения и обсуждения докладов членов кружка по научным и общественным вопросам. Темы для докладов заранее намечались и распределялись на целый год. У К. А. Кошелькова собирались по субботам для чтения докладов научного содержания, у Я. И. по средам — по общественным вопросам. Занятия в этом кружке, где Я. И. часто выступал в качестве докладчика, помогли ему окончательно освоиться с методом и приемами научной работы³⁶.

В плане общественной работы, в период жизни в Новгороде Я. И. занимался организацией народных чтений, устройством воскресных школ, организовал родительский кружок при местном общественном собрании, был в числе основателей потребительского общества, принимал активное участие в работе Общества помощи недостаточным учащимся и Общества взаимопомощи учителей, был инициатором организации интерната для учительских детей³⁷.

Живя и работая в Новгороде, Я. И. впервые выступил в роли руководителя временных летних педагогических курсов по русскому языку для учителей начальных

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 217. Оп. 1. Д. 574. Л. 16.

³⁵ Там же.

³⁶ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1405. Л. 3об.–4.

³⁷ Там же. Л. 4об.

училищ в Старой Руссе (1892), Крестцах (1893), Тихвине (1894), которые послужили примером для создания аналогичных курсов в других губерниях³⁸. По утверждению Н. А. Феликсова, написавшего подробный разбор работы этих курсов, они представляли собой передовое явление в системе подготовки учителей, поскольку уделяли самое серьезное внимание новаторским методам и научному подходу к педагогике:

Здесь (в форме беседы) излагались слушателям начала логики, психологии, дидактики и педагогики; здесь довольно обстоятельно трактовались вопросы о задачах народной школы, о нравственном и эстетическом воспитании, о школьной дисциплине, о методах и формах обучения и т. п. <...> Обыкновенно на уроках своих руководители стараются наглядно показать своим слушателям, как нужно побеждать те или другие трудности в практике начального обучения: на уроках этих то полнее и глубже раскрывается тайна звукового метода, то раскрываются лучшие приемы обучения сознательному и выразительному чтению, то иллюстрируются те или другие приемы столь быстро совершенствующегося метода обучения арифметике и т. п.³⁹.

В скором времени общественная деятельность Я. И. привлекла к себе внимание начальства и правительственных органов. За организацию первых учительских курсов в 1892 г. Я. И. было предъявлено через ведомство МНП обвинение со стороны обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева в том, что он оказывает антицерковное и антиправительственное влияние на слушателей курсов, учителей. В тот раз Я. И. удалось предоставить необходимые объяснения, которые удовлетворили МНП. В следующем, 1893 г. Я. И. получил строжайший выговор от Министра народного просвещения И. Д. Делянова за то, что в своих лекциях он делал слишком большой акцент на просветительской стороне деятельности народного учителя и тем самым якобы развивал в учителях сомнение. В 1895 г., в связи с доносом, написанным на Я. И. местным директором народных училищ, Новгородское жандармское управление потребовало уволить Я. И. с занимаемой должности⁴⁰.

После увольнения Я. И. вернулся в СПб., где он устроился на место учителя Выборгского городского училища. В этот период он принимал активное участие в работе СПб. Комитета грамотности — сначала в роли секретаря Комитета, затем председателя нескольких его комиссий. После насильственной смены устава организации и перехода Комитета, прежде подведомственного Вольно-Экономическому обществу, в ведомство МНП, Я. И. демонстративно вышел из него вместе с рядом коллег-педагогов. Вскоре после этого ему было запрещено преподавание в воскресных школах для взрослых, и за ним был установлен негласный надзор полиции⁴¹.

После закрытия Комитета в 1895 г. Я. И., вместе со многими из его бывших членов, работал в Обществе помощи больным и бедным детям, где занимал пост

³⁸ Там же. Л. 4об.–5; ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 4.

³⁹ Феликсов Н. А. Педагогические курсы и учительские съезды. [Ч. 1] // Русская мысль. Книга 9. М., 1996. С. 15–20.

⁴⁰ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1405. Л. 5–6.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1405. Л. 6–6об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 716. Л. 1–2; ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 9.

председателя Комиссии по рецензированию и подбору книг для народных чтений⁴². В это же время Я. И. преподавал рабочим в вечерних школах СПб. Русского технического общества⁴³.

В 1898 г. Я. И. получил предложение от Тамбовского губернского земства занять место директора Сиротского дома в Тамбове. По утверждению Я. И., этот сиротский дом был в весьма запущенном состоянии, и он активно взялся за приведение его в порядок⁴⁴. По воспоминаниям врача-мемуариста С. В. Каменского, в то время гимназиста одной из тамбовских гимназий, дружившего с воспитанником Сиротского дома Константином Жировым, «Душечкин, своим либеральным образом мысли и простотой дружеского обращения со своими питомцами, выгодно отличался от педагогов казенной гимназии и быстро завоевал симпатии молодежи»⁴⁵. Параллельно с руководством сиротским домом Я. И. занимался общественной деятельностью: организовал в Тамбове несколько кружков молодежи, читал публичные лекции по приглашению Тамбовского медицинского общества. Несмотря на поддержку со стороны земства, деятельность, развернутая Я. И. в Тамбове, вызвала беспокойство городской учебной администрации: ему было предъявлено обвинение в политической неблагонадежности, и в начале 1901 г. он был уволен «за весьма нежелательное направление воспитанников, явившееся следствием несоответственных взглядов приглашенных Душечкиным воспитателей»⁴⁶.

Из «отношения» начальника Тамбовского губернского жандармского управления от 22 января 1900 г. известно, что Я. И. выписал из СПб. в Тамбов двух репетиторов: подчиненных негласному надзору полиции учителей Левина и Парамонова. В документе указывается, что Я. И. «поставил дело в названном Доме так, что туда никто не может проникнуть без доклада о том ему, в виду чего надзор за учениками со стороны директоров гимназии и реального училища сведен до минимума,

*Портрет Я.И. Душечкина.
Из архива семьи Душечкиных*

ИЗ «отношения» начальника Тамбовского губернского жандармского управления от 22 января 1900 г. известно, что Я. И. выписал из СПб. в Тамбов двух репетиторов: подчиненных негласному надзору полиции учителей Левина и Парамонова. В документе указывается, что Я. И. «поставил дело в названном Доме так, что туда никто не может проникнуть без доклада о том ему, в виду чего надзор за учениками со стороны директоров гимназии и реального училища сведен до минимума,

⁴² ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1405. Л. 6об.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1405. Л. 6об.

⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1405. Л. 6об.; ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 4об.

⁴⁵ Каменский С. В. Век минувший (воспоминания). Париж, 1958. С. 56.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 4об.

ученики распушены, читают несоответствующие возрасту книги, переписывают составленные репетиторами статьи для газет и послали даже адрес редактору газеты “Русь” по поводу “цензурных гонений на этот симпатичный орган”»⁴⁷.

В письме, обращенном к младшей сестре Я. И., Марии Ивановне, изъятом у нее при обыске в СПб. на квартире Душечкиных в декабре 1899 г., репетитор Кирилл Левин пишет об атмосфере работы в Сиротском доме в то время:

Работу ведем, даже ничуть не соображаясь с политикой, так как иначе ничего не сделаешь. Так и пропадут лучшие годы в одних жалобах на невозможность работать. Наш девиз: или пан или пропал, другого выбора быть не может. В чем наша работа заключается, об этом в коротком письме не изложить, но при личном свидании все выложу наружу. Одно только могу сказать, что наша работа — работа, направленная всецело на распространение знаний и насаждение правильных и здравых понятий о добре, справедливости и истине — нужнее, чем хлеб⁴⁸.

По возвращении из Тамбова в СПб. Я. И., хоть и не сразу, получил место учителя в Выборгском городском училище, а еще через год был назначен учителем-инспектором Знаменского городского училища. Параллельно с преподаванием в училище Я. И. в течение ряда лет продолжал вести занятия для рабочих в вечерних школах Русского технического общества, а также читал лекции на педагогических курсах Фребелевского общества. В то же время Я. И. принимал активное участие в работе Вольного экономического общества и Педагогического общества им. К. Д. Ушинского⁴⁹.

В своих мемуарах С. В. Каменский, бывший в 1901–1906 гг. студентом-медиком в СПб. и часто посещавший Я. И., оставил его словесный портрет и описание его СПб. дома:

Яков Иванович <...> происходил из Боровичей, Новгородской губ., что и сказывалось в его характерном говоре. Отец его, лесоторговец, выглядел совсем как новгородский мужик, да и сам Яков Ив., по внешнему виду и по складу ума, походил больше на жителя новгородских лесов, чем на петербургского интеллигента. В противоречие со своей фамилией, звучащей так женственно и нежно, Як. Ив. был мужчиной высокого роста, — косая сажень в плечах, с окладистой, русой бородой, — эдакий огромный неуклюжий медведь, с умными хитрыми глазами, с широким, добрым российским лицом (типа Александра III). <...>

У Як. Ив. можно было встретить интересных людей, — либеральных профессоров, писателей, педагогов и земцев, и я стал усердным посетителем его вечерних чаепитий. <...> Как истый педагог, Я. И. всегда стремился душой к молодежи и не только охотно принимал меня у себя и запросто, на равной ноге, беседовал со мной, но и предложил мне образовать небольшой кружок для совместного чтения и изучения... Ницше, который почему-то интересовал его в ту пору. В кружок этот вошли, кроме него и меня, еще две сестры его, курсистки Бестужевских курсов, и еще несколько человек его знакомых. <...>

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 716. Л. 4об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 4об.

Помимо собраний нашего нищенского кружка, сравнительно редких, я продолжал бывать на его чаепитиях. Хозяин он был радушный, сиделось у него за самоваром уютно, разговоры велись на всякие интересные темы и ничем не напоминали пустую светскую болтовню⁵⁰.

Живя и работая в СПб., Я. И. продолжал сотрудничать с земскими организациями у себя на родине. Так, в 1897 г. по заказу Новгородского земства Я. И. составил проект школьной сети по введению всеобщего обучения в Новгородской губернии⁵¹. В 1904 г. он принимал активное участие в работе Комиссии по народному образованию при Боровичской уездной земской управе: давал рекомендации по выработке программ для т. н. «повторительных» курсов для неграмотных и малограмотных взрослых и подростков, а также лиц, окончивших курс двухклассных училищ⁵². При активном участии Я. И. в СПб. был организован кружок артистов императорских театров под названием «Гребловское общество», ставивший целью привлечение артистов к общественной работе и сбору средств на постройку и оборудование школ в Новгородской губернии. Именно в результате работы этого Общества возникли школы в д. Гребло, Опеченском Рядке (родной деревне Я. И.), в соседней с Рядком деревне Великий Порог и др.⁵³

В начале 1900-х гг. Я. И. женился на Софье Евграфовне Красиковой, дворянке, дочери Евграфа Леонтьевича Красикова, служившего исправником в Вологодской губернии и заведовавшего обширными территориями, которые использовались как места ссылки — как уголовной, так и политической. С. Е. родилась в 1881 г. По устным свидетельствам, она училась на СПб. Бестужевских курсах (но, видимо, не закончила их: в списках выпускниц ее имя не значится). Еще до приезда в СПб., в 1900–1901 гг., С. Е. начала участвовать в работе нелегальных кружков политических ссыльных в Вологодской губернии. На протяжении совместной жизни с Я. И., С. Е. принимала активное участие в общественной работе мужа⁵⁴.

Организация Союза и съездов учителей

По утверждению С. Е., после разгона шествия 9 января 1905 г. они с Я. И. предоставили укрытие пострадавшим участникам у себя на квартире⁵⁵. По устной семейной легенде, в те дни у Душечкиных (не вполне ясно, у самого Я. И. по адресу

⁵⁰ Каменский С. В. Век минувший. С. 56–57.

⁵¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 4об.

⁵² Журналы Боровичской уездной земской управы. Журналы заседаний от 30 декабря 1903, 15 февраля и 29 мая 1904.

⁵³ Каменский С. В. Век минувший. С. 57; ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 4об. Существует некоторая неясность с организацией школы в д. Великий Порог: она перечислена в списке школ, которые основало Гребловское общество, в то время как известно, что школа в Великом Пороге была основана значительно ранее, и сам Я. И. Душечкин, вероятнее всего, в ней учился («школа Погодина»). Возможно, Гребловское общество помогало этой школе выживать и снабжало ее всем необходимым.

⁵⁴ Электронная переписка А. Г. Тиме — И. В. Рейфман. 30 декабря 2011 г.; ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 7.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 7.

ул. Жуковского, д. 3, или в квартире его отца на ул. Гончарной, д. 5) скрывался и сам организатор шествия, священник Г. А. Гапон (однако в официальных источниках в числе квартир, в которых укрывался Гапон после разгона шествия, эти адреса не упоминаются).

В 1905 г. Я. И. вел активную организационную работу по созданию первой профессиональной организации учителей: Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию; он выступил в роли Председателя Союза и являлся членом всех составов его Центрального бюро⁵⁶, в которое также входили такие известные педагоги, как В. И. Чарнолуский, Г. А. Фальборк, Н. В. Чехов, В. П. Вахтеров и др. Технической работой в бюро занималась группа молодежи, в т. ч. младшая сестра Я. И., выпускница Бестужевских курсов, учительница Мария Ивановна Панфилова: она участвовала в работе двух съездов Всероссийского союза учителей, проходивших в Финляндии⁵⁷.

Известно, что в начале июня 1905 г., в период, когда Я. И. занимался активной подготовкой Первого учредительного съезда Всероссийского союза учителей, за Я. И. велась наружная слежка со стороны Охранного отделения⁵⁸. Из личного дела Я. И., сохранившегося в фонде Охранки, известно, что у него была партийная кличка: *Рослый* (мужчины-Душечкины действительно отличались незаурядным ростом). Ввиду вмешательства полиции в работу съезда, оставшиеся заседания пришлось в срочном порядке перенести из СПб. в Финляндию, в Выборг, где съезд успешно продолжил и довел до конца свою работу⁵⁹.

Я. И. был одним из организаторов и руководителей Всероссийской учительской политической забастовки 14–21 октября 1905 г. Он был арестован в сентябре 1905 г. СПб. жандармским управлением по делу Учительского союза и провел четыре недели в заключении. Дело было прекращено Высочайшим Указом Правительствующему Сенату от 21 октября 1905 г.⁶⁰ После амнистии Я. И. состоял под особым надзором полиции и был отстранен от должности инспектора Знаменского училища⁶¹.

Спустя некоторое время Я. И. удалось устроиться учителем в Рождественское городское училище. Параллельно он преподавал в гимназии А. П. Никифоровой и давал частные уроки. В этот период Я. И. также посещал лекции в СПб. университете в качестве вольнослушателя⁶².

В 1906 г. Я. И. неоднократно ездил из СПб. к себе на родину, в Боровичский уезд Новгородской губернии, где пытался вовлечь учителей местных народных школ в общественную и пропагандистскую работу и способствовал организации местного отдела Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию.

⁵⁶ Там же. Л. 4об.

⁵⁷ Автобиография Панфиловой-Душечкиной М. И. Л. 9.

⁵⁸ См. статью Е. А. Белоусовой «*Рослый* и филёры» в настоящем сборнике.

⁵⁹ Соколов Н. Краткий очерк истории Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию // Вестник Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. 1905. № 2. С. 6.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 9.

⁶¹ Там же. Л. 4об.

⁶² Там же. Л. 4об.–5.

Там же, в Боровичском уезде, Я. И. собирал крестьянские сходы; на одном из таких сходов, происходившем в его родной деревне Опеченский Рядок, Я. И. призывал участников присоединиться к Всероссийскому крестьянскому союзу. Это повлекло за собой возбуждение дознания о Я. И. Новгородским губернским жандармским управлением. Вскоре, однако, дело было прекращено за недостаточностью улик⁶³.

В 1907 г. Я. И. открыл двухгодичные курсы по общей дидактике и методике преподавания русского языка и арифметики в СПб.⁶⁴ В 1909 г. он перешел на городскую думскую службу и был назначен заведующим 9-м мужским четырехклассным городским училищем (после революции единая трудовая школа им. Льва Толстого), где он числился до 1920 г., года своей смерти⁶⁵. Параллельно с этим Я. И. преподавал в Коммерческом училище 1-го Товарищества преподавателей, в Преображенской новой школе и других учебных заведениях СПб.

Когда в период реакции 1908–1909 гг. организации Учительского союза подверглись разгрому, Я. И. принял активное участие в деле оказания помощи пострадавшим учителям⁶⁶. В этот период Я. И. также работал в Комиссии по народному образованию, в Комиссии по реформе средней школы, в Лиге образования⁶⁷, принимал активное участие в работе съездов по педагогической психологии, в работе крестьянских и учительских съездов⁶⁸.

В 1913 г. под эгидой и при посредничестве Общества грамотности Я. И. удалось организовать и провести Всероссийский учительский съезд, в котором приняли участие уже около 7000 учителей⁶⁹.

Организация курсов для учителей

Выше говорилось о деятельности Я. И. по организации летних курсов для учителей в период его работы в Новгороде. В годы работы в Тамбове и затем в СПб. Я. И. продолжал работать в этом направлении. Во время летних каникул 1900 и 1901 г. Я. И. предпринял две заграничные поездки, во время которых он посетил Германию, Австрию и Швейцарию. Во время этих поездок он знакомился с постановкой народного образования в этих странах, с методикой преподавания труда в школах и с делом организации учительских курсов⁷⁰.

⁶³ Там же. Л. 9–9об.

⁶⁴ Там же. Л. 4об–5.

⁶⁵ Там же. Л. 5.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Лига образования — всероссийская общественная просветительская организация, существовавшая в 1906–1917 гг., созданная для объединения и координации деятельности российских педагогических организаций. Главная задача Лиги декларировалась как «содействие постановке образования в России на началах, соответствующих вполне развитому демократическому строю общества». Не путать с черносотенной организацией Лига образования Союза Русского Народа имени Михаила Архангела, созданной в противовес изначальной Лиге.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 5.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 4 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 716.

На протяжении многих лет Я. И. был организатором летних учительских курсов в ряде российских губерний: помимо вышеупомянутых летних курсов в Старой Руссе, Крестцах и Тихвине Новгородской губернии, он организовал аналогичные курсы в городах Макарьево, Городце и Сосницах Черниговской губернии, Ельце и Брянске Орловской губернии, Смоленске, Витебске, Риге, Нижнем Новгороде и др.⁷¹. Однако наибольшую популярность и влияние получили летние курсы для учителей, организованные Я. И. при СПб. университете. Коллега и соратник Я. И. педагог В. И. Чарнолуцкий пишет об устройстве и влиянии этих курсов следующее:

Курсы эти были впервые открыты в 1908 году, в пору разгула послереволюционной реакции и разгрома революционного Всероссийского союза учителей, возникшего во время революции 1905 года. К работе на Петербургских курсах были привлечены выдающиеся педагогические и научные силы, внутренняя организация их была поставлена с небывалой еще широтой и продуманностью, и курсы сразу же получили огромную популярность; читались они в Актовом зале Университета, но все же не могли вместить всех желающих, стремившихся на курсы со всех концов Европейской России, Сибири и Кавказа. <...> Многие тысячи учителей, прошедших через эти, исключительные по своему педагогическому и революционному значению, курсы, выносили с них незабываемые впечатления и глубокое идейное влияние. <...> Для обеспечения названным курсам возможно более прочной постановки, была создана специальная организация — Постоянная комиссия по устройству курсов для учителей. Я. И. был организатором и бессменным председателем этой Комиссии, совершенно бескорыстно затрачивая на нее массу труда, времени и творческой мысли⁷².

Комиссия не ограничивала свою деятельность организацией университетских курсов в СПб., но также разрабатывала программы для учительских курсов в провинции и обеспечивала их лекторами.

Издательская деятельность и публикации

Принимая активное участие в организации работы Постоянной комиссии по устройству курсов для учителей и будучи секретарем ее Бюро, в 1911 г. Я. И. начал издавать журнал «Известия Постоянной комиссии по устройству курсов для учителей» (выходил в 1911–1912 гг.). В 1914–1915 гг. под эгидой Постоянной комиссии Я. И. издавал журналы «Учительское дело» (1913), «Учитель и школа» (1914–1915) и «Вольный университет» (1914). Многие статьи в эти педагогические журналы писал он сам — иногда под собственным именем, иногда под псевдонимом В. Стремлянов. К журналу «Вольный университет» выходило приложение, «Библиотека “Вольного университета”», в котором публиковались отечественные и переводные книги по естествознанию, истории, педагогике. Всего библиография Я. И. насчитывает более 80 печатных наименований⁷³. В 1923 г. вдова Я. И., Софья

⁷¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 5; ЦГАМ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 57. Л. 1об.

⁷² ЦГАМ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 57. Л. 2–2об.

⁷³ См. Библиографию трудов Я. И. Душечкина, составленную А. А. Сенькиной, в настоящем сборнике.

Евграфовна, представила в ЦК Всероссийского союза работников просвещения список неопубликованных рукописей Я. И. из 20 наименований (тексты эти до сих пор не найдены)⁷⁴.

В 1909–1912 гг. Я. И. издал свою третью книгу после вышеупомянутых «Раздельной азбуки» и «Сборника игр», своего рода *magnit opus*: четырехтомную хрестоматию «Наша речь», вышедшую в издательстве И. Д. Сытина⁷⁵. Книга была богато иллюстрирована — по большей части черно-белыми репродукциями картин передвижников. Хотя хрестоматия Я. И. не была единственной в своем роде, она сумела привлечь на себя внимание консервативной прессы — как показательный пример книги, выполняющей задачу по радикализации общества. Так, Я. И. было предъявлено обвинение в тенденциозном подборе материала, ведущем к моральному разложению и политической радикализации учащихся. В подробной рецензии 1913 г., написанной И. Д. Утугаевым (псевдоним И. Д. Иванова) для сборника «Школьная подготовка второй русской революции», изданного Союзом Михаила Архангела, говорится:

С точки зрения национальной школы, план не выдерживает критики. В «противопоставлении» жизни помещиков и крестьян уже чувствуется стремление подчеркнуть словесные и классовые различия. В выделении же в особые группы городского простонародья и звучащего в книге для детей и подростков особенно дико слова «пролетариата», а также «интеллигенции» (да еще величаемой «передовыми людьми»), нельзя не усмотреть тенденции, весьма далекой от направления национального. Не лучше ли было бы дать широкую картину величия русского народа в настоящем и прошлом, выдвигая на первый план то, что имеет общенародное значение?⁷⁶

Далее Утугаев упрекает Я. И. за искаженное изображение в хрестоматии русских царей и отечества (единственный царь, представленный в книге, Иван Грозный, предстает на страницах учебника в самом нелюбимом виде), православной церкви и духовенства, российской армии и войны как таковой, во внимании к инородцам в ущерб всему русскому и имперскому. В этой связи автор рецензии даже называет Я. И. «шаббесгоем»⁷⁷ — за включение в хрестоматию отрывка из «Дневника писателя» Достоевского о похоронах доктора Гинденбурга, помещенный в хрестоматии под названием «Добрый доктор» и представляющем врача-еврея «в полном смысле слова святым». Саму же хрестоматию Утугаев называет «масонской стряпней»⁷⁸.

⁷⁴ ЦГАМ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 57. Л. 14–14об.

⁷⁵ Душечкин Я. И. Наша речь: Хрестоматия для городских 4-классных и сельских 2-классных училищ и для младших классов средних учебных заведений. Кн. 1–4. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1909–1912 (2-е издание 1912–1917).

⁷⁶ Утугаев И. Д. «Наша речь». Хрестоматия для городских 4-классных и сельских 2-классных училищ и для младших классов ср. уч. заведений. Составил Я. И. Душечкин. Издал И. Д. Сытин // Школьная подготовка второй русской революции. СПб.: Издание Русского народного союза имени Михаила Архангела, 1913. С. 93.

⁷⁷ Там же. С. 104.

⁷⁸ Там же. С. 118.

Несмотря на нападки со стороны консерваторов, хрестоматия была востребована, и в 1912–1917 гг. вышло ее второе издание. После революции, в июле 1918 г., Я. И. ездил в Москву хлопотать о третьем издании «Нашей речи»; сохранилось его письмо об этом С. П. Мельгунову с просьбой помочь ускорить публикацию книги в издательстве «Задруга»⁷⁹. Однако третьему изданию книги не было суждено осуществиться.

Политическая деятельность

На протяжении всей жизни Я. И. ему оставались близки идеалы народников: идеи марксизма его не привлекали. По свидетельству сестры Я. И., Марии Ивановны Панфиловой, споры Я. И. с его младшим братом, будущим академиком-агрохимиком Александром Ивановичем Душечкиным, отстаивавшим марксистскую точку зрения, «проходили так бурно, что в соседних квартирах получалось впечатление домашнего скандала»⁸⁰.

Я. И. был «энесом», «трудовиком» (состоял в Трудовой народно-социалистической партии). В 1912 г., будучи представителем Трудовой группы, Я. И. вел работу по проведению выборов в IV Государственную думу, в состав которой он собирался баллотироваться. Я. И. сотрудничал с депутатами-трудовиками Государственной думы и выступал на предвыборных собраниях в Вятской губернии. По сообщению МВД, направленному в МНП, речи Я. И. носили при этом «весьма оппозиционный характер». По мнению МВД, Я. И. был в это время одним из главных организаторов в деле объединения учителей⁸¹.

Известно, что в мае 1917 г. Я. И. был членом Центрального комитета Трудовой народно-социалистической партии⁸². Во время выборов во Всероссийское Учредительное собрание 12–14 ноября 1917 г. Я. И. возглавлял список этой партии. В ходе этих выборов энесы с большим отрывом проиграли эсерам и большевикам. Во время дальнейших исторических событий Я. И. выступал в роли защитника идеи Учредительного собрания, агитируя в его поддержку и организуя выступления протестного движения.

26 апреля 1917 г. Я. И. был избран председателем Боровичской уездной земской управы и принимал участие в собраниях губернского земства⁸³. Я. И. был одним из земских деятелей, стремившихся к объединению российского земского движения. Он вошел в группу представителей Новгородского земства, избранных для участия во Всероссийском Демократическом совещании 14–22 сентября 1917 г. Я. И. был избран в Президиум Совещания, затем стал членом Временного Совета Российской Республики (Предпарламента) — от Новгородского земства⁸⁴.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 326.

⁸⁰ Воспоминания М. И. Панфиловой. Л. 13.

⁸¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 9.

⁸² Народный труд (Боровичи). 28.05.1917. № 11. С. 3.

⁸³ Г. Боровичи (от нашего корреспондента) // Новгородская жизнь. 7 мая 1917. № 10. С. 4.

⁸⁴ Народный труд (Боровичи). 11.09.1917.

П. Н. Милюков в своих воспоминаниях пишет о выступлении Я. И. на Демократическом совещании в СПб.:

Представитель нового демократического земства педагог Я. И. Душечкин свидетельствовал о полном падении авторитета власти на местах, о громадном абсентеизме на выборах, о равнодушии населения к новым реформам и о предпочтении старым волостным старшинам перед новыми демократическими комитетами, о бессилии новых учреждений обеспечить не только собственность, но и саму жизнь гражданина⁸⁵.

Позиция Я. И. во время Совещания была политически умеренной, далекой от леворадикальной повестки. Меньшевик Ф. И. Дан вспоминает:

Мне очень врезалось в память одно из последних утренних собраний «звездной палаты» в кабинете М. И. Скобелева с участием представителей несоветской демократии перед самым Демократическим Совещанием. Запомнились мне среди присутствующих: Руднев (московский городской голова), педагог Душечкин, кооператор Беркенгейм и др. Здесь буквально в десять минут была похоронена идея образования чисто демократической власти, после того, как оглашенному мною списку проектируемого правительства было противопоставлено категорическое и единодушное *non possumus* (Не можем. — *Ред.*) всех «не советских» демократов без исключения! Все они заявили, что в состав чисто демократического правительства не войдут⁸⁶.

Критикуя т. н. «соглашателей», преобладавших на Демократическом совещании, Сталин заклеил Я. И., называя его «правым земцем», в передовой статье «Куют цепи», опубликованной в большевистской газете «Рабочий путь»:

Соглашательская машина заработала. Зимний дворец, этот политический дом свиданий, полон гостей. Кого только нет здесь? Московские корниловцы и питерские савинковцы, корниловский «министр» Набоков и герой разоружения Церетели, заклятый враг Советов Кишкин и знаменитый локаутчик Коновалов, представители партии политических дезертиров (кадеты!) и кооператорские зубры из породы Беркенгейма, представители партии карательных экспедиций (эсеры!) и правые земцы вроде Душечкина, политические сводники из директории и известные толстосумы из «общественных деятелей», — вот они, достопочтенные гости⁸⁷.

Вполне возможно, что это высказывание сыграло свою роль в дальнейшей прижизненной и посмертной судьбе Я. И.

21 декабря 1917 г. Я. И. был, практически единогласно, избран Председателем Новгородской губернской земской управы⁸⁸. 19–22 декабря он председательствовал на Губернском земском собрании, провозгласившем себя единственной

⁸⁵ Милюков П. Н. История второй русской революции: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 525–526.

⁸⁶ Дан Ф. И. К истории последних дней Временного Правительства // Летопись Русской Революции. Т. 1. Берлин, 1923. С. 7. URL: <https://mronline.org/wp-content/uploads/2017/10/00175948.a4.pdf>

⁸⁷ Сталин И. В. Куют цепи // Рабочий путь. 24.09.1917. № 19. Цит. по: Сталин И. В. Сочинения: Т. 1–18. М.; Тверь, 1946–2006. Т. 3. С. 305. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t3/t3_60.htm

⁸⁸ Новгородское уездное земское собрание. Выборы управы // Новгородская жизнь. 1917, 25 декабря. № 91. С. 3.

полномочной властью в губернии и открыто не признавшем власть Советов⁸⁹. 5-го января 1918 г. Я. И. возглавил демонстрацию в поддержку Учредительного собрания в Новгороде, но, осознав неизбежность кровопролития, призвал демонстрантов воздержаться от штурма здания Новгородского совета. Георгий Лихачев, один из руководителей Совета, описал эти события в своих воспоминаниях следующим образом:

Когда стало известно, что вопрос с открытием Учредительного собрания решен в отрицательном смысле, пришлось пополнить вооруженные силы. Из Смольного был выслан пулеметный взвод с 6-ю пулеметами. Этот взвод прибыл в Новгород 4-го января; я разместил его в Дворянском собрании, где помещался и совет. Утром 5-го января эс-эровская манифестация с плакатами Учредсобрания направилась от Предтеченской церкви, где была редакция эс-эровской газеты «Земля и воля», на Легощую улицу, к зданию губернской земской управы. Толпа эта, сплошь состоящая из чиновничества, эс-эров, эн-эсов, кадетов и меньшевиков — остановилась митинговать. <...>

Под подстрекательством вожаков, Вольпе, Новака и других, манифестанты подступили к совету, намереваясь разгромить его. Некоторые из пулеметчиков [в здании совета] уже хотели открыть огонь, но благодаря благоразумию других огонь по учредилловцам открыт не был. Вольпе и председ. зем. управы Душечкин были приглашены в здание совета, где они убедились в наличии пулеметов и той опасности, которой они подвергали толпу манифестантов.

Вернувшись к толпе, Душечкин произнес: «Кто признает меня как председателя губ. земской управы, как высшую в губернии власть, того прошу покинуть площадь и следовать за мною!» Толпа разошлась⁹⁰.

В течение нескольких последующих дней оппозиционеры оккупировали комплекс Антониевского монастыря, намереваясь предпринять вооруженные действия (события, известные в советской историографии под названием «Антониевская авантюра»), но в конце концов 11-го января вынуждены были прекратить сопротивление и покинуть монастырь.

В связи с описанными событиями Я. И. был арестован вместе с другими членами Новгородской губернской земской управы и провел около месяца в заключении⁹¹.

Я. И. отсутствовал в городе во время ликвидации новгородского земства в марте 1918 г.: в это время он находился в Петрограде⁹². Я. И. продолжал заниматься контрреволюционной деятельностью и далее, вступив в Петроградскую группу Союза возрождения России (от народных социалистов)⁹³.

По утверждению вдовы Я. И. Софьи Евграфовны, в первые два года после революции он был избран городским головой Московской части Петрограда,

⁸⁹ Отношение Земского Собрания к политическому положению страны // Новгородское Вече. №20. 30 декабря 1917. С. 1–2.

⁹⁰ Лихачев Г. Воспоминания тов. Лихачева по истории Октябрьской революции в г. Новгороде // Великий Красный Новгород. Политический историко-литературный сборник к пятилетней годовщине Великой Октябрьской революции. 1917–1922 год. Новгород, 1922. С. 27.

⁹¹ Ликвидация земства // Известия Новгородского Совета. 19(6) марта 1918. №98. С. 2.

⁹² Там же.

⁹³ Красная книга ВЧК. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 23.

председателем Гражданского комитета Второго Московского подрайона, председателем Московского района. На основании ее же слов известно, что Я. И. вошел в состав Государственного комитета по народному образованию и работал в Комиссариате народного просвещения⁹⁴. Продолжая заведовать все тем же 9-м училищем, Я. И. в 1918–1919 гг. читал лекции о культурно-просветительской деятельности кооперативов на Путиловских кооперативных курсах, на Лиговских курсах и др⁹⁵.

Последний арест и смерть. Судьба семьи

В июле 1918 г. против Я. И. и ряда крестьян его родной деревни Опеченский Рядок Новгородским революционным трибуналом было возбуждено дело о саботаже мероприятий советской власти. В обвинительном акте говорится:

Яков Иванович Душечкин работает подпольно, разжигая массы, что власти в настоящее время никакой нет и не признает никаких представителей, т. к. они приходят опутывать и обирать нас, подобно как на железных дорогах красноармейцы отбирают хлеб и другие продукты и бросая разные ругательства на высшие власти и правителей, говоря, что скоро их не будет.

При разбирательстве выяснилось, что на момент оппозиционного большевикам крестьянского схода в Опеченском Рядке, послужившего поводом для арестов, Я. И. якобы находился в Москве. 1 сентября 1919 г. Следственная комиссия Новгородского губернского революционного трибунала постановила дело за отсутствием состава преступления прекратить⁹⁶.

Тем не менее в октябре 1919 г. Я. И. был арестован в Петрограде в связи с этим старым делом и затем, при том, что и новое дело его было закрыто уже через две недели следствия, переведен в Бутырскую тюрьму в Москве, где он далее содержался в качестве заложника⁹⁷. В тюрьме Я. И. скоро заразился сыпным тифом, эпидемия которого свирепствовала в это время по всей России⁹⁸, а в Бутырской тюрьме обернулась полной катастрофой ввиду скученности, антисанитарии и отсутствия необходимых санитарных мер и медицинской помощи⁹⁹. Я. И. скончался от сыпного тифа в лазарете Бутырской тюрьмы 19 марта 1920 г. в возрасте 55 лет¹⁰⁰. Предположительно он похоронен в общей могиле на Калитниковском кладбище Москвы, где в то время таким образом хоронили заключенных Бутырской тюрьмы¹⁰¹. Информация

⁹⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 5. Эти сведения требуют документального подтверждения.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ ГАНО. Р-1558. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–22об.

⁹⁷ Дело Я. И. Душечкина в ЦА ФСБ, Л. 41.

⁹⁸ *Миронова Н. А.* Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М., 2020.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 22. Д. 22 (13–21 февраля 1920). URL: <http://notepad.memo.ru/r4085/22/22/delo-po-obsledovaniyu-butyrskoy-tyurmy-v-svyazi-s-zayavleniem-upravlyayushchego-delami>

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 193. Л. 94–94об.; ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 352. Л. 105–105об.; ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 192. Л. 4.

¹⁰¹ Единица хранения: подкаст Международного Мемориала. Вып. 11. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/projects/podkasty-mezhdunarodno-memoriala>

об обстоятельствах смерти Я.И. в Бутырской тюрьме известна благодаря обращению жены Я.И., Софьи Евграфовны, в организацию Политического Красного креста с ходатайством за мужа и сохранившимся в этой связи документам.

Судьба семьи Я.И. сложилась следующим образом: сразу после революции Я.И. вывез жену со всеми четырьмя детьми из Петрограда к себе на родину, в Опеченский Посад, где она в первые годы советской власти работала воспитателем детского сада¹⁰². В начале 1920-х гг. старшие дети Я.И. вернулись в Петроград, чтобы продолжить учебу, а в 1926 г. решила вернуться и сама С.Е. с двумя младшими детьми; в последующие годы она преподавала в 57-й ленинградской советской школе¹⁰³. Пользуясь хаосом первых лет советской власти и — через некоторое время — забвением деятельности Я.И., С.Е. при помощи бывшего соратника Я.И., педагога В.И. Чарнолуского обратилась за пенсией по потере кормильца, представив деятельность Я.И. до 1917 г. как исключительно революционную и умолчав о деталях. «Будучи беспартийным, в своих выступлениях не отстаёт от представителей революционных партий и, пользуясь большой популярностью среди масс, ведёт их по пути революции», — писала она о Я.И. в своем обращении. Об аресте Я.И. и его смерти в тюрьме она умолчала¹⁰⁴.

С.Е. получила искомую помощь, избежала репрессий и дожила до старости в Ленинграде. Все четверо детей Я.И. также избежали репрессий, получили образование и в дальнейшем работали по специальности: Ольга Яковлевна, по устным рассказам, была членом одной из полярных экспедиций И.Д. Папанина, Нина Яковлевна — экономистом, Владимир Яковлевич — военным моряком, Валерия Яковлевна — известным в Ленинграде архитектором.

¹⁰² ЦГАМ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 7.

¹⁰⁴ Там же. Л. 5.

Анна Сенькина

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Я. И. ДУШЕЧКИНА¹

Учебники и учебные пособия

1. *Душечкин Я. И.* Раздельная азбука / Сост. Я. Душечкин, руководитель Пед. курсов для учителей нач. училищ в гг.: Старой Руссе, Крестцах и Тихвине. Новгород: типо-лит. Новгородск. губ. правл., 1895.
2. *Душечкин Я. И.* 15 таблиц для обучения грамоте (каждая 28×21 дюйм). Губер. тип. в Новгороде, 1895.
3. Объяснения и дополнения к таблицам и азбуке. Губер. тип. в Новгороде, 1895.

Рецензии:

Коптев Василий (учитель). Душечкин Я. И. 15 таблиц для обучения грамоте; Раздельная азбука; Объяснения и дополнения к таблицам и азбуке (1895) // Народное образование. Изд. Училищного совета при Святейшем синоде. Библиографический отдел. Январь–июнь, 1901. С. 65–66.

Налимов А. П. 1) Раздельная азбука. Новгород 1895 г. Ц. 15 к. 2) 5 таблиц для обучения грамоте. Ц. 60 к.; Объяснения и дополнения к таблицам и азбуке. Ц. 10 к. // Русская школа. 1896, № 5–6. С. 277–278.

*Сологуб Ф. К.*² Раздельная азбука Я. Душечкина. Его же 15 таблиц для обучения. Объяснения и дополнения к таблицам и азбуке // Северный вестник. 1897, № 4. С. 72–73.

4. *Душечкин Я. И.* Наша речь. Хрестоматия для городских 4-х классов и сельских 2-кл. училищ и для младших классов сред. учеб. зав. с картинками и портретами писателей. Кн. 1–4 / Я. И. Душечкин. Москва: т-во И. Д. Сытина, 1909–1912. (2-е издание без изменений — Москва: т-во И. Д. Сытина, 1912–1917).

Рецензии:

Чехов Н. В. Я. И. Душечкин. Наша речь для 4-классных городских и сельских 2-кл. училищ и для младших классов средних учебных заведений. Ц. 1 р. // Русская школа. 1909, Т. III, № 9. С. 13–16.

¹ При составлении библиографии была использована рукопись «Из печатных трудов покойного Якова Ивановича Душечкина», составленная его вдовой С. Е. Душечкиной в феврале 1923 г.: ЦГАМ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 57. Л. 12–13об.

² В журнале автор рецензии не указан, фамилия восстановлена по: Библиография сочинений Федора Сологуба. Ч. 1. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года по 1 июля 1909. Санкт-Петербург, 1909. С. 29.

Латышев В., Латышева Е. Наша речь. Хрестоматия для 4-хклассных городских и сельских двухклассных училищ и для младших классов средних учебных заведений. С картинками и портретами писателей. Книга III. Изд. Сытина. Ц. 1 р. 10 к. // Русский начальный учитель. 1910, №12 (декабрь). С. 383–387.

Утугаев И. Д. [Иванов И. Д.] «Наша речь». Хрестоматия для 4-хклассных городских и сельских двухклассных училищ и для младших классов ср.-уч. заведений. Составил Я. И. Душечкин. Издал И. Д. Сытин // Школьная подготовка второй русской революции. Издание Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. Санкт-Петербург, 1913. С. 93–119.

5. *Альмова С. И.* Сборник игр с указаниями, относящимися к постановке и воспитательному значению их / Сост. под ред. Я. И. Душечкина С. И. Альмовой, Ю. А. Беляевской, М. П. Рохлецовой и В. П. Шелеховой-Головиной. Санкт-Петербург: Н. П. Карбасникова, 1903.

Публикации о преподавании родного языка

6. Доклад Я. И. Душечкина: Чтение в соотношении с психическим развитием учащихся (тезисы) // Труды второго всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня). Отчет, составленный Секретарем Съезда М. И. Коноровым, при содействии секретарей А. И. Неклюдовой и Н. Е. Румянцева. Санкт-Петербург: тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 334–335.
7. *Душечкин Я. И.* Быть или не быть школьному диктанту // Учитель и школа. 1915. №2 (январь). С. 15–24.
8. *Стремлянов В.*³ Дипломный вопрос // Учитель и школа. 1915. №4 (февраль). С. 25–34.
9. *Душечкин Я. И.* Письмо с текста // Учитель и школа. 1915. №5 (март). С. 1–9.

Программы, экскурсии, отчёты педагогических курсов для народных учителей

10. Отчеты о педагогических курсах для учителей. Школьная сеть Новгородской губернии (для введения всеобщего обучения в Новгород. губ.). Составлена в 1896⁴.
11. Сосницкие уездные педагогические курсы для учителей и учительниц земских народных училищ. Записки о Педагогических курсах для учителей и учительниц земских народных училищ Сосницкого уезда, состоявшихся 25 июля–25 августа 1896 года / Сосницкие уезд. пед. курсы для учителей и учительниц земских народных училищ; под руководством Я. И. Душечкина (русский язык) и С. П. Квасникова (арифметика). Сосница: тип. уездного земства, 1898.
12. *Душечкин Я.* Экскурсия народных учителей Черниговской губернии // Вестник Новгородского земства. 1902. №10. 15 мая. С. 35–38.

³ Здесь и ниже: В. Стремлянов — псевдоним Я. И. Душечкина.

⁴ Из рукописи С. Душечкиной.

13. Душечкин Я. Доклад школьной комиссии при Боровичской уездной земской управе. Об организации повторительных курсов при школах // Журналы Боровичского очередного уездного земского собрания и доклады Боровичской уездной земской управы за 1904 год. Боровичи: тип. И. Ф. Новак, 1905. С. 223–226.
14. Макарьевские временные педагогические курсы. Отчет о занятиях, происходивших на Временных педагогических курсах в г. Макарьево под руководствами г.г. Беллюстина и Душечкина. Кострома, 1899.
15. Душечкин Я. И. Еще о курсах народных учителей Псковской губернии (Письмо в редакцию) // Русская школа. 1900, № 5–6. С. 185–188. (Ответ на статью Н. О курсах для народных учителей. Русская школа. 1900, № 3. С. 96–97).
16. Душечкин Я. И. Краткосрочные учительские курсы // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1911, № 1. Ст. 3–9.
17. Душечкин Я. И. Народное образование в 1911 году // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1912, № 1. Ст. 1–4.
18. Душечкин Я. И. Горькая обида. (По поводу не разрешения петербургских курсов) // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1912, № 5–6. Ст. 161–168.
19. Душечкин Я. И. О педагогических занятиях на петербургских учительских курсах // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1912, № 2. Ст. 65–70.
20. Душечкин Я. И. Накануне открытия учительских курсов // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1912, № 4. Ст. 129–134.
21. Душечкин Я. И. Вокруг да около // Учительское дело. Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1913, № 1. Ст. 1–6.
22. Душечкин Я. И. Летние учительские курсы // Учитель и школа. 1915, № 8 (апрель). С. 33–35.
23. Душечкин Я. И. Учебный план курсов 1912 г. // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1912, № 2. Ст. 82–86.
24. [Душечкин Я. И.] Отчет Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей за 1913 год. (IV год существования) // Учительское дело. 1913, № 12. Ст. 342–350.
25. Стремлянов В. На новые позиции в подготовке техников. 1915, № 13–14 (июль). С. 50–56.

Статьи о реформе начальной школы

26. Душечкин Я. И. К вопросу о школьной реформе // Образование. 1906, № 11. С. 125–153.
27. Душечкин Я. И. О типе школы при всеобщем обучении // Учитель. 1907, № 7. С. 45–53.
28. Организация единой общеобразовательной школы по проекту Я. И. Душечкина // Чарнолуский В. И. К школьной реформе. Москва: Т-во И. Д. Сытина, 1908. С. 39–41. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/charnolusky_k-shkolnoy-reforme_1908/go,0;fs,1/

29. О преобразовании городских, по положению 1872 г., училищ в высшие начальные училища. Записка общего собрания членов Общества взаимной помощи бывших воспитанников С.-Петербургского учительского института / отредактирована... Н. Т. Добряковым, Я. И. Душечкиным и В. А. Самсоновым. [Санкт-Петербург]: тип. Монтвида, [1909].
30. Доклад Я. И. Душечкина: Воспитательное значение дисциплины (тезисы) // Труды второго всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня). Отчет, составленный Секретарем Съезда М. И. Которовым, при содействии секретарей А. И. Неклюдовой и Н. Е. Румянцева. Санкт-Петербург: тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 181–182.
31. Душечкин Я. И. Закон о высших начальных училищах // Народный учитель. 1912. Г. 7. № 31–32. С. 6–10.
32. Душечкин Я. И. Закон о высших начальных училищах // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1912, № 7–8. Ст. 193–202.
33. Душечкин Я. И. В защиту единства школы // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1912, № 12. Ст. 353–358.
34. Душечкин Я. И. О системе преподавания в начальной школе // Учительское дело. Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1913, № 5–6. Ст. 145–154.
35. Стремлянов В. Хулиганство и учитель // Учитель и школа. 1914. № 11–12 (июнь). С. 55–62.
36. Душечкин Я. И. Необходимая поправка // Учитель и школа. 1914, № 11–12 (июнь). С. 63–69.
37. Стремлянов В. Епископ против бюрократии // Учитель и школа. 1914, № 13–14 (июль). С. 73–78.
38. Душечкин Я. И. Новый закон о частных учебных заведениях // Учитель и школа. 1914, № 17–18 (сентябрь). С. 55–57.
39. Душечкин Я. И. Текст закона о частных учебных заведениях // Учитель и школа. 1914, № 17–18 (сентябрь). С. 57–66.
40. Стремлянов В. Война с внутренним врагом // Учитель и школа. 1914, № 21–22 (ноябрь). С. 61–71.
41. Стремлянов В. Петроградские городские лицеи // Учитель и школа. 1915. № 6 (март). С. 22–35.
42. Стремлянов В. Новые оклады-жалованья в Петроградских городских училищах // Учитель и школа. 1915. № 7 (апрель). С. 31–35.
43. Стремлянов В. Проект реформ в области народного образования // Учитель и школа. 1915, № 7 (апрель). С. 38–39.
44. Стремлянов В. На пути к отрезвлению // Учитель и школа. 1915. № 7 (апрель). С. 39–42; № 17–18 (сентябрь). С. 49–51.
45. Стремлянов В. Определение Святейшего Синода // Учитель и школа. 1915, № 7 (апрель). С. 42–43.
46. Стремлянов В. Весенние веяния // Учитель и школа. 1915, № 8 (апрель). С. 27–33.

47. Душечкин Я. И. Особое мнение по вопросу о продолжительности курса первой ступени средней школы. [Петроград]: тип. П. П. Гершунина, [1915].
48. Душечкин Я. И. О продолжительности курсов начальной школы в Петрограде // Учитель и школа. 1915, № 23–24 (декабрь). С. 44–57.
49. Душечкин Я. И. Правительственные мероприятия и общественная деятельность в области народного просвещения // Учитель и школа. 1915. № 9–10 (май). С. 64–71; № 11–12 (июнь). С. 61–71; № 13–14 (июль). С. 56–62; № 15–16 (август). С. 53–61; № 17–18, № 19–20 (октябрь). С. 57–65.
50. Душечкин Я. И. На пути к отрезвлению // Учитель и школа. 1915. № 9–10 (май). С. 71–79; № 13–14 (июль). С. 62–71; 15–16 (август). С. 61–67; 17–18 (сентябрь). С. 59–63.
51. Душечкин Я. И. Подготовительные работы по реформе средней школы // Учитель и школа. 1915. № 11–12 (июнь). С. 47–58.
52. Душечкин Я. И. Пробел в плане устройства народных домов // Учитель и школа. 1915.

Отчеты о деятельности педагогических обществ и съездов

53. Душечкин Я. И. Заседания Лиги образования и Всероссийского педагогического общества. 1915. № 11–12 (июнь). С. 58–61.
54. Душечкин Я. И. От совета Всероссийского педагогического общества // Учитель и школа. 1915, № 19–20. С. 89–90.
55. Душечкин Я. И. Общеземский съезд по народному образованию // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1911, № 1. Ст. 33–36.
56. Душечкин Я. И. Учительский съезд. (К созыву Всероссийского съезда по вопросам народного образования) // Учительское дело. Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1913, № 9. С. 217–220.
57. Душечкин Я. И. Рождественские съезды и совещания // Вольный университет. 1914, № 1. С. 58–60.
58. Душечкин Я. И. Первый Всероссийский учительский съезд // Учитель и школа. 1914. № 3 (февраль). С. 1–8.
59. Душечкин Я. И. К предстоящему съезду немецких учителей в Киеве // Учитель и школа. 1914. № 8 (апрель). С. 38–40.
60. Стремлянов В. Филаретовское общество // Учитель и школа. 1914. № 10 (май). С. 37–40.
61. Стремлянов В. Два мира // Учитель и школа. 1914. № 19–20 (октябрь). С. 34–37.
62. Стремлянов В. Ликвидация мероприятий Л. А. Кассо // Учитель и школа. 1915. № 7 (апрель). С. 35–38.
63. [Объявление] 913. Трудовой народно-Социалистической партии о собрании избирателей в Учредительное Собрание. Доклад первого кандидата в Учредительное собрание Якова Ивановича Душечкина. В помещении реального училища 16 ноября 1917 г. Боровичи: тип. Бр. Валд. Куст и Сельско-хоз. Союз. Т-ва

(25×36) // Митинги, собрания, лекции в 1917–1918 гг. (Материалы для библиографии летучих изданий) / Под ред. проф. В.В. Буша. Петроград: Гос. изд-во, 1920. С. 75.

Школа и война

64. Душечкин Я.И. Война // Учитель и школа. 1914. №13–14 (июль). С. 1–4.
65. Душечкин Я.И. Война и учителя // Учитель и школа. 1914. №17–18 (сентябрь). С. 66–70.
66. [Душечкин Я.И.] Народное образование и война // Учитель и школа. 1914. №19–20 (октябрь). С. 45–54.

Предисловия, рецензии, некрологи

67. Душечкин Я.И. От редакции // Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1911, №1. Ст. 1–4.
68. Душечкин Я.И. К друзьям-читателям // Учительское дело. Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1913, №1. [Ст. 47–52 — нумерация столбцов отсутствует].
69. Душечкин Я.И. От редакции // Учительское дело. Известия Постоянной Комиссии по устройству курсов для учителей. 1913, №5–6. Ст. 178–182.
70. Душечкин Я.И. От редакции // Вольный университет. 1914, №1. С. 1–3.
71. Душечкин Я.И. От редакции // Учитель и школа. 1914. №1 (январь). С. 1–4.
72. Душечкин Я.И. Иван Иванович Боргман. Некролог // Учитель и школа. 1914. №8 (апрель). С. 1–3.
73. Душечкин Я.И. Александр Михайлович Коллюбакин. Некролог // Учитель и школа. 1915. №3 (февраль). С. 1–4.
74. Душечкин Я.И. Леонид Иванович Лутугин. Некролог // Учитель и школа. 1915. №15–16. С. 46–53.
75. Душечкин Я.И. А.А. Руссов. Некролог // Учитель и школа. 1915. №19–20. С. 65–66.
76. Душечкин Я.И. А.И. Тихомиров. Некролог // Учитель и школа. 1915. №19–20. С. 66.
77. Душечкин Я.И. От редакции. Фактическая поправка // Учитель и школа. 1915. №23–24 (декабрь). С. 73–74.
78. Душечкин Я.И. (рец.). Н. Бунаков. «Живое слово». Учебная книга для начальной школы в 3-х частях // Учитель и школа. 1914. №13–14 (июль). С. 93–94.
79. Душечкин Я.И. От редактора // Учитель и школа. 1914. №13–14 (июль). С. 95.
80. Душечкин Я.И. Никифор Иванович Ахутин. Некролог // Учитель и школа. 1914. №15–16 (август). С. 43–45.
81. Стремлянов В. Мария Ивановна Щеголева. Некролог // Учитель и школа. 1915, №7 (апрель). С. 43–44.
82. Душечкин Я.И. Александр Александрович Стахович // Учитель и школа. 1915, №7 (апрель). С. 60.

83. Душечкин Я. И. Федор Федорович Ольденбург. Некролог // Учитель и школа. 1914, № 13–14 (июль). С. 72–74.

Издания «Библиотеки “Вольного университета”» — бесплатное приложение к журналам «Вольный университет» и «Учитель и школа»

1. Атомы и микроорганизмы: 1. *Боргман И. И.* Атомическая теория строения тела. 2. *Златогоров С. И.* Микроорганизмы и их роль в природе. Санкт-Петербург: Екатерин. тип., 1914. (Библиотека «Вольного университета»).
2. *Гурлитт Л.* Проблемы всеобщей единой школы. (Написано специально для Библиотеки «Вольного университета») / Пер. с нем. М. И. Левитиной; ред. М. А. Левитина. Санкт-Петербург: Я. И. Душечкин, 1914. (Библиотека «Вольного университета»).
3. *Коган П. С.* Романтизм и реализм в европейской литературе XIX в. Санкт-Петербург: Екатерин. тип., 1914. (Библиотека «Вольного университета»).
4. *Тарле Е. В.* Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Санкт-Петербург: Издание Постоян. комис. по устройству курсов, 1914. (Библиотека «Вольного университета»).
5. *Уваров М. С.* Школьная гигиена. Краткий курс для учителей начальных училищ. Санкт-Петербург: Издание Постоян. комис. по устройству курсов, 1914. (Библиотека «Вольного университета»).
6. *Максимов Н. А.* Введение в общую ботанику. Лекции для учителей. Петроград: «Земля» В. С. Клестова, 1915. (Библиотека «Вольного университета»).
7. *Якобсон А. Г.* Общедоступная астрономическая обсерватория и постановка астрономических наблюдений. Петроград: Издание Постоян. комис. по устройству курсов, 1914. (Библиотека «Вольного университета»).
8. *Рожков Н. А.* Город и деревня в русской истории. (Краткий очерк экономической истории России. — 4-е изд. Петроград: В. С. Клестов, 1918. (Библиотека «Вольного университета»)).

Список неопубликованных рукописей Я. И. Душечкина, составленный его вдовой С. Е. Душечкиной в феврале 1923 г.⁵

1. Методика русского языка и мироведения в начальной школе. 138 рук. стр. (лекции по методике чтения — *примеч. С. Душечкиной*).
2. Литература во 2-й ступени общеобязательной школы. 77 рукописных листов. (лекции по методике чтения — методика к хрестоматии «Наша речь»).
3. Программа грамматики 1915/16 г.
4. Черновик заявления Г-ну Председателю Ученого Комитета Министра Народного Просвещения по поводу резко отрицательного отношения (дописано сверху

⁵ ЦГАМ. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 57. Л. 14–14 об..

- «отзыва» — *примеч. С. Душечкиной*) Ученого Комитета к хрестоматии «Наша Речь». 11 рук. стр.
5. Программа методики русского языка для VIII класса Преображенской новой школы. 4 рук. стр.
 6. Методика литературы: 1) Вступительная лекция 4 августа. 4 рукописных листа; 2) Цель и задачи занятий литературой. 7 рукописных листов; 3) Выбор материала. 11 рукописных страниц; 4) Разработка материала; 5) Домашнее чтение.
 7. Программа курса истории литературы в школе для рабочих. 1-й год технических классов. Составил Я. Душечкин.
 8. Доклад на Петроградских Учительских курсах.
 9. Доклад на Государственном Совещании в Москве 12–15 авг. 1917 г.
 10. План вступительной и последующих лекций для кооперативов.
 11. Постановка чтения в 4-хклассных городских училищах. 18 рукописных листов.
 12. Легализация Союза (учит<телей>) и отношение его к Лиге Образования и общ<ество> взаимопомощи учителей.
 13. О перемене платформы Учительск<ого> Союза.
 14. Должны ли временные педагогические курсы отойти в область преданий.
 15. Учительские курсы для окончивших среднюю школу.
 16. Статья «Ён идет», не пропущенная цензурой в 1915–16 г.
 17. Об устройстве волостных земств в уезде по положению 1 мая 1917 г. — доклад чрезвычайному уездному Земскому Собранию 4 июля 1917 г. в г. Боровичах, Новг. г.
 18. Бюджет волостных земств — август 1917 г.
 19. Доклады Я. И. Душечкина, читанные им в г. Новгороде в период 1891–1895 г.:
Переселенческое движение крестьян в Европейской России. 11 рук. стр.;
Эстетическое чувство, его значение и развитие. 19 рук. стр.;
Эстетическое воспитание (практика воспитания). 16 рук. стр.
О чувствах вообще. 24 рук. стр.
 20. Доклады Я. И. Душечкина, читанные на Курсах для учителей народных училищ в С. Петербурге 5 июня — 5 июля 1908 года.

Екатерина Белоусова

РОСЛЫЙ И ФИЛЁРЫ¹

В фонде Петроградского Охранного отделения, находящемся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации, содержится дневник наружного наблюдения за человеком по кличке *Рослый* — так его называют в своих записях приставленные к нему филёры (агенты наружного наблюдения) Мартышкин, Макаров и Федотов. Из дела явствует, что филёры следили за *Рослым* то вдвоем (в разных комбинациях), то поодиночке. Слежка велась в течение одной недели (с 1-го по 7-е июня 1905 г.), на протяжении которой филёры записывали все перемещения *Рослого* по городу, встречи его с разными людьми, за которыми также велась слежка, и «неизвестными», чьи приметы скрупулезно указываются в «сведениях». Самого *Рослого* филёры описывают так: «приметы его: лет 45, выше ср. роста, шатен, имеет довольно длинную с проседью бороду, одет [в] черную мягкую шляпу, темно-серое пальто и такая-же брюки»².

Некоторые биографические сведения об объекте слежки можно извлечь из самого дела *Рослого*. Полицейский надзиратель Наумов дает краткую справку о нем: «Душечкин, Яков Иванович³, Инспектор СПбургского Знаменского 4-х классного городского училища, Надворный Советник 39 лет, бывший негласно поднадзорный,

¹ В этой статье рассказывается об одном эпизоде из жизни педагога Якова Ивановича Душечкина, старшего брата деда Е. В. Душечкиной, земского, позже советского врача Ивана Ивановича Душечкина. Выражаю благодарность за помощь в работе над статьей А. Ф. Белоусову, А. А. Сенькиной, А. Н. Кондрашёву, Д. И. Захаровой, И. И. Осиповой, К. Н. Морозову, А. В. Дубовику, А. Кочековскому, Б. А. Равдину, Г. Г. Суперфину, Г. С. Зелениной, С. К. Кульяс, Н. Г. Охотину.

² ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1187. Л. 14. Здесь и далее при цитировании дневников наружного наблюдения сохранены орфографические и пунктуационные особенности подлинника, представляющиеся важными для составления полного портрета филёров, в т. ч. их социального происхождения и уровня образования.

³ Душечкин Яков Иванович (1864, д. Опеченский Рядок Боровичского уезда Новгородской губ. — 1920, Москва) — педагог, инспектор городских училищ, организатор летних курсов для учителей, издатель педагогических журналов «Известия Постоянной комиссии по устройству курсов для учителей», «Учительское дело», «Учитель и школа», «Вольный университет». Автор более 80 педагогических публикаций, в т. ч. следующих книг: *Душечкин Я. И.* Раздельная азбука. Новгород: Типо-литогр. Новгор. губ. правления, 1895; *Душечкин Я. И.* Сборник игр с указаниями, относящимися к постановке и воспитательному значению их. СПб.: Издание Н. П. Карабасникова, 1903; *Душечкин Я. И.* Наша речь: Хрестоматия для городских 4-классных и сельских 2-классных училищ и для младших классов средних учебных заведений. Кн. 1–4. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1909–1912 (2-е издание 1912–1917). Политический деятель (от новгородского земства), член партии энесов (народных социалистов).

проживает в д. №3 по ул. Жуковского с Августа месяца 1902 года и занимает комнату при училище, в коей и живет один, имея лишь 2 сторожей. Прописан по паспортной книжке Инспектора СПб Выборгского 3 классного городского училища от 10 Ноября 1895 г. за №160»⁴.

Поскольку на протяжении интересующей нас недели *Рослый* неоднократно заходит в кв. 4 дома №5 по Гончарной улице, сотрудниками Отделения были наведены справки, а к делу сделана приписка:

Александро-Невской части 1-го участка по Гончарной улице в доме №5 в подъезде был проведен 2-го июня «Рослый»-Душечкин, он посетил квартиру №4 в которой помещается контора продажи «известии и алебастра» упомянутой контора принадлежит его отцу Душечкину Ивану Алексеичу 61 года кр[естьянину] Новгородской губ. Боровичского уез. Великопорожской вол. д. Опеченского Рядка. Приб[ыл] сродины 15-го фев. 901 г. Пас[портная] кн[ижка] за №752 вал[остного] Прав[ления] от 15 окт. 902 г. по 15 окт. 907 г. В упомянутой конторе занимается его сын Михаил Иванов Душечкин, «он проживает где то на песках». При конторе есть сторож Такшеев Алексей Михайлов 59 л. кр[естьянин] Арханг. губ. при нем жена Евдокия Кузьмина 48 л. В то время в конторе был его [*Рослого*] отец и брат Михаил, с которыми он и виделся⁵.

Семь дней филёры повсюду следуют за *Рослым*, теряют его на улицах города, караулят у туалета Николаевского вокзала, у отделения по продаже почтовых марок, догоняют его, когда он «садится в извозчика» и едет по делам. С большим вниманием относятся филёры к предметам, которые переносят по городу *Рослый* и его знакомые: «вышел с небольшим мягким пакетиком вершков бть длина, толщина и ширина два вершка», «имел при себе портфель», «пришел в 10 ч. вечера, имея при себе сверток, обернутый в белую бумагу, перевязанную бечевкой. Сверток имел вид длины 3 верш., толщина и ширина верш. по 2», «имела при себе редикуль (sic) и сверток в трубку, длина ¼ листа писчей бумаги», «имела при себе книжку в синей обложке» и пр.

На седьмой день (последний в деле) происходит некая кульминация сюжета:

Рослый, Жуковская ул. д. №3, выхода небыло до 12 ч. дня, за этого время унего пребывало много посетителей которые были раншей несколько раз, многие были по первому разу и незная где квар. Рослаго все спрашивали Швейцара, а [в] 12 ч. дня вышел с неизв. господином Сели в Извозчика отправились в д. №1/61 по Казачьему пер., в подъезд, и где пробыли 5 м. вышли, отправились в д. №4 того же пер., в подъезд и где помещается редакция и контора Газеты Страховыя Новости, пробыли там 25 м. откуда вышел только один Рослый имея при себе сверток в трубку ½ листа длины писчей бумаги, дошел до Гороховой ул. Сел визвозчика отправился на Невский пр в д. №102, в подъезд, и где помещается, состоящее введении Министерство Финансов частный С.-Петербургский счетоводства (sic), пробыв 30 м, внутри помещение, а потом вышел стал в подъезде и встречал приходящих своих товарищей, в это время пришла Пава и Реформатский и много тех лиц который раншей посещали Рослаго, Рослый что то им говорил а те после

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 13–13об.

этих объяснений возвращались обратно и ходили по тротуару по обеим сторонам Невского просп. в это время там была полиция, а они узнали и останавливали приходящих посетителей, пробыл Рослый около подъезда до 40 м, потом отправился в д. № 92 по Невскому пр. ввората и где пробыл 2 ч, куда явились Пава и Реформатский и некоторые из их знакомых, вышли Пава и Реформатский вместе, потом вышел Рослый отправился в д. № 5 по Гончарной ул. откуда в 7 ч. вечера был утерян. Мартышкин Макаров⁶.

На этой записи дело обрывается так же неожиданно, как и началось. Филёры никак не объясняют (по всей видимости, и не знают), что за события развернулись на Невском проспекте 7-го июня; их начальство, которое, вероятно, лучше осведомлено о происходящем, никак эти события в деле не комментирует. Что же происходило 7-го июня 1905 г. в Петербурге, почему так внезапно прекратилась слежка за *Рослым*, и «кто все эти люди»? Что объединяет *Рослого*, *Паву* и *Реформатского*? Куда они ходят и что за свертки носят с собой по городу?

Личность *Реформатского*, с которым *Рослый* встречается на протяжении интересующей нас недели практически каждый день, также можно установить на основании материалов из дела *Рослого*: он назван «известным господином: живет он на Ямской ул. в д. № 21 кличка *Реформатский* закаторым раньше наблюдали»; в другом месте он назван «Реформатским»-Чернолууским (sic)⁷. Очевидно, что речь идет об известном российском и советском педагоге Владимире Ивановиче Чернолууском⁸. Материалы слежки за ним также хранятся в фонде Охранного отделения⁹.

Настоящее имя женщины, фигурирующей под кличкой *Пава*, в деле *Рослого* не упоминается. Она описана так: «известная барышня проживает она в д. № 8, по Саперному пер. имея присебе с верток втрубку обернутый в белую бума[гу], Кличка ей Пава а прихода ее я не видал. Эта Пава знакома с Реформатским, и друг друга посещают а раньше Пава посещала и Рослаго¹⁰». Из поиска в каталоге дел Охранного отделения и просмотра справочника «Весь Петербург» за 1905 г. выясняется, что настоящее имя *Павы* — Екатерина Федоровна Проскуракова. Она была дочерью сенатора Ф.И. Проскуракова (на тот момент уже покойного), выпускницей Высших педагогических женских курсов и в 1905 г. работала библиотекарем в Первой читальне Невского общества народных развлечений¹¹. Впоследствии

⁶ Там же. Л. 1–1об.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ О жизни и деятельности В.И. Чернолууского (1865–1941) см.: *Пидкасистый П. И., Степанов С. Г.* Видный деятель народного образования // Народное образование. 1966. № 2. С. 100–102; *Степанов С. Г.* В. И. Чернолууский // Советская педагогика. 1985. № 8. С. 119–122; *Столяров Ю. Н.* Подвижник книжной культуры Владимир Иванович Чернолууский (1864–1941) и его проекты // Научные и технические библиотеки, 2016, № 10. С. 72–89; *Столяров Ю. Н.* В. И. Чернолууский как библиотековед // Научные и технические библиотеки, 2016, № 11. С. 80–91; *Дедловская М. Ю.* Общественно-педагогическая деятельность и педагогические взгляды В. И. Чернолууского (1865–1941) на реформирование народного образования. Дисс. канд. пед. наук. М., 2003.

⁹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 3964.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1187. Л. 6.

¹¹ Весь Петербург на 1905 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1905. С. 1024; 526.

Проскурякова станет выдающимся российским и советским специалистом по библиотечному делу¹². В начале июня 1905 г. за *Павой* также велось индивидуальное наружное наблюдение¹³.

Интернет-поиск на различные комбинации имен наших героев с дальнейшим подключением педагогической прессы того времени выявляет следующее: 7-го июня 1905 г. в Петербурге действительно проходило важное мероприятие: открытие учредительного съезда первого в истории России учительского профсоюза — Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию¹⁴. Поскольку, в результате вмешательства полиции, съезд не смог состояться в Петербурге, произошла срочная перемена планов: на следующий день съезд переместился в соседнюю Финляндию, в Выборг, где и продолжил работу в течение трех последующих дней на даче активно вовлеченной в организацию съезда Марии Николаевны Стоюниной, начальницы женской гимназии, названной ее именем (8-го и 10-го июня), а также неподалеку от Выборга в местечке Юстилла (9-го июня).

Из публикаций ЦБ Союза выясняется, что Я. И. Душечкин был председателем Комитета по устройству съезда¹⁵. Это объясняет то оживление, которое происходило утром 7-го июня у него на квартире: в столицу съехались учителя со всей страны и отправились напрямиком к человеку, который с ними связывался и приглашал приехать на съезд в Петербург. В биографии известного педагога Н. В. Чехова говорится, что, помимо работающих учителей, «в число делегатов попадали лица, лишённые администрацией прав на учительскую деятельность. Были и такие группы, как административно-сосланные в Вологодскую губернию и отсидевшие за свои политические убеждения в Томской тюрьме. Делегаты таких групп уезжали с места ссылки на съезд в июне 1905 г. в Петербург нелегально»¹⁶. Утром 7-го июня многие из этих людей явились на улицу Жуковского, д. 3. По мнению Э. О. Вахтеровой, участницы съезда, жены и биографа известного педагога В. П. Вахтерова, «конспирация в Учительском союзе, кажется, никогда не была особенно сильна»¹⁷.

¹² О жизни и деятельности Е. Ф. Проскуряковой (1973–1942) см.: *Столяров Ю. Н.* Российская государственная библиотека по народному просвещению: реализованный проект В. И. Чарнолуцкого // Научные и технические библиотеки, 2016. № 12. С. 113–116; *Соколова Т. В.* Проскурякова Екатерина Федоровна // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4 (электронная версия). URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=695

¹³ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2904.

¹⁴ *Соколов Н.* Краткий очерк истории Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию // Вестник Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. 1905. № 2. С. 1–14; *Седельникова М. В. Н. В. Чехов — видный деятель народного просвещения.* М., 1960. С. 62–65. URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/sedelnikova_chehov-vidny-deyatel_1960/; *Вахтерова Э. О. В. П. Вахтеров, его жизнь и работа.* М., 1961. С. 186–189; *Кондрашёв А. Н.* Очерк истории Всероссийского союза учителей. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/aleksandr-kondrashov-ocherk-istorii-vserossijskogo-soyuza-uchitelej/>

¹⁵ *Соколов Н.* Краткий очерк. С. 6.

¹⁶ *Седельникова М. В. Н. В. Чехов.* С. 62. Сноска 3 (со ссылкой на Научный архив АПН РСФСР. Ф. 21. Оп. 1. Д. 483, С. 77).

¹⁷ *Вахтерова Э. О. В. П. Вахтеров.* С. 186–187.

Президиум Учредительного съезда учителей. Июнь 1905 г. Сидят слева направо: О. А. Добиаш, В. А. Герд, Я. И. Душечкин, В. И. Чарнолуский, Н. В. Чехов, В. В. Кирьяков; стоят слева направо: Г. А. Фальборк, В. П. Вахтеров, И. Н. Сахаров, Е. Ф. Проскуракова, Н. М. Соколов, П. А. Мякотин, В. П. Кондратьева. Фото из книги: Седельникова М. В. Н. В. Чехов — видный деятель народного просвещения. М., 1960

Доподлинно не известно, только ли открытие съезда планировалось провести на Невском пр., д. 102, или весь съезд от начала и до конца. В этом доме находилось известное учебное заведение: Частные Санкт-Петербургские счетоводные и коммерческие курсы М. В. Побединского. В здании было «восемь больших аудиторий и несколько малых, актовъ зал, кабинеты телеграфии и машинописи, свой медкабинет и библиотека с читальным залом».¹⁸

Очевидно, после срыва первого дневного заседания съезда, во второй половине дня на Невском пр., д. 92 проходило совещание его оргкомитета для срочной выработки альтернативного плана действий. Поскольку далее *Рослый* филёрами «был утерян», о дальнейших событиях мы узнаем из дела *Павы*. Здесь дано и несколько более подробное описание дома, в котором проходило предполагаемое экстренное совещание (в деле *Павы* адрес сходки указан как Невский пр., д. 90, но в действительности имеется в виду один и тот же дом):

Вышла 1 час 25 мин. поехала на Невской д. № 102й в подъезд откуда была ворочина рослым где пробыла у подъезда 2 часа потом потом пошла по Невскому [в] д. № 90 где натпись Наши дни, и сын Отечества, через 1 час 20 мин. вышла с Рефейрмацким сели на извозчика поехали на Выборскую сторону Симбир. улица д. № 12й ворота где натпись музыкальная школа через 50 мин вышла вместе свыше упомянутым сели на извозчика

¹⁸ С.-Петербургские Высшие Коммерческие и Счетоводные Курсы М. В. Побединского. Очерк развития, организации и деятельности курсов. (По поводу исполнившегося десятилетия их учреждения). СПб., 1908; Весь Петербург, С. 570; Резник А. А., Коломинов В. В. У истоков коммерческого образования в России (К 150-летию со дня рождения Михаила Владимировича Побединского) // Обучение и карьера в Санкт-Петербурге. URL: <http://gtrubnikov.ru/uistokov.htm>

по ехали на саперный пер д. №8й домой через 10 мин вышла сним-же сели на извоши-ка поехали на кобинецкую, ул. дом №20й в подъезд в 1й от звинегороцкой ул. где пробыли 1 час 20 мин. вышли в шестером Пава Рефейрацкий Рослый и 2 барышни неизвсных 1 мушина у Павы вруках был вынесен сверток споследняго дома длина влист писчей бумаги свернутой втрубку в синей бумаги вобем руки толщины сели сели на извошиков и все приехали в Технологический Институт туда пришли еще средний, Черная, Старуха, а всего более 100 человек куда ходили Пристав и Помощник его но через 10 мин. вернулись обратно и дежурили на улицы в близи етой схотки — наблюдение оставили за павой до расхода схотки вышла в 11 часов 45 м. Пава и отправилась на 4 измаиловского полка д. № 1й и 33й в подъезд в 1 час ночи сели на извошика по ехала домой Рейфермаций то[же] домой. Теремов Волошин¹⁹.

Итак, возможно, экстренное заседание оргкомитета съезда проходило в редакции ежедневной лево-демократической газеты «Сын отечества», выход которой зимой 1904–1905 гг. был временно приостановлен по распоряжению министра внутренних дел, а читателям в это время рассылалась другая левая газета — «Наши дни». Состав редакции и авторов оставался тем же; издателем обеих газет был эсер Сергей Петрович Юрицын, которого, по материалам слежки за *Рослым*, последний посещал за три дня до описываемых событий, 4-го июня 1905 г., у него на дому, по адресу Стремянная ул., д. 13²⁰. С ноября 1905 г. «Сын отечества» стал официальным органом эсеров, а 2 декабря газета была снова вынужденно приостановлена и вскоре затем закрыта властями²¹. С другой стороны, по адресу Невский пр., д. 92, находилась редакция журнала «Хозяин»²², постоянным автором которого по земским вопросам был известный педагог Г. А. Фальборк²³, давний друг и соавтор Чарнолуцкого, также принимавший деятельное участие в подготовке и работе съезда; существует вероятность, что внеочередное совещание оргкомитета съезда было созвано у него в редакции.

После совещания на Невском, д. 90/92, *Рослый* уезжает домой на ул. Жуковского, а *Реформатский* и *Пава* отправляются сперва на Выборгскую сторону и встречаются с кем-то на ул. Симбирской, д. 12 (в этом здании находилась Выборгская музыкальная школа Л. К. Щеголевой), а затем на Кабинетскую ул., д. 20. Тут к ним присоединяется сумевший оторваться от филёров *Рослый* и еще трое неизвестных. По указанному адресу на Кабинетской ул. находилась женская гимназия Марии Николаевны Стоюниной, где, очевидно, и была достигнута договоренность о перенесении съезда, начиная со следующего дня, в Финляндию, на дачу к Марии Николаевне.

Далее все трое фигурантов из дела *Рослого* перемещаются в Технологический институт, где происходит вечернее заседание съезда. Из числа более 100 человек

¹⁹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2904. Л. 14–14 об.

²⁰ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1187. Л. 8–8 об.

²¹ *В[одовозо]в В.[В.] Сын Отечества // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907. Доп. Т. 2А. 1907. С. 726–727; Наши дни // Там же. Доп. Т. 2. 1906. С. 255.*

²² *Весь Петербург. С. 748.*

²³ *Фальборк Генрих Адольфович // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 35. 1902. С. 272.*

засадавших филёрами упомянуты *Средний*²⁴, *Черная*²⁵ и *Старуха*²⁶, за которыми также в это время вели слежку сотрудники Охранного отделения. Открытие съезда состоялось «при торжественной обстановке»²⁷. Будучи председателем Комитета по устройству съезда, Душечкин открыл его и произнес приветственную речь. Согласно конспектам секретарей съезда, «Д. начал упоминанием о неудавшемся, вследствие вмешательства полиции, утреннем заседании. Он не приносит извинения за негостеприимную встречу гг. делегатов Петербургом, потому что обстоятельства этого рода являются обычными для всей России и не представляются особенностью столицы. Они наглядно показывают, в каком положении находится страна и, вместе с тем, указывают, какой характер должна иметь работа на съезде»²⁸. Вечернее заседание прошло успешно и без особых помех: как говорится в итоговом отчете, «полиция не доискала съезда»²⁹. В то же время, как мы знаем из донесения следивших за *Павой* филёров Теремова и Волошина, полиция знала о «сходке» (хотя, судя по всему, рядовые филёры не догадывались о ее характере и значении).

Утром 8-го июня все делегаты съезда дружно перемещаются в Финляндию «в особом поезде», о чем в Петербургский департамент полиции

²⁴ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1251 (1906 г.). Ерухманов Абрам Ицкович, кличка «Средний» (1886–1966). С 1904 г. член партии эсеров. Профессиональный революционер, несколько раз был арестован. В мае 1906 г. получил степень аптекарского помощника, сдав экзамен в Юрьевском университете. Служил в аптеках Парижа и Екатеринбурга. В 1918 г. член Уральского временного правительства, участвовал в Белом движении. Был арестован большевиками. Далее эмигрировал в Францию. Член правления Тургеневской общественной библиотеки в Париже. Масон. Умер в Париже 12 декабря 1966 г. См.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков; Под ред. Е. В. Макаревич. М., 1999. Т. 2: Г-З. С. 503–504.

²⁵ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 3986 (1905–1906 гг.). Гавронская Ревекка (Любовь) Сергеевна, кличка «Черная» (1875, Смоленск — 1943, Собибор), урожд. Шмерлинг. Училась на Московских Высших женских курсах (историко-философский факультет), входила в оппозиционные круги. После революции 1905 г. эмигрировала во Францию. Первый муж Григорий Андреевич Гершуни (1870–1908), эсер-террорист, один из основателей и руководителей Боевой организации. Второй муж — Борис Осипович Гавронский, управляющий фирмы по торговле чаем «Высоцкий и К°». Погибла в лагере смерти Собибор.

²⁶ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 942 (1905 г.). Гурари-Бучульская Вера Давидовна, кличка «Старуха». (1865 — не ранее 1918). Урожд. Гурари, по первому мужу Бучульская. Принимала активное участие в последних народофильских кружках, руководила петербургской социал-демократической «Группой самоосвобождения рабочего класса». Была арестована по делу этой группы в 1898 г. Отбывала ссылку в Восточной Сибири, где вышла замуж за Я. В. Махайского. После освобождения в конце 1903 г. принимала участие в создании махаевских организаций в Европейской России. После недолгого пребывания в Швейцарии В. Д. Гурари организовала махаевскую группу «Рабочего заговора» в Петербурге и руководила ею во время революции 1905–1907 гг., после чего вернулась за границу и впоследствии жила с мужем Я. В. Махайским в разных странах Европы. См.: *Дубовик А. В.* Махаевцы в Екатеринославе: «Партия борьбы с мелкой собственностью и всякой властью» // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий альманах. Вып. 16. Одесса. 2013. С. 82–84.

²⁷ *Соколов Н.* Краткий очерк. С. 6.

²⁸ Протоколы Всероссийского съезда делегатов учителей низшей и средней школы и деятелей по внешкольному образованию, состоявшегося в Петербурге 7–10 июня 1905 г. // Вестник Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. 1905. №2. С. 21.

²⁹ Там же. С. 21.

из Гельсингфорского жандармского управления в тот же день было получено следующее донесение: «8-го июня из Петербурга последовало через Выборг на станцию Юстила около 170 человек учительского персонала для устройства в гостинице Юстила по Сайменскому каналу недозволенного собрания с целью обсуждения некоторых политических вопросов»³⁰. В отчете о съезде говорится, что «съезд заседал в разных местах в Выборге и на берегу живописного Сейменского канала»³¹. По воспоминаниям Э. О. Вахтеровой, заседания происходили на открытом воздухе, «среди суровой природы Финляндии, «среди зеленых елей и серых скал. <...> Здесь впервые можно было говорить, не оглядываясь, не скрываясь и ничего не боясь»³².

Все трое фигурантов из дела *Рослого* — Душечкин, Чарнолуцкий и Проскурякова — вошли в Центральное бюро учрежденного на съезде Всероссийского союза учителей. Сохранилась фотография, сделанная на этом съезде, на которой Бюро представлено почти в полном составе (на фото 13 членов из 15), и все трое наших героев на ней присутствуют вместе с рядом других известных педагогов того времени (В. П. Вахтеровым, Г. А. Фальборком, Н. В. Чеховым и др.)³³.

На съезде был принят устав Всероссийского Союза учителей и было выбрано его Центральное Бюро, в задачи которого входила рассылка материалов съездов в местные группы Союза, в земские учреждения, в учительские и просветительные общества. ЦБ сформировало Комиссию, которая занималась поисками мест для учителей, пострадавших за оппозиционную деятельность. Также ЦБ разработало Устав кассы взаимного страхования³⁴. Союз ставил перед собой цели и политического, и профессионального характера. Основной целью Союза провозглашалась реорганизация народного образования в России на основании принципов свободы, демократии и децентрализации, борьба за политическое освобождение России и за глобальные социально-экономические реформы.

В ходе дебатов на съезде выявились существенные разногласия между народнически настроенными эсерами и кадетами, с одной стороны, и более радикально настроенными социал-демократами, с другой. Поняв, что им не удастся объединить Союз на базе социал-демократической платформы, представители этой партии требовали, чтобы союз считался не политическим, а профессиональным; их оппоненты настаивали на смешанной политико-профессиональной платформе³⁵. На дневном заседании, открывшемся в 2 часа дня 8-го июня (первом в Финляндии) Душечкин

³⁰ Вахтерова Э. О. В. П. Вахтеров. С. 187 (со ссылкой на Особ. отд. департ. полиции. Дело об Учит. союзе, № 999, ч. 1, т. 7).

³¹ Соколов Н. Краткий очерк. С. 6.

³² Вахтерова Э. О. В. П. Вахтеров. С. 187.

³³ В комментарии к этой фотографии в книге М. В. Седельниковой «Н. В. Чехов» были неверно указаны некоторые инициалы членов бюро; в нашей публикации на подписи к данной фотографии все инициалы проверены и исправлены.

³⁴ Соколов Н. Краткий очерк. С. 11–12.

³⁵ Протоколы Всероссийского съезда. С. 21–43; Соколов Н. Краткий очерк. С. 5–6; Вахтерова Э. О. В. П. Вахтеров. С. 186–189, в т. ч., прим. ред.

произнес речь, озвучив свою позицию по вопросу программы Союза, отразив мнение народнически настроенного большинства делегатов. В числе прочих замечаний, в конспекте его речи говорится:

Основа союза заключается не в определенной системе политических убеждений, а в однородности профессиональных занятий. Политическая деятельность для этой организации выдвигается настоящим историческим моментом и, без сомнения, по существу должна носить временный характер, должна быть приспособлена к требованиям момента. Момент требует возможно большего скопления сил и направления их, прежде всего, на борьбу с существующим политическим строем. Момент требует, чтобы всякий профессионал исполнил долг гражданина не только в сфере своих обычных занятий, но непосредственным участием в политической борьбе. Когда пройдет острый период, произойдут желательные перемены, тогда большинство из нас снова сосредоточит свои силы на профессиональной работе, и тогда наш союз, как и все подобные организации, обратится в тот профессиональный, о каком говорят с.-д. Очевидно, политическая программа союза не может быть партийной, иначе она захватит ограниченный круг учительства. Она должна быть приемлемой для возможно более широкого круга людей и вместе с тем достаточно интенсивной, чтобы отвечать потребностям настоящего момента³⁶.

Тем не менее, убедить делегатов из числа социал-демократов народникам не удалось, и те демонстративно покинули съезд. В дальнейшем Учительскому союзу пришлось вернуться к вопросу партийной платформы на последующих съездах, где принимались кардинально отличные решения в зависимости от меняющегося партийного состава съездов и динамики политических событий³⁷.

Хотя, по ощущению многих участников съезда, на территории Финляндии «русские делегаты были вне досягаемости»³⁸, непосредственно перед закрытием съезда вечером 10-го июня полиция все же отыскала съезд в Финляндии, и его пришлось закрывать в некоторой спешке. Член Центрального бюро съезда и автор очерка о нем Н. М. Соколов пишет: «Но и тут съезд отыскало недреманное око г. Трепова³⁹, так что в последний день комитету пришлось вести упорную борьбу с полицией, которая хотела разогнать съезд и окружила его городовыми и шпионами. Тем не менее, работу удалось довести до конца, несколько сократив обсуждение второстепенных тактических вопросов»⁴⁰.

По завершении работы съезда члены Центрального бюро активно занялись выполнением постановлений съезда: «прежде всего, стояла задача разослать делегатам материалы по съезду и вести пропаганду союза»⁴¹. ЦБ рассылало материалы в местные группы союза, в земские учреждения, в учительские и просветительные

³⁶ Протоколы Всероссийского съезда. С. 25.

³⁷ Вахтерова Э. О. В. П. Вахтеров. С. 186–189, в т. ч., прим; Кондрашѣв А. Н. Очерк истории.

³⁸ Вахтерова Э. О. В. П. Вахтеров. С. 187.

³⁹ Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) — с 1896 г. Московский обер-полицмейстер, с 11 января 1905 г. Санкт-Петербургский генерал-губернатор, с мая 1905 г. — также товарищ Министра внутренних дел, заведующий полицией, командующий отдельного корпуса жандармов.

⁴⁰ Соколов Н. Краткий очерк. С. 6.

⁴¹ Там же. Краткий очерк. С. 7.

общества. Однако транспорты этих рассылок часто перехватывались и уничтожались, что было большой проблемой для ЦБ в деле связи с членами союза и организациями на местах. Вскоре и сами организаторы съезда и члены ЦБ подверглись политическим преследованиям: «В конце августа был арестован и содержался под стражею до 21 окт. член Бюро П. А. Мякотин, 10 сентября после обыска был арестован на 4 недели Я. И. Душечкин, вскоре после того, как им было разослано обращение к земствам и городам за его подписью. По этому же случаю был произведен обыск у Е. Ф. Проскуряковой, в начале августа арестован член делегации И. М. Бикерман»⁴². Душечкин, Проскурякова и Чарнолуский были привлечены к суду по делу Учительского союза⁴³.

Тем не менее, за первым учительским съездом последовали организация октябрьской учительской забастовки в Петербурге, Манифест 17 октября и декабрьские события 1905 г., организация и проведение последующих Всероссийских учительских съездов и значительный рост числа членов Союза — с 3700 на момент утверждения до 12248 (271 группа) спустя два года. Второй съезд ВСУ состоялся уже через полгода после первого, с 26 по 29 декабря 1905 г. (после этого декабрьского съезда был арестован и сослан в Сибирь член ЦБ Союза Г. А. Фальборк), третий — еще через полгода, в июне 1906 г., четвертый (последний съезд перед многолетним перерывом) — летом 1907 г. (все эти съезды, по примеру первого, приходилось проводить в Финляндии)⁴⁴. Все трое фигурантов из дела *Рослого* продолжали активно участвовать в организации и работе съездов и прочих мероприятий по профессиональной и политической организации учителей — вплоть до революционных событий 1917 г.

В качестве эпилога следует сказать, что в годы, последовавшие за революцией 1917 г., судьба троих наших героев сложилась по-разному. В. И. Чарнолуский остался известным и признанным педагогом, теоретиком и организатором образования: он был профессором МГУ, главным библиотекарем Государственной библиотеки им. Ленина, председателем секции педагогической библиографии Книжной палаты СССР. Чарнолуский умер своей смертью 2 ноября 1941 г. в г. Пушкино Московской области. Е. Ф. Проскурякова стала одним из ключевых деятелей библиотечного дела в стране: руководителем созданной Чарнолуским Российской государственной библиотеки по народному просвещению в Москве (1922–1925; ныне — Педагогическая библиотека К. Д. Ушинского) и далее сотрудником Ленинградской Публичной библиотеки (1925–1942)⁴⁵. В августе 1942 г. она была эвакуирована из блокадного Ленинграда в г. Мелекесс Ульяновской области, но не перенесла дороги и скончалась сразу по прибытии.

⁴² Там же.

⁴³ Дело было прекращено Высочайшим Указом Правительствующему Сенату 21 октября 1905 года. См.: *Столяров Ю. Н.* Российская государственная библиотека. С. 114; ГАРФ. Ф.А539. Оп. 1. Д. 424. Л. 9.

⁴⁴ *Кондрашѳев А. Н.* Очерк истории.

⁴⁵ *Столяров Ю. Н.* Российская государственная библиотека... С. 113–116; *Соколова Т. В.* Проскурякова Екатерина Фѳедоровна.

Я. И. Душечкин оказался наиболее политически активным: он деятельно участвовал в земском движении — в роли председателя Боровичской уездной земской управы⁴⁶; в сентябре 1917 г. участвовал во Всероссийском демократическом совещании в качестве представителя нового демократического земства. В декабре 1917 г. Душечкин был избран председателем Новгородской губернской земской управы⁴⁷. Новгородское земство не приняло советскую власть и сопротивлялось ей до середины января 1918 г.⁴⁸. Душечкин принимал активное участие в этих событиях⁴⁹ и был арестован вместе с другими членами Новгородской губернской земской управы⁵⁰, затем через месяц отпущен. Позже Душечкин вошел в состав Петербургской группы Союза возрождения России (от народных социалистов)⁵¹.

Он был вновь арестован в Петербурге в октябре 1919 г. по старому, ранее закрытому делу⁵² о контрреволюционной агитации среди крестьян его родной деревни Опеченского Рядка летом 1918 г. Однако уже через две недели его дело было закрыто; далее Душечкин находился в заключении в качестве заложника и был переведен из Петербурга в Москву, в Бутырскую тюрьму⁵³. Эпидемия тифа, охватившая в то время страну⁵⁴, особенно свирепствовала в местах заключения: в ГАРФ сохранился отчет В. Д. Бонч-Бруевича о состоянии Бутырской тюрьмы, датированный 13 февраля 1920 г. — страшное свидетельство того времени⁵⁵. Яков Иванович Душечкин скончался в лазарете Бутырской тюрьмы от сыпного тифа 19 марта 1920 г.⁵⁶

Судьба рядовых филёров Мартышкина, Макарова, Федотова, Теремова и Волошина остается за кадром. Их участие в дальнейших исторических событиях тоже

⁴⁶ Г. Боровичи (от нашего корреспондента) // Новгородская жизнь. 7 мая 1917. №10. С. 4.

⁴⁷ Новгородское уездное земское собрание. Выборы управы // Новгородская жизнь. 1917, 25 декабря. №91. С. 3.

⁴⁸ Хроника // Известия Новгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 10 января 1918. №79. С. 4; *Лихачев Г.* Воспоминания тов. Лихачева по истории Октябрьской революции в г. Новгороде // Великий Красный Новгород. Политический историко-литературный сборник к пятилетней годовщине Великой Октябрьской революции. Новгород, 1922. С. 26–28; *Гандкина Е. Г.* Разгром контрреволюционного выступления в Новгороде в дни съезда и роспуска Учредительного собрания // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 17–40.

⁴⁹ Отношение Земского Собрания к политическому положению страны // Новгородское Вече. №20. 30 декабря 1917. С. 1–2; *Лихачев Г.* Воспоминания. С. 27.

⁵⁰ Хроника // Известия новгородского совета депутатов. 10 (23) января 1918 г. №79. С. 4; *К-в, Н.* Новгород. Чрезвычайное губернское земское собрание (Сессия 25-го января) // Новгородское Вече. 31 января 1918. №30. С. 2; Хроника // Новгородское Вече. 18 февраля 1918. №32. С. 3; Ликвидация земства // Известия Новгородского Совета. 19(6) марта 1918. №98. С. 2.

⁵¹ Красная книга ВЧК. В двух томах. М., 1989. С. 23.

⁵² ГАНО. Р-1558. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–22об.

⁵³ Дело Я. И. Душечкина в ЦА ФСБ, Л. 41.

⁵⁴ *Миронова Н. А.* Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М., 2020.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-4085. Оп. 22. Д. 22 (13–21 февраля 1920). URL: <http://notepad.memo.ru/r4085/22/22/delo-po-obsledovaniyu-butyrskoy-tyurmy-v-svyazi-s-zayavleniem-upravlyayushchego-delami>

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 193. Л. 94–94об.; ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 352. Л. 105–105об.; ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 192. Л. 4.

стоило бы проследить; судьба работников Охранки после революции — по-своему интересная тема, заслуживающая изучения.

Работа с делами фонда Охранного отделения позволяет посмотреть на исторические события, большие и малые, с новых сторон, получить новые данные и уточнить уже имеющиеся, увидеть новые ракурсы, разглядеть детали. Нарративы, оставленные нам филёрами, добавляют новую точку зрения на исторические события, делают их более объемными и более личными.

Раздел 7
О ЕЛЕНЕ ДУШЕЧКИНОЙ

Татьяна Кобарова (Олейник)

О ЛЕНЕ ДУШЕЧКИНОЙ

С Леной нас свела судьба в пятом классе. Первый раз я была у них дома еще при жизни ее бабушки. Жили они в большом академическом доме на бульваре Ленина. Папа Владимир Иванович был очень высокий и худой — он напоминал мне Корнея Чуковского. Мама, Вера Дмитриевна, была очень добрая, умная, замечательная женщина. Вообще это была очень интеллигентная, дружная, гостеприимная и теплая семья. Родители Лены очень любили классическую музыку, часто ходили на концерты.

Когда умерла Ленина бабушка, Лена очень боялась оставаться одна в квартире. Как-то родители Лены ушли в театр, и я осталась ночевать у нее, чтобы ей не было страшно — мы тогда учились в 9-м классе. И вот мы с Леной читали вслух цвейговское «Письмо незнакомки», пока не вернулись ее родители и не шуганули нас спать.

Помню, как к нам в Таллинн приезжал какой-то московский театр, ставили «Без вины виноватые» с Олегом Стриженовым в роли Гришки Незнамова. Мы с Леной были под таким впечатлением, что перечитывали потом эту пьесу вслух по ролям, а очки, в которых смотрели спектакль, называли стриженовскими. Это были самые обыкновенные минусовые очки, да еще и со сломанной дужкой, но мы в них смотрели на Стриженова!

Помню еще, как мы с Леной ездили в Хийу. Там был открытый бассейн. А Лена ведь отлично плавала: она ходила на тренировки в бассейн Калев, и у нее даже был разряд по плаванию. И вот она поплыла стилем баттерфляй — это было прекрасное зрелище! До сих пор оно стоит у меня перед глазами.

У Лены со всеми одноклассниками были хорошие отношения. Она всю жизнь потом приезжала в Таллинн на встречи нашего класса. Помню, в классе мы дружили группами. В нашей группе были Лена, Люда Филатова, Зина Докучаева, Лариса Шальдо и я. Собирались часто вместе, гуляли, ходили друг к другу в гости и что-то готовили. Однажды готовили хинкали — это было у Лены, а рецепт нам дала мама Люды, она была осетинка. Это было безумно вкусно, а главное — сами приготовили, ну и сами съели. В 10-м классе ездили на зимних каникулах в Ленинград. Ехали в общем вагоне, было весело.

Мы с Леной были очень дружны, сидели за одной партой. Много разговаривали, делились секретами девичьими, доверяли друг другу. Мы обе увлекались

литературой, много читали, Лена писала стихи. У меня сохранилась записная книжечка с несколькими стихотворениями, написанными Леной в 5-м или 6-м классе, а в эту книжечку вложено письмо, которое Леночка прислала мне во время моей болезни в 10-м классе. Письмо очень теплое, адресовано оно «О. Т. — пароходу и человеку». В нем есть такие стихи, посвященные мне:

Вчера жевала я сухарик
И зуб сломала коренной,
И по причине этой малой
Не могу я идти к больной.

Зачем болеешь ты так часто,
Зачем ты простужаешь грудь,
Зачем не чистишь зубы пастой?
Ведь в этом, милая, вся суть.

Зарядку надо делать утром
И обливаться кипятком,
Потом, пока не станет жутко,
По снегу бегать босиком.

Тогда болеть совсем не будешь
И простужать не будешь грудь,
Но только, только, ради бога,
Поверь мне, Таня, в том вся суть.

Я тогда часто болела, а Леночка переживала за меня и писала мне послания в стихах. Во время моей очередной болезни Лена прислала мне такие стихи:

О ты, которая больная,
О, почему же ты такая?

О, почему ты заболела,
Со мной сегодня не сидела?

И долго я тебя ждала,
А ты в кровати все спала.

Спала спокойно, безмятежно,
Коснувшись щечкой милой, нежной
Своей подушки белоснежной.

Прошел уж день, тебя все нет,
Я шлю тебе большой привет!

Это стихотворение я помню наизусть всю мою жизнь.

После окончания школы получилось так, что мы вместе работали на заводе им. Пегельмана. Завод был молодежный — в основном все пришли туда после школы.

Все, кто приходил на завод, должны были отработать на стройке нового цеха один месяц, и мы с Леной тоже там работали.

Была у нас на заводе туристическая секция, и, конечно, мы с Леной ходили в походы. Выезжали обычно в субботу после работы (тогда суббота была рабочим днем: работали шесть часов), доезжали до пункта назначения и оттуда шли 20 км с полной выкладкой до привала. Маршруты были разные, но все примерно 20 км в один конец и столько же обратно.

Хорошо помню один наш поход летом 1959 года. Сперва ехали поездом до Тапа, а оттуда шли пешком до Нелиярве 20 км. Когда вышли из поезда, началась гроза, и под проливным дождем мы героически дошли до места назначения. Разбили палатки, развели костер, кое-как поели. А утром была шикарнейшая погода. Арво Кескюла, инженер с нашего завода, поймал змею около палатки. Играли в эстонские подвижные игры, очень весело было.

А еще помню, как Лена ездила по комсомольскому призыву на строительство Прибалтийской ГРЭС в Нарве. Это было довольно жесткое испытание для такой домашней, чистой девочки. Слава Богу, ей удалось оттуда уехать.

Очень светлым и чистым человеком была Лена Душечкина.

Лариса Манина (Калнин)

МОМЕНТЫ ПАМЯТИ

Время моей работы вместе с Леной на заводе Х. Пегельмана — 1961–1962 гг. Вероятно, я познакомилась с Леной в бригаде по сборке транзисторов. Там было несколько человек. Ира Золотова училась на заочном отделении в ТПИ (кибернетика) и увлеченно рассказывала об интегрировании. Лена приводила всех в восторг тем, что скороговоркой отчеканивала определение из матанализа о бесконечно малой величине. Пытались за ней повторять скороговорки, но никогда так хорошо не получалось. Обсуждали фильмы; помню, примеривали на себя роли персонажей в «Войне и мире» — Лена была Элен.

Я заходила к Лене, мы обсуждали фильмы («Рокко и его братья», «Девять дней одного года»), книги (тогда моя любимая книга была «Жан-Кристоф» Ромена Роллана). Однажды — видимо, в связи с обсуждением книги Ромена Роллана «Жизнь Бетховена» — поставила мне пластинку Бетховена, посоветовала почитать, что пишет о музыке Мишель Монтень в своих «Опытах».

Однажды на работе договорились, что я зайду за Юрой Антоновым (он с двумя костылями, инвалид), и придем к Лене на ёлку. Мы все жили недалеко друг от друга. У Юры был с собой фотоаппарат — возможно, у кого-то сохранились фотографии.

На прогулках Лена рассказывала, что в стиле баттерфляй она заняла первое место по Эстонии и была отправлена в спортивный лагерь как подающая надежды. Тренировки непрерывные и еда — и больше ничего. Почувствовала, что тупеет, и бросила спорт.

Рассказывала, что ее папа задавал тему, и каждый из членов семьи писал стихи, потом они их обсуждали. Она читала мне все эти стихи. Например, была тема: вдруг раздался странный звук.

Гуляя вдоль крепостной стены у Длинного Германа — там зеленый крутой склон, — знакомила меня с растениями. Пробовали съедобное растение — по утверждению ее папы (он был биологом, работал в Биологическом институте в Харку). Это растение на длинной ножке, с мелкими цветочками. Сдирается зеленая кожица, и остается белый стержень со вкусом кочерыжки.

Перед поступлением в мединститут в Ленинграде Ленина старшая сестра Таня тренировалась в препарировании, и они с Леной собирали лягушек.

Рассказывала о математических способностях своей подруги Элочки Фридман, познакомила меня с художницей Долорес Гофман.

Летом, после поездки в Коктебель, рассказывала о Максимилиане Волошине, читала его стихи. Ей удалось найти «куриного бога» — это камушек, галька с дырочкой в центре, выдолбленной морем. Она радовалась, что удалось найти такой: считается, что это талисман, приносит удачу.

Когда обе мы стали учиться в Тарту (Лена на филфаке, я на физфаке), Лена часто заходила ко мне в общежитие: рассказывала о подготовке к экзамену по древнерусской литературе, советовала обязательно прочитать «Житие Протопопа Аввакума», говорила о красоте древних слов, об исчезнувших буквах: ижица, ять. Читала стихи только что появившегося студента, Светлана Семенович (он перешел к ним на филфак с физфака Ленинградского Университета).

Однажды Лена пришла ко мне в университетскую клинику, где я находилась по поводу болезни коленей, и сказала, что только что сюда увезли с лекции Ю. М. Лотмана с инфарктом, и мне обязательно нужно его навестить. Я отказывалась, говорила, что не могу, потому что мне не о чем с ним говорить, т. к. я вне литературы. Лена сказала, что они обсуждают сейчас Кафку, и принесла мне «Замок» Кафки. Сажу в коридоре, читаю у окна, и вдруг возле меня — Ю. М. Лотман. Начался разговор, какие в книге подтексты, на что обратить внимание. Вскоре появился кто-то из врачей, и Лотмана увели.

Как-то Лена привела меня с собой на семинар, посвященный повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Тартуская студентка-филолог Этери Кекелидзе получила от Солженицына ответ на свое письмо. После обсуждения повести, в конце семинара, Ю. М. Лотман похвалил Кекелидзе. Аудитория начала возмущаться похвалой, но Юрий Михайлович объяснил, что если получающий тысячи писем Солженицын ответил ей, значит, она чем-то сумела привлечь на себя внимание. Потом все пошли, чтобы дообсудить эту тему, домой к Юрию Михайловичу. Лена уговаривала и меня тоже пойти, говорила, что будет очень интересно, что всегда за столом идут интересные разговоры, что кто-то уже покупает продукты и, пока идем, все уже будет на столе. Я тогда не пошла, не была готова.

Светлая творческая память оптимистичной, целеустремленной, чуткой, одухотворенной Елене Душечкиной.

Долорес Гофман (Dolores Hoffmann)

В МАСТЕРСКОЙ

В основном, в юности я воспринимала Лену как Танькину сестру — симпатичную, спокойную, большую, светлую, отмечала всегда (я же художник), что она совсем не похожа на Таню ни внешностью, ни разговором.

Ближе всего мы с ней общались в период моей дипломной работы — 1961–1962 гг., когда (о чудо, по тем временам!) нам, живописцам, давали отдельную мастерскую для написания дипломной работы. Мне дали мастерскую при кинотеатре Pelgurand с отдельным входом (туалет на улице) и с полной свободой посещения. Эта

*Елена Душечкина на фоне эскиза фрески Долорес Гофман «Утро» у нее в мастерской. Таллинн, 1962.
Фото из архива Е. В. Душечкиной*

В мастерской Долорес Гофман. Слева направо: Елена Душечкина, Долорес Гофман, Элеонора Фридман. Таллинн, 1962. Фото из архива Е. В. Душечкиной

Елена Душечкина рисует в мастерской Долорес Гофман. Таллинн, 1962. Фото из архива Е. В. Душечкиной

осень, зима и весна были периодом самых близких отношений. Я делала эскиз фрески для кинотеатра Rahu. Это стена в 75 метров, название кинотеатра — по-эстонски «Мир». Так что тема фрески могла бы быть раскрыта по-советски: «борьба за мир, кругом враги» и т. д. Но я, конечно, не пошла по этому пути и изобразила просто мирное утро, рыбаки идут в море. Летом ездила на остров Сааремаа, чтобы увидеть восход солнца на море. В общем, там был пейзаж с можжевельником, морем и с 14 фигурами. Конечно, я использовала всех своих подруг и однокурсников, рыбаков острова, как моделей (кстати, там изображён и Эрнест Хемингуэй).

Наша теплая компания чуть ли не каждый день собиралась в этом совершенно изолированном помещении: Лена, Элочка и Нина (моя одноклассница). Мы все курили (это было модно), варили кофе и даже картошку (с селёдкой), слушали «Голос

Долорес Гофман. Портрет Елены Душечкиной — рабочей завода им. Х. Пегельмана. Таллинн, 1961. Картина хранится в семье Белоусовых

Америки» и даже пели. Мы были как сестры. Причем транспорт в этот кинотеатр был сложный, на трамвае и пешком. Все девушки то руками, то ногами позировали, конечно, и я их даже изобразила на одном рисунке портретно углём — не могу найти фотку, у Элочки точно есть. Диплом я защитила и (о чудо!) получила заказ на исполнение (ведь это была оттепель!), хотя сюжет был совсем не в духе советского монументального искусства. Фреска простояла до прошлого года, когда ее уничтожили, ибо магазин-то главное, чем кинотеатр. Фрагмент из трёх мужских фигур сейчас сохранен на площади Виру в одном здании.

Лену я не изображала, там всего две женские фигуры. Но эту зиму я, и Нина, и Элочка запомнили на всю жизнь — это был глоток свободы и единомыслия. Мы, хотя были очень молоды, не трепались о тряпках и кавалерах. Помню, что мы все время говорили о книгах, о кино, о политике. Я ведь дитя «врагов народа» (отец расстрелян в 1938 г., мама сидела два года), выросла в детском доме до 8 лет, когда узнала, что эстонка, а в 14 — что ещё и немка. Мы, конечно, не были открытыми диссидентами, но инакомыслящими были. Про встречу Нового года ничего не помню, но рублевский Христос до сих пор у меня на стене висит.

От фрески я перешла на сграффито, потом мозаики и... витражи. Дошла до них, и... всё. С 1973 г. занимаюсь витражом непрерывно. И светским, и частным, и mini-bud, и церковным. 30 церквей в Эстонии, 8 за границей.

Я Лену **ощущаю**, хорошо помню ее **Облик**, но конкретно ничего не могу рассказать. С Таней дружим до сих пор, и с Элочкой и Нинкой.

Тамара Зибунова

НЕСКОЛЬКО НОЧЕЙ В ОДНОЙ ПОСТЕЛИ

С Леночкой Душечкиной я познакомилась осенью 1962 года. Лена переводилась в Тарту, к Юрию Михайловичу Лотману, с ленинградского филфака, я училась на первом курсе физмата, но дружила с филологами. За что, кстати, меня недолюбливали на моем факультете.

В общежитии со мной жили три однокурсницы, одна из них, Лариса Калнин, привела свою подругу Леночку к нам в комнату на ночевку. Куда гостью уложить? Лишнего матраса мы не нашли, но так как я приехала на учебу со своими любимыми подушкой и одеялом, а еще были казенные — чем укрываться, было. Как самая худенькая, я предложила Лене лечь со мной валетом — так мы три или четыре ночи провели вместе.

В один из вечеров у моих друзей-филологов в мужском общежитии напротив была вечеринка, и я позвала Лену пойти со мной. В тот год в знаменитой 111-й комнате жили Сеня Рогинский, Миша Билинкис, Леня Миндлин и Толя Голощапов, с ними всегда тусовался Светлан Семенович. Все они были первокурсниками, а Лена переводилась на третий курс. Вечеринка была веселой, Лену все сразу приняли как свою.

Потом я ушла в академку, вышла замуж, перевелась на заочную математику (физики заочной не было). Позже развелась и вернулась в Тарту: парням построили новую общагу за рекой, а их старое общежитие стало женским. Вся моя любимая компания переселилась в дом к овдовевшему Якову Абрамовичу Габовичу, а любимым развлечением стало разыгрывание шарад. Нагрузка сильно увеличилась, я реже присоединялась ко всем, но хорошо помню одну сцену: Лена разыгрывала Крупскую, а Гарик Суперфин — Ленина. Мы смеялись до слез.

Окончив университет (только Гарик не закончил — его, к сожалению, отчислили, а потом и посадили, как и Сеню), все мои любимые друзья разъехались, кто в Питер, кто в Москву. Лена к тому времени заканчивала аспирантуру и осталась в Тарту. В Таллинне оказался только Светлан. С Леночкой мы много лет виделись изредка: или у Светлана на дне рождения, или случайно у него же на работе. Незадолго до распада Союза Лена с семьей переехали в Петербург.

В середине девяностых — в силу довольно тяжелых жизненных обстоятельств — я оказалась в смоленском селе Хмелита, в музее-заповеднике Александра Сергеевича

Грибоедова, и прожила там шесть лет. Эпизодически мне надо было ездить в Таллинн на консультацию к онкологу. В одну из таких поездок я возвращалась в Россию через Петербург и зашла в Пушкинский Дом к Сергею Александровичу Фомичеву, с которым подружилась в Хмелите, куда он часто приезжал. Оказалось, что в этот день именно по Грибоедову защищается аспирант Фомичева, кореец из Сеула, который недавно на конференции с докладом был в Хмелите. «Тамара Николаевна, оставайтесь! Защита будет короткой. Зато потом будет корейский банкет. Специально какие-то люди прилетели из Сеула, чтобы нас вкусно угостить», — предложил Фомичев. И я осталась.

Стол корейцы накрыли действительно замечательный. В начале банкета неожиданно для меня пришла Леночка. Сергей Александрович закричал ей: «Лена, иди сюда! Я тебя познакомлю с замечательным человеком их Хмелиты!» Лена подошла, Фомичев стал нас представлять друг другу. Мы рассмеялись: «Сережа, да мы с Тамарой всю жизнь знакомы. И не одну ночь провели в одной постели!» Сергей Александрович растерялся. Раскрыл рот, но не смог ничего сказать. Мы опять рассмеялись. И рассказали историю нашего знакомства. А дальше в очередной раз выяснилось, насколько тесен мир: оказалось, что нынешнего виновника торжества русской литературе в Сеуле учил Миша Билинкис. Он же отправил его в Петербург в аспирантуру сначала к Лене, а уже она передала его Фомичеву.

Больше мы с Леной не виделись. Последними комментариями и лайками обменялись в Фейсбуке летом 2020 года.

Михаил Мейлах

ТАРТУ, ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Шестидесятые годы все филологические дороги вели в Тарту — там Юрий Михайлович Лотман возглавлял замечательную кафедру, начало которой положил Б. Ф. Егоров; там, несмотря на местные трудности, было немного больше свободы (цензура, несмотря на всплески русофобии, слабее разбиралась в том, кого тащить, а кого не пушать, да и грань между антисоветизмом и русофобией часто бывала расплывчатой); там в университет, забыв о коллаборационизме военных лет, принимали студентов-евреев, и вообще было как-то больше воздуха: «все-таки Европа» (так, по крайней мере, думали в Москве и в Ленинграде)¹. Если о Болгарии, куда выехать в поездку было проще, чем даже в остальные «страны победившего социализма» (не говоря о странах «капиталистических»), шутили — «курица не птица, Болгария не заграница», то из трёх прибалтийских стран Эстония с её очаровательным Таллинном казалась самой «нездешней» — недаром съёмки советских фильмов, где действие происходило «на Западе», нередко производились в этом городе; там же, в Эстонии, Козинцев снимал своего «Гамлета». Посему неудивительно, что после того, как, начиная с осени 1963 года, Яков Семенович Друскин начал знакомить меня с сохраненным им архивом обэриутов (о существовании которого тогда не знал практически никто, за вычетом его ближайшего крайне немногочисленного окружения), первое мое публичное выступление об этом открытии, и в частности, о поэзии Введенского, состоялось на заседании лотмановской Кафедры русской литературы в Тарту, и там же впервые после сорокалетнего перерыва были напечатаны два его неизданных стихотворения (подробнее об этом ниже).

Если в послевоенные годы сами обэриуты и их эпатазирующие выступления конца двадцатых еще не были окончательно забыты, то тексты их были практически неизвестны². По рукам среди ленинградской интеллигенции (тогда действительно

¹ Ср. письмо того времени Д. Е. Максимова — З. Г. Минц: «То, что я предлагаю [sc. материалы об обэриутах — М. М.], можно напечатать только в Тарту или в тартуских “Записках...”: Из переписки Д. Е. Максимова с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц / Публ., подгот. текста... Б. Ф. Егорова. // Звезда. 2004. № 12. С. 110–144 (К 100-летию Д. Е. Максимова. Данное письмо — № 5). — Но думали так потому, что в какой-то мере это было действительно так.

² См. подробнее: Мейлах М. Oberiutiana historica, или «История обэриутоведения. Краткий курс», или «Введение в историческое обэриутоведение» // Мейлах М. Поэзия и миф. М., 2018. С. 604–669.

составлявшей некоторый общий круг) ходили стихи Олейникова, который считался «домашним поэтом» или поэтом-любителем, и неполные «Случаи» Хармса, текстов же Введенского в обращении не было вовсе (рукописи его «Элегии» и нескольких стихотворений Хармса были в Москве у Н. И. Харджиева и Л. Г. Шпет, но по рукам они не ходили). Разумеется, литературную декларацию ОБЭРИУ можно было прочитать в «Афишах дома печати» за 1928 год³, а до этого Хармс и Введенский напечатали по стихотворению в двух сборниках Союза поэтов⁴, но эти единственные их прижизненные ранние публикации не могли дать представления об их зрелом творчестве, да и о сборниках этих мало кто знал.

Между тем живы были немногие остававшиеся участники движения, сопутствовавшие художники и более многочисленные свидетели⁵, но почти никто не знал об архиве Хармса (включавшем практически весь дошедший до нас корпус произведений Введенского), который Я. С. Друскин вывез на санках из разбомбленной квартиры Хармса в первую блокадную зиму, но и тот полтора десятилетия к нему не прикасался, надеясь, что Хармс каким-то чудом остался жив и еще вернется. Помимо крайне замкнутого образа жизни самого Друскина, причин сохранять архив репрессированных писателей в тайне было более чем достаточно и в дооттепельный, и даже в послеоттепельный период; к тому же, когда появилась надежда на публикацию Введенского и Хармса в России, Друскин стал опасаться, что этому может помешать их издание на Западе, чего он не разрешал до конца 70-х годов.

С Яковом Семеновичем я познакомился осенью 1963 года через его брата М. С. Друскина, историка музыки, который был учителем мужа моей сестры Г. А. Орлова. В первую же нашу встречу он прочитал мне несколько вещей Введенского, глубоко меня поразивших. Я предложил ему свою помощь, и вскоре мы уже работали над разборкой архива, который с помощью Г. А. Орлова, потом Владимира Эрля мы полностью перепечатали, после чего вместе с последним стали готовить к изданию.

В апреле 1964 года в Ленинград приехал Гарик Суперфин; Наташа Горбаневская, мне его рекомендовавшая, о нем отзывалась как о юноше необыкновенно знающем и способном. Не замедлило и косвенное этому доказательство: когда я ему посетовал, что не смог найти у ленинградских букинистов французское издание Гомера, где каждая фраза синтаксически разложена и сопровождается французским подстрочником (я тогда учился на кафедре классической филологии, и издания этой серии служили хорошей шпаргалкой), он его моментально обнаружил в «буке под аркой» (т. е. в букинистическом магазине возле арки Главного штаба).

В следующий раз Гарик, на этот раз с рижанином Женей Тоддесом, приехал в начале октября 1965 года, уже будучи студентом Тартуского университета. Разговор,

³ Афиши Дома Печати. 1928. №2. С. 11–13.

⁴ Александр Введенский. Начало поэмы // Собрание стихотворений. Л.: Л/о В. С. П. [Всесоюзный Союз поэтов], 1926. С. 14–15; Даниил Хармс. Случай на железной дороге // Ibid. С. 71–72. Александр Введенский. Но вопли трудных англичан...: [«Минин и Пожарский»: Отрывок] // Костер. Л.: Л/о В. С. П., 1927. С. 23–25; Даниил Хармс. Стих Петра Яшкина // Ibid. С. 101–102.

⁵ См. подробнее, как и о многих других деталях: Мейлах М. Oberiutiana historica...

разумеется, зашел об обэриутах, чей архив мы, как сказано, разбирали с Друскиным. Гарик предложил мне подготовить публикацию текстов обэриутов для одного из периодических тартуских университетских изданий по русской литературе, сделал перед этим о них доклад. Действительно, через некоторое время я получил от него письмо с предложением приехать, как он выразился, «в пятницу на четверге», однако, как записано в моем дневнике, я прибыл в Тарту в понедельник 25-го октября. Меня встречали Гарик и Сеня Рогинский, которые отвели меня в особнячок, принадлежащий Союзу писателей, — меня смогли там поселить, как до этого Сережу Неклюдова, благодаря тому, что мой отец был членом Союза писателей. Особнячок, однако, не отапливался, и я ходил отогреваться в близлежащую сауну.

В Тарту я пробыл целую неделю. Выступление мое состоялось на следующий день или через день после приезда. Действо проходило не на самой Кафедре русской литературы, а в одной из аудиторий главного здания (где спустя два месяца был сильнейший пожар), но присутствовал весь состав кафедры — помимо Ю. М. Лотмана и его жены З. Г. Минц, помню П. С. Рейфмана, С. Г. Исакова — и, конечно, студенты. Сегодня Г. Суперфин полагает, что организационно это было оформлено как заседание студенческого кружка (я был в то время студентом-третьекурсником Ленинградского университета), но А. Рогинский впоследствии считал, что это была просто лекция-встреча (в вестибюле даже висела афиша). Я немного рассказал об истории ОБЭРИУ и прочитал несколько текстов — «Элегию» и «Потец» Введенского и еще что-то. Потом было обсуждение, после которого выступившая Зара Григорьевна отдала мне листок со своими карандашными заметками — помню отсюда фразу: «Ритмика Блока, а слова черт знает какие». Вероятно, тогда же Юрий Михайлович сделал мою портретную зарисовку — шарж, воспроизведенный в томе его писем⁶.

Думаю, что Гарику легко удалось заинтересовать Лотманов этим проектом ещё и потому, что об обэриутах они знали больше других. Если тексты обэриутов продолжали оставаться в основном неизвестными, память об этих авторах, как уже говорилось, в какой-то мере поддерживалась в Ленинграде остававшимися свидетелями, а в доме театрального критика С. Л. Цимбала висела на стене единственная сохранившаяся шрифтовая печатная афиша обэриутского вечера «Три левых часа» (работы Веры Ермолаевой и Льва Юдина), в котором он принимал участие⁷. С одной из таких свидетельниц, близких к обэриутам, со студенческих лет соприкасалась и Зара Григорьевна, а именно, с Валентиной Ефимовной Гольдиной (1902–1968), подругой Т. А. Липавской (Мейер), первой жены Введенского. В. Е. Гольдина, жившая на Большом проспекте Петроградской стороны, неподалеку и от Липавских, и от Введенского, принадлежала к кругу общения обэриутов, часто бывавших в ее доме, что, начиная с 1930 года,

⁶ Лотман Ю. М. Письма. 1940–1993. Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Б. Ф. Егорова. М., 1997. С. 789.

⁷ Афиша (и ее набросок) впервые были воспроизведены в нашем издании: Александр Введенский. Полное собрание сочинений // Ardis: Ann Arbor, 1980. Т. 1. Сейчас афиша хранится в Музее Ахматовой в Петербурге.

обильно отражено в переписке⁸, записных книжках⁹, в прозе и стихах Хармса¹⁰; Введенский тоже посвятил ей шуточное стихотворение «Валя, Валя, Валентина...». А Зара Григорьевна была со студенческих лет ближайшей подружкой ее также ныне покойной дочери, Виктории Александровны Каменской (1925–2001), или, как ее называли, Вики Гольдиной (отцом ее был известный пианист А. Д. Каменский, который разошелся с ее матерью в 1928 году). В круг обэриутов-чинарей, включавший Липавских, мать В. А. Каменской, по предположению её мужа О. М. Малевича, могла войти через Я. С. Друскина, чей брат М. С. Друскин был тогда концертирующим пианистом и был, несомненно, знаком с Каменским; Консерваторию окончили и сам Я. С. Друскин (правда, экстерном, в 1929 году), и Валентина Ефимовна, которая, впрочем, могла познакомиться с Т. А. Липавской и иным путем — интеллигенция в те годы была гораздо более объединена (после Консерватории она училась в Художественно-промышленном техникуме и стала художницей-прикладницей). Бывая в этом доме, Зара Григорьевна, а вслед за ней Юрий Михайлович, первая (как уточнил О. М. Малевич) — начиная с 1944 года, последний — не позже, чем с 1949 года — не могли не слышать об обэриутах, причем из первых уст, как не могли не видеть и имевшихся там фотографий (помню, кстати, рассказ Юрия Михайловича о разыгрывавшийся в доме шараде: кто-то поднимал руки над Викиной головой — это означало «больше-Вики»; руки опускались до пола — это значило «меньше-Вики» — О. М. Малевич мне пояснил, что шарада эта восходит к старой открытке с изображением двух гимназистов, маленького и большого, с соответствующей подписью). В своих мемуарах В. А. Каменская, например, вспоминает, что после празднования в 1950 г. дня рождения Зары Григорьевны и одновременно её собственного, немного более позднего, — Юрий Михайлович, «из деликатности уступивший своё спальное место, до утра разговаривал на кухне с моей мамой, в молодости близко знавшей Д. И. Хармса и А. И. Введенского, и наутро мама, вероятно, одна из первых, предсказала Юре незаурядное будущее»¹¹. В. Е. Гольдина — одна из героинь очерка Хармса «Я решил растрепать одну компанию» (см. примеч. 10), который В. А. Каменская комментировала в телевизионном интервью в 1996 году¹².

⁸ Письма Т. А. Липавской от 20 августа 1930; 28 июня и 17 июля 1931; 1, 2 августа и 25 сентября 1932. По поводу писем Хармса самой Валентине Ефимовне, которые та перед отъездом в эвакуацию оставила на хранение Я. С. Друскину, О. М. Малевич рассказывал мне, что она не могла ему простить, что он их ей не вернул, заметив, однако, что если бы они ей были возвращены, они наверняка были бы сожжены, согласно ее предсмертной воле, вместе со всей ее корреспонденцией. Однако в архиве Хармса, сохраненном Я. С. Друскиным, нет не только этих писем, но и каких-либо их черновиков, какие Хармс имел обыкновение оставлять среди собственных бумаг.

⁹ Например: «Тамару Александровну и Валентину Ефимовну таскал за волосы» — 1 дек. 1932; 24 янв. 1938 — о вечере у Липавских, куда Хармс отправился вместе с В. Е. Гольдиной, у которой был перед этим.

¹⁰ Д. Хармс. Я решил растрепать одну компанию (в составе текста «Однажды я пришел в Госиздат», <1933–1934>), фрагмент, посвященный В. Е. Гольдиной, цитируется немного ниже; набросок Хармса: Д. Хармс. «Ревекка, Валентина, Тамара...».

¹¹ Каменская В. А. О Юрии Михайловиче Лотмане — снизу вверх // Лотмановский сборник. 1995. 1. М. С. 161. См. Каменская В. А. О студенческих годах // Блоковский сборник. Т. XIV. Тарту, 1998. С. 20–29 (Тартуский гос. университет).

¹² Программа «Примус». Передача третья. Телеканал «Россия» (Санкт-Петербург), 1996 г. Текст был любезно предоставлен мне О. М. Малевичем, который, кроме того, сообщил, что напротив даты 3 января в блокаде календаре В. Е. Гольдиной 1942 года ее рукой помечено: «смерть Дан. Ив.» (впоследствии дата была

Осведомленность Лотманов в том, что касается обэриутов, подтверждает в письме автору Роман Тименчик: «Во время студенческой конференции в марте 1964 года я был приглашен на ужин к Лотманам. Из произведений обэриутов я тогда знал только стихи Введенского и Хармса из сборника 1926 г., который разыскал после того, как их процитировал Дымшиц¹³. Когда я задал хозяевам вопрос об этом движении и спросил, кто еще принимал в нем участие, Лотман мне обстоятельно всех перечислил, рассказал об их судьбах...».

Об обэриутах Лотманы действительно знали больше других людей своего поколения, и предложение Гарика Суперфина сделать о них доклад упало на благодатную почву. Надо заметить, что, хотя обэриуты не должны были принадлежать к излюбленным авторам Юрия Михайловича (он признавался, что «эмоционально не воспринимает» и Хлебникова¹⁴), Введенского он оценил как «большого поэта», и мне было предложено представить публикацию его произведений (впоследствии Лотман процитировал, сопроводив пронизательными наблюдениями, первую строфу «Элегии» Введенского в разделе «Стих как единство» своей книги «Анализ поэтического текста»¹⁵). На его интерес к обэриутам и в дальнейшем указывает, например, письмо к Б. Ф. Егорову от <25 октября> 1981 г., в котором он обращает внимание последнего на «очень живые мемуары о Хармсе и интересные его портреты» в воспоминаниях Алисы Порет, опубликованных в «Панораме искусств»¹⁶.

Так или иначе, предложение подготовить публикацию обэриутов было подтверждено, и чтобы ее завершить, я остался в Тарту еще на несколько дней и, доработав, отдал её Юрию Михайловичу. Накануне отъезда я был приглашен вместе с Г. Суперфином и А. Рогинским к Лотманам на улицу Кастаны, на обед, на котором присутствовали коллеги из Польши. Познакомившийся с публикацией Юрий Михайлович высказал опасения (впоследствии подтвердившиеся), что цензура, не позволяющая печатать обэриутов в России, не даст это сделать и здесь; кроме того, в готовящийся том «Трудов по русской и славянской филологии» уже включены ценные и трудные для прохождения материалы по Маяковскому¹⁷, так что нужна осторожность

уточнена — насколько можно верить документам никому не нужной «реабилитации», Хармс умер в тюремной психбольнице 2 февраля).

¹³ Эти цитаты (см. примеч. 4) нашел нужным воспроизвести этот однозвонный советский критик. См.: *Дымшиц А. С Маяковским* // Октябрь. 1962. №4; *Дымшиц А. Четыре рассказа о писателях*. М., 1964 (Библиотека «Огонька»). Т. 42. Перепечатано: *Дымшиц А. Звенья памяти: Портреты и зарисовки*. М., 1968, 1975 (с. 11–29, цит. на с. 18), 1978. Приведены 4 стиха из середины «Начала поэмы» Введенского («Спит пунцовая соломка...») и 4 начальных стиха «Случая на железной дороге» Хармса, а также знаменитая эпатирующая строка *Пейте кашу и сундук*, обе цитаты из сб.: *Собрание стихотворений* (см. примеч. 4). К слову, о громком провале докторской защиты Дымшица в 1941 г. отзывается в своих неоконченных воспоминаниях Ю. М. Лотман: *Лотман Ю. М. Двойной портрет* // Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. С. 338.

¹⁴ В письме Б. Ф. Егорову от 31 июля 1984: *Лотман Ю. М. Письма. 1940–1993*. №348. С. 330.

¹⁵ *Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста*. СПб., 1996. С. 99.

¹⁶ *Лотман Ю. М. Письма. 1940–1993*. №637. С. 624.

¹⁷ Эти материалы, однако, благополучно вышли: *Райт Р.* «Все лучшие воспоминания...» (Отрывки из книги) / Публ. и вступ. статья З. Г. Минц // *Труды по русской и славянской филологии*. IX: Литературоведение (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 184). Тарту, 1966. С. 257–287; *Семенова Е.* ВХУТЕМАС, ЛЕФ, Маяковский / Публ. и вступ. ст. З. Г. Минц, комм. И. Газер // Там же. С. 288–306.

(последний довод мне показался, по молодости лет, чуть ли не оскорбительным: какой-то официальный поэт Маяковский — и гениальный Введенский!), и публикацию стихов Введенского придется, по крайней мере, урезать. Помню, Юрий Михайлович говорил, что когда какие-то материалы нельзя напечатать, о них надо писать исследования, где они цитируются, и даже демонстрировал это примерами из «Литературного наследства», том которого послал достать с полки детей. Все это звучало разочаровывающе, но было, по крайней мере, два забавных момента, — один, когда я заметил, что главную трудность для издания Введенского составляет его пунктуация, что вызвало хохот, другой — когда сказал, что добавил в публикацию два фрагмента его прозы, что было услышано как «два фрагмента Бродского»: имя Бродского, только что возвратившегося из ссылки, было у всех на слуху. На прощание мы послушали вместе с польскими гостями пластинку: Твардовский читает «Василия Теркина на том свете», — оценить ни самой поэмы, ни авторского чтения я никак не мог. Уже когда мы уходили, Лотманы рекомендовали обратиться за отзывом на мою публикацию к Д. Е. Максимову, который до этого даже советовал Заре Григорьевне самой заняться обзоридами, — его мнение могло бы облегчить прохождение публикации (возможно, это был отчасти и дипломатический жест: мол, если сама З. Г. Минц и не занялась обзоридами, в Тарту его идеи без внимания не остались).

Действительно, наши потусторонние российские представления о свободе печати в Эстонии после долгих перипетий потерпели крах, однако два стихотворения Введенского, в том числе его ставшая «культовым» текстом русской поэзии XX века «Элегия», с нашим предисловием и отдельной заметкой о Хармсе, усилиями Г. Суперфина были впервые напечатаны в менее контролируемых «Материалах XXII научной студенческой конференции» (1967, стр. 101–115), ежегодно проходившей при кафедре русской литературы Тартуского университета. А после того, как был в Ленинграде рассыпан двухтомник поэзии 20-х — 30-х годов в серии «Библиотека поэта», для которого мы вместе с В. Эрлем подготовили обширные подборки стихов Введенского и Хармса, мы, опять же совместно, издали четыре тома поэзии Хармса в Германии, а полное собрание произведений Введенского — в США (см. примеч. 7), и только после перестройки смогли переиздать их в Москве.

В Тарту я познакомился с несколькими людьми, ставшими впоследствии близкими моими друзьями. К первому из них — недавно скончавшемуся поэту, фольклористу и этнологу Яну Каплинскому меня привел Игорь Чернов, в то время любимый ученик Лотмана, который, познакомив нас, тотчас нас покинул, выразив надежду, что «романисты найдут общий язык» (формально Каплинский, как и я, учился на романском отделении филологического факультета). К знаменитому Уку Мазингу — поэту, ученому-энциклопедисту, знатоку восточных языков, этнологу, богослову и переводчику Библии на эстонский язык — я пошел сам. Юрий Михайлович относился к Мазингу с величайшим уважением; две статьи последнего напечатаны в «Трудах по знаковым системам». В советское время Мазинг, изгнанный из университета, некоторое время преподавал в протестантской Консистерии, потом потерял и эту работу. Что-то он зарабатывал переводами и писал исследования

на необычном немецком языке, напоминающем о барочной стилистике Гриммельсгаузена, а его жена Эха, в старое время его ученица, работала медсестрой в поликлинике. Оба увлекались ботаникой — в гостинице у них грозила пробить потолок гигантская экзотическая араукария. «The araucaria is dying», — говорил, растягивая ударные гласные, пессимистически настроенный Мазинг, но и он, и Эха умели заразительно смеяться по поводу, например, какого-нибудь филологического абсурда. Особенно Мазинг веселился, когда, прощаясь после долгого разговора, я написал для него свою фамилию и адрес, и потом долго называл меня Бен-Мелех, по-древнееврейски «царский сын». Мы говорили о вергилианских центонах, о незадолго до того изданном «Евангелии от Фомы» и о Прокоше, протестантском богослове, чьи библейские комментарии я знал благодаря Друскину (последний говорил, что среди протестантских теологов его интересуют примыкающие к правому крылу левых и к левому крылу правых). Мазинг и в особенности Каплинский прекрасно владели русским языком, но говорили мы, а затем стали переписываться на английском — это как бы дистанцировало меня, пришлеца, от колонизаторской роли Советов в Прибалтике. С Каплинским, чуждым всякого национализма, мы впоследствии перешли на русский (позже он стал писать стихи и по-русски). И с тем, и с другим у нас возникла оживленная переписка. Письма Мазинг писал каллиграфические, похожие на листы средневековой рукописи с выровненными с четырех сторон полями, и научил меня ставить по обе стороны подписи маленькие крестики — для защиты от злых духов. А Каплинский пользовался старой русской орфографией, и приходилось ему отвечать тем же. Несколько раз я делал для Мазинга в Институте востоковедения копии эфиопских рукописей, которыми он тогда занимался. Я всегда навещал Мазинга и Каплинского во время моих последующих многочисленных приездов в Тарту; и тот и другой приезжали ко мне в гости в Ленинград и у меня останавливались. В один из приездов Мазинг пригласил к нам своего давнего ученика, фольклориста Исидора Левина, человека невероятной судьбы, которого он укрывал во время войны от немцев и с которым мы тоже подружились и постоянно встречались до его смерти в Германии почти в столетнем возрасте. Незабываемым был сочельник у Мазингов, воспоминание о котором у меня всегда всплывает, когда я слышу звучавшие тогда у него *Carmina Burana* Карла Орфа. Как у поэта и учёного такого масштаба, у Мазинга была собственная мифология, вот её пример. На этот сочельник я, таща огромный торт, приехал из Таллинна в купленном там на базаре вязаном свитере, пленившем меня своим узором — помнится, я потратил на него все оставшиеся деньги и остался без обеда. Увидев на мне это приобретение, Мазинг сказал: «Это с острова Кихну, этот орнамент существует только там. Видите, он как бы геометрический — линии, звёздочки, — но не дискретный, всё как-то мерцает. Это отражает финно-угорскую ментальность, свойственную языкам этой группы, а индоевропейские языки рассекают мир на части, на отдельные элементы».

По рекомендации Мазингов я посетил в деревне госпожу Эрминию Юргенс, известную как «эксинская ведьма». В разваливающейся ведьминой избушке на краю деревни стояли белый рояль и письменный стол с книгами — в ходе нашего разговора

она открыла Библию, чтобы прочесть евангельское пророчество о тысячелетнем царстве сатаны, по её мнению, уже наступившем. На полях против этого места её аккуратным готическим почерком было написано: *Das ist Kommunismus oder Bolschewismus*. Она также рассказала мне о своих посещениях других планет, а когда я с ней прощался, сообщила, что в этот день собирается исследовать из своей комнаты и почистить дно озера Пюхаярви, потому что за последнее время оно сильно засорилось.

Приезжая в Тарту, где я в детстве побывал с моими родителями, я с удовольствием снова погружался в ту остро испытанную тогда «нездешность», о которой так замечательно написал в своих воспоминаниях В. Н. Топоров¹⁸. Каким-то непонятным образом здесь не умирала память о старых традициях вольного Дерптского университета. Приятно было наблюдать за приуниверситетской жизнью, столь не похожей на ленинградскую, за студентами в голубых шапочках в кафе «у Вернера» с его непривычно слабым кофе. По просьбе того же Друскина я ходил в университетскую библиотеку, помещавшуюся в частично разрушенном старинном Домском соборе (с чем связано много историй, старых и новых) — посмотреть, был ли вычищен фонд немецкой протестантской теологической литературы, что с помощью госпожи Куду, библиографа, легко было установить — нет, вычищен он не был. А по просьбе его сестры Л. С. Друскиной, по специальности химика, я заходил с каким-то её поручением на химический факультет, где обнаружил ту же восходящую к рубежу веков атмосферу естественнонаучных лабораторий, которая мне была знакома по Рентгеновскому институту, где работала моя мама (такой же была атмосфера и на кафедре фонетики родного филфака), и с которой я много позже снова встречался в Европе, — в старинных анатомических театрах, астрономических обсерваториях, минералогических музеях, с библиотеками, состоящими из старых немецких книг, и со старыми приборами, ставшими музейной редкостью.

Особняк, где я обитал, тоже имел свое очарование. Писатели делили его с какими-то лесниками; днем там никого не бывало, вечером они приходили играть в шахматы, а одна пожилая дама — писать мемуары; ночью же там оставалась одна хозяйка дома, которая девять лет провела в лагерях и постоянно сама с собой разговаривала. Библиотекой, куда меня поселили, никто — ни писатели, ни лесники — не интересовались. Книги были главным образом эстонские, русские — 40-х и начала 50-х годов. Роман Панфёрова «Бруски» красовался на обоих языках, но на полках стояли и чудесные старинные альбомы бабочек и морских зверей. Писатели выдали мне пишущую машинку — огромный Ундервуд, с помощью которого я закончил подготовку той самой несостоявшейся публикации обэриутов.

Конечно же, и все эти дни, и в следующие приезды мы встречались с тогдашними студентами, учениками Лотмана и Минц — Суперфином и Рогинским, более старшим Игорем Черновым, Асей Черновой и Леной Душечкиной, о которой ниже. Жизнь на кафедре продолжалась до глубокой ночи, и даже когда она затихала, там

¹⁸ Топоров В. Н. Вместо воспоминания // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. и ред. С. Ю. Неклюдова. М., 1998. С. 142.

допоздна продолжал работать искавший покоя «Юрмих», а молодёжь перетекала в предоставленный ей гостеприимный дом математика Якова Абрамовича Габовича; сын его Евгений, тоже математик и диссидент, впоследствии переехал в Германию, где, оставаясь успешным математиком и правозащитником, стал известен не только как последователь антиисторических взглядов Фоменко, но и как обладатель крупнейшей в мире коллекции водки (в Тарту хозяев дома я, однако, ни разу не видел — Женя в то время работал в Москве). Особое место «первой дамы» занимала на кафедре Анн Мальц, студентка, потом лаборант, потом преподаватель кафедры, о которой вполголоса говорилось, что она дочь (или внучка?) президента досоветской Эстонии. Не могу в связи с ней не рассказать, как много позже, в начале 80-х годов, мы с Суперфином (Гарик уже отбыл свой лагерный срок, а я еще только собирался) вызвали гнев Юрмиха. Я приехал из Латвии в Тарту на машине, оттуда возвращался в Ленинград, и Гарик решил поехать со мной. Он запер свой газетный киоск, где тогда работал (трудно было бы найти более неподходящее для него дело, но в советское время все обязаны были где-нибудь служить), а так как отъезд совпадал с днем рождения Зары Григорьевны (24 июля), мы заехали к Лотманам на хутор, где они проводили лето, километрах в восьмидесяти от Тарту, что было как раз по пути в Петербург (в памяти остался голос Юрмиха, произносящего: «Машину вашу мы осмотрели, посвящение шведскому королю прочитали» — под задним стеклом валялась машинопись моей статьи для шведского сборника с дурацким посвящением королю Карлу XVI Густаву). После вечернего застолья, когда мы собирались ехать дальше в Ленинград, Юрмих потребовал, чтобы мы сначала отвезли обратно в Тарту Анн Мальц, также приехавшую поздравить «З.Г.». Мы покорно согласились, но когда доехали до шоссе и уже повернули в сторону Дерпта, Анн воспротивилась, заявив, что возвращаться туда ночью, чтобы потом проделать тот же путь в обратном направлении, — это безумие, она прекрасно доедет на попутной машине. Мы встали перед выбором, достойным трагедии Корнеля: согласиться ли с Анн, поведя себя некуртуазно и рискуя навлечь гнев Юрмиха, или же везти её против её воли. Но пока мы колебались, Анн уже выпорхнула из машины и — подлинная аристократка — остановила первый проезжавший грузовик и, расцеловавшись с нами, улетела. О ней мы не беспокоились — никто бы не посмел обидеть Анн Мальц, которую знала вся Эстония, но потом Юрмих долго не мог нам простить наш нерыцарственный поступок.

С добротой Лены Душечкиной я впервые встретился, когда после описанного приезда в Тарту в 1965 году я уезжал в Таллинн, и она попросила своих родителей меня принять, для чего специально ходила на вокзал, где для связи с Таллинном существовал, как она выражалась, специальный «звонок» (т. е. бесплатная телефонная линия, которой ей разрешали пользоваться; обычная междугородная связь была в те времена довольно дорогой), и я провел у них несколько чудесных дней. Поскольку я всегда интересовался ботаникой, у нас были интересные разговоры с её отцом Владимиром Ивановичем, физиологом растений, хотя он стоял на иных позициях, чем мои старшие друзья-генетики. С Леной, которая провела в Тарту довольно много лет (что, конечно, не могло не оказать на неё формирующего влияния) — сначала как

студентка, потом в аспирантуре, потом преподавая сама, — мы, конечно, продолжали встречаться во время моих следующих приездов сначала на студенческие конференции, потом на Летние школы семиотики, торжественно называвшиеся «Летние школы по вторичным моделирующим системам». Уже с середины 60-х годов в Тарту в воздухе витало слово «семиотика» — в 1964 году на университетской спортивной базе в соседнем Кяэрику состоялась первая Летняя школа (на эти Школы, с их совершенно особой атмосферой, я стал постоянно ездить позже, когда поступил в аспирантуру, а Школы переехали в Тарту и проводились при университете). Слово «семиотика» было магическим, и соответственно возникали снижающие, по бахтинской модели, шутки — одна из них, о диалоге кошки с собакой, например, отражала, пользуясь советским выражением, некоторые внутренние «шатания в партии»: кошка ласково мурлычет: «семиотика, семиотика», а собака в ответ грубо лает: «структурализм! структурализм!»; а покойный Виктор Живов называл приверженцев семиотики «семиотами». Что касается Лениной аспирантуры под общим руководством Юрмиха, то, поскольку тема ее диссертации касалась древней литературы, тот, в свою очередь, пригласил в качестве непосредственного руководителя Д. С. Лихачева — оба имени были «звёздными». Древней литературой Лена продолжала заниматься и в Петербурге. С тех пор, как я начал преподавать во Франции, мы стали встречаться реже, но я помню наши тем более интересные разговоры в связи с вышедшей тремя изданиями замечательной книгой «Русская ёлка». Книга эта, как и ее монография «Русский святочный рассказ: становление жанра», и статья «Дед Мороз. Этапы большого пути», а также «Светлана. Культурная история имени» — все эти работы были для меня особенно привлекательными в связи с вопросом о новом и новейшем мифотворчестве¹⁹. А в связи с ее книгой о святочном рассказе мне довелось обратить ее внимание на воскрешение в Мариинском театре упоминаемой ею оперы «Ёлка» композитора-модерниста начала прошлого века Ребикова, поборника, среди прочего, целотоновой музыки — оперы, основанный на сюжетах сказки Андерсена «Девочка со спичками» и рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке». Также мне довелось привлечь внимание Лены к основанному на этих же сюжетах нетривиальному авторскому варианту балета «Щелкунчик» в сочетании с классическим либретто Петипа — хореографа Раду Поклитару в «Киев-Модерн-балете».

Наша дружба с Леной продолжалась 56 лет²⁰.

¹⁹ См.: Мейлах М. О новых и новейших мифологизирующих системах // Мейлах М. Поэзия и миф. С. 51–67.

²⁰ Первоначальный вариант этой статьи под названием «Oberiutiana tartuensis, или У истоков обэриутоведения: Тарту, 1965–1967», посвященный преимущественно неосуществившейся публикации текстов обэриутов в тартуских «Трудах по русской и славянской филологии», был напечатан в: Лотмановский сборник. 4. Международный конгресс «Многоязычие культуры». Тартуский университет, отделение семиотики и кафедры русской литературы. 28 февраля — 2 марта 2012. М., 2014. С. 627–644.

Светлан Семененко

ЭЛЕГИЯ¹

Элен Д.

Потому, дорогая моя, что глядишь истуканом
исступлённо, и долго, и дольше, чем в силах моих
(о молчальница! о могиканка! привет могиканам!), –
существуй, существуй среди нас,
остроумных, веселых, живых!

Потому что, действительно, наши блестящие речи
до того матерьяльны, что кажется, только подставь
говорящему пригоршни... Где ж они? Где-то далече,
далеко твои руки, вдоль тела, и очи пусты, и уста

не глаголют... А руки — ни крупных жемчужин,
ни перловой крупы острот — не берут ничего.
Потому что кому же их блеск, не тебе же он нужен,
не тебе, не тебе среди нас обряжаться в него!

Потому что о т т у д а приносят с собою вещицы,
что не светят совсем, а висят и тревожно глядят
на груди, как осколок затерянной где-то землицы,
а Земля не велит, а Земля не пускает назад.

И не пустит, и пусть, и не надо, и я не устану,
не уйду, существуй, угождай любопытству живых!
Потому, дорогая моя, и стою истуканом
исступлённо, и долго, и дольше, чем в силах моих.

1964

¹ Текст стихотворения Светлана Андреевича Семененко (1938–2007) приводится по первой публикации: *Светлан Семененко. В понедельник вечером. Стихи.* Таллин, 1979. Впоследствии другая редакция стихотворения вошла в сборник: *Светлан Семененко. Со всеми, кем любим, кого люблю.* Таллинн, 2008. Посвящение было изменено на «Посвящается Елене», уточнена датировка: 13 ноября 1964 (прим. ред. раздела).

Яков Габович¹

* * *

Лети, моя песня, в сосновую Эльву,
Где воздух прозрачен и в небе лазурь,
К отшельнице юной в забытую келью,
Где нет ни сомнений, ни суетных бурь.

Поведай ей, песня, о тайных тревогах,
О сердце, уставшем от тягостных дум,
Скажи ей, о песня, как пусто в чертогах,
Где прежде царили веселье и шум,
Скажи ей, о песня, как пусто в чертогах,
Где прежде царили веселье и шум.

Там некогда ставились злые шарады,
В которых участвовал сам Мейерхольд,
Когда ж Станиславский горланил с эстрады,
Росло напряженье за тысячу вольт!
Когда ж Станиславский горланил с эстрады,
Росло напряженье за тысячу вольт!

Да, все это было и много другого,
Всего не упомнишь, что делать — склероз.
Я знаю, ушла ты без умысла злого,

¹ Текст песни хранится в архиве Е. В. Душечкиной. В 1960–1970-е гг. дом тартуского математика Якова Абрамовича Габовича (1914–1980) был центром притяжения независимой молодежи. Габович был автором и исполнителем множества шуточных песен; несколько из них были посвящены Елене Душечкиной. Поводом к сочинению публикуемой песни был отъезд Е. В. Душечкиной из Тарту в Эльву в январе-феврале 1966. Ее переселили за город в общежитие с минимальными удобствами в наказание за то, что в тартуском общежитии у нее ночевала приехавшая в гости из Ленинграда подруга, Э. М. Фридман (по воспоминаниям Э. М. Фридман — прим. ред. раздела).

Но все же — зачем доводить нас до слез?
Я знаю, ушла ты без умысла злого,
Но все же — зачем доводить нас до слез?

Вернись, моя песня, но не без Елены,
Неси ее нежно, она так хрупка.
И вместе с созданием сей кантилены
Куда же, куда же исчезла тоска?
И вместе с созданием сей кантилены
Куда же, куда же исчезла тоска?

Сергей Серебряный

Sergei Serebriany

ПАМЯТИ

ЛЕНЫ ДУШЕЧКИНОЙ

(1 мая 1941 — 21 сентября 2020)

IN MEMORIAM

HELEN (LENA) DUSHECHKINA

(May 1, 1941 — September 21, 2020)

Мы стояли
на остановке автобуса
в Кääriku,
летом,
в шестьдесят шестом.

We were standing
at a bus stop
in Kääriku,
in the summer
of nineteen sixty six.

Лена Душечкина,
двадцатипятилетняя,
тихо сказала:
«Түлеб, түлеб!»¹ —
и улыбнулась.
Это вдали
показался автобус.

Lena Dushechkina
(she was twenty five)
said quietly:
«Tuleb, tuleb!»²
and smiled.
On the road, a bus
appeared, moving to us.

Я запомнил
эстонское слово,
чистое небо,
пруд,
конференцию по семиотике
и юную Лену
на автобусной остановке –
Лену Душечкину
в Кääriku,
летом,
в шестьдесят шестом.

I keep in my memory
the Estonian word,
the clear sky,
the pond nearby,
the conference on Semiotics,
and the young Lena
at the bus stop –
Lena Dushechkina
in Kääriku,
in the summer
of nineteen sixty six.

24 сентября 2020 г., Москва

September 24, 2020, Moscow

¹ Tuleb (эст.) — ‘идёт’, ‘едет’.

² Tuleb (Estonian) — ‘it comes’, ‘it arrives’.

Сусанна Черноброва. Рига. Старый город. 2013

Юрий Сидяков

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ДУШЕЧКИНОЙ

Впервые с Е. В. Душечкиной я встретился, еще будучи школьником, в Риге. Какой это был год, я сейчас уже точно не вспомню. Помню лишь, что она заходила к нам с кем-то из учеников моего отца — Л. С. Сидякова (кажется, с Р. Д. Тименчиком). Собственно, знакомством эту первую встречу едва ли можно назвать, запомнилась она лишь потому, что новый человек тогда в доме появился. Затем нам приходилось встречаться в Тарту в доме Ю. М. Лотмана, куда я довольно часто приезжал начиная с 1968 г. — в тот год я познакомился и подружился с сыновьями Юрия Михайловича. Общение же мое с Е. В. началось уже после того, как я стал студентом Тартуского университета. Не сразу (если не считать, что мы здоровались при встречах).

Слушать лекции Елены Владимировны мне не пришлось. Поступил я в университет в 1970-м году, когда она была еще аспиранткой. Преподавательская деятельность Е. В. началась, сколько помню, годом позже, и преподавала она следующему после нас курсу. Но в университетские годы мне довелось писать под ее руководством курсовую работу. Тогда, пожалуй, и началось наше уже вполне активное общение.

В то время я учился на четвертом курсе, и тогда уже более или менее сформировались мои научные интересы. Заниматься мне хотелось историей Церкви, но поскольку я учился на филологическом факультете, да и вообще, чтобы всерьез заниматься подобной темой (не в духе атеистической пропаганды), в советские годы требовалось какое-то «прикрытие». На первых порах я решил связать свои интересы с изучением древнерусской литературы. Тогда этот курс уже перешел от Юрия Михайловича Лотмана к Елене Владимировне, и я определился к ней. Курсовую работу, сколько помню, я писал по Киево-Печерскому патерику. Воспоминания об этой поре сохранились самые добрые. Руководство носило характер взаимного сотрудничества. Запомнилось, с каким вниманием относился мой руководитель к исследовательской деятельности своего подопечного, а также к духовным моим исканиям (хотя все это тогда во многом наивным было). Живой человеческий контакт сложился. И сложившийся тогда контакт во многом определил характер нашего дальнейшего знакомства.

Елена Владимировна была также назначена руководителем моей дипломной работы, которая была посвящена уже другой теме и эпохе. Писал я о «Мелочах архиерейской

жизни» Лескова и через это произведение обращался к истории церковной журналистики второй половины XIX в. (что более подробно исследовал позже в своей диссертации, опираясь на публицистику Лескова 1870-х годов). Правда, руководил мной в период написания дипломной работы более А. Ф. Белоусов. Так изначально и было решено, но Александр Федорович в ту пору официально не был сотрудником кафедры, и поэтому по всей форме ему нельзя было поручить руководство моей работой.

Позже сложилась и дружба семьями. Наши сыновья были одного возраста, и одинаковые заботы также сближали. Елена Владимировна и Александр Федорович в то время жили в Тарту, я работал неподалеку — в школе в поселке Нью, где и поселился тогда. Виделись мы довольно часто.

Следующий этап нашего знакомства — совместная работа в Таллиннском педагогическом институте (теперь это университет). Этот период вспоминается как, наверное, один из самых лучших в моей жизни. Очень добрая рабочая атмосфера была, взаимная поддержка и чувство необычайной свободы (хотя времена тогда были совсем не свободные). И огромная роль в создании такой атмосферы принадлежала Елене Владимировне и Александру Федоровичу. Памятны встречи у них дома: большая светлая кухня, где мы обыкновенно за разговорами проводили время, служившая одновременно и кабинетом А. Ф. Широкий стол, правая сторона которого была загружена книгами и бумагами, книжная полка над столом, календарь, висевший на стене, а также пепельница, полная окурков, — все мы тогда очень много курили (надеюсь, цензура не вычеркнет эту в наше время запретную деталь и не сочтет ее рекламой табачных изделий). Вспоминаются и оживленные разговоры, которые велись за столом. О чем — всего сейчас уже не вспомнить. Говорили, конечно, о текущих делах — рабочих и нерабочих, о новых книгах и еще о многом... Память более сохранила ощущение тогдашней жизни, нежели детали и факты. И обаяние хозяев дома — которое не часто с такою силою ощущается, как ощущалось тогда при встречах: необычайно дружная семья и самое доброе отношение к людям, готовность, если нужно, прийти на помощь.

Жизнь сложилась так, что мне пришлось уехать из Таллинна. После этого с Еленой Владимировной и Александром Федоровичем мне уже приходилось встречаться не очень часто. Но чувство глубокой душевной привязанности от этого

*Е. В. Душечкина с мужем А. Ф. Белоусовым
и детьми Катей и Сережей у них дома в Тарту.
1976. Фото Ю. Л. Сидякова*

не уменьшалось. При каждой встрече, хотя их разделяли месяцы, а порой и годы, казалось, словно расстались мы только вчера. Особенно редкими встречи стали после того, как Елена Владимировна и Александр Федорович переехали из Таллинна в Петербург, а Россия и Латвия, где находился я, оказались разделенными границей. Из-за тяжелой болезни отца, за которым мне многие годы приходилось одному ухаживать, выезжать куда-либо за пределы Риги я мог позволить себе лишь в редких случаях. Но все-таки мне как-то удалось посетить Е. В. и А. Ф. в Петербурге. Встречались мы и на конференциях — более всего в Даугавпилсе. Последняя же моя встреча с Еленой Владимировной была в Риге, если память мне не изменяет, в 2014 году, когда она с Александром Федоровичем и внуками отдыхала где-то в Латвии. Встретились мы, когда они уже уезжали. Я пришел проводить их на автобусную станцию. Сидели на скамейке в ожидании автобуса, говорили легко и свободно — совершенно так же, как когда-то в Таллинне, словно и не было многих прошедших с тех пор лет...

Последнее мое общение с Еленой Владимировной было письменное. Тяжело болел Александр Федорович. О нем и о состоянии его здоровья было последнее ее письмо. А потом пришло известие о смерти Елены Владимировны, которому трудно было поверить. Да и сейчас... Все кажется, что еще где-то мы вновь встретимся — на какой-нибудь конференции или еще где-либо, и улыбнемся друг другу... Особенно мне памятна осталась ее улыбка — необычайно светлая и добрая.

В дополнение к моим воспоминаниям хотелось бы поместить еще и фотографию. Сделана она была в 1976 году в Тарту. Отправляясь в гости к Елене Владимировне и Александру Федоровичу, я захватил с собой фотоаппарат — договорились пофотографировать детей в естественной домашней обстановке. И одна из этих фотографий удивительно точно запечатлела ту самую улыбку, о которой я только что говорил сейчас и которая в моей памяти неразрывно сливается с образом Елены Владимировны.

Светлана Кульюс

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНЕ ДУШЕЧКИНОЙ

Удивительным образом Лена Душечкина оказалась в моей жизни с самого начала чем-то вроде земного «ангела-хранителя», доброго духа во плоти. Я приехала поступать в Тартуский университет после того, как дважды не прошла по конкурсу на театроведческий факультет в ЛГИТМиК, где при наборе 15 человек и при очень большом конкурсе было наивно на что-то рассчитывать. Я решила больше не терять времени и попробовать поступить на историко-филологический факультет Тартуского университета. В моем «книжном» представлении о том, какие великие люди учились в университетах, этот тип учебного заведения казался еще недосягаемое, и я малодушно подала документы на заочное отделение. И здесь впервые, в легком летнем платье, «явился» ко мне мой ангел-хранитель. Дело в том, что в числе очень немногих абитуриентов я писала сочинение по теме, придуманной Ю. М. Лотманом: «Печорин и Грушницкий, Калашников и Кирибеевич — два поединка». По счастливому для меня стечению обстоятельств, мое сочинение прочла именно Елена Владимировна, тогда аспирантка кафедры литературы и член приемной комиссии. Как потом выяснилось, она показала его Юрию Михайловичу, в то лето, опять к моему счастью, много времени из-за бесчисленных зависших дел проводившего в Тарту, и он предложил поговорить со мной о переходе на очное отделение.

Елена Владимировна, светловолосая, молодая, приветливо улыбающаяся, найдя меня, стала расспрашивать о причине выбора заочного отделения. Я была смущена вопросом, но уже в следующие минуты почувствовала ее искреннее внимание и совершенно пленилась простотой обращения и доброжелательностью. Что-то очень милое, немножко беличье, мелькало в ее лице во время первого нашего разговора. Много позже я улавливала сходное выражение и в лице Сережи, ее маленького сына, родившегося через несколько лет. Елена Владимировна добродушно посмеялась над страхами «провалиться» на последнем экзамене (к этому моменту на отлично были сданы три), привела аргументы в пользу учебы на очном отделении, ссылаясь на свой опыт заочного обучения в Ленинградском университете. Позже я много раз убеждалась, что доброжелательная обстоятельность при разговоре со студентами была ее «фирменной» чертой: она не «отдельвалась», не торопилась «отвязаться», принимала реальное участие в судьбе того, с кем в этот момент беседовала.

Лотманы в гостях у Душечкиных-Белоусовых. Слева направо: Катя Белоусова, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Т. М. Котнюх, А. Ф. Белоусов. Таллинн, октябрь 1981. Фото С. К. Кульяс

Елена Владимировна стала куратором нашего курса и оказалась человеком, действительно помогавшим студентам. Когда из-за припозднившегося перевода на стационар я не получила общежития в городе и была поселена с еще тремя студентами далеко за его чертой, случилась забавная история. Однажды, заболев, я осталась одна с высокой температурой в нашем коттеджике, и какой-то подвыпивший местный тракторист, гулявший неподалеку на свадьбе, стал ножом вырезать большое отверстие в легкой, из спрессованных стружек, двери. Не оставалось ничего другого, как вооружиться ножницами и ждать развязки. Подгулявший селянин по одному ему ведомой причине передумал продолжать свое занятие. Елена Владимировна ахнула, узнав о случившемся, и мы оказались в легендарном Б-клубе, в подвале общежития на ул. Тийги. Но это был центр города! Дальнейшее переселение в «нормальную» комнату тоже происходило благодаря ей, как и появившаяся возможность работать вечерами в научной библиотеке. А это были запомнившиеся на всю жизнь счастливые часы: полукруглый зал в сохранившейся части руин Домского собора окнами в парк, свивающиеся в маленькие свитки листочки картотеки дореволюционных книг Дерптского университета (часть не успела попасть в спецхран), бережно заполненные от руки старой орфографией, и сами книги, лежащие стопкой на столе... Кто из учившихся в те годы тартуанцев не помнит этой библиотеки?

После первого курса мы были с Леной Душечкиной связаны мало, и хотя она занималась в те годы киевским летописанием и житийной литературой, а позже защитила диссертацию под руководством академика Д. С. Лихачева, лекции по древнерусской литературе читала нам не она, а Юрий Михайлович Лотман.

Наше тесное общение пришлось на более поздний период. Став преподавателем Таллиннского пединститута, по аспирантским делам я часто бывала в Тарту. Связь с Ю. М. Лотманом, З. Г. Минц и с друзьями, оставшимися там, никогда не прерывалась. В один из приездов, посетив среди прочего друзей, Саню Рейфмана и Иру, мою однокурсницу, сестру Елены Владимировны, и жившего напротив них В. И. Беззубова, забежала я и к Лене Душечкиной и Александру Федоровичу Белоусову. Оба в это время преподавали в университете, но, если я верно помню, Александр Федорович, уже закончивший аспирантуру у Юрмиха, не имел возможности стать штатным преподавателем, перспективы у него в этом смысле были крайне неопределенными. Возникли и проблемы с публикациями из-за вечных в то время цензурных запретов, часто, как и в этом случае, совершенно неоправданных и бессмысленных. Помню, во время этой короткой встречи я поведала о проблемах нашей кафедры, где в течение ряда лет в каком-то безумном калейдоскопе то сливались, то разъединялись разные кафедры, менялись деканы, заведующие и преподаватели, часто некомпетентные и даже совсем случайные люди. И когда, наконец, произошло окончательное отделение кафедры литературы, еще острее захотелось, чтобы она, наконец, обрела достойный вид. Не помню подробностей того разговора, но осталось ощущение вдумчивого внимания к сказанному как к возможной перспективе. Хочется надеяться, что хоть самая малая лепта была внесена и мной в их решение переехать в Таллинн.

В 1977 году Елена Владимировна и Александр Федорович стали моими коллегами и на все последующие годы — Леной и Сашей. Их появление было важным событием для маленькой, но с их приходом ставшей очень жизнеспособной кафедры, и для меня особенно, ведь мне хотелось заниматься Серебряным веком, а приходилось читать и фольклор, и древнерусскую литературу, и XVIII век для эстонских и русских отделений. Теперь же эти курсы перешли к специалистам с превосходной филологической школой (родной, «тартуской») — Александру Федоровичу, фольклористу с новаторскими работами о «старожильческом» фольклоре и обрядности Прибалтики, и Елене Владимировне — автору научных изысканий по древнерусской литературе.

Несмотря на все трудности, связанные с отъездом из Тарту с его очень интересной и интенсивной научной жизнью и особой дружеской атмосферой на кафедре, переезд в Таллинн, мне кажется, кардинально изменил жизненную и научную ситуацию Лены и Саши: рядом с Юрием Михайловичем и под его сенью они оба поневоле оставались «птенцами гнезда Лотманова», «учениками», в Таллинне же начиналась совершенно самостоятельная, отдельная от учителя жизнь, здесь они оба были независимы в своих действиях. Это расправление крыльев и «свободный полет» были ощутимы для всех: появилось творческое ядро кафедры. Лена и Саша стали первыми скрипками в новом кафедральном «оркестре». Оба стали инициаторами выхода ряда

Лотманы в гостях у Душечкиных-Белусовых. Слева направо: Е. В. Душечкина, ее мать В. Д. Фоменко, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц. Таллинн, октябрь 1981. Фото С. К. Кульюс

научных сборников, чаще всего издававшихся под едва ли не единственно возможным для педвузов заглавием «Учебный материал», но уже очень далеких от сферы только методических разработок. Это были хоть и небольшие, но уже чисто научные издания с участием серьезных ученых из разных университетов по самой широкой теоретической проблематике. Большинство сборников вышло под ред. А. Ф. Белоусова: «Учебный материал по анализу поэтических текстов», бесценный «Русский стих», составленный М. Л. Гаспаровым, Сашины «Жанры словесного текста. Анекдот» и другие. Была опубликована и работа Лены «К вопросу об истоках и традиции русского святочного рассказа», которая стала увертюрой к вышедшим позже книгам «Русская календарная проза: антология святочного рассказа» и «Стилистика русской бытовой повести XVII века: (Повесть о Фроле Скобееве)». Эти работы увенчала серьезная монография «Русский святочный рассказ: становление жанра», вышедшая под грифом Санкт-Петербургского университета в 1995 г. Сама последовательность работ — свидетельство продуманной «стратегии» решения научной задачи, вышедшей за границы простого исследования. Ставшие заметным явлением в культурологии, эти изыскания Лены выявили огромные слои незатронутого ранее материала и дали новую жизнь полужабытому явлению культуры, породив массу схожих публикаций и многоликих школьных и даже детсадовских презентаций по теме рождественской ночи и Святки. Помню, когда профсоюз потребовал от кафедры конкретных культурных мероприятий, то мы под этой маркой, хорошо зная, благодаря Лене, «теорию», на «практике» с удовольствием отпраздновали с детьми Святки веселыми катаниями с горы в Кадриорге.

Выходу изданий всегда предшествовали доклады на заседаниях кафедры и их обсуждения, иногда довольно бурные. Наладилась подлинно научная жизнь, начали проводиться крупные конференции, привлекавшие к участию и известных, и начинающих ученых: В. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, Ю. Лотман, М. Гаспаров, Р. Ти-менчик, Ю. Цивьян, М. Ямпольский, А. Осповат, А. Чудаков и многие другие. Лена и Саша принимали самое деятельное участие в их организации, и их самоотдача заслуживает в этом смысле самого глубокого уважения. Я думаю, именно с их приходом и начала происходить (по крайней мере, в части филологии) постепенная трансформация «педа» в полноценный университет.

Важно и другое: несколько предшествующих их приходу на кафедру лет прошли в изматывающей войне с завкафедрой, которая имела «руку» в ЦК и которой была присуща какая-то патологическая страсть травить кого-нибудь. Теперь, наконец, установилась спокойная рабочая атмосфера, и именно Лена и Саша с их бескорыстием и открытостью немало способствовали созданию кафедры ученых-единомышленников, связанных и дружескими личными отношениями. Благодаря им годы их работы в Таллинне стали для меня счастливыми. Живыми и интересными были даже короткие перерывы между лекциями, когда можно было услышать филологические новости, фольклорную байку Саши или какую-нибудь из чудных пленительных «историй» Лены, великой мастерицы рассказывать о смешных эпизодах из собственной жизни или жизни детей, о встреченных случайных людях, нелепостях их поведения или умозаключений. Это всегда были остроумные пересказы, далекие от пренебрежения к тем, о которых шла речь: подмеченное всегда подсвечивалось мягким юмором, а иногда и какими-то «литературными», например, чисто гоголевскими соотнесениями, как история о человеке из коммуналки, возмущенном тем, что из-за соседа он не может попасть в туалет: «закроется там и читает... как свинья». Умозаключение героя рассказа было тем смешнее, что открывало возможность самого разного комментария — и психологического, и социального, и филологического. Мы весело обсуждали это приписывание свинье страстной любви к чтению и, в сущности, создание «стихийным» автором образа, которое может занять достойное место в бытующих в русском языке шутках о свинье, прибавляя к известному «напиться как свинья» — новое: «читать как свинья». Филологическая подсветка была у многих Лениных историй.

Один из запомнившихся рассказов касался маленького Сережи, которого для приобщения к значимым явлениям культуры привезли в Псково-Печерский монастырь на престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы, но пришлось долго ждать начала богослужения. Лена изумительно показывала, как Сережа изнывал в ожидании и предвкушении дивных чудес, и «чудеса» эти произошли. Прижимаясь к маме и заглядывая ей в лицо, Сережа неожиданно стал с волнением вопрошать: «Неужели это правда? Неужели это случилось со мной? Неужели это я нашел 5 рублей?!». Лена неподражаемо изображала мечтательное и счастливое лицо сына, случайно нашедшего деньги под скамейкой, сидя на которой ждали начала службы. Копируя интонации Сережи и посмеиваясь над детской реакцией, она «уравновесила»

*В новогодние праздники в доме Душечкиных-Белусовых в Таллинне.
Слева направо: Е. В. Душечкина, З. Г. Минц, Ю. М. Лотман (в маске медведя)
с внуками и Асей Кульюс. Новый 1983 год. Фото С. К. Кульюс*

эту историю рассказом о ярких впечатлениях маленького сына от Литургии и последующего за ней крестного хода. Вспоминается и как совсем маленький Сережа, уже серьезно увлекавшийся сложными для его возраста вещами и любивший серьезно подводить итоги своих наблюдений, долго разглядывал мою пару недель назад родившуюся дочь (та в ответ тоже следила за ним из коляски черными глазами) и наконец, резюмировал: «маленькое беспомощное чудовище», — заставив всех нас весело рассмеяться. Резюме привилось и шуточно воспроизводилось по случаю, как и поведенный Леной совет няньки, как избегать неприятностей: «А ты не высавывайся!». Очень смешила и история о том, как, тщательно продумав лекцию для американских студентов и начав ее с доверительной фразы: «Вы все, конечно, знаете, как выглядит Пушкин», — Лена в следующее мгновение по реакции аудитории поняла, что даже имени того, кто в русской культуре есть «наше всё», никто не слышал. Этот Ленин опыт припомнился, когда мне самой пришлось оказаться в иностранной студенческой аудитории. Забавно и иронично по отношению к себе Лена рассказывала и о дочери, кудрявой малышке Кате, которая во время поездки в поезде на все уговоры мамы («Катя, посмотри в окно, посмотри, как красиво! какие деревья! посмотри, какая чудесная опушка»), не отрывалась от своей книги, и о том, как Лену огорчало такое равнодушие к природе. А еще через пару лет история была уже прямо

противоположной: «Катя, ну хватит смотреть в окно, ну сколько можно? Возьми, пожалуйста, книгу и почитай!». Лена очень артистично дублировала интонации своих назиданий и педагогических нотаций. Как много эти театральные сценки говорили об их «исполнителе», чудесной маме, человеке с замечательным чувством юмора и самоиронии. Лена, конечно, была просто профессиональным собирателем и хранителем таких сочных моментов живой жизни.

Удивительной особенностью было и ее умение успокоить, обворожить почти материнским участием, выказывая неподдельный интерес к ситуации человека, нуждавшегося в поддержке. Помню, на мой день рождения приятель привел с собой неизвестного никому своего друга, у которого были большие неприятности, и нельзя было оставить его наедине с ними: он был на грани срыва. Лена, заметив это, отвела его незаметно в сторону и заговорила с ним, выказав при этом такую невероятную энергию отзывчивости и душевности, что тот совершенно оттаял. О чем они говорили, не знаю, но на следующий день этот человек пришел извиниться, расспрашивал о Лене и был просто сражен ее фамилией («как ей подходит!»), что было — воистину — правдой.

Дружеские отношения, сложившиеся на кафедре, захватили и внеинститутское пространство. Культура домашнего очага (та, которая — увы — на глазах все больше утрачивалась в эпоху, о которой идет речь) была Лене органически присуща. Она имела истоком традиции интеллигентной семьи, в которой Лена выросла. Она не только унаследовала их, но умело поддерживала. Я не раз бывала в ее доме на семейных праздниках, днях рождения, в рождественские или новогодние дни, и, конечно, во время встреч с приезжавшими из Тарту учителями — Юрмихом и Зарой Григорьевной. Это всегда были теплые дружеские застолья с самыми разными разговорами, обменом новостями, с постановкой шарад, коими так славились и притягательные для студентов дома Лотманов и Якова Габовича в Тарту. За столом всегда были и родители Лены, отец, Владимир Иванович (к несчастью, он ушел из жизни в год переезда в Таллинн), милая приветливая мама, Вера Дмитриевна, и казавшаяся очень строгой мама Саша с удивительно красиво уложенными на голове волосами, приезжавшие из Тарту или Америки друзья. Для детей устраивались свои праздники и дни рождения, во время «взрослых» встреч у них всегда был свой «стол» с угощениями, в этих случаях наших детишек (их бывало шестеро-семеро, почти все одногодки) занимала Катя, которая была постарше остальных маленьких гостей. Удивительным образом, они никогда не мешали беседе, и Катя тоже могла принимать участие в наших разговорах. Теплое чувство от этих домашних встреч навсегда останется в памяти.

Новая степень сближения с Леной произошла в 1981 г., когда мне — увы — пришлось привезти ей тяжелую весть о смерти одного из близких людей. Тогда впервые случился долгий, полный откровенности и доверия разговор с Леной, и стало понятно, что с ней можно было обсудить и оставить в тайне самые личные проблемы, в которые не были посвящены другие люди, обрести совет умного и рассудительного человека. Таких разговоров было несколько, и каждый раз я убеждалась, сколь мудры были ее житейские советы.

*Новогодний детский праздник в доме Душечкиных-Белоусовых в Таллинне. Новый 1983 год.
Фото из архива С. К. Кульюс*

Было еще одно невероятное вмешательство Лены в мою судьбу. Осень 1982 года. В ученом совете в тот день предстояли защиты кандидатских диссертаций учеников Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц. За два часа до заседания Совета обнаружилась пропажа одного из отзывов на мою работу. Бездна была полная: полномочия ученого совета по распоряжению из Москвы прерывались буквально через три дня, а резкое неприятие кафедры, связанной с именем Ю. М. Лотмана, со стороны властей не предвещало его открытия в ближайшие пару лет. Я приняла ситуацию как неизбежность и пошла на защиту Любы Киселевой, которая по плану была перед моей. Я не имела ни малейшего представления о том, какие невероятные события происходили за дверями зала Ученого совета. Оказалось, что Лена обладает фантастическим умением предпринять единственно возможное спасительное действие в такой «гибельной» ситуации. Вместе с моей подругой, Ларой Петиной, не ограничившись сочувствием, они предприняли совершенно титанические усилия, чтобы переломить ситуацию: добежали до почты (благо в Тарту все — «за углом»), связались с Даугавпилсом и, не застав там Ф. П. Федорова, подписавшего отзыв от лица своей кафедры, чудом отловили его в Ленинграде и вновь дозвонились до латвийской кафедры. Отзыв был застенографирован и перепечатан. И все это — за время происшедшей в зале Ученого совета защиты! В перерыве в «предбаннике» зала заседаний, когда я больше всего боялась совсем расстроиться из-за сорвавшейся защиты, явились ко

мне мой «ангел-хранитель» и милая Лара, обе с торжественным и победоносным видом и копией злополучного отзыва. Стоит ли говорить, с какой горячей благодарностью я вспоминаю об этом!

Между тем в стране происходили процессы, которые привели к тому, что многие из наших друзей оказались в разных городах и странах. Русская интеллигенция в Эстонии в большинстве своем поддерживала восстановление независимости Эстонии, но нарастающие националистические настроения привели к тому, что часть ее уехала или намеревалась покинуть республику, видя в происходящем в это время проявление все того же «совка», от разных сторон которого было тошно и задолго до перестройки. Было件нятно, что нужна была целая череда лет для того, чтобы Эстония вышла из этой исторической полосы. Саша и Лена приняли решение переехать в Ленинград. Оба обрели там серьезную и обширную научную среду и многое сделали для развития отечественной науки. В частности, Лена стала профессором Санкт-Петербургского университета, автором ряда книг и успешным лектором ряда университетов США и других стран.

В последующие годы, оказавшись в разных странах, мы виделись очень редко и пересекались лишь в Facebook'е. Но, как и прежде, я с интересом знакомилась с новыми ее книгами, а некоторые получила и в подарок: «Чудо рождественской ночи», «Русская ёлка: история, мифология, литература» и «Светлана. Культурная история имени» (готовя эту книгу, Лена расспрашивала и меня, почему мои родители выбрали именно это имя).

Самые последние наши переключки касались — увы — грустных вещей — смерти ее двоюродного брата Игоря Фоменко, скоропостижного ухода из жизни Зары Григорьевны (потрясенная этой внезапной смертью, Лена горевала, что не написала воспоминаний о ней).

Обэриутскими шутками («чтоб ножка не увяла и мы совместно с ней») обменялись мы, когда почти синхронно у нас возникла проблема с ногой. О другой, еще более тяжелой ситуации с ее здоровьем, я, уехавшая в Германию и потерявшая широкий круг общения, тогда не знала...

К сожалению, не удалось мне и проститься с Леной. Но она была и остается частью моей жизни, и с ней связаны только светлые, ничем не омраченные воспоминания.

Ирина Белобровцева

ПОСЛЕДНЯЯ И ПРЕКРАСНАЯ МОГИКАНКА

Еще прежде, чем мы познакомились (я и не помню, как это произошло), мне запало в память и душу стихотворение Светлана Семеновича. Мы с моим будущим мужем Виталием Белобровцевым решили, что в газете Тартуского университета «Tartu Riiklik Ülikool» должна быть русская страничка. Именно на одну из этих страниц принес Светлана свое стихотворение «Элегия» со слегка претенциозным посвящением «Элен Д.»:

Потому, дорогая моя, что глядишь истуканом
иступлённо, и долго, и дольше, чем в силах моих
(о молчальница! о могижанка! привет могижанам!), –
существуй, существуй среди нас,
остроумных, веселых, живых!

Завораживал сам ритм; помнится, я даже привела эту строфу как пример пяти-стопного анапеста на лекции по Введению в литературоведение. Но не один только ритм — казалось бы, противопоставление истукана и веселых, остроумных, живых людей рисует этого самого истукана не в самых добрых и радужных красках, но вдруг, как-то исподволь, выяснялось, что нет, это те самые «остроумные и живые» на самом деле плоские и неинтересные, а истукан — сколок какого-то иного, непонятного, но влекущего к себе мира. Так что автор вдруг и сам превращался в истукана, и уподоблялся загадочной могижанке Элен Д.:

Потому, дорогая моя, и стою истуканом
иступлённо, и долго, и дольше, чем в силах моих.

И, когда мы уже были знакомы, и знакомы хорошо, как-то однажды, глядя на задумавшуюся Лену Душечкину, я вдруг вспомнила эти строки и «расшифровала» посвящение, и оценила филигранную точность описания. И еще позже даже пожалела, что Светлана Семеновича в сборнике стихов 2008 года изменил загадочное посвящение на простенькое «Посвящается Елене».

Природу памяти визуально уместно представлять пунктиром — мы помним куски, фразы, жесты, фрагменты диалогов. Из всего этого человека не сложить, но — странным образом — представить его можно. И те отдельные моменты, которые

я хочу здесь описать, — это, само собой разумеется, не Елена Владимировна Душечкина *per se*, но кое-какие штрихи, в свое время удивившее и запомнившееся.

Через некоторое время после того, как нас с мужем в 1975 году выгнали с работы в Таллиннском педагогическом институте за «хранение и распространение антисоветской литературы», туда пришли работать Лена и Саша, Александр Федорович Белоусов. К пединституту принято было относиться снисходительно, русскую филологию там только-только восстановили после ее долгого прозябания в нетях. Мы изо всех сил старались придать ей черты тартуской школы, которую прошли сами, и то, что на наших местах будут работать «наши», тартуские люди, нас порадовало.

Правда, сам институт мы обходили стороной, не приходили даже на отличные конференции, которые организовывали Лена и Саша, собирая сильных филологов со всего Союза (в ту пору иностранные гости как-то не предусматривались). Просматривая сейчас сборники тезисов и статей по материалам тех конференций, чьи только имена не найдешь там: В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, М. М. Гиршман, Б. О. Корман, Н. Д. Тамарченко, Ю. В. Шатин, В. С. Белькинд, Р. Д. Тименчик, Г. А. Левинтон, В. С. Баевский, Е. А. Маймин, К. Г. Исупов, В. А. Сапогов, Ю. Г. Цивьян, М. Б. Ямпольский (не говоря уже о Ю. М. Лотмане).

Мы встречались вне стен института — к примеру, Лена затеяла домашнее обучение своих детей и детей друзей и знакомых: преподаватели педа и просто интересные люди приходили к ним домой и читали лекции или рассказывали о своей работе. Это было интересно и детям, и нам: сумеем ли рассказать, будет ли им интересно, да и вообще — что это дает?

Нам дарили свои книги и Лена, и Саша. И святочные рассказы мы читали своим детям по книжечке «Русская календарная проза: Антология святочного рассказа» с подзаголовком «Учебные материалы по спецкурсу». Позже спецкурс разросся в три монографии: «Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы» (над составлением, примечаниями и вступительной статьей к этому «Чуду» Лена трудилась вместе с Хенриком Бараном), «Петербургский святочный рассказ» и «Русский святочный рассказ: становление жанра». Нашу книжечку открывала надпись: «Дорогим друзьям Ирине и Виталию с чадами — для чтения на сон грядущий». Иронию этой надписи мы оценили только тогда, когда младшее «чадо» перестало вовремя засыпать, ужасаясь происходящему в некоторых рассказиках.

С 1986 года, в начале перестройки, я вернулась в пед — это был «утешительный заезд» (растянувшийся на 35 лет). И мы с Леной и Сашей оказались коллегами, работающими на одной кафедре — русской литературы. Это была нормальная студенческая (и преподавательская) жизнь. Один из самых памятных мне моментов — какой-то, их было немало — вечер посвящения первокурсников в студенты. На нем Лена выступала со свойственной ей необыкновенной артистичностью и так называемым «бесстыдством», каким вообще-то должны обладать все преподаватели на свете — не стесняться, не стыдиться того, что тебе нужно что-то продемонстрировать, а выходить, как выходит актер на сцену. Так вот, задание для студентов там было простенькое: опознать, о каком произведении или герое произведения идет

речь. И вот тут вышла Лена, прямая, стройная, горделивая, сделала три шага и словно бросилась куда-то вниз (и это — на ровном полу институтской аудитории), что-то такое прижимая к груди — и распростерлась на полу, бездыханная, вытянув далеко вперед одну руку и все еще прижимая что-то к груди второй рукой. — Кто это? — спросили студентов. Молчание было нам ответом. И вдруг одна умница робко сказала: «Может быть, это Анна Каренина? С сумочкой? Бросается под поезд?» Нужно было видеть Лену — она ликовала: всё удалось, всё верно, всё так.

Она вообще обожала шарады, показы, вопросы — всё, что требовало мгновенной реакции, умения разгадывать, преображать скучную реальность выдумкой. В какой-то дружеской компании, сооружая шараду «Пуанкаре», она умудрялась сразу изображать и выстрел из допотопных ружей — «Пу!», и самолет «АН», и каре каких-то гвардейцев.

Всё это мне припомнилось много позже, когда Лена уже успела не раз побывать в Америке с лекциями по русской литературе. «Это невозможно! — жаловалась она. — Как можно объяснить им “Евгения Онегина” — “В избушке распевая, дева / Прядёт, и, зимних друг ночей, Трещит лучинка перед ней”?» И начался театр, пантомима: вот некто, ну, например, «на дровнях мужичок», едет на лошадях в лес; угадывалось, что там он выбирает дерево, пилит, валит его, обрубает сучья; пилой и топором срабатывает чурбачки, разрубает их на поленья, поленья — ножом на щепки, а щепки, вдоль, разрезает на тонкие лучинки; лучинки приносит «деве», она зажигает одну и садится прясть. «Вот, — сказала Лена, возвращаясь в роль рассказчика, — и так чуть не с каждым словом».

Артистичность, с которой Лена всё это проделывала (та самая, которую иногда называли «бесстыдством»), была, пожалуй, врождённой. Именно такой артистизм и нужен был настоящему учителю: ему приходилось не только играть разные роли на лекциях или уроках — ему нужно было представлять перед столькими разными собеседниками, сколько — в нашем случае — студентов сидело в аудитории. И — уметь слушать. И — не подавать вида, что тебе уже что-то рассказали, чего ты не должен бы знать. И — незамедлительно реагировать и давать совет — если попросят, конечно, но ведь просили! И — уметь благодарить за цветы или конфеты (которые приедались и надоедали своей тривиальностью).

А еще она умела удивляться простым вещам. Ну, может быть, не совсем простым — поначалу, даже переехав из Таллинна в Ленинград в 1990 году, Лена часто появлялась у нас на кафедре. И она, и мы этим встречам радовались. Может быть, не только потому, что дружили, но и еще по одной причине. Вокруг всё стремительно менялось — отбрасывались жесткие регуляции, нетерпимость к иному, ненаучественному, мнению, подозрительность. На глазах менялись люди. Появлялись совершенно новые темы — одной из них были ставшие вдруг явью поездки за границу. Лена с очень серьезным видом рассказывала нам об американских нравах и обычаях. Сейчас это вызовет улыбку, если не усмешку, а тогда мы поражались тому, что американские женщины на работе (в перерывах, конечно) рассказывают о том, какой секс был у них вчера или позавчера; тому, что нельзя приходить на работу два дня

поряд в одной и той же одежде — это свидетельство того, что ты не ночевала дома; чтобы, когда мы поедem в Америку (это нам казалось утопией), и кто-нибудь пригласит нас поесть в кафе или ресторан, мы не стеснялись, потому что еда там дешевле всего. Нам важны были эти сегодня смешные и мелкие подробности — это была норма жизни, а мы тогда стояли в очередях с талонами на хлеб, мыло, табак, алкоголь...

И еще одно «пунктирное» воспоминание. Лена умела дружить. Это редкое качество. Дело не в том, сколько подруг у нее было, а в том, как светлело ее лицо, когда она о них говорила. Или, наоборот, как темнело, когда она рассказывала, что у них случилось. Случалось всякое, и она тут же начинала искать, чем помочь, до кого достучаться, как утешить.

В последний раз мы повидались в Питере — она попросила меня быть членом комиссии по защите диссертации ее аспиранта Мариса Медниса на соискание кандидатской степени. Было это в сентябре, кажется, 2018 года. Защита прошла успешно, а после нее мы посидели в кафе с Леной и Сашей, поговорили, повспоминали — словом, порадовались друг другу. И это было в последний раз — электронные письма не в счет. Но и усталая, физически слабая, понимая, что для Мариса это счастливый день, Лена поддерживала в нем ощущение счастья — шутила, вспоминала собственную защиту, воображала его будущее — с обычной для нее человеческой щедростью по отношению к другим.

Татьяна Унт (Котнюх)

О Е. В. ДУШЕЧКИНОЙ

С Еленой Владимировной Душечкиной я познакомилась, еще будучи студенткой. Я поступила в Таллиннский пединститут, будучи уже достаточно взрослым человеком, и поэтому работала на кафедре лаборантом; когда я услышала, что к нам на кафедру придут сразу два новых преподавателя, я с интересом ждала их появления. Почти все наши преподаватели уже давно их знали и говорили о них как о старых добрых знакомых — поэтому, когда они появились, у меня тоже было ощущение встречи с давно знакомыми людьми. Елена Владимировна и ее муж Александр Федорович Белоусов оказались людьми крайне демократичными, интеллигентными и доброжелательными, так что никакой неловкости, стеснения между нами не возникло. Атмосфера у нас на кафедре всегда была очень дружелюбная. Почти все были уже давно, с тартуских времен, знакомы и дружны между собой. Я совсем не помню конфликтов и скандалов. Все старались идти друг другу навстречу и помогать по мере сил.

Елена Владимировна была очень интеллигентным и крайне доброжелательным человеком и коллегой. Она всегда была готова помочь, что-то подсказать и пойти навстречу любой просьбе. В работе кафедры Елена Владимировна всегда принимала деятельное участие. Когда наша кафедра начала проводить литературоведческие конференции, они с Александром Федоровичем всегда составляли свои списки приглашенных и потом принимали самое активное участие в составлении и публикации сборников по материалам конференций. У них были очень широкие и добрые знакомства в научном мире, и многие ученые из разных городов с удовольствием принимали их приглашения приехать к нам в Таллинн и опубликоваться в наших институтских сборниках. Наши конференции были тогда достаточно престижными; они всегда бывали многолюдными и интересными.

Я очень хорошо помню всю семью Душечкиных-Белоусовых. Елена Владимировна и Александр Федорович были большими демократами, и дом был открытым для студентов (не говоря уже о коллегах). Я до сих пор помню большую кухню, где мы обычно сидели и разговаривали. Мое внимание привлекала стоявшая там же на кухне полка с литературными новинками — я даже пыталась у себя дома организовать такую же. Эти посиделки были не только интересными, но и очень полезными. Каждый раз возникало ощущение очень дружной интеллигентной семьи. Иногда

к нашим разговорам присоединялась мама Елены Владимировны, Вера Дмитриевна, и это всегда бывало хорошо и кстати. Я до сих пор помню некоторые из этих встреч.

Елена Владимировна была замечательным человеком. У нее были очень хорошие отношения и с коллегами, и со студентами. Но наши с ней отношения были особыми: она прекрасно знала, что наука — это не мое, и относилась к этому с пониманием. О том, каким ученым она была, напишут другие, а я напишу о ней как о настоящей женщине. Каждый раз, когда она приходила в обновке, я махала руками, закатывала глаза и говорила, что я это не переживу. И вот однажды она пришла в новой юбке, а у меня кто-то был в это время, и я не смогла «упасть со стула» от восторга. Потом еще очень долго Елена Владимировна припоминала мне, что я испортила ей день! Мне кажется, это характеризует ее с другой, но не менее важной стороны: ведь она была не только ученым, лектором, но и женщиной, матерью.

Эльза Флоренская

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНЕ ДУШЕЧКИНОЙ

Е. В. Душечкина. Несомненно, ученый, носивший это имя, оставит свой неповторимый след в истории отечественного литературоведения. Но я хочу вспомнить Лену Душечкину как человека и подругу.

Я знаю Лену с ее двенадцати лет — сначала как младшую сестру моей одноклассницы Тани Душечкиной. Я не часто бывала в доме Душечкиных, но сохранила некоторые воспоминания об этом доме, теплом и уютном. Запомнились спокойные внимательные глаза девочки Лены. После окончания школы мы долгое время не встречались.

Когда я поступила на филологическое отделение Тартуского университета, Лена Душечкина стала моим преподавателем и одновременно, несмотря на долгую разлуку, сразу близким человеком. Сложная ситуация: сложная, потому что я боялась подвести Лену. Дело в том, что с первой же лекции Б. М. Гаспарова я поняла, что я буду заниматься лингвистикой. Сосредоточившись на лингвистических дисциплинах, я не успевала на должном уровне освоить литературоведческие. Лена читала лекции о древнерусской литературе и введение в литературоведение. Экзамен по древнерусской литературе я сдала более-менее прилично, а вот введение... Я отправилась на экзамен, уже к близкой подруге, более чем неподготовленной. На меня смотрели внимательные и спокойно-доброжелательные глаза — не подруги, а преподавателя. Лена помогала мне множеством наводящих вопросов, и в результате я получила почти заслуженную тройку. Это не было снисхождением подруги к подруге, которое меня бы обидело. Это было пониманием моей ситуации и вера в меня и преподавателя, и подруги.

Во время учебы я уже ближе сошлась с Леной, и даже иногда бывала в Эльве, где она с мужем А. Ф. Белоусовым и маленькой дочкой снимали небольшую комнатку.

Закончив учебу в Тарту, я вернулась в Таллинн, а Лена с Сашей остались преподавать в Тартуском университете. В эти годы мы виделись не часто. Но когда семья Душечкиных-Белоусовых перебралась в Таллинн, мы снова встретились, и с этого времени начинается настоящая дружба, точнее, самый интенсивный ее период. Лена с Сашей стали преподавать в Таллиннском пединституте, где в это время служила я. Они стали для меня не только друзьями, но и учителями и коллегами. В их доме я всегда могла найти поддержку в сложных житейских ситуациях, необходимый профессиональный совет, внимание и тепло.

Дом Душечкиных-Белоусовых, однако, стал значимым не только для меня. Он был всегда открыт и для студентов, и для коллег, и, конечно, для всех их и моих друзей. Он стал своеобразным клубом, где всегда в определенные дни собиралось то или иное общество, и где можно было поговорить на темы, волновавшие умы в непростые 80-е годы.

Самым ярким и значительным достижением деятельности Лены и Сашы я считаю открытие детского «университета». Дети и раньше никогда не отделялись от взрослых, но теперь они оказались в центре внимания. Не помню, с какой частотой дети и их родители собирались для слушания лекций, организованных хозяевами дома. Темы этих лекций были в основном филологические. Их простым и ясным языком читали сами хозяева или кто-нибудь из их коллег. Но в качестве лекторов выступали и геологи, и египтологи, а стиховед М. Ю. Лотман однажды явился в роли учителя приемов самозащиты. Чтение лекций, как правило, заканчивалось постановкой разнообразных шарад или игры в «убогонькую» с обязательным участием детей всех возрастов. В этих играх ярко раскрывались артистичность и эмоциональность Лены Душечкиной натуры.

Какой была Лена в это время, в свои 40+ лет? Внешне она была довольно высокой, стройной женщиной, с мягкими движениями рук, с типично русским лицом, которое почти всегда освещалось особой Лениной улыбкой. Одевалась она скромно, но в этой скромности была какая-то скрытая эlegantность. Я пишу так подробно о внешности, потому что Ю. М. Лотман утверждал, что внешность человека, манера одеваться говорят о сути его характера. Мне казалось, что где-то внутри себя Лена хочет некой экстравагантности, но избегает ее, понимая, что экстравагантность не очень сочетается с ее типом внешности.

Лена хотела быть просто женщиной в обычном смысле этого слова, а не только женщиной-ученым. Она также чувствовала это желание в других — в частности, во мне: именно она подарила мне вторые в моей жизни духи, и как она радовалась при этом, видя, что угадала мою сокровенную мечту!

Можно сказать, что в Лене был скрытый неиспользованный потенциал. Вероятно поэтому ее полуулыбка, которую хочется назвать таинственной, на меня производила сильное впечатление. И все же главным в ее внешности были глаза: они лучились, они изливали сочувствие, участие и понимание состояния человека, с которым она в данный момент говорила. Ее отношение к людям, как я уже отмечала, было внимательным, чутким и чрезвычайно тактичным. Она никогда не была слишком категоричной или резкой в своих суждениях и оценках. Если возражала, то мягко и осторожно, хотя, конечно, случались ответы, произнесенные тихим, но твердым голосом. Тактичность Лены не означала, что ей не были свойственны организованность, воля, душевная сила, мужество и готовность противостоять любым испытаниям.

В начале девяностых Лена с Сашей уехали из Эстонии и продолжили свою научную деятельность в Ленинграде. С этого времени мы редко видели Сашу, приезжавшего только на конференции. Зато Лена навещала нас в Таллинне практически каждый год (читала лекции по приглашению), и эти встречи были для нас праздником:

общее застолье, воспоминания, рассказы о том, что произошло за время разлуки, радость общения. Она тогда много ездила и всегда оказывалась в центре внимания, щедро делясь с нами своими впечатлениями об Америке, об изменениях жизни в России, о муже, детях и внуках. О внуках она рассказывала с особой теплотой, описывая их различия во внешности, привычках, характерах, проблемах. Рассказчиком Леночка была замечательным!

Говорят, что люди познаются в беде, но еще вернее они познаются в радости. Разделить радость труднее, а Леночка очень искренне и живо реагировала на наши успехи, если таковые случались. Это — редкое качество! Лена привозила свои работы и с трогательным доверием одаривала нас ими.

Многое можно вспомнить еще — всего не опишешь. Я надеюсь, что мне все же хоть немного удалось выразить очарование и своеобразие натуры Лены Душечкиной.

Розвита Флухер (Roswitha Flucher)

ВОСПОМИНАНИЯ О ЕЛЕНЕ

В сентябре 1983 г., только что окончив филфак австрийского университета, я приехала в Таллинн, бывший тогда столицей Эстонской ССР. Приехала я по международному обмену преподавать немецкий язык в Таллиннском педагогическом институте. Я тогда не хотела ехать в Эстонию, я хотела пожить в России, улучшить свой русский язык, поближе познакомиться с русской культурой, с русскими. А послали меня в Таллинн.

Мои студенты с большим интересом относились к австрийской литературе, говорили со мной на неплохом немецком. Я эстонского языка не знала, в бытовой сфере на мою русскую речь неохотно отвечали. Жила я в студенческом общежитии, все там было нормально, жаловаться было не на что. Но я чувствовала себя одиноко, говорить было не с кем.

Я решила посещать лекции на русском отделении пединститута. Как я там познакомилась именно с Еленой, я не помню, но хорошо помню, как однажды оказалась у нее на лекции по русской литературе XVIII века, и как вдруг эта эпоха, которая до того казалась мне скучной, стала интересной, как открылся новый мир.

Так началась наша дружба. Елена пригласила меня к себе домой, я познакомилась с ее мамой, мужем, детьми, и постепенно ее семья стала моей таллиннской семьей. Это был такой теплый, гостеприимный дом! Я до сих пор удивляюсь, как Елена ухитрялась соединить заботу о семье, о гостях, о доме с такой масштабной научной и преподавательской работой, при этом всегда сохраняя бодрый дух, чувство юмора, открытость к тому, что ее окружало. Она питала меня, молоденькую австрийскую преподавательницу, и физически, и интеллектуально, и духовно. Я прекрасно помню книжные полки, заставленные всякими интересными книгами, и стол, уставленный вкусными блюдами русской кухни, интересные разговоры за столом.

Мы с Еленой ходили в гости к ее друзьям, очень приятным, интересным людям. Она возила меня в Тарту — там я в Тартуском университете слушала лекцию Ю. М. Лотмана, познакомилась с ним. Какое это было открытие для меня! Я практически ничего о нем не знала, и вдруг такое. Короче, Елена открыла мне целый мир, и я очень ей благодарна за это.

После моего возвращения в Австрию в конце учебного года мы время от времени говорили по телефону; я еще пару раз приезжала, сначала в Таллинн, потом в Питер,

где Елена снова стала моим гидом по малознакомому городу. И хотя мы редко виделись, каждая встреча с ней, с самого начала, проходила в такой теплой, сердечной атмосфере, как будто мы встречались каждую неделю.

Я не стала литературоведом, но много лет преподавала русский язык в университете. А моя любовь к русскому языку и культуре по-настоящему развилась в то время, которое я провела с Еленой и ее семьей.

Спасибо за все, Елена!

Татьяна Никольская

ВСТРЕЧИ С ЛЕНОЙ

С Леной Душечкиной я встречалась с конца шестидесятых, в основном в Прибалтике — Тарту, Таллинн, Резекне — на конференциях. В Ленинграде — у себя дома и у Лены Рабинович. В Санкт-Петербурге, куда Лена с Сашей Белоусовым переехали в 1990-м году — в основном на похоронах общих друзей. К себе, в квартиру на улице Добролюбова, где жило пять или шесть человек, Лена приглашала крайне редко. Считалось, что Лене повезло. После двух лет работы в Институте культуры ее взяли на кафедру русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. Работала она по двадцать четыре часа в сутки. Когда общие знакомые из других городов просили меня передать ей какую-нибудь книгу, мы долго договаривались, и всякий раз я заставляла у Лены дома или учителей из провинции, приехавших на семинар, или коллег, решавших какой-то спорный вопрос. Если же у Лены никого не было, она срочно дописывала статью. Поболтать о том, о сем во время вынужденно кратких визитов не удавалось. Ко мне, переехав в Петербург, Лена почти не забегала. Не было времени. Помню, правда, одно исключение. Однажды Лена позвонила и спросила, буду ли я дома в ближайшие часы. На этот раз у меня была срочная работа, и я попросила перенести визит на другой день. Однако вскоре раздался звонок в дверь, и на пороге я увидела улыбающуюся Лену с коробкой пирожных из «Севера». Обычно по телефону Лена больше всего говорила о работе. Во время одного из последних разговоров она объясняла мне, что Университет по международному рейтингу стоит на непрестижном месте, и задача преподавателей — поднять статус СПбГУ хотя бы до четвертой десятки.

«Синим чулком», однако, Лена не была, а только иногда казалась. Помню, как зимой 1988 г. ко мне на один день приехал из Москвы Мераб Костава, прошедший десять лет в лагерях за правозащитную деятельность. Лена в это время гостила у меня — приехала из Таллинна, чтобы заниматься в библиотеке. Мераб произвел на мою гостью такое сильное впечатление, что она не могла встать с места. «Сейчас я уйду», — повторяла она, но оставалась за столом. Мераб, в свою очередь, был поражен, когда узнал, что Лена не только занимается научной работой, но и ведет домашнее хозяйство, печет вкусные пироги. «Интеллектуалка и кулинарка в одном лице, — повторял, он, — это редкий случай, редчайший». История с Мерабом имела

косвенное продолжение. Ленина дочка Катя, студентка, со своими друзьями собиралась отправиться в Тбилиси — отдыхать и продавать молодежную перестроечную газету. По просьбе Лены я сообщила Кате координаты Общества Мераба Костава — сам Мераб осенью 1989 г. погиб в автомобильной катастрофе. Так случилось, что в Тбилиси Кате и ее друзьям действительно понадобилась помощь, и несколько ночей они провели в здании Общества Мераба Костава.

До переезда в Петербург Лена с конца семидесятых работала на кафедре русской литературы Таллиннского педагогического института. Она была одним из инициаторов выпуска в институтском издательстве сборников учебных материалов по истории литературы и преподаванию литературного чтения в эстонской школе. В этих сборниках под скромной обложкой помещались почти «непроходные» в Советском Союзе работы М. Л. Гаспарова, В. Н. Топорова и других ученых, приезжавших в Таллинн (кажется, за исключением почти не выезжавшего из Москвы В. Н. Топорова) на конференции, которые кафедра регулярно устраивала. Могу удостоверить, что организация была превосходной. Мы жили в отеле в Пирита на берегу моря. Жизнь конференции продолжалась до поздней ночи. Помню только один сбой. Конференция, проходившая в ноябре 1982 г., совпала со смертью Леонида Брежнева. В день похорон ресторан в гостинице был закрыт по случаю траура. Магазины в шаговой доступности не было. Помню, как голодный участник конференции Гаррик Левинтон стучал в закрытую дверь ресторана. Ему открыли не сразу, а в ответ на требование покормить сказали, что по такому поводу можно потерпеть. Диалог на этом был закончен.

На другую конференцию я смогла приехать только на один день, поэтому не была включена в список. Мы ужинали в «Лисьей норе» — ресторане неподалеку от железнодорожного вокзала. Лена села со мной рядом и следила, чтобы моя тарелка была полной. Как-то раз после заседаний Лена пригласила несколько человек к себе в гости. Ее мама, Вера Дмитриевна, угощала очень вкусными домашними сдобными сухариками, рецепт которых я тут же переписала. Лена рассказала, что организовала детский университет, занятия которого проходят в ее квартире, а лекции читают ее друзья-филологи. Мне она предложила прочесть лекцию об обэриутах. Выбрали дату. Дорогу оплатили родители слушателей. Я волновалась и, кажется, ограничилась пересказом мемуаров Бехтерева.

Вместе с Леной мы ездили в Таллинн на конференцию памяти Рейна Крууса, исследователя Игоря Северянина. Это было в начале 1990-х. Помню, как петербуржцы стояли в большой очереди, чтобы проголосовать за Ельцина. Мой коллега Бенгт Янгфельдт подарил на прощание фляжку с хорошим виски. Купить этот напиток в Петербурге было затруднительно. Естественно, в купе я продемонстрировала фляжку Лене и объяснила ее происхождение. Лена среагировала неожиданно: «Как можно дарить женщине спиртное?»

Мы встречались с Леной и на Тыняновских чтениях в Резекне, проводимых благодаря энергии Мариэтты Омаровны Чудаковой. Темы наших занятий с Леной не совпадали, но доклады друг друга мы внимательно слушали. Помню, как после моего

доклада о Юрии Юркуне Лена подошла и сказала: «Так ты о многих из нас напишешь». Мне было интересно узнать о рецепции «Повести о Фроле Скобееве» в опере Т. Хренникова «Фрол Скобеев» и повести Евгения Лукина «Там, за Ахероном». Кстати, последнее издание книги Лены Душечкиной «Повесть о Фроле Скобееве. История текста и его восприятия в русской культуре» было выпущено в 2018 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Юолукка», в котором выходили и мои книги. Сближал нас и интерес к формальной школе.

В Лене меня удивляло сочетание мягкости и строгости, доброты и требовательности. Эти особенности бросились в глаза еще при наших первых встречах в Тарту на студенческих конференциях. Помню, как в один из первых, если не в первый приезд в Тарту, Лена вместе с Ромой Тименчиком писала на доске мелом строки:

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Рома собирался анализировать этот текст, а заодно проверить, знают ли студенты автора, а Лена весело смеялась — видимо, у нее были свои ассоциации, связанные с этим стихотворением. Если я ничего не путаю, после заседания мы пошли к Лене в гости. Она жила в Тарту вместе с младшей сестрой Ирой. Лена уже училась в аспирантуре у ЮрМиха, а Ира была студенткой младших курсов — помню, они всюду ходили втроем с Саней Рейфманом и Никитой Охотиным. Как только мы вошли в квартиру, Ленино благодушие сменилось раздражением. Она стала ругать сестру за какую-то хозяйственную провинность. Такую строгость по отношению к младшей сестре я наблюдала неоднократно. Другой отличавшей Лену чертой была ответственность за окружающих. Она следила, чтобы наши веселые посиделки не переходили определенные границы, некую опасную черту. Одновременно она и сама принимала участие в веселье. Запомнилось, как в Резекне мы сидели в холле одноименной гостиницы небольшой компанией с Мариэттой Омаровной и Леной, беседовали, попивали вино и по очереди раскачивались в единственном кресле-качалке. Когда в кресле стала качаться Мариэтта Омаровна, Лена подошла, приостановила качалку, сказала: «Это может плохо кончиться» — и удалилась. К ее словам прислушались.

Хотелось бы закончить мои обрывочные заметки еще одним сюжетом — историей переписки Лены с автором книги стихов «От Волги до Эльбы» Юрием Дубасовым. В 1966 г. этот сборник стихов вышел в издательстве Вильнюсского гарнизонного Дома офицеров с предисловиями генерал-майора запаса И. Панкина и А. Прокофьева тиражом 500 экземпляров, в продажу не поступал, а дарился автором тем читателям, которые посылали ему свои фотографии. О существовании этого поэтического сборника многие читатели узнали из журнала «Крокодил»: заинтересовались образцами текстов, таких, например, как:

Суворов с детства закалялся
(Он знал, что ждет его война).
Водой холодной обливался,
Спал у открытого окна.

— и написали автору письма, а в ответ действительно по почте получили сборники, в которые были вклеены фотографии адресатов и посвященные им стихи. Обладательницей «От Волги до Эльбы» стала и Лена Душечкина. А вот что она писала Дубасову и как отзывалась о его стихах, я не помню. Может быть, сообщат члены Лениной семьи?

Татьяна Кабинетская

ПАМЯТЬ ЖИВА

С Еленой Владимировной Душечкиной я была знакома в течение довольно длительного времени. Мы с мужем, В. А. Сапоговым, бывали в гостях в их гостеприимном таллинском доме, а они с мужем, их сын приезжали в гости к нам в Псков. Речь шла даже о переезде их семьи в Псков, но, к нашему большому сожалению, обмен не состоялся. После переезда семьи Елены Владимировны в Санкт-Петербург мы продолжали встречаться, ездить друг к другу в гости. Атмосфера их петербургского дома всегда была теплой и дружественной.

Елена Владимировна дарила нам свои замечательные книги, которые мы с мужем очень ценили. Они были востребованы и студентами, и поэтому, к сожалению, не все возвращались в нашу библиотеку, так что некоторые ее книги мы уже покупали сами, чтобы просто всегда иметь их под рукой. Она была настоящим филологом, умным, знающим, и мы ждали ее работы, которые всегда были интересно и четко написаны.

И конечно, мы часто встречались на различных конференциях. Доклады Елены Владимировны всегда были живыми, вызывали заинтересованное обсуждение, и мы радовались, когда удавалось встретиться и в других городах, послушать ее выступление. Не могу не вспомнить эпизод на одной такой конференции, где она, как всегда, блестяще выступила. У меня тоже был доклад, и мы в кулуарах обменивались впечатлениями. Я была в восторге от услышанного, говорила ей комплименты совершенно искренне и робко спросила, что она думает о моем выступлении, потому что чувствовала, что сама я тему не очень-то дотянула и выглядела в целом слабовато. Елена Владимировна чуточку помолчала, как бы обдумывая ответ, а потом очень ласково и тоже искренне сказала: «Таня, ты выглядела прекрасно!» И мы дружно и весело расхохотались, потому что все было понятно: она имела в виду не мой доклад, а новый прикид, как теперь говорят, и таким образом не кривила душой, а я насколько не была обижена, так как она все-таки выразила свою оценку моего доклада, ничего при этом про него не сказав. Ее деликатность была какой-то врожденной, естественной.

Но все же еще больше Елена Владимировна запомнилась мне как человек чуткий, очень внимательный и отзывчивый. Возвращаясь как-то раз с конференции, мы ехали вместе на поезде, но в разных вагонах. Я переживала серьезные личные

проблемы, и хотя ничего не говорила, Елена Владимировна явно заметила мое состояние. Она увела меня в свое купе, и мы проговорили полночи. Ее умение выслушать, понять и успокоить было потрясающим. Она не давала каких-то важных советов, не учила жить, но могла объяснить, просто и без навязчивости, что трудности такого рода бывали и у нее, да, пожалуй, и у каждого человека. Этот разговор для меня был просто спасительным, помог пережить трудный момент, и в моей памяти Елена Владимировна осталась вот таким человеком, который может помочь в трудный час и спешит это сделать.

Конечно, ее книги останутся с нами, но когда уходит такой светлый и красивый человек, это невосполнимо.

Милена Рождественская

ПРОСТО ЛЕНА

Елену Владимировну Душечкину я увидела впервые в свои аспирантские годы на научном заседании в Отделе (Секторе) древнерусской литературы Пушкинского Дома. Точной даты назвать не могу, но скорее всего, это было между 1969–1971 гг. По приглашению своего научного руководителя Дмитрия Сергеевича Лихачева Елена Владимировна читала доклад, кажется, о функциях прямой речи в «Повести Временных лет»¹. Она начинала свою научную деятельность как «древница». Тогда я узнала, что Елена Владимировна — ученица Ю. М. Лотмана в Тартуском университете и живет в Эстонии.

В те годы имя ЮрМиха (как называли Лотмана все его ученики) было в научной среде на слуху, как и его увлекательные новаторские работы по структуре поэтического текста, а сборники Ученых записок Тартуского университета сразу же становились библиографической редкостью. Но при этом немалая часть академической среды, в основном представители марксистского литературоведения, не принимала новейших структуралистских работ тартуско-московской семиотической школы. Дмитрий Сергеевич Лихачев, напротив, был в них заинтересован и как ученый широких научных взглядов пригласил молодую Елену Владимировну, свою аспирантку, выступить в возглавляемом им Секторе, славившемся своими источниковедческими и текстологическими трудами. Доклад Елены Владимировны, опиравшийся на лексико-семантические и лингвопоэтические наблюдения над древнерусскими летописями, был принят с большим интересом, но довольно сдержанно. Удивило выступление А. М. Панченко, который почему-то не принял тогда выводов доклада Е. В. Душечкиной и даже сказал по этому поводу что-то резкое. Что, впрочем, не помешало впоследствии установиться их вполне доброжелательным отношениям и подружиться семейно. А. М. Панченко выступил также официальным оппонентом на защите докторской диссертации Елены Владимировны в СПбГУ.

В конце 1980-х и начале 1990-х гг., когда мы все старались «подработать», читая лекции в разных учебных заведениях, я, кроме СПбГУ, читала лекции по древнерусской литературе и литературе XVIII в. в Институте культуры им. Н. К. Крупской,

¹ В 1973 году Е. В. Душечкина защитила кандидатскую диссертацию «Художественная функция чужой речи в Киевском летописании».

бывшем Библиотечном (а в просторечии «Кульке»), ставшем затем Санкт-Петербургской государственной Академией культуры, а позже Санкт-Петербургским государственным Университетом культуры. Я помню, как встретив меня идущей по Дворцовому мосту через Неву из Университета в Институт культуры, Елена Владимировна спросила меня, как я живу. На что я с усмешкой ответила: «Я живу на Дворцовом мосту», — на что она сразуотреагировала: «Да ведь это стихотворная строчка!».

В 1998 году по приглашению тогдашнего заведующего кафедрой истории русской литературы СПбГУ проф. А.Б. Муратова я окончательно перешла в Университет, а лекции в Университете культуры и искусств стала читать Е.В. Душечкина, к тому времени переехавшая с мужем, известным ученым-фольклористом А.Ф. Белоусовым, из Таллинна в Петербург. Мы часто встречались с ними в Пушкинском Доме, в Древлехранилище имени В.И. Малышева, известного собирателя, археографа и ученого, создавшего это Древлехранилище. Е.В. Душечкина и А.Ф. Белоусов участвовали в разное время в археографических и фольклорных экспедициях и интересовались рукописными находками в Латгалии и на Русском Севере. Они оба органично вошли в нашу компанию археографов-древников, и нередко мы засиживались в Древлехранилище, вспоминая Владимира Ивановича Малышева, особенно в дни проведения ежегодных научных Малышевских Чтений. Елена Владимировна регулярно приходила и на заседания Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Но наше общение этим не ограничивалось. Когда она появилась на нашей кафедре истории русской литературы филологического факультета в качестве доцента, я очень обрадовалась. Наш факультет не был для Елены Владимировны совсем чужим. Как уточнила дочь Елены Владимировны Е.А. Белоусова, в тогдашний ЛГУ она поступила осенью 1960 г. на заочное отделение, но через два года перевелась в Тартуский университет и в 1966 г. закончила его как ученица Ю.М. Лотмана. Во время обучения в аспирантуре в Тарту у Елены Владимировны был внешний научный руководитель — Д.С. Лихачев.

С первых моих встреч с Еленой Владимировной было понятно, какой это интересный, глубокий и душевно близкий человек, обладающий не только острым умом, но и мягким чувством юмора. Она производила впечатление свободного человека, да, по сути, она такой и была. В ней чувствовалась большая духовная сила, и я перед ней поначалу немного робела. Ее встретили доброжелательно, и вскоре она защитила в СПбГУ докторскую диссертацию «Русский святочный рассказ: Становление жанра». Научные интересы Елены Владимировны немного изменились в сторону литературы и культуры XIX и отчасти XX века, но все же однажды она выступила в Пушкинском Доме в роли «древницы» на очередных Малышевских чтениях с докладом «Зеркала Индийского царства», который затем как статья был опубликован в сборнике к 70-летию юбилею В.Н. Топорова².

² Душечкина Е.В. Зеркала Индийского царства // Полóтрогов. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 521–529.

Ее преподавательская нагрузка в университете была в течение многих лет и до самого конца большой и разнообразной: она читала общие лекционные курсы по разным периодам русской литературы XIX века, по ее поэтике, читала спецкурсы и проводила семинары, например, по творчеству Л. Н. Толстого, участвовала в большом академическом проекте по изданию и комментированию собрания сочинений Н. С. Лескова. Я называю далеко не всё. Много сил Елена Владимировна отдавала аспирантскому семинару, призванному научить аспирантов самостоятельной исследовательской работе, умению ее планировать, выбирать правильную методику исследования, составлять библиографию по выбранным темам, писать историографические обзоры и т. д. Надо учесть, что в этом семинаре занимались аспиранты не только отечественные, но и иностранные, и каждый готовил диссертацию по своей выбранной теме, у каждого был свой научный руководитель и свой научный интерес. Елене Владимировне приходилось вникать во все разнообразие русской литературы XVII–XVIII–XIX столетий. Она очень тщательно следила за тем, чтобы занятия семинара проходили регулярно, чтобы к ним все участники готовились, заранее прочитывали разосланные материалы для обсуждения и непременно выступали с замечаниями или вопросами. На этих занятиях, как мне не однажды пришлось наблюдать, всегда было интересно.

Точно так же проводила Елена Владимировна и дипломантский семинар. Мне довелось однажды разделить с ней эти занятия, поскольку дипломантов было в тот выпускной год очень много. И я, до тех пор не занимавшаяся подобной работой, училась у Елены Владимировны, наблюдая за тем, как аккуратно, спокойно, строго и одновременно доброжелательно она ведет эти занятия. Как она всегда помнит, кто из студентов-дипломантов над какой темой работает и на каком этапе находится его работа. Эти занятия рядом с Еленой Владимировной очень многому меня научили для дальнейшего собственного руководства выпускными работами наших бакалавров и магистрантов, за что я ей очень благодарна. Впоследствии она направляла ко мне своих студентов, желающих продолжать курсовую и дипломную, или, как теперь принято писать на нашем университетском новоязе, выпускную квалификационную работу (ВКР) по древнерусским темам. Так, одна из студенток продолжила давние наблюдения Елены Владимировны над функциями прямой речи в русском летописании, обогатив их современным подходом к лингвопоэтической стороне летописного текста. Двое других были весьма достойными ученицами Елены Владимировны, и мне не пришлось преодолевать трудности в работе с ними, впоследствии удачно защитившимися.

Елена Владимировна также доверила мне написать рецензию на свою книгу о «Повести о Фроле Скобееве» — сочинении конца XVII — начала XVIII века для нашего университетского издательства³. Это была расширенная по сравнению

³ Душечкина Е. В. Повесть о Фроле Скобееве. История текста и его восприятие в русской культуре. СПб., 2018. Ранее ею были изданы работы: Душечкина Е. В. Стилистика русской бытовой повести XVII века (Повесть о Фроле Скобееве): Учебный материал по древнерусской литературе. Таллин, 1986; Душечкина Е. В. Стилистика «Повести о Фроле Скобееве»: Литературный и историко-культурный аспект. Учебное пособие. СПб., 2011.

с предыдущей учебной монографией и обращенная к новым аспектам историко-филологического знания работа, основанная на большом историческом и документальном материале. Я прочитала ее с огромным интересом и с радостью дала рекомендацию монографии к печати.

Каждая из встреч с Еленой Владимировной, к сожалению, в последнее время случавшихся не так часто, как хотелось бы, приносила радость. На заседаниях нашей кафедры ее присутствие было весомым. Когда обсуждались различные административные вопросы, особенно вызывавшие споры, Елена Владимировна всегда предлагала очень трезвое решение, переводя наши слишком бурные эмоции в другой, более спокойный регистр. Приходилось также нам вместе с ней участвовать в государственных комиссиях по приему кандидатских и аспирантских экзаменов, и для меня это было всегда радостно. Ее присутствие вселяло уверенность и доброе приятие жизни, хотя в последние годы ей самой пришлось много болеть и страдать физически. Мы как-то без слов понимали друг друга, во всяком случае, мне хочется так думать. На экзаменах Елена Владимировна старалась помочь каждому отвечающему, убедить, что тот напрасно волнуется: ведь если готовился к экзамену, то сейчас все вспомнит. Ее вопросы были нацелены на то, чтобы разбудить ассоциативный ряд у экзаменуемого, и это ей часто удавалось.

Очень не хватает такого человека, такой коллеги рядом. С ней можно было с интересом говорить о многом, не только о наших преподавательских делах — но и о современной жизни в целом, современной литературе, о разных краях, где побывали, о семье, детях и внуках, которых она обожала, даже о чем-то дамском, например, о новом платье или украшении. Она знала в них толк и сама всегда одевалась элегантно и со вкусом. Это были не пустые, чисто бытовые разговоры. За ними стояла большая человеческая культура Елены Владимировны, проявлявшаяся в негромком, чуть хрипловатом голосе, в ее выразительных тонких руках и жестах, в проникновенном свете светлых глаз, в подкупающей своей добротой улыбке, даже в мимолетной реплике.

Я благодарна Елене Владимировне за то, что она и ее муж Александр Федорович Белоусов, интеллигентный, мудрый и очень скромный человек, встретились на моем профессиональном и жизненном пути. Помню, как много лет назад я, узнав о тяжелой болезни своего мужа и озабоченная этим известием, случайно встретила на Менделеевской линии Александра Федоровича, и он двумя-тремя утешительными фразами как-то сразу меня успокоил, вселил оптимизм. Хотя мы не были тогда близко знакомы, пишу об этом, потому что он и Елена Владимировна остаются для меня, даже после ее ухода, единым целым. Всем известно, как заботилась Елена Владимировна о его здоровье, преодолевая собственные недуги, не теряя мужества и надежды. В моей жизни и среди коллег мне ее очень не хватает. Она останется в памяти такой — всегда открытая к встрече, к интересному разговору Елена Владимировна Душечкина, а для меня — просто Лена.

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ТРИ ВЕКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»
И НЕ ТОЛЬКО

«Ваш мобильник у меня есть со старых времен...»

(из письма Е. В. Душечкиной В. В. Яковлеву)

Энциклопедия «Три века Санкт-Петербурга» имеет давнюю и совсем не простую историю. В неё оказались вовлечены сотни людей, специалистов самого разного профиля, интересов, взглядов, имеющих особые представления о, казалось бы, очевидных темах, причём иногда противоречащие друг другу и даже взаимоисключающие. Одних только авторов у нас было более 900 (девятисот)! И со всеми надо было говорить, обсуждать конкретику, учитывать их особенности, договариваться...

Создавалась энциклопедия на филологическом факультете СПбГУ, поэтому темы, связанные с историей литературы, должны были быть представлены достойно. Благодаря Петру Евгеньевичу Бухаркину, с первым томом («Осьмнадцатое столетие») в этом отношении все сложилось удачно, хотя порой, с моей субъективной точки зрения, — с некоторым избытком. Всё-таки энциклопедия ставила своей целью полноценно осветить все стороны истории нашего города, жизни горожан, тот вклад, который Петербург внёс в развитие России. Но в целом, кажется, ситуацию общими усилиями удалось уравновесить, и две эти книги давно заняли достойное место в научно-справочной литературе (причем не только посвященной Петербургу).

Однако при работе с последующими томами, рассказывающими о Петербурге XIX века, возникли сложности, причем касались они не только адекватного отражения литературно-филологических сюжетов. Последнее, действительно, вызывало споры, причем мнения и суждения их участников иногда бывали настолько противоположными (а порою и странными), что приходилось при принятии решений забывать о демократии... Важным и во многом определяющим был вопрос о том, кто и как будет делать эти тома. Желающие были. Не буду упоминать фамилии (люди в основном достойные), но понимание того, что и как следует делать в каждом конкретном случае, порой отсутствовало напрочь (не говоря уже об амбициях, которые могут загубить самый достойный проект). Для меня же при установлении сотрудничества главным было почувствовать (а через это и понять), свой ли это человек для энциклопедии. Большое значение для успешной работы имело создание на факультете в 2002 году Энциклопедического отдела, главной (но далеко не единственной) задачей которого была организация работы по созданию и изданию энциклопедии.

В редколлегии энциклопедии, в которую были приглашены профильные специалисты, было установлено: каждый отвечает за свой раздел. Понятно, что в реальной

Члены редколлегии энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга. Девятнадцатый век» и сотрудники Энциклопедического отдела. Е. В. Душечкина сидит в центре. Филфак СПбГУ, 2010. Фото из архива В. В. Яковлева

жизни не всегда все получается так, как планировалось. Кто-то предлагал исключительно свои статьи, кто-то — статьи своих друзей и товарищей, причем не только для своего раздела. Иные просто уходили в «несознанку», интересуясь лишь скромной оплатой их т. н. работы и наличием их фамилии в издаваемых томах. Тем не менее, удавалось всё как-то решать, за исключением одного: не было адекватного ответственного за «филологический» раздел. Главных задач у такого ответственного было всего три: формирование словника, привлечение авторов и вычитка их статей. Но эти «всего три» обязанности включали в себя огромный объём работы, без исполнения которой ничего не могло быть сделано.

Несколько раз я говорил тогдашнему декану Сергею Игоревичу Богданову, что ситуация несколько сюрреалистична: историков самого что ни на есть широкого профиля, искусствоведов, музейщиков, архивистов, краеведов, даже медиков, сотрудников самых разных служб и ведомств я нашел, все уже пишут статьи, а на филфаке относительно литературно-филологического раздела — полный... (как бы это сказать литературно?)

И вот после ряда таких экстремальных фраз с моей стороны в 2005 году получаю звонок — дескать, поговорите с Еленой Владимировной Душечкиной. Думая о нашем последующем общении, я вспоминаю т. н. лингвистическую библиотеку

Павла Анатольевича Клубкова, которая долго кочевала из помещения в помещение, из подвала — в еще более глубокое подполье. После того, как филфак заполучил здание на 10-й линии, д. 49, недавно покинутое каким-то училищем, одним из первых на втором этаже, полностью захламленном всякими бумагами, документами, реляциями, списками, усыпавшими все помещения и частично коридоры, появился я со своим отделом — а рядом разместилась как раз эта самая библиотека. Вот там-то мы с Павлом Анатольевичем и Еленой Владимировной, которая заходила к нему в гости, тогда и общались.

Хорошо помню свой первый разговор с Еленой Владимировной об энциклопедии. Понимаю, что она была в какой-то степени вынуждена это сделать (декан убедительно попросил). Вначале это хорошо чувствовалось. Сразу сказала дежурные слова, что, мол, работы у меня много, я занята и проч., но если чем-то могу быть полезна, то готова, коли декан попросил и т. д. Мне сразу стало всё ясно: с таким человеком надо быть искренним и общаться прямо. И разговаривать надо не казенно («исполняем поручение начальства»), не канцелярски-бюрократически (цели, задачи, сроки, отчеты) и, тем более, не сухо-отстраненно («много вас тут ходит»), а донести своё понимание её роли и показать готовность сделать так, чтобы и беспокойство было для нее минимальным, и чувствовалась бы моя благодарность за делаемую ею работу. Что я и сделал с большим удовольствием — и сразу получил в ответ славную, добрую, искреннюю реакцию. Так началась работа Елены Владимировны в составе редколлегии, которая продлилась вплоть до завершения «Девятнадцатого века», до 2011 года.

Всякое было потом. Как человек ответственный, Елена Владимировна не могла проигнорировать недочеты или переложить на других составление словника для каждого тома (а это ой как непросто). Не говоря уже о самом сложном и порой вязком — привлечении авторов и работе с ними. Последняя задача — самая энергоёмкая и времязатратная, порой с непредсказуемым исходом. Елена Владимировна всё это понимала и старалась эту непредсказуемость свести к минимуму. Не считаю возможным упоминать фамилии, но уверен, что в конце никто в обиде не остался. Хотя, повторяю, не так всё было просто.

Для меня самое главное — доброе общение: через это всё родится, всё проявляется. В этом отношении у меня остались о Елене Владимировне самые добрые воспоминания. В какой-то момент мы переехали со второго на четвертый этаж всё того же здания. С Павлом Анатольевичем встречаться стало сложнее: его книги опять куда-то увезли (впрочем, жил он рядом, поэтому порой заходил). Наши встречи с Еленой Владимировной часто бывали спонтанными: «Я рядом, если Вы на месте — зайду», «Вышла с факультета, могу заглянуть», «У меня книжка припасена, хочу подарить»... В сентябре 2013 года она мне писала: «Очень хочу и встретиться с Вами, и получить в подарок обещанную Вами книгу. Однако думаю, что это будет не ранее возвращения из Вильнюса (23 сентября), когда я надеюсь немного освободиться. И тогда, предварительно сговорившись с Вами, приеду на 10-ю, чтобы посидеть спокойно».

О книгах несколько слов. В очередном разговоре выяснилось, что рядом находится моя сотрудница по имени Светлана. А у Елены Владимировны как раз незадолго до этого вышла книга, посвящённая этому имени («Светлана. Культурная история имени»), которую она мне и принесла подарить. Разумеется, в тот раз книга мне не досталась, поскольку была тут же вручена нашей сотруднице Светлане. Мне же Елена Владимировна обещала принести книгу в следующий раз и тут же задала вопрос: нет ли ещё у меня сотрудниц с таким именем? «Есть, — отвечаю, — но сегодня ее нет на месте». В следующий раз Елена Владимировна принесла уже две книги со словами: «Я дала слово, что каждой Светлане, с которой встречу, буду дарить эту книгу». Что тут же и было сделано. Нашим Светлана́м это было чрезвычайно приятно, и я уверен, что, беря в руки эту книгу, столь существенно их касающуюся, они всегда будут добрым словом поминать нашу дорогую Елену Владимировну.

И, конечно, не могу не упомянуть о «Ёлке». В то время я на 10-й линии проводил иногда разные мероприятия (не одной работой жив человек, а в работе над энциклопедией, требующей многочисленных контактов и установления доброго отношения между разными людьми, это было просто необходимо). В том числе, конечно, устраивали празднования Нового года. Понятно, что не всегда у всех получалось прийти. Но кто же мог лучше рассказать про историю и традиции новогодних елок, чем Елена Владимировна! Не говоря уже о традиционном для нее подарке — ее книге, этой теме посвященной («Русская ёлка: история, мифология, литература»). Правда, порой казалось, что эта тема начинала ее уже несколько утомлять. Действительно, одно время так и было — как ни откроешь предновогодний номер какой-нибудь газеты, сразу видишь интервью с Еленой Владимировной... Не помню, звучало ли слово «надоело», но то, что говорить с журналистами каждый год об одном и том же ей в какой-то момент действительно надоело, это точно. И даже когда в разговоре выяснилось, что первое издание «Ёлки» уже давно разошлось, на мое предложение помочь сделать второе — красивое, с картинками, историческими текстами и проч. — сказала со вздохом, что уже переиздают, и пока она о ёлках даже думать не хочет...

Как автор в энциклопедии она написала не так уж много статей. И это правильно: меня всегда настораживали те авторы, которые норовили пристроить к нам свои сочинения, а потом занимались их подсчётами. А у нас ещё и энциклопедия была не совсем обычной — не хотелось повторять, например, Литературную энциклопедию, или просто приводить перечень общеизвестных фактов: родился, написал то-то о том-то, умер... В своё время даже родилось такое определение: наша энциклопедия — это энциклопедия для чтения, а не только для наведения справок. Отсюда и объемы статей далеко не всегда были «энциклопедическими», и подходы к изложению материала не обезличенными, а отражающими мысли автора. И вот после того, как я донёс до Елены Владимировны (а она не сразу это осознала — впрочем, как и многие другие авторы), что авторский лист для сущностной энциклопедической статьи — это нормально, она оживилась и сразу мне сказала: «Пожалуйста, только об одном прошу: Антон Павлович за мной». Какие вопросы! За кем же ещё! Сказал ей: «Выберите

сами, про кого ещё хотите написать, главное — чтобы душа к этому лежала». Так что были у Елены Владимировны и другие статьи в энциклопедии: «И. С. Тургенев», «Ф. И. Тютчев», «А. С. Пушкин» (в соавторстве). И не сухие, справочно-информативного характера — для этого есть профильные энциклопедии, не говоря уже об интернете, — а авторские, отражающие, кроме фактов и сведений, необходимых в энциклопедическом издании, и видение автора, его отношение к предмету, суждение, мнение... Это не просто традиционно-энциклопедические (короткая справка о жизни и творчестве), а полноценные научные исследования, в относительно краткой форме подытоживающие изучение творческого наследия великих русских писателей. Такие тексты надо уметь писать — могу сказать, что далеко не каждый автор энциклопедии обладал таким умением. Иногда приходилось отказываться от статей даже членкоров РАН... Свои статьи Елена Владимировна писала не дежурно, не казённо, и уж тем более не ради «отписки». И, конечно, все статьи других авторов по «литературному» разделу проходили через её научное редактирование.

Доброе общение между нами продолжалось и помимо работы над энциклопедией: Елена Владимировна рассказывала мне о своих заграничных лекциях, о квартире на Петроградской, из окон которых виден двор-колодец и слышны залпы салютов, приглашала в гости, чтобы на это посмотреть и ещё, и ещё раз поговорить о разном...

Есть у меня странная особенность памяти: после того, как человек ушёл, с «кинематографической» точностью вспоминаю последнюю встречу. Помню эту встречу и с Еленой Владимировной — прямо посередине двора филофакского. Я шёл в одну сторону, она — в другую. Я — вглубь, она — на выход. Она показалась мне очень утомлённой, уставшей, даже печальной, сосредоточенной на чём-то своём, я бы даже сказал, какой-то утончённо-высохшей. При видя меня, как показалось, обрадовалась, в ее глазах появился какой-то блеск энергетический. Помню ее слова, что всё хорошо, и надо бы встретиться — «Ну, когда же вы ко мне на Петроградскую придёте?» Но чувствовалась во всем этом какая-то неизбежность и предопределённость. Увы, порой течение жизни не позволяет найти время даже для самых простых вещей — заглянуть в гости и просто поговорить...

Елена Владимировна осталась у меня в памяти человеком добрым, внимательным, желающим помочь. И при этом — в себе. Впрочем, многих из нас это характеризует. Все мы живем «в себе». А Елена Владимировна всегда была готова ответить на доброе к себе отношение. Хорошо помню те изменения, которые происходили в ней, когда мы затрагивали темы, сущностные для нас. Внутренняя сосредоточенность, порой на грани обречённости, куда-то уходила. Возникали темы, не имеющие отношения ни к работе в университете, ни к энциклопедии, а просто касающиеся нашего обоюдного ощущения жизни, желаний, целей — порою нереализованных...

Сколько таких людей в нашей жизни, к которым мы не зашли, последний раз не поговорили, просто так не потрепались о том, о сём... Вот и Елена Владимировна в моей памяти останется человеком, до которого я вовремя не дошёл, с кем не договорил...

Сергей Дмитренко

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЁЛКИ

Почему-то мне думается: даже если бы этот сборник во славу выдающегося историка русской литературы и человеческой культуры Елены Владимировны Душечкиной объявили включаемым во все ваковские, скопусовские, вебофсайенские и богзнаеткакие ещё научно-бюрократические списки, его участники в большинстве своём это искушение отчётностью оставили бы вне своего внимания и предложили бы не итоги своих филологических разысканий, а что-то вне номенклатуры литературоведческих жанровых форм. Ещё и потому, что приветствовать Душечкину статьёй хочется, если знаешь, что она эту статью прочитает и въедливо о ней выскажется. Но теперь...

Мои воспоминания о Елене Владимировне Душечкиной мне самому трудно назвать воспоминаниями в обыкновенном понимании этого слова, ибо она живёт в моей памяти особым человеческим сюжетом, который я сам воспринимаю не как воспоминания, а как некую историю, удивительным образом, по своему обличью подобную, да-да-да, домашней новогодней ёлке. Именно эти родные, наряжаемые из год в год новогодние ёлки, если их не затолкнуть в угол комнаты, а всё же даже в наших невеликих квартирах поставить так, чтобы можно было деревце обойти вокруг, позволяют нам, оставаясь в сегодня, по-новому переживать то, что переживалось и три, и пять, и десять лет назад, и много ранее. Ёлка обновляет повторяющееся, она, зимняя, — от солнца с его обеспечившим нашу жизнь солнцеворотом.

Пожалуй, знакомиться с Еленой Владимировной я начал в январе 1982 года, когда аспирантом оказался в подмосковном доме творчества «Малеевка». На пропитание сестра-хозяйка определила меня за стол с писателем, фронтовиком Владимиром Дмитриевичем Фоменко. Он обладал безграничным человеческим обаянием, и у нас мгновенно возникло некое, пусть полукурортное, дружество, которое, однако, через пару дней уже перешло в серьёзные разговоры о литературе, о жизни, о происходящем в ней (в те дни умер Суслов, ещё при жизни ставший символом коммунистической оцепенелости, и все понимали, что это не только Суслов умер). Владимир Дмитриевич много рассказывал о Твардовском и о «Новом мире» шестидесятых — именно тогда он опубликовал свой роман «Память земли», как говорится, остросоциальный, и обрёл литературную известность.

Однако Владимир Дмитриевич считал всё это перевёрнутой страницей своей творческой судьбы и объявил сегодняшним достижением маленький рассказ «Фиша» — о собаке. И я вчитывался в «Фишу», вновь и вновь пытаюсь влезть в душу этих невероятных людей — фронтовиков, к которым принадлежал и мой отец, и все мои дядя.

Как-то днём из Твери повидаться с отцом приехал его сын Игорь, преподававший на филфаке Калининского университета (кто думал тогда, что всего через несколько лет университет справедливо станет Тверским?!).

Как видно, у отца с сыном был какой-то сложный, может быть, даже тяжёлый разговор. Они вдвоём долго гуляли по малеевским тропкам, тихо говорили о чём-то, сидя на скамейке в оранжерее главного корпуса. Столовался Игорь Владимирович вместе с нами, он был немногословен, даже угрюм, но несколько реплик, отпущенных им во время застольного разговора, хотя и не запомнились словесно, сохранились интонационно — своей кинжально-ироничной, но неоспоримо-справедливой остротой оценки.

В девяностые уже годы, прослышав, что Игорь Владимирович в своём Тверском университете проводит замечательные научные конференции, я ринулся на одну из них, движимый не только научными интересами, но и сугубо человеческим желанием также понять этот характер — и, во всяком случае, повидаться с Фоменко, от которого исходило особое суровое обаяние. Ну, такой я человек — всегда не на конференции отпраивался, а к людям.

В электричке из Москвы ехал с нашим знаменитым и непревзойдённым литературоведом-путешественником, Юрием Борисовичем Орлицким. «Там и сестра Фоменко будет, Душечкина», — сообщил он, выслушав от меня примерно то, что рассказываю сейчас.

Душечкина! А ведь с ней я уже был знаком, пока ещё ни разу не встретившись.

В 1981 году я окончил с отличием семинар прозы Литературного института и вдруг получил от ректора предложение поступать в аспирантуру. «Прозу я твою читал, — сказал он. — Напечатают лет через двести (здесь он, пожалуй, проявил себя пророком). А в аспирантуру подай. Человек ты надёжный. О чём будешь писать? Об Аполлоне Григорьеве?»

Нет, я совершенно не собирался писать что-либо о расхристанном гении отечественной словесности. В своих прозаических опытах я был увлечён рассказчиками у Лескова, его во многих сочинениях матрёшечно построенной композицией... Но, оставив морфологию лесковской прозы для своих беллетристических исканий, я решил пойти в сторону истории литературы и заняться тем, что и сегодня остаётся для меня самым интересным в литературоведении: происхождением произведения, подробностями его создания, историко-культурным контекстом, в котором оно появилось.

Узнав, что у Лескова есть не только святочные рассказы, но и одноимённый сборник, в советское время полностью не воспроизводившийся, я ещё студентом разыскал его в Исторической библиотеке (которую всегда, по возможности, предпочитал

т. н. Ленинке) — и увлёкся. И теперь мне пришло в голову: коль попал в аспирантуру, надо, так сказать, добрать то, что Литинститут как творческий вуз выпускнику не давал. Это теперь у нас есть и НИРС, и постоянные студенческие научные конференции, и многое другое, а тогда особенности работы с архивами, с первоисточниками, научное редактирование и многое другое я освоил в аспирантуре. Тему придумал сам: «Сборник “Святочные рассказы” [1886] Н. С. Лескова: история создания, композиция, жанровое своеобразие».

Однако на любимой кафедре русской литературы, куда поступил в аспирантуру, опытные мои наставники стали меня убеждать не ломиться в открытую дверь и не браться за тему, пусть не напрямую, но связанную с религией... «Всё равно придется переделывать и маскировать», — справедливо предупреждали они, и мне, по уже обрётённому жизненному опыту и латентному конформизму, пришлось с ними согласиться. Как материал исследования святочные рассказы Лескова остались, но без выпячивания их жанрового своеобразия, а защищённая в феврале 1986 года диссертация получила иное заглавие.

Но, как говорится, боль осталась. И я продолжал заниматься как коллекционированием святочных (и пасхальных) рассказов, так и сбором исследовательских публикаций. И вот, уже в годы перестройки, узнал, что живёт такая Е. В. Душечкина, которая изучает святочные рассказы...

Рассказываю обо всём этом подробно не по старческому многословию, а лишь напоминая об ушедших подробностях той отнюдь не чудесной эпохи. Ведь кандидатскую диссертацию по древнерусской словесности Елена Владимировна защитила ещё в 1973 году, а докторскую, о становлении жанровой формы святочного рассказа, — только через двадцать лет. И публикации её о святочной культуре, как понимаю, долгое время проходили непросто. Уверен, главная причина этого — в том же самом, о чём сказано выше, в тупой идеологической зашоренности нашей гуманитарной науки после 1917 года и вплоть до середины 1980-х.

Я стал следить за «святочными» публикациями Душечкиной, раздобыл выпущенную ею ещё под грифом «Ленинграда» антологию «Петербургский святочный рассказ»... Как помним, тогда в мире не то что Интернета, даже приличных персональных компьютеров не было. Я решил списаться с Еленой Владимировной, чтобы узнать, не упустил ли я какие-то из её очень важных для меня работ. Адреса не нашёл, зато друзья помогли раздобыть её домашний телефон (вот он, из старого ежедневника: 2*3-**-29), по которому незамедлительно позвонил. Удивительная фамилия — Душечкина — и в созвучьи с ней бархатный завораживающий голос: все знают, что для обаяния Елены Владимировны телефонный барьер не был помехой...

Мы заочно познакомились, и я несколько раз беспокоил её своими вопросами о святках и литературно-святочном.

Когда вышла монография «Русский святочный рассказ: становление жанра», мне не удавалось её раздобыть, и я нахально набрал уже знакомый номер. Елена Владимировна честно призналась, что я позвонил не в самое удобное время, ибо она занята ребёнком... после чего мы с ней довольно долго — под сигналы напоминавшего

о себе ребёнка — обсуждали судьбы святочного рассказа в советскую эпоху. Этот разговор произвел на меня поистине фантастическое впечатление. Мало того, что она докторские диссертации защищает, так у неё ещё и дети рождаются! (Я же не знал, что это внук! Но мне сдаётся, что и для внуков своих она была не только бабушкой, но и литературной мамой).

И вот в круговерти фоменковской конференции мы с Еленой Владимировной наконец познакомились.

Возможно, у кого-то из прочитавших её выдающиеся труды о русской ёлке возникнет искушение сравнить её со Снегурочкой, эту ёлку оберегающей. Но в моём восприятии Елена Владимировна была и останется связанной совсем с другим тотемом — с лисой из русских сказок. Для меня эта лиса — совсем не отрицательная героиня. Она красива, умна, презирает глупость, особенно мужскую, чванство, дуболомство — чего же еще?! Лису я с детства полюбил. Если лису считают лукавой, то это от грубости восприятия. Лиса — грациозна в своей естественности, с таким роскошным хвостом не может быть иначе.

И я увидел эту даму, вольно курящую на кафедре своего двоюродного брата, Игоря, расхаживающего здесь же с трубкой в зубах (тогда ещё не были установлены диоклетиановы гонения на курение в учебных заведениях), именно такой Лисой Патрикеевной, которой тут же хочется объясниться в любви за всё, что она написала и опубликовала.

Почему всё же лиса?! Не знаю. Так увиделась Елена Владимировна, да я ей позднее и признался в такой своей оптике, что она приняла вполне благосклонно, даже не попросила особых пояснений.

Словом, знакомство было дружеским; тогда же я, разумеется, заново познакомился и с Игорем Владимировичем, и с его славной супругой Лидией Павловной, а дело кончилось тем, что я, то ли в силу живости характера, то ли, скорее, из-за безграничной задушевности Фоменок (но, настаиваю, не по причине своего *перебора*), оказался на ночёвке в прославленном чуприяновском доме Игоря Владимировича и Лидии Павловны. Там же, само собой, была Елена Владимировна с мужем, Александром Фёдоровичем Белоусовым, так что лента наших разговоров оказалась лентой Мёбиуса в литературном её извороте.

В те годы я работал редактором газеты «Литература» Издательского дома «Первое сентября», славном детище великого Симона Львовича Соловейчика. Возглавлял тогда газету (и, собственно, поднял её на высоту одного из ведущих учебно-методических изданий в постсоветской России) журналист и литературовед и ныне здравствующий, Геннадий Григорьевич Красухин. Человек очень непростого характера, в быту нередко вздорный, он при этом был музыкально чуток к художественной литературе, влюблён в неё. Прекрасно понимая, что в обновлении нуждаются не только школьные программы по литературе, но и сам образ мысли учителей литературы, он решил проводить эту дезактивацию коммуно-советского самым естественным образом: привлекал (и от нас требовал) в круг авторов «Литературы» ведущих литературоведов, критиков и писателей того времени, причём не только российских.

Сергей Бочаров, Эдуард Бабаев, Юрий Манн, Мирон Петровский, Григорий Померанц, Ирина Роднянская... Без преувеличения можно сказать: газета «Литература» вплоть до середины 2000-х годов нацеленно приобщала российских учителей словесности (она неплохо распространялась и на пространстве СНГ) к живой науке о литературе, помогала им делать уроки литературы не в тягость, а в радость, ощущать и себя не бесправным шкрабом, а фронтовым гвардейцем. Недаром слоганом нашей газеты Красухин взял ахматовские слова: «И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово». Геннадий Григорьевич не смутился тем, что часть статей наши именитые авторы уже публиковали в малотиражных научных изданиях. Перепечатывая их в учительской газете с большим тиражом (и ещё гонорары авторам выплачивая), он справедливо считал, что так достойное литературоведение получает нужное, важное распространение.

Стала автором «Литературы» и Елена Владимировна. Стала легко и естественно: живая литература в школе была для неё неотъемлемой частью миссии (говорю без всякого пафоса, ей совершенно чуждого) университетского филолога, каковым она была по своей природе. Мы напечатали несколько её статей (*см. библиографию*); каждая и сегодня вдохновит учителя на проведение интересного урока, а просто читателя — на перечитывание того, о чём эта научная кудесница увлекательно рассказывает.

Позднее возник особый сюжет — с книгой «Светлана. Культурная история имени». Елена Владимировна испытывала понятное неудовольствие от того, что не удаётся прояснить сюжет с истинным адресатом известного стихотворения Сергея Михалкова «Светлана». Поскольку автор утверждал, что оно было посвящено студентке Литературного института по имени Светлана, надо было выяснить её фамилию. По просьбе Елены Владимировны я провёл все доступные мне разыскания в архиве Литинститута, находившемся тогда, прямо скажем, в состоянии, далёком от идеального, но ни одной Светланы в довоенных наборах нашего института не обнаружил.

Сергей Владимирович Михалков в тот момент пребывал во здравии, и я, как матерый журналист, вдохновлённый возможностью приобщиться к разысканиям Елены Владимировны, смог не только раздобыть домашний номер его телефона, но и довольно легко, чуть ли не сразу, дозвониться. Автор «Светланы» выслушал мой, надеюсь, внятный рассказ, завершившийся вопросом о фамилии объекта его поэтической страсти, — и повесил трубку.

В 2013 году в «Литературе», ставшей журналом гламурного обличья, мы, успешно проведя проект «Современной школе — современное чтение»¹, затеяли его продолжение — открытый проект «Современное живое», также нацеленный на поддержку круга современного чтения в школе.

Участвовать в проекте могли все: учителя, школьники, их родители, но особый расчёт у меня был на писателей и литературоведов.

¹ Дмитренко С. Ф. Современной школе — современное чтение // Литература: Журнал издательского дома «Первое сентября». 2012. №9. С. 52–58.

Предлагался единственный вопрос. Требовалось назвать до двенадцати произведений русской литературы, написанных и опубликованных после 1985 года (проза, поэзия — здесь можно было называть циклы, книги и т. д. — драматургия, non-fiction), которые произвели на отвечающего как читателя особенно сильное впечатление. Список можно было сопроводить пояснениями. (Пунктом 13 — год был всё-таки 2013 — опрашиваемые писатели и учёные могли назвать одно своё собственное произведение, которое считали у себя лучшим).

Елена Владимировна прислала мне в ответ замечательное письмо, которое, полагаю, создаёт её, может быть, в стиле Арчимбольдо (почему нет?), но очень глубокий человеческий портрет. Ведь человек есть не только то, что он ест, но в ключевом смысле то, что он читает.

Вот это письмо, без каких-либо поправок.

*

17.05.2013. 18 часов

Сергей Фёдорович, боже мой, я опоздала немного. Почему-то в голове застряло 13-е число. И я к нему готовилась. Думала всё время (всё свободное время — в транспорте, за готовкой обеда, за стиркой и пр.). Это задание оказалось не из легких. Особенно сложно было с fiction. Но вот что вышло. Не выстраиваю в логический ряд. Пусть будет так, как появлялось в голове и обдумывалось.

1. *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Т. 1–3. М.: Языки славянской культуры. 2000–2007.

Этот замечательный переводчик (Рабле, Мольер, Бомарше и др.) написал замечательные мемуары. Они в начале 90-х печатались в толстых журналах («Дружба народов», «Москва»), а потом вышли отдельным изданием в трех томах. Все тома хороши, особенно первый. Умница, с прекрасной памятью на события прожитой своей жизни (очень ценю), прекрасный язык.

2. *Чудаков А. П.* Ложится мгла на старые ступени. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.

Это, кажется, единственная книга из моих, которую можно назвать художественной прозой (нет, потом вышло иначе, см. ниже). Но все гораздо сложнее. На восприятие этой книги у меня накладываются и воспоминания о молодом её авторе (воспоминания 40-летней давности), и потому герой книги — явно тот. Высокий, живой, умный, стройный, спортивный, всегда готовый помочь, всегда при деле — Саша Чудаков. Не думалось тогда, что он станет автором лучшей (для меня) книги начала тысячелетия.

3. *Шешолин Евгений.* Солнце не вечное. Резекне: Изд-во Латгалского Культурного центра, 2005.

Наверное, я буду одна из назвавших (а, м.б., и знающих?) поэта Евгения Шешолина, погибшего в 1990 году. Я не думаю, что он лучший из лучших. Не знаю об этом. Но я думаю, что вот так растерялось (затерялось) множество талантливых поэтов. Останутся великие или «великие». Остальные в худшем случае — даже не будут напечатаны никогда и нигде, в лучшем — напечатаны, но малыми тиражами в малоизвестных издательствах. А Шешолина издали с комментариями, биографией, воспоминаниями, фотографиями. Оказались верные друзья, которые, понимая значимость и уровень своего покойного друга, взяли на себя такой труд издания его стихов. Прекрасные стихи.

4. *Тимофеев-Ресовский Н. В.* Воспоминания. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М.: Согласие, 2000.

Громадный том. Читаешь, как живешь. Здесь поражает исключительность судьбы, одержимость исследователя и абсолютная внутренняя свобода.

5. *Лотман Ю. М.* Письма. 1940–1993 / Сост., подгот. текста, вступ. статья Б. Ф. Егорова. М.: Языки русской культуры, 1997. Это понятно.

6. *Мандельштам Рюальд.* Собрание стихотворений / Сост. Е. Д. Томиной-Мандельштам и Б. А. Рогинского. Прим. Б. А. Рогинского. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006.

Поэт несовременный. И умер давно — в возрасте 28 лет в 1961 году. Но издан недавно, в насколько возможной полноте и с прекрасными примечаниями Б. А. Рогинского. И потому мы можем говорить, что для нас — это новая, произведшая сильное впечатление, книга.

7. *Улицкая Л. Е.* Даниэль Штайн, переводчик. 2006 (кажется, впервые вышла?).

Не потому, что люблю эту писательницу, а потому что эту её книгу буквально проглотила. Что для меня даже загадочно. Значит, произвела сильное впечатление.

8. *Приставкин А. И.* Ночевала тучка золотая. 1987.

Время чтения этой книги (вместе с 12-летним сыном, что важно) вспоминается, как сильнейшее потрясение, и очищение, и утверждающиеся с каждым месяцем надежды. Вспоминая позже это наше чтение (вдвоём, «слезами умываясь»), думаю, какими наивными мы были. Представить, как обернётся жизнь и через что придется пройти чеченским детям (и не только чеченским, как и в книге Приставкина), тогда было просто невозможно.

9. *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ.

Время чтения этой книги — середина 70-х. Машинопись, которую передавали друг другу. Но ведь в СССР первые главы её стали появляться только к концу 80-х («Новый мир»). Великая книга. Она не подходит в этот список, потому что пережита мною была гораздо раньше, но не назвать её я не могу. И имею право вставить в мой список.

10. *Фазиль Искандер.* Я назову здесь «Сандро из Чегема», полное издание которого вышло в предложенных нам временных границах — в 1989. Мы его обожали. Начиная с «Созвездия Козлотура» и далее — до конца 80-х. А потом и он почти перестал печататься, и народ его как-то (несправедливо!) быстро забыл. Но искрящуюся остроумием и радостью прозу Искандера, наш хохот при чтении «Сандро из Чегема» я никогда не забуду. А через рассказы о Чике прошли все мои дети и внуки.

11. *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. Языки русской культуры. М. 2000.

Лев Васильевич Пумпянский — наш замечательный литературовед, умер в 1940 году. Его работы печатались, были известны, изучались студентами, но вот — 13 лет назад вышла книга (не сборник, а книга, том) его работ, которые долгие годы готовил к печати замечательный (я вижу, что повторяю эпитет) ученый Николай Иванович Николаев, научная добросовестность и честность которого сделали из переиздания работ Пумпянского незабываемое событие. Книга эта всё время в ходу. И спасибо за неё Николаю Ивановичу.

12. *Леонид Добычин*. Город Эн. Daugavpils, 2007. Есть и другие издания, но предпочитаю это.

Елена Владимировна Душечкина, 1941, СПб., профессор кафедры русской литературы СПб. гос. ун-та. Интересы разные — от древнерусской литературы до детского творчества. М.б., книги? Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995; Русская ёлка: История. мифология, литература. СПб., 2002 (2-е изд., доп., испр.) СПб., 2012; Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. Четыре сборника-антологии святочного рассказа.

Всего доброго,
Успехов Вам.
Ваша ЕД.

*

Все результаты нашего проекта в формат печатного издания не вмещались (итоговая статья опубликована в издании «Литература»: Журнал издательского дома «Первое сентября»², поэтому анкеты участников были даны в электронном приложении к журналу на диске. Так что типографски анкета Елены Владимировны здесь печатается впервые.

Участникам анкеты также предлагалось, при желании, назвать одно произведение русской литературы (проза, поэзия, драматургия, non-fiction) названного периода, которое они не хотят и не будут читать.

Елена Владимировна этот ответ оставила без внимания. И мне такое решение совершенно понятно. Будучи, как я быстро понял, человеком высокой гражданской совестливости, она сторонила какого-либо вовлечения в круг своих ценностей посторонних. Ничего навязанного, не говоря о насильственном. Как на ёлке.

Между прочим, как писала мне Елена Владимировна в декабре 2013 года, эта её замечательная анкета, очень полезная для учителей и школьников, то есть, говоря соответствующим языком, *прикладная*, не была принята для годового научного отчёта — впрочем, о разрастающейся абсурдной формализации, в том числе и нашей научной жизни, можно говорить бесконечно.

И напоследок — ещё об одной встрече.

Однажды меня занесло на некую конференцию в Санкт-Петербурге. Разумеется, Елена Владимировна в ней участвовала.

Но с самой конференцией было не совсем ладно. Она явно разваливалась на два несоединимых и потому обоюдомёртвых крыла. И на том, и на другом крыле каждый топорщил свои перья, и это выглядело довольно комично. Утомившись, наука о литературе вольно растворялась в колком осеннем воздухе Васильевского острова.

Соответственно, не складывался традиционный для конференций и обычно всеми любимый товарищеский ужин. (К слову, Игорь Владимирович Фоменко, Царствие

² *Дмитренко С. Ф.* «Современное живое»: первые итоги нового читательского проекта «Литературь» // Литература: Журнал издательского дома «Первое сентября». 2013. № 10. С. 53–58.

ему Небесное, прекрасно зная о сплывающем значении таких ужинов, с них обычно конференции и начинал).

Вдруг ко мне подошла Елена Владимировна и пригласила к себе в гости. Как у московского гостя и завсегдатая фуршетов, у меня с собой был аварийный запас, и я с радостью (всё же не с пустыми руками!) согласился сбежать с прекрасной дамой от дрящей тоски.

Очень быстро мы оказались на Петроградской стороне, в её квартире на проспекте Добролюбова («Александровский проспект», ответила Елена Владимировна на мой вопрос, как это место называлось *до исторического материализма*).

И вот сидели среди книг, в уютном мягком свете настольной лампы или торшера, что-то пили, выставленное Еленой Владимировной (да и не важно, что), и вели разговоры всё о той же литературе, о которой не удалось наговориться на многолюдной конференции.

Как помню, Елена Владимировна всегда умела, при всей обязательной парадоксальной остроте ведущихся и любимых ею за это бесед, мгновенно создавать умиротворяющую, естественную обстановку.

Подавно — у себя дома.

Всеволод Багно

УЛЫБКА ЛЕНЫ ДУШЕЧКИНОЙ

Одну из самых мудрых, назидательных и вместе с тем смешных историй, доказывающих иллюзорность нашей уверенности в том, что коммуникация и общение на земле возможны, Лена мне подарила много лет тому назад. Отправившись в студенческие годы из Эстонии в фольклорную экспедицию на русский Север, она попала в деревню, в которой, как это бывает на Руси, все носили одну и ту же фамилию, в этом случае — Душечкины. Возликовав, она пришла к тому из Душечкиных, который был самым эрудированным. Беседа продолжалась часов восемь, говорили много, о разном, убедительно, прекрасно понимая друг друга. Когда наконец, сполошившись, она начала прощаться, хозяин огорченно спросил: «Как, Вы уже уходите, а ведь мы еще и не поговорили, так как у Вас там, в Испании?». Эта история замечательна и поучительна на все времена — мы никогда не узнаем, что именно мы сказали и что именно услышал наш собеседник.

Я решил подарить Лене несколько новых своих абсурдинок. Правда, в них нет сейчас маленького человечка, который особенно нравился Лене в предыдущих (который, впрочем, и мне нравился), и она просила меня, чтобы его было побольше. Но, увы, он уже и сам побольше, и уже сам что-то пишет. Из тех, которые ей особенно понравились: «Маленький человечек рассматривает репродукцию “Благовещенья”. “Дядя с крыльями! Посему дядя с крыльями? Не няю пока”». Жаль, что Лена меня не журила, не подправляла, не стыдила, вкус у нее был безукоризненный, глаз зоркий. А улыбка — красоты ошеломляющей, каких не бывает.

Как я жалею, что видел ее не часто, как я завидую тем, кто знал ее лучше, и особенно тем, кто долгие годы был с ней рядом.

Из сборника «Под абсурдинку — 11»

Недруги по счастью.

Петр I приказал русским сбрить бороды, но бороды от этого не перестали расти.

Человек — это зверь читающий. Зверь — человек не читающий.

Я — это я плюс мои обстоятельства. Это не метафизика, это о супружеской жизни.

Правда без правки.

Пусть Шекспир будет автором «Тихого Дона», Шолохов — «Конька-горбунка», а Ершов — «Ромео и Джульетты». Лишь бы тексты сохранились.

У них такие нравы — закончаешься.

С годами так бывает: все внешнее сползает, а внутренне выползает. Но, честно говоря, это заметно и раньше.

Все — игра слов. «Маша ела кашу». Никакой каши она не ела.

Многие предлагали себя девушке, но не целиком. От этого она решительно отказывалась.

Для человека вредитель — гусеница, для гусеницы — человек.

Сползлись и расползлись: облака, шарики ртути, мужчины и женщины, страны, континенты.

Государственный праздник — день проснувшегося интереса к женщине.

Отращивайте, что хотите, и не сбривайте. Усатый, даже сбрав усы, все равно покрыт усами.

Это такая тема, входя в которую надо снимать обувь.

«Обманули дурака на четыре пятака» и советские двадцать копеек, которые можно выиграть в случае спора, — из одного кошелька.

Книжный червь — не писатель, книжный червь — читатель.

Не мужчины воины, а женщины. Каждая воюет со старостью.

Верлибр предсказуем и рационален. Рифма лишает поэта инициативы, иррационально ведет его по путям, известным одному звуку.

Кусочничающая глоточничающему — не товарищ.

Бедные женщины: что предпочесть в мужчине — реальные слова или нереальные дела?

Московиты — хитрые. А самые лукавые — питерские московиты.

Комплекс полноценности в комплекс неполноценности у народов в одночасье не превращается.

Все женщины ядовиты, а некоторые даже всеядны.

В России не водятся крокодилы, попугаи и обезьяны. Поэтому их обязанности приходится выполнять людям.

Дурная голова не ногам, а сердцу покоя не дает.

Макароны варить просто. Макаронина должна трепетать и пружинить, как тело живое, а не мертвое.

Как доказала его счастливая жизнь, она послала его на две буквы: «Да!».

Можно только посочувствовать умным режиссерам и писателям, которые думают, что в театре и литературе нужны умные мысли. А нужны там умные чувства.

Бешеное уныние, как состояние большой, сострадательной и могучей души.

Интересно, может ли он быть сантехником, грузчиком, любовником, шофером, банкиром или охранником? Для чего он может пригодиться?

Известные люди бывают двух подвидов: заметные, но не видные; видные, но не заметные.

По чести — наш, по совести — свой, но искренне Ваш.

Женщины никогда не поймут, что природа — тоже женщина и слушать их не будет.

Сусанна Черноброва. Масличная гора в Иерусалиме. 2013

Галина Пономарева

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ДУШЕЧКИНОЙ

В Тартуский университет я поступила в 1975 году. Елена Владимировна Душечкина должна была читать нам в первом семестре «Введение в литературоведение», но она была в декрете. Вместо нее читал ее муж, Александр Федорович Белосусов. Елена Владимировна начала читать нашему курсу лекции во втором семестре. Была очень уставшей и плохо одетой: грудной ребенок и небольшие доходы. Помню, как-то она, рассказывая про Даниила Заточника, вспомнила, что однажды ее маленькая дочка Катя сидела на лекции и рисовала (не с кем было ее оставить), а потом вспомнила: «Мама говорила про Даниила-заочника». Слово «заочник» в семье было на слуху. Елена Владимировна проводила у нас контрольную, а потом стыдила нашу шпаргалщицу. Передаю ее слова по памяти: «Вы будете утверждать, что Вы это наизусть запомнили?» Считала бессмысленным механическое запоминание. На втором курсе Елена Владимировна читала нам русскую литературу XVIII века. Помню, что я сдавала ей экзамен в январе, простуженная и с температурой.

Летом 1977 года их семья переехала в Таллинн. Общение прекратилось. В 1980 году Елена Владимировна приезжала на стажировку в Тарту. Ее поселили в студенческом общежитии в комнате вместе со студентами. Спартанские условия. Она очень ждала тогда писем от младшей сестры Ирины, уехавшей в США. Осенью 1990 года Елена Владимировна приехала на похороны Зары Григорьевны, уже из Петербурга. В Эстонии тогда обострились межнациональные отношения. Она говорила: «Вовремя уехали». В 1990-е годы я ездила на конференции в Таллинн. Встречала там Елену Владимировну. Она была в красивом костюме и хорошо выглядела. Ездила теперь к сестре Ирине и с лекциями в Штаты. А в Таллинн приезжала не только на конференции, но и ухаживать за могилами близких: ее отец похоронен в Таллинне.

В 1998 году у нас в Тартуском университете отмечался юбилей кафедры русской литературы. Приезжала Елена Владимировна вместе с Александром Федоровичем. Помню ее великолепный доклад о Ф.И. Тютчеве. В 2006 году мы встретились на конференции о феномене дачи в Репино. Ей очень нравилась место на Петроградской стороне, где стоял их дом. Она говорила: «Среди такой красоты живем». Стрелка Васильевского острова была совсем рядом. Про свой переезд в Петербург она говорила, что там смогла полностью реализовать себя: «У меня там 4 книги вышли». В Петербурге она стала профессором Санкт-Петербургского университета. Ее

любили и ценили коллеги и студенты. В России у нее были и родственники: недалеко от Петербурга, в Кронштадте, жила ее старшая сестра Татьяна.

В 2008 году я перешла на работу в Таллиннский университет. Помню, что Елена Владимировна, приехав в Таллинн, удивилась и спрашивала меня о причинах перехода. В Тарту она дружила с Анн Мальц и сохранила эту дружбу на многие годы. Ездил к Анн в деревню, когда та вышла на пенсию. В 2012 году Елена Владимировна была куратором студенческой конференции в Таллинне. Почти после каждого доклада задавала вопросы, комментировала. Была одним из лучших кураторов.

Она постоянно развивалась, осваивала новое. В 50 лет Елена Владимировна освоила компьютер и заговорила по-английски. Последний этап нашего общения был связан с Фейсбуком. Я стала фейсбучницей летом 2016 года. Мне было уже за 60, а технику я осваиваю очень медленно. Елена Владимировна мне помогала на расстоянии. Она была очень активна в Фейсбуке, хотя воспринимала его как отдых. Елена Владимировна опубликовала массу фотографий в сообществе «Литературоведы XX века» — она же мне и рассказала про эту группу. На все всегда добродушно откликалась, комментировала. Она и в Фейсбуке продолжала быть преподавателем, педагогом.

Я писала крошечные рассказы: вспоминала детство и Тартуский университет. Елена Владимировна часто писала комментарии. Иногда какие-то из моих фотографий вызывали ассоциации, связанные у нее с конкретным местом. Например, я поместила несколько фотографий о пионерской практике в Кяэрику. Она написала: «Как приятно видеть вас — молодых и веселых — в моем любимом Кяэрику. Впервые там была в 1957 году на спортивных сборах перед всесоюзной школьной олимпиадой. Тогда не было дома на горе. Только деревянные домики внизу. И мы тренировались в озере — плавали. Потом на четвертом курсе ездили туда в апреле. Наш курс отдыхал, и с нами был Павел Семенович и читал нам свой курс по середине XIX в. Потом была там на трех школах по вторичным моделирующим системам — 1964, 1966, 1968. Там были все. Смотрите первые семиотики. И это было счастье, и вы все такие веселые и счастливые».

Как-то я вспоминала чудаковатую студентку Шурочку Пирогову. Елена Владимировна написала: «Шурочку Пирогову помню с 60-х годов. Блаженная девочка была». Оказалось, что Елена Владимировна была с ней давно знакома. «Гая, да, я ее знала и по Москве. Я дружила с замечательным индологом-санскритологом Октябриной Федоровной Волковой. А ее сестра Инна тоже кончала индологию в СПб. Но она занималась не наукой, а экономикой, в т. ч. связями с Индией. И у них дома было всегда много гостей и друзей, помимо востоковедов (Пятигорский, Огибенин, Сыркин, Топоров и др.). Это было прекрасное общение для меня. Я даже немного занималась санскритом. Шурочка тогда была еще совсем девочкой. Но в Тарту я ее, конечно, тоже видела. Мы ведь уехали в 1977 г.» Инна Федоровна Волкова и была матерью Шурочки.

Как-то я поместила в Фейсбуке шуточную историю о взаимоотношениях с моим научным руководителем, З.Г. Минц. Для Елены Владимировны было важно

не только лицо человека, но и его одежда. В качестве иллюстрации я использовала известную фотографию кафедры, сделанную в 1981 году. Е. В. Душечкина написала: «Хорошо помню плащ Анн и юбочку Любы Киселевой. Мужчины, кстати, как всегда, все при галстуках, кроме Олега Костанди. А мы три года, как уехали. Пятерых уже нет. Все это грустно». Пятеро — это З. Г. Минц, В. И. Беззубов, Ю. М. Лотман, П. С. Рейфман, С. Г. Исаков.

Иногда мы обсуждали в Фейсбуке и бытовые вопросы. Однажды я поместила рядом два фото: кошки и кошек от скольжения, обыгрывая их одинаковое звучание, но разное значение. Посыпались вопросы о пользе кошек от дам в возрасте. Среди них была и Е. В. Душечкина. Она спросила. «Я как четырежды поломанная очень заинтересована. Где продают в Питере?» Кошки она купила, но была разочарована.

Мне до сих пор жаль, что тогда я еще не владела Мессенджером в полной мере и ни разу не созвонилась с ней там, хотя мы переписывались.

Марис Меднис

ПОВЕЗЛО, ЕСЛИ РЯДОМ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК...

Бывает, что с теми, кто тебе важен и дорог, даже не обязательно быть постоянно на связи — достаточно знать, что этот человек есть, внутренне ощущать возможность с ним поговорить, сверяя свои поступки с его реакцией как с нравственным ориентиром. Такими людьми всегда были для меня Александр Федорович и Елена Владимировна. После каждого визита к ним в гости ощущается подъем сил, как будто прикоснулся к чему-то подлинному и настоящему, и появляется желание стать лучше. И то, что этот союз обеднел наполовину, стало для меня неожиданностью и шоком.

Елена Владимировна была моим научным руководителем в аспирантуре СПбГУ, и первой мыслью, когда познакомился с ней лично, была: «наверное, это очень строгий преподаватель». Это оказалось верным и ошибочным одновременно.

Верным — потому что Елена Владимировна действительно была очень требовательной: обладая удивительным чувством правильного, она старалась, чтобы всё, что делается, бескомпромиссно соответствовало этому критерию. В работе над научным текстом это касалось не только самих идей, но и стиля: даже мельчайшие нюансы, на которые мало кто обратил бы внимание, отмечались ею мгновенно, и сразу же появлялись варианты, как их улучшить. При этом студент ощущал эти недочеты не как свою оплошность (хотя часто так оно и было), а как совместное движение вперед. После этих правок текст непостижимым образом менялся и расцветал, эту магию до сих пор сложно постичь. Но волшебнее всего в тот момент было видеть глаза Елены Владимировны, которые загорались молодым и лукавым блеском, и ощущать, как это преображение текста приносит ей неподдельную радость.

В целом, хотя познакомились мы, когда Елена Владимировна была уже в солидном возрасте, она всегда казалась мне на удивление молодой. Возможно, из-за того, что рядом с ней возникала атмосфера доброжелательности, жизненности и веры в светлое будущее, а её взгляд выдавал неподдельный интерес ко всему — от глобальных вещей до бытовых мелочей, которые, как чувствовалось, тоже приносят ей радость.

Например, Елена Владимировна с энтузиазмом осваивала разнообразные технические новшества, активно используя дополнительные функции работы с электронным текстом и потенциал социальных сетей, не стесняясь вступать в переписки на форумах и остроумно комментировать.

В то же время, не терпя уклончивых формулировок, Елена Владимировна всегда открыто выражала свое мнение, и такая прямолинейность глубоко подкупала,

потому что мало кто способен так интеллигентно, но просто и четко высказываться напрямую. Этого очень не хватает в наше время, когда слова, действия и мысли принято пропускать через свой «имидж», а за словами и действиями Елены Владимировны всегда чувствовались только глубокая искренность и правда.

Несомненно, эти качества отмечались всеми, кто был с Еленой Владимировной знаком: ведь каждый раз, когда сокурсники по аспирантуре узнавали, кто является моим научным руководителем, я видел искреннюю радость за то, что мне так повезло.

При этом повезло всем нам, потому что Елена Владимировна вела наши еженедельные аспирантские семинары, щедро делясь своим опытом и чутко направляя нас по правильному пути дальнейшей работы над диссертациями. Атмосфера этих семинаров была настолько душевной, что расходиться никому не хотелось. Порой мы засиживались до того, что сотрудники охраны СПбГУ уже просили нас заканчивать, т. к. пора было «запирать двери и выпускать во двор собак», о чём мы впоследствии не раз шутили.

Так же, в силу объёмности исследуемого материала и постоянно меняющихся обстоятельств, затянулась и работа над моей диссертацией. Все эти годы Елена Владимировна заботливо меня поддерживала и мотивировала в нескончаемой погоне за меняющимися прямо на глазах правилами защиты, демонстрируя стоическую выдержку в решении «бумажных» вопросов и проявляя теплое участие в сопутствующих личных делах. И я очень благодарен за выпавшую возможность учиться у неё не только в академическом плане, но и в человеческом.

Будучи очень внимательным наставником, Елена Владимировна искренне интересовалась не только исследовательскими успехами аспиранта, но и его жизнью. Иногда было даже неловко отнимать ее время на разговоры о «ненаучном», но, как и в работе с текстом, Елена Владимировна всегда могла четко и быстро выделить главное и дать дельный совет. Возможно, один из уроков, полученных от неё, который мне только еще предстоит усвоить полностью, — это то, что не бывает вещей больших и маленьких: всё взаимосвязано, и всё заслуживает внимания, т. к. из этого и состоит жизнь.

И символом этого стало для меня малиновое варенье, которым Елена Владимировна угостила меня в один из визитов. В то время мне сложно было представить человека её масштаба, прикладывающего столько усилий для того, чтобы сварить небольшую баночку варенья. Не кривя душой, могу сказать, что это варенье было самым вкусным из тех, что я пробовал, — видимо, потому, что Елена Владимировна относилась к его приготовлению с той же любовью и вниманием, как и ко всему, чем занималась: внимательно отбирала и обрабатывала самые годные ягоды и, действуя по только ей известному вдохновению, превращала их в идеальное лакомство, которым в нужное время можно было порадовать родных и близких.

Так же и жизненные уроки, которые своим примером Елена Владимировна преподавала воспитанным ею поколениям студентов и аспирантов, в нужный час поддерживают и вдохновляют, а её слова, не только облеченные в печатные тексты, но и запомнившиеся из личных бесед, живут в памяти и в нужное время помогают принимать правильное решение.

Анна Ковалова

ПОД ЗАЩИТОЙ АННЫ КАРЕНИНОЙ

Впервые я увидела Елену Владимировну в 2002 году, когда была первокурсницей. Вскоре после поступления я несколько разочаровалась в филфаке: старославянский язык, древнерусская литература, теория фонетики — прежде казалось, что здесь учат читать русскую классику, а вовсе не этим экзотическим предметам. Но вот на двери нашей кафедры появляется объявление о спецкурсах, и я сразу выбираю свой — «Роман Л. Н. Толстого “Анна Каренина”». О Е. В. Душечкиной, которая объявила курс, я, конечно, еще ничего не знала.

Спецкурсы начинались обычно в ноябре, читались они по вечерам, когда Университетскую набережную охватывал мрак и холод. Нужно было пробраться в конец длинного коридора «Школы» и, стряхнув с куртки снег, войти в маленькую аудиторию. К каждому занятию спецкурса мы читали одну часть романа, и встреча начиналась со студенческих вопросов. Елена Владимировна спокойно воспринимала пропуски и невыполнение домашнего задания, но очень сердилась, когда слышала: «Я прочла текст, но вопросов не возникло». — «Как же так, ведь при чтении романа постоянно, на каждом шагу должны возникать вопросы! Сложность задания не в том, чтобы их придумать, а чтобы выбрать самые главные».

Помню, как Елена Владимировна анализировала символы в романе, попутно рассказывая и об Эйхенбауме, и о житийной литературе, и о святочной прозе. Через курс об «Анне Карениной» мы узнавали об именах, понятиях, концепциях, которые сейчас кажутся хрестоматийными, но тогда они были для нас новы и совершенно необходимы. Меня удивляло, что этот широкий круг разнообразных знаний Елена Владимировна обсуждает в ходе простого и естественного разговора со студентами. Казалось даже, что наши дискуссии носят спонтанный характер и потому одинаково хорошо воспринимаются всеми: на занятия ходили две «старшие» девочки с русского отделения, уже изучавшие Толстого и Достоевского весьма подробно, второкурсница с чешской кафедры — а я, как уже было сказано выше, только-только поступила на филфак. Теперь, когда у меня уже есть и свой опыт преподавания, я понимаю, что занятия Елены Владимировны вовсе не были экспромтами: наверняка каждый семинар готовился ею очень тщательно и был расписан по минутам.

Через два года я поступила к Елене Владимировне в так называемый спецсеминар, чтобы писать под ее руководством работу о цвете в романе «Анна Каренина».

Конечно, тема была выбрана под впечатлением спецкурса, ставшего одним из самых сильных впечатлений в моей университетской жизни. Но всякое ощущение свободной спонтанности исчезло: сразу стало ясно, что в качестве научного руководителя Елена Владимировна строга и тверда. Мне было задано составить подробные карточки ко всем цитатам из романа, в которых упоминается цвет — или же предмет, обладающий устойчивым цветом. Это объемное задание я, пожалуй, с удовольствием выполняла в течение нескольких месяцев. Елена Владимировна прекрасно умела вдохновлять на кропотливую работу — прежде всего своим примером. Она, кстати, приносила на спецсеминар и показывала собственные карточки, которые составляла в разные периоды своей жизни.

Было очевидно, что работу Елена Владимировна никогда не останавливает — и при этом успевает заботиться о своей семье и друзьях. На занятиях о своей семье она не говорила, но после пар могла поделиться какой-нибудь забавной историей о детях или внуках. Переписка наша, хотя и не была регулярной, с тех пор не останавливалась. Если Елена Владимировна не успевала ответить сразу, она обычно трогательно извинялась за промедление (хотя я, разумеется, прекрасно понимала уровень ее занятости). Из ее письма от 14 апреля 2012 года: «Период был слишком напряженный (у меня четыре семинара — просеминар, спецсеминар, дипломантский семинар и аспирантский). И все пишут работы, которые надо читать, править и составлять о них мнение. Я рада, что у Вас все складывается хорошо, судя по письму. Я люблю бывать в Америке, и Чикаго, где провела всего один день, мне очень понравился, особенно Художественная галерея. Там бесподобные итальянцы. Мы имеем обычай собираться перед Пасхой всей семьей и, посмотрев на Крестный ход в Князь-Владимирском соборе, идти с друзьями-соседями вместе как бы разговляться. Это несколько кошунственно, но так уж сложилась традиция. Вот скоро идем».

Когда у меня появилась своя семья, я оценила пример Елены Владимировны, которая, оставаясь въедливым ученым и внимательным преподавателем, была опорой для своих близких. Создавалось ощущение, что эти две части ее жизни, которые многим женщинам-ученым сочетать трудно, не только не вступали в противоречие, но и органично поддерживали друг друга. Помню, однажды я пожаловалась на то, что мне приходится проводить лето с ребенком на даче, в то время как мои коллеги спокойно работают в библиотеках. Елена Владимировна улыбнулась: «Анечка, поживите спокойно на даче. Это даст Вам силы, а когда Вы доберетесь до библиотеки, то быстро всех догоните. Я Вам обещаю: знаю, о чем говорю».

Первый год моего преподавания складывался непросто, и я знаю, что некоторые студенты удивлялись тому, что я так часто упоминаю роман «Анна Каренина». Должно быть, им казалось, что это говорит о моей ограниченности. Однако главная причина отсылок, как я сейчас понимаю, заключалась в моем подсознательном желании вернуться к уютному и безопасному полю, которое когда-то создала на спецкурсе и спецсеминаре Елена Владимировна. Деликатно и незаметно она учила исследовать, преподавать и жить.

Яна Агафонова

О ЕЛЕНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ДУШЕЧКИНОЙ

Я познакомилась с Еленой Владимировной Душечкиной в 2009 году, когда поступила на филологический факультет СПбГУ. На специальных семинарах она рассказывала нам о тонкостях исследовательской работы филологов. Я, конечно, представляла Елену Владимировну волшебным помощником, к которому можно было прийти, совершенно запутавшись и заблудившись в мыслях, и уйти пусть не с планом, но с уверенностью, что ты этот план можешь написать. Я так и делала, пока у меня в голове действительно не созрел мой первый научный план.

Когда на втором или третьем курсе ко мне пришла идея дипломной работы, первым делом я решила поделиться с Еленой Владимировной. Я знала, что если она одобрит мою идею, это хороший знак. Беда была в том, что я совершенно не хотела заниматься пресловутыми женскими образами, темой смерти или романтическими мотивами, которые преподаватели обильно рекламировали как наиболее удобные в учебном смысле; я заявила, что хочу писать про античность в творчестве Тургенева. Тургенева я выбрала, потому что им занимался мой научный руководитель, В. М. Маркович, а античность — потому что очень полюбила латынь, и вообще, возможно, учусь не на том факультете. Елена Владимировна сказала, что это очень интересная тема, что она ничего об этом не знает, но очень меня поддерживает и желает удачи. Оставшись ни с чем, я все-таки чувствовала, что от этого плана отказываться не стоит.

Спустя полгода, отчаянно опаздывая к дедлайну, я отправила Елене Владимировне второпях дописанную главу диплома на проверку, и тут произошло то, что я считаю своим профессиональным становлением. Елена Владимировна чуть не расплакалась от обиды, получив мой исковерканный опечатками и пунктуационными ошибками текст. Она недоумевала, чем так провинилась передо мной, что я так ее не уважаю и отправляю ей такую плохо отредактированную главу. Я, конечно, и не думала никого обижать, просто я не осознавала ответственности за этот самый текст, и вот вдруг стало стыдно. Получалось, что я не могу больше отправлять эссе, в которых «главное — это идея», принцип, удобный для всякого дилетанта. Теперь выходило так, что этими текстами я могу выказывать уважение или неуважение. Не знаю, был ли это педагогический трюк, но такая бурная реакция на мой неуклюжий текст предполагала, что над ним надо работать гораздо больше, чем я ожидала, и это надо было принять. В противном случае дальнейшие занятия филологией теряли всякий смысл. После этого случая я уже отправляла только отредактированные тексты, по крайней мере,

Елене Владимировне. В коридорах филфака мы время от времени обсуждали студенческие увлечения Тургенева классической филологией, отсылки к греческой и римской культуре в его произведениях, семантический ореол этих отсылок и прочее. Думаю, тема моего диплома и впрямь не была ей так уж близка. Тем не менее, спустя пару лет, на своей первой в жизни защите я слушала именно ее рецензию, кстати, вполне благосклонную, на этот мой исследовательский опус.

Однажды Елена Владимировна позвала нашу дружную семинарскую группу в гости. Мы еще никогда не ходили в гости к преподавателю, поэтому день начинался с волнений. Тогда я впервые увидела и «темечком ощутила», что такое библиотека филолога. Книги были повсюду: они служили дополнительными стенами в просторной петербургской квартире с высокими потолками, они падали с верхотуры, складировались колоннами, наполняли собой все пространство, были его полноправными хозяевами.

Пока грелся чайник, Елена Владимировна спросила, не желает ли кто-то из нас выкурить сигаретку. Группа у нас была «правильная», и все либо не курили, либо отчаянно бросали. Мы с Юлей Мартынюк не могли отказаться от такой привилегии и проследовали на кухню. За сигареткой нас спрашивали о планах на жизнь, а планов была масса.

Когда осенью я обнаружила себя в магистратуре, Елена Владимировна объявила, что хочет выбросить какое-то количество книг из своей необъятной библиотеки и ищет студентов, которые могли бы вынести эти книги из квартиры. Первыми объявление услышали мы с Димой Барановым. Мы, конечно, возмутились: как это выбросить! Посетовали на то, какие только сокровища не встретишь на петербургских помойках, и наперебой начали предлагать отдать эти замечательные книги нам. Елена Владимировна пожала плечами, дав понять, что там нет ничего для нас интересного, но нам в это, конечно, не верилось.

Вновь оказавшись у Елены Владимировны в гостях, мы прихватили с собой какие-то коробки и начали складывать в них ненужные книги. Процесс отбора, сортировки и баталий за книги проходил прямо на месте. Я выбирала, главным образом, иностранные издания, которые Елена Владимировна привезла из Канзаса, где она однажды провела семестр по обмену с Канзасским университетом. Столько разноцветных, ярких американских обложек разом я еще не видела. Потом оказалось, что многие из них были криминальными бестселлерами.

У Вуди Аллена есть рассказ про филолога, который решил написать сенсационную биографию Метерлинка на основе чудом сохранившихся чеков писателя из прачечной. Несмотря на очевидную иронию, такой подход всегда казался мне любопытной творческой задачей. Разбирая теперь все отобранные мною тогда книги, я невольно фантазирую о читательском досуге Елены Владимировны в Америке.

За исключением нескольких научных изданий, в мою библиотеку тогда перекочевали в основном художественные книги. Среди них были исторические романы, а также романы и авторы, отмеченные престижными литературными премиями, и даже автобиографии писателей. К ним, например, относятся мемуары Джона Фолкнера о его знаменитом брате Уильяме Фолкнере под названием “My Brother

Bill”, а также мемуары Оберона Во, сына известного английского писателя Ивлиана Во, о классовых войнах и абсурдных проявлениях социального неравенства. Очевидно, Елена Владимировна в свободное время погружалась в постколониальную проблематику, так как среди книг оказался роман индийской писательницы Арундати Рой “The God of Small Things” о любви и тяжелой судьбе двух индийских близнецов и роман Видьядхара Наипаула “A House for Mr. Biswas”, получивший Нобелевскую премию и повествующий о социальном маргинале, индусе, который пытается выйти из под чужого влияния и обрести независимость. Кажется, Елену Владимировну также занимала история Холокоста и Второй мировой: среди выброшенных книг есть, например, роман-детектив чешского писателя Павла Кохута “The Widow Killer”, действие которого разворачивается в оккупированной немцами Праге, сборник рассказов Исаака Башевиса Зингера о переживших холокост евреях “Meshugah” и исторический роман Рона Хансена “Hitler’s Niece”, в котором знаменитый диктатор показан с точки зрения родных и близких.

Но большую часть выброшенных американских книг Елены Владимировны составляли популярные развлекательные романы, также часто отмеченные различными книжными премиями. Когда-нибудь я обязательно прочитаю триллер шведского писателя Хеннинга Манкелля о загадочном убийстве домохозяйки, которое расследует инспектор Валландер и парадоксально связывает его с апартеидом в Южной Африке. Уверена, не менее интересно будет прочитать научно-фантастический роман Уолласа Веста о приключениях марсианской женщины-птицы и землянина, а также роман в духе Стивена Кинга об успешном продавце антиквариата, который сел поиграть в старинную египетскую игру и был жестоко убит, ну или, в конце концов, один из триллеров королевы мистики и саспенса Жоржет Хейер с многозначительными заголовками “No Wind of Blame” и “The Reluctant Widow”. Среди популярных романов затесалась и романтическая история Тома Перротта о 31-летнем музыканте, который играет на свадьбах, живет с родителями и не видит путей для развития, но его жизнь меняется, как только он решает сделать предложение любимой. Есть среди выброшенной литературы и любопытный роман Гейл Парент “Sheila Levine is Dead and Living in New York” о тридцатилетней еврейке, которая не смогла вовремя выйти замуж и, борясь с самыми разными комплексами и общественным давлением, рассказывает о своей жизни с большой долей иронии, чем-то в своем повествовании напоминая Вуди Аллена.

Кажется, Елене Владимировне больше всего нравились триллеры и исторические романы, но в целом диапазон ее читательских интересов был очень широк, и это вдохновляет. Известный петербургский социолог Михаил Соколов как-то рассказывал, что представители условной элиты отличаются «всеядностью» во вкусовых предпочтениях: они могут и детектив прочитать, и любовный роман, и фантастический, и исторический, и научный труд осилить. Не знаю, действительно ли Елена Владимировна читала все эти книги, но эта ее выброшенная когда-то беллетристика существенно расширила мой читательский опыт и продолжает его обогащать. Все это «унаследованное» чтение не дает определенного жизненного плана, но вселяет надежду на многообразие таких планов, о чем я думаю с бесконечной теплотой.

Ольга Лалетина

О ПРИЗВАНИИ УЧИТЬ ПРОФЕССИИ УЧИТЬ

С Еленой Владимировной Душечкиной я познакомилась во время учебы в Санкт-Петербургском университете. На первых курсах я не раз слышала от преподавателей и студентов кафедры истории русской литературы ее имя, знала, что она была ученицей Ю. М. Лотмана и Д. С. Лихачева, выпускницей тартуской научной школы, уважение к которой воспитывалось в нас уже на первых занятиях по курсу введения в литературоведение. Еще больший интерес вызывали у меня темы научных исследований Елены Владимировны: я знала ее как автора монографий о русском святочном рассказе и новогодней ёлке¹. Но наше личное знакомство произошло только на выпускном, пятом курсе моего обучения — осенью 2006 г., когда Елена Владимировна начала вести у нас литературоведческий дипломантский семинар. Помню, какое сильное впечатление она произвела на меня на первых же занятиях, как оно росло и крепло, не меняясь в главном, и во время моей учебы в аспирантском семинаре 2007–2010 гг., и в последующие годы моей работы на факультете в качестве преподавателя.

Перед нашей студенческой аудиторией Елена Владимировна появлялась полной сил и воодушевления. Меня восхищало ее фантастическое чувство стиля, умение дополнить безупречный классический гардероб, скромный и сдержанный, яркими, эффектными аксессуарами и создать индивидуальный, не похожий ни на чей, действительно *элегантный* образ. Я не раз слышала, как окружающие восхищались ее внешним видом. Сама Елена Владимировна также была очень внимательна к коллегам и ученикам и умела заметить и отметить красоту их внешности даже при короткой встрече на факультете (до сих пор помню, как лестно было мне, барышне-филологине, услышать от нее комплимент новому платью или прическе!).

Педагогическая нагрузка Елены Владимировны была действительно тяжелой. Дипломантский и аспирантский семинары составляли лишь ее малую часть. Тем важнее подчеркнуть, что перед *каждой* встречей с нами Елена Владимировна продельвала огромную подготовительную работу. Общеизвестно, что руководитель «сборных» семинаров дипломантов и диссертантов, пришедших из разных групп,

¹ См.: Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995; Душечкина Е. В. Русская ёлка: История. Мифология. Литература. СПб., 2002.

с разных курсов, постоянно сталкивается с необходимостью решать сложные, нетривиальные задачи: непрерывно, от занятия к занятию нужно осваивать новый и очень разноплановый материал, никакой предзаданной, «обкатанной» программы нет и не может быть — повестка встреч определяется готовностью текстов соискателей, работающих над своими научными темами. Елена Владимировна относилась к этой работе, как и ко всему в университете, очень серьезно.

Она несла на своих плечах огромную ношу «технической» нагрузки: еженедельно рассылала участникам тексты глав для обсуждения, следила за тем, чтобы научные руководители и оппоненты были в срок оповещены о семинарах, напоминала ученикам о необходимости заполнения учебных планов, подготовки отчетов для итоговых годовых заседаний кафедры, проводила дипломантские и аспирантские экзамены... Елена Владимировна вовсе не была «обязана» заниматься всей этой «рутинной» работой, однако выполняла ее, тратя массу сил и времени, поскольку считала своим долгом делать все от нее зависящее ради того, чтобы учебный процесс в университете проходил на должном уровне. В ней совсем не было ни равнодушия, ни эгоизма — свою энергию она с щедростью отдавала общему делу.

Во время семинарских занятий Елена Владимировна была заинтересованным участником самых разных этапов подготовки наших дипломов и диссертаций — от формулировки темы до появления отдельных глав и, наконец, целого текста выпускного сочинения: ей удавалось быстро схватить идею рождающегося на ее глазах исследования и дать необходимые советы о возможных направлениях его развития, какой бы далекой от ее собственных профессиональных интересов ни была тема работы.

В обсуждение научных проблем Елена Владимировна умела вовлечь студентов и аспирантов. Я не раз была участником того творческого процесса, в ходе которого молодые люди, поначалу довольно формально объединенные в одну группу учебным планом (порой даже не знакомые друг с другом), в рамках семинара переставали замыкаться на своем собственном исследовании, погружались в темы коллег, в спонтанных спорах обсуждали сильные и слабые стороны ученических текстов, искали пути их совершенствования. Для меня одним из важнейших импульсов для начала этого процесса выступал личный пример Елены Владимировны. Я помню, например, как на одно из самых первых занятий, посвященных обсуждению планов наших дипломных сочинений, она принесла *свою* выпускную университетскую работу о «Житии» протопопы Аввакума² и предложила нам охарактеризовать достоинства и недостатки ее композиции (мы работали с оглавлением; все необходимые вопросы по содержанию текста можно было тут же задать автору). На этом семинаре профессор, имеющий огромный опыт научной и педагогической деятельности, неожиданно предстал перед нами автором несовершенной ученической работы, готовым выслушать любые, в том числе критические, замечания, касающиеся ее

² См.: Душечкина Е. В. Специфика построения текста «Жития» Аввакума в свете русской агиографической традиции (дипломная работа; Тарту, Тартуский университет, 1966).

композиции. В этот момент Елена Владимировна была одной из нас, «из молодых людей». Смелый эксперимент удался: мы с живостью вносили предложения по изменению структуры дипломного сочинения, предлагали одни варианты доработки композиции и отбрасывали другие. Итог дискуссии подвела Елена Владимировна: закрывая папку с текстом, она, смеясь, сказала: «Вот как вы его расчехвостили!». На этом занятии я поняла, какими интересными могут быть наш дипломантские семинары, если мы, следуя примеру руководителя, будем внимательно и честно относиться к обсуждаемым работам, открыто говорить об их сильных и слабых сторонах, с благодарностью принимать конструктивную критику коллег в свой адрес.

Мне думается, что создание доброжелательной атмосферы на занятиях Елена Владимировна считала исключительно важной задачей руководителя семинара. Она ждала наших выступлений не меньше, чем мы сами, умела искренне радоваться научным успехам не только своих учеников, но и учеников коллег по кафедре; когда же нужно было указать на недостатки работ, требующие устранения, неукоснительно делала это, правда, всегда стараясь максимальным образом «смягчить удар». Именно благодаря Елене Владимировне я поняла, насколько важно заботиться об «экологии общения» участников любой научной дискуссии. Могу сказать, что во мне она стремилась воспитать, развить, поощрить это умение, хотела уберечь меня от излишней юношеской резкости и категоричности. Помню, например, как однажды мои замечания заставили прослезиться одного из самых амбициозных участников семинара, очень обеспокоенного собственным «имиджем» на факультете (речь шла, например, о некорректном упоминании научных работ предшественников, о повторах объемных фрагментов собственного текста в рамках главы и т. п.). Елена Владимировна постаралась его успокоить, сказав, что такое внимательное, пристальное чтение любого текста заслуживает лишь благодарности; меня же настойчиво попросила остаться после семинара и поговорить с докладчиком — она хотела тем самым снять напряжение, которое могло разрушить отношения между молодыми людьми.

Сама Елена Владимировна, на мой взгляд, умела не только легко найти общий язык с самыми разными учениками, но наполнить общение с ними душевным теплом. В общении со студентами и аспирантами она всегда сохраняла необходимую дистанцию, которую выстраивала совершенно особенным образом: по отношению к универсантам Елена Владимировна проявляла исключительно высокую степень уважения, почтения и тем самым «приближала» к себе учеников, разговаривала с ними на равных, но исключала всякое панибратство.

За рамками занятий — в 188-й аудитории на кафедре истории русской литературы или во дворике филологического факультета — она в одно мгновение оказывалась окруженной студентами, выслушивала их рассказы о радостях и печалях, делилась своими воспоминаниями и новостями, говорила о своей семье — больше всего, конечно, о муже, детях, внуках. Для меня эти беседы всегда были проявлениями неугасающего интереса Елены Владимировны к происходящим событиям, ее умения самой сделать собственную жизнь насыщенной, яркой и вовлечь в нее тех, кто находится рядом.

Помню, как именно в рамках такого неформального общения в конце 2006 г. Елена Владимировна рассказала нам, пятикурсникам, о том, что готовится выход ее новой монографии, посвященной «культурной истории» имени Светлана; постоянно дополняя собственные наблюдения новым материалом, она даже уточнила у одной из моих одногруппниц, почему родители назвали ее Светланой (оказалось, дело в благозвучии сочетания имени и отчества: в словах «Светлана Васильевна» зеркально повторяются звуки: /св/ — /вс/); позднее пригласила нас всех на презентацию появившегося издания³. Не удивительно, что сохранить общение с Еленой Владимировной ученики стремились и после того, как заканчивалось обучение в университете: я знаю, что ей писали по электронной почте, отправляли сообщения в социальных сетях — и непременно получали отклики на письма.

Общение Елены Владимировны с университетскими коллегами также никогда не было «формальным». Ее души фантастическим образом хватало на всех: ей все на факультете были небезразличны, она помнила о каждом, вместе с каждым собеседником радовалась счастливым событиям его жизни, предлагала личную помощь, если узнавала, что с кем-то случилось несчастье. В этом стремлении она подчас напоминала мне домашнее божество, которое поддерживает огонь в семейном очаге.

Мне приятно рассказать о нескольких из своих личных «встреч» с Еленой Владимировной, показывающих, насколько лишенным «казенщины» было ее отношение к будничным, типовым ситуациям университетской жизни. В конце 2010 г. Елена Владимировна выступала первым рецензентом в ходе кафедрального обсуждения моей кандидатской диссертации «Лирика И. С. Рукавишников в контексте поэзии русского символизма». Центральная глава текста была посвящена описанию метрико-строфического репертуара поэта, статистические таблицы с данными по метрике и строфике составляли объемное приложение к работе. Для Елены Владимировны с ее высочайшим уровнем профессионализма восприятие и оценка специального стиховедческого исследования не были непосильной задачей: возникла необходимость, и она эту задачу решила. Позднее, на защите диссертации в феврале 2011 г., заметив оторопь некоторых коллег-филологов, не привыкших сталкиваться с цифрами в литературоведческих исследованиях, во время дискуссии Елена Владимировна сочла нужным дать по этому поводу специальный комментарий (привожу его по сохранившейся стенограмме): «Мы имеем центральную главу о строфике и метрике и две примыкающие — первую и третью. Иногда кажется (это прозвучало в некоторых отзывах), что центральная глава как бы стоит немного отдельно. У меня такого ощущения не возникло. Я все время чувствовала, как эта вторая по очереди, но первая по главности для Ольги Сергеевны глава оказывает свое влияние и на первую, и на третью главы. И кроме того, эти бесконечные таблицы и подсчеты, которые мы, не владея полностью материалом, не можем сразу прочесть, читаются Ольгой Сергеевной так, как музыкант обычно читает ноты. Для нас они мертвы, а для специалиста, стиховеда эти таблицы являются музыкальными нотами». Мне навсегда

³ См.: Душечкина Е. В. Светлана: культурная история имени. СПб., 2007.

запомнилась изысканность, даже красота заключительной формулировки, ничуть не умаляющая требуемой протоколом заседания диссертационного совета конкретности, точности всего высказывания.

С тем же неравнодушием Елена Владимировна наблюдала за моими первыми шагами в преподавательской деятельности. Когда в моей кафедральной нагрузке в «лошадиных дозах» стали появляться занятия со студентами-иностранцами, порой едва говорящими по-русски, я с отчаянием рассказала ей о том, как зачастую полностью приходится перестраивать привычный ход занятий, распланированных ранее для русскоязычных студентов. Елена Владимировна тут же смогла найти слова поддержки, напомнив, что с этой проблемой сталкивается каждый, кто преподает историю русской литературы иностранцам, и она сама не исключение; вспомнила о том, как комментировала пушкинского «Евгения Онегина» на семинаре в одном из заграничных университетов: «На первом занятии читаем: “В избушке распевая, дева / Прядет, и, зимних друг ночей, / Трещит лучинка перед ней”. Долго обсуждаем значение слова “лучина”, сочетания слов “трещит лучинка”. Вижу, что поняли. На следующем занятии переходим к следующей строфе: “И вот уже трещат морозы / И себрыются средь полей...” Теперь “трещат морозы”! На лицах студентов недоумение. Начинаю объяснение сначала...» Эта история была рассказана с улыбкой, спокойствием, даже кротостью и — одновременно — с легкой самоиронией. Все эти качества мне до сих пор кажется очень важным сохранить в общении с группами студентов-иностранцев.

В конце 2015 г., незадолго до новогодних праздников, Елена Владимировна подарила мне стиховедческие издания из их с Александром Федоровичем Белоусовым семейной библиотеки. Даже короткое письмо, посланное мне по этому поводу по электронной почте, передает теплый эмоциональный фон происходящих событий. По приведенным ниже строкам видно, что речь идет лишь об одном из многих бескорыстных подарков, которыми Елена Владимировна и Александр Федорович щедро одаривали начинающих исследователей:

Дорогая Оленька,

Я к Вам обращаюсь с, может быть, странным вопросом.

Мы сейчас разбираем нашу громадную библиотеку и раздаем те ее разделы, которые уже вряд ли нам пригодятся. Так, отдали почти всю древнерусскую литературу, литературу 18 века и еще многое. Когда-то мы занимались и стиховедением, а сейчас это стоит в стороне от наших исследовательских интересов. Я предлагаю Вам принять от нас в дар эту часть нашего книгохранилища. Если Вы заинтересуетесь, напишите, и мы договоримся о встрече у нас.

Я предлагаю это Вам <...>, потому что Вы молодой исследователь, и у Вас может не быть старых, но полезных изданий. Вам это может оказаться нужнее.

Всего доброго,

Жду ответа.

Ваша ЕВ.

Книги, о которых сказано в письме, в наше время являются библиографической редкостью — их непросто найти в электронном варианте, а уж о бумажном

не приходится и мечтать. Благодаря заботе Елены Владимировны у меня эти книги есть — и каждый раз, когда я беру их в руки, с радостью вспоминаю, что это подарок от нее.

За годы моей учебы и работы в университете именно Елена Владимировна стала для меня тем незаменимым человеком, у которого я смогла научиться исключительно важным для преподавателя качествам — снисходительности, терпимости к чужим недостаткам, вере в перспективность всех тех, кто заинтересовался профессией, готовности помогать им, не жалея сил. Никогда не говоря высоких, пафосных назидательных слов, Елена Владимировна учила меня этим особенностям преподавательского ремесла примером своей жизни — каждый раз, когда видела недостатки людей, но была готова с ними работать; каждый раз, когда стояла на своем, спорила с оппонентами, но при этом сохраняла и проявляла уважение к чужой точке зрения; каждый раз, когда с поистине христианским смирением принимала мир таким, какой он есть, и принимала его с радостью.

Татьяна Галашева (Малафеевская)

СЕМИНАР Е. В. ДУШЕЧКИНОЙ

Елена Владимировна вела наши просеминарские занятия на втором курсе филологического факультета (2010–2011 гг.), где нас учили составлять список литературы, правильно оформлять библиографические ссылки, освещать историографию вопроса. Это было время, когда перед занятием на вопрос «Как дела?» сокурсницы отвечали: «Хорошо, у меня сейчас Лаврецкий будет в любви Лизе признаваться». Елена Владимировна очень бережно отнеслась к нашей «трогательной наивности». В каждой из нас она сумела увидеть еще нам самим неведомые таланты. Занятия проходили будто в семейном кругу. Строгая программа, предусмотренная просеминаром, оставалась в стороне, у нас же целый год шел живой разговор по нескольким интересным темам, избранным каждой из нас. В то же время это был настоящий «взрослый» семинар: каждый участник выбирал одну из важнейших статей по своей теме и докладывал о ее достоинствах и недостатках, другой участник «оппонировал» докладу, высказывая свои замечания. От историографии дело постепенно переходило к собственным исследованиям. Елена Владимировна учила нас обходиться без пустых общих слов, работала над нашим стилем: «никаких “задумок”, есть прекрасное слово “замысел”». Вычитывала наши работы внимательнейшим образом по нескольку раз, исправляя и одушевляя: «Вы немного неуверенно начали, <...> но потом как-то разошлись и стали писать умно и тонко, <...> иногда слишком поэтично для научной работы. И тогда я Вас поправляла» (*из письма*). Помогала найти книги: «Я помню о нужной Вам книжке и предпринимаю все попытки (по магазинам и знакомствам) ее достать, но она как в яму провалилась. Надежды не теряю. Так что ждите» (*из письма*).

Ее наука о литературоведческой точности была обаятельной и женственной: «Девочки, вы же знаете, книга, над которой вы работаете сейчас, всегда с вами, живет в вашей сумке. Вот у меня с собой Тютчев». Знакомство с библиографическими справочниками сопровождалось замечательным напутствием в Публичную библиотеку: «Все лучшие воспоминания в жизни связаны с библиотекой!» — и выразительным рассказом о работе с газетным фондом.

Подготовка к защите работы на втором курсе была настолько серьезной, как будто это уже был диплом. Елена Владимировна волновалась, возможно, больше нас самих. Мы же были даже несколько разочарованы, когда на защите все ограничилось

вниманием к правильному оформлению работы и сносок, ведь за этот год мы далеко ушли от формальной стороны исследования к вопросам настоящей науки. Вскоре после защиты нам пришло письмо от нашего руководителя с приглашением прийти на чай: «Девочки, я уже пятый день как-то грущу после вашей (нашей) защиты. И ничего не могу с собой поделать. <...> И еще грущу потому, что поняла: больше мы уже так (как было в течение всего учебного года) не соберемся». Знакомство с домом Елены Владимировны, с удивительной разнообразной библиотекой, которая, казалось, и была главным жителем этого дома (стеллажи с книгами выстроились по квартире лабиринтом от пола до потолка), рассказы о Ю. М. Лотмане и таллиннской жизни стали нашим завершающим заседанием, самым важным.

Так случилось, что в течение четырех лет я была участником и другого семинара Елены Владимировны, который был посвящен истории русской литературы второй половины XIX века. Наша первая встреча произошла осенью моего первого курса по ошибке: еще не понимая разницы между «спецкурсом» и «спецсеминаром» (две составляющие замечательных «университетских сред») и думая только что-нибудь послушать, я пришла в маленькую аудиторию на «Олимпе». Елена Владимировна встретила первокурсницу очень радушно и объяснила, что на семинаре студенты пишут научные работы, а не просто слушают лектора. Тут же мы решили, что я тоже займусь исследованием. Мы с удивительной легкостью определились тогда же, что это будет работа об «Идиоте» Достоевского с точки зрения времени, пространства, погоды, природы в романе. Таким образом, не смутившись моей совершенной неопытностью, Елена Владимировна стала для меня главным учителем с первых дней в университете (вскоре она принесла мне учебник Е. Фарыно и некоторые статьи В. Н. Топорова), близким и дорогим человеком. В день нашей встречи я сказала, что приехала с Урала. После занятия Елена Владимировна спросила, откуда именно. Когда я назвала город, то вдруг услышала: «Так я сразу и подумала! Мы там были. Однажды моей дочери захотелось посмотреть Уральские горы. И мы жили на озере Тургояк». С тех пор Елена Владимировна иногда рассказывала кому-нибудь, что нас объединило прекрасное озеро, о котором знаем только мы. Мы так берегли это воспоминание о первой встрече и внезапной дружбе, что так и не сменили тему до самого диплома, и обе от нее под конец устали. Конечно, и я вникала в филологию не так быстро, как это могло бы быть. Одно из самых болезненных воспоминаний студенчества: суровый звонок Елены Владимировны в начале мая с приглашением на разговор к ней домой, где мы сели перед компьютером, и Елена Владимировна указала мне на недопустимые ошибки в моем тексте. Это был прекрасный урок ответственного отношения к слову, преподанный наедине.

В течение четырех лет состав нашего семинара менялся. В первый год работы «семинаристов» были посвящены женщинам в романах Достоевского («Работа принимает гендерное направление, но мне бы этого не хотелось»), гибели в «Господах Головлевых» («Люба сама выбрала тему, такая красивая девушка — такую тему»), львовскому «Путешествию на Дудорову гору» («Когда придет весна, мы с вами тоже поедем туда в ботаническое путешествие»).

Участницы университетского просеминара Е. В. Душечкиной у нее в гостях в Петербурге. Май — июнь 2011. Слева направо: Яна Агафонова, Татьяна Малафеевская (Галашеева), Е. В. Душечкина, Диана Семенова, Елена Васильева, Александра Балашова. Фото Юлии Мартынюк из архива Т. Н. Галашеевой

В какой-то момент семинар вдруг значительно разросся: он оказался единственным местом, отведенным в университете под занятия Достоевским, и несколько иностранных студентов теперь продолжали свои исследования о нем под руководством Елены Владимировны. Мне казалось, что такая специализация стала неожиданной для самой Елены Владимировны, чьи интересы были гораздо шире. Но она уважительно следовала за нами и говорила об этом: «Преподаватель больше духовно зависит от студента, чем студент от преподавателя». Так, один из участников нашего семинара долго не мог определиться со своим подходом к «Бесам» и делал доклады о романе с точки зрения разных художественных понятий. Елена Владимировна вполне принимала внезапную перемену темы и весело обращалась к другим участникам семинара: «Тогда вы знали, что такое трикстер, теперь вы знаете, что такое гротеск. Я не знаю, что это такое, как не знала о трикстере, но привыкла к нему теперь». Когда эта работа не получилась вовремя, и защита была отложена, Елена Владимировна заключила, что «случилась какая-то таинственная история», и не позволяла никому думать иначе.

Каждое заседание было посвящено докладу кого-либо из участников и тщательному его обсуждению. Елена Владимировна строго следила за тем, чтобы каждый

задавал вопросы и высказывал мнение о докладе, обучая нас научной дискуссии. С сожалением вспоминаю о том, что Елена Владимировна не только не призывала нас читать ее исследования в качестве образцов, но вообще почти никогда не упоминала о собственной большой научной работе. Она всегда становилась на семинаре скромным слушателем. Встречая во время учебы и позднее ее работы в разных сферах, я читала их с неизменным восхищением и удивлялась, почему мы никогда не обсуждаем эти интереснейшие темы, и почему Елена Владимировна никогда не указывала нам на них, а мы не догадывались просить об этом обсуждении.

И вновь, как мне кажется, главное, чем делился с нами наш научный руководитель (помимо исключительной доброты), было понятие о литературоведении как о безумно интересном занятии, неотделимом от жизни. Эта заразительная увлеченность в постановке вопросов к тексту и поиске ответа на них была важнее всех формальностей (несмотря на то, что каждый май Елена Владимировна проводила за тщательным вычитыванием и исправлением наших работ). В трудный момент моей жизни (за два месяца до защиты) Елена Владимировна писала мне о дипломе: «А работа — это все житейские мелочи, которые вспомнятся с улыбкой какое-то время спустя: “С каким удовольствием я работала над текстом ‘Идиота’”».

Когда мои интересы переместились в Древнюю Русь, мы, к сожалению, почти совсем потеряли друг друга. Однажды по моей просьбе Елена Владимировна поделилась со мной воспоминаниями об основателе Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышеве («Это один из лучших людей, которых я знала. И мой учитель Ю. М. Лотман очень его любил, относился к нему с необычайной нежностью»). В другой раз Елена Владимировна написала мне с предложением передать древнерусскую часть своей великолепной библиотеки: «Я бы была счастлива: книги <...> будут еще служить науке». Елена Владимировна писала после, что они с Александром Федоровичем очень рады: «Вы будете каждый раз вспоминать нас, беря очередную книгу с полки». Действительно, каждый раз и с большой любовью.

Сергей Орлов

ВСПОМИНАЯ Е. В. ДУШЕЧКИНУ: ПЕТРОЗАВОДСК — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Первая встреча с Еленой Владимировной выпала на зиму. Был ли это декабрь 1999-го или первые месяцы последнего года тысячелетия — утверждать не берусь, но скорее знакомство произошло в январе или феврале, поскольку у двух месяцев всегда больше возможностей вместить событие, чем у одного.

Елена Владимировна приехала в Петрозаводск для презентации сборника статей¹ памяти коллеги по Тартускому университету Петра Александровича Руднева, более двадцати лет преподававшего в Карельском государственном педагогическом институте. Если не ошибаюсь, впервые Елена Владимировна оказалась в Петрозаводске в 70-е годы, по дороге из фольклорной экспедиции.

По просьбе жены Петра Александровича, Лидии Петровны Новинской, и других членов кафедры литературы Карельского государственного педагогического института, который в то время ненадолго был переименован в университет, Елена Владимировна согласилась стать моим научным руководителем. После ознакомительного общения на кафедре литературы мы втроем с заведующей кафедрой Тамарой Васильевной Ивановой спустились по главному проспекту в филармонию, где должна была пройти презентация книги. Елена Владимировна опиралась на трость — в ту зиму в Петербурге она поскользнулась и травмировала ногу. Оказалось, и Елена Владимировна, и Тамара Васильевна были родом из Ростовской области. Дорогой вспоминали, что им выпало на вступительных экзаменах. «Видите, — сказала Елена Владимировна, — столько лет прошло, а мы все помним».

В филармонии в небольшом зале выступали филологи. Научных чтений не было, коллеги и друзья делились воспоминаниями о Петре Александровиче. Муж Елены Владимировны, Александр Федорович Белоусов, рассказал о выпущенном сборнике статей. Елена Владимировна произнесла трогательную речь. В ее глазах стояли слезы, голос иногда дрожал.

Осенью я оказался в Петербурге. Положился на авось и пролетел с гостиницей, которая была мне по карману. Елена Владимировна любезно предложила переночевать у нее. Александр Федорович был в отъезде на конференции — весь дискомфорт от нахождения в доме постороннего ложился на ее плечи.

¹ *Studia metrica et poetica*. Сб. ст. памяти П. А. Руднева. СПб., 1999.

Каждый раз, оказываясь в подъезде дома на Добролюбова, я испытывал смятение, присущее провинциалу в мегаполисе: большое внутреннее пространство наводило на мысли о герое, оказавшемся в чреве кита. Как-то раз, сопровождая Елену Владимировну, я думал о том, каково это жить в историческом центре Петербурга, добираться пешком на работу, проходя по Биржевому мосту, вдоль Стрелки Васильевского острова, заканчивая путь на Университетской набережной, и при этом бесплатно любоваться видами, растиражированными на бесчисленных открытках и плакатах. Видимо, я поделился своими юношескими впечатлениями, а может, Елена Владимировна уловила мое настроение. Так или иначе, она сказала: «Петербург так и не стал для меня своим. Я лучше себя чувствую в городах поменьше. Тарту — идеальное для меня место».

Скромность обстановки в квартире, где самым ярким предметом для меня был портрет Елены Владимировны в юности (точно такие же большие голубые глаза, как и на момент нашего знакомства), и огромное количество книг свидетельствовали — в пользу жильцов — о безоговорочной победе нематериальных ценностей над материальными.

На обед Елена Владимировна приготовила вкусный фасолевый суп. Я не преминул сообщить о том, что впервые ем фасолевый суп. Елена Владимировна не смогла сдержать удивление, сказав что-то вроде: «Где вы росли? Это самый обычный суп». Отобедав, Елена Владимировна принялась мыть посуду. В благодарность я предложил свою помощь. Тарелку я мыл медленно, стараясь добиться максимально тщательной обработки. Когда я передал тарелку Елене Владимировне для того, чтобы она вытерла ее насухо полотенцем, услышал: «Нет, давайте лучше я сама домою».

Заговорили об английском языке. Елена Владимировна рассказывала: как-то ехала в поезде, стала общаться с попутчиком, оказавшимся то ли американцем, то ли англичанином. Во время беседы совершенно неожиданно для себя вспомнила слово “*spinster*”. Мне, выпускнику иняза, это слово было неизвестно. Так я смог удивить Елену Владимировну третий раз за день.

Вечером Елена Владимировна включила телевизор, чтобы посмотреть передачу со Сванидзе, назвав его по-домашнему «Колей». Я высказал свои опасения по поводу правления нового президента. «Когда кагебешник у власти, можно ждать всего, что угодно», — был ответ.

Елена Владимировна налила по стопке водки, настоящей по собственному рецепту на рябине. Ягоду Елена Владимировна собирала где-то недалеко от дома. В качестве тоста поделилась воспоминанием о том, как в компании с Ю. М. Лотманом и другими филологами летом ходили купаться. Как после купания на пляже Юрий Михайлович высказался о важности филологической науки. Тут Елена Владимировна осеклась. Ей показалось — слова Лотмана в ее переложении прозвучали несколько высокопарно. Смутилась. «Ну, в общем, что-то такое он сказал», — поправила себя Елена Владимировна, убрав градус пафоса. Тогда же я получил совет относительно стиля научного текста: писать нужно просто, но добиться этой кажущейся простоты нелегко. То же касается и выступлений на конференциях. Больше похвал,

сказала Елена Владимировна, она слышала в ответ на доклады, которые не читала с листа, а излагала простым языком, словно рассказывала.

Именно в такой манере Елена Владимировна выступила оппонентом на защите докторской диссертации Софьи Михайловны Лойтер в 2002 году в Петрозаводском государственном университете. Ее выступление было полной противоположностью механистически-отстраненному зачитыванию. Я, замороженный, слушал неторопливую речь Елены Владимировны, которая, казалось, обращалась лично к каждому присутствовавшему в зале. Личная нота придала выступлению задушевности — Елена Владимировна упомянула дочь Катю, в пионерском лагере рассказывавшую детские страшилки.

После оппонирования мы пришли на почту: Елена Владимировна хотела купить в подарок сыну, увлекавшемуся коллекционированием карт, карту Петрозаводска. Еще, помню, сообщила, что сын разбирается в компьютерах, может разобрать компьютер, заменить деталь. Умею ли я это делать? — поинтересовалась Елена Владимировна. «Желательно научиться. Это важный навык. Пригодится».

По дороге ко мне домой Елена Владимировна призналась: в дни теракта в Театральном центре на Дубровке сильно переживала, ничего не могла делать, только следила за развитием событий в СМИ.

На обед я приготовил запеченную в фольге форель. Елене Владимировне особенно понравилась рыба кожа, которую она в шутку назвала «шкурой».

Еще запомнилось: Елена Владимировна в мельчайших подробностях рассказывала о том, как с внуком долго добиралась до дачи где-то под Питером: пригородные поезда, путаница в расписании, непогода. Прервала рассказ, рассмеялась. «Сережа, а вы все ждете, когда что-то случится. А ничего не случится. В этих описаниях, передаче своих переживаний и есть суть женских разговоров».

А тогда, осенью, на квартире Елены Владимировны мы закончили день просмотром фильма. Я назвал «Большого Лебовски» одним из моих любимых фильмов. Елена Владимировна спросила, смотрел ли я «Фарго» тех же братьев Коэнов. Ей очень нравился этот фильм. Среди причин она назвала удивительную смесь жанров, великолепную игру Фрэнсис Макдорманд, смешной акцент героев — жителей провинциальной Северной Дакоты. Мы посмотрели «Фарго», записанный на видеокассету с оригинальной звуковой дорожкой. Много смеялись. А сейчас я думаю, может быть, была еще одна не озвученная причина, почему Елене Владимировне так нравился этот фильм: между голубоглазой беременной полицейской Мардж и самой Еленой Владимировной было нечто общее — естественность, избегание пафоса и способность все успевать: заботиться о семье, заниматься домашним хозяйством, состояться в профессии.

На следующий день я вернулся из библиотеки, с радостью показал купленную книгу «Гений места»². Елена Владимировна отметила, что тексты П. Вайля и А. Гениса увлекательно написаны, но не являются научными, в отличие, например, от статей

² Вайль П. Гений Места. М., 2000.

Ахматовой о Пушкине. В тот день она подарила мне свою книгу³ с инскриптом, заканчивающимся словами «...его всея. 23.X.2000». Вечером мы были в корпусе филологического факультета. В коридоре с Еленой Владимировной поздоровался Федор Никитич Двинятин. Лекцию о романе «Анна Каренина» Елена Владимировна читала в небольшой аудитории. Подробно объясняла смысл эпитафии «Мне отмщение, и Аз воздам». После лекции я попрощался с Еленой Владимировной. До моего поезда оставалось не так много времени, но, пребывая в окрыленном состоянии, я понимал: метро мне не понадобится. В вагоне раскрыл подаренную книгу. Перечитал дарственную надпись. «Его всея» неумолимо превратились в «во всем». Перед этим стояло слово «успехов».

³ Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995.

Дмитрий Прокофьев¹

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ДУШЕЧКИНОЙ

Дорогая Елена Владимировна...

В конце сентября 1998 года по «протекции» московского литературоведа Юрия Борисовича Орлицкого, с которым незадолго до того мы сблизились в Пскове на почве общего интереса к рок-музыке, я оказался на конференции «Литературный текст: проблемы и методы исследования», проходившей в Тверском университете, где сделал сообщение на тему: «Северянин — К. М. Фофанов и М. Лохвицкая: к проблеме реминисценций». Я работал учителем-словесником в средней школе, аспирантом не был, и мой доклад, явившийся, в общем-то, делом случая, стал моим первым научным опытом. Однако он положил начало нашему знакомству с Еленой Владимировной Душечкиной.

Игорь-Северянин (впрочем, как и К. М. Фофанов, и М. Лохвицкая) — поэт, чье творчество в то время рассматривалось как явление второго порядка. Разговор с Еленой Владимировной, завязавшийся в курилке в перерыве между заседаниями, касался этого «постсоветского» литературоведческого вопроса. Помню, что ее заинтересовал мой рассказ о том, как однажды осенью в конце 1980-х годов я случайно наткнулся на Центральном кладбище в Таллинне на могилу Северянина, поразившую меня запустением: в чужой ограде, у которой высилась похожая на свалку куча пожухлой листвы. Слова на серой каменной табличке-надгробии показались мне насмешкой:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Выяснилось, что интерес к северянинской теме имел у Елены Владимировны, в некотором роде, «личный» характер. С 1918 года Эстония оказалась для Северянина второй родиной, а свою научную и преподавательскую деятельность Елена Владимировна начинала в университете в Тарту. Она была знакома с сотрудниками этого университета — основоположниками изучения жизни и творчества Северянина: знавшим поэта лично Вальмаром Адамсом, Рейном Круусом, к сожалению, рано ушедшим из жизни, и Сергеем Геннадиевичем Исаковым. Тогда же Елена

¹ Пока сборник находился в печати, мы получили печальное известие о смерти Дмитрия Семеновича Прокофьева (1963–2022). Выражаем родственникам и коллегам покойного наши глубокие соболезнования. — *Редколлегия.*

Е.В. Душечкина и Д.С. Прокофьев после защиты кандидатской диссертации Д. С. Прокофьева в Новгородском университете. 9 декабря 2003 г.

Владимировна предложила мне взяться за диссертацию о Северяnine на правах соискателя. Заметив мое замешательство, она сказала: «Я не специалист в области северяниноведения, но помогу Вам». Так у меня появился научный руководитель.

Через Елену Владимировну я дружески сошелся с двумя замечательными литературоведами: Игорем Владимировичем Фоменко, заведовавшим кафедрой теории литературы в Тверском университете, и оставившим значительный «северянинский» след Вячеславом Анатольевичем Кошелевым из университета им. Ярослава Мудрого в Великом Новгороде. Всех троих объединяли энтузиазм и особое, неформальное наставничество в отношении молодежи, увлеченной наукой. В декабре 2003 года И. В. Фоменко оппонировал мне во время защиты диссертации, проходившей в Новгородском университете, где председателем Диссертационного Совета являлся В. А. Кошелев.

Поначалу моя диссертация планировалась по «Словарю литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941)», который я уже некоторое время составлял. Сбор материалов для него сопровождался поездками в Петербург. В конце 1990-х — начале 2000-х годов процесс сканирования в российских архивах и библиотеках еще только начинался, поэтому нередко приходилось переписывать нужные документы от руки. Иногда роль секретаря-переписчика брала на себя моя жена Анна. Во время работы над «Словарем» выяснилось, что защищать по нему кандидатскую диссертацию нельзя. Тему пришлось менять на ходу на новую: «Типология литературного портрета в творчестве Игоря-Северянина». Защита моей диссертации состоялась 9 декабря 2003 года.

Северянинский «Словарь», изданный в Пскове в 2007 году, Елена Владимировна сопроводила весьма лестной для меня рецензией, которая была помещена на обратной стороне его обложки: «Словарь содержит информацию о всех литераторах, упоминаемых в текстах Игоря Северянина, живых и давно умерших, знакомых и незнакомых ему — короче говоря, всех тех, кто в той или иной мере входил в художественное сознание поэта. Задача, поставленная перед собой составителем словаря, в значительной мере расширила хронологию и географию словаря, превратив его в универсальное справочное издание»².

В одну из поездок в Петербург мы были приглашены в гости в дом на проспекте Добролюбова, где Елена Владимировна проживала со своим мужем Александром Федоровичем Белоусовым. Их квартиру мы нашли не сразу. Дом был построен как доходный до революции, после которой реквизированное в нем жилье поделили «по-пролетарски», то есть поровну. В результате советская нумерация квартир перестала соответствовать этажности. Помню, нас поразила кухня-столовая, оказавшаяся после такой перепланировки в длинном и довольно узком коридоре. Здесь, иногда за рюмкой коньяка, велись наши беседы о науке, литературе, детях, просто о жизни.

Бывали Елена Владимировна и Александр Федорович, когда приезжали в Псков, и у нас, в нашей маленькой двухкомнатной «хрущевке». Однажды они взяли с собой младшего внука — погодку нашего сына — оба Саши.

Случилось так, что в последние годы я больше общался с Александром Федоровичем. Нас сблизила общая работа, связанная с жизнью и наследием малоизвестного, но замечательного поэта и переводчика Евгения Шешолина.

Римский поэт Проперций некогда сказал: «Letum non omnia finit» — «Со смертью не всё кончается». Памятью о Елене Владимировне остаются ее письма, деловые и в то же время очень сердечные. Они приходили по мере написания моей диссертации и северянинского «Словаря». Тогда для удобства я копировал их из Internet'a в Office-Word, не придавая значения их точной датировке. Вот некоторые из них, относящиеся к 2003–2005 годам.

Дорогой Дима, посылаю Вам 3 главу. Осталось Введение. Виделись с Кошелевым, который сказал, что в сентябре Вы сдаете у них экзамен, а дальше он Вас ставит на защиту. Заключение вышло на днях (2 главу, которая давно правлена, я ведь Вам, кажется, послала?). Я хотела бы прочесть работу еще в распечатанном виде. На экране трудно улавливать какие-то концептуальные вещи. Когда будете распечатывать, сноски дайте тоже кеглем 12. А то трудно читать. Интервал пусть останется одинарным, а кегль увеличьте. Далее: ни в коем случае не давайте сноски рядом. Просто их объединяйте. Одна сноска может содержать несколько тем. Как говорила раньше, никаких энциклопедических данных в сносках не должно быть (там объяснение, кто такой Шаляпин и пр.).

Этот список дайте в приложении, если так хотите. Не дадите ли Вы в приложении и сам словарь? Это бы очень повысило ценность Вашей работы.

² Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941): био-библиографическое издание. В 2 т.: Т. 1. Словарь. Т. 2. Приложения и указатели. / Сост. Д. С. Прокофьев. Псков, 2007.

Мне кажется слабоватой концептуальная часть работы. Но об этом трудно судить: я читала по главам и какие-то вещи расплзались. Еще я бы облегчила сноски. Какие-то вещи вполне можно было бы дать в тексте, как иллюстрации к Вашим рассуждениям. С фактографией и стройностью все в порядке. Материал Вы знаете. Ну, вот пока и все.

Привет Вашим,
АФ кланяется.
Всего доброго,
Ваша ЕВ.

Дорогой Дима, была в Москве, занималась, поэтому отвечаю Вам с опозданием. Дима, до тех пор, пока не будут сданы два экзамена в Пскове (что нужно сделать как можно скорее), предзащиту проводить нельзя. Поэтому, если предзащита назначена на октябрь, то в сентябре это нужно обязательно сделать. Не стоит особенно работать над авторефератом, пока не было предзащиты. На предзащите могут сделать замечания, которые Вам надо учесть. Теперь об учреждении, при котором была выполнена диссертация. Об этом я Вам при встрече, кажется, забыла сказать. Если Петрозаводский пединститут будет ведущим учреждением (о чем еще надо договориться), то учреждением, при котором писалась диссертация, надо сделать кафедру теории (с И. В. Фоменко я поговорю). Они имеют на это право. Но и с теми, и с другими я смогу начать договариваться, когда будут сданы экзамены, и когда работа будет рекомендована к защите. Не раньше. Так что прошу Вас поспешить в Пскове. Нужно также узнать, нет ли какого-нибудь обязательного срока, который должен пройти между сдачей экзаменов и защитой, между предзащитой и защитой, между рассылкой автореферата и сроком защиты. Надо с этой точки зрения внимательно просмотреть все бумаги ВАКа о порядке защиты.

Ну, вот, кажется, пока все. Я приступаю к работе, которой неспроста.

Держите меня в курсе. Ну, даже если в декабре защита еще не состоится, а будет отложена на месяц-два — ничего страшного — главное, что работа есть. Остались формальности.

Всего Вам доброго. Сердечный привет Анне, которая мне очень понравилась.
Ваша ЕВ.

Дорогой Дима, поздравляю Вас с успешной сдачей философии и желаю успеха с языковым экзаменом. Конечно, после сдачи немецкого Вы можете уже вплотную браться за автореферат. Диссертацию я Вашу понемногу читаю, в перерывах между другими делами, которых, как и всегда, прорва. Мне кажется, что получилось хорошо, не говоря уже о безусловной научной ценности и самой работы, и — прежде всего — словаря.

Сообщите мне сразу же о результатах сдачи последнего экзамена, и тогда я буду связываться с Карельским пединститутом, прося их стать ведущим учреждением, и с кафедрой теории с тем, чтобы они согласились бы стать организацией, при которой выполнялась Ваша диссертация. Думаю, что с И. В. Фоменко проблем не будет. Он неизменно тепло о Вас отзывается.

Ну, вот, кажется, все.

Будьте здоровы, Анне сердечный привет, АФ кланяется.
Ваша ЕВ.

О, Дима, я Вас поздравляю! Вот теперь я, действительно, поверила в то, что защита 9 декабря состоится! Ведь надо было эти дурацкие экзамены поскорее свалить. И вот теперь это уже почти позади. Думаю, что в Новгороде с экзаменом по специальности никаких особых проблем быть не должно, но Вы все-таки спросите у Кошелева относительно вопросов, на которые Вам надо будет отвечать на экзамене. Эти вопросы часто даются

заранее и так или иначе связаны с темой диссертации. По крайней мере, узнайте у него, как будет проходить экзамен.

Так. Теперь далее. Я постараюсь приехать в Новгород на предзащиту. И тогда привезу Вам правленный мною экземпляр, который Вы у меня оставляли, но если вдруг это мне не удастся, то придется Вам захватить за ним в Питер. Там, конечно, мелочи, но все же и их, м. б., стоит учесть.

Известно ли Вам, что на предзащите обычно бывает два оппонента, которые должны прочесть работу, сделать замечания и рекомендовать (или же не рекомендовать) ее к защите? Таков порядок.

Эти люди, насколько я понимаю, должны быть с кафедры, при которой работа выполнялась, а ею, насколько я понимаю, будет кафедра Кошелева. Так что и предварительные оппоненты должны быть оттуда. На основании их рецензий должно быть вынесено решение кафедры — рекомендация диссертации к защите. Так что с Кошелевым обсудите срочно и этот вопрос — как он собирается проводить предзащиту?

Об оппонентах на настоящей защите пока не думайте. Этот вопрос нам надо будет обдумать вместе с Кошелевым. Нужен один доктор и один кандидат. Это можно решить во время или после предзащиты.

Вот, кажется, все. Так что поздравляю еще раз, хотя, как видите, возни еще предстоит много. Кстати, Вы знаете, что к предзащите автореферат еще не нужен?

С приветом Анне,
Ваша ЕВ.

Дорогой Дима,

Ваш вопрос вовсе не наивный, а вполне деловой. Насколько я знаю, нужны 2 экземпляра (для оппонентов), 1 экземпляр (для ведущей организации) и один непереплетенный экземпляр для ВАКа (который они переснимают — то ли ксерокопируют, то ли как-то переснимают). Но в Новгородском совете надо еще уточнить.

Об оппонентах поговорите с Кошелевым. Один из них должен (или может быть) из совета — для этого, кажется, удобен Мусатов (а он доктор). Второго я не знаю, кого Вам посоветовать, поскольку 20-вечников вообще плохо знаю. М. б., посоветует Кошелев?

Успехов Вам. Привет от АФ, а от меня Анне.
Ваша ЕВ.

Дорогой Дима, только что говорила по телефону с И.В. Фоменко. Штука в том, что он, как и Орлицкий, в то же самое время едет в Польшу и на то же самое мероприятие. Дима, он готов быть либо оппонентом, который напишет отзыв, но присутствовать не будет (это вполне допускается ВАКом — один оппонент может отсутствовать), либо написать отзыв ведущей организации.

Сообщите мне, пожалуйста, кем Вы выбираете Фоменко, и я сообщу ему.

Дима, поздравляю Вас и Анну с 2-х-летием Вашего Жука, а Вы в этот же самый день можете поздравить нас с днем рождения нашего Жука, которому сегодня исполнилось 28 лет.

Всего Вам доброго. Привет от АФ.
Ваша ЕВ.

Дорогой Дима, сегодня только вернулась из Эстонии, где была больше недели.

Отвечаю на Ваше письмо. Автореферат Ваш получила, хотя посмотреть его еще не успела. Сделаю это сегодня же вечером (ночью). В каком виде должна была прийти мне Ваша диссертация? По e-mail? Тогда получила как раз накануне отъезда.

Далее ответы на вопросы, которые Вы задаете в последнем письме.

На защите Вам слово будет даваться несколько раз.

Вначале Вам предоставят слово по изложению содержания диссертации — постарайтесь уложиться в 7–8 минут — изложение задачи, содержания и главных положений работы. Подготовьте письменный текст на 3 стр. через полтора интервала. Он пойдет и в ВАК — технически — бумага под названием «вступительное слово диссертанта». Как-то так. Это не суть важно, потом, когда Вы будете оформлять бумаги для ВАКа, Вам скажут. Далее Вам задаются (или же не задаются) вопросы членами совета по диссертации. Вы на них отвечаете. Далее предоставляется слово первому оппоненту, после выступления которого дается слово Вам. Вы благодарите его за тщательное и внимательное прочтение Вашей работы и отвечаете на его замечания. С чем-то соглашаетесь, на что-то возражаете. Еще раз благодарите. Далее оппонент говорит, что удовлетворен (или не удовлетворен — это бывает редко) Вашим ответом. Поскольку оппоненты дают соискателю свои отзывы заранее, то Вы можете подготовиться к своим ответам заранее. То же происходит и со вторым оппонентом. После чего объявляется дискуссия, в которой принимают (или не принимают) участие члены совета. Бывает так, а бывает и иначе. Далее дискуссия закрывается, и переходят к голосованию. Избирается счетная комиссия из членов совета. Раздаются бюллетени, подсчитываются голоса, и после этого все присутствующие созываются в зал, и объявляются результаты голосования. После этого еще совет подтверждает результаты голосования, обсуждается бумага на 1 стр. — решение совета. И Вам дается заключительное слово, в котором Вы благодарите всех: председателя совета, членов совета, всех оппонентов, руководителя, всех присутствующих, а также еще и тех, кто Вам помогал, — жену, сына, друзей и особенно значимых для Вас людей. После этого мы все бежим Вас поздравлять. Вот и все.

Кажется, весь ритуал описала. Не волнуйтесь. Я думаю, что все самое тяжелое уже позади.

Всего Вам доброго, Анне привет.

АФ. кланяется.

Ваша ЕВ.

Дорогой Дима, ради Бога, простите молчание — у нас все — все 5 человек, которые сейчас живут в моем доме — больны гриппом, в том числе и маленький 1,5-летний Саша. Я помню обо всех Ваших делах и непременно отвечу Вам до Вашего отъезда в Новгород.

Ваше вступительное слово вполне нормально — я его прочла, но неотреагировала. Думаю, что еще будет время, и подправлю кое-где.

Простите, пишу с ребенком на руках. Его мама совсем свалилась в гриппе.

Вы, главное, не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Ваша ЕВ.

Дорогой Дима, наконец в нашем непрекращающемся потоке болезней (все еще продолжающемся) нашла время более или менее внимательно просмотреть Ваше вступительное слово. Прочтите мою правку. Если с чем-то не согласны, оставьте, как у Вас есть: это Ваше право.

До встречи во вторник.

Не волнуйтесь: все будет в порядке.

Привет Анне.

Ваша ЕВ.

Дорогой Дима,

ради Бога простите за молчание. Я совсем замоталась в сессионных делах и действительно — не только давно не писала, но и не ответила на Ваше письмо от 11 мая.

Только что вернулась из Новгорода, где оппонировала одну из трех защищавшихся там работ. Поехала туда прямо с экзамена, а вернувшись, тут же помчалась на защиту дипломов на нашей кафедре. Так и живу. В начале июля должен начаться отпуск, но до этого необходимо еще сделать какое-то немислимое количество дел.

В июле поеду со старшими внуками в профилакторий “Петергоф”, куда выбила путевки в университете. По крайней мере, жратву готовить не надо будет. А там посмотрим, как сложится. С мальчиками же хочется пожить и пообщаться. Самый младший растет, уже с начала мая, на даче. 20-го мая ему исполнилось 2 года, но он упорно не хочет говорить, прекрасно обходясь десятком слов, мимикой и жестами. Надеемся, что заговорит все-таки.

Дима, отвечаю на Ваш майский вопрос. Вернее, не очень хорошо знаю, как на него ответить.

1. Вы спрашиваете, делать ли во вступительной статье к словарю главный упор на типы литературных портретов. Мне кажется, что для словаря это не столь существенно. Ведь диссертационная тема возникла как выход из положения. Словарь, насколько я понимаю, составлялся с другими целями — в большей степени биографическими. Поэтому — не стоит ли делать в статье главный упор именно на биографических соприкосновениях — будь то историческое для Северянина лицо, или же его современник — друг-приятель-враг.

2. На вопрос, как обозвать этот труд (то есть — вступительную статью или сам словарь??), будет видно, когда он будет готов. Если это вступительная статья, то можно так и назвать. Можно как-нибудь так: «Ключ к словарю...» или что-нибудь в этом роде.

Вот, кажется, на вопросы ответила.

Как у Вас/вас дела? Что нового говорит Жук? Где собираетесь отдохнуть (что необходимо?).

Анне сердечный привет. АФ кланяется.

Всего доброго,

Обнимаю вас всех,

Ваша ЕВ.

Мария Андрианова

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

Когда я думаю о Елене Владимировне Душечкиной, мне на ум приходят такие слова, как честность, доброжелательность, искренность, ответственность, ум, обаяние, чувство юмора. Всеми этими качествами она в полной мере обладала. Я училась у нее непосредственно только в аспирантские годы (она вела у нас аспирантский семинар), но знакома с Еленой Владимировной я была, конечно, раньше, еще со второго курса, когда впервые выступала на студенческой конференции, одним из руководителей которой она была. Благодаря Елене Владимировне наши секции конференции всегда проходили живо, интересно, доклады обсуждались активно, но в доброжелательной атмосфере, так что никто не уходил обиженным.

На третьем курсе меня стали приглашать на кафедральные праздники, и надо отметить, что именно там Елена Владимировна раскрылась для меня не только как преподаватель, но и как очень обаятельная, талантливая, яркая женщина с замечательным чувством юмора. Помню, как она перекидывалась шутками с Михаилом Васильевичем Отрадиным, дружески подтрунивала над нами (мною и моими подругами-лаборантками), помогая нам в хлопотах над праздничным столом. Она общалась на равных со всеми, будь то заведующий кафедрой или студенты, и вокруг нее ощущалась атмосфера доброжелательности и искренней заинтересованности в собеседнике.

Во время аспирантских семинаров Елена Владимировна никому не давала отсидеться и отмолчаться, каждый должен был не только представить свою работу, но и активно обсуждать чужие, что, конечно, способствовало нашему профессиональному росту. У нее не было любимчиков, но к чужим аспирантам она относилась точно так же, как к своим, и всегда готова была помочь советом и делом. Например, именно Елена Владимировна рекомендовала меня на работу в Пушкинский Дом.

На кандидатском минимуме, помню, все боялись идти отвечать первыми, тогда Елена Владимировна сказала: «Что ж, я покурю, подожду» и присела у окна (тогда на кафедре еще можно было курить). И тут я набралась наглости и предложила: «А давайте я вместе с Вами покурю, а потом пойду отвечать». Она рассмеялась и согласилась. Но, несмотря на весь демократизм, преподавателем Елена Владимировна была строгим и требовательным: чтобы получить у нее пятерку, нужно было действительно постараться.

После окончания университета я бывала в родных стенах куда реже, чем хотелось бы, но неизменной радостью для меня были встречи с любимыми преподавателями, ряды которых, к сожалению, редели. Поколение профессуры, учившей нас, теперь стало легендой, историей. Вот и Елена Владимировна ушла. Последний раз я виделась с ней на защите Мариса Медниса. Отмечали узким кругом в ресторане, и я восхищалась бодростью и позитивным настроем Елены Владимировны, который не покидал ее, даже несмотря на не лучшее самочувствие — недавно у нее был перелом шейки бедра. Она еще пошутила, что они с мужем как лиса Алиса и кот Базилио. Да, она не жаловалась, она смеялась над трудностями, мужественно и стойко преодолевая их. Вообще Елена Владимировна была внутренне свободным человеком, искренним, доброжелательным и равнодушным. И мне будет очень не хватать ее улыбки, ее шуток, ее «Маша, как дела?».

Мария Елисеева

ДИССЕРТАЦИЯ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ

В апреле 2014 года, когда я заканчивала четвёртый курс филфака СПбГУ, я задумалась, что я буду делать дальше, написав и защитив диплом бакалавра. Совершенно чётко представляя себе, что в магистратуру поступать нужно, я не могла сформулировать, чему же будет посвящена моя магистерская диссертация. И вдруг осенило: конечно, Лизе Тушиной, тому единственному персонажу «Бесов», чья судьба меня тронула по-настоящему ещё при самом первом прочтении романа, в школьные годы, той Лизе, к которой я обращалась за год с небольшим до этого в своём лирическом стихотворении, называя её милой подругой.

О том, кто сможет стать моим научным руководителем, я долго не думала. Рассуждала я так: или Елена Владимировна Душечкина меня поддержит, или никто больше не возьмётся за эту тему. У меня не было надёжных оснований рассчитывать на поддержку Елены Владимировны: мы до этого виделись только однажды, в мае 2012 года, когда я защищала в её присутствии свою первую курсовую работу. Однако я всё же написала Елене Владимировне на электронную почту. Объяснила, кто я, приложила к письму очень нечёткий примерный план будущего исследования (забегая вперёд, можно сказать, что план этот впоследствии сильно изменился), приложила даже своё стихотворение. Елена Владимировна похвалила и стихотворение, и план, отметив коротко, что мои творческие наклонности могут помешать мне написать работу в строго научном стиле, но выразила мнение, что работа может быть полезной. Договорились вернуться к этому разговору, когда обстановка будет более благоприятной.

Моё поступление в магистратуру было непростым. Меня зачислили не в ту образовательную программу, в которой я планировала учиться. Так что пришлось семестр заниматься не русской литературой, а фольклористикой и мифологией. Планируя перевестись в следующем семестре на русскую литературу, я, тем не менее, на всякий случай собирала материалы для магистерской на фольклорную тему — «Специфика параметров устной речи в сказке (корпус аудиозаписей сказочной речи Вологодской и Архангельской областей)», — так как перевод мог и не получиться. С Еленой Владимировной мы не могли видеться, я не могла посещать её семинар, что огорчало нас обеих. Но мы договорились, что в случае моего благополучного перевода на русскую литературу сразу же начнём активно заниматься диссертацией о Лизе.

В начале 2015 года мой перевод состоялся, и мы активно взялись за работу. Первоначально у меня была идея исследовать не только образ Лизы Тушиной в романе «Бесы», но и в инсценировках романа. Елена Владимировна порекомендовала от этой идеи отказаться, так как, во-первых, тексты многих инсценировок трудно получить, во-вторых, в пьесах действуют свои сценические законы, которых я не знаю. Нелегко было признать, что я не продумала этого, планируя включить в работу инсценировки. Так Елена Владимировна преподала мне первый урок: лишнее нагромождение замыслов нужно отсекаать, какими бы оригинальными они ни казались.

Дальше началась кропотливая мелкая работа. Долго думали над названием диссертации. Был вариант: «Роль Лизаветы Николаевны Тушиной в творчестве Достоевского». Мне он казался более значительным, указывающим на масштаб исследования. Но окончательный вариант названия — «Образ Лизы Тушиной в романе Ф.М. Достоевского “Бесы”». Я не сразу согласилась с этим вариантом, но Елена Владимировна мне объяснила, что этот вариант правильнее, и раз уж я действительно ставлю в центр исследования конкретного персонажа, то слово «образ» в названии обязательно. Примерно того же мнения были другие сотрудники кафедры, обсуждавшие название темы моей диссертации.

К тексту, который я присылала, Елена Владимировна относилась крайне внимательно. Обычно она помечала жёлтым цветом те фрагменты текста, которые требовали какой-то доработки, изменения или полного удаления. Я сказала ей, что не смогу ориентироваться на её цветковые пометки, и она стала отмечать неудачные фрагменты моего текста, заключая их в круглые скобки. Это я могла заметить и внести в текст изменения.

Главный урок, который я вынесла вследствие работы над этим исследованием, Елена Владимировна преподавала мне долго, почти все те полтора семестра, в течение которых я писала работу. Елена Владимировна старательно правила стиль моего текста. Она говорила мне не раз при встречах на спецсеминарах, что я отношусь к Лизе Тушиной как к человеку, а это неправильно. Персонаж — учила Елена Владимировна — это конструкт из художественных приёмов, и моя задача как исследователя — вычислить, какие это приёмы. А я всё пыталась писать о Лизе как о живом человеке с трагической судьбой, и Елена Владимировна всё правила и правила мой стиль. В полной мере поняла и прочувствовала я ту концепцию, к которой меня подводи́ла Елена Владимировна, только в марте 2016 года, за несколько месяцев до защиты магистерской диссертации. К счастью, основной массив текста был написан, нужно было только переделать написанное так, чтобы оно соответствовало понятой мной концепции исследования.

В итоге у меня получилась неплохая диссертация. Не такая широкомасштабная, как грези́лось мне до начала работы, зато рецензент из ИРЛИ Анна Глебовна Гродецкая оценила её высоко.

Так или иначе, Елена Владимировна не только помогла мне осуществить мечту, но и дала важные уроки, которые мне помогли в дальнейшем, когда я училась в аспирантуре.

Александр Степанов

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА В ТВЕРИ

О Елене Владимировне Душечкиной я впервые услышал от Игоря Владимировича и Лидии Павловны Фоменко. «Настоящий профессионал», – говорили они с уважением, но по-домашнему просто, как будто речь шла о соседке-молочнице. Ситуация проявилась, когда Лидия Павловна открыла «тайну» родственных отношений «Игоря и Лены». Оказалось, что они – двоюродные брат и сестра («Лена» младше «Игоря» на четыре года), но каждый пришел в филологию своим путем. Елена Владимировна окончила Тартуский университет, училась у Ю.М. Лотмана, а в аспирантские годы – у Д.С. Лихачёва. И.В. Фоменко, напротив, был самоучкой: окончил филфак Ростовского-на-Дону пединститута, где интересовался больше туризмом (руководил секцией) и походами, о своих преподавателях никогда не рассказывал.

От него я узнал о работах Елены Владимировны по древнерусской литературе, жанру святочного рассказа, а позже о двух замечательных книгах, посвященных истории ёлки и имени Светлана в русской культуре. В них увлекательность изложения соединилась с научной добросовестностью и широтой эрудиции, позволявшей выйти за пределы филологии в область других дисциплин: истории, этнографии, семиотики культуры, повседневной словесности и др. Эти книги для меня – часть основного фонда отечественной гуманитаристики.

Елена Владимировна и Александр Федорович были желанными гостями в Тверском университете сразу на двух кафедрах – теории литературы и истории русской литературы, и, конечно, в доме Фоменок в окрестностях Твери. Они приезжали летом на несколько дней из закованного в гранит, продуваемого Петербурга, чтобы посидеть под яблонями в саду, услышать полет шмеля, побродить по соседнему ельнику или прогуляться до березовой рощи; заезжали и просто так, на день-другой, когда возвращались из поездок в Москву или другие регионы. Договариваясь с Фоменками по телефону о визите, можно было услышать: «У нас сегодня Белоусовы. Приезжайте завтра, если удобно». На следующий день Елену Владимировну и Александра Федоровича сменяла новая порция гостей.

Другим поводом для встреч были защиты кандидатских диссертаций в совете Тверского государственного университета учениц Александра Федоровича: Марины Владимировны Калашниковой о современном альбоме (2004) и Светланы Геннадьевны Леонтьевой (Маслинской) о литературе пионерской организации (2006). В день защиты к соискателю прибывал московско-питерский десант из преданных друзей (многие из них стали первоклассными преподавателями и учеными), и имена Елены Владимировны и Александра Федоровича не сходили у них с уст.

Мы тоже наезжали в Петербург: были с Юрием Викторовичем Доманским на юбилее Александра Федоровича Белоусова в 2006 году, помню свой приезд на VII Детские чтения «Переделка как явление культуры» в 2008-м. На конференции выступал в основном «молодняк», а Елена Владимировна, Александр Федорович и Павел Анатольевич Клубков слушали все доклады, участвовали в дискуссиях и веселили присутствующих остроумными репликами, которыми перебрасывались по ходу выступлений. Успех собранию был обеспечен. Оно закончилось импровизированным «банкетом» с пионерскими песнями под гитару. Елена Владимировна и Александр Федорович были рады этому «симпозиону», состоящему из сравнительно молодых и здоровых душ на начальном этапе долгого странствия.

Иногда я звонил Белоусовым, когда приезжал в библиотеку или к друзьям, и Елена Владимировна с Александром Федоровичем приглашали в гости. Пили чай, обменивались новостями и книгами, рассказывали о сокращениях в университетах, сопровождаемых слиянием кафедр. Никогда не говорили о политике (это казалось моветоном), но по отдельным репликам можно было догадаться, что Елену Владимировну не устраивала ситуация несменяемости власти, где глава государства – бывший сотрудник спецслужб.

В США жили дочь, внуки, и Елена Владимировна – самоотверженная мама и бабушка – регулярно летала в Нью-Йорк, фактически живя на две страны, успевая читать лекции русским и американским студентам. Ее охотно приглашали с чтением курсов в университеты стран Балтийского региона – Даугавпилсский, Таллиннский, Университет Йёнсуу (Университет Восточной Финляндии). Хорошо знала Елена Владимировна и российские города (Петрозаводск, Великий Новгород, Тверь, Ярославль и др.), куда ее звали на конференции, оппонирование диссертаций. В СПбГУ, помимо основного курса по истории русской литературы XIX века и спецкурса по поэтике, она вела аспирантский семинар, и я знаю, с какой благодарностью вспоминают Елену Владимировну его участники.

В интервью эстонской газете она назвала встречу с Юрием Михайловичем Лотманом одной из главных жизненных удач. О том, что станет профессором Петербургского университета, никогда не думала и вполне могла представить себя «как в каком-либо провинциальном русском городе, так и в заграничном университете». Эти широта, скромность, демократизм, воспитанные не без влияния взрослой и детской литературной классики, которую она перечитывала всю жизнь, делали ее мудрым и отзывчивым собеседником. Общением с ней дорожили все, в особенности молодые коллеги.

Хорошо помню Елену Владимировну на 70-летию Игоря Владимировича Фоменко. Она начала гост с рассказа о том, как обрадовалась в детстве, узнав, что у нее есть старший двоюродный брат. Помню и о другом событии – конференции памяти Фоменко, куда, несмотря на холод и гололед, она не могла не приехать... Обоим было отпущено 79 лет.

Мы будем помнить Вас, Елена Владимировна, как помнят тех, кто больше и лучше нас, кто своим примером показал, чем стоит заниматься, и пробудил к этому интерес у учеников.

Элина Васильева

ТА САМАЯ...

Елена Владимировна Душечкина была и будет для меня одним из тех людей, которые ассоциируется с понятием о высокой науке. Когда в 90-е годы (прошлого столетия) я начинала свою работу в Даугавпилском университете, профессор Федор Полиевктович Федоров всеми возможными и невозможными способами превращал Даугавпилс в ученый топос: у нас ежегодно проходили международные научные конференции, на которые съезжался цвет европейской русистики и литературоведения. Имена в программе конференции вызывали священный трепет — «тот самый...». Особый клан являла собой «питерская команда». И для меня все представления о питерской интеллигенции, университетской профессуре воплотились в образе той самой профессора Душечкиной. Странно, я всех запоминала в основном по фамилии, а Душечкина вошла в мое сознание именно как Елена Владимировна. И в этом заключалось все. Она была воплощением не просто ученого, а УЧЕНОГО-ЖЕНЩИНЫ (вот именно так: все с большой буквы). Высокая, с короткой стрижкой, напоминавшей о Мирей Матье, в брюках (!).

И тогда появился тот самый, но с тех пор такой близкий и знакомый, образ: Елена Владимировна на улице (обязательно!) возле здания, где проходит конференция (все равно какого здания — Даугавпилский Университет, Вильнюсский Университет), на слегка опущенные плечи наброшена кофта или платок (ну потому, что вынудили выйти на улицу, теперь можно не торопиться), а в руках теплится сигарета (так уверенно, по-дамски, и стильно, что это вызывает восхищение, и не надо ничего доказывать про здоровый образ жизни!). И она говорит своим низким голосом, говорит медленно, переспрашивая, уточняя, рассказывая.

Даугавпилсу очень повезло: дважды профессор Душечкина читала у нас лекции. Оба ее приезда были событием! В Википедии (уж простите) в статье, посвященной Елене Владимировне, эти замечательные лекции упомянуты: «В 1990, 1992, 1996 годах как приглашенный профессор преподавала русскую литературу и вела семинары в ряде зарубежных университетов: в Университете штата Нью-Йорк (г. Олбани, США, 1990, 1992, 1994), Канзасском университете (г. Лоренс, США, 1996), читала курсы лекций в Даугавпилском педагогическом университете (Латвия, 1999, 2001), в Университете г. Йоэнсуу (Финляндия), Таллиннском университете (Эстония) и т.д.». Мы были следующими за престижными университетами США. Она

выбрала нас, она была с нами. В современном филологическом научном пространстве монографии Е. В. Душечкиной «Русский святочный рассказ: становление жанра», «Русская ёлка: История, мифология, литература», «Светлана. Культурная история имени» стали классикой. А мы, студенты и преподаватели Даугавпилсского университета, были свидетелями рождения этих книг. Елена Владимировна говорила увлекательно и понятно (влияние Тартуской школы роднило ее с нами). Я настолько вдохновилась ее системным видением святочного сюжета, что рискнула окунуть студентку бакалавриата в тему рождественской сказки в российском кинематографе. И конечно же, теоретическая часть работы изобиловала цитатами из монографий Елены Владимировны.

А потом была удивительная поездка в Израиль в 2005 году на международную конференцию «Мессианство в славянских культурах», которая проходила в Еврейском университете и организатором которой был Самуил Шварцбанд. Там собралась совсем другая научная команда, большую часть которой я не знала, поэтому тихо стояла в стороне. И тут в холл для регистрации зашла Елена Владимировна, увидела меня, обрадовалась (для меня это было таким счастьем) и сразу начала обсуждать все происходящее: куда пойдём, где поселились, когда будет кофе. Успела пожаловаться, что при регистрации багажа в аэропорту у нее отобрали маникюрные ножницы, и это обидно. С тех пор я каждый раз вспоминаю про ножницы, острые предметы в аэропорту (спасибо, Елена Владимировна, научили). Мне стыдно, но тот иерусалимский доклад я не запомнила, зато запомнила всякую ерунду, но от этой ерунды так тепло и уютно. А одно из ярких воспоминаний о той поездке — покупка сувенирных плюшевых верблюдинок. Елена Владимировна всегда искала подарки для своих внуков, мне тоже нужно было что-нибудь привезти из поездки сыну. Но не могла же я признаться ученым мужам, что мне нужен какой-нибудь детский магазин. Тут оказалось, что мы совпали с Еленой Владимировной в своих чаяниях. С ней было не страшно. Мы быстро поняли, что в обильной культурной программе в магазин нам не попасть, поэтому решили пойти по пути наименьшего сопротивления: купить сувенирную игрушку — мальчики маленькие, машинка, конечно, была бы лучше, но мягкая игрушка сойдет. Несколько раз мы отставали от группы (Елене Владимировне было очень важно, чтобы мордочка у верблюда была посимпатичней), на нас косо посматривали, но прочесть ей нотацию никто не посмел.

В Елене Владимировне поразительным образом сочетались бытовая непрактичность и умение превращать бытовое общение в захватывающее занятие. Все, что всплывает в памяти, имеет отношение не к научной деятельности, а к тем бытовым контекстам, которые их сопровождали: сувенирные верблюдики, странные бутерброды во время кофейной паузы в Пушкинском Доме, игрушечная бетономешалка, которую мы искали в магазинах Даугавпилса, потому что внук в тот раз попросил ее привезти именно такой диковинный подарок

А потом появился Фейсбук. И Елена Владимировна с юношеским азартом подхватила эту модную традицию виртуальной реальности. Она так много успела рассказать о себе, о своей семье. Возникало ощущение, что я знаю ее маму, ее сестер,

а ее рассказы были настолько живыми, что иногда я ловила себя на мысли: а почему фотографии черно-белые? Мне было интересно. А Елене Владимировне было интересно (причем искренне, без натяжки) следить за тем, что происходит в жизни других. Она совершенно замечательно комментировала фотографии. Причем чем «дурнее» была фотография, тем естественней и веселее были ее комментарии. На мое последнее поздравление с днем рождения Елена Владимировна написала: «Хочется в мае в Даугавпилс (как всегда)». Спасибо за скобки! Буду скучать...

*Валентин Головин, Марина Калашикова,
Михаил Лурье, Анна Сенькина*

ДУШЕЧКИНА И МЫ, ИЛИ О БАБУШКИНОМ БОРЦЕ, СЕМЕЙНЫХ ПОДСТАКАННИКАХ И ТЕПЛЫХ ЧЕРВЯКАХ

Мемуары как жанр требуют иллюзии цельности и выстроенного нарратива, в центре которого фигура мемуариста. А наши воспоминания о дружбе с Еленой Владимировной, начавшейся еще в девяностые, напротив, фрагментарны и по большей части коллективны, как и сами моменты этой долгой дружбы, которая связывала с ЕВ не только авторов этих строк, но довольно большую компанию «младших товарищей». Дружбы не только долгой, но и очень насыщенной — встречами, поездками, конференциями, застольями, взаимным гостеванием, перепиской, фейсбучными постами и комментариями, и бесконечными разговорами на бесконечные темы. Осенью 2021 года мы собрались вчетвером, помянуть и повспоминать. Ниже — фрагменты записи этого разговора и фотографии тех лет.

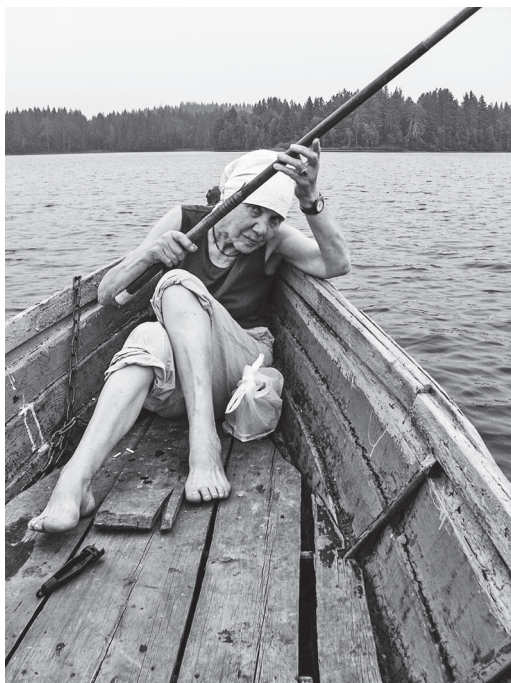

Конференция «XV Виноградовские чтения».

Рядом с Е. В. Душечкиной — В. Головин, М. Лурье, А. Белоусов. Усолье, 2012. Фото А. Сенькиной

* * *

ВГ: ЕВ хорошо плавала и занималась в Прибалтике спортом, плаванием. И занимала даже места на республиканских соревнованиях, она рассказывала. А еще любила рассказывать, как она держала червяков за щекой, когда они в детстве ловили рыбу. Когда она была маленькой. Чтобы червяки были живые, она все время держала их за щекой. Рассказывала, когда мы купались в Любытинском районе вместе с Ильей Маслинским. Он кидал камни, а мы плавали, это было лет 6 назад. Это когда мы ездили в деревню к Маслинским, и она посещала в этом районе места своих предков. Один из ее великих предков Душечкиных был доктором, очень известным, где-то там, под Боровичами.

*Рыбалка на Тикшином озере.
Карелия, 2010. Фото М.Л. Лурье*

*На берегу Новинского озера с А. Сенькиной.
Карелия, 2010. Фото М. Лурье*

МЛ: Мне она тоже это рассказывала, когда они с АФ¹ гостили у нас в Тикше, это был 2010-й год. Это где-то там, на севере, в Хибинах, в ее детстве — ловили рыбу, а ей только давали червяков за щекой подержать. Чтобы были тёпленькие. В Тикше мы тогда удили с лодки, и ЕВ поймала больше всех, целое ведро окушков и плотвичек. Потом всю ночь чистили. Вообще мы чудесно проводили там время. У них тогда была большая семейная поездка по Карелии, и после нас они отправились на Беломоро-Балтийский канал.

¹ АФ — Александр Федорович Белоусов, муж Е.В. Душечкиной.

* * *

АС: А помните этот тазик, точнее, ванночку для стирки, в которой лежали все дети? Твои лежали? Должны были лежать.

МЛ: Вот не помню. Я приходил к ним с младенцем Яшей, когда мы колядовали на Рождество. Он был грудной, значит, это было в начале 93-го года.

МК: Это был «Царь Ирод». Яша «играл» дитя Рахили. Катя отлично голосила — Катя играла Рахиль, это было громко и выразительно.

МЛ: ЕВ и АФ очень на него умилялись и говорили: «Яшка — красная рубашка!»

АС: У ЕВ на стенке в ванной висела цинковая ванночка. Она уже никому не была нужна. Использовали время от времени ее как люльку. Если кто-то приходил с младенцем, там, Света Маслинская с маленькой Варей, чтобы ребенок не упал, пока обсуждали диссертацию, его клали в ванночку, в этот семейно-родовой тазик, который они везли еще из Таллинна. Мне почему-то всегда казалось, что ЕВ после переезда в Питер в каких-то отдельных деталях воссоздавала свою таллиннскую бытовую обстановку. Но это, конечно, догадки, я не была у них в Таллинне и не могла быть, тогда я еще пешком под стол ходила.

Рождество в доме Белоусовых. Петербург, 1999. Фото И. Разумовой

* * *

ВГ: ЕВ редактировала достаточно тщательно одну мою статью. В этом и Левинтон участвовал, и ругался все время. А она — более мягко.

МК: Мы с Белоусовым работали на кухне, я обычно ему рассказывала про свои идеи, а он записывал — мы так работали над моей диссертацией. Так вот: ЕВ, если она была дома, всегда выходила на кухню, садилась на приступочку, брала свой кожаный футляр, где была пачка сигарет и зажигалка, закуривала и внимательно слушала. Очень внимательно. Она редко задавала вопросы, но часто комментировала какие-то сюжеты или тексты, которые мы обсуждали. Однажды мы разбирались с текстом «Старый домик словно бонбоньерка...» из девичьего альбома. ЕВ, протискиваясь между АФ и стеной, спросила, знаю ли я, что это такое. И рассказала, что у них была такая красивая, ажурная бонбоньерка — коробочка для леденцов. В общем, это был такой культурологический комментарий к тексту. И они все время пикировались с АФ: он язвил по поводу ее комментариев, а она отвечала.

ВГ: ЕВ всегда внимательно слушала и поддерживала. На кафедре только она и Иезуитова приглашали студентов домой. Она говорила мне об этом.

*Конференция «Детская литература как территория конфликта». Пушкинский дом, 2014.
Фото А. Сенькиной*

* * *

МЛ: Мне кажется, ей нравилось, когда вокруг молодые. А мы тоже тогда были молодые. Какое-то время. А потом так и оставались «белоусовской молодежью, как-то незаметно постаревшей». Так выразился Клубков на совместном юбилее АФ и ЕВ, где уже наши дети в капустнике участвовали, в роли пионеров.

АС: Когда мы ездили на «Виноградовские чтения» в Усолье, лет десять назад, нас всех поселили в местную гостиницу с удобствами на этаже, а ЕВ и АФ, как самых

Совместный юбилей Е. В. Душечкиной и А. Ф. Белоусова. Рядом А. Веселова, В. Баранова, С. Маслинская. Смольный институт СПбГУ, 2006. Фото В. Лурье

Совместный юбилей Е. В. Душечкиной и А. Ф. Белоусова. В руках у Е. В. фестирифт «От... и До...». Смольный институт СПбГУ, 2006. Фото В. Лурье

старших и самых статусных, в частный коттедж, отдельно от всей компании. Как она была недовольна!

ВГ: Как-то в конце «Детских чтений» ЕВ попросила всех записать на листок свой возраст. Там и студенты были, и старики... И мы все написали, и выяснилось, что общему собранию то ли 29 лет, то ли 31 год в среднем. Это приводило ее в восторг. Она разослала нам эту статистику и была счастлива.

* * *

МК: ЕВ любила гостей и обалденно готовила, у нее были фирменные блюда: куличи, лимонный пирог и бабушкин борщ. Очень расстраивалась, если что-то случилось не так.

АС: Да, она гордилась своими куличами, уверяла, что месить тесто нужно не менее 2-х или 3-х часов. Обязательно выкладывала фотографии в сеть.

МК: А для меня важна история про бабушкин борщ: она всегда варила его своим внукам американским, обязательно их фотографировала и тоже очень гордилась тем, как они его вкусно едят. И я сейчас тоже смотрю на свою внучку, которая ест мой «бабушкин борщ», и вспоминаю ЕВ. Это теперь наша общая с ней история.

С. Е. Кулешовым и М. Лурье. Петербург, 2000. Фото И. Разумовой

МЛ: И она любила говорить, так кокетливо, что, дескать, вы тут все про большую науку, а я так, жена большого ученого, борщи варю... Я первый раз слышал это на банкете после моей защиты. Она, конечно, уже была тогда известным ученым, с кучей книжек, профессором и всё такое.

АС: Я помню, как она учила меня делать рябиновку. Это к кулинарной теме. Она сказала так: надо ягоды собрать, помыть, почистить. И потом в духовку на пекарскую бумагу тонким слоем рассыпать, невысокая температура, не подсушить, а именно подпечь, чтобы они разомлели и — она объясняла — чтобы ягодки делали «пых». А потом ты их ложкой собираешь аккуратненько, не раздавив, и в бутылку. Полбутылки ягод — и заливаешь все остальное водкой. Дальше ждешь месяц, сливаешь первую настойку, заливаешь еще раз водку, и еще месяц стоит, а первая слитая ждет вторую. Потом вторую сливаешь, с первой перемешиваешь, и вот тогда употребляешь.

МЛ: И мы потом действительно так делали. Получалось очень вкусно.

* * *

МЛ: В какой-то момент АФ и ЕВ стали регулярно нас собирать большой компанией. И у нас появился жанр — сходить в гости к Белоусовым. ЕВ всегда готовила. И очень много рассказывала. Говорила о своем детстве, о кулинарии, о рукоделии. Мне кажется, что в какой-то момент она вошла во вкус, что ли, в роль устного мемуариста. Ей это нравилось, и ей это шло, а мы были хорошей аудиторией. Пили, ели, слушали. Помните, в 2007-м году, осенью, она устроила празднование столетия своей машинки «Зингер».

МК: Пути и дороги машинки «Зингер»².

МЛ: Да, она читала хронику перемещений ее машинки. Все там тоже выступали, готовили какие-то тексты. Я написал оду, матерную, начиналась так:

² Этот текст сохранился. Вот он:

Пути *и дороги машинки «Singer»*

1907 — приобретена в компании «Зингер» (С.-Петербург. Невский проспект, 28, собственный дом).

1908, январь — г. Киев. Подарена на свадьбу моим бабушке Домнике Моисеевне и дедушке Дмитрию Ивановичу Фоменко.

1908 — имение графини Бобринской, с. Закозель Гродненской губ.

1910 — г. Чернигов.

1912 — г. Казань.

1912 — г. Слободской Вятской губ.

1914 — г. Котельнич Вятской губ.

1915 — опять Киев.

1915 — г. Ростов-на-Дону.

1943 — г. Красноуфимск Свердловской обл.

1944 — станция Хибинь Мурманской обл.

1950 — станция Шунтук Краснодарского края.

1952 — г. Таллинн, Эстонская ССР.

1990 по настоящее время — г. Ленинград → С.-Петербург.

Столетие машинки Зингер в семье Душечкиных. Петербург, 2007. Фото В. Лурье

*Что дерзки прелести блондинки?
Что страсть брюнетки роковой?
Я днесь пою хвалу машинке,
На коей шьют уж век с лихвой.*

АС: Мы тогда еще обсуждали, почему надо было с собой все время таскать эту большую тяжелую машинку. Потому что, если нет машинки, ты вообще остаешься без портков. Всё можно сделать — перешить, перелицевать...

МК: Она всегда внимательно рассматривала, кто что связал, для нее вот это женское рукоделие было очень важно.

МЛ: И мы, вместо очередного фестшрифта, на один из юбилеев подарили ей альбом со своими поделками: кто-то выжигал, кто-то вышивал, кто-то сплел макраме, кто-то записал рецепт...

АС: Про себя ЕВ говорила, что в совершенстве освоила фигурную штопку!

* * *

МК: У ЕВ было много старой посуды, очень милой, но уже изрядно использованной, со сколами, трещинами, с которой, как я понимаю, она не могла просто расстаться — выбросить, ну невозможно. И в какой-то момент она мне ее просто сгрузила — отдала.

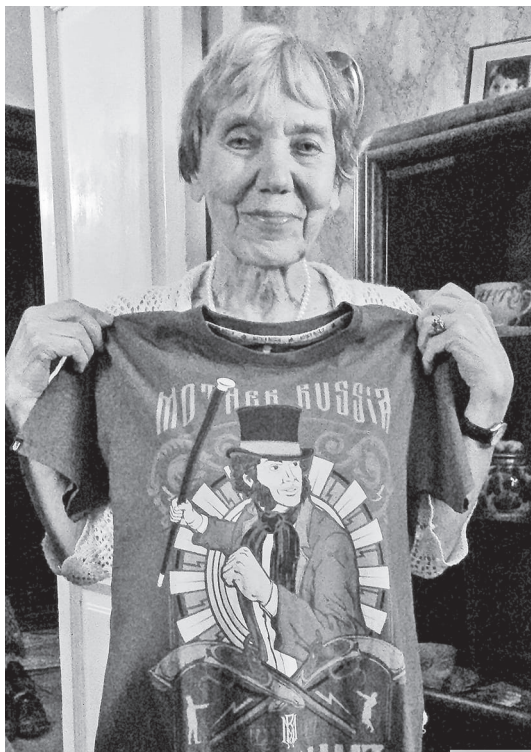
МЛ: Она была очень внимательна к вещам и бытовым деталям, мелкому материальному окружению человека.

АС: Да, и коллекционировала пепельницы. Они у нее были по всему дому. На столе у нее были ежики. Мы привозили ей пепельницу из поездки на Север, из Марокко везли ей...

МК: Точно, я ей тоже привозила пепельницы отовсюду. Из Голландии первую. Я прямо помню, как я ее искала. Их было полно, конечно, всяких, но хотелось что-то особенное.

МЛ: Она любила рассказывать про своих предков и относилась очень внимательно к своим семейным реликвиям. Мы слушали о каких-то чашечках...

МК: Она очень внимательно относилась к ёлке. И когда ты приходил в дом, она обязательно звала посмотреть на ее ёлку. И всегда украшала ее старыми семейными игрушками.

*День рождения Е. В. Душечкиной. Петербург,
2016. Фото А. Сенькиной*

* * *

АС: Когда я стала коллекционировать подстаканники, ЕВ рассказала, что многие, эмигрируя из России, везли с собой именно их. Почему — непонятно. Ладно, если серебряные, а были и алюминиевые всякие. И говорила, что видела эти подстаканники во многих домах русских эмигрантов в Америке. Они хранятся в качестве реликвии, практически бессмысленной: стаканов-то подходящих нет! Для нее это тоже была загадочная история: почему везли именно подстаканники? Она их даже фотографировала, у меня есть эта фотка. И как-то они с АФ дали мне на время свои домашние подстаканники. ЕВ с удовольствием говорила, что у нее сохранились эти два подстаканника: один из семьи Душечкиных, один из семьи Белоусовых. Они были из серебра. У нас таких не было, я фотографировала их для электронной коллекции и выкладывала. Я нашла ее письмо от 2008 года:

«Дорогая Аня, спасибо за письмо, фото наших подстаканников и их атрибутирование. Фотографии роскошные. Душечкин подстаканник (назовем его условно так) появился в нашем доме в 1950-х, куплен как новый был в Таллинне. Мой папа какое-то время пил чай из него, а потом заменил чашкой, и он так и стоял в буфете полвека. Происхождение Белоусовского подстаканника мне не известно, — дальше там про узоры на подстаканнике, пропускаю. — Спасибо Вам за информацию и вообще за просветительскую деятельность. АФ кланяется. Всего Вам доброго, пишите. Ваша ЕВ»

МК: Она писала очень теплые письма, даже по пустяковым поводам. У нас дни рождения рядом: у меня 30 апреля, у ЕВ 1 мая. И вот она вдруг пишет мне 29 апреля: *«Марина, а я и не знала, что мы с Вами так близко соприкасаемся. Вот открытие. Загодя — поздравляю, всего желаю наилучшего, люблю. От АФ поклон и поздравления. Обнимаю»*. А после новогодних каких-то праздников написала: *«Не будем лукавить, — сказал АФ только что, доедая последний кусок Вашего торта, — хороший был торт»*. С приветом и благодарностью, Ваша ЕВ».

АС: У меня с ней была большая переписка, поскольку я контрабандой в Публичке, где тогда работала, делала ей сканы картинок, когда она готовила переиздание «Ёлки».

Первое издание вышло маленькой книжкой, без картинок, она очень жалела об этом, и потом переиздали в Европейском³ с иллюстрациями.

МЛ: Книга стала страшно популярной, ЕВ моментально стала медийной фигурой, главным экспертом по культурной истории ёлки. Как Новый Год близко, к ней в очередь журналисты за интервью. Она рассказывала про одну журналистку. Когда в очередной раз ее попросили рассказать про ёлку, к ней пришла девушка с какого-то телеканала. ЕВ ей что-то говорит, рассказывает, объясняет, а та сидит за столом с микрофоном, слушает с изумлением и только: «О, ё-мое!.. Ё-мое!..»

МК: А презентация «Светланы» была в Золотом зале ЕУ. Мы потом с Башариным пели по ее просьбе «Колыбельную Светланы» — не из фильма, а которую в «Зеркальном» пели в качестве колыбельной: «Снова ночь нас разлучает до утра // Мы уснем под колыбельную Светланы...». И она так трепетно слушала. А потом сказала: «Ну, вы как Татьяна и Сергей Никитины». Мы еще так переглянулись с Башариным — и не поняли, это было хорошо или плохо. И кстати, говорила, что хочет написать книжку про Марину, про имя.

Ёлка в доме Белоусовых. Петербург, 2007. Фото В. Лурье

* * *

ВГ: ЕВ обожала застилать кровати. Для меня это ломка, я сержусь и потею, а она молодец, просто обожала. В поезде она это делала за меня, и за всех. У нее был такой драйв. Мы ездили вместе в Латвию, большой компанией, на Славянские чтения, что ли. И мы там великолепно выпивали, на берегу Даугавы, около моста. Я говорил ЕВ, что там живут мои предки-латыши, а больше ничего не помню, потому что посидели мы тогда от души. И мы ехали обратно из Даугавпилса с Клубковым и ЕВ. Мы зашли в вагон. А Клубков любил иногда изображать из себя немощного, который ничего не умеет, нуждается в помощи. В итоге она выгнала всех из купе и всем троим застелила постели. И как в армии — красиво!

³ Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге

Гуля Равдина

ТЁТЯ ЛЕНОЧКА

...так стенные часы, сердцебиению вторя, остановившись по эту, продолжают идти по ту сторону моря.

И. Бродский

Тетя Лена...

Мама моей близкой подруги Кати и друг моих родителей. Я была школьницей, когда Душечкины-Белоусовы впервые приехали в Усть-Нарву, приморский поселок в 14-ти километрах от Нарвы, где на большой даче по улице Лидии Койдулы проживал лето за летом замечательный народ. Это был, наверно, 1981 год. Они появились вчетвером — тетя Лена, дядя Саша, Катя и Серёжа. И, в отличие от всех остальных обитателей дачи, ленинградцев, москвичей, рижан, называли поселок не иначе как Нарва-Йыэсуу, на эстонский манер, с легкостью выговаривая сложное сочетание звуков. Таллиннцы!

Тетя Лена показалась мне строгой. Высокая, стройная, с внимательными глазами и очень спокойным голосом — воплощение уравновешенности и порядка. Этим спокойным уравновешенным голосом она разговаривала неизменно, об удачах и неприятностях, с близкими и незнакомыми, воспитывала им своих детей, хвалила чужих, рассказывала истории своей студенческой юности, читала усть-нарвской компании лекции про протопопа Аввакума и святочные рассказы. Строгость, конечно, была только внешней: просто так выглядит по-настоящему организованный, увлеченный мыслью и работой человек, а внутри у него — теплота и забота.

С Катей мы здорово подружились, и я стала бывать в Таллинне. Как выглядела обстановка в таллиннской квартире Душечкиных-Белоусовых, я сейчас помню нечетко, но точно чувствовала себя там хорошо. Осталось ощущение, что дома у тети Лены был какой-то уютный порядок, сочетание домашнего тепла и рационального уклада. Было совершенно очевидно, что это именно ее рук дело; остальные с удовольствием к нему примыкали. Академический дух смешивался с домашностью, позволяя каждому пребывать в том ощущении, которое ему в тот момент было предписано.

В 1986 году мы с Катей, я — из Риги, она — из Таллинна, приехали учиться в Петербург (тогда еще Ленинград). Катя поступила на классическую филологию ЛГУ, я — на английское отделение Герценовского института. Тетя Лена часто нас проводывала. Она приезжала на улицу Тележную, где мы с Катей на первом курсе занимали аккуратную комнату, принадлежавшую нашим общим друзьям Макаровым, в небольшой коммуналке. Вечерами тетя Лена понемножку обустроивала наш быт,

жарила картошку и тефтели в томатном соусе, а утром уходила на целый день в свою библиотеку. По-моему, тогда я и стала называть ее тетей Леночкой. И немного гордилась, что мне не надо к ней обращаться «Елена Владимировна», как это делали новые Катины подруги. Гордилась-то напрасно, ведь обращение по имени-отчеству — это не обязательно дистанция: это и другой уровень отношений, планка не «младшего-старшего», а «наставника-студента», где можно получить столько ценного и разумного.

В этот период Елена Владимировна очень беспокоилась за свою юную дочь. Общительная, живая, обладательница осиной талии Катя давала повод. То проспит лекцию о Катулле, то в общаге у подруг пропадает, то перед самой сессией укатит автостопом в Тарту. Тетя Леночка звонила по вечерам (мы с Катей обосновались уже не в коммуналке, а в квартире на улице Пионерстроя, где нам предложили пожить наши общие друзья Рогинские; и там был телефон). Кати частенько не было дома, и мы беседовали; я ее немножко успокаивала и обещала проследить, чтобы Катя сразу позвонила домой, как только вернется. Катя возвращалась, звонила в Таллинн, очень нежно разговаривала и всегда говорила «мамочка», а не «мама».

Хорошо помню, как Душечкины-Белоусовы переехали из Эстонии в Питер, обменяв большую квартиру в Таллинне на двухкомнатную на Добролюбова. Книги и мебель помогали таскать большой компанией. Командовала разгрузкой тетя Лена, процесс организован был безупречно, и сейчас, по прошествии лет, я вижу этот вечер как будто в ускоренной съемке — все по очереди с ящиками, стульями, разобранными на части шкафами поднимаются в квартиру, ставят каждый предмет в строго отведенное ему и отмеченное на нарисованной тетей Леной схеме место, сбегают налегке вниз, снова берут узел... и так много раз, пока грузовик не опустел, а дом не наполнился. И даже в неизбежном хаосе переезда в доме немедленно возник тот самый уют и уклад. Тетя Лена была счастлива: здесь библиотеки, здесь университет, здесь друзья. А мне казалось, что еще и потому, что ей больше не надо будет в тревоге звонить вечерами на улицу Пионерстроя.

Со временем мы выросли. Катя окончила университет, защитила две диссертации — в московском РГГУ и в Университете Райса в Хьюстоне. Воспитывать нас больше было не нужно. И тревожиться за нас стало возможным чуть меньше. Тетя Лена от всей души радовалась внукам — Семёну, Лёве, Саше. Я, получив диплом, вернулась в Ригу, но мы все равно виделись и обменивались историями о новом поколении. С равной сердечностью тетя Лена рассказывала о своих внуках и расспрашивала о моих детях — будто все мы из одного гнезда, дорогие друг другу сородичи.

В жизни нужны точки опоры — чтобы знать, от чего отталкиваться и в какую сторону идти. Не одобренные большинством матрицы, а точечные примеры, которые вселяются в подсознание и память. И люди, из чьих слов, поступков, идей складывается часть твоего мировидения. Родители друзей моего детства, друзья моих родителей, родившиеся в тридцатые-сороковые годы двадцатого века, оделяли меня такими дозами человеческой культуры, этики и увлеченности делом, которых хватит надолго — надеюсь, что навсегда. Катина мама была из этой замечательной когорты.

Как хорошо, что эти люди были и есть рядом, и сила их влияния такова, что бывает достаточно просто вспомнить того или иного, и появляется чувство, что тебе дали нужный совет, и мысли устраиваются в правильном порядке.

Как-то в мои лет 19 тетя Лена упомянула, что ее любимое стихотворение Иосифа Бродского — «Письма римскому другу». С тех пор, вольно или невольно, я часто вспоминаю его.

Наша последняя встреча была летом 2015 года: мы вместе проводили время в Апшудиемсе, небольшом поселке на берегу Рижского залива. Тетя Лена, Александр Фёдорович, Катя, Серёжа, Катин младший сын Лёва, Серёжины жена Полина и сын Саша, мои родители, я, мой младший сын Рува — большая компания. На один вечер присоединилась и наша подруга по Усть-Нарве и Питеру Лена Макарова, волею судьбы переехавшая в Латвию. Гуляли по пляжу и лесу, что-то вспоминали, перебрасывались репликами, вместе собирались в местном кафе за ужином, а вечером вслух читали Шекспира из списка летнего чтения, выданного Серёжиному сыну Саше. Я как будто снова вернулась в детство, в ту усть-нарвскую атмосферу, где мы впервые увиделись, в то ощущение гармонии, которое объединило прошлое и настоящее — и в очередной раз утвердило мою картину мира.

Елизавета Руднева

ПИСЬМО ЕЛЕНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ

Дорогая Елена Владимировна, моя летняя мама! Пропустила Ваш день рождения... И вообще не успела. Все собиралась Вам написать, но откладывала. То одно, то другое... И вот — не успела. И теперь уже поздно сказать, что хотела, вместе вспомнить холодное усть-нарвское лето, Олбани... Порассуждать на тему, как Вы изменили мою судьбу в один прекрасный день, и хорошо ли, плохо ли... Довольна ли я жизнью? Лежит ли на Вас эта ответственность за то, что я оказалась здесь, в Америке, и домой не вернулась?.. Мы регулярно возвращались к этой теме в наших беседах, и мне всегда приходилось Вас уверять, что я ни о чем не жалею, что все пошло, как надо, что я на своем месте.

Если честно, и если бы удалось поговорить снова, я бы, наверное, выразила иное мнение. Теперь, с высоты возраста и основываясь на приобретенном опыте, я бы сказала Вам, что хотя и не жалею об Америке, хотелось бы другого карьерного пути. Даже не карьерного (это как-то совсем по-американски), а скорее профессионального. Деньги зарабатывала, семью кормила, но себя как-то профессионально не нашла. Конечно, это могло бы произойти где угодно и по разным причинам, так что чего уж там. Просто хотелось бы поговорить с Вами об этом, ведь у Вас всегда находились для меня правильные слова, которые успокаивали и направляли.

Связь с Вами мне дорога во многом потому, что идет из юности. Все то, что было до моих 22-х лет, когда я уехала в Америку, покрыто розовой дымкой и живет в самом дорогом, оберегаемом уголке сердца. Кажется, мне было 12, когда мы с папой и мамой впервые приехали летом в Усть-Нарву. Вы сняли нам половину дома. Или треть дома, потому что там были Вы, Александр Федорович, маленький Сережка, Катька, а также жила Ива Владимировна Шухман, интеллигентная старушка из Питера, с которой мы потом очень подружились. Мы даже называли нашу кошку в честь Ивы Владимировны (Ивочкой). Кажется, Ива Владимировна не была в особом восторге... или, наоборот, очень этим гордилась. Уже не помню, а маму не спросить — тоже никакой памяти. Одряхлела мама. Мы с Ивой Владимировной переписывались, и я даже пару раз ездила к ней в гости в Питер, где она жила в большой комнате в коммуналке, когда-то принадлежавшей знаменитой актрисе.

Не знаю, как так получалось, но каким-то образом вы всегда передавали мне стариков по эстафете. Я с ними дружила, а часто и шефствовала над ними. Помните Иду

Максимовну и Семена Израилевича? Вы меня к ним приставили в Олбани, на второй год. Они жили в доме для пожилых евреев, оплачиваемом еврейской общиной, на чем свет стоит хаяли Америку (получая хорошее пособие и страховку) и поили меня чаем по вечерам. Я возила их по больницам, магазинам и переводила, когда надо. Вернее, даже не я, а Джон, тогда еще мой бойфренд, возил. Машину я еще не водила, а у Джона был местами проржавевший синий трак Изузу.

Семен Израилевич очень болел и лет через пять умер, а бедной, нестигаемой Иде Максимовне так и не удалось вернуться в свой родной, любимый Питер (как же они по нему тосковали!). Сын в Питере назад ее не взял, и в результате забрала к себе в Израиль дочка. Как же не хотела Ида Максимовна уезжать в Израиль. Связь наша прервалась, и я не знаю, как все закончилось. Хотя понятно как. Все для всех кончается одинаково.

Но лучше вернемся назад в Усть-Нарву! Прозрачное эстонское лето, едва теплое, мелкое море, белые дюны. Мне 12 лет. Я еще наивная и довольно домашняя. Единственный ребенок в семье, не считая Саньки и Вадьки, но они на 15 и 12 лет старше, дети от первого брака отца. Они с нами никогда не жили. Мне проще и привычнее в компании взрослых, а тут говорят: иди знакомься с Катей. У Катьки стоматит, и она ничего не может ни есть, ни пить, только кашу, и все время полощет рот. Когда стоматит прошел, мы подружились. Ездили на Аугу, на пляж и на дачу, где жили другие питерские семьи с интеллигентными родителями и умными детьми.

Помните театр? Елена Абрамовна, мать Сени Рогинского — режиссер? Я ее обожала, и театр обожала — всегда была хорошая актриса. (Зарыла талант?) А наши ночные костры, где дети читали стихи?

Раненым медведем
Мороз дерет.
Санки по Фонтанке
Летят вперед...

Асеев. До сих пор помню, как Елена Абрамовна учила читать стихи и объясняла, как правильно дышать животом. Что Катька читала, не помню, но я — Асеева.

Нашим родителям надо было поставить памятник. Как они развивали своих детей! Какие нам читали лекции! Как с нами занимались филологией! Вот я не привила своей дочке любви к русской литературе (какое уж там — к поэзии!). Мы с мамой долго сокрушались на эту тему, но ничего не поделаешь — Анька другая. У нее не было усть-нарвских летних каникул, не было начитанных друзей, таких друзей, которые «помнят тебя молодой», как у Ахматовой.

А помните наши первые любви? Катя в то первое лето была влюблена в Олега. («Олег-г-г» называли мы его потом, когда к следующему лету любовь прошла. Если правильно помню, Олег сделал ошибку в своем имени, в одном из писем, поставив два «г» в конце.) Олег даже попал в наше общее усть-нарвское фото, которое мы специально ездили делать в фотоателье в Нарве.

*Сидят слева направо: Л. П. Новинская, П. А. Руднев, Сережа Белоусов, Е. В. Душечкина.
Стоят слева направо: Лиза Руднева, А. Ф. Белоусов, Олег Артамонов, Катя Белоусова.
Нарва, август 1982. Фото из архива Е. П. Рудневой*

Ну а я страдала по Женьке Качману, но это была неразделенная любовь. На даче кто-то еще был тоже в него влюблен, но уже не помню, кто.

Ну вот, а потом Вы стали брать меня с собой в Усть-Нарву каждое лето. Мы с Катькой очень подружились, переписывались и ездили друг к другу на каникулы. Сколько раз я с Вами ездила? Еще раза три, не считая того первого года? Один раз жили на хуторе и до боли в животе лопали зеленые яблоки из сада. Другой раз жили в высотном доме, где с балкона втроем с Сережкой и Катькой кидали наполненные водой бомбочки из ненадутых воздушных шариков. Они разрывались при падении, и было смешно. В то лето еще был ураган, он поккалечил Усть-Нарву и выдрал с корнем огромные деревья на одной из улиц. Мы уже были совсем подростки и дико маялись бездельем. Почему-то на Аугу не ездили. Мы с Катькой тогда отпросились самостоятельно съездить в Тарту. Из той поездки запомнила кофе со сливками у Анн Мальц. Клянусь, никогда больше в жизни не пила я такого вкусного кофе. Я запомнила его на всю жизнь.

Кстати о сливках! Я выросла в голодном Петрозаводске, куда на ночном поезде из Москвы или Питера везли масло, сыр, колбасу, сосиски, мясо... Когда к нам ехали гости, всегда спрашивали, что привезти. Килограмм колбасы, сыру... А папе

в публичной библиотеке знакомая буфетчица всегда оставляла сосиски, и он с гордостью привозил провизию домой с конференций и из академических поездок. Добытчик, говорила бабушка.

Опять отвлеклась! О сливках. Помните ту блинную в Усть-Нарве? Там были замечательные блины, но дело даже не в блинах, а в сбитых сливках, которые там подавали в порционных вазочках для мороженого. Эти сливки были посыпаны тертым шоколадом. Еще в самое первое усть-нарвское лето мы заказали эти сливки, но достать их было просто невозможно, и пришлось оставить. С собой тогда не уносили. Из года в год мы вспоминали эти недоеденные сливки и печалились. Вот бы сейчас!..

Насчет еды. Я помню, что Вы всегда заботились о здоровом образе жизни и не решали сладкого. Летом надо было есть свежие овощи и фрукты. А мне хотелось торт! В Петрозаводске частенько магазинные полки были пусты, и если сам не испечешь, никаких тортов или пирожных купить было невозможно. И вот я соблазнила Катюку купить песочный торт. Мне было сказано, что мама (Вы!) не одобрит, будет ругаться, но мы обе очень хотели. Эстонцы славились бакалеей. Мы купили целый торт. Он был перевязан веревочкой. Пришлось приобрести и нож, довольно тупой, так как резать было нечем. Мы шли на пляж и несли торт за веревочку. Весь торт съесть не удалось, и мы принесли остатки домой, вместе с ножом. Я помню, как Вы сильно рассердились, как нам попало! А еще помню, как Вы объясняли нам про булочку, что съешь одну, а потом надо бегать или плавать два часа, чтобы сгорели калории. Уж как часто я эту Вашу булочку вспоминаю, но все равно ем, а потом отрабатываю. Частично.

А сто страниц в день?? Помните, как Вы нас мучили? Пока не прочитаем ста страниц, никуда идти не разрешалось. И сидим мы с Катюкой друг против друга и читаем (каждая по своей книжке) про Павку Корчагина. Мой отец очень веселился по поводу этих ста страниц, но одобрял. По ночам же мы с Катюкой писали стихи и дико веселились, хихиканьем не давая никому спать. Вы, Елена Владимировна, и Александр Федорович на нас все время шикали, и от этого было еще смешнее.

Жаль, конечно, что так мало запомнилось. И сейчас бы вот сесть у Вас на кухне и повспоминать еще. Самое же странное, что в те годы Вы были моложе, чем мы сейчас. Тогда казалось: вот взрослые, а вот — мы. Сейчас моя Анька так думает. А я думаю: какая же я взрослая? Я все та же, что и в Усть-Нарве или в те первые годы в Олбани. Надеюсь, что и у моей дочери будет такая вторая мама, которая бы любила, переживала и всегда живо интересовалась ее судьбой. Мне в жизни повезло.

Как мы с Вами дружили в Олбани, особенно тогда, когда девочки перестали со мной общаться. До сих пор гадаю, что тогда произошло. Это было тяжелое время, очень одинокое, и Вы, Елена Владимировна, тогда меня очень поддерживали. Я даже дней пять пожила у Вас в пустой квартире.

Помните, как часто мы рассуждали о том, какой была бы жизнь, если бы родители пустили меня учиться в Тарту? По совету брата Вадика родители меня отговорили ехать в Тарту, и я поступила в наш Петрозаводский университет и осталась жить дома. Но уехать из дома мне было-таки суждено. Кажется, в феврале зазвонил

вечером телефон. Вы попросили позвать мать или отца. Так в мою жизнь ворвалась Америка. Хенрик Баран набирал девочек в магистерскую программу в университет в Олбани. Катька поехать не могла, так как заканчивала университет только через год (из-за академки). И поехали Милена, Оля и я.

И вот 30 лет спустя пишу я Вам это письмо и вспоминаю, как все было. И останется мое письмо без ответа. Но Вы, моя летняя дорогая мама, Вы — всегда в моем сердце. Крепко целую, обнимаю. Привет там всем нашим.

Ваша Лизка

22 сентября 2021 г.

Дмитрий Сажин

О Е. В. ДУШЕЧКИНОЙ

Нарва-Йыэсуу, или, как мы говорили, Усть-Нарва. 1985-й год. Уголок свободы в рабовладельческом государстве. Почему именно здесь? Во-первых, потому что Эстония. Тут немного по-другому живётся, ощущения другие, меньше «советского». А из Таллинна можно в ясную погоду разглядеть огни Хельсинки. А Таллинн от нашей дачи — вовсе даже и недалеко, сел на автобус и поехал.

Берег моря (не залива, а моря!), солнце не закатывается, а медленно удаляется на ночлег — на дно морское. Если пойти вслед за ним, заходящим, то можно услышать его голос: кажется, поёт что-то детское, колыбельное. Тогда уже не идёшь, а летишь прямо на его песню, летишь, внизу волны, вверху звёзды на облаках... Только вот догнать его не получится: скорость, оказывается, не та, да и темно вокруг. Упрешься лбом в берег Финляндии, не успеешь понять, что это Финляндия, а на оставленном позади эстонском берегу — пограничная вышка, там солдат, настоящий, с ружьём, или что там у него. Очкастый такой, здорово видит вдаль, пальчиком погрозит: «Туда нельзя!» Ну и вернёшься назад, опять на берег моря, и, кстати, спать пора уже. Граница, граница проходит где-то по морю, вот солдат и торчит на вышке. Граница между свободным миром, нормальным, человеческим, и тем, в котором мы — не то живём, не то нет.

Да, во-первых — всё-таки Эстония. Во-вторых же, и в главных — какие люди здесь! Арсений Борисович Рогинский, недавно вернувшийся из заточения, Самуил Аронович Лурье, он сам и его отец, университетский преподаватель, и многие другие — писатели, филологи, историки — все в Нарву-Йыэсуу на лето перебираются. А если ещё приедут Александр Фёдорович Белоусов и Елена Владимировна Душечкина! Они живут на хуторе недалеко от нас и иногда заезжают в гости. Вокруг Александра Фёдоровича и Елены Владимировны тут же собирается компания, они образуют какой-то центр притяжения, потому что они замечательные и талантливые, они не болтают, а рассказывают, не навязывают, а заинтересовывают. Это мы, взрослеющие дети, так между собой рассуждаем, а кто ещё не научился рассуждать, формулировать, тот чувствует и запоминает. Это чувство — радость присутствия, близость неизвестного и волнующего, мерцание смысла, пока ещё невнятно, но живого и настоящего. Но, помимо радости, есть что-то ещё. Что же это?

Сегодня, летним днём 1985-го года, у Елены Владимировны кое-что приготовлено для нас: лекция! Нет, это не может быть скучно или нудно, и не лекция это будет

вовсе, а повествование, беседа... Здесь нет противной школы, нет училок, трубящих в слоновьи трубы так, что у всего живого вокруг прекращается мозговая деятельность, а внутренности не то коченеют, не то закипают. Здесь будет совсем не так, как в школе.

Рядом с крыльцом Рогинских появляется длинный стол со стульями, и мы все усаживаемся, человек двадцать пять, взрослые вперемешку с детьми. Откуда я здесь? Косноязычный подросток, бьющийся в замкнутом круге застенчивости. Впрочем, уже прочитал Пушкина, Сервантеса и зачем-то Чехова. Зачем? «Дом с мезонином» разве в третьем классе проходят? А «Вишнёвый сад» разве в пятом? А лучше было бы спросить у Душечкиной совета, что почитать в 12–14 лет. Училка кричала — вот вы, мол, *никчемушние*, а уже взрослые, хоть бы «Записки о Шерлôке Холмсе» почитали (ха-ха, давно прочитаны, три тома из собрания сочинений, и Уэллс прочитан). А вот Душечкина ни за что бы не перепутала ударение, потому что и сама читала то, что советует, и культура у неё настоящая, а не выдуманная.

Тему лекции я уже не припомню. Кажется, потом была ещё одна лекция. Но не в этом дело. Я запомнил не лекцию, а Е. В. Душечкину. Спокойная, выверенная речь, ирония без сарказма, знание без самоупоения. Вот Е. В. Душечкина делает небольшую паузу, достаёт сигаретку из пачки, прикуривает и продолжает. Что курить вредно — это я не спорю. Но вот эта сигаретка в руках Елены Владимировны, то, как она её прикуривала по ходу рассказа, так, между прочим, невзначай, — почему-то всплывает в памяти. Прикуривать ведь можно по-разному. А тут был какой-то особенный жест, что-то от внутренней свободы, и даже сама пачка с сигаретками, заранее приготовленная на столе вместе с коробком спичек, — тоже от свободы.

Как-то один мой школьный учитель открыл посреди урока термос, налил оттуда в стаканчик — по цвету чай, но ведь, кроме цвета, ещё и запах имеется... Это вам не сигаретку закурить. Заглотил стаканчик и ничего, дальше урок ведёт. Я не случайно так упорно противопоставляю Е. В. Душечкину своим школьным учителям: дело-то было в 1985-м, Горбачёв только ещё начал свою «перестройку», и, увы, многие из этих людей никакой свободы нам, детям, ненесли, потому что и сами ею не обладали, а были они лишь служителями государственных культов, причастниками пустоты, исповедниками бреда... Летом 85-го я смотрел на Е. В. Душечкину, не столько слушал, сколько смотрел, и понимал, что происходит сейчас нечто очень важное, уникальное, о чём надо бы не забыть, впустить в себя и уже не выпускать...

Вот и ответ на вопрос, что же ещё тогда было, помимо радости находиться рядом с Еленой Владимировной. Было приобщение к свободе, был опыт свободы там, где, казалось бы, его вовсе не могло быть. Не могло, а всё-таки он состоялся. Потому что Е. В. Душечкина и была свободным человеком, и от свободы происходили все её позитивные качества, о которых теперь вспоминают те, кто близко её знал. Но что это я? Разве можно о свободном человеке говорить в прошедшем времени, разве о нём можно сказать: «был»? Если есть свобода, значит, смерти нет. Это как поэт не может умереть, художник не может умереть, да и любой человек, пришедший к свободе, не может умереть. И Елена Владимировна Душечкина — как раз такой человек.

Ольга Титова

ВОСПОМИНАНИЯ О Е. В. ДУШЕЧКИНОЙ

С Еленой Владимировной Душечкиной я познакомилась еще в отрочестве — скорее всего, через поэта и переводчика Светлана Семененко, с которым Елену Владимировну и ее мужа связывала дружба семьями с университетских времен. Вот отрывок из моих воспоминаний о Светлане Андреевиче, написанных после его ухода из жизни в 2007 году — эти слова вполне передают мое детское впечатление от ее дома:

...Я бывала не только в доме Семененко, но и в старинном, удивительном, тоже полном чудес доме его друзей на бульваре Ленина (теперь Рявала) — преподавателей Таллиннского педагогического института Александра Федоровича Белоусова и Елены Владимировны Душечкиной. По воскресеньям кто-то из взрослых устраивал для всех, и взрослых, и детей, общую лекцию. Помню рассказ Татьяны Никольской, известного ученого, о Данииле Хармсе. Меня родители берегли: я ничего не знала о том, как пропадали люди в тридцатые годы, даром что внучка репрессированного (а может, именно поэтому). Так что и вопрос задала соответствующий: «Из дома вышел человек — и с той поры исчез» — это о чем? Во всем этом была какая-то тайна.

После лекций устраивалась тоже общая для всех игра: нужно было изобразить немым способом (поэтому игра называлась «убогонькая») строчку из стихотворения или песни. И чтобы команда противника ее угадала. Признанным чемпионом по изображению считался сын Светлана Никита Семененко — прирожденный артист (он и после увлекался театром, но занялся бизнесом). Я была так себе актрисой, зато часто угадывала. Мне было ясно одно: это необычные люди, с этими людьми я хочу дружить больше всего на свете...

Прошло время, и Елена Владимировна действительно (как мне казалось, незаслуженно, ибо, хотя я и выбрала профессию филолога, но ее ученицей не стала, поступив в Ленинградский университет) подарила мне свою дружбу. Она была человеком не только высокоинтеллигентным, но и невероятно добрым и отзывчивым. Как ее ученики, так и друзья ее детей (а с дочерью Елены Душечкиной Катей Белоусовой мы годы спустя встретились в общежитии филфака Ленинградского университета и подружились на всю оставшуюся жизнь) были для нее близкими и родными людьми. Всем им она щедро отдавала не только свои знания — а преподавала она древнерусскую литературу, — но и свою душу, несмотря на огромную занятость, всегда находила время помочь делом, выразить сочувствие, сказать доброе слово. Когда у меня в начале девяностых случилась серьезная драма в личной жизни,

Елена Владимировна написала мне теплое письмо, поддержала и посоветовала все же «не пропустить в жизни своего человека».

Она своего человека встретила — с Александром Федоровичем они прожили вместе полвека, до конца ее жизни. Помню одну строчку из стихотворения Светлана Семененко, которую он сам мне цитировал, — по его словам, он написал эти стихи в молодости: «Тебя полюбит сильный человек, придет и руки на плечи положит». Так оно и вышло. К сожалению, весь текст стихотворения мне не известен, но поэтическое предсказание сбылось. Елена Владимировна и Александр Федорович воспитали двух прекрасных детей — Катю и Сергея, дождались внуков: Катя подарила им Семёна и Льва, Серёжа — Александра Белоусова-младшего (мальчик как две капли воды походит на бабушку).

К сожалению, в последние годы мы виделись мало — поскольку после перестройки Елена Владимировна и Александр Федорович, руководствуясь, как я думаю, своей совестью и обостренным чувством справедливости, решили, что должны уехать из независимой Эстонии, и обменяли свою роскошную квартиру на куда более скромную, но все же в центре Питера. Там Елена Владимировна нашла работу в университете. В последний раз на моей памяти Елена Владимировна приезжала в Таллинн летом 2007 года на сороковой день после смерти Светлана Семененко, которого бесконечно любила и уважала, всегда читала все его стихи (одно из посвящений ей Светлан Андреевич читал на всех поэтических вечерах и включил в два своих сборника). Тогда же вышла ее книга «Светлана» — история имени, как женского, так и мужского, которую я получила в подарок; мне это было очень интересно, так как Светланой звали и мою любимую тетю, сестру отца. Встретились мы в то лето на могиле Светлана Андреевича. Помню, я сфотографировала Елену Владимировну там одну, хотя народу вообще пришло много. А потом, как неожиданный подарок, была встреча в автобусе Таллинн — Санкт-Петербург: мы с дочкой ехали к ее отцу в Новгородскую область, Елена Владимировна — домой. Семь часов в дороге прошли в разговорах и воспоминаниях.

Потом Елена Владимировна, не отставая от времени, стала пользователем Фейсбука, откликалась на посты своих детей, внуков и учеников. Она всегда следила за тем, что делала я в память Светлана Семененко, а еще читала мои стихи и откликалась на них. Вероятно, педагоги остаются внутренне молодыми, потому что не теряют связь с младшим поколением. В каком-то смысле мы преодолели границы поколений: мне было очень приятно, что Елена Владимировна воспринимает меня как поэта. Она не старела душой, но, увы, годы брали свое, и мне очень жаль, что я больше не успела с ней встретиться. Границы в наше время из-за нищеты и пандемии стали подчас непреодолимыми.

Светлая и вечная память прекрасному человеку и педагогу.

Екатерина Белоусова

МАМИНЫ ЁЛКИ: ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ В ЖИЗНИ Е. В. ДУШЕЧКИНОЙ

Сколько я себя помню, Новый год с неперенной ёлкой и Дедом Морозом всегда был важным событием в жизни нашей семьи — задолго до того, как мама всерьез занялась Святками и ёлочной темой. В этом материале я собрала, с небольшими комментариями, мемуарные свидетельства и отрывки из писем — маминых и ее старших родственников — из нашего семейного архива, которые позволяют увидеть, что мамин интерес к этой теме и ее завороженность зимними праздниками возникли не на пустом месте и, наряду с прочими влияниями (книги, фильмы, школьные праздники и пр.), были продолжением сложившихся семейных традиций.

Конечно, ритуальное наполнение зимних праздников в семье менялось на протяжении XX века, но сама необходимость их устраивать была важным приоритетом в доме маминых родителей: праздник стремились устроить даже в трудные времена, в условиях войны и недоедания. Для маминых старших родственников было важным сохранить отношение к главному советскому зимнему празднику, Новому году, как к событию исключительно яркому и волшебному, и передать это ощущение детям. В отсутствие религиозных практик что-то запредельное, чудесное и эмоционально насыщенное все же должно было происходить из года в год — ощущалась такая потребность, и эта функция прочно закрепилась за празднованием Нового года.

Сказанное не означает, что к новогодним событиям нельзя было относиться с юмором: одно другого совершенно не исключало. Во многих семейных рассказах о праздновании Нового года присутствует ирония (смеялись и над смешным поведением маленьких детей, и друг над другом, и над собой). С другой стороны, во многих рассказах присутствует некий драматический конфликт, даже гипердраматизация — иначе неинтересно было бы рассказывать историю. Смешное соседствует с драматичным, с сильными переживаниями и позволяет там, где необходимо, дистанцироваться от ситуации и почувствовать себя защищенным.

В обращенном к родителям письме, написанном 5 января 1974 года из Тарту, мама пишет о семейной преемственности в деле организации Нового года в шутовском тоне (специфическая культура подтрунивания, существовавшая в маминой родительской семье):

Была ли у нас ёлка? Да, была. И очень красивая. Даже еще стоит. И у Ирины¹ стоит, и тоже ничего. Но вы нас так воспитали, что ёлочные походы, в конце концов, могут кончиться трагически. Вы нас так воспитали, что мы знаем совершенно точно, что на Новый год должна быть или совершенно безукоризненная ёлка, или никакой. А без ёлки какой же Новый год? И поэтому без ёлки нельзя, а значит, во что бы то ни стало, надо достать безукоризненную ёлку. А что такое ёлочная безукоризненность, мы с Ириной понимаем одинаково: это стройность, высота, густота, здоровье, крепость иголок и еще несколько неопишуемых черт. И вот в поисках этой безукоризненности мы обе чуть не потеряли мужей, т. к. им лишь бы ёлка. Я-то человек мягкий и вкрадчивый, и поэтому мы с Сашей² даже не поссорились, а Ирина в поисках ёлки действовала более решительно, видимо, недостаточно периодически извинялась перед Саней, да и обстановка 30-го была более драматичной, чем 29-го, когда ходили мы. В результате всю долгую дорогу с базара Саня и Ирина молча и мрачно волокли свою тяжелую красавицу (конец этой сцены я видела из окна кухни), но об этом долго подробно рассказывать, поэтому я просто вскользь.

В каждой шутке есть доля правды: ощущение ценности зимних календарных праздников, строгих требований к уровню и деталям организации торжеств, а также сам способ говорить и думать о них мамы родители, бесспорно, сумели ей передать. Празднование Нового года стало для мамы не только календарным обрядом, чрезвычайно важным и любимым, но также впоследствии одной из ее главных научных тем — предметом, о котором ей хотелось продолжать думать и писать на протяжении многих лет.

К сожалению, мы мало знаем о том, как проходили зимние праздники в детстве маминого отца, ученого, физиолога растений Владимира Ивановича Душечкина³. Дед родился в 1907 году в селе Шереховичи Новгородской губернии, где его отец, Иван Иванович Душечкин⁴ служил земским врачом и заведовал больницей. Практически все детство деда Володи прошло в отсутствие отца: Иван Иванович служил военврачом на трех войнах подряд: в 1912–1913 на Балканской в братской Болгарии, затем на Первой мировой, от начала до конца, и потом так же на Гражданской. О том, что происходило в семье прадеда в эти годы, почти ничего не известно: знаем только, что дед Володя и его старшая сестра Наталья провели все это трудное время с матерью в Петербурге-Петрограде, но никаких свидетельств об этом времени в жизни семьи не сохранилось. Прабабушка Анна Семеновна, в девичестве Кныш⁵, была из мещан города Холма Псковской губернии, и мы знаем очень мало об истории, взглядах и традициях этой семейной ветки.

¹ Ирина Владимировна Душечкина (по мужу Рейфман, род. в 1950) — филолог, младшая сестра Е. В. Душечкиной. Саня — ее муж Семен Павлович Рейфман (1950–2019), физик, программист. С 1974 по 1977 обе сестры со своими семьями жили в одном доме в Тарту на ул. Аардла в соседних подъездах.

² Александр Федорович Белоусов (род. в 1946) — филолог, муж Е. В. Душечкиной.

³ Владимир Иванович Душечкин (1907–1977) — биолог, отец Е. В. Душечкиной.

⁴ Иван Иванович Душечкин (1876–1950) — земский, затем советский врач, дед Е. В. Душечкиной по отцу.

⁵ Анна Семеновна Кныш, в замужестве Душечкина (1880–1936) — бабушка Е. В. Душечкиной по отцу.

Зато мы знаем кое-что о том, как проходило празднование Рождества в детстве самого прадеда Ивана Ивановича, а также его братьев и сестер — благодаря сохранившимся воспоминаниям его сестры Марии Ивановны Душечкиной (по мужу Панфиловой)⁶, бестужевки, учительницы. Детство их проходило в 1880-е годы XIX века в зажиточном крестьянском доме в деревне Опеченский рядок Боровичского уезда Новгородской губернии — до тех пор, пока младшей четверке детей не понадобилось поступать в гимназии, и семья стала проводить большую часть года в Петербурге, где прапрадед Иван Алексеевич Душечкин⁷ основал собственное дело по торговле известью и алебастром (известь добывали в окрестностях Опеченского рядка и сплавляли на барках по Мсте в Петербург). Описывая рождественские праздники в их деревенском доме, Мария Ивановна упоминает об исключительной «поэтичности» и торжественности этих событий:

Мы, дети, с очень раннего возраста ходили с матерью в церковь своего прихода — в Великий Порог⁸. Я помню, только к утренней и обедне в день Рождества ходила вся наша семья в Посад⁹. Служба происходила ранним утром, часа в 2–3; соборная церковь Посада¹⁰ стояла против нашего дома на противоположном берегу р. Мсты. Чтобы попасть туда, надо было переходить только реку; до Великого Порога от набережной было расстояние километра полтора.

Помню, как мы, младшие дети, упрашивали разбудить нас и взять в церковь вместе со взрослыми. Это раннее вставание, праздничные наряды, у братьев крахмальные рубашки — все было окутано особым поэтическим настроением. Несмотря на торжественность момента, в эти сборы вносилось много юмора братьями и родителями и, в общем, нам это казалось веселым. Затем переход по реке, мимо проруби с запахом елок, тоже вносил черты поэзии. Проруби на Мсте устраивались большого размера, приблизительно полтора на полтора метра. Во избежание несчастных случаев проруби обставлялись кругом ёлками, оставался свободным только вход. В церкви мы, в сущности, не видели богослужения вследствие тесноты и малого роста, но возвращались удовлетворенные. По возвращении домой, отец и братья пели рождественские песнопения — «славим Христа», затем «многая лета». Опять это делалось с некоторым оттенком юмора, не вносилось фанатизма и суровости.

Если мамин отец происходил из семьи, которая была достаточно сдержанной — «северной» по темпераменту, новгородско-питерской (дед Володя всегда произносил «ч» в словах «что» и «конечно»), то мамина мать, Вера Дмитриевна Фоменко¹¹, была, наоборот, очень «южным» человеком — она имела украинские корни, была громкой, шумной, темпераментной, не лезла за словом в карман и всю жизнь говорила

⁶ Мария Ивановна Душечкина, в замужестве Панфилова (1881–1961) — учительница, мемуарист, сестра прадеда Е. В. Душечкиной по отцу, врача Ивана Ивановича Душечкина.

⁷ Иван Алексеевич Душечкин (1840–1918) — крестьянин-предприниматель, прадед Е. В. Душечкиной по отцу.

⁸ Церковь Флора и Лавра в д. Великий Порог Боровичского уезда Новгородской губернии.

⁹ Село Опеченский Посад Боровичского уезда Новгородской губернии.

¹⁰ Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Опеченский Посад.

¹¹ Вера Дмитриевна Фоменко (1908–1995) — секретарь-машинистка во Всесоюзном институте растениеводства, мать Е. В. Душечкиной.

с фрикативным «г» — «прости Хосподи», «хде» и пр. Выросла она в Ростове-на-Дону, а до того — не подолгу — жила еще в нескольких городах России и Украины: ее отец, Дмитрий Иванович Фоменко¹², часто перемещался по службе. Он был родом из крепостных крестьян Киевской губернии, служил управляющим на разных заводах и предприятиях, помогал налаживать производство. О его родительской семье мы знаем мало.

Мать бабушки Веры, Домника Моисеевна Домницкая¹³, была, как сама она выражалась, «из духовных»: насколько можно проследить ее родословную, это несколько поколений представителей низшего духовенства: дьячки-псаломщики, помогавшие священникам во время службы и ведшие метрические книги в разных селах Киевской губернии. Домника рано осиротела и воспитывалась в женском духовном училище при Спасо-Преображенском Ржищевском монастыре, затем окончила там же учительскую семинарию и около двух лет до замужества преподавала в двухклассном училище в Корсуни — там же, в Киевской губернии. Бабушка Вера и ее младший брат Володя¹⁴ воспитывалась в православной вере, но без фанатизма; в доме праздновались все важные праздники церковного календаря.

В воспоминаниях бабушки Веры о праздновании Рождества в ее детстве явно присутствует чувство зачарованности атмосферой праздника. С одной стороны, бабушка Вера с чувством вспоминала общественные ёлки — светские праздники, на которые принято было водить детей. В своих воспоминаниях она описывает посещение одного такого мероприятия в Чернигове в 1912 году (ей было 4 года):

Перед Рождеством мне сказали, что пойдем на ёлку в Дворянское собрание. Купили светло-розовой шерсти на платье. Мы все спорили с подругой Леной, которой купили кремовой шерсти, у кого будет красивее платье. В Дворянском собрании, в большом зале, стояла огромная ёлка. Было много взрослых девочек в коричневых платьях и белых передниках, одна из них взяла меня, и мы пошли танцевать. Папу увидела на хорах.

Дома, конечно, тоже была ёлка.

В другом месте своих мемуаров бабушка Вера описывает домашнее празднование Рождества в их доме в 1917 году (ей было 9 лет), упоминая о том, каким эмоционально заряженным был сам процесс ожидания праздника и насколько особенной была его атмосфера:

В сочельник папа принес небольшую ёлочку. Григорий Сергеевич¹⁵ сделал к ней подставку. Игрушки ёлочные были еще из Котельнича¹⁶, и киевские Гормизы¹⁷ отдали нам свои. Рождество я очень любила, больше, чем все другие праздники. Очень ждали,

¹² Дмитрий Иванович Фоменко (1880–1936) — управляющий заводами, впоследствии бухгалтер, дед Е. В. Душечкиной по матери.

¹³ Домника Моисеевна Домницкая (1887–1956) — бабушка Е. В. Душечкиной по матери.

¹⁴ Владимир Дмитриевич Фоменко (1911–1990) — писатель-деревенщик, член Союза Писателей СССР, дядя Е. В. Душечкиной по матери.

¹⁵ Квартирный хозяин семейства Фоменко в Нахичевани (Ростов-на-Дону).

¹⁶ В 1914 г. Дмитрий Иванович Фоменко недолго служил в г. Котельниче Вятской губернии.

¹⁷ Ксения Акимовна (1879–1946) и ее муж Григорий Александрович Гормиз (1875–1948) — киевские родственники семьи Фоменко. Ксения Акимовна была любимой тетей и крестной Домники Моисеевны Домницкой-Фоменко, прабабушки Е. В. Душечкиной.

считали с Володией оставшиеся до праздника дни. В сочельник мама пекла пирожки с капустой, фасолью, варила взвар (компот из сухих фруктов) и кутью — рис, политый маковым молоком. Растирать мак в макотре было моим делом, очень долго и скучно. Папа, придя со службы, говорил: «Добрый вечер, Святой вечер». На стол клали сено (в память того, что Христос родился в яслях), накрывали скатертью, сначала ели кутью, понемногу, потом ужинали. Да, сначала зажигали лампаду перед образом, читали молитву «Рождество твое, Христе Боже наш». Очень было торжественно и радостно. После ужина украшали ёлку. А когда я была постарше, я в сочельник не ела до первой звезды.

После революции бабушка Вера отошла от религии и празднования церковных праздников — всю свою взрослую жизнь она была человеком исключительно светским. Однако прабабушка Домника, которая через несколько лет после потери мужа в 1936 году стала жить с бабушкой Верой, всячески ей помогая и воспитывая трех внуков, оставалась верующей. Это было ее глубоко частным делом, и свою точку зрения она никому не навязывала. Она также продолжала придерживаться, вполне возможно, чисто символически, некоторых старых праздничных традиций.

В июне 1938 года у бабушки родилась первая дочь, тетя Таня¹⁸; бабушка Вера пишет об их жизни последующей зимой в доме прабабушки Домники в Ростове, куда бабушка приехала на время с Крайнего Севера, из Хибин, чтобы мать могла помочь ей в первое время после родов: «На Новый год сделали маленькую ёлочку. Бывало, мама возьмет Таню, сядет с ней у окна и “выглядают женихов”». Это, скорее всего, была шутка, и, тем не менее, для того, чтобы так шутить, нужно было живое, не книжное знание традиции святочных гаданий. Позже эта тема проявится в мамином интересе к теме гаданий на Святки — в ее работах о святочных рассказах, о «Светлане» Жуковского, о святочной теме в «Евгении Онегине»¹⁹.

Мама родилась в Ростове 1 мая 1941 года. 22 июня началась война. Бабушка Вера застряла в Ростове с прабабушкой Домникой и двумя маленькими дочками, Таней и Леной. Дед Володя был на Карельском фронте. Как проходило празднование Нового года в 1942 и 1943 годах, остается только догадываться (с 24 июля 1942 по 14 февраля 1943 шла вторая, исключительно тяжелая оккупация Ростова).

В мае 1943 года, спустя три месяца после освобождения Ростова, бабушка Вера с прабабушкой Домникой и обеими дочками отправилась на Урал, куда был эвакуирован из Ленинграда Всесоюзный институт растениеводства. До войны бабушка работала вместе с дедом на Полярной опытной станции ВИРА в Хибинах (она была секретарем-машинисткой), и вот, как только появилась возможность, директор ВИРА, Иоган Гансович Эйхфельд прислал им вызов в Красноуфимск²⁰. Немцы были все

¹⁸ Татьяна Владимировна Душечкина, в замужестве Велицкая (род. в 1938) — врач, старшая сестра Е. В. Душечкиной.

¹⁹ *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995; *Душечкина Е. В.* Святки в «Евгении Онегине» (Учебный материал к курсу русской литературы) // Традиция в фольклоре и литературе: Статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2000. С. 372–385; *Душечкина Е. В.* Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007.

²⁰ Иоган Гансович Эйхфельд (1893–1989) — биолог-селекционер, академик ВАСХНИЛ, в 1940–1951 директор Всесоюзного института растениеводства, до этого — директор Полярного отделения и затем Полярной

еще близко, в Таганроге (75 км от Ростова), и положение было весьма неопределенным, поэтому решили, что ехать нужно²¹. Ехали почти месяц, добрались благополучно. Поселились в поселке при опытной станции. Той же зимой состоялось празднование Нового 1944 года — и дома, и в коллективе, на опытной станции. В этот год драматизм состоял, прежде всего, в самой сложности организации праздника в тогдашних жизненных условиях. С другой стороны, при описании поведения маленькой тети Тани видно, как бабушка Вера и провоцирует взволнованную эмоциональную реакцию пятилетней дочки, не узнавшей их семейного врача в костюме Деда Мороза, и довольна произведенным эффектом:

При всей нашей скудности все, и мы в том числе, устраивали дни рождения детей и ёлку на Новый год. Мама всегда пекла картофельные пирожки с капустой, дети уплетали с удовольствием.

Наступила зима, в доме холодно и темно, нечем освещаться. У Эйхфельдов²² была лампа и керосин, и мы с мамой, уложив детей, шли через дорогу к ним на огонек. <...> Подходил Новый год, Таня страшно волновалась, все приставала — есть Дед Мороз или нет? Ну, мы, конечно, говорили, что есть. Но Таня все-таки не успокаивалась — как Дед Мороз может жить в лесу, он же замерзнет! И еще все спрашивала — а щеки у него мясные?

Хозяйство отпустило муки, капусты и сахарной свеклы, мы — матери — пекли пирожки, для подарков детям. Нина Романовна была Дедом Морозом — в своем медицинском халате, в белой шапочке и с ватной бородой, она раздавала детям кульки с пирожками. Таня получила свой кулек, оделась и бросилась домой, еще в дверях кричит — бабушка, есть Дед Мороз! Есть, сама видела!

Была ёлка и у нас со знаменитыми картофельными пирожками. Конечно, у Эйхфельдов угощение было богаче, настоящие пирожки из муки. Помню, как мальчик-гость, уходя, говорит Иогану Гансовичу — спасибо. Иоган Гансович отвечает — не за что. — Как же не за что? Я ведь два пирожка съел и три стакана чаю выпил!

Как немного нужно тогда было детям!

Это была первая ёлка, которую запомнила мама (ей в то время было два с половиной года, но у нее была очень ранняя память, и она помнила многие события из красноуфимской жизни). Мама пишет о встрече этого первого запомнившегося ей Нового года как об одном из наиболее ранних воспоминаний детства:

Ёлку помню, стоящую в доме. Как мама ее устроила, не представляю. Но впечатление осталось. Видимо, был у нас и детский праздник, потому что вдруг оказался в нашем доме патефон. И я, конечно, была поражена и (ну, это классическая история) стала лазить вокруг да около и под стол, чтобы узнать, где спрятался тот, который поет. Радиоточки не было.

Запомнился маме и перформативный момент новогоднего праздника в тот год — видимо, ее первое публичное выступление (представляется существенным, что

опытной станции ВИРа в Хибинах, где работали В. И. Душечкин и В. Д. Фоменко. С 1946 академик АН ЭССР, президент АН ЭССР (1950–1968), член-корреспондент АН СССР. В 1958–1961 — председатель Президиума ВС ЭССР.

²¹ Таганрог освободили только 30 августа 1943 г.

²² Иоган Гансович Эйхфельд и его жена Ирина Евгеньевна Эйхфельд.

в приводимых стихах разыгрывались достаточно драматичные, «страшные» ситуации, в конце благополучно разрешающиеся):

Книгу помню одну. Она называлась «Морозко»²³. Ее бабушка (в основном) читала нам постоянно. Книга начиналась с «Не ветер бушует над бором...», потом вскоре шли «В зимние сумерки нянины сказки Саша любила», а также там была сказка «Морозко» («Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?») и два стихотворения. Одному обучили меня для выступления (наверное, для ёлки или просто так), а второму — Таню. Оба я до сих пор помню наизусть. Мое:

По сугробам, по кустам
Скачет заяц белый.
Нет норы ни здесь, ни там,
Что же зайцу делать?

Он охотника боится,
Он от страха весь дрожит.
Заяц скачет, заяц мчится,
Заяц к ёлочке бежит:

Спрячь меня, ёлочка,
Поскорей!
Спрячь меня, зеленая,
Пожалей!

И накрыла ёлочка
Зелеными ветвями
Бедного зайчишку
С длинными ушами.

Только хвостик виден,
Ну, да не беда:
Хвостик можно спрятать
В снег
Всегда²⁴.

А вот Танино:

Белая лужайка,
Теплая фуфайка.
Я на лыжах побегу —
Ты меня поймай-ка!

[На березках снегири
Ярче утренней зари,
Синие синички,
Снег за рукавички!

²³ Морозко / Сост. К. В. Рождественская. Свердловск, 1940. С. 76, 61.

²⁴ Ёлочка. Стихи Д. Хорол, пер. М. Сидоренко. Текст приводится Е. В. Душечкиной по памяти.

Белая дорожка,
 Подожди немножко.]
 Кто там ходит за кустом —
 Заяц или кошка?

Если заяц ходит — пусть,
 Если кошка — не боюсь,
 Если волк с медведем,
 Дальше не поедem²⁵.

Как я рассказываю это стихотворение у мамы в бухгалтерии, помню, но как я его рассказываю на ёлке, совсем не помню.

А книжку эту «Морозко» я недавно выписала в библиотеке. И мне принесли: издание 1940 года, вышла в Свердловске. Видимо, мама ее купила, когда ездила в город. Или кто-то подарил. Куда она потом делась у нас, не знаю. Но позже я ее не встречала. В ней, кроме перечисленных мною вещей, был еще и какой-то идеологический материал: Ленин на ёлке и еще про то, как дети готовятся быть красноармейцами. Но в детстве я этого не запомнила.

Тетя Таня вспоминает, что разучивание девочками стихов было инициировано их бабушкой и что к этому делу были приложены специальные усилия. Возможно, именно со стихотворения про мчащегося — или «мочащегося» — зайца (видимо, так двухлетняя мама это произносила, а все покатывались со смеху) и началась мамина артистическая карьера:

Ёлки были в клубе, дома, у Эйхфельдов. Мама тайно от нас готовила самодельные игрушки. К ёлке в клубе шила нам карнавальные костюмы. Мне юбочку, кофточку, передничек, голландский, что ли. Лене — костюм Красной шапочки. Бабушка Домника Моисеевна разучивала с нами стихотворения, о которых пишет Лена. Они были очень честолюбивые, особенно Домника Моисеевна. Хотели, чтобы мы были лучше всех. Лена была самая маленькая, хорошенькая и потешная. Ее все любили. «Заяц скачет, заяц мчится» заставляли много раз декламировать. Детскую ёлку у нас — не отчётливо помню, лучше у Эйхфельдов. Лена и там рассказывала стихотворение.

Последующие мамини ёлки 1945–1950 годов прошли в Хибинах, на Полярной опытной станции ВИРа, куда бабушка вернулась осенью 1944 года с матерью и обеими дочками. Бабушка Вера описывает яркие впечатления, оставшиеся у нее от этих хибинских празднований — последней военной ёлки 1945 года и первых послевоенных²⁶:

Несмотря на все трудности, на праздники — Новый Год, 1-е Мая, Октябрьские годовщины — устраивали вечеринки вскладчину — обязательный винегрет, вареная картошка, капуста, соленая рыба. Доставали и водку, которая всегда отдавала керосином. Пели хором. <...> На Новый Год у всех бывали ёлки и главная — в клубе. Днем для детей ёлка и маскарад, вечером взрослые рядились; у старух (вологодских и архангельских) были

²⁵ Зимняя песенка. Стихи З. Александровой. Текст приводится Е. В. Душечкиной по памяти.

²⁶ Ср. статью О. А. Бодровой и И. А. Разумовой «Новогодние ёлки в заполярном академическом центре» о праздновании Нового года в других научных коллективах Кольского полуострова начиная с 1930-х гг., опубликованную в настоящем сборнике.

целые сундуки «намято» старинных платьев, юбок, шалей. Старушки и сами наряжались, и молодым давали наряды. Плясали. Весело было. «Жюри» присуждало премии. Были интересные костюмы, с выдумкой. Елена Мартыновна Карклин, толстая и неповоротливая, нарядилась белым петухом. Потрясающе выглядела.

По воспоминаниям тети Тани, в эти послевоенные годы в Хибинах раздобыть лучшую ёлку, правильно украсить ее и достойно принять гостей было для Душечкиных делом чести, и в этом деле все старшие члены семьи принимали посильное участие:

Были какие-то довоенные игрушки, но мы с мамой делали и сами. <...> На ёлки ходили вместе с Леной. Наши старались для гостей-детей что-то приготовить — угощение. У Артаминых было одно угощение — морковка. Когда папа вернулся [с войны], всегда с ним ходили выбирать ёлку. Это было целое событие. Ёлку выбирали в лесу сами, но за неё нужно было заплатить. Наверное, не все платили, но папа был очень принципиальным. Были негласные соревнования: у кого ёлка лучше. Бабушка Домника Моисеевна привязывала незаметно к ёлке дополнительные ветки. У нас были всегда самые красивые ёлки. <...> Спали в комнате с видом на озеро мы с Леной и бабушка. Помню, 1 января ещё сквозь сон слышишь запах ёлки, открываешь глаза, а посередине комнаты ёлка. Игрушки всегда ещё и сами делали — цепи, флажки, но больше покупных было. Папа из Ленинграда или из Кировска привозил.

Новый 1948 год мама проболела скарлатиной и дифтеритом в районной больнице в Кировске. Бабушка Вера пишет: «На ёлке в Клубе Лене вдруг сделалось плохо, температура высокая. Володя на руках отнес ее домой». Пришлось срочно ехать в город, в больницу; ехали до Кировска в неотапливаемом «санитарном» (по сути, товарном) вагоне. Маме пришлось тогда провести шесть недель вдали от семьи, в больничном карантине. Бабушка пишет, что семилетняя мама (которую они приезжали повидать раз в неделю через окно больницы) выглядела «веселенькой»: там она нашла себе и компанию, и аудиторию.

Новый 1951 год бабушка Вера — теперь уже с тремя дочками — встречала в Ростове с любимыми родственниками — братом Володи и его семьей. Тогда в ростовском фотоателье было сделано классическое первое фото всех трех сестер Душечкиных: Тани, Лены и пятимесячной Иринки. Новый 1952 год встречали на Северном Кавказе, в поселке Шунтук, где семья прожила на местной опытной станции ВИРа около двух лет, а 1953-й — уже в Таллинне, где Душечкины обосновались на долгие годы: дед Владимир Иванович был приглашен на место директора Института Растениеводства АН ЭССР.

В Новый 1961 год маме было 19 лет — она в это время жила в Таллинне, работала и училась заочно в Ленинградском университете. Сохранилось мамино письмо ее московскому другу Александру Кокееву о праздновании этого Нового года, который мама провела втроем с двумя подругами дома у одной из них, художницы Лоры (Долорес) Гофман²⁷. Мама описывает свое особенное новогоднее настроение, окрашенное романтизмом ранних шестидесятых:

²⁷ Долорес Гофман (Dolores Hoffmann, род. в 1937) — известная эстонская художница, витражист.

Вступили, значит, еще в один год. Естественно, выпили шампанского, послушали бой часов со Спасской башни, свечи зажгли на ёлке... Комната просторная и светло-зеленые обои. На одной стене Иисус — копия с рублевской картины, на другой портрет Эрнста Буша, а на третьей «портрет рая»²⁸, что ты мне прислал. Мы — дикари, как все говорят, — втроем: Лора, Элочка²⁹ и я. <...> Пикассо смотрелся ужасно здорово — в цвете, и только: красный, синий, желтый. То, что было желтым, оказалось белым, а тогда было абсолютно желтым. И так всю ночь: красное, белое, желтое. Смотря на Иисуса при свете свечей, думалось: «Попробуй тут не поверить в него!» Слушали музыку. Поль Робсон пел «Болотных солдат». Ван Клиберна играл 3-й концерт Рахманинова, кто-то играл симфонию Листа. Мы много говорили, черт знает о чем. Вообще. Так просидели всю ночь. Потом с Элкой пошли к нам спать. Вышли на улицу, и оказалось, что за ночь выпал снег. А его не было абсолютно. Смешно стало от этого совпадения. Заснули, а когда проснулись, давно уже был день, новый год и 1-е января.

Вообще, в те годы мама работала на заводе, но как раз вокруг этого Нового года она два месяца проработала старшей пионервожатой в школе, где училась ее младшая сестра Иринка, которой тогда было 10 лет. Очевидно, этим объясняется посещение ею в том Новом году некоего комсомольского новогоднего вечера, который она противопоставляет описанным выше возвышенным переживаниям как нечто профанное: «Была на вечере новогоднем, где веселилась таллиннская комсомолка. Чуть-чуть не умерла с тоски. Скука смертная». Зато от организации новогодних мероприятий в той школе, где мама работала, она получила гораздо больше положительных эмоций: там ей довелось выступить на сцене, быть в центре внимания:

В то же самое время проводила бесчисленные утренники с пионерами и с пионерками в школе, уставала до чертиков, — еще бы: приходилось с ними и петь, и плясать, заниматься всякими организационными делами... В общем, если это не испытаешь сам, трудно представить, что это такое. <...> Вчера в школе ставили пьесу «Сомбреро»³⁰. Я, конечно, тоже играла какую-то мамашу. Валилась с треском. Я грохотала³¹, как припадочная. Конечно, не на сцене. Но на сцене один раз тоже грохотала. Перепутали все действия, все слова, роли, и вообще получилась каша. Режиссер, девятиклассник Марк, хватался за голову, метал во все стороны гром и молнию. Сидели мы с ним на сцене на скамейке. Вдруг я встала, скамейка перевесила в его сторону, он стал падать вверх ногами, но удержался и пробурчал: «Бывает, бывает». Я опять села на скамейку и стала грохотать во всю, раскрыв, как шука, пасть: грохочу и грохочу, не могу остановиться. Потом Марк говорит: «Ну, я пойду!» и бросил меня одну на сцене. Я сижу, на руках корзиночку держу, не знаю, что делать. Это только один из эпизодов. Такое и подобное продолжалось два часа. В результате пьеса всем (первоклассникам) очень понравилась. Мне же она окончательно испортила настроение, Марку подорвала веру в себя, а моей сестре Ирине внушила уверенность, что я по призванию артистка.

²⁸ Александр Кокеев вспоминает, что, кажется, это была репродукция картины Пабло Пикассо «Женщина с цветком», напечатанная в польском журнале «Экран», который он еженедельно покупал в те годы в московском киоске.

²⁹ Элеонора Моисеевна Фридман (род. в 1942) — таллиннская подруга Е. В. Душечкиной начиная со школьных лет (подружились в команде по плаванию спортивного клуба «Динамо»).

³⁰ Пьеса Сергея Михалкова 1957 г.

³¹ Хохотала.

Я искала свидетельства о праздновании Нового года с маминым участием в ее студенческие годы — шестидесятые — в Тартуском университете, но ничего из этого времени найти не удалось. Тем не менее, можно себе представить, что игровая атмосфера, сопровождавшая праздничные сборища у Лотманов³², Рейфманов-старших³³ и в доме Я. А. Габовича³⁴, с розыгрышами и шарадами, оказала влияние на характер и сценарии новогодних праздников, которые маме предстояло в будущем организовывать уже самой.

Когда у мамы появилась я, а затем и брат Сережа, празднование Нового года стало ритуалом, который считалось абсолютно необходимым устраивать для детей — с подарками, сюрпризами (Дед Мороз каждый раз являлся по-новому) и тщательно выбранной ёлкой, которую полагалось долго наряжать, рассматривая каждую игрушку и предаваясь воспоминаниям и рассказам о прошлых Новых годах. В сам же Новый год должно было происходить некое действие, мистерия, сюрприз — что-то неожиданное, временное выпадение из обычной повседневной рутины. Важную роль продолжал играть перформанс — чтение стихов, импровизация.

Мама пишет родителям в Таллинн про встречу нами Нового 1973 года в эстонском поселке Эльва (в то время она была аспиранткой в Тартуском университете и заканчивала диссертацию, печатала ее на машинке):

Новый год мы встретили втроем — с Маргаритой Афанасьевной³⁵. Было очень приятно, тихо. Выпили и за вас, просидели с 10-ти до 3-х, а уставшая Катя спала без задних ног, т. к. накануне в садик не ходила и днем не спала. Ёлка у нас хорошая. Как мы ни хотели вас послушать, пришлось ее вырубить в лесу, что делает вся Эльва, а тащить из Тарту и глупо, и сложно было, потому что неделя оказалась очень трудной, я с утра до ночи была занята зачетами и к концу месяца совсем вымоталась. <...> Ёлку мы наряжали при Кате, она принимала в этом активное участие, а 1-го обнаружила на кресле перед своей кроваткой, у ёлки, кучу подарков. <...> По вечерам мы зажигали свечи (все-таки свечи, т. к. лампочки через день перегорели), укладывались на диване и «выступали». Катя была в ударе и рассказывала прорву стихотворений, некоторые из которых совершенно неожиданные для меня. Она торопилась, переделывала слова — было ужасно смешно.

Интересно описание мамой праздника, состоявшегося в том же 1973 году в моем эстонском детском саду в Эльве, организованного русской воспитательницей Милой — при этом характерна мамина эмоциональная реакция на это событие и высокая оценка, данная ею этому яркому театрализованному действию-сюрпризу:

³² Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) и Зара Григорьевна Минц (1927–1990) — филологи, преподаватели Тартуского университета, учителя Е. В. Душечкиной и ее мужа А. Ф. Белоусова.

³³ Павел Семенович Рейфман (1923–2012) и Лариса Ильинична Вольперт (1926–2017), филологи, преподаватели Тартуского университета, родители Семена Павловича (Сани) Рейфмана, мужа Ирины Владимировны Душечкиной.

³⁴ Яков Абрамович Габович (1914–1980) — математик, преподаватель Эстонской сельскохозяйственной академии. В открытом доме «Габа» в разное время жили оставшиеся без крова тартуские филологи, останавливались иногородние гости.

³⁵ Маргарита Афанасьевна Радченко (1913–1979), свекровь Е. В. Душечкиной, мать А. Ф. Белоусова.

За три дня до Нового года был праздник в садике. Мы, конечно, ходили. Вначале всех посадили в автобус и сказали, что едем в Пееду встречать Деда Мороза, потому что он летел на самолете, потом ехал на поезде, потом шел на лыжах, и вот теперь, от Пееду до Эльвы снегу нет, поэтому надо съездить за ним. Ехали и очень хорошо пели всякие песни, а потом Люся стала говорить, что вот где-то тут он должен из лесу выйти. А было уже темно. Дети вытягивали шеи, все смотрели на дорогу, но ничего и никого не было. А потом смотрим — выходит из лесу Дед Мороз с мешком, с палкой. Все так и взвыли от восторга. А я даже заплакала. А Катя потом говорила: «Смотрим, какой-то старичок лезет в автобус, а это, оказывается, Дед Мороз». А Саша³⁶ (!) говорил с гордостью: «Я раньше всех увидел, и раньше тебя». Последнее, конечно, довольно смешно, но действительно такова была общая реакция. Вот какая Мила молодец! Умница просто. Ну а потом мы с песнями привезли Деда Мороза в садик, ему пели и плясали. Катя сделала величайший прогресс со времени октябрьских праздников, правда, в хоре все пела свою неизменную «тучку»³⁷. В общем, было очень здорово.

Новый 1974 год встречали на новой квартире в Тарту, куда мы переехали незадолго до этого: родители, молодые преподаватели Тартуского университета, купили с финансовой помощью от бабушки и деда двухкомнатную кооперативную квартиру в пятиэтажке на окраине города. Как видно из письма, здесь уже другой поворот сюжета с Дедом Морозом: если в прошлом году в ходе домашнего празднования оставленные Дедом Морозом подарки были найдены под ёлкой, то тут Дед Мороз явился лично, пока мама (увы — увy) «куда-то выскочила»:

Новый год мы, тем не менее, встретили весело: кроме нас четверых, были старшие Рейфманы и М.Аф., которая приехала 29-го и уехала в ночь на 2-е. Сама встреча произошла у нас. Мы с Ириной сделали роскошный стол, но все сразу настолько наелись зажаренным в духовке куском свинины, что все остальное убрали почти нетронутым и до сих пор доедаем. Приходил к нам Дед Мороз, приносил подарки. Я, правда, в этот момент куда-то выскочила, но мне рассказывали. А потом была лотерея, которая пользовалась большим успехом. Кате Дед Мороз принес кино-фильмоскоп, и мы теперь все вместе как сумасшедшие крутим кино.

Летом 1977 года, уже после рождения брата Сережи, мы переехали в Таллинн, и празднования Нового года 1978–1989 годов проходили уже там, в дедовской квартире в «академическом» доме на бульваре Ленина. Дед Володя тем летом умер, мы стали жить с бабушкой Верой, поэтому подробно описывать в письмах, как проходили празднования Нового года, уже не было необходимости. Соответственно, свидетельства об этих Новых годах — в основном фотографические. На многих фотографиях того времени, чисто семейных и с гостями, на бэкграунде присутствует возвышающаяся на буфете ёлка, наряженная множеством старых ёлочных игрушек (многие из них сохранились еще со времен Хибин — ватные фигурки, грибы и фрукты, картонные дирижабли).

³⁶ Александр Федорович Белоусов, муж Е. В. Душечкиной.

³⁷ В одном из предыдущих писем бабушке Вере мама рассказывает, что я, отданная в эстонский садик в Эльве за два месяца до описываемых событий и не знавшая эстонского языка, во время подготовки хороших номеров эстонских песен бубнила по-русски ворчалку (или сопелку?) Винни-Пуха «Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь».

Гости приходили и в сам Новый год, и в зимние каникулы. На наших домашних фото с ёлками можно видеть замечательных родительских друзей, учителей — Юрия Михайловича Лотмана, Зару Григорьевну Минц. Сохранились фотографии с празднования Нового 1983 года с ряженым в медведя «ЮрМихом». В такие дни много играли — ставили шарады и пр. Несколько фотографий из этих времен приложены к воспоминаниям С. К. Кульюс, опубликованным в настоящем сборнике³⁸. С Лотманами (да и вообще со многими друзьями и коллегами) родители обязательно обменивались на Новый год поздравительными открытками.

Осенью 1990 года состоялся переезд нашей семьи в — тогда еще — Ленинград, где родители начали близко общаться с молодыми коллегами и учениками — местными фольклористами, которые тоже знали толк в зимних календарных праздниках. В 1990-е в этих празднованиях появились новые (они же хорошо забытые старые) мотивы: рождество, вертеп, народный театр. Бабушка Вера пишет о своем ярком воспоминании — праздновании Рождества у нас дома в Питере в январе 1993 года (при этом намеренно усиливая драматизм происходящего):

Новый год встретили впятером, своей семьей. Сережа принес ёлку — высокую, почти до потолка, но реденькую. В общем же получилось хорошо. Начался новый год. 6-го, под Рождество, уже поздно вечером, пришла большая компания (15 ч.) с колядками, это филологи. Были все, какие положено, персонажи — Ирод с мечом, воины, народ. Женщина с ребенком. Думали сперва, что это кукла, но оказался четырехмесячный ребенок. Ирод должен был его убить, мать ужасно рыдала, не давала ребенка, чуть его, бедного, не разорвали, но все кончилось благополучно. Пели рождественские молитвы, колядки, они принесли кутью, Лена накрыла стол, угощала их. К моему большому сожалению, я плохо себя чувствовала, лежала и ничего не видела, только слышала.

После моего отъезда из Питера осенью 1995 года мне почти никогда уже не доводилось встречать Новый год с родителями в квартире на проспекте Добролюбова, но мама с гордостью присылала мне и вывешивала в соцсетях фотографии наряженной ёлки. После выхода маминых книг о святочных рассказах и об истории ёлки, в дни зимних праздников мама бывала нарасхват: ее приглашали выступить на радио, снимали в телевизионных передачах, приезжали к ней домой, чтобы взять интервью для газет и журналов³⁹. Благодаря этому мамини ёлки разных лет неоднократно попадали в кадр, становясь полноправными героинями фоторепортажей и телепередач: рассказывая об истории ёлки, мама брала в руки и демонстрировала ёлочные игрушки разных эпох, стоявшие под ёлкой фигуры Дедов Морозов и Снегурочек. В сам же Новый год по-прежнему всегда происходило театрализованное действо (ведь у мамы подрастал внук Саша Белоусов-младший, и эстафету принял брат Сережа, который в юности профессионально занимался организацией праздников). Тетя Таня рассказывает, как проходили встречи Нового года дома у родителей в 2000-е:

³⁸ См.: Кульюс С. К. «Из воспоминаний о Лене Душечкиной».

³⁹ См. напр. интервью Е. В. Душечкиной Сергею Капице: История новогодних праздников // Очевидное — невероятное. 17 января 2009 г. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/istoriya-novogodnih-prazdnikov>

Встреча Нового 1984-го г. в доме Душечкиных-Белусовых в Таллинне. Фото Р. Флухер

*Лотманы в гостях у Е. В. Душечкиной и А. Ф. Белоусова в новогодние праздники (Новый 1986 год).
Ю. М. Лотман, З. Г. Мини, Катя Белоусова. Фото из архива Е. В. Душечкиной*

Встреча Нового 1987-го г. в доме Душечкиных-Белоусовых в Таллинне. Из архива Е. В. Душечкиной

*Игра в «убогонькую» на празднике в таллинском доме Душечкиных-Белуосовых. 1987 г.
Фото из архива Е. В. Душечкиной*

*Е. В. Душечкина и А. Ф. Белуосов встречают Новый 1993-й год у себя дома в Петербурге.
Фото из архива Е. В. Душечкиной*

Я последние лет десять или даже больше почти все Новые года встречала с ними: Лена, Саша, Белоусовы-младшие⁴⁰ и я. Сережа с семьей сначала бывали у Ильиных⁴¹, а к десяти вечера они и я приезжали на Добролюбова. Всегда было представление: Лена в шляпке или в роли цыганки, я — кронштадтский матрос, Сергей — Дед Мороз — стучался в дверь. Все с подарками. Веселились от души. Лена и Саша гордились ёлкой и игрушками на ней.

Из приведенных рассказов видно, что маму всю жизнь завораживало, зачаровывало, возбуждало новогоднее действо — она была театральным человеком, любила и ценила драму, движение, катарсис — не случайно она заплакала от избытка чувств тогда в Эльве, увидев выходящего из лесу настоящего живого Деда Мороза. Мама была актрисой, она любила играть, выступать, «держат площадку» (ее выражение). Она часто «включала» эти энергии во время чтения лекций и докладов, и наверняка это помнит каждый, кто когда-либо их слышал. Но это проявлялось и в разговорах на кухне, в курилке, да, собственно, и в письмах — эта потребность в артистизме, игре, исполнении разных ролей: мама всегда остро нуждалась в аудитории.

В маминой книге о ёлке есть такой эпизод: она описывает, как дети, доведенные до исступления в ожидании допуска к наряжаемой ёлке, когда двери, наконец, открываются, врываются в залу и, не в силах сдержать эту вакхическую энергию, буквально растерзывают ёлку, срывая с нее конфеты и фрукты⁴². Мне кажется, мама писала об этом с огромным удовлетворением: она как будто понимала и одобряла это состояние экстаза. Хотя она нашла эти описания в литературных и мемуарных источниках, когда мы с Сережей уже выросли, кажется, что-то подобное по накалу и направленности, такой же драматический эффект она хотела породить в нас, детях, своими новогодними сюрпризами, и это ей действительно удавалось. Помню, каким довольным тоном она рассказывала о том, как трехлетняя я впервые увидела-осознала наряженную ёлку в Эльве и просто «потеряла дар речи», была не в силах сдвинуться с места. Желаемый эффект был достигнут.

Новый год — смена циклов, лиминальность, выход за пределы повседневного — все это понималось и ощущалось мамой как субъективно важное. Мама хотела, чтобы эта яркая экстатическая практика, связанная с сильными эмоциями, удивлением, ошарашенностью происходящим, продолжала жить в сердцах участников мистерии, и сознательно работала над тем, чтобы наши Новые года именно так переживались, оставаясь в памяти навсегда.

⁴⁰ Сергей Александрович Белоусов (род. в 1975) — сын Е. В. Душечкиной, его жена Полина Александровна Белоусова и сын Саша Белоусов-младший.

⁴¹ Александр Иванович и Людмила Алексеевна Ильины, тещь и теща Сергея Александровича Белоусова.

⁴² *Душечкина Е. В.* Русская ёлка. История, мифология, литература. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2014. С. 75.

Елена Душечкина

ТРИ ШУТОЧНЫЕ ПОЭМЫ НАЧАЛА 1990-х гг. (Предисловие и публикация Екатерины Белоусовой)

При написании статьи «Мамины ёлки»¹ я не упомянула об одном важном новогоднем ритуале в нашем семействе. В начале 1990-х в конце декабря мама обязательно писала шуточную поэму, в которой отражалось некое эпохальное событие уходящего года. Как говорилось в начале одной из маминих поэм:

Наступает Новый год.
Весь народ поэму ждет.
На какую нынче тему
Ожидается поэма?

Каждая поэма художественно оформлялась (распечатывалась, снабжалась фотографиями, академическими сносками и пр.) и с апломбом зачитывалась в Новый год дома под ёлкой к бурному восторгу всех присутствующих. В нашем семейном архиве сохранились тексты трех поэм, написанных к Новым 1991, 1993 и 1994 гг.

Написание шуточных стихов было традицией в семействе Душечкиных: смешные стихи с членами семьи в роли главных героев сочиняли бабушка Вера и ее брат-писатель «дядя Вова» (Владимир Фоменко), писал стихи мамин отец, дед Володя, писали мамини сестры — вместе с родителями и по отдельности. Довольно многое из этого домашнего творчества сохранилось. С другой стороны, когда мама поступила в Тарту в 1962 г., там она тоже попала в круг, где шутки и шуточное творчество играли важную роль: смешные стихи на случай писал Ю. М. Лотман (и рисовал шаржи на себя и членов своей семьи)², множество шуточных песен, адресованных друзьям-студентам, сочинил преподаватель-математик Я. А. Габович³. У обоих был открытый дом, где разыгрывались блистательные шарады (например, знаменитая шарада Юрмиха «режим сало Зары»), и в целом в тартуской жизни смех и смешное были не менее важными, чем наука и серьезные исследования.

Описанные в трех публикуемых здесь поэмах события были воистину эпохальными: это настоящие подвиги, деяния, осуществленные мамой. Это кажется очевидным для тех, кто помнит «лихие девяностые» не понаслышке, но может быть

¹ См. статью Е. А. Белоусовой «Мамины ёлки» в настоящем сборнике.

² Автопортреты Ю. М. Лотмана / Сост. Т. Д. Кузовкина. Таллинн, 2016.

³ См.: *Габович Я. А. Песни* / Сост. М. Е. Габович. Б. м., б. д.; см. также текст песни Я. А. Габовича «Лети, моя песня, в сосновую Эльву...» в настоящем сборнике.

не вполне понятным более молодому поколению или тем, кто не жил на том переходном этапе в СССР/России.

В «Поэме о переезде» (декабрь 1990) описывается подвиг переезда нашей семьи из Таллинна в Ленинград: в то время нельзя было просто продать квартиру и купить себе новую — нужно было найти равноценный квартирный обмен в другом городе и оформить бумаги через специально занимавшиеся этим вопросом государственные органы. В 1990 году задача осложнялась тем, что отделявшаяся в то время от СССР Эстония требовала, чтобы партнерами по обмену, переезжающими в Эстонию, были этнические эстонцы, т. е. нужно было найти в Ленинграде такую семью. В итоге мама ее нашла: это была семья олимпийского чемпиона-легкоатлета Юри Тармака, которую в Эстонии приняли с распростертыми объятьями.

Подвиг, изображенный в маминой «Поэме о компьютере» (декабрь 1992), также требует пояснения. В тот голодный год мама ездила «на заработки» в США и читала там лекции в течение семестра. В числе прочего, на заработанные деньги она купила персональный компьютер-десктоп — таинственный агрегат, каких тогда не было ни у кого в нашем ближнем кругу — за исключением Ю. А. Клейнера, который привез себе из Америки компьютер семестром раньше. Мало того, что никто из нашего окружения не умел работать на компьютере (мама была одной из первых — у нее была шпаргалка с последовательностью действий: нажать кнопку Start и т. д.) — но не было и сервисов починки, не было запчастей. Компьютер постоянно ломался, а запчасти приходилось возить все из той же Америки... Благодаря маминему другу и соавтору, американскому профессору Хенрику Барану, который героически возил через границу бесчисленные материнские платы и «винчестеры», постепенно вслед за мамой все мы вступили в компьютерную эпоху.

Это обстоятельство подводит нас к следующему подвигу: в «Поэме о защите» (декабрь 1993 г.) описывается мамина работа над докторской диссертацией — уже на новопривезенном компьютере. Это была одна из первых докторских защит на маминой кафедре в то время; когда мама начала писать диссертацию, ей был 51 год, когда защитилась — 52, и это было не очень принято, «рано», это был нетривиальный поступок. В декабре 1993 г. мама с блеском защитила диссертацию о фактически открытом ею жанре — святочном рассказе.

В маминых поэмах встречается огромное количество цитат и реминисценций — от Пушкина и Ершова (ср. стихотворный размер их сказок) до детских стихов и поэм Сергея Михалкова. Мама любила смелые тавтологические и нарочито примитивные рифмы, пародировала поэтические повторы. В поэмах обязательно изображался весь ближайший круг — от членов семьи, с их повадками и особенностями, до кратких и точных портретов коллег и знакомых. Персонажи плавно перетекают из поэмы в поэму, и сами поэмы часто ссылаются друг на друга.

Идея опубликовать мамины поэмы в этом сборнике принадлежит папе. Мы, домашние, хотели бы, чтобы те, кто знал маму с более официальной, академической стороны, увидели новые черты ее человеческого таланта. А более близкие друзья и знакомые, возможно, найдут себя на страницах маминых поэм.

ПОЭМА О ПЕРЕЕЗДЕ

В 15 частях

I.

Переезд начался так.
 — Кто звонит нам? — Сам Тарма́к!
 А его жена Надежда
 Уж снимает с плеч одежду.
 — Проходите, осмотритесь.
 Дети, тише, не вертитесь,
 Уберите этот сор.
 Это кухня, это двор,
 Это ванна, это шкаф.
 Там поет Эдит Пиаф.
 (Ты, Сережа, помолчи!)
 Вот от погребца ключи.
 Вашу мы посмотрим тоже —
 Поглядим, на что похожа...
 До свиданья. Эта дверь
 В туалет... возьми, проверь...

II.

Мне не выразить в тетради,
 Как была я в Ленинграде,
 Мне не выразить на треть,
 Как приехала смотреть
 Ту грядущую квартиру,
 Что без кухни, без сортира,
 То дефектное жильё,
 Что теперь уже мое...

III.

Посмотрев, сказала «Yes!».
 Было времени в обрез.
 Укатила тут же в Штаты...
 Аты-баты, шли солдаты.

Посетив последний штат,
 Я приехала назад.

IV.

Тут пришел опять Тарма́к
 И сказал, что все не так,
 Что летит он срочно к чехам.
 Мне тут было не до смеха,
 Было мне не до утех —
 Побежала в Политех...
 Как проректор услышал,
 Был убит он наповал —
 Вскрикнул: «Тот ли это Юри,
 Что однажды в Ливерпуле
 Прыгнул как-то выше всех
 Без усилий и помех?!».
 Я сказала: «Это так!
 Это Юри был Тарма́к,
 Но совсем не в Ливерпуле
 Он летел легко, как пуля.
 Мюнхен Юри покори́л,
 Все народы удивил
 И прославил он в тот год
 Симпатичный ваш народ».

V.

Людам всем на удивленье
 Понесли мы заявленье.
 Тут же нам сказали так:
 «Если правда, *тот* Тарма́к,
 Пустим мы его без квоты,
 Не оставим без работы,
 А его дочурку Юту
 Не оставим без приюта».

VI.

Ну, прошла еще неделя.
 Мы не пили и не ели.
 Я скажу без всяких врак —
 Ждали мы, когда Тарма́к
 Возвратится к нам из Праги
 И подпишет все бумаги.

Я сажу и все терплю,
Только Боженьку молю,
Чтоб вернулся мой Тарма́к
И сказал нам, что и как.

VII.

Все рассказывать мне долго
.....
.....
.....
.....

VIII.

Уж потеряна надежда.
Тут звонит Тарма́к Надежда,
Говорит: «Ленгоробмен
Запретил нам наш обмен,
Потому что ведь квартира
Без окна и без сортира».

IX.

Папа в обморок тут хлоп!
И лежит, как бедный клоп
После дуста-клопомора...
Ту пришла соседка Моора.
«Мы вас любим. Как же так?
И не нужен нам Тарма́к!
Мы ведь жили с вами дружно,
А Тарма́ка нам не нужно!»

X.

Но — Ура! Ленгоробмен
Разрешил тут нам обмен!

XI.

Тут приходит дядя Слава
(Вот кому уж честь и слава!),
Посмотрел он на буфет,
Посмотрел на туалет,
Все ощупал: чемоданы,
Книги, ящики, диваны,
Люстры, кресла, ложки, таз

И отдал такой приказ:
«Все в картонку оберните,
Коль успеете, поспите,
Завтра справимся со всем.
Ждите утром ровно в семь».

XII.

Не впадая больше в транс,
Утром ждем Совавтотранс.
.....
.....

Галя ящики таскает,
Леша Гале помогает,
Рядом вертится Кирилл,
Помогает, что есть сил,
А Никита, а Никита,
Легче он метеорита —
Вниз и вверх, и вверх и вниз —
Вот несет он наш карниз.
Все вместилося. Слава Богу!
Слава Славе! И в дорогу
Мы с Сережей собрались,
В пульман быстро забрались
И — прощай навеки, Таллинн,
Институт и домик Галин,
Сависаар и Яровой,
Шепелевич наш родной...

XIII.

Мчимся бодро по дороге,
Протянув в кабине ноги...
Ну, Сережа, ясно, рад...
«Довезу вас в Ленинград, —
Говорит тут нам водитель, —
Есть у вас путеводитель?
Я не знаю Ленинграда».
Лена этому не рада.
Говорит Сереже: «Ах!
Ну и ну, какой прома́х!».
Тут Сережа вынимает
Атлас свой и начинает
Что-то бодро там смотреть,

Чтоб нам вовремя поспеть
 В ту дефектную квартиру
 Без окна и без сортира,
 Где Тарма́к давно уж нас
 Ждет. Проходит ровно час.
 Вот огни уж Ленинграда.
 Мама Лена очень рада.
 Вот уж Красное село.
 Едем быстро, весело!
 Вот проспект уж Ветеранов,
 Куча там каких-то кранов,
 Вот и Ленинский... Привет!
 Тут проезда нет, как нет!
 Но Сережа вынимает
 Снова атлас и сверяет
 План с дорогой. «Вот дурак!
 Мы поехали не так!
 Надо нам сперва направо,
 Будет там с водой канава».

 Но канавы нет как нет,
 И опять запрет. Привет!
 Тут Сережа вынимает
 Снова атлас и сверяет
 План с дорогой. «Ах, осел!
 Ну, куда я вас завел?
 Надо влево повернуть —
 Это правильный наш путь!»
 Мы налево повернули,
 После чуточку свернули,
 Едем прямо. Вдруг трамвай
 Нам навстречу... «Ай-яй-яй!
 Едем против мы движенья
 Как бы не было крушенья! —
 Говорит тут наш шофер, —
 Ты куда меня припер?!»
 Тут Сережа вынимает
 Снова атлас и сверяет
 План с дорогой. «Вот чудак!
 Я сказал совсем не так —
 Ехать надо прямо-прямо,

Будет скоро слева яма,
 А потом за нею мост.
 Путь до дома очень прост».
 Едем-едем-едем прямо,
 В стороне осталась яма,
 А моста — ну нет, как нет,
 Вместо моста — парашет!

XIV.

.....

 Увы!

XV.

Мы летим, вздымая пыль,
 Видим вдруг блестящий шпиль.
 Это крепость! Мы уж близко!
 Потерпи минутку, киска!
 Видишь вещи Тармако́в?
 Ждут они нас пять часов.

Апофеоз в эпилоге

Наш Сережа очень рад,
 Что приехал в Ленинград.
 Мама Лена тоже рада,
 Что добилась Ленинграда.
 А Володя, Настин брат,
 Тот уж очень-очень рад.
 Рада доченька Катюша,
 Митя рад, и даже Нюша...
 Рады бабушка и Саша —
 Радо все семейство наше!!!!!!

Ленинград: Лениздат, 1990

Сдано в набор 23.12.90. Подписано
 к печати 24.12.90. НС 15148.
 Формат 20×14,5. Бумага типографская
 №2. Гарнитура Светлана.
 Печать высокая. Уч.-изд. л. 0,5.
 Цена 5 р.

ПОЭМА О КОМПЬЮТЕРЕ В десяти частях с эпилогом

I.

Укатила мама в Штаты —
Скоро будем мы богаты.
А пока живем втроем,
Щи едим и хлеб жуем.
Щи готовит папа сам,
Мама пишет письма нам:
«Здесь не жизнь, а просто рай —
Что захочешь — выбирай:
Киви, груши, виноград
(Папа очень был бы рад),
Блузки, юбочки, помада
(Настенька была бы рада),
А какие здесь кровати!
(Это я пишу для Кати),
Здесь *Nintendo* много тоже
(Эта строчка для Сережи),
Здесь у каждого мальчишки
Есть компьютер и штанишки...
Так компьютер я хочу!
Буе! В июне прилечу».

II.

Папа пишет маме в Штаты:
«Нам не выдали зарплату,
Дети очень хочут есть,
Но пока картошка есть,
Есть и хлеб, но нету *butter*...
А зачем тебе компьютер?
Юра свой уже сломал
И обратно отослал».

III.

Но упряма мама Лена —
Нужен ей он непременно,
Чтоб статьи на нем писать
И совсем не уставать,
Хочет, чтоб ее сынишка
Вместо чтенья умной книжки

На компьютере играл
И в эсэсовцев стрелял...

IV.

Вот вернулась наша мама
(Ну и ну! Какая дама!)
И компьютер привезла,
Не предвидя в этом зла...
«Мы его включим сюда,
Передай мне провода».
Тут Сережа стал играть —
В птичек начал он стрелять.
Два денечка поиграл
И компьютер тот сломал.

V.

Мама шлет посланье в Штаты:
«Все программы поломаты,
Не в порядке жесткий диск,
Слышен только слабый писк.
И т. д. и ой! и ай!
Если можешь, прилетай».
Дядя Хенрик приезжает
И компьютер починяет.

VI.

Тут Сережа стал играть
И в эсэсовцев стрелять.
Он играл на нем с утра
И до вечера. «Ура!
Все *okay!* Фурычит душка!
Видишь, выстрелила пушка,
И эсэсовец-нахал
Вверх тормашками упал!»
.....
Три денечка поиграли...
Фу-ты — ну-ты, трали-вали,
Не горит опять экран —
Снова нужен нам Баран.

VII.

Мама Хенрику звонит
И смущенно говорит
В свой красивый телефон:
«Не в порядке снова он,
Дело в том, что поломата
В этот раз большая плата.
Если можешь, прилетай
И компьютер починяй».
Прихватив в дорогу свитер,
Дядя Хенрик мчится в Питер,
Он привез нам много плат —
Все опять пошло на лад...

VIII.

Снова *Serge* на нем играет,
Мама в нем души не чает,
Весь наш дом ужасно рад!
Ба́ран улетел назад.
.....

IX.

Наступает день рожденья...
Пьем вино, едим печенье,
Все приносят мне подарки,
Карты, книжки, ручки, марки,
Джойстик мне принес Володя,
Этот джойстик мышки вроде.
Я его сейчас воткну
И опять играть начну...
Ест Володя *bread* и *butter*,
Я включил скорей компьютер.
Что такое? Почему?
Ничего я не пойму!
Тут взглянула баба Вера —
На экране *keyboard error*.

«Говорила вам вчера,
Что компьютер — не игра!
Куплен был он для работы.
Вы с Володей — обормоты!
Уж который раз подряд
Ты ломаешь аппарат!»

X.

Дядя Хенрик тут звонит.
«Как компьютер?» — говорит.
Мама — в слезы: «Так и так,
Не работает никак.
Есть проблемы и у Юры
Со своей аппаратурой.
Все дела свои бросай,
Поскорее прилетай».

*Апофеоз (чтобы не сглазить!)
в эпилоге*

Дядя Хенрик очень мил —
Нам компьютер починил.
Serge, конечно, очень рад,
Что в порядке аппарат,
Мама Лена тоже рада,
Что писать рукой не надо,
Да и папа, в общем, рад,
Если в доме полный лад.
И ликует баба Вера —
Больше нету *keyboard error*,
Рада Катя, наша дочь —
Поиграть она не прочь.
В общем, счастлива семья,
А в особенности — я!

31 декабря 1992 года, Санкт-Петербург

ПОЭМА О ЗАЩИТЕ
В десяти частях с эпилогом

I.

Аты-баты шли солдаты...
Не поехали мы в Штаты.
Фу-ты — ну-ты, трали-вали...
Мы не пели, не гуляли,
Мы, скажу без всяких врак,
Не поехали в Ирак...
Мы не пили, не гуляли —
Диссертацию писали...

II.

Дело было вечером,
Делать было нечего...⁴
Тут приходит наша мама⁵,
Говорит: «Скажу вам прямо:
Надоело быть доцентом,
Получать всего три цента,
Не хочу быть кандидатом —
Я последую за братом —
Дядя Игорь⁶ уж давно
(Это знают все в РОНО⁷)
Стал уж доктором наук.
Вот и я решила вдруг,
Защитившись поскорей,
Получать мильон рублей».

III.

Папа⁸: «Ты сошла с ума!
Хватит ли тебе ума?!»
Рассердившись, наша мама
Говорит тут папе прямо:
«Уж кому-кому, а мне
Хватит этого вполне!».
Тут Сережа⁹ вставил слово:
«Мама доктор, что ж такого?¹⁰».
«У Данилы¹¹, например,
Мама милиционер», —
Это вставила уж Катя¹²,
Лежа, как всегда, в кровати.
Одна бабушка¹³ у нас
Поддержала мамин глас,
Потому что баба Вера
В дочь свою имела веру:
«Наша мама молодец —
Пусть заткнется ваш отец!¹⁴»

IV.

Дальше вот какое дело —
Мама за компьютер села¹⁵.
Все по клавишам стучит —
Диссертацию строчит,
Книжки все перебирает,

⁴ Цитата из популярного стихотворения советского детского поэта С. Михалкова. [Здесь и далее прим. Е. В. Душечкиной.]

⁵ Мама — Елена Владимировна Душечкина (1941 —) — литературовед, в некоторых кругах более известна как автор ряда поэм.

⁶ Дядя Игорь — Игорь Владимирович Фоменко, двоюродный брат Е. В. Душечкиной, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы Тверского университета.

⁷ РОНО — в бывшем СССР — Районный отдел народного образования.

⁸ Папа — Белоусов Александр Федорович — муж Е. В. Душечкиной.

⁹ Сережа — сын Е. В. Душечкиной.

¹⁰ Мама доктор, что ж такого? — Цитата из стихотворения С. Михалкова (см. сноску 1).

¹¹ Данила — Таня Данильченко, подруга Кати (см. сноску 12) с четвертого по восьмой класс (1979–1985), оказавшая на нее сильное влияние. Ее мама действительно была милиционером.

¹² Катя — дочь Е. В. Душечкиной. В кровати она лежит не всегда — здесь художественное преувеличение.

¹³ Бабушка — Фоменко Вера Дмитриевна, мать Е. В. Душечкиной.

¹⁴ Пусть заткнется ваш отец! — художественное преувеличение; В. Д. Фоменко никогда так грубо не отзывается об А. Ф. Белоусове и вообще так грубо не выражается.

¹⁵ Мама за компьютер села... — См. «Поэму о компьютере» Е. В. Душечкиной.

В игры с нами не играет,
 День и ночь не ест, не спит,
 И на бабушку кричит:
 «Ты почисть скорей картошку,
 Покорми хоть их немножко!».
 Бабушка — та иногда
 Скажет робко вот туда¹⁶,
 Где лишь виден мамин профиль¹⁷:
 «Я почистила картофель...».
 А она все там сидит
 И по клавишам стучит.

V.

Очень-очень мы устали¹⁸,
 Мы совсем худые стали,
 Бедный Саша, наш отец
 Похудел уже вконец¹⁹,
 У меня порвались джинсы,
 Нету туфель — цынцы-брынцы²⁰...

VI.

Так уже живем полгода²¹.
 Изменилась уж погода —

Наступает лето. Вот.
 Мама все не устает.
 Говорит: «Еще немного
 Ты меня пока не трогай».

VII.

Ну, теперь уже конец.
 Наша мама молодец!
 Уж готов и реферат,
 Папа очень-очень рад²².
 И готова распечатка²³ —
 В ней одна лишь опечатка²⁴,
 Остальное все *okay!*
 К оппонентам поскорей
 Мчится-мчится наша мама,
 Головой тряся упрямо²⁵...

VIII.

Наступает день защиты²⁶...
 Уж и волосы завиты²⁷,
 Куплен новенький костюм²⁸ —
 (Удивился б даже Юм²⁹).
 Дяде Игорю из Твэри³⁰

¹⁶ Вот туда — Компьютер в квартире Е. В. Душечкиной стоит в бывшей детской, ныне — компьютерной комнате.

¹⁷ ...виден мамин профиль. — Действительно, по указаниям современников, профиль Е. В. Душечкиной во время ее работы на компьютере всегда хорошо выделялся на фоне окна.

¹⁸ Очень, очень мы устали... — речь как бы идет от имени детей Е. В. Душечкиной Кати и Сережи (см. выше).

¹⁹ Бедный папа... похудел уже вконец. — Этот факт соответствует действительности: за время работы Е. В. Душечкиной над диссертацией А. Ф. Белоусов очень похудел.

²⁰ Цынцы-брынцы. — Рефрен считалки, популярной в детские годы Е. В. Душечкиной.

²¹ ...прошло полгода. — Напряженная работа над завершением диссертации началась в конце января 1993 года, так что к началу лета прошло не полгода, а всего лишь четыре месяца.

²² ...реферат... рад. — Папа очень помог вконец изможденной маме при написании реферата.

²³ ...готова распечатка... — С распечаткой пришлось повозиться. В программе «WP51», с которой работала Е. В. Душечкина, не было шрифтов, подходящих для ВАКа (Высшая аттестационная комиссия) (7 мм высоты, 3 мм ширины), поэтому пришлось искать другой принтер и т. д. и т. п.

²⁴ ...одна лишь опечатка — художественное преуменьшение. На деле опечаток гораздо больше.

²⁵ Головой тряся упрямо. — Можно подумать, что Е. В. Душечкина на деле защиты заработала себе тик, однако это не так. Тряся головой, она как бы убеждала себя и других в том, что в состоянии справиться со всеми трудностями.

²⁶ День защиты диссертации Е. В. Душечкиной — 9 декабря 1993 г.

²⁷ ...волосы завиты — не то чтобы завиты, а так — подкручены слегка плойкой.

²⁸ Костюм — это да, что было, то было.

²⁹ Юм (Hume) Дэвид (1711–76) — английский философ, историк, экономист, сформулировавший принципы агностицизма, вставлен сюда явно для рифмы, хотя вероятность его удивления по поводу костюма не может быть подвергнута сомнению.

³⁰ Дяде Игорю из Твэри — см. сноску 6.

Открываем быстро двери...

.....

IX.

Это кто ж такая дама?
 Эта дама — наша мама —
 Вон, за кафедрой стоит
 И чего-то говорит
 Нам про святочный рассказ
 Без метафор, без прикрас.
 Ну, а сбоку оппоненты
 Все сидят в рядок, как менты.
 Самый главный оппонент³¹
 Говорит ей комплимент.
 Кошелев (Череповец)³²
 Говорит ей: «Молодец!».
 Чудаков же (из Москвы)³³
 Говорит ей: «Лена, Вы
 Удивительно умны.
 Вы для нашей всей страны
 (Вы не пили, не гуляли)
 Диссертацию писали³⁴.
 И поэтому я Вам
 Степень присуждаю сам³⁵».

X.

Тут все к маме побежали,
 Маме крепко руку жали
 Академик Лихачев³⁶
 И Серега Фомичев³⁷,
 И Эльзон... А Туниманов³⁸
 Вынимает из карманов
 Руки... «О, какая честь!»
 ...А теперь пойдёмте есть...
 Будем есть и пить! Ей-ей!
 Нашей мамы нет умней!

И как всегда — апофеоз в эпизоге

Наша мама очень рада —
 Больше ей писать не надо.
 Папа Саша тоже рад,
 Что написан реферат.
 Рады те, кто помоложе —
 Дочка Катя, сын Сережа.
 И совсем уже не в меру
 Рада наша баба Вера.
 Таня, Настя и Володя³⁹ —
 Все ликуют в нашем роде!!!

Декабрь 1993 года, Санкт-Петербург

³¹ Главный оппонент — Панченко Александр Михайлович — академик РАН.

³² Кошелев Вячеслав Анатольевич — доктор филологических наук, профессор, второй оппонент Е. В. Душечкиной.

³³ Чудаков Александр Павлович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

³⁴ Вы не пили, не гуляли... — Академик Виктор Владимирович Виноградов, учитель оппонента Чудакова, по воспоминаниям последнего, в ответ на удивленные возгласы читателей («О, как много Вы написали!») обычно говорил: «Писали — не гуляли».

³⁵ Степень присуждаю сам. — Здесь грубая неточность: оппонент не может своей волей присудить степень (кандидатскую или докторскую) диссертанту. Это исключительная прерогатива специализированного ученого совета, решение которого должно быть утверждено ВАКом.

³⁶ Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев не присутствовал на защите; в это время он был в городе Стокгольме (Швеция) по приглашению комитета по присуждению Нобелевских премий. Рукопожатие Лихачева датируется более поздним временем (21 декабря), когда он был в гостях у диссертантки.

³⁷ Серега (Сергей Александрович) Фомичев — известный ученый-пушкинист, запасной оппонент Е. В. Душечкиной.

³⁸ Эльзон... Туниманов и др. — российские ученые-филологи конца XX века.

³⁹ Таня, Настя и Володя — сестра и племянники Е. В. Душечкиной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург).
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
- ЕУСПб — Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва).
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).
- НИУ ВШЭ — Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва; С.-Петербург).
- МВД — Министерство внутренних дел.
- МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
- МНП — Министерство народного просвещения.
- ОБЭРИУ — Объединение реального искусства.
- РАН — Российская академия наук.
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
- РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет.
- РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (С.-Петербург).
- РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
- СКиКДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси.
- СПб. — Санкт-Петербург
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.
- ТГУ — Тартуский государственный университет.
- ТПИ — Таллиннский политехнический институт.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
- ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности (Москва).
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ШАГИ РАНХиГС — Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва).

АННОТАЦИИ

Милена Рождественская. Неизвестный список «Беседы трех святителей» из Архангельской области

Фольклорно-археографической экспедицией ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН на Белое море в 2007 г. был найден рукописный сборник, который, по предположению участников, датируется началом XVIII в. Сборник содержит список известной в славяно-русской письменной традиции апокрифической «Беседы трех святителей», который имеет свои особенные черты. Рассматриваются две вопросо-ответные загадки в нем — «о Ное и ковчеге» и «о внучке и бабе», а также публикуется текст «Беседы» по новонайденному списку.

Ключевые слова: апокрифы, загадки, Беседа трех святителей, книжная культура Архангельской области

Лидия Соколова. Прозаическое «Сказание о Мамаевом побоище» и поэтическая «Задонщина»: история взаимовлияния

Вопрос о том, в какой последовательности создавались произведения Куликовского цикла, далеко не праздный. От его решения зависит правильное представление о том, как со временем менялось отношение древнерусских книжников к событиям 1380 г. Между тем во взаимоотношениях памятников Куликовского цикла до сих пор нет ясности. Существует устойчивое представление, что «Задонщина» создана ранее «Сказания о Мамаевом побоище». Оно основано, в частности, на том, что в «Сказании» имеются вставки из «Задонщины». Кроме того, эмоциональность «Задонщины» принимают за свидетельство возникновения ее вскоре после Куликовской битвы, в конце XIV в. Автор настоящей статьи обосновывает иную точку зрения: поэтическая «Задонщина» написана на основании «Сказания», а затем позднейший редактор «Сказания» внес в него вставки из Пространной редакции «Задонщины».

Ключевые слова: Куликовская битва, «Сказание о Мамаевом побоище», «Задонщина», вставки из «Задонщины» в «Сказание»

Александр Пигин. Новгород vs Москва в восприятии русского агнографа XVI в.

В русском историческом сознании Новгород и Москва эпохи средневековья воспринимаются как две разные политические системы — демократическая и самодержавная. Идеализация Новгорода как некоей альтернативы русской истории — «новгородский миф» — уходит своими корнями в словесность XV–XVII вв. В статье анализируются «новгородские» и «московские» мотивы на материале памятника русской агнографии XVI в. — Жития Александра Ошевенского (1567 г.). Автор приходит к выводу о том, что агнограф идеализирует новгородских бояр и новгородское

прошлое Каргопольской земли, весьма критически высказываясь о современном ему московском управлении Каргопольем.

Ключевые слова: агиография, Житие Александра Ошевенского, Новгород, Москва

Наталья Савельева. Послания «грешного Агафоника» и публицистика ревнителей древлего благочестия: к проблеме атрибуции

В статье вновь поднимается проблема атрибуции трех посланий, созданных в середине XVII века и подписанных «грешным Агафоником». На основании сопоставления тематических и стилистических особенностей текстов предлагается гипотеза о двух авторах, скрывающихся за этой подписью. Один из них — реальное лицо, возможно, московский подьячий Агафон Тимофеев, обратившийся с личным посланием к духовному отцу «кир Иакову». Другой — автор публицистических посланий Суздальскому архиепископу Серапиону и Новгородскому митрополиту Никону — духовник царя Алексея Михайловича Стефан Внифантьев, подписавшийся псевдонимом. Аргументы за и против такой атрибуции, высказанные в работах предшественников, дополняются новыми материалами неизвестных ранее памятников публицистического наследия ревнителей древлего благочестия, текстологическими доводами, а также новыми фактами из истории деяний боголюбцев, в частности, их влияния на состав изданий московского Печатного двора.

Ключевые слова: XVII век, царь Алексей Михайлович, ревнители древлего благочестия, Стефан Внифантьев, московский Печатный двор, публицистика, послания, атрибуция

Элиза Малэк (Eliza Małek). Особая редакция «Сказания о вере христианской и жидовской»

Статья посвящена рукописному литературному памятнику, известному в списках конца XVII — XIX в., — «Сказанию о вере христианской и жидовской». В научный оборот вводится Особая редакция этого сочинения, обнаруженная автором статьи в сборнике начала XVIII в. из Библиотеки Российской академии наук (Основное собрание, № 45.5.30). Ее текст сопоставляется с Краткой и Пространной редакциями «Сказания...», получившими более широкое распространение в рукописной традиции. По предположению автора, Особая редакция «Сказания...» имеет общий источник с «Повестью о португальском посольстве». В Приложении публикуется текст Особой редакции «Сказания...».

Ключевые слова: русская рукописная повесть, сюжет о споре жидовина и христианина, скорморохи, загадки, текстология

Ирина Лобакова. Царствование Ивана Грозного в оценке переписчика исторической компиляции первой половины XVIII в.

В XVIII в. продолжалась традиция создания новых исторических компиляций. В этих памятниках проявлялось желание книжников соотнести круг проблем своего времени с тем, что был затронут в произведениях прошлого, приблизив их к своей эпохе и ее стилю. В историческом своде 1-й пол. XVIII в. из собрания М. П. Погодина в РНБ (№ 1417) переписчик (а, возможно, и редактор) оставил свои личные размышления о царствовании Ивана Грозного. Составитель свода добавлял собственные оценки наиболее трагических событий (опричнина, жизнь митрополита Филиппа, разгром Великого Новгорода, итоги правления царя), возвращаясь к этим сюжетам по несколько раз, порой нарушая хронологию, чтобы наиболее точно передать свое осознание произошедшего.

Ключевые слова: исторические сочинения, компиляции, эпоха Ивана Грозного, автор и читатель

Татьяна Китанина. Пушкин и виселицы: «И я бы мог...»

Статья посвящена истории появления известных рисунков Пушкина, изображающих виселицу с пятью повешенными, и записей «И я бы мог...» рядом с ними. Поскольку записи передаются по палеографическим признакам на более позднее время, то возникает необходимость в пересмотре биографического и творческого контекста, в котором они возникли. Этот новый контекст включает ряд пушкинских произведений, так или иначе соприкасающихся с темой виселицы, а также некоторые обстоятельства, связанные со следствием по делу о запрещенных стихах из пушкинской элегии «Андрей Шенье».

Ключевые слова: Пушкин, «И я бы мог...», декабристы, рисунки, автографы

Павел Ключин, Елена Маркасова. По следам Мосье L'Abbé

Monsieur l'Abbé традиционно считается вымышленным персонажем романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Однако данные архивных документов, адрес-календарей, мемуаров позволяют предположить, что прототипом персонажа был Г. Л. Лаббе-Делонд (1773(?)–1830), преподаватель французского языка и латыни, в судьбе которого принимали участие видные аристократы Санкт-Петербурга. Биография Лаббе-Делонда дает основания опровергнуть школьную трактовку эпитета «убогий» как «заурядный».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Евгений Онегин, Н. И. Греч, французы в России, прототип, Лаббе-Делонд

Элеонора Худошина. «Пиковая дама»: об отсылочном значении формулы «лет шестьдесят назад...»

«Пиковая дама» рассматривается в качестве прямого следствия работы Пушкина над «Историей Пугачевского бунта», как шутка и аналитический эксперимент на тему работы с историческими источниками, как текст, содержащий в себе две повести: фантастическую и аналитическую.

Ключевые слова: Пушкин, «Пиковая дама», «История Пугачевского бунта», аналитическая повесть, методология истории, мышление стилями и дискурсами, история и детектив

Сергей Фомичев. «Твоя от Твоих!» Сказочники Казак Луганский и Александр Пушкин

В статье проанализировано творческое общение писателей в работе над «Сказкой о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и «Сказкой о Георгии Храбром и волке» В. И. Даля в 1833 году, когда Пушкин прибыл в Оренбург, начав работу над «Историей Пугачева».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, В. И. Даль, сказки, духовные стихи, восстание Емельяна Пугачева

Павел Михед. Об украинноязычном письме Николая Гоголя в контексте украинско-польского культурного диалога

Статья посвящена анализу письма Н. В. Гоголя к польскому поэту Б. Залесскому, с которым писатель близко общался зимой 1836–1837 гг. Это письмо — единственный украинноязычный текст Гоголя. В этой связи автор рассматривает отношение Гоголя к украинскому языку, которым, по свидетельству современников, тот владел в совершенстве. Общение с польскими деятелями культуры вскрывает и малоизвестные грани отношения Гоголя к русской культуре и ее происхождению. Письма Б. Залесского к Ф. Духинскому — важные мемуарные документы, проливающие свет на истолкование Гоголем русской народной песни, усвоившей традиции неславянских народов России. Гоголь заговорил об этом раньше Ф. Духинского, чьи

научные труды и идеи были востребованы и популярны в Польше и Украине во второй половине XIX века. Предметом внимания автора стал и известный эпизод с вызвавшей общественный резонанс балладой Е. Ростопчиной «Насильный брак». К публикации, вероятно, был причастен Гоголь: ему первому поэтесса прочитала свое произведение в Риме в конце 1845 года. Считается, что именно Гоголь склонил Ростопчину напечатать балладу, в которой имперские власти поначалу не заметили политический антирусский подтекст. К нему привлекла внимание анонимная рецензия, вышедшая во Франции и принадлежавшая, как предполагают, польскому автору.

Ключевые слова: Гоголь, украиноязычное письмо, Залесский, украинский язык, народная песня, туранское наследие, Духинский, Ростопчина, баллада «Насильный брак»

Екатерина Неклюдова. «Записки доктора» Гаррисона: загадка первого медицинского бестселлера XIX века

В статье проводится небольшое расследование того, кем был таинственный «доктор Гаррисон», рассказы которого получили широкую популярность в русской прессе первой половины XIX века. Различные библиографические и исторические источники помогают разрешить эту загадку, а также восстановить историю одной литературной игры, в результате которой эти рассказы появились на свет.

Ключевые слова: литература и медицина, врач, история болезни, доктор Гаррисон, Сэмюэл Уоррен, литературные игры, мистификации, «Библиотека для чтения», «Blackwood's Magazine», публицистика, XIX век

Любовь Киселева. Опасности чувствительности (роман М. Загоскина «Искуситель»)

В статье анализируется полемика М. Н. Загоскина в романе «Искуситель» (1838) с сентиментальной и романтической традициями, которые он рассматривает как единое целое. Писатель полагает, что влияние этой традиции на читателей приводит к разрушению нравственности, поскольку развивает ложную чувствительность, что идея переноса литературных законов в жизнь ложна. Основная полемика направлена, как было свойственно архаистам, в адрес Карамзина, а из новейшей литературы главным объектом неприятия становится роман Ж. Санд «Жак».

Ключевые слова: М. Н. Загоскин, литературная репутация, «Искуситель», Карамзин, Жорж Санд, архаизм

Дмитрий Калугин. Простой сложный человек: искусство характеристики в биографиях середины XIX века

Понятия «простота» и «сложность» играют особую роль в биографических жанрах, выступая в качестве «общих мест» характеристики персонажей. Мы привычным образом говорим: «этот человек простой» или «этот человек сложный», не особенно рефлексируя над семантической насыщенностью этих высказываний. Прилагательное «простой (-ая, -ое)» используется для характеристики души, ума, нрава, поведения, языка, артикулируя прямо, искренность, цельность, тогда как прилагательное «сложный» означает многосоставность, наличие различных компонентов или аспектов, объединенных в одно целое. При этом возникает вопрос: если внутренний мир человека и его проявления сложны, то каким образом можно будет одновременно говорить, например, о простоте характера или простом поведении? На примерах двух писательских биографий («Биография Михаила Николаевича Загоскина» С. Т. Аксакова и «Биография Федора Ивановича Тютчева» И. С. Аксакова) мы постараемся проанализировать употребление понятий «простота — сложность», показать их многозначность и политические импликации.

Ключевые слова: биография, идеология, историческая семантика, простота, процесс цивилизации, нарратив

**Анатолий Кошелев. «Да, господин Тимофеев — поэт важный...»
(Сенковский о Пушкине)**

Анонимная статья об О. И. Сенковском, опубликованная в «Справочном энциклопедическом словаре» (1855), написана А. В. Старчевским при непосредственном участии героя статьи и может быть рассмотрена в качестве творческого завещания Сенковского. Отдельное внимание уделено неоднозначной характеристике скандальных рецензий Сенковского, публикуемых в «Литературной летописи» основанного им журнала «Библиотека для Чтения». Автор склонен видеть в них не только «потеху над незрелыми произведениями»: эти заметки, на его взгляд, представляют собой «чудеса, удивлявшие литераторов и публику».

Ключевые слова: Сенковский (Барон Брамбеус), творческое завещание, критика

Кирилл Зубков. Воздвиг ты памятник: парадоксы авторства и субъектная структура стихотворения Н. А. Некрасова «Баяушки-баю»

В статье рассматривается, каким образом в стихотворении Некрасова «Баяушки-баю» поднимается проблема авторства. Переосмысляя горацанскую литературную традицию, Некрасов связывает славу не с личным бессмертием поэта и с величием государства, а с неофициальной народной памятью. Эта проблематика тесно связана с дискуссиями о проблеме автора, типичными для этого периода, и в целом со спорами о личности и обществе, значимыми для народнического и социалистического движения.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, лирика, поэтика, авторство

Евгения Строганова. Духовное завещание М. Е. Салтыкова

Впервые публикуется хранящееся в РГАЛИ духовное завещание М. Е. Салтыкова, составленное в 1885 г. В статье показано, как развивается моральная тема в эпистолярной писателем, долгие годы страдавшего от болезней и стремившегося обеспечить благосостояние семьи. Особое значение Салтыков придавал изданию своих сочинений, право собственности на которые завещал сыну.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, духовное завещание, забота о семье, моральные мотивы, издание сочинений

Майя Кучерская. Анекдот — быль — повесть: к вопросу о литературной эволюции Лескова

В статье сопоставляются две редакции рассказа Лескова, первоначально носившего название «Погасшее дело» (1862), а затем переименованного в «Засуху» (1867). Это позволяет описать механизмы превращения Лескова-журналиста и очеркиста в Лескова-писателя и мастера. Как показывает анализ двух версий, к 1867 году вполне сформировался основной набор «фирменных» приемов Лескова, включавший, в частности, работу с языком, лексическими оттенками значения слова и устной речью; вместе с тем определился и круг любимых тем и проблем его прозы.

Ключевые слова: мультилингвизм, Лесков, стиль, нарративные стратегии, русское духовенство, европейское просвещение

Илона Мотеюнайте. Образы монахинь у Лескова

Статья посвящена осмыслению Н. С. Лесковым темы ухода женщины в монастырь. Автор обращает внимание на использование им истории декабристов, а также на отражение социальных факторов в решении этой темы писателем, виртуозно совмещавшим в творчестве религиозную и политически актуальную проблематику.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, «Некуда», «Котин Доилец и Платонида», «Павлин», образы монахинь

Елена Грачева, Алексей Востриков. *Reservatio mentalis*, или И. М. Гревс и И. А. Шляпкин в 1899 году

Одной из репрессивных мер, предпринятых для прекращения студенческих волнений в 1899 г., стало увольнение из С.-Петербургского университета и С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов либеральных профессоров Н. И. Кареева и И. М. Гревса. Публикуемые письма И. М. Гревса и И. А. Шляпкина показывают два отношения к этому событию: как закономерному проявлению репрессивной политики властей, с одной стороны, — и как прискорбному, но временному эксцессу университетской жизни, с другой.

Ключевые слова: С.-Петербургский университет, С.-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы, студенческие волнения 1899 г., И. М. Гревс, Н. И. Кареев, И. А. Шляпкин

Николай Николаев. После формализма: Р. О. Яacobсон и М. М. Бахтин

Р. О. Яacobсон в 1960-е — 1970-е гг. сыграл исключительно важную роль в формировании представления о единстве трудов М. М. Бахтина, напечатанных как под его собственным именем, так и под именами его друзей. И хотя со временем стало ясно, что это представление нуждается в дополнении и уточнении, отказ от него привел в последние десятилетия к катастрофическим последствиям для судьбы бахтинского наследия.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Р. О. Яacobсон, формальная школа в литературоведении, бахтинское наследие

Сергей Серебряный. Полина Подляшук: неизвестная переводчица письма Льва Толстого к М. К. Ганди

В октябре 1909 г. к Л. Н. Толстому в Ясную Поляну пришло письмо из Лондона от тогда ещё мало кому известного индийца-юриста по имени Мохандас Карамчанд Ганди, который сообщал о своей правозащитной деятельности в Южной Африке методом «пассивного сопротивления». Толстой ответил, Ганди писал ещё и ещё — всего в этой переписке было семь писем: четыре — от Ганди к Толстому и три — от Толстого к Ганди. Последнее, третье, самое длинное и содержательное письмо Толстой продиктовал в конце сентября 1910 г., за два месяца до смерти. В Йоханнесбург был послан русский текст письма — и случилось так, что на английский язык его перевела иммигрантка из Литвы, знакомая сотрудников Ганди, с которой он сам, вероятно, даже не был знаком. Ничего не знали о ней и издатели переписки Толстого и Ганди. Теперь мы имеем об этой переводчице некоторую информацию благодаря её воспоминаниям, изданным в Йоханнесбурге в 2010 г.

Ключевые слова: М. К. Ганди, Л. Н. Толстой, переписка, Южная Африка, Полина Подляшук, перевод, евреи, Литва, русский язык

Арина Раннева. Святочный рассказ в русской кинематографической прессе 1910-х гг.

Статья посвящена специфическому корпусу святочных рассказов — текстам, опубликованным в праздничных выпусках кинематографической прессы 1910-х годов. Эти тексты представляют особый интерес как синтетическое явление, располагающееся на границе литературы и кинематографа и соотносящееся одновременно и с традицией святочного рассказа, и с основными тенденциями раннего кино.

Ключевые слова: святочный рассказ, история раннего кино, дореволюционный кинематограф, ранняя кинопресса

Анна Ковалова. «Ошибка [сердца]» как элемент эволюции раннего русского кино

Статья посвящена несохранившемуся фильму «Ошибка сердца» (1915). Анализ его сценария, либретто, а также рецензий показывает, что эта картина строилась вопреки основным чертам жанра военной кинодрамы. Типовой сюжет о героической сестре милосердия, заимствованный кинематографом из литературы, в фильме переворачивается, обманывая ожидания зрителей. Этот прием трактуется как «ошибка», которая, согласно Ю. Н. Тынянову, является ключевым фактором литературной эволюции. «Драматическая новелла» 1910-х гг. повлияла впоследствии на кинопродукцию времен Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: кинодраматургия, дореволюционное кино, Первая мировая война, военная кинодрама, боевой киносборник

Михаил Лотман. Слово, побеждающее смерть: ласточкино слово в мифопоэтике Мандельштама

В статье рассматривается один из основных семантических комплексов поэтики Мандельштама, в центре которого находится слово. В этом комплексе соединены образы ласточки, души, различные персонажи, преимущественно античные, органы чувств и сами чувства. В результате сплошного контекстуального анализа, охватившего все наследие поэта, были очерчены контуры этого комплекса. Привлечение ряда подтекстов, главным из которых является «Шестоднев» Георгия Писиды, позволило вскрыть глубинные связи между античными и христианскими составляющими рассмотренных образов. Изложение строится в виде описания различных кодов, задействованных в конструкции рассматриваемого семантического комплекса.

Ключевые слова: Мандельштам, контекстуальный анализ, ласточка, слово, органы чувств, слепота, смерть, «Шестоднев», Георгий Писида

Светлана Кульюс. Поэма М. Цветаевой «Попытка комнаты»: Бетховен — в кругу неназванных персонажей

Статья посвящена «герметичной» поэме М. Цветаевой «Попытка комнаты» и представляет собой опыт интерпретации одной из ее строф. Анализ строфы позволяет проследить логику построения художественного образа, включения механизма ассоциаций и создания новых смысловых уровней произведения. В ходе анализа установлен один из скрытых персонажей поэмы — Бетховен.

Ключевые слова: Бетховен, «Аппассионата», сонатина, интерпретация, Пастернак, «Попытка комнаты», революция

Сергей Доценко. Поворот к лубку: об игровой природе миниатюры А. Ремизова «У лисы бал»

В статье исследуется игровая поэтика и стилистика миниатюры А. М. Ремизова «У лисы бал» (1906) из книги «Посолонь». Сходство поэтики миниатюры с поэтикой лубка (лубочной картинкой и/или лубочной игрушки) не столько даже генетическое, сколько типологическое. Обращение Ремизова к такому материалу, как игрушка, принципиальным образом меняет эстетическую и поэтическую природу созданного им словесного текста. В результате следует говорить о типологическом сходстве миниатюры Ремизова с текстами не литературного, а фольклорного рода.

Ключевые слова: русская литература, А. М. Ремизов, лубок, игрушка, фольклоризм, поэтика

Дмитрий Равинский. К вопросу о «трамвайном тексте» русской литературы

Цель статьи — расширить представления о «трамвайном тексте» русской литературы, обратив внимание на ряд текстов первой трети XX века, остававшихся вне поля зрения исследователей. Для литераторов рубежа XIX–XX вв. конка, а затем и трамвай — это прежде всего вместилище толпы, «точка сбора» людей самых разных сословий, как правило, борющихся за место в трамвае. Этот мотив и становится преобладающим в первых «трамвайных текстах». В советское время преобладающим становится желание показать трамвайное движение как упорядоченную систему, часть нового социалистического уклада городской жизни. Это привело, в частности, к развитию «трамвайной этнографии», поискам особых черт различных трамвайных маршрутов. При этом тема трамвайной толпы, взаимоотношений, завязывающихся между незнакомыми людьми, продолжала привлекать литераторов.

Ключевые слова: трамвай, конка, В. Сладкопевцев, Л. Леман, В. Инбер, И. Юрков, С. Спаский, Н. Деметьев, Н. Москвин, Л. Гумилевский, Е. Полонская

Юрий Доманский. Ёлка для ёлки: деконструкция тропа как приём конструирования смысла в «Ёлке у Ивановых» Александра Введенского

В статье рассматривается слово «ёлка» в пьесе Александра Введенского «Ёлка у Ивановых». Показывается, как специфически соотносятся в тексте прямое значение этого слова и значение тропическое, как порою троп «ёлка» деконструируется, но как в результате такой деконструкции конструируются уникальные смыслы. В результате констатируется, что работа с языком в пьесе Введенского идёт через деконструкцию тропа к конструированию (а правильнее всё-таки — к реконструированию) смыслов, присущих языку (и, соответственно, миру) на самых ранних стадиях.

Ключевые слова: деконструкция тропа, конструирование смысла, Александр Введенский, «Ёлка у Ивановых»

Алексей Семененко. «Бранный перевод»: об истории одной карикатуры

В январе 1936 г. состоялось Первое всесоюзное совещание переводчиков. 15 января 1936 г. в «Литературной газете» была напечатана карикатура Алексея Радакова «К дискуссии об “Отелло”». Эта с виду непримечательная карикатура, которая не вполне понятна современному читателю, тем не менее отсылает к нескольким культурным и политическим контекстам, важным для понимания ситуации 1930-х годов, среди которых можно выделить дискуссию о новых переводах Шекспира и проблему «точного» перевода.

Ключевые слова: карикатура, перевод, Анна Радлова, Алексей Радаков, Шекспир

Борис Равдин. К вопросу о дверных, коридорных, кухонных и проч. кратких записках (Г. Тупицын — Е. Лейланде)

Краткие записки как жанр. Переписка из комнаты в комнату. 1950-е гг. — нач. 1960-х. Рига.

Ключевые слова: каша, хлеб, молоко, печка, жена, Тантал, пила и иголка, поцелуйчики, «Мисюсь, где ты?», kun kissaluto, Твоя kudrilo

Игорь Сухих. Передумывая столетие (О прозе Д. Гранина)

В статье рассматривается эволюция прозы Д. А. Гранина. Долгая жизнь в литературе и дар Гранина-беллетриста позволил ему почти столетие откликаться на острые вопросы советской и послесоветской эпох. Главные вещи Гранина сохраняют интерес и сегодня.

Ключевые слова: Д. Гранин, беллетристика, А. А. Любищев, две культуры, «Блокадная книга», страх, мемуары

Александр Белоусов. О стихотворении Алексея Шадринова «Провинциалу»

Стихотворение «Провинциалу» написано молодым человеком, недавним школьником, который всерьез и глубоко думает о жизни. Его стихи впечатляют философской насыщенностью, сложной образностью и стройностью мысли. В статье делается попытка анализа стихотворения, «расшифровки» этого стихотворного «послания», в контексте образа провинции в русской литературе и культуре XIX–XX вв.

Ключевые слова: след и бесследность; день как сон; дело и праздность; уют

Светлана Артемова. «Речка Янцзы» в поэзии конца XX века

В статье делается попытка осмысления «китайского» мотива русской культурой. Начиная с советских времен некоторые топосы и локусы Китая становятся в стихах маркерами совершенно не китайских ценностей и обретают статус самостоятельных мотивов, одним из них стала «речка Янцзы» в поэзии 1980–2000 гг. Река Янцзы становится в русской поэзии конца века маркером всего причудливого, странного, притягательного. В массовой поэзии мотив «китайской речки» воспроизводится как уже готовый, сложившийся: не только «чужая река», но и Волга, и Лета, и река вечности сразу.

Ключевые слова: река Янцзы как мотив, поэзия XX века, массовая поэзия, маркеры смысла, нарушение ожиданий

Светлана Жаворонок. «Тут она бросилась в воду...», или «Бедная Лиза выползает из пруда...»

Почему небольшая повесть, ставшая сенсацией более 200 лет назад и довольно быстро, по мнению К. Кобрина, превратившаяся в «литературный анахронизм», продолжает оставаться в поле зрения отечественной словесности? К «Бедной Лизе» Карамзина в конце XX — начале XXI в. обращаются такие, казалось бы, разные авторы, как Л. Петрушевская и участницы кабаре-группы «Колибри», на языке синкретического транс-сентиментализма (М. Эпштейн) пытающиеся ответить на вопрос: обречены ли мы, как и литературные герои, оставаться в рамках своего сюжета или «право имеем» выскочить из него?

Ключевые слова: «Лизин текст» русской литературы, кабаре-группа «Колибри», транс-сентиментализм, дурачество как преодоление литературного и «жизненного» канона

Марина Костюхина. Три сестры в поисках идеала (не по Чехову)

Сестры Бурнашевы проявили себя в нескольких видах женской деятельности, доступной для представительниц образованных сословий середины XIX века. Софья (1820–1883) выпускала журнал «Час досуга» и детские книги, Екатерина (1819–1875) была классной дамой и переводчицей, Мария (даты жизни неизвестны) преподавала и переводила. Идеалом женской личности для сестер была Елизавета Кульман (1808–1825), рано ушедшая из жизни талантливая переводчица и поэтесса. Культ юной гениальности поддерживался ее учителем Карлом Гросгейнрихом, автором биографии Кульман, переведенной Бурнашевыми. Образ юной поэтессы принадлежал к культуре романтизма, сестры же осуществляли свою деятельность в эпоху либеральных реформ в области женского образования. Биография Кульман как творческой личности, не посягавшей на основы патриархата и гендерного канона, использовалась сестрами Бурнашевыми для отстаивания консервативной позиции по женскому вопросу.

Ключевые слова: русские писательницы и переводчицы XIX века, гендерный канон, женское образование

Ольга Лучкина. Подарок кстати: традиция одаривания детской книгой на праздник Рождества Христова, Новый год и Святую Неделю (по материалам журнала «Звездочка»)

В статье рассматривается становление традиции одаривания книгой ребенка на Новый год и другие праздники. На материале списков для чтения, публикуемых в журнале «Звездочка» в 1840–1850-е годы, в работе рассматривается круг произведений, которые предлагалось дарить детям на Новый год, Рождество и Святую Неделю. Списки книг в библиографических отделах журнала «Звездочка» состояли из переводных изданий, обучающих пособий или игр, книг на французском языке и оригинальных произведений русских авторов.

Ключевые слова: традиция одаривания, детская книга, Новый год, журнал «Звездочка», список для чтения, А. О. Ишимова, В. А. Жуковский

Софья Лойтер. Великая игра словом: детская поэзия как особый вид лирики

Статья посвящена анализу приемов создания игровой поэзии для детей. Обусловленные особенностями детской рецепции, эти приемы призваны создать индуктивную конкретность, самодостаточность, суверенизацию отдельного и частного в текстах, обращенных к детям. Часть поэтических неологизмов восходит к детскому фольклору, часть является авторским изобретением. К наиболее востребованным приемам в детской игровой поэзии относятся различные лексические и словообразовательные новации, фонетические трансформации слова.

Ключевые слова: игровая поэзия для детей, поэтика, XX век, словесная игра

Андрей Устинов, Игорь Лоцилов. Сказка Даниила Хармса «Во-первых и во-вторых» как субъект и объект

В 1929 году сказка Даниила Хармса «Во-первых и во-вторых» была выпущена книгой (объект) и вызвала резонанс, в результате которого автор оказался вовлечен в «дискуссию о детской литературе». После его ареста в декабре 1931 года «Во-первых и во-вторых» всплыла во время допросов (субъект). Работа посвящена этому эпизоду в литературной биографии Хармса.

Ключевые слова: Даниил Хармс, «Ёж», советская критика, Дело Детского сектора Госиздата, Самуил Маршак

Валентин Головин. «Колыбельная псового охотника» В. Карпова: источники и новации (заметки на полях)

Статья посвящена одному из многочисленных примеров переделок классического стихотворения М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» — «Колыбельной псового охотника» В. Карпова. Выявленные источники текста В. Карпова (лермонтовский первоисточник, его переделка Н. А. Некрасовым и стихотворение Н. А. Некрасова «Псовая охота») демонстрируют, что при сохранении обязательных жанровых и текстовых признаков переделка В. Карпова содержит определенные новации. Они обусловлены сменой нарратора: от женского к мужскому. В этом случае отец «поет» младенцу и предлагает в качестве желанной судьбы вести праздный охотничий образ жизни, который убережет сына от дурных соблазнов и жизненных потерь.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, В. Карпов, «Казачья колыбельная песня», «Колыбельная псового охотника», «Псовая охота», литературная переделка, охотничья поэзия

Светлана Маслинская. О «детскости» в «Голубой чашке» А. Гайдара

А. Гайдар во второй половине 1930-х годов развивал сложившиеся в 1920-е годы представления о детской агентности. Преодолевая авангардистские концепции полной автономности ребенка, Гайдар

предлагает умеренную версию детской агентности, которая сводится к признанию ребенка равноправным участником любых социальных процессов и ситуаций. В рассказе А. Гайдара «Голубая чашка» (1936) ребенок — полноправный участник семейного конфликта. Приемы изображения персонажа-ребенка (точка зрения в повествовании и речевая характеристика) способствуют автономизации ребенка как субъекта действия и переживаний. Репрезентация в рассказе субъектности взрослых и детей отражает позицию А.Гайдара о соотношении взрослого и детского, автономности этих категорий.

Ключевые слова: А. Гайдар, «Голубая чашка», детская агентность, детская литература, семейный конфликт

Александр Степанов. «О двух великих грешниках» Н. А. Некрасова, «Милая девочка Лялечка...» К. И. Чуковского, «Три товарища» С. В. Михалкова: к реконструкции генетических связей

В статье приводится сравнительный анализ трех стихотворных текстов, связанных единством формы (полурифмованный 3-стопный дактиль с дактилическими и мужскими клаузулами) и некоторых элементов семантики. Три сюжета, несмотря на разные жанровые воплощения (легенда, детская городская сказка, героическая «испанская песня»), схожи типом персонажей из мира зла, мотивами плена и мучений. Стихотворение Михалкова содержит «следы» поэтической памяти, указывающие на его связь с произведениями Некрасова и Чуковского.

Ключевые слова: поэтика, литературные взаимодействия, поэтическая память, Н. А. Некрасов, К. И. Чуковский, С. В. Михалков

Андрей Устинов. «Опасные связи»: Даниил Хармс в американской антологии советской детской литературы

Работа посвящена участию Даниила Хармса в несостоявшейся антологии советской детской литературы, готовившейся к изданию в США в 1929 году. Его добрая знакомая Лидия Надежина перевела для этой антологии две его «вещи» — стихотворение «Игра» и рассказ «Как старушка чернила покупала». В работе использованы материалы ее архива в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне.

Ключевые слова: Даниил Хармс, «вещь», Лидия Надежина, Дело Детского сектора Госиздата, Самуил Маршак

Инна Сергиенко . От Весны к Виллисе: Светлана в советской детской литературе 1950-х —1980-х гг.

В статье на материале прозы для детей и подростков (преимущественно в жанре школьной повести) рассматривается использование имени *Светлана* в советской литературе 1950–1980-х годов. Этот период характеризуется активным вхождением имени в советскую детскую литературу: достаточно редкое в произведениях 1950-х годов, оно становится популярным и даже тривиальным в 1970–1980-е годы. В статье прослеживается корреляция имяназвания героинь с основными тенденциями в реалистической прозе для детей и подростков, анализируется комплекс мотивов, связанный с семантикой имени («свет», «светлый»), характеризуется связь «световых» коннотаций имени, портрета и образа героинь, по имени Светлана / Света / Светка, уточняется культурная репутация имени в разные годы советской эпохи.

Ключевые слова: советская детская литература, имя Светлана, проза для детей и подростков

Ольга Бодрова, Ирина Разумова. Новогодние ёлки в заполярном академическом центре

Рассматривается традиция празднования Нового года в научной корпорации Кольского научного центра Российской академии наук со времени его основания в 1930 году и на протяжении

советского периода. Статья основывается на устных и опубликованных воспоминаниях сотрудников академического центра. Условия жизни и работы, социальный состав сообщества, емкость ритуальных смыслов праздника способствовали соединению общественной и семейной идей торжества, творческим инициативам и формированию заповедных новогодних традиций.

Ключевые слова: праздник, новогодние традиции, академическое сообщество, советский период, Кольский научный центр

Михаил Строганов. Снеговик. Штрихи к портрету

В статье рассмотрены некоторые этапы формирования представлений о снеговике в европейской и, прежде всего, русской культуре, история становления слова «снеговик» в русском языке и парафольклорные спекуляции с использованием образа снеговика и снежной бабы в качестве специфически русских, национальных мифологических персонажей.

Ключевые слова: снеговик, снежная баба, народная культура, массовая культура, актуализация фольклора

Вадим Лурье. Новый год в семейных фотоархивах на примере локального региона Луганской области (Украина)

Данная публикация посвящена жанру семейной фотографии советского времени, в частности — фотографиям, которые люди делали во время празднования Нового года. Материалом публикации послужило собрание «Донбасский семейный фотоархив», в собирании которого на территории Луганской области (Украина) принимал участие автор. На материале архива показаны основные типы фотографий новогоднего цикла, образцы которых публикуются впервые.

Ключевые слова: фотография, домашний архив, Новый год, Донбасс

Аркадий Гольденберг. Святочный хронотоп в системе гоголевских универсалий

В статье рассматриваются место и роль святочного хронотопа как одной из универсалий поэтики Гоголя. Показано его интегрирующее начало в календаре народных праздников, выступающем как синтез двух культурно-религиозных традиций — языческой и христианской. Если в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» святочный хронотоп играет сюжетообразующую роль, то в «Миргороде» и «Мертвых душах» он становится одним из ключевых мифопорождающих мотивов, выявляющих онтологическую проблематику гоголевского творчества.

Ключевые слова: Гоголь, народный календарь, хрононимы, святки, хронотоп, универсалии.

Владислав Кривонос. Святочный рассказ Лескова

В статье рассматривается святочный рассказ Лескова «Грабеж», персонажи которого отмечены знаком своего места. Для сюжетной интриги, что определяет его своеобразие, существенно не вторжение чужого мира в свой, традиционное для сюжетики святочных рассказов, но столкновение близких и сходных провинциальных миров, губернского и уездного. Орел и Елец у Лескова обладают родственными чертами в исключительно важном для фабулы смысле: это города воровские. Отсюда характерное и многозначное название рассказа.

Ключевые слова: Лесков, святочный рассказ, ситуация грабежа, Елец, елецкие, антропология места

Александра Веселова. «Сельской праздник Царства Русского!» Литературный и театральный Семик конца XVIII — первой трети XIX вв.

В статье рассматриваются литературные произведения и театральные представления второй половины XVIII — первой трети XIX вв., в которых отразилась народная традиция празднования

Семика и, в частности, гуляний в Марьиной роще в Москве. Популярность этих гуляний, неоднократно описанных в периодических изданиях, привела к появлению в 1815 г. национального дивертисмента «Семик, или гулянье в Марьиной роще», а также пьесы Н. И. Ильина «Семик» (1818) и более поздней поэмы М. Н. Макарова «Семик, народное гулянье в Марьиной роще» (1830). В статье прослеживается постепенное превращение «языческого» праздника, осуждаемого во второй половине XVIII в. как воплощение невежества (например, в произведениях М. Д. Чулкова), в символ подлинной народной культуры, воспеваемый в литературном и театральном творчестве разных авторов при поддержке научных исследований (например, проф. И. С. Снегирева).

Ключевые слова: Семик, русские календарные праздники, Марьяна роща, народные гулянья, русский театр второй половины XVIII — первой трети XIX вв., драматургия, балет

Анна Некрылова. Елена (заметки об имени)

В статье раскрывается народное (фольклорное) восприятие имени Елена и обиходных вариантов этого имени (Алёна, Алёнушка и др.); показано, какими качествами и функциями наделена Елена в разных жанрах русского фольклора. Среди причин, приведших к тому или иному осмыслению имени, выделяются временной фактор — дата поминовения святой Елены в церковно-народном календаре и феномен народной этимологии.

Ключевые слова: Елена, варианты имени, жанры русского фольклора, народный календарь, народная этимология

Светлана Толстая. Смерть и тоска в севернорусских причитаниях

В севернорусских похоронных причитаниях антропоморфизация смерти выражена не ее характерным внешним обликом, а приписываемыми ей действиями, предикатами и атрибутами. Смерть представляется захватчиком, налетчиком, похитителем. Она обладает свойством иррадиации, вызывая увядание и разрушение всего окружения. Подобно смерти, агрессорами и врагами считаются тоска, кручина, горе осиротевших родственников. Они тоже воздействуют не только на субъекта этих состояний, т. е. осиротевшего человека, на его тело, его одежду, жилище, но и на окружающих людей и даже природу.

Ключевые слова: Русский Север, фольклор, причитания, смерть, погребение, тоска, антропоморфизм

Альберт Байбурин. Представления о пустом / пустоте в народной традиции

Рассматриваются сюжеты, связанные с представлениями о пустоте и пустых объектах в народной традиции. Опасность пустых мест объяснялась тем, что в них обитает разного рода нечисть. Невидимость обитателей пустоты компенсируется их «слышимостью». К образованию аномальной пустоты ведет нарушение запретов, к числу которых относится нарушение естественного звукового фона. Особое внимание уделяется представлениям о пустоте в контексте похоронного обряда, где пустое оказывается местом, в котором может оказаться покойник и куда отправляется страх, тоска и память о нем.

Ключевые слова: пустота, изба, покойник, тоска, страх, забывание

Светлана Адоньева. Помины

В статье рядом примеров из полевых записей автора иллюстрируется положение о том, что современные практики поминовения обнаруживают разные стратегии отношения живых и мертвых, существующие в российской культуре одновременно. Деревенская традиция, в отличие от городской, по которой умершие остаются в прошлом и удерживаются «в памяти», продолжает

быть обращена к «родителям» как к адресатам, поскольку они существуют не в другом времени, а в другом месте.

Ключевые слова: причитания, похоронные ритуалы, структуры памяти, общение живых и мертвых, традиции современной русской деревни

Наталья Дранникова. «Кабы не было б колхозов — не было бы горюшка»: частушки о советской власти в рукописи М. И. Романова «Фольклор Устья (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни»

В научный оборот впервые вводятся материалы рукописи М. И. Романова «Фольклор Устья (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни» (ранее — территория Вельского уезда Вологодской губернии). Цель статьи — выявить специфику культурной памяти о периоде коллективизации на Устье, опираясь на тексты частушек о колхозе из рукописи краеведа М. И. Романова. В статье они рассматриваются как элемент неких социальных процедур. Частушка агентивна и в 1920-е — 1930-е гг. существует в новом социальном контексте. Она относится к коммуникативной памяти, поскольку это один из немногих жанров, предполагающих диалог. В частушках, включенных в рукопись, негативно оценивается колхозная повседневность. Являясь собирателем и исследователем традиционной культуры, М. И. Романов в то же время критикует мировоззрение дореволюционной деревни. Комментируя собранные фольклорные материалы, он невольно становится на сторону советской идеологии, которая причисляла крестьян к темной и невежественной части населения страны, нуждающейся в развитии и приобщении к ценностям «новой жизни». Фольклорный материал в рукописи противоречит содержанию комментариев М. И. Романова. Он свидетельствует о понимании краеведом народной культуры и его глубокой заинтересованности предметом исследования. Комментарии Романова демонстрируют конформизм, на который вынуждены были идти многие советские исследователи под давлением государственной идеологии, что не исключает его возможных симпатий новому мировоззрению и увлечение идеей создания «нового» человека.

Ключевые слова: Михаил Романов, краевед, Устья, рукопись, частушки, колхоз, кулаки, специфика, культурная память

Константин Исупов. О русском юродстве

Статья посвящена феномену экстремальной формы православной аскезы — юродству. В плане поведения этой форме соответствует святоотеческая традиция апофатического богословия: и там, и там мы имеем попытку утвердить положительные ценности через их отрицание. Юродство было переживанием смерти заживо и даже молитвенным предстоянием — не только за собственную душу, но и за други своя. В формах культуры юродство могло обретать и светские облики: эпатаж, эстетство в его крайних выражениях, чудачество, шутовство. Святой шут на Руси стал знаковым явлением для всей отечественной культуры.

Ключевые слова: православие, юродство, аскеза, шутовство, чудачество

Мария Пироговская. О сезонной прозе и социологии неловкости (случай Тэффи)

В последней трети XIX — начале XX века Российская империя переживала бум периодики, связанный с изменением социальной структуры общества, ростом грамотности и расширением читательских аудиторий. Для новых читательских групп возникали новые типы печатной продукции и жанры. В статье, на примере календарных фельетонов Тэффи, написанных по заказу «Русского слова», обсуждаются внесловные «сообщества вкуса», возникающие в процессе чтения периодики, и роль литературного юмора в оформлении таких сообществ.

Ключевые слова: фельетон, календарная проза, социология юмора, Тэффи, средний класс

Никита Охотин. Еще раз о Светлане

В статье прослеживается бытование имени Светлана в русской ботанической номенклатуре и в алкогольном нейминге XIX века.

Ключевые слова: Светлана, Бальмонт, амариллис, водка, винный откуп

Илья Утехин. О пьянстве (заметки на полях)

Потребление алкоголя и то, как культура смотрит на выпивку, носит культурно- и исторически-конкретный характер. Это определяет и те потенции, которые эта тема открывает как предмет изображения в литературе и как своеобразный язык. Упомянуты примеры советской неподцензурной литературы, где некоторые из этих потенций реализуются. В период 1960–1970-х годов и в повседневности, и в ее отражении в литературе употреблению алкоголя принадлежит важная роль. Отмечено родство творческого метода Венедикта Ерофеева и художественной практики московских концептуалистов.

Ключевые слова: пьянство, алкоголь, выпивка, повседневность, культурный контекст

Елена Березович, Галина Кабакова. «Невинный камень»: мотив вина в культурно-языковом образе аметиста

Статья выполнена в русле широкой этнолингвистики и посвящена культурно-языковому образу аметиста в различных европейских традициях (греческой, французской, русской и др.). Изучается представленный в этом образе мотив вина и опьянения, который реализуется на огромной временной дистанции: отражается во внутренней форме слова (греч. ἀμέθυστος), подтверждается мотивационными параллелями в различных европейских языках, запечатлевается в художественных текстах разных жанров и языковой принадлежности, произведениях ювелирного и декоративно-прикладного искусства. Выявление многообразных способов воплощения этой мифологемы помогает прийти как к общему выводу о том, что она носит магистральный характер для образа камня, так и к более частным выводам. Среди последних мотивационная реконструкция рус. урал. *невинный камень* 'аметист' (= «тот, который помогает не пить вино»), старорус. *баус* (*бауса*) 'название прозрачных камней синего и голубого цвета' < *Бахус* (= «камень Бахуса»), ср. франц. *pierre de Bacchus*, *pierre de Denys*, лат. *Dionysia gemma*.

Ключевые слова: культурно-языковой образ реалии, мотив, мифологема, широкая этнолингвистика, семантико-мотивационная реконструкция, этимология

Екатерина Белоусова. Яков Иванович Душечкин (1864–1920). Биографический очерк

Статья представляет собой очерк жизни и деятельности Я. И. Душечкина, видного российского педагога и политического деятеля конца XIX – начала XX вв. Очерк написан на материале архивных документов, большинство которых прежде не публиковалось.

Ключевые слова: Я.И. Душечкин, Санкт-Петербургский Учительский институт, курсы для учителей, Комитет грамотности, Всероссийский союз учителей, первые учительские съезды, педагогические журналы, история русской педагогики, земство, народники, народные социалисты, русские революции 1905 и 1917 гг.

Екатерина Белоусова. Рослый и филёры

Материалы наружной слежки из фондов Петроградского Охранного отделения рассматриваются в статье как один из важных исторических источников, помогающих восстановить подробности крупных исторических событий – в данном случае, формирования первого политико-профессионального союза учителей, организации со значительным оппозиционным потенциалом, в ходе революции 1905 г. Дела наружной слежки за несколькими из главных организаторов первого,

учредительного Всероссийского съезда учителей (7–10 июня 1905 г.), в ходе которого и был создан Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию, педагогами Я.И. Душечкиным, Е.Ф. Проскуряковой и В.И. Чарнолуским, позволяют пролить свет на взаимоотношения Охранки и ее подопечных: с одной стороны, на практики и стратегии филёров (что знали и чего не знали разные чины, фокус интересов слежки, ее эффективность), с другой – оппозиционеров (методы борьбы, координация действий, приемы конспирации, способы принятия организационных решений). Сопоставление нарративов из отчетов филёров с нарративами учителей, представленными в публикациях Центрального Бюро Учительского союза, позволяет увидеть т.н. «трение» в действии – то, что происходит на пересечении видений и действий двух групп с противоположными целями и задачами.

Ключевые слова: Я.И. Душечкин, Е.Ф. Проскурякова, В.И. Чарнолуский, Петербургское/Петроградское Охранное отделение, Всероссийский союз учителей, первые учительские съезды

ABSTRACTS

Milena Rozhestvenskaya. A Previously Unknown Copy of *The Colloquy of The Three Hierarchs* from the Arkhangelsk Oblast

During the Folklore-Archeographical Expedition from IRLI (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences to the White Sea in 2007, a manuscript compilation was discovered, dating, in the opinion of the expedition participants, to the beginning of the 18th century. This compilation contains a copy of a work well known in Slavonic-Russian written tradition, *The Colloquy of the Three Hierarchs*, which has some unique features. This article examines two question-answer riddles, “On Noah and the Ark,” and “On the Grandson and Grandmother,” and also includes a publication of the *Colloquy* in this newly discovered version.

Keywords: apocrypha, riddles, *Colloquy of the Three Hierarchs*, written culture of the Arkhangelsk Oblast

Lidia Sokolova. The Prosaic *Tale of The Battle with Mamai* and the Poetic *Zadonshchina*: The History of Their Mutual Influence

The question of the order in which the works comprising the Kulikovo Cycle were composed has not yet been definitively solved. Its solution depends on a proper understanding of how the relationship of Old Russian bookmen to the events of 1380 changed over time. Moreover the mutual interrelationship of compositions of the Kulikovo cycle is still unclear. The dominant viewpoint is that the *Zadonshchina* was created earlier than the *Tale of the Battle with Mamai*. This position is based on the fact that passages from the *Zadonshchina* were inserted in the *Tale*. Furthermore, the emotional character of the *Zadonshchina* is taken as evidence that it was created soon after the battle on the Kulikovo field, in the late 14th century. The author of this article presents evidence of another possible interpretation: the poetic *Zadonshchina* was based on the earlier *Tale* and then a later editor of the *Tale* inserted into it passages from the *Extended Redaction of the Zadonshchina*.

Keywords: Battle of Kulikovo Field, *Tale of the Battle with Mamai*, *Zadonshchina*, insertions from the *Zadonshchina* into the *Tale*

Alexander Pigin. Novgorod vs Moscow in the Perception of a 16th-century Russian Hagiographer

In Russian historical consciousness Novgorod and Moscow of the Middle Ages represent two different political systems — democratic and autocratic. The idealization of Novgorod as a kind of alternative Russian history — the “myth of Novgorod” derives from the written tradition of the 15th–17th centuries. The present article analyzes the “Novgorod” and “Moscow” motifs in a work of 16th-century hagiography, *The Life of Alexander Oshevskii* (1567). The author concludes that the hagiographer idealizes the

Novgorod boyars and the Novgorod heritage of the Kargopol region, while sharply criticizing its government from Moscow during his time.

Keywords: hagiography, *The Life of Aleksander Oshevenskii*, Novgorod, Moscow

Natalia Savelieva. The Epistle of “Sinful Agaphonik” and the Polemics of the Zealots of Ancient Piety: The Problem of Attribution

This article once again addresses the problem of the attribution of three epistles, written in the mid 17th century and signed by “sinful Agaphonik.” On the basis of a comparison of the thematic and stylistic peculiarities of these texts, the author advances the hypothesis that there are two authors hiding behind this signature. One of them is a contemporary figure, possibly the Moscow clerk Agafon Timofeev, who addressed his spiritual father “kir Jacob” in a personal epistle. The other is the author of polemical epistles to Serapion, Archbishop of Suzdal and the Novgorod Archbishop Nikon, — Stephan Vnifantiev, signing with a pseudonym. The author fills out the arguments of previous scholars for or against this attribution with new materials from previously unknown polemical works of the Zealots, with textological evidence, and also with new facts about the Zealots’ historical activities, in particular their influence on the choice of what was to be printed by the Moscow Publishing Office.

Keywords: 17th century, Tsar Aleksei Mikhailovich, Zealots of the Ancient Piety, Stephan Vnifantiev, the Moscow Publishing Office, polemics, epistles, attribution

Eliza Małek. A Singular Redaction of *The Tales about the Christian and Jewish Faith*

This article is devoted to a literary composition in manuscript that has come down in copies from the end of the 18th–19th centuries, *The Tales about the Christian and Jewish Faith*. The author of this article discovered a Singular Redaction of this composition in a compilation from the beginning of the 18th century in the Library of the Russian Academy of Sciences (Basic Collection, No. 45.5.30) and made it known to scholarship. She compares this text with the Short and Expanded Redactions of the *Tale*, which were more widely circulated in the manuscript tradition. She shows that the Singular Redaction of the *Tale* derives from the same source as the Tale of the Portuguese Embassy. The text of the Singular Redaction of the *Tale* is included in an Appendix.

Keywords: Russian manuscript tale, theme of dispute between a Jew and a Christian, folk street performers, riddles, textology

Irina Lobakova. The Reign of Ivan the Terrible in the Eyes of the Copyist of a Historical Compilation of the First Half of the 18th Century

The tradition of creating new historical compilations lasted through the 18th century. The compilers of these works strove to relate the subjects of compositions from the past to their own time, in the process assimilating them to the style of their own epoch. In a historical collection of the first half of the 18th century from the library of M.P. Pogodin in RNL (No. 1417), the copyist (who was also possibly, the editor) included his personal considerations about the reign of Ivan IV. The compiler added his own evaluation of the more tragic events (the Oprichnina, the life of the Metropolitan Philip, the incursion on Novgorod the Great, the consequences of the Tsar’s reign), returning to these themes more than once, and, at times, deviating from chronology so as to more accurately convey his conception of the events.

Keywords: historical compositions, compilations, the epoch of Ivan the Terrible, author and reader

Tatiana Kitanina. Pushkin and the Gallows: “If Only I Could...”

This article investigates the history of the discovery of Pushkin’s famous drawings depicting a gallows with five hung corpses and a note “And if only I could...” next to it. Given that, in light of

paleographic evidence, the note has been related to a later period, it is now necessary to take a new look at the biographical and creative context in which it emerged. This new context includes a number of works by Pushkin that in one way or another relate to the gallows theme, and also certain circumstances linked to the trial over the case of the forbidden verses from Pushkin's elegy "André Chénier."

Keywords: Pushkin, "If only I could...", the Decembrists, sketches, original manuscripts

Pavel Kliushin, Elena Markasova. In Search of Monsieur l'Abbé

Monsieur l'Abbé is traditionally considered a fictional character from Pushkin's novel *Eugene Onegin*. And yet, data from archives, official directories, and memoirs hint at a prototype behind the mask: a G. L. Labbé-Delond (1773(?) — 1830), a teacher of French and Latin patronized by some eminent aristocrats from St. Petersburg. An account of Labbé-Delond's life gives reasons to disprove the typical secondary school interpretation of the Russian epithet "ubogij" as "zaurjadnyj" ("mediocre").

Keywords: Alexander Pushkin, Eugene Onegin, Nikolai Gretsck, the French in the Russian Empire, prototype, Labbé-Delond

Eleonora Khudoshina. *The Queen of Spades: On the Referential Meaning of the Formula "About sixty years ago..."*

The Queen of Spades is examined in the article as a direct consequence of Pushkin's work on *The History of the Pugachev Rebellion*, as a joke and an analytical experiment with the ways of engaging historical sources, as a text containing two stories: a fantastic and an analytical one.

Keywords: Pushkin, *The Queen of Spades*, *The History of the Pugachev Rebellion*, analytic novella, methodology of history, stylistic and discursive reasoning, history and the mystery genre

Sergei Fomichev. "Thine Own of Thine Own!" Storytellers Kazak Lugansky and Alexander Pushkin

The article analyzes the creative communication between the two authors in 1833, at the time when Alexander Pushkin was working on his *The Tale of the Fisherman and the Fish* and Vladimir Dahl on his *The Tale of George the Brave and the Wolf*, after Pushkin arrived in Orenburg having started his work on *The History of Pugachev*.

Keywords: Alexander Pushkin, Vladimir Dahl, fairy tales, spiritual verses, Yemelyan Pugachev's rebellion

Pavel Mykhed. On the Ukrainian Letter of Nikolai Gogol in the Context of the Ukrainian-Polish Cultural Dialogue

The article is devoted to the analysis of N. V. Gogol's letter to the Polish romantic poet Józef Bohdan Zaleski, with whom the writer closely communicated in the winter of 1836–1837. This letter is the only Ukrainian text by Gogol. In this regard, the author examines Gogol's attitude to the Ukrainian language, which, according to his contemporaries, he knew perfectly. Communication with Polish cultural figures also reveals little-known facets of Gogol's attitude to Russian culture and its origins. The letters of J. B. Zaleski to Franciszek Henryk Duchński are important memoir documents that shed light on Gogol's interpretation of Russian folk song and its assimilation of the traditions of Russia's non-Slavic peoples. Gogol spoke about this earlier than F. Duchński, whose scientific works and ideas were in demand and popular in Poland and Ukraine in the second half of the 19th century. The article also focuses attention on the well-known episode with E. Rostopchina's ballad "The Forced Marriage," which evoked a broad public response. Probably, Gogol was involved in the publication: he was the first to whom the poetess read her work in Rome at the end of 1845. It is believed that it was Gogol who persuaded Rostopchina to publish the ballad, in which at first the imperial authorities did not notice the political anti-Russian subtext. The

political allegory was highlighted in an anonymous review published in France, as researchers suggest, by a Polish author.

Keywords: Gogol, Ukrainian letter, Zaleski, Ukrainian language, folk song, Turanian heritage, Duchiniński, Rostopchina, ballad “The Forced Marriage”

Ekaterina Neklyudova. Harrison and His *Doctor's Stories*: Solving a Puzzle of the First 19th-century Medical Bestseller

This paper investigates the personality of the so-called “Dr. Harrison” whose short stories were immensely popular in early nineteenth-century Russian periodicals. The use of historical and bibliographical sources helps us to solve this puzzle as well as to restore the history of a literary game that was a reason why these stories came to life.

Keywords: literature and medicine, physician, case history, Dr. Harrison, Samuel Warren, literary games, mystifications, *Library for Reading*, *Blackwood's Magazine*, journalism, 19th century

Ljubov Kisseljova. The Dangers of Sentimentality (M. Zagoskin's Novel *The Tempter*)

This article analyzes the polemic that M. N. Zagoskin had in his novel *The Tempter* (1838) with sentimental and romantic tradition, which he sees as one continuum. The author maintains that this tradition's influence on the reader undermines morality because it creates a false sensibility; he sees the idea of transferring the laws of literature into real life as false. This polemic was directed, as was characteristic of the archaists, towards Karamzin, and George Sand's novel *Jacques* was seen as the most maligned publication from the newest literature.

Keywords: M. N. Zagoskin, literary reputation, *The Tempter*, Karamzin, George Sand, archaism

Dmitry Kalugin. A Simple Complex Person: The Art of Characterization in the Biographies of the Mid-19th Century

The concepts “simplicity” (“prostota”) and “complexity” (“slozhnost”) play a special role in biographical genres, functioning as “loci communi” for delineating character. We habitually say “this person is straightforward (‘prostoi’)” or “that person is complex (‘slozhnyi’)” without considering the semantic load of such expressions. The adjective “prostoi (-aia, -oe)” is used to characterize the soul, the mind, personality, behavior, and language to signify straightforwardness, sincerity, wholeness, whereas the adjective “slozhnyi” signifies the presence of many parts, components or aspects combined in one whole. Given this, a question arises: if any person's inner world and its manifestations are complex by default, then how can one speak at the same time, for instance, of a simple personality or behavior? On the material of two writers' biographies (*The Biography of Mikhail Nikolaevich Zagoskin* by S. T. Aksakov and *The Biography of Fedor Ivanovich Tiutchev* by I. S. Aksakov, we analyze the usage of the concepts “prostota” vs “slozhnost”) to show their many meanings and political implications.

Keywords: biography, ideology, historical semantics, simplicity, the process of civilization, narrative

Anatoly Koshelev. “Yes, Mr. Timofeev Is an Important Poet...” (Senkovsky on Pushkin)

The anonymous article about O. I. Senkovsky, published in the *Reference Encyclopedic Dictionary* (1855) was written by A. V. Starchevsky with the direct participation of the article's hero, and can be seen as Senkovsky's creative testament. Special attention is directed toward the mixed nature of Senkovsky's scandalous reviews published in the “Literary Chronicle” of the journal which he founded, *A Library for Reading*. The author tends to see in them not only “a joke on immature works”: these notes, in his view, are in fact “miracles, astonishing both authors and the public.”

Keywords: Senkovsky (Baron Brambeus), creative testament, criticism

Kirill Zubkov. You Did Build a Monument: Authorial Paradoxes and the Subjective Structure of N.A. Nekrasov's Poem "Baiushki-baiu"

This article investigates how Nekrasov's poem "Baiushki-baiu" ("Lullaby") raises the problem of authorship. Reconceptualizing the Horatian literary tradition, Nekrasov associates glory not with the poet's personal immortality or with the state's grandeur, but with unofficial folk memory. This problematic is closely associated with the discussions about authorship that are typical of this period, and more generally with disputes about personality and society that are significant for the Narodnik ("going to the people") and socialist movements.

Keywords: Nikolai Nekrasov, lyrics, poetics, authorship

Evgenia Stroganova. M. E. Saltykov's Spiritual Testament

This is the first publication of M. E. Saltykov's Testament, produced in 1885 and conserved at RGA-LI (Russian State Archive of Literature and Art). This article investigates the theme of mortality in the writer's epistolary writings, given that he endured constant illness and was striving to provide for his family's security. Saltykov attributed special importance to the publication of his works and bequeathed the rights to them to his son.

Keywords: M. E. Saltykov, last will and testament, concern over family, the theme of mortality, the publication of works

Maya Kucherskaya. Anecdote — True Story — Novella: Toward the Discussion of Leskov's Literary Evolution

This article compares two versions of a story by Leskov, that was first called *Pogasshee delo* (*A Case that was Dropped*, 1862), then renamed *Zasukha* (*The Drought*, 1867). This comparison allows us to describe the mechanisms of Leskov's transformation from a journalist and essayist to a writer and master. The analysis of the two versions shows that by 1867 Leskov had developed the mainstays of his approach, which include, among other things, his work with language, with the lexical nuances of the written and spoken word; at the same time, the scope of the favorite themes and problems was defined in his prose.

Keywords: multilingualism, Leskov, style, narrative strategies, Russian clergy, the European Enlightenment

Ilonā Motejūnaite. Images of Nuns in Leskov's Writing

This article addresses N. S. Leskov's contemplation of the theme of a woman entering the convent. The author draws attention to his use of the Decembrist history, and to the reflection of social factors in the development of this theme in his prose, as he virtuously combines in his fiction contemporary religious and political issues.

Keywords: N. S. Leskov, *Nowhere*, "Kotin the He-Cow and Platonida," "The Peacock," images of nuns

Elena Gracheva, Alexey Vostrikov. *Reservatio mentalis*, or I. M. Grevs and I. A. Shliapkin in 1899

The dismissal of the liberal professors, N. I. Kareev and I. M. Grevs, from St. Petersburg University and the St. Petersburg Women's (Bestuzhev's) Higher Education Courses was one of the repressive measures undertaken to quell the student agitation of 1899. The published letters of I. M. Grevs and I. A. Shliapkin express two attitudes to this action: they see it as a predictable manifestation of the government's repressive politics on the one hand, and as a regrettable but temporary excess of university life, on the other.

Keywords: St. Petersburg University, St. Petersburg Women's (Bestuzhev's) Higher Education Courses, student riots of 1899, I. M. Grevs, N. I. Kareev, I. A. Shliapkin

Nikolai Nikolaev. After Formalism: R. O. Jacobson and M. M. Bakhtin

In the 1960s — 1970s R. O. Jacobson played a key role in the formation of the idea about the principal unity of M. M. Bakhtin's works, printed under his own name, as well as under the names of his friends. Although, with time, it became clear that this conception needs to be augmented and refined, its complete rejection in the last decades led to catastrophic results for Bakhtin's heritage.

Keywords: M. M. Bakhtin, Roman Jacobson, Formalism, the Bakhtinian Heritage

Sergei D. Serebriany. Pauline Podlashuk: The Unknown Translator of Lev Tolstoy's Letter to M. K. Gandhi

In October of 1909, Lev Tolstoy received, in Yasnaya Polyana, a letter from London, written by an obscure Indian lawyer by name Mohandas Karamchand Gandhi. He described his human rights activities, by way of "passive resistance," in South Africa. Tolstoy responded, Gandhi wrote again and again: all in all, there were seven letters in this correspondence, four from Gandhi to Tolstoy, and three from Tolstoy to Gandhi. The last, the longest and the most important letter was dictated by Tolstoy at the end of September, 1910, two months before his death. The Russian text of the letter was sent to Johannesburg, and it happened so that this letter was translated there into English by a woman immigrant from Lithuania, an acquaintance of Gandhi's associates. Gandhi himself, most probably, was not acquainted with her. Later editors of the Tolstoy — Gandhi correspondence did not know anything about her either. Now we have got some information about this lady — from her memoirs, published in 2010, in Johannesburg.

Keywords: M. K. Gandhi, L. N. Tolstoy, correspondence, South Africa, Pauline Podlashuk, translation, Jews, Lithuania, the Russian language

Arina Ranneva. Christmas Stories in the Russian Cinema Press of the 1910s

The article is dedicated to the specific corpus of Christmas stories — the texts that were published in holiday issues of cinema press in the 1910s. These texts are of a special interest as they are located on the border between two types of art — literature and cinema. They correlate with the literary tradition of a Christmas story and illustrate specific features of early Russian cinematograph.

Keywords: Christmas story, the history of early cinema, pre-revolutionary cinema, early cinema press

Anna Kovalova. *The Mistake [of the Heart]* in the Evolution of Early Russian Cinema

The article is focused on the lost film *The Mistake of the Heart* (1915). By analyzing the script, libretto, and the reviews, the author argues that the film was made against the main principles of the war film drama. A typical plot about a heroic medical nurse is turned upside down deceiving the viewer's expectations. This is discussed as "the mistake," which, according to Yu. Tynianov, is the key factor of the literary evolution. "The dramatic novella" of the 1910s had an impact on film production of World War II.

Keywords: screenwriting, pre-revolutionary cinema, World War I, war film drama, fighting film album

Mikhail Lotman. Word Defeating Death: Swallow's Word in the Mythopoetics of Mandelstam

The article focuses on one of the main semantic complexes of Mandelstam's poetics, in the centre of which is word. This complex combines images of a swallow, soul, various (mostly ancient) characters, sense organs and senses themselves. As a result of the thorough contextual analysis that covered the entire heritage of the poet, the contours of this complex were outlined. The inclusion of a number of subtexts, the main of which is George of Pisidia's *Hexameron or Cosmologia*, made it possible to reveal

deep connections between the ancient and Christian components of the considered images. The presentation is arranged in the form of the description of the various codes involved in the design of the semantic complex under study.

Keywords: Mandelstam, contextual analysis, swallow, word, sense organs, blindness, death, *Hexameron*, George of Pisidia

Svetlana Kuljus. The Narrative Poem *An Attempt at a Room* by M. Tsvetaeva: Beethoven — in the Circle of Unnamed Characters

The article analyzes Marina Tsvetaeva's "hermetic" poem *An Attempt at a Room* and seeks to offer an interpretation of one particular stanza. The analysis of this stanza helps to reveal the logic of creating a certain literary image, launching the mechanism of free associations, and forming new semantic levels in the text. The analysis further leads to a discovery of one of the latent characters of the poem — Beethoven.

Keywords: Beethoven, *Appassionata*, sonatina, interpretation, Pasternak, *An Attempt at a Room*, revolution

Sergei Dotsenko. A Turn to the Lubok: On the Ludic Nature of A. Remizov's Literary Miniature "The Fox's Ball"

This article investigates the ludic poetics and stylistics of A. M. Remizov's literary miniature "The Fox's Ball" (1906) from his book *Posolon'*. The similarity between the poetics of the literary miniature and that of the lubok (either as a picture or a toy) is rather not genetic, but typological. Remizov's turn to a toy as his material radically changes the esthetic and poetic nature of his verbal text. As a result, it is appropriate to refer to the typological similarity of Remizov's literary miniature with folklore, rather than literature.

Keywords: Russian literature, A. M. Remizov, the lubok, the toy, folklorism, poetics

Dmitry Ravinsky. The "Tram Text" in Russian Literature

This article aims to broaden the conception of the "tram text" of Russian literature, directing attention to a number of texts of the first third of the 20th century that so far have escaped researchers' attention. For authors on the boundary between the 19th and 20th centuries, the horse tram and then the tram was first of all a receptacle for a crowd, a "gathering point" for people of diverse social classes, usually fighting for a seat. This was the dominant motif in the first "tram texts." During the Soviet period, the dominant desire was to portray the tram's movement as an organized system, a part of the new socialist order of city life. This led, in particular, to the development of "tram ethnography," to the description of specific features of the different tram routes. At the same time, the theme of the tram crowd and of the mutual relations between strangers continued to attract authors.

Keywords: tram, horse tram, V. Sladkoptsev, L. Leman, V. Inber, I. Iurkov, S. Spassky, N. Dement'ev, N. Moskvina, L. Gumilevsky, E. Polonskaia

Yuri Domanski. Christmas Tree for Christmas: Deconstruction of the Trope as a Technique Used for Meaning Construction in *Christmas at the Ivanovs* by Alexander Vvedensky

The article considers the word "Christmas" (note that in Russian, the Christmas celebration and Christmas tree are called by the same word "yolka" — "ёлка") in the play "Christmas at the Ivanovs" by Alexander Vvedensky. It is shown how the direct meaning is correlated with the meaning of the trope in the text, how the trope "Christmas" is deconstructed, and how the unique meanings are built as a result of this deconstruction. In the play, the work with language is carried out through the deconstruction of the trope to the reconstruction of the meanings inherent in the language at the earliest stages of its forming.

Keywords: deconstruction of the trope, meaning construction, Alexander Vvedensky, *Christmas at the Ivanovs*

Aleksei Semenenko. “Rude Translation”: On the Subtexts of a 1936 Caricature

On January 15, 1936, the newspaper *Literaturnaia gazeta* published Aleksei Radakov’s caricature titled “On the discussion about *Othello*” that played up the perceived rudeness of Anna Radlova’s translation of *Othello*. I discuss several important subtexts of the caricature that are important for understanding the literary and political context of the 1930s in the Soviet Union, including the debate on translation methods, the problems of Shakespeare translation and Anna Radlova’s translations in particular.

Keywords: caricature, translation, Anna Radlova, Aleksei Radakov, Shakespeare

Boris Ravdin. On Door, Corridor, Kitchen, etc. Short Notes (G. Tupitsyn — E. Leilande)

Short notes as a genre. A correspondence from one room to another. The 1950s — beginning of the 1960s. Riga.

Keywords: porridge, bread, milk, stove, wife, wives, Tantal, saw and needle, little kisses, “Missus, where are you?,” *kun kissaluto*, Your kudrilo

Igor Sukhikh. Rethinking the Century (on D. Granin’s Prose)

This article examines the evolution of D. A. Granin’s prose: his long life and literary gift enabled the writer for nearly a century to reflect on the important questions of the Soviet and post-Soviet epoch. His principle works are still of interest today.

Keywords: D. Granin, belles-lettres, A. A. Liubishchev, two cultures, *A Book of the Blockade*, fear, memoirs

Aleksandr Belousov. On Aleksei Shadrinov’s Poem “To the Provincial”

The Poem “To the Provincial” was written by a young man, recently a schoolboy, who thought about life deeply and seriously. His verses impress us by philosophical richness, metaphorical complexity, and refined thought. This article analyzes the poem, “deciphering” this poetic “epistle” in the general context of Russian “province” — an important concept and image in Russian literature and culture of the 19th and 20th centuries.

Keywords: trace and tracelessness, a day as a dream, engagement and idleness, coziness

Svetlana Artemova. The “Yangtze River” in the Late 20th-century Poetry

This article addresses the conceptualization of the “Chinese” motif by Russian culture. Beginning in Soviet times, certain Chinese topoi and loci became markers of utterly non-Chinese values and emerged as independent motifs in poetry, one of which was the “Yangtze River” in the poetry of 1980–2000. The Yangtze River in Russian poetry of the late 20th century was a marker of the magical, strange, and attractive. In mass poetry, the motif “the Chinese river” occurred as a finished and established one, signifying not just a “foreign river” but also the Volga, the Lethe, and the river of eternity, all at once.

Keywords: Yangtze River as a motif, 20th century poetry, mass poetry, markers of meaning, deceit of expectations

**Svetlana Zhavoronok. “And Then She Threw Herself into the Water ...”
or “Poor Liza is Crawling Out of the Pond...”**

Why a short novella that became a sensation 200 years ago and very soon, according to K. Kobrin, turned into a “literary anachronism,” still remains in the sight of Russian literature? Such seemingly different authors as L. Petrushevskaya and cabaret-band Colibri engage with N. Karamzin’s novella *Poor Liza*; using the language of syncretic trans-sentimentalism (according to M. Epstein), they are trying to answer the questions: are we, similarly to literary characters, destined to stay within the plot ascribed to us, or do we “have the right” to jump out of it?

Keywords: “Liza’s text” in Russian literature, cabaret-band Colibri, trans-sentimentalism, foolery as a means to transcend literary and biographical canons

Marina Kostyukhina. Three Sisters in Search of the Ideal (not Based on Chekhov)

The Burnashev sisters applied themselves in several kinds of traditional female activities, accessible to the representatives of the educated classes in the middle of the 19th century. Sophia (1820–1883) published the magazine *Chas Dosuga* (“*An Hour of Leisure*”) and children’s books, Catherine (1819–1875) was a class mistress and a translator, Maria (dates of her life are unknown) was a teacher and a translator. The sisters saw an ideal of female personality in Elizaveta Kuhlman (1808–1825), a talented translator and poetess who died early. The cult of a young genius was supported by her teacher Karl Grossheinrich, the author of Kuhlman’s biography, which the sisters translated. The image of the young poetess belonged to the culture of romanticism, while the sisters carried out their activities in the era of liberal reforms in the field of women’s education. The biography of Kuhlman as a creative person who did not encroach on the foundations of patriarchy and the social structure of gender was used by the Burnashev sisters to defend a conservative position on the women’s issue.

Keywords: Russian female writers and translators of the 19th century, social structure of gender, female education

Olga Luchkina. A Well-timed Present: The Tradition of Gifting Children’s Books for Christmas, New Year and the Holy Week (Based on the Materials from the *Zvyozdochka* Magazine)

The article discusses the formation of the tradition of gifting a child a book as a gift for the New Year’s and other holidays. On the material of reading lists published in the magazine *Zvyozdochka* (*Little Star*) in the 1840s-1850s, the article examines a range of literary works that were proposed as gifts to children for the New Year, Christmas and the Holy Week. The book lists in the bibliography section of the *Zvyozdochka* consisted of translated publications, textbooks or games, books in French, and the original works by Russian authors.

Keywords: gift-giving tradition, children’s book, New Year, *Zvyozdochka* magazine, reading list, Alexandra Ishimova, Vasilii Zhukovsky

Sofia Loiter. The Great Word Game: Children’s Poetry as a Special Lyric Genre

The article is devoted to the analysis of techniques for creating play poetry for children. Due to the peculiarities of children’s reception, these techniques are designed to create inductive particularity, self-sufficiency, sovereignty of the individual and the particular in texts addressed to children. Some poetic neologisms are derived from children’s folklore, others are invented by the author. The most popular techniques in children’s play poetry include various lexical and word-building innovations, and the phonetic transformations of the word.

Keywords: play poetry for kids, poetics, 20th century, word game

Andrei Ustinov, Igor Loshchilov. Daniil Kharm's Fairytale "First and Second" as a Subject and an Object

In 1929, Daniil Kharm's fairytale "First and Second" was published as a book (object) and caused a reaction, which involved the author into a "discussion about children's literature." After he was arrested in December 1931, "First and Second" surfaced during his interrogations (subject). The essay reconstructs this episode of Kharm's literary biography.

Keywords: Daniil Kharm, *Iozh*, Soviet literary criticism, the Case of the Children's Sector of Gosizdat, Samuil Marshak

Valentin Golovin. "Lullaby of a Dog Hunter" by V. Karpov: Sources and Innovations (Marginalia)

The article is devoted to one of the many examples of adaptations of the classic poem by Mikhail Lermontov "Cossack lullaby" — "Lullaby of a Dog Hunter" by V. Karpov. The identified sources of V. Karpov's text (Lermontov's original source, its adaptation by Nikolai Nekrasov and Nekrasov's poem "Hound Hunting") demonstrate that while maintaining the mandatory genre and textual features, V. Karpov's adaptation contains certain innovations. They are due to the change of the narrator: from female to male. In this case, the father "sings" to the baby and offers, as a desired fate, to lead an idle hunting life-style that will save his son from bad temptations and life losses.

Keywords: Mikhail Lermontov, Nikolai Nekrasov, V. Karpov, "Cossack lullaby," "Lullaby of a dog hunter," "Hound hunt," literary adaptation, hunting poetry

Svetlana Maslinskaya. On "Childishness" in "The Blue Cup" by Arkady Gaidar

In the second half of the 1930s Arkady Gaidar engaged in the further development of the concept of child agency that had been developed in the 1920s. Overcoming the avant-garde concepts of the child's autonomy, Gaidar offers a moderate version of child agency, which boils down to recognizing the child as an equal participant in any social processes and situations. In Gaidar's story "The Blue Cup" (1936), the child is a full-scale member of the family conflict. The techniques for depicting a child character (their point of view in the narrative and speech characteristics) contribute to the autonomization of the child as a subject of action and experiences. The representation of the subjectivity of adults and children reflects the position of A. Gaidar on the relationship between an adult and a child, on the autonomy of these two categories.

Keywords: Arkady Gaidar, "The Blue Cup," children's agency, children's literature, family conflict

Alexander Stepanov. "On Two Great Sinners" by N.A. Nekrasov, "Lovely Girl Lyalyechka" by K. I. Tchukovsky, and "The Three Comrades" by S. V. Mikhalkov: Towards the Reconstruction of the Genetic Connections

The article is based on the comparative analysis of three poetical texts linked by similarity of the form (semi-rhymed dactylic trimeter with dactylic and masculine endings) and some elements of the semantics. Three plots, although belonging to different genre forms (legend, children's urban tale, heroic "Spanish song"), show similar characters from the world of evil, as well as motifs of captivity and torture. Mikhalkov's poem bears "traces" of poetic reminiscences which show its links with texts written by Nekrasov and Tchukovsky.

Keywords: poetics, literary interrelations, poetic reminiscences, N. A. Nekrasov, K. I. Tchukovsky, S. V. Mikhalkov

Andrei Ustinov. “Dangerous Liaisons”: Daniil Kharms in the American Anthology of Soviet Children’s Literature

The essay is dedicated to Daniil Kharms’ participation in the failed Anthology of Soviet Children’s Literature, which was prepared for publication in the USA in 1929. His good friend Lydia Nadejina translated for this anthology two of his “things”: the poem “The Game” and the short story “How the old woman was buying ink.” The article uses the materials from her manuscript collection held by the Library of Congress in Washington (D. C.).

Keywords: Daniil Kharms, a “thing,” Lydia Nadejina, the Case of the Children’s Sector of Gosizdat, Samuil Marshak

Inna Sergienko. From Spring to Willis: Svetlana in Soviet Children’s Literature of the 1950s-1980s

The article uses the material of prose for children and teenagers (mainly in the genre of school novels) to examine the use of the name Svetlana in the Soviet literature of 1950s-1980s. This period is characterized by the active entry of this name into Soviet children’s literature: rather rare in the works of the 1950s, it becomes popular and even trivial in the 1970s and 1980s. The article traces the correlation of the name of the heroines with the main trends in realistic prose for children and teenagers, analyzes the complex of motifs associated with the semantics of the name (“light,” “bright”), characterizes the connection between the “light” connotations in the name, portrait and image of heroines, named Svetlana / Sveta / Svetka, clarifies the cultural reputation of the name during different years of the Soviet era.

Keywords: Soviet children’s literature, name Svetlana, prose for children and teenagers

Olga Bodrova, Irina Razumova. New Year Celebrations at the Polar Academic Center

The article explores the tradition of New Year celebration at the scientific corporation of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences from the time of the Center’s foundation in 1930 and throughout the Soviet period. The research is based on both oral and published memoirs of the staff of the Center. Living and working conditions, the social composition of the community, and the scope of the ritual meanings of the holiday led to combination of social and family aspects in the enactment of this holiday, to the birth of various creative initiatives, and to the formation of Polar New Year traditions.

Keywords: holiday, New Year’s traditions, academic community, Soviet period, Kola Science Center

Mikhail Stroganov. The Snowman: Notes on a Portrait

The article discusses some stages of the formation of ideas about a Snowman in European and, above all, Russian culture; the history of the formation of the Russian word Snowman (*snegovik*); and parafolklore speculations using the image of a Snowman and a Snow Woman (*snezhnaya baba*) as specifically Russian national mythological characters.

Keywords: Snowman, Snow Woman, folk culture, popular culture, folklore actualization

Vadim Lurie. New Year Celebration in Family Photo Archives Using the Example of a Local Region (Luhansk Oblast, Ukraine)

This publication is devoted to the genre of family photography of the Soviet era, in particular to photographs that people took during New Year celebrations. This publication is based on the material of the collection named *The Donbass Family Photo Archive*; the author of this article took part in gathering material for the named collection in Luhansk oblast (Ukraine). Based on the archival material, the main types of photographs of the New Year cycle are identified in the article; the photos exemplifying these types are being published here for the very first time.

Keywords: photography, home archive, New Year, Donbass

Arkady Goldenberg. The Christmastide Chronotope in the System of Gogol's Universals

The article examines the place and role of the Christmastide chronotope as one of the universals of Gogol's poetics. It demonstrates the integrating nature of the Christmastide chronotope in the folk calendar, which presents a synthesis of two cultural and religious traditions — pagan and Christian. While in *The Evenings on a Farm near Dikanka* the Christmastide chronotope plays a plot-forming role, in *Mirgorod* and *Dead Souls* it becomes one of the key myth-generating motives that reveal the ontological problematic of Gogol's work.

Keywords: Gogol, folk calendar, chrononyms, Christmastide, chronotope, universals

Vladislav Krivonos. Leskov's Christmastide Story

The article explores Leskov's Christmastide story "Robbery," the characters of which are marked with the sign of their place. The story's originality is determined by its plot intrigue: instead of featuring the invasion of a foreign world into characters' own, which would be traditional for the plot of a Christmastide story, it's based on a clash of close and similar provincial worlds, those of province ("gubernia") and district ("uezd"). The towns Orel and Yelets in Leskov's story have family traits in a sense that is extremely important for the plot: both of these towns are considered the towns of thieves. This fact explains the characteristic and ambiguous title of the story.

Keywords: Leskov, Christmastide story, robbery situation, Yelets, the inhabitants of Yelets, anthropology of place

Aleksandra Veselova. "Rural Holiday of the Russian Kingdom!" Literary and Theatrical Semik of the Late 18th — First Third of the 19th Century

The article explores the literary works and theatrical performances of the second half of the 18th — the first third of the 19th century, which reflected the folk tradition of celebrating Semik and, in particular, the festivities in Maryina Grove in Moscow. The popularity of these festivities, described in the periodicals on many occasions, led to the creation of the national divertissement *Semik, or a festivity in Maryina Grove* (1815), as well as Nikolai Il'in's play *Semik* (1818) and a later narrative poem by M.N. Makarov *Semik, a Folk Festival in Maryina Grove* (1830). The article traces the gradual transformation of the "pagan" holiday, condemned in the second half of the 18th century as the embodiment of ignorance (for example, in the works of Mikhail Chulkov), into a symbol of genuine folk culture, praised in the literary and theatrical works of various authors with the support of scientific research (for example, Prof. Ivan Snegirev).

Keywords: Semik, Russian calendar holidays, Maryina Grove, festivities, Russian theatre of the second half of the 18th — first third of the 19th century, drama, ballet

Anna Nekrylova. Elena (Notes on the Name)

The article reveals the folk (folklore) perception of the name Elena and the everyday variants of this name (Alyona, Alyonushka, etc.); it shows what qualities and functions Elena is endowed with in different genres of Russian folklore. Among the causes that led to this or that interpretation of the name, the time factor is highlighted — the date of commemoration of St. Helena in the church-folk calendar and the phenomenon of folk etymology.

Keywords: Elena, name variants, genres of Russian folklore, folk calendar, folk etymology

Svetlana Tolstaya. Death and Melancholy in Northern Russian Lamentations

In the funeral lamentations of the Russian North, the anthropomorphization of death is expressed not through its typical appearance, but through its actions, predicates and attributes. Death is represented as an invader, a raider, a kidnapper. It possesses the ability to spread irradiation, causing withering and

destruction of the entire environment. Like death, melancholy and grief of orphaned relatives are considered aggressors and enemies. They affect not only the subject of these states of mind (their body, their clothes, their home), but also the surrounding people and even nature.

Keywords: Russian North, folklore, lamentations, death, burial, melancholy, anthropomorphism

Albert Baiburin. The Ideas about Emptiness and Empty Places in the Folk Tradition

The article examines the plots connected with ideas about emptiness and empty places in the folk tradition. The danger of empty places was connected with the idea that various kinds of evil spirits inhabited them. The invisibility of the inhabitants of an empty place is compensated by their “audibility”. Violation of taboos, including the disturbance of a soundscape considered natural, leads to the formation of anomalous emptiness. Special attention is given in the article to the concept of emptiness in the context of the funeral rites, where emptiness turns out to be a place where a deceased person can appear, and where fear, longing and memory of them go as well.

Keywords: emptiness, log cabin, the deceased, longing, fear, oblivion

Svetlana Adonyeva. Memorials

Based on a number of examples from the author’s own fieldwork recordings, the article postulates that contemporary practices of remembrance reveal opposite strategies in the relationships between the living and the dead, which coexist in the Russian culture. As opposed to the urban tradition, where the dead are left in the past and are held “in memory,” the village tradition is still open toward “parents” as addressees of communication, since they exist not in a different time, but rather in a different place.

Keywords: laments, funeral rituals, structures of memory, communication between the living and the dead, traditions of contemporary Russian village

Natalia Drannikova. “Were There No Collective Farms, There Wouldn’t be Misery”: Ditties about Soviet Power in M. I. Romanov’s Manuscript *Folklore of the Ustyia*

For the first time, the materials of M. I. Romanov’s manuscript *Folklore of the Ustyia (essays). Relics of ancient eras in folklore and everyday life of the Northern village* (formerly — the territory of the Velsky district of the Vologda province) are introduced into scholarly discourse. The purpose of the article is to reveal the specifics of the cultural memory about the period of collectivization at the Ustyia, based on the texts of ditties about the collective farm from the manuscript of the local historian M. I. Romanov. In this article, the ditties are considered an element of certain social procedures. Ditties are agentive by nature, and in the 1920s–1930s they existed in a new social context. A ditty belongs to communicative memory, as it is one of a few genres that involves dialogue. In the ditties included in the manuscript, the collective farm’s everyday life is presented in a negative light. Being a collector and researcher of traditional culture, M. I. Romanov at the same time criticized the worldview of the pre-revolutionary village. Commenting on the collected folklore materials, he unwittingly took the side of the Soviet ideology, which ranked the peasants among the dark and ignorant part of the country’s population in need of education and introduction to the values of the “new life.” The folklore material in the manuscript contradicts the commentary made by M. I. Romanov. The manuscript testifies that the local historian has a good understanding of the folk culture and shows his deep interest in the subject of his research. Romanov’s comments demonstrate the conformism that many Soviet researchers were forced to adopt under the pressure of state ideology, which does not exclude his possible sympathy for the new worldview and the passion for the idea of creating a “new” man.

Keywords: Mikhail Romanov, local historian, Ustyia, manuscript, ditties, collective farm, kulak, specificity, cultural memory

Konstantin Isupov. On Russian Holy Foolery

The article is devoted to the phenomenon of holy foolery (*yurodstvo*), an extreme form of Russian Orthodox asceticism. In terms of behavior, this form corresponds to the patristic tradition of apophatic theology: in both cases, we can see an attempt to affirm positive values through their negation. Holy foolery enacted the experience of death while still alive, and even a devotional intercession — not only for one's own soul, but also for those of one's friends. In various forms of culture, holy foolery could also take on secular forms: provocation, aestheticism in its extreme expressions, eccentricity, buffoonery. In Russia, a holy fool has become a signature phenomenon for the entire national culture.

Keywords: Russian Orthodoxy, holy foolery, asceticism, buffoonery, eccentricity

Maria Pirogovskaya. Calendar-themed Stories and the Sociology of Embarrassment in the Early 20th-century Russia: The Case of Teffi

The years between 1870s and 1920s witnessed a boom of periodicals in the Russian Empire. It resulted from the structural changes of the Russian society (such as the Great Reforms and their aftermath), the growth of literacy, and the expansion of the reading audiences. New groups of readers required new types of printed media and relevant literary genres. The article explores calendar-themed feuilletons by Teffi produced for the national newspaper *Russkoe slovo*, and discusses the “communities of taste,” which transcended class boundaries and emerged in response to the reading of periodicals, as well as the role of literary humor in the process of building of such communities.

Keywords: feuilleton, calendar-themed stories, sociology of humor, Teffi, middle class

Nikita Okhotin. Once More about Svetlana

The article traces the use of the name Svetlana in Russian botanical nomenclature and in alcohol brand naming in the 19th century.

Keywords: Svetlana, Balmont, amaryllis, vodka, alcohol lease

Ilya Utekhin. On Alcoholism (Marginalia)

Alcohol consumption and the way culture views drinking are culturally and historically specific. This determines the potentialities that this topic opens up as a subject of depiction in literature and as a special language. The article mentions the examples of Soviet uncensored literature, where some of these potentialities are realized. In the period of the 1960s — 1970s, both in everyday life and in its reflection in literature, alcohol consumption played an important role. The relationship between the creative method of Venedikt Erofeev and the artistic practice of the Moscow Conceptualists is noted.

Keywords: alcoholism, alcohol, drinking, everyday life, cultural context

Elena Berezovich, Galina Kabakova. “The Wineless Gem”: The Motif of Wine in the Cultural and Linguistic Image of Amethyst

Grounded in the methods of broad ethnolinguistics, the article is devoted to the cultural and linguistic image of an amethyst in various European traditions (Greek, French, Russian, etc.). The authors explore the motif of wine and intoxication presented in this image, which is traced over a long time span: it is reflected in the inner form of the word (Greek ἀμέθυστος), confirmed by motivational parallels in various European languages, imprinted in literary texts of different genres and in different languages, as well as in the works of jewelry and of decorative/applied arts. The identification of various ways in which this mythologem is embodied helps to come to a general conclusion that it is the main characteristic for the image of this gem, as well as to more specific conclusions. Among the latest, there are the motivational reconstruction Rus. (Ural) *wineless gem* ‘amethyst’ (= “the one that helps to avoid drinking wine”), old

Rus. *baus* (*bausa*) ‘the name of transparent stones of blue and light blue colors’ < Bacchus (= “the gem of Bacchus”), cf. French *Pierre de Bacchus*, *Pierre de Denys*, Lat. *Dionysia gemma*.

Keywords: cultural and language image of an object, motif, mythologem, broad ethnolinguistics, semantico-motivational reconstruction, etymology

Ekaterina Belousova. Yakov Dushechkin (1864 — 1920): A Biography

The article presents a biographical sketch of Yakov Dushechkin, a prominent educator and political leader active during late 19th — early 20th centuries. The research is based on the previously unpublished archival documents from a number of state and private archives.

Keywords: Yakov Dushechkin, Saint Petersburg Teachers’ Institute, teachers’ professional development courses, The Literacy Committee, The All-Russian Teacher’s Union, the first teachers’ conventions, pedagogical journals, the history of Russian pedagogy, *zemstvo*, the *narodniki*, the popular socialists, the Russian Revolutions of 1905 and 1917

Ekaterina Belousova. *The Tall Guy* and the Undercover Agents

The article uses the materials of outdoor surveillance from the archival fond of Petrograd Secret Police Department as an important historical source that helps to uncover the details of a major historical event - the formation of the first political and professional teacher’s union in Russia, an organization with significant oppositional potential, during the 1905 revolution. The archival secret police cases containing the materials of external surveillance of several of the main organizers of the first All-Russian Convention of Teachers (June 7–10, 1905), during which the All-Russian Union of Teachers and Public Education Workers was created, the educators Yakov Dushechkin (nicknamed *The Tall Guy* by the agents), Ekaterina Proskuryakova and Vladimir Charnolusky, shed light on the relationship between the Secret Police and its targets: on the one hand, on the practices and strategies of the undercover agents (what kind of issues different ranks had knowledge of, the focus of surveillance, its effectiveness), on the other hand, on those of the opposition members (the methods of struggle, the coordination of actions, the methods of conspiracy, the ways of making organizational decisions). The comparison of the narratives from the reports of the undercover agents with the narratives of the teachers presented in the publications of the Central Bureau of the Teachers’ Union allows us to see the so-called. “friction” in action: the things that happen at the intersection of the visions and actions of two groups with opposing goals and objectives.

Keywords: Yakov Dushechkin, Ekaterina Proskuryakova, Vladimir Charnolusky, St. Petersburg/Petrograd Secret Police Department, The All-Russian Teacher’s Union, the first teachers’ conventions

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агафонова Яна Ярославовна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).
- Адоньева Светлана Борисовна (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель АНО «Пропповский Центр».
- Андрианова Мария Дмитриевна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, младший научный сотрудник ИРЛИ РАН.
- Артёмова Светлана Юрьевна (Тверь, Россия) — доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета.
- Багно Всеволод Евгеньевич (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.
- Байбурин Альберт Кашфуллович (Санкт-Петербург, Россия) — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Белобровцева Ирина Захаровна (Таллинн, Эстония) — доктор филологических наук, профессор-эмеритус по русской литературе Таллиннского университета.
- Белоусов Александр Федорович (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, независимый исследователь.
- Белоусова Екатерина Александровна (Нью-Йорк, США) — доктор философии (PhD), филолог, антрополог.
- Березович Елена Львовна (Екатеринбург, Россия) — доктор филологических наук, чл.-корр. РАН, профессор, зав. каф. русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета.
- Бодрова Ольга Александровна (Апатиты, Мурманская область, Россия) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона — Филиала Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр РАН».
- Васильева Элина Гиршевна (Даугавпилс, Латвия) — доктор филологии (Dr. philol.), профессор кафедры русистики и славистики Даугавпилсского университета.
- Веселова Александра Юрьевна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Востриков Алексей Викторович (Санкт-Петербург, Россия) — хранитель «Библиотеки Бестужевских курсов» Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета.

- Габович Яков Абрамович (1914–1980) — тартуский математик, преподаватель Эстонской сельскохозяйственной академии. Автор и исполнитель шуточных песен.
- Галашева (урожд. Малафеевская) Татьяна Николаевна (Санкт-Петербург, Россия) — младший научный сотрудник, аспирант Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Головин Валентин Вадимович (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, руководитель Центра исследований детской литературы ИРЛИ РАН.
- Гольденберг Аркадий Хаимович (Волгоград, Россия) — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Института русского языка и словесности Волгоградского государственного социально-педагогического университета.
- Гофман Долорес (Hoffmann Dolores, Таллинн, Эстония) — эстонская художница, витражист.
- Грачева Елена Николаевна (Санкт-Петербург, Россия) — преподаватель Санкт-Петербургской классической гимназии (школа № 610).
- Дмитренко Сергей Федорович (Москва, Россия) — кандидат филологических наук, доцент и заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института имени А. М. Горького.
- Доманский Юрий Викторович (Москва, Россия) — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина.
- Доценко Сергей Николаевич (Таллинн, Эстония) — доктор философии (PhD), доцент Гуманитарного института Таллиннского университета.
- Дранныкова Наталья Васильевна (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Елисеева Мария Юрьевна (Санкт-Петербург, Россия) — магистр филологии, независимый исследователь.
- Жаворонок Светлана Ивановна (Санкт-Петербург, Россия) — филолог, независимый исследователь.
- Зибунова Тамара Николаевна (Таллинн, Эстония) — физик, программист, блогер.
- Зубков Кирилл Юрьевич (Москва — Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, доцент НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Исупов Константин Глебович (Санкт-Петербург, Россия) — доктор философских наук, профессор РГПУ им. Герцена.
- Кабаква Галина Ильинична (Париж, Франция) — доктор филологических наук, доцент кафедры славяноведения Университета Сорбонна.
- Кабинетская Татьяна Николаевна (Псков, Россия) — кандидат филологических наук, доцент Псковского государственного университета.
- Калашникова Марина Владимировна (Москва, Россия) — кандидат филологических наук, доцент Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка).
- Калугин Дмитрий Яковлевич (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).
- Киселева Любовь Николаевна (Тарту, Эстония) — доктор философии (PhD), профессор-эмеритус по русской литературе Тартуского университета.
- Китанина Татьяна Александровна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

- Клюшин Павел Вячеславович (Санкт-Петербург, Россия) — студент магистратуры кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- Кобарова (урожд. Олейник) Татьяна Евгеньевна (Таллинн, Эстония) — экономист, таллиннская школьная подруга Е. В. Душечкиной.
- Ковалова Анна Олеговна (Санкт-Петербург, Россия — штат Нью-Йорк, США) — кандидат филологических наук, ассоциированный научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, преподаватель Свободного университета (Москва, Россия).
- Костюхина Марина Сергеевна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- Кошелев Анатолий Вячеславович (Великий Новгород, Россия) — доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Государственного архива Новгородской области.
- Кривонос Владислав Шаевич (Самара, Россия) — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета.
- Кульюс Светлана Константиновна (Мюнхен, Германия) — доктор филологических наук, независимый исследователь. Специалист по истории русской литературы конца XIX — первой половины XX вв.
- Кучерская Майя Александровна (Москва, Россия) — доктор философии (PhD), профессор школы филологических наук НИУ «Высшая школа экономики».
- Лалетина Ольга Сергеевна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.
- Лобакова Ирина Анатольевна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Лойтер Софья Михайловна (Петрозаводск, Россия) — доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь.
- Лотман Михаил Юрьевич (Тарту — Таллинн, Эстония) — доктор философии (PhD), профессор Тартуского университета, профессор-эмеритус Таллиннского университета.
- Лоцилов Игорь Евгеньевич (Новосибирск, Россия) — доктор философии (PhD), ведущий научный сотрудник Сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения РАН.
- Лурье Вадим Феликсович (Санкт-Петербург, Россия) — независимый исследователь, ведущий специалист Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ РАНХиГС).
- Лурье Михаил Лазаревич (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат искусствоведения, доцент факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Лучкина Ольга Александровна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Центра исследований детской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Манина (урожд. Калнин) Лариса Николаевна (Москва, Россия) — физик, инженер, заводская, затем университетская подруга Е. В. Душечкиной.
- Малэк Элиза (Małek Eliza, Лодзь, Польша) — доктор филологических наук, профессор, ординарный профессор (эмеритус) Лодзинского университета.
- Маркасова Елена Валерьевна (Пекин, Китай) — доктор филологических наук, доцент Института русского языка Пекинского университета иностранных языков.
- Маслинская Светлана Геннадьевна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований детской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Меднис Марис Имантович (Санкт-Петербург, Россия — Рига, Латвия) — кандидат филологических наук, независимый исследователь.

- Мейлах Михаил Борисович (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, профессор-эмеритус Страсбургского университета.
- Михед Павел Владимирович (Киев, Украина) — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института литературы им. Т. Г. Шевченко Национальной Академии наук Украины.
- Мотеюнайте Илона Витаутасовна (Псков, Россия) — доктор филологических наук, профессор Псковского государственного университета.
- Неклюдова Екатерина Сергеевна (Гамильтон, Канада) — доктор философии (PhD), преподаватель университета Макмастер.
- Некрылова Анна Федоровна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат искусствоведения, научный сотрудник Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Николаев Николай Иванович (Санкт-Петербург, Россия) — главный библиотекарь Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета.
- Никольская Татьяна Львовна (Санкт-Петербург, Россия) — литературовед, исследовательница русского авангарда, специалист по русско-грузинским культурным связям, независимый исследователь.
- Орлов Сергей Валентинович (Петрозаводск, Россия) — преподаватель кафедры музыкальной педагогики и гуманитарных дисциплин Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова.
- Охотин Никита Глебович (Санкт-Петербург, Россия) — независимый исследователь. Сфера научных интересов: история русской литературы XIX в., история репрессий в СССР.
- Пигин Александр Валерьевич (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
- Пироговская Мария Михайловна (Санкт-Петербург, Россия — Берлин, Германия) — кандидат исторических наук, ассоциированный сотрудник факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, постдокторантка Института истории науки Макса Планка.
- Пономарева Галина Михайловна (Тарту, Эстония) — кандидат филологических наук, независимый исследователь.
- Прокофьев Дмитрий Семенович (1963–2022) — псковский исследователь творчества Игоря Северянина, кандидат филологических наук.
- Равдин Борис Анатольевич (Рига, Латвия) — историк культуры, независимый исследователь.
- Равдина (в замужестве Шаповалова) Юлия (Гуля) Борисовна (Рига, Латвия) — педагог, филолог.
- Равинский Дмитрий Константинович (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки.
- Разумова Ирина Алексеевна (Апатиты, Мурманская область, Россия) — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона — Филиала Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр РАН».
- Раннева Арина Николаевна (Берлин, Германия) — студентка магистерской программы отделения общего и сравнительного литературоведения Свободного университета (Берлин).
- Рождественская Милена Всеволодовна (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.
- Руднева Елизавета Петровна (штат Нью-Йорк, США) — магистр филологии (русская литература).
- Савельева Наталья Вячеславовна (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

- Сажин Дмитрий Валерьевич (Санкт-Петербург, Россия) — историк, преподаватель всемирной истории и философии; автор стихотворных книг.
- Семененко Алексей Светланович (Стокгольм, Швеция) — доктор философии (PhD), доцент института языковых исследований Университета Умео.
- Семененко Светлан Андреевич (1938–2007) — таллиннский поэт, филолог, переводчик эстонской поэзии на русский язык.
- Сенькина Анна Александровна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, независимый исследователь.
- Сергиенко Инна Анатольевна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра исследований детской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Серебряный Сергей Дмитриевич (Москва, Россия) — филолог-востоковед (индолог), доктор философских наук, директор Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета.
- Сидяков Юрий Львович (Рига, Латвия) — доктор филологии (Dr. philol.), ассоциированный профессор Латвийского университета.
- Соколова Лидия Викторовна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Степанов Александр Геннадьевич (Москва — Тверь) — кандидат филологических наук, доцент НИУ «Высшая школа экономики» (Москва), доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета.
- Строганов Михаил Викторович (Москва — Тверь, Россия) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Литературное наследие» ИМЛИ им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).
- Строганова Евгения Нахимовна (Тверь, Россия) — доктор филологических наук, профессор, независимая исследовательница.
- Сухих Игорь Николаевич (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.
- Титова Ольга Ростиславовна (Таллинн, Эстония) — филолог, поэт, журналист.
- Толстая Светлана Михайловна (Москва, Россия) — доктор филологических наук, академик РАН, зав. отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.
- Унт (Котнюх) Татьяна Мирославовна (Таллинн, Эстония) — бывший преподаватель кафедры русской литературы Таллиннского педагогического института.
- Устинов Андрей Борисович (Сан-Франциско, США) — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра открытых исследований (Center for Open Studies).
- Утехин Илья Владимирович (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат исторических наук, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Флоренская Эльза Александровна (Таллинн, Эстония) — кандидат филологических наук, независимый исследователь.
- Флухер Розвита (Flucher Roswitha, Грац, Австрия) — бывший старший преподаватель отделения славистики Грацкого университета.
- Фомичев Сергей Александрович (Санкт-Петербург, Россия) — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- Худошина Элеонора Илларионовна (Новосибирск, Россия) — кандидат филологических наук, независимый исследователь.
- Черноброва Сусанна Яковлевна (Иерусалим, Израиль) — график, живописец, поэт.
- Яковлев Владимир Васильевич (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат исторических наук, директор НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3

РАЗДЕЛ 1

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Милена Рождественская</i> . Неизвестный список «Беседы трех святителей» из Архангельской области	7
<i>Лидия Соколова</i> . Прозаическое «Сказание о Мамаевом побоище» и поэтическая «Задонщина»: история взаимовлияния	16
<i>Александр Пигин</i> . Новгород vs Москва в восприятии русского агиографа XVI в.	25
<i>Наталья Савельева</i> . Послания «грешного Агафоника» и публицистика ревнителей древлего благочестия: к проблеме атрибуции	31
<i>Элиза Малэк (Eliza Malek)</i> . Особая редакция «Сказания о вере христианской и жидовской» ...	44
<i>Ирина Лобакова</i> . Царствование Ивана Грозного в оценке переписчика исторической компиляции первой половины XVIII в.	55

РАЗДЕЛ 2

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XIX ВЕКА

<i>Татьяна Китанина</i> . Пушкин и виселицы: «И я бы мог...»	67
<i>Павел Ключин, Елена Маркасова</i> . По следам Мосье L'Abbé.	75
<i>Элеонора Худошина</i> . «Пиковая дама»: об отсылочном значении формулы «лет шестьдесят назад...»	83
<i>Сергей Фомичев</i> . «Твоя от Твоих!» Сказочники Казак Луганский и Александр Пушкин	91
<i>Павел Михед</i> . Об украиноязычном письме Николая Гоголя в контексте украинско-польского культурного диалога	98
<i>Екатерина Неклюдова</i> . «Записки доктора» Гаррисона: загадка первого медицинского бестселлера XIX века	107
<i>Любовь Киселева</i> . Опасности чувствительности (роман М. Загоскина «Искуситель»)	114
<i>Дмитрий Калугин</i> . Простой сложный человек: искусство характеристики в биографиях середины XIX века.	124
<i>Анатолий Кошелев</i> . «Да, господин Тимофеев — поэт важный...» (Сенковский о Пушкине) ...	133
<i>Кирилл Зубков</i> . Воздвиг ты памятник: парадоксы авторства и субъектная структура стихотворения Н. А. Некрасова «Баюшки-баю»	139
<i>Евгения Строганова</i> . Духовное завещание М. Е. Салтыкова.	146

<i>Майя Кучерская.</i> Анекдот — быль — повесть: к вопросу о литературной эволюции Лескова . . . 154	
<i>Илона Мотейюните.</i> Образы монахинь у Лескова 162	
<i>Елена Грачева, Алексей Востриков.</i> Reservatio mentalis, или И. М. Гревс и И. А. Шляпкин в 1899 году 169	

РАЗДЕЛ 3

XX ВЕК: ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА, КИНО

<i>Николай Николаев.</i> После формализма: Р. О. Якобсон и М. М. Бахтин 179	
<i>Сергей Серебряный.</i> Полина Подляшук: неизвестная переводчица письма Льва Толстого к М. К. Ганди 184	
<i>Арина Раннева.</i> Святочный рассказ в русской кинематографической прессе 1910-х гг. 194	
<i>Анна Ковалова.</i> «Ошибка [сердца]» как элемент эволюции раннего русского кино 201	
<i>Михаил Лотман.</i> Слово, побеждающее смерть: ласточкино слово в мифопоэтике Мандельштама 209	
<i>Светлана Кульюс.</i> Поэма М. Цветаевой «Попытка комнаты»: Бетховен — в кругу неназванных персонажей 233	
<i>Сергей Доценко.</i> Поворот к лубку: об игровой природе миниатюры А. Ремизова «У лисы бал» 240	
<i>Дмитрий Равинский.</i> К вопросу о «трамвайном тексте» русской литературы 246	
<i>Юрий Доманский.</i> Ёлка для ёлки: деконструкция тропа как приём конструирования смысла в «Ёлке у Ивановых» Александра Введенского 255	
<i>Алексей Семененко.</i> «Бранный перевод»: об истории одной карикатуры 262	
<i>Борис Равдин.</i> К вопросу о дверных, коридорных, кухонных и проч. кратких записках (Г. Тупицын — Е. Лейланде) 267	
<i>Игорь Сухих.</i> Передумывая столетие (О прозе Д. Гранина) 285	
<i>Александр Белоусов.</i> О стихотворении Алексея Шадринова «Провинциалу» 292	
<i>Светлана Артемова.</i> «Речка Янцзы» в поэзии конца XX века 299	
<i>Светлана Жаворонок.</i> «Тут она бросилась в воду...», или «Бедная Лиза выползает из пруда...» 307	

РАЗДЕЛ 4

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Марина Костюхина.</i> Три сестры в поисках идеала (не по Чехову) 327	
<i>Ольга Лучкина.</i> Подарок кстати: традиция одаривания детской книгой на праздник Рождества Христово, Новый год и Святую Неделю (по материалам журнала «Звездочка») 335	
<i>Софья Лойтер.</i> Великая игра словом: детская поэзия как особый вид лирики 345	
<i>Андрей Устинов, Игорь Лоцилов.</i> Сказка Даниила Хармса «Во-первых и во-вторых» как субъект и объект 357	
<i>Валентин Головин.</i> «Колыбельная псового охотника» В. Карпова: источники и новации (заметки на полях) 363	
<i>Светлана Маслинская.</i> О «детскости» в «Голубой чашке» А. Гайдара 369	
<i>Александр Степанов.</i> «О двух великих грешниках» Н. А. Некрасова, «Милая девочка Лялечка...» К. И. Чуковского, «Три товарища» С. В. Михалкова: к реконструкции генетических связей 378	
<i>Андрей Устинов.</i> «Опасные связи»: Даниил Хармс в американской антологии советской детской литературы 388	

<i>Инна Сергиенко. От Весны к Виллисе: Светлана в советской детской литературе 1950-х — 1980-х гг.</i>	398

РАЗДЕЛ 5

АНТРОПОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Ольга Бодрова, Ирина Разумова. Новогодние ёлки в заполярном академическом центре.</i>	409
<i>Михаил Строганов. Снеговик. Штрихи к портрету</i>	421
<i>Вадим Лурье. Новый год в семейных фотоархивах на примере локального региона Луганской области (Украина).</i>	430
<i>Аркадий Гольденберг. Святочный хронотоп в системе гоголевских универсалий.</i>	440
<i>Владислав Кривонос. Святочный рассказ Лескова</i>	446
<i>Александра Веселова. «Сельской праздник Царства Руссака!»</i> Литературный и театральный Семик конца XVIII — первой трети XIX вв.	453
<i>Анна Некрылова. Елена (заметки об имени)</i>	465
<i>Светлана Толстая. Смерть и тоска в севернорусских причитаниях.</i>	473
<i>Альберт Байбурун. Представления о пустом / пустоте в народной традиции</i>	483
<i>Светлана Адоньева. Помины.</i>	490
<i>Наталья Дранникова. «Кабы не было б колхозов — не было бы горюшка»:</i> чапушки о советской власти в рукописи М. И. Романова «Фольклор Устьи (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни».	500
<i>Константин Исупов. О русском юродстве</i>	507
<i>Мария Пироговская. О сезонной прозе и социологии неловкости (случай Тэффи).</i>	513
<i>Никита Охотин. Еще раз о Светлане.</i>	526
<i>Илья Утехин. О пьянстве (заметки на полях)</i>	537
<i>Елена Березович, Галина Кабакова. «Невинный камень»:</i> мотив вина в культурно-языковом образе аметиста	545

РАЗДЕЛ 6

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

<i>Екатерина Белоусова. Яков Иванович Душечкин (1864–1920). Биографический очерк</i>	557
<i>Анна Сенькина. Библиография работ Я. И. Душечкина</i>	577
<i>Екатерина Белоусова. Рослый и филёры</i>	585

РАЗДЕЛ 7

О ЕЛЕНЕ ДУШЕЧКИНОЙ

<i>Татьяна Кобарова (Олейник). О Лене Душечкиной</i>	599
<i>Лариса Манина (Калнин). Моменты памяти</i>	602
<i>Долорес Гофман (Dolores Hoffmann). В мастерской</i>	604
<i>Тамара Зибунова. Несколько ночей в одной постели</i>	607
<i>Михаил Мейлах. Тарту, шестидесятые годы.</i>	609
<i>Светлан Семененко. Элегия.</i>	619
<i>Яков Габович. Лети, моя песня, в сосновую Эльву...</i>	620
<i>Сергей Серебряный. Памяти Лены Душечкиной (1 мая 1941 — 21 сентября 2020)</i>	622
<i>Юрий Сидяков. Мои воспоминания о Е. В. Душечкиной</i>	624
<i>Светлана Кульяс. Из воспоминаний о Лене Душечкиной.</i>	627

<i>Ирина Белобровцева</i> . Последняя и прекрасная могиканка	636
<i>Татьяна Унт (Котнюх)</i> . О Е. В. Душечкиной	640
<i>Эльза Флоренская</i> . Воспоминания о Лене Душечкиной	642
<i>Розвита Флухер (Roswitha Flucher)</i> . Воспоминания о Елене	645
<i>Татьяна Никольская</i> . Встречи с Леной	647
<i>Татьяна Кабинетская</i> . Память жива	651
<i>Милена Рождественская</i> . Просто Лена	653
<i>Владимир Яковлев</i> . Елена Владимировна, энциклопедия «Три века Санкт-Петербурга» и не только	657
<i>Сергей Дмитренко</i> . Хранительница Ёлки	662
<i>Всеволод Багно</i> . Улыбка Лены Душечкиной	671
<i>Галина Пономарева</i> . Воспоминания о Е. В. Душечкиной	675
<i>Марис Меднис</i> . Повезло, если рядом такой человек	678
<i>Анна Ковалова</i> . Под защитой Анны Карениной	680
<i>Яна Агафонова</i> . О Елене Владимировне Душечкиной	682
<i>Ольга Лалетина</i> . О призвании учить профессии учить	685
<i>Татьяна Галашева (Малафеевская)</i> . Семинар Е. В. Душечкиной	691
<i>Сергей Орлов</i> . Вспоминая Е. В. Душечкину: Петрозаводск — Санкт-Петербург	695
<i>Дмитрий Прокофьев</i> . Воспоминания о Е. В. Душечкиной	699
<i>Мария Андрианова</i> . Елена Владимировна	706
<i>Мария Елисеева</i> . Диссертация как воплощение мечты	708
<i>Александр Степанов</i> . Елена Владимировна в Твери	710
<i>Элина Васильева</i> . Та самая	712
<i>Валентин Головин, Марина Калашикова, Михаил Лурье, Анна Сенькина</i> . Душечкина и мы, или О бабушкином борще, семейных подстаканниках и теплых червяках	715
<i>Гуля Равдина</i> . Тётя Леночка	726
<i>Елизавета Руднева</i> . Письмо Елене Владимировне	729
<i>Дмитрий Сажин</i> . О Е. В. Душечкиной	734
<i>Ольга Титова</i> . Воспоминания о Е. В. Душечкиной	736
<i>Екатерина Белоусова</i> . Мамины ёлки: Зимние праздники в жизни Е. В. Душечкиной	738
<i>Елена Душечкина</i> . Три шуточные поэмы начала 1990-х гг. (предисловие и публикация Екатерины Белоусовой)	755
Список сокращений	765
Аннотации	766
Abstracts	782
Сведения об авторах	797

После войны дома в Хибинах. Слева направо: сестра Таня, мать Вера Фоменко, Лена Душечкина, бабушка Домника Фоменко. Октябрь 1945. Из архива Веры Фоменко

Лена Душечкина и старшая сестра Таня. Хибиньы, 1947. Из архива Веры Фоменко

*Лена Душечкина (слева) с сестрами, Таней и Иринкой. Ростов-на-Дону, Новый 1951 г.
Из архива Веры Фоменко*

Поездка к ростовским родственникам. Сидят слева направо в первом ряду: Лена Душечкина, двоюродный брат Игорь Фоменко (в будущем литературовед), сестра Таня, во втором ряду: мать Вера Фоменко, бабушка Домника Фоменко, жена дяди Александра Штокгаммер, двоюродная сестра Вера, дядя — писатель Владимир Фоменко. Кагальник, 1948. Из архива Веры Фоменко

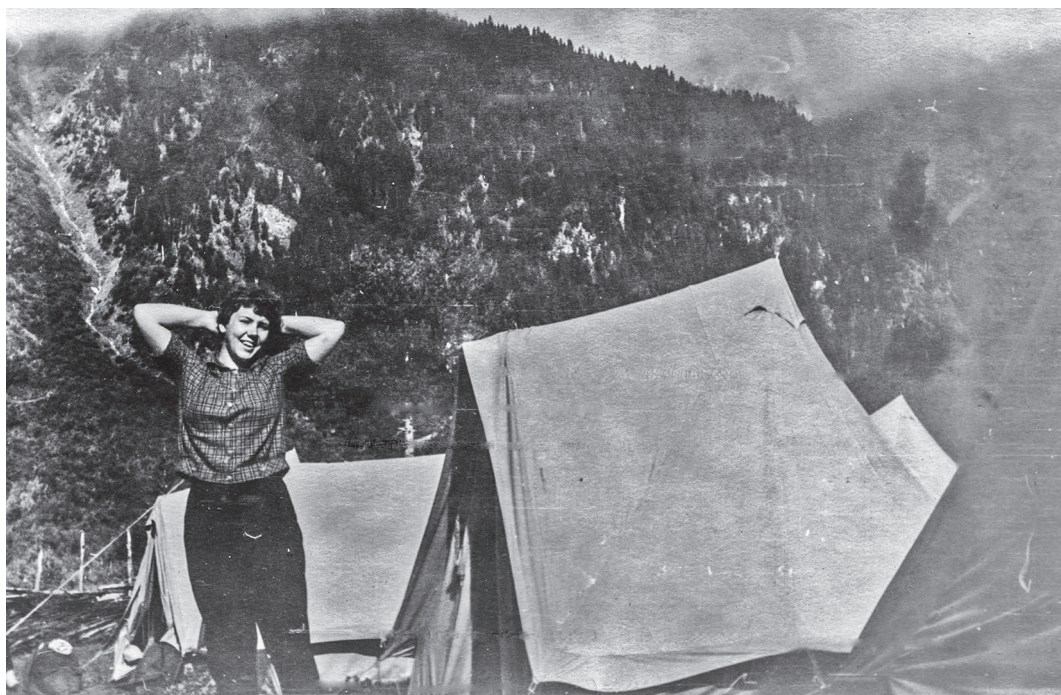
Поездка к ростовским родственникам. В первом ряду: двоюродный брат Игорь Фоменко, мать Вера Фоменко, сестра Ира, двоюродная сестра Вера, отец Владимир Душечкин, стоят во втором ряду: жена дяди Александра Штокгаммер, дядя Владимир Фоменко, Лена Душечкина, сестра Таня. Станица Стеблиевская, 1954. Из архива Веры Фоменко

Год окончания школы. Таллинн, 1958 г. Из архива Е. В. Душечкиной

В Коктебеле с подругой Элеонорой Фридман (слева). 1962 г. Из архива Е. В. Душечкиной

В турпоходе на Эльбрус. Август 1960 г. Из архива Е. В. Душечкиной

*Елене Душечкиной 20 лет. Таллинн, 1961 г.
Из архива Е. В. Душечкиной*

*Елена- Душечкина — студентка Тартуского университета
(год выпуска). 1966 г. Из архива Е. В. Душечкиной*

*На первомайской демонстрации (в день рождения Елены Душечкиной) с дочерью Катей.
Тарту, 1973. Из архива Е. В. Душечкиной*

С мужем А. Ф. Белоусовым и дочерью Катей. Тарту, 1974 г. Из архива Е. В. Душечкиной

*Выступление на празднике в доме Сигаловых с дочерью Катей. Тарту, 1975 г.
Из архива Е. В. Душечкиной*

*Е. В. Душечкина читает «Путешествие Нильса» дочери и племянникам на берегу о. Кийдярв.
Лето 1975. Из архива Е. В. Душечкиной*

Е. В. Душечкина дома в тартуской квартире с детьми Катей и Сереей. 1976. Фото Ю. Л. Сидякова

*Дома в таллиннской квартире с мужем А. Ф. Белоусовым и сыном Сережей.
1981 г. Из архива Е. В. Душечкиной*

Лотманы в гостях у Е. В. Душечкиной. Слева направо: В. Д. Фоменко, Катя Белоусова, Е. В. Душечкина, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц. Таллинн, октябрь 1981. Фото С. К. Кульяс

Заседание кафедры русской литературы Таллиннского пединститута. Слева направо: С. Н. Митюрев, А. Ф. Белоусов, Е. В. Душечкина, И. З. Белобровцева, В. Н. Невердинова, С. Д. Янчик, А. М. Губергриц, Н. З. Невердинов, В. В. Брагин. 1986–1987 уч. год. Из архива Е. В. Душечкиной

*На Тыняновских чтениях. Г. А. Левинтон, Р. Д. Тименчик, Е. В. Душечкина.
Резекне, Латвия, середина 1980-х гг. Из архива Е. В. Душечкиной*

*Третьи Тыняновские чтения. Слева направо: Е. В. Душечкина, М. О. Чудакова, Ю. М. Лотман,
А. П. Чудаков, Маша Чудакова, З. Г. Минц. Резекне, Латвия, май 1986 г. Из архива Е. В. Душечкиной*

Приезд в Таллинн калининских родственников (они же коллеги-литературоведы). Сидят слева направо: Л. П. Фоменко, В. Д. Фоменко, Сережа Белоусов, Е. В. Душечкина. Стоят во втором ряду: А. Ф. Белоусов, Катя Белоусова, И. В. Фоменко. 1983. Из архива Е. В. Душечкиной

Н. Я. Эйдельман и Ю. М. Мадора в гостях у Е. В. Душечкиной в Таллинне. 1988. Из архива Е. В. Душечкиной

На озере в штате Нью-Гэмпшир, США. 2005. Из архива Е. А. Белоусовой

Совместный юбилей Е. В. Душечкиной и А. Ф. Белоусова. Слева направо: П. А. Клубков, А. Ф. Белоусов, Е. В. Душечкина, А. Ю. Веселова, Н. И. Николаев. Смольный институт СПбГУ, 2006. Фото В. Ф. Лурье

*На фоне мемориальной стены с портретами преподавателей кафедры русской литературы СПбГУ.
Ноябрь 2011. Из архива И. Н. Сухих*

На отдыхе в пос. Вызу, Эстония. 2016. Фото Л. П. Лиона. Из архива Е. А. Белоусовой

Научное издание

ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ
Сборник памяти Елены Душечкиной

Корректор *Л. А. Мосионжик*
Оригинал-макет *Л. Е. Глод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 14.11.2022. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 65,1. Тираж 200 экз. Заказ № 2784

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86